

А. НЕФЁДОВ

СЛЁЗЫ ЛИМБА
КНИГА ПЕРВАЯ

Спустя восемь лет долгих поисков возлюбленного Татьяна Хапперт прибывает, следуя по остывшим следам, в небольшой английский городок, где произошло страшное убийство, связанное, по слухам, со спиритической активностью. Женщина уверена, что расследование этого преступления приведет ее к пропавшему много лет назад любимому человеку. Но встреча со сверхъестественным заставляют ее изменить свое представление о жизни и отказаться от собственных убеждений.

В ушах Виктора застыл странный режущий сознание гул. Он был таким громким, что каждая мысль буквально плавилась от его не утихающего пагубного воздействия. В нос проникали различные запахи, острые и неприятные до мурашек, наиболее сильно ощущался горький аромат гари и еще не успевшей осесть после взрыва снаряда пыли.

Шел первый месяц 1917 года. Успело выпасть довольно много снега, но некая сила растопила его, покрыв все вокруг талыми дурно пахнущими водами.

Пытаясь прийти в себя, юноша почувствовал какую-то тяжесть на своем теле, холодную и слегка мокрую. Когда к его телу начала стремительно возвращаться чувствительность, он ощутил пальцами прикосновение земли и расплавленного снега. Начиная шевелить всеми частями тела, Виктору все же удалось освободиться от покрывшей его небольшим слоем почвы, и наконец-то осмотреться, вдыхая неприятный на вкус зимний воздух, в котором ощущался аромат смерти.

Повсюду лежали разорванные на части тела, залившие промерзшую насквозь землю запекшейся кровью, которая была отчетливо видна на успевшем выпасть за ночь снеге. С трудом справляясь с ужасом от увиденного, Виктор попытался подняться на ноги, но те так окоченели, что его тело вновь оказалось в воронке от снаряда, болезненно приземлившись на спину. Ему пришлось сделать несколько попыток, чтобы наконец-то заставить себя устойчиво стоять и больше не падать в глубокую яму, откуда выбраться невероятно трудно.

Над этим тихим бескрайним местом застыла серая дымка, в которой беспорядочно летали невесомые капли, пытавшиеся создать что-то похожее на дождь. Это напоминало слезы тысячи умерших, чьи тела покоились на земле до самого горизонта, погрузившись в вечный спокойный сон. Воздух был значительно холоднее, чем ночью, будто температура случайно перепутала время и остановилась не на той отметке. Но это уже было не важно. Все потеряло смысл.

В мирное время его знали обычным работающим юношей. В тот период, когда снаряды не разрывали его уши своим смертельным свистом, он часто пропадал в своей обувной мастерской, где за час мог из полуразвалившихся сапог создать новорожденную сверкающую в лучах солнца обувь. Из окна мастерской он каждое утро видел комнату Татьяны, девушки, живущей в доме напротив. Она бывала в его мастерской лишь однажды, но ему хватило лишь взгляда на нее, чтобы влюбиться в эту девушку до безумия, но какое-то неприятное ощущение, разносившееся по всему телу, не позволяло ему заговорить с ней вновь, выразить свои чувства. Ему оставалось только наблюдать за Татьяной каждое утро, смотреть, как она расчесывает длинные рыжие волосы, любуется на себя в зеркале, надевает обтягивающее белое платье, подчеркивающее все достоинства стройной фигуры. Даже издалека Виктор чувствовал ее дыхание, тепло тела, представлял, как трогает своими огрубевшими пальцами ее нежную ключицу, опускаясь все ниже и ниже...

В следующем месяце ему должно исполниться двадцать, но, к сожалению, до этого дня ему не суждено дожить, что очень огорчало юношу. Но его пугал другой факт: он с ужасом понимал, что больше не сможет увидеть Татьяну, ту девушку, окно которой находилось напротив его неприметной обувной мастерской. Ее образ настолько сильно проник в голову, что Виктор больше не мог ни о чем думать, только о ней.

Он шел на войну и был готов сделать все для страны, но не смог... Сейчас заслуги

зачеркнуты, его ждет расстрел и улыбающаяся ехидной улыбкой смерть. Юноше всегда было интересно, как именно он умрет, но ни одна мысль не совпала с настоящим. Виктора, как и всех остальных, осудили за самострел. Он помнил, что не стрелял в себя, знал это точно. Поддавшись под влияние выпивших друзей, он совершил непростительную глупость, и теперь не мог осознать, что же случилось с ним на самом деле.

Этой ночью его и остальных осужденных, кто провинился так же, как и он, выбросили по приказу командования за колючую проволоку, где им пришлось оказаться под открытым огнем со стороны противника. Юноша не знал, что случилось с остальными, он помнил лишь громкий шум и выстрел, больше ничего.

Виктор стал пленником тишины. Она была мертвой, и он чувствовал ее ужасный облик каждой клеточкой тела. Страх, разрывающий сознание, был готов с криком вырваться наружу, но Виктор тщательно сдерживал его пыл, не давая тому даже шелохнуться.

Над ним зависло блеклое и пустынное небо. Зима постепенно начала возвращаться, и дождь медленно переходил в мокрый снег, неприятно щекочущий онемевшую кожу на изнеможенном лице. Всё стремительно покрывалось белым покрывалом, скрывая следы крови, раны некогда цветущей земли и мертвые бесчисленные тела, лежавшие рядом с брошенным оружием и ящиками с боеприпасами.

Виктор уже плохо помнил своих родителей. Родился он в семье русских эмигрантов, которые еще в конце девяностых годов перебрались в Англию, надеясь найти там лучшую жизнь. Они чувствовали, что в их стране скоро все изменится, и боялись застать эти перемены. О своей родине и об их жизни там его мать ни разу не рассказывала, видимо, те события действительно оставили глубокую рану в ее сердце. Отец умер еще задолго до начала войны, а мать покинула этот мир пару лет назад, оставив сына совершенно одинокого в суровом мире. От родителей у него не осталось ничего, лишь одна единственная выцветшая фотография, которую он хранил в серебряном кулоне, висевшем на груди.

Он был красив, как ангел, и нравился многим женщинам. Природа наградила Виктора тонкой талией, крепкими мускулами и загадочными глазами, в которых было практически невозможно угадать какие-либо мысли — они выражали лишь безразличие и пугающее спокойствие. На его щеках красовались две ямочки, а его очерченный русский нос подчеркивал мужественное приятное лицо.

Стальной цветок, такую кличку ему дали товарищи за его некогда непоколебимый характер и отвагу, пробыл на фронте два года и успел убить уже больше тридцати солдат противника, не моргнув даже глазом, но последнее убийство заставило его опустить оружие. Он больше не мог воевать; его стальное спокойствие покачнулось, когда под его прицел попал семнадцатилетний мальчик, дрожащими руками наводящий на Виктора неподъемное для него ружье. Стальной цветок совершил выстрел и попал пареньку прямо в голову, после чего почувствовал горькую желчь во рту, отравляющую его рассудок.

Сейчас эти события из прошлого напоминали туман, в котором все медленно растворялось, словно в едкой кислоте. Теперь он думает лишь о том, чтобы уснуть мертвым сном, и верит, что это случится с минуты на минуту.

Несмотря на свое громкое прозвище, он боялся смерти, боялся ветра, который каждый день с резкой болью резал уши, предвещая возможную газовую атаку со стороны врага, боялся ракет, разрывающих сознание своим хлопком среди ночи. Боялся даже самого себя, своего импульсивного страха, который так отчаянно пытался контролировать, заставляя всех поверить в его несуществующее бесстрашие; боялся своего ружья, мины, способной отнять

жизнь у целого отделения, боялся затопленных водой траншей, земли, где его похоронят. Но этот страх он прятал внутри себя, не выпуская наружу.

Где-то позади раздались едва уловимые крики солдат, которые явно направлялись в эту сторону. Виктор быстро осознал, что ему нельзя попадаться кому-то на глаза, никто не должен знать, что ему удалось выжить. Среди руин он быстро отыскал засыпанный землей подвал бывшего дома и, недолго думая, нырнул в его непроглядную тьму, вновь оказавшись во мгле, ощущая запах смерти более отчетливо. Чтобы не ослепнуть от отсутствия света, Виктор решил оставить небольшую щель, подперев дверцу, ведущую в подвал, небольшим камешком. Затем, спустившись по хлипкой деревянной лестнице вниз, затаился в темном углу, с застывшим сердцем прислушиваясь к звукам наверху. Сейчас он не мог ни о чем думать, в его голове было совершенно пусто. Виктор не ощущал себя живым, ему казалось, что его жизнь растворилась еще в той ночи, а сейчас он просто существует, ожидая неизвестно чего.

Его больше не волновало, что будет дальше, он просто ждал, когда смерть доберется и до него, наконец-то лишив возможности жить в этом разрушенном мире.

Прислонившись к ледяной стене, он закрыл глаза и стал ждать свою гибель. Виктор надеялся, что смерть найдет его быстро и не заставит долго мучиться, но та, будто назло, не замечала юношу, старалась обходить стороной.

Когда голоса наверху стихли, то рядом с Виктором появился новый источник звука, слабый, хриплый, но по-настоящему живой. Быстро поднявшись на ноги, Виктор устремил свой взгляд во тьму, различая затаившийся под лестницей мужской силуэт.

— Кто здесь? — Виктор нащупал рядом с собой старую ржавую лопату и крепко сжал ее в своих оковеневших от холода руках.

— Bitte helfen (пер. "Пожалуйста, помогите), — послышался слабый голос.

Услышав немецкую речь, Виктор еще сильнее сжал лопату и поднял ее над собой, готовясь в любой момент совершить смертельный удар. Это был немец, его враг, он не должен оставлять его в живых. Даже после своего изгнания он не вправе забывать о своем военном долге.

Свет начинал все сильнее проникать сквозь полузакрытую дверь на потолке подвала, осветив силуэт сжавшегося в углу немецкого солдата, который был ровесником Виктора. А рядом с немцем лежали еще два солдата, одетые во французскую военную форму, но уже мертвые. Виктор почувствовал в себе незнакомую до сего дня ненависть, он впервые так захотел убить своего врага, и уже ничто не могло остановить его от этого ужасного действия. Перед глазами мелькали убитые товарищи, которых хладнокровно застрелили прямо на его глазах, и вся эта ненависть к врагу желала вылиться на этого сжавшегося в углу раненого солдата.

Он поднял лопату над собой, готовясь совершить смертельный удар, но что-то его резко остановило, когда тот увидел на щеках своего врага застывшие слезы. Ему показалось, что он видит себя со стороны, будто лежит там, под лестницей и смиренно ожидает казни от совершенно незнакомого ему человека. Издав стон, Виктор отбросил лопату в сторону и обессиленно сел на первую ступеньку лестницы, закрыв лицо ладонями. В голову не лезла ни единая мысль, он не представлял, что ему делать дальше. Он мертв, но Господь, словно в наказание за его убийства на поле боя, не дал ему умереть, оставил здесь, среди мертвых, заставил мучиться, переживать весь ужас заново.

— Hast du Hunger? (пер. "Ты голоден?") — позади него вновь послышался слабый голос

немца.

Виктор через силу обернулся и увидел, что тот дрожащей окровавленной рукой протягивает ему половинку плитки горького шоколада, завернутую в блестящую фольгу.

Подобные действия немецкого солдата лишили Виктора дара речи. Он не мог понять, почему его враг внезапно начал заботиться о нем и предлагать свою последнюю еду.

Почему теперь он ощущает себя плохим и жестоким? Почему теперь так ненавидит себя за то, что посмел поднять на этого беззащитного человека лопату?

— Ich habe töten diese Leute nicht (пер. "Я не убивал этих людей"), — прошептал немец и обессиленно закрыл глаза, вцепившись пальцами в свою кровоточившую рану на ноге, будто это поможет унять невыносимую боль. Виктор знал, что этот парень уже ничего не чувствует, так как холод помогает облегчить боль, а немец наверняка просидел здесь всю ночь. Если ему сейчас не оказать помощь, он умрет к вечеру.

Виктор приблизился к нему и осмотрел рану. К счастью, пуля прошла навылет и не задела артерию, поэтому в данный момент угрозы жизни нет. Но необходимо отвести этого парня в госпиталь, пока инфекция не съела его ногу. И тут же возникла большая проблема. Он — осужденный и не мог просто так взять и привести солдата вражеской стороны в госпиталь без ужасных последствий. Их сразу же ждет расстрел.

— Ты говоришь по-английски? — в надежде посмотрел на немецкого солдата тот.

— Немного, — с сильным акцентом прошептал немец, с трудом выговаривая каждую букву. Было видно, что холод стремительно отнимает у него жизнь. — Но я понимаю, что ты говоришь.

— Отлично. Извини, что пытался тебя убить.

— Ich bin nicht sauer auf dich (пер. "Я не сержусь на тебя"). Ты поступил правильно.

Виктор снял с убитого солдата сорочку и с трудом разорвал ее на части, чтобы получившимися лоскутками затянуть рану немецкого солдата. Он не понимал, почему помогает своему врагу, но что-то внутри говорило о правильности его поступка.

После Виктор снял с убитых солдат личные бляхи и, долго думая, присвоил их себе, одев на них свою и немецкого солдата. Он понимал, что совершает страшное преступление, но другого выхода выбраться отсюда живым у него просто не было. Это единственный шанс... Единственный.

— Теперь тебя зовут Эрван Джефф, ты понял меня? — Виктор схватил немецкого солдата за ворот и притянул к себе, внимательно посмотрев на него.

— Да, — с легким испугом произнес тот, дрожащей рукой коснувшись чужой личной бляхи.

— Что ж, меня ты теперь называй Джорджем. И никто не должен знать о том, что мы обменялись с убитыми бляхами. Иначе нас ждет ужасная участь.

У убитых солдат Джордж также позаимствовал ружье, в котором осталось несколько патронов, затем взвалил обессиленное тело немца к себе на плечо и, с трудом передвигая ноги, начал подниматься вверх, стараясь думать только об удаче.

Эрван тихо хрипел у него за спиной, издавая короткие стоны от боли в ноге, но больше не промолвил ни слова. Джордж ощущал исходящий от немца жар, тот явно уже был не в сознании.

— Не переживай, мы выберемся отсюда. Если я не смог спасти своих товарищей, то спасу тебя. Должен же я хотя бы что-то хорошее сделать после своей смерти, — издал искусственную усмешку Джордж и вышел из подвала, с трудом удерживая на своем плече

тело своего врага, который теперь почему-то стал ему невероятно родным, словно они были кровными братьями, и Джордж чувствовал перед ним ответственность.

Над ними навис холодный шар, называемый солнцем, освещающий бескрайние мертвые просторы, а впереди виднелся слабый дым, говорящий о том, что где-то там они смогут найти помощь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Глава первая. Шорох

Он открыл глаза и начал понимать, что кричит с надрывом и отчаянием, из самых последних сил. Голос охрип и стал напоминать свист мчащегося поезда, который невозможно остановить. Молодой человек кашлял, харкал разбавленной слюной кровью. Руки онемели от осеннего холода, он перестал их чувствовать, не мог пошевелить даже пальцем, почувствовать то, что окружало его вокруг. В глазах помутилось, в сознании царил густой туман, приглушивший все чувства, кроме ледяного ужаса, обитавшего даже в грамме кислорода этого места. Он понимал, что плачет, продолжает срывать голос надсадным криком, ощущая этим самым отголоски ускользавшего прямо из-под ног прошлого, от которого остались только размытые образы, звуки... Чей-то женский голос, звавший его, умолявший остаться сквозь горькие слезы.

Затем следует жгучая боль в груди, неведомая сила разрывала легкие на части, что-то острое пронзало тело, кромсало мышечные ткани, устремившись вглубь, прямо к сердцу, бьющемуся медленно, но так громко, что его стук заглушал любые звуки, существовавшие вокруг.

Он услышал свое имя:

— Эрван!.. Нет!.. Убегай! Убегай! Ты должен двигаться!

После наступила тишина, такая мертвая и глубокая, что даже стук сердца растворился в ее бездонных глубинах.

Неизвестно, как долго ему пришлось пролежать на этой холодной сухой земле, в луже собственной запекшейся крови. Эрван лежал, вслушиваясь в прекрасную мелодичную тишину, собственное слабое дыхание, отдаленное сердцебиение, доносившееся откуда-то издалека. Он наслаждался невидимым мертвым окружением, детали которого он чувствовал так четко, так ясно, словно знал наизусть каждый сантиметр этого места. В носу путешествовал аромат леса, такой живой и манящий, что это невольно заставило юношу распахнуть опухшие серо-голубые глаза с полопавшимися сосудами и полным отсутствием энергии во взгляде. Он впервые за все это неизмеримое время своего пребывания здесь почувствовал привкус солоноватой крови, разбавленный горечью. Но даже это не помогло ему вернуть хотя бы мельчайшие воспоминания: они исчезли, растаяли среди бескрайней тишины. Далекие образы из прошлого уходили куда-то вдаль, растворялись будто бы от того, что их нарочно облили концентрированной кислотой.

Эрван осторожно сел, ощутил неизмеримую слабость во всем теле, необъяснимую, но такую приятную ломку, будто некая сила ласкала его изнутри, подбиралась к легким и сердцу всё ближе, надеясь обнаружить там некий лакомый кусочек. Затем молодой человек оглядел себя и, с легким испугом, обнаружил некоторые детали.

Вся одежда покрывалась высохшими пятнами крови и была потрепана, будто бы Эрван совсем недавно катился вниз с отвесного склона и долгое время не мог остановиться — об этом свидетельствовали многочисленные ссадины на руках. Но это уже не могло беспокоить молодого человека — в душе воцарилось непривычное умиротворение. Он осторожно и как-то неуклюже поднялся на одеревеневших ногах, вдохнул воздух, пахнувший лесом и дождем. Деревьев и мягкой травы не было видно, но тело чувствовало каким-то непонятным образом их дыхание, шелест, легкую влагу от утренней росы. Эти ощущения были такими яркими, что юноша стоял неподвижно и наслаждался всем этим очень-очень долго, боясь прервать

прекрасный, непередаваемый момент. Ему так не хотелось покинуть это пустынное место, но оставаться здесь больше не представлялось возможным. Та сила, что привела его сюда, успокаивала и ласково шептала, что все будет хорошо и что все плохое позади, после потянула за собой, вглубь этого бездонного, вечного тумана...

— Ты в безопасности, Эрван. Ты не одинок, — шептала невидимая сила женским звучным голосом, так нежно и так тихо, будто каждое ее слово было жарким поцелуем, полным страсти и желания.

И он следовал за ней, верил каждому слову. Снова всё вокруг замерло, исчез ход времени, вновь вернулась мертвая пустота, без звуков и запахов; больше не существовало ничего, кроме тишины, разрывавшей барабанные перепонки.

Прошло немного времени и Эрвану вновь удалось открыть глаза, почувствовать вокруг нечто отличное от бездонной пустоты. В нос и рот ворвалась ледяная жидкость и стремительно начала заполнять ослабевшее тело, остановить этот процесс было не под силу молодому человеку. Но невидимая сила вновь пришла на помощь: ее нежные невидимые руки бережно подхватили тело парня и с легкостью вытащили из воды, вновь оставив того наедине с самим собой в этом холодном, отчужденном мире.

Эрван из последних сил закашлял, надеясь хотя бы немного опустошить легкие от обилия мутной жидкости. После ему удалось открыть покрасневшие глаза, чтобы понять, что вокруг находилось нечто по-настоящему материальное и существующее. Больше нет пустоты, мертвой и лишенной каких-либо звуков. Этот мир переполняли детали, отчего в первые секунды сознание буквально взрывалось, так как оно еще не успело привыкнуть к столь резким переменам.

Парень сидел в полупустой ванне: большая часть воды выплеснулась и покрыла пол небольшого помещения. Оставшаяся в емкости ванны жидкость была невероятно красной от обилия в ней крови, что привело молодого человека в истерический ужас. На него с жадностью набросился холод, пошатнув и без того зыбкое душевное равновесие. Дрожа, как осиновый лист на сильном ветру, Эрван со стонами и плачем начал быстро и неуклюже смывать с себя остатки вещества, некогда циркулировавшего в живом организме. Этот процесс вызывал страшное отвращение, легкую тошноту, но парень, по непонятным ему самому причинам, терпел все эти ощущения, словно до сих пор окружал себя уже несуществующим туманом, где нет ничего, кроме бездонной тишины.

Он с чрезмерной осторожностью вылез из ледяной воды, после чего поскользнулся от бессилия и упал плашмя на сырой пол, блестящий в лучах рыжего осеннего солнца. Пытаясь подняться на ноги, он еще несколько раз оказывался на полу, понимая, что с каждым падением сил и терпения становилось всё меньше и меньше, еще немного, и очередное падение могло бы стать роковым. Но, к счастью, тело сумело обрести равновесие, ноги теперь надежно стояли на ледяном полу, на котором была разлита вода, уровень которой доставал практически до щиколоток, что было не очень приятно — кровь быстро отлила от пяток и сделала их практически неосязаемыми.

После Эрван внимательно изучил глазами пространство вокруг себя. Его со всех сторон окружал красочный хаос: давно забытая Богом комната, некогда являвшаяся уборной безымянного аристократа, но в данный момент былая роскошь осталась в далеком прошлом и перешла в образ плачевных руин. Всё было разграблено, разбито: стены, пол, предметы сантехники и мебели покрыты ржавчиной и плесенью, грязью и остатками человеческой

крови. В лучах солнца вся эта живописная обстановка выглядела гораздо неприятнее и пугающе.

Позади себя юноша краем глаза заметил частично разбитое зеркало, покрытое толстым слоем пыли, но, так или иначе, в нем все еще можно было увидеть собственное отражение. Эрван осторожно, чтобы не поскользнуться вновь, приблизился к этому предмету декора и увидел в нем до смерти напуганного человека в рваной военной одежде. Его бледная кожа была всё еще грязной от крови, следов земли, за всем этим безобразием проглядывалась ее безжизненность. Эрван успел заметить свое крепкое телосложение и довольно симпатичное лицо, темные короткие волосы были спутаны, и капавшая с них вода щекотала кончик носа, отчего молодой человек вечно морщился, с любопытством наблюдая за сменявшимися эмоциями. Только спустя минуту стало понятно, что собственное отражение ему не знакомо, он видит самого себя впервые, и его отражение вряд ли радовалось — оно смотрело на него с каким-то испугом и явным отчуждением.

Солнце начинало медленно садиться, скрываясь за невидимым горизонтом. Эрван только сейчас успел отметить, что за окном гулял так полюбившийся ему густой туман, окрашенный в красновато-рыжий оттенок небесного светила, отчего создавалось ощущение, будто весь мир объят огромным пламенем, которое невозможно погасить.

С закатом стало заметно холоднее, что очень быстро почувствовал Эрван, обхватив широкие плечи онемевшими руками и попытавшись отыскать в своей мокрой одежде хотя бы маленькую частицу тепла. Постукивая зубами, юноша стал обдумывать, как ему согреться, ведь находиться на холоде не было ни желания, ни сил.

Искать решение долго не пришлось. Глаза быстро отыскали во всем этом беспорядке одинокую деревянную дверь, молодой человек быстро открыл ее и с надеждой вошел в темноту.

Когда глаза привыкли к полумраку, Эрван с долей радости и облегчения понял, что оказался в длинном коридоре с бесчисленным количеством закрытых дверей, таивших секреты и провоцировавших на то, чтобы кто-нибудь подобрал к ним заветный ключ. Практически на ощупь, пытаясь привыкнуть к этой пугающей темноте, молодой человек шёл вперед, нажимая на ручку каждой попавшейся на пути двери, но открытая дверь попала только спустя какое-то время — остальные же были наглухо заперты, словно хозяева этих комнат не желали делиться с незваными гостями своими тайнами.

Эрван вошел в просторную комнату, которая, как оказалось, являлась чей-то спальней. Всё здесь было ухоженным и прибранным, но из-за отсутствия света, трудно было уловить глазами все детали. Единственное, что было столь различимым — кровать, расположенная около окна, задернутого плотными шторами. Было даже странно, что здесь нет ни пылинки, будто кто-то любезно решил прибрать эту комнату специально для Эрвана, зная, что тот войдет сюда этим поздним вечером. Но молодой человек не был в состоянии размышлять над этим. Ему было так холодно, что он практически сразу же стянул с себя всю мокрую одежду и с облегчением зарылся под теплое одеяло, наконец-то ощутив легкое спокойствие и некую гармонию. Тело обожгло тепло, и по нему начала быстро расползаться кровь, оживляя своим движением каждую клеточку тела, которая до этого пребывала в практически мертвом состоянии.

Когда Эрван немного согрелся, в голову вновь вернулись мысли о причине всего происходящего. Но чем больше он думал об этом, тем больше убеждался в том, что все размышления не имеют смысла и каких-либо ответов. Всё казалось сплошной иллюзией,

чьей-то больной фантазией, которая в скором времени должна вновь раствориться в тумане. Эрван лишь наслаждался теплом и ждал того момента, когда всё вокруг снова станет чем-то объяснимым и узнаваемым.

— Что же со мной произошло? Что это за место? — Впервые спросил самого себя парень, еще сильнее прижав к себе край одеяла, будто то собиралось ускользнуть от него. — Почему вся моя боль и страх исчезли? Почему? Неужели я мертв? — От этих мыслей ему стало не по себе, и он устало закрыл глаза, надеясь открыть их в следующий раз и увидеть реальный живой мир, который остался где-то в глубине тумана.

Но объяснимый мир так и не вернулся, а лишь продолжал растворяться в едком кислотном тумане, унося Эрвана всё дальше и дальше в мир необъяснимой тьмы, наполненной ужасающими деталями и явлениями.

Вскоре спокойная, умиротворявшая тишина этого места начала покидать просторную комнату, впуская сюда совершенно неизвестные ранее звуки. Где-то наверху раздался звук молотка, с каждым ударом набиравший уровень шума, будто тот, кто руководил этим инструментом, приближался к комнате Эрвана, желая проникнуть сюда. Звук был столь громким и объемным, что тонкие стены этого помещения начали невольно вибрировать, с трудом терпя наносимые невидимым молотком удары. Вскоре появился еще один, но менее громкий, скорее, аккуратный и скромный, но такой же не утихавший и ритмичный, как и его старший брат. Чем дольше они продолжали свое звучание, тем больше их становилось. Через некоторое время их источник принялся раздаваться со всех сторон, врываясь в уши Эрвана с дикой и невыносимой болью, заставившей бедного юношу сжать голову руками и зарыться под одеяло, чтобы снизить этот пугающий до потери пульса шум.

— Он умирает, — среди этого шума послышался нежный женский голос, который через мгновение плавно перешел в смех, разрастаясь по всему дому с небывалой быстротой, разрушая сознание молодого человека своим сахарным произношением каждого слова. — Он слышит нас... Он слышит нас..

Эрван понял, что окончательно лишился возможности подсчитывать количество прошедших дней, даже часов, минут. В этом странном безлюдном месте все замерло, оказалось в некоем вакууме, где даже движение ветра кажется каким-то ленивым и несущественным. Каждый новый день начинался с одной и той же ноты, события будто отматывались назад, заставляя Эрвана переживать их снова и снова. Но молодой человек к этому уже более-менее привык и перестал замечать эти необъяснимые странности, воспринимая их как что-то обыденное.

Поначалу он надеялся понять, каким образом оказался здесь, что послужило этому причиной. Но чем дальше он об этом размышлял, тем сильнее приходилось воспринимать этот мир таким, каким он есть.

Каждая ночь начиналась со странных звуков, которые принадлежали невидимым существам, занимающимся какими-то бытовыми делами: они порой громко ходили, поребячьи бегали, что-то пытались сколотить или внезапно начинали переставлять мебель на верхних этажах. Эрван поначалу боялся всего этого до смерти, но постепенно посмелел и даже поднимался на верхние этажи, надеясь увидеть тех, кто создает этот шум, но едва он это делал, как неспящие жильцы этого дома исчезали, и вновь наступала тишина. Поэтому Эрван старался им не мешать, жить с ними по соседству, ведь те не причиняли ему никакого вреда и не давали скучать по ночам, которые были очень длинными и утомительными. И

юноша даже перестал их бояться, так как считал, что те боятся его куда больше, отчего становилось даже спокойнее на душе.

Через пару дней Эрван облазил весь особняк, засунув свою голову в каждую щель и в каждый угол, надеясь отыскать там то, что поможет ему хотя бы немного понять происходящее, но ничего, кроме пыли, там не было обнаружено. Судя по обстановке каждой комнаты, здесь когда-то давно жила состоятельная семья блестящего врача, о чем говорили медицинские папки, бумаги, странное оборудование и различные лекарства. Все это добро страшно сильно отсырело и пришло в полную негодность, но сохраняло свою некую величественность и непонятную очаровательность, ведь им когда-то позволялось участвовать в спасении людских жизней, чем те сильно гордятся.

Эрван перестал чувствовать голод, это чувство навсегда покинуло его тело, что было самым приятным из всего, что произошло с ним за последнее время. Лишь тело нуждалось в принятии ванны, хотя мытье в холодной воде не доставляло никакого удовольствия, но эта блестящая в лучах солнца комната, отделанная белым кафелем, стала для молодого человека родной, ведь именно с нее началось его странное знакомство с этим домом. В здании не было неприятных запахов, лишь легкий мятный аромат, соседствующий рядом со скрипом половиц и дрожью старых уставших стен. Большинство комнат находилось в весьма плачевном состоянии: упавшие деревянные колонны, оплетенные завядшим плющом, под обломками которых погребены куски сгнившей мебели, в которых прослеживаются очертания мягких диванов, платяных шкафов и источников света; окна в большинстве случаев были разбиты, а их осколки разбросаны повсюду, норовя пронзить пятку какому-нибудь зеваке, стены усеяли сеточки трещин, обхватывающие с каждым днем все больше и больше пространства, нарушая целостность всего здания, начиная свой путь на дощатых полах и заканчивая на необъятных сводах.

Здесь также обитало приличное количество различных домашних насекомых, которые нашли себе уютное жилище в посуде и пробирках из-под лекарств. Они были вполне довольны жизнью и своим умиротворенным движением подбадривали Эрвана и помогали тому не думать о плохом. Юношу в последнее время все чаще стали посещать суицидальные мысли, от которых было сложно избавиться. Ему было интересно, что станет с ним, если он умрет здесь, куда его занесет после этого? Но пока Эрвану не хотелось выяснять это, а было лишь желание как можно ближе познакомиться с окружающим его миром.

Особняк со всех сторон был оцеплен густым туманом. Эрван совершал попытки выйти за пределы этой территории, но едва он сталкивался лицом к лицу с этой белой пустотой, где все звуки растворялись, словно в едкой кислоте, как сразу же возвращался назад, так как понимал, что внутри этого тумана нет ничего, кроме безжизненности и полной тишины. Он начал осознавать, что скорее всего действительно умер, ведь иного объяснения всему этому не существовало, но этот факт ничуть не расстраивал, на душе была странная умиротворенность, полное безмолвие и затишье. У него отныне нет ничего, что могло связывать с прошлым. Только странное и режущее слух имя... Эрван...

Изо дня в день молодой человек собирал в своей комнате, раскладывая на кровати, интересные вещи, найденные в самых темных уголках этого заброшенного особняка. Он их внимательно изучал, исследовал каждую деталь и особенность, удивляясь их необычности, как ребенок. Этот процесс был весьма интересным и стал для него своеобразным смыслом этой странной жизни. Теперь он начал думать о том, что даже если бы он и застрелился, то снова бы оказался здесь, но только все пришлось бы начинать сначала, вновь привыкать к

особенностям этого загадочного пустого дома, где по ночам просыпались невидимые жильцы и начинали свою шумную деятельность.

Дни становились короче, а ночи — холоднее. Наверное, приближалась зимняя пора, которую так боялся Эрван, так как согреться ночью было все сложнее и сложнее, ведь даже заделывание окон досками и прочим теплым мусором не давали ощутимого результата. Поэтому Эрван старался теперь спать внизу, в гостиной, около жаркого камина, помогающего хотя бы немного согреться и не стать ледяной скульптурой во сне. Теперь каждую ночь он находился только там, вжавшись в мягком кресле, укрывшись одеялом, и слушал ночные звуки невидимых жильцов, которые с упорством занимались своими любопытными делами. Чтобы не сойти с ума от всего этого звучания дома, молодой человек начал петь для самого себя, петь обо всем, что его окружало, что ему удалось увидеть за последние дни. От этого становилось спокойнее, и не было чувства одиночества: собственный голос стал для него лучшим другом, рядом с которым не было так страшно в эти холодные ночи. Это пение неким образом согревало его, разносило горячую кровь по всему телу, заставляло юношу ощущать себя живым и по-настоящему горячим, на время забывая об особенности этого загадочного места. Языки пламени будто подстраивались под слова его песен, кружились в веселом завораживающем танце, и это зрелище оказалось настолько красивым и манящим, что Эрван мог часами любоваться этим, не замечая, как невольно погружался в глубокий мирный сон без сновидений.

Зима приближалась быстрее, чем планировала ранее. По ночам часто шел снег, покрывая своим белым покрывалом землю, усыпанную выгоревшими на солнце опавшими листьями, но быстро чернел, достигая земли. Никакой красоты во всем этом зимнем пришествии не было. Отсутствие ярких цветов и обилие серых тонов наводили печальные мысли и заставляли мечтать о теплых солнечных деньках, которые растворились в вечно висящем над этим местом тумане.

Эрван часто по вечерам сидел на подоконнике и наблюдал за всем, что происходило за окном, укутавшись одеялом. Его привлекал снегопад, привлекало его медленное падение и движение на ветру. Он мог наблюдать за всем этим процессом вечно, так как понимал, что впереди его ожидает целая вечность, больше не существует нехватки времени, не нужно куда-то спешить. Он следил за этим миром, обсуждал с самим собой какие-то необычные явления, поразившие его, делился со своим голосом размышлениями, мыслями, переживаниями.

Но этот зимний вечер был особенным.

Когда небесное светило скрылось в густом тумане, погрузив это место в непроглядную тьму, Эрван все так же сидел на окне в гостиной, укутавшись как можно сильнее в теплое махровое одеяло, и наслаждался звуками огня в камине, от которого веяло едва ощутимым теплом. На улице властвовала небольшая вьюга, вынуждала падающие снежинки хаотично танцевать в ночном небе, завораживала смотрящего быстрыми и изящными движениями, отчего у того могло появиться легкое чувство головокружения. Ветер грозно завывал, будто был чем-то рассержен. Так как многие окна были выбиты, то ему не составляло труда проникнуть в дом и отгонять от Эрвана последние капельки тепла, исходящего от потрескивающего угольками камина. Молодой человек повернулся в сторону жаркого огня и стал наблюдать за тем, как оно вступило в неравную схватку с разъяренным ветром, но чем дольше они боролись, тем больше их силы уравнивались, ни одна из сторон не желала

уступать, как бы сильно не хотел этого соперник.

Эрван устало спрятал свой подбородок под одеяло и хотел было укутаться еще сильнее, но тут его внимание привлекли странные движения за окном рядом с едва различимыми в тумане деревьями. Это были силуэты людей, которые с любопытством разглядывали этот огромный дом и как-то странно ходили из стороны в сторону, будто пытались отыскать в этом здании какую-то деталь. Но внезапно они замерли на месте и устремили весь свой взор в сторону Эрвана, приближаясь друг к другу все ближе и ближе, не совершая при этом никаких движений.

Эрван понял, что вновь начал ощущать ледяной ужас, горячим потоком разносящийся по его ослабленному замерзшему телу. Это чувство было таким родным и знакомым, что его появление не вызвало у юноши никакого удивления и замешательства. Он встретил его с каким-то радушием и даже спокойствием. Страх давал ему понять, что он все еще способен чувствовать, ощущать себя живым человеком, а не бродящей по дому тенью.

Когда силуэты встали вкруг и полностью окружили дом со всех сторон, как в уши ворвались так знакомые Эрвану звуки: звуки людской суеты. Невидимые жильцы снова начали носиться по дому, но на этот раз с такой хаотичностью, что невозможно было понять, что они делают в данный момент времени. Повсюду билась посуда, падала мебель, где-то вдали плакали младенцы и разрывали свои голосовые связки от крика женщины. Но через пару минут этот беспорядочный шум слегка стих и был разбавлен тихой музыкой, исходящей от рояля. С каждой нотой музыкант делал звучание этой композиции все громче и громче, пока уши не стали кровоточить от такого высокого диапазона шума, вынудив несчастного Эрвана закрыть их руками и вжаться в углу окна, надеясь оградиться от всего это хаоса и ужаса.

Силуэты на улице тем временем стали приближаться к дому, взяв друг друга за руки.

Их было так много, что глаза могли разбежаться в разные стороны, если сделают попытки их посчитать. В это же время голодный и разъяренный ветер решил на время оставить свой поединок с огнем в покое и вернулся на улицу, устроив там самую настоящую бурю, ворвавшуюся в каждые щели этого дома, но бережно обходя гостиную со всех сторон, будто эта комната была огорожена какой-то невидимой силой.

Эрван был так напуган и так оглушен, что не смог понять, когда именно он лишился чувства и без сознания упал на пол. Из его рта начала стекать тонкая струйка крови и создала вокруг головы небольшую лужицу.

Эрвана разбудил яркий искусственный источник света, какой-то холодный и слегка неприветливый, исходящий, как он понял, открыв глаза, от высоко висящей над ним люстры. Лампочки имели такой блеск, что приходилось щуриться, чтобы их внимательнее рассмотреть. Избавившись от остатков сна, юноша удобнее сел в кресле и огляделся, пытаясь понять, что произошло вокруг него во время его пребывания во сне. И понял, что ничего, что окружало его, не имело узнаваемых черт. Эта была все та же гостиная, просторная и яркая, но никаких следов заброшенности и забвения здесь больше не наблюдалось. Теперь это идеально вылизанное роскошное помещение, где каждый предмет ослепляет своим блеском от чистоты и непривычной новизны.

Эрван, пытаясь верить, что все это происходит на самом деле, поднялся с кресла и боязно встал на мягкий ковер, с широко открытым ртом съедая каждую деталь этой просторной комнаты взглядом. Появилась новая мебель, сочетающая в себе мягкие кушетки,

длинные слегка изогнутые диваны из красного бархата, стеллажи доверху набитые книгами, вместо пустых оконных рам теперь красовались красочные витражи, а сами окна наполовину задернуты шелковыми шторами, которые слегка развевались от легкого порыва ветра, исходящего откуда-то сверху, видимо, где-то открыто окно. Все стояло на своем законном месте и сочеталось друг с другом, имея непередаваемый стиль и уют.

Эрван с трудом сдержал смех от восхищения, он еще не до конца верил, что все это действительно происходит вокруг него. Глаза буквально слезились от такого обилия ярких красок и незнакомых доселе запахов древесины и свежей краски. Когда глаза привыкли к такой роскошной обстановке, Эрван краем уха уловил приятные мелодичные звуки, доносящиеся со второго этажа.

Кто-то аккуратно нажимал на клавиши пианино, медленно и тихо, будто ему каждое движение пальцем давалось с большим трудом. Но незнакомая слуху мелодия постепенно начинала набирать темп, превращаясь в совершенный образ, поражающий каждого слушателя. Эрван, замороженный этим звучанием, стал идти на его зов, практически беззвучно поднимаясь вверх по парадной лестнице, боясь неосторожным действием спугнуть эту прекрасную мелодию, пугающую своей таинственностью и непередаваемой красотой.

Музыка привела его к двери, которая показалась ему сильно знакомой, хотя до этого юноша ее ни разу не встречал. Она не пряталась в тени, была хорошо освещена настенными светильниками в виде свечей и практически настежь открыта, приглашая войти в пахнущее мятой помещение.

Эрван от переизбытка новых эмоций выдохнул и, слегка прикрыв глаза, будто боясь ослепнуть от ярких красок, ступил левой ногой в комнату, затем всем телом проник туда. Едва его нога коснулась пола этого помещения, как музыка сразу же стихла. Пианино, которое и создало эту прекрасную мелодию, стояло в середине комнаты, и его крышка была наглухо заперта на ключ, который лежал сверху и ждал, когда им что-нибудь откроют. Молодой человек с легким сомнением взял ключ и неуверенным движением, словно считал, что от неосторожного движения этот ключик раскрошится на мелкие кусочки, вставил его в замок, после чего с легким скрипом открыл крышку этого огромного музыкального инструмента, под которой прятались в заточении блестящие в свете люстры клавиши.

С некой неуверенностью, Эрван сел на стульчик у пианино и пару секунд разминал пальцы, с восхищением поглядывая на клавиши, которые так и жаждали, чтобы до них коснулись, создав прекрасный звук. Вскоре руки юноши слились с ними в единое целое, и комнату наполнила изящная игривая мелодия, заставившая все вокруг заиграть новыми яркими красками. Но едва Эрвану удалось отдаться этому музыкальному тяжеловесу и поплыть по течению чарующих звуков, как где-то поблизости раздался донельзя знакомый хаотичный шум, полностью разрушивший воцарившуюся здесь гармонию и спокойствие.

Звук бьющегося стекла оцарапал уши и с силой ударил в сердце юноши, заставив то забиться с утроенной силой, выпустив в кровь огромное количество адреналина.

— Господи, что это может быть? — самого себя спросил Эрван и поднялся со стула, вслушиваясь в доносящийся из коридора звук чей-то лютой ярости, которая изливалась на мебель и предметы декора, чьи предсмертные крики заполняли уже весь дом.

— Лжец! Лжец! — тот, кто устроил этот хаос, принялся истерически кричать, продолжая уничтожать все вокруг себя. — Я тебя убью! Я тебя убью!

Послышались звериные рычания, голодные и свирепые. Они становились все четче и

более пугающими, отчего сердце стремительно опустилось в пятки, оставив Эрвана наедине с ледяным ужасом, который не давал ему даже сдвинуться с места.

Дебошир начал стучать своими огромными ручищами в дверь, пытаясь выбраться из комнаты, где его заперли. Он бил с такой силой и с такой яростью, что дверь в буквальном смысле заплакала от наносимых по ней ударов, оглушив Эрвана своими скрипом и звуком от разрастающихся трещин, она вряд ли могла долго продержаться. В любую минуту неизвестный воплощение ненависти может оказаться на свободе.

Эрван стал молниеносным движением глаз искать укрытие. Сердце бешено колотилось где-то в пятках, а по телу сползали ледяные капельки пота. Дыхание было таким учащенным, что можно было подумать, что юноша начал задыхаться, не в силах сделать новый глоток воздуха. Через пару пробежек глазами Эрван нашел нож, лежавший на письменном столе в кожаном чехле. Не слишком долго думая, молодой человек схватил его, расчехлил и выставил перед собой, еще до конца не осознавая, что ему придется делать дальше. У него не было времени на раздумья. Нужно было делать все моментально, чтобы не стать очередной жертвой чей-то лютой ненависти. Его руки дрожали, словно были осенними листьями, висевшими на ветвях в сильный шторм, они вспотели так сильно, что нож вот-вот мог выскользнуть из рук, как обычный кусок мыла.

Юноша стал молиться, громко и отчетливо, пытаясь отчеканить каждое слово, чтобы Господь смог его услышать. Но молиться было бесполезно, это пришло в голову к Эрвану быстрее всего, Бог давно оставил его на произвол судьбы, предал и вынудил кипеть в чаше полного забвения в странном необъяснимом мире, где нет ничего, кроме пустоты и ледяного ужаса. Но молитва помогала унять парализовавший тело страх, помогала верить во что-то хорошее, но дрожь не желала утихать. Еще чуть-чуть и Эрван может упасть на пол, лишившись чувств от шокирующих событий.

Вскоре носитель ненависти выбил дверь, и та с треском разлетелась на части, заполнив своими обломками весь коридор. Монстр вырвался на свободу, его дикое и голодное рычание пронзило сознание, заставило еще сильнее молиться ушедшему в туман Богу. Рычащее существо шло сюда, медленно крадясь и принохиваясь. Его голод неуголим. Оно жаждало теплой крови.

Свет все тускнел, и казалось, что еще немного, и он вовсе погаснет. Лампочки неприятно шипели, терпя резкие перепады напряжения, и были готовы в любую минуту лопнуть, забрызгав все маленькими стеклянными осколками. За окном слышались раскаты расвирепевшего грома, и комнату ослепляли белоснежные вспышки молний, что вызывало дрожь всего, что находилось в этом мрачном кабинете. Рычащий психопат затих и будто вновь растворился в глубине коридора, оставив после себя ужасающий погром. Но этот факт успокоил накалившиеся докрасна нервы Эрвана, который уже был готов встретить свою вторую смерть и на этот раз самую жестокую и болезненную, ведь не ясно, кем был тот орущий мужчина. Судя по оставленным им разрушениям, он мог убить одним лишь движением руки. Но кто он такой? И каким образом попал в это место? Почему дом решил так кардинально измениться и вернуть свой облик из прошлого? Что этим здание собиралось сказать, что хотело показать?

Когда Эрван начал снова наслаждаться спокойствием, а раскаты грома перестали пугать и удивлять, то на первом этаже раздались чьи-то тихие стоны, исходящие, как понял юноша, из кухни. Молодой человек слишком хорошо знал этот дом, чтобы даже по малейшему звуку определить местонахождение его источника. Но это мало обнадеживало, а скорее еще

больше пугало, ведь ощущать неведение куда легче, чем точно знать, что находится где-то там. В этих тихих столах различались слова, кто-то жалобно и сквозь слезы звал на помощь, проглатывая каждое слово, будто оно дается ему с трудом. Кричала женщина, но ее голос был так искажен болью, что было трудно понять, кому он мог принадлежать первые пару минут. Когда же Эрван сумел изучить эти человеческие стоны и попытался приблизиться к ним, как те сразу же стихли, растворившись в очередном раскате грома, который на пару секунд ослепил парня.

Внезапно освещение дало полный сбой, и весь дом погрузился в полную непроглядную тьму, отчего Эрван с трудом не запаниковал и не забился в угол, ожидая, что вокруг него снова начнет властвовать хаос. Но этого не случилось, что приятно удивило юношу, ведь он уже привык за столь долгое время, что с наступлением темноты в эти стены вселяется страх и ужас. Когда глаза привыкли к темноте и среди очертаний мебели можно было увидеть тусклые детали, Эрван нашел на кофейном столике старую керосиновую лампу, а рядом с ней любезно оставленный коробок спичек. Недолго раздумывая, Эрван зажег ее, засунув коробок со спичками в карман, и вытянул лампу перед собой, уничтожая крошечную тьму перед собой, впереди которой не было видно ничего, кроме сплошной черноты и неведения.

В другой руке парень крепко сжимал похолодевший нож и был готов в любой момент нанести поавшемуся на глаза незнакомцу удар, кем бы он ни был. Из-за страха Эрван уже не был в состоянии мыслить здраво, он лишь думал о своей жизни и завтрашнем дне, который мог не настать, о чем юноша старался вообще не думать, так как эта мысль лишила какой-либо надежды, что весь этот кошмар вокруг может раствориться. Сделав пару осторожных шагов в сторону тьмы, Эрван покинул кабинет, выйдя в коридор, который теперь был слегка освещен светом его тусклой керосиновой лампы. Только сейчас молодой человек заметил, что стены снова утратили свой непривычный блеск и свежесть красок, к ним снова вернулись тусклые тона и следы полного забвения, ставшие Эрвану немного родными и даже привлекавшие его своим запустелым видом. В воздухе зависла пыль, сверкавшая в свете лампы, и напоминала крошечных светлячков, боящихся сдвинуться с места. Глубоко вздохнув, Эрван покрепче перехватил лампу и двинулся вперед, направляясь туда, где еще совсем недавно раздавались чьи-то женские стоны. Он шел туда, смутно надеясь, что ему удастся встретить кого-то живого, кто сможет ему хотя бы намекнуть на суть всего происходящего, хотя вряд ли во всем этом был смысл. Это просто хаос, пытающийся спрятаться за плотной маской.

Но сознание Эрвана мечтало вновь вернуться в то мягкое кресло около кабинета, зарыться в одеяло и терпеливо ждать очередного светлого дня, в котором будут происходить одни и те же события, а вечером снова вернутся эти беспорядочные звуки чьей-то жизнедеятельности. Эрван с радостью бы так и сделал, но одна лишь мысль о том, что завтра ему придется снова проживать один и тот же день, желчью пронеслась по телу. Он хотел что-то узнать, хотел что-то изменить. И если постоянно сидеть на месте и прятаться, то все будет начинаться снова и снова. Если дом решил ему что-то показать, то необходимо следовать его зову, как бы страшно ни было. Эрван заметно посмелел и уже не так боялся тьмы и непонятных звуков, они стали частью его однообразной жизни в этом доме, спрятанном в густом тумане, частью его опустошенного организма.

Но сердце предательски колотилось где-то в пятках, не желая сбавлять свой темп, оно все так же беспокоилось и предвещало приближающуюся опасность, которая в любой момент может выпрыгнуть из глубин тьмы. Но Эрван перестал прислушиваться к своему

сердцебиению и доверился собственному чутью, подсказывающему, что впереди он найдет то, что так давно пытался найти... Истину.

Свет керосиновой лампы осветил на ступеньках парадной лестницы следы крови, которые дорожкой тянулись в сторону кухни, расположившейся за дубовой дверью справа от главного входа. Сглотнув от легкой нервозности, Эрван начал идти по следам, понимая, что беспокойство никуда не делось, оно все еще было при нем и желало лишь одного — поскорее покинуть это пугающее до потери пульса место. Но Эрван продолжал идти. Возможно, им двигала мысль, что терять больше нечего, что его путь уже давно завершен, а это всего лишь существование за финишной чертой, где уже нет ничего, что могло бы остановить его или заставить бежать. Путь окончился, а то, что происходит в данный момент времени всего лишь что-то бессмысленное и туманное. Поэтому ему было все равно, что ждет в глубинах тьмы, он лишь надеялся на хорошее, хотя не понимал, чем это хорошее может оказаться на самом деле.

Может, он искал собственную смерть, которая просто забыла про него? Возможно. Но даже Эрван не был в состоянии объяснить причину своих действий, он просто шел по следу, следовал за кровью, которая должна привести его к чему-то, что он не в состоянии ни представить, ни даже понять.

Стоны вернулись, они были такими тихими, что могли с легкостью слиться с раскатами грома. Он приближался к двери кухни все ближе и ближе. Стоны перешли в замирающие всхлипы, жалостливый плач, но все эти человеческие звуки уходили куда-то вдаль, какая-то неведомая сила не давала Эрвану приблизиться к ним.

Но вот перед ним выросла дверь, расчистившись от тьмы, и дала Эрвану возможность нажать на ее ручку и открыть путь внутрь, где расположилась просторная кухня, пропахшая ароматом испорченных продуктов и плесени. Когда Эрван вошел туда, то под свет его лампы тут же попались разбросанные по полу гнилые овощи, рассыпанные специи и вдребезги разбитая посуда, на которую тот случайно наступил, создав неприятный шум. Возможно, весь этот беспорядок когда-то мог в целостном состоянии оказаться на праздничном столе, но сейчас он был лишь частью окружения и вызывал только чувство жалости и отвращения, от которого невозможно было избавиться. Все было в таком состоянии, будто по кухне прошелся мощный торнадо, не пощадивший ничего, кроме мебели, продолжавшей стоять на своих законных местах.

Женские стоны стали слышаться все отчетливее и казалось, что их автор лежит где-то прямо под ногами, но глаза Эрвана не могли никого среди этого беспорядка разглядеть.

— Пожалуйста, помогите... Пожалуйста... — прохрипела женщина и внезапно затихла, издав громкий возглас, словно ее пронзила острая боль, окончательно лишившая ее чувств, а возможно и жизни.

— Где вы? Я вас не вижу, — в панике стал освещать все подряд керосиновой лампой тот, но никакой женщины не смог увидеть. Здесь было совершенно пусто.

И когда Эрван, полностью отчаявшись и потеряв какую-либо надежду на то, что что-то может измениться в лучшую сторону, как нежданно-негаданно раздалось голодное звериное рычание, сопровождавшееся звуками рвущейся человеческой плоти и поедания сырой пищи.

Эрван был парализован ужасом и стоял на месте, боясь шелохнуться. Аромат смерти полностью лишил его дара речи и сил, он просто наблюдал за всем этим кошмаром, который царил вокруг. Теперь он видел ее, видел, как она умирала на его глазах. Лицо этой женщины

уже невозможно было увидеть, оно было изуродовано зубами и лишилось прелестных черт, когда-то украшавших его. Неведомое существо, напоминавшее со спины до боли тощего мужчину, поедало человеческую плоть с такой жадностью и усердием, что даже не сразу заметило присутствие Эрвана. Лишь когда свет керосиновой лампы осветил его спину, оно, будто его это обожгло, обернулось и с яростным криком испепелило своими узкими глазками юношу. Это был человек с азиатскими чертами лица, все его лицо покрывала свежая кровь, стекавшая по подбородку вниз. Мужчина был полностью обнажен и этот факт ничуть не смущал эту уродливую личность.

— Прочь! — прокричал он, бешеными глазками смотря на Эрвана, почти на четвереньках приближаясь к нему. — Прочь!!!

Эрван сделал шаг назад и автоматически выставил нож перед собой, громко дыша от накалившейся ситуации. Образ этого мужчины вызывал у него только чувство отвращения и некоего ужаса, но никаких чувств жалости Эрван не мог испытывать к этому дикому и бесчувственному созданию.

— Ты боишься меня, мальчик? — захихикал мужчина, все также медленно приближаясь к Эрвану на четвереньках. — Боишься?!!! Страх парализовал тебя, глупец! Ты слаб, ты — ничтожество!

— Кто ты такой? Что это за место?

— О, хотел бы я знать. Ты голоден, мальчик? Хочешь отведать теплого мяса?

— Не подходи ко мне, — стиснув зубы, прошептал Эрван и крепче сжал в руке нож, чувствуя непередаваемое желание убить этого уродливого человека.

— Жажда крови. Как она облюбовала эти стены. Ну же! Убей меня! Только сначала дай мне отведать твоей крови. Я чувствую ее сладкий аромат.

Мужчина впервые за время их сомнительного знакомства поднялся на ноги, показав свое тело во всей красе. Он напоминал живой скелет, обтянутый высохшим пергаментом.

— Посмотри на меня! — закричал мужчина. — Посмотри на меня! В кого меня превратил этот проклятый дом, кем я стал. Мы заперты здесь, заперты навечно. Отсюда нет выхода. Только убийство в силах освободить нас. Но я не смог. Не смог выбраться... Я заключенный... Я хочу есть... Дай мне убить тебя, дай насладиться вкусом твоей плоти. Это будет не слишком больно, обещаю.

— Не подходи ко мне! — Эрван в панике сделал шаг назад и впился рукой в оружие, готовясь сделать смертельный удар в любой момент.

Мужчина ухмыльнулся и без предупреждения бросился на потерявшего бдительность парня, не обращая внимания на то, что у того в руке был нож. Его не пугала смерть, он, как и Эрван, искал ее, тщательно и безрезультатно, это и объясняло его полное бесстрашие перед ней, которое так напугало сбитого с ног молодого человека, оказавшегося под довольно тяжелым телом уродливого мужчины. Нож выскользнул из его рук, и это дало спятившему азиату совершить желанное действие. Юноша почувствовал, как зубы противника впились в ногу, разорвали кожу и выпустили кровь наружу, разнося по всему телу чувство нестерпимой боли, вырвавшейся наружу с громким криком, полным слез и отчаяния. Эрван из последних сил ударил ногой жутковатое измазанное кровью лицо и в спешке отполз назад, успев схватить выпавший из его руки нож. Но жаждущего плоти психопата это не остановило. Он собрал все свои неисчерпаемые силы и, словно озверевшая собака, прыгнул на пытавшегося добраться на одной ноге до выхода Эрвана, снова вынуждая того упасть на пол. Радостно хихикнув, безумец потянул юношу за одну ногу в темный угол, где лежала его первая жертва,

но встретил сопротивление. Эрван сделал выпад вперед и вонзил нож прямо в его руку, но это не принесло ощутимого результата: мужчина не встретил дискомфорта от нанесенных увечий. Но тем не менее это действие подарило парочку мгновений, хвативших на то, чтобы подняться и отбежать к плите. Парень осознал, что боль забавляла его врага, доставляла непередаваемое удовольствие, являлась источником силы, пищи и мыслей. Он жил болью и не сможет остановиться убивать. Эрван это прочел в его безумных глазах, налитых кровью и голодом.

Мужчина настиг убегающего на одной ноге Эрвана за пару минут и, схватив за шиворот, бросил на плиту, затем придавил его горло костлявым локтем.

— Бежать бесполезно, ты пленник этого дома. Поблагодари же его за гостеприимство.

Эрван издал стон от полученной боли и, жадно хватая воздух, замахнулся над своим противником ножом, но быстро встретил сопротивление, и его рука была резко остановлена, лишившись единственного оружия.

— Ты слишком слаб, чтобы меня убить. Ты не достоин того, чтобы покинуть этот дом.

— Это мы еще посмотрим, — с трудом выдохнул Эрван, пытаясь получить новые порции кислорода, но мужчина крепко сжал локтем его горло, перекрыв дыхательные пути.

— Я буду наблюдать, как ты умираешь. А сейчас мы начнем медленно разрезать твое лицо, чтобы узнать, что ты прячешь под этой нежной кожей. Я чувствую запах крови, он просто потрясающий! Я просто влюблен в этот сладкий аромат!..

Мужчина замахнулся над Эрваном ножом и острие острого предмета устремилось прямо в левый глаз молодого человека, желая через пару мгновений пронзить его насквозь. Но юноша успел крепкой хваткой задержать оружие на полпути, вцепившись ослабевшими пальцами в руку психопата.

— Как я люблю, когда жертва борется, цепляется за жизнь. Но стоит ли это таких усилий?

Стиснув зубы, Эрван все дальше и дальше отстранял от себя острие блестящего в раскатах грома ножа, чувствуя, как мышцы стонут от непривычных для них усилий. Мужчина был невероятно силен, и у юноши практически не было шансов его одолеть, но желание жить брало вверх и помогало молодому человеку бороться с этим безумцем практически на равных.

— Нет! Ты не должен сопротивляться! — в ярости воскликнул тот и еще сильнее стал притягивать нож к лицу Эрвана, заставив парня обливаться холодным потом от охватившего его ужаса. Но молодой человек показывал невероятное стремление к сохранению жизни и наличие больших запасов сил, готовых бороться с опасностью до конца.

Еще пара мгновений, и острие ножа повернулось в сторону лица обезумевшего мужчины, ослепляя того своим предсмертным блеском.

— Мне очень жаль, но мне придется убить тебя, — сквозь зубы прошептал Эрван и вонзил из последних сил нож прямо в горло своего насильника, моментально лишив того жизни.

Глава вторая. Призрачная мелодия

На какое-то время Татьяне показалось, что она задремала. Это утро было весьма мрачным, серым. Солнце скрылось за толстым слоем дождевых туч, отчего стало невероятно холодно, словно вот-вот с неба посыплется первый снег. Но сейчас лишь конец октября, поэтому о снеге мечтать рано, хотя молодая леди с раннего возраста любила заснеженные просторы. В снеге она видела какое-то непередаваемое тепло, нежность, атмосферу добра и счастья.

Совсем новый автомобиль марки VAUXHALL стремительно несся по пустынной дороге которую со всех сторон окружали голые силуэты деревьев, полностью сбросившие свою пышную шевелюру. Теперь они напоминали монстров странной формы, что слегка пугало и вызывало беспокойство.

Их путь до одиноко стоящего на пустыре замка был долгим. Дорога заняла несколько часов из самого Лондона, но Татьяна ничуть не устала, а даже была рада, что поездка заняла слишком много времени, ведь у неё был шанс все обдумать и твердо решить, что она приехала сюда не зря.

Рядом с величественным зданием расположился искусственный пруд, в котором мирно плавали опавшие пожухлые листья и сонливые утки.

Старинный замок поражал своей величественностью с первого взгляда: в центре возвышалась невероятно высокая часовая башня, а фасад украшали религиозные статуи, добрым взглядом приветствующие нашу героиню. Само строение было построено в неоготическом стиле, что немного удивляло, так как замок был создан около ста лет назад и будто возвращал во времена рыцарей и принцесс далекого средневековья. Серый кирпич потерял свою красоту: покрывался трещинками и синеватым мхом. Видимо, хозяева не спешат поддерживать сохранность столь грандиозного строения.

К замку вела прекрасная, но слегка запущенная аллея, от которой доносились дурманящие запахи листвы и чего-то сладкого. Она существовала в качестве единого ансамбля, и трудно представить себе это место без хотя бы маленькой детали, которая присутствует здесь. Все приятно гармонирует друг с другом, но с каждой минутой теряет свою былую красоту. Время беспощадно.

В небо устремились конусообразные башни, словно пытаясь дотянуться до небес, но, к сожалению, это у них плохо получалось, их высота была не такой уж и большой, в отличие от центральной часовой башни, которая практически с легкостью пронзала тяжелые свинцовые тучи своим острым шпилем. На окнах виднелись стрельчатые резные наличники, подчеркивающие невероятно красивые витражи, заключившие в себе сюжеты из Библии.

Центральная часовая башня по своей структуре напоминает донжон — главную башню в европейских феодальных замках. Татьяна это прекрасно знала, так как изучала архитектуру прошлого и разбиралась во всех деталях подобных сооружений. Но вживую она подобные замки практически никогда не видела. Долгое время из ее окна виднелись лишь серые и многолюдные улицы так ненавистного ей Лондона. Поэтому сейчас она даже немного счастлива, что наконец-то покинула этот хмурый большой город, где девушка чувствовала себя запертой и удушенной.

Вскоре автомобиль остановился около парадного входа, где ее встречала женщина пожилых лет в черном, довольно старом и изношенном платье и в белом, застиранном

переднике горничной. По глазам этой женщины можно было с легкостью понять, что та сильно встревожена и чем-то напугана, но пытается это скрыть за своей вымученной уставшей улыбкой. Женщина поправила свои седые волосы, убранные в пучок на затылке, затем вежливо поприветствовала прибывшую гостью, которая с трудом выбралась из машины, ведь ноги от такой длительной поездки сильно затекли, поэтому нужно время, чтобы настроить их на новую работу.

— Миссис Хапперт, как я рада вас видеть. Я уже начала беспокоиться, что вы откажете господину Ломану в его щедром предложении.

— Я бы не назвала это предложение щедрым, — устало ответила Татьяна, вытаскивая тяжелый чемодан из багажника, не дождавшись помощи водителя. — Но я здесь, поэтому все хорошо.

— Вы, наверное, сильно проголодались?

— Да, вы правы. Я была в пути весь день и не видела еды долгое время. Буду рада чего-нибудь съесть.

Татьяна поблагодарила водителя и направилась за экономкой, которая нервно оглядывалась по сторонам.

Это место имело совершенно незнакомое очарование. В нем не было романтической красоты, какого-то спокойствия, гармонии. Это сменялось странным тревожным великолепием, от которого веяло неприятным сырým холодом. Стены имели свой запах, свою температуру. Казалось, что это живое существо с ледяным дыханием. Едва девушка приблизилась к парадному входу, как тут же невольно обхватила плечи: стало заметно холоднее, словноходишь в замок сделанный из чистого льда. Пожилая женщина, сопровождающая ее, будто не замечала всего этого: она была такой же серой и молчаливой, как этот огромный дом.

Татьяна покрепче перехватила свой чемодан, чувствуя, что ее руки, по непонятной причине, вспотели. Это ее слегка удивило. Еще ни одно подобное место не вызывало у нее таких симптомов. Возможно, резкие перепады температуры в этом поместье так негативно воздействовали на девушку.

Нужно держать себя в руках.

Над входом висела старая металлическая вывеска, успевшая заржаветь и сделаться трудно читаемой: «Психиатрическая клиника им. Ломана». Девушка еще раз перечитала название, пытаясь вдуматься в это короткое и с первого раза понятное любому выражение. Но для нее в этих словах заключалось человеческое страдание, страх, слабость сознания и смерть. Девушка не могла понять, почему ей эта вывеска так знакома, почему это название так режет у нее все внутри... Словно она долгое время пыталась убежать от него, но сейчас снова видит перед собой. Татьяна начала успокаивать себя. Эта нервозность уже начинала раздражать.

Пожилая женщина представилась как Анна. И просила постоянно ее так называть. Татьяна возражать не стала. Она уже привыкла, что дамы преклонного возраста упрощают свое имя, словно пытаясь убежать от своего возраста, но это не венчается успехом. Но эта женщина явно не боится этим. Анна проявляла себя совершенно иначе. Было видно, что такое короткое имя делает ее простой и открытой для всех.

— Я восхищена вашей статьей в газете. То, как вы описываете психологию человека — настоящий талант. Я перечитывала ее несколько раз и постоянно узнавала для себя что-то новое.

— Не думала, что эта статья кому-то так понравится. Мой редактор вообще не хотел ее публиковать, ссылаясь на несоответствие направлению их газеты. Да и кто захочет публиковать статьи детектива, где нет и слова о том, как ухаживать за дамой и что ей дарить?

— Быть таким успешным детективом в вашем молодом возрасте — редкое явление. Вами нельзя не восхищаться! — восторженно улыбнулась ей Анна, вставляя ключ во входную дверь, которая была уже второй на их пути. Видимо, безопасностью в подобном месте не пренебрегают. С одной стороны кажется, что это здание совершенно ни чем не огорожено и не защищено, но едва заглянешь вовнутрь, как сразу же чувствуешь атмосферу замкнутого и закрытого пространства, откуда невозможно с легкостью выйти.

— Иногда я боюсь потерять этот ключ, так как без него отсюда невозможно выйти. Я бы с радостью потеряла его снаружи и убежала из этого дома подальше, но что-то держит меня здесь, не отпускает. Что-то не дает мне уйти.

— Что же это? — удивленно приподняла бровь Татьяна.

— Это чувство постоянно скрывается в тумане, но я его ощущаю очень сильно, — каким-то странным тоном прошептала женщина и наконец-то открыла тяжелую металлическую дверь, спрятанную за высокими деревянными дверьми, которые раньше служили парадным входом, но теперь они лишь предмет интерьера, напоминающий о былой славе этого поместья.

Обе зашли в плохо освещенное помещение, являющееся главным холлом. Дневной свет оказался единственным источником света, но он был таким серым и скудным, что казалось, что находишься в крошечной тьме. Единственное, что различалось во всем этом мраке, была широкая парадная лестница, украшенная золотыми статуями ангелов, держащими в своих руках фонари, которые сейчас, что было весьма странно, не горели. Но Анна быстро объяснила причину такой темноты:

— У нас уже вторые сутки нет электричества. Вы же знаете, что мы находимся чуть ли не на краю цивилизации, поэтому мастер придет только завтра. Мне так неловко за эти неудобства.

— Ничего страшного, Анна. Я работала и в более ужасающих условиях. По крайней мере, здесь большие окна. Кстати, я снаружи не заметила на окнах решеток.

— О, это лишь иллюзия. Решетки были поставлены внутри, чтобы не портить исторический облик здания. Они

остались лишь на первых этажах, как это было до открытия здесь психиатрической лечебницы. Так распорядился наш главный врач, Доктор Ломан. Его что-то связывает с этим местом, это точно. Он всегда ведет себя очень странно. И меня это бросает в дрожь. Когда вы его увидите, то сразу же это поймете, — нервозно ответила женщина, с беспокойством оглядывая все вокруг. — Вы не против, если я зажгу керосиновую лампу? Пока это единственный источник искусственного света, с которым не заблудишься в этих коридорах. Я бы все отдала, чтобы больше сюда не заходить. Но без меня Доктор Ломан вряд ли бы справился. На мне держится чуть ли не все хозяйство. За таким зданием нужен уход, причем постоянный. А это не так уж и просто.

— Это похвально.

— Возьмите, — Анна вручила Татьяне еще один керосиновый фонарь, от которого веяло приятным теплом, и медленно стала подниматься по лестнице. — Без этого фонаря здесь будет крайне тяжело. Это единственное средство справиться с тьмой... А Тьма с этой

минуты будет постоянно вас преследовать.

Вдали слышалась тихая шуршащая музыка, исходящая из невидимого граммофона. Мелодия была такой мягкой и шелковистой, что вся тревожность, затаившаяся в груди Татьяны, улетучилась. Этот огромный дом больше не казался темным, зловещим, музыка словно наполнила его теплыми яркими красками, которые, хоть и не были видны, четко ощущались каждой клеточкой тела.

— Музыка здесь ценится очень высоко, мисс, — заметила приятную улыбку на лице девушки Анна и на мгновение закрыла свои глаза, вслушиваясь в каждую ноту, доносившуюся откуда-то сверху. — Скоро вы сами это поймете... Тишина в подобном месте сводит с ума, наполняет твоё сознание одиночеством... На земле вряд ли найдется место, где ты чувствуешь себя таким же потерянным, как здесь.

— Сколько вы здесь работаете? — стала подниматься вместе с ней по лестнице Татьяна, слегка поглаживая позолоченные перила, которые переливались яркими бликами от света ее фонаря.

— Сколько себя помню... — с некой грустью произнесла женщина, опустив глаза. — Вся моя жизнь намертво прикована к этому дому. Я ни за какие деньги не покину это место. Здесь покоится моя душа... Я просто не смогу уйти... Не смогу.

Подобные слова слегка удивили Татьяну. Анна производила на нее впечатление одинокой, всеми забытой женщины, которая просто боится остаться одна. Возможно, все пациенты, все врачи стали для нее семьей. И без них она вряд ли сможет жить дальше. Но она старалась выглядеть воодушевленной, радостной, довольной жизнью. Милая и теплая улыбка с момента их первой встречи с Татьяной так и не сошла с лица женщины. Эта работа — смысл ее существования. Детектив сразу это поняла.

Они вышли в разветвленный коридор, который был заполнен железными металлическими дверьми с маленькими окошками, украшенными решетками. Теперь Татьяна вспомнила, что это за место. Музыка ушла на второй план, в ушах обитали лишь странные голоса, шепчущие что-то нечленораздельное, с такой яростью и силой, словно они пытались кричать, но их голоса покинули их безвозвратно. Из некоторых окошек виднелись чьи-то лица, с интересом разглядывающие идущих женщин. Их взгляды не показывали никаких эмоций, в них была лишь пустота, безразличие, усталость, безжизненность. Невозможно было угадать, кому они принадлежат, какой у этого человека возраст. Все в них излучало безвозвратность времени, которое ускользнуло от них, заперев в этом месте навсегда.

— Не волнуйтесь, мисс Хапперт. Они безобиднее мухи, — спокойным тоном произнесла Анна, со смесью удивления и раздражительности поглядывая на наблюдающих за ними людей.

Этот коридор был таким темным, что фонари с трудом могли осветить хотя бы несколько метров пространства вокруг них: не было ни единого признака дневного света. Поэтому Татьяна с ужасом вздрагивала, видя, как из мрака появляются черты любознательного пациента, чьи красные и опухшие глаза странно блестят от света ее керосиновой лампы.

— Многие из них навсегда заперты здесь, — ледяным тоном сказала Анна, стараясь не смотреть на двери. — Это потерянные души, которые вынуждены мучиться здесь, доживая свое потерянное время. Это худшее наказание, что можно придумать. Они больше не

способны жить, лишь существовать. Порой их жаль, но я не раз задумывалась, что, возможно, Господь таким образом взял с них плату за грехи. Ведь Творец никогда не ошибается... Я должна полагать, что вы не верите в загробную жизнь?

— Нет, не верю, — с долей иронии ответила Татьяна. — Я верю в прямые доказательства, а не в туманные учения, возникшие из ниоткуда. Здесь каждый сам должен делать выбор. Все-таки иногда вера в Бога помогает найти смысл. Но я нашла смысл в поиске истины. Это для меня самое главное. Истина — источник всего. Жить среди суеверий и обмана — не моя жизнь.

Анна ничего не ответила, она лишь молча шла вперед, что-то тихо напевая себе под нос. Музыка теперь не было слышно, поэтому приходилось слушать стоны из бесконечного количества палат, от которых так и веяло холодом и необъятным страхом.

Татьяна не знала, что чувствовать к этим людям. Они были жалкими, беспомощными, но никаких ощущений, похожих на сострадание, девушка так и не смогла почувствовать. Лишь легкое отвращение. Что слегка удивило ее.

Анна провела гостью в просторную комнату, которая была освещена наполовину погасшим камином, разносящим повсюду приятное тепло и вкусный запах угля, почему-то так нравившийся Татьяне.

Обстановка этого дома ни на йоту не стала уютнее. Повсюду такой незнакомый и враждебный холод, что создавалось ощущение, будто на улице было намного теплее. Девушку не покидало желание как можно скорее покинуть это место, но что-то пыталось удержать ее здесь, что-то одновременно знакомое и чуждое.

Откуда-то сверху слышались стоны стен, завывание ветра — все эти звуки создавали общую неделимую композицию, сливаясь в пугающую мелодию, царапающую уши до крови. Татьяна пыталась привыкнуть к ним, но ни одна частица тела не желала этого делать. Чувство страха продолжало пронзать девушку насквозь.

— Не волнуйтесь. Этот ветер здесь часто гуляет. Совсем недавно у нас частично провалилась крыша, поэтому сквозняки в нашей лечебнице — обычное дело. Когда все окна и двери закрыты, то дом просто дышит, а мы слышим его дыхание, становимся частью этого процесса. Поэтому советую вам быть осторожней. В некоторых частях больницы небезопасно. Из-за этой угрозы нам пришлось закрыть некоторые корпуса. Туда ходить крайне опасно. Дом медленно опускается под землю... — женщина на миг замолчала, но через минуту вновь расплылась в широкой и приветливой улыбке. — Я очень рада, что такая образованная дама, как вы, согласилась приехать к нам, — Анна поставила керосиновую лампу на резной столик в углу и задумчиво стала рассматривать исходящий от нее желтовато-оранжевый свет.

— Я приехала лишь из любопытства. В наши годы многие стали впадать в суеверия, надеясь на то, что погибшие близкие вернуться с войны даже после своей гибели. Надежда порой сводит с ума, лишает человека рассудка.

— Надежда помогает долгое время верить в лучшее, что может быть у нас. Это чувство способно нас согреть лучше любого огня. Возможно, оно суеверно, нереально, но люди его чувствуют, это заставляет их верить в светлую и правильную жизнь. Иногда надежды обретают свою сущность, — Анна с грустью отвела взгляд от лампы и посмотрела на Татьяну. — Вы ведь тоже надеетесь?

— Возможно... Но эти надежды сравнимы с мечтаниями, я не придаю им значения.

Пустые мысли, отуманивающие наш разум. Я верю в реальность, в то, что вижу. Я не придумываю себе лишнего, чтобы как-то ослабить чувство боли, вины. Для меня важно понимать, что жизнь продолжается такой, какая она есть. А она порой непредсказуема. Никогда не будет того, о чем мы мечтаем и во что верим.

— Что ж, — Анна как-то резко вытащила связку ключей из своего передника и, улыбнувшись искусственной улыбкой, посмотрела на Татьяну. — Я сообщу доктору о вашем приезде. Вы пока подождите меня здесь...

Татьяна кивнула и глубоко вздохнула, провожая Анну взглядом. Эта женщина казалась слегка напуганной, слишком сильно пыталась скрыть свои настоящие эмоции под толстой маской с широкой, пугающей до жути улыбкой. Но в подобном месте данное состояние вполне объяснимо и имеет основание быть обычным. Но что-то все равно терзало душу этой пожилой женщины, что-то заставляло ее страдать и прятаться от собственных мыслей. Но что это? Что обитает в этом доме? Почему дом такой живой и холодный? Почему он не похож ни на одно место, где когда-либо была Татьяна? Здесь все было по-другому. Словно это здание жило в совершенно другом месте, в нарисованном, искусственном, воображаемом. Даже свет от керосиновой лампы казался каким-то чуждым, незнакомым, неприветливым. Она не ощущала никакого тепла от этого желтоватого свечения, оно было холодным, как все вокруг.

В комнате царил полумрак. Единственным источником света являлся старый подсвечник, разносящий приятный мятный аромат, до боли знакомый Татьяне. Возможно, свечи были сделаны с примесью каких-то лечебных успокаивающих трав, потому что едва девушка сюда вошла, как почувствовала легкое головокружение и некое умиротворение. Присмотревшись внимательно, она убедилась в своих догадках. Свечи имели зеленоватый оттенок, и от них шел легкий желтоватый дымок, создающий вокруг письменного стола работающего доктора что-то вроде негустого тумана. От этого комната казалась намного меньше, чем она была на самом деле. Повсюду стояли шкафы с научными книгами — никаких особых изысков. Все выглядело слишком просто, все соответствовало виду обычной лечебницы. Даже стены имели белый цвет и покрывались сеточками трещин, небрежно замазанными дешевой штукатуркой. Татьяна даже засомневалась, что этот пожилой мужчина лет шестидесяти вообще любит роскошь.

— Мисс Хапперт? — даже не взглянув на нее, он продолжал заполнять какие-то бумаги, полностью покрывшие его слегка покосившийся древний стол. — Прошу вас, садитесь, — голос его был весьма любезный, но чувствовалась в нем некая холодность, равнодушие. — Рад, что вы прибыли. Как добрались?

— Все в порядке, спасибо. У вас здесь такая невероятная обстановка.

— Это место — очаг спокойствия, терпения, помощи. Вы очень устали, этот дом подарил вам немного сил. Поблагодарите же вы его, — каким-то загадочным тоном произнес мужчина и оторвал взгляд от бумаг, затем ухмыльнулся и пристально посмотрел на свою гостью. — Что ж, в своем письме я недостаточно ясно изъяснился, поэтому постараюсь более подробно ввести вас в курс дела.

Доктор Ломан встал со своего мягкого резного кресла и открыл ящик стола, достав оттуда странную папку с бумагами.

— Взгляните, — подозвал он к себе слегка опьяневшую от аромата свеч девушку.

Татьяна увидела альбом с довольно старыми фотографиями, успевшими пожелтеть и

утерять свои очертания.

— Я обращался в полицию, но те просто пожимали плечами, уверяя меня, что это просто случайность, не имеющая каких-либо мотивов. Несколько месяцев назад я обнаружил тела двух своих пациентов за пределами территории, их палаты были закрыты, никаких следов взлома не наблюдалось. Полиция все здесь внимательно осмотрела и пришла к выводу, что во всем виноват я, что безопасность в нашей лечебнице отсутствует. Разумеется, вы прекрасно видели, что это не так. Я никогда не рисковал жизнью своих пациентов. Отсюда не выйдет ни единая муха без нашего ведома. Все эти смерти можно было списать на самоубийство, что полиция и сделала. Якобы психи есть психи. Но тела были обследованы, проводилось вскрытие... Выяснилось, что их легкие и мозг исчезли. Нет никаких следов, что органы кто-то насильно вынул. Они просто отсутствовали, словно их вырезали изнутри, аккуратно и искусно. Но затем последовал следующий случай. На этот раз было найдено тело нашего врача. У него были следы укуса... предположительно человека. И органы также бесследно исчезли.

— Почему полиция так равнодушно к этому отнеслась?

— Потому что нет никаких улик. Даже не найдено следов слюны или семени на жертвах. Укусы покрывали всю шею и лицо. Они чем-то напоминали ожоги довольно сильного характера. Мне нужен человек, который мыслит именно так, как вы, мисс Хапперт. Ваша статья впечатлила меня, ваш ход мыслей просто гениален.

— Вы считаете, что мы имеем дело с паранормальными явлениями? — с долей усмешки спросила та. — Все призраки, которых мне удавалось встретить, были обычными мошенниками, использующие страдания людей в качестве выгоды. И в нашем случае все происходит по такому же сценарию. Возможно, убийца хорошо владеет медицинским ремеслом. Я подозреваю, что это кто-то из сотрудников.

— Я надеюсь на ваш успех, мисс Хапперт. Видите ли, я слишком стар, чтобы наблюдать за каждым. Это место нельзя считать чистым. Здесь полно грязи, которую не возьмет ни одна метла.

— Что ж, мне нужно осмотреться. Попрошу вас предоставить мне имена всех жертв и попытаться назвать дату их смерти. Возможно, это мне поможет. Часто подобные убийцы прячут послание в таких, казалось бы, ненужных сведениях.

— Держите. Все, что вам нужно, в этой папке. Я специально собрал всю нужную информацию для вас. Вы — опытный специалист, мы верим в вас.

— Постараюсь не подвести... И у меня еще один вопрос. На телах не были видны следы крови? В большей части вокруг рта. Все эти... смерти мне чем-то напоминают испанский грипп, судя по снимкам... Лиловые губы, белая кожа, — Татьяна внимательно изучила фотографии в папке, поражаясь необычностью этого дела.

— Да, следы крови были. Но медэкспертиза сделала заключение, что кровь присутствовала из-за резкого исчезновения органов. Было внутреннее кровоизлияние.

— Следы гниения... — Татьяна начала изучать дела покойных пациентов, пытаясь составить общую картину событий. — То есть, смерть наступила не сразу. Они продолжали жить, даже после исчезновения двух таких важных органов. Их убила кровь, не дающая им дышать. Они захлебнулись ею... Ужасно... Кто способен на подобное? Исчез не весь мозг, а лишь его определенные отделы, отвечающие за сознание. Поэтому они умерли не сразу, хотя это тоже вызывает сомнения.

— После их смерти мозг напоминал плотную паутину, он буквально высох, но

продолжал функционировать.

— Значит, они еще были частично живы. Тот, кто их убил, словно пытался что-то воссоздать, проверить. Он не желал их убивать, ему нужны были какие-то сведения... Я сейчас внимательно изучу эти документы, а завтра утром осмотрю весь дом. Мне нужно понять, в каких условиях произошли эти убийства.

— Если вам что-нибудь необходимо, я к вашим услугам, — улыбнулся доктор Ломан и вновь вернулся к своей работе.

Татьяна покрепче сжала таинственную папку и, с обреченным вздохом, покинула кабинет, размышляя о дальнейших действиях.

Девушка проснулась от чарующих звуков, которые вновь доносились откуда-то сверху, настойчиво и мелодично. Она знала, эта была музыка, но на этот раз невидимый музыкант сменил свой музыкальный инструмент и стал создавать свои творения на органе. Девушке была знакома эта мелодия, но тогда она вызывала у нее чувство тревоги, сейчас же Татьяна чувствовала только что-то похожее на силу и отвагу, твердую уверенность и силу пальцев, нажимающих на мануалы.

Музыка с каждой минутой становилась какой-то скрипящей, напоминая чей-то плач, душераздирающий крик. Татьяна постаралась прислушаться, но музыкант словно уходил куда-то вдаль, звуки делались все тише и тише, пока не исчезли совсем.

Она поднялась с кровати и с удивлением поняла, что кто-то успел снять с нее верхнюю одежду, облачив ее стройное белокожее тело в ночную рубашку. Девушка пыталась верить, что это сделала она сама, но ни единого воспоминания об этом не было. Она помнила лишь то, как зажгла свечи и обессилено легла на кровать... А дальше пустота.

Собравшись с мыслями, она аккуратно встала с постели и огляделась, пытаясь найти следы чужого присутствия. Она чувствовала, что что-то изменилось в этой комнате. Искать долго не пришлось.

С неуклюжей тумбочки исчез портсигар и драгоценное для нее фото.

Анна вела Татьяну по ярко освещенному дневным светом коридору. Теперь девушке не казалось, что она ослепла, свет был таким теплым и красочным, что теперь это место не воспринималось таким жутким.

Сегодня впервые за столь долгое время выглянуло солнце, но оно имело странный рыжеватый оттенок, словно в небе застыл рассвет, не желая переходить в новое время суток. Все вокруг было окрашено в золотистые тона небесного светила, отчего казалось, что каждый предмет сделан из драгоценного металла: так ярко он светился в лучах солнца.

Татьяна надела на себя простенькое черное платье без рукавов, а под него белую сорочку. Этот простой образ умело подчеркивал все достоинства ее стройной фигуры, скрывая даже, казалось бы, явные недостатки. Свои длинные темно-рыжие волосы девушка затянула в хвост, эта прическа была у нее повседневной, и вряд ли она придумает что-то другое.

Ее семья происходила из некогда богатой и влиятельной семьи. Но девушка ничуть не гордилась этим. Этот статус всю жизнь смущал и в чем-то даже ограничивал. Ей приходилось постоянно выбирать круг общения, соблюдать традиции и жить по строгому расписанию. Сейчас детство кажется чем-то далеким, забытым. Но оно изредка продолжает к ней возвращаться в черно-белых образах. Она ненавидит свое прошлое... Татьяна пытается

вспомнить, что же так заставило возненавидеть события тех дней, но большинство воспоминаний окутаны густым туманом. Девушка практически ничего не помнит... И даже рада этому.

Анна задумчиво шла впереди, иногда смотря в окно. Было в ней что-то поэтическое, плавное и грациозное. Все ее движения, даже нелепые, являлись чем-то совершенным, продуманным и отточенным до безумия.

— Как давно это здание принадлежит Доктору Ломану? — Татьяна решила нарушить молчание и немного разузнать о судьбе этой психбольницы. Все-таки осмотр дома может и не дать ощутимых результатов.

— Он его выкупил в годы войны, кажется так, — каким-то странным тоном ответила та. — Раньше здесь был частный дом. Я работала тут еще до открытия больницы для душевнобольных. Была прислугой.

— Много здесь было слуг?

— О, человек двадцать. Этот дом постоянно нуждался в уходе. Он казался мне большим государством, где каждая комната просит о помощи.

— Почему хозяева продали дом?

— Это случилось после одного несчастного случая, так мне кажется. Здесь жила довольно милая состоятельная пара, у них было двое сыновей. И оба их ребенка погибли. После этого они внезапно переехали в Лондон. И мало-помалу... дом опустел. Но я не смогла уйти отсюда.

— Почему?

— Моя душа привязана к этому месту... Каким бы этот дом не стал, я всегда буду находиться здесь. Иногда место, в котором ты прожил всю свою жизнь, становится твоим сердцем, без которого просто невозможно существовать дальше.

— Анна, я хотела вас спросить еще кое о чем. Сегодня ночью я снова слышала музыку. Мне хотелось бы узнать, кто это играет?

— По правде говоря, мы не знаем. Музыка в этом месте появляется без особой причины, она стала чем-то обыденным. Мы привыкли к ней.

— В каких комнатах могут располагаться музыкальные инструменты? — Татьяна внезапно двинулась вперед и стала внимательно осматривать каждый уголок.

— На чердаке, — с неким испугом произнесла женщина. — Там стоит старый рояль, некогда принадлежавший бывшим владельцам дома.

— Тогда нам нужно осмотреть чердак... Я уверена, что этот рояль как-то связан с теми убийствами.

На чердак вела довольно старая и полусгнившая лестница из непрочного местного дерева, она уже успела почернеть и утратить знакомые очертания, но, к счастью, эта деревянная конструкция все еще верно служила этому дому.

Чердак был довольно хорошо освещен дневным светом. Он проникал буквально из каждой щели, коих здесь было больше, чем пыли. Казалось, что один неверный шаг — и чердак рухнет вниз. Удивительно, что здесь мог еще стоять тяжелый рояль.

Повсюду располагались старые вещи, скрытые под белыми простынями, под которыми иногда виднелись очертания мебели и каких-то странных медицинских механизмов, но об их предназначении Татьяна не догадывалась. Пока ее интересовали только музыкальные инструменты.

— Чердак всегда закрыт, поэтому вряд ли тут мог быть кто-то посторонний, мисс, — с долей тревоги произнесла Анна, зачем-то включив керосиновый фонарь, словно считая, что дневного света будет недостаточно.

— Странно, никаких следов, — Татьяна внимательно осмотрелась, пытаясь найти на пыльном полу признаки человеческого присутствия, но их, к сожалению, не было. — Где здесь стоит рояль?

— Он находится в том углу, под простыней, — указала ей Анна и медленно направилась вслед за девушкой, которая энергично подбежала к заветной цели, словно та вот-вот исчезнет перед ее глазами.

Сдернув с тяжелого музыкального инструмента неподъемную белую простыню, девушка обнажила горделиво стоящий черный рояль, который, как и все здесь, был покрыт толстым слоем пыли.

— Странно, к клавишам словно никто не прикасался долгие годы, никаких следов пальцев, — девушка осторожно провела рукой по клавиатуре, пытаясь найти логическое объяснение. — Сегодня ночью я слышала звуки другого музыкального инструмента... Органа.

— Органа, мисс? — удивленно переспросила Анна. — Насколько мне известно, здесь никогда не было подобного музыкального инструмента. Хозяева любили только рояль. На нем очень любил играть один из их мальчиков. И знаете, играл он божественно. Его талант не передать словами. После смерти мальчика к роялю не прикоснулась ни одна рука.

— Но откуда тогда взялась эта музыка? — прошептала девушка. — Можно сделать банальное заключение, что здесь обитает призрак мальчика, который не обрел покоя и убивает всех обитателей этого дома, но даже если и так... Призраки не способны к физическому контакту... Вам известно, от чего умерли два мальчика?

— Один погиб при пожаре, второй скончался во время вспышки испанского гриппа. Кажется, так... В последнее время память меня часто подводит...

— Испанский грипп... На снимках умерших я обнаружила признаки, свойственные только тем, кто подвергся атаке этого вируса... Белая кожа, лиловые губы... Отсутствие легких... Все это очень странно, вам не кажется?

— Если, как вы сказали, это дело рук умершего мальчика, то тогда можно предположить, что он пытается вернуть свои легкие, которые сгнили из-за вируса.

— Нет, убийца явно хочет обустроить все свои действия так, чтобы мы списали их на каких-то призраков... Это самое простое, что мы можем сделать... Убийца явно знаком с медициной не понаслышке. Возможно, ему удалось вытащить легкие по методу древних египтян... через ротовую полость. Но как он смог вынуть мозг? До него через ротовую полость добраться невозможно.

— Извините, мисс, но мне нужно идти. Я должна помочь на кухне с готовкой. Прошу вас, не опоздайте на обед.

— Хорошо... Я пока немного осмотрюсь здесь.

— Я оставлю вам запасные ключи на всякий случай, — Анна осторожно положила связку на крышку рояля и, любезно улыбнувшись, стала медленно спускаться вниз.

Когда ее шаги стихли, Татьяна обессилено села на стульчик рядом с роялем и закрыла лицо пыльными ладонями, пытаясь собраться с мыслями. Это расследование с каждой минутой становится намного тяжелее, чем она ожидала ранее.

Вдруг рядом с ней раздался странный звук, напоминающий чьи-то шаги. Татьяна

испуганно вздрогнула и стала внимательно оглядываться. Тут ее внимание привлекли два предмета, лежащие на одном из столов, прикрытом белой простыней. Она с первого взгляда узнала эти вещи.

Это была ее пропавшая фотография и портсигар.

Улицы города встретили Татьяну с некой долей отчужденности, даже легкой враждебностью, но подобные эмоции серых улиц уже не могли удивить девушку. Она была рада любой смене обстановки. Находиться в психиатрической клинике весьма тяжело, особенно если знаешь, что там происходили странные и необъяснимые вещи. Поэтому оказаться подальше от того ужасного места — радостное событие. Жаль, что ей все равно придется туда вернуться этим вечером. Но ничего не поделаешь. Она сама согласилась взяться за это дело.

Автомобиль с приятным фырканьем остановился около небольшого ресторанчика, который носил довольно странное и примечательное название «Разбитые сердца». Татьяна считала, что называть подобным именем публичное место — большая ошибка. Зная, что это суеверие, она, так или иначе, верила, что название любого заведения может заранее предречь его судьбу. Поэтому посещала места, которые носили только светлые имена, без пафоса и вычурности. Так ей было гораздо спокойнее. Но сейчас ей все равно придется войти в «Разбитые сердца», так как ее коллега по работе Джордж — прекрасный знаток египтологии и многих древних жертвоприношений — назначил ей здесь встречу, обещая помочь в расследовании. У него были интересные сведения для нее, без которых вряд ли дело о таинственных убийствах в той психбольнице сдвинется с места.

На улице было весьма душно и омерзительно сыро. Едва девушка вышла из машины, как почувствовала прикосновение холодных капель дождя, словно на нее сверху падают кусочки льда. Открывать зонтик не имело смысла, так как ресторан находился от нее в паре метров, но даже за такое короткое время Татьяна успела промокнуть.

Улица выглядела странно. Здесь было малоллюдно и немного мрачно. Все казалось каким-то незнакомым. Невысокие дома, выстроенные в классическом стиле, напоминали странных мифических существ, внимательно следивших за каждым движением Татьяны. Окна везде задернуты шторами, словно люди боялись увидеть что-то снаружи и прятались от невидимой напасти в уютных квартирах. А прохожие, которые все же осмелились покинуть свои жилища, хмуро глазели на землю, словно что-то выискивали на мокром тротуаре, но это что-то постоянно от них ускользало. Не желая больше наблюдать за странностями этого переулка, Татьяна как можно скорее открыла дверь «Разбитых сердец» и вошла внутрь, чувствуя, как приятное тепло нежно поглаживает ее мокрые щеки.

Внутри ресторана было довольно уютно. Приятный запах еды и дорогого табака моментально отбил все дурные мысли и помог слегка расслабиться. Обеденный зал был обставлен просто и со вкусом. В основном здесь присутствовали темно-красные тона с небольшим количеством цвета шоколада, отчего создавалось ощущение, будто владелец большой любитель красного вина и сладостей. За столиками сидело не слишком много людей, но их было гораздо больше, чем снаружи. И все они радовались жизни, что-то бурно обсуждали и добродушно смеялись. Татьяне стало значительно легче. Она поняла, что видит обычную реку жизни, а не какой-то загробный мир, который в последнее время преследует ее повсюду. Работать в сфере преступности — трудная задача. Каждый день видеть смерть и пытаться воспринимать ее, как что-то обыденное — легкая дорога к расстройству психики.

Джордж сидел около окна и явно не заметил прихода коллеги. Это был приятный молодой человек лет тридцати, гладко выбритый и с русыми небрежно уложенными волосами, которые слегка вились на затылке. Он одевался всегда безвкусно, но на этот раз Джордж удивил Татьяну: тщательно выглаженный костюм хорошо сидел на его крепком теле, создавая ощущение, будто мужчина — состоятельный владелец какой-то фабрики в промышленном центре Англии.

Татьяна бесшумно села напротив него и щелкнула пальцами, чтобы привлечь его внимание. Джордж вздрогнул, оторвав свой усталый взгляд от окна и взглянул на девушку, явно не ожидая увидеть ее рядом с собой.

— Я всегда поражался твоей тихой натуре. Как ты умудряешься появляться так незаметно? — улыбнулся тот, приветливо и тепло, затем потянулся к девушке и чмокнул ее в мокрую щеку. — Кажется, ты попала под дождь.

— Да, так и есть. Погода в этом месяце оставляет желать лучшего.

— Выглядишь уставшей. Похоже, это расследование оказалось труднее, чем ты предполагала?

— Угадал. Я не представляю, в каком направлении мне идти дальше. Никаких зацепок, кроме призрака, блуждающего по коридорам... Ты нашел что-нибудь?

— Да. Вчера я заглянул в свои архивы и нашел очень интересную статью про бывших владельцев того дома. Статья была посвящена смерти тех близнецов. Конечно, ничего нового про их смерть не было. Все списывают на обычные стечения обстоятельств. Пожар и болезнь могут убить каждого, так считает автор той небрежной писанины. Но я все же узнал интересные детали.

Татьяна почувствовала знакомый азарт в его словах, означающий только одно — это сведение способно сдвинуть расследование с мертвой точки. Она работала с ним уже несколько лет и не представляла ни единого дела без его участия. Этот парень мог найти любую информацию... Ну, или почти любую. Девушка достала из кармана своего пальто портсигар и закурила, внимательно слушая рассказ коллеги.

— Владельцем дома был врач-хирург. Довольно известный человек в своих кругах. Я выяснил, что он занимался поиском вакцины против испанского гриппа в 1918 году, но, как выяснилось, безуспешно.

— Как раз убийства были явно совершены человеком, знающим хирургию. Но как он смог добраться до мозга и извлечь его отдел, отвечающий за сознание?

— Вот это я не знаю. Насколько мне известно, такую операцию провести вряд ли возможно. Тем более нет никаких признаков хирургического вмешательства. Даже если органы были вынуты через ротовую полость, пациент должен был быть уже мертв или...

— Или усыплен очень сильным наркотиком. Это более весомый вариант. Так как экспертиза показала, что жертвы какое-то время были еще живы после того, как у них пропали органы.

— Не нравится мне, что ты взялась за это дело... Тем более одна. Ты больше не работаешь с Себастьяном?

— Нет. Наши пути разошлись. А почему я взялась за это дело?.. Ты же знаешь, что я не беру легкую работу, — Татьяна сделала последнюю затяжку и потушила сигарету в пепельнице. — Я чувствую, что истина где-то рядом. Осталось понять, кто может быть подозреваемым. Ведь никаких следов убийцы нет.

— Я волнуюсь за тебя. После смерти Эрвана ты...

— Не смей хоронить его, — стиснув зубы, прошептала та, отпив немного белого вина, к которому она не собиралась даже прикасаться, но любое упоминание ее возлюбленного сводило девушку с ума. — И не смей больше произносить его имя в моем присутствии. Ты многого не знаешь.

— Эрван был моим другом, я им очень дорожил. Но мне больно смотреть, как ты мучаешь себя, словно пытаешься себе что-то доказать. Ты ведь после его... взялась гонять убийц и всяких шарлатанов, специализирующихся на призраках. Зачем?

— Я хочу узнать истину, Джордж. Вот и все... Ладно, спасибо за информацию. Если что-то выяснится, дам знать, — девушка поднялась и собиралась направиться к выходу, но Джордж быстро остановил свою коллегу, крепко сжав ее плечо.

Девушка вздрогнула, почувствовал прикосновение его горячей крепкой руки, и обернулась, внимательно посмотрев в карие глаза молодого человека, который с долей мольбы и страха смотрел на нее, будто хотел что-то сказать, но его рот так и не открылся. Они молча стояли посреди обеденного зала и разглядывали друг друга.

— Мне нужно идти. Водитель не будет ждать вечно, — тихо произнесла Татьяна и аккуратно убрала его руку со своего плеча, затем бесшумно направилась к выходу, стараясь не оборачиваться в сторону Джорджа.

Молодой человек вернулся к своему столику и вновь уставил свой взор на чисто вымытое окно, из которого открывался вид на оживленную улицу, освещенную ярким светом солнца. Тепло небесного светила ласково касалось его лица, пытаясь отогнать у Джорджа плохие мысли, но те не желали покидать молодого человека. Он боялся за Татьяну, боялся так, как не боялся за свою жизнь.

Путь обратно занял не слишком много времени, что слегка обрадовало Татьяну. Долгие поездки на прыгающем автомобиле с легкостью превращали ее чувствительное тельце в какое-то ватное неподвижное создание. Возможно, водитель просто не слишком качественно выполнял свою работу, но девушка винила само транспортное средство, которое даже на ровной дороге прыгало, словно в нем проснулся самый настоящий заяц. Тошнота в данной поездке не была единственной проблемой, в таком прыгучем автомобиле невозможно было даже думать, лишь надеяться, что скоро все это закончится.

До места назначения они добрались ближе к вечеру. Солнце практически полностью скрылось за горизонтом, оставив лишь узкую алую полосу где-то на краю Земли, которая с каждой минутой становилась все уже и уже, пока полностью не растворилась во мраке ночи. Впервые за столь долгое время на небе появились звезды, яркие и такие большие, что можно было их с легкостью спутать с военными самолетами, летящими сюда с фронта. Но эти белые точки на небосводе были неподвижны и освещали местность ярче луны, решившей сегодня отдохнуть и не появляться на черном небе.

Машина остановилась у ворот, у которых, к удивлению Татьяны, стояло несколько полицейских машин. Поблагодарив водителя и дав ему чаевые, девушка с несвойственной ей быстротой выскочила из транспортного средства и направилась в сторону психбольницы, слыша множество голосов впереди. Кажется, здесь присутствовало довольно большое количество людей, что было странным явлением. Явно случилось что-то страшное.

Едва молодой детектив приблизилась к толпе, как к ней со слезами бросилась Анна, пытаясь сквозь рыдания что-то сказать, но женщина была в таком потрясенном состоянии, что ни единое слово не желало складываться в понятные фразы. Некогда ухоженная и

приятная на вид старушка превратилась в убитую горем женщину, которую теперь можно было узнать только по голосу. Она явно только что спала и из-за странного происшествия была вынуждена подняться с постели. Ее длинные седые волосы были распущены и успели спутаться из-за сильного ветра, обитающего здесь даже в ночное время. Ночная длинная рубашка Анны была в пятнах крови и довольно свежих, что сильно встревожило Татьяну, которая стала понимать происходящее. Было совершено новое убийство.

Слегка обняв пожилую женщину, захлебывающуюся в своих слезах, девушка направилась в центр толпы, откуда доносились какие-то встревоженные и озадаченные разговоры.

Среди этих людей было много полицейских и журналистов с фотокамерами, пытающихся запечатлеть каждый сантиметр лежащего на земле тела.

— Миссис Хапперт! — из толпы послышался знакомый голос, и через пару мгновений к удивленной Татьяне вышел приятный на вид мужчина лет сорока с гладко выбритым лицом. — Как я рад, что вы здесь.

Татьяна признала в этом мужчине детектива Себастьяна Морана. Это был довольно умный и опытный человек с большим списком успешно раскрытых дел. Неудивительно, что он здесь. Татьяне уже доводилось работать вместе с ним, и она была не довольна их сотрудничеством. Себастьян был явным женоненавистником и постоянно старался намекнуть, что девушке место на кухне, а не в сфере криминала. Разумеется, Татьяна не обращала внимания на его колкие и порой обидные фразы, просто старалась работать и углубляться в раскрытие преступления. Но, так или иначе, присутствие Себастьяна здесь могло означать только одно — он собирается взяться за это дело.

— Себастьян, здравствуйте. Я ушла на пару часов, вернулась, а тут уже творится что-то непонятное. Что произошло?

— Главврач этого заведения — доктор Ломан — покончил с собой час назад. Выпрыгнул из окна собственного кабинета.

— Господи Боже, — Татьяна едва не потеряла дар речи, услышав имя доктора. Пытаясь собрать все мысли воедино, она приблизилась к телу мужчины, который в неправильном положении лежал на земле в луже собственной крови. — Странно, те же признаки, что и на предыдущих жертвах. Явные симптомы испанки.

— Смотрю, ты уже давно расследуешь это дело, — усмехнулся Себастьян, с отвращением поглядывая на мертвого доктора Ломана. — Чувствую, что это дело станет весьма популярным в прессе.

— Нам пока не нужна огласка, Себастьян. У нас нет никаких улик.

— А мне кажется, что наоборот.

— О чем ты?

— Я думаю, что этот доктор причастен к предыдущим убийствам. И чтобы не предстать перед судом... Сводит счеты с жизнью.

— Надеюсь, твоя нелепая теория не появится в прессе, — Татьяна фыркнула и внимательно посмотрела на спящее здание психбольницы, в котором слышались чьи-то тихие стоны.

Пациенты явно напуганы присутствием полицейских и журналистов. Ведь обычно в этих местах обитала мертвая тишина, а сейчас здесь шумнее, чем на Бродвее.

Расследование приняло непредсказуемый характер. Человек, который был так важен, который знал все, что происходит в этом здании — теперь мертв. Это явное убийство,

совершенное тем же лицом, след которого остается неуловимым.

— Я так понял, этот доктор нанял тебя, чтобы ты раскрыла те убийства? Обычно ты не берешься за дело без напарника. С каких пор ты действуешь в одиночку? — в голосе Себастьяна слышался сарказм. Он ничуть не изменился за столь продолжительное время, остался все таким же самовлюбленным и эгоистичным, как раньше. Да и вряд ли его что-то изменит.

— Смотрю, ты уже нашел много информации об этом человеке, и даже больше. С каких пор ты стал любить копаться в архивах?

— Я просто стал любить свою работу, Танюша, — по-кошачьи прошипел тот и направился в сторону журналистов. — Знаешь, я оставляю это дело тебе. Думаю, ты справишься.

— Твое благородство сейчас не к месту, — бросила ему девушка и вновь устала свой взгляд на темное здание психиатрической больницы, светящееся от света звезд необычным белым свечением. Ее взгляд притянул чердак, где виднелся слабый огонек, источником которого могла служить только керосиновая лампа.

— Там кто-то есть, — прошептала девушка и продолжила следить за светом. Вскоре ее замерзшие от холодного ветра уши уловили звуки музыки, тихие и прекрасные, от красоты которых можно было с легкостью сойти с ума.

Когда Татьяна поняла, что это единственный шанс понять, что произошло этой ночью, она подбежала к офицеру полиции, стоявшему рядом с Себастьяном. Они явно не были встревожены всем происходящим, лишь стояли здесь для формальности.

— Заприте дом, сейчас же. Нужно отцепить всю территорию психбольницы.

— Мисс Хапперт, что случилось?

— Возможный убийца находится в здании.

Девушка вновь взглянула на тот теплый свет, виднеющийся в узком окошке чердака, и поняла, что он начал медленно уходить внутрь дома.

Офицер не стал спорить. Ему был известен опыт этой молодой женщины, поэтому воспринял ее слова с наибольшей серьезностью и отдал приказ всем полицейским окружить здание психиатрической клиники.

— Себастьян, нужно поднять весь персонал, осмотреть каждую комнату. Если будем внимательны, то сможем понять, что здесь творится.

— Ты уверена, что знаешь, что делать? — с сомнением посмотрел на нее Себастьян, явно не доверяя ее словам.

— Вспомни наше предыдущее дело, тогда поймешь, что я знаю, что делать.

Эта ночь стала самой беспокойной за всю жизнь Татьяны. Ей казалось, что она потеряла что-то невероятно важное, что-то поддерживающее ее жизнь. Без этого душа стала чем-то пустым, безжизненным... как и природа за окном психиатрической клиники.

Небо разверзлось с небывалой силой. Все вокруг погрузилось в мокрую пургу, захлебываясь от острых ледяных капель дождя, которые царапали окна и пытались проникнуть в старый дом. Девушка слышала, как вода стремительно просачивалась сюда через старый чердак, залезала в маленькие трещинки и пыталась разрезать стены тонкими, но сильными ручейками. Она слышала стоны здания, его боль. Вода была для него злейшим врагом, и оно уже не в силах сражаться со стихией. Его силы на исходе.

Ветер превратил многочисленные коридоры в настоящий оркестровый хор — его вой

был повсюду, отчего казалось, что он уже летает в самом сознании, пытаясь перемешать мысли, беспорядочно и хаотично. От этого душераздирающего свиста можно было легко сойти с ума и занять место в свободной палате, чего молодой детектив боялась больше всего.

Она запуталась, не могла понять, что делать дальше. Все усложнилось, все надежды улетели вместе с ветром, уплыли по стенам глубоко под землю. Больше нет ничего, что могло бы дать ответ.

Татьяна расположилась на коленях рядом с оббитым красным бархатом креслом, в котором сидела опустошенная от долгих рыданий Анна, пытавшаяся сделать хотя бы маленький глоток воды, принесенной ей медсестрой.

Девушка наблюдала за ее движениями: за медленными морщинистыми пальцами, тонкими сморщенными губами, пытающимися промолвить хотя бы словечко, но горе от потери лишило Анну сил. Пожилая женщина казалась потухшей свечей, когда-то освещавшей этот полутемный холл. Татьяна сжала ледяной рукой колено Анны и пыталась передать ей хотя бы немного душевного тепла, но ее старания вряд ли обретут успех. Та угасала с каждой минутой все сильнее и сильнее, отводя свои печальные опухшие глаза куда-то в сторону, будто боясь увидеть что-то знакомое среди окружавших ее людей.

— Анна, вы должны вспомнить, — прошептала Татьяна, еще крепче сжимая колено пожилой женщины. — Хотя бы что-то. Любая информация о докторе Ломане поможет нам понять причину его смерти.

— Он знал о своей гибели, — едва слышно промолвила та, пытаясь восстановить дыхание. — Знал то, что не знали многие.

— О чем он мог знать? Он знал, кто причастен к этим убийствам?

— Да, он знал, кто это... Но, — Анна тяжело вздохнула и устало прикрыла глаза, медленно и неуклюже покачивая головой, что-то тихо шепча под нос. — Он не успел, не успел показать вам... Вы ведь здесь не ради убийства... Ведь так? Вас привела сюда совершенно другая смерть.

Татьяна побледнела, услышав последние слова женщины, и резко убрала руку с ее колена, как-то брезгливо и отчужденно.

— Вскрытие должно дать более ясную картину его смерти, пока это только предположения. Но я начал склоняться к тому, что мы имеем дело с настоящим убийством, которое спланировали так, чтобы все это походило на обыкновенный суицид, — Себастьян указал девушке на снимок жертвы, тыкая пальцем в какую-то область на фото. — Видишь? Это похоже на след от укуса. Довольно свежий.

— Напоминает предыдущие случаи, — с долей восторга посмотрела Татьяна на мужчину, чувствуя, что тот нашел какую-то важную зацепку. Этот человек обладает блестящим умом, она никогда не отрицала этого факта.

Они находились посреди плохо освещенной комнаты, когда-то бывшей кабинетом доктора Ломана. После смерти владельца обстановка помещения успела существенно измениться. Исчезла эта странная дымка от свеч, этот дурманящий мятный запах. Девушке казалось, будто она здесь никогда не была. Комнату словно подменили — отсутствовали все знакомые детали. Но Татьяна старалась ссылать подобные наблюдения на свою усталость, не более. После подобного происшествия даже собственное отражение в зеркале могло показаться чужим.

— Но это не самое интересное. Буквально через час симптомы испанского гриппа

таинственным образом испарились. Тело имеет обычный вид трупа, без каких-либо симптомов этой ушедшей в прошлое болезни. Ни лиловых губ, ни следов крови в ротовой полости.

— Как такое возможно?

— Не знаю. Надеюсь, вскрытие даст хоть какое-то объяснение. Оно пройдет завтра утром. Надеюсь, ты будешь присутствовать. Твоя наблюдательность нам понадобится.

— Удивительно, как ты вообще ввязался в это дело?

— Видишь ли, полиция уже более двух лет наблюдает за этим заведением. Поступали жалобы на антисанитарные условия пациентов, жестокость медперсонала и т. д. Типичная проблема подобного учреждения. Это не единичный случай. Но была одна проблема. У доктора Ломана нашлись друзья сверху, которые не допускали никакого вмешательства в жизнь этой больницы. Все уголовные дела были закрыты, так и не начавшись. Но почему вдруг он вызывает тебя расследовать эти преступления, когда полиции разрешили только забрать тела и сделать снимки с места убийства? Вот это вопрос. Я был крайне удивлен, узнав, что такой неуловимый нарушитель человеческого права, как этот старикашка, вдруг поручает тебе расследовать это дело, а ты в одиночку соглашаешься этим заняться.

— Это моя работа, — отрезала девушка и подошла к разбитому окну, закрытому платяным шкафом, который препятствовал проникновению бушующей стихии вовнутрь помещения.

— Нет, ты пришла сюда не ради работы. Ты просто наслушалась сказок от этого чокнутого старика, надеясь, что это приведет тебя к Эрвану. Я видел письмо. Он сказал тебе, что знает информацию, опровергающую его официальную смерть. И ты ему поверила?

— Не называй его имя! — закричала Татьяна, резким движением руки смахнув со стола стопку с бумагами. — Тебе не понять, что я чувствовала все эти годы!

— Ты мучаешь себя, Таня, разрушаешься изнутри. Этим ты занимаешься, находясь здесь? Неужели ты поверила, что этот якобы призрак?..

— Я ничего не подумала... Дом осмотрели, он пуст. Здесь ничего нет... Убийца ушел. Мы снова не имеем улик.

— Вскрытие покажет нам многое, Таня. Вот увидишь, — мужчина подошел к ней вплотную и слегка обнял девушку. — Но мне тяжело наблюдать, как ты пытаешься доказать себе, что Эрван действительно умер, как коришь себя за то, чего не делала.

— Я виновата перед ним, — девушка уткнулась острым кончиком носа Себастьяну в грудь и наконец-то дала волю слезам и эмоциям, которые так долго копились в ее груди. — Я могла что-то исправить, но не смогла... Не смогла...

— Прошлое не вернуть. Нужно жить настоящим. Я тоже многое потерял там... на Восточном фронте. Но мое существование в этом мире продолжается. Если я жив, значит, Господь еще нуждается во мне. Ведь так?

— Не учи меня религии, Себ, — усмехнулась девушка и осторожно высвободилась из объятий мужчины. — Но я рада, что ты сказал это. Для меня это очень важно... Правда...

Едва их голоса смолкли, и в комнате невольно воцарилось молчание, как где-то наверху в глубине дома слышались приятные звуки пианино, красочные и звонкие, как пение птиц.

Татьяна почувствовала, как что-то холодное и одновременно горячее пронеслось по всему ее телу — это был страх, настоящий и живой, как эта прекрасная мелодия.

— Ты слышишь? — прошептала девушка, огромными карими глазами поглядывая на удивленного Себастьяна.

— Слышу что? — приподнял бровь тот, подойдя к столу, на котором были разложены фотографии с места убийства доктора.

Через пару мгновений музыка вновь растворилась где-то вдали, словно безымянный музыкант вновь ушел вглубь дома, где его игра на пианино больше не слышна.

— Наверное, мне показалось, — провела рукой по волосам та, чувствуя, как дрожь по всему телу продолжает разрывать ее на части. Она знала, что музыка была реальна, она чувствовала ее течение, ее образ — и он пугал до потери сознания.

— Что ж, уже поздно. Мне нужно возвращаться в участок. Завтра жду тебя там на вскрытии. Думаю, нас ждут интересные сюрпризы... Признаюсь, работа с тобой — настоящее удовольствие.

— Лесть тебе не к лицу, дорогой Себастьян, — улыбнулась ему та и мельком взглянула на потолок, будто пытаясь увидеть там следы невидимого музыканта. — Я, наверное, вернусь в город. Думаю, нет смысла оставаться здесь, пока тут дежурит полиция. Мне нужно сменить обстановку.

— Что ж, до завтра, — Себастьян кивнул ей и с какой-то позитивной улыбкой вышел из кабинета, по обычаю нацепив на голову нелепую серую шляпу, которая успела покрыться дырками и торчащими во все стороны ниточками. Но эти недостатки только усиливали любовь хозяина к данному предмету его гардероба.

— До завтра, — лениво бросила ему в ответ та и медленно села на стул, взяв со стола пару черно-белых фотографий. — Что же вы хотели мне показать? — с досадой промолвила девушка, вглядываясь в мертвое тело доктора Ломана, и откинулась на спинку стула, устало прикрыв глаза.

Ее в чувства привел чей-то шепот, доносящийся где-то позади нее, но было слышно, что говорящие присутствуют в этой комнате. Татьяна обернулась и поняла, здесь, кроме нее, никого нет.

— Она наблюдает, она слышит нас, — чей-то до боли знакомый голос донесся прямо около уха Татьяны, отчего та вздрогнула, словно почувствовала смертельный укус. — Она напугана. Страх сковывает ее тело.

Татьяна резко вскочила на ноги и стала в панике искать прячущихся посетителей этой комнаты, которые говорили чуть ли не в паре сантиметров от до смерти напуганной девушки.

Вскоре голоса стихли, и вновь воцарилась тишина, нарушаемая жутким посвистыванием ветра. Татьяна устало закрыла глаза и обессиленно села на пол, чувствуя, как слезы огромными каплями капали на деревянный пол, создавая причудливый узор, напоминающий ночное звездное небо.

— Эрван, — с болью произнесла она и опустила голову, понимая, что ей уже ничего не поможет. Все надежды стремительно умирали, оставляя вокруг только ледяной страх, который подобно кислоте разъедал душу девушки, жестоко и без единой капли жалости.

Глава третья. Двойное чувство

Ему нравился запах овощей, запах их свежести и необработанности. Каждый раз смотря на них, Эрван представлял, как осторожно сжимает в руке заветный плод, левой рукой берет острый кухонный нож и разрезает овощ на мелкие кусочки, стараясь делать это как можно ритмичнее и быстрее. В первое время он часто ранил пальцы лезвием ножа, ускоряясь во время резки овощей, но постепенно навык улучшался и порезы практически ушли в прошлое. Разумеется, сам он бы никогда не смог научиться этому. До недавнего времени нож он держал только на поле боя. Те ужасные события были столь далеким, что не казался частью реальной жизни, стал чем-то несуществующим и невероятно отдаленным. Это была прошлая жизнь, теперь он живет в теле новой личности, носит новое имя и выдуманную биографию.

Он — Эрван Джефф.

Более менее говорить по-английски его научил Джордж, тот, кто подарил ему шанс на спасение. Этот человек запрещал вспоминать о событиях, предшествующих перемирию, окончанию страшной войны, и Эрван старался следовать этим указаниям. Да и ему самому было легче думать, что ничего плохого не было, что в мире постоянно была гармония. Ему проще не вспоминать, как тела товарищей разлетались на куски, а их внутренности оседали на его форме, полностью пропитывая ее запахом человеческой крови. Не вспоминать звук разрывающихся снарядов и огнестрельного оружия, чьи пули пролетали в паре сантиметров от лица. Не восстанавливать в памяти ту боль, которую он испытывал в госпитале, чувствуя, как хирург зашивает его ранение без какого-либо наркоза, так как тогда экономили на всем: в тот момент Эрван насквозь прокусил свою губу и язык, но боль была приятной, какой-то умиротворенной, хотя долгое время ему было весьма трудно говорить.

Джордж всегда рядом. Он был тем, кто еще совсем недавно являлся его врагом, тем, кто мог совершить над ним самосуд. Но тот подарил ему жизнь, дал шанс начать все с нуля, стать новым человеком. Эрван долго не мог поверить во все случившееся, особенно в то, что теперь ему предстояло стать гражданином Англии, полностью отказаться от семьи и стереть все события прошлого. Но так было нужно, об этом постоянно говорил Джордж. Было страшно, да, было очень страшно им обоим. Не было ни плана, ни каких-либо средств на существование. Но Джордж вывел их из той ямы, где они невольно оказались в тот злополучный день.

Теперь они работают в небольшом стареньком кафе, где с раннего утра до позднего вечера удаляет голод лондонское население. Люди постоянно голодны, их аппетит неутолим. Эрван видел много людей, чьи лица заплыли жировой массой, чья мания к еде чудовищна, это помогало ему на короткое время забыть, особенно не думать о голоде, который преследовал молодого человека постоянно. Джордж на удивление готовил хорошо, словно занимался этим с раннего детства. Когда ему пришлось обучать этому мастерству своего друга-неуча Эрвана, то он поведал, что в этом деле главное спокойствие каждого действия, еда не терпит человеческой злости, насилия, она любит ласку и сладкую нежность, только тогда блюдо получит хороший вкус. Эрван усвоил этот урок. На собственное удивление он научился многим навыкам кулинарного искусства за рекордное количество времени. Эрвану нравилось готовить, он мог делать это круглые сутки. Сначала он был на подмоге, либо стоял у раковины, но постепенно его подпустили к плите и позволили готовить самому. И это погрузило Эрвана с головой. Процесс приготовления

блюда отгонял все дурные мысли, все страхи и переживания, парень в такие моменты испытывал легкое возбуждение, чувство полета и внутреннее умиротворение. Джордж всегда наблюдал за ним с довольной улыбкой и легким незаметным удивлением, было видно, как он гордился своим учеником и самым настоящим другом.

Но вкус приготовленных блюд был Эрвану не знаком, пробовать их категорически запрещалось, а перерывы на еду очень часто приходилось отменять из-за большого потока людей. Их забегаловка располагалась в промышленном районе, поэтому ближе к вечеру толпа клиентов, покинувших свои заводские станки, была бесчисленной. В такие моменты Эрван разбавлял свои блюда собственной кровью, ибо приходилось готовить сразу несколько заказов, а глаза просто не успевали за ножом, который с бешеной скоростью нарезал овощи.

— Мне всегда было интересно, какова твоя кровь на вкус, — часто шутил Джордж, замечая, как Эрван наскоро вытирал свои окровавленные пальцы полотенцем. — Но клиенты пока не жалуются, значит им нравится.

— Остроумия у тебя хоть отбавляй, — смущенно улыбался ему Эрван, стараясь говорить с английским акцентом, что у него уже получалось весьма неплохо и не вызывало трудностей. Джордж старался каждый день перед сном тренировать своего друга языку, чтобы тот чувствовал себя в английском обществе не так скованно и более открыто. Эрван обладал хорошим словарным запасом, но его немецкий акцент вызывал у Джорджа дрожь и легкое отвращение. Поэтому Эрван старался как можно скорее избавиться от этой «вредной» привычки.

— Не жалеешь о том, что случилось в тот день? Скучаешь по семье? — иногда спрашивал его ночью Джордж.

— Нет, не жалею, — с улыбкой шептал Эрван сквозь сон. — Мне нравится моя жизнь.

Они жили в маленькой тесной комнатухе, которую снимали за небольшие деньги у одной старушки. В первое время они спали где придется: то под мостом, то в уютном парке, то в сыром темном переулке на мешках из-под муки, забытых водителем грузовика. Но вскоре их будущая хозяйка комнаты зашла к ним в кафе выпить коньяка и, делая заказ, разговорилась с ребятами. Тогда посетителей практически не было: в эти часы шествовал по городу разгар рабочего дня. Поэтому пожилая женщина позволила себе заговорить с молодыми людьми, которые, как она сама сказала тогда, очаровали ее своим добрым милым лицом. Когда та узнала, что у них нет постоянного жилья, то, хитро улыбнувшись, оставила на салфетке адрес своей маленькой, как она выразилась, гостиницы, и быстро удалилась. Джордж долго мыслить не стал и этим же вечером с поклоном наведаясь к этой добродушной госпоже. Та молчаливо показала ему чистую тесноватую комнатуху и назвала довольно небольшую сумму, на что молодой человек сразу же согласился. Разумеется, такой суммы у него не было, но, незаметно взяв нужное количество денег из кассы, поздравил Эрвана с новосельем.

Над обстановкой своего жилья юноши долго не думали. В комнате уже располагались две узкие кровати. Ночью парни клали на них свои старые потрепанные сюртуки, украденные когда-то у зазевавшихся английских господ, под голову — выцветшие слегка шершавые кепки, но если было холодно, то приходилось выпрашивать у хозяйки «гостиницы» шерстяное одеяло, которое та любезно им давала на ночь, но утром без предупреждения забирала, словно ей нравилось, когда съемщики у нее попрошайничают.

Казалось, что жизнь наладилась, что все самое плохое позади: появилась постоянная

работа, более-менее приличное жилье, где можно и поспать в тепле, и начисто помыться в душе с горячей водой. Но какое-то беспокойство, некое чувство вины не покидало их.

Однажды юноши, найдя свободный денек, когда закончилась их смена на кухне, выбрались загород, остановившись в довольно милом местечке рядом с одиноким озером на окраине густого леса, согревавшего глаза своими темными зелеными оттенками. Было слегка пасмурно, но даже такая погода не могла испортить этот выходной летний день. Добравшись сюда на мотоцикле, который им одолжил один их знакомый по кухне, друзья расположились прямо на берегу водоема, вдыхая приятный запах цветущей воды и зелени, отчего слегка закружилась голова после грязного городского воздуха.

— Была бы моя воля, я бы никогда отсюда не уходил, — мечтательно прошептал Джордж, лежа на мягкой траве и закрыв глаза. Ему казалось, что он попал в совершенно другое измерение, другой мир, который казался вымышленным и далеким от реальности, но они были здесь, ощущали дыхание природы вокруг себя.

— Говорят, здесь неподалеку находится кладбище солдат. Мне интересно, что было бы, если бы я оказался там? Каким бы меня помнили?

— Ты не должен думать об этом, — с легким недовольством взглянул на него Джордж, подперев голову рукой. — Иногда, чтобы выжить, нужно переступить через закон и самого себя.

— Но стоит ли это того?

— Ты о чем? — нахмурил брови Джордж, не понимая, что Эрван имеет в виду.

— Достойна ли наша новая жизнь таких жертв? Ты взгляни на нас! Кто мы? Нас не знают, нас не помнят.

— Имела ли эта война смысл? Мы должны жить дальше.

— Ради чего? Я шел на фронт, так как знал, что, вернувшись, женюсь на своей возлюбленной Кэтрин... Она была прекрасной, как это место... Но в прошлом году мне пришло письмо от ее матери, в котором говорилось, что Кэтрин скончалась от чахотки, так и не дожив до своего восемнадцатилетия. В тот момент я... просто не знал, как мне жить дальше. Меня больше не ждали дома. Отец меня ненавидел, мать даже ни разу мне не написала за все время, что длилась война. Мне некуда было идти. Никто меня больше не ждал. И я мечтал о смерти на фронте, воспринимал это как должное. Смерть освободила бы меня от всех сомнений и несбывшихся надежд. Мне не хотелось начинать новую жизнь...

— Но сейчас... Когда ты стал другим человеком... Когда ты Эрван Джефф...

— Я не знаю... Зачем ты спас меня?

Джордж испуганно сел напротив него, с болью в глазах смотря на поникшего друга.

— Я не мог бросить того, кто нуждался в помощи. Я видел в твоих глазах жизнь, видел в тебе силу, цели, ты был на краю пропасти, на волоске от смерти, но так или иначе продолжал бороться, терпел боль, разрывающую тебя на части. И после всего этого... ты смеешь сомневаться в чем-то?

Эрван промолчал. По нему было видно, что слова Джорджа заставили его над чем-то задуматься, что-то пересмотреть в своем мнении, но вряд ли это могло что-то изменить в его сознании. Эрван начал сомневаться в принятом ими решении, что-то продолжало терзать его изнутри, что-то не давало ему покоя. Вряд ли это умершая девушка, вряд ли это тоска по семье, было что-то иное, Джордж прекрасно понимал это, но не мог разглядеть, что же заставляло Эрвана так говорить...

— Возможно, я в тот момент думал только о своей шкуре, — неожиданно произнес

Джордж, садясь поближе к другу и заглядывая в его выразительные серые глаза, смотрящие куда-то вдаль озера. — Боялся, что если узнают, что я выжил, то отправят под трибунал, наложат на мое имя вечный позор. Мне было страшно. По-настоящему страшно. Такого ужаса я даже не испытывал на поле боя, ведь там у меня была надежда выбраться из этого кошмара живым, а из-под суда меня бы ничто не вытащило...

— Но почему я? Почему ты дал мне чужую бляху?

— Что-то подсказывало мне, что так будет лучше. Но... я чувствую себя таким трусом... Таким ничтожеством... Я испугался за свою задницу... Я поступил подло, — невольно Джордж уткнулся своим мокрым от подступивших слез носом в грудь своего друга и дал волю вырвавшимся из заточения эмоциям.

— Но ты искупил свою вину, — едва слышно прошептал Эрван. — Ты принес меня в госпиталь, проделав путь в пять километров. Это многого стоит.

— Но сейчас ты говоришь, что я сделал это зря.

— Время залечит наши раны. И скоро мы узнаем цену нашего поступка. Но сейчас... идем купаться, иначе ты заклюявишь всю мою рубашку, — Эрван резко повеселел и осторожно отстранил от себя друга.

— Может останемся здесь навсегда? — стыдливо вытер слезы Джордж и с легким чувством вины посмотрел на Эрвана, который уже начал стягивать с себя одежду.

— Не думаю, что наша жизнь станет от этого слаще. Тем более здесь нет прелестных девиц, которых мы видим каждый вечер рядом с борделем. Вряд ли ты откажешься от удовольствия переспать с одной из них.

— Сейчас все мои мысли направлены на работу.

— Так ты прожжешь всю свою молодость, дружище, — Эрван уже успел полностью оголиться и оказаться по пояс в воде. — Мы подарили себе второй шанс не для того, чтобы потратить все свое время на служение проклятым деньгам. Нужно уметь и отдыхать.

— Ладно, ты меня переубедил, — усмехнулся Джордж и через пару минут присоединился к Эрвану, на короткое время почувствовав себя рядом с ним маленьким мальчиком, беззаботным и счастливым. Они брызгались друг в друга, словно дети, оглушая это тихое место своим приятным юношеским смехом. Казалось, что все самое плохое было позади, что их жизнь приобрела яркие теплые тона и события прошлого канули в лету.

Сегодняшний день не задался с самого рассвета, именно так считал Джордж, когда, проснувшись, не обнаружил в соседней койке Эрвана, который обычно никогда не уходил куда-то в столь раннее время, особенно в рабочий день. Проклинать убежавшего от своих обязанностей друга у Джорджа не было времени, до начала смены оставалось больше получаса, а ему еще нужно было успеть добраться до так ненавистного ему кафе, иначе владелец этого заведения вычтен из его зарплаты большой штраф и целый день придется работать фактически бесплатно. А потерять и без того небольшой доход — большая трагедия. Они с трудом могли обеспечить себя жильем, поэтому приходилось унижаться перед начальством, чтобы вновь не оказаться на улице.

Добрался до места своей работы он довольно быстро: благо трамвай подъехал через пару минут и так же моментально довез до пункта назначения. Людской поток этим утром был больше обычного, Джордж даже пытался вспомнить, какой в этот день мог быть праздник, но в голову ничего не приходило. Не было желания видеть очередное шествие в память о погибших солдатах, так как ему очень не хотелось снова вспоминать события тех

дней, особенно после того, как его едва не отправили под расстрел. Он ненавидел ту войну, ненавидел их героев, так как сам хотел стать героем, но его слабый характер подвел в самый неподходящий момент. Война казалась ему ошибкой истории, ошибкой всего человечества. Война унесла не только жизни невинных солдат, но и разрушила великие империи, Европа обрела новое лицо, изменилась до неузнаваемости. Общество почувствовало в себе дух борьбы, они начали выступать против власти, мечтали взять управление своей жизни в свои руки. Джордж был против этого. Он не мог понять, как обычный рабочий может управлять целым заводом или даже маленьким городом. Все хотят свободу, всем тяжело, но не каждый может управлять своей жизнью. Свобода превращает человека в зверя, так считал Джордж, по его мнению, люди должны быть под полным контролем: только тогда они способны быть частью огромного общества.

К счастью, на рабочем месте Джордж оказался вовремя. Повара уже начали потихоньку заполнять кухню, приступая к приготовлению основных блюд. Редко когда клиент заказывал что-то особенное, обычно здесь были рабочие, не знающие ничего, кроме похлебки и ароматной овсянки. Это облегчало задачу работникам этой забегаловки, так как не приходилось целый день держать в руках необработанные продукты.

Но ближе к обеду в кафе зашел человек, которого Джордж не ожидал увидеть и надеялся больше никогда не встречать на своем пути, так как этот мужчина в возрасте знал о нем буквально все, ибо был хорошим другом его покойного отца и очень много помогал матери еще совсем юного Джорджа, когда та едва сводила концы с концами после смерти мужа.

— Виктор! Не думал, что встречу тебя здесь! — Доктор Ломан практически не изменился с тех пор, как Джордж видел его в последний раз. Кажется, это было еще в тринадцатом году, когда юноша только-только начал работать в обувной мастерской, которая, по чистой случайности, до войны располагалась в этом же районе. — Смотрю, ты не слишком далеко ушел. Наверное, тебе нравится эта улица, если ты продолжаешь работать здесь.

— Да, это место приносит большую прибыль.

— Но по тебе не скажешь. Выглядишь неважно.

— Работа не позволяет мне блистать свежим лицом, целый день стою у плиты.

Доктор Ломан слегка прищурился и посмотрел на бейдж, висевший на груди Джорджа, после чего широко открыл глаза от удивления.

— Джордж Майлз? Виктор, что произошло?

На лице Джорджа появилась легкая испарина, было видно, как эта ситуация вызвала в нем неподдельное чувство паники. Он понимал, что, несмотря на близость этого человека к их семье, нельзя рассказывать правду, но и врать в такой ситуации было весьма трудно, так как на ум не приходила ни одна легенда, в которую мог бы поверить такой образованный человек, как Доктор Ломан.

— Видите ли, спросонья я случайно взял чужой бейдж, так что все хорошо, — дрожащим голосом произнес тот, но тут же увидел, что Ломан не поверил в искренность его слов, хотя сделал вид, что такая выдуманная история его вполне устроила.

— Будь повнимательнее, — с легким смехом произнес Ломан и медленно открыл меню, лежавшее на деревянной гладкой стойке. — Я, пожалуй, сделаю небольшой заказ, раз уж зашел сюда.

— Да, конечно, — с небольшой нервозностью в голосе ответил Джордж, понимая, что с

него ручьями стекал пот. Он хотел как можно скорее обслужить этого человека и вернуться на кухню, чтобы, не дай Бог, тот не понял, что на самом деле произошло с Джорджем два года назад.

— Я, если ты не против, выпью обычной водочки. Твой отец когда-то приучил меня к ней, в нем так и пылал жар русского человека. Но правительство России не позволило ему жить на любимой земле дальше. У твоей семьи была тяжелая участь. Жить в постоянном гонении на своей родине — по-настоящему ужасно.

Джордж вытащил из-под барной стойки запечатанную бутылку спиртного напитка, осторожно открыл и в маленькую рюмочку налил ее прозрачное содержимое, от которого доносился неприятный запах спирта. Доктор Ломан в качестве тоста пожелал всем хорошего будущего и быстро осушил рюмку, после чего прижал к носу тыльную сторону ладони, громкой выдохнув.

— Хороша чертовка, — посмеялся он и отодвинул от себя пустую рюмку.

— Может, добавки? — с заметной усталостью в глазах посмотрел на него Джордж.

— Нет, спасибо. Во всем нужно знать меру, друг мой. Кстати, как вы разместились со своим другом у мисс Андерсон?

— Откуда вы знаете? — с удивлением в голосе прошептал Джордж, пристально смотря на пожилого мужчину, который с приятной улыбкой поглядывал на молодого человека.

— Вряд ли бы ты нашел где-нибудь в этом грязном сыром городе комнату подешевле. А эта гребаная старуха чертовски жадная, хватается за каждую копейку. Вашим соседям приходится платить в три раза больше за такую же комнату, чем вам. Но она была у меня в долгу, так как я вылечил ее мужа от психического расстройства пару лет назад. Теперь мы в расчете. Ты не представляешь, как долго я уговаривал эту стерву прийти сюда и предложить вам жилье! Пришлось даже отдать ей пару лишних монет, чтобы она согласилась.

— Я даже не знаю, что сказать вам.

— Не стоит благодарности, — Ломан вытащил из бумажника пару денежных купюр и, слегка кряхтя, слез с высокого барного стула. — Я загляну к тебе еще вечером. Хочу посмотреть на твоего друга. Кстати, где он?

— Если честно, не знаю, — с легкой грустью ответил Джордж, убирая бутылку с водкой под барную стойку.

— У него все хорошо?

— Он в последнее время выглядит очень странно. Я беспокоюсь за него.

— Вы уже взрослые люди, Виктор. Твоему другу просто не хватает свободы. В вашем возрасте трудно усидеть на одном месте. А работа порой ой как надоедает. Так что не переживай за него. Одумается и вернется... — Доктор подошел к выходу и, обернувшись, подмигнул молодому человеку. — Я остановился здесь, неподалеку. В гостинице, которая находится напротив ресторана «Разбитые сердца». Бог ты мой! Кто придумал этому несчастному ресторану такое название?! Если тебе что-нибудь понадобится, ты знаешь, где меня найти. Я там постоянный клиент, скажешь, что ты Виктор, и тебя сразу же пустят.

— Хорошо, я запомню.

— Хорошего тебе дня. Я вечером к вам еще загляну, — махнул рукой на прощание тот и покинул это маленькое кафе.

Едва за ним закрылась дверь, Джордж облегченно выдохнул. Еще никогда он не чувствовал себя рядом со знакомыми людьми так напряженно. Доктор Ломан явно догадался обо всем и хочет ему помочь. Но можно ли доверять этому человеку? Да, он был хорошим

другом их семьи долгие годы, но прошло много лет, все могло измениться. Джордж понимал, что перестал доверять людям. Теперь он чувствовал себя одиноким — как никогда прежде.

Нежные лучи желтовато-пепельного солнца вскоре скрылись за горизонтом, погрузив маленькую тесную комнатку в полный мрак. Разогнав тьму с помощью зажжённой керосиновой лампы, которая величественно стояла на слегка потрескавшемся от сырости подоконнике, Джордж сел в углу своей кровати, поджав под себя ноги и около пяти минут просто смотрел в пустоту, вслушиваясь в тишину, надеясь различить в ней слабые шаги приближавшегося к двери загулявшего Эрвана, но никаких признаков прихода друга в течение часа так и не было. Эрван не пришел.

Джордж не мог понять, почему он так переживает из-за этого, как он сам его часто называл, раздолбая. Ведь в этом парне нет ничего святого, он ни разу не проявлял чувство уважения к Джорджу, постоянно говорил только о своих проблемах, забывая о том, что существуют еще и те, кто тоже нуждается в помощи, как и он. Но Эрван это не видел. Для него самым важным в жизни были деньги, спиртное, сигареты и проститутки, с которыми он через день проводил ночь. Джордж старался ничего не говорить ему, не указывать, но порой терпение его лопалось и ему приходилось становиться чуть ли не «отцом», который отчитывал сына. Но это было, как и ожидалось, бесполезно. Эрван никого не слушал, лишь умел обвинять. Но Джордж, так или иначе, привязался к этому человеку, как к родному. И не мог объяснить эту связь. Они одновременно разные, без общих интересов, но в то же время страшно сильно похожи, словно двойняшки.

Когда Джордж уже не находил сил и терпения ждать, он осторожно выключил успевшую сильно нагреться лампу, получив легкий ожог, и, выругавшись, засунув обожженный палец в рот, лег спать, чувствуя, как на сердце лежит некая тревога, словно вот-вот должно произойти что-то страшное. Это ощущение страха, ожидания было ему знакомо, такие же эмоции он испытывал в окопе перед взрывом гранаты где-то рядом, сейчас было то же самое. Все плохие эмоции он, так или иначе, сравнивал с военными годами, именно там он познакомился со всеми видами ужаса и боли, какие даже невозможно увидеть в ночном кошмаре. В его голове до сих пор слышны выстрелы, крики разрывающихся на части солдат, подорвавшихся на mine, в носу так и гуляет запах пороха и едкого трупного запаха — это ничто не сможет выгнать из его сознания, эти звуки и запахи останутся с ним навсегда, сколько бы лет ни прошло.

Едва к нему начал приходить сон, как в комнату проник слабый луч света из коридора, означающий только одно: в комнату кто-то зашел, тихо и осторожно, будто боялся разбудить Джорджа, но чрезмерная бесшумность сыграла с незваным гостем плохую шутку. Джордж, едва скрипнула дверь, вскочил с кровати, как ошпаренный, и с яростью посмотрел на вернувшегося Эрвана.

— Черт, да ты еле на ногах стоишь! — воскликнул Джордж и с громким хлопком закрыл за Эрваном входную дверь. — Сколько ты выпил?

— Это тебя не касается, — с трудом произнес Эрван. Было видно, что его язык буквально заплетается после каждого слова. — Я хочу спать.

Джордж с легким рычанием от накипевшей злости прижал того к двери и пронзил острым взглядом.

— Ты мог нарваться на неприятности! Ты это понимаешь?! Если бы ты ввязался в

драку? Если бы попался полиции? Я устал постоянно спасать твою грязную задницу, неблагодарный ублюдок!

— А я разве просил меня спасать?! — резко оттолкнул его тот от себя и встал в середине комнаты. — Хватит строить из себя заботливого строгого папочку!

— Если бы не я...

— Что?! Это моя жизнь! И я буду решать, что мне делать, а что нет! Спасибо тебе, что тогда отнес меня в госпиталь, присвоил мне чужое имя! Но теперь все. Я свободен. Мне, в отличие от тебя, не грозит трибунал. Крутись сам в своем дерьме, а я больше не собираюсь участвовать в этом.

— Заткнись или я за себя не ручаюсь!

— Что? Что ты сделаешь?! У тебя кишка тонка! Ты всю жизнь будешь изгоем и ничтожеством, ты никому не нужен! Никому!

Джордж не помнил, как совершил этот резкий и сильный удар, он был совершен мгновенно, с молниеносной скоростью. Эрван не удержался на ногах и с криком от боли упал на пол, прижав руку к носу, из которого начала хлестать кровь. Джордж взглянул на свой все еще сжатый кулак и увидел, как он покрыт красной жидкостью, которая медленно начала стекать вниз по его запястью.

— Кретин, — с трудом прошептал Эрван и медленно поднялся на ноги.

— Эрван... — Джордж понял, что совершил большую ошибку. В этот же миг он забыл все, что ему наговорил выпивший большое количество спиртного друг, лучший друг.

Его охватил страх, необъятное чувство вины. Он не имел право бить, ему не стоило этого делать. Но удар совершен, рука сделала это без его разрешения, не выдержав ядовитых слов. Присутствие чужой крови на руке заставили все внутри него содрогнуться, как от мощного разряда электрического тока.

Эрван снова выругался и моментально исчез в глубине коридора, не сказав больше ни слова.

— Черт! — выругался Джордж и в сердцах ударил покрытым кровью кулаком по захлопнувшейся прямо у него перед носом двери. — Эрван! — молодой человек, отдышавшись, кинулся вдогонку за другом, но через несколько шагов остановился, так как осознал, что уже слишком поздно что-либо исправлять.

Джордж печально понурил голову и направился в сторону комнаты, но неожиданно позади него послышалось чье-то тихое и веселое посвистывание, довольно знакомое молодому человеку.

— Джордж! Как приятно, что ты меня встречаешь! Я чуть было не заблудился в этих бесконечных коридорах. Вроде снаружи кажется, что здание небольшое, а внутри все совершенно иначе, — Доктор Ломан был в хорошем расположении духа и нес с собой пакет, в котором, судя по торчащему из него хлебу, находились продукты. — А я тут тебе и твоему другу принес гостинцев. Хотел скоротать с вами вечером за бокалом хорошего вина.

— Очень рад вас видеть, сэр, — выдавил из себя приветливую улыбку тот.

— Бог ты мой! — воскликнул Доктор Ломан, внимательно смотря на Джорджа. — Да ты белый, как испорченный творог!

— Просто... Был тяжелый день... Вот и все.

— Что произошло? На тебе лица нет.

— Проходите, — резко ушел от вопроса тот и пригласил гостя войти внутрь своей съемной комнаты, тот возражать не стал и, с беспокойством поглядывая на Джорджа,

прошел в небольшое темное помещение.

— Извини, что разбудил вас. Дорога из моей клиники заняла слишком много времени. Я надеялся добраться сюда к семи часам вечера, но по пути заглох мотор автомобиля и пришлось серьезно опоздать.

— Ничего страшного. Я рад вас видеть в любое время дня и ночи.

— Смотрю, ты снова один. Неужели твой друг так и не объявился? — удивленно оглядел обстановку комнаты Доктор Ломан и недовольно покачал головой.

— Объявился, но мы с ним... немного повздорили.

— Я видел его, когда вошел сюда.

— Как вы его узнали?

— Я очень наблюдателен, друг мой, — тихо посмеялся мужчина и выставил все свои гостинцы на столик, стоявший около окна.

Среди всех продуктов оказалась свежая палка колбасы, бутылка молока, еще совсем горячий мягкий хлеб, добытый, по всей видимости, из местной хлебной лавки, расположенной неподалеку, ароматный кусок сыра, овощи для салата и бутылка хорошего французского вина.

Едва Джордж увидел все эти изыски, как сразу же задался вопросом. Почему Доктор Ломан проявляет такую заботу по отношению к нему, ради чего он это делает? Вряд ли только из-за знакомства с его покойными родителями, тут крылась совершенно другая причина, Джордж чувствовал во всем этом некий подвох. Может, он отвык от людского тепла, но скорее всего на него влияли события прошлого, а именно поведение матери, когда Ломан решал навестить к ним в дом. Мать Джорджа всегда в такие минуты уходила в свою комнату и не выходила до тех пор, пока Доктор Ломан не покинет их дом. При своем сыне она порой называла Доктора Ломана хитрым лисом, который общается с людьми только ради собственной выгоды. Джордж навсегда запомнил эти слова, поэтому в данный момент не мог полностью верить в искренность доброты этого пожилого мужчины. Да, тот часто помогал их семье, но когда отца не стало, то внезапно исчез из их жизни, вернувшись только спустя много лет, без предупреждения и каких-либо видных мотивов. Что движет этим человеком Джордж не догадывался, Ломан скрывал свои настоящие мысли, искусно, как никто другой. Оставалось только верить, что все его действия были искренними и от чистого сердца.

— Где вы в столь поздний час достали все эти продукты? — с удивлением взглянул на вкусности Джордж, не веря собственным глазам.

— Если мне что-то нужно, я всегда это получаю, — с загадочным выражением лица произнес Ломан и вытащил из полотенца чистые бокалы для вина. — Ой, я так боялся разбить этих малышей, когда шел сюда. Настоящий хрусталь, поистине ювелирная работа, — с восхищением прошептал он, рассматривая бокалы с разных ракурсов, любуясь их прекрасным блеском. — Но, к счастью, я дошел до вас без неприятных происшествий.

Ломан поставил бокалы на стол и мастерски открыл бутылку с шампанским, не допустив, чтобы пробка улетела в окно, завершив жизнь немытого стекла.

— Нам будет не хватать твоего друга, — мужчина разлил вино и вручил один из бокалов Джорджу. — За нас, — он произнес тост и сделал маленький глоток. — Вино нужно пить медленно, только тогда ты почувствуешь его настоящий вкус. Но это не относится ко всякой кислятине, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Да.

— Что-то ты грустный. Неужели ваша ссора с Эрваном была столь значительной?

— Может быть вы и правы, — сделал большой глоток тот и сел на край своей кровати. — Он в последнее время стал просто невыносим, начал отдаляться от меня, постоянно виня в чем-то.

— Знаешь, вам сейчас чуть больше двадцати. В ваших жилах играет молодость, желание, вам трудно находиться на одном месте. Вам нужна свобода, полная безграничность действий. В вас кипит энергия, ее столь много, что хватит, чтобы осветить целый город. Ты вполне справляешься с этим, научился контролировать огонь внутри себя. Эрван же не может справиться со своими желаниями. Это прекратится в скором времени, вот увидишь.

— Я переживаю за него. Что если с ним что-нибудь случится?

— Ты чувствуешь за него ответственность, не так ли?

— Да, наверное.

Доктор Ломан на секунду призадумался и сделал еще один глоток вина.

— Дай ему свободу, дай ему почувствовать ее вкус. Рано или поздно ему надоест эта безграничность, ему захочется жить стабильно, без постоянных приключений и неприятностей, в нем появится жажда спокойствия. Вы уже взрослые люди, вправе принимать собственные решения. Когда ты был маленьким, твой отец старался давать тебе больше свободы, чем твоя мать, чтобы ты мог учиться жизни на собственных ошибках. Ты не любил правила, тебе нравилось строить свою биографию самому, по собственному алгоритму. И ты вскоре пришел к мнению, что излишняя свобода разрушает тебя. После чего занялся делом и познал труд. Это заслуживает похвалы. Но если у тебя это настало сейчас, то у твоего друга чувство ответственности придет позже. У каждого это случается по-разному, и если он не хочет, чтобы кто-то вмешивался в его судьбу, направлял на правильный путь, то и не нужно этого делать. Он хочет сам прийти к верному решению. Для таких людей не писаны правила, они приходят к ним сами, когда набьют шишек.

— Просто... я не хочу, чтобы он настрадался из-за собственной глупости. Он попросту прожигает свою жизнь. А ведь год назад он был совершенно другим человеком, даже не брал в рот сигареты. А сейчас я редко вижу его в трезвом состоянии. И боюсь представить со сколькими девушками у него был секс. Он просто превратил свою жизнь в развлечение и стал жить за мой счет. Я зарабатываю, он тратит. Мне тяжело на это смотреть. Я хотел лишь ему помочь, дать шанс, но ему на это плевать. Он считает, что все, что я делал для него, не имеет никакого смысла... И сегодня ему удалось вывести меня из себя...

— Расскажи.

— Он вернулся домой никакой, начал наезжать на меня, оскорблять. Я терпел, думал, что это из-за сильного опьянения. Но его слова звучали искренне, по-настоящему, его разум будто выпустил наружу все, что он думал обо мне на самом деле. У меня просто не хватило сил это терпеть... И я в первый раз ударил его, ударил со всей силы... до крови... — голос Джорджа дрогнул и он замолчал, стараясь не смотреть на Доктора Ломана.

— Наше терпение не бесконечно. Оно имеет свои пределы. Ты не должен винить себя... Конечно, в данной ситуации виноваты вы оба...

— Нет, это он виноват! — Джордж резко вскочил на ноги и в сердцах разбил бокал о стену. — Я жертвовал ради этого ублюдка своей жизнью, но ему было совершенно плевать на это!

— Сейчас в тебе говорит не злоба, не ненависть, а обида. Ты любишь его, так или иначе, он стал для тебя родным человеком. Ты будто ангел хранитель над ним, старший брат,

который просто не может оттолкнуть этого паренька от себя.

— Да, я люблю его, — прошептал Джордж. — Но я устал от такого отношения к себе. Мне просто хочется изменить в своей жизни хоть что-то. Она превращается в череду одинаковых событий. Я устал от всего этого. Я живу в этой дыре, работаю на нелюбимой работе по десять часов в день. И ради чего? Раньше я думал о зарплате, чтобы выжить. Но сейчас я задумался... Ради чего я живу? Чего я сумел добиться?

— Ты должен найти этот смысл, найти цель.

— Но этого не будет... Я устал жить. Нет никакого смысла идти дальше.

Доктор Ломан на секунду замолчал и с печальным видом взглянул в окно, за которым уже начинало просыпаться солнце и окрашивать небо в серовато-рыжие тона.

— Мне нужно идти, в городе есть дела, которые нельзя откладывать на завтра, — мужчина поднялся с кровати, которая служила ему все это время стулом, и, быстро похлопав по столу, словно думал, что можно еще сказать, надел шляпу, которую он, как оказалось, все время держал в руке, и направился к выходу. — Джордж, наша жизнь не ограничивается смыслом и целями. Есть более важные вещи, которые нас поддерживают. Задумайся на этом.

Тяжело кашлянув, Доктор Ломан покинул комнату, тихо закрыв за собой дверь и оставив молодого человека наедине с самим собой.

Глава четвертая. Пробуждение

Казалось, что дождь никогда не прекратится: его силы с легкостью бы хватило, чтобы создать новый Всемирный потоп, но что-то сдерживало нахлынувшую стихию, остужало ее жар. Чувствовалось некое приближение спокойствия на мрачном небе, словно свет, подобно кислоте, разъедал воцарившуюся здесь тьму, пытался пробиться сквозь толстую пленку свинцовых туч.

Татьяна боялась, когда кто-то ночью стучится в дверь ее квартиры. Она часто оставалась одна, муж постоянно пропадал в других странах, поэтому приходилось как можно чаще пребывать на раскрытии преступлений, чтобы лишний раз не находиться одной в этом доме. Девушка знала, что она здесь не одна, что повсюду ее окружают соседи, готовые в любой момент оказать помощь. Но стены были такими толстыми, что ни единый звук от других жильцов не мог пробраться в эту квартиру, отчего создавалось ложное ощущение замкнутости, пустоты, полного одиночества.

Сейчас ее вновь одолевал этот страх, она снова одна наедине с барабанной дробью дождя.

Пытаясь хоть как-то унять дрожь и нервозность, она снова выпила успокоительное средство, которое ей прописал врач. Ей было известно, что нельзя превышать положенной дозы, но Татьяне уже было все равно. Она хотела лишь вернуть умиротворение, остальное отошло на задний план.

Стук в дверь повторился. Татьяна поняла, что таблетки совершенно бесполезны. Страх еще сильнее впивался в тело. Но она, сама не зная почему, тихо приблизилась к двери, услышав за ней знакомый мужской голос.

— Татьяна, я знаю, что ты там. Я видел свет из твоего окна. Пожалуйста, открой дверь, — Джорджа нельзя было обмануть. И не впускать тоже. Этот парень всегда добивается того, что хочет.

Девушка медленно и неуклюже приоткрыла дверь и взглянула на до нитки промокшего молодого человека, стоявшего в сыром дурно пахнувшем подъезде.

— Привет, — тихо произнес он и как-то скромно и по-детски улыбнулся.

— Зачем ты пришел? — Татьяна не спешила впускать нежданного гостя в свою квартиру и терпеливо держала его за приоткрытой дверью, наблюдая, как талая вода капает с его взъерошенных волос.

— У меня есть кое-что интересное для тебя.

— Я сейчас не в состоянии говорить о работе. Я бы хотела отдохнуть. После сегодняшнего мне не по себе. Я плохо себя чувствую.

— Себ мне все рассказал.

— О, не знала, что ты общаешься с ним, — прижалась к косяку девушка, еще шире открыв дверь. — И что он тебе поведал?

— Он мне рассказал, почему ты взялась за это дело.

Татьяна недовольно покачала головой и исподлобья посмотрела на Джорджа.

— Ладно, ты победил. Можешь входить, — резко повернулась Татьяна и направилась на кухню, оставив молодого человека наедине с полуоткрытой дверью.

Глубоко вздохнув и стряхнув с себя царапавшие кожу дождевые капли, Джордж перешагнул через порог, заранее сняв обувь в подъезде, чтобы как можно меньше пачкать

пол.

— Извини, что немного испачкаю прихожую. На улице просто ужасная погода. А я, как назло, забыл дома зонт.

— Кофе будешь? — послышался усталый голос с кухни.

— Я выпью все что угодно, лишь это было горячим.

— Значит, кофе.

— А где твой Петр? Так и разъезжает по Азии?

— Да. Все так и разъезжает. В прошлом месяце Мексика, теперь его занесло в Китай. Быть успешным бизнесменом не так уж и просто, хотя в его случае это было раз плюнуть, ведь все состояние ему досталось от папочки... Тебе сахар класть?

— Да, две ложечки, — невольно облизал замерзшие губы тот и прошел на кухню, ощущая неприятное прикосновение мокрых носков на онемевших пятках.

Татьяна кивнула и выполнила его просьбу.

— Знаешь, я порой думаю, что разведена. Я вижу мужа несколько раз в год. Это меня с ума сводит. Если бы не работа, давно оказалась бы в дурке.

— Ты сильная. Все будет хорошо.

— Что ты там хотел мне интересного рассказать? — Татьяна решила резко сменить тему и, по традиционному обычаю, закурила ароматную сигару, положив под ладонь свободной руки портсигар, который всегда был при ней.

— Удивлен, что ты до сих пор хранишь эту штуку, — Джордж заметил серебряный блеск портсигара и издал тихую ухмылку. — Когда-то и Эрван таскал эту вещицу с собой. Курил каждые пять минут. Я думал, что его легкие окочурятся через пару лет.

Татьяна украдкой улыбнулась и потушила сигарету.

— Давай перейдем к делу.

— Да, ты права, — поперхнулся тот и достал из внутреннего кармана кожаной куртки папку со слегка промокшими бумагами. — Не волнуйся, дождь не добрался до самого ценного. По крайней мере, прочитать сможем.

На кухонном столе оказались странные бумаги, написанные от руки. Почерк был довольно аккуратным, что слегка удивило молодого детектива. Обычно ручные записи может прочитать только их автор, а здесь же все доступно, что большая редкость.

— Мне пришлось пожертвовать своей сухой одеждой, чтобы эти документы оказались на твоём столе. Ну и не только одеждой... Но это уже мои проблемы.

— Постой-ка, — Татьяна потянулась вперед и взглянула на руки своего гостя. — Ты с кем-то подрался? У тебя все пальцы в ссадинах.

— Я тебе потом расскажу, — подмигнул ей тот. — Себ дал мне координаты, я выполнил его поручение.

— Себ? — удивленно приподняла брови та. — С каких пор он подключил тебя к расследованию?

— Еще до вчерашней нашей встречи... Хотя вся это заварушка началась еще на том корабле, я уверен в этом. Ты явно пытаешься связать те убийства с нашим делом. Ведь я прав?

— Возможно... Но я не уверена, так как у меня на руках слишком мало информации. Сплошная вода... Но я в шоке от того, что вы с Себом нашли общий язык. Вы же всегда были кошкой с собакой.

— Мы взрослые люди, Татьяна. Сейчас нет времени на прошлые обиды... Себ ведет это

расследование с прошлого года. Не знаю, какую информацию он получил и из какого источника, но оказалось, что первое убийство в этой психлечебнице произошло на следующий же день после ее открытия. Почерк убийцы все тот же: у жертв явные симптомы испанки и странные укусы на теле. Больница была открыта в 1918 году, девять лет назад. И с первых же дней взята под крыло правительства. Туда какое-то время отправляли наиболее опасных пациентов. Поэтому все расследования были закрыты, так и не начавшись.

— Странно, что ты не знал об этом ранее. Ведь, насколько я помню, ты был знаком с Доктором Ломаном много лет, — съязвила Татьяна.

— Он был очень скрытным человеком. Да и я не желал знать о его жизни. Поэтому пришлось вытаскивать информацию из других источников. И они надежные... — Джордж убрал свои мокрые волосы назад и продолжил чтение документов. — Доктор Ломан был владельцем этого дома, о чем я, разумеется, был не в курсе... Это уже так, мелочи... Он его продал некому лицу за очень круглую сумму. Здание пустовало много лет. Но после внезапно оказалось под его контролем, но уже в ином виде.

— Это странно.

— Именно. То есть, он был владельцем этого дома, продал его, снова купил и сам же открыл в нем психиатрическую клинику.

— Теперь появилось еще больше улик, доказывающих, что это именно он убил тех людей.

— Вот именно. Он — хирург. Поэтому мог с легкостью натворить экспериментов над своими пациентами, которые никому не нужны. Бесплатный биологический материал. И чтобы снять с себя подозрения, он нанял тебя, пытаюсь тем самым повернуть расследование в выгодное русло. Можно даже смело предположить, что музыка, которую ты слышала, тоже его рук дело. Удобно все свалить на призрака.

— Утром будет вскрытие тела Ломана. Думаю, это прояснит некоторые детали. Не думаю, что это суицид.

— Что ты еще хочешь найти? Ответ очевиден — он убийца. На нем нет никаких следов, обнаруженных на жертвах. Это обычный суицид. Он хотел убежать от правосудия, Татьяна, и ему это удалось. И, думаю тебя это немного оживит, я сравнил обряд мумифицирования с нашим случаем. У мумий обнаруживали следы вмешательства в их тела, в нашем деле такого, к сожалению, нет.

— Я не поверю, чтобы органы исчезли без какой-либо причины. А что если это кислота, не оставляющая ожогов?

— Тогда она бы поразила большие участки тела, а не только определенные органы. Не забегай в научную фантастику, это не наш случай.

— Мне кажется, я зря взялась за это дело. Когда я узнала о том, что есть хоть какой-то шанс на то, что я тогда была права... Меня будто парализовало... Я...

— Поэтому ты носишь его портсигар с собой, верно? Надеюсь, Петр об этом не знает?

— Его любовь давно перешла к деньгам. Удивлюсь, если он еще помнит, что у него в Англии живет живая жена.

— Я оставлю тебе документы. Может, найдешь в них еще что-нибудь интересное, — Джордж слегка похлопал ладонью по папке с бумагами, затем направился к входной двери, но Татьяна его остановила.

— Пожалуйста, не уходи.

— Ты, кажется, хотела побыть одна.

— Уже не хочу. Знаешь, в этой квартире я чувствую себя тюремной заключенной. И если меня здесь запереть на пару дней... Я, наверное, умру.

— Что ж, отказываться не буду. Тем более я и сам не горел желанием разгуливать в мокрой одежде по городу. До моего дома шагать пару километров, поэтому завтра я бы точно проснулся с температурой.

— Снимай одежду, я дам тебе сухую, — улыбнулась девушка и направилась в спальню.

В ее квартире можно было найти много ненужной роскоши, которую Татьяна бы с радостью выкинула, лишь бы не видеть их золотого свечения. Но Петр безумно дорожил каждой безделушкой и, наверное, отдаст за них свою жизнь.

Спальня была гораздо больше кухни, а о размерах гостиной даже боязно задумываться. Высота стен пугала до безумия. Казалось, что спишь в каком-нибудь музее, а не в обычной квартире.

Татьяна до сих пор не могла к этому привыкнуть, хотя много раз пыталась. Она любила простоту во всем, ее муж же обожал масштаб. Спорить с ним не имело смысла. У него есть деньги, он может позволить себе буквально все. А она лишь его законная жена, которая скромно гоняет всяких преступников и шарлатанов уже шестой год.

— Ты в последнее время сама не своя. Это расследование на тебя плохо влияет, — раздался из кухни голос Джорджа.

— Тебе показалось. Со мной все хорошо, — Татьяна открыла шкаф, где хранились вещи мужа, которые он, наверное, надевал лишь один раз. Этот мужчина меняет одежду чаще, чем любовниц.

Татьяне всегда было интересно, как Петр умудряется хранить всю свою одежду в одном лишь шкафу.

Дверцы с приятным скрипом открылись, и в нос ударил приятный запах одеколona.

Джордж снял с себя все, кроме брюк, и небрежно сжал в руке мокрую рубашку, словно держа странное огромное насекомое. Рубашка покрывалась пятнами грязи и повсюду разносила запах пота. Юноша хотел побыстрее принять душ. Вряд ли Татьяне нравился аромат грязного мужского тела.

Внезапно из спальни раздался панический вопль. Он был таким сильным и резким, что молодой человек не сразу понял, что произошло. Послышался грохот, означающий только одно — Татьяна потеряла сознание.

Когда Джордж забежал в спальню, то перед ним открылась омерзительная и пугающая картина. Повсюду виднелись следы крови, словно чье-то тело размазали по всем стенам, не пожалев добавить красной жидкости на постель. В панике все осмотрев, юноша замер в оцепенении.

Татьяна исчезла. Ее здесь нет.

Полицейские с долей осторожности и неуверенности опечатали квартиру Татьяны, стараясь не трогать ничего лишнего, так как понимали, что это место принадлежит довольно богатой семье, и если что-то пропадет, то последствия будут ужасными.

В спальне стояло несколько криминалистов и фотографов, которые тщательно изучали место преступления, но на их лицах застыло изумление и потерянности: никто не мог понять, что же произошло в этой квартире этой ночью.

Джордж сидел на кухне и сделал небольшую затяжку сигареты, которую достал из

портсигара Татьяны. Молодой человек никогда в жизни не курил, но сейчас у него внезапно появилась острая потребность в этом. Табак был довольно хорошего качества и имел приятный запах, но от него странным образом затуманивалось сознание и появлялась легкая слабость. Джордж решил больше не травить свой организм и потушил сигарету, когда заметил рядом с собой обеспокоенного Себастьяна.

— Думаю, Татьяна не была бы против, — с виноватым взглядом произнес Джордж и с грустью вздохнул, наконец-то потушив сигарету. — Я не понимаю... Как это могло случиться?

— Я тоже, — Себастьян устало сел рядом на стул и провел рукой по волосам. — Никаких следов, никаких улик, на этот раз даже тела нет. Убийца сменил свой почерк. И его новый стиль пугает: тихий и не оставляющий никаких зацепок.

— Сэр, — из спальни вышел криминалист и подозвал Себастьяна к себе.

— Что-то нашли? — с удивлением посмотрел на него тот сонливыми глазами.

— Да. У крови весьма странный запах. Она пахнет мужским одеколоном.

— Странно. Убийца боялся, что мы найдем его по запаху тела, поэтому решил освежить комнату своим одеколоном? — усмехнулся Себастьян и взглянул на поникшего Джорджа, который явно летал где-то в глубинах своего сознания и ничего не слышал вокруг. — Нужно отправить кровь на анализ.

— Хорошо, сэр, — кивнул тот и вновь вернулся в злополучную спальню.

— Этот случай означает только одно. У нашего доктора есть сообщник. Но зачем ему понадобилась Татьяна? — Себастьян слегка зевнул. Бессонная ночь сказывалась на его организме.

— Она что-то знала, — прошептал Джордж. — И тот, кто это сделал, боялся этого.

— Пока рано что-либо говорить, — похлопал его по плечу тот. — Тебе надо отдохнуть. Ты и так слишком много сделал за эту ночь.

— Я не смог ее уберечь, Себ, — к глазам Джорджа подступили слезы. — Если она мертва, я никогда себе этого не прощу.

— Ты не виноват, дружище. Ты бы не смог ничего сделать.

— Как он смог уйти? В спальне больше нет ни окон, ни дверей. Она не могла просто так испариться.

— В шкафу нашли дверь.

— Что?

— Ее хорошо замуровали. И сделали это совсем недавно. За дверью находится лестница, ведущая на чердак.

— Я хочу взглянуть на него.

— Пожалуйста, друг мой. Только вряд ли ты там что-нибудь найдешь. Мы все осмотрели. Там никаких следов крови нет, даже следов обуви. Повсюду толстый слой пыли. Вряд ли там кто-то был за последние лет десять. Но есть одна интересная деталь.

— Какая?

— Мы нашли на чердаке пианино. Точную копию того, что находится на чердаке психиатрической больницы. Вряд ли это совпадение случайное.

— Ты прав.

— Татьяну пока считают пропавшей без вести, и ее фото уже рассылают по всем полицейским участкам города. Если похититель и смог сбежать через чердак и каким-то чудесным образом замести следы, то он пока не в состоянии далеко уйти.

— Сэр! — из спальни послышался испуганный крик одного из криминалистов. — Смотрите!

Себастьян и Джордж испуганно переглянулись и вбежали в спальню, увидев в ней до смерти напуганных людей.

На месте, где до этого все было залито кровью, теперь виднелись странные желтоватые пятна, разрастающиеся с легким шипением.

— Такое ощущение, что это вовсе не кровь, а очень едкая кислота. Она даже полностью прожгла кровать.

— Вы взяли образцы?

— Да. Я сейчас отвезу их в нашу лабораторию.

— Хорошо. Сделайте анализ как можно скорее, — кивнул криминалисту Себастьян и подошел к стене, которую теперь усеивали глубокие дыры, словно невидимое существо вгрызлось в камень и откусывало от него куски, будто это было обычное печенье.

— Татьяна предполагает, что органы могли исчезнуть из-за какой-то кислоты, но я опроверг ее версию. Теперь думаю, что был не прав, — с испугом разглядывал спальню Джордж. — Странно. Стены пахнут чем-то мятым.

— Такой запах я встретил в той психбольнице. Особенно четко его можно было уловить в комнате нашего доктора. Вряд ли это кислота, это что-то более сложное. Кислота начинает вступать в реакцию мгновенно, это же вещество будто выжидало время. Надеюсь, анализ хоть что-то прояснит. Я уже устал от отсутствия улик.

— Но мы теперь знаем только одно. Татьяна жива, — в глазах Джорджа блеснула надежда, и она была такой яркой, что быстро передалась Себастьяну.

— Этот факт — единственная приятная новость за эту ночь, — обреченно вздохнул Себастьян, скрестив руки на груди. — Знаешь, тебе следует поехать домой и отдохнуть. Выглядишь паршиво.

— Вряд ли я смогу уснуть.

— Сэр! — в спальню вбежал полицейский и испуганно посмотрел на мужчин.

— Что опять такое? — с долей раздраженности спросил Себастьян.

— Только что позвонили из участка... Тело Доктора Ломана исчезло.

Он вернулся домой позже обычного.

Консьерж уже настолько привык к подобному, что даже не стал в этот раз отчитывать жильца, вновь пришедшего после закрытия общежития. Он прекрасно знал, что этот молодой человек явно не в себе, поэтому просто нужно его понять и не пытаться ковырять чужую рану.

В этом старом полуразвалившемся доме, где, по большей части, обитали крысы и прожорливые муравьи, все считали Джорджа чудаком, алкоголиком, никто не смел даже приблизиться к его комнатенке, спрятавшейся в самом конце плохо освещенного коридора на третьем этаже. Его боялись, его избегали, его тайно ненавидели. Никто не знал, почему они чувствуют столько негативных эмоций к этому молодому человеку, никто не мог даже объяснить этого. Они просто невзлюбили его, без какой-либо причины.

Сегодня он был мрачнее, чем обычно. На его усталом некогда красивом лице застыла печальная гримаса, которую не смыть никакой водой — настолько сильно она прижилась к его бледной коже, покрытой ледяными каплями осеннего дождя. Обычно Джордж никогда не забывал зонт, постоянно носил его с собой, как верного друга, но в этот раз почему-то

решил этот предмет оставить в своей маленькой коморке. Талая вода, пропахшая горючим и гарью, ручьями стекала по нему, образуя на только что вымытом полу общежития некрасивые грязные разводы.

— Джордж! Имей совесть! Я только что здесь все вылизал! — консьерж оторвался от радиоприемника, из которого доносились чарующие голоса джазовых исполнителей, и пронзил молодого человека, направлявшегося к скрипевшей от каждого шага лестнице, взглядом.

— Извини, Боб, — виновато бросил ему тот и стал медленно подниматься вверх.

— Ты вылетишь отсюда, поганец! — крикнул ему тот вслед, нервно поправляя свои редяющие седые волосы. — И я не посмотрю даже на твое положение!

Джордж знал, что этот старик, проработавший в этом общежитии большую часть своей жизни, ни за что не выкинет его за порог, так как молодой человек был единственным постояльцем, кто платил вовремя и иногда давал Бобу лишние монеты, на которые тот совсем недавно смог купить радиоприемник. Консьерж хоть и обладал вредным характером, но был, наверное, самым миролюбивым человеком на свете. Он мог крикнуть, но в душе тут же корил себя за такую бестактность. Джордж всегда старался поддерживать с этим стариком хорошие отношения, ведь тот, как и он, одинок. У Боба не было ни семьи, ни детей, он жил лишь ради работы и считал это своим долгом перед страной, о чем много раз говорил вслух.

— Что за народ пошел? — устало покачал Боб головой и вытащил из-под стойки доисторическую швабру, которая больше напоминала древнее ископаемое — настолько долго она мыла полы в этом старом доме и теперь походила на гнилую метлу из-за покрывавшей ее слипшейся в комочки грязи.

Глубоко вздохнув, Боб принялся стирать с пола следы, оставленные Джорджем, весело напевая себе под нос песни, которые с воодушевлением доносились из нового радиоприемника, который еще не успел покрыться хотя бы одной царапкой.

Джордж даже не стал заходить в свою комнату, а сразу же направился в общий душ, надеясь хотя бы там избавиться от потрясения, полученного из-за произошедших этим вечером событий. Единственной его целью в данный момент стало очищение памяти от образа Татьяны, ему казалось, что он видит ее везде, куда бы не посмотрел... Он мечтал ослепнуть, впасть в состояние комы, лишь бы избавиться от режущего чувства вины, пожирающего его заживо. Джордж знал, что ни в чем не виновен, но что-то внутри пыталось доказать обратное, и это что-то становилось сильнее с каждой минутой.

Алкоголь медленно разливался по его телу, превратив реальность в подобие тумана. Все казалось ненастоящим, искусственным, поддельным. И это состояние пугало до полусмерти. Джордж не помнил, сколько выпил дешевого пива в баре неподалеку, но этот горький привкус ощущался на губах до сих пор и не собирался в ближайшее время исчезать.

Он вошел в душевую комнату, стены которой обложены битой белой плиткой, покрытой толстым слоем налета и разросшейся плесенью. В этом месте явно никто ничего не мыл уже лет десять, а постоянная сырость, царившая здесь, только усугубляла внешний вид общей душевой.

Единственным источником света стала маленькая лампочка, одиноко покачивавшаяся над все еще мокрым полом, но она была такой тусклой, что даже если выключить ее, то вряд ли что-то изменится.

В душевой стоял тошнотворный запах. Здесь можно уловить все ароматы грязного человеческого тела, словно повсюду стояли обнаженные личности, долгие годы не знавшие, что такое вода. Но Джордж уже настолько сильно привык ко всему этому, что старался просто-напросто не обращать на подобное внимания.

В дальнем углу виднелась маленькая форточка. Джордж с трудом открыл ее, так как та так сильно отсырела, что уже с большим трудом входила в собственную раму. Холодный осенний воздух быстро заполнил мокрое душное помещение и начал с большим усердием уносить все неприятные запахи, делая это место более привлекательным.

Сняв с себя всю одежду, Джордж бросил ее в деревянный таз, надеясь после горячего душа хорошенько постирать свои лохмотья, так как на них уже без слез не взглянешь. Почувствовав своей бледной кожей прикосновение холодного воздуха, бурными потоками выходящего из маленькой форточки, Джордж какое-то время стоял неподвижно, ни о чем не думая. Такие моменты он очень ценил, ведь только в это время ему удавалось полностью очистить свой разум и на короткое время забыть о всех проблемах, окруживших со всех сторон.

Смеситель в душе полностью заржавел, поэтому пришлось довольствоваться слегка прохладной водой, что даже немного обрадовало молодого человека, так как небольшой холод помог быстро протрезветь и вновь обрести ясный ум, что в данной ситуации было очень важным приобретением.

Жесткая вода приятно щекотала покрытую шрамами кожу, сползая все ниже и ниже, лаская каждый сантиметр молодого человека. Шрамы уже не болели, полностью затянулись, но полностью не исчезли, оставив на всю жизнь след военных действий.

Джордж не знал, сколько он простоял под холодной струей воды, но когда пришел в себя, то почувствовал, что полностью онемел и покрылся крупными мурашками. Заниматься стиркой уже не было сил, поэтому он решил заняться этим завтра утром перед работой. Сменная одежда, к счастью, имелась, так что беспокоиться о своем внешнем виде не стоило.

Обернув вокруг бедер некогда белое полотенце, приобретшее грязно-желтоватый оттенок, он вышел из душа и собрался было направиться в свою комнату на третьем этаже, но тут молодой человек столкнулся в коридоре с хрупкой непримечательной девушкой, которая, насколько он помнил, была его соседкой снизу. Обычно она молча проходила мимо, но в этот раз почему-то замерла и нервно потерела кончики русых волос, словно пыталась что-то сказать.

— Джордж, ты уже закончил? — проямлила она, как-то натянуто улыбнувшись и густо покраснев.

— Да, можешь идти.

— Там к тебе пришел твой друг. Он попросил сказать, что ждет тебя в твоей комнате.

— Я вроде никого сегодня не жду, — удивленно произнес тот. — Спасибо, — поблагодарил он Кейт и поспешил на третий этаж, надеясь увидеть там Себастьяна, который принесет хорошие новости.

В его комнате трудно найти хотя бы какие-то изыски: обычная одноместная кровать, небольшая тумбочка и маленькое круглое окно, спрятавшееся где-то у самого потолка, нехотя впуская внутрь естественный свет. Под кроватью можно отыскать старый полуразвалившийся чемодан, набитый книгами и небольшим количеством одежды.

Основную часть комнаты занимали какие-то бумаги, стопками сложенные тут и там,

вырезки из газет, полностью покрывшие стены. Если заглянуть во всю эту типографическую коллекцию, то возникнет шанс обнаружить множество различных сведений об убийствах, ритуалах, мифах и так далее. Тот, кто любил обычные любовные романы, вряд ли найдет пользу в этом, как многие говорят, хламе. А Джордж ценил этот «хлам» больше своей жизни и не представлял без этого свою работу. Здесь он мог найти все, даже если кажется, что ответов на что-то попросту нет.

Молодой человек очень удивился поведению Боба, ведь этот старик никогда не пускал посторонних, тем более знакомых своих постояльцев, охранял общежитие, как рыцарь свою крепость, доблестно и до самого последнего издыхания. Но думать об этом уже не было смысла.

Дверь, как и ожидалось, была не заперта и даже слегка приоткрыта.

— Себастьян? — Джордж медленно вошел в комнату и с беспокойством осмотрелся, пытаясь понять, что могло измениться в его комнате за время его отсутствия. Но все, к счастью, было на месте.

— Себастьян, ты здесь?

В комнате стояла мертвая тишина, что было довольно странным явлением. Куда же подевался его незваный гость? Может, решил подождать в холле?

Быстро переодевшись, Джордж направился к выходу, но едва коснулся ручки, как тут же отдернул руку, почувствовав режущую боль.

— Что за черт?! — в панике воскликнул он, понимая, что ручка его двери раскалилась до красна. Он оказался заперт в собственной комнате, что было не очень радостным известием.

Дверь не поддавалась. Молодой человек стал отчаянно бить ее своим плечом, надеясь выломать эту гнилую деревянную конструкцию, но та внезапно стала такой устойчивой, будто сделана из стали.

— Как ты сможешь жить, зная, что я смогу сделать с тобой все, что захочу? — позади Джорджа буквально из пустоты возник сладкий мужской голос, доносящийся практически у самого уха.

Молодой человек резко обернулся и увидел в темном углу мужскую фигуру, которая наблюдала за каждым его действием.

— Кто вы? — как можно увереннее спросил Джордж, но осознал, что страх перед этим незнакомцем невозможно было чем-либо прикрыть.

— Мне очень жаль, что ты стал участником всего этого. Очень жаль, — неизвестный мужчина покачал головой.

— Где Татьяна? Это ты забрал ее?

— Ты все прекрасно знаешь, Виктор. Тебе все известно.

— Где она?! — Джордж сделал шаг вперед навстречу незваному гостю, чувствуя, как в нем постепенно начинает закипать лютая ненависть, которую он так давно не чувствовал. Но надежда на то, что этот странный тип может знать местоположение Татьяны, сдерживали его эмоции глубоко внутри.

— Скоро ты все узнаешь.

Неизвестный мужчина вышел из тени и с презрением взглянул на Джорджа, будто тот был насекомым, которого нужно немедленно раздавить.

Увидев внешний облик незнакомца, что-то внутри Джорджа невольно сжалось. Это был молодой человек лет тридцати, с телосложением худощавого подростка. Буквально вся его

кожа покрыта уродливыми следами от ожогов, выглядывающими из-под небольшого слоя бинтов. В темноте это выглядело не так ужасно, но состояние тела безыменного человека пугало до смерти.

Незнакомец вплотную приблизился к Джорджу и пронзил того своими тусклыми уставшими глазами.

— Я не собираюсь отвечать на твои вопросы. Ты сам должен найти ответ. Скажу лишь, что она жива.

— Не думай, что я так просто тебя отпущу, — прошептал Джордж и, сам того не ожидая, заехал кулаком по челюсти незваного гостя, но тот с невероятной для обычного человека легкостью перехватил удар и, воспользовавшись недолгим замешательством противника, нанес ему удар в живот своей каменной ногой.

Джордж, не ожидая ответного удара, согнулся от боли и, с трудом выдохнув, упал на пол, чувствуя, что все его органы внутри буквально выворачиваются наизнанку.

Незнакомец сел на корточки рядом с ним и железной хваткой вцепился своими изуродованными ожогами пальцами в волосы Джорджа, притянув лицо молодого человека к себе, будто хотел как можно четче разглядеть страх на его симпатичном лице.

— Ты слишком слаб, чтобы пытаться мне помешать.

— Ты не знаешь меня — стиснув зубы, прошептал Джордж, чувствуя, как кровь медленно заполняет его ротовую полость, желая вырваться наружу.

— Ты умираешь, я чувствую, как твое тело слабеет, — его губы так близко приблизились к уху Джорджа, что тот слышал каждое дыхание, даже сердцебиение своего незваного гостя. — Ты должен заснуть, — его сладкий голос стал опьяняющей мелодией, он проникал в разум настолько глубоко, что тело покорно подчинялось каждому его слову, боясь сделать хотя бы одно неверное движение.

Себастьян приехал на место происшествия сразу же как только узнал об этом. После того, как ему поступил звонок от полицейского, он не мог сразу же поверить его словам. Детектив вообще редко кому-то верил с полуслова. Но как бы он не хотел верить, все же пришлось это сделать.

Сидя в машине такси, он пытался прогнать в голове все возможные теории произошедшего. Себастьян был уверен, что вспыхнувший пожар случился из-за плохого состояния здания общежития, ведь его уже давно собиралось снести правительство города, но из-за того, что некуда было отправить постояльцев, это дело постоянно откладывали. А общежитие тем временем продолжало гнить. И вот результат такой халатности властей. Себастьян не отправился бы туда просто так. Полицейский сообщил, что среди выживших был Джордж и что он в весьма плохом состоянии.

Когда детектив вышел из машины, то обнаружил, что пожар так и не был потушен. Огонь был столь кровожаден, что стены здания уже начинали сыпаться, будто сделаны из песка. Некогда темная улица одного из бедных районов города была окрашена в рыжие тона не угасающего пепелища, будто на небе застыло вечернее солнце, не желавшее скрываться за горизонтом.

Повсюду стояли крики. Кричало буквально все: пожарные, полицейские, бывшие жильцы общежития, покрытые черной сажей и сильнейшими ожогами. Все были напуганы, страх остро ощущался в воздухе. Никто не мог понять, что произошло. И не желал этого понимать.

— Детектив? — раздался голос из толпы.

Себастьян обернулся и увидел перед собой сотрудника полиции, который почерневшим платком вытирал пот с морщинистого лба.

— Что послужило источником пожара?

— Пока точно не ясно. Мы полагаем, что это был намеренный поджог. Здесь живут одни отбросы общества. Не всегда поймешь, что у них на уме. Я позвонил вам, потому что Джордж Майлз меня об этом попросил. Сейчас он в очень плохом состоянии. Мы чудом смогли его вытащить из его комнаты. Большая часть его тела обожжена.

— Где он?

— Около машины скорой помощи, на носилках. Поговорите с ним, но только недолго. Его нужно срочно вести в больницу. Ему вкололи сильную дозу обезболивающего, поэтому он ничего не чувствует.

Себастьян поблагодарил полицейского и со всех ног бросился к машине скорой помощи, надеясь оказаться там как можно быстрее.

Джордж лежал на спине и не подавал признаков жизни. Если бы полицейский не сказал, где находится Майлз, то Себастьян вряд ли бы признал своего коллегу по работе. Тело молодого человека было изуродовано до неузнаваемости, практически каждый сантиметр его кожи был обожжен до черноты. На голове осталась часть волос, которые не попали под власть огня и остались целы, но успели слегка поседеть и лишиться бывшего объема и шелковистости.

Себастьян почувствовал, как что-то сжалось внутри него. Он не мог смотреть на своего хорошего знакомого, когда тот находился в таком состоянии. Детектив просто не признавал весь этот творившийся вокруг кошмар. До этого момента мужчина был твердо уверен в том, что такое может случиться только с другими, но не с теми, кого он так хорошо знает.

— Джордж, это я, — Себастьян осторожно коснулся руки Майлза и почувствовал ее обжигающее тепло, будто огонь, обезобразивший тело Джорджа, все еще находился на почерневшей безжизненной коже.

Тот с трудом открыл красные и до смерти уставшие глаза и взглянул на Себастьяна, но без эмоций и каких-либо признаков на них.

— Как ты, дружище? Не переживай, все будет хорошо. Мы вытащим тебя.

— Я знаю, кто убийца, — язык Джорджа заплетался, но Себастьяну все же удалось понять, о чем говорит его знакомый.

— Ты говоришь про дело «Доктора Ломана»?

— Да. Убийца вышел на меня. Он пытался уничтожить улики... За... запугать меня. И ему это... у... далось... Ты должен найти Татьяну... Она жива.

— Джордж? — Себастьян увидел, что тело его друга вновь обездвижено и замерло в умиротворенной позе. — Я обещаю, что во всем этом разберусь. Ты можешь на меня рассчитывать.

А позади них виднелось разрушенное горящее здание общежития, которое сияло ярче прячущегося за горизонтом солнца, будто пыталось своими ярким светом указать на убийцу, который в тени наблюдал за всем происходящим.

— О, Ларри, рад, что ты смог прийти, — Себастьян любезно пригласил гостя войти в свой кабинет, затем замер около письменного стола, явно подбирая слова.

На какое-то время воцарилось странное и неприятное молчание, словно оба мужчины

просто не знали, с чего нужно начать этот разговор, который мог многое прояснить. Возможно, оба боялись раскрыть какую-то тайну или уже заранее знали последствия и просто хотели избежать этого. Но тишина длилась не очень долго. Ларри, прокашлявшись, закрыл за собой дверь и, слегка хромя, подошел к столу, аккуратно положив на него папку с бумагами.

— Я провел анализ того вещества, которое было найдено в спальне Татьяны.

Себастьян нервно поиграл желваками и медленно развернулся лицом к эксперту, пытаясь выглядеть совершенно спокойным, но его мрачность нельзя было скрыть даже за карнавальной маской. Каждое движение тела детектива выдавало его сомнения, некий испуг, усталость. Себастьян не спал уже две ночи, и этот факт серьезно сказался на его самочувствии и здравом рассудке. Мужчина понимал, что необходимо вздремнуть хотя бы час, но одна единственная мысль о Татьяне, страх за ее жизнь не давали ему прикрыть глаза даже на минуту. Он был твердо убежден, что никто, кроме него, не сможет помочь этой девушке, которая стала жертвой непредвиденных обстоятельств. И в первую очередь Себастьян винил только себя. Он должен был предвидеть, должен был просчитать каждый шаг преступника.

— И каковы результаты? — устало сощурил глаза тот.

— Весьма необычны, — вскинул брови Ларри. — Я даже не сразу поверил в такое.

— Не тяни.

— Ладно, Себ, буду краток. То вещество, которое якобы разъело мебель и стены, является обычным гвоздичным маслом.

— Гвоздичным маслом?

— Да, им когда-то смазывали самурайские мечи. А также оно широко применяется в медицине, кулинарии...

— Но как оно могло обрести свойства кислоты?

— Не знаю... Даже если предположить, что был применен некий катализатор, каким-то образом вызвавший сильную реакцию, то такого катализатора мы еще не знаем. Тем более не найдено следов каких-то химических соединений. Это эфирное масло было в чистом нетронутым виде.

— Тогда я ничего не понимаю...

— Ты уверен, что твой друг чист?

— Ты о Джордже?

— Ты веришь, что он не совершил это похищение? Ведь никого, кроме него, там не было.

— Не смей впутывать его в это дело! Джордж сейчас при смерти. Все подозрения с него уже давно отпали. Я доверяю этому человеку. И верю в его честность.

— Если ты еще в состоянии меня слушать, то я поведаю тебе один интересный факт. В комнате Джорджа мы также обнаружили следы этого масла. Оно удивительным образом сохранилось, и даже большие температуры не смогли выпарить его.

— Как такое возможно?

— Можно предположить, что убийца разлил масло в том общежитии уже после пожара. Ведь мы проводили обыск после полной ликвидации возгорания. Да и этот обыск ничего не дал. Все улики, кроме наличия следов гвоздичного масла, уничтожены вместе с домом.

— Да, это правильный ход мыслей. Кого-то опрашивать уже нет смысла. Поэтому нужно хватиться за то, что у нас есть. Убийца начал заметать следы, это очевидно. За

последние несколько дней не было совершено ни одного убийства с почерком нашего ускользящего психопата. Но... мы потеряли людей, которые вышли на его совсем свежий след. Я уверен, что Джордж с Татьяной этой ночью выяснили что-то очень важное, что сильно испугало нашего убийцу. Нужно понять, что...

— Ты уже говорил с Джорджем?

— Нет, он еще не пришел в сознание... Врачи делают неутешительные прогнозы... Если он выживет, то это будет настоящее чудо. Потому что тогда мы узнаем, как выглядит наш серийный убийца.

Внезапно на столе зашевелилась трубка телефона да так энергично, что казалось, что она вот-вот взмоет в воздух и начнет летать по кабинету, убегая от Себастьяна с криками: «Не догонишь!» Детектив удивленно посмотрел на Ларри и с большим нежеланием приложил ее к уху.

— Алло, я вас слушаю.

— Она жива, — из трубки донесся чей-то мужской охрипший голос, который говорил так тихо, что было трудно разобрать, о чем тот говорит.

— С кем я имею честь разговаривать?

— Татьяна Хапперт нуждается в твоей помощи. Ты должен ей помочь... Себ.

Звонивший резко прервал разговор и на противоположной стороне провода повесил трубку, вновь спрятавшись в тени.

— Кто это? — спросил Ларри, заметив на лице Себастьяна капельки пота.

— Кажется, — Себастьян нервно сглотнул, — это он звонил...

— Кто?

— Наш убийца, Ларри. Татьяна у него.

Она чувствовала на своей коже прикосновение мягкой слегка прохладной воды, которая своим ласковым движением щекотала каждый сантиметр ее тела, будто пыталась успокоить, помочь забыться и полностью расслабиться. Девушка не знала, где она находится, и боялась даже представить себе это, лишь старалась отбросить все мысли и стать частью этого водного мира, окружавшего ее вокруг. Татьяне мерещилось, что она порхает высоко-высоко над землей, вся ее отвратительная однообразная жизнь находится где-то там, внизу. Теперь никто не сможет ее достать, причинить боль. Эти бессмысленные человеческие действия растворились в водной пучине, наконец-то дав девушке возможность обрести покой, почувствовать себя свободной и легкой, как перышко.

Она не ничего воспринимала — все ощущения медленно опускались на дно этого водного пространства, бесконечного и кристально чистого, как слеза.

— Она умирает, ее сердце уже не бьется, — где-то на глубине послышался чей-то приятный женский голос, с трудом преодолевавший толщу воды, превращаясь ближе к поверхности в бесформенное эхо. — Она слышит нас... Она слышит нас...

Едва последнее слово невидимого собеседника долетело до уха Татьяны, как девушка почувствовала, что в ее ротовую и носовую полость стала проникать вода, устремившись прямым в легкие, надеясь затопить их как можно быстрее, чтобы помочь тихой водной пучине забрать молодую прекрасную особу в свое глубоководное царство.

Но что-то не дало жадному водному пространству выполнить свой коварный кровожадный план. Чьи-то сильные уверенные руки начали постепенно тянуть бездыханное тело Татьяны наверх, к ясному небу, к воздуху, который был жизненно необходим

полуживой девушке.

Когда Татьяна поняла, что уже находится на берегу, то из ее рта вместе с тяжелым кашлем начала выходить мутная зеленоватая вода, не сумевшая заполнить легкие бедной девушки.

Вокруг находилось множество лиц, но Татьяна была не в состоянии что-либо разглядеть перед собой. В глазах стоял густой туман, который вряд ли в ближайшее время сможет рассеяться и дать девушке возможность хотя бы что-то увидеть.

— Отведите ее в дом! И скажите Анне, чтобы приготовила горячую ванну. Необходимо ее согреть.

В 1919 году Татьяна помнила себя совершенно другой девушкой. Она была капризной светской дамой, не знавшей, что такое недостаток, голод и холод. Ей казалось, что все так и будет продолжаться до самой ее смерти, но вскоре в их жизнь пришла беда, разрушившая все представления о мире.

Умер отец, старый и невероятно умный человек при жизни. Девушка редко его видела, так как тот жил на протяжении многих лет на своей фабрике, где, как он неоднократно говорил, находится его вторая семья — рабочие. Отцовская фабрика производила невероятно качественную посуду из местного фаянса и быстро прославилась на всю страну, поставляя собственную продукцию даже на стол ее Величества. Господин Хапперт никогда не думал о смерти и не готовился к ней, поэтому о завещании его жена и дочь могли и не мечтать. Отец умирал долго и мучительно. Татьяна ничего не чувствовала к этому мужчине: ни жалости, ни скорби, ни любви. Она молча наблюдала, как этот некогда сильный и трудолюбивый человек гниет прямо на ее глазах. Когда он скончался, девушка не проронила ни слезинки, будто отец был для нее совершенно чужим человеком, которого она не знала и не помнила. Так оно и было.

Но его уход быстро пронёсся по всему телу еще совсем юной Татьяны. Она ощутила изменения, о которых даже боялась подумать. Мать каждый день сидела на кухне и читала пришедшие письма, где, как вскоре выяснилось, были неоплаченные отцом счета, содержавшие космическую сумму. У них не осталось ничего, кроме необъятного количества долгов и громкого имени. Отец заставил свою настоящую семью расплачиваться за свои грехи.

Единственный выход из этой ситуации — удачный брак. И Татьяне пришлось пойти на такую жертву, чтобы спасти мать от участи отца.

Прошло несколько месяцев со дня смерти Господина Хапперта, но его присутствие ощущалось еще острее, чем при жизни. Постоянные письма из суда превратили будние дни в суший ад. Мать за это время сильно постарела, улыбка будто навсегда исчезла с ее некогда красивого лица. Было видно, что эта женщина что-то задумала, искала выход из сложившейся ситуации, и этот выход был явно непростым и требовал самых отчаянных поступков. Татьяна это понимала и было готова ко всему.

Вскоре в их доме появился мужчина, которому тогда не было еще и тридцати. Он был красив, ухожен, обаятелен, но что-то Татьяне подсказывало, что внешность этого молодого человека весьма обманчива.

На следующий день она поужинала с этим мужчиной в роскошном ресторане в центре Лондона. Во время трапезы он ни разу не отвел своих жадных пронзительных глаз от ее белоснежной бархатной кожи, изучал будущую супругу, будто находился в ювелирном

магазине и любовался блеском золота. Возможно, так оно и было. Татьяна воспринималась им как украшение, красивая фарфоровая кукла, которую так и хочется поставить на полку в своем доме. Но девушка понимала, что у нее нет выхода. Этот мужчина был единственным шансом спасти ее семью от полного разорения.

В тот самый вечер Татьяна впервые занялась со своим будущим мужем любовью. Было больно, неприятно, страшно, но девушка боялась сопротивляться, она боялась даже подумать о том, чтобы оттолкнуть этого человека от себя. Он же чувствовал ее дрожь и пытался всеми силами подарить охладевшему сердцу девушки свое тепло. Его движения были мягкими, осторожными, продуманными, будто Татьяна была некой китайской фарфоровой фигуркой, которую одним неловким движением можно разбить.

Татьяна пыталась играть роль влюбленной дамы, но понимала, что делает это весьма плохо и наигранно, но отказываться от этой роли было уже слишком поздно.

На кухне пахло чем-то мятным и до боли знакомым, но Татьяна так слаба, что была не в силах о чем-то размышлять. Она точно не помнила, как ее привели в психиатрическую лечебницу Доктора Ломана, не понимала, как оказалась здесь, в пруду, и едва не утонула. Огромный промежуток времени начисто исчез из сознания, будто неизвестный художник уничтожил полотно, на котором был нарисован вчерашний вечер.

Она сидела в мягком кресле около окна и наблюдала за двумя пожилыми поварами, которые торопливо готовили похлебку для несчастных пациентов. По виду этастряпня больше походила на густую недоваренную кашу и даже вдали от плиты доносился ее неприятный овощной запах. Но это было неудивительно. В таком месте вряд ли можно увидеть какие-либо изыски на кухне. Здесь страдало буквально все, даже ни в чем не повинный желудок. Отведя взгляд от занятых своим делом поваров, Татьяна вздрогнула, понимая, что вряд ли сегодня прикоснется к еде, если она будет содержать в себе хотя бы маленькую долю этой похлебки. Лучше умереть с голоду, чем прикасаться к такой пище.

Через пару минут на кухне возникла поникшая Анна, облаченная в слегка мятое серое платье. Ее седые волосы, как обычно, были туго затянуты на затылке и тем самым подчеркивали правильный овал лица. Женщина пыталась скрыть свой печальный вид, но ее неловкие и слегка неуклюжие движения предательски выдавали все настоящие мысли и эмоции. Анна аккуратно поставила поднос с горячим кофе перед Татьяной и сердито на нее взглянула.

— Не могу поверить, что вы пытались совершить подобное, — голос Анны предательски дрогнул, и она села напротив девушки, стараясь смотреть лишь в окно.

— Я не знаю, что произошло этим вечером. Но уверяю вас, что никогда бы самостоятельно не совершила подобные действия с собой, — Татьяна лучше укуталась в махровый плед и сделала маленький глоток бодрящего напитка. — Кто бы ни пытался меня убить, он хочет одного... Приостановить дальнейшее расследование. Я уверена в этом.

— Кто этот человек?

— Вчера вечером он навестил меня и моего коллегу Джорджа Майлза. Я, возможно, подобралась слишком близко к истине, а он, испугавшись, решил хитрым способом избавиться от меня. Это же он проделал и с Джорджем. Но со мной он обошелся по-человечески. Странно, что этот человек не убил нас, как своих жертв. Но проблема осталась проблемой. Мы до сих пор не знаем, кто за всем этим стоит. Единственный человек, который видел лицо убийцы — Джордж. Но он находится в критическом состоянии.

— Что вы собираетесь делать дальше? Вам необходимо отдохнуть, вы сегодня вечером едва не погибли. На вас тяжело смотреть.

— Я быстро встану на ноги, — улыбнулась девушка и положила слегка мокрую голову на спинку кресла. — Мне кажется, убийца сам ведет нас на свой след. Он будто хочет, чтобы мы нашли его. Осталось понять, зачем?

— Смотрю, ты уже пришла в себя? — неожиданно рядом с ними возник силуэт Себастьяна, который со смущенной улыбкой смотрел на Татьяну, умиротворенно пьющую кофе.

— Горячая ванна даже покойника вернет к жизни, — перевела все на юмор та, словно ничего ужасного этим утром и не произошло.

Себастьяна удивил наигранный позитив его бывшей напарницы, но он сделал вид, что не заметил фальши в ее охрипшем голосе. Все-таки сейчас нужно сделать все возможное, чтобы привести Татьяну в чувства, а лучшее лекарство для нее — актерская игра, где все изображают счастливых и жизнерадостных людей.

— Анна, вы не могли бы оставить нас с Татьяной наедине? — детектив обратился к пожилой женщине, которая все это время что-то внимательно разглядывала за окном.

— Ах да, конечно, — встrepенулась та и быстро покинула кухню, даже не взглянув на насквозь продрогшую Татьяну, которую даже горячая ванна не смогла полностью отогреть.

— Есть новости от Джорджа? — девушка допила кофе и поставила маленькую чашечку на столик перед собой.

— Да. Я только что звонил в больницу. Его состояние до сих пор критическое, он так и не пришел в сознание. Врачи пока делают неутешительные прогнозы. У него повреждено девяносто процентов кожного покрова, его жизнь после подобного происшествия уже никогда не станет прежней. Мы можем лишь молиться за него. Возможно, Господь смилостивится и поможет ему выкарабкаться.

— Я тоже на это надеюсь.

— Ты ничего не помнишь о вчерашнем вечере?

— Нет. В голове мелькают какие-то образы, но я не могу сложить их в целое. Все спуталось...

— Ничего страшного. Ты ни в чем не виновата.

— Теперь я поняла, что нужно глядеть в оба. Убийца вряд ли не предпримет еще одной попытки, чтобы убрать такую зануду, как я.

— Если он слышал о нашем деле «Призрачного фотографа», то я понимаю его ужас перед тобой.

— Надеюсь, мы имеем дело не с призрачным музыкантом. Хочется чего-нибудь оригинального что ли.

— Меня всегда удивлял в тебе неутрахающий юмор. Ты все переводишь в шутку, даже если находишься в чрезвычайной ситуации.

— Такова моя натура, дорогой Себастьян. Я не привыкла проигрывать. Я все довожу до победного конца. И это дело не станет исключением.

— У меня есть очень интересные сведения. Думаю, тебе они понравятся.

— Что я вижу? У тебя блеснул твой знаменитый огонек в глазах. Видимо, ты выяснил что-то очень важное... И как всегда я крайняя и способна быть лишь утопленницей, — изобразила грусть та.

— Еще успеешь наверстать упущенное. В общем, эксперты обследовали руины

общезития. К счастью, здание полностью не обрушилось и нам удалось найти очень важные улики. Во-первых, возгорание произошло на крыше здания и воспроизведено с помощью самовоспламеняющейся смеси. То есть, поджигатель заранее все спланировал и продумал каждый свой шаг. Возможно, он готовился к этому поджогу долго и не один. Я думаю, у него есть сообщник.

— Возникает вопрос. Зачем им понадобился Джордж? Он не участвовал в расследовании. Лишь помогал добывать необходимую информацию.

— Возможно, он смог что-то найти, и это вынудило убийцу быстро вывести нашего парня из строя.

— Какой-то жестокий способ... Значит, сообщник нашего убийцы был среди людей, находившихся в тот вечер в здании общезития.

— В основном, там жили эмигранты, многие из которых не говорят по-английски. Большинство из них бежали из России. Так что тут нельзя говорить наверняка. Но эти люди за деньги могли бы все что угодно сотворить. И уже невозможно кого-то из выживших допросить. Они разлетелись по городу, как комары.

— Он мне ни разу не рассказывал о своем месте жительства. Я думала, он снимает комнату в более благоприятном месте.

— Возможно, наш друг мог стать следующей жертвой, но убийца по каким-то причинам не успел закончить свое дело. Может, кто-то его даже спугнул.

— Вряд ли эту тварь может что-то спугнуть... — прошептала Татьяна и еще сильнее закуталась в теплый плед. — Я думаю, нам нужно вести это расследование вдвоем.

— Хочешь снова стать моим напарником?

— Да, — слегка улыбнулась та и взглянула в окно. — Это расследование становится труднее, чем я предполагала ранее. Никаких следов убийцы. Мы не знаем ни его пол, ни место пребывания. Он может быть где угодно. И это пугает.

Для Себастьяна Татьяна была еще совсем юным и неопытным ребенком. Она, даже сама того не понимая, нуждалась в опеке, поддержке, которую потеряла по воле судьбы. Девушка беззащитна и надеется убедить саму себя, что все под контролем, что все хорошо. Но это не так. Ситуация ухудшалась с каждой минутой и не было даже повода думать, что ничего плохого не произошло.

— Ты уверена, что не нуждаешься в отдыхе? — Себастьян осторожно тронул Татьяну за плечо, пытаясь переубедить девушку, но та лишь отрицательно помотала головой, выдавливая из себя позитивную улыбку, тем самым только усиливая признаки усталости на своем прекрасном лице.

— Я в порядке, — посмотрела на него та и аккуратно убрала его руку со своего плеча. — Работа поможет мне расслабиться хотя бы на короткий промежуток времени. Сидение на месте сведет меня с ума. Тем более я приехала сюда два дня назад не для того, чтобы стать жертвой убийцы. Убийца должен стать моей жертвой... и правосудия.

— В тебе говорит страх, Танюша. Я понимаю твоё рвение, но тебе нужно прийти в себя. Девушка открыла свой чемодан, который так и лежал на ее кровати вовсе не тронутым.

В этой комнатке царила все такая же пугающая атмосфера, которая встретила Татьяну в первый день. Благо мятный аромат свеч таинственным образом испарился, будто кто-то намеренно пытался стереть какие-то следы. Девушка так и не узнала, для чего предназначались эти свечи с примесью неизвестных трав. Если это наркотические вещества,

то данное заведение может оказаться в паре шагов от судебного разбирательства.

Татьяна сняла с себя махровый халат, который ей любезно одолжила Анна, и осталась совершенно обнаженной, стоя спиной к густо покрасневшему Себастьяну, ничуть не смущаясь его присутствия. Девушка доверяла этому мужчине и не боялась прямо перед ним скинуть с себя всю свою одежду. Она не знала, почему между ними возникло такое доверие, но это помогало Татьяне чувствовать себя защищенной.

Себастьян невольно отвернулся и сделал вид, что разглядывал картины, которые скромно висели на старых облезших стенах, демонстрируя образы завораживающих пейзажей, где развернулись различные религиозные сюжеты. Детектив успел заметить, что действия картин разворачиваются в Японии и показывают зрителю мифологию страны Восходящего солнца. Полотна были настолько детально нарисованы, что с первого взгляда кажется, что видишь все эти события, наполненные кровопролитными битвами и странными обрядами, живую.

— Кажется, вы покраснели? — с улыбкой посмотрела на него Татьяна и расправила складки на юбке. — Неужели вы ни разу не видели женщину без одежды?

— Ну, я не привык видеть... в таком виде своих напарниц...

— Мне нечего скрывать, Себастьян. Тем более человеческое тело не должно вызывать у человека чувство стыда или смущения. Мы создали одежду, чтобы согреть себя, но не чтобы прятаться за ней.

— С тобой можно частично согласиться, дорогая Татьяна, но у нас существуют правила этики.

— Какой же вы скучный.

Себастьян хотел было ответить на колкие слова своей напарницы, но неожиданно в дверь кто-то постучал и с такой силой, будто случилось что-то невероятно важное.

— Надеюсь, здесь психов держат в клетках, так как оружия у меня с собой нет, — закатил глаза мужчина и неохотно открыл дверь, увидев на пороге встревоженную Анну.

— Анна, что случилось? — подошла к ней Татьяна и вопросительно взглянула на женщину, которая явно не знала, с чего нужно начать.

— Я не хотела вас тревожить, но произошло новое убийство.

Полиция приехала буквально через полчаса после происшествия и быстро окружила здание непреступным кольцом из машин и сотрудников правоохранительных органов, которые изучали каждый сантиметр земли, принадлежавшей психиатрической лечебнице.

Себастьян и Татьяна проследовали за Анной на кухню, где и было обнаружено тело новой жертвы. На этот раз это был мужчина азиатского происхождения лет тридцати. Детективы успели с первого взгляда заметить, что их убийца кардинально изменил свой почерк и на этот раз ограничился прямым ножевым ранением в горло. Но пока Татьяна сомневалась в этом, так как считала, что необходимо провести вскрытие, чтобы убедиться в наличии всех органов.

Себастьян поморщился от приторного запаха крови и сел на корточки рядом с убитым, внимательно изучая бездыханное тело, вокруг которого образовалась лужа запекшейся крови.

— Тело нашли только что?

— Да, — утвердительно кивнула Анна, с ужасом смотря на мертвого азиата.

— Такое ощущение, что он умер несколько часов назад. Чувствуется запах разложения.

— Кажется, кто-то просто решил подкинуть тело и посмотреть на нашу реакцию, — вздохнула Татьяна и взглянула в окно, видя, что полицейские уже начали заходить в здание.

— Смотри, не наследуи тут, — осторожно отошел от тела Себастьян и, поиграв желваками, взглянул на напарницу. — Сейчас важна каждая улика.

Полицейские и эксперты быстро заполнили кухню, словно мухи. Тут и там раздавались вспышки фотоаппаратов, ослепляющие всех и вся, какие-то крики, шепоты. Буквально каждое живое существо, находящееся здесь, было в полном замешательстве. Никто не знал, как быть, что делать. Очередное происшествие за последние двое суток явно привлекли к этому зданию огромное внимание общественности.

— Если информация об убийстве просочится в прессу, нас ждут большие неприятности, — Татьяна с явным беспокойством взглянула на Себастьяна, нервничая при виде такого количества полицейских.

— Не волнуйся. Это я их вызвал. Они надежные ребята.

— Поверю тебе на слово... Мне кажется, это обычное самоубийство. Все улики указывают на это. Даже орудие убийства найдено рядом с жертвой. Думаю, тут все ясно.

— Но почему никто из персонала не увидел этого человека? Ведь в это время повара находились здесь. И нашли тело уже в таком виде? Что могло ослепить их?

— Когда я сюда приехала, то обнаружила наличие во всех комнатах свечей с примесью странных трав. Анна объяснила, что они расставлены из-за перебоев с электричеством. Но тогда зачем было использовать травяные свечи? Вдруг эта смесь обладала наркотическими свойствами и вызывала галлюцинации?

— Твоя теория интересна, но во время осмотра здания мы так и не нашли этих свечей. Никаких следов воска тоже не обнаружено.

— Нужно поговорить с Анной. Причем срочно. Она явно что-то скрывает.

— Ты подозреваешь ее?

Татьяна на миг замолчала. Она не знала, в какое русло стоит направить собственные мысли, но быстро развивающееся действие заставляло девушку мыслить совершенно нетрадиционно и выдвигать даже самые бредовые теории. Истина может таиться в любом суждении, даже в том, где напрочь отсутствует логика. Анна казалась совершенно безобидной и правильной женщиной, но что-то Татьяне подсказывало, что в этом месте самый чистый человек может скрывать под своей белой оберткой гнилую начинку. Это вынуждало подозревать каждого, кто находился этим утром в здании.

— Отправь тело на экспертизу. Мы должны выяснить, что на самом деле убило его.

— Ты же сказала, что это обычное самоубийство.

— Мое мнение может смениться несколько раз... А Анну следует отправить в участок и допросить.

— Неужели ты думаешь, что такая хрупкая старушка способна на убийство?

— Нет. Но она может прикрывать убийцу. В таком деле нужно рассматривать все варианты. У нас наконец-то появилась важная улика. И мы должны выжать из нее максимальное количество сведений. Я хочу знать, кем был этот мужчина, чем занимался. Это должно пролить больше света на данные события.

— Ты уверена, что это даст какие-то результаты?

— Если бы не была уверена, то просто молчала. Сейчас я говорю, поэтому нужно действовать.

Татьяна взглянула на Анну, которая сидела у окна и смотрела куда-то вдаль, ничего не замечая вокруг. Девушка хотела верить, что эта милая женщина полностью чиста и ни в чем не замешана, но сомнения терзали ее сознание, в голове мелькали совершенно безумные теории, каждая из которых желала получить подтверждение. И у детектива не оставалось ничего, кроме как продолжить путь к поиску истины.

Анне было гораздо тяжелее подниматься по лестнице вверх, чем пару лет назад. Преклонный возраст без устали давал о себе знать, но женщина упрячилась и сопротивлялась времени, пытаясь делать все так же, как в молодом возрасте. Но боли в суставах, проблемы с дыханием не давали бедной Анне забыть о непрекращающемся старении, что, в конечном итоге, заставило ее смириться и беречь свой «ржавеющий» организм. В первое время трудно привыкнуть к тому, что твоя молодость уходит, что прошлое больше не вернуть, но потом тебе нравится старость, ты находишь в ней лишь плюсы и вновь радуешься жизни. И Анна любила свою жизнь, берегла ее, как драгоценный камень, боялась упустить хотя бы один день и не сделать его значимым.

Ступеньки постепенно заканчивались, и через пару минут Анна смогла подняться на чердак, откуда доносились тихие звуки, исходящие от старого пианино. Женщина нервно потерев пальцы и осторожно закрыла за собой дверь, чтобы никто не смог услышать эту прекрасную медленно текущую мелодию. Половицы предательски скрипнули и быстро выдали пожилую гостью таинственному музыканту, который прятался в тени и гибкими пальцами создавал умиротворяющую музыку, уверенно нажимая на клавиши, словно пианино было частью его тела, без которого он быстро умрет.

— Ричи, это я, — прошептала Анна и зажгла керосиновую лампу, стоявшую на покрытом толстым слоем пыли столе.

На чердаке было ужасно темно, поэтому без искусственного источника света не обойтись. Даже солнечные лучи с трудом проникали через намертво заколоченные окна, словно боялись этого места и старались обходить стороной.

Тусклая лампа осветила юношеский силуэт, смиренно сидевший за старым пианино. Анна улыбнулась музыканту и достала из кармана фартука свёрток, в котором покоилась все еще теплая еда, разносившая повсюду дурманящий аромат мяса и овощей.

— Я принесла покушать.

Юноша осторожно повернулся и показал женщине свое миловидное симпатичное лицо. Его слегка отросшие светлые волосы уже лезли в голубые глаза, но не могли скрыть их блеск, доброту и искренность, что можно было различить даже в темноте. Ричи смущенно улыбнулся и медленно подошел к Анне, осторожно ступая на половицы, будто до смерти боялся их скрипа. Он неуверенно взял сверток и с жадностью вдохнул исходящий от него аромат, прижав заветную пищу к носу, словно не хотел не различить какой-нибудь из этих многочисленных вкусных запахов.

Анна, с трудом сдерживая слезы, погладила парня по голове, затем медленно направилась к выходу, пытаясь что-то сказать напоследок, но слова не желали складываться в фразу, имевшую хоть какой-нибудь смысл.

— Ты уже уходишь? — удивленно и слегка обиженно произнес Ричи, быстро раскрывая сверток с едой.

— Мне нужно уехать в город. Я скоро вернусь, — голос Анны дрогнул, и она, так и не попрощавшись, вновь ступила на лестницу, быстро спускаясь вниз, оставляя погрустневшего

Ричи в полном одиночестве.

Татьяна до сих пор помнила их первое дело. Она была неопытной молодой девушкой, впервые вступившей на эту должность, Себастьян же находился на должности детектива в тот период уже десять лет, поэтому взаимопонимание между двумя напарниками сложилось не сразу. Татьяна рассматривала убийство с точки зрения доказуемых фактов, Себастьян наоборот всматривался в самые абсурдные теории, которые вряд ли могли найти подтверждение. Но в конце концов их умы слились воедино и стали тесно сотрудничать, гармонично дополняя друг друга. Возможно, они общались в первое время очень сдержанно и только о работе, но затем их деятельность все же помогла им найти общий язык, что, разумеется, облегчило раскрываемость преступлений. Без конфликтов и недопонимания не обошлось, Татьяна даже не скрывала свою неприязнь к своему опытному напарнику, но так или иначе они стали хорошими друзьями, и оба это понимали.

Дело «Призрачного фотографа» было необычным для них обоих. Себастьян и до этого сталкивался с мистическими делами, но здесь же не было ни орудия убийства, ни убитых, только фотографии с призраками. Их автор якобы проводил вместе со своей женой-экстрасенсом спиритический сеанс, на котором вызывал для клиентов души их умерших родственников, делая для них совместное фото с привидением, при этом брал с несчастных космическую сумму. Возможно, этому человеку повезло бы выйти из воды совершенно сухим, если бы не произошла серьезная ошибка. Оказалось, что данный мошенник пробирался в дома своих клиентов, выкрадывал снимки покойников и с помощью двойной экспозиции, о которой в то время знали только единицы, накладывал на снимок своих наивных заказчиков фотографию умершего, делая таким образом размытое изображение призрака позади людей. И один раз фотограф по ошибке выкрал фото не покойника, а совершенно живого человека, тем самым выдав свою ложь.

Себастьяну и Татьяне пришлось изрядно повозиться, чтобы доказать вину этого фотографа-мошенника, ведь никаких улик в доме жертв не было, а тем более следов взлома. К счастью, «призрачный фотограф» сознался в обмане и возместил своим жертвам ущерб, оказавшись в полной нищете. А ведь до этого он успел купить крупный дом неподалеку от Лондона.

Это дело очень напоминало Татьяне нынешнее, поэтому она была уверена, что в этот раз во всем замешан обычный человек, а не очередной вымышленный в приступе паники призрак. Люди верили во все сверхъестественное, так как не могли объяснить увиденное. И девушке было жаль таких людей, они были напуганы до смерти, поэтому их разум создал в их помутневшем рассудке страшный образ, преследовавший их повсюду. Татьяна хотела помочь таким жертвам и раз и навсегда разоблачить мошенников, желавших поживиться на байках о привидениях, оборотнях и вампирах.

До полицейского участка в Лондоне они добрались, на удивление, довольно быстро. Стояла ясная солнечная погода, весьма теплая и летняя, будто осень забыла о том, что сейчас она должна править матушкой природой. Золотые наполовину опавшие листья сверкали в лучах яркого солнца, слепя своим сиянием каждого, кто посмеет взглянуть на них.

Всем пассажирам, к несчастью, пришлось следить за дорогой с полузакрытыми глазами, отчего быстро онемело лицо от длительного нахождения в сморщенном состоянии.

Анна за время их пути не проронила ни слова, лишь без единой эмоции смотрела куда-

то вперед, вжавшись в заднее сидение, словно боялась в случае резкого торможения вылететь через лобовое стекло. Себастьян и Татьяна следили за каждым движением пожилой женщины, изучали ее лицо, словно надеялись увидеть на нем ответ на свой вопрос. Татьяна сомневалась в правильности своего решения, что-то ей в глубине души подсказывало, что Анна очередная жертва, а не участник, как они сейчас считают по глупости. Экономка, видимо, не осуждала детективов и не оказывала сопротивление, она, как и обычно, была тихой и спокойной, словно заранее знала, что должно произойти.

По приезде в участок Татьяна на миг замешкалась, словно не хотела выходить из машины из-за необоснованного внезапно налетевшего на нее страха. Возможно, она боялась правды, которую так не хотела услышать от Анны. Но ей все же пришлось выйти из душного салона автомобиля и вдохнуть пропитанный пылью и дымом воздух, вызвавший легкий приступ кашля. После чистого воздуха английских лесов было немного трудно привыкнуть к аромату большого города, напоминавшему Татьяне дешевый табак.

В полицейском участке было невыносимо душно. Окна наглухо закрыты, а в лучах солнца блестели частицы пыли, которых было так много, что казалось, будто внутри здания густой туман, неприятно щекочущий легкие. Посетителей, желавших пожаловаться полицейским, присутствовало немного, поэтому суматохи, к счастью, практически не было.

Полицейский провел их в кабинет допроса, послушно закрыв за ними дверь и преданно встав в углу, наблюдая за процессом, который вряд ли мог его утомить, судя по бодрому гладко выбритому лицу мужчины.

Анна неуверенно села на стул, сжав морщинистыми пальцами колени, и с любопытством взглянула на стоявшего в углу полицейского, словно его лицо было ей знакомо, но она быстро собралась с мыслями и взглянула на хмурые лица детективов.

— Мисс Анна. Ваше полное имя Анна Стрингини. Вы родом из Соединенных Штатов Америки, прибыли в Великобританию в 1901 году после смерти мужа, детей у вас нет, — начал читать личное дело женщины Себастьян.

Когда детектив произнес последнюю фразу, лицо Анны странным образом напряглось, но та быстро разгладила свои выплывшие наружу эмоции и натянуто улыбнулась, продолжая впиваться пальцами в свои колени.

— Когда вы обнаружили тело убитого? — задал новый вопрос Себастьян.

— Сегодня утром, когда я направлялась на кухню, чтобы проверить, как продвигается процесс приготовления пищи для пациентов. Я каждое утро слежу за кухней. Это мои обязанности, — с легкой обидой ответила та.

— Почему повара ничего не знают о теле, почему ничего не видели?

— Наши повара самые честные люди на Земле. Неужели вы думаете, что они могли совершить это страшное злодеяние?

— Нет. Вовсе нет. Но есть одна интересная деталь. Рядом с жертвой мы нашли орудие убийства. Это был обыкновенный кухонный нож. Такие же мы обнаружили на самой кухне.

Анна слегка улыбнулась, как-то смущенно и совершенно спокойно, затем отпустила свои колени и мягко положила свои ладони на идеально гладкий стол.

— Это была я, — ее голос ничуть не дрогнул, был пугающе уверенным и твердым, словно Анна была готова это сказать с самого начала. — Это я убила этого человека.

Татьяна, выйдя вместе с Себастьяном из кабинета допроса, пронзила своего напарника ядовитым взглядом.

— И ты веришь ей? — девушка была вне себя от возмущения.

— Почему ты сомневаешься?

— Ты посмотри на нее! Разве ты веришь, что она способна убить взрослого мужчину в рассвете сил?!

— Танюша, успокойся!

— Она явно кого-то защищает. Ты ведь видел ее дело! Это не тот, кого мы уже несколько дней ищем. Это не она. И я это докажу, — после этих слов Татьяна резко развернулась и направилась в сторону выхода, с трудом пытаясь выровнять дыхание после нахлынувших большой волной эмоций.

Она не верила. Не верила, что эта светлая добрая женщина могла совершить жестокое убийство или даже серию убийств. Та просто не была на это способна. Женщина это чувствовала, была твердо уверена в своей точке зрения. Осталось лишь найти доказательство, способное раз и навсегда снять все подозрения с этой бедной пожилой женщины. Но почему она признала свою вину? Ради чего? Ради какой цели? Кого она пытается защитить, кого прячет от ответственности? Она не скажет. Татьяна знала это. Эта смелая старушка была готова жертвовать собой ради спасения чужой шкуры. Но что так объединяло ее с настоящим убийцей? Почему она его защищала?

Из глубоких мыслей Татьяну вывел чей-то до боли знакомый мужской голос, раздавшийся прямо у дверей выхода. Девушка устало подняла глаза и увидела перед собой того, кого совсем не ожидала увидеть. Если бы не его особенный тембр голоса, то Татьяна вряд ли бы узнала в этом мужчине своего законного мужа.

Загоревший, сильно похудевший, измученный и обезвоженный. Таким он стоял перед ней и протягивал руки, пытаясь заключить жену в крепких объятиях. Но девушка не торопилась к нему приближаться, будто не веря, что видит этого человека перед собой. Он был для нее самым близким человеком на свете, но в то же время совершенно чужим и незнакомым. Это смешанное чувство неприятно щекотало где-то в груди, заставляло мысли спутаться в огромном клубке.

— Боже! Это ты?

— Здравствуй, Татьяна, — ему все же удалось обнять жену, но та ответила на его действия с непривычным для него холодом. — Ты какая-то потерянная. Снова ушла с головой в работу?

— Да... — неуверенно протянула та, боясь сказать мужу лишнее. — Когда ты приехал? Почему не предупредил? Я бы встретила тебя, приготовила бы ужин.

— Я решил сделать тебе сюрприз. Ведь мы так редко видимся. Черт бы побрал эту работу.

— Ты прав. Мы очень редко видимся. Ты, наверное, уставший? Поедем домой. Я сейчас скажу своему напарнику, что мне нужно уехать...

— Напарнику? — с долей ревности спросил тот. — Ты снова работаешь в паре?

— Да. Приходится. Наше расследование вызвало у нас немало проблем, поэтому здесь одной головы будет недостаточно... Ты подожди меня здесь. Я сейчас вернусь, — Татьяна на миг замешкалась, а затем осторожно чмокнула мужа в колючую щеку, пытаясь вновь вернуться в роль любящей жены, которую она сейчас играла, как сама считала, непростительно плохо.

Себастьяна она нашла в его же кабинете. Там он обсуждал с незнакомым ей экспертом какие-то детали. Возможно, арест Анны уже был официально произведен, пока Татьяна

беседовала со своим внезапно объявившемся мужем.

— Татьяна? — удивленно посмотрел на нее Себастьян, явно не ожидая, что та так быстро остынет после своего приступа гнева. Девушка, как он помнил, всегда была ранимой и вспыльчивой, поэтому приходилось ждать чуть ли не сутки, чтобы получить возможность снова вступить с ней в диалог. Но на этот раз почему-то потребовалось слишком мало времени на ее приход в себя.

— Себастьян, мне нужно срочно отлучиться.

— Что-то случилось?

— Да... — произнесла Татьяна, но договорить не успела, так как за дверью раздались чьи-то вопли и выстрелы.

— Вот черт, — прошептал Себастьян и вытащил из ящика стола пистолет, набегу приказав безмянному эксперту оставаться здесь и никуда не выходить, пока он не поймет, что случилось.

Татьяна выдохнула и достала из своей кобуры, которую она не трогала очень давно, пистолет, неуверенно его перезарядив.

— Представляешь, мой муж приехал, — выдавила из себя Татьяна, стараясь говорить спокойно и с наигранным юмором. — Кажется, он сделал это в неподходящее время.

— Передай ему привет от меня, — сухо ответил Себастьян и слегка приоткрыл дверь.

Выстрелы повторились вновь, после чего донеслись чьи-то панически женские вопли, которые быстро стихли после приказа стреляющего.

— Мне нужна Татьяна Хапперт! — стрелявший говорил где-то поблизости. Видимо, он пытался привлечь свое внимание и был в растерянности, возможно, даже отдавал отчет о своих действиях.

— Надеюсь, это не мой сосед снизу, которому я месяц назад залила квартиру, — Татьяна с долей иронии посмотрела на Себастьяна, но увидев на его лице непонимание, быстро смолкла.

— Татьяна Хапперт! Вы нужны мне! — стрелявший крикнул вновь.

— Судя по голосу, это еще совсем юноша, — поделился своим предположением невидимый эксперт, о существовании которого детективы на короткое мгновение совсем забыли.

— Я пойду, — уверенно произнесла Татьяна и быстро выскользнула из кабинета, не обращая внимания на сопротивление Себастьяна. Девушка почему-то была твердо уверена, что бунтовщик не причинит ей зла.

Стрелявший стоял посреди холла и пистолетом угрожал всем посетителям, которые трусливо всхлипывали, лежа на полу, боясь даже поднять глаза на человека с огнестрельным оружием.

— Я здесь, — Татьяна слегка дрожащим голосом привлекла внимание беловолосого юноши, который беспомощно наставлял на беззащитных граждан оружие, явно не собираясь в кого-то стрелять. Татьяна это сразу поняла, увидев на потолке свежие дырки от пуль. Это бы лишь отвлекающий маневр.

— Татьяна, — юноша, увидев ее, слегка поклонился, медленно опуская пистолет на пол, после чего смущенно поднял свободные руки, показывая всем свою безоружность. — Я пришел поговорить с вами.

Девушка глазами пыталась найти мужа, но тот странным образом исчез из полицейского участка, отчего Татьяна сильно занервничала, почувствовав себя беспомощной

рядом с этим странным молодым человеком, который преданно смотрел на нее щенячьими голубыми глазами.

— Я хочу дать признание.

— Пройдем в комнату допросов, — с трудом произнесла Татьяна, понимая, что ее язык полностью онемел от всего этого.

Едва она произнесла эти слова, полицейские, стоявшие все это время рядом, направив на парня огнестрельное оружие, спохватились и быстро схватили молодого человека и нацепили на него наручники. Тот даже не сопротивлялся, лишь с пугающей благодарностью смотрел на Татьяну, словно благодарил ее за то, что та согласилась его выслушать.

Глава пятая. Влечение

Джордж с трудом держал нож в руке.

Пальцы дрожали, будто по ним прошелся легкий заряд электричества, постепенно распространявшийся по всему телу. Он пытался объяснить это состояние выпитой им еще до работы бутылкой текилы, ведь молодой человек весьма редко в своей жизни выпивал, но сегодня утром ему показалось, что алкоголь — единственное средство, которое поможет ему забыть то, что произошло вчерашним вечером.

Овощи не поддавались и отвергали режущий инструмент, словно некая сила превратила их в твердый камень. Джордж даже два раза сменил нож, посчитав, что предыдущие успели затупиться, но вскоре осознал, что это все из-за сильной слабости тела, та просто не давала парню держаться на ногах.

Из головы не выходил образ Эрвана, судорожно сжимавшего разбитый нос, из которого вытекала горячая струя крови. Джордж чувствовал его боль, ощущал силу собственного удара, все это превратилось в мощный толчок, разрядом пробежавший по изнеможенному текилой организму. Он ударил лучшего друга той рукой, которую по собственной глупости лишил еще во время войны указательного и большого пальцев. К счастью, удалось привыкнуть к этому, даже получилось переучиться на левую руку и свободно писать ею, но большую часть дел Джордж все же совершал израненной боевым временем правой конечностью, до сих пор служившей ему верно и без перебоев. Она даже без двух пальцев была способна нарезать за пару секунд овощи острейшим ножом, принести при помощи своей сестры — левой руки, — тяжелый ящик с привезенными продуктами. Хотя врач в госпитале посоветовал большую часть работы выполнять левой рукой и списал юношу с улыбкой с фронта, выпустив на гражданку, молодой человек не хотел мириться с этой маленькой инвалидностью. Поэтому в наступившее мирное время парень попросту не замечал, что на правой руке нет двух пальцев, да и окружавшие делали вид, что не видят этого.

Но сейчас что-то внутри рухнуло, хрупкое равновесие, державшее его все это время в ясном рассудке. В голове воцарился туман, мрак, светлое словно переменялось на темное, не было мысли о том, что завтра настанет день лучше этого. Парень просто потерял смысл в завтрашнем дне.

Когда Джордж нес несколько километров бездыханное тело Эрвана, было совершенно плевать на самого себя, он желал лишь одного — искупить собственную вину перед Богом за трусость, за необдуманные и мерзкие проступки. Юноша хотел спасти чужую жизнь, чтобы быть уверенным в том, что если смерть и настигнет его, то не сможет забрать покрытую позорной трусостью душу, а даст возможность уйти из земного мира с очищенной совестью.

Эрван, в конечном итоге, заменил Джорджу умершую семью, стал для него едва ли не родным братом, которого тот любил и был готов идти вместе с ним до конца. И обоим не верилось, что когда-то они считались заклятыми врагами, сражались на противоположных сторонах, желали изрешетить из винтовки друг друга. Джордж и сейчас не понимал, что вынудило его опустить тогда оружие, что не позволило пролить чужую кровь. Он пощадил своего противника, полюбил, как родного, и спас из лап голодной смерти. Хотя мог оставить, попросту присвоить чужую бляху и налегке добраться до госпиталя.

Изначально Эрван был нужен ему как средство прикрытия, ведь тогда многие воровали

чужие документы на поле боя, надеясь выйти сухими из вязкого болота, в которое их насильно загнала государственная власть, но были быстро пойманы с поличным и отправлялись под расстрел. А если он бы пришел в госпиталь с раненым бойцом, то подозрения с него могли бы быть частично сняты, что дало бы небольшую надежду выйти на гражданку до окончания военных действий. Но потом юноша осознал, что Эрван и вовсе стал главным поводом продолжать двигаться дальше.

Они вернулись на родину Джорджа под чужими именами, с чужой биографией, надеясь начать новую жизнь. Но Эрван не смог отказаться от прошлого, не захотел становиться другой личностью, считая это грешным воровством. Джордж понимал его, но было поздно что-то менять. Если Эрван решит вернуть себе настоящее имя, то их хитрый обман сразу же будет раскрыт полицией, и после им уже не удастся избежать ужасной участи. И молодой человек боялся этого больше всего. Он понимал, что попросту боится смерти, что и заставило когда-то всеми силами избегать собственную гибель на войне, переступая через чужие жизни и писанный кровью моральный закон.

Нож со скрежетом пронзил вымытую до блеска морковь, и тут Джорджу показалось, что овощ внезапно заорал, да так истерично и с таким ужасом, что молодой человек от неожиданности уронил нож на пол. После этого все на кухне начали сбегаться в одно место, что-то громко крича и судорожно обсуждая. Джордж попытался потянуться за ножом, но вдруг краем глаза заметил молодого повара, сжимавшего окровавленную руку, на которой отсутствовала половина трех пальцев. Похоже, тот случайно во время рубки мяса прошелся по собственной конечности. Джордж бросил поднятый острый предмет на стол и хотел было направиться в сторону уборной, но у двери разглядел знакомое лицо, с незажжённой сигаретой в зубах наблюдавшее за трагическим происшествием на кухне.

— Эрван! — окликнул Джордж объявившегося друга, но тот показал ему лишь средний палец с издевательской усмешкой и вышел за дверь.

Молодой человек, не обращая внимания на недовольство начальства, прибежавшего сюда на разрывавшие слух крики, бросился вслед за другом и настиг у запасного выхода, через который обычно заносили на кухню привезенные курьером продукты.

— Эрван! Мать твою! Хватит от меня бегать! — Джордж из-за легкого опьянения и слабости во всем теле с трудом пробежал это крохотное расстояние и, тяжело дыша, остановился рядом с курящим Эрваном, который сделал вид, что видит друга впервые.

— А я и не пытался бегать. Просто не было желания лицезреть твой жалкий лик, заляпанный слезами.

— Мне все равно, что ты сейчас сболтнешь, не обдумав. Давай прекратим это несурязицу. Достаточно. Мы через столько прошли за эти длинные два года. Пора уже чуть-чуть повзрослеть. И воспринимать мир таким, каким он есть на самом деле. Повсюду сплошные жертвы, порой бессмысленные. Наше общество очень жестокое. И если постоянно ходить по одиночке, то, как правило, тут же погибнешь. Тебе попросту растопчут. Мы живем в трудные времена, когда карта мира на глазах перекраивается, а все сложенные веками привычные нам ценности разлетаются прахом по ветру. Ты застрял в прошлом. Это неправильно. Нужно принимать пришедшие перемены. Даже если это противоречит твоим моральным устоям.

— И мне это говорит парень, от которого несет спиртом и овощами. Я не твой младший брат, чтобы ты меня опекал. Даже если ты и старше меня на два года, это тебе не дает право контролировать каждый мой шаг. Я хочу сам принимать решения, а не ждать, пока ты это

одобришь. Я уже оправился после операции, хватит изображать из себя спасителя моей жизни.

— Ты хочешь уйти? Уходи. Я тебя не держу. Просто за все это время, что мы с тобой знакомы, я почувствовал, что должен спасти тебя от самого себя. Ты разрушаешься изнутри, терзаешь душу из-за ушедших в прошлое событий. Больше нет ни твоих родителей, ни твоей девушки. Ты им не нужен. Никому, кроме меня, не нужен. Никто больше не будет не спать всю ночь, если ты не объявишься дома. Ты еще двадцатилетний эфеб. Маленький глупый ребенок, до конца не осознающий, что такое ответственность. Даже война не научила тебя ценить жизнь. Взрослым ты станешь, когда начнешь делать по-настоящему взрослые вещи. А это не только секс и алкоголь.

— Война разочаровала меня в жизни. И отняла ее. Криса Ричарда больше не существует. Я похоронен где-то, в могиле лежит другой солдат, а родные приходят туда и думают, что общаются со мной, не подозревая, что на самом деле их близкий человек все еще гуляет по планете. Ты не имеешь живых родственников, поэтому тебе не дано понять ту боль, что я сейчас испытываю. А являться твоей ручной собачкой мне осточертело.

— Тебе придется стать ручной собачкой, ибо ты даже работать не хочешь. Способен лишь пропивать то, что я честным трудом заработал. И, между прочим, я добываю деньги с изуродованной рукой, без двух пальцев. А у тебя все части тела на месте. Но ты трудишься только членом и пихаешь его во все отверстия. Терплю такого, как ты, только я, никто другой и двух дней не вытерпит, находясь с тобой рядом. Даже девушка не захочет раздвигать ноги для тебя во второй раз. Все, кроме меня, видят в тебе одноразовый товар. А ты думаешь, что обожаем и являешься чем-то идеальным, но это не так. Никто на следующий день о тебе не вспомнит, это сделаю только я. А тебе на это совершенно наплевать. Умеешь только жаловаться, отдавать не хочешь.

Эрван с издевкой усмехнулся и выпустил сигаретный дым изо рта Джорджу прямо в лицо.

— Нравится, когда тебя используют? Ты слишком доверчивый, Джордж. Пора понять, что не все будут видеть в тебе ангела. Пытаешься быть правильным, но о тебя вытирают ноги.

— А ты? — голос Джорджа дрогнул, и он понял, что между ним и Эрваном возникла непреодолимая стена, которую ему хотелось перешагнуть и больше никогда не чувствовать. Нечто сильное тянуло его к этому человеку, необъяснимое. Это чувство пугало, но вызывало столько положительных эмоций, что внутри груди что-то сильно и учащенно забилося.

— Я не знаю, — прошептал Эрван. — Ты сволочь, но я ценю то, что ты для меня сделал. И сейчас просто обязан тебе сказать...

Джордж не сразу осознал свои действия, они будто вышли из-под контроля и больше не желали подчиняться сознанию. Он ощутил вкус его губ, отдающих чем-то сладким и немного горьковатым, видимо, из-за выкуренного табака. То, что происходило в настоящий момент, дошло до мозга только через пару минут, и эти действия повергли Джорджа в самый настоящий шок. Он страшился прервать этот затянувшийся момент, заставлявший сердце едва ли не выпрыгивать из груди, но что-то отбрасывало назад, заставляло отстраниться от Эрвана, оттолкнуть от себя, и это было сознание. Но легкое опьянение затуманило разум, помогло на короткие минуты улететь из реальности, ворваться во что-то приятное и неопишуемое, испытать те чувства, которые Джордж не испытывал никогда.

Руки Джорджа самопроизвольно прижали тело Эрвана к стене, лишив тогс

возможности свободно двигаться. Он сжал ладони парня в своих и руководил ими, поднимая все выше и выше. Эрван в перерыве между поцелуями слегка посмеивался и едва слышно матерился, но было видно, что все эти действия для него не кажутся ужасными и неправильными. Он просто поплыл по течению ворвавшихся в их сознания эмоций, таких ярким, каким не может быть даже само солнце. Джордж пробовал на вкус его губы, шею, ключицу, боязно опускался все ниже и ниже, чувствуя, как тело неприятно вибрирует, словно оказалось посреди разразившейся метели. Но он не ощущал холода, лишь обжигающее тепло, разливавшееся бурным потоком по раздувшимся венам.

Джордж надеялся прочесть губами вкус его тела, но не успел, так как внезапно за углом, где находилась кухня, раздались громкоголосые сочетания человеческих фраз, вынудившие парней нехотя отойти на пару шагов друг от друга.

Джордж понимал, что на его раскрасневшемся лице самопроизвольно нарисовалась лучезарная слегка пошловатая улыбка. Губы настолько сильно были обожжены поцелуем, словно их обмазали острейшим перцем, но боль от этого стала через пару секунд даже приятной, и до сих пор казалось, что это сладкое слияние губ продолжается, они навсегда зафиксировали этот экстатичный момент и в памяти воспроизводили снова и снова.

— Зачем ты меня поцеловал? — смущенно прошептал Эрван, нервно оглядываясь по сторонам, надеясь, что никто не видел этого момента.

— Прости. Просто как-то самовольно получилось... — еще сильнее покраснел тот и опустил голову, боясь смотреть Эрвану в глаза, понимая, что все внутри него наполнилось таким жаром, что можно было с легкостью вскипятить на поверхности его кожи воду.

Когда голоса стихли, и парни снова оказались наедине, Эрван сделал сильную затяжку сигареты и впервые за этот промежуток времени улыбнулся, искренне и без раздражающей издевки.

— И как всегда эти повара испоганили все, не дали испытать блаженство. Сколько же ты выпил, чтобы решиться поцеловать собственного друга? Да еще и с таким профессионализмом, будто делаешь это каждый день. Я думал, ты девственник. Всегда считал тебя пай-мальчиком. Похоже, ошибся.

— Ты не злился на меня... Ну, из-за вчерашней нашей перепалки. Ненавижу себя за то, что совершил... Даже сейчас чувствую этот удар на руке, пульсирующую боль.

Эрван медленно подошел к Джорджу, аккуратно сжал ладонями его правую руку и прикоснулся к ней еще не остывшими губами.

— Забудь это. Ты уже извинился. Я сам виноват. Вел себя, как последняя сволочь. Знаешь, когда я пьяный, то выдаю только грязную ложь. Почему-то появляется желание насолить человеку посильнее. Но после все мною сказанное всплывает в памяти, когда ум протрезвеет. И вместе с похмельем мозг съедает совесть. А я такой трус. Продолжаю мучить человека даже без алкоголя в крови. Дурная привычка. Столько шишек в детстве из-за этого получил. Я ведь начал хвататься за бутылку с раннего возраста. Родителям было плевать. А я перестал чувствовать меру. Мне нравилось, когда алкоголь разносится по мне вместе с кровью. А после разбавил все это табачным дымом. Знаю, что отравляю организм, порчу мнение окружающих о самом себе, но остановиться не могу. Не вижу смысла.

— На тебя всегда так поцелуи действуют? — усмехнулся Джордж и прижался спиной к деревянной стене, зайдя немного в тень, так как солнечный свет сильно слепил глаза.

— Наверное. Но я никогда не целовался с парнем. Может быть, поэтому на меня это так подействовало, заставило заиграть в моей крови долго спавшую совесть. Это странно.

— Что странно?

— Впервые во время поцелуя я что-то почувствовал. Будто делаю это в первый раз. Но...

— Я понял. Ты гетеросексуален. Извини, что сделал это. Просто... Бутылка текилы вдребезги разбила мой здравый ум.

— Возможно. Но можно я попрошу тебя об одолжении? Просто сейчас заткнись и ничего не пытайся сказать. Не порти момент, — прыснул тот и, тихо и почти незаметно хихикнув, обжог его все еще пылающие губы поцелуем, но на этот раз так сильно, что Джордж почувствовал, как тело окаменело и лишилось возможности даже дышать. — Я знаю, что то, что сейчас происходит между нами, неправильно, но мне уже на все плевать.

Носом он втянул что есть силы благовоние его тела и старался вбирать в себя каждый запах, исходящий от кожи Эрвана, в лучах восходящего солнца приобретшей нежно-кремовый оттенок. Кончиком указательного пальца он водил по шее юноши, изредка соскальзывая к плечу, неотрывно наблюдая за тем, как тот пребывает во владениях Морфея. Губы Джорджа так и грезили прикоснуться к спящему юноше, отчего их хозяин с трудом мог смирять собственные желания, так как не хотел прерывать спокойный грезы Эрвана.

Кровать была слишком миниатюрна для них обоих, но, прильнув друг к другу ночью, они смогли погрузиться в безмятежный сон, с трудом оборвав свои поцелуи, которые могли бы затянуться до самого рассвета, но усталость и наличие большого количества спиртных напитков в организме охладили их кипевшую страсть. Джордж впервые обнимал кого-то ночью, осязая тепло чужого тела, это было непередаваемое ощущение, он даже не осмеливался пошевелиться, полагая, что лишнее движение может разрушить эту хрупкую реальность, в которую Джордж все еще с трудом верил. Но если все это произошло на самом деле, то парень ни о чем не жалел, наоборот, был безумно рад случившемуся, хотя считал это неправильным и запретным. И едва он почувствовал сладость губ Эрвана этой ночью, то сразу же поставил запретный крест на праведные мысли. Джордж отдался чувству, сердцу, полностью отключил сознание. Впервые его тело было ему неподвластно, двигалось в собственном направлении. И юноша не смел этому препятствовать. Наоборот, делал все возможное, чтобы разум полностью растворился в тумане, а вместо него возник эрос, ярким вихрем разносящийся по организму.

Эрван тихо что-то простонал, ощутив на длинных ресницах легкое касание лучей рыжеватого солнца и, сильно шурясь, приоткрыл глаза, пытаясь осознать реальность, которая показалась ему неисследованной. Прогнав остатки сновидения, он повернул свою голову в сторону Джорджа и встретился с его влюбленным взглядом, полным красочных эмоций.

— И долго ты наблюдаешь за мной? — усмехнулся он и, повернувшись, уткнулся ледяным кончиком носа в гладкую без единого волоска грудь Джорджа, снова закрыв свои все еще сонные глаза. — Неужели эта ночь закончилась? Я даже не успел опробовать ее на вкус.

— Сегодня воскресенье. Нас отпустили на выходной вчера. Так что отсыпайся. Сегодняшний день в полном твоём распоряжении.

— Звучит пугающе.

— Почему?

— Боюсь, что ты сегодня меня съешь, что практически сделал ночью. У меня уже вся шея болит от поставленных тобой засосов. Сегодня просто не прикасайся к ней. Дай мне

прийти в себя. А то с такими темпами я буду весь синий.

— Попробую воздержаться. Но тебе все равно придется провести этот день без меня. Я обещал навестить сегодня одного своего знакомого. Мы договорились встретиться днем.

— Уже нашел мне замену? — изобразил недовольство тот, но через пару секунд засмеялся и лег на спину, уставив свой взгляд на изъеденный древесными червями потолок, шум которых можно было слышать ночью, если хорошенько прислушаться.

— Нет. Это старый друг моей семьи, — Джордж, подперев голову рукой, продолжил любоваться чертами лица Эрвана, понимая, что никого красивее из мужчин он раньше не видел. Возможно, это из-за влюбленности, возникшей у него внезапно, но такое представление об идеальной красоте теперь твердо засело в голове, и этим идеалом стал Эрван. Но тут же после непривычных странных помыслов явился образ той девушки, которую он видел из окна своей обувной мастерской, где работал еще до начала затяжной войны. И Джордж понял, что Эрван и та самая Татьяна вместе олицетворяли для него мужскую и женскую красоту. Да, эти суждения сразу же показались ему забавными, но он им верил и не желал менять. Не видел в этом смысла.

— Ты когда-нибудь влюблялся в девушку, которую видел только несколько раз и даже не осмеливался с ней заговорить? — неожиданного для самого себя Джордж задал этот вопрос Эрвану, хотя понимал, что спрашивал даже не его, а самого себя.

— Не могу ответить точно. Я встречал много красивых женщин, но ни одна не вызывала во мне чувств. Я любил девушку только один раз, но, к сожалению, ее больше нет рядом. Знаешь, я всегда спрашивал себя. А что такое любовь? Все о ней говорят, но никто не способен толком объяснить, что это такое. Мне порой казалось, что я не испытывал ее. Даже когда встречался с Кэтрин... Не до конца верил, что любил ее. Это больше напоминало страсть... Но когда она ушла, осознал, что это была не только страсть, но и любовь. Мне хотелось, чтобы Кэтрин была рядом. Мечтал говорить с ней, просто так, без повода. Но понял это слишком поздно. Над моей головой разрывались снаряды, а она умирала, даже не зная, где я тогда находился. Но сейчас это не так важно? Да?

— Война покалечила наш разум. Сделала уязвимыми перед обыкновенными вещами, изменила восприятие даже к такому прекрасному чувству, как любовь. Мы смотрим на мир совершенно иными глазами. Даже смерть теперь для нас не что-то далекое, а близ стоящее. Она прячется за каждым углом, выжидая подходящего момента. Когда ты это осознаешь, жить, как все, не получается.

— Ты спас меня, потому что хотел победить смерть?

— Возможно. В тебе я увидел жизнь, чего не видел в самом себе. И тебе удалось заставить меня двигаться дальше. В тебе присутствовало рвение к свету, ускользавшему от тебя. Когда мы шли в сторону госпиталя, ты бредил, умолял меня не останавливаться, говорил, что боишься умирать. И я шел. Потому что тоже боялся. Не знал, что будет после смерти. Где-то в глубине души удавалось свято верить, что мир воскреснет после войны, и я вернусь домой. Так и случилось. Твоя вера в жизнь спасла меня. И когда эта вера в тебе угасла... — Джордж нежно провел рукой по его щеке и грустно улыбнулся, любясь серо-голубыми глазами юноши, в которых до сих пор прослеживались полопавшиеся сосуды, ставшие своеобразным украшением молодого человека. — Я тоже перестал верить в смысл жизни, который ты когда-то мне подарил.

— Теперь уже не важно, что было раньше. Главное, что сейчас все хорошо, — прошептал Эрван и поцеловал его, как-то скромно и отчужденно, затем смущенно улыбнулся

и быстро сел на кровати, боязно прикоснувшись ступнями к холодному дощатому полу, скрипящему от движения его пальцев. — Я не думаю, что нам надо думать о смысле жизни. Время быстротечно. И нужно просто успевать делать хоть что-то полезное, пока твои стрелки часов не остановят ход. Чрезмерное философствование к хорошему вряд ли приведет.

— Неужели я слышу от тебя подобное? Куда делся Эрван, постоянно жующий табак и размышляющий о прошлом?.. Как же я обожаю тебя такого, — прорычал Джордж и с силой вернул Эрвана в постель, прижав того к матрасу, и навалился на него всем телом, чувствуя, как их дыхание участилось и сделалось невыносимо горячим, будто они дышали не воздухом, а самым настоящим пламенем.

Теплый ветерок, дышащий со стороны безбурной Темзы, ласкал своими субтильными пальцами jovialное лицо Джорджа, который едва ли не вприскок шел по мостовой, наблюдая за тем, как курящие грузовые суда, набитые доверху деревянными ящиками и изредка встречающимися на борту автомобилями, медленно движутся по разящей тиной воде вглубь исполинского города. Здесь же обнажался перед людьми умопомрачительный вид на достопамятности Лондона, но молодой человек настолько сильно потонул в своих смачных мыслях, что попросту не обращал внимания на все это благолепие. Даже воздымающийся над всеми зданиями величавый купол собора Святого Павла не смог привлечь к себе взор парня. Прохожие с удивлением следили глазами за едва ли не танцующей походкой молодого человека, что пробуждало на их лицах забавную улыбку.

На небосводе не прослеживалось ни единого облачка, что было непомерной редкостью для этого влажного града. Стоял по-настоящему летний зной, многие уже успели в предыдущие дождливые годы вычеркнуть его из памяти и сейчас встретили с удрученностью. Женщины не расставались с веером, пытаясь хоть как-то остудить лицо, по которому вместе с испариной сползала тушь и пудра. Мужчины же были индуцированы терпеть жар солнца, лишь изредка приподнимали кепки и шляпы, чтобы платочком вытереть наросший там пот. Даже от века до века пьяные сырые мужики, любящие проводить здесь время, не пригубливались к алкоголю, чтобы дуриком не повысить вокруг себя температуру еще сильнее. Но Джорджа ничуть не огорошивала такая погода, наоборот тот подставлял лицо уветливому Фебу и впитывал даримые им светозарные лучи, будто таким образом очищал себя от накопившейся черноты.

До пункта назначения он добрался на метро, Доктор Ломан назначил ему встречу подле места его работы, вблизи парка, расположенного на берегу Темзы. Джордж хоть и был здесь много раз, но не примечал этот ломоть леса, застрявший среди многочисленных каменных воздвижений. Это маленькое открытие стало утешительным, особенно в такую палящую погоду. Поседелого мужчину Джордж заметил еще издалече, тот сидел под козырьком из деревьев на скамейке и отрешенно читал газету.

— Ты опоздал, мой дорогой друг, — улыбнулся Ломан и приязненно обнял Джорджа, едва тот приблизился к нему. — А ведь именно я хотел опоздать, но, придя сюда на десять минут позже и не увидев тебя, понял, что не получилось это сделать.

— Я был немного занят.

— Судя по твоему пресыщенному лицу, эта занятость была для тебя привлекательной. Рассказывай, как у тебя дела? С момента нашей последней встречи пронеслась неделя, а ты по телефону так и не сумел мне ничего изложить.

— Ну, дела идут хорошо. Правда, намного лучше, чем было неделю назад. Мы примирились с Эрваном, это уже дает повод для отрады.

— Очень рад это слышать. Думаю, ты уже догадался, что я привел тебя в это место не случайно.

— Нет, сер. Не догадался.

— А мне казалось, ты сразу же узнаешь эту улицу, ведь здесь находилась обувная мастерская твоего отца, где ты жительствовавший до того, как оказался на фронте, — Чарльз Ломан улыбнулся и указал пальцем Джорджу на строение, которое тот узнал в одно мгновение, но только после того, как его собеседник направил его взгляд в нужное место.

— Поразительно! — ахнул парень. — Я уже совсем запомнил, что она пребывала здесь.

— У меня к тебе есть тороватое предложение. Знаю, что ты уже занят на другой работе... Но мне думается, что эта мастерская была дражайшей для тебя.

— Мой отец не оставил мне наследства, поэтому мне пришлось продать ее. Вряд ли у меня есть средства, чтобы выкупить это помещение снова. Я, фактически, бездомный. Если бы вы тогда не нашли нам съемную комнату, мы бы так и ночевали где придется.

— Поэтому я и хочу тебя снова подсобить. Ты не должен быть невольником на этой поварне, не для этого родился. Надлежит создать будущее, к которой ты влекся. Не нужно околачиваться в столь юношеском возрасте. Необходимо двигаться дальше.

— Вы для меня столько всего сделали. Почему?

— На моем месте так бы поступил каждый уважающий себя человек. Помогать, ничего не требуя взамен, вот, что самое ценное, что есть в людском племени. Так что, Виктор, не смей отрезаться от моего предложения. Я возвращаю тебе отцовскую мастерскую, а ты снова трудишься над любимым делом. Мне горестно наблюдать, как ты истлеваешь в той забегаловке. Ты подавал большие надежды в детстве, родители видели для тебя большое и светлое будущее.

— Это так неожиданно, если честно, — оторопело произнес Джордж и потерянно взглянул на дверь, которая когда-то вела в обувную мастерскую его отца, но сейчас за ней ничего не было, кроме пустого помещения. — Я думал, там уже открыли какой-нибудь магазинчик с женской одеждой.

— Когда я узнал, что ты продаешь за бесценок обувную мастерскую и идешь на фронт, то, не раздумывая, выкупил ее и держал до тех пор, пока ты не вернешься. Твой отец бы хотел этого, для него это место было просто бесценным, он провел здесь наисчастливейшие годы своей жизни. Я бы сказал тебе об этом раньше, вот только ты внезапно исчез. Мне сообщили, что ты умер, а потом спустя год я нахожу тебя на этой улице в том несчастном ресторанчике. В тот момент я испытал самую настоящую парестезию. Казалось, что передо мной стоит призрак. Ведь уже не было надежды увидеть тебя живым.

— Вы сделали это ради моего отца?

— И для твоей матери тоже. Знаю, нам не очень умело получалось якшаться, она была фантазмагорической женщиной. Жаль, что ей не удалось увидеть во мне положительные качества. Ты очень похож на нее и унаследовал ее глаза, а ведь это открытый дневник души... — Доктор Ломан смущенно отвернулся, затем достал из кармана брюк связку бряцающих ключей и вручил ее Джорджу. — Думаю, ты хочешь зайти туда. После твоего ухода там никто ничего не трогал. Все осталось на своих местах. Знаю, ты не планировал возвращаться, но что-то связало тебя с этой мастерской, поэтому тебе не удалось уйти

далеко от этой улицы.

Он воткнул ключ в замок, чувствуя, как его рука оцепенела на полуобороте, будто не алкала, чтобы Джордж вскрывал дверь, ведущую в место, где когда-то проходило все его юношеское время, ставшее таким чужбинным и давнопрошедшим, что уже воспринималось на уровне сновидений. Но, слегка надавив на самого себя, юноша прокрутил ключ до конца, слыша, как тот со скрежетом, будто кромсает механизмы замочной скважины, двигался против часовой стрелки, пока не встретил единственную уцелевшую баррикаду, означающую, что проход внутрь теперь открыт. Вынув ключ, Джордж спрятал его в карман брюк и с большим колебанием взглянул на Доктора Ломана, который легонько кивнул и, забавно осклабившись взглядом, призвал молодого человека сделать первый шаг в беспроглядное, наполненное миллионами крупиц пыли и запахом сгнившей обуви помещение. Джордж испустил вздох и прикоснулся левой ногой к дощатому полу, прогибающемуся вниз от тяжести мужского тела. Казалось, что вот-вот пол уйдет из-под ног, погребя под своими олистолитами каждого, кто посмеет войти внутрь, но, к счастью, ксилема еще не до конца разохлась и была на удивление крепкой. Джордж сделал следующий шаг и учуял, как на голову, подобно снегопаду, оседает пыль, пчелиным роем витавшая в воздухе. Видимо, сюда не проникал свежий воздух все пять лет, что юноша здесь не был.

— В мастерской довольно большой разор из-за долгого отсутствия влажной уборки. Каждая вещь в последний раз трогалась только тобой, ни одна душа сюда не ступала. Даже я, выкупив это помещение, не дерзнул зайти сюда. Мастерская должна была запомнить именно твой запах, чтобы сразу же признать тебя, едва ты воротишься.

Джордж оглядел комнату, скрытую в полумгле. Окна были излишне запачканы дорожной пылью и грязью, долетавшей со стороны улицы, поэтому их светопроницаемость снизилась в разы, превратив это место в настоящее царство сумрака, существовавшее здесь эти несколько лет. Парень успел подметить, что ни одна вещь не была сдвинута с места, будто он и не уходил отсюда. Если бы не пыль и свисавшая с потолка паутина, то можно было подумать, что Джордж приходил сюда еще вчера, а никакой войны и не было вовсе.

Вот он сидит за прилавком, ремонтирует обувь, а за окном виднеется плывущая по тротуару Татьяна, проходящая мимо его мастерской, улыбаясь каждому светоносной улыбкой. Она почасту проходила мимо и изредка заглядывала сюда, чтобы отдать на ремонт обувь, у которой любил отклеивался каблук. Они могли немного поболтать, девушка любила задерживаться здесь и разглядывать прилавки с различными ботинками и туфлями, мерцавшими от гуталина. А потом так же незаметно уходила, поблагодарив молодого мастера. Ему так хотелось стать с ней хорошими друзьями, позвать на ужин в ресторан, но он понимал, что не осмелится это сделать. Она была слишком красивой, слишком трансцендентной для него. И сейчас, снова стоя посреди этой мастерской, Джордж до сих пор чуял парфюм этой прекрасной девушки с длинными шелковистыми волосами темно-рыжего цвета, переходящего при определенном свете в самый настоящий красный. Она часто смотрела на него своими эмфатическими ярко накрашенными глазами, будто видела в нем что-то очень курьезное и небезынтересное. Джордж сделал бы все возможное, чтобы снова увидеть ее зенки, почувствовать их внимание на себе. Но вряд ли это выполнимо. Прошло довольно много времени, вряд ли она все еще населяет квартиру в доме напротив. Она была довольно богато одета, что говорило о наличии в ее семье больших денежных

средств и лишний раз подтверждало, что такая приглядная особа не станет задерживаться подолгу в одном городе. Такие женщины обожают разглядывать мир и проникать в самые недоступные его уголки. А здесь не было ничего, кроме серых вычурных зданий и мутной ядовитой Темзы, разносившей повсюду неприятные запахи.

Проведя пальцем по прилавку и оставив на деревянной поверхности маленькое ущелье, прорезанное в толстом слое пыли, Джордж снова посмотрел на Ломана, который скромно стоял у входной двери, заведя руки за спиной и наблюдая за тем, как юноша пытается вновь привыкнуть к чарующей силе этого места.

— Я был вынужден расстаться с этой мастерской пять лет назад. Мне едва исполнилось семнадцать, а больших денег в кармане не было. Отец умер слишком рано, мать пыталась управлять этим местом, даже научилась ремонтировать обувь, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Когда я подрос, мы начали вести это дело вместе. И когда и она ушла из жизни, то мне стало по-настоящему тяжело. Было много неоплаченных счетов, а прибыль с каждым днем становилась все меньше и меньше. Люди будто чуяли запах войны и перестали тратить деньги на все подряд. Даже богатые стали экономными. Когда-то здесь было много магазинов, салонов красоты и прочих мест, где можно оставить свои деньги за приятную услугу. Все закрылось. И мне пришлось продать все это, чтобы хоть на что-то жить какое-то время. Денег выручил немного, но сейчас, узнав, что я получил их от вас... Это немного режет меня изнутри. Моя мать всю жизнь ненавидела вас, она не объясняла причины. Но ее ненависть была горячей. Почему вы вернулись после стольких лет? Только не говорите, что так бы поступил каждый уважающий себя человек. Нет. Так бы никто не поступил.

— Твоя мать любила называть меня жадным донельзя еретиком. И отчасти была права. Я действительно был жадным, но, так или иначе, всегда был близок с твоей семьей. Делал все возможное, чтобы у них имелись средства на существование. Я ясно видел, что им было тяжело тебя растить. Они были молодыми, неопытными. Часто не могли обслужить даже самих себя. Постепенно им удалось научиться правильно жить и вести хозяйство. Но это давалось обоим с трудом. Еще в России их считали отбросами общества. Они не приняли грядущие перемены, словно чувствовали, что те приведут к страшной революции. Оба любили царя и его политику, отрицали поднявшийся против власти простой люд. Хотя сами они были простыми жителями без больших доходов. Твоя мать принадлежала к обедневшему древнему роду помещиков, но никаких богатств своих предков не унаследовала. Фактически, благодаря мне она смогла перебраться сюда. Уже здесь ей удосужилось познакомиться с твоим отцом. Их быстро свела вместе схожесть их судеб, что вряд ли может кого-то удивить. Тогда это было частым явлением. Оба из умирающей на глазах Российской Империи, оба вынуждены были бежать из нее, чтобы не застать приход большевиков к власти после поражения страны в Первой Мировой войне. Они не застали эти перемены, но боялись стать их свидетелями, боялись, что ты станешь участником этих событий.

— То есть, вы были знакомы с моей матерью еще до того, как она встретила моего отца? Почему она мне ничего про это не рассказывала?

— У нее появилась на меня сильная обида, которая, впоследствии, переросла в ненависть. Она просто стала меня избегать всевозможными способами. Мне было тяжело это воспринимать.

— Вы любили ее. Ведь так?

Доктор Ломан ушел от вопроса и с печальным видом отвернулся, сделав вид, что внимательно разглядывает прилавки с окутанной паутиной обувью. Но потом понял, что

выглядит перед Джорджем по-детски глупо, выдавая ему, таким образом, все свои реальные мысли.

— Знаешь, любовь очень жестокая вещь. Ты влюбляешься в женщину, но, понимая, что не можешь быть с ней вместе, боишься уходить далеко, держишься где-то позади, не смея мешать ее счастью. Даже когда исчез из жизни вашей семьи, внутри меня все разрушалось из-за долгой разлуки с твоей мамой. Это было невыносимое чувство.

— Почему вы не рассказали ей о своих чувствах? Она бы смогла вас понять.

— Она знала об этом. Всегда знала... — прошептал Доктор Ломан и сел на стул, стоявший в темном углу у окна. — Давай пока не будем говорить на эту тему. Знаю, тебе хочется знать о своей семье как можно больше, но мне трудно вспоминать об этом.

— Хорошо. Извините. Я просто не знал...

— Кстати, ты так и не познакомил меня со своим другом. Как его зовут? Эрван?

— Да. Я обязательно вас с ним познакомлю. Он замечательный человек, без него я бы вряд ли дожился до сегодняшнего дня.

— Неужели? А совсем недавно ты люто ненавидел его. Ох уж эти дети! Вас трудно понять. Ваши характеры с каждым днем становятся все сложнее и сложнее. Мы были как-то проще. Говорили, что любим, сразу, едва почувствуем это в своем сердце, ненавидели только тех, кто ненавидел нас и всячески пытался сделать нашу жизнь невыносимой. Вы же научились ненавидеть самых дорогих людей. Вот это и привело к такой ужасной войне.

— Ну, мне порой сложно самому воспринимать свои мысли и чувства объективно. Иногда я становлюсь для самого себя настоящей загадкой.

— А вот этого не должно быть. Человеку необходимо полностью владеть над своим сознанием, действиями, иначе это может привести к печальным последствиям. Мы обязаны читать себя, как открытую книгу, а не пытаться понять свой внутренний мир только по краткому описанию на первой странице.

— Это тяжело.

— Да. Но нужно тренироваться. И тогда ты сможешь избежать неприятных ситуаций. Те же ссоры возникают из-за нашего незнания самих себя. Мы не умеем контролировать эмоции, поэтому и происходят незапланированные конфликты, порой выливающиеся в самые настоящие противостояния... Ладно, я оставлю тебя на какое-то время. Меня ждут дела. Если тебе нужно будет со мной поговорить, ты знаешь, где меня найти. А пока осваивайся. Это твой дом. Надеюсь, ты не забыл, что вон за той дверью есть лестница, ведущая на второй этаж в твою спальню.

— Да? А я и забыл про это, — удивленно произнес тот, понимая, что он совсем не помнит этого места, будто находился здесь впервые.

— Потом я помогу тебе с наведением порядка. Нужно многое заменить. А пока смелся уходи из того ужасного ресторанчика, пока твои оставшиеся пальцы целы. С таким графиком ты их бы к концу этого года все отрубил.

— Вы появились так внезапно. Я до сих пор не могу поверить в то, что вы помогаете мне просто так, ничего не требуя взамен.

— Твоя мать бы хотела, чтобы я это сделал. Она очень любила тебя, ты был для нее единственным смыслом жизни. Жаль, что ее нет рядом с нами. Ей бы удалось сделать это помещение чуточку светлее.

Глава шестая. Мгла

Мы всю свою жизнь гоняемся за мимолетными ощущениями, глупыми целями, постоянно стремимся к какому-то заключению, находившемуся от нас на расстоянии в целую вечность. Но в конечном итоге не проходим и половины пути, останавливаемся на распутье, где встречаем особу, вселяющую ужас в каждого, кто произнесет ее имя. Это Госпожа Смерть.

Татьяна за свою жизнь видела смерть множество раз. Вначале это пугает, доводит до приступа паники, иногда даже вызывает тошноту и головокружение, но затем нервная система будто получает иммунитет и справляется с такими психологическими нагрузками без особого стресса. Девушка уже совершенно спокойно смотрела на мертвые тела, словно перед ней обычный объект для изучения, помогавший в очередном расследовании загадочного убийства.

В комнате было холодно, словно сюда раньше срока пробралась зима. И Татьяна уже жалела, что не захватила свое драгоценное пальто бежевого цвета. Но вряд ли бы кто-то с серьезностью воспринял ее, стоящую в верхней одежде в операционной. Это бы выглядело глупо. Она не хотела казаться нелепой среди своих коллег, это ее пугало до потери памяти. Поэтому никто никогда не видел девушку без аккуратной укладки волос, тщательно выглаженного женского костюма приятного серого цвета с тугим ремешком на поясе, донельзя чистых туфель и легкого макияжа, подчеркивавшего выразительные глаза, красивые ухоженные брови и пухлые губы натурального цвета.

Но холод будто шел не из воздуха, он затаился внутри Татьяны, разрастаясь с каждой минутой, становясь все больше и больше, перекрывая путь легким. Но девушка держалась стойко и делала вид, что все хорошо, что ничего неприятного с ней не происходит.

Сейчас перед ней лежал очередной труп мужчины, тщательно вымытый и совершенно ничем не пахнувший, лишь медикаментами, которыми он уже полностью пропитан. Выглядел он умиротворенно, не выдавал никаких посмертных эмоций: ни страха, ни боли. Лишь пугающее спокойствие. Это спокойствие всего вокруг уже доводило психику Татьяны до точки кипения. Все здесь вело себя так, словно жизнь текла в своем привычном направлении.

Себастьян быстро заметил, что с его напарницей что-то не то. В последнее время та была совсем на себя не похожа, словно она совершенно чужой человек.

— Ты уверена, что хочешь здесь присутствовать? Выглядишь неважно, — Себастьян с беспокойством взглянул на побледневшую напарницу, которая с непривычным для нее отвращением смотрела на мертвого азиата.

— Все в порядке, — отрезала та холодным тоном, с трудом сглотнув, будто в горле застрял твердый ком, который мешал ей свободно дышать. — Просто я переживаю за своего мужа.

— Я отправил двоих полицейских съездить на твою квартиру. Телефон дома не отвечает, но я уверен, что он там. Возможно, просто уснул.

— Почему он не дождался меня?

— Это тебе лучше спросить у него самого. Твоего мужа назвать нормальным довольно тяжело... Но все же... У всех есть свои странности.

— Начинаю вскрытие, — произнес женский голос в палате, заставивший Татьяну

невольно вздрогнуть. — Передо мной мужчина, лет сорока, монголоидной расы. Причина гибели — ножевое ранение. Вес составляет семьдесят один килограмм, смерть наступила предположительно три дня назад, — женщина в белом халате обошла операционный стол несколько раз, внимательно рассматривая мертвое тело, затем склонилась над лицом покойника и с помощью электрического фонарика посветила в открытый с помощью ее пальца зрачок мертвеца. — Радужная оболочка глаза заметно потускнела, приобрела странный сероватый оттенок. Возможно, это случилось на стадии разложения.

— Мою теорию вы не брали в счет? — Татьяна с долей обиды посмотрела на своего напарника, который замороженно наблюдал за началом вскрытия, словно смотрел спектакль в театре.

— Мы рассматриваем все варианты, Танюша. Но вряд ли мы имеем дело со сверхъестественным. Испанка уже навсегда покинула этот мир, грипп мутировал в безопасную для человека форму и просто не мог восстать из мертвых, чтобы снова убить сто миллионов европейцев. Ты просто запуталась.

— Извини, мне нужно выйти, — Татьяна резко нахмурилась, словно проглотила что-то одновременно острое и кислое, затем вышла из операционной, стараясь не смотреть в сторону мертвого азиата, от которого веяло до боли знакомым холодом.

Туалет, на удивление, был пуст, что являлось нетипичным явлением для такого времени суток. Обычно в эти часы дамы занимали сюда очередь, считая, что пришли в участок не помогать полиции бороться с преступностью, выдавая им имена нарушителей закона, а попудрить носик перед чистым зеркалом в слегка потускневшей позолоченной оправе. Татьяна старалась в это помещение не заглядывать, так как не выносила светские женские разговоры рядом со своим ухом, но сейчас она была в таком состоянии, что забежала в туалетную комнату, словно здесь находилась последняя надежда на хорошее будущее.

Сегодня почему-то технические работники не стали вылизывать женский туалет, оставив разводы и неприятный запах канализации в живых. Но если бы они не сделали это один день... Все пребывало в таком состоянии, будто никто не убирался здесь целый год.

На полу была разлита талая вода с примесью ржавчины и небольшого количества горючего, неизвестным образом попавшего в эту мутную дурно пахнущую жидкость, зеркала покрылись толстым слоем налета, а сантехника сменила свой идеальный блеск на тусклые рыжеватые цвета, что говорило о сильной влажности и бурном окислении металла.

Татьяне хотелось как можно скорее умыться и покинуть это место, поэтому она, стараясь наступать на сухие участки пола, подошла к до безобразия грязной раковине и повернула кран, из которого с громким фырканием и чавканьем полилась вода буроватого цвета, навсегда смыв с раковины небольшие остатки былой чистоты. Девушка не рискнула прикоснуться к подобной жидкости, поэтому сразу же отдернула руку и в спешке завернула кран, брезгливо стряхивая с себя следы ржавчины.

— Черт! — выругалась девушка, увидев, что капля бурой воды все же попала на ее белоснежный воротничок и оставила на нем пятна неприятного цвета. Слова дались ей с трудом, так как после них сразу же последовал кашель, продлившийся очень долгое время. То, что разносило омерзительный холод по ее телу будто начинало вылезать из нее наружу, с силой и невыносимой болью.

Татьяна не могла больше сдерживаться и вцепилась руками в край раковины, стараясь держаться на ногах, которые странным образом ослабели и отказывались держать ее

стройное тело на себе. Перед глазами начали плясать звездочки, туалет самопроизвольно следовал их движению и, подобно карусели, закружился перед потерянной Татьяной, которая чувствовала, как что-то неприятное на вкус заполняет ее ротовую полость, желая покинуть тело.

Девушка со стонами от жгучей боли в груди выплюнула солоноватую на вкус жидкость и увидела, что та имела агрессивный красный цвет. Татьяна сразу поняла, что это кровь, ее собственная, которая продолжала покидать тело через онемевшую от холода ротовую полость, заставляя до смерти побледневшую девушку сгибаться от приступа кашля. Через пару минут приступ резко прервался, оставив мокрую от собственного пота девушку наедине с собой. Татьяна поняла, что сидит на мокром полу, а вокруг разбрызгана еще совсем свежая кровь, затмившая своим запахом тошнотворный аромат канализации.

С трудом сдерживая стоны и ощущая отголоски боли в груди, Татьяна поднялась на ноги, опираясь всем весом на бедную раковину, которая из-за своей неухоженности была готова расколоться на части. Вытащив из кармана носовой платок, Татьяна второпях вытерла с губ и подбородка слегка присохшую кровь, затем им же немного почистила пальцы, после чего в панике выбежала из туалета, с громким хлопком закрыв за собой дверь, словно боялась, что атмосфера той комнаты вылетит оттуда и будет преследовать ее каждый день.

Эти люди его совершенно не пугали: в них было что-то неопишное, до жути интересное. Он разглядывал их глазами голодного художника, в руках которого очень давно не было кисти, но пальцы жаждали перенести свои мысли на бумагу, создать возникший в голове образ. Это чувство напоминало дрожь, с потом разносившуюся по всему телу. Его зрачки подобно фотоаппарату запоминали каждую деталь этих личностей, любую мелочь, даже незаметную и порой невидимую для обычных глаз.

Прядь светлых волос упала на его лицо, будто пыталась скрыть глаза, которые с жадным любопытством изучали окружающих людей. Их пугало спокойствие этого юноши, его симпатичная наружность, невероятно красивые и пронзительные глаза, бегавшие по их униформе. Было в нем что-то чужеродное, ранее невиданное. Для них он воспринимался не как человек, а как сошедший с небес приспешник самого Дьявола, пытавшийся соблазнить их на грехи и питавшийся их лезущими наружу страхами. Еще ни один сидящий в комнате не был так умиротворен, как этот странный светловолосый молодой человек. Он явно знал, что будет здесь, заранее был готов к такому ходу событий. Его не пугала ни тюрьма, ни закон, для него было страшно не достигнуть какой-то личной цели.

В комнате было непривычно холодно, словно за окном стоял лютый мороз, а система отопления была навсегда отключена. Казалось, что вот-вот и изо рта начнет вылетать пар, говоря о сильном понижении температуры. Полицейские невольно стали тихо топтать ногами, чтобы разнести по телу горячую кровь, но все было бесполезно, их тела остывали с неизмеримой скоростью.

Но на юношу этот холод почему-то не действовал, он все так же неподвижно сидел на стуле и пронзал всех своим милостивым добрым взглядом преданного пса, увидевшего своего хозяина после долгой разлуки.

— Татьяна Хапперт сейчас не может поговорить с вами, Кристофер Ричард Стрингини...

— Можно просто Ричи, — с легкой улыбкой ответил парень и нервозно стал тереть пальцы, но когда заметил на себе злобные взгляды, то быстро спрятал руки под стол,

положив их на колени.

— Что ж, — следователь расплылся в широчайшей улыбке. — Мы очень рады, Ричи, что ты заглянул к нам с визитом, но...

— Я угрожал огнестрельным оружием гражданскому населению, поэтому меня будут держать под стражей до решения следствия. Скорее всего меня отправят за решетку, либо в психиатрическую клинику, если обнаружат психическое расстройство после медицинского осмотра. Вы это хотели сказать, мистер Джонсон?

— Вижу, ты умный парень, — было видно, что следователь начал не на шутку злиться. Ричи это сразу заметил по его колючему взгляду, напрягшимся мышцам, выглядывавшим из-под мятой рубашки. Юноша успел тщательно изучить образ мужчины и сделать для себя выводы.

На левой щеке был легкий порез после бритья, что говорит о его плотном графике. Возможно, он сегодня проспал, торопился в полицейский участок. Этот факт могут подтвердить и его грязные залезанные назад волосы с легкой сединой. Мягкий костюм и нечищенные туфли намекают на то, что следователь живет один, не доволен собственной жизнью и живет одним днем, не думая о будущем. В нем не прослеживалась жизнерадостность, доброта, честность. Его радовали лишь деньги, которые тот, скорее всего, спускал на спиртные напитки, чьи следы отразились на отеком некрасивом и даже слегка мерзком лице. Но его вполне устраивал такой образ жизни, Ричи сразу заметил это по его самодовольной ухмылке, уверенной походке и твердому взгляду. Этого человека невозможно задобрить, обмануть, он видит каждую мысль сидящего здесь преступника, выстраивая в голове целые теории и мотивы преступления. Как раз сейчас он был занят этим мыслительным процессом, изучал юношу, пытался составить его портрет. Но Ричи внимательно всматривался в его глаза и четко видел в них сомнение. Впервые этот человек не мог увидеть внутренний мир подозреваемого, не мог счесть его мысли. Ричи напоминал сейф без ключа, из которого невозможно вытащить содержимое. И это пугало следователя.

— Ларри! Слава Богу, ты здесь! — Себастьян нашел медэксперта в лаборатории, которая находилась по соседству с операционной, где только что проводилось вскрытие.

— Привет, Себ. Как раз заканчиваю анализ крови нашего пациента, — пробубнил тот себе под нос, вставляя пробирки с какими-то веществами в маленький контейнер.

— Кажется, теория Татьяны имеет место быть.

— Я тоже склонен к ее точке зрения. В крови я нашел следы испанки, но грипп уже был мертв, совершенно обезврежен. Словно что-то заставило его впасть в спячку. Просматриваются следы активности, но сейчас вирус, можно сказать, мертв. Это удивительно! Такого я еще никогда не видел!

— Мы тоже нашли следы испанки. Легкие напоминают гнилой кусок мяса, издавая запах, как при гангрене. К счастью, все органы на месте. Но тело находится на поздней стадии разложения. Внутренности будто начали свое отмирание месяц назад, хотя снаружи тело еще совсем свежее!

— Только не говори, что перед нами оживший мертвец, которого зарезала бедная старушка. Я в такое никогда не поверю.

— Насчет ожившего мертвеца не знаю, но этот человек умер не вчера, Ларри...

— Здесь я бессилен, Себ. Этот человек умер от испанки. Скорее всего эта Анна просто поиздевалась над трупом. В психушке работают только психи. Я бы без раздумий отправил

ее за решетку, пока она нас ножичком не пырнула.

— Не все так просто, Ларри. Татьяна не верит, что эта старушка способна на такое. Еще этот белобрысый молокосос нас всех на уши поднял. В общем, этот день не обошелся без сюрпризов.

— Уже вечер, Себ. Тебе бы домой следовало съездить. Ты сам не свой. Уже который день не спишь.

— Да... Эта неделя была адской. Но мне нужно рассказать о нашей находке Танюше. Ты не видел ее?

— Нет. В последний раз она была на вскрытии.

— Ладно. Я жду от тебя медэкспертизу.

— Завтра будет лежать у тебя на столе, — кивнул ему тот и вернулся к своим пробиркам.

Себастьян махнул коллеге на прощание рукой и с тревогой на сердце вышел в коридор, надеясь, что больше сюрпризов в этот день не будет.

Татьяна, с трудом передвигая ноги, шла по коридору, словно находилась в трансе. Легкое головокружение до сих пор преследовало ее, размывая очертания действительности. Все потеряло контур, детали, даже цвета утратили бывалую сочность, яркость, став чем-то серым и однообразным. Девушка боялась идти вперед, но ноги шли сами по себе, все дальше и дальше, следуя по неизвестному пути, слушая чей-то неслышимый голос.

Было ужасно тихо, воздух утратил прокуренный запах с густой примесью пыли и приобрел до боли знакомый мятный аромат, обжигавший нос каждого, кто вдохнет его хотя бы на секунду. Но это легкое жжение доставляло неопишуемое удовольствие, стирало всякие преграды для света внутри человеческого сознания, страх и боль. Все вокруг будто становилось чем-то легким, невесомым, даже самая ужасная проблема теперь виделась обычным маловажным пустяком.

Запах усиливался, делался острее.

Девушка поняла, что находится рядом с кабинетом своего напарника. И этот факт помог ей немного расслабиться и прийти в себя. Теперь Татьяне было легче различать все перед собой, туман перед глазами рассеялся и дал возможность видеть все, что происходило вокруг.

Едва девушка сделала шаг, как в ее ухо ворвался чарующий звук пианино, такой сладкий и нежный, что по телу Татьяны пронесся теплый ручеек эйфории, вызвавший улыбку. Эти прекрасные звуки музыки стали для нее такими родными, такими жизненно необходимыми, что она боялась, что они замолкнут, вновь оставят ее одну среди этой мертвой пугавшей тишины.

Татьяна сделала еще один шаг.

— Она слышит нас! Она слышит нас, — прямо около ее уха вновь раздался хор тихих голосов, но теперь они стали лишь радовать, словно произошла встреча со знакомыми близкими людьми. — Она не чувствует страх. Ее тело расслабленно. Оно не чувствует боли!

Музыка стала громче, в ней чувствовалась властность, сила, легкая тревога. Она будто передавала все эмоции медленно идущей вперед Татьяне, слилась с ее разумом и звала к себе. И девушка шла на ее зов, старалась ступать бесшумно, боялась спугнуть эти одурманивающие звуки, которые были так близко, что казалось, что их можно потрогать рукой.

Когда Татьяна вошла в комнату, музыка внезапно растворилась, словно ее никогда здесь и не было. Но девушка это даже не заметила, все ее внимание быстро переключилось на человека, стоявшего посреди кабинета. Тот услышал шаги детектива и быстро повернулся, показав Татьяне свое лицо.

Когда девушка поняла, кто стоит перед ней, то с трудом смогла сдержать панический крик, который так и желал вырваться из нее наружу. Но, к счастью, она смогла подавить свои эмоции и быстро организовать собственные действия.

— Стойте на месте, доктор! — Татьяна машинально вытащила из своей кобуры пистолет и наставила его на совершенно спокойного Доктора Ломана, который с легким смущением оглядел девушку. — Как?! Как?!

— Если бы это было так просто, Татьяна, — прошептал мужчина, сжимая в руке папку бумаг, которую тот, как поняла девушка, вытащил из ящика стола ее напарника. — Все не так, как вы думаете.

— Не двигайтесь, Ломан!

— Что вас пугает? Чего вы боитесь? Что вами движет?

— Что у вас в руке?

— Правда. Правда, которую вы так долго искали, которая столько лет ускользала от вас.

Девушка еще сильнее сжала в руке пистолет и заметила, что Доктор тайком смотрит на вторую дверь, ведущую прямо в холл.

— Только посмейте шелохнуться, и я пушу пулю прямо вам в лоб.

— Я нужен вам. Ведь именно я знаю всю правду об этих убийствах и о вашем возлюбленном.

Доктор смелым движением открыл злополучную дверь, оставив девушку в полном замешательстве, и быстро покинул кабинет, подарив свинцовую тучу новых вопросов. Татьяна еще минуту стояла на месте, пытаясь справиться с шоковым состоянием, парализовавшим все ее тело. Затем, выругавшись, она тут же бросилась вслед за восставшим из мертвых доктором, выбежав в идеально пустой холл, где не было никого, кроме мертвой тишины и далеких звуков города.

Еще крепче сжав в руке пистолет, Татьяна в приступе паники выбежала на улицу, почувствовав, как в нее врезался морозный воздух осеннего Лондона. Оказавшись среди оживленной толпы, девушка не сразу вспомнила, почему она выбежала на улицу, но когда поняла, что вынудило ее прийти сюда, то быстро стала пробираться сквозь густой поток людей, попутно извиняясь перед прохожими. Но Доктор Ломан растворился в ночи большого города, бесследно исчез, вновь забрал с собой то, что так было нужно несчастной девушке: правду о человеке, ради которого она идет дальше, ради которого она все это время дышала и радовалась каждому дню. Но сейчас надежда стремительно растворялась в ее сердце, словно на нее брызнули едкой кислотой.

Девушка просто замерла на месте, дав возможность своим эмоциям выбраться из нее наружу, ведь их за последние сутки скопилось так много, что тело уже не было способно сдерживать их внутри.

Следующий день выдался намного холоднее предыдущего. Постепенно так ненавистная сырая осень переходила в белоснежную зиму, об этом знаменательном событии сообщил первый снегопад, который выдался столь значительным, что невольно создал проблемы на дорогах, так как жители были не готовы к таким переменам погоды и слишком поздно стали

чистить дороги от осадков.

Температура воздуха сильно понизилась, поэтому Татьяне пришлось надеть зимнее пальто, которое она так не любила. И дело не в удобстве, а в отвратительном сером цвете. Эту вещицу ей когда-то подарил Петр, даже не поинтересовался предпочтениями жены. Но говорить этому человеку, что ей не понравился подарок, было для нее худшим действием. Поэтому она сделала вид, что безумно любит это пальто и старалась надевать его как можно чаще, хотя сама чувствовала себя в нем солдатом в кольчуге. Прошло уже столько лет, а эти неприятные ощущения так и не прошли, но что-то все-таки сроднило ее с этим предметом гардероба. Возможно, пальто смогло заполучить небольшую симпатию своей хозяйки.

Деревья, по линейке посаженные на узких застроенных улицах Лондона, еще не успели осознать приход суровой зимы. Вследствие чего можно было наблюдать на них шапку из хлопьев снега и грязно-желтых листьев, которые до самого конца держались на иссохших ветвях. Птицы же не были довольны подобной ситуацией. Из-за тяжести ветви просто не выдерживали и сбрасывали вместе с листьями и снегом притаившиеся птичьи гнезда, безжалостно убивая еще не вылупившихся птенцов. Татьяне было жаль этих пернатых созданий, но ее удивил тот факт, что эти прекрасные создания не пожелали улетать на юг. Что их держит в этом холодном сыром городе? Почему они не беспокоятся о своей жизни? Птиц было так много, что они покрыли большинство деревьев и фонарных столбов на этой пустынной улице. И всех их объединяло одно: они смотрели в одну и ту же сторону. На Татьяну.

Татьяна приехала в больницу намного позднее, чем планировала.

В машине стоял неприятный запах горючего, притуплявший ледяной аромат снега. Девушка во время пути так и норовила высунуть свою рыжеволосую голову из окна, чтобы ее окатил поток остывшего воздуха и тем самым помог собрать все кусочки разбившихся мыслей воедино. Но хмурое лицо водителя быстро отговорило ее от этой ребячьей затеи.

Иногда она себя чувствовала девочкой-подростком, наивной и донельзя веселой, а порой Татьяна становилась пятидесятилетней женщиной, которая давно утратила смысл в существовании. К сожалению, детская натура в последнее время просыпалась в ней все реже и реже, что сказывалось на ее внешности, которая с каждым днем утрачивала былую красоту и некую кукольную прелесть. В глазах уже нет того блеска, азарта, взгляд слишком пустой и слегка остекленевший. Она будто внутри уже давно умерла, но ее тело продолжало жить и изображать привычные и выученные наизусть эмоции, которые до безобразия фальшивые и вычурные.

Машинист остановил автомобиль прямо у ворот медицинского учреждения. Татьяна, поблагодарив машиниста, дала ему чаевые и, в спешке накинув на шею белый шарф, вышла из машины. Ветер, к счастью, был не сильный, а даже довольно слабый, будто воздух вовсе утратил свое движение и замер на месте. Поэтому снегопад падал непривычно ровно: каждая снежинка ложилась на землю параллельно другой.

Татьяна не знала, сколько простояла на месте, вглядываясь в окна трехэтажного массивного здания кремового цвета. Она будто боялась входить туда, наблюдать человеческую боль, страдания. Но желание увидеть Джорджа крепло с каждой минутой. Она знала, как этот человек был одинок, что никто, кроме нее, не навестит его, не скажет доброго слова. Он был скрытен, замкнут, но всегда находился рядом, знал ответ на любой вопрос. Джордж ничего не требовал взамен, ему нравилось лишь отдавать всего себя до последней капли. Она ценила их дружбу больше всего. Ведь их общение было искренним, —

несмотря на громкие обиды прошлого, — настоящим, без фальши, которая была для Татьяны подобна яду замедленного действия.

Девушка сделала шаг и вскоре вошла внутрь здания, ощутив запах больного человеческого тела и медикаментов. Людей было немного, в основном пожилые люди и женщины с детьми, все они с удивлением поглядывали на Татьяну, будто та выделялась среди них чем-то особенным, отчего девушке стало не по себе. Такие взгляды всегда пугали ее, вызывали внутри чувство не прекращавшегося страха. Казалось, что эти люди разрезают Татьяну глазами, рассматривают внутренности, получая от этого небывалое удовольствие. Но девушка успокаивала себя, пыталась верить, что это просто необоснованное беспокойство, вызванное сменой погодных условий.

Внутри здания было довольно прохладно, словно повсюду настужь открыты окна, впускаящие в помещение зимний ледяной воздух. Но Татьяна, оглядевшись, поняла, что это не так. Окна были плотно закрыты, а в щели рам была напихана гнилая бумага, препятствовавшая проникновению холода, но это, похоже, не помогало, как и включенная система отопления, тепло которой странным образом улетучилось.

Палата Джорджа находилась в ожоговом отделении, медсестра любезно проводила Татьяну к койке молодого человека и оставила их наедине, лишь сказав, что посещение пациента не должно длиться дольше тридцати минут, так как скоро будут проходить лечебные процедуры.

В палате пахло чем-то мятным, отчего у девушки в голове всплыл образ той психиатрической больницы, которую она хочет забыть, как страшный сон. Ей сообщили, что у Джорджа пострадало девяносто процентов кожного покрова, на полное восстановление рассчитывать не стоило, что говорит о том, что жизнь этого человека никогда не станет прежней, он навсегда утратил самого себя, перешел черту жизни и смерти, побывал на обеих сторонах того мира. Сейчас этот некогда симпатичный молодой человек лежал на неудобной жесткой койке, полностью перебинтованный и обездвиженный, в нем трудно разглядеть знакомого Татьяне Джорджа, всегда позитивного и жизнерадостного. Теперь это полуживое существо, лишившееся возможности жить, как человек.

Улыбнувшись, медсестра осторожно прикрыла дверь, пытаясь исчезнуть из палаты как можно незаметнее, но скрип половиц мог выдать даже муху, приземлившуюся на пол. Внутри здания ремонт, судя по состоянию помещений, не делали очень давно. Половицы расшатаны и с легкостью ездят по полу, стены покрыты старой паутиной трещин, внутри которых слышна жизнедеятельность голодных насекомых, а источника искусственного света и вовсе не было, на столе осталась лишь полностью расплавленная свеча, испачкавшая застывшим воском отсыревший покосившийся стол.

Поморщившись от ужасной обстановки этой больницы, Татьяна осторожно пододвинула стул поближе к кровати и села, молча наблюдая за дыханием молодого человека, прислушиваясь к его слабому хрипу и стонам. Он явно спал и вряд ли услышал ее приход. Его красные слегка раздувшиеся веки тихо дрожали от хаотичного движения глазного яблока. Татьяна поняла, что Джордж видит сон, но не хотела думать, что этот сон мог быть плохим. Она мечтала, чтобы в спящем состоянии молодой человек мог на короткое время забыть о своем состоянии, забыть о боли и ограниченности движений, мог свободно идти по улице и радоваться каждому сделанному шагу, ведь ходить — это так прекрасно.

— Здравствуй, Джордж, это я, Татьяна. Мне сказали, что твое состояние улучшилось, что ты уже пришел в сознание и даже можешь немного есть. Ты не представляешь, как я рада

этому, — Татьяна чувствовала, как эмоции заставляли ее голос невольно дрожать, искажать слова, но девушка пыталась подавлять подступившие слезы, чтобы не терять последние силы. — В последнее время произошло столько плохого, передо мной появились новые преграды, через которые мне не по силу перешагнуть. Я впервые чувствую себя такой беспомощной, маленькой, крошечной девочкой, у которой нет права на выбор. Меня словно заключили в клетку, я зову на помощь, но никто не может услышать мой зов, всех будто что-то оглушило, отстранило от меня. Ты как никто другой понимаешь меня... Но что мне делать дальше? Куда идти? Я запуталась... Пытаясь отыскать истину, я погрузилась в несуществующее прошлое, надеялась его найти, вновь потрогать и ощутить на своей коже... Но... правда оказалась иной...

Впервые она почувствовала, как этот молодой человек ей дорог, как важен для нее. Она проклинала каждого, кто был причастен к случившемуся, ненавидела себя за то, что не смогла предотвратить тот пожар. Девушка верила, что знала заранее о той трагедии, знала, кто преступник. Но в итоге что-то ее ослепило, сбilo со следа. Но внутреннее я ласково успокаивало, говорило, что нельзя все предвидеть. Их враг силен, его шаги непредсказуемы, в них нет ни последовательности, ни логического мотива. Он слишком скрытен, слишком умен, слишком увёртлив. Им движет безмерная жестокость, некий гнев, обида на всех людей. Но что вызвало эти чувства? Что заставило этого безымянного человека совершить подобное? Что им руководит?

Татьяна смахнула движением ладони слезу, медленно стекавшую по ее бледной щеке. Сегодня она не стала наносить макияж, небрежно затянула волосы в хвост, даже не расчесав их любимым гребнем, ее больше не волновал собственный внешний вид, девушка погрузилась в свои мысли с головой, покинула эту реальность, забылась в своих суждениях.

Татьяна с большим и неприятным удивлением поняла, что сумела незаметно для самой себя уснуть, когда ее где-то на подсознательном уровне разбудил чей-то странный и весьма зловещий шепот, похожий на чье-то голодное и возбужденное рычание. Он был тихим, практически неуловимым, но в то же время проносился по всему телу с мурашками, заставляя появляться на бледной коже капельки холодного пота. Шепот можно было с легкостью спутать с обыкновенным шумом труб или ремонтной работой где-то в подвале, но, прислушавшись, девушка начала различать в этом пугающем шипении понятные ей слова, которые затем складывались в загадочную фразу.

Первое, что ее удивило, так это то, что медсестра не сообщила ей о том, что время визита подошло к концу. Возможно, Татьяна заснула на пару минут, но, взглянув в окно, поняла, что прошло уже много времени — на улице стояла глубокая снежная ночь.

Во время краткого осмотра, девушка успела заметить, что в комнате было невероятно пусто, словно кто-то успел за время, что Татьяна спала, хорошенько прибраться в палате и унести с собой некие вещи. Протерев глаза, девушка внимательно огляделась, продолжая слышать под ухом чей-то шепот. Он был непостоянным, словно в какой-то промежуток времени удалялся куда-то вглубь здания, играя со слушателем в детскую игру.

Татьяна медленно поднялась на онемевшие ноги и слегка потянулась, чтобы возобновить кровоток в организме после непривычного сна на старом деревянном стуле. В пятках чувствовалось легкое покалывание, словно в пальцах шипела газированная вода.

Сколько же она проспала? Почему никто не удосужился ее разбудить раньше? Неужели все забыли об этой палате и даже не смотрят за посетителями? Татьяна уже была не в

состоянии об этом думать, она лишь хотела поскорее уйти отсюда, но мысль об уходе быстро вылетела из ее головы, когда та краем глаза взглянула на больничную койку, на которой лежал Джордж.

Молодой человек исчез, словно его здесь и не было. Кровать идеально заправлена, постельное белье убрано, остался лишь жесткий древний матрас, в котором процветала цивилизация клопов, и колючее зеленое покрывало, аккуратно сложенное в углу больничной койки.

— Что здесь происходит, черт возьми? — невольно выругалась девушка и выбежала из палаты в длинный коридор, надеясь там услышать ответ на свой вопрос, но вместо этого Татьяна лицом к лицу столкнулась с мертвой тишиной и обжигавшей глаза темнотой, которая теперь была повсюду.

— Эй! — крикнула Татьяна в пустоту и сделала маленький шаг вперед в черную пустоту, которая съела все вокруг нее. — Есть здесь кто-нибудь?! Эй!!!

Девушка вытащила электрический фонарь и дрожавшим пальцем нажала на кнопку, слегка прогнав мглу, осветив вокруг себе до бесконечности длинный пустой коридор, конец которого терялся и до которой вряд ли уже удастся добраться. Слева и справа находились деревянные двери, все были открыты нараспашку, словно люди уходили отсюда в спешке, оставив все на своих местах. Но при этом все идеально прибрано: никаких лишних вещей не найдено, все на предназначенных местах. Палаты пустые, ни малейшего следа пребывания человека. Это здание оказалось совершенно пустым. Здесь обитал лишь громко поющий ледяной ветер и мертвая тревожная тишина.

Впервые Татьяна так отчетливо слышала биение своего сердца, оно было чересчур учащенным, будто влюбчивый орган был готов разорваться на части, лишь бы поскорее покинуть это место.

Тот тихий шёпот вновь раздался у Татьяны в ушах, но на этот раз он твердо заявил о себе. Татьяна ощущала все его нотки, прочувствовала тон голоса невидимого собеседника всем телом, различила каждое произнесенное им слово. Прижавшись спиной к холодной каменной стене, Татьяна начала слушать голос, вдумываться в его значение.

— Я чувствую тебя... Убить... Убить тебя... Я чувствую запах твоей крови... Я слышу твой страх... Убить... Убить тебя... Кровь... Я чую кровь...

Когда голос внезапно замолчал, Татьяна невольно подняла фонарь и в ужасе поняла, что ее единственный источник света осветил лицо, бледное и до боли знакомое. С трудом сдержав крик ужаса, девушка выдохнула и обессиленно опустила фонарь, чтобы ненароком не ослепить внезапно объявившегося молодого человека, который все так же смотрел на нее своими преданными щенячьими голубыми глазами.

— Татьяна Хапперт, — прошептал он и вздрогнул, будто его окатили ледяной водой.

— Ричи?! — девушка ахнула и с трудом успела подхватить парня, который обессиленно упал в ее руки, полностью лишившись сил. — Что ты здесь делаешь? — девушка убрала светлую прядь его волос, закрывающую глаза. — Боже! Ты весь горишь! У тебя сильный жар, — Татьяна засунула фонарь в карман на груди своего пальто и сжала своими ладонями лицо побелевшего юноши, который не сводил с нее своих красивых глаз. — Что происходит? Куда исчезли все люди?

— Голоса!.. — юноша начал с трудом кричать, разрывая свое горло приступом тяжелого кашля. — С вами происходит то же самое. Ведь так? Вы тоже слышите их... Вы тоже видите все это.

Татьяна крепче подхватила Ричарда и зашла вместе с ним в одну из пустых палат, усадив их обоих на больничную койку. Ричи так ослабел, что уже не был в состоянии даже самостоятельно сидеть, все его тело вздрагивало, словно что-то невидимое пронзало кожу юноши чем-то острым. Девушка прижала его к себе и всеми клеточками своего организма ощутила его боль, вырывавшуюся наружу вместе с тяжелым кашлем и слабыми стонами. Его тело горело, словно внутри него разожгли костер, вся его одежда пропиталась ледяным потом, который уже ручьями стекал по белоснежной коже.

— Ты что-то сказал про голоса. Что ты имел в виду? Ты знаешь, что здесь происходит?

— Нам нужно вернуться туда, где все началось... Необходимо... — юноша прервался, так как его снова одолел приступ кашля, но на этот раз более сильный, чем предыдущий.

Татьяна невольно вздрогнула, когда увидела, что из его рта потекла темная струя крови, медленно стекая вниз и рисуя на его правильном остром подбородке извилистые линии, напоминавшие устья полноводных рек.

— Какой кошмар! — Татьяна вытащила из кармана пальто платок и помогла Ричи избавиться от крови на его слегка лиловых губах. — Что это?

— Все ответы спрятаны там, где все и началось... В нашем прошлом... — Ричи подарил ей свой щенячий преданный взгляд и закрыл глаза, обессиленно откинув свою белокурую голову назад.

— Ричи, — Татьяна осторожно встряхнула лишившегося чувств юношу, но тот так и не пришел в себя, лишь тяжело и слабо дышал, становясь с каждой минутой все горячее и горячее, будто что-то издевательски подкидывает дров в разбушевавшийся костер в его хрупком организме. — Нет! Нет... — Татьяна в надежде еще раз встряхнула обездвиженное тело юноши, но все тщетно.

Запах чистого постельного белья ворвался в ее нос, приятно лаская обонятельные чувства своим непривычным мятым ароматом, от которого хотелось зарыться во все это вкусно пахнущее великолепие с носом как можно глубже, чтобы запахи реальности не могли помешать наслаждаться этим моментом.

Чья-то теплая слегка шершавая рука прикоснулась к ее щеке, осторожно и практически незаметно, будто этот человек боялся разбудить Татьяну, которая, словно маленький ребенок, спала в мягкой кровати, завернувшись в теплое махровое одеяло, натянула его до подбородка, так как не желала замерзнуть от малейшего дуновения ветра, проникнувшего сюда сквозь приоткрытое окно.

В комнате было слишком темно, как-то серо, будто все происходило внутри старой фотографии, где невозможно увидеть хотя бы какой-то цвет, кроме белого и обжигающего глаза черного. Лишь далекая луна, дарившая этой маленькой спальне свое бледно-желтоватое сияние, имела приятный теплый оттенок.

— Эрван, — сквозь сон прошептала девушка и прижалась щекой к мужской ладони, которая не спеша путешествовала по ее румянному лицу, изучала каждый изгиб и неровность. — Не уходи. Пожалуйста.

— Я никуда не уйду, — ответил Эрван и робко прикоснулся потрескавшимися от жажды губами к ее очерченной ключице, остановившись на мгновение, чтобы почувствовать вкус ее кожи, сладкий и с легким привкусом спелой вишни. — Я буду рядом.

— Эрван, — сквозь слезы простонала она и сжала его ледяную ладонь, словно боялась, что она растворится в этой пугающей темноте. — Ты такой холодный... Такой холодный...

— Татьяна, не плачь, — его губы невольно коснулись ее соленой от слез щеки и на какое-то время замерли, боясь отстраниться от бархатной женской кожи. Ему хотелось наслаждаться этим вечно, но Татьяна через минуту отстранилась от молодого человека, будто боялась его действий. — Я здесь... Я здесь, — прошептал он, с легкой боязнью коснувшись кончиком носа ее пухлых губ, поводя им сверху вниз, надеясь вызвать у нее легкую кокетливую улыбку. Но лицо девушки замерло, стало пугающе кукольным и безэмоциональным, сверкая в тусклом свете плывшей по ночному небу луны, медленно и уверенно поднимавшейся все выше и выше над ночным городом.

Болезненное падение устремляет наш взор в небеса, заставляет высматривать в этом бескрайнем висящем над нами пространстве свет, который все величают по-разному. Для кого-то это Господь Бог, для кого-то символ свободы и безграничной силы, но малому количеству людей не удается увидеть там ничего, кроме слепящей пустоты и темноты.

Казалось бы, как в этом необъятном небесном мире не разглядеть хотя бы маленькую звезду, заметить ее слабое белое сияние, которое летит до нас сотни лет? Представить трудно, что эти прекрасные маленькие звезды намного старше, чем мы их видим сейчас. На небосводе перед нами будто показывают их старые фотографии, перенося в далекое прошлое, стирают грань между настоящим и будущим.

Но некоторые люди ослепли, они не в силах увидеть подобного. И причиной может быть не только физическая слепота, но и душевная, способная стать самым серьезным недугом в нашей слишком короткой жизни.

Татьяна не видела на небе ничего, оно было черным и, словно острый нож, резало покрасневшие от слез и бессонных ночей глаза. Она уже не чувствовала боли, не чувствовала, как ее тело выло от полученных ран и кровоподтеков, покрывших каждый участок кожи. Ледяные капли дождя уже не в силах смыть эти следы насилия. Слишком сильный отпечаток оставил на теле девушки таинственный гость, который все еще был позади и медленно шагал вперед, пытаясь не отставать от до смерти напуганной рыжеволосой леди, на чьих руках болталось бездыханное тело юноши, не подающее никаких признаков жизни.

Лестницы вели куда-то вниз, в бездонную пропасть, каждая ступенька будто выше предыдущей, поэтому, чем ниже они спускались, тем сложнее было сделать хотя бы одно движение онемевшей от холода ногой.

Жажда жизни, жажда света заставляли ее двигаться вперед, терпеть боль, разрывавшую каждую клеточку организма на сотни кусочков, а затем вновь соединяя воедино, чтобы повторить эти ощущения вновь и вновь. Ноги молили о пощаде, Татьяна уже не помнила, что имела способность ходить, до конца не осознавала, что бежит куда-то вперед, спускаясь вниз все ниже и ниже, в самую глубь Ада, который с распростертыми руками ждал ее появления.

У Майкла Джонсона была самая нелюбимая работа в его жизни, ему приходилось тратить лучшие годы на должности полицейского в самом отдаленном уголке Лондона, где нет никого, кроме голодных бездомных и хулиганов, желавших залезть в давно опустевшие заброшенные дома. Все, что ему оставалось делать, так это охранять покой этого опустевшего безлюдного района города, который был наполовину затоплен после недавней непогоды. Здесь не имелось ни уличного освещения, ни какого-либо людского потока, все

вокруг будто замерло в ожидании какого-то чуда, света, способного пробудить эти спящие здания, пустые и темные, как небо.

У него не было семьи, вся его жизнь была прожита в полном одиночестве. Свою семью он не помнил. Возможно, из-за обиды на них, возможно, из-за того, что не видел их с самого детства. Никто не понимал, почему этот человек не знает ничего о тех, кто подарил ему жизнь, да и боялись спросить, ведь Майкл очень не любил подобные вопросы, да и в последнее время их ему редко задают. Людей мистер Джонсон практически не видел, лишь изредка, когда приезжали его напарники, сменявшие его рано утром, а после работы Джонсон обычно возвращался в свою съемную квартиру неподалеку и там сидел до самого вечера, пока не настанет час службы. Не было никаких изменений, каждый день будто повторял предыдущий. Все вокруг становилось одинаковым, бессмысленным, вызывавшим отвращение.

Но сегодняшний вечер стал несколько особенным. Буквально через пару часов, когда на часах стояло давно за полночь, на улице возник чей-то силуэт, медленно шагавший по промерзшей размытой дороге, неся на своих худеньких хрупких руках чье-то медленно покачивающееся тело, безжизненно откинувшее светловолосую голову назад.

— Эй! — Майкл окликнул незнакомку, но та продолжала медленно идти в его сторону, будто боялась, что ее ноша от малейшего лишнего движения выскользнет из обессиленных ручек. — Что вы здесь делаете?

— Прошу вас, — девушка с трудом сумела прошептать эти два слова и рухнула наземь вместе с бездыханным телом юноши.

Майкл минуту опешил, но затем быстро опомнился и бросился вперед, через минуту оказавшись на коленях рядом с обессиленной девушкой.

— Боже, что с вами произошло, мисс? Кто с вами это сделал?!

— Пожалуйста, помогите мне, — едва слышно прошептала девушка и слабым движением сжала горячую ладонь полицейского, который растерялся и не знал, что необходимо делать в подобной ситуации.

— Я... я пришлю скорую. Только сбегая к телефонному автомату. Никуда не уходите!

Девушка слабо кивнула и с трудом села, прижав к себе тело молодого человека, чьи губы были полностью покрыты кровью, струйки которой продолжали течь по его правильному очерченному подбородку, стремясь все ниже и ниже, будто мечтали покрыть все тело своими извилистыми узорами.

Татьяна не знала, сколько она пролежала без чувств на этой пустой безлюдной дороге. Она не чувствовала ни страха, ни холода, лишь легкую эйфорию, горячим потоком разносившуюся по ее неподвижному телу.

Пустынная улица начала медленно встречать долгожданный рассвет, окрашиваясь в теплые рыжеватые оттенки, которые напоминали чем-то красивый сорт дерева: все вокруг устилалось толстым слоем гнили и прожорливой ржавчиной, покрывшей все металлические конструкции некогда богатых домов английских господ. Рядом с заброшенными коттеджами стояли пустые машины, также оставленные своими хозяевами по непонятным причинам. Дорогих забытых автомобилей было довольно много, словно жители и не собирались покидать это место, а лишь дружной компанией ушли куда-то и так и не вернулись. Что здесь могло случиться? Что заставило жителей этого района бросить все свое имущество на произвол судьбы?

Легкая слабость и головокружение одолевали окоченевшее от осенней сырости тело Татьяны с новой силой, не было желания даже слегка пошевелить пальцами, все, о чем мечтало тело — лежать на дороге, неподвижно и как можно дольше.

— Татьяна Хапперт, Татьяна... — слабый мальчишеский голос нарушил это утреннее спокойствие и тихо пощекотал своей приятной сладкой бархатистостью окоченевшие от сырого осеннего воздуха уши спящей девушки.

— Ричард... Как я рада, что ты пришел в себя, — сквозь полубморочное сознание прошептала Татьяна и попыталась открыть глаза, но яркие лучи просыпавшегося солнца заставили ее делать это как можно медленнее и осторожнее.

— Полицейский обещал вернуться сюда, он поможет нам, — юноша положил обессиленную голову Татьяны на свои колени и осторожно стал поглаживать ее запутанные темно-рыжие волосы.

— Где мы? — сквозь сон промолвила девушка и взглянула на добродушное слегка отекавшее лицо парня, который все так же смотрел на нее преданными щенячьими глазами.

— Окраина Лондона, эта улица совершенно безлюдна, приятная тишина и спокойствие чувствуются в воздухе, не испачканном фабриками и заводами, — с легкой мечтательностью в голосе ответил Ричи и прижал Татьяну к себе еще сильнее, как маленькую беззащитную собачку, промокнувшую под проливным дождем.

— Ты такой холодный, такой холодный, — девушка слегка прикусила губу и вздрогнула, чувствуя, как по ее телу проносятся мурашки пчелиным роем.

— Ваше тепло поддерживает во мне угасающее пламя... Не уходите от меня.

— Я буду рядом, обещаю, — улыбнулась девушка и робко убрала с его бледного мокрого от пота лба светлую прядь волос, которая капризно лезла в его преданные глаза.

Татьяна вновь не заметила, как покинула реальный мир и провалилась в сон. На этот раз ей удалось сделать это на полусгнившей скамейке неподалеку от одного из домов. Сладкий сон нарушили чьи-то громкие шаги, приближавшиеся к ее персоне. Девушка осторожно открыла глаза и заметила рядом с собой тяжело дышавшего полицейского, в руке которого находился пистолет в полной боевой готовности.

— Господин полицейский, наконец-то, — осторожно поднялась на ноги та, чувствуя, как силы наконец-то стали возвращаться к ней. — Нам срочно нужно в больницу, мой друг...

— Какой друг? — с легкой злостью спросил мужчина, оглядывая девушку с ног до головы. — Здесь кроме нас никого нет.

— Ричард? — испуганно вскрикнула Татьяна и стала в панике оглядываться, пытаясь найти среди всех этих заброшенных построек исчезнувшего из поля зрения юношу.

— Я так долго ждал этого момента, — прервал Татьяну полицейский и сделал шаг вперед навстречу девушки. — Знаете, как я ненавижу эту работу, как ненавижу закон, как ненавижу людей?

— О чем вы говорите? — с удивлением посмотрела на него Татьяна и увидела, что тот наставляет на нее свой пистолет.

Глаза полицейского излучали какую-то ненависть, сексуальное возбуждение зверя, он был готов прыгнуть вперед в любую секунду, лишь бы отведать плоть своей беззащитной жертвы. Девушка сделала шаг назад, надеясь, что этот мужчина совершает эти действия не по-настоящему, что сейчас он окажет ей обещанную помощь. Но полицейский будто одичал,

в нем больше не чувствовалась защита, он стал напоминать яростного голодного зверя, не видевшего пищу долгие годы.

— Стойте, не делайте этого, — выставила руки вперед девушка и стала в панике следить за каждым движением мужчины.

— Я так ненавижу свою жизнь. И если это мой единственный шанс, мне необходимо им воспользоваться.

— Не подходи ко мне!

Едва девушка успела это произнести, как тяжелая рука сокрушающим ударом сбила ее с ног, едва не лишив сознания. В голову вновь вторглась нестерпимая острая боль, заставившая Татьяну вскрикнуть, нарушив умиротворявшую тишину этого места. Грязные мужские пальцы, словно ножи, дружно впились в ее тонкую хрупкую шею и полностью лишили девушку возможности дышать и издавать какие-либо звуки.

— Твой мальчуган уже не сможет тебе помочь, куколка. Теперь ты подчиняешься мне, — жадно прошептал над ее ухом тот и липким языком прошелся по румяным женским щекам, оставляя после себя дурно пахнущую дорожку слюны, в которой виднелись остатки утреннего завтрака.

Раздался оглушающий хлопок, после чего Татьяна поняла, что пальцы насильника резко ослабли и полностью освободили шею задыхавшейся девушки, которая сразу же начала с удивительной жадностью глотать воздух, понимая, насколько ценен он все это время для нее был.

Звук ударившегося о землю металла нарушил и без того хрупкую тишину этого места. Когда Татьяна смогла отдышаться, то поняла, что ее с ног до головы покрывала чужая кровь, фонтаном брызгавшая из разорванной головы обезумевшего полицейского. Поняв случившееся, девушка с паническими криками вылезла из-под мертвого тяжелого тела и как можно дальше отошла от места убийства, пытаясь поверить в то, что все это происходит на самом деле.

Рядом с ней стоял дрожащий, как осиновый лист, Ричард и с ужасом смотрел на свои руки, которые только что совершили этот смертельный выстрел.

— Ричи? — Татьяна посмотрела на его до смерти испуганное лицо.

— Я убил человека, — едва слышно прошептал он и обессиленно сел на корточки, закрыв лицо руками.

— Ричи! Послушай меня, — Татьяна резко сжала ладонями его заплаканное лицо и, не моргая, заглянула в его красные опечаленные глаза, в которых виднелось столько страха и сомнения, что у нее сжалось сердце. — Мы оставим этот случай в тайне, никто об этом не узнает. Ты слышишь меня? Нас здесь не было и ничего не произошло.

— Я... убил его...

— Ты спас меня, — еще крепче обняла его та. — Ты предотвратил убийство. Иногда нужно жертвовать чем-то, чтобы спасти человека.

— Убить так легко... — дрожащим голосом прошептал юноша, все еще держа перед собой открытые ладони, боясь сжать их в кулаки, будто от этого может произойти еще один выстрел. — Так легко...

Страх перед смертью преследовал людей с самого зарождения жизни, это была боязнь неизведанного, боязнь перед тем, что нельзя ни изучить, ни даже ощутить. Смерть была всегда. Людское сознание не в силах было принять теорию, о том, что после ухода из жизни

человека ждет "ничего", бездна без времени и пространства. Именно так зародились все мировые религии, так возник прекрасный загробный мир, где не существует ни боли, ни страха, только свет и умиротворение, которое никогда не сможет покинуть то место. Люди стали верить, твердо верить в этот светлый прекрасный мир, куда мы, как нам с детства говорили, попадем после земной жизни. Создав в собственном сознании что-то, что нам так необходимо, то, что даст нам возможность объяснить непонятное, мы начинаем верить, думать, что все это действительно существует, что не нужны никакие доказательства, чтобы подтвердить эту точку зрения. Мы лишь верим, чтобы не бояться смерти, не бояться неизвестности, что ждет нас после жизни.

Татьяна считала, что не нужно обманывать самих себя, придумывать оправдания, образы в своей голове, лишь для того, чтобы найти хоть какое-нибудь объяснение происходящему. Мы видим то, чего не существует, так думала она. Видим, так как хотим этого. Наше сознание невероятно слабое и нестабильное создание, его можно легко обмануть, подчинить себе, заключить в стальные цепи, взяв власть над всем телом. Этим пользуются многие личности ради собственной выгоды, они внушают людям то, во что те хотят поверить, что сможет обезопасить их от собственных страхов. И вся наша жизнь строится на вере, без нее у нас нет ни целей, ни желания что-либо делать. Вера — единственное, что способно нас поддерживать. Она словно пища для людского сознания, без нее оно погибнет. Человек без веры становится обычным существом, лишенным всякого смысла жизни, он ослаблен, истощен, охвачен собственными страхами и сомнениями. Человек без веры быстро погибнет, став жертвой неизвестности.

Татьяна часто задумывалась над тем, во что она действительно верит, что заставляет ее идти дальше. Это было трудно, по-настоящему трудно для нее... До недавнего времени. Она стала верить в правду, правда стала ее верной целью, именно правда дает ей возможность поддерживать свою жизнь, чтобы искать... Искать истину, настоящую и не выдуманную тем, кто захотел, чтобы в это кто-нибудь поверил. Но сейчас правда в ее глазах начинала обретать другую форму, та правда, которую девушка так любила, так оберегала, в которую так верила, начинала принимать другие лживые формы, обретать другое значение и двигаться в другом направлении.

Она стала ложью.

Ее некогда прекрасные глаза теперь застилали слезы. В них больше нельзя прочесть радость, спокойствие, твердую уверенность, восхищавшую до сего дня всех мужчин, с которыми ей доводилось работать в детективном агентстве. Не выдавшая грязи одежда местами порвана и покрывалась еще совсем свежей землей и дорожной пылью. Но недостатки внешности ее больше не волновали, ее не волновало ничего, кроме происходящих в данный момент событий.

Действительно ли то, что сейчас происходит, является правдой? Разве это не может оказаться ложью, насильно вживленной в сознание верой? Татьяна не знала ответа на этот вопрос, ответ ее пугал до потери памяти. Она боялась правды, настоящей правды. То, к чему она все это время стремилась, ради чего боролась, стало отталкивать, уничтожать изнутри, разрывать на части.

Сильные женские руки надавливали на лопату, заставляя ту вбиваться в могильную землю местного кладбища, окутанного легким туманом и еще не успевшего проснуться после тяжелой долгой ночи. Нежные ладони были покрыты свежими мозолями, которые ужасно кровоточили и покрывались кусочками земли, заставляя ранки неприятно

пощипывать, будто что-то своими маленькими зубками впивалось в поврежденную кожу. Могильная яма росла медленно, силы Татьяны уже были на исходе, но она продолжала копать, углубляться в сухую неприятно пахнущую землю, будто пытаешься найти где-то внизу секреты на все вопросы жизни.

Тело мертвого полицейского лежало неподалеку и уже подавало первые признаки разложения. Оно было белым, как утренний туман, нависший над этим тихим пугавшим до мурашек местом. И первые мухи уже с довольной мордочкой стали ползать по умиротворенному лицу убитого, изучая каждый сантиметр его затвердевшей кожи, излучавшей неприятный аромат смерти. Татьяна старалась не смотреть в сторону трупа, перенесла все свое внимание на копание могилы, делала ее как можно больше и глубже, чтобы крупное тело этого мужчины могло с легкостью там уместиться.

Через полтора часа изнурительной работы старой ржавой лопатой, изуродовавшей все руки женщины, могильная яма была готова и ждала своей награды. Татьяна немного отдышалась, вытерла засохшие слезы, размазав рукой грязь по лицу, затем с тяжелым сердцем подошла к мертвому телу, в последний раз взглянув на этого рослого мужчину, пытавшегося изнасиловать ее пару часов назад. Она не чувствовала к нему ни жалости, ни легкой симпатии, лишь страшное отвращение, какое можно испытывать только к самым мерзким вещам в своей жизни. Но она плакала, плакала от страха, бессилия, боли, разносившейся по всему хрупкому женскому организму. Татьяна еще не до конца осознавала, что делает. Она лишь делала это, стараясь не размышлять над целью своего поступка. Первые мысли, посетившие ее голову, говорили, что так будет правильно, честно для всех, кто участвовал в этом страшном преступлении. В первый раз в жизни она начала думать, как преступник, и это невольно терзало ее совесть, заставляло ту разрываться на части от совершаемых девушкой действий.

Взяв мертвое тело за ноги, она со стоном от нехватки сил потащила его к могиле. При этом ей казалось, что за всем этим наблюдает стороннее лицо, затаившееся где-то поблизости, и изучает каждый сделанный ею шаг, продумывая для нее страшную кару. Татьяна постоянно оглядывалась по сторонам, будто надеялась увидеть среди бесконечных заброшенных надгробий неизвестное лицо преследователя, без разрешения пришедшего сюда. Но здесь было пусто, Татьяна находилась среди мертвецов одна, никто не осмеливался прийти сюда, им было страшно. Это место навсегда было окутано духом смерти, вечного спокойствия, которое невозможно встретить больше нигде, только здесь, среди умерших.

Наконец, тело лежит в могиле, ожидая, когда его присыпят холодной сухой почвой, навсегда скрыв от лучей холодного осеннего солнца, медленно поднимавшегося из-за горизонта. Поведение солнца удивляло Татьяну уже не первый день, оно будто стало медлительным, ленивым, не желало подниматься высоко над миром, оставаясь висеть где-то внизу, будто пряталось от любопытных глаз. Может быть Татьяне это всего лишь казалось, но ее не покидало ощущение, что мир вокруг нее стал иным, стал подчиняться другим законам и порядкам. Это не на шутку тревожило. Она не узнавала ничего, рядом с чем жила всю свою жизнь.

Когда тело уже с готовностью к полному погребению лежало на дне могильной ямы, Татьяна, в последний раз взглянув на мертвого полицейского, с большой неохотой взяла лопату и стала возвращать землю из большой высокой кучи на свое место, скрывая убитого от лучей утреннего солнца. Закапывать оказалось намного легче, и руки уже не так сильно ныли от боли и усталости, будто хотели, чтобы их хозяйка закончила с этим делом как

можно скорее.

Вскоре последняя горстка земли легла на свежую могилу, и Татьяна с отвращением отбросила лопату в сторону, сев на колени, надеясь хоть немного прийти в себя, но состояние от минутной передышки так и не улучшилось. Мысли окутал густой туман, отчего стало немного спокойнее после произошедшего, но так или иначе на ее шее висел неподъемный груз, который еще долгое время будет висеть на ней, заставляя покаяться в совершенных действиях. Она знала, что виновата во всем этом, знала, что ничего бы не произошло, если бы ее любопытство и желание отыскать истину не были столь фанатичными и непредсказуемыми. Только сейчас Татьяна начала сомневаться в смысле своих поисков, в смысле этого расследования, во всем происходящем. Все так запуталось, все в буквальном смысле вышло из-под контроля, вызвав бурю непредсказуемых событий, от которых не стоило ждать пощады.

Она устала. Устала... Ее сознание стремительно падало куда-то вниз, будто желало скрыться под землей, чтобы больше никогда не видеть земной свет.

Глава седьмая. Церковные колокола

Мягкие серебристые капли позднего осеннего дождя ласкали могильные плиты, смывая с них пыльцу сухой каменистой почвы, обнажая потертый мрамор, заросший густым слоем плюща и жесткой бледно-бежевой травой, которая скукожилась от царствовавших холодов и напоминала непонятных скорбящих существ, проливающих свои слезы на спрятанных под землей покойников. Дождь был настолько сильным и холодным, что если закрыть глаза, то покажется, что на твою кожу оседают снежинки, мимолетно тают и обволакивают все тело. Почва казалась бесплодной, лишенной жизни, об этом говорило обилие погибших цветов и бледно-желтых сорняков, которые были связаны сильным ветром таким образом, что с легкостью могли спутать ноги идущего и затащить бедолагу в свои темные густые заросли, где все живое забывает о существовании солнечного света.

Кладбище было заброшено, вряд ли сюда ступала нога человека за последние десять лет. Какое-то время здесь властвовала природа, кругом была ароматная растительность, а насекомые весело порхали над этим тихим местом, оглушая всех своим жизнерадостным жужжанием. Но отныне в этом месте не услышишь никаких звуков, кроме пугавшего до мурашек завывания ветра и шуршания завядшей травы — это был совершенно иной мир, огороженный от реальности высоким забором из старого красного кирпича, который начал крошиться от каждодневных ударов ветряных потоков. Входом сюда служила массивная арка, вросшая в кирпичную стену, и имела высокие ворота, сделанные из чугуна и вобравшие различные декоративные детали, среди которых можно было разглядеть образы ангелов, молившихся за упокоение человеческой души. Изредка был шанс увидеть, как из-за надгробий и покосившихся крестов выглядывали голые деревца, раскачивавшиеся на ветру. Они были такими тощими и изнеможенными, что создавалось опасение, будто они вот-вот переломятся пополам, но те продолжали стойко стоять на месте, справляясь с разбушевавшейся стихией уже долгое время.

Девушка медленно брела вперед, стараясь делать маленькие шаги, чтобы случайно не запнуться о спутавшуюся траву, которая от дождя стала еще прочнее и неуязвимой для человеческих ног. Тропинки давно исчезли, поэтому приходилось идти чуть ли не на ощупь, надеясь не наступить на скрытый в зарослях люк, оставшийся от какой-нибудь снесенной в военное время часовни. Но это место выглядело нетронутым войной, тут и там могилы, многим больше ста лет, и все, что их подпортило, лишь ветер, неугомонный и облюбовавший подобные места. Могильные плиты были массивными, из обычного камня, но встречались и из белоснежного известняка, даже из настоящего мрамора, но всех их объединяла общая черта — на них нет ни имен, ни инициалов, даже не осталось следов, словно умершие не желали, чтобы кто-то знал об их существовании в живом мире. Такая особенность могил слегка испугала Татьяну, которая встретила с подобным впервые. Все вокруг имело необъяснимые странности, которых стало так много, что хотелось просто скинуть с себя эту неподъемную ношу и больше никогда не пытаться думать о чем-то подобном. Но это было нельзя сделать, не сейчас. Она стала частью этого необъяснимого мира, его странностью, самой настоящей загадкой, ключа к которой нет ни у кого, даже у нее самой. Татьяна не могла вырваться, не могла открыть эти чугунные ворота — они надежно заперты, вокруг — бескрайняя стена, за которой светит яркое солнце, но оно так далеко и такое холодное, что сливалось с черно-белым небом. Остается изменить замкнутое пространство вокруг себя,

завершить начатое, только тогда луч света проникнет в это мертвое царство, опустошение души исчезнет навсегда. Но готова ли она сделать это? Готова ли идти дальше? Готова ли продолжать борьбу с неизвестным врагом, который может стать кем угодно, принять любой возможный облик? Она не знала.

Татьяна продолжала идти, медленно и бесшумно, касалась рукой надгробий, словно здороваясь с усопшими, будто знала их целую вечность. Эти неизвестные личности, спавшие глубоко под землей, стали для нее чем-то родным, чем-то особенным. Ей казалось, что они понимают ее как никто другой, знают все мысли и душевные переживания, перенимая всю боль девушки на себя.

Она понимала, что медленно сливается с этим миром, становится чем-то прозрачным и неподвижным. Медленно шла вперед... А сухая трава ласково связывала хрупкие ступни, пытаюсь забрать Татьяну туда, где все самое плохое исчезнет из души и вернется спокойствие... Уже навсегда.

Узкую улочку засыпали маленькие заброшенные домики, построенные в викторианском стиле. Миниатюрность делала их похожими на кукольные, что были брошены повзрослевшими девочками на произвол судьбы. Яркая дорогостоящая краска уже не могла справиться с чрезмерной сыростью и ветром-рубанком, любящим стругать стены с таким усердием, что дом стремительно терял идеально ровную и изящную форму, становясь похожим на непонятную деревянную гору. Стекол в домах практически не было, а если и присутствовали, то готовы были вот-вот выпрыгнуть из своих рам, со звоном удариться о дорогу. Пышные деревья успели за пару дней сбросить золотистую шевелюру, облысеть и стать похожими на сгорбившихся тощих людей с обилием конечностей. Листья теперь устилали все, создали грязновато-рыжий ковер, сгнивший от чрезмерного количества влаги, пропитавшей местный воздух.

Небо измазано сажей. Располневшие дождевые облака низко кружили над землей, как голодные коршуны, ищущие новую добычу для своих детишек — острых капель. Они висели настолько низко, что было ложное представление об их достижимости, будто их можно тронуть рукой и ощутить этот сырой осенний холод, пронзавший тело до самых костей. Облака опускались все ниже и ниже, постепенно переходили в густой непроглядный туман, скрывший уродливые образы заброшенных зданий, которым было, видимо, стыдно показываться случайным гостям на глаза.

Ричард мертвой хваткой сжимал холодный пистолет в руке, идя вперед по дороге, шурился от густого тумана, который будто загорелся от неизвестного источника света. Он не знал, куда идет, весь мир тщательно подтерли хорошим ластиком и не оставили ни одной детали, кроме гнетущего серого тумана, заполнявшего легкие жидкостью при каждом вдохе. Волосы моментально стали сырыми и надежно прилипли ко лбу.

Руки до сих пор чувствовали выстрел, брызнувшую в сторону Ричи кровь, ее тепло, запах... В ушах раздавался мощный хлопок, от которого юноша каждый раз вздрагивал, словно слышал подобное впервые. Огнестрельное оружие намертво прилипло к руке. Ричи вспоминал движение указательного пальца, нажавшего на курок, тот двигался так плавно и медленно, что можно было восхититься его мастерству, немного усилия, и мир вокруг утонул в мощном хлопке, еще долго гулявшем в виде эха. Это маленькое движение пальцем сделало невозможное — оно отняло человеческую жизнь, буквально за считанные секунды... без каких-либо усилий. Нужно лишь навести на цель и нажать на курок... Все...

Больше ничего. Грань между жизнью и смертью оказалась невероятно тонка, ее можно уничтожить одним лишь маленьким движением, за одну секунду. И после этого в тебе нет ничего: ни усталости, ни страха, ни какого-то душевного умиротворения, лишь пустота, мертвая и бескрайняя, отравляющая тело, словно сильнодействующий яд. Пистолет убивает не только того, в кого стреляли, но и стрелявшего, но только первый умирает моментально, второй же медленно и мучительно.

Туман вокруг все сгущался, и вскоре не было видно ничего дальше вытянутой руки, все утонуло в сырой сероватой пустоте. Юноша продолжил медленно брести, обреченно смотрел под ноги, так как это было единственное место, где еще можно было что-то увидеть — маленький клочок земли, разбитой дороги, хрустевшей под ногами, как хлопья.

— Глупец! — хруст дороги был прерван чьим-то приятным мужским голосом, раздавшимся где-то под ухом. Он был таким громким и таким близким, что Ричард от неожиданности стал оглядываться по сторонам, пытаясь увидеть незнакомца, осмелившегося произнести эти слова. — Глупый маленький ребенок! Лжец!

Ричард остановился посреди этой пустоты и лихорадочно огляделся, надеясь отыскать в густом тумане чужой силуэт, но он был совершенно один, чужой голос оказался бестелесным, витал где-то в воздухе, словно далекое эхо. Туман создавал ложное представление об одиночестве. Постепенно из него вышла высокая мужская фигура, облаченная в старую военную форму, успевшую стать лохмотьями, которые не спасет ни одна прачка. На обладателя этой одежды словно напал огромный зверь ростом с человека и пытался содрать со своей жертвы единственный источник тепла, но так и не смог, о чем говорили свежие пятна крови. Но чем ближе подходил к Ричарду этот незнакомец, тем больше открывалось деталей. Вскоре на свет божий появилась его кожа, покрытая ожогами, такими большими и уродливыми, что Ричард с трудом мог смотреть на них и сдерживать отвращение.

— Ты думаешь, что сможешь остановить все это? — незнакомец встал в паре метрах от Ричи и злобно посмотрел на него, как на провинившегося в чем-то очень серьезном. — Ты никогда не мог держать ситуацию под контролем, никогда. Ты слишком наивен! Слишком большого мнения о себе.

— Кто ты такой? — юноша с дрожью спрятал пистолет за спиной, но не выпускал из руки, продолжая держать оружие наготове.

— Не притворяйся, что не в курсе, кто я такой. Ты прошел слишком много, чтобы все забыть.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Лжешь.

— Я...

— Где Татьяна? Неужели ты позволишь ей совершить глупость, стать той, кем она не должна стать?

— Я не понимаю... Я ничего не понимаю... Кто ты?! Что ты хочешь от меня?! — Ричард не заметил, как его руки практически самопроизвольно наставили на изуродованного ожогами незнакомца пистолет и были готовы совершить очередной выстрел, но что-то выжидали, ждали какого-то определенного момента.

— Сколько насилия накопилось в твоём брате за эти восемь лет. Я думал, что он изменился после своего ухода, но нет, продолжает убивать, как в старые добрые времена.

— Ты ничего не знаешь о моем брате! — Ричард сжимал пистолет все сильнее, в голове

до сих пор раздавался тот самый выстрел, разносясь по телу горячей желчью и обжигая все внутренние органы. Слезы медленно и плавно стекали по обмороженным щекам, пропадая где-то внизу, но юноша их не замечал, он продолжал слышать этот громкий смертельный хлопок от пистолета, и никакие звуки больше не могли проникнуть в его голову.

— Рано или поздно ты положишь конец этому безумию. И Татьяна окажется рядом. Только вы сможете отыскать выход из этого места. И закрыть дверь на ключ.

Едва незнакомец это произнес, как позади него выплыли черные человеческие силуэты, продолжавшие прятаться в тумане, скрывая свои лица. Они встали вкруг, держа друг друга за руки, словно туман может снова унести тех в свое бездонное царство. Этих силуэтов было так много, что казалось, будто все люди земли собрались здесь, чтобы посмотреть на то, как Ричард наставляет пистолет на своего безымянного собеседника, не понимая собственных действий.

— Кто они? — дрожащим голосом произнес Ричи и медленно опустил пистолет, с ужасом поглядывая на этих безликих людей, стоявших где-то вдали среди густого осеннего тумана.

Но ответа не последовало. Незнакомец растворился в пустоте, не оставив после себя никаких следов, словно он никогда здесь и не присутствовал. Когда Ричард смог осознать, что его собеседник действительно покинул его, как в уши врезался самый омерзительный звук, который ему доводилось когда-либо слышать, даже выстрел от пистолета теперь казался сладким женским голоском.

Истерический смех, многотонный, многоголосый, но такой единый, что не было понятно, чем он является на самом деле. Его уровень шума разрывал барабанные перепонки на мелкие кусочки, он был повсюду, словно смеялись все эти многотысячные силуэты без лиц, но так или иначе смеялся кто-то один, превратив свой озорной смех в смертельное невидимое оружие, способное убить сознание каждого, кто посмеет это услышать.

Где-то вдали тумана возник громкий и протяжный крик лошади, словно она из последних сил звала на помощь, но затем несчастное животное стихло и вновь растворилось в сгустках тумана, а доносившееся эхо, созданное ее мольбой о помощи, еще долго преследовало Татьяну, пока не улетело вместе с ветром в бесконечную пустоту. Девушка, ослепленная таким ужасным погодным явлением, из-за которого все окружение исчезло в спустившемся на землю сером облаке, шла практически на ощупь по вымощенной узкой дорожке. Она покинула пределы зловещего кладбища, от которого до сих пор доносился аромат смерти и звук голодных воронов, внезапно прилетевших туда, чтобы изучить новое тело, зарытое глубоко под землей. Вряд ли эти черные крупные птицы станут откапывать убитого полицейского, у них попросту не хватит сил, но то, как они слетелись над свежерытой могилой и с яростью клевали ее, пугало до мурашек. Поэтому девушка поскорее покинула то злополучное местечко, пока вороны не поняли, что здесь бродит еще совсем теплый человек, который может вполне стать их обедом.

Дождь, к счастью, прекратился, но воздух был таким влажным, словно капли воды застыли в воздухе и не желали приземляться на землю, боялись стать частью этого загробного мира. Татьяна, идя по тропинке, невольно задумалась о том, что же случается с человеком после смерти. Раньше она воспринимала уход из жизни как что-то обыденное, обыденное и незаметное. Смерть не являлась для нее горем, никогда не застревала в мыслях. Она будто отрицала существование этого естественного процесса человеческого пути,

умерший для нее просто исчезал, растворялся и никогда не возникал в памяти и сердце. Только сейчас, почувствовав руками могильную землю, она поняла, какой же чертовой эгоисткой была все это время. Смерть отца промелькнула для нее быстрее падающей звезды, она ни разу не навещала их могилу, ни разу не вспоминала, а лишь презирала его за то, что едва не заставил ее семью собирать языком крошки с пола. Но сейчас ненависть будто притупилась, ощущение присутствия кладбищенской земли на пальцах заставили посмотреть на родителя с совершенно другой стороны. Как она могла забыть все хорошее? Как осмелилась оттолкнуть и навсегда оставить родного человека в полном забвении?

В голове возникло лицо матери, которая сидела на кухне за маленьким круглым столиком, а перед ней веером разложены счета, присланные с банка. В них находились невысказанные цифры, но мать, заметив приход дочери, всегда прятала эти бумажки в карман фартука и никогда не говорила об этом, хотя знала, что Татьяна в курсе всех дел. Но она пыталась уберечь дочь от опасности, отдаляла от всего плохого. И Татьяна начала спрашивать саму себя: «Как я могла так поступить? Как могла возненавидеть того, кто делал все возможное для моего блага? Как я могла положить на него такую тяжелую обиду, которая его просто раздавила в моей памяти?»

Улыбка отца появилась перед ее глазами, такая красивая, лучистая, искренняя. Он смотрел на нее, на свою единственную дочь, затем взял маленькую Татьяну к себе на руки и поцеловал в румяную пухленькую щеку.

— Мы ведь с тобой команда? Настоящие герои?

— Да, папа, — засмеялась Танюша и ущипнула отца за большой нос с небольшой горбинкой, который казался ей самым красивым носом в мире.

Но сейчас этот образ где-то вдаль, в самых глубоких уголках памяти. Как она могла забыть его любовь, как могла отрицать все это время? Кто ей дал на это право? Теперь Татьяна смотрела на собственное Я со стороны с сильнейшим презрением, она стала ненавидеть себя за свой эгоизм, равнодушие ко всему, что ее окружало. Она задавалась вопросом, почему всю жизнь ее преследовало одиночество? Почему никогда рядом не было того, кто мог бы развеять тьму, согреть в холодную ночь, успокоить, избавить от переживаний? Она всегда была одна, но в то же время окружена толпой людей. Эти люди смотрели на нее, любовались, но не слышали, не понимали. Ее сторонились, избегали. Все: муж, коллеги по работе, друзья. Все ее подруги с колледжа забыли о ней, ни разу не написали и не позвонили, а тот же Себастьян, которого она с самого начала своей карьеры считала наставником, другом. Он тоже исчез из ее жизни на долгое время и заговаривал с ней только на работе и исключительно о работе. Этот человек редко интересовался ее бытием, она была ему неинтересна, хотя мужчина делал вид, что проявляет чувство заботы.

Только с Эрваном она была не одинока, рядом с ним терялось это неприятное чувство, с ним у нее появлялись силы, желание идти дальше. Она была замужем, являлась преданной супругой, но любила другого. Это заставляло ее сердце трепетать об одной лишь мысли об этом. Она делала что-то запретное, нарушала все права, которые были на нее наложены печатью.

И где она сейчас?

Где тот, кого она безумно любила, кем болела и ради кого жила? Он исчез в тумане, растворился в нем, и надежда найти его таяла на глазах, таяла за считанные секунды.

— Эрван! — девушка совершенно потеряла саму себя и начала кричать в бескрайнюю пустоту, срывая свой охрипший от холодной погоды голос. — Эрван!

Ответом последовал тот странный жалобный крик лошади, который на этот раз был где-то поблизости, словно животное из последних сил шло на запах единственного в этом месте человека, надеясь получить необходимую помощь.

Девушка, немного успокоившись и справившись с мыслями, пошла вперед, наконец-то увидев впереди себя что-то, что отличалось от однообразной туманной пустоты. Это были чугунные высокие ворота, чем-то напомиравшие те, что она видела на кладбище, но эти были намного выше и включали в себя более сложные детали, а именно библейские сюжеты, но никого из действующих лиц Татьяна не знала, хотя еще в колледже очень хорошо познакомилась с католической церковью и библией. Это было даже странно. Но, так или иначе, она была рада, что столкнулась с хотя бы каким-нибудь строением на своем пути, так как сплошной туман уже начал разъедать глаза своими скудными тонами и безобразностью.

Снова раздался крик лошади, на этот раз так близко, отчего казалось, что несчастное животное кричало у нее прямо под ухом, щекоча своим длинным языком и зловонным дыханием. Но никто так и не появился, лошадь снова стихла, и даже не было слышно звука ее копыт. Татьяна уже начала думать, что ей все это померещилось, так мозг перестал справляться с таким обилием тишины и начинал выдумывать интересные для него звуки.

Устало сжав прутья ворот онемевшими от холода руками и слегка прижав к ним свое лицо, девушка глубоко вдохнула влажный осенний воздух, чувствуя, как внутри закипели эмоции, которые в последнее время все чаще и чаще начинали выходить из нее наружу. Перед глазами снова замелькали образы из прошлого, которые так согревали ледяную душу. Эти прекрасные добрые лица с улыбкой смотрели на нее и одним лишь движением губ пытались ей что-то сказать, но девушка не понимала их, те образы стали слишком размытыми, забытыми и чужими.

— Я так скучаю по вам, мама, папа... — всхлипнула Татьяна и слегка прикрыла свои глаза. — Я неблагодарная эгоистка. Лучше бы я умерла, чтобы не мучиться, — девушка посмотрела на не существовавшее из-за тумана небо и устремила на него свои мокрые от подступивших слез глаза. — Я так устала... Так устала...

Когда первая слеза докатилась до ее острого очерченного подбородка, как что-то горячее и мокрое прикоснулось к ее соленой щеке, слегка лизнув. Девушка испуганно вздрогнула и повернула свою голову, увидев перед собой испуганную лошадиную мордочку, которая с виноватым выражением лица смотрела на Татьяну, тяжело дыша и изредка фыркая. Лошадь, увидев взгляд Татьяны, отступила на пару шагов назад и застенчиво поскребла по земле копытом, будто пытаясь этим что-то сказать.

— Как ты здесь оказался, дружок? — удивленно посмотрела на безобидное создание девушка и осторожно погладила его по голове. Слегка изучив животное взглядом, Татьяна пришла к выводу, что это самец и у него вывернуто переднее левое копыто, о чем говорила сильная хромота. — Как ты умудрился так пораниться? — девушка наклонилась и взглянула на его рваную рану. Вероятнее всего кто-то вгрызся в ногу чуть выше копыта и этот кто-то был невероятно голоден. — Кто это сделал с тобой? Странно... Следы зубов будто человеческие...

Едва девушка увидела укус на ране бедного животного, как в голове тут же возникли те самые снимки, которые ей показывал Доктор Ломан в тот самый день, когда она впервые приехала в психиатрическую лечебницу. У жертв этих страшных убийц были точно такие же следы зубов на теле. Но Татьяна хотела верить, что это самое обычное совпадение. Убийца не мог оказаться где-то поблизости, если только... Девушка боялась даже думать об этом.

— Пойдем, нам нужно уходить отсюда. Здесь слишком опасно, — девушка осторожно взяла коня за повод, удивившись присутствию уздечки и седла, затем повела раненое животное к воротам, стараясь вести его вперед как можно медленнее, чтобы животное еще сильнее не повредило свою ногу. Конь послушно пошел за ней, как-то испуганно поглядывая по сторонам, словно чуял приближение опасности где-то в тумане.

— Где твой хозяин? Что с ним произошло? — спросила Татьяна слегка ожившего после ее нежных поглаживаний коня, но затем смолкла, поняв по глазам своего нового спутника, что владелец этого прелестного создания вряд ли когда-нибудь вернется к своему четвероногому другу.

Звук церковных колоколов пронзил мертвую тишину и своей вибрировавшей мелодией пощекотал ушные раковины, которые сильно напряглись, так как уже успели отвыкнуть от любого искусственного шума. Татьяна прищурила глаза, вглядываясь в густой серый туман, надеясь отыскать в нем источник этого мелодичного звучания, но даже после того, как колокола снова начали звенеть, призывая путников к себе, девушка так и не смогла на слух понять, откуда именно доносился этот звук.

Он шел отовсюду, замкнул Татьяну в узкое кольцо и заставил всех живых существ дезориентироваться в этой мгле. Рядом преданно стоял конь и смущенно скребся копытом о землю, будто хотел этим о чем-то спросить свою новую хозяйку, но Татьяна словно забыла о спутнике и с долей испуга смотрела во все стороны, как-то странно всхлипывая, будто ей было трудно дышать.

— Где-то здесь есть люди, — Татьяна вымученно улыбнулась, по-матерински ласково посмотрела на погрустневшего коня и холодными ладонями сжала его милую мордочку. — Если мы их найдем, они помогут. И ты не лишишься своей ноги, еще сможешь меня покатать верхом. Да, жеребец? — с улыбкой произнесла девушка и потрепала коня по голове, взъерошив его шелковистую гриву. — У тебя есть имя?.. Странно, что я спросила тебя об этом.

Конь с удивлением поглядывал на нее, делая вид, что понимает каждое ее слово, но будто боится ответить.

— Ах ты мой молчун, — тихо посмеялась Татьяна и слегка прикусила губу, задумавшись. — Буду звать тебя Стивом. Как тебе?

Стив в ответ довольно фыркнул и снова поскребся копытом о сухую землю, словно говоря этим, что ему нравится.

— Как же мне больно смотреть, что ты мучаешься, — взглянула девушка на раненую ногу коня и снова устремила свой взор в густоту тумана. — Но нам нужно идти дальше. Где-то здесь есть католическая церковь, — Татьяна осторожно взяла повод Стива и повела своего нового питомца вперед, стараясь идти медленно, чтобы конь успевал за ней на своих трех ногах, четвертую же он слегка подогнул и боялся ею даже дотрагиваться до земли, словно каменистая почва могла с легкостью цапнуть и отрубить конечность.

Шли они не очень долго, Татьяна старалась идти на звук колоколов, которые уже через пару минут стали доноситься только из одного места. Девушка старалась ступать как можно тише, будто опасалась, что громкий шаг может спугнуть это славное звучание церкви, которая подзывала заблудившихся к себе все ближе и ближе, уничтожая мглу перед их глазами.

Вскоре туман рассеялся, и из него выросли высокие стены, принадлежавшие забытому

Богом величественному храму из старого раскрошившегося кирпича. некогда прекрасное сооружение теперь лежало в руинах и было окутано синеватой тьмой этого холодного вечера, лишившись кроваво-красных лучей скрывшегося за горизонтом солнца. Сама церковь, как успела заметить Татьяна, построена в псевдоготическом стиле, о чем говорило смешение более современного стиля архитектуры со средневековым. Но стрельчатые арки, удивительный рисунок устремлённых ввысь линий, мрачная красочность словно возвращали в далекое прошлое, возрождали ушедшие эпохи, которые человек навсегда забыл. Татьяна еще около минуты не могла оторвать своих глаз от этого зловещего сооружения, в котором больше не чувствовалась умиротворенность, а лишь полное забвение и удрученность.

Вдоль каменных ступеней, которые вели к самому храму, стояли темные фигуры ангелов, склонившие свои головы в скорби. Их мраморные одеяния оказались столь искусно выточенными из камня, отчего показалось, будто они развевались на легком ветру, ласкали глаза шелковистостью и неопишуемой легкостью. Но самым главным украшением этой оставленной людьми церкви была четырехугольная башня, скрывшая свой шпиль в слегка развеянном тумане, с часами с длинным маятником, что девушка не встречала ни у одного католического храма. Стрелки часов замерли на двенадцати и не желали двигаться дальше, словно их пугала невероятная высота, и они в страхе держатся за эту несчастную цифру на циферблате.

— Эй! Есть кто-нибудь?! — девушка все еще надеялась, что эта церковь не является полностью безлюдной, как это могло показаться на первый взгляд, ведь церковные колокола не могут звучать сами по себе. Но Татьяне ответила лишь тишина, которая уже начинала съедать барабанные перепонки ее ушей. — Нам нужна помощь! Пожалуйста!..

Стив со смущением посмотрел на Татьяну и с неким беспокойством заржал, чуть не встав на дыбы. Но девушка вмиг его успокоила, обняв того за шею.

— Ну, Стив... Что с тобой? Что тебя напугало?

Конь попятился назад, будто призывая Татьяну покинуть это место как можно быстрее.

— Не бойся. Это всего лишь католический храм. Там мы будем в безопасности... Хотя меня тоже пугает его заброшенность. Но нам нужно где-нибудь остановиться, пока туман не рассеется.

Стив слегка успокоился, хотя все еще пытался пятиться назад, но Татьяне все же удалось его заставить пойти вперед, приблизиться к этому зловещему религиозному сооружению.

Она еще долго стояла в притворе, боясь заходить внутрь самой церкви, словно что-то невидимое не давало ей ступить туда хотя бы одной ногой. Высокие деревянные двери были наглухо закрыты и слегка подрагивали от поднявшегося холодного ветра, принесшего с собой проливной осенний дождь и бурю из пожухлых опавших листьев, которые заполнили практически каждый дюйм воздуха. Но даже нахлынувшая на это место буря не смогла прогнать воцарившийся здесь туман, тот наоборот от малейшего дуновения становился все гуще и гуще, съедая все на своем пути. Когда даже статуи ангелов скрылись из виду, девушка набралась смелости и, с трудом справляясь с разбушевавшейся стихией, вошла в храм, быстро захлопнув за собой тяжелые двери, которые, на удивление, поддались Татьяне с легкостью, словно были сделаны из ваты.

Вместе со Стивом они оказались в полуразрушенном главном нефе, украшенном частично сохранившимися мраморными колоннами и стрельчатыми витражными окнами,

которые оказались наполовину разбиты. К сожалению, из-за обилия мрака было невозможно с первого взгляда ощутить всего величия этого сооружения. Каменные своды также частично утратили свои детали и пропускали через широкие трещины свирепый ветер, который, проходя через них, создавал самый настоящий хор.

Поежившись от холода, девушка медленно пошла вперед, ведя Стива вслед за собой. Каждый их шаг по мраморному полу раздавался по всему зданию эхом, словно девушка была облачена в тридцати килограммовые доспехи. Лавочки, на которых обычно сидели во время службы, были хаотично разбросаны рядом со стенами, словно некая сила решила расчистить себе путь. От такого зрелища стало немного не по себе.

— Видишь, здесь намного лучше, — прошептала девушка, мельком поглядывая на Стива. — На улице мы бы давно окоченели от ветра, здесь же немного теплее.

Впереди виднелся сохранившийся в идеальном виде алтарь, который был таким ярким, словно что-то невидимое подсвечивало его со всех сторон.

Татьяна устремила глаза на полуразрушенные своды, почувствовав на своем лице прикосновения ветра, холодные и царапающие. — Давай остановимся здесь, — девушка снова взглянула на Стива и помогла тому лечь на мраморный пол, скромно присев рядом с ним и прижавшись к его теплому телу спиной. — Ну вот, здесь мы переждем эту ночь. Все-таки мы прошли слишком много, твоей ноге нужно отдохнуть. Завтра мы что-нибудь придумаем, я тебе обещаю.

Стив в ответ тихо фыркнул и куда-то с беспокойством посмотрел, словно увидел кого-то подозрительного.

— Знаешь, мы столько прошли в сплошном тумане, без каких-либо ориентиров и представлений, где мы находимся. Это даже забавно и... восхитительно. Я люблю идти вперед, не зная, что ждет впереди. Рано или поздно этот путь приведет куда-нибудь. Так странно, что я оказалась именно здесь. Я ведь никогда не верила в Бога, хотя мои родители были очень верующими людьми. Мать даже пыталась меня окрестить, но по каким-то обстоятельствам не сделала это... Возможно, она хотела дать мне право выбора... Но если и так, то это было единственное право такого рода. Мне никогда не давали выбирать. Всегда вынуждали подчиняться, плясать под чью-то дудку. А я послушно выполняла все приказы, делала вид, что довольна жизнью. Но в глубине души было желание сорваться в пропасть, завязнуть в трясине и никогда оттуда не выбираться. Я яростно хотела умереть и прятала свои чувства под толстой фальшивой маской удовлетворения бытием. Вряд ли ты меня понимаешь, Стив... Но мне так нравится, как ты слушаешь.

Девушка с грустной улыбкой посмотрела на полусонного коня, который все так же с беспокойством поглядывал по сторонам, вслушиваясь в вой разгневанного ветра. Татьяна еще сильнее прижалась к Стиву и провела по его шелковистой белой гриве рукой. Сам он был бледно-серого цвета, но белокурая грива стала его настоящим украшением, в которое девушка влюбилась с первого взгляда, и не могла не трогать ее во время своих путешествий по собственным воспоминаниям.

— Ты когда-нибудь любил? Жил ради любви?.. Я да. Это произошло восемь лет назад, когда я не была такой хмурой тридцати трех летней теткой без каких-либо планов на будущее. Тогда я являлась глупой девочкой, жила мечтами, думала, что все в моей жизни будет наполнено яркими красками, все мои мечты сбудутся. Наивная принцесса, вот кем я была. Вечное дитя... Но когда в дом вошла беда, с меня будто сбросили этот сказочный кукольный образ. Меня заставили подчиниться, засунуть свое мнение куда поглубже, чтобы

никто не видел. И именно тогда мне удалось влюбиться, по-настоящему... В самый первый раз... Знаешь, Стив, от этих воспоминаний у меня до сих пор краснеют щеки... Тогда я почувствовала себя живой... теплой. Мне захотелось жить, просыпаться по утрам. Ведь я знала, что совсем рядом со мной находится человек, которому я готова отдать всю себя. Он был младше меня на пять лет, это даже забавляло. Но когда я его увидела в первый раз... я влюбилась в него. Нет, не в его смазливую внешность, сахарный голос. Мое сердце трепетало от одного лишь его присутствия. С ним мне было не страшно, с ним мир наполнялся смыслом, — девушка небрежно вытерла подступившие слезы и на короткое время прервала свой рассказ, прижав свою мокрую щеку к теплому телу Стива. — Но сейчас... сейчас... Где я? Куда меня привела жизнь? Я гонюсь за давно ушедшим прошлым, за потерянным счастьем. И ради чего? Что заставляет меня идти дальше? Весь мир стал каким-то туманом, сплошной иллюзией. Я потерялась. И мне кажется, что мне никогда не удастся вырваться отсюда. Я задыхаюсь и больше не могу сделать глоток воздуха.

— Просыпайся! Просыпайся, — хриплый женский голос кричал прямо под ухом, царапал своими едкими громкими словами, прибавлял с каждым разом к своему голосу все больше и больше громкости, что вынудило Татьяну очнуться от глубокого сна без сновидений.

Девушка была такой уставшей, что не сразу сумела расслышать эти женские вопли, пронзившие ее барабанные перепонки с небывалой силой и болью. Да и сам голос появился так неожиданно, что Татьяна была вынуждена вскочить, словно ее облили ледяной водой. В действительности, так оно и было. Сверху прямо на нее и беспробудно спящего Стива падали талые потоки воды, созданные дождем, и были такими объемными, словно Татьяна со своим большим питомцем спали прямо под самым настоящим горным водопадом. Все вокруг стало напоминать тропический лес, но вместо деревьев были только голые раскрошившиеся стены некогда величественного католического собора.

— Они идут! Они идут! — женские вопли снова раздались где-то прямо под ухом и на этот раз были пропитаны самым настоящим страхом, словно голос был чем-то по-настоящему обеспокоен и пытался предупредить о надвигавшейся опасности.

— Кто вы? Что вам от меня нужно? — в панике стала оглядываться девушка, надеясь найти спрятавшегося гостя. Но здесь, кроме нее и Стива, никого не было, собор дышал полным предсмертным забвением, словно прощался со своими единственными гостями.

— Беги! Они уже близко!

— Почему я должна бежать?! Прекратите прятаться! Мне надоели ваши игры! Зачем вы преследуете меня? Что здесь, черт возьми, происходит? — Татьяна пыталась перекричать ливневые потоки. Из-за холода, который пронизывал ее тело всю ночь, голосовые связки девушки воспалились, и каждое слово вырывалось наружу с неприятным хрипом, разрывавшим горло. — Где вы?

Стив неожиданно пробудился от глубокого сна и незаметно попятился в сторону выхода, с явным беспокойством поглядывая по сторонам, издавая странные жалобные стоны. Испуганное животное остановилось рядом с дверью и поскреблось об нее копытом, с ожиданием поглядывая на Татьяну, призывая ту идти вместе с ним. Но девушка всерьез занялась поиском таинственной незнакомки, которая призывала незваных гостей покинуть это заброшенное сооружение. Но никаких следов присутствия этой безымянной женщины Татьяне обнаружить не удалось.

— Стив, нам нужно узнать, что здесь творится. Мы не можем уйти отсюда сейчас, — прохрипела девушка и поежилась от холода, который она все это время даже не замечала, так как была сильно увлечена поисками таинственной незнакомки. И только сейчас собственное тело решило напомнить о себе.

Когда женщина немного успокоилась и начала искать глазами более сухое место, где можно было продолжить спать, как внезапно в дверь врезалось что-то снаружи, словно кто-то решил протаранить дверь и проникнуть сюда внутрь. Звук был таким громким, что Стив быстро встал на дыбы и, прихрамывая, подбежал к Татьяне, встав рядом с ней, и с ужасом поглядывал на дрожавшую от ударов дверь.

— Это просто ветер, Стив. Просто ветер, — Татьяна попыталась более разумно объяснить все происходящее, но чем дальше она слушала эти жуткие звуки, тем больше начинала сомневаться в собственных словах.

Дверь держалась не слишком долго, невидимая сила распахнула ее наружу и едва не сорвала с огромных петель. Снаружи из густого тумана появились сотни черных людских силуэтов, которые медленно плыли вперед, едва касаясь земли. Их лиц не было видно, тьма услужливо скрывала личности этих незваных гостей, которых было там много, что глаза разбегались в разные стороны, пытаясь примерно представить их количество.

— Кто вы такие? — в панике крикнула людским силуэтам девушка, но в ответ лишь услышала хаотичный хор из многотональных голосов, слившийся в один пугающий до полусмерти звук, способный оглушить любого, кто сможет услышать его.

Стив, напуганный их бесформенными голосами, которые напоминали вой стаи волков, бегущей за раненой добычей, пронзил всю округу своим ржанием, наполненным неподдельным ужасом и беспомощностью, и хотел было пуститься наутек. Но, взглянув на Татьяну, онемевшую от увиденного, не сдвинулся с места. Стив уткнулся своей сырой мордочкой в ее белоснежную, лишенную румянца, щеку, пытаясь привести свою спутницу в чувства.

Силуэты приближались все ближе и ближе, их движения были невероятно быстрыми и резкими, словно они были большими опавшими листьями, которые нес на себе разбушевавшийся холодный ветер. Вскоре их лица стали более менее различимыми, и Татьяна быстро пожалела, что осмелилась взглянуть в их глаза. Но никаких глаз у этих личностей вовсе не было, вместо глазных яблок были лишь бездонные дыры, сочившиеся кровью, такой густой и черной, словно это была самая настоящая нефть. Их лица исказились от быстро сменявшихся эмоций, трудно было понять, что они чувствуют и пытаются сказать. На их безжизненных изуродованных ликах можно было мельком разглядеть и страх, и ярость, и даже самую настоящую радость, но все это появлялось слишком быстро, слишком незаметно, словно листаешь книгу, быстро и без желания ее прочесть. На них не было никакой одежды, но, по каким-то непонятным причинам, их гениталии отсутствовали. Они будто были живыми скелетами, обтянутыми высохшей мертвой человеческой кожей, на что намекала их ужасная худоба и полное отсутствие каких-либо целей в движениях. Лишь быстро сменявшиеся эмоции, ничего более.

Татьяна не помнила, как пустилась бежать. Ее ноги делали это без ее ведома, просто бежали, желая спасти девушку от темного взгляда тех странных людей, которые, словно вода, заполняли собор все больше и больше, уничтожали последние кусочки свободного пространства. Вскоре они создали густую живую массу из сотен людей, которые жаждали только одного — следовать за Татьяной, вслушиваться в каждый сделанный ею шаг. Девушка

была так напугана, что не успевала следить за собственными эмоциями, ее сознание летало где-то позади нее, не успевая бежать вслед за самим телом. Она просто бежала куда-то вверх, чувствовала холодное прикосновение каменных ступенек. Здесь было невероятно темно, но даже полное отсутствие света не мешало Татьяне подниматься все выше и выше. Где-то внизу слышался вой сотен тысяч людей, который с каждым новым шагом приближался к девушке все ближе и ближе, царапали прохладным дыханием пятки.

Когда она преодолела последнюю ступеньку, перед ее глазами возник люк, из щелей которого сочился яркий утренний свет восходящего солнца. Татьяна не сразу поняла, что сумела открыть его и вылезти наружу, почувствовав, как крики этой бесчисленной толпы безумцев становятся все ближе и ближе.

Ее ослепил солнечный свет, он был таким ярким и непривычным, что Татьяне показалось, будто она видела небесное светило в первый раз в жизни: настолько долго она была в заточении тьмы и непроглядного тумана. Теперь все вокруг было невероятно ясным, чистым, свежим, что на короткое время женщине показалось, что этот мир снова наполнен спокойствием и полной гармонией. Но это было не так. Эта красота была для нее ложной.

Едва она взглянула вниз, как поняла, что стояла на самой вершине башни, а внизу находился самый настоящий муравейник из безглазых оголенных людей, которые, словно голодные хищники, подбирались к Татьяне все ближе и ближе. Их больше не сдерживали стены, они карабкались по ним, словно пауки по своей родной паутине, покрывали собор бесчисленными костлявыми телами. Вой этих безумцев теперь напоминал предсмертные крики, полные голода и жажды смерти. Их гнилые зубы сверкали в лучах утреннего солнца и чужали свежую плоть за многие метры, желая достичь ее любой ценой. Они не останавливались, поднимались все выше, превратили полуразрушенную церковь в самую настоящую пирамиду из людских тел.

Крики обезумевших людей заглушили учащенное сердцебиение несчастной девушки, которая комочком сжалась на соборной башне и ждала, когда конец безумия сумеет добраться до нее и после этого разорвет ее замерзшее хрупкое тело на куски, разбросав самые лакомые кусочки по всей округе.

А где-то внизу все еще различались слабые крики Стива, который продолжал призывать идти Татьяну вслед за ним.

Глава восьмая. Честность

Мужские руки ласкали ее тело, не стесняясь трогать самые неприкосновенные места, словно считали, что девушка не сможет оказать сопротивление. Татьяна чувствовала боль. Грубые пальцы царапали нежную кожу, впивались в нее, словно оголодавшие пиявки. Потеплевшее тело ощутило, что по пояс сидело в горячей мыльной воде, которая тихо шелестела, ласкала слух своей спокойной мелодичностью. Мужчина взял с края ванной какой-то мягкий предмет, пропитал его мылом и провел им по женскому телу, но одной рукой все еще продолжал гладить кожу Татьяны, получая от этого явное эстетическое удовольствие.

— Ну вот, сейчас ты отогреешься и станешь чистой и красивой, как и обычно, мой маленький чертенок. Я стараюсь не трогать твои царапины, но их надо хорошенько промыть, иначе получишь заражение, — его бархатный голос пощекотал ее ухо и заставил девушку вспоминать, кто перед ней мог находиться.

Что-то не давало ей открыть глаза, словно неведомая сила склеила веки клеем, надеясь полностью ослепить несчастную Татьяну, которой довелось за короткий промежуток времени пережить немало неприятных событий, неподдающихся логическому объяснению.

Мужчина бережно провел рукой по ее ресницам и слегка усмехнулся.

— Мыло попало, извини. Теперь можешь открывать глаза.

Девушка послушалась и, чувствуя на глазном яблоке легкое покалывание, с паническим видом огляделась, будто видела этот мир в самый первый раз в жизни. Все было настолько белоснежным и ярким, что первые пару минут она смотрела на все через полуоткрытые глаза, боясь разомкнуть веки полностью. На нее с милой и жизнерадостной улыбкой смотрел человек, которого та уже настолько успела забыть из-за его долгого отсутствия, что вначале даже не сумела признать в нем своего мужа. Тот забавно сжимал в руке мочалку, вкусно пахнущую мылом.

— Ты смотришь на меня так, будто видишь перед собой монстра, — с иронией произнес он и продолжил отмывать жену от грязи.

— Петр? — прошептала она и громко ахнула, сжав голову ладонями. — Что произошло?

— Тебя нашли соседи около входной двери. Ты отказывалась от медицинской помощи, но врач заверил меня, что ничего серьезного, лишь пара синяков. У тебя был бред пару часов. Я думал, что уже потерял мою любимую жену.

Татьяна с сомнением и каким-то недоверием взглянула на мужа, ища на его лице эмоции, выдававшие то, о чем он самом деле думал. Но тот был таким спокойным и непривычно довольным собой, что девушке на миг показалось, что перед ней совершенно незнакомый ей человек.

— Ты так спокойно на все это реагируешь.

— Ты заявила, что упала с лестницы во время дождя, якобы подскользнулась.

— Я так и сказала? — удивленно посмотрела на него та и прижала руку к голове, ощущая неприятную пульсировавшую под черепом боль. — Ничего не помню.

— Это не страшно. Главное, что ты в безопасности.

Татьяна взглянула на свои руки и заметила, что под ногтями находились крупные кусочки земли, отчего в голове сразу же возникли воспоминания из прошлого, быстро сменявшие друг друга. Она увидела выстрел в полицейского, затем выкопанную могилу и

церковь, утопавшую в густом тумане. Эти образы были такими яркими и живыми, что девушка невольно вздрогнула, будто услышала громкий звук, и вновь ощутила сильную головную боль.

— Я не могла оказаться здесь, — едва слышно прошептала девушка и с ужасом посмотрела на беззаботное выражение лица Петра. — Это невозможно. Ты исчез два дня назад.

— Мы с тобой виделись в полицейском участке вчера утром. Неужели ты этого не помнишь?

— Это было пару дней назад.

— Нет, моя хорошая, это было еще вчера утром. Видимо, ты еще не до конца пришла в себя... — с приятной улыбкой сказал он и, встав с колен, подошел к двери. — Я тебя пока оставлю, грейся. Приготовлю что-нибудь поесть, — произнеся это, он покинул ванную, тихо прикрыв за собой дверь, будто боялся производить лишний шум.

Едва тот оставил ее наедине с собой, как девушка, будто усталость окончательно покинула организм, выскочила из воды и мокрыми ногами испуганно ступила на пол, чувствуя, как ее конечности дрожат, как будто они струны, по которым прошелся пальцем гитарист. Это вряд ли от холода, так как вода была такой горячей, что уже появилась легкая тошнота из-за резко подскочившей температуры тела. Дрожь из-за другой причины. Но найти эту причину было в данный момент невозможно, собственное состояние стало для Татьяны самой настоящей загадкой, ответ на которую ей вряд ли суждено найти.

Взглянув в зеркало, она с трудом признала в нем саму себя. Вся кожа покрывалась свежими кровоточившими ссадинами и синяками, будто девушку кто-то долго и усердно избивал, не жалея кулаков. Она сразу же поняла, что падение с обычной лестницы не способно вызвать такие серьезные последствия, которые девушка сейчас лицезрит на собственном теле, нывшем от малейшего прикосновения. Значит, Петр ей соврал. Но зачем? Что мужчина хотел скрыть от нее?

Вновь в сознание ворвались картинки из прошлого. Башня церкви, уродливые лица человекообразных существ, гнавшихся за ней со скоростью гепарда. Это не могло быть правдой. Но почему на ее теле остались следы тех ненастоящих событий? Неужели то, что она увидела тогда, было реальным? Все, что она всю жизнь отрицала, презирала...

— Допустим, я действительно упала с той башни, но... почему выжила? — спросила та саму себя, боязно притрагиваясь к синякам, пылавшим жаром, к глазам подступили слезы, но эти эмоции были вызваны страхом, таким внезапным, что тело начало непривычно дрожать, будто его облили ледяной водой из ведра.

Татьяна осторожно обхватила плечи и села в углу ванной комнаты, поджав под себя ноги. Ей было так непривычно видеть свое тело в столь плачевном состоянии, что собственная нагота начала смущать ее. Глотая медленно текущие слезы, она смотрела на движение остывавшей воды, пытаясь понять, что с ней произошло за последние дни. Но в голове воцарился такой хаос, такая анархия, что хотелось просто со всей силы разбить собственный череп о край раковины, чтобы уничтожить весь этот мысленный беспорядок.

Она должна понять. Должна понять, во что ей следует теперь верить и что следует делать дальше. Но она боялась понимать, боялась узнать правду, за которой так долго гонялась. Может следует сделать вид, что произошедшее с ней обычный плод ее воображения? Ведь это поставит все на свои места. И больше не будет ничего необъяснимого и нелогичного. Она хотела так сделать. Но яркость тех образов, все еще с

громкими звуками раздававшихся в голове, не хотели отпускать девушку, не могли дать утратить к ним веру. И она поверила в них еще сильнее. И эта вера единственное ценное, что осталось у нее. Единственное, что в данный момент призывало идти дальше.

— Я должна найти Ричи. Если все эти воспоминания реальны, то он сможет помочь мне убедиться в этом.

Татьяна вышла из ванны и, какое-то время постояв полностью обнаженной, чувствуя, как тело обволакивала приятная прохлада квартиры, накинула на плечи шелковый халат белого, как свежесвыпавший снег, цвета. Даже не вытерев волосы полотенцем, она проследовала на кухню, где услышала тихую возню на обеденном столе.

Петр стоял к ней спиной и ловко крошил острым ножом овощи, превращая их в разноцветный салат. На плите находились небольшая кастрюля с чем-то булькавшим и приятно пахнущим и слегка посвистывающий чайник. Татьяна на миг замерла, не веря своим глазам. Ей даже показалось, что она видит этого мужчину, заботливо хлопчущего на кухне, впервые.

За все восемь лет их хрупкого, как китайский хрусталь, брака, она практически не знала, чем занимается муж, что любит и что умеет. Она видела его в лучшем случае вечером, после чего тот, даже не подарив ей поцелуя на ночь, отправлялся спать. Изредка они могли заняться любовью, но такое происходило пару раз в году, и каждый раз секс был для нее как в первый раз — тело просто не успевало привыкнуть к интимному образу жизни. Обсуждать совместного ребенка с ним она не решалась, он всем своим усталым и отчужденным видом показывал, что еще одного человека в их семье не хочет. И постепенно ее мечты о счастливом браке с женщиной, которого она насильно пыталась полюбить, развеялись в прах.

— Как ты себя чувствуешь? — безэмоциональным голосом поинтересовался Петр и скинул нарезанные овощи в большую глубокую тарелку с помощью лезвия ножа. — В холодильнике я особых изысков не нашел, но попытался приготовить обед из того, что имелось. Если что, портсигар лежит в твоей комнате, ты забыла его на столе. Не знал, что ты все еще пользуешься этим странным подарком твоего Эрвана.

— Ты впервые заговорил о нем.

— Вряд ли тебя смущает его имя. Ведь из-за него ты и начала свою блестящую карьеру детектива, хотя получала образование по совсем другой специальности. Твоя мать меня едва не засунула в печь, когда узнала, что я разрешил тебе бегать за всякими отбросами общества. Она ведь хотела, чтобы ты была журналистом. Ялюбил тебя, как умную и начитанную девушку. Но ты загубила свой талант ради бестолкового мальчишки.

— Ты хочешь об этом говорить?

— Да, — резко повернулся он и брезгливо отбросил нож в сторону, но сделал это так осторожно, что в его виде невозможно было увидеть что-то угрожающее. — Я был в шоке, когда увидел тебя в таком состоянии. Ты играешь с огнем.

— Хм, за все восемь лет нашего брака ты впервые проявляешь свою заботу. Спасибо, — с полным безразличием произнесла та и хотела направиться в свою комнату, но Петр осторожно схватил рукой, испачканной соком овощей, ее запястье и с беспокойством взглянул в глаза жены.

— Потому что считал, что тебе этого не нужно. Но сейчас вижу, в какую яму ты себя загоняешь. Ты давно перестала быть самой собой.

— А ты перестал быть моим мужем. Я не видела тебя месяцами. И уже воспринимаю чужим. Моя жизнь словно перестала соприкасаться с твоей, — Татьяна провела рукой по сырым волосам и направилась в свою спальню. — Мне надо переодеться и потом отправиться в участок. Извини. У меня нет сил выяснять отношения с тобой. Поговорим за ужином.

Татьяна посильнее укуталась в свой халат и скрылась в соседней комнате, громко захлопнув за собой дверь. Петр опечалено выдохнул, затем вновь сжал рукоятку ножа и, изредка поглядывая в сторону спальни, продолжил заниматься приготовлением пищи.

В зале судебного заседания собралось достаточно много народу, чтобы это крупное и светлое помещение с приятным малахитовым цветом стен превратилось в тесную и душную комнатку, наполненную ароматом человеческого пота и крупными пылинками. Люди что-то оживленно обсуждали, постоянно тыкали в сторону двери пальцем, словно указывали, что за ней находилась личность, из-за которой все сегодня и собрались в такой тесной официальной обстановке. Если выглянуть в окно, то можно было увидеть, как полицейские пытались остановить великое нашествие прессы, надеявшейся одной живой массой проникнуть в здание, чтобы во всей красе запечатлеть самый громкий судебный процесс за последние несколько лет. Внезапно зал взорвался недовольными криками. Под большим сопровождением полицейских в зал заседания провели Анну, которая медленно шла вперед, устало опустив голову вниз.

— Убийца! Ведьма! — кричали люди, перекрикивая друг друга, но полицейские стали злобно свистеть в свои серебряные свистки, тем самым успокаивая собравшихся. Конечно, всех уговорить не получилось, но большинство замолкли и с открытым ртом принялись изучать подсудимую, которую усадили на стул рядом с адвокатом.

Непонятно откуда возникла фигура судьи, облаченная в черную мантию. Это был пузатый высокорослый мужчина, шедший походкой раненого в ногу медведя. Его лицо украшали кудрявые брови, наполовину скрывавшие глаза, и были такого черного цвета, будто их подкрасили каменным углем. Почесав свою гладко выбритую голову, а после и небольшую щетину, судья неохотно плюхнулся в свое кресло, как на царский трон, и с высокомерием оглядел присутствовавших, пропустил только подсудимую, словно ее здесь и не было. По традиции постучав молоточком и призвав всех к тишине, мужчина открыл папку, все это время сжатую в его толстых потливых пальцах, затем зачитал обвинение.

— Анна Стрингини обвиняется в жестоких убийствах двадцати человек, совершенных в Психиатрической лечебнице имени Доктора Ломана, где она работала почти восемь лет. Подсудимая, вы согласны с предъявленными обвинениями?

— Да, — послышался спокойный голос подсудимой, словно ее вся эта ситуация ничуть не пугала.

— Хорошо.

— Господин судья. Я хочу, чтобы весь этот судебный процесс завершился как можно скорее. Я не нуждаюсь в показаниях свидетелей и в защите адвоката, предложенного мне государством. Считаю, что это отнимет у всех нас лишнее время. Я дала признание и готова получить за это соответствующее наказание.

— Что ж, неожиданно слышать подобное из уст обвиняемого. Но есть несколько спорных моментов. Их мне бы хотелось их разъяснить.

— Если это важно, то я не имею ничего против.

— За сутки до вашего признания на территории психлечебницы было найдено тело главврача Доктора Ломана, медэкспертиза так и не была проведена, так как труп был похищен из лаборатории за час до начала вскрытия. Себастьян Моран, стоявший во главе расследования, считает, что Чарльз Ломан был убит, как ценный свидетель данного дела. Вы причастны к его смерти?

— Да.

— У вас были сообщники, которые участвовали в совершении данного преступления?

— Нет, я действовала одна.

— Опишите, пожалуйста, ваши действия.

— Я напоила мистера Ломана ядом, после сбросила его тело из окна, чтобы обставить все это как самоубийство. Еще будут вопросы?

— Вы признаете свою вину? Это окончательное решение?

— Да.

Судья явно был в ступоре от такой уверенной речи подсудимой, отчего он с трудом подбирал слова. Но, поняв, что уже нет смысла продолжать судебное разбирательство, так как почти все встало на свои места, судья с трудом поднялся со своего трона и зачитал уже заранее написанное решение суда, что было для него приятным моментом, потому что уже не было сил находиться в этом помещении, пропахшем людским потом.

— Анна Стрингини приговаривается к пожизненному заключению в колонии строго режима без права на помилование. Психические отклонения у обвиняемой найдены не были, что прямо указывает на то, что все преступления были совершены в осознанном состоянии. И на этой ноте я объявляю наше заседание закрытым. Всем спасибо.

Едва судья произнес эти слова, как зал сразу же взорвался криками недовольных, которых явно не устроило решение суда, но полицейские вновь принялись успокаивать бунтовавших, и через пару минут все более-менее успокоились, хотя градус напряжения среди присутствующих только возрос. Анну окружили со всех сторон охраной, дабы не позволить, чтобы простые люди разорвали ее на части из-за своей жаркой ненависти к ней, но та будто не боялась этого, а была готова к любому развитию событий. Тут же откуда-то возникли репортеры и ослепили всех тут и там яркими вспышками фотоаппаратов, при этом успевали оглушать Анну расспросами, но полицейские не подпускали этих занудливых ребят к обвиненной и обеспечили ей безопасный выход из здания, хотя было пару моментов, когда журналисты чуть не выхватили у них несчастную пожилую женщину, уже начинавшую нервничать из-за рева возбужденной толпы. Рядом с Анной шел адвокат, прикрывавший лицо кожаным портфелем, и о чем-то шептался с пожилой женщиной, но о чем те говорили, было не понятно никому.

— Входите, мисс Хапперт. Только паренек совсем недавно лег спать, вы бы его не очень долго мучили, а то жалко беднягу. Он такой хорошенький, ни разу ничего против нас не сказал. Идеальный нарушитель закона: ест все, что дают, на хер не посылает. Вот бы все здесь были бы такими, — полицейский провел Татьяну в одну из тюремных камер полицейского участка, где на узкой койке на одном лишь тончайшем матрасе, сочившемся клопами и пылью, лежал паренек со светлыми волосами, которые аккуратными прядями падали на его лицо.

— Оставьте нас, пожалуйста.

— Хорошо. Если что, я буду неподалёку. Позовете, когда нужно будет открыть, —

сказал тот и, закрыв за девушкой дверь, скрылся в коридоре, но далеко от этой камеры уходить не стал.

Татьяна кивком головы поблагодарила полицейского и, глубоко вздохнув, будто здесь было очень мало кислорода, села на корточки рядом со спящим парнем, после чего осторожно погладила его по голове, пытаясь вытащить из глубокого сна.

— Ричи, просыпайся, — прошептала она, убрав прядь волос с его лба аккуратным движением тыльной стороной ладони.

Тот что-то простонал сквозь сон и боязливо приоткрыл свои щенячьи глаза, но когда понял, кто перед ним находился, резким движением вскочил и сел на койку, чуть не крича от радости.

— Боже, я думал, что больше никогда тебя не увижу, — ничуть не стесняясь, он обхватил руками ее шею и прижался всем телом к ней, будто боялся, что та вот-вот растворится перед ним, как призрак.

— Я больше никуда не уйду.

— Они сказали, что ты не хочешь меня видеть, — дрожавшим голосом произнес он, влюбленно смотря на свою гостью.

— Кто сказал?

— Себастьян Моран, твой напарник.

— Не думай о нем. Этому человеку нельзя верить. Ты помнишь, что произошло с нами два дня назад?

— Да... Я убил полицейского, — как можно тише ответил тот и боязливо забегал глазами по сторонам.

— Я думала, что уже схожу с ума, — как котенка Татьяна прижала парня к себе, чуть не задушив в своих крепких объятиях. — Значит, все это было реальным! Ты не представляешь, как обрадовал меня!

— Ты так радуешься этому? — с непониманием посмотрел на нее тот.

— Да. Это выглядит странно со стороны, я знаю, — смущенно отстранилась от него та и улыбнулась. — Но передо мной открылся мир, который я тщательно отрицала всю жизнь. Я увидела то, во что никогда не верила. Это кажется фантастикой, но... Не знаю... Я не знаю, что видела. Но это не было обычным явлением. Это были не галлюцинации. Именно это и хотел и не успел рассказать Доктор Ломан! Тот, кто убил его, боялся, что я узнаю правду. Но я должна докопаться до истины, Ричи. И ты нужен мне. Скажи, зачем ты тогда искал меня? Как ты начал видеть все это?.. Что с тобой происходило?

— Ты действительно хочешь знать?

— Да. Ведь наша встреча не была случайностью. Возможно, Доктор Ломан хотел, чтобы мы нашли правду вместе.

— Хорошо... Я расскажу, — Ричи сел на койку и по-турецки скрестил ноги. — В детстве меня мучили кошмары, все началось восемь лет назад. Во сне я просыпался в незнакомом мне большом доме, в самых разных его местах. Я ничего не помнил, не знал, кто я и что со мной произошло. Изучая то, что меня окружало, мне удавалось все больше погружаться в мир этого особняка, узнавать тайны этого старого здания. Но едва во сне пройду мимо зеркала, как вижу в отражении незнакомое мне лицо. Я там был другим человеком. Сначала эти сны просто пугали, родители не принимали их всерьез.

— Странно, у вас с Анной одинаковые фамилии. Я даже сначала подумала, что вы родственники. Чуть тебя подозревать не начала. Так что было с твоими кошмарами дальше?

— Спустя год кошмары стали более пугающими, они обрастали сложными деталями. Дом наполнился зловещей музыкой, а на улице из тумана выходили тени, наблюдавшие за каждым моим движением. Я начал бояться спать. И в один прекрасный момент я не спал целую неделю, меня даже хотели отвести к психиатру, так как в школе мне было трудно учиться, со мной перестали общаться сверстники. Я стал изгоем. И все из-за них. Из-за кошмаров. Но дом не позволил мне убежать, он забрал меня к себе снова. И во сне на меня напали два монстра. Они были похожи на людей, их лица были изуродованы, отсутствовали глаза. Я убил обоих кухонным ножом. Утром обнаружил своих родителей мертвыми. У них не было никаких следов насилия. Следователи посчитали, что их задушили ночью. Так как в квартире в момент убийства никого, кроме меня, не было, то все подозрения легли на меня. И дело закрыли. Я стал верить, что убил собственных родителей. Меня признали невменяемым и отправили в психиатрическую клинику доктора Ломана. Никто мне не верил, никто не слушал мои рассказы. И только Анна поверила мне.

— Анна... — задумчиво прошептала Татьяна и стала ходить кругами по крошечной камере, мысля вслух. — Тот дом, который ты видел во сне... Ты так и не смог узнать, что это было за место?

— Смог. Это была психлечебница Чарльза Ломана, куда меня и отправили. И мои кошмары будто воплотились в реальность. Только на этот раз я был там не один.

— Ричи, мы должны вернуться туда. Я знаю, что у тебя связано много плохих воспоминаний с этим местом, но мне необходимо понять... Ты понимаешь меня?

— Ты хочешь найти там своего любимого человека?

— Я хочу найти правду. Это гораздо важнее в данный момент времени. Но ты должен быть честен со мной, это единственное условие, благодаря которому ты сможешь выйти из-под стражи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Глава девятая. Прибытие

Окна кабинета были окрашены красивыми извилистыми рисунками, созданными декабрьским морозом. Если прислушаться и отогнать шум, доносившийся из глубин полицейского участка, то появится возможность уловить чарующее пение зимнего ветра, в котором чувствовалась некая тоска и сомнение в том, что завтрашний день будет лучше. Стрелки настенных часов показывали пять вечера. Солнце давно скрылось за горизонтом, погрузив это помещение в жутковатую тьму, которую с трудом разгоняла желтоватым свечением маленькая люстра и настольная лампа. Сидя за столом, вот уже несколько долгих часов работала Татьяна, с трудом борющаяся с сонливостью.

— Ты снова не спала всю ночь? — в кабинете раздался чей-то до боли знакомый женский голос.

Но Татьяна была настолько уставшей и изнеможенной, расположившись рядом с огромной стопкой бумаг с отчетами, что совсем лишилась возможности определять на слух, кому из ее знакомых принадлежал тот или иной голос. Девушка оторвала взгляд от навевавших сон текстов и взглянула тусклым взглядом на возникшую на пороге женщину в полицейской форме.

— Сьюзен?! — ахнула Татьяна и, неуклюже выбравшись из горы пыльных бумаг, заключила женщину в дружеских объятиях. — Как же давно я тебя не видела! Где ты пропадала? Я не слышала о тебе с момента нашего последнего дела «Призрачного фотографа».

— Хорошее было время. Тогда преступники умели вскружить нам голову. А я, видишь ли, на своем предыдущем задании подхватила пулю в живот. Провалилась в больнице кучу времени. Думала, что схохну. Но, как видишь, врачи меня вытащили с того света. А с тобой что случилось? — Сьюзен заметила на теле девушки небольшие следы побоев и потихоньку заживавшие ссадины, которые тотчас привели ее в неподдельный ужас.

— Не поверишь. Я месяц назад упала с лестницы. Дворник плохо почистил ступеньки, и я поскользнулась, когда ночью возвращалась с работы. Думала, что не встану.

— Ну ты даешь... Кстати, слышала, ты снова сошлась с Себом.

— Ох, лучше не напоминай, — отмахнулась та и с отвращением взглянула на свой письменный стол, заваленный отчетами. — Я получила очередной не самый лучший опыт. С момента нашего последнего общего дела он изменился до неузнаваемости. Это больше не тот милостивый мужчина, от которого каждая женщина сойдет с ума и лишь по щелчку его пальцев прыгнет к нему в постель. Он постарел, потерял нюх. И завалил наше новое дело. Но смог хитрым образом из провала сделать громкий успех.

— Да, я уже в курсе, что он посадил старушку-убийцу. И как тебя угораздило всунуться в такое странное дело? Я видела отчеты. Столько крови... Да, ты потеряла страх, смотрю, если стала гоняться за такими психами.

— Может, ты хочешь кофе? — встрепелась Татьяна, взглянув на старую подругу по работе. — У меня в кабинете небольшой бардак. Как-то неудобно держать тебя на пороге.

— Господи, Танька, не беспокойся. Я уже належалась по самое не хочу, поэтому готова остаток жизни простоять на свои двоих.

— Бедняжка, — с сочувствием произнесла та, сдвигая бумаги к краю стола, освобождая место для чашек кофе. — Знаешь, я бы поступила точно так же, но не стояла бы, а не

притрагивалась бы к отчетам.

— И за что тебя так наказали?

— Мне сделали выговор.

— Боже, Татьяна. Чем ты разозлила Большого Босса?

— На меня доложили. И отстранили от работы на какое-то время, посадив за эти бумажки. А что мне еще делать? Я якобы мешаю следствию, ставлю им палки в колеса, врежу безопасности общества. Про меня много лестного сказали начальству. Первые дни я готова была послать всех и уйти отсюда, но потом вспомнила, зачем работаю здесь.

Татьяна разлила по чашкам горячий кофе, добавила туда немного сливок и сахара, затем расставила напитки на своем столе и пригласила Сьюзен сесть рядом с ней.

— Слышала от коллег про ваше дело с Себом. И в курсе, как он с тобой обошелся. И зачем ты опять начала с ним работать? Ты же помнишь, как он нас с тобой кинул в прошлый раз. Нас чуть не пристрелил тот психопат.

— Мне нравился его ум. Нравилась его политика. Он умел за пару мгновений построить сложную стратегию. Но, похоже, разучился. Прошло уже полтора месяца, а я до сих пор не могу забыть то, как он обошелся со мной. Было громкое дело. Он получил за него крупный гонорар. А меня даже в отчете не упомянули, будто я и не касалась этого дела. А когда я захотела закончить всю работу за них и анализировать пропущенные ими улики, они запретили мне касаться этого расследования. И отстранили от должности на три месяца.

— Вот урод.

— Теперь я сижу здесь и перебираю бумажки. Пытаюсь понять, что сделала не так. А ведь то расследование было для меня чрезвычайно важным. Я держалась за него так сильно, как только могла.

— Зачем?

— Я практически никому об этом не рассказывала. И жалею, что не рассказала об этом тебе...

— Что произошло? Так, расскажи Сьюзен подробности. Что ты собиралась найти, расследуя те убийства?

— Восемь лет назад погиб мой жених. Это было до моего брака с Петром.

— Я и не знала, что у тебя до Петра был еще кто-то.

— Да. Это был замечательный парень. Он был младше меня на пять лет, но я любила его. Очень сильно. Но когда мой отец ушел из жизни, оставив в семье одни только долги и никому не нужное громкое имя, моя мать вынудила меня отказаться от Эрвана, моего возлюбленного. Мы с ним собирались обвенчаться. Моя мать была против и встала между нами.

— Я бы назвала твою мать стервой, но боюсь обидеть тебя.

— Если ты так скажешь, то окажешься права. Она свела меня с богатеньким сыном какого-то нефтяного магната. Сказала, что это единственный шанс исправить нашу ничемную жизнь. На самом деле она пыталась исправить свою жизнь. Не мою. Я была лишь орудием, валютой. На меня еще никогда не оказывали такого давления. Но я понимала, что не могу предать свою мать. Ведь она до этого столько всего сделала для меня. Но... Прости, — Татьяна незаметно вытерла подступившие слезы и скромно улыбнулась. — К тому времени я была беременна.

— Ты была беременна?!

— Да. От Эрвана. И я выбрала ни семью, ни любовь, а деньги, красивую жизнь. И

где все это? В общем, я ушла от Эрвана, довольно жестоким образом. Мать заставила меня избавиться от его ребенка, я сделала аборт... И после этого ничего в моей жизни не изменилось в лучшую сторону. Я просто оказалась заключенной в красивом замке. А мой прекрасный богатенький принц путешествовал по заморским странам. А я лишилась истинного счастья, просто уничтожила его собственными руками.

— Какой кошмар... Это просто безумие. Твоя мать была просто долбаной стервой. Как она могла так обойтись с тобой?

— Я не знаю... Но я делала все, что она мне скажет. Боялась пойти против ее слова, остаться без поддержки. Эрван был обычным влюбленным двадцатилетним мальчиком, недавно пришедшим с фронта, без постоянного дохода. А я — красивой фарфоровой куклой, которую насильно тащили под венец. Теперь мне тридцать три года, я старею, а никакого счастья от полученных денег после брака не имею. Только однообразную жизнь.

— Ты так и не рассказала, почему взялась за то дело.

— Когда я вышла замуж, мне сообщил о смерти Эрвана его хороший друг, с которым мы тоже долгое время хорошо общались. Ты, наверное, его знаешь. Это Джордж Майлз. Он тоже работал здесь. Изучал ритуальные преступления. Он очень мне помог в свое время.

— Точно. Это же он нам намекнул на то, что «Призрачный фотограф» использует двойную экспозицию. А ведь тогда об этом приеме фотографии мало кто знал.

— Да. Ну, так вот, я приехала в тот же день в морг, чтобы опознать тело. Мне сказали, что Эрван умер от испанки. Но под простыней лежал совершенно другой человек.

— Не может быть...

— Тело подменили. Но Джордж, лучший друг Эрвана, опознал труп, хотя на столе лежал совершенно незнакомый ему человек. Меня пытались убедить, что это просто шокковое состояние, нежелание принять действительность. И поэтому я сижу в этой конторе. Пытаюсь найти ответы, почему кто-то решил заставить всех поверить в смерть Эрвана. Даже если его и убили на самом деле, то зачем подменили тело и похоронили совершенно другого парня под именем человека, которого я так сильно любила и вынужденно предала? Я очень виновата перед Эрваном, я убила нашего совместного ребёнка. И если я узнаю, что с ним случилось на самом деле, то искуплю свою вину... — Татьяна на какое-то время замолчала и увлеченно принялась пить кофе. — Но я отошла от темы. Еще в конце октября я получила письмо от Доктора Ломана, руководителя довольно известной психиатрической клиники, которая занималась лечением пациентов с самыми серьезными расстройствами психики. Это не преступники, а обычные люди, которые добровольно туда пришли. Доктор Ломан был очень сильным психологом и по совместительству бывший хирург. Он спас много жизней во время войны. И помог многим солдатам оправиться после травм, не только физических, но и психических. Этот человек был впечатлен моей статьей в газете, где я описывала мошенников вроде нашего «Призрачного фотографа» и предупреждала, как не стать жертвой подобных шарлатанов. Он написал мне письмо. В первой половине послания он восхищался статьей и ходом моих мыслей, во второй части рассказал о начавших происходить на территории его психлечебницы загадочных убийствах. На жертвах находили следы человеческих укусов в области шеи и на запястьях, а также явные признаки заражения испанским гриппом.

— Испанским гриппом? В наши дни? Эта зараза уже много лет как не существует.

— Знаю. В этом вся и странность. Трупы не были заразными. В том то и дело. Вирус был полностью ликвидирован. Но следов вакцины не найдено. Когда часть тел вскрыли в

лаборатории, то обнаружили, что у них отсутствуют легкие и часть головного мозга. Но никакого хирургического вмешательства не было. Даже пытались проверить гипотезу египетского мумифицирования, когда органы доставали через ротовую полость. Но тоже никаких следов вмешательства. Органы просто исчезли.

— И почему ты посчитала, что это дело как-то связано с Эрваном?

— Доктор Ломан в своем письме заявил, что у него есть все доказательства того, что Эрван до сих пор жив и что его смерть выгодна одной личности, замешанной в этих убийствах. Поэтому я без раздумий взялась за это дело. Появился шанс... Спустя восемь лет я обрела надежду найти его. Меня столько лет обманывали, пытались насильно внушить, что Эрван умер.

— Но Доктор Ломан, как мне известно, покончил с собой. Хотя вроде та старушка говорила, что вытолкнула его из окна.

— То, что его убили, это точно. Но вряд ли это сделала Анна. Ну, та старушка, как ты говоришь.

— То есть, ты веришь, что эта Анна не виновна.

— Да. Чтобы совершить такие убийства, надо обладать силой. Мужской силой. Убийца — мужчина. Я в этом полностью уверена. Либо женщина, но с большой физической силой, как у тебя.

— Эй, только меня в подозреваемые не записывай, — засмеялась Сьюзен и хлопнула Татьяну по плечу.

— Если я это сделаю, пристрели меня. Потому что это будет означать, что я окончательно спятила.

— И что ты собираешься делать?

— Мне нужна твоя помощь. Это просто чудо, что ты вошла сюда! У тебя же есть связи в районной тюрьме?

— Да. Что ты задумала?

— Мне нужно вытащить оттуда одного человека. Я уже просила месяц назад дать мне разрешение на его помилование. Но мне отказали. Еще и выговор сделали. Сейчас за каждым моим шагом идет серьезная слежка. Они будто чего-то боятся. Видимо, не хотят лишаться премии. Ведь всему начальству дали за раскрытие этого преступления большие деньги. Еще и закрыли психиатрическую клинику, которую никто не мог закрыть долгие годы.

— Зачем им было закрывать клинику этого Ломана?

— Себ мне как-то говорил, что поступали жалобы, что там издеваются над пациентами. Такое банальное обвинение. Но я в это не верю. Я была там. Пациенты находятся в замечательных условиях. Постельное белье чистое, едой и лекарствами все обеспечены. Пациенты ни на что не жаловались, чувствовали себя замечательно. Это был их второй дом, как они сказали, когда их опрашивали во время осмотра здания. И теперь клинику закрыли. Пациентов увезли в другие учреждения, кого признали невменяемым. Кого-то даже выписали второпях. В общем, бардак.

— А что со зданием?

— Думаю, будет пустовать. Его даже на продажу не выставили.

— Ладно, я помогу тебе вытащить этого человека. Но только обещай, что не будешь лезть в это дерьмо одна. Я переживаю за тебя. Ты если сунешься куда-то в одиночку, всегда найдешь на свою задницу неприятностей.

— Сьюзен, ты не представляешь, как я рада, что ты вернулась. Ты мой ангел. Ты спасла меня.

— Я скучала по тебе. Вот и вернулась. Рада, что смогу снова погонять вместе с тобой негодяев.

Татьяна с большим трудом нашла в своей кожаной сумочке приятного вишневого цвета ключи от квартиры. Она знала, что могла себя не утруждать и просто нажать на звонок, чтобы Петр ей открыл дверь, но, зная, сколько уже было времени, не хотела будить мужа.

Хотя они до сих пор не могли наладить свои отношения после их неприятного разговора два месяца назад, девушка чувствовала к этому мужчине теплые и даже слегка материнские чувства. Они практически не разговаривали друг с другом, выполняли обычные дела утром перед тем, как оба уходили на работу. Петр, как она поняла из его кратких объяснений, теперь будет в ближайшие полгода работать здесь, в городе в новом офисе, куда его перебросило начальство. Теперь у них появилась возможность видеться каждый день утром и вечером. Они вместе сидели за столом, смотрели телевизор, но эти действия происходили молча, будто супруги потеряли дар речи. Татьяна порой пыталась воспроизвести что-то вроде душевного разговора, но Петр отвечал на ее вопросы так, что моментально пропадало желание продолжать вести беседу.

Женщина стала все чаще и чаще спрашивать себя, существовал ли их брак на самом деле или находился лишь на бумаге и перестал что-либо значить? Какими стали их отношения? Они спали в одной кровати, но отвернувшись друг от друга. Смотрели какие-то передачи по местному телевидению, в тишине и гармонии завтракали и ужинали. И все. Эти действия супруги, будто под копирку, повторяли изо дня в день на протяжении целого месяца. Татьяне уже начинал надоедать такой расклад событий. Она понимала, что надо что-то менять, а не делать вид, что ничего не происходит: либо заканчивать со всем этим, либо пытаться наладить отношения со все еще законным супругом. Второй вариант ее привлекал больше. Впервые она с большой охотой возвращалась домой, спала без чувства тревоги. К ней вновь вернулось то самое чувство защищенности. Хоть девушка и не общалась с мужем, как это следовало делать женатым людям, она была уверена, что в критической ситуации Петр окажется рядом и сделает все возможное, чтобы ей помочь.

Наконец-то найдя заветный ключик, Татьяна вставила его в замочную скважину и осторожно, чтобы не производить лишней шум, открыла входную дверь. Она ожидала услышать тот самый неприятный скрип, который обычно издавала дверь, когда ее открываешь, но на этот раз та отворилась совершенно бесшумно. Значит, Петр позаботился о том, чтобы дверные петли смазали и ликвидировали этот неприятный металлический скрежет, который девушка слышала каждый вечер после работы.

В квартире было темно, Татьяна сначала даже с тревогой подумала, что Петр куда-то ушел и вынудил ее снова провести вечер в полном одиночестве, чего она очень сильно боялась. Но едва женщина вошла в прихожую, как услышала краем уха знакомое сопение из гостиной. Значит, Петр дома, спит после трудного рабочего дня. Было уже давно за полночь. Неудивительно, что он не стал ждать жену с работы и лег спать. Но странно то, что Петр спал не в их спальне, а на диване в гостиной. Видимо, он так устал, что уже не нашел сил дойти до обычного места для сна.

Раздевшись, Татьяна прошла в гостиную и осторожным движением руки включила торшер, подарив гостиной слабый желтоватый свет. Петр спал, свернувшись калачиком,

отчего он напоминал самого настоящего подростка. В последнее время он так похудел, что моментально омолодило его лицо и сделало мужчину похожим на того самого прекрасного юношу, каким он был восемь лет назад, когда они впервые с ним познакомились в квартире ее матери. Он всегда был хорош собой, пока ему не стукнуло тридцать. Потом с ним что-то случилось. Работа стала плохо влиять на его внешний вид. Он сильно поправился, на лице появилась некрасивая растительность, а кудрявые волосы были небрежно зачесаны назад. Сейчас Петр внезапно похорошел и вновь стал завидным мужем, в которого было невозможно не влюбиться. Татьяна любила его гладко выбритое лицо, обожала улыбку с глубокими ямочками на щеках, узкий прямой нос, очерченные брови правильной формы, всегда улыбающиеся карие глаза с милыми гусиными лапками. Но девушка не знала, почему никогда не могла полюбить его по-настоящему, хотя на это были все причины.

Татьяна нашла место на краешке дивана и легла рядом с мужем, прижавшись к его крепкой широкой спине. Девушка впервые за столь долгое время почувствовала сильную тягу к этому телу, это чувство ее даже слегка напугало. Это была не та привычная актерская игра, которую она талантливо выполняла долгие годы, а самые настоящие эмоции, что жена может испытывать к своему мужу. Татьяна как можно крепче обхватила холодными после декабрьского мороза руками Петра за талию и положила свой подбородок на изгиб его шеи, закрыв глаза. Она потерлась кончиком носа об его гладкую щеку, чувствуя исходивший от нее приятный жар.

— Когда ты уехал в Китай, я чуть не сошла с ума. Мне было так одиноко. Я возвращалась в квартиру и боялась тут находиться. Ты не представляешь, как трудно пребывать здесь, когда тут нет чьего-либо присутствия. Было ощущение, что вот-вот кто-то сюда вломится и сделает мне больно, а я даже не сумею постоять за себя.

— Ты же можешь их пристрелить, — тихо усмехнулся тот.

— Возможно, но ты же знаешь, что в любой момент я могу дать слабину.

— Вряд ли ты на такое способна. Сколько я тебя знаю, ты никогда не была слабой. Иногда рядом с тобой я чувствую себя бесполезным, так как ты способна убрать с пути любого, кто захочет тебе помешать добраться до цели.

— Может ты и прав.

Татьяна почувствовала, что их губы вот-вот сольются в поцелуе, она уже ощущала этот прекрасный момент, полный страсти и желания, но неожиданно гостиную наполнил донельзя омерзительный звук телефона, заставивший супругов отстраниться друг от друга.

— Это, наверное, тебя, — с недовольством произнес Петр и как-то скромно чмокнул жену в румяную щеку, заставив ее радостно улыбнуться.

— Сьюзен обещала позвонить вечером. Наверное, это она.

— Она уже вернулась?

— О, так ты ее помнишь?

— Да. Она когда-то мне все уши прожужжала, что ты спасла ее от смерти, и хвалила твои навыки владения огнестрельным оружием. После этого я понял, что тебя обидеть — самое настоящее самоубийство.

— Сьюзен любит преувеличить. Мой отец был замечательным охотником. Это от него у меня талант обращаться с пистолетом.

Девушка нехотя подошла к телефону и сняла трубку, услышав в ней знакомый женский голос.

— Наконец-то я до тебя дозвонилась. Я уже начала переживать, что с тобой что-то

случилось.

— Со мной все хорошо. Никаких приключений не произошло во время моего путешествия до дома. Конечно, пришлось идти пешком, так как трамваи в такое время не ходят. А мучить водителя моего мужа не хотелось, да и прогуляться по ночному городу тоже не помешало. Тем более при мне всегда есть ствол. Если что, я сумею за себя постоять.

— Ты девушка красивая, тебе следует быть очень осторожной. Это мне можно хоть по трущобам, переполненным пьяницами, ходить. Никто меня и не заметит. В Англии не особо любят темнокожих женщин вроде меня.

— Не надо себя унижать. Ладно, давай перейдем к делу. Ты что-нибудь выяснила?

— Да. Я позвонила одному своему знакомому. Он узнал немного информации про твоего белобрысого паренька. Где-то пятнадцать дней его держали в районной тюрьме, но потом какой-то врач, — имени его мне выяснить не удалось, — заявляет, что психическое состояние Ричи оставляет желать лучшего, и мальчишку признают невменяемым. И, как мне сказал Итан, черт бы побрал этого старого пьяницу, Ричи перевели в психиатрическую клинику, которая находится где-то в Лондоне. Завтра он обещал позвонить и сказать, в какую именно, но ему нужно заглянуть в кое-какие архивы. Но сейчас позднее время, я уже не стала мучить мужика. Думаю, он сдержит слово, тем более я ему обещала бутылку хорошего виски. Он за выпивку готов и английскую королеву свергнуть.

— Ловлю тебя на слове. Спасибо, Сьюзен. Для меня это очень важно.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Пока мне не совсем понятно, как какой-то мальчишка поможет тебе найти твоего Эрвана.

— Я пока и сама не знаю. Но что-то мне подсказывает, что я двигаюсь в правильном направлении.

Татьяна уснула на груди Петра, чувствуя, как жар его тела передается на ее остывший после зимнего холода организм. Она старалась прижаться как можно сильнее к мужу, чтобы этот момент не показался ей обыкновенной иллюзией, ведь многие события, случившиеся с ней за последние несколько месяцев, были лишь миражом, с первого же взгляда влюбившим в себя, а затем больно ранившим перед исчезновением в густом мертвом тумане. Она мечтала забыть прошлое, почувствовать хотя бы на пару мгновений то истинное счастье, к которому она стремилась долгие годы. И этим счастьем было чувство защищенности, присутствие тепла мужского тела в холодную зимнюю ночь, горячее дыхание любимого человека, его ласковые слова, наполненные желанием и страстью. Петр, не переставая, водил своей рукой, покрытой вздувшимися венами, по ее рыжим волосам, получая наслаждение от их шелковистости и густоты, в которой можно было спрятать длинные пальцы до самого основания. Девушка тихо сопела, чувствуя, как ее легкие наполняются запахом свежей краски, оставленным после недавнего ремонта, сделанного, чтобы скрыть уродливые следы странного вещества на стенах их спальни, и легким ароматом чистой кожи ее мужа. Впервые она не чувствовала холода, когда на ней не было ни единой одежды. Петр заботливо накрыл ее кусочком пледа, но та быстро откинула этот предмет, так как жара обнаженного мужского тела ей было вполне достаточно.

— Я скучал по твоему телу, каждый день во сне я видел только его, и оно было каждый раз великолепным, — возбужденным голосом прошептал Петр и продемонстрировал свои глубокие ямочки на щеках.

— У тебя было столько шансов мне изменить. Я даже фантазировала, кто может стать

твоей любовницей и заменить мое великолепное, как ты говоришь, тело.

— В моей жизни до того момента, как я встретил тебя, было много женщин. Но ни одна не могла сравниться с тобой. Поэтому я и отказался от повышения, лишь бы быть рядом со своей женой.

— Зачем ты отказался? Ты ведь так долго стремился к этому, — с удивлением взглянула на него та, но в ее взгляде прослеживалось удовлетворение его словами и легкое спокойствие.

— Одна лишь мысль, что моя жена находится в другой стране без моей поддержки и в одиночку гоняет негодяев, рискуя жизнью, была невыносимой... Может, ты оставишь эту работу? Зачем тебе все это?

— Я много думала об этом. Но за восемь лет я так привыкла ко всему этому, что не могу представить свою жизнь без расследований. Понимаю, что это опасно, что в любой момент какой-нибудь урод пустит в меня пулю, но я не могу уйти. Во мне нуждаются. Кто-то погибнет, если я ему не помогу. Это сложно объяснить, но быть детективом сравнимо с работой в госпитале: людей должен защищать закон, излечивать от риска, что кто-нибудь оборвет их счастливую жизнь и лишит права на пребывание в этом мире. Война закончилась, но человеческий род не перестал убивать и разрушать чужие судьбы. Это так меня беспокоит.

— Береги себя. Не рискуй лишний раз. Ты нужна мне живой и только живой. Без тебя я буду не я.

Девушка проснулась посреди ночи. Сквозь сон взглянув на часы, она увидела, что стрелки заботливо показывают ей, что еще только три часа ночи. Еще не время для прерывания сна. Но пребыванию в царстве Морфея помешало странное холодное дуновение, царапавшее тело. Окно в гостиной было настежь распахнуто и впустило внутрь зимнюю пургу, моментально лишившую Татьяну приобретенного рядом с Петром тепла. Девушка села на край дивана и только в этот момент поняла, что рядом с ней никого нет, комната была совершенно пуста, как и вся квартира, судя по мертвым звукам, созданным ветром. Воздушные потоки были настолько сильны, что на кухне начала невольно звенеть посуда, норовя выпрыгнуть со своих полок и со звоном разбиться о кафельный пол, наполняя все вокруг режущими слух звуками. Над Татьяной угрожающе закачалась люстра, она сверкала в свете уличных фонарей, рисовала на стенах блики странной формы, напоминавшие людей, что бесшумно крались по квартире.

— Петр. Ты где? Помоги мне закрыть окно, — Татьяна укуталась в теплый плед и закричала в пустоту темной квартиры, надеясь услышать голос мужа из другой комнаты, но ответа не последовало, повсюду был только дикий вой ветра, ничего более.

Встав с дивана и прикоснувшись голыми ступнями к холодному полу, успевшему покрыться снежной крошкой, она медленно побрела к окну, в надежде, что ей удастся закрыть его как можно скорее и оборвать проникновение зимнего морозного воздуха в квартиру.

Но дойти до окна ей так и не удалось. Девушка внезапно почувствовала, как ее легкие обдало болезненным жаром, нечто жидкое и вязкое заполнило дыхательные пути и начало с тяжелым кашлем выходить наружу. Девушка прикрыла рот рукой и попыталась освободить свое дыхание, с надрывом перхая, прилагая большие усилия, чтобы оставаться на ногах. Убрав ладонь с губ, она заметила, что ее руку покрывали следы свежей крови, вырвавшейся

из глубин легких.

— Нет... Нет... — в панике прошептала она, чувствуя, как струйка крови медленно стекает с ее багровых губ, спускаясь все ниже к подбородку. — Нет!

Татьяна замерла на месте и стала, тяжело дыша, вглядываться в темноту своей квартиры, чувствуя, как острые, как осколки стекла, снежинки царапают ее спину, прикрытую уже практически не согревающим тело пледом. Через пару мгновений она заметила около входа в спальню слабое движение. Затем из мрака медленно выплыл чей-то мужской силуэт, облаченный в военную форму времен Первой Мировой войны, которая была изрядно порвана и покрыта ошметками человеческого тела и кровью, которой на ткани было настолько много, что она капала на пол.

— Эрван... — девушка сразу же узнала его, едва тусклый свет ночных фонарей, доносящихся из распахнутого окна, осветил его уставшее лицо.

Он стоял у входа в гостиную и испепелял Татьяну мертвым взглядом, лишенным каких-либо эмоций. С него продолжала стекать кровь, и ей уже удалось образовать вокруг ног Эрвана самую настоящую лужу, которая стала растекаться по полу, занимать с каждой секундой все большую площадь.

— Нет, это всего лишь иллюзия. Тебя здесь нет, — сквозь слезы начала шептать девушка, медленно отступая назад, даже не чувствуя, как ее тело полностью онемело от продолжавшего проникать сюда зимнего холода. — Пожалуйста, оставь меня. Прощу тебя.

— Ты же так хотела найти меня, — едва слышно прошептал он и сделал шаг в сторону девушки, простирая к ней свои белые, как снег, руки с выпирающими наружу синими венами. — Почему ты боишься?

— Я просто устала. Устала от всего этого ужаса. Тебя больше нет. Ты мертв. Я просто начала медленно сходить с ума.

— Ты не сошла с ума. Я здесь, перед тобой.

— Тебя больше нет. Ты всего лишь иллюзия. Это обыкновенный сон. Я здесь одна.

Эрван неожиданно замер на месте и достал из-за пазухи что-то блестящее. Татьяна поняла, слегка приглядевшись уставшими сонливыми глазами, что это боевой нож, даже с расстояния была возможность ощутить, насколько он острый и способен с первого удара проникнуть в плоть. Подобное оружие остановится только тогда, когда рукоятка упрется и не даст лезвию войти в тело еще глубже. Юноша вновь взглянул на Татьяну своим безжизненным взглядом и поднял перед собой нож, готовясь в любой момент совершить удар.

— Ты убила меня. Ты сделала это.

После этих ядовитых слов юноша совершил первый удар. Татьяна вскрикнула и поняла, что лезвие ножа пронзило его грудь. Но после первого удара он совершил еще один, и так продолжалось еще несколько раз, пока кровь, вырывавшаяся из пробитой груди, не забрызгала его лицо и все, что находилось рядом с ним.

— Нет!!! Остановись!!! — девушка со всех ног бросилась к юноше и вцепилась железной хваткой в его руку, которая судорожно сжимала пропитанный кровью нож. Татьяна сделала попытку выбить у него оружие, но тот из последних сил пытался сделать еще один удар по своему телу, но Хапперт оказалась сильнее, и через минуту острый предмет оказался в ее руке. Юноша какое-то время с широко открытыми глазами смотрел на свои окровавленные руки, но после его ноги пошатнулись, и он обессиленно рухнул на пол. К счастью, Татьяна вовремя спохватилась и не дала юноше возможности разбить свой череп

об угол комода, стоявшего рядом с ним.

— Господи! Господи... — девушка судорожно сжимала его многочисленные раны, но кровь неумолимо выливалась из мужского тела наружу, покрывая все вокруг алым цветом. — Эрван... Нет... Нет...

— Ты... убила меня... Это ты... Это сделала ты...

— Нет... Замолчи. Ничего не говори.

— Ты убила нашего ребенка. Ты сделала это ради денег. Как же я тебя ненавижу. Ты продала себя, как последняя шлюха. Я никого не любил так, как любил тебя. Но ты выбросила мое чувство, чтобы спасти себя и только себя.

— Я люблю тебя. Я очень тебя люблю, — сквозь слезы прошептала она и как можно крепче прижала окровавленное тело парня к себе, чувствуя, как тепло покидает юношу и вряд ли сможет вновь вернуться к нему. — Почему это случилось именно со мной? Почему именно меня поставили перед таким выбором? Я не хотела этого. Я пыталась все исправить. Я пыталась искупить свою вину перед тобой. Но не смогла.

Девушка прервалась, так как снова почувствовала, как нечто вязкое вырывается из ее легких наружу. Сжавшись от кашля, она выпустила из своих рук бездыханное тело юноши, но тут же прервалась, так как услышала, как кто-то закрыл распахнутое настежь окно и включил торшер, ослепивший девушку своим ярким теплым светом.

— Боже! Татьяна! Что произошло? — голос Петра быстро привел ее в чувства и помог избавиться от того панического состояния, которое парализовало тело еще пару минут назад. — Сейчас... сейчас. Я вызову скорую и полицию. Подожди минуту, моя хорошая. Подожди немного, — Петр заботливо погладил жену по голове, и Татьяна сквозь полубморочное состояние заметила, что едва муж коснулся ее тела, как его рука покрылась кровью.

Девушка посмотрела назад, где только что лежало бездыханное тело Эрвана, и замерла, как статуя, видя, какая картина открылась ее взору.

У входа в спальню лежало мохнатое тело крупной дворовой собаки, донельзя изрезанное ножом, рукоятка которого до сих пор торчала из толстого меха, пропитанного свежей дурно пахнувшей кровью. Но зверь смотрел прямо на нее, и его взгляд казался таким живым и таким преданным, что создавалось ощущение, что глаза несчастного животного не встретили смерть и пытались передать Татьяне загадочное послание.

— Спасибо, что приехал так быстро, Себ, — Петр пожал Себастьяну руку, едва тот перешагнул через порог квартиры, в которой уже все пропиталось ароматом крови и недавней смертью невинного существа. — Я просто не знаю, что думать обо всем этом.

— Я сам был в шоковом состоянии, когда ты мне позвонил. Рад, что ты обратился именно ко мне. Местная полиция вряд ли бы что-то из всего этого сделала.

Полицейские и эксперты тем временем заполонили гостиную и стали со всех сторон заниматься изучением изуродованного тела собаки, от которого доносился смрад, вызывавший самое настоящее головокружение. Себастьян успел про себя заметить, что обычно свежие трупы так не пахнут, такую вонь могут разносить только уже начавшие разлагаться тела, пролежавшие долгое время на солнцепеке. Но прошло слишком мало времени, чтобы запустился процесс гниения. Детектив с неуверенностью прошел в гостиную и тут же невольно поморщил нос, понимая, что долго находиться в этом помещении без поступления чистого воздуха будет невозможно.

— Откройте, пожалуйста, окна. Петр, надеюсь, ты не против? — Себастьян отдал поручение молодому пареньку в полицейской форме и посмотрел на хозяина квартиры.

Муж Татьяны как-то испуганно кивнул, словно его испугала просьба Себастьяна, и, с ужасом поглядывая на труп собаки, прислонился к стене, стараясь смотреть куда-нибудь в сторону.

— Случай чем-то напоминает тот, что мы наблюдали более месяца назад, — Ларри сделал какую-то заметку в своем блокноте и, оторвав свой взгляд от жертвы убийства, посмотрел на Себастьяна, ожидая увидеть на его лице хотя бы какие-нибудь эмоции, но тот будто не знал, о чем думать.

— Какая связь может быть с тем убитым азиатом и этой зарезанной собакой?

— А почему убийца подложил тело именно в квартиру человека, который занимался расследованием в психиатрической клинике? Это странно, ты не находишь?

— Собаку зарезали, причем было совершенно порядка десять ударов в область груди. Смотри, — Себастьян встал на корточки рядом с жертвой и стал водить указательным пальцем по следам от ножевых ранений. — Так же пес лежит на спине. Обычно собаки умирают на животе, а тут он лежит в такой позе, будто животное до этого стояло на ногах и просто замертво упало на спину, как человек.

— И обрати внимание на глаза. Тебе не кажется, что у собаки очень странный взгляд, — Ларри с любопытством заглянул в замершее глазное яблоко мертвого животного и даже осмелился слегка коснуться его, будто желая удостовериться, что пес и правда мертв. — Он будто живой. Я когда увидел эти глаза, даже подумал, что пес еще жив. Но после таких ранений вряд ли кто-то спасется.

— Да, действительно странно. Кстати, Петр, где Татьяна? — Себастьян посмотрел через плечо на мужа своей напарницы, встретившись с его взглядом полным ужаса.

— Сидит на чердаке. У нас в шкафу есть скрытая дверь, ведущая вверх. Там стоит пианино. Она не стала вас дожидаться и, ничего не сказав, пошла туда и сидит, не двигаясь. Я не стал ее трогать. Татьяна в шоковом состоянии. Пусть успокоится.

— Пойду, проведу ее, — Себастьян кивнул Ларри и направился в сторону спальни.

Увидев распахнутую дверцу платяного шкафа, откуда доносился легкий прохладный ветерок, Петр подошел к нему и увидел доносящийся из глубин тяжелого предмета мебели свет керосиновой лампы. Мужчина освободил путь, слегка сдвинув в сторону висевшие на вешалке костюмы Петра, и вошел в узкий проход, лицезря перед собой небольшую деревянную лестницу, ведущую вверх. Поднявшись, Петр оказался в просторном помещении со слегка косым потолком, из-за чего ему пришлось слегка нагнуться, чтобы не задеть головой балки. Около маленького окошка, неплотно прикрытого ставнями, стояло большое пианино. Татьяна сидела на стульчике рядом с музыкальным инструментом и молча смотрела на клавиши, будто пыталась заставить себя сыграть что-нибудь, но ее пальцы судорожно сжимали колени и не желали двигаться с места.

— Я никогда не играла на нем, но этот музыкальный инструмент напоминал мне о человеке, которого я когда-то очень сильно любила. Эрван часто играл мне и делал это потрясающе. Удивительно, что его талант так никто и не заметил. Он пытался научить меня, но у меня не выходило сыграть даже первые ноты. Слишком непослушные пальцы достались мне от Бога.

— Странно, что ты заговорила о Боге.

— Моя мать была очень религиозной женщиной. Но она так и не окрестила меня. По

странной причине. Видимо, хотела, чтобы я сама сделала выбор, во что мне верить. В детстве я была по-настоящему верующей. Хотя на шее не висел крест. Господь был для меня едва ли не вторым отцом, я ощущала его присутствие каждый раз, когда молилась. И когда он был рядом, я чувствовала себя защищенной. Но в один прекрасный момент на моих глазах автобус, наполненный женщинами и детьми, сорвался с моста в воду. Все погибли. Их небрежно бросали на мостовую, когда вытаскивали из воды. А я стояла и смотрела, пока не достали последнего ребенка. Это была девочка. В красивом белом кружевном платье и с длинными вьющимися косичками. Она была похожа на спящую куклу — настолько красивой была ее внешность. И я возненавидела Бога за то, что он посмел отнять жизнь у невинных детей. И Господь умер для меня на многие годы, я перестала верить в его защиту, в неизмеримую силу. Он казался мне эгоистичным, кровожадным. И постепенно слово Бог начало ассоциироваться у меня с чем-то лживым и неправильным.

— Расскажи мне, что случилось этой ночью? Ты видела того, кто принес тело этой собаки к тебе в дом?

— Я не знаю, что видела, а что нет. Кажется, что наблюдаешь что-то на самом деле, ты даже ощущаешь это, как наяву, но потом осознаешь, что перед тобой обыкновенная иллюзия, мираж, не имеющий ничего общего с реальным миром. Такое странное ощущение.

— Ты изменилась за этот месяц.

— Возможно, — с улыбкой посмотрела на него та. — Я стала смотреть на вещи по-другому. Рядом со мной любимый муж, и я перестала находиться в собственном доме одна. Должно было наступить счастье. И когда я его обрела, мои стены вновь покрылись кровью. А ведь мы совсем недавно покрасили их, краска даже не успела до конца высохнуть. И снова каждая комната пронизана ароматом смерти. Что я сделала? Почему этот человек так поступает со мной? Что ему от меня нужно?

— Мы обязательно выясним это. Сейчас тебе лучше отдохнуть. Ты перенесла серьезное потрясение. Необходимо прийти в себя. Я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы ты была в безопасности.

— Ты снова говоришь это, но ничего не меняется. Я устала терпеливо ждать и надеяться, что моя жизнь волшебным образом наладится. Я за свои тридцать три года совершила немало ужасных поступков, о чем буду жалеть всю жизнь. И за все придется ответить сполна.

Медсестра направлялась в палату, где лежал Джордж, неся ему поднос со слегка остывшей едой. Она не торопилась, так как знала, что пациент практически ничего не ест и вряд ли сделает это сейчас. Обычно тот съедал что-то небольшое из принесенного завтрака, потом молодой человек только спал, ни на что не реагируя. Раз в пять дней врач делал ему все необходимые процедуры, но Джордж не видел лица этого человека. Он запомнил только эту молоденькую девушку со светлыми волосами, в руках которой был тяжелый поднос с едой.

Палата Джорджа Майлза находилась в самом конце. Она помнила, в каком состоянии этого человека доставили сюда еще полтора месяца назад. Многие окрестили его мертвым, считали, что такие ожоги быстро убьют молодого мужчину, но тот, всем на удивление, пришел в себя и даже смог разговаривать.

Сейчас был вечер. В коридорах пусто: весь персонал покинул свой пост раньше времени, так как не видел смысла здесь долго засиживаться. Это сказывалось на здоровье

пациентов, так как многим из них требовалась круглосуточная помощь, но так как многие, кто лежал здесь, были забыты обществом, то и врачи не особо трепетно относились к их состоянию. Лишь эта медсестра переживала за каждого прибывшего в ожоговый центр и часто разговаривала с ними, даже если те не слышали ни единого ее слова. Возможно, благодаря ей многие из лежавших здесь остались живы и вовремя получили необходимую помощь, так как бывало часто, что состояние кого-либо резко ухудшалось. И только эта невидимая для персонала медсестра вовремя сообщала дежурному врачу о случившемся, предотвращая печальные последствия. Ее называли ангелом, посланником Бога, но сама она себя таковой не считала. Девушка старалась быть для всех обычной и открытой, что доставляло ей незабываемое удовольствие.

В здании были частые проблемы с чистотой. Раньше здесь работала уборщица, но потом ее убила обыкновенная простуда. Старушка умерла в кладовке, пытаясь достать моющее средство. Вскоре выяснилось, что у пожилой женщины были воспалены легкие, и ни один из врачей это не заметил, хотя она обращалась к ним с жалобами неоднократно. Теперь молодая медсестра взяла обязанности мытья полов и вытирания пыли на себя. Это не доставляло ей большого труда. Сначала она разносила еду, потом помогала пациентам принять необходимые лекарства, удалявшие на какое-то время их мучения, а затем проходила по двум этажам со шваброй и тряпкой, смывая грязь и пыль и облегчая всем присутствующим дыхание.

Девушку никто не знал по имени, ей обычно называли либо «ты», либо «эй, подойти сюда». Поэтому она стала медленно забывать, что ее зовут Люси. Она жила в больнице, так как здесь находились люди, ставшие для нее самой настоящей семьей. Родители Люси были убиты на войне. Они работали в госпитале, излечивали раненых. Но в один прекрасный момент в здание госпиталя попал разорвавшийся снаряд, убивший всех в одночасье. Ни один человек, находившийся в здании в тот момент, не смог спастись. Госпиталь был деревянным, поэтому из лап огня вряд ли кто-то сумел бы выбраться, даже если бы на это было время.

Люси подошла к двери, ведущей в палату Джорджа, и осторожно толкнула дверь ногой, так как руки были заняты тяжелым подносом.

— Джордж, а вот и я. Надеюсь, хотя бы сегодня ты хорошо поешь. Тебе нужно поправляться. А то ты так сильно исхудал.

Девушка вошла в палату и не сразу заметила, что поднос с едой выпал из ее рук, с громким звоном приземлившись на пол. Люси замерла на месте, не смея производить даже малейшее движение, страх полностью парализовал ее тело и не желал отпускать девушку ни на секунду.

По всей комнате были разбросаны окровавленные бинты, которые еще недавно покрывали каждый сантиметр тела пациента. Джордж лежал на мокрой от крови и воды простыне полностью обнаженный и без эмоций смотрел на потолок, будто разглядывал там нечто интересное и прикоывавшее взгляд. На теле молодого человека больше не было ни единого ожога, кожа Джорджа блестела от чистоты и свежести, будто кто-то совсем недавно тщательно вымыл ее с мылом. На месте полностью облысевшего черепа теперь красовалась густая шевелюра, мокрая от воды. Когда Джордж заметил присутствие медсестры, то медленно повернул голову в ее сторону и с удивлением вздернул бровь, будто не понимал, зачем девушка сюда зашла.

— Я... я должна сообщить об этом, — дрожащим голосом произнесла медсестра,

медленно отходя назад, боясь оторвать от Джорджа свой взгляд. Она успела заметить, насколько великолепным его тело стало, и эта красота начинала пугать, так как создавалось ощущение, что Джорджа заново создал искусный скульптор, вдохнувший в умирающую плоть новую жизнь. — Это... просто невозможно. Такого не может быть.

— Почему ты напугана? — с удивлением спросил Джордж, медленно и осторожно садясь на край мокрой от воды кровати, будто делал это в первый раз в своей жизни. — Что это за место?

— Ты в ожоговом отделении. Тебя доставили сюда с серьезными повреждениями кожи, — Люси не знала, почему до сих пор стоит на месте и отвечает на вопросы внезапно сбросившего старую кожу молодого человека.

— Правда? Странно. Я ничего не помню. Помню только, как пришел в свою комнату, где меня ждал человек, желавший со мной поговорить. Но что было потом...

— Я... приведу сюда врача. Хорошо? Пожалуйста, никуда не уходи, — девушка с трудом справлялась с чувством ужаса и непонимания всего происходящего.

Она, запинаясь об осколки разбившейся посуды, повернулась в сторону выхода и боязливо вышла из палаты, боясь смотреть назад и встречаться взглядом с этим молодым человеком. Тот с любопытством смотрел в ее сторону и как-то по-мальчишески улыбался, будто вокруг него происходило нечто забавное.

Глава десятая. Ложный звонок

Морозный декабрьский воздух приятно обжигал ее бледное, лишенное эмоций лицо, острыми мурашками пробежал по всему телу, проникая даже в самые утепленные участки. Но Татьяна не обращала на холод ни йоты внимания. Она неподвижно стояла посреди двора неподалеку от своего дома и заворожено смотрела на небо, полностью уйдя от реального мира и погрузившись в глубины сознания, затемненного произошедшими в эту ночь событиями.

Легкий ветер смахивал с ветвей редких деревьев белоснежные шапки снега и, словно сахарной пудрой, посыпал сверху девушку, покрывал ее легкое осеннее пальто блестящей в свете фонарей крошкой. Улицы были полностью безлюдны, даже свет в квартирах абсолютно везде погашен, словно жители города покинули это место навсегда, боясь, что и в их дома проникнет запах крови. Лишь уличные фонари продолжали преданно разгонять ночную мглу и дарили девушке свое теплое свечение, словно желали стать для нее солнцем и согреть ее онемевшее от холода тело. Она была одета слишком плохо для такой погоды, но для нее это было совершенно не важно. Ей вполне хватило ночной рубашки, в спешке застегнутого пальто и сапог на толстом невысоком каблуке, чтобы стоять посреди усыпанной свежим снегом улицы и смотреть на чистое звездное небо, что было большой редкостью в ее жизни. Татьяна так долго не видела звезд, что глядела на них, как на незнакомцев из другого измерения. Она была так увлечена любованием ночного небосвода, что не заметила, как рядом с ней возникла женская фигура и остановилась рядом.

— Себастьян мне все рассказал. Они уехали в полицейский участок, чтобы как можно быстрее предоставить все сведения об этом происшествии. Ребята сделают все возможное, чтобы выяснить, какая тварь совершила подобное, — охрипшим голосом произнесла Сьюзен и выпустила изо рта клубы горячего воздуха, которые на минуту зависли над ней в виде маленьких облаков и вскоре растворились где-то в темноте спавшего города. — Я приехала сразу же, как узнала. Там уже все ребята из отдела стоят на ушах. Они готовы снова открыть дело. Так что, твоя теория, что Анна не виновна, может стать реальностью. Прямо подарок от убийцы.

— Как думаешь, куда попадает человек после смерти? — прошептала Татьяна, так и не оторвав свой уставший безжизненный взгляд от неба. — Мой отец считал, что мы все станем звездами после ухода из этого мира и занимаем определенное место на небосводе. Он говорил, что самые светлые люди становятся частью созвездий, а грешники настолько тусклые, что без телескопа их невозможно разглядеть. И я в это верила. Хотя мать пыталась заверить меня, что это всего лишь пьяные бредни отца. Возможно, она была права. Но его слова до сих пор звучат в моей голове. Папа свято верил, что после его смерти я без каких-либо трудностей найду его на небе, и его свет будет всегда указывать мне путь.

— И какая звезда привлекает тебя больше всего?

— Я не знаю. Не могу разглядеть в них своего отца. Его свет не дошел до моих глаз, растворился в темноте. Когда он умер, в мою жизнь проникло зло. Из-за него я потеряла любимого человека, ребенка, маму. Он отнял самое дорогое, но при этом оставался в моем сердце. Только согревает ли отец меня или одаривает мертвым холодом?

— Но ведь он любил тебя. И у тебя был шанс жить счастливо. Ты сама виновница своих несчастий. Ведь не он заставил тебя уйти от Эрвана и убить еще не родившегося ребенка.

— Ты пришла сюда, чтобы обвинять меня?

— Нет. Просто ты винишь во всем других людей, но своей вины видеть не желаешь. Это неправильно, Татьяна. Ты говоришь, что начала искать Эрвана, чтобы выяснить, что с ним случилось, так как терзала себя чувством вины за случившееся. Но я не вижу, чтобы ты ощущала себя виноватой. Ты строишь из себя жертву. И будто хочешь кому-то отомстить. Я ведь права?

— Я уже не знаю, кто я и что я такое. В моей жизни утратился смысл.

— Ты сама уничтожила свой смысл восемь лет назад. И ради чего? Ради матери, которая всю свою жизнь была при деньгах и ходила в золоте, а потом с легкостью бросила, когда получила от тебя желаемое, села на пароход и уплыла в неизвестном направлении без каких-либо объяснений? Я ведь работала с тобой очень долгое время и видела эту женщину. Ей было совершенно плевать на тебя.

— Ты не права. Она любила меня. И делала все, чтобы я была счастлива.

— И где это счастье? Где оно? Я вижу разочарованную жизнью девушку, которая в любой момент может наложить на себя руки. Тебе всего лишь тридцать три года. Куда делась Татьяна, в которую с первого взгляда влюблялись мужчины? Ты даже перестала ухаживать за собой. Так нельзя жить! Перестань жить в прошлом. Если зло вторглось в твои покои, то встретить его с поднятой головой, а не стоя на коленях перед ним.

— Ради чего?

— Ради Петра, меня, Себастьяна, Джорджа. Мы всегда находимся рядом с тобой, ты нужна нам живой и здоровой. Мне больно смотреть, как тебя нечто разрушает изнутри. Ты будто умерла, но почему-то не желаешь покидать тело. Вернись к нам. Раньше в тебе было столько уверенности в себе. А сейчас передо мной стоит забитая в угол женщина, разочарованная в жизни. Я стану помогать тебе, если ты начнешь помогать себе. У тебя появился шанс завершить расследование. Так воспользуйся этим. Сам преступник бросил тебе в руку самый настоящий козырь.

— Как мне поможет мертвая собака? Как?! — в голосе Татьяны мелькало отчаяние, но оно могло быть не замеченным, так как скрывалось под толстым слоем усталости и безразличия. — Я больше не желаю участвовать во всем этом. У меня нет на это сил. Если вчера я была готова завершить начатое, то сейчас не вижу смысла.

— Ты уходишь из детективного бюро?

— И не пытайся меня отговорить. Себастьян прекрасно справляется без меня. Моя любовь к работе осталась во временах «Призрачного фотографа», сейчас этого авантюризма во мне больше нет, он умер этой ночью. Прости, Сьюзен. Я стала для всех лишней. Мне затыкают рот, меня отстраняют от расследования. Даже если вернусь в агентство, то буду декорацией. Себастьяну нужна слава, пусть забирает ее себе.

— В тебе говорит отчаяние.

— Нет. Во мне говорит правда. Но эту правду никто не желает слышать.

— Я тебя не брошу, Татьяна. Не дам тебе гнить, сидя дома. Мы через столько с тобой прошли. Нас несколько раз едва не убили, тебя уже не должны пугать смерть и кровь.

— А они меня и не пугают.

— Я, кажется, знаю, что тебе поможет.

— И что же это?

— Есть одно эффективное и старое лекарство от грусти. Но оно работает только зимой и только при наличии снега.

— Так, не вздумай, — Татьяна подняла перед собой руки, пытаясь отговорить Сьюзен от затеи, и впервые за все это время на ее лице промелькнула улыбка.

— А я все равно сделаю. Ты же меня знаешь, — Сьюзен нагнулась и зачерпнула рукой горсть снега, превратив ее в плотный шарик, после чего со звонким смехом запустила его в Татьяну, не дав ей возможности увернуться.

— Ах ты, — получив снежком прямо в спину, Татьяна неожиданно поддалась веселью и ответила подруге таким же образом, запустив в нее крупный снежок и попав прямо в голову.

Сьюзен ойкнула и едва не упала на ягоды, но успела удержать равновесие и слепить новый снежок, но не успела сделать бросок, так как Татьяна уже запустила в нее второй снаряд из колючего снега. Девушки начали по-детски смеяться и бегать по двору, кидаясь друг в друга слепленными второпях снежками, изредка промахиваясь. Они напоминали маленьких девочек, которые не знают ничего о горестях мира и просто плывут по волнам мирной жизни, заливают всю округу радостными и полными жизни эмоциями.

Сьюзен быстро поняла, что ее затея получила большой успех, и Татьяна наконец-то предстала перед ней в том образе, в котором она так хотела ее вновь увидеть. Рыжеволосая женщина снова смеялась, в ее глазах после долгой спячки проснулся самый настоящий огонь. Она на мгновение забыла обо всем плохом и стала обыкновенным и открытым человеком, какой Сьюзен ее полюбила во время их совместной работы. Но то, что происходило с Татьяной сейчас, пугало темнокожую женщину не на шутку. Будто некая невидимая сила высасывала из Татьяны жизненную энергию и превращала в полуживое существо, отдаленно напоминавшее человека. Кожа рыжеволосой девушки в последнее время приобрела бледно-зеленый оттенок, словно та чем-то болела, но пыталась играть роль здорового человека. Но сейчас, во время игры в снежки на лице Татьяны промелькнул легкий румянец, который на белоснежной коже был довольно сильно заметен даже в темное время суток.

— Все, хватит. Ты сейчас меня закопаешь в снегу, — Сьюзен упала в сугроб и закрыла лицо руками, чтобы Татьяна, не дай Бог, не запустила в нее еще один снежок.

Татьяна засмеялась и упала в снег рядом с подругой, облегченно выпустив изо рта густой пар, который в виде облака улетел куда-то ввысь. Женщины еще какое-то время лежали в мягком сугробе и смотрели на бесконечные бусины звезд, которые, на удивление, были такими крупными и яркими, словно женщины смотрят на небо где-нибудь за городом.

— Я впервые вспомнила детство. Такое удивительное чувство, — произнесла Татьяна, пытаясь восстановить сбившееся дыхание. — Я даже согрелась. Снег будто стал горячим подо мной. Все-таки твоё лекарство и правда эффективное.

— Я же говорила. Иногда побыть в шкуре ребенка полезно. Мы во взрослой жизни уходим в проблемы с головой, но забываем, что радостные моменты валяются у нас прямо под носом. После тридцати лет слепнем и видим только серые тона.

— Да, ты права. Я и правда ослепла. Перестала видеть красоту мира. Я видела столько смерти за свою небольшую жизнь, что стала считать, что все хорошее в этом мире — обыкновенная иллюзия.

— Все мы — обыкновенная иллюзия. И все, что происходит вокруг нас — иллюзия. Мы живем в таком мире, где есть возможность делать выбор. А мы этим пользуемся неумело, как трехлетние дети. В прошлом за людей думал правитель, а сейчас, когда мы можем думать сами, никто не хочет мыслить правильно и свободно. До сих пор ждем, что должен появиться какой-то смысл жизни, заранее прописанный путь судьбы. А зачем жить, если все,

как мы считаем, прописано за нас? Ведь выбирать, куда идти и что делать, это такой дар. Даже золото по сравнению со свободой выбора и мысли — бесполезная субстанция. Поэтому тебе сейчас нужно сделать выбор. Если Эрван действительно жив, то ты можешь его спасти. И только ты. Потому что веришь в это. Вера делает нас сильнее. Тобой движет любовь, поэтому не пытайся убить это великолепное чувство в себе. Не смей. Никогда. Не поддавайся страху и отчаянию. Выбрось эти понятия из головы. Ты сильная. И обязана оставаться такой до самого конца. Что бы ни случилось, не сдавайся.

— Сьюзен, ты самая лучшая, — на Татьяну вновь нахлынули слезы, но на этот раз они были легкими и полны приятных эмоций.

Девушки крепко обнялись, лежа на снегу, и не заметили, как вдвоем заплакали, даже не зная, по какой причине.

— Почему ты не появилась раньше?

— Это моя самая большая ошибка, — Сьюзен улыбнулась и вытерла с красной от холода щеки Татьяны застывшую слезу. — Но теперь мы будем снова вместе. Поэтому не смей уходить из агентства. Без тебя мне там делать нечего. Все детективы, с которыми я сотрудничала, были самыми настоящими напыщенными индюками, которые строят из себя непонятно что. А ты такая простая, такая живая и доступная, что работать с тобой одно удовольствие.

— Теперь мы опять втроем. Ты, я и Себастьян. Золотая троица.

— Ну, Себастьян плохо вписывался в нашу команду из-за своей эгоистичности. Но он умеет добывать информацию из пустого стакана, ты стоишь безумные теории, я же хорошо стреляю и никогда не промахиваюсь, хотя сейчас после нашей игры в снежки усомнилась в своих способностях.

— Что будем делать?

— Утром тот несчастный алкоголик достанет мне информацию, где искать твоего молоденького блондина. И мы тут же отправимся за ним. Но будет трудно вытащить его оттуда.

— Да... У нас нет никакого разрешения. Если босс закрыл расследование, то мы не имеем права что-либо делать. Иногда я жалею, что у нас не частное агентство.

— Да, подчиняться в таких делах кому-то сверху — самое ужасное, что можно только придумать. Зато тебе достают интересные дела. Хотя ты чаще создавала эти дела сама.

— Создавала. Но последнее расследование вывело меня из себя. Нет никаких зацепок. Еще и за решетку посадили невиновного человека. Я могла это предотвратить, но Анна не дала мне это сделать, хотя я чувствовала, что она на моей стороне. Если бы ты ее увидела, то сразу бы поняла это. В этой женщине нет ничего плохого, она лишь защищала человека, который был смыслом ее жизни. И сейчас эта теория получает сильные аргументы.

— Тебя же похитили полтора месяца назад.

— Да. И пытались утопить в озере неподалеку от психиатрической клиники, где я проводила расследование вместе с Себастьяном, который неожиданно решил мне, так скажем, помочь.

— Видимо, у него не было интересных дел, если он полез вместе с тобой в один котел.

— Я еще не до конца понимаю, почему тоже он решил взяться за это дело. Возможно, ради славы, ведь это было громкое дело во всех смыслах этого слова. Я пыталась не вмешивать туда средства массовой информации, но Себастьян дал журналистам раздуть из этих убийств настоящую сенсацию. После войны такие кровопролития должны были

воспроизвести среди гражданского населения настоящий фурор. И он случился. В зале суда был поразительный аншлаг. Кто не смог там поместиться, стояли на улице. Анну со всех сторон проклинали, требовали ее казни, даже называли убийцей детей. Видимо, желтая пресса тоже постаралась. Сам Себ был слегка шокирован, видя, какой эффект произвело это расследование. Возможно, весь этот кипишь добрался даже до большой земли. И понятно, почему меня отстранили от расследования, когда узнали, что я пытаюсь найти улики, опровергающие виновность Анны. Но сейчас у меня появился настоящий страх. Тот, кто совершил те убийства, интересуется мной. И я просто по-настоящему опасаясь за свою жизнь. Если бы я отказалась от расследования, он, скорее всего, оставил бы меня в покое.

— А если не оставит? Вдруг его цель — это ты.

— Вряд ли я его интересую. Он лишь хочет, чтобы я не пыталась копать глубже. Убийца испугался меня. А Анна сделала все, чтобы я не добралась до этого кровожадного монстра. Только зачем?

— И ты хочешь еще ее оправдать. Она ведь тоже совершает преступление. Эта старушка — сообщница убийцы, если твоя теория верна. Анна скрывает улики от следствия и выводит нас на ложный след. Тогда зачем ты ее защищаешь?

— Я просто увидела в ней саму себя. Мне показалось, что наши цели похожи. Мы оба пытаемся узнать правду. И, возможно, одну и ту же.

— Я не понимаю. Если она ищет правду, тогда зачем ей прикрывать убийцу и отбывать пожизненный срок вместо него? Счастье, что ее вообще не казнили.

— Что если убийца действует не по своей воле? Что если его сознанием кто-то управляет?

— Давай встанем со снега, а то я уже задницу не чувствую. Ты не замерзла? — Сьюзен, кряхтя, поднялась с сугроба и помогла подруге подняться на ноги.

— Нет, не замерзла. Мне полезно побыть на воздухе подольше, а то я в душном офисе сойду с ума. Давай пройдемся. Думаю, Петр не будет против. Он в таком шоке от сегодняшнего вечера. Пусть придет в себя.

— Ты сказала что-то про сознание. Расскажи поподробнее.

— В здании психиатрической клиники я видела свечи. Воск был со смесью каких-то трав. Но после того как Доктора Ломана не стало, все эти свечи странным образом исчезли. Они издавали странный мятный запах, который вызывал сонливость.

— То есть эти свечи могли вызывать галлюцинации?

— Возможно. После того, как меня выловили из озера, было обнаружено новое тело. И рядом с ним все пропахло этими свечами, запах довольно едкий, его невозможно ни с чем спутать. Но никаких следов воска я не нашла. И сегодня вновь ощутила этот запах. Но он был слабее, я даже сначала не узнавала его среди зловония крови. Но когда пришел Себастьян с экспертами и полицейскими, я поняла, что этот запах присутствует.

— У тебя были галлюцинации?

— Да. Я слышала голоса и видела его... Все было как наяву, но в глубине души знала, что все это просто плод моего воображения. Кто-то хотел, чтобы я это увидела.

— Кого ты увидела? — затаив дыхание, прошептала Сьюзен.

Они вышли на набережную, и их тут же обдало ледяным воздухом, который растрепал их мокрые от снега волосы. Девушки сильнее закутались в свои одежды, спрятав в длинном вороте подбородки, и продолжили свой путь.

— Это был Эрван. Он говорил несвязные странные вещи, потом вонзил в грудь нож.

— Какой кошмар.

— Да. Но я просто старалась в это не верить. Такие видения случаются со мной уже не впервые. Я успела к ним привыкнуть.

— То есть человек, которого покрывает Анна, использует галлюциногены, чтобы заманить жертву в ловушку?

— Возможно. Лично я считаю, что это правда. Это единственное логичное объяснение. Наше сознание чересчур уязвимо, и если уметь, то можно заставить его воспроизводить необходимые образы, звуки, запахи, чувства. Но почему он не убил меня? При чем здесь убийство собаки? Такое ощущение, что во всем этом кроется шифр, тайное послание. Многие серийные убийцы с помощью своих жертв пытались что-то сказать.

— У тебя есть предположения?

— Смутные. Очень смутные. Доктор Ломан пытался поделиться со мной информацией. Однажды в полицейском участке у меня было видение, в нем я видела Ломана, он держал в руке папку с отчетами и говорил, что в ней находятся ответы на все мои вопросы. Но его там не было на самом деле. Папка была на месте, хотя в видении он забрал ее с собой. Я до сих пор не могу понять, зачем кто-то показал мне эти образы. Вряд ли они были созданы по моей воле.

— Ты считаешь, что это был своего рода гипноз, но без внешнего вмешательства.

— Я не знаю. Но это бы объяснило многие вещи, которые я видела.

— Кажется, я начинаю подозревать, что следы побоев были вызваны не падением с лестницы.

— Я и сама не знаю, что со мной произошло. Мои воспоминания будто кто-то тщательно спутал, да так, что даже за век в них не удастся что-то найти.

— Теперь я стала понимать, почему ты так боялась возвращаться к этому расследованию. Ты столкнулась не просто с убийцей, а с человеком, который воздействует на чужое сознание. Боже, Татьяна, во что ты вляпалась? Я понимаю, что сейчас век технического прогресса. Но шутки с психическим состоянием — опасны. Мой прадед страдал редкой формой психоза. Я знаю, что это такое. И, глядя на тебя, понимаю, что некто сотворил с тобой что-то непонятное.

— Да, кто-то действительно начал разрушать меня изнутри без какого-либо внешнего воздействия. Чувствую себя заводной механической игрушкой, которая работает по чужой воле. Я просто боюсь, что рано или поздно сойду с ума. Ты не представляешь, как это мерзко видеть образы, которые тебе так дороги и как они на твоих глазах разрушаются, превращаются в прах.

— Обещаю, если мы найдем этого ублюдка, который пытается своими фокусами свести людей с ума, то заставим его страдать и видеть самые мерзкие вещи, какие может только создать наше сознание. Я видела многих шарлатанов, которые на горе людей наживаются и с помощью их ослабленного сознания набивают свои карманы. И не позволю, чтобы из тебя таким же образом вытянули жизнь.

— Я рада, что ты на моей стороне. Но это тяжело. Правда, очень тяжело. Мы даже не знаем, с чем имеем дело. Я до сих пор не знаю, что видела. Все настолько запуталось...

— Будем надеяться, что Ларри с Себастьяном смогут найти что-нибудь дельное. А тебе надо немного поспать. Иначе станешь похожа на ходячего мертвеца. Утро вечера мудренее.

— Вряд ли мне удастся поспать. Уже вижу, что будут сниться сплошные кошмары. Тем более мне не хочется возвращаться в квартиру, где все пропахло кровью.

— Не оставлять же нам Петра наедине со всем этим дерьмом, верно? Погреемся хоть. А то я чувствую, что замерзаю, — Сьюзен приобняла Татьяну и повела ее в сторону дома. — Не стоит убегать от своих страхов. Пусть они боятся, зная, что мы не боимся их...

— Да, — как-то скромно ответила Татьяна и, сморщившись, посмотрела на дома, черневшие на другой стороне замершей Темзы.

— Кстати, у тебя дома есть мука, молоко и куриные яйца?

— Вроде да. А что?

— Раз уж ты не хочешь спать, — да и я вряд ли усну сегодня, — предлагаю испечь что-нибудь вкусненькое. Женщину можно поднять с постели при помощи вкусной еды, по себе знаю.

— Я помню, что ты любишь поесть. Удивляюсь, как ты еще не лишилась своей фигуры с таким аппетитом.

— Это все гены. Моя мать, как ты помнишь, была поваром. Она ела шесть раз в день. И не толстела. Все думали, что она сидит на строгих диетах. А она ела за пятерых. Мой отец был белым, может быть, поэтому женился на темнокожей женщине из-за ее неподвластной лишнему весу фигуры.

Они боялись, что сумели разбудить всех соседей в доме, так как пока женщины поднимались по лестнице, их смех разносился по всей лестничной площадке, добираясь до самого чердака. Девушки вспоминали смешные события из их жизни, и это казалось им чем-то диковинным, ведь обе практически ни разу так не откровенничали друг с другом. Татьяна жила на последнем пятом этаже. На лифте им ехать не захотелось, поэтому они поднялись вверх по лестнице, чтобы немного разогнать по ногам застывшую от холода кровь. Подъезд отапливался довольно хорошо, так что они согрелись еще до того, как оказались около заветной двери.

— Слушай, а он случайно не влюблен в тебя? Вряд ли Джордж за просто так крутился вокруг тебя столько времени и делал все, чтобы помочь, — с широкой улыбкой прошептала Сьюзен, прикрывая рот рукой, так как поняла, что ее слова невольно переходили чуть ли не на крик и уже могли разозлить спавших людей за многочисленными дверями.

— Мне немного стыдно перед Джорджем. С конца октября я ни разу его не навестила.

— Боишься видеть его в таком состоянии? Да уж, жалко парня. Такой красивый был. Я даже думала с ним переспать, когда только поступила на службу и познакомилась с ним. Боже, какой же он был милый, какой воспитанный.

— Я до сих пор твержу себе, что из-за меня Джордж вынужден безвылазно лежать в больничной койке. А ведь мы так и не узнали, кто это сделал с ним. Себастьян сказал, что Джордж ничего не помнит, что у него после случившегося сильные провалы в памяти. Но мне кажется, я уже догадываюсь, кто это...

— Думаешь, тот же урод, который подбросил тебе хомячка сегодня ночью?

— Возможно, это один и тот же человек. Но я не уверена точно. У преступника странный мотив.

— Мне кажется, ты боишься видеть Джорджа в таком состоянии, так как мысленно представляешь себя на его месте. Тебя мучает страх, что этот монстр, искалечивший твоего коллегу, доберется и до тебя и так же лишит нормальной жизни. Поэтому и пыталась уйти в подполье. Чтобы лишиться себя риска.

— Когда я увидела на себе побои, возникшие из ниоткуда, меня одолел ужас. Я по-

настоящему стала бояться за себя. Еще ни одно расследование так не притупляло мою храбрость. Возможно, я еще опасалась действовать одна, без чьей-либо поддержки. Ты исчезла, Себастьян был где-то за стеной, Джорджа вообще приковали к кровати.

— Да, быть одной действительно жутко. Особенно гоняться за убийцей в одиночку, зная, что он в любой момент может напасть со спины. И ведь никто не протянет руку помощи.

— Но сейчас все изменилось. Мне намного спокойнее. Рядом со мной близкие люди, и это безумно радует.

— Вовремя же я вернулась на работу. А ведь так хотелось погулять еще полгодика, у меня была такая возможность.

— Почему же не воспользовалась ею?

— Я не из тех, кто может долго сидеть без дела. Мои руки соскучились по пистолету, я снова хотела гонять всяких отморожков. Многие из обычных людей сочтут меня сумасшедшей, но зато я обеспечиваю им спокойный сон. А сидеть дома и целыми днями смотреть телевизор, слушая бредни брата... Можно сойти с ума.

— Твой брат так и не съехал из твоей квартиры?

— Нет. Человеку уже тридцать, а он так и не нашел работу. Получает пособие по безработице, у него же проблемы с ногой после войны. Хотя многие с таким же недугом потеют за станком на заводе. А он как был лентяем, таким и остался. Даже повоевать нормально не смог. Его списали через три месяца. Стыдно, что у меня такой братишка. А ведь странно, отец был совершенно другим, да и дед мой. В кого мой брат уродился?

Татьяна ухмыльнулась и вставила ключ в замочную скважину, после чего осторожно открыла дверь, чтобы не наделать лишнего шума.

Когда они вошли внутрь, то услышали тихий мелодичный джаз, вылетающий из радиоприемника. Женщины сняли с себя мокрое от снега пальто и прошли в гостиную. Татьяна не сразу увидела мужа, но после того, как мужчина попал в поле зрения, она ахнула. Петр сидел у входа в спальню на полу, прижавшись спиной к стене, и сжимал в руке пропитанную кровью тряпку, а рядом с ним стояло наполненное до краев ведро с красной жидкостью, которая, скорее всего, когда-то была обыкновенной водой.

— Татьяна, как же ты могла оставить Петра наедине со всем этим? — покачала головой Сьюзен и склонилась над Петром, слегка ударив его рукой по щеке, чтобы привести того в чувства. — Эй, ты в порядке?

Мужчина вздрогнул и открыл красные опухшие от долгой ночи глаза, с удивлением и легким страхом глядя на женщин.

— Сьюзен? Татьяна? Где вы были?

— Дышали свежим воздухом. Смотрю, тебе пришлось в одиночку отмывать кровь со стен. Бедный, — Сьюзен потрепала мужа Татьяны по голове и забрала из его руки окровавленную тряпку и бросила ту в грязную воду в ведре. — Татьяна, ты меня, конечно, удивила, — с недовольством посмотрела темнокожая женщина на подругу и встала с колен. — Я бы не оставила любимого человека в забрызганной кровью квартире.

— Ничего страшного. Она была не в том состоянии, чтобы тут все отмывать от собачьей крови, — улыбнулся Петр и осторожно, чтобы снова не оказаться на полу, поднялся на онемевшие ноги и осмотрел место, где он только что сидел. — Вроде все отмыл. Ничего не осталось.

— Золотой ты человек. Я уж думала, что придется наслаждаться лужицами крови в этот

дивный вечер, — Сьюзен похлопала Петра по плечу и направилась на кухню, которая, фактически, находилась в этой же комнате, так как отделялась от гостиной маленькой перегородкой из красного дерева. — Хозяйка, — обратилась она к Татьяне, которая стыдливо смотрела на наполненное размешанной с кровью водой ведро, стоявшее у входа в спальню. — Показывай, где у вас тут продукты. Кормить молодоженов надо, а то они такие бледные, что смотреть больно.

— Все в холодильнике, — ответила ей Татьяна и, слегка помедлив, взяла ведро с водой и направилась с ним в ванную, чтобы спустить все его содержимое в унитаз. — Мука на нижней полке слева.

— Все, нашла. Петр, а ты иди, поспи, мы тебя разбудим, когда все будет готово.

— Да, пожалуй, я полежу немного.

— Иди-иди, даже не вздумай ходить тут в таком состоянии. Ты еле на ногах стоишь.

Татьяна вылила содержимое ведра в унитаз, а после тщательно умыла посеревшее от бессонной ночи лицо. Запах крови, стоявший теперь повсюду, вызвал у нее легкое головокружение. К счастью, она стала чувствовать себя значительно лучше. Скорее всего, это из-за позитивного настроения, созданного Сьюзен, иначе девушка вряд ли бы смогла оправиться от потрясения. Сьюзен всегда могла излечивать от негативных эмоций каждого, кто находился рядом с ней, та не умела держать в себе плохие эмоции и не давала это делать другим, наполняя окружающих детским позитивом, которого так всем не хватало в этом разрозненном после страшной войны мире.

— Ну что, как ты себя чувствуешь? — поинтересовалась Сьюзен, едва Татьяна появилась на кухне.

— Ты разбудила во мне человека, — улыбнулась Татьяна и села за стол.

— Я на полу нашла портсигар с какой-то фотографией. Это твое?

— Да, — затаив дыхание произнесла та и быстро выхватила из рук заветные вещицы, положив их рядом с собой, как самое дорогое, что есть в ее жизни.

— Ты все еще куришь?

— Пытаюсь бросить. Я уже почти целый месяц не брала сигарету в рот. Как-то не до этого было.

— Не стоит тебе травить себя этой гадостью. Но портсигар красивый. Откуда он у тебя?

— Мне подарил его Эрван, когда мы с ним расстались. Подложил в сумочку вместе со своей фотографией. Сначала я хотела это выбросить, но потом стала с этими вещами неразлучна.

— Так вот что это за милашка на фото. Грех в такого парня не влюбиться. Он такой юный на фото.

— Да, здесь ему только восемнадцать лет, судя по написанной дате на фото. Тысяча девятьсот семнадцатый год. Это он еще на фронте, хотя и сфотографирован в гражданской одежде. Забавно.

— И как Петр относится к тому, что ты постоянно носишь с собой портсигар и фото своего бывшего парня?

— Он нейтрален. К тому же Петр забирал меня из больницы, когда я сделала аборт. Он уже тогда был в курсе моих отношений с Эрваном и делал все возможное, чтобы я обо всем этом забыла. И у меня почти получилось, пока мне не позвонил Джордж и не сказал, что Эрвана не стало.

Сьюзен принялась усердно перемешивать в кастрюле ингредиенты. И наступило некое

молчание, затянувшееся на довольно долгое время. Татьяна подперла голову рукой и стала наблюдать за процессом приготовления пищи. Возможно, они бы так и находились друг напротив друга, молча, но Сьюзен явно ненавидела тишину, потому что уже минут через десять обрушила на Татьяну очередную порцию слов и длинных вопросов.

— Давай поговорим о важной для нас теме. Расскажи мне, почему мы пытаемся разыскать Ричи? И вообще в чем его ценность?

— Мы привезли Анну на допрос в наш полицейский участок, надеясь узнать, что та видела во время убийств, ведь по ней было видно, что она знает гораздо больше, чем говорит. В итоге, она заявила, что является виновницей всех смертей. Но это все лирика... Ну так вот, после того, как Анна созналась, через какое-то время раздались выстрелы. Были слышны крики, я уже начала думать, что кого-то застрелили. Стрелявший начал говорить, что желает встретиться со мной.

— И ты вышла к нему?

— Да. Так как боялась, что если не выйду, то будут жертвы. Я знаю, что работать детективом опасно, так как могут внезапно возникнуть личности, связанные с расследованиями из прошлого, чтобы отомстить тем, кто засадил их друга за решетку. И с такими мстителями надо уметь договариваться.

— Любишь же ты рисковать, когда не надо.

— Это могло спасти невинные жизни, так как в тот момент не имелось понятия, с кем мы имеем дело. Оказалось, что стрелял молодой паренек, но все выстрелы совершены в потолок с целью привлечения внимания.

— Смысл так привлекать твое внимание? Он же мог просто найти тебя и поговорить, если это было ему так нужно.

— Я не знаю, почему он совершил этот поступок. Когда я вышла к нему, он смотрел на меня, как на золотую статую. У него глаза, как у маленького щенка, такие влюбленные и преданные. Смутится любой, если заметит его взгляд на себе.

— И что он тебе сказал?

— Мне не дали с ним поговорить. Ричи быстро схватили, когда он опустил пистолет, и увели.

— Это понятно, они опасались, что этот чокнутый мальчик может убить тебя, если приперся в участок с оружием. Его допрашивали?

— Да. Не знаю, о чем с ним говорили. Но мне сказали, что он здорово всех напугал своими ответами, и все его слова произносились с такой уверенностью, будто он их репетировал не один день.

— Или он на них смотрел своими щенячьими глазками. Я бы тоже испугалась. Обычно преступники, сидящие на допросе, боятся смотреть следователю в глаза, их уверенность, показанная на свободе, резко исчезает. Редко нарушитель закона ощущает себя уверенно, будучи пойманным. И с чего ты решила, что Ричи как-то связан с твоим расследованием?

Сьюзен отыскала в холодильнике фрукты и выложила их на доску для резки, начав кромсать сочные плоды огромным острым ножом, чтобы потом они стали начинкой для намечавшегося пирога.

— На следующий день я решила навестить Джорджа и, поговорив с ним, уснула прямо в палате. Не знаю, почему тогда позволила себе погрузиться в сон.

— Я засыпаю даже на остановке, пока дожидаясь автобуса. Так что тут нет ничего обычного. Будучи уставшим можно уснуть даже на поле битвы. Мой брат так часто

делал, может быть, поэтому он выжил, так как враг, скорее всего, посчитал его мертвым и не стал зря тратить на него патроны.

— Когда я проснулась, то словно оказалась в другом месте.

— В смысле?

— Палата выглядела так, будто там никого не было лет десять.

— Ты хочешь сказать, что это было видение? Тот самый гипноз?

— Я не знаю. Но мне казалось, что все это реальность. И она пугала. Было так темно. И в коридоре я встретила его.

— Ричи?

— Да.

— Как он мог оказаться там? Его же за стрельбу в участке должны были посадить на приличный срок.

— Знаю. Но в тот момент меня это не волновало. Было ощущение, что я знаю этого парня целую вечность. Такое странное чувство. Ведь мы с ним виделись лишь однажды и, фактически, были даже не знакомы. Но тогда мы стояли и разговаривали, как сейчас это делаем с тобой.

— И правда, очень странно. И что было дальше?

— Ничего, — спустя минуту молчания произнесла та.

— Ты что-то не договариваешь, — прищурившись, сказала Сьюзен, доставая из шкафчика противень. — Знай, мне ты можешь доверить самые сокровенные тайны. Тебе же известно, что я не из тех болтушек, что сидят у подъезда на скамейке.

— Да, знаю. Но сейчас я говорю правду. Что случилось потом... Я на самом деле не помню. Так или иначе, один лишь факт его присутствия в моих видениях говорит о том, что он связан со всем этим происшествием. Поэтому он искал меня не просто так. Он знал что-то, что не успел сказать. И не смог донести даже в моих, образно говоря, галлюцинациях.

— Ладно, поверю тебе на слово. Не буду тебя мучить расспросами. Так, — Сьюзен взглянула на часы. — Уже семь утра. Этот алкоголик должен быть на рабочем месте. Позвоню-ка ему, — Сьюзен уже успела создать заготовку пирога и запихнула его в духовку на медленный огонь. — Пока мой кулинарный шедевр запекается, я выясню, что наш информатор выяснил. Он обещал это сделать за ночь.

— Он работает в ночную смену?

— Да. Все равно ему там делать нечего. Он же работает в архивах. Этот мужик за выпивку часто мне доставал сведения о многих подозрительных личностях.

Сьюзен подошла к телефону и набрала заветный номер, прижав трубку к уху. Татьяна, затаив дыхание, стала наблюдать за подругой, но затем заметила, что выражение лица ее темнокожей подруги резко помрачнело.

— Странно. Никто не отвечает. Попробую еще раз, — Сьюзен снова набрала номер, но на другом конце провода ей так никто и не ответил. — Черт. Спит что ли? Он всегда отвечал, а тут решил игнорировать меня.

— Похоже, придется навестить твоего друга.

— Если через час не ответит, придется. Его смена заканчивается в одиннадцать, так что мы должны успеть.

— Ты что-то резко занервничала, — с беспокойством посмотрела на нее Татьяна.

— Не знаю, у меня что-то стало беспокойно на душе. Я всегда доверяю своему предчувствию, оно никогда меня не подводило.

— Да брось. Что могло случиться с твоим другом?

— Не знаю. Обычно в архивы никто не суется. Но телефон всегда при нем, а он никогда не спит на рабочем месте. Хоть этот человек и пьет, но несет службу с большой ответственностью.

— Ты сама сказала, будучи уставшим можно заснуть даже на поле боя.

— Да, сказала, — с легкой нервозностью ответила та. — Но Итан не из этого числа людей. Я знаю его слишком хорошо.

— Так-так-так, кажется, между вами что-то было. Ведь я права? — с горящими от любопытства глазами посмотрела на подругу Татьяна и с хитрой ухмылкой откинулась на спинку стула.

— Это было давно, и между нами уже ничего нет. Он слишком много пил, а я не могла это терпеть. Он был замечательным человеком, но никогда не контролировал градус алкоголя в своем организме, — с болью в голосе произнесла та и с грустью взглянула на духовку, о чем-то задумавшись. — Тяжело отказываться человека, тебе это чувство знакомо, как никому другому. Я отказалась от него, чтобы жить более спокойно. Только после этого он начал пить еще больше. Но, к счастью, мы не оборвали наше общение. Изредка я помогаю ему, а Итан помогает мне.

— Глупые вы, — Татьяна с недовольством покачала головой и посмотрела в сторону спальни, откуда доносилось мирное сопение крепко спящего мужа.

— Смотрю, у вас наладились отношения с Петром. Даже удивительно.

— Да, это и правда удивительно. Он так изменился в последнее время.

— Мужчины любят играть с нашими чувствами, чтобы проверить нас на верность. И чаще всего мы не проходим их проверку.

— Мы с ним вместе уже восемь лет, но такое чувство, что начали жить только сейчас.

— Вы хоть занимаетесь сексом? Или делаете вид, что вам это не нужно?

— Не поверишь. Но за целый месяц секс у нас был только этой ночью.

— Странные вы. Но я тебе даже завидую. Бурная у тебя была ночь: секс, кровь, игра в снежки, сейчас и пирог будет. Загляденье.

— Да, ночь и правда была бурной. До сих пор от нее отойти не могу.

Ларри поставил на лабораторный стол пробирку со странной белой жидкостью и добавил в нее каплю крови из другой емкости, получив после этих хитроумных действий бледно-розоватую смесь с рыжеватым вязким остатком на поверхности, от которой исходил смердящий запах.

— Боже, Ларри, что это за хрень? — поморщил нос Себастьян и отпрянул, чтобы быть как можно дальше от источника зловония. — Ты решил убить меня?

— Я проверяю кровь на свежесть.

— И? Что ты узнал?

— Не торопи меня, — Ларри внимательно следил за реакцией, происходившей в цветной жидкости, слегка приспустив на кончик носа свои очки.

— Уже семь утра. Мы до сих пор не получили каких-либо ответов. Директор дал нам сутки, чтобы мы связали этого дохлого пса с теми убийства, что происходили в той злополучной психушке месяц назад, иначе он не даст добро на возобновление расследования.

— Я думал, тебя хотя бы капельку интересует, что за чертовщина начала твориться в

квартире твоей напарницы. Но по твоему лицу видно, что тебе все равно.

— Мне пришлось поднять всех на уши посреди ночи. Ты бы видел лицо босса, как тот был зол. Мне с трудом удалось его уговорить, чтобы он дал добро на проведение вскрытия трупа животного, хотя мы такими делами не занимаемся.

— Кристина вот-вот закончит отчет. Она знает свое дело.

— Я не доверял бы патологоанатому все наше расследование.

— Но она нам очень помогла, когда мы привезли сюда труп того узкоглазого мужчины. Только Кристина согласилась сделать вскрытие, другие наотрез отказались, прослышав, что тело может быть заражено испанкой. Ты ведь помнишь, как этот грипп убивал в восемнадцатом году. Никто больше рисковать не хочет.

— Ну что? Ты что-нибудь видишь в своей пробирке? — с раздражением произнес Себ, сидя на кушетке в углу. — А то я сейчас усну.

— Так, кажется, что-то есть, — ахнул тот и с широко распахнутыми глазами взглянул на детектива. — Взгляни на это.

— Я с химией не в ладах, так что объясняй, что мне необходимо увидеть в этом розовом дерьме? — с неохотой слез с кушетки тот и подошел к Ларри, с непониманием глядя на пробирку в его руке.

— Видишь этот осадок? Он означает, что животное погибло очень давно.

— В смысле?

— Мы редко находим трупы в столь хорошей сохранности. Обычно они практически не разлагаются при низкой температуре, либо при нахождении на дне болота в сгустках ила. Но лично я, даже Кристина, никогда не обнаруживали давно лишенные жизни тела с наличием жидкой крови и не в замороженном состоянии. Помнишь, как сильно пахло тело, когда мы вошли в квартиру?

— Да. Обычно такую вонь я чувствую в местах, где лежит разлагающийся труп.

— Вот именно. Обычно такой осадок появляется, когда в эту жидкость добавляется кровь разлагающегося тела. Но осадок обычно едва заметен, он появляется в виде тонкой пленки. А тут осадок слишком большой.

— И что это значит?

— Не знаю, поверишь ты или нет, но, кажется, этому телу уже восемь лет.

— Так, скажи, что ты шутишь. Это невозможно. Следов разложения не было. Собаку будто недавно убили.

— Да. Но все признаки указывают противоположное. Эта кровь уже не первой свежести, далеко не первой. Она уже может считаться хорошим вином.

— И что эта за смесь, в которую ты добавляешь кровь? Никогда такую не видел.

— Секрет фирмы.

— В алхимию что ли подался? — усмехнулся тот, скрестив большие руки на груди. — Ты не перестаешь меня удивлять.

— На самом деле... Я ничего сам не создавал. Эта жидкость была взята в виде образца со стен спальни Татьяны.

— Стоп. Повтори еще раз.

— Та жидкость, которая якобы растворила, как кислота, мебель и стены в спальне Татьяны, показалась мне обычным гвоздичным маслом. Но потом я изучил ее молекулярные свойства и пришел к выводу, что эта совершенно другая жидкость, но с очень похожим составом. И имеет другие свойства.

— Почему я узнаю об этом только сейчас? И как она действует?

— Она вызывает довольно необычную реакцию. Показывает состояние и возраст объекта, если его опустить в нее. Но тут надо уметь видеть, чтобы понять, что это было за реакция.

— Я не пойму. Почему тогда она расплавилась, как огонь воск, мебель и стены?

— Вот это мне неизвестно.

— И как ты понял, что кровь с помощью этой штуки выдает дату смерти жертвы?

— Так было написано в отчетах, которые принесла Татьяна из психушки. Как я понял, их составил Доктор Ломан. Там и была описана эта жидкость, по внешним признакам напоминавшая гвоздичное масло, которое использовали, к примеру, самураи, чтобы смазывать свои клинки.

— И я узнаю об этом только сейчас? Но ведь я видел эти документы. И не видел всех этих отчетов про описание этой жидкости.

— Я тоже не видел, — удивленно произнес Ларри. — Но при повторном ознакомлении нашел эти документы. Видимо, мы их пропустили.

— Где они? Покажи мне.

— Вот, держи, — с какой-то боязливостью Ларри вытащил толстую папку с бумагами из ящика стола и вручил ее Себастьяну, открыв в нужном месте. — Тут еще описаны результаты вскрытия первых жертв. Как я понял, Доктор Ломан лично участвовал в медицинских экспертизах.

— Когда Татьяна мне сказала, что у жертв не нашли область головного мозга, отвечающую за сознание, я был удивлен. Ведь науке не известны такие подробности.

— Видимо, Доктор Ломан знал это. Ведь это именно он указал в отчетах эту дивную деталь. Теперь можно даже предположить, что его действительно могли убить, как человека с опасными знаниями. Было много ученых, которые знали о человеке что-то задолго до того, как это было официально открыто. Видимо, этот дивный доктор из этого числа. Он же бывший хирург. Поэтому я не удивлен его обширными познаниями человеческого мозга. Хотя меня поразило, что он не заявил о своих открытиях обществу. Но если он скрывал свои исследования, то почему указал такие подробности в отчетах?

— Мне кажется, он узнал о человеческом мозге так много, так как проводил эксперименты на людях. Другого варианта не вижу. Наша медицина стоит на месте, потому что запрещены опыты на человеке. Мы обязаны своим сегодняшним знаниям в области анатомии тем людям, которые плевали на закон.

— Но, похоже, Доктор Ломан все предусмотрел, если, фактически, подарил нам улики.

— Я пока не вижу эти улики. Даже если эта чудо-водичка показала, что собаку убили восемь лет назад, то как мы используем эту информацию? Думаешь, директор в это поверит? Он скорее сдаст нас в психушку, чем услышит от нас столь бредовую версию. Лучше бы это были призраки, больше правды будет. А тут какая-то непонятная научная хреновина.

— Кажется, я услышала что-то про научную хреновину? — из соседней комнаты выглянула светловолосая женщина, облаченная в медицинскую одежду, которая была покрыта свежими пятнами крови. Сняв марлевую повязку с лица, она глубоко вдохнула, словно пытаясь наполнить легкие чистым кислородом, и с улыбкой посмотрела на мужчин. — Вы что-то нашли?

— Мы хотели тебя спросить о том же, Кристина, — съязвил Себастьян и небрежно бросил папку с отчетами на письменный стол.

— Ну, я пришла, чтобы разочаровать тех, кто ожидал услышать от меня жуткие факты. Ничего интересного я не нашла. Тело, по всем признакам, свежее, нет следов вируса, как это было с предыдущими телами, которые вы мне привозили. Хотя первое тело мы так и не вскрыли, так как оно было выкрадено из морозильной камеры. Но ничего общего с тем жутковатым японцем я не нашла. Перед нами всего лишь бедный пес, которого кто-то без малейшей доли жалости зарезал кухонным ножом. Думаю, тут ловить нечего. Тем более Ларри осмотрел предмет убийства и не нашел никаких отпечатков пальцев. Видимо, живодер действовал в перчатках.

— Черт, — выругался Себастьян и устало закрыл лицо вспотевшими ладонями, пытаясь собраться с мыслями. — И что же нам делать? С тем, что мы сейчас имеем, нам не удастся возродить расследование. Нет никаких улик, указывающих на то, что этот мертвый пес связан с теми убийствами.

— Но у вас же есть весомый аргумент. Исчезнувшее тело Ломана.

— Директор считает, что нет смысла искать убитого, когда его убийца уже схвачен. Поэтому этот аргумент уже не эффективен. Я пытался его использовать, бесполезно.

— Тогда вам придется продолжать расследование без разрешения начальства.

— Кристина, что это с тобой? — с удивлением посмотрел на патологоанатома Ларри, поправив спавшие на кончик носа очки. — Ты же всегда была против того, чтобы мы не подчинялись приказам сверху.

— Я знаю. Но Себастьян же сам кричал ночью, что Татьяне угрожает смертельная опасность. А сейчас вдруг попятился назад. Ты странный человек, — Кристина посмотрела на Себастьяна с выраженным недовольством и скомкала в руке использованную марлевую повязку.

— Я не ожидал, что мы будем иметь такие противоречивые улики. Ларри мне показывает чудо-водичку, которая демонстрирует, что у этой собаки гнилая кровь, ты заявляешь, что животное просто зарезали и сделали это недавно. Думаете, директор станет давать согласие на возобновление дела, когда мы ему покажем отчет, где расскажем про дивного мертвого пса со свежей плотью, но с просроченной кровью?

— Я же сказала, что мы можем не лизать задницу боссу. Если нет другого выбора, то надо рискнуть.

— Ты ведь никогда не рисковала, — с желчью в голосе произнес Себастьян, закатывая глаза. — Тебе легко говорить об этом, ведь ты будешь находиться здесь, в теплой лаборатории.

— Так, вот как, значит, ты заговорил! — Кристина покраснела от таких резких в ее адрес слов и скрылась в комнате, где она проводила вскрытие. — Кажется, ты забыл, что я единственная, кто согласился проводить вскрытие тел, которые могли быть заражены новым штаммом смертельно опасного гриппа? Я рисковала своей жизнью, резала трупы без специальных средств защиты, лишь бы помочь вам разобраться во всем этом деле. Но никакой благодарности. Ты и с Татьяной так обошелся. Взял и выкинул ее из расследования, как лишний элемент. Не ожидала от тебя такого.

— Так, ребята, споры в данный момент времени нам не помогут, — сказал Ларри, прервав спор коллег. — Жизнь Татьяны может находиться в опасности. Поэтому, Себастьян, Кристина права. Мы не обязаны подчиняться директору в данный момент времени. За сутки мы не сможем выяснить всех деталей, но если откажемся продолжать поиски истины, то рискуем потерять хорошего человека. Вспомни, когда ее похитили, ты чуть с ума не сошел.

Сейчас на ее дом было совершенно новое нападение. Нам повезло, что на месте этого пса не оказалась она. Это самое настоящее чудо.

— Ларри истину глаголет, Себ. Ты единственный среди нас, кому разрешено использовать оружие. Татьяна нуждается в тебе, — вновь вошла в комнату к мужчинам Кристина, но на этот раз в новом медицинском халате.

— Я просто не представляю, с чего начать. У нас нет никаких зацепок, — устало произнес Себастьян и сел на кушетку. — Я обещал Татьяне во всем разобраться, но чувствую, что не смогу сдержать свое слово.

— Ты бывший военный, — серьезно посмотрел на него Ларри. — Ты должен чувствовать врага издалека.

Неожиданно их разговор прервал телефонный звонок, раздавшийся на столе, заваленном пачками бумаг.

— От нас ждут ответов, — посмотрела на мужчин Кристина. — Директор сказал, что ждет отчет в восемь. Думаю, его терпение на исходе.

— Что мы ему скажем? — с сомнением посмотрел на коллег Себ и с неуверенностью подошел к телефонному аппарату. — Я не могу ему рассказать эту версию.

— Придумай уже что-нибудь. Необязательно говорить правду, — произнес Ларри, похлопав Себастьяна по плечу. — Но мы не можем бросить Татьяну в беде.

— Ладно. Уже все равно нет другого выбора, — глубоко вздохнул тот и медленно прижал трубку к уху. — Алло?

Кристина с Ларри встали рядом с ним и с выжиданием смотрели на Себастьяна, следя за тем, как на его лице стремительно сменяются эмоции, в которых не виднелось ни одной положительной. Тот, выслушав собеседника на другом конце провода, лишь утвердительно покачал головой, что-то пробубнил и бросил трубку, словно та стала раскаленной и обожгла его вспотевшую ладонь.

— Что? Что он сказал?

— У нас плохие новости, ребята. Очень плохие. Похоже, Ларри, нам придется немного покататься по городу. Намечается хорошее начало дня.

Температура воздуха в это утро упала до рекордно низкой отметки, из-за чего Татьяна и Сьюзен были вынуждены одеться как можно теплее, чтобы ненароком не получить обморожение у самого выхода из подъезда. Сьюзен с удовлетворением смотрела на свою подругу, которая решила привести себя в порядок и выглядела, даже в такую студеную погоду, невероятно свежо с легким макияжем, подчеркивающим все достоинства ее утонченных черт лица. В особенности выделялись выразительные большие глаза, украшенные длинными густыми ресницами, покрытыми небольшим слоем туши, и тенями на верхних веках, лежавшими на коже так аккуратно, что это ничуть не утяжеляло взгляд. Татьяна смогла уговорить своего мужа, чтобы тот дал им сесть за руль машины без сопровождения водителя, хотя тот не желал отпускать женщин одних и даже пытался вызваться ехать вместе с ними, но те настойчиво требовали, чтобы мужчина дал им возможность съездить к Итану самостоятельно. Беспокойство Петра можно было понять, тот едва не потерял жену в эту ночь. Но Сьюзен удалось заверить его, что рядом с ней его супруга будет под надежной защитой.

Их незапланированная поездка могла не состояться, так как автомобиль из-за холодной погоды не желал заводиться. Но, к счастью, спустя несколько попыток машина ожила, и

мотор весело загрохотал в недрах транспортного средства, призывая дам как можно скорее отправляться в путь.

— Я поведу, — поевжившись от холода, сказала Сьюзен и, не дождавшись согласия Татьяны, плюхнулась на мягкое сидение, с восхищением поглаживая руль дорогостоящего автомобиля. — Шикарная у твоего мужа девочка. Не боится, что ее украдут?

— Боится, но его водитель хранит эту металлическую красавицу, как себя самого, — усмехнулась та, садясь рядом со Сьюзен. — Я так ненавижу эту машину. В ней невозможно находиться, когда едешь по бездорожью.

— Тебе танк что ли нужен, чтобы по бездорожью ездить? Я еще не знаю автомобиль, на котором можно ездить там, где нет и намека на дорогу. Чудная ты.

— И далеко твой бывший парень живет? — с ожиданием посмотрела на подругу Татьяна, выдыхая горячий воздух на замерзшие ладони, пытаясь их хотя бы немного согреть.

— Полчаса езды отсюда. Доберемся быстро, — Сьюзен осторожно нажала на педаль газа, и автомобиль тронулся с места, выехав с места стоянки на заснеженную трассу. — Как плавно едет. Просто сказка, а не машина. Знаешь, я давно не навещала Итана. Мы уже полгода с ним не виделись.

— Почему?

— Ну, я восстанавливалась после ранения, операция была немного неудачной, хирург напортачил, когда вытаскивал пулю. Занес инфекцию. Пришлось потом долго отлеживаться и пить всякие таблетки, чтобы прийти в себя. Да и после я пережила еще две операции. Я вся изрезана. Если разденусь, увидишь шрамы. Жуткое зрелище.

— И почему я не была с тобой в тот момент?

— Сама удивлена, что наши пути разошлись. Ненавижу такие моменты, когда близкие друзья перестают общаться. Мы были заняты своей жизнью. И где эта жизнь? После войны все стало другим. Общество сильно изменилось и выглядит избитым.

Сьюзен повернула направо, и автомобиль выехал на широкую улицу, которая была настолько забита всяческими транспортом, что пришлось значительно снизить скорость.

— Кстати, мне вдруг стало интересно, а Джордж всегда говорил с русским акцентом?

— Да? Я не замечала.

— У меня были знакомые, беженцы из России, у них особый акцент, ни с чем не спутаешь. Они выговаривают каждый звук, делают его твердым. А мы любим проглатывать слова.

— Хм, не думала, что тебя интересуют такие темы.

— Я в детстве мечтала стать учителем английского языка. Но не сложилось. В итоге, я ношу полицейскую форму и умею с закрытыми глазами стрелять во всяких ублюдков и попадать в их забитые говном головы. Ты не представляешь, как сладок звук, когда пуля проходит насквозь и заставляет череп хрустеть, как свежее печенье.

— Боже, Сьюзен. У тебя странные предпочтения.

— Вряд ли тебе не нравится подобный звук.

— Я предпочитаю стрелять в ногу. А когда преступник упадет, то сразу же делаю выстрел в руку, желательно в правую, чтобы тот не смог дать сдачу. С левшами сложнее, на них уходит три патрона. Но если приказано ликвидировать вооруженного бандита, то в конце я стреляю в голову.

— Да ты извращенка. Бедные плохие ребята, ты же их замучаешь перед смертью.

— Я давно не стреляла, уже целых два года.

— Думаю, сейчас тебе придется вспомнить навыки стрельбы. В темные времена живем. Какие-то ублюдки оставляют у порога тела мертвых собак. Совсем озверели люди.

До места назначения они добрались довольно быстро. Татьяна все это время наблюдала за продрогшими людьми города, которые отважились выйти на улицу и шагали по тротуару, зарыв половину лица в шерстяной шарф, чтобы хоть как-то спастись от колючего морозного воздуха, ветром разносившегося по Лондону. Небо висело над ними таким чистым и голубым, что Татьяна даже удивилась такому редкому погодному явлению, ведь над столицей чаще парили тяжелые серые облака, и она совсем забыла, как высоко могут располагаться небеса и даже не касаться крыш высотных домов.

— Приехали, — Сьюзен остановила автомобиль рядом с каким-то старым уродливым зданием, которое пряталось в тени высоких крыш безымянных предприятий, пугающих своими упирающимися в небеса курящими трубами.

Татьяна настороженно оглядела место, куда они прибыли, надеясь увидеть хотя бы какого-нибудь проходящего мимо человека, но здесь не было ни одной живой души. Повсюду стояли брошенные ржавые автомобили, а рядом разбросан различный фабричный мусор, присыпанный горсткой снега. От такой невыразительной картины Татьяна невольно поморщила нос, уже заранее чувствуя, как здесь все пропахло копотью и гниющими объедками, которые не тронут даже оголодавшие бездомные животные.

— Куда ты меня привезла?

— Согласна, здесь грязно и воняет помоями. Но зато сюда никто не сунется. Рядом находится канализационная труба, так что ты не падай в обморок от ее дивного аромата. Я сама едва стою на ногах, когда нахожусь здесь.

Женщины вышли из машины и направились в сторону здания, где, как сказала Сьюзен, находились архивы, содержавшие сведения о гражданах города, судимых или признанных невменяемыми из-за серьезных психических расстройств.

— Раньше здесь было красивее. Неподалеку располагалась тюрьма, но это было до войны. Потом тут вырос этот дымящий, как паровоз, гигант, который производит всякую технику, а эта улица превратилась в помойку. Отсюда даже многие съехали, так как не выносили запаха сточных вод.

— Странно, почему архив не перенесли в другое место?

— А смысл дорожить сведениями о преступниках и прочих ненормальных личностях? Поэтому эти бумаги и хранят тут. Благо, что база данных постоянно обновляется, иначе бы Итан охранял обыкновенную макулатуру.

— И с какого года тут собирают личные дела?

— Вроде с тысяча девятьсот первого, если мне память не изменяет. Нам нужен шкаф с делами за тысяча девятьсот двадцать седьмой год, он самый дальний. Поэтому придется погулять по библиотеке и подышать пылью, так как там не делали уборку лет двадцать.

Женщины нашли маленькую неприметную дверь, к которой вела хлипкая металлическая лестница, угрожающе шатавшаяся от каждого их шага. Сьюзен нажала на звонок, что красовался рядом со входом, но ответа не последовало.

— Итан, ну же, ответь! — судорожно стала нажимать на кнопку звонка Сьюзен, но, так и не дождавшись ответа, стала колотить по стальной двери кулаком, зовя Итана, срывая голос. — Твою мать, открывай! Ну же, Итан! Не вынуждай меня выламывать дверь!

— Сьюзен, он не откроет. Если бы там кто-то был, он бы ответил.

— Куда он уйдет? Ему некуда больше идти, — на глазах Сьюзен промелькнули едва

заметные слезы, после чего женщина продолжила колотить дверь, но Татьяна остановила ее бессмысленную схватку с дверью.

— Сьюзен, все. Внутри никого нет.

— Мы должны проникнуть внутрь, — с твердой уверенностью произнесла та и вытащила из кобуры пистолет, перезарядила его и сняла с предохранителя.

— Так, Сьюзен, это лишнее. Мы не можем... — хотела остановить подругу Татьяна, но не успела, так как та уже совершила выстрел по дверной ручке, вынудив дверь покорно открыться.

Сьюзен переступила через порог и, держа пистолет наготове, шагнула в темноту.

— Сьюзен, мы сейчас нарвемся на неприятности, — обреченно покачала головой Татьяна и последовала за подругой, на всякий случай держа руку у своего огнестрельного оружия и готовясь в любой момент выставить его перед собой.

— Мы пришли узнать, куда увезли твоего Ричи, и мы это узнаем, — прошептала Сьюзен, медленно продвигаясь по коридору куда-то вперед. — Постой, подожди минуту. Я включу свет, — Сьюзен начала хаотично шупать стену, пока не наткнулась на выключатель. Она нажала на маленькую кнопку, и помещение наполнилось приятным слабватым светом, продемонстрировав женщинам, в каком беспорядке здесь все находилось.

Повсюду были разбросаны мокрые от снега коробки, из которых высыпались пожелтевшие от влаги книги, заполонившие собой весь пол. Женщины с недовольством оглядели всю эту печальную картину и направились в соседнюю комнату, из которой доносился шум ветра, пугавший их своим зловещим завыванием.

— Итан! Ты здесь? — крикнула Сьюзен, но ей ответила лишь гробовая тишина, которую нарушали лишь отдаленные звуки просыпавшегося города.

— Сьюзен, тебе не кажется, что чем-то пахнет? — Татьяна принюхалась, поморщившись, и со страхом в глазах взглянула на свою спутницу.

— Здесь повсюду отходы с фабрики. Конечно, тут будет чем-то пахнуть.

— Нет, это другой запах. Такой же, какой я чувствовала сегодня ночью в своей квартире. Я не могу его ни с чем спутать.

— Итан! — Сьюзен не дослушала Татьяну до конца и шагнула в следующую комнату, быстро озарив крупное помещение искусственным источником света. — Мать Божья, Итан...

— Сьюзен, все хорошо? — окликнула подругу Татьяна и медленно последовала за ней. — Что там такое?

— Мое предчувствие меня не подвело, — Сьюзен неподвижно стояла на месте и смотрела куда-то в сторону, не отводя взгляда.

Татьяна осмотрелась и, осознав, что так привлекло Сьюзен, с трудом сдержала себя, чтобы не отвернуться с отвращением от открывшейся ее взору картины. Среди шкафов, забитых папками с бумагами, висело тело мужчины, подвешенное над полом с помощью веревки, которая, словно змея, обволакивала его шею и не давала ногам коснуться пола. Ветер, что доносился из открытого окна, раскачивал труп с мелодичным скрипом.

— Итан... — Сьюзен медленно подошла к подвешенному телу и с совершенно сухими глазами взглянула на бывшего возлюбленного, но с таким безразличием, будто перед ней висел обыкновенный безжизненный предмет, не представлявший никакой ценности. — Почему?..

— Сьюзен, надо вызвать полицию, — стоя у выхода, крикнула Татьяна, с трудом

справляясь со своими накалившимися докрасна неприятными эмоциями.

— Я просто не понимаю... Что происходит? С кем тогда я вчера говорила?

— О чем ты говоришь?

— Тело ведь уже давно высохло, Тань. Он умер не сегодня...

Татьяна, услышав эти слова, с трудом приблизилась к повесившемуся мужчине и бегущим от ужаса взглядом оглядела мертвое тело, понимая, что Сьюзен говорит правду. Мертвец действительно висел здесь довольно давно и не мог за ночь разложиться до такого состояния.

— Татьяна, с кем я говорила вчера? Кто выдавал себя за Итана? Объясни мне... Я просто в замешательстве.

— Значит, кто-то пытается сбить нас со следа... Сьюзен? — Татьяна в последний момент успела подхватить подругу, которая внезапно пошатнулась и едва не упала без чувств на пол. — Так, не смей. Не смей оставлять меня тут одну!

Сьюзен сквозь слезы смотрела на Татьяну и тяжело дышала, будто что-то застряло в ее легких и никак не могло вырваться наружу.

— Итан... Почему он это сделал? Почему? — плакала та, с трудом совершая очередной вдох. — Я... задыхаюсь... Мне трудно дышать.

— Тебе нужно на воздух. Срочно, уходим отсюда. Здесь нам больше делать нечего. Идем, — Татьяна помогла Сьюзен подняться и вывела из душного помещения на улицу. — Дыши. Тебе надо восстановить дыхание.

— С кем же я говорила? С кем? Зачем кому-то нужно было убивать Итана?

— Сьюзен с трудом пыталась успокоиться, но эмоции не желали покидать ее тело и заставляли женщину дрожать, словно ту со всех сторон били током. — Зачем?!

— Я не знаю, Сьюзен. Не знаю, — Татьяна прижала подругу к себе и нежно стала гладить ее по голове, пытаясь хотя бы немного успокоить женщину, которая редко давала себе права на слезы.

Неожиданно Сьюзен вырвалась из объятий Татьяны и начала с надрывом кашлять, с трудом держась на ногах. Ей даже пришлось вцепиться мертвой хваткой в обжигающе холодные перила лестницы, чтобы не упасть со ступенек вниз и не сломать шею.

— Сьюзен? Ты в порядке? — поинтересовалась Татьяна, и ее глаза увеличились от потрясения, когда та заметила на ладони, которой Сьюзен прикрывала рот во время кашля, кровь. — Нет, этого не может быть...

— Что со мной? Это кровь? — в панике взглянула на свою покрытую алой жидкостью ладонь та, с трудом понимая суть всего происходящего.

Глава одиннадцатая. Скала самоубийц

Морской соленый бриз брызгал в их улыбчивые лица, покрывая кожу молодых людей крошечными крупинками воды, долетавшими вместе с потоками воздуха со стороны пролива Па-де-Кале. Сегодняшнее утро выдалось пасмурным и брезгливо влажным, словно небо не желало плакать и сдерживало свои эмоции, но часть из них все же долетала до жителей этого тихого местечка. За время их пути по зеленой части английского острова, который заканчивался в рыбацком порте в Брайтоне, юноши не встретили ни одного человека, кроме водителя грузовика, согласившегося их подбросить, что дало повод надеяться, что им удастся хорошо отдохнуть вдали от столицы.

Шел август тысяча девятьсот девятнадцатого года, уже девять месяцев как закончилась война, но ее отголоски слышны до сих пор. Там, где когда-то стояли людские поселения, кишачие бурной жизнью, красовались бескрайние поля, заросшие высокими сорняками, скрывавшими фундаменты разрушенных зданий. Если не приглядываться, то раны от кровопролитных битв были не заметны. Но если всмотреться в декорации, выросшие на телах убитых солдат и невинных граждан, то появится возможность ощутить все еще доносившийся из недр земли запах крови и едкого пороха.

Но юноши старались не вспоминать то, что было почти год назад, эти времена растворились для них обоих в густом тумане навсегда, так они решили, и это решение никто из них оспаривать в ближайшее время не собирался.

Эрван наклонился вниз, упираясь животом в поручни рыболовного судна, чтобы не упасть вниз, и любовался тем, как водные потоки, пенясь, отталкивались от металлического корпуса и в виде рваных волн устремлялись куда-то вдаль.

Морская поверхность сегодня была пугающе черной, словно в воду кто-то вылил приличное количество нефти и мазута. Привычная глазу голубизна иногда мелькала в глубинах высоких волн, подсвеченных серым небом, но чаще всего приходилось любоваться только темными оттенками пролива.

Джордж стоял позади Эрвана и с трудом воздерживался от желания обнять юношу со спины, так как за ними пристально наблюдали рыбаки, которые с удовольствием пили водку из прозрачных бутылок. Те что-то между собой, хрюкая, обсуждали, пугая рыбу мерзким гоготом. Вряд ли эти мужички были здесь ради богатого улова, это судно являлось лишь прикрытием для их нескончаемой выпивки, отпечатавшейся на отекавших пьяных физиономиях. Но Джордж старался не думать об этих людях плохо, ведь те согласились бесплатно довести их из Брайтона до мыса Бичи-Хед. Уже сейчас впереди виднелся одинокий маяк, величественно восседавший на вершине скалы самоубийц, и притягивал судно к себе своим бледным холодным светом.

— Что же вы здесь забыли, парни? — подошел к Джорджу и Эрвану капитан рыболовного судна, когда оно уже подплывало к каменистой суше. — Место не из самых безопасных. Тут многие попрощались с жизнью.

— Не переживайте, мы здесь не ради этого, — усмехнулся Эрван и достал из кармана серебряный портсигар, откуда вытащил длинную сигару, после чего с довольной ухмылкой зажал ее между зубов. — Если бы мы хотели покончить жизнь самоубийством, то выпрыгнули бы за борт.

— Это он так шутит. Мы с Эрваном решили просто развеяться, — перебил друга

Джордж и сдержанно улыбнулся капитану. — Надоела городская суета.

— Понимаю. Я и сам ржавею на этом судне только ради того, чтобы быть подальше от лондонского смога. Не знаю, как люди живут в больших городах. Особенно после войны. Я, вернувшись с фронта, перестал слышать правым ухом, рядом со мной разорвался снаряд, а осколок угодил прямиком в ушную раковину и раздробил барабанную перепонку. Вот же повезло. А ведь я мог умереть, если бы осколок проник глубже.

— Действительно повезло.

— Я сейчас прикажу спустить шлюпку, и вас быстренько высадят на берег. Слишком близко подплывать нельзя, так как глубина маленькая, можем наткнуться на мель.

Через десять минут матросы приготовили шлюпку и помогли юношам в нее залезть, после чего без неприятных происшествий доставили пассажиров до берега, где и высадили.

— Большое вам спасибо, — Джордж пожал руки матросам при выходе из лодки, после чего те, помахав им рукой на прощанье, погребли в сторону раскачивавшегося на волнах рыболовного судна.

Джордж надел на плечи рюкзак, из которого торчали металлические части их будущей палатки, и легонько толкнул плечом Эрвана, чтобы тот оторвался от процесса курения и любования пейзажем и взял свою ношу.

— Если мы будем стоять и наслаждаться здешними красотами, то простоим тут до заката.

— Я был бы рад увидеть заход солнца, но что-то небесного светила не видно. И здесь ужасно холодно, — Эрван обхватил руками плечи и с усталостью взглянул на свой рюкзак, который, ожидая действий хозяина, одиноко лежал на каменистом берегу.

— Парень, мы приехали сюда отдыхать, так что сделай вид, что тут тебе хотя бы немного нравится, — подмигнул ему Джордж и не спеша зашагал вперед, держась руками за лямки тяжелого рюкзака.

— Я бы сказал, что думаю об этом месте, но вряд ли ограничу свой рассказ приятными фразами. Мы добирались сюда полдня, чтобы любоваться белыми скалами и холодным морем?

— Ради всех святых, Эрван. Мы с тобой сто лет никуда не выбирались. Я устал сидеть в душном городе и нюхать пыль в мастерской. Тем более, сегодня не так жарко, можно даже не бояться собственной потливости.

Джордж услышал, как позади него что-то с громким звуком упало на землю и, обернувшись, увидел, что Эрван с детской ухмылкой сбросил с плеч рюкзак и, за пару секунд сняв ботинки, бросился бежать вдоль берега, находясь с морскими волнами так близко, что те уже по колено обрызгали парня холодной до мурашек водой. Но того это не останавливало.

Джордж со спокойной улыбкой наблюдал за ребячьим весельем юноши и положил свой рюкзак рядом с ношей Эрвана, доверху наполнил свои легкие свежим воздухом, пахнущим солью, после чего облегченно выдохнул, почувствовав от непривычки небольшое головокружение.

Эрван тем временем совсем забыл о своем возрасте и с заливным смехом начал пинать пенящиеся волны, которые с каждым разом пытались утянуть парня в морскую пучину, но тот, уже практически полностью промокнув, отбегал каждый раз к берегу, когда вода пыталась накрыть юношу морским черным покрывалом и утянуть в свое царство. Когда ему это наскучило, Эрван побежал обратно к тому месту, где стоял Джордж и, шлепая ногами,

обежал своего друга вокруг, тряся того за руку, призывая зайти в воду вместе с ним.

— Нет, Эрван, я не хочу, — Джордж стал со смущенным выражением лица сопротивляться натиску Эрвана, но тот оказался сильнее, и уже через минуту оба стояли по пояс в воде.

— Ну же, Джордж, оживись, — потряс его за плечи Эрван и, немного подумав, ударил по воде, окатив друга водой. — Я же тебя сейчас забрызгаю до смерти.

— Раз ты так хочешь, — хищно улыбнулся тот и ответил Эрвану тем же, окатив его миллионами брызг, отчего тот даже отступил на пару шагов назад, чтобы суметь устоять на ногах.

Эрван сделал вид, что собирается снова сделать удар по воде, но когда Джордж зажмурился, чтобы подготовиться к тому, что его снова окатят морской водой, то тот, хихикая, кинулся в сторону берега, вынудив друга броситься за ним вдогонку.

Джордж оказался быстрее и с разбегу набросился на Эрвана со спины, сбив того с ног и повалив прямо на мокрый песок. Тот громко ойкнул от неожиданности и, поняв, что произошло, сделал попытку вырваться из крепкой хватки парня. Но Джордж приложил все усилия, чтобы Эрвану не удалось снова убежать от него.

— Все, отпусти. Ты меня сейчас раздавишь, — с придыханием произнес Эрван и ущипнул Джорджа за бок, надеясь, что от этого тот отстранится от него и даст возможность снова удрать. Но тот даже не дернулся и продолжал прижимать юношу к земле, с ухмылкой наблюдая за его отчаянным сопротивлением.

— Я тебя не отпущу. Ты же знаешь, — прошептал Джордж и с довольным выражением лица прижался фиолетовыми дрожащими губами к шее Эрвана, чувствуя, как его действия заставили напрячься все тело прижатого к песку парня.

— Джордж, пожалуйста, давай только не здесь, — взмолился Эрван и попытался оторвать губы Джорджа от своей шеи, но тот так увлекся процессом, что никакие внешние силы не были способны прервать его полные страсти и желания действия.

— Почему? — с неохотой и легкой обидой спросил Джордж, прервавшись. — Неужели тебе уже не нравится это?

Джордж снова впился губами в шею Эрвана и онемевшими от холодной воды пальцами растегнул пару пуговиц на его рубашке, без разрешения забрался под нее по локоть, лаская все, что попадалось ему на пути.

— Эй, все, остановись, — простонал Эрван и закусил нижнюю губу, чувствуя, как его тело стремительно наполнялось чувством воздушной эйфории, которое он боялся прервать.

Они находились у воды настолько близко, что самая крупная волна сумела дотянуться до слившихся воедино тел и покрыла их свежей пленкой морской воды. Но даже это не смогло прервать действия молодых людей и остудить тот огонь, который ощущался рядом с ними даже на расстоянии. Джордж полностью растегнул пуговицы на рубашке Эрвана, и его губы стали с жадной тщательностью изучать каждый сантиметр торса юноши. Эрван, больше не сдерживаясь, от удовольствия выгибал спину и втягивал живот, чтобы суметь успокоить учатившееся дыхание и овладевшие им ощущения.

— Джордж, хватит, — Эрван с трудом произнес эти слова и еще сильнее закусил губу, чувствуя, как по нему пронесся жар, сменяемый сильнейшим холодом, что доставляло ему пугающее сознание удовольствия.

— Но тебе же нравится, — прошептал ему в ухо тот, резко остановившись, и положил свою мокрую голову на его грудь.

— Тебе повезло, что мы здесь одни, — Эрван облизал губы и взглянул в сторону моря, наблюдая за появившейся на горизонте чайкой, которая без остановки кружила над одним участком водной поверхности, будто что-то высматривала. И ее крики внушали некое беспокойство, так как долетали до ушной раковины в виде чего-то наполненного болью и страданием.

— Джордж, — Эрван погладил юношу по мокрой от воды спине, к которой прилипла клетчатая рубашка. — Думаю, нам надо идти. А то я уже замерз.

— Но ты такой теплый, — прошептал тот, потершись о его гладкую кожу щекой, и с неохотой сел, как-то грустно вздохнув.

— У нас впереди еще целая ночь, — успокоил его Эрван и, поднявшись на ноги, побрел к обиженно ждавшим их рюкзакам. — Слушай, а мы не забыли взять питьевую воду? Я что-то не помню, чтобы мы ее клали, — юноша застегнул пуговицы на рубашке и взвалил на плечи неподъемную ношу.

— Я все положил, не волнуйся. Взял самое основное, ведь мы здесь пробудем три дня... Только ты, я и море. Что может быть лучше?

— Лучше может быть погода. И радио. И вишневый пирог. И горячий кофе. И...

— Думаю, твой список будет продолжаться бесконечно.

— Нет. Я его почти закончил. Но ты не дал мне договорить, — Эрван засунул руку в карман брюк и снова достал из портсигара сигару.

— Ты бы сильно не тратил спички на сигары. Они нам еще пригодятся.

— Скажи спасибо, что мой портсигар не пропускает воду, а то бы спички были уже давно мокрыми. И мы бы умерли с голоду.

— Обожаю твое чувство юмора, — улыбнулся Джордж и устало надел на плечи свой рюкзак.

— Кстати, я всю дорогу хотел задать тебе один вопрос, — как-то серьезно сказал Эрван после того, как зажег сигарету и выпустил изо рта первые порции табачного дыма.

Юноши медленно побрели вдоль берега, не заметив того, как пальцы их рук сплелись в единое целое. Эрван и Джордж уже давно привыкли к таким вещам, поэтому теперь это воспринималось ими как что-то обычное и уже не пугавшее умы. В первое время оба боялись своих отношений. Они старались вести себя на людях обычно, никому не рассказывая о том, что происходит между ними в тот момент, когда никто за ними не наблюдает. Поэтому Джордж решился на эту поездку, он хотел побыть с Эрваном наедине там, где долгое время никто не будет им мешать проводить время вместе.

— Что за вопрос?

— Только не пытайся снова уходить от ответа. Ладно?

— А, ты снова про то, откуда у меня появились деньги на открытие мастерской? Я же сказал, что пока не могу это рассказать, я и сам многого не знаю.

— Джордж, ты меня пугаешь. Я ведь твой друг. И у тебя не должно быть от меня секретов.

— Друг?

— Да, друг, — Эрван расцепил пальцы их рук, будто почувствовал брезгливость. — Мы с тобой просто спим, ничего более. И, пожалуйста, давай не будем больше говорить на эту тему.

— Я думал, что мы уже все решили. Ты и я...

— Мы ничего не решали.

— Ты боишься? Боишься, что те вещи, что мы делаем, неправильно? Я думал, ты уже разобрался в своих чувствах.

— Не сердись, но я просто еще не привык к этому. Мой мозг кипит от резких перемен в жизни, — вздохнул Эрван и ускорил шаг. — А ты так и не ответил на мой вопрос. Ты то ходишь на встречу с какими-то людьми, то пропадаешь на полдня. И так продолжается уже месяц.

— А-а, ревнуешь, — Джордж снова сжал в своей ладони его пальцы и в качестве приза заполучил его смущенную улыбку. — Я знал, что ты ко мне не равнодушен. Ладно. Помнишь, я тебе немного рассказывал про одного друга своей семьи, который очень много помогал нам до войны, когда ни у моего отца, ни у моей матери не было денег?

— Так, что-то помню. А что? Этот человек как-то связан с тем, что у тебя внезапно появились деньги на жизнь?

— Да. Ведь именно он их и дал мне, да еще помог оформить юридическую сторону, чтобы я вновь открыл мастерскую отца, которая стояла заброшенной посреди оживленной улицы и гнила без дела много лет.

— Вновь? Ты разве работал там раньше?

— Да. До того, как началась война.

— А я попал на фронт безработным восемнадцатилетним мальчиком, повоевал три месяца, а потом до конца восемнадцатого года провалялся в госпитале. Рядом с тобой я страшный лодырь, сидящий на твоей шее. Мне даже стыдно.

— Слушай, заткнись. Мы с тобой добились всего этого вместе. Если бы не ты, меня бы здесь не было. Запомни это....

— Я всю жизнь корчил из себя невесть кого, но в то же время зависел от кого-то. Даже сейчас нашел себе парня, который чуть ли не содержит меня. Я стараюсь быть нормальным, сильным. Но не выходит. Лишь сплошное притворство, — он небрежно выбросил использованную сигарету и грустно вздохнул.

— У тебя все впереди, — игриво толкнул его плечом тот и незаметно чмокнул Эрвана в ледяную от морского ветра щеку, получив в награду уже вторую за день смущенную улыбку.

— Слушай. Ты видел это? — Эрван неожиданно замер и посмотрел куда-то в сторону моря.

— Что случилось?

— Рыбаки так и не уплыли. Даже странно все еще видеть их здесь, — Эрван указал в сторону корабля, который виднелся позади них и все так же раскачивался на беспокойной поверхности воды.

— Небось эти мужики нажрались там до беспамятства. Ты же видел их красные от водки лица? Так что не удивлен, что у них не хватило трезвости отчалить. Ладно, пошли. А то ты уже весь синий, — Джордж приобнял парня и вместе с ним направился в сторону узкой тропинки, ведущей на вершину белоснежного мыса, который даже без солнца ослеплял своим камнем каждого, кто осмелится взглянуть на него.

Они не спеша разместились неподалеку от маяка и, соорудив палатку, разожгли рядом со входом своего маленького переносного дома костер, над которым повесили небольшой котелок, где теперь варилась уха, одурманивавшая волшебным ароматом даже самого привередливого человека. Рыбаки подарили юношам несколько рыбин, без дела валявшихся в ящике с солью, и те не стали отказываться от столь щедрого подарка, так как понимали,

что из этого можно было приготовить сытный ужин. У парней в рюкзаке имелось достаточно припасов, но это было ничто по сравнению с вкусной ухой, приготовленной на природе вдали от цивилизованного мира.

Мыс, на вершине которого они остановились, так резко обрывался у берега моря, что создавалось ощущение, что находишься на краю мира, но бескрайнее море пока что давало надежду на то, что за этим краем есть хотя бы что-то материальное. Свинцовые тучи все еще плавали над землей, не давая последним лучам солнца пробиться сквозь них. Но перед закатом небесное светило настолько сильно захотело дотронуться до недосягаемой земли, что облака невольно окрасились в ржаво-красноватые тона, местами пропуская узенькие лучики самой близкой к планете звезды.

Джордж сидел около костра и помешивал булькающую уху в котелке, прикрывая глаза от тех душистых запахов, которые исходили от готовившегося блюда. Эрван же лежал на боку у входа в палатку и смотрел куда-то вдаль, даже не пытаясь завести со своим спутником разговор.

Они уже больше трех часов сумели провести в полном молчании, и это их ничуть не удивляло. Им было достаточно лишь того, что они сидят рядом и наслаждаются обществом друг друга. Парни так редко общались в последнее время, что казалось, что между ними возникла та ненавистная стена, которая стояла между ними после первой серьезной ссоры, приведшей даже к драке. Джордж с Эрваном после этого практически ни разу не ругались, да и боялись создавать новые конфликты. Если что-то подобное назревало, Джордж быстро успокаивал их обоих и пытался выйти из ситуации с помощью юмора. И это срабатывало. Эрван даже стал меньше налегать на алкоголь, так как их совместная жизнь перестала напоминать выживание бездомных никому не нужных героев забытой войны. Появилась стабильная работа, а вместе с тем и деньги. Джордж грамотно распределил имевшиеся у них средства и привел отцовскую мастерскую в божеский вид: купил новое оборудование для работы, сменил некоторую мебель, а что-то вместе с Эрваном даже починил. В первые дни люди проходили мимо, с любопытством поглядывая на вновь чистую витрину этого возрожденного заведения, но потом стали с большой охотой заглядывать внутрь и удивляться тому, что раньше здесь не было такой мастерской. Заказов стало так много, что Джордж порой работал целый день и ложился спать только перед рассветом, но, проспав несколько часов, просыпался и вновь возвращался к своим обязанностям. Но это его ничуть не утомляло, наоборот он выполнял все заказы с бережной тщательностью. Юноша всем сердцем любил то, что делал. Больше никто ему не указывал, не мог выгнать с рабочего места, юноша отныне работал на самого себя и не считал брошенные им под ноги копейки. Но свалившаяся им на голову удача беспокоила Эрвана, так как деньги появились у них слишком внезапно и из неожиданного места. Джордж ничего не рассказывал и лишь делал вид, что так и должно было произойти.

— Думаешь, твой добрый друг делает все это от чистого сердца? — порой говорил Эрван, с презрением глядя на друга. — Он наверняка хочет выжать из тебя выгоду.

Но Джордж не верил словам юноши, так как в мистере Ломане не было ничего, что могло указывать на тот факт, что он подарил юношам шанс жить без забот ради того, чтобы тем самым добиться какой-то корыстной цели. Но его все же мучал вопрос. Почему Доктор Ломан появился только сейчас, когда его уже ничего не связывало с семьей молодого человека? Джордж пытался угадать, о чем мыслил этот пожилой мужчина, делая такие щедрые пожертвования сыну своих когда-то близких друзей. Но каждый раз приходил к

выводу, что Ломан просто испытывает к нему теплые отцовские чувства, и все его действия не скрывают никакой другой реальности, они чисты и не имеют ни одного пятнышка. Хотя не совсем ясной была ситуация, когда Доктор Ломан часто пропадал и появлялся лишь тогда, когда рядом не находилось Эрвана, словно тот пугал своим присутствием пожилого мужчину. А ведь он неоднократно говорил, что желал бы познакомиться с Эрваном, но по какой-то причине делал все возможное, чтобы этого не произошло. Поэтому Эрвана и одолевали сомнения насчет этого пожилого мужчины, ведь он его ни разу не видел.

— Ну что? Готов ощутить вкус по-настоящему идеального ужина? — Джордж помешал уже практически сварившуюся уху и, проверив ее на вкус, снял котелок с рыбным блюдом со слегка угасшего огня.

Эрван молчаливо кивнул, устало и безразлично взглянул на довольного друга и положил голову на траву, сделав вид, что спит.

— Что-то ты скис, — с удивлением посмотрел на него Джордж, разливая сварившееся рыбное блюдо по алюминиевым мискам. — Что с тобой?

— Просто устал, — произнес он, не открывая глаз. — Все еще не могу поверить в реальность происходящего.

— Прошное не должно нас терзать и мучить, оно должно лишь объяснять, почему мы находимся здесь и сейчас. А все остальное нужно откинуть. Те события случились, радуйся настоящему.

— Я не о прошлом. Я говорю о настоящем. Ты и я были врагами, нас ничего не связывало. Но почему мы вместе, если между нами нет никакой связи? Мы ведь совершенно разные люди.

— Две детали не должны быть одинаковыми, чтобы создать единый механизм. Так что просто откинь эти дурацкие мысли и наслаждайся ухой. Она вышла просто божественной, — Джордж без помощи ложки отпил бульон и высунул язык с довольным выражением лица. — Кстати, я прихватил пару бутылок виски, — юноша порылся в рюкзаке и вытащил оттуда заветный сосуд с алкогольным напитком. — Выпьешь?

— Нет, я не в том настроении, чтобы пить.

— Эрван отказывается от выпивки? О, это же настоящее чудо! — усмехнулся тот и, вздохнув, убрал бутылку обратно. — Как же мне тебя оживить? Хм... Я знаю. Подожди, — Джордж поднялся на ноги и отошел от палатки на несколько метров, раздвинув руки в сторону, словно он изображал полет птицы.

— Что ты делаешь? — исподлобья посмотрел на парня тот.

— Сейчас увидишь, — прошептал тот, даже не шелохнувшись.

Неожиданно Джордж резко дернулся, будто его ударило током, и начал энергично танцевать ногами, а из его уст вырывались мелодичные фразы на русском языке, которые он проговаривал с таким удовольствием и позитивом, что Эрван, даже не зная их перевода, понял по изливавшейся из них энергии, что они посвящены любви.

Эрван начал хлопать в такт его движением, и долгожданная улыбка возникла на его уставшем лице, что тут же заставило Джорджа ускорить свои движения.

— Gut gemacht! — воскликнул Эрван, когда Джордж остановился. — Я и не знал, что ты так красиво поешь. Да и танцуешь неплохо.

Джордж смущенно улыбнулся и вытер пот со лба, после чего сел рядом с другом, пытаясь восстановить дыхание после своих заводных плясок.

— Да, моя мать часто пела эту песню. Мы с ней любили входить в комнату, где работал

отец, и если на его лице была видна угрюмость, то начинали так же танцевать перед ним. И все его нехорошие эмоции моментально сходили с него, как с гуся вода. Хорошее было время. Я так давно не проделывал все это, что думал, что не сумею повторить. Но тело, к счастью, помнит.

— Джордж, — прервал его Эрван и как-то нервно сглотнул, облизнув обсохшие губы. — Можно тебя кое о чем попросить?

— Да. Можно, — удивился его напряженности тот.

— Поддай мне, пожалуйста, миску с ухой. А то я проголодался после твоего выступления.

— Боже, конечно, — расплылся в улыбке тот и подал ему заветную уху, которая все еще была горячей. — Ешь. А то ты уже весь синий от голода, — Джордж чмокнул Эрвана в макушку и стал наблюдать за тем, как тот медленно ест, тщательно пережевывая пищу.

— Я так хочу, чтобы у нас больше не было ничего плохого, — неожиданно прошептал Эрван и, не доев уху, отложил миску в сторону. — Но что-то мне подсказывает, что без ужасных событий не обойдется. Мир стал слишком хрупким.

— Не думаю, что будет еще такая война. Мир устал от конфликтов.

— Мне кажется, что перемены еще будут.

— Я — русский, ты — немец, мы живем в Великобритании, и это лишний раз доказывает тот факт, что мир с каждым днем становится единым. Национальности, страны, границы — все это такие пустые понятия. Людей разделили на сословия, настроили между ними стен... Превратили в каких-то животных, которые должны подчиняться системе. Но никто не вспоминает, что мы произошли от одного семени. Мирная жизнь вызывает у людей скуку, поэтому мы воюем, чтобы снова понять ценность спокойного тихого существования. Такие мы странные существа.

— Да, но мы с тобой самые странные.

— Ну, этим мы и выделяемся из общей массы, — усмехнулся Джордж и, подсев к Эрвану поближе, положил голову на его широкое плечо.

— А если бы мы стали врагами, ты бы убил меня? Вдруг снова начнется война, а мы не сможем биться на одной стороне? Was würden Sie tun?

— Я бы сделал это, — Джордж с осторожностью поцеловал Эрвана и, сполна насладившись вкусом его потрескавшихся от соли губ, посмотрел на него с нежностью. — И вряд ли бы что-то другое. Даже если весь мир будет против нас, я не дам ему возможности построить между нами пропасть. Этого больше не случится.

— Думаю, нам нужно перестать возвращаться к этой теме... — отстранился от него тот и сел поближе к огню, глубоко вдохнув запах морского бриза. — Кстати, ты заметил, что рыбаки так и не хотят отчаливать? — Эрван снова посмотрел куда-то в сторону и удивленно приподнял бровь. — Может, они нуждаются в помощи?

— Да нет. У них слишком все спокойно на палубе. Тем более у них есть шлюпка. А до ближайшего порта отсюда можно дойти пешком за пару часов. Они и без нас справятся. Тут довольно часто ходят корабли, если бы произошло что-то серьезное, сюда бы давно примчалась помощь. А тут, скорее всего, рыбаки решили остановиться, чтобы отойти от похмелья. Ты вспомни их красные лица. Капитан еле на ногах стоял.

— Надо было у них невзначай всю рыбу свистнуть. Они бы вряд ли спохватились.

— Да нет, они хорошие парни. Даже денег не попросили. Только пьют много и зря тратят горючее. Все равно богатого улова они в порт не привезут.

— А вдруг они нам отдали последнюю рыбу? — усмехнулся Эрван. — Тогда мы их все-таки обокрали.

Джордж, прищурившись, взглянул на замершее посреди моря рыболовное судно, с удивлением отметив, что в его каютах погашен свет, лишь редкие огни на палубе освещали грязный корпус старого корабля. Отсюда могло показаться, что на судне нет ни одной живой души, но Джордж посчитал, что это всего лишь игра его воображения. Корабль был повернут к ним боком, поэтому не исключено, что рыбаки могли находиться на скрытой от их взора стороне стального пловца, несшего на своей спине скромный запас рыбы.

— Ладно, я пойду спать, — во весь рот зевнул Эрван, потянувшись.

— Кстати, мне рассказали, что здесь неподалеку есть заброшенный городок, который разбомбили немцы во время налетов. Там осталась крупная церковь с кладбищем. Не хочешь завтра туда заглянуть?

— Хм, прогулка по кладбищу? Куда это вас потянуло, мсье? Êtes-vous bu?

— Меня опьяняет только вкус твоих губ. Vous l'aimez. Там очень красиво. Не смотреть же нам все три дня на скалы.

— Ладно. Если тебе так хочется походить по заброшенным местам, то отказываться не буду, так как у меня нет другого выбора. Но все что я хочу сейчас, так это пойти спать. Ты со мной? — Эрван уже залез в палатку и выглянул оттуда, призывая Джорджа присоединиться к нему.

— Я посижу еще немного. Спи. Сегодня был долгий день.

— И все же... Я рад, что мы приехали сюда... Спокойной ночи, — произнес тот и укутался в махровое одеяло, свернувшись калачиком.

— Спокойной ночи, — ласково посмотрел на него Джордж и вновь перевел свой взгляд на пугавший темный силуэт одиноко судна, которое не подавало никаких признаков жизни, лишь устало скрипело, будто желая таким образом привлечь внимание окружающих.

— Просыпайся! Ты должен проснуться! — Джордж среди ярких образов крепкого сна различил, как чей-то голос призывает его вступить в активную фазу существования. Он успел, все еще пребывая в затуманенном сознании, смутно осмыслить, что с ним беседует некая незнакомая ему доселе женщина, которая обладала довольно сильным и неприятным для слушателя голосом, словно она выкуривала огромное количество сигарет в день, и те изуродовали до неузнаваемости ее некогда прекрасный глас. — Смерть идет за тобой! Ты не должен позволить ей забрать у себя самое дорогое. Убей его. Иначе он убьет тебя!

— Эрван, хватит говорить таким странным голосом, — Джордж провел ладонями по своему заспанному лицу и прищурено приоткрыл слипшиеся глаза, пытаясь справиться с дневным светом, который пробивался даже сквозь ткань их палатки, будто той не было вовсе.

Молодой человек, немного привыкнув к утреннему солнцу, сумевшему растворить своим испепеляющим светом ненавистные серые облака, огляделся, норовя отыскать среди скомканных одеял и подушек Эрвана. Но в палатке было совершенно пусто, даже не осталось ни единого признака, что кто-то здесь недавно, кроме Джорджа, присутствовал. Видимо, Эрван проснулся раньше него и сейчас сидит снаружи. Джордж с большой неохотой вылез из-под теплого одеяла и, пару раз запнувшись и кряхтя, выбрался из палатки, оказавшись посреди наполненного свежим воздухом парящего над морем мыса. Но и здесь не оказалось Эрвана. Пробудившегося Джорджа поприветствовали только остатки вчерашнего ужина и

уже успевший потухнуть за ночь костер, превратившийся в небольшую кучку блестящего в лучах восходящего небесного светила угля.

Джордж сделал пару шагов вперед, все еще надеясь увидеть силуэт Эрвана где-то поблизости, но никаких признаков юноши так и не было найдено, что уже начинало беспокоить.

Ветер этим утром был намного сильнее, чем вчера, хотя небо стало таким чистым, словно его кто-то тщательно вымыл огромной губкой, не оставив даже крошечного облачка. Гулявшие над мысом воздушные потоки начали мучить стоявшую позади Джорджа палатку, прилагая все усилия, чтобы оторвать этот крошечный домик от земли, но парни настолько хорошо прибили свое небольшое жилище к земле, что даже торнадо не сможет сдвинуть его с места в течение нескольких минут. Их этому мастерству научили еще во время войны, так как солдатам часто приходилось останавливаться на ночлег, где придется, а спать на открытом воздухе было и опасно, и холодно. Хотя тогда они сооружали свои лагеря среди густых лесов, чтобы быть не замеченными пролетающими рядом самолетами, и деревья спасали их неустойчивые палатки от разъяренного ветра. Но и сейчас Джордж был уверен, что стихия не сможет ничего сделать с их временным жилищем, так как каркас палатки плотно был всажен в землю.

Убрав упавшие на его лицо темно-русые волосы, Джордж начал неразборчиво оглядывать местность, чтобы понять, что могло поменяться здесь за то время, пока он спал. Но ничего примечательного обнаружено не было. Солнце настолько сильно било в глаза, висая над простиравшимся впереди морским простором, что появлялась серьезная проблема в обнаружении мелких деталей рядом с собой.

— Эрван? Я же знаю, что ты здесь. Прекрати прятаться, — попытался говорить по-обычному и с легким позитивом Джордж, но его голос почему-то предательски дрожал, словно предчувствовал, что все происходящее не является частью игры.

— Ну, Эрван. Не пугай меня. Я же слышал твой голос. Хватит меня разыгрывать. Это уже не смешно.

Неожиданно рядом раздался звонкий и полный энергии собачий лай, заставивший заспанного и слегка нервного Джорджа чуть ли не подпрыгнуть на месте. Юноша резко обернулся на источник необычных для этого места звуков и увидел перед собой пушистого крупного пса, который дружелюбно смотрел на Джорджа и вилял своим длинным хвостом, свернутым в полукольцо, будто знал молодого человека всю свою недолгую жизнь.

— А ты как здесь оказался, дружок? — Джордж удивленно вскинул брови и с осторожностью приблизился к неизвестно откуда появившейся собаке. И, присев рядом с ней на корточках, неуверенно погладил ее по голове, опасаясь, что та может внезапно укусить. Но пес наоборот поддался его ласкам и специально подставил голову под его шершавую руку, прикрыв глаза от доставляемого ему удовольствия.

— Какой же ты симпатичный. Где твой хозяин? — вновь заговорил с псом Джордж, но тот лишь смотрел на него преданным взглядом, который был наполнен такими теплыми чувствами, что юноша начал гладить его по голове, больше не опасаясь, что тот может неожиданно проявить по отношению к нему агрессию, что часто происходило с бездомными собаками.

Когда Джордж отстранил руку от горячей головы миловидного существа, пес неожиданно-негаданно залаял с выделявшимся беспокойством и бросился куда-то вперед, остановившись около какого-то блестящего предмета, валявшегося на земле. И начал его жадно

обнюхивать, украдкой поглядывая на юношу, будто желал, чтобы тот подошел к нему и взглянул на найденную им интересную находку.

— Ты что-то нашел, дружок? — с удивлением посмотрел на собаку Джордж, но когда та вновь залаяла, призывая молодого человека подойти к ней, то Джорджу ничего не оставалось делать, как выполнить ее просьбу. — Ладно, давай я посмотрю, что ты там нашел, — Джордж подошел и устало взглянул на обнаруженный животным предмет.

— Ради всех святых, это же портсигар Эрвана, — затаив дыхание, прошептал Джордж и дрожащей от возникшего волнения рукой поднял любимую вещицу своего друга с земли. И как только он внимательно осмотрел серебряный предмет, то тут же брезгливо откинул его в сторону, ужаснувшись. Портсигар, как вскоре выяснилось, лежал в лужице запекшейся крови, которая была здесь вовсе не единственной. Багровые следы, в которых едва различались отпечатки мужских ботинок, расположились повсюду и создавали узкую дорожку, ведущую к краю мыса.

— Эрван? Боже, нет. Только не это, — Джордж тут же поднялся на ноги и, задыхаясь от охватившего его страха, побежал вперед, следуя по кровавым следам, надеясь на то, что впереди его не будет ждать что-то ужасное. — Эрван, скажи, что это просто одна из твоих грязных шуток, умоляю. Ты же не мог пойти на такое. Эрван... Вчера же все было хорошо.

Джордж чувствовал, что к его глазам неволью подступили слезы и уже крупными каплями скатывались вниз по бледным щекам. Как только юноша оказался на краю обрыва, то увидел, что следы резко обрываются, что моментально поставило молодого человека в ступор.

— Эрван!!! — Джордж в полном отчаянии крикнул куда-то в пустоту, все еще надеясь на то, что все это не по настоящему, но ему ответил только доносившийся откуда-то снизу шум просыпавшегося моря. Пес сел рядом с ним и с высунутым языком глазел на юношу, виляя кончиком хвоста, не понимая, почему тот так сильно грустит и смотрит куда-то вниз, с надрывом дыша, будто что-то перекрыло ему кислород.

— Эрван? — Джордж неожиданно раскрыл свои глаза, да так широко, что пес даже испугался, так как не мог понять, что молодой человек увидел внизу. Собака подошла поближе к краю мыса и посмотрела туда, куда с ужасом в глазах смотрел юноша.

На берегу, практически полностью выйдя из воды, лежал, накренившись на бок, корабль, принадлежавший рыбакам, и жалостливо стонал, с трудом держа равновесие, так как ветер делал все возможное, чтобы опрокинуть судно. Рядом с кораблем плавала разломленная пополам шлюпка, одна половина которой уже находилась на дне, а вторая пыталась доплыть до суши, но бушевавшие волны каждый раз удаляли ее от берега все дальше и дальше. А вблизи с судном лежало тело мужчины, вокруг которого даже с такой высоты можно было разглядеть расплывшееся в разные стороны пятно алой крови, которое пропитало песок и камни насквозь. Часть ярко-красной жидкости была смыта морем, но ее было настолько много, что даже вода теперь была окрашена в этот пугающий разум цвет.

— Эрван, нет, — простонал Джордж и бросился в сторону спуска с вершины мыса, но его ноги стали после увиденного внизу такими ватными, что юноша во время бега пару раз упал на землю и разодрал ладони, но даже это его не остановило. И когда он спустился по крутой тропе, ведущей к покрытому кровью берегу, то замер на месте, так как рядом с ним вновь раздалось чье-то хрипкое шипение, говорящее о странных и непонятных человеческому разуму вещах.

— Он вернется сегодня... Тот, кто предал и убил... Прольется кровь... Смерть войдет в

ваш дом...

Джордж в панике стал оглядываться, пытаясь понять, откуда раздается этот омерзительный женский голос, но никого, кроме лежавшего неподалеку трупа и подбежавшей к юноше собаки, не было.

— А-а-а-а!!! — внезапно Джордж сжал голову руками и упал на колени, пытаясь прогнать возникшие внутри его сознания ужасающие голоса, но те продолжали шепотом повторять странные фразы, изображая единый голос пожилой женщины. — Что происходит? Что со мной происходит?

Джордж с трудом поднял взгляд и понял, что видит перед собой ту личность, которую он так боялся не встретить вновь. Эрван стоял рядом с окровавленным телом в одних только брюках и как-то безразлично смотрел на молодого человека, сидевшего в скорбящей позе.

— Эрван... Эрван, — простонал Джордж, чувствуя, как слезы радости и отчаяния полились по его щекам, не зная меры. — Что произошло? Что? — юноша сделал попытку приблизиться к другу, но внезапно невидимая сила сбила его с ног и не дала сделать шаг. — Эрван, что-то мне нехорошо. Я не могу встать.

— Он вернется сегодня, — вновь зашептал сливавшийся воедино хор, напоминавший сиплый голос пожилой женщины. — Смерть войдет в ваш дом.

— Эрван, подойди ко мне. Пожалуйста, — Джордж в надежде протянул к Эрвану свою изодранную до крови руку, но тот даже не сдвинулся с места, а все так же продолжал стоять на месте и с полным отсутствием эмоций смотреть на то, как его друг делает тщетные попытки подняться на обессиленные ноги. — Эрван, мы должны уйти отсюда. Что-то произошло. Подойди ко мне, прошу тебя... Я не чувствую ног... Эрван, хватит молчать!..

Эрван медленно засунул руку в карман мокрых от воды брюк и уверенным движением вытащил оттуда нож, который настолько ярко блестел в лучах солнца, что Джордж с трудом мог смотреть на этот острый предмет, который его друг уже подносил к своей коже.

— Эрван, что ты делаешь?

— Оно во мне. Я чувствую, как оно ползет по моим венам, — впервые за это время Эрван произнес слова, но они были такими странными и полными тоски, что Джордж еще более ужаснулся, не понимая, что происходит вокруг него. Все стало таким ненастоящим, что молодой человек даже перестал верить, что находится в действительности.

— Эрван, что ты делаешь?

Все произошло настолько быстро, что Джордж даже не успел понять, что видел перед собой. Из груди Эрвана брызнула кровь, но она была не привычного красного цвета, а по каким-то причинам приобрела черный оттенок и имела странную густоту, словно это была не жидкость, а что-то желеобразное, но более жидкое. Эрван неразборчиво разрезал на себе кожу, выпуская эту зловонную черную консистенцию наружу, которая вытекала из него вместо привычной крови. Джордж продолжал делать неудачные попытки подняться на ноги, но неведомая сила отчаянно тянула его назад, не давая ни на йоту приблизиться к разрезавшему себя на кусочки молодому человеку, в котором уже было трудно узнать Эрвана, так как на его теле не осталось ни одного живого места.

— Нет, это все происходит в моей голове. Это просто кошмар, — начал второпях шептать себе под нос Джордж, стараясь не смотреть на столь ужасное действие, что разворачивалось перед ним.

Рядом раздался веселый собачий лай, и Джордж с широко распахнутыми от ужаса глазами взглянул на сидевшего рядом с ним пса, который глазел на парня с таким

умиротворяющим спокойствием, что молодой человек чуть не лишился рассудка из-за абсурдности происходящего. Он вновь повернул голову в ту сторону, где стоял Эрван, но с удивлением понял, что там больше никого, кроме одиноко лежавшего трупа, не было.

— Нет, этого не может быть. Нет... Этого... не может быть, — хлопая глазами, смотрел перед собой Джордж, все еще пытаясь отойти от той вибрации, которая парализовала тело. Он боязливо подвигал пятками ног и с облегчением понял, что может снова ходить и больше ничто не препятствовало этому. Юноша с опаской поднялся на верную пару конечностей и подвигал ими, словно стоял на ногах в первый раз в жизни.

— Что же произошло этой ночью? И что я только что видел? Это просто какое-то недоразумение. Бред. Все это было не по-настоящему? Ведь так? — Джордж вопросительно посмотрела на собаку, сидевшую рядом с ним, надеясь, что та хотя бы немного объяснит ему то, что только что происходило на этом берегу.

Но та беззаботно виляла хвостом и не подавала никаких признаков беспокойства.

Глава двенадцатая. Там, где все началось

— Так, потерпи немного, — прикусив нижнюю губу, произнесла Кристина, светя фонариком в глаз юноши, пытаясь обнаружить какие-либо странности, не присущие здоровому человеку, но, на ее удивление, все было в порядке. — Отлично. А теперь высуну язык.

Джордж послушался и выполнил произнесенную женщиной просьбу, улыбаясь ей все это время даже с открытым ртом. По всей видимости, молодого человека забавляла данная ситуация.

— Что ж, господа... Могу вас расстроить. Причем очень сильно. Более здорового мужчину я в своей жизни не встречала. Конечно, в мои обязанности не входит осматривать живых людей, но по образованию я врач, поэтому заверяю вас, что Джордж здоровее всех вас вместе взятых. Называйте это чудом, даром Божиим, но так и есть, — Кристина потрепала Джорджа по голове, улыбнувшись от его радостного выражения лица, и посмотрела на присутствующих, ожидая их реакции.

Но те еще минуту стояли молча и с шоком глазели на внезапно исцелившегося молодого человека.

— Ты раньше встречала подобные случаи исцеления?

— Были случаи в моей сфере, когда мертвые, уже готовые к вскрытию, резко оживали, а такой ошеломляюще быстрой регенерации тканей не наблюдала. Но на его коже я обнаружила остатки какой-то густой слизи. Сначала подумала, что это пот, но на ощупь это нечто маслянистое и вязкое, даже пальцы склеились, как от клея.

— Ларри, разберешься? — Себ устало посмотрел на своего верного эксперта, и тот утвердительно кивнул, даже не взглянув на детектива. — Не знаю, как вы, а я, кажется, схожу с ума, так как за двое суток я повидал столько чудес, что впечатлений до конца жизни хватит... Джордж, ты правда ничего не помнишь? Совсем ничего, что произошло с тобой до пожара? Ведь ты был в сознании все то время, даже говорил, что на тебя кто-то напал...

— Если бы я помнил, то все рассказал бы. Но все будто ножницами вырезали из моей головы, — сочувственно улыбнулся тот. — Ничего не осталось. Такое странное чувство...

— Я бы попыталась списать это на амнезию, — с сомнением в голосе произнесла патологоанатом. — Но без каких-либо признаков на травму головы... Нет, не могу. Здесь что-то другое. Пока единственное, что может нам дать понять произошедшее... Чудо... Больше ничего, — женщина с восхищением взирала на Джорджа, мысленно оценивая идеальность его кожи, которая раньше не имела столь ровной и гладкой структуры, даже родинки и пятна испарились, хотя раньше их было предостаточно.

Лицо Джорджа сияло энергией, положительными эмоциями, он будто только что родился и с явным жадным восторгом поглощал новый для себя мир, бегая глазами из стороны в сторону в поисках необычных неизведанных деталей.

— И что мы будем делать с ним? Нам нельзя просто так его вывести на свет, ничего не объяснив, — Ларри впервые за все это время вступил в разговор, и на его лице явно прослеживалась беспомощность. — Даже если я изучу слизь с его кожи, что это даст? Мы ничего не получили из той кислоты, разьевшей стены в спальне Татьяны. А из этой слизи не получим и подавно.

— Ну, та кислота же показала нам, насколько я помню, что кровь значительно старше

группа собаки, — настороженно взглянула на него Кристина, положив руки на пояс.

— И что мы из этой информации извлекли? Какую-то антинаучную несуразицу. Я хоть и верующий человек, но если кто-то попытается спихнуть это на какую-либо религию, даже вымершую, то извиняйте, к этому делу даже не захочу притрагиваться, — Ларри устало повертел головой и скрылся в своей лаборатории, больше ничего не сказав.

— Не обращай на него внимания, он тоже не спал всю ночь, — извинился за Ларри Себастьян, смущенно улыбнувшись женщине.

— Да ладно. Я на его месте тоже бы паниковала. Ведь сегодня день рождения его жены, а он находится тут, хотя обещал быть с ней рядом в ближайшие два дня. А мы его насильно держим. Просто как-то раз эта дамочка забегала сюда со скандалами. С ней страшно связываться. Но видно, что он ее любит больше жизни.

— Да, жена у него еще та штучка, — усмехнулся Себ.

— Если вы думаете, что я ничего не слышу, то вы глубоко ошибаетесь, — из лаборатории послышался недовольный голос Ларри, но по манере его произношения было видно, что слова коллег мужчину ничуть не задели. — Кое-кто уже больше двадцати лет боится жениться, но пытается давать мне семейные советы. Тебе должно быть стыдно, Себ.

— Я люблю свободу, друг мой. Жена мне ни к чему.

— Холостяк ты завидный, — закатила глаза Кристина и обошла операционный стол, на котором сидел Джордж. — Тебе действительно пора бы уже давно задуматься о семейной жизни. Через четыре года тебе уже пятьдесят. Зачем так тянуть с этим делом?

— Что вы ко мне привязались? — с недовольством фыркнул тот, скрестив руки на груди. — Я сам разберусь, как мне жить и что делать. Мы взрослые люди.

— Но некоторые ведут себя хуже детей.

— Я приму это за комплимент.

— Это не был комплимент. Это был прямой упрек. И я все вижу, если ты не заметил.

— Так, прошу. Не надо сюда вписывать Татьяну.

— А кто сказал, что я буду вписывать сюда Татьяну? — блеснула глазками та. — Не держи нас за слепых. Мы все знаем, как ты на нее смотришь, хотя делаешь все возможное, чтобы она тебя изо всех сил терпела, как надоедливую саранчу, против которой нет химикатов.

— Давайте сменим тему, ребят. Мы сейчас должны обсуждать более серьезные темы, чем мою личную жизнь. Татьяна — моя коллега по работе, она для меня просто хороший друг.

Кристина заметила, что Джордж от этих разговоров как-то напрягся и немного погрузился. Но поймав ее взгляд, быстро сделал вид, что его больше ничего не беспокоит.

— Вы можете просто вычеркнуть из моей биографии тот пожар, — Джордж решил помочь сменить тему разговора и начал с обсуждения серьезных вещей. — Будто со мной ничего не произошло. Думаю, вам это сделать будет проще простого, детектив Себастьян Моран, — молодой человек в упор посмотрел на мужчину, сверкнув зрачками.

— А как же ты? Неужели тебя не беспокоит тот факт, что ты каким-то чудом исцелился?

— Нет. Ничуть. Я рад, что выздоровел. Теперь снова могу взяться за работу.

— Ты себя слышишь, Джордж? Ты не здоров! То, что с тобой сейчас происходит, это ненормально! И быть ненормальным не может!!! Просто не может!!! — Себастьян резко перешел на крик и в сердцах ударил кулаком по стене. — Я скоро чокнусь со всеми вами! Ты

говоришь так спокойно, будто тебя совсем не волнует, насколько все серьезно. Кто-то, возможно, ставит эксперименты на людях, прикрывается привидениями, а ты тут осмеливаешься говорить, что тебя не занимает, что с тобой произошло! Ты был нашим важнейшим свидетелем! И теперь тебя нет.

— Да, я все забыл. И вряд ли мои исчезнувшие воспоминания могли иметь хотя бы какую-нибудь ценность, — Джордж с издевкой усмехнулся. — Ты просто боишься показаться в глазах Татьяны трусом. Ведь со времен вашего прошлого дела ты не сделал ничего стоящего. А сейчас заработал былую славу на ней же самой.

— А ты откуда все это знаешь?

— Я видел газету. Она красуется в рамочке позади тебя, — кивком головы указал тот и снова с издевкой ухмыльнулся, заметив на лице детектива долю смущения. — Татьяна даже близко не должна была подпускать тебя к расследованию. Ты только запутал все и окунул ее в грязь.

— А ты что сделал?! А?!

— Так, успокойтесь, — встала между ними Кристина. — Да, мы оказались в абсолютно абсурдной ситуации, в которой нет ни малейшего намека на объяснение всего происходящего. Мы уже сталкивались с подобным. Но никогда не обвиняли друг друга в ошибках. В нашем деле ошибки могут быть. Потому что сейчас мы водим вилами по воде. У нас даже нет ни малейшего представления, с чем нам удосужилось столкнуться.

— Извините, — вытер слюну с губ Себастьян и безразлично отвернулся от присутствующих в комнате. — Я просто не представляю, как мы будем со всем разбираться. Большая ставка была на показания Джорджа, на вскрытие Итана... И теперь ничего этого нет. Мы имеем ухмыляющегося Иисуса и повесившегося по пьяни мужика. Все. И где доказательства, способные заставить поверить наше начальство в то, что есть повод возобновлять дело?

— Ради Татьяны, мы должны рискнуть и продолжить искать убийцу без разрешения начальства, — произнес Джордж. — Она не простит нас, если мы отвернемся. Ей не обязательно знать о моем выздоровлении, это действительно может ее шокировать.

— Татьяну сложно обмануть. Она узнает о тебе мгновенно, едва ты выйдешь из этих стен.

— Придется тебе ей соврать. Ты же делаешь это уже не в первый раз, так что много усилий на это не уйдет.

— Еще одна колкая фраза и мне придется тебя поколотить. Только дай повод.

— Ладно. Если вы уже не в силах строить теории, а я — ухмыляющийся Иисус — полон сил и готов работать за вас троих, то слушайте мое предположение. Со мной случился несчастный случай после того, как я направил Татьяну на правильный след, в тот же день исчезла и она. Я не знаю, по какой причине мои ткани регенерировали, но сейчас есть большой риск, что как только мы будем идти в нужном направлении, то с кем-нибудь из нас случится нечто неприятное, как и со мной. Примером может стать Сьюзен.

— Ты хочешь сказать, что некто следит за каждым из нас и убирает любого, кто направит Татьяну в нужное направление? Ты себя слышишь?

— А ты видишь другое объяснение?

— Вообще-то его теория хоть и звучит нелогично, но сейчас только она способна объяснить всю эту чертовщину, что мы наблюдаем, — вмешалась в разговор Кристина, смотря куда-то себе под ноги. — Но мы не можем склоняться в сторону теорий, основанных

на чем-то мистическом. Сколько раз вы пытались это делать и каждый раз осознавали, что перед вами очередной фокусник.

— А как ты объяснишь случай Джорджа? Ведь сюда только и подходит слово «мистика», — угрюмо ткнул в Джорджа Себ и нервно стал ходить по комнате. — Мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы персонал той больницы молчал об этом происшествии в тряпочку, иначе наш уважаемый друг стал бы сенсацией. Даже «Титаник» нервно курил бы в сторонке.

— Ну, затонувший пятнадцать лет назад пароход вряд ли сможет конкурировать с уникальностью нашего коллеги, — улыбнулась Кристина, сев на край операционного стола рядом с Джорджем. — Эту ночь я вряд ли когда-нибудь забуду. Вы не представляете, какого это вскрывать труп собаки, когда это никак не входит в рамки моей специальности. А потом через пару часов уже иметь перед собой тело повесившегося человека, который, к тому же, во время своего самоубийства сходил под себя несколько раз, а его ротовая полость была доверху наполнена рвотной массой. Лучшие впечатления за день. Надеюсь, сегодня мертвечины не намечается. Еще один такой экземпляр я не выдержу. Мне потом этими руками своего маленького сына обнимать.

— Ладно, вы с Ларри можете сегодня отдохнуть, — спокойным тоном произнес Себ, устало вздохнув. — Вы уже сделали все, что могли.

— Ты уверен?

— Да. А я съезжу к Татьяне. Узнаю, как там Сьюзен.

— И что ты ей скажешь? Будешь сообщать новость про Джорджа?

— Нет. Думаю, Джордж прав, она пока не должна знать об этом.

— Ты ведь сам говорил, Татьяна узнает о случившемся сразу же, как только Джордж выйдет из этих стен.

— Пусть тогда не покидает их, пока я не пойму, что нам делать.

— Себ. Это не смешно. Я серьезно, — исподлобья взглянула на него женщина. — Мы должны все вместе решить, как нам поступить с Джорджем. Не делай вид, что его здесь нет.

— Я возьму его с собой. Раз уж вы едете к семьям, мне придется повозиться с мальчиком.

— Мне уже исполняется тридцать один в следующем году. Может, хватит называть меня мальчиком? — обиженно произнес Джордж.

— Четыре года назад ты был для меня мальчиком, таким для меня и останешься. Ты просто не выглядишь на тридцать. Многие наверняка сомневаются, что ты уже брешь.

— Обожаю твой юмор. Прямо получаю блаженство от этого.

— Едешь со мной до больницы. На глаза Татьяне не вздумай попадаться. Есть риск, что тот психопат, что сделал это с тобой, сделает еще одну попытку убрать тебя, как важного информатора.

— Если бы он хотел убрать меня, то давно бы сделал это.

— Он прав, — сказала Кристина, посмотрев на Джорджа. — И его необъяснимое исцеление это подтверждает.

— Тогда можно предположить, что тот идиот убрал не того свидетеля и в качестве извинения вылечил раны Джорджа, — в очередной раз фыркнул Себастьян и надел на голову шляпу, с которым он редко расстается. — Ладно, будем верить, что это действительно так. А пока я буду молиться, что мой мозг не взорвется от того, что мне вообще не понятно, что мы, мать твою, делаем.

— Мы знаем этот мир еще слишком плохо. Нам до сих пор неизвестно, что находится в космическом пространстве, поэтому отрицать то, что могут существовать те явления, которых нам пока не удавалось зафиксировать, нельзя, — успокоила его Кристина, смущенно улыбнувшись.

— Да. Но обычный человек не способен за месяц регенерировать и избавиться от ожогов, которые даже при полнейшем заживлении оставляют уродливые шрамы по всему телу. Ты не была в той палате, не видела, что там творилось. Мы с трудом привели в чувства медсестру, что нянчилась с Джорджем все это время. Девушка чуть из шкуры не выпрыгнула от шока. Было столько крови, как будто нашего ухмыляющегося Иисуса размазали по всем стенам, а потом слепили заново из свежего материала.

— Кстати, интересная теория, — послышался голос Ларри из лаборатории. — И пока вы не ушли... Хотите увидеть сюрприз?

— Что ты там нашел?

Ларри с восхищенной улыбкой вышел из своей берлоги и продемонстрировал им две пробирки, слегка взболтнув их прозрачное содержимое.

— Кажется, кожу Джорджа покрывала уже знакомая нам «слюна Дьявола». Видимо, наш Дьявол любит вылизывать людей и залечивать их раны.

— Боже, какая гадость, — сморщила лицо Кристина. — Ну и мысли у тебя.

— Ты режешь трупы, Кристина. Тебя не должны смущать такие вещи.

— Я просто представила, как дьявол вылизывает тебя, пока ты спишь.

— Прекрати, — покраснел тот и снова обратил всеобщее внимание на пробирки. — Но только та, что была на коже у Джорджа, содержала маленькие кусочки человеческой плоти, которую тщательно пережевывали. Ну, если вы не поняли, что я имел в виду, то съешьте что-нибудь и тут же лизните свою руку. На коже останутся следы вашего обеда.

— И что кушал наш Дьявол, если не секрет? Мне просто интересно, я как раз хотела до лета сесть на диету. Вдруг он вегетарианец и посоветует мне хорошее меню.

— Придется тебя огорчить, Кристина. В этой самой «слюне Дьявола» содержатся остатки пережеванной человеческой плоти, весьма свежей.

— Только не говорите, что меня облизал пообедавший каннибал, обладающий даром исцеления, — брезгливо посмотрел на них Джордж и поежился от холода, так как все это время он сидел здесь с обнаженным торсом.

— Я уже не могу быть уверенным, Джордж, — взглянул на него Себ. — Мы имеем дело с тем, что не подразумевает то, что мы привыкли видеть в этом мире. Кажется, придется на этот раз обойтись без фокусников с фотоаппаратом.

— Себастьян, подожди! — Кристина окликнула мужчину в коридоре и, запыхавшись, подбежала к нему. — Стой. Да стой же ты!

— Что случилось? — удивленно посмотрел на тяжело дышавшую женщину тот, будто видит ее впервые. — Привидение увидела?

— Нет... Просто волнуюсь. После того, как Татьяна отвернулась от тебя, назвав предателем, ты будто потерял свой фирменный нюх. Разучился видеть очевидные вещи, стал сомневаться в себе.

— Со мной все хорошо. И Татьяна тут ни при чем.

— Не держи меня за дуру, Себ. Вместе с Татьяной вы были способны разгадывать самые неразрешенные загадки, которые не подвластны ни одному уважающему себя детективу. Вы

поднялись вместе до такого уровня, что уже вряд ли кто-то посмеет усомниться в ваших способностях. Но что случилось с вами после стольких лет? Вас будто подменили. Татьяна теперь похожа на замкнувшегося в себе подростка, из нее будто высосали все соки, а ты словно ослеп и намеренно не замечаешь улики, разбросанные у тебя под ногами. Мы с Ларри за этот день чуть ли не под ручку водили тебя, пытаюсь помочь понять, что могло убить тех людей. Может тебе не стоит надеяться, что все тайны для тебя вежливо откроют двери? Попробуй сосредоточиться на чем-нибудь одном.

— Не надо меня учить, хорошо? Я сам разберусь, что мне делать, а что нет.

Кристина положила руки на пояс и обреченно вздохнула.

— Я знаю, что твоя гордость не позволит признать, что ты идешь не по тому пути.

— А разве я куда-то шел? Мы топчемся на месте. Уже второй месяц. А убийца только подкидывает нам новые тела. Если кто-то пронюхает, что мы посадили за решетку невинного человека, да еще и в возрасте, то разразится такой скандал, какой нам и не снился. И нас уже не будут знать, как тех, кто смог остановить десятки шарлатанов, пытавшихся заработать на людском горе с помощью умерших людей. Посчитают лгунами.

— Ты сам виноват. Татьяна предупреждала, что пресса может перекрыть вам дыхание. С серийными убийцами шутить нельзя. Сейчас этот монстр гуляет на свободе и продолжает убивать. Он вышел за пределы психлечебницы и уже свободно гуляет в Лондоне. Сьюзен тому подтверждение. У нее имеются все признаки, которые были у тех жертв. Чудо, что она еще жива. И не забывай о трупe собаки.

— Я помню. Но мы рискуем потерять все козыри в нашем рукаве, потому что из новых жертв мы не вынесли никакой информации.

— Да. Дело трудное. Но ты не из тех, кто имеет право опускать руки. Сделай все возможное, чтобы зло оказалось уничтожено. Сейчас каждый из нас подвергается риску. Все мы можем погибнуть из-за правды. Джордж и Сьюзен, к счастью, остались живы. Но кто знает, что будет завтра? Мы не в курсе, с чем имеем дело.

— Кристин, эти разговоры ни к чему не приведут. Я в понимаю, что мы ходим под прицелом, любой может завтра погибнуть от рук некоего психопата. Но надо сначала понять, что делать и ради чего утруждать себя? Вдруг Итан и Сьюзен никак не связаны с тем, за чем мы так долго гонимся? А собаку мог подкинуть любой из недоброжелателей. А эта водичка, которой трясет Ларри... Обычный бред.

— Ты так уверенно это говоришь, — усмехнулась та. — Мы еще слишком далеки от технического прогресса. Человечество даже в космосе ни разу не было, хотя до него рукой подать. И ты пытаешься отрицать те вещи, которые ясно видишь, но не хочешь принимать, так как они не вписываются в привычные рамки твоего мировоззрения. Что с тобой? Ведь раньше ты строил теории, основанные на том, чего попросту не может быть. И это приводило тебя к истине. А сейчас пытаешься начать с конца, желая ухватить истину сразу же с первой попытки. Помни, что-то разгадать не суждено. Найди убийцу, но не пытайся понять его мотивы.

— Но я должен понять.

— Моего мужа убили религиозные фанатики, сожгли прямо на глазах нашего сына, который тогда находился с ним. Я не пыталась узнать, ради чего они принесли Стива в жертву. Мне было достаточно того, что их всех до единого покарал закон. Не нужно понимать убийц, не стоит влезать в их шкуру. Их разум — вирус, он может перекинуться и на тебя, если ты попытаешься проникнуть в его темные уголки.

— Я не боюсь заразиться. Просто нашего убийцу уже не поймать традиционными способами. Мы пытались, а он нагло подкидывал нам новые улики, будто уже сам замучился бегать от нас. Поэтому придется понять его способ мышления, только так мы выйдем на него. С твоим мужем было все проще, мы знали, кто это сделал. А сейчас гонимся за тенью. И нам надо стать ею, чтобы покарать законом.

— Хорошо. Делай, как знаешь. Ведь я просто патологоанатом, мне не присуще думать, как детектив. Это твоя работа.

— Прости, что так старательно обхожу тему смерти твоего мужа. Просто я так устал, что уже не способен на эмоции.

— Ты не должен извиняться, ведь именно тебе пришлось сажать этих уродов за решетку. Правда, никто это не оценил, но ты спас честь моего мужа.

— Он был замечательным детективом. Мы с ним не один год работали. Это моя вина, что я допустил его смерть. Мне следовало оказаться рядом.

— Мы не в силах спасти всех, кому-то суждено погибнуть в любом случае. Не вини себя за то, чего не делал... — Кристина ласково погладила мужчину по щеке и на уголках ее глаз появились милостивые гусиные лапки, возникавшие только тогда, когда женщина искренне улыбалась. — А теперь иди. Татьяна ждет тебя. Ты нужен ей.

— Да. Надо идти, — кивнул мужчина и, поправив свою любимую шляпу, пошел вперед по длинному оживленному коридору, но перед тем как скрыться за углом он напоследок взглянул на Кристину, которая продолжала с улыбкой смотреть мужчине вслед. — Береги себя. Ты нужна нам живой.

Та тихо посмеялась и помахала ему на прощание рукой, облаченной в медицинскую перчатку.

— Я постараюсь не вляпаться в неприятности. Хотя кто знает, что со мной может случиться по дороге, — с завидным оптимизмом промолвила она, поправив упавшую на лоб прядь длинных светлых волос.

— Все будет хорошо. Не нужно думать о плохом. Мы во всем разберемся.

Несколько врачей в спешке везли медицинскую кровать вперед по длинному белому коридору совершенно пустой больницы, что-то обеспокоенно обсуждая между собой. Но на их бледных мокрых лицах можно было сразу же разглядеть долю сомнения в том, что их пациент сумеет вовремя добраться до того места, где ему смогут спасти жизнь. Сьюзен с трудом пребывала в сознании и полуоткрытыми глазами смотрела на рыжеволосую женщину в расстегнутом пальто. Татьяна быстро шла вслед за врачами и со спокойной улыбкой, скрывавшей ее слезы, следила за тем, чтобы Сьюзен чувствовала себя в безопасности, и боялась хотя бы на секунду замедлить шаг.

— Татьяна, что со мной происходит? — с трудом прошептала Сьюзен и почувствовала, как рыжеволосая женщина с нежностью сжала ее руку в своей ладони. — Я умираю?

— Все будет хорошо. Я тебе обещаю, — ответила та. — Я сделаю все, чтобы ты снова встала на ноги. Слышишь? Тебе помогут, мы во всем разберемся.

— Обещай мне, что позаботишься об Эмми и моем брате. Они ведь такие беспомощные без меня.

— Эмми?.. Кто такая Эмми?

— Миссис Хапперт, прошу вас отойти, — любезно попросил Татьяну один из врачей. — Пациентке сейчас нужен покой. Не волнуйтесь, мы сделаем все, что в наших силах.

Татьяна с трудом отпустила руку своей подруги и в отчаянии смотрела, как ее стремительно увозят вдаль. Девушка по-настоящему стала бояться, что Сьюзен больше никогда не вернется оттуда. Она готовилась к самому худшему развитию событий, хотя заставляла себя не думать о плохих вещах, но не было ничего, что могло бы указывать на улучшение сложившейся ситуации.

Брайан Аддингтон — опытный следователь, который беседовал с Ричи в ходе опроса после того, как молодой человек устроил стрельбу в полицейском участке — оперативно прибыл с командой полицейских и экспертов на место, где женщины обнаружили повешенное тело Итана. И сделал все возможное, чтобы Сьюзен, внезапно сломленную странным недугом, доставили в ближайшую больницу. Мертвеца же, как этого и хотела Татьяна, увезли на вскрытие в участок. Впервые женщину-детектива не стали ослушивать и сделали все по ее поручению. А сама она поехала на карете скорой помощи вместе со Сьюзен. Татьяна так устала от следовавших один за другим потрясений, что даже макияж не мог скрыть следы ее сильнейшей усталости. Еще никогда в своей жизни она не видела столько крови и мертвых тел за такой короткий промежуток времени.

Спустя шесть часов Татьяну все же пустили к Сьюзен, которая даже не заметила приход подруги, так как была погружена в глубокий крепкий сон, откуда ее вряд ли получится вытащить в ближайшие несколько дней. Даже темный цвет кожи не мог скрыть болезненный оттенок ее лица, на губах появилась непривычная им грязная синева, а под глазами возникли синяки, которых никогда у Сьюзен не было. Посидев рядом с ней десять минут и все это время держа подругу за руку, Татьяна не произнесла ни слова и так же молча вышла из палаты, с трудом сдерживая накопившиеся в ней эмоции. Татьяне было делать вид, что она совершенно спокойна, так как внутри все закипало, а она даже понятия не имела, что ей теперь делать и куда идти. Произошедшее окончательно сбilo ее с толку. Все это напоминало кошмар сумасшедшего, где ничего не имеет логического подхода и хотя бы намек на счастливое завершение. Врачи до сих пор не знают, что сломало крепкий организм женщины-полицейского, но уже делают неутешительные прогнозы, хотя пытаются заверить, что той помогут и сделают все, чтобы она пошла на поправку. Татьяна знала, что те нагло врут и что Сьюзен поможет только чудо. Но где искать это чудо? И в каком направлении делать первые шаги? Она имела в своем распоряжении столько деталей, столько улик, но ни что из этого многообразия не желало складываться в общую картину. Каждая деталь этого пугающего расследования существовала самостоятельно и не могла ничего объяснить.

Едва Татьяна вышла из палаты, как на ее пути возник Себастьян, который выглядел таким уставшим и подавленным, что у девушки сжалось сердце, ведь именно из-за нее он лишил себя столь ценного при его должности сна. Но тот не подавал виду и даже нашел силы приветливо улыбнуться бывшей напарнице, хотя это у него получилось чересчур фальшиво.

— Привет. Ну, как она? — поинтересовался мужчина, с беспокойством поглядывая на дверь, откуда только что вышла Татьяна.

— Пока ситуация оставляет желать лучшего, — обреченно вздохнула та и села на рядом стоявший стул. — Ты хотя бы раз пытался понять, что произошло за эти полтора месяца? Мы будто стали частью чьей-то злой шутки и бегаем за каким-то невидимым головорезом, даже не представляя, с чем имеем дело. Врачи делают плохие прогнозы насчет Сьюзен. Они даже

не в курсе, что с ней произошло.

— Но ты догадываешься.

— Да. Возможно. Но я не хочу в это верить.

— Она не могла заразиться испанкой, Танюша. Этого гриппа уже не существует в той форме, который убивал людей пачками. Да, симптомы похожи, но...

— Симптомы идентичны. Но врачи отрицательно качают головой, считая, что это что-то другое. Но я смотрю на нее и ясно вижу те фотографии, на которых изображены жертвы тех убийств. Одни и те же признаки, только странных укусов нет и наличия смертельного исхода. Пока что она жива, и я молю Бога, чтобы так оно и осталось. Но нет никакой надежды... Столько смертей.

— Тот повесившийся мужчина... Он ведь был знаком со Сьюзен?

— Да. Она сказала, что они были в отношениях много лет назад, но тот был любителем выпить, а она терпеть его пьяные выходки не стала и ушла от него. Хотя общение не прервали и помогали друг другу, но уже по-дружески. Он должен был откопать для нас информацию, касавшуюся того мальчика, который устроил в участке стрельбу.

— Я не понимаю, что ты такого увидела в этом спятившем молокососе? Брайан сказал, что тот в комнате допросов вел себя неадекватно. Как он может быть связан с тем, что мы расследуем?

— Он был тесно связан с Анной.

— Ты хочешь сказать, что он был ее родственником? Но ведь у этой старушки нет ни детей, ни внуков, тем более братьев, сестер, которые были бы живы и могли отдать ей на воспитание этого отпрыска.

— Нет, он не был связан с ней родственными узами. И, скорее всего, она сменила ему имя, так как в том личном деле, которое откопал на него Брайан, не было информации о Ричи, касающейся его детства. Будто до тысяча девятьсот девятнадцатого года он не жил вовсе.

— А смысл нам знать, что он делал в одиннадцатилетнем возрасте?

— Смысл в том, что тогда убили его семью. И он был первым подозреваемым. Но потом его засунули в логово к Доктору Ломану. Так что он может знать многое о том заведении. И меня пугает тот факт, что даже Брайан не в курсе, где сейчас находится Ричи, хотя он занимался его делом, меня ведь к мальчику даже не подпустили, так как думали, что он захочет меня застрелить. А когда я захотела его использовать, чтобы разобраться во всем, то меня внезапно отстранили от расследования, которое после этого случая тут же закрыли. Ты не представляешь, что я тогда чувствовала. Почему нужно было отнять две жизни и одну подставить под сомнение, чтобы это расследование снова открыли? Неужели нашему боссу так хотелось, чтобы было больше жертв?

— Мы просто не знали, с чем имеем дело. Сейчас оспаривают виновность Анны, хотя то, что она призналась в убийствах, делает пока что невозможным ее возможное освобождение. Если тело этого Итана приравняют к тем жертвам, то у нас появится шанс спасти твою старушку. Только ей могут вклеить обвинение за дачу ложных показаний, да и на роль соучастницы преступлений взять. Тем более на орудии убийства, которым угробили того азиата, ее отпечатки.

— Она могла просто стереть настоящие отпечатки и оставить свои, чтобы сбить нас со следа. Анна скорее всего и правда была соучастницей, но никого не убивала.

— Хочешь с ней поговорить? Я могу это устроить. Думаю, у тебя найдутся к ней

вопросы.

— Я буду тебе очень благодарна, если ты это сделаешь. Спасибо, Себ, — девушка поднялась со стула и обняла мужчину, но потом смущенно отстранилась от него, так как поняла, что их объятия немного затянулись. — А тебе нужно поспать. Ты еле на ногах стоишь.

— Успею еще. Мне около часа назад поручили взяться за одно дело. Сам ещё не знаю деталей, но что-то серьезное. Так что придется тебе действовать одной, но я буду стараться в сложных ситуациях приходить на выручку. Я чувствую себя таким виноватым перед тобой. Ведь если бы я тогда послушался тебя и не стал откидывать твою теорию, то мы могли бы избежать новых смертей.

— В нашем деле ничего не делается без ошибок, так что не бери в голову. Кстати, Брайан сказал, что Ларри нашел в отчетах, которые мне дал доктор Ломан перед тем, как я взялась за расследование, формулы какого-то вещества, которое определяет возраст крови мертвого существа. Это правда?

— Да. Он нашел какую-то вязкую водичку, которую собрал с твоих стен. Эта штука вынудила твоего мужа делать ремонт в вашей квартире.

— Но ведь мои стены были в таком состоянии, будто их облили сильнейшей кислотой.

— Да. Но Ларри спокойно окунал в эту дрянь свои пальчики. И ему хоть бы что. Как оказалось, доктор Ломан участвовал в медэкспертизах первых жертв, но вскрытия не проводились, что было странным. И он описывал эту дрянь какими-то бредовыми понятиями. Называл ее слюной дьявола. Какая-то религиозная ересь.

— Действительно странно. А там не написано, как он ее вывел?

— Как я понял, он ее не выводил, а получил из каких-то имевшихся у него образцов. Но если учесть, что он хирург, то не удивлюсь, что он выдавил ее из каких-нибудь живых существ. Все эти врачи самые настоящие психи.

— Эй, тебя тут могут услышать, — усмехнулась Татьяна и похлопала Себастьяна по плечу. — А кому поручили делать вскрытие Итана?

— Кристине.

— Кристине? Она же проводила вскрытие того азиата, насколько я помню.

— И должна была вскрывать украденное тело Ломана. Она единственная, кто согласился на это. Ведь прошелся слухок, что тела заражены неизвестным смертельным вирусом. А у нас ведь нет защитной амуниции для таких случаев. Мы же обычно вскрываем тела здоровых людей, а не инфицированных. Чудо, что нам вообще позволили забрать тела.

— Мы не частная организация, поэтому и позволили. Просто никто не хотел лишний раз пачкать руки. Ладно, поехали в участок. Я тут сижу уже шесть часов, мне нужно срочно развеемся, а то я сойду с ума.

— Кстати, забыл тебе сказать, — Себастьян неожиданно покраснел и как-то странно улыбнулся. — Отлично выглядишь. Давно не видел тебя в таком виде.

— Просто решила привести себя в порядок. Немного пудры, теней, румян, и я снова человек, — усмехнулась девушка и глубоко вздохнула. — Я просто поняла, что не должна показывать людям своим внешним видом, что в моей жизни творится какая-то чертовщина. Пусть думают, что я твердо стою на ногах.

Анна ждала ее в комнате для свиданий. В этом маленьком грязном помещении не находилось ничего, кроме одного металлического стола и двух стульев. Вся эта скромная

мебель была прибита к полу, и вряд ли у кого-то возникнет мысль сдвинуть их с места, так как это будет невозможным. Не присутствовало даже источника освещения, весь искусственный свет проникал сюда через соседние помещения, отделенные от этого с помощью прочных решеток. Здесь не было даже окон, все полностью изолировано от внешнего мира, отчего возникало чувство страха и даже клаустрофобии.

Татьяна долго стояла около решетчатой двери и смотрела на эту скромно сидевшую пожилую женщину, облаченную в простенькое платье неприятного серого цвета и запачканный некогда белоснежный фартук, в котором та была все время, что девушка ее знала. Анна смотрела куда-то вперед, не осмеливаясь отрывать уставший взгляд от покрытой трещинами и паутиной стены, и чего-то ждала, смиренно и пугающе спокойно.

— Как она себя чувствует? — поинтересовалась Татьяна у начальника тюрьмы, который услужливо стоял рядом с детективом и следил за каждым ее действием.

— Врачи каждый день наблюдают за ней, ничего необычного и тревожного в ее состоянии не обнаружено, она не отрицает случившееся и свое участие в этих ужасных событиях. Она не отказывается от еды, от наших предложений, берет от нас все, что мы ей предлагаем. И это радует, так как с этой женщиной не возникает проблем, и у нас нет опасений, что ей удастся что-нибудь учинить. Перед нами обычный человек, без каких-либо признаков на то, что он способен совершить убийство. Говорят, что появились некие улики, оспаривающие ее виновность. Это правда?

— Я надеюсь на это. Поэтому я здесь. Я хочу понять.

— Разумеется. Но мы можем вам дать только десять минут. У нас строгий график, вы уж извините за такие неудобства. Меня предупреждали, что это очень важная беседа, но мне не позволено нарушать приказ. Хоть я и руковожу всей тюрьмой, но нахожусь под каблуком у более высоких должностей.

— Я вас прекрасно понимаю, мистер Диксон. Мне много времени не понадобится. Обещаю, — девушка выжала из себя улыбку и после того, как дверь была открыта, она, переведя дыхание, вошла в комнату для свиданий, почувствовав всем телом, какой здесь стоял холод. Отопление в этом помещении не предусматривалось, поэтому создавалось ощущение, что все еще находишься на улице.

Татьяна села напротив Анны и с изучением стала смотреть на нее, обдумывая, как начать с этой женщиной беседу, но та поняла по состоянию девушки ее сомнения и завела разговор первой, стараясь говорить привычным безмятежным голосом.

— Целый месяц я не получала весточки с внешнего мира, даже солнце стало для меня чем-то, что ушло в далекое прошлое, так давно не видела дневной свет. Мне запрещено выходить из камеры, даже во время организованных прогулок. Иногда помещения проветривают, и я жадно глотаю свежий воздух, понимая, как скучаю по кислороду. Безумно рада, что вы меня навестили, Татьяна. Но думаю вас привело не желание увидеть мою персону. У вас есть ко мне вопрос.

— Объясните... Почему? Почему вы пожертвовали собой? Вы ведь знаете, что ничего не совершали. Но продолжаете заставлять всех верить в свою сфальсифицированную виновность. Ради чего?

— У меня не было выбора, моя дорогая. Мы с вами все это время шли по одному и тому же пути и пытались достичь похожих целей. Но кто-то из нас сдался и остановился, а кто-то все еще смело движется вперед, хотя понимает, что его жизнь находится в смертельной опасности.

— Вы ведь тоже видите все это? То, чего нельзя объяснить... То, что вызывает у вас страх...

— Когда я вас увидела, сразу же поняла, что мы видим одни и те же вещи, но каждый воспринимает их по-разному. Некоторые из них, что были перед нами, возникали только из-за того, что мы этого хотели, наше сознание желало их увидеть, чтобы понять, куда идти дальше.

— Но эти видения убивают... — затаив дыхание, прошептала Татьяна и сжала голову руками, пытаясь переварить возникшие в ее голове безумные мысли, которые перестали казаться такими уж и бессмысленными, как это было еще совсем недавно. — Поэтому меня одолевали эти приступы... Как только я приближаюсь к чему-то важному, некая сила отталкивает меня назад. Это произошло и с моей коллегой по работе. У нее было то же самое! Почему?

— Когда вы вошли в психиатрическую лечебницу, видения сразу же завладели вами... Мы видим то, что считаем нужным. Но когда в этом пропадает необходимость, это исчезает бесследно.

— Я уже слышу это не в первый раз, Анна... — нервно смеясь, стала ходить по комнате Татьяна, пытаясь хотя бы немного понять смысл слов, которые только что доносились из уст пожилой женщины. — Вы лжете. Вы мне нагло лжете! — Татьяна резко уперлась руками о стол и пронзила Анну яростным взглядом. — Вам не удастся снова сбить меня со следа. Вы слышали меня?! Я слишком часто доверяла людям, которые меня после нагло предали. И не позволю сделать это вновь!

— А как же Ричи? Ты ведь ради него сюда пришла, не так ли? Вряд ли ты будешь отрицать тот факт, что вы вместе видели то, что нельзя объяснить.

— Как вы узнали? — Татьяна услышала имя юноши и резко успокоилась, почувствовав себя немного неловко за то, что посмела повисить на Анну голос.

— Теперь ты должна понять, насколько все серьезно. Доктор Ломан был одним из первых, кто пытался объяснить этот феномен, он тоже видел эти необъяснимые вещи, считал, что обладал способностью чувствовать загробный мир.

— Те формулы, что он вывел... Слюна Дьявола... Это?..

— Кровь, кровь обитателей того мира, в котором мы не по своей воле оказываемся. Мы не сразу понимаем, что перед нами не реальность, потому что чувствуем каждую деталь так сильно, что мозг начинает верить в происходящее перед глазами.

— Откуда вам это известно? Я... я не могу поверить в истинность ваших слов.

— Восемь лет ты шла по неправильному пути. И когда пришла туда, где все началось... Ты начала видеть того, кого пыталась найти столько лет. Разве это не должно быть доказательством?

— Но как это объяснит убийства?

— Чтобы спасти то, что тебе дорого, надо замкнуть круг. Но для этого надо принести много жертв. Я не готова пойти на это. Но ты должна завершить то, что начала восемь лет назад. Найти то, что так давно искала.

— Вы пытаетесь меня запутать.

— Я знаю, что тебя смущает, — женщина украдкой посмотрела на начальника тюрьмы, который уже потерял к ним интерес и смотрел куда-то в сторону, откуда доносился звук телевизора, и засунула руку в фартук, достав оттуда странный предмет. Она поставила его на стол, и Татьяна увидела, что это была травяная свеча. — Самый дешевый воск и кофейный

лист.

Татьяна с неуверенностью взяла свечу и сжала ее в руке, поднеся ароматный предмет к носу, чтобы уловить тот самый мятный запах, но вместо него она ощутила нечто другое, совершенно ей не знакомое.

— Когда ты видишь что-то страшное перед собой, чувствуешь необычный запах, неведомый тебе ранее?

— Да. Что-то похожее на мяту, только в этом запахе чувствует нечто острое, отчего даже хочется чихнуть.

Анна задумчиво кивнула и посмотрела куда-то в сторону, глубоко вздохнув.

— Когда я пыталась бороться с этими видениями, которые преследовали меня постоянно... — неожиданно произнесла пожилая женщина и на какое-то время замолкла, после чего устало взглянула на травяную свечу в руках Татьяны и продолжила свой рассказ. — Я решила найти способ, с помощью которого смогла бы отделять то, что происходило на самом деле, и то, что меня пытаются насильно заставить увидеть. Я сделала вот такую свечу, зажгла ее и дождалась, пока вокруг меня снова начнут происходить необъяснимые вещи. Тогда было обнаружено первое тело. Но когда я нашла труп, то свеча издавала совершенно другой запах. Это был запах пороха... Поэтому когда ты прибыла в тот дом, повсюду стояли свечи, они должны были вывести тебя из сомкнувшегося вокруг кошмара. И теперь как только ты видишь перед собой нечто необъяснимое, чего не может существовать, к тебе возвращается этот запах. Если ты его чувствуешь, знай — перед тобой иллюзия.

— Я просто не знаю, во что верить, Анна. Все это настолько бессмысленно...

— Чтобы поверить, не нужно видеть, необходимо чувствовать сердцем, — улыбнулась Анна и аккуратно сжала ее руку в своей. — Ричи тоже видит, он такой же, как и ты. Вы должны держаться с ним вместе, так тени не смогут добраться до вас. Круг должен замкнуться.

— А как же вы? Что будет с вами?

— Боюсь, мое время подходит к концу... — с болезненной грустью произнесла Анна. — Поэтому я и передала тебе все, что знаю. Позаботься о Ричи. Он не справится без твоей помощи.

— Где мне его найти?

— Он сам найдет тебя, когда придет время, — Анна внимательно посмотрела на Татьяну и слегка улыбнулась. — Не воспринимай реальность такой, какой ты ее видишь. Ты стараешься верить только тому, что видела, поэтому настоящее кажется тебе сплошной иллюзией и обманом. Мы не в силах увидеть все, во что нужно поверить, даже если это что-то не имеет материальной основы.

— Извините, миссис Хапперт. Но ваше время подошло к концу, — неожиданно их разговор прервал начальник тюрьмы, со скрипом открыв решетчатую дверь.

— Думаю, вам надо искать ответ там, где все началось, — прошептала ей напоследок Анна. — Была рада с вами увидеться, Татьяна. Надеюсь, вы найдете то, что ищите.

Она представляла, как стоит на террасе своего частного дома ранним утром, наслаждается первыми лучами солнца, а в ее руках бокал хорошего красного вина, которое Татьяна не спеша попивает, наблюдая за тем, как ее любимый муж Эрван играет с их уже подросшим сыном. Ее любимые мальчики смеются, пиная футбольный мяч по траве, и

умело стирают между собой разницу в возрасте, превращаются в ровесников, не знавших ужасов жизни.

После игры Эрван подходит к ней, обнимает за талию и шепчет, как сильно ее любит, потом нежно целует, боясь прервать столь сладостный момент. А она понимает, что лучшее, что может быть в ее жизни, уже настало, и оно здесь, прямо перед ней в виде двух замечательных людей, без которых жизнь больше не имеет смысла. И ей не нужно ни прошлое, ни будущее, только настоящее.

Но где это настоящее сейчас? Почему оно не пришло к ней в этом облике?

Ответ был прост.

Татьяна отказалась от него, резко и болезненно, нанеся себе без чьей-либо помощи глубокие раны на всю оставшуюся жизнь, которая теперь имеет только то, что будет, и то, что когда-то было.

Реального времени для нее больше не существовало, оно превратилось в непонятную никому иллюзию и пугало своим присутствием. Девушке оставалось только одно: либо бежать назад, либо вперед, надеясь, что где-то удастся остановиться и встретить то самое настоящее, которое она все это время переживала в самых сокровенных мечтаниях.

Она привыкла видеть, а из увиденного создавать правду. Но лепить истину из веры в невидимое девушке было чуждо, ей было страшно уходить в безумства и принимать те факты, которых попросту не должно существовать. Мир, по ее мнению, должен строиться на связанных между собой понятиях, но никак не на хаотично разбросанных по земному шару вещах, которые ничуть не походили друг на друга. Реальность должна быть системой, где каждая деталь для чего-то предназначена, а ее отсутствие лишь способно повлечь за собой остановку всего процесса бытия.

Татьяна стала бояться думать, ей хотелось хотя бы на короткое время опустошить мозг от мыслей и почувствовать, как голова стала невесомой и полностью очищенной от той копоты, которая скапливалась в ней уже столько лет. Но как бы она не пыталась, ей не удавалось избавиться от миллионов вопросов.

Татьяна слегка поморщила нос, когда оказалась около старой печально выглядевшей деревянной двери, ведущей в небольшую квартиру, где, как она с удивлением поняла, жила последние несколько лет Сьюзен вместе со своим непутевым братом.

Здание располагалось в одном из самых неблагополучных районов города. Татьяна добралась сюда за полтора часа, но еще очень долго петляла на машине по узким грязным улочкам, пропахшим отходами человеческой жизнедеятельности, так как не могла разглядеть на однотипных покрытых плесенью домах нужную ей адресную табличку с символическим номером девять.

На нее с удивлением и с необоснованной неприязнью смотрели жильцы этого неблагоприятного даже для обычных прогулок места. Но девушка делала вид, что попросту не замечала их пристального внимания, хотя это получалось с большим трудом, потому что беспокойство уже начинало отпечатываться на лице.

Остановив автомобиль у нужного подъезда, она взглянула в зеркальце, чтобы удостовериться в том, что ее внешний вид не отпугнет никого из окружающих, затем закрыла дверь машины на ключ и вошла в мрачный многоквартирный дом, поднявшись на третий этаж.

Татьяна и раньше догадывалась, что место проживания Сьюзен вряд ли способно

вызвать восхищенные возгласы, но она и представить не могла, что все настолько плохо. Сколько лет Татьяна знала эту женщину и только сейчас выяснила, что та обитает в таких жутких условиях.

Стены здания были настолько тонкими, что уже в подъезде можно было с легкостью узнать все подробности жизни каждой квартиры. Татьяна слышала пьяные крики, шум воды, даже стоны тех, кто решил в это время заняться любовью. Вся жизнедеятельность здания была как на ладони.

Когда девушка подошла к нужной двери, то услышала за ней веселые разговоры, и говорящие вряд ли пребывали в трезвом виде. Дверного звонка Татьяна не обнаружила, поэтому она, немного помедлив, постучала в дверь.

В квартире Сьюзен кто-то начал удивленно негодовать. Видимо, никто не ждал гостей. Через пару минут дверь открылась, и на пороге возник высокий мужчина, от которого воняло потом и спиртом. Тот удивленно почесал свой затылок и, убрав за ухо длинные волосы, с ухмылкой начал ждать объяснений от наведавшейся к нему в гости столь симпатичной особы. Татьяна заметила, что тот с аппетитом смотрит на ее грудь, отчего невольно укуталась в свое пальто еще сильнее, чтобы никто здесь так жадно не оценивал принадлежавшие только ей части тела.

— Здрассти, — хмыкнул брат Сьюзен. — Что такая сочная малышка забыла в моей скромной берлоге?

— Вы же Ронни?

— Да, Ронни. И че с того? — тот прислонился плечом к косяку и начал смотреть на женщину сверху вниз, явно думая о чем-то нехорошем.

Татьяна рядом с ним почувствовала себя карликом, так как рост мужчины явно был больше ста восьмидесяти сантиметров. А его небольшой лишний вес делал его еще крупнее.

— Я — подруга Сьюзен.

— А, точно. Она вроде говорила мне о вас. Кстати, как ее здоровье?

— Стабильное. Но вы могли бы сами съездить и навестить ее, — с осуждением произнесла Татьяна. — Я не хочу лезть в ваши отношения. Меня сюда привел другой повод.

— Че за повод, если не секрет?

— Я бы хотела увидеть Эмми. Сьюзен просила меня проведать ее, хотя даже не удосужилась объяснить, что это за девушка. Она живет с вами, если я все правильно поняла?

— Да, только вряд ли Эмми можно назвать девушкой. Эта малявка уже мне весь плешь проела.

— Малявка? То есть Эмми — ребенок?

— А вы догадливая. Она — дочь Сьюзен. Странно, что ваша подруга не сообщила вам эту новость перед тем, как послать в этот отрезанный от всего мира райский уголок.

— Я войду? — девушка сделала первый шаг и, не дождавшись разрешения Ронни, переступила через сгнивший полностью порог, оказавшись в весьма грязном и неухоженном месте.

Пол был покрыт толстым слоем пыли и следами от обуви, а повсюду разбросаны мужские вещи и бутылки из-под спиртного. Татьяна, не веря своим глазам, прошла в гостиную, и увидела, как на диване около телевизора сидят двое мужчин и пожилая женщина, чьи красные лица опухли от алкоголя.

— Здрассти, — сказал один из присутствующих в комнате и приподнял перед собой бутылку пива.

— Здравствуйте, — выдавила из себя приветливую улыбку та, все еще с ужасом разглядывая беспорядок в квартире. — Ронни, могу я увидеть Эмми?

— Да, сейчас, — безразлично кивнул тот и подошел к двери, ведущей в ванную. — Эмми, вылезай оттуда. За тобой пришли. Вылезай, малявка! Я не буду за тобой ползать.

Через минуту на свет появилась маленькая девочка, облаченная в мягкое розовое платье, и со страхом в глазах посмотрела на присутствующих в комнате.

— Здравствуйте, — с неуверенной улыбкой на запачканном лице произнесла Эмми и брезгливо отошла от своего дяди, будто не могла выносить доносящийся от его тела аромат.

— Привет. Я — хорошая знакомая твоей мамы. Она попросила, чтобы я позаботилась о тебе, пока та не выздоровеет.

— Вы заберете меня отсюда? — с надеждой взглянула та на нее большими глазами каштанового цвета.

— Да. Конечно.

— Давай, малявка, собирай вещи! — прикрикнул на девочку Ронни. — Вот же Сьюзен дура, нагуляла с каким-то эту мелкоту, теперь я должен мучиться с ней.

— Я хочу оставаться вежливой, Ронни. Но с трудом сдерживаю себя.

— Вы, дамочка, не стесняйтесь. Говорите все по существу, нам будет интересно вас послушать, — Ронни с ухмылкой сел на спинку дивана и исподлобья взглянул на девушку. — Не пытайтесь меня воспитывать, это бесполезно.

— Я это уже заметила. Вы — взрослый человек. Уже должны сами отвечать за свои поступки. Я заберу Эмми и просто уйду отсюда. А вы занимайтесь своими привычными делами.

— О, а вы и правда добрая тетка. Мне такие нравятся. Кстати, вам мужик не нужен? — как-то эротично облизал тот свои губы, после чего начал имитировать языком оральный секс, заставив Татьяну брезгливо отвести взгляд. — Стесняетесь? Я и не таких трахал, так что бессмысленно отворачиваться от меня.

К счастью, Эмми лишила Татьяну права продолжать разговор с братом Сьюзен, вызвавшим у женщины крайнюю неприязнь. Девочка вышла из ванной комнаты с вышитой красивым узором сумочкой, из которой выглядывали корешки книг и немного одежды.

— Ну что, моя хорошая? Ты готова? — ласково посмотрела на Эмми Татьяна и получила в качестве ответа ее утвердительный кивок головы. — Хорошо. Тогда отправляемся в небольшое путешествие. Думаю, ты уже устала находиться в этом месте.

— Да. Устала. Дядя Ронни не разрешал мне целый день выходить из ванной. Говорил, что тут взрослые разговоры.

— А мы накажем дядю Ронни, — Татьяна со злостью взглянула на брата Сьюзен. — Не так ли?.. Ну ладно, пошли. Нам уже нельзя здесь находиться, — девушка протянула к девочке свою руку. — Не бойся. Все будет хорошо.

— Можно я возьму фотографию папы? — неожиданно задала вопрос Эмма, так и не сдвинувшись с места. — Она стоит на полке.

— Конечно. Ронни, покажите мне, где стоит фотография?

— Эмма, зачем тебе фотка твоего папаши? Этот урод засунул тебя в эту дыру, а ты еще умудряешься к нему что-то чувствовать, — с негодованием произнес тот и подошел к висевшей на стене полке, достав оттуда рамку с фотографией.

— Папа обещал забрать меня отсюда, — девочка выхватила у дяди заветную фотографию и прижала к груди, как нечто самое дорогое в ее жизни. — Моего папу зовут

Петр, — с улыбкой подошла Эмма к Татьяне и показала ей черно-белый семейный снимок. — Это я, это мама, — девочка начала знакомить девушку с героями фотографии, тыкая в каждого из них маленьким пальцем. — А это папа.

Татьяна не знала, почему ее прошиб холодный пот, когда она посмотрела на широко улыбающегося мужчину на фото. Но через мгновение поняла, что вызвало в ней такие бурные неприятные эмоции, разнесшиеся вместе с кровью по всему организму. Эмма называла папой мужчину, которого Татьяна все это время считала своим мужем.

— Твой папа очень красивый, — с дрожью в голосе произнесла Татьяна, понимая, что ее дыхание перекрывал застрявший в горле твердый комок. — Думаю, он сдержит свое обещание и вернется за тобой.

— Папа любит меня. Мама всегда говорит мне это... А она точно поправится?

— Да, с ней все будет хорошо... Я тебе обещаю... Ну что? Пойдем? — Татьяна попыталась не показывать девочке свои горестные эмоции и, пересилив себя, улыбнулась, взяв ее за руку.

Татьяна открыла дверь своего автомобиля и помогла Эмми сесть на заднее сиденье. На улице уже стемнело, поэтому приходилось действовать в полутьме, что было довольно-таки проблематично. В округе не наблюдалось ни единого фонаря. Лишь редкий свет, исходивший из окон домов, который был таким слабым, будто здесь до сих пор пользовались свечами, а не электрическим освещением. Снег в этом районе тоже не убирали, поэтому девушка по-настоящему боялась, что машина может ненароком застрять в сугробе, таким образом окончив их с Эмми путешествие до центральной части Лондона. Девушка осторожно застегнула на груди девочки ремень безопасности и неожиданно заметила, что тот для нее чересчур великоват.

— Так, подожди. У меня, кажется, в багажнике была подушка. Попробую ее подложить под тебя, чтобы ремень плотно прилегал к твоей груди, — произнесла Татьяна и, устало вставив ключ в замок, открыла багажник автомобиля.

— Я знаю эту машину! — девочка в почти крошечной темноте умудрилась разглядеть детали автомобиля и радостно захлопала в ладоши, хихикая. — Мой папа возил меня на ней вместе с мамой.

— Правда? Это просто удивительно. Значит, у меня такая же машина, как у твоего папы... А сколько же тебе лет, принцесса? Ты кажешься слишком смыслёной для своего столь небольшого возраста.

— Мне скоро исполнится шесть. Но меня до сих пор называют малявкой, хотя я намного умнее людей, которые это говорят. Ронни даже читать и писать не умеет, а я уже все это делаю. Конечно, не так как взрослые, но книжки, подаренные мне папой, я читаю сама. Мама много работает, но вечером мы с ней много занимаемся уроками. Она говорит, что хочет, чтобы я стала образованной женщиной.

— Твоя мама замечательный человек, не забывай, что ты для нее самое дорогое, что может быть на всем белом свете, — произнесла Татьяна и с улыбкой показала девочке найденную в багажнике мягкую подушку. — Вот, теперь намного лучше, — женщина подложила мягкий предмет под Эмми, и теперь ремень плотно прилегал к дочке Сьюзен.

— А у вас есть парень?

— Ты задаешь довольно взрослые вопросы, моя дорогая, — удивленно взглянула на девочку та, сев рядом с ней, чтобы поправить ее сползший с шеи шарфик.

— Я люблю взрослые вопросы. Ронни говорит, что я слишком мала для этого, но я так не считаю. Иногда мне кажется, что мне больше лет, чем ему. Он такой дурак!

— Ну, с этим я с тобой соглашусь...

— Так у вас есть тот, кого вы любите?

— Да. Есть, — с некой грустью произнесла Татьяна, погрузившись в глубокие раздумья.

— Он хороший парень?

— Да, он очень добрый и светлый человек, — улыбнулась та, глубоко вздохнув.

— А почему он не с вами?

— Он очень далеко живет. И... Я причинила ему много боли, вряд ли он еще что-то чувствует ко мне.

— Вы очень хорошая. Вряд ли на вас можно обижаться.

— Может быть. Мы все совершаем какие-либо ошибки, о чем потом сильно жалеем... Эмми... Я хотела тебя спросить. Ронни не обижал тебя до моего прихода? Почему ты сидела в ванне?

— Я не люблю запах спиртного. От него плохо и тошнит, — поморщила нос та. — Когда мама дома, Ронни никого не приводит и не пьет, сидит на диване или гуляет до поздней ночи. Но когда та уходит, то он начинает проказничать. Ронни — мерзкий капризный ребенок!

— Все мы дети, в той или иной степени. Ладно, нам нужно ехать. Ты не голодная?

— Голодная, но совсем немножко. А куда мы поедем?

— Пусть это будет сюрпризом. Хорошо? — блеснув глазами, прошептала та и погладила девочку по черным, как смоль, кудрям. — Тебя надо покормить. Мы заедем по дороге в одно мое любимое кафе. Там и поужинаем. Хорошо? А то ты уже бледненькая.

— Моя мама считает, что в кафе ходят только те, кому некуда девать деньги, — с пугающей серьезностью проговорила девочка. — Но там делают вкусный горячий шоколад. Я люблю его.

— Тогда мы с тобой закажем сразу две чашки твоего любимого напитка. Договорились? — девушка погладила девочку по щеке и как можно быстрее села за руль, но перед тем, как завести машину повернулась в сторону Эмми, чтобы удостовериться, что та удобно сидит. — Я и сама проголодалась, пока добиралась до вашего дома. Не думала, что твоя мама так далеко живет от центра города.

— Папа говорил, что мы будем жить в большом доме около озера. Но потом он уехал.

— Уехал? А почему?

— Мама сказала, что он отправился на поиски подарка для меня в страну фей и должен в скором времени вернуться, чтобы забрать нас из этого места.

— Страна фей... — задумчиво прошептала Татьяна, понимая, что ее мозг просто кипит от эмоций.

Ей не хотелось показывать этой милой общительной девочке свои горестные мысли, она старалась говорить с ней как можно более спокойным радостным тоном, но, вслушиваясь в свои слова, осознавала, что в ее голосе невозможно не заметить дрожь и фальшь.

К счастью, девочка была слишком мала, чтобы понять все то, что так тщательно скрывала от нее Татьяна. Поэтому девушке было намного легче вести с ней диалог. Она не хотела разговаривать об измене своего мужа с женщиной, которую Татьяна все эти годы называла лучшей подругой. Но желание понять, что произошло между теми людьми, в результате связи которых возник прекрасный ребенок со смуглой кожей, было

невыносимым.

Теперь многие факты ее жизни вставали на свои законные места. Объяснялись долгие разъезды Петра, внезапное исчезновение Сьюзен с ее должности полицейского. Все непонятное обрело ясность. Шесть лет она была в неведении, даже не догадывалась о том, что ее муж жил двумя жизнями. Татьяна подозревала измены, но думала, что они не выходят за рамки обычного секса на одну ночь без обязательств. А теперь этот мужчина предстал перед ней в совсем другом свете. Она больше не восхищалась им, не чувствовала от него защиты, Петр представился ей слабым эгоистичным человеком.

Едва Татьяна взглянула на те условия, в которых обитала эта очаровательная девочка, как тут же стала люто ненавидеть мужа, поняла, каким тот оказался подонком, если не смог, имея большие средства, обеспечить дочь хорошим жильем. Он трусливо сбежал к своей законной жене, сделав вид, что Сьюзен и его родной ребенок никогда не существовали.

Теперь Татьяна знала, почему Петр и Сьюзен так переглядывались друг с другом во время их недавней встречи. В их взглядах будто читалась сильнейшая обида и вопрос, почему они оказались в такой непонятной неравной ситуации. Может быть, Петр не собирался отказываться от дочери? Но это не отменяло того факта, что за шесть лет этот подонок не удосужился переселить свою дочь из того барака, в котором она живет с матерью.

Татьяна не ощущала никакой обиды, лишь облегчение от того, что смогла вывести девочку из этого неблагополучного района, куда никогда не позволит ее вернуть. И женщина с изумлением осознала, что почувствовала к Эмми доселе неведанные ей материнские чувства, от которых на ее глазах даже заблестели слезы. Она всю жизнь мечтала ощутить это тепло в груди, эту большую ответственность перед маленьким человеком. И если Сьюзен погибнет, а Петр не пожелает вернуться к дочери, то Татьяна возьмет на себя роль матери. Она решила это в тот самый момент, когда девочка вышла к ней в саже и грязной одежде. Девушка с трудом не заплакала, увидев, в каких условиях содержался ребенок. И до сих пор не верила, что ее муж, которого она сейчас люто ненавидела, позволил, чтобы невинное создание так страдало, прячась в крохотной комнатке от распивавших спиртные напитки нелюдей.

— Все будет хорошо, — произнесла Татьяна, смотря вперед на заснеженную дорогу. — Теперь все будет хорошо.

Сьюзен не могла заслужить обиду со стороны Татьяны, она не была достойна такой участи. Татьяна даже не пыталась почувствовать что-либо плохое по отношению к этой женщине. Она считала ее настоящей мученицей, заслуживающей похвалы, так как та ни разу за шесть лет не попыталась за счет мужика, нежданно оплодотворившего ее, спасти свое критическое финансовое положение. Возможно, два года назад Сьюзен еще получала какую-то поддержку от Петра, так как тогда ее лицо просто сияло от счастья, но сейчас жизненная обстановка темнокожей женщины вызывала только слезы. И она молчала. Лишь когда ее жизнь могла в любую минуту оборваться, Сьюзен осмелилась обратиться к своей лучшей подруге за помощью. И она попросила у Татьяны только одно: позаботиться о ее дочери, назвав только имя.

И узнав обо всем, Татьяна даже на секунду не возненавидела Сьюзен. Наоборот, стала любить ее еще сильнее, так как понимала, что та ни в чем не виновата. Зачем винить ее в предательстве, если та, фактически, не предавала Татьяну вовсе. Девушка больше ничего не чувствовала к Петру, этот человек стал для нее бесформенным пятном на планете Земля,

поэтому факта измены не было. Лишь появилась лютая ненависть к мужу, так как он посмел подвергнуть риску жизнь невинного создания.

«Сьюзен, почему ты молчала? Почему мне ничего не рассказала? Я бы все поняла, простила в одночасье... Зачем ты мучила себя и собственную дочь? Зачем унижалась перед каким-то Итаном, пытаясь найти хотя бы какого-либо мужчину, способного обеспечить тебя средствами? Почему позволила Петра засунуть себя в пропасть? Я ведь помню, как вы смотрели друг на друга. Вы делали вид, что между вами ничего не было. Но ведь ты в тот момент прочувствовала столько эмоций, ты ненавидела Петра, но осмеливалась проявлять доброту по отношению к нему и ко мне, женщине, не дававшей ему уйти к тебе. Думаю, он ушел от тебя, потому что любил меня. Но ребенок не должен страдать. Эмми не виновата в том, что между вами шесть лет назад вспыхнула страсть».

Спустя двадцать минут Татьяна услышала тихое сопение девочки, та мирно спала, прижав подбородок к плечу. Девушка с трудом удерживала себя, чтобы не отвести взгляд от дороги и не начать любоваться спящим невероятно красивым ребенком, который даже не подозревал о том, что сегодня ему удастся встретиться со своим отцом, вернувшимся из долгого странствия по прекрасной стране фей.

Для этой девочки Петр был героем, она не знала всей правды, и Татьяна боялась разрушить в ее хрупком сознании идеализированный образ отца. Она помнила, как ненавидела своего папу после того, как он чуть не потопил ее семью и заставил дочь пожертвовать собой ради недолгого, но искреннего счастья матери. И Татьяна не хотела, чтобы Эмми почувствовала те же отрицательные эмоции. Пусть Петр так и остается для нее хорошим и светлым человеком, ведь у того еще есть крошечный шанс исправить ситуацию.

Но девушка больше не сможет называть себя его женой, отныне ее сердце больше не привязано к нему и никогда не восстановит эту связь. Еще вчера она верила в то, что их любовь обрела новую жизнь, но сейчас от этого прекрасного чувства не осталось ни следа.

Глава тринадцатая. В темноте

Мятный аромат, словно оголодавшая ядовитая змея, заполз с помощью извилистых изящных движений в его ротовую полость и своей горечью докрасна обжог все горло, будто при контакте с вязкой слюной он приобрел облик кипятка. Когда горький запах достиг самих легких и до краев наполнил их, вытеснив кислород, Эрван внезапно открыл глаза и понял, что вместо привычного дыхания им овладел надрывный кашель, не желавший просто так отпустить его.

Восстановив уровень кислорода в легких, юноша осознал, что лежит на каменном полу, покрытом чем-то зеленоватым и желеобразным, отчего руки чуть ли не полностью прилипли к земле. Присмотревшись сквозь полутьму, молодой человек в ужасе понял, что пол покрывала наполовину высохшая каша, состоявшая из пережеванных растений и сгнивших кусочков плоти. Именно от этой непонятной субстанции и шел такой неприятный приторный аромат, вызвавший у Эрвана приступ кашля, который не утихал до сих пор.

Здесь было настолько мало света, что молодой человек не сразу смог понять, где находится. Но когда он пожелал подняться с липкого пола и выяснить, что это за место, то ноги не пожелали его слушаться. Нечто твердое связывало окоченевшие от морозной сырости конечности и не давало телу принять вертикальное положение.

— Черт подери, что здесь происходит? Где я? — в панике прошептал Эрван и попытался избавиться от тугой веревки, связывавшей ноги, но та была настолько крепко завязана, что обмороженные пальцы не были в силах справиться с, казалось бы, небольшим узлом. — Твою ж мать! Сука! — юноша обессилено упал на спину и тяжело задышал, понимая, что весь его организм стремительно теряет силы, отчего было затруднительно даже пошевелить пальцами руки.

Он ничего не помнил. Происходящее воспринималось чем-то бессмысленным и несуществующим, поэтому какое-то время Эрван просто лежал и ждал, когда этот странный пугающий кошмар растворится перед ним, и в глаза, наконец, ударят первые лучи восходящего солнца. Но постепенно пришлось принять тот факт, что все это происходит в реальности и не является плодом воображения. Тогда что могло случиться за тот вечер? Каким образом он переместился из теплой уютной палатки сюда? Не было никаких обрывков тех событий, что могли бы объяснить юноше причины его пребывания здесь.

Перед глазами все плыло, мятный аромат медленно лишал рассудка и погружал в глубокий мрачный сон, но Эрван старался не закрывать глаза, хотя с каждой минутой это давалось с огромным усилием. Вскоре начали мерещиться какие-то голоса, перешептывания, они будто ходили вокруг него и незаметно посмеивались, даже не пытаясь оказать хотя бы малейшую помощь. Но юноша был так слаб, так беспомощен, что его больше ничего не волновало. Он желал только спать. И ему больше не хотелось противиться сну, Эрван сдался и прыгнул в лапы Морфея, который с ехидной улыбкой потянул несчастного молодого человека в свое царство.

— Не спи! Не смей спать! Это убьет тебя, идиот! — неожиданно где-то поблизости кто-то по-змеиному зашипел, отчего Эрван сумел прогнать навалившийся на него сон и широко распахнуть от удивления свои большие голубые глаза, которые забегали в разные стороны, пытаясь найти невидимого говорящего.

— Кто здесь? — слабым охрипшим голосом произнес юноша, тяжело дыша, так как из-

за смрада, исходившего от пола, кислорода в этом тесном помещении стало критически мало.

— Я рядом, парень... Слева от тебя, — прошипел голос, после чего некто застучал кулаком по чему-то металлическому.

Эрван послушался невидимого собеседника и повернул свою непослушную тяжелую голову в сторону громких звуков, и слабый свет осветил невысокого пузатенького мужчину, сидевшего неподалеку за ржавой тюремной решеткой. Тот вцепился короткими пальцами в окислившиеся от сырости металлические прутья и попытался протиснуть между ними свою лысую покрытую веснушками голову, но та оказалась слишком большой, и лишь его горбатый красный нос смог оказаться в одной камере с Эрваном.

— Как тебя зовут, малой? — поинтересовался мужчина и ойкнул, так как ударился носом о прутья, когда засовывал его в свою маленькую камеру.

— Эрван, — прохрипел тот и снова закашлял, когда сделал очередную попытку встать с пола. — Что это за место?.. Как мы здесь оказались?

— О, пацан, тебе лучше не знать. Тебе еще повезло, так как ничего не помнишь. А я увидел за эту ночь столько, что такое даже в кошмарном сне не приснится... Они убивают. Убивают зараженных.

— Зараженных?

— Вчера вечером сюда причалил корабль. На нем был какой-то рыбак, привезший к этим берегам испанку. И эти парни каким-то образом это почуяли, и согнали сюда, как скот, всех, кто был на том судне. На моих глазах вчера расстреляли и сожгли пятерых ребят.

— Вы были на том корабле?

— Нет. Я чинил маяк прошлым вечером. И видел, как они пробрались на корабль и вытащили оттуда всех, кто там был. Возможно, боялись, что я кому-нибудь расскажу. Поэтому пока жив. Но как ты здесь оказался?

— Я приплыл как раз на том корабле. Мы высадились еще днем. Но находились неподалеку. Нас сначала удивил тот момент, что корабль так и не уплыл.

— Видимо, как раз днем у них кто-то скончался от этой болячки. Думаю, капитан подал сигнал бедствия. А те парни быстро их нашли.

— Кто эти парни?

— Не знаю. Но с ними лучше не шутить. Думаю, они решили, что таким образом смогут остановить эпидемию. Хотя сами были без средств защиты. Те, кто начал харкать кровью, на моих глазах были застрелены прямо в голову, потом около заброшенной церкви разожгли костер и в нем сожгли убитых. Меня после этого заперли здесь. Но я спал, поэтому не заметил, как тебя сюда принести. Думаю, кто-то им сказал, что ты был тогда на судне, поэтому тебя тоже схватили.

— Но почему у меня нет воспоминаний о тех событиях?

— Я тоже не помню, как меня схватили. Очнулся только около костра, когда расстреливали зараженных. Но потом нашел на шее вздутие. Мне кажется, нам вкололи что-то вроде снотворного, чтобы не было проблем.

— Черт, — выругался Эрван и снова сделал попытку снять с ног веревку, но та намертво присосалась к коже и даже не сдвинулась ни на йоту в сторону. — Черт!

— Эти парни мастера по узлам. Так что зря тратишь силы.

— Я не собираюсь сидеть здесь и дожидаться, пока меня какие-то психи кинут в костер! Надо выбираться отсюда!

— Меня посадили сюда еще с каким-то мужчиной. От него жутко пахло рыбой. Потом через пару часов, когда откуда-то сверху начал появляться лучик света, и я смог впервые за ночь увидеть руки, то те парни ворвались сюда и утащили того беднягу куда-то. Потом я заснул, а когда проснулся, то увидел тебя.

— Вы сказали, что ночью здесь была кромешная тьма. Тогда откуда доносится этот свет?

— Когда меня сюда тащили, было слишком темно, я так ничего и не разглядел. А фонари у этих парней были слишком блеклыми, света хватало, чтобы видеть, что лежит под ногами. Но тогда мне удалось заметить, что мы спускались по какой-то лестнице. И, как я понял, мы находимся либо в самой заброшенной церкви, либо где-то рядом с ней. В годы войны на нее сбросили снаряд, все здание сгорело, остались только каменные стены, крыша полностью провалилась. Но обычно в таких строениях имеются подземные помещения. Думаю, нас могли запереть как раз где-то под землей.

— Значит, это дневной свет, — посмотрел на потолок Эрван, но источник света находился слишком далеко, и не было возможности разглядеть, из какого места он доносился, так как повсюду стояли полуразвалившиеся колонны и кирпичные стены, мешавшие более тщательно оценить обстановку.

Но это не помешало юноше выяснить, что они с его собеседником сидели в одной из многочисленных тюремных камер. Сама камера была разделена еще на две части решеткой, отчего создавались довольно тесные квадратные островки, огражденные со всех сторон. В самих камерах не было никакой мебели или даже подстилки для сна. Лишь голый пол, залитый вязкой вонючей субстанцией неизвестного происхождения.

Эрван похлопал себя по карманам, в надежде найти свой драгоценный портсигар, но его, к сожалению, там не оказалось.

— Что ты ищешь? — удивленно спросил мужчина. — Зря стараешься, они наверняка обыскали все твои карманы. У меня был пистолет и перочинный нож. Эти гады все забрали.

— У меня в кармане брюк был портсигар. Там находились спички. Я мог бы ими поджечь веревку, она сухая, загорелась бы сразу.

— Хочешь сам себя сжечь что ли? Думаю, у нас нет никаких шансов. Не знаю, как ты, а я лучше подожду смерть тут. Все равно мне осталось не очень долго. Здесь нас вряд ли кто-нибудь найдет. А эти парни не станут нас кормить. Так что просто смиренно жди, когда придет твое время.

Эрван старался пропускать слова мужчины мимо ушей и все мысли направил на идеи, которые помогут ему выбраться из этого жутковатого места. Юноша потрогал пол еще раз, чувствуя неподдельное отвращение от прикосновений вязкой жидкости к своей ладони, и потом потер грязные пальцы друг о друга. Те стали скользкими, будто их только что окунули в бутылку с растительным маслом.

«Можно обмазать веревку этой дрянью. И если все пройдет хорошо, то моим ногам удастся выскользнуть из заточения. Господи, пусть у меня все получится!» — произнес про себя молодой человек и стал с бережной тщательностью обмазывать веревку зловонной субстанцией.

Когда Эрван закончил, то, глубоко вздохнув и собрав последние силы, вцепился руками в веревку и стал тянуть ноги в свою сторону, а саму веревку, наоборот, от себя. Он чувствовал, как этими действиями беспощадно сдирает кожу на лодыжке, но, несмотря на невыносимую режущую боль, Эрван не останавливался и, стиснув зубы, пытался

высвободить свои ноги, но веревка будто намертво примерзла к конечностям и даже не собиралась отделяться от них. Но вскоре юноша почувствовал, что его действия начали обретать хоть и маленький, но успех, и обмотанная вокруг ног веревка чуточку сдвинулась в сторону.

— Давай! Еще немного! — не выдержав боли, закричал Эрван и начал давить на веревку еще сильнее, понимая, что кожа сползает вместе с ней, так как руки уже покрывались кровью. — Давай!!!

— Дурак! Что ты делаешь? — ужаснулся мужчина.

Эрван громко выдохнул и обессилено упал на спину, понимая, что у него попросту не осталось сил продолжать освобождать свои окоченевшие от холода ноги. Тяжело и надрывно дыша, он пытался снова сесть и продолжить стягивать веревку, но смердящий запах словно высасывал из него всю энергию, да с такой жадностью, что перед глазами замелькали цветные круги, полностью окрасившие темноту окружавшего пространства своими яркими абстрактными образами.

— Я должен это сделать, должен, — едва слышно прошептал юноша. — Не хочу умирать. Я прошел через многое и не могу просто так сдаться.

— Как знаешь. А мне легче не тратить свои силы. Все равно нам никогда отсюда не выбраться. Мы обречены. Если мы здесь, то испанка уже наверняка течет по нашим венам.

— Нет.

— Мы вступали в контакт с зараженными. Так что у нас всех осталось не больше суток. Эту заразу ничем не убить. Она убивает самых сильных. Слабых старается обходить стороной. Поэтому я не буду ничего делать. Вдруг повезет.

Эрван судорожно облизывал губы, пытаясь подарить им хотя бы немного влаги, но слюна практически полностью испарилась и приобрела вид чего-то желеобразного и донельзя соленого.

Молодой человек не знал, сколько прошло времени с тех пор, как он обнаружил себя лежащим в этой подземной тюремной камере со связанными ногами. По дневному свету, просачивавшемуся сюда сквозь небольшие щели на потолке, можно было предположить, что уже середина дня, возможно, начало вечера, так как летом дни довольно-таки длинные и определить время по солнечному свету не так-то просто.

Он думал о Джордже. И винил себя за то, что начал думать о нем только сейчас. Они долго планировали эту поездку, надеялись отдохнуть и полностью снять с себя напряжение, полученное в большом городе, насладиться тишиной. Парни так редко общались в последнее время, что иногда казалось, что те совсем ничего не знают друг о друге. Джордж пропадал в мастерской, Эрван же работал несколько дней в неделю на обувной фабрике, добывал нужные материалы по заказу Майлза и помогал искать клиентов, рассылая рекламные объявления. На это не уходило особо много сил, к тому же их деятельность приносила гораздо больше дохода, чем работа поваром в какой-то забегаловке. И жить стало гораздо легче. Но их отношения с Джорджем стали больше походить на обычный секс по ночам и парочку ласковых слов между делом. Если раньше они работали вместе и могли на кухне болтать часами, то сейчас каждый занят своим делом и времени на общение не осталось совсем.

Но как всегда их желание провести хорошо время омрачилось некими неприятными событиями. Желая отдохнуть от людей, они оказались в их плену.

Если эти странные личности желают предотвратить эпидемию, то почему поступают с больными таким жестоким способом? И если они не защищают себя от болезни хотя бы марлевой повязкой, то больны ли они? Или в их руках попала доселе неизвестная вакцина против смертельно опасного гриппа? Хотя вряд ли. Иначе бы они начали лечить заболевших, а не сжигать их, как ненавистных ведьм. Тогда почему они еще не заразились? Ведь если верить словам этого мужчины из соседней камеры, те личности никак себя не ограничивали от зараженных людей и охотно вступали с ними в физический контакт, так как им приходилось брать тела руками и кидать в кострище.

Эрван уже не сомневался, что его смогли принести сюда без особых усилий, так как ему вкололи огромную дозу снотворного или даже наркотического вещества, действие которого ощущалось до сих пор, так как в теле присутствовала сильная ломка и слабость, сменяемая сонливостью. После неудачных попыток избавиться от веревки Эрван решил не мучить себя и стал просто выжидать счастливого момента, которого, конечно, может никогда и не быть. Он невольно осознавал, что отчаялся, как этот мужчина, спавший неподалеку за ржавой решеткой.

Что случилось с Джорджем? Где он сейчас? Смог ли избежать смертельной участи? Эрван боялся думать о плохом. Джордж всегда учил смотреть даже на самую критическую ситуацию с оптимизмом, и Эрван сейчас следовал его совету. Он старался верить, что рано или поздно удастся придумать, как выбраться из этого душного мрачного места и не попасть в лапы к тем, кто его сюда принес. Но чем больше он думал о хороших вещах, тем обильнее Эрвана посещали неприятные панические мысли. Юноша понимал, что до мурашек боится за свою жизнь, впервые ему так хотелось бороться, но на это попросту не было сил. Он не чувствовал ног, их будто некто незаметно отрезал и оставил оставшееся тело Эрвана гнить в этом отвратительно пахнувшем месте.

Ему хотелось спать. Уйти от реальности. Но страх помогал пребывать в ясном сознании, хотя даже оно уже было окутано густым непроглядным туманом. Он ощущал стоны пустого желудка, жжение потрескавшихся губ. Даже было желание облизать этот влажный смердящий пол, но чувство отвращения помогало не поддаваться опьянявшему отчаянию. Эрван изредка делал попытки стянуть веревку с ног, но кожа слезла настолько сильно, что уже невозможно было терпеть боль от невольно наносимых себе увечий. Благо от холода неприятные ощущения были не такими яркими, но даже так Эрван чувствовал их всеми молекулами истощенного организма. Иногда даже приходилось прикусывать нижнюю губу, чтобы не позволить крику вырваться изо рта. Хотя вряд ли удастся издать хотя бы крошечный звук. Жажда превратила всю ротовую полость во что-то каменистое и обжигающе горячее, словно в рот налили кипятка, но вода даже не смогла смочить горло. Машинально он глотал комочки засохшей слюны, но это давалось с таким трудом, что потом он перестал их глотать вовсе и просто держал рот открытым, надеясь, что хотя бы крошечная капелька воды упадет на язык откуда-нибудь с потолка и подарит немного желанной влаги.

— Я медленно схожу с ума... Мне так хочется спать, — прошептал молодой человек и невольно прикрыл отяжелевшие веки, надеясь их никогда не открывать, так как чувство боли во всем теле было попросту невыносимым. — Я хочу спать... Мне просто нужно закрыть глаза... И все пройдет... Вся боль... Все исчезнет... Нужно лишь закрыть глаза...

— Круг должен замкнуться, — где-то неподалеку раздался чей-то притягательный мужской голос, обладатель которого явно направлялся в сторону камеры с какими-то еще

посторонними личностями.

Эрван понял, что проспал довольно большой промежуток времени, так как дневной свет больше не освещал эту подземную наполовину разрушенную тюрьму, а вместо этого темноту разгоняли электрические фонарики, ласкавшие своим холодным свечением кирпичные стены, все быстрее и быстрее подбираясь к тому месту, где лежал молодой человек. Юноша с трудом сдержал крик от боли, когда попытался поправить свои затекшие и онемевшие от сырости и холода ноги, забыв, что те были им же самим ранены. На месте содранной кожи образовалась шершавая бардовая корочка, местами потрескалась и доставляла тем самым еще больше неприятных ощущений. Вряд ли удастся встать на ноги, даже если снять веревку. Поэтому Эрван просто лежал и слушал приближавшиеся голоса.

— Ваш сын знает, что мы держим его друга здесь? — спросил первого говорящего кто-то идущий рядом.

— Нет. Он пока не должен ничего знать. Слишком рискованно раскрывать все наши карты именно сейчас. Осталось совсем немного. И круг замкнется. Даже если он узнает об всем, он поймет.

Эрван подполз с помощью рук к углу тюремной камеры и прижался спиной к стене, облегченно вздохнув от новой принятой позы. Тело так затекло, что даже малейшее движение с наслаждением разносило по всему организму застывшую кровь.

— Я вас пока оставлю. А вы займитесь нашими гостями. У нас мало времени. Приступайте, — вновь произнес притягательный мужской голос, и по звуку шагов стало понятно, что его обладатель покидает это мрачное место.

Оставшиеся же продолжили приближаться к месту, где все это время находился молодой человек и ждал своей злополучной участи, осознав, что у него в данный момент времени нет ни малейшего шанса убежать отсюда. Что-то высасывало из него силы, делало беспомощным и лишенным ясного ума. Все события прошлого хаотично спутались в голове. Мелькали сцены войны, человеческие крики, звуки взрывов, а затем все это сменялось великолепным смехом кого-то знакомого и чьими-то добрыми словами, смысл которых растворялся в глубинах сознания. Он не хотел думать, что с ним сделают этой ночью, он лишь хотел, чтобы все это поскорее закончилось, даже если этим концом станет смерть. Юноша видел смерть столько раз во всех ее обличьях, что уже ничуть не боялся присутствия этой особы в черном длинном плаще с капюшоном и косой в руке. Поэтому Эрван считал последние секунды, стараясь приблизить встречу со своей гибелью, которой будет под силу избавить молодого человека от всех людских страданий.

Мужчина в соседней камере так и лежал неподвижно, как-то странно запрокинув голову назад, словно пытался заглотнуть как можно больше кислорода. Неизвестные личности осветили бледного Эрвана фонарем и ухмыльнулись, но после отвели луч искусственного источника света и направили его на спавшего мужчину.

— Я думал, он протянет еще денек, — с издевкой в голосе сказал один из них и вытащил из кармана связку ключей, после чего ловко открыл камеру, где находилось тело мужчины, и кивком головы предложил второму войти туда вместе с ним. — Уже четвертый за вечер. Что-то они стали дохнуть, как мухи.

— Скажи спасибо, что мы нашли среди этих развалин крематорий. А то пришлось бы опять дышать горячей мертвечиной. Я никогда не забуду тот запах, который исходил от их заразной мертвой плоти. Даже кусок хлеба после этого не лез в горло.

— Ты все равно один из них, так что тебя это не должно волновать, — усмехнулся тот и

с обреченным вздохом схватил мертвого мужчину за окоченевшую руку, которая была такой твердой и неподвижной, будто это статуя из гипса. Второй быстро подоспел и взял труп за правую конечность. После чего мужчины потащили тело в сторону выхода, волоча его по земле, как что-то ненужное.

— Постарайся пока никому не рассказывать о случившемся. Это довольно хрупкая для общества тема, пусть об этом знают только мы и правоохранительные органы, — Доктор Ломан погладил Джорджа по плечу, после чего громко кашлянул и поставил на кухонный стол бутылку хорошего виски и пару глубоких рюмок. — Тебе надо выпить, успокоиться.

— Двое суток. Прошло двое суток. И никаких новостей, — закрыв лицо ладонями, прошептал Джордж и опустил голову вниз, судорожно качая головой. — Я видел трупы. Много трупов. На том корабле лежали тела троих матросов. Все были застрелены в голову.

— После войны многие не перестали убивать. Кто-то просто не может прожить и дня без убийства. Поэтому на перемирии боевые действия вряд ли заканчиваются. Война идет до сих пор, но уже где-то в подполье, — Ломан сделал солидный глоток спиртного напитка и со стуком поставил рюмку. — Я нанял хорошего детектива. Он во всем разберется.

— Мне он не нравится. Я бы не стал доверять ему жизнь своего лучшего друга.

— Я знаю, как ты высоко ценишь Эрвана. Между вами образовалась тесная связь, и я ее ощущаю. Вместе с ним ты чувствуешь весь тот кошмар, который, возможно, сейчас происходит с ним. Но мы должны верить в лучшее. Ты не видел его тела. Значит, есть шанс, что он все еще жив.

— Уже семь утра. Пора открывать мастерскую, — Джордж сделал вид, что ничего не услышал, и с беспокойством посмотрел на настенные часы. — Мне нужно немного поработать. Только так я смогу успокоиться.

— Хорошо. Пока нет никаких новостей, можешь заняться делом, — Доктор Ломан хлопнул себя по коленям и резко встал со стула, кряхтя от каждого своего движения. — Только прошу, не пытайся винить себя в том, чего не совершал. В этом нет твоей вины. Ты лишь жертва ситуации, вот и все. Хорошо, что ты вовремя обратился в полицию. Это было мудрым решением. Возможно, благодаря этому у нас есть шанс увидеть Эрвана во здравии. Жаль, что мне так и не удалось познакомиться с ним. Если ты так к нему привязан, то и я, наверняка, мог бы тоже подружиться с ним.

Джордж вышел из кухни и перевернул табличку на входной двери на сторону, где было написано «Открыто» и вернулся на свое рабочее место, достав откуда-то из-под прилавка сапог, который он еще вчера собирался закончить. Но из-за сильнейшего стресса не смог хотя бы на минуту подумать о работе. Поэтому вчера он не рискнул открывать обувную мастерскую. Боялся показать клиентам все свое негативное состояние. А те не должны подозревать, что у него в душе творится самый настоящий хаос.

С момента исчезновения Эрвана прошло два дня. Не было никаких следов, способных внятно рассказать, что случилось в тот злополучный вечер. Была лишь смерть и море крови, пропитавшей морскую воду своим алым цветом. Полиция посчитала, что стрелявший являлся военным, так как все выстрелы были совершены с большого расстояния и с максимальной точностью попадания. Возможно, жертвы знали о присутствии нападавшего и пытались оказать ему сопротивление, так как в каютах наблюдались следы насильственного характера и большое количество разбросанной и сломанной мебели. Но на корабле нашли только три тела, хотя на судне было в разы больше экипажа. Это сказал детективу Джордж,

стараясь передать с максимальной точностью все события, опуская лишь моменты личного характера. Он не видел момент убийства, лишь его последствия, поэтому следователи особо много вопросов задавать не стали и быстро оставили молодого человека в покое, пообещав, что сделают все возможное, чтобы найти Эрвана живым и невредимым. Но Джордж особс не верил их словам. По их лицам было понятно, что у них нет никаких надежд найти хотя бы кого-то с корабля без дыры во лбу от выстрела. Не было и логичных теорий, способных хотя бы немного прояснить ситуацию произошедшего.

Кто-то считал, что на корабле произошел бунт, другие же, что на судно могли напасть пираты. Но ни один не хотел соглашаться с версией, что убийства совершены одним человеком. Это объяснялось тем, что большинство членов экипажа судна бесследно исчезли. И один человек не мог спрятать столько жертв преступления без посторонней помощи. Джордж же не хотел соглашаться ни с одной из предложенных теорий. То, что он видел на берегу, не подходило ни под одно описание, сказанное следователями.

Доктор Ломан на следующий день после того, как Джордж благополучно вернулся в Лондон и заодно привез с собой довольно милого и дружелюбного пса, который, как выяснилось, был одним из единственных выживших на том корабле, где произошли страшные убийства невинных людей, привел в мастерскую молодого мужчину, представившегося детективом. Детектив назвался Себастьяном Мораном и с первого же взгляда не понравился Джорджу, так как был чересчур скептичен и высокомерен при разговоре. Казалось, что детектив подозревает во всех грехах самого Джорджа, хотя прямо об этом не говорил, но каждое произнесенное им слово прямо указывало на то, что Себастьян Моран сомневался в невинности молодого человека.

— Не считите меня грубым, — говорил Себастьян. — Я нахожусь на этой должности не так уж и долго, чтобы считать себя профессионалом. Но могу вас заверить, что раскрыл немало заковыристых дел и весьма успешно. Думаю, что ваша беда не сможет сломить мой нюх и утаить от меня истину.

Сейчас от детектива не было никаких новостей. Прошло уже больше суток, а тот самовлюбленный мужчина словно испарился. Но Доктор Ломан все равно свято верил, что этот детектив со всем справится, о чем постоянно говорил Джорджу.

Работа помогла молодому человеку отвлечься от неприятных мыслей. Запах обувной кожи, свежего гуталина снова окутали его положительными эмоциями, и юноша даже не заметил, как мимо него пролетели два часа. Он это заметил только после того, как входная дверь мелодично соприкоснулась с колокольчиком, висевшим над дверным проемом, и впустила внутрь первого за этот день клиента.

— Как у вас тут мило, — прозвучал приятный женский голос.

Джордж оторвал свой взгляд от рабочего стола и посмотрел на вошедшую девушку и, увидев ее, чуть не потерял дар речи. Он не мог не узнать ее. И никогда бы не смог забыть аромат духов, так сладостно ласкавших мокрый от волнения нос. Татьяна за тот промежуток времени, что он ее не видел, ничуть не изменилась. Все такая же ослепительная красота поражала взгляд и не давала молодому человеку даже сдвинуться с места и сделать хотя бы глоток чистого воздуха, так как все внутри буквально замерло и любовалось этой особой.

— Целых четыре года эта мастерская пустовала. И только сегодня я заметила, что она снова открыта. Какое-то волшебство.

Джордж резко поднялся со стула и как-то по-военному встал перед ней по стойке смирно, улыбаясь Татьяне детской наивной улыбкой.

— А я вас помню. Вы же починили мои сапоги, когда я сломала каблук... Точно! Это были вы. Я еще удивилась, что такой милый юноша проделал столь качественную работу. До сих пор эти сапоги ношу. И каблук даже не думает сломаться.

— Я рад, что смог сделать для вас что-то приятное.

— А что случилось? Почему мастерская так долго была закрыта?

— Война, мисс. Война...

— Да... — задумчиво произнесла она и как-то грустно посмотрела в сторону. — Можете ничего не рассказывать... Я все поняла... Но безумно рада, что вы вернулись сюда. У меня как раз есть сломанная обувь. Выбрасывать жалко, а специально ехать куда-то за сотни метров, чтобы починить каблук, мне не хочется. А вы прямо под моим окном. Невероятно удобно для такой любительницы ломать обувь, как я.

— Что же вы делаете с вашей обувью, что она у вас постоянно ломается? — удивленно спросил Джордж.

— Не знаю. Наверное, много бегаю по улицам. Люблю бегать, — усмехнулась она и снова стала заворожено осматривать окружение. — А вы здесь работаете один? Или у вас есть кто-то, кто вам помогает?

— Да, есть. Мой хороший друг.

— И где он сейчас?

— Скоро должен вернуться, — с трудом выдавил из себя Джордж и постарался отвести свой взгляд куда-то в сторону, чтобы не показывать Татьяне свои настоящие эмоции. — А вы приносите свою сломанную обувь. Я посмотрю, что можно с ней сделать.

— Конечно. Вы работаете сегодня вечером?

— Да. Если вы задержитесь, то могу подождать.

— Я не из тех, кто любит опаздывать. Так что ждите меня в шесть, — улыбнулась та и смущенно посмотрела на молодого человека. — Была рада снова с вами увидеться. Кстати, я так и не узнала вашего имени.

— Джордж. Просто Джордж. А ваше имя я запомнил.

— Да? Даже не помню, как вам его называла.

— У меня очень хорошая память, Татьяна.

— Это полезное качество. Что ж, встретимся в шесть, просто Джордж? — игриво помахала ему рукой та и плавной походкой направилась в сторону выхода.

— Я буду ждать, — едва слышно прошептал тот и понял, что эта прекрасная особа заставила его тело покрыться плотной испариной, словно в помещении стало невероятно жарко. — Буду ждать...

Молодой человек сбился со счета времени, то потеряло смысл и настоящий облик. Эрван пребывал в замкнутом пространстве, где все образы без материи и причины. Больше не существовало стен, дневного света, просачивавшегося сквозь созданные водой трещины. Он ослеп, разучился различать краски, все стало темным и туманным, как на непроявленном фото. Даже будучи во сне он слышал только чьи-то голоса, никаких картинок, лишь бесконечная пустота, уходившая в бесконечность. Тьма наполнила разум, говорила в голове, высасывала последнюю влагу, желание идти дальше.

Эрван по привычке пытался проглотить слюну, но в горле стало настолько сухо, что любое движение языком напоминало сгибание толстого листа стали голыми руками. Молодой человек прикусил распухшую от жажды губу, чтобы высасывать из нее кровь и тем

самым удалить потребность во влаге, но телесная красная жидкость стала настолько густой, что ее капли превращались в вязкие комочки. Даже голод не являлся столь сильным в данный момент времени, его будто и вовсе не было. Но ощущалось неприятное жжение в желудке, словно тот доверху наполнен кипятком, что медленно сползал вниз по кишечнику и своим пламенем сжигал все на своем пути.

Юношу пару раз за все это время, что он был здесь, рвало, но рвотная масса выглядела какой-то прозрачной и слегка красноватого цвета, хотя Эрван после каждого такого момента чувствовал мимолетное облегчение и вновь проваливался в крепкий сон.

Он не пытался думать, не пытался бороться. Лишь ждал. Ждал своего конца, который неминуемо должен наступить. Но почему смерть снова пряталась в тени и не хотела забрать молодого человека с собой, как он этого и хотел? Или юноша уже мертв? Что если это состояние и есть смерть?

Лицо Эрвана неожиданно дрогнуло, словно по телу пробежался мощный электрический заряд, заставивший до этого дремавшие нервные окончания задействовать каждую мимическую мышцу. Веки чуточку приподнялись, дав возможность глазам изучить обстановку и то, что вынудило их хозяина пробудиться от мертвого сна, в котором тот, как ему казалось, пробыл целую вечность. Онемевшим языком Эрван ощутил, как ротовая полость стремительно наполняется чем-то горячим и жидким, что уже медленно сползало вниз по горлу и попадало прямоком в желудок, но от неожиданности юноша преградил неизвестной субстанции путь и с тяжелым кашлем заставил ее покинуть тело. Но едва он сделал это, как нечто вновь с силой стало вталкивать в него эту же горячую соленую воду с помощью металлического гладкого предмета.

— Ты должен поесть, — сказал кто-то рядом с ним. — Пожалуйста. Хотя бы немного. Иначе не выживешь.

Эрван понял, что этому голосу можно доверять. Он это осознал не по произнесенным словам, заключавшим доброжелательный смысл, а по теплой и искренней интонации незнакомого мужского голоса. Даже если бы этот мужчина говорил на иностранном языке, Эрван бы понял, что незнакомец не желает ему ничего плохого. Мужчина одной рукой придерживал Эрвану голову, другой с помощью серебряной ложки наполнял ротовую полость юноши ароматным супом, вкус которого парень ощутил не сразу, так как язык слишком долго обходился без воды, и вкусовые рецепторы попросту забыли свои обязанности. Но когда тепло и влага стали расплзаться по организму, Эрван вновь обрел способность видеть, двигать пальцами, даже пропала та нескончаемая сонливость. Силы бурным потоком возвращались. И через минуту парень даже выхватил у незнакомца ложку и стал хлебать из стоявшей рядом тарелки горячий мясной бульон, громко чавкая. Эрван черпал ложкой суп так быстро, что даже не заметил, как тот закончился.

Покончив с трапезой, юноша небрежно вытер рот рукой и с удивлением посмотрел на человека рядом с ним. Из-за крупного капюшона и странной повязки на его лице Эрвану не удалось разглядеть у этого незнакомца каких-либо эмоций, лишь виднелись сощурившиеся большие глаза, пристально следившие за каждым движением молодого человека. Мужчина поправил свой черный длинный плащ и забрал из рук Эрвана пустую тарелку.

— Ты оживился гораздо быстрее, чем я думал. Значит, тебя выбрали не просто так.

— Вы знаете, почему нас держат здесь? Что в этом чертовом месте происходит? Кто вы такой? — Эрван осторожно поднялся на ноги и только сейчас понял, что те больше не связаны. Даже раны, созданные им же, странным образом исчезли, не оставив даже

крошечного следа. — Какого черта?

— Вижу удивление в твоих глазах. Оглянись вокруг. Видишь что-нибудь интересное?

— Что?..

— Неужели ты все забыл, что с тобой случилось в ту ночь? Около скалы?.. — незнакомец опустил лицо вниз и грустно вздохнул. — Теперь ты в деле. И отступать слишком поздно. Ты был помечен. Но у тебя пока что есть выбор, но времени на принятие решения не остаётся. Либо ты здесь, либо убегаешь. Но учти, что место, где все началось, не даст уйти от него слишком далеко. Для этого круг должен замкнуться.

— Ты — псих, чувак? Ты один из тех, кто принес меня сюда? Ведь так? Что здесь происходит, черт возьми? И чем ты меня напоил? Почему я так быстро восстановился?

Тот лишь кивком головы указал на дверь, призывая Эрвана покинуть тюремную камеру, будто выгонял из своей личной комнаты.

Эрван не стал ждать ответа на свой вопрос, выругался и сжал дверь решетки руками, после невольно толкнул ее. Та свободно открылась, да так плавно, словно ее все время тщательно смазывали.

Незнакомец даже не попытался произнести хотя бы короткое слово, когда Эрван вышел из клетки и наконец-то смог полной грудью вдохнуть запах свободы.

Где-то на поверхности, там, где светило бледно-рыжеватое августовское солнце, пели птицы. Их дивный звонкий голос сливался во что-то ритмичное, целостное, поэтическое. Создавалось некое яркое и красочное представление, что летавшие создания пытаются воссоздать собственным пением произведения великих композиторов, и даже если это так, то у них великолепно получалось. Впервые за все это время Эрвану удалось увидеть дневной свет так близко и кожей лица ощутить его приветливое ласковое тепло.

Юноша успел заметить, что проливные дожди размыли трещины и тем самым сделали эти катакомбы более светлыми, чем они были еще пару дней назад. Так как пол был каменным и между плитами невозможно было всунуть даже нож, дождевая вода не впитывалась в почву, но из-за небольшого угла наклона подземных помещений ушла именно туда, где не находилась решетка молодого человека.

Сделав пару шагов вперед в сторону видневшейся вдалеке каменной лестницы, парень напоследок посмотрел назад, где неподвижно продолжал сидеть незнакомец в капюшоне и с задумчивостью смотрел на него без отрыва.

— Что меня там ждет? — прошептал Эрван и вернулся назад к тюремной камере, пристально посмотрев на мужчину в плаще. — Пойми, я в отчаянии. И я просто не знаю, кому доверять.

— Они не дадут сбежать, ибо ты очень важен для них. Гордись, тебе выпала честь стать первым.

— Что произошло в ту ночь, когда меня принесли сюда?

— Все было спланировано. Вы должны были оказаться на том корабле. Кто-то сделал все, чтобы вы добрались сюда.

— Но кто?

— Не знаю. Но ты должен запомнить одну вещь. Ты стал частью сделки. А теперь советую уходить отсюда, они скоро вернуться, — незнакомец поднялся на ноги и небрежно пнул тарелку ногой, после чего резко закрыл за собой тюремную камеру, будто хотел запереть в ней кого-то невидимого. — У нас очень мало времени. Сейчас ты должен усвоить только одно: слушай только свой голос, не давай постороннему управлять мыслями,

действиями. Иначе станешь таким же, как те, кто привел тебя сюда.

— А кто же ты?

— Я тот, кто не подчиняется голосу. Но мне это далось с большим трудом, — незнакомец резко приподнял рукав своего плаща и обнажил перед Эрваном руку, которую покрывали уродливые шрамы от сильнейших ожогов, те настолько глубоко проникли в кожный покров его тела, что не осталось ни одного живого места. Фактически, это была мертвая кожа. — Я потерял все, что было мне дорого, чтобы получить возможность сопротивляться. Моя боль утихла. Но иногда образы из прошлого возвращаются ко мне. И мне хочется сдаться, чтобы вернуть прежнюю жизнь. Но чтобы ее вернуть, мне придется встретить смерть. И давай договоримся. Больше не спрашивай ничего обо мне. Ты все равно ничего не узнаешь. Потому что я просто тень. Мятежник. Сопротивляюсь тому, что никто не видит.

Себастьян Моран показался Джорджу довольно самовлюбленным английским джентльменом. Его чрезмерная любовь к своей персоне демонстрировалась через его манеру говорить, двигаться, даже во взгляде читалось, что этот мужчина слишком возвышает себя над другими, хотя делал вид, что совершенно обычный человек. Но это актерское притворство виделось Джорджу столь фальшивым, что ему хотелось, чтобы Себастьян как можно скорее покинул его мастерскую, а не пытался в очередной раз напомнить молодому человеку, что тот находится у него под подозрением в многочисленных убийствах.

Джордж уже сильно сомневался в правильности решения Доктора Ломана. Тот, пытаясь помочь, нанял для расследования исчезновение Эрвана совершенно неподходящего под эту обязанность человека, который слишком много говорил, но при этом совершенно не пытался что-либо сделать. Но Чарльз Ломан настолько сильно был уверен в таланте детектива, что даже записывал его в один ряд с Шерлоком Холмсом, о чем неоднократно говорил Джорджу за чашкой чая.

— Он раскрыл очень сложные и заковыристые дела, за которые не хотел браться ни один из его коллег. Тебе просто нужно узнать его поближе. Он единственный, кто может помочь. Так что, Виктор, просто жди новостей, — заботливо произносил Доктор Ломан перед тем, как сделать очередной глоток зеленого чая.

Молодой человек уже третий вечер подряд садился около иконы и молился, молился с такой искренностью, что в конце не замечал, как по щекам ручьями стекали слезы. Джордж жаро верил, что с Эрваном все хорошо, что он останется жить и вновь будет радовать его своим беззаботным заливым смехом, теплом дыхания и нежностью прикосновений. Их встреча не могла начаться с борьбы со смертью и закончиться спустя год в таком же обличье. Джордж злился, злился на весь мир, на всех людей, что окружали его, так как именно они забрали у него любимого человека.

Первое время ему даже казалось, что тот, кто в ту ночь причинил Эрвану боль, пристально наблюдал за Джорджем, следил за каждым движением и жаждал забрать и его жизнь, как у тех трех несчастных моряков.

— Я схожу с ума. Я просто схожу с ума, — шептал Джордж на своем рабочем месте, пытаясь отогнать все страхи и неприятные мысли. — Ты просто слишком много думаешь об этом. Постарайся подумать о чем-нибудь другом. Эрван жив. Он останется жив.

Отвлечясь ему помогала Татьяна, эта прекрасная девушка, заглянувшая к нему вчерп и поразившая своей кукольной красотой. Он буквально с первого взгляда влюбился в ее

шелковистое длинное платье нежно-кремового цвета с кожаным черным ремешком на поясе, подчеркивавшим узкую талию, в темно-рыжие длинные волосы, имевшие при определенном освещении вишневый оттенок. А ее глаза! Большие и выразительные, они пленили его сердце и заставили то биться в разы чаще. Он даже боялся, что задохнется, когда та появилась перед ним спустя столько лет, что молодой человек ее не видел. Ему даже было стыдно за то, что он почувствовал к этой девушке сексуальное влечение, когда до недавнего времени считал, что его единственной любовью являлся Эрван. Но Татьяна была способна притупить чувства молодого человека и занять все внутреннее пространство юноши собой, ничуть не смутившись от этого. Она пообещала придти вновь, и Джордж смиренно ждал, надеясь, что эта девушка действительно удостоит его своим присутствием.

— О чем ты думаешь, кретин? — ругал себя Джордж каждый раз, когда все его мысли были только об этой девушке. — Она явно уже замужем и имеет ребенка. Ты вряд ли достоин, чтобы такая неземная красота хотя бы подарила тебе свой великолепный взгляд.

Он боялся своего чувства к двум людям, без которых его жизнь могла потерять смысл. Но его сердце не могло выбрать и выкинуть из себя кого-то из них, просто не было способно это сделать. И Эрван, и Татьяна заставляли молодого человека задыхаться от желания, миллионов эмоций, посещавших его в тот момент, когда кто-либо из них находится перед ним. Это пугало, по-настоящему пугало. Любя одного, он любил так же яро и другого.

— Мы сегодня ждем результатов вскрытия, потом я вам обо всем доложу, если найдем что-нибудь интересное, — детектив вывел молодого человека из глубоких раздумий и удивленно посмотрел на него, явно понимая, что Джордж все это время его не слушал. — Что ж, пока следов убийцы у нас нет, но уже здесь я ощущаю его присутствие. Он где-то рядом. Вам надо быть осторожным. Вы тоже были на том корабле. И убийца может захотеть добраться и до вас.

— Я не видел момент убийства. Я бесполезен, даже для этого головореза. Вряд ли он захочет тратить на меня патроны.

— Извините, что вам помешала, господа, я могу зайти позже, если у вас серьезный разговор, — неожиданно раздался позади Джорджа до боли знакомый женский голос, который он в течение всего дня так мечтал вновь услышать.

Татьяна незаметно вошла в мастерскую и встала позади разговаривавших мужчин, держа в руках картонную коробку, где явно находилась ее сломанная обувь, которую девушка еще вчера обещала принести.

— Татьяна! — радостно воскликнул Джордж и по-детски улыбнулся. — Как я рад, что вы все-таки пришли.

— Извините, что не смогла прийти к вам пораньше. Просто возникли некоторые сложности в семье. Но сейчас все хорошо. Я принесла сломанную обувь, — девушка вручила молодому человеку коробку, и тот быстро вытащил из нее обувь, с задумчивостью смотря на столь красивые белые сапоги на высоком каблуке. — Я могла бы их просто выбросить, но мне так жалко это делать. Все-таки в свое время я их купила за кругленькую сумму. А после войны все сидят на мели, надо экономить.

— Полностью с вами согласен, мисс, — произнес Себастьян. — Я и сам сейчас с трудом нахожу себе денег на хлеб. Люди стали экономить даже на своей безопасности.

— А вы, я смотрю, детектив, — посмотрела на грудь мужчины та, где красовался золотой значок, и удивленно перевела взгляд на Джорджа. — Что-то случилось?

— Нет, все в порядке, — выдавил из себя Джордж. — Просто маленькая формальность.

— Думаю, Джордж, нет смысла скрывать от дамы такие подробности, — неожиданно сказал Себастьян. — Мисс, я расследую массовое убийство, произошедшее на южном побережье Великобритании.

Джордж поиграл желваками, понимая, что детектив снова включил свое самолюбование и в самый неподходящий момент. Говорить такие вещи Татьяне было бестактно, особенно когда у нее было такое хорошее настроение, что было видно по ее милостивому лицу. Но Себастьяна останавливать было поздно, тот всюду стал хвастаться своей работой перед красивой девушкой, но та воспринимала его слова с завидной серьезностью.

— Какой кошмар! — ахнула та, прикрыв рот ладонью. — Что произошло? И при чем здесь Джордж?

— Себастьян, не надо, — взмолился шепотом Джордж, но Татьяна настолько увлеклась беседой с детективом, что даже прервала молодого человека движением руки.

— Нет, Джордж. Мне интересно, — сказала она и стала с интересом слушать Себастьяна.

— Некто напал на рыболовное судно три дня назад и убил троих моряков. Но, как выяснилось, на корабле было в разы больше экипажа. Около двадцати человек. И все они бесследно исчезли. Среди них был друг Джорджа.

Джордж облегченно выдохнул, когда Себастьян назвал его не Виктором, а именно Джорджем. Он не мог рассказать никому, кроме Эрвана, почему он на самом деле сменил имя. Пришлось придумать легенду, что ему просто не нравилось свое русскоязычное имя, поэтому после войны он решил его поменять на английское. И Себастьяна вроде как такая байка вполне устроила, и тот стал называть молодого человека по тому имени, какое у того было в нынешнем паспорте. Доктор Ломан же продолжал называть молодого человека Виктором, хотя Джордж и ему рассказал эту байку, но мужчина явно был против, поэтому не хотел признавать новое имя молодого человека.

— Что за ерунда? — негодовал Доктор Ломан. — У тебя было прекрасное имя, русское, православное. Зачем ты его сменил?

— Я просто хотел носить по приезду сюда англоязычное имя, вот и все.

— Нельзя стыдиться своего происхождения! Ты же русский! Им и должен остаться. Даже если страна, где жили твои покойные родители, развалилась и превратилась во что-то непонятное, это не значит, что ты можешь так просто отказаться от своей родной земли.

— Я почти не помню России, поэтому она мне чужда.

— Тебе обязательно надо туда съездить. Может, после этого перестанешь заниматься ерундой и мараить память о родителях.

Татьяне, к счастью, такие вещи объяснять не пришлось, поэтому Джордж был рад, что Себастьян вновь не назвал его по русскому имени.

— Что это было за нападение? — спросила Татьяна. — Пираты? Или был бунт?

— Мы пока не знаем. Есть следы насилия в каютах. Но те были заперты изнутри и даже нет следов взлома. То есть, там кто-то был, все разгромил, а потом будто испарился.

— Все это очень странно.

— Весьма. Но мы ищем. Но пока безрезультатно.

— Вы частный детектив?

— Нет, я работаю на городское правительство. Поэтому у меня нет проблем с доступом ко многим вещам. И это весьма облегчает нашу работу, так как иногда приходится

проникать туда, куда частного детектива никогда не пустят.

— Видимо, дело и правда серьезное. Вы меня извините за любопытство, просто я заканчиваю в этом году юридический факультет, и кое-что понимаю в этих вещах. В мои обязанности тоже входят расследования, но более делового характера.

— Но вас пленят расследования убийств? — усмехнулся Себастьян.

— Все может быть.

— Ладно, Джордж, не буду вас больше задерживать. Если что-то узнаю новое, то обязательно сообщу, — мужчина пожал молодому человеку руку, затем около выхода снял перед Татьяной шляпу в качестве прощания. — Мисс.

— До свидания, — махнула ему рукой та, смущенно улыбнувшись, и когда тот исчез, то снова перевела все свое внимание на Джорджа. — Он не нравится вам.

— Я не особо люблю людей, которые столь высокого мнения о себе. Извините, что вам пришлось об этом услышать.

— Все хорошо, — та осторожно погладила молодого человека по руке и вздохнула. — Вам надо было сразу рассказать о своем друге. Ведь это все очень серьезно и не терпит молчания.

— Я не мог вас беспокоить. Мы с вами едва знакомы, поэтому не имел права нагружать вас своими никчемными проблемами.

— Они не никчемные, — успокоила его Татьяна и села на стул рядом с рабочим столом Джорджа. — Вы мучаете себя, и я чувствую вашу боль. Ваш друг значил для вас очень много, это видно в ваших глазах.

— Да, я очень им дорожу, — грустно произнес он. — Но я не смог предотвратить это, поэтому это моя вина, что с ним это произошло.

— Вы ни в чем не виноваты. Ведь это не вы убили тех людей. Какие-то отморозки решили пролить чужую кровь, это именно их вина, а не ваша. Поэтому не смейте корить себя за то, чего не делали.

— Просто я не знаю, что будет дальше. Все так запуталось...

— Я хочу помочь вам, — девушка сжала руку парня в своей и с нежностью взглянула на него. — Знаю, мы с вами знакомы совсем ничего, но я не могу смотреть на то, как вы терзаете себя изнутри.

— Не нужно. У вас и своих проблем хватает. Я постараюсь сам во всем разобраться.

— Я — юрист. Это моя работа. Так что не пытайтесь мне отказывать. Вдруг я не случайно сломала каблук, чтобы потом оказаться здесь? Ваш друг нуждается в помощи. И будет гораздо лучше, если его спасением будет заниматься не только тот самовлюбленный детектив.

— Я не могу подвергать вас риску, Татьяна, — Джордж покраснел от прикосновений женской руки и невольно сжал ее ладонь в своей, чувствуя, как по его запястью начало распространяться приятное тепло. — Вам нельзя влезать в тот кошмар, в который мне пришлось погрузиться три дня назад. Я видел много крови и не хочу, чтобы вы тоже увидели ее.

Глава четырнадцатая. Пленник

Дыхание Джорджа участилось до неприличного ритма. Он уже с трудом мог справляться с тем удушьем, созданным его эмоциональным настроением. Возможно, имелась возможность это скрыть, но капельки пота, проступившие на бледном лбу, демонстрировали все мысли вплоть до мельчайших подробностей.

Татьяна словно не хотела замечать не вполне обычно состояние молодого человека и со спокойной умиротворяющей улыбкой смотрела в окно, любясь быстротечной жизнью лондонской улицы. Джордж помог девушке всунуть ее крохотную нежную ножку в обретший вторую жизнь сапог. И дрожавшей рукой застегнул на нем молнию, чувствуя, как пальцы невольно касались гладкой, как шелк, кожи Татьяны, изучая каждый миллиметр, будто что-то драгоценное и единственное в своем роде.

— Вы дрожите, — едва слышно прошептала девушка, наконец-то взглянув на увлекшегося Джорджа, который будто не хотел отпускать ее ножки из своих рук.

— Извините. Просто задумался, — встрепенулся тот и резко отдернул руку от кожи Татьяны, будто обжегся о раскаленный металл. — Вам удобно? Я сменил подошву, так как нашел на старой трещины.

— Я это уже чувствую. Сапоги стали намного мягче. Знаете, иногда хочу отказаться от обуви на каблуке. Но с моим маленьким ростом я без каблука буду казаться карликом.

— Вам бы не пошел высокий рост. Вы уже идеальны во всем.

— Спасибо, Джордж. Мне очень приятно это слышать, — улыбнулась девушка и сразу же после того, как молодой человек помог ей застегнуть второй сапог, радостно встала на пол и потопала ножками, испытывая обувь на прочность. — Великолепная работа! Большое спасибо. Вы спасли их!

— Это большая честь для меня, — скромно встал рядом с ней тот и завел руки за спину, неуклюже покачиваясь на пятках.

— Сколько я вам должна за работу? — девушка полезла в сумку, пытаясь достать кошелек, но Джордж остановил ее.

— Успокойтесь. Вы мне ничего не должны. Считайте, что это подарок от моей скромной персоны.

— Но вы ведь потратили на меня время. Это несправедливо, когда такой талантливый мастер работает бесплатно.

— Ваше присутствие и было платой. Мне больше ничего не нужно.

— Ну, раз уж вы настаиваете, — улыбнулась та и облегченно вздохнула. — Кстати, ваш блестящий детектив так и не привез новостей?

— Нет. Обещал заехать сегодня ближе к обеду, но что-то его не видно в моей мастерской.

— Я уже начинаю сомневаться в его профессионализме. Вчера он так расхваливал себя, будто является живым воплощением Шерлока Холмса.

— Вы тоже это заметили?

— Разумеется. Знаете, сколько мужчин пытались добиться моего сердца, используя хвастовство? Их просто не пересчитать по пальцам. Все они идеальные, пока не узнаешь поближе. А вот те, кто сначала кажется тебе грязным и вшивым, неожиданно оказываются прекрасными во всем. И этот парадокс меня жутко раздражает.

— У вас есть молодой человек?

— А вы это спрашиваете чисто из любопытства? — кокетливо приподняла брови та, ухмыльнувшись.

— Чисто из любопытства. Просто было бы удивительно, если бы у такой прекрасной девушки не оказалось ухажера.

— Я предпочитаю женщин, — серьезным тоном ответила та, но, увидев недоумение на лице юноши, засмеялась. — Шучу. Нет, у меня сейчас нет того, кого я бы сильно любила. Был один. Но не сложилось. Случилось серьезное разногласие. Поэтому отныне отдаю всю себя учебе и работе. И мне как-то спокойнее. А у вас кто-нибудь есть?

— Если честно... Нет. Я тоже свободен.

— Значит, мы с вами чем-то похожи, — радостно сказала та, блеснув зенками. — Мне кажется, что когда твое сердце свободно, то жить намного легче. Можно отправиться куда захочешь, не бояться, что дома тебя снова будут ждать скандалы. Я насмотрелась на своих родителей и разлюбила чувство любви. Мои отец и мать ненавидели друг друга, но вынужденно жили вместе, так как не хотели делить имущество. Но лучше бы они разошлись. Мне жилось бы легче. Иногда даже домой возвращаться не хотела. Это было, разумеется, глупо. Но я была девчонкой. Глупой и наивной. Было все равно, где ночевать. Лишь бы не слышать дома скандалы.

— А сейчас вы живете одна?

— С матерью. Она меня непустит в свободное плавание, умрет без меня... Мой отец умер на прошлой неделе. Как раз в тот же день, когда пропал ваш друг. Странное совпадение...

— Мне очень жаль... Что произошло?

— Он слишком много работал... И это подорвало его здоровье. В итоге, он не оставил нам никакого наследства, так как не подумал написать завещание. А так как в долю вошли чуть ли не все родственники по его линии, то нам с матерью останется парочка золотых монет. Он все состояние перед смертью пустил на погашение долгов своего умирающего предприятия. Война сгубила его бизнес. Полностью разорила. Сейчас отцовская фабрика чуть ли не заброшена и вряд ли снова откроется.

— Вы не хотите претендовать на нее?

— А смысл? Я не смогу управлять таким гигантом. Тем более у меня нет ни малейших знаний в этой сфере. Это очень старое предприятие. Оно досталось моему отцу еще от его деда. Отец даже не подумал о своей смерти. Теперь мы все дружно вынуждены за него расплачиваться. Просто не представляю, что будет дальше.

— Это все так грустно... Неужели он считал, что будет жить вечно?

— Возможно. Иначе бы не оставил нас с мамой без денег. Возможно, нам придется продать эту квартиру и переехать в другое место, в более скромное, чтобы остались хотя бы какие-то средства.

— Твой отец слишком любил свое дело.

— Оказалось, что папа тщательно скрывал от своих работников, что предприятие не приносит никакой прибыли. Платил им из своего кармана. А долги все росли и росли. Даже боюсь представить, какую сумму он должен был государству. Благо из этого не раздули громкое дело.

Молодые люди услышали шум колокольчика над входной дверью, и в мастерскую вошел Себастьян, снимая в качестве приветствия шляпу. Так как на улице шел проливной дождь,

сопровожаемый грозой, то мужчина, как собака, начал стряхивать с себя капельки воды, чуть не забрызгав присутствующих. Джордж насупился при виде Себастьяна и сделал вид, что попросту не заметил его прихода. Татьяна не смогла не разглядеть недовольство молодого человека и, решив разрядить обстановку, приветливо помахала детективу рукой, демонстрируя ему свою доброжелательную белоснежную улыбку.

— Мисс, не ожидал вас здесь увидеть снова, — мужчина явно был чрезмерно рад присутствию девушки, и его лицо буквально сияло позитивом рядом со столь прелестной дамой. — Что вас привело сюда в этот дивный день?

— Рада, что вы этим поинтересовались, детектив. Я зашла к мистеру Джорджу, чтобы забрать сапоги, которые я ему вчера отдала на ремонт. Но пришлось задержаться из-за непогоды. Я просто не взяла с собой зонт, боюсь простыть.

— Я вот тоже не взял с собой зонта. Еще час назад сияло солнце, а уже льет как из ведра. За это и не люблю этот город, здесь сыро, как на русском болоте... — мужчина отвел взгляд от девушки и перевел его на угрюмого Джорджа, который что-то делал за своим рабочим столом. — Здравствуй, Джордж! Что-то ты сегодня какой-то мрачный.

— Есть новости? — буркнул ему тот, даже не удосужившись посмотреть на мужчину. — Слишком медленно работаете, детектив. Я не доволен. Вы до сих пор стоите на месте. Даже слепая собака быстрее бы нашла зацепку.

— Как это грубо, Джордж, — съязвил Себ и скрестил руки на груди. — Не забывай, что я ищу твоего дружка по остывшим следам. У нас не было никаких улик, кроме мертвецов. Даже на портсигаре Эрвана не найдено отпечатков, кроме твоих. Так что нам пока спешить некуда.

— Эрван мог уже сто раз умереть! Как ты этого не понимаешь?

— Успокойся, мой друг. Я понимаю твою обеспокоенность. Мне самому очень хочется, чтобы Эрван был жив и здоров. Поэтому я пришел к тебе не с пустыми руками.

— Говори.

— В общем, мы провели вскрытие этих тел. Все до единого заражены испанкой. И на довольно поздней стадии. Фактически, они были почти мертвы, когда их застрелили. Так что кто-то просто ускорил их смерть. Хотя не совсем понимаю, зачем было устраивать такой погром на судне.

— Есть риск, что Эрван тоже мог заразиться испанкой? — неожиданно вступила в разговор Татьяна.

— Да. И очень большой. Это могло бы объяснить тот факт, что Джорджа не тронули.

— Но Эрван находился рядом со мной все то время. И я не заразился. От испанки люди обычно умирают на следующий день после заражения. Но я жив, — дрожащим голосом сказал Джордж.

— Ты сказал, что видел следы крови рядом с палаткой. Так вот, мы взяли отпечаток ноги, благо он был очень четким, особенно около края скалы, так как был оставлен на гладком камне.

— И что вам это дало?

— В палатке были оставлены ботинки Эрвана. И отпечатки подошвы полностью совпали.

— Но почему тогда Эрван оставил после этого обувь? — удивленно посмотрела на мужчин девушка. — Ведь какой смысл сначала наследить, а потом разуваться?

— Мне кажется, что он сначала пытался от кого-то убежать и был ранен, что объясняет

наличие крови. И так как его ботинки были все в крови, то ранение произошло именно в ногу и скорее всего не в одну. Похититель явно пытался скрыть это, так как ботинки были вымыты, но присутствие крови наш эксперт все-таки нашел.

— Боже, — сжал голову руками Джордж и уткнулся носом в покрытый пылью стол. — Просто не понимаю... Кому это понадобилось? Ради чего все это было сделано?

— Джордж, ты сейчас должен просто терпеливо ждать. Мы ищем, — Себастьян положил руку на плечо молодого человека, но тот резко ее сбросил с себя и вскочил со стула.

— Плохо ищите! Я не могу позволить себе сидеть здесь и ждать, пока Эрван где-то там умирает. Я поеду туда и сам все узнаю, — Джордж направился в сторону лестницы, ведущей в его комнату, но Себастьян его окликнул, пытаясь остановить.

— Джордж, прекрати геройствовать! Ты ничего этим не добьешься!

— Я докажу обратное, — бросил в ответ тот и скрылся в комнате, после чего начал там чем-то греметь, явно что-то ища в шкафу.

— Не останавливайте его. Ему будет спокойнее находиться там, где все началось, — посмотрела на Себастьяна Татьяна. — Эрван значит для него очень много, это видно невооруженным глазом. И если с его другом что-то случится, то вряд ли Джордж переживет эту трагедию.

— Думаю, вы правы. Но это очень опасно. Что если похитители и его поймают? Мы ведь до сих пор не знаем их мотивы.

— Возможно, именно это и позволит нам узнать их мотивы. Джордж может стать живой приманкой. Странно, что вы до сих пор не воспользовались этим.

— Мне нравится ваш склад ума.

— Да, я много в этом понимаю, так как работаю в этой сфере. Разумеется, как новичок. Но уже более-менее разбираюсь в подобном.

— Это похвально, что такая юная особа решила посвятить себя закону.

— Знаете, у меня возникла одна идея. Что если во всем этом деле замешана религия, а не просто банальный повод мести или жажды легкой наживы? Я услышала много деталей из вашего расследования. К примеру, закрытые изнутри каюты. Жертвы, возможно, самостоятельно заперли себя, но тогда как убийца смог проникнуть туда? Вы не хотите предположить, что здесь, чисто теоретически, был применен метод гипноза?

— Метод гипноза? Что вы имеете в виду? Что жертвы застрелили себя сами?

— Да. Насколько я знаю, убийца не смог бы выйти из каюты через вентиляционную шахту, так как в таких кораблях вентиляционные трубы слишком маленькие. Это не океанский лайнер.

— Вы хотите сказать, что в этом деле замешаны призраки?

— В таких делах надо хвататься за самые безумные идеи. Я не настаиваю на том, что это призраки. Убийца запросто мог все это сфальсифицировать под спиритическую активность, чтобы никто не смог найти его. Он был в праве использовать ловушки, даже ядовитый газ. А разрушения можно объяснить тем, что судно резко выбросилось на берег. Толчок явно был очень сильным.

— Судно сильно не повреждено, лишь несколько вмятин на киле. Но оно так сильно зарылось в песок, что до сих пор не получилось его отбуксировать в порт.

— То есть судно так и стоит на берегу? Удивительно. Это даже к лучшему.

— Почему?

— Есть шанс более подробнее изучить место происшествия. Знаете, я давно не была у большой воды... Уже чувствую запах романтики и соли.

— Вы на что намекаете, мисс? — удивленно посмотрел на нее тот. — Только не говорите, что хотите поехать туда и увидеть все своими глазами.

Джордж любовался ее шелковистыми немного вьющимися на кончиках рыжими волосами, которые аккуратно падали на хрупкие плечи. Татьяна решила в эту долгую поездку облачиться в светло-бежевый костюм прямого покроя, который удачно выделял узкую талию и не слишком объемные, но достаточно заметные груди, которые так и норовили привлечь к себе внимание Джорджа, так как их хозяйка расстегнула на пиджаке верхние пуговицы, словно делая это специально.

Он боялся, что она это заметит. Боялся так, как не боялся никогда. Но желание любоваться ею было невыносимым. Что же с ним происходит? Почему он изменяет самому себе? Изменяет своим чувствам. Каким образом эта девушка переворачивает у него все внутри, отчего он даже забывает на короткое время причину, по которой они направляются к большой воде.

Вчетвером они двигались в сторону графства Восточный Сассекс, что находилось у южного побережья Великобритании, на автомобиле последней модели, марку которого молодой человек не знал, так как не особо увлекался подобными знаниями. Но в машине было довольно просторно, для четверых человек оказалось предостаточно места, и никто не ехал в тесноте. Кроме Татьяны и Себастьяна с ними ехал молчаливый мужчина, который, как понял Джордж из разговоров, являлся водителем Себастьяна, приставленным к нему его начальством. Видимо, Себастьян был заметной фигурой в сфере криминала, если пользовался такими почестями, но пока Джорджу не удалось увидеть в этом человеке хотя бы йоту того, что могло бы его выделить среди остальных детективов огромного Лондона. Этот человек делал все с помощью слов, но это пока не приводило ни к какому результату.

Всю дорогу детектив бурно общался с молодой особой, обсуждал с ней все, что угодно, но только не работу, за которую ему прилично платил Доктор Ломан, надеявшийся, что этот хвастливый мужчина сумеет пролить свет на те события, что произошли на мысе Бичи-Хед. Джордж уже терял надежду на то, что им вообще удастся там что-либо найти, он уже не верил ни в одно слово, пытавшееся утешить его ослабший разум. Все это было второсортным враньем, пустыми фразами, тратой времени.

Сегодня лето снова напомнило о себе. Впервые за несколько дней небо было таким чистым и идеально голубым, отчего казалось, что неба нет вовсе, так как оно ассоциировалось у многих с кучевыми давящими на голову облаками. Солнце поднялось слишком высоко и было невероятно горячим, отчего Джордж успел почувствовать, что автомобиль не на шутку нагрелся и мог с легкостью послужить плитой для приготовления какого-нибудь блюда. Даже открытые окна не могли уничтожить невыносимую духоту, что создалась в салоне за короткое время.

— Так вы были на войне, Себастьян? — эта была первая фраза, которую смог расслышать Джордж, и она исходила из прекрасных уст Татьяны.

— Вряд ли найдется среди сидящих здесь тот, кто не служил, не так ли? — усмехнулся детектив и косо взглянул на Джорджа, который безучастно смотрел в окно и любовался мелькавшими зелеными пейзажами. — В то время я жил в Сербии. Когда Австро-Венгрия объявила нам войну, мне пришлось бежать из страны, так как я понимал, что скоро начнется

нечто ужасное. Думал, что смогу спасти себя и свою семью. Но от войны убежать не удалось.

— Но вы не жалеете, что побывали на фронте? Ведь это такая честь...

— С какой стороны посмотреть... Вы женаты, юная леди?

— Нет. Пока никому не удалось завоевать мое сердце.

— Значит, вам тяжело понять, какой может быть война, как она меняет и ломает людей, побывавших в том месиве. Я пережил многое. Воевал на стороне Антанты, плечом к плечу стоял с русскими офицерами, англичанами, французами... Вы не представляете сколько я перестрелял собак на фронте, этих немецких и османских ублюдков.

— А как же Австро-Венгерская империя? Ведь она начала войну и напала на вашу родину. Неужели вы хорошо к ним относитесь? — с долей юмора посмотрела на детектива девушка. — В моей семье никто не воевал, даже отец. Это странно. Я так и не сумела понять, что такое война, она не отняла у меня никого из близких.

— Все впереди, юная леди. Последствия войны еще покажут вам свой звериный оскал, вот увидите. Я потерял на войне младшего брата. Он погиб во время крушения Лузитании вместе с моей матерью. Чертова германская подлодка пустила их на дно вместе с более чем тысяча двести пассажиров. Я даже не смог их похоронить... — голос детектива на минуту дрогнул, но он делал вид, что рассказывает что-то обыденное и ничуть не эмоциональное, что не способно затронуть душу. — Давайте не будем о грустном. Война такая вещь, о ней лучше не вспоминать после ее окончания, нужно лишь сделать выводы и больше никогда не повторять подобного.

— Как вы думаете, будет ли еще подобная война?

— Не знаю. Наше общество слишком непредсказуемое. Поэтому невозможно предугадать заранее. Вон, взять хотя бы русских. Им было мало войны, и они решили развалить свою великую страну. К власти пришел простой народ, крестьянин. Что крестьянин сможет сделать, когда сядет за бывший царский престол? Ведь он не представляет, как управлять такой большой страной.

— Русские привыкли к трудностям. Они справятся, — вмешался в их беседу Джордж.

— То есть вы поддерживаете большевиков? — удивленно спросил молодого человека детектив. — Эта красная зараза не способна вызвать симпатию. Только жалость. Даже испанка не вызывает столько негатива, как красные.

— У белых нет шансов, они в меньшинстве. Поэтому уже нет смысла кого-то винить в этом, — вздохнул Джордж и немного поерзал на сидении, так как ноги уже успели затечь из-за того, что они несколько часов находились в неподвижном положении.

— Кстати, не забывайте, что мы с вами не просто так катаемся по Англии, — улыбнулась мужчинам Татьяна. — У нас впереди еще много дел.

— Удивляюсь вашей храброй натуре, Татьяна, — хмыкнул Себастьян. — Мне так и не стало понятно, что вы собираетесь там найти. Все следы уже давно исчезли, осталась только ржавая посуда, пропахшая рыбой, больше ничего.

— Меня и интересует судно. Вспомните своего брата и мать, ведь их гибель крылась в крушении огромного пассажирского лайнера, затонувшего во времена войны. Что если исчезновение экипажа корабля и Эрвана Джеффа тоже связано с причиной, по которой судно неожиданно выбросилось на берег? Вряд ли капитан бы отдал приказ вывести корабль на мель.

— Но ведь мы уже отклонили теорию бунта.

— Я и не говорю, что это был бунт. Но корабль врезался в берег. И причина этому до сих пор не ясна. Что-то заставило всех членов экипажа бросить судно. Но что их напугало? И что убило тех матросов, запертых в своих же каютах? Вот это мы и должны выяснить.

— Девушка, вы делаете всю работу за меня, — обидчиво произнес Себастьян и забавно улыбнулся. — Не хотите стать моим напарником?

— Я подумаю, — засмеялась та. — Я нахожусь здесь чисто из любопытства. Меня не интересует преступник. Просто хочу узнать, что же случилось с тем судном в ту злополучную ночь.

Прибыли на место ближе к вечеру. За эти пару часов солнце успело немного приблизиться к краю горизонта и приобрести слегка оранжевый оттенок, как у спелого апельсина. Стало менее жарко, что сделало нахождение в автомобиле не таким уж и самоубийственным занятием. Выйдя из салона, Джордж даже почувствовал, как его рубашка успела за этот день пару раз промокнуть от его потливого тела и столько же раз высохнуть, но неприятный запах остался. Такая же проблема была и у остальных, даже у Татьяны, но та выглядела гораздо свежее и опрятнее мужчин, что и характеризовало ее, как женщину. Запах ее духов смог скрыть все плохое, словно она весь день сидела на прохладном ветру где-нибудь в тени. Это женское качество всегда поражало Джорджа, и ему было интересно, как дамам удается выглядеть и пахнуть хорошо при любой погоде. В этом было даже что-то магическое.

Татьяна надела на свою голову большую шляпу кремового цвета и с довольным видом осмотрела окрестности. Они находились на самой вершине мыса, поэтому отсюда не было возможности увидеть то самое судно, что находилось в самом низу у моря.

— Невероятно! — восхищенно воскликнула Татьяна. — Я будто нахожусь на краю мира, земля словно парит над морем. Завораживающее зрелище!

— Это место очень сильно облюбовали самоубийцы. Особенно часто они сбрасывались со скалы во времена войны. Тут находили тела тоннами, и многие из них были совсем молодыми. Их хоронили здесь неподалеку, около церкви. Многим даже имена над надгробными плитами не написали, так как не удалось опознать ни одного из них. Хоронили просто так, без разбирательств. Тогда это было обычным делом, — печальным тоном произнес Себастьян, не спеша вдыхая морской бриз. — Замечательная погода. Если бы я не знал, что здесь повсюду гуляет трупный запах, то искупался бы.

— Искушаетесь, когда найдете что-нибудь ценное, — проворчал Джордж, с грустным видом смотря на «край земли». — Здесь неподалеку находится маяк. Думаю, что нужно туда тоже сходить.

— Там работал какой-то мужичок. Но он уже больше недели не появлялся на рабочем месте. Местные сказали, что он был пьющим. Так что даже если мы его застанем, то вряд ли что-нибудь выведем. Мои люди осмотрели маяк, не нашли там ничего интересного, даже журнал с записями не содержал ни одной дельной заметки.

— Вы уверены, что его исчезновение не связано с нашим делом? — поинтересовалась Татьяна. — Местные не сказали, когда видели его в последний раз?

— Его вообще редко видят. Назвали этого человека странным, нелюдимым. Его семья работала в церкви, жена верующая была. Потом в церкви организовали госпиталь, но его разбомбили во времена войны. Никто не выжил. От жены этого бедолаги даже костей не осталось, один пепел. Вот он и запил после этого. Хотя мог бы стать ценным свидетелем.

Один свидетель у нас есть, но он ничего, по странной причине, не видел, — Себастьян прищурился и с признаком изучения уставился на Джорджа, но встретившись с его усталым безразличным взглядом отвел глаза в сторону Татьяны. — Надо бы церковь ту осмотреть. Она находится отсюда в трех километрах в долине. Там еще заброшенным поселок расположен. Вроде дома для богатых господ строили до войны, но потом все сгорело. И людей больше там не водилось.

— Я сам схожу туда, — заявил Джордж. — Вы с Татьяной осмотрите корабль, а я обследую те развалины.

— Как скажешь, — не стал возражать детектив и кивнул своему молчаливому водителю, который до сих пор сидел в машине. — Джек, отвези паренька к той заброшенной церкви. И если что будь рядом. Вдруг возникнет неприятная ситуация.

Джордж сел в машину молча и после этого не произнес ни слова, словно Себастьян и Татьяна стали для него невидимыми существами. Татьяна хотела было пожелать молодому человеку удачи, но в последний момент остановила себя, поймав его грозный угрюмый взгляд, словно тот не мог терпеть ее присутствия и пытался уехать отсюда как можно быстрее. Поведение Джорджа она не могла объяснить, как и перепады его настроения.

Он изначально казался ей прекрасным юношей, вежливым, симпатичным, опрятным и отзывчивым. Но постепенно парень открылся, и девушка стала замечать в нем парадоксальности. Джордж странно смотрел, постоянно нервничал при разговоре, тщательно подбирал слова, особенно при упоминании пропавшего друга, словно пытался скрыть какую-то информацию. Возможно, ей это просто показалось, но тот образ, что возник у нее при их первом знакомстве, моментально разрушился. Джордж стал для нее совершенно другим человеком, словно она и не знала его вовсе. Их общение было коротким, но в первые минуты знакомства она даже была готова влюбиться в него, девушка чувствовала симпатию к этому парню, сходила с ума от его заботливого голоса, его прикосновений. Но теперь она поняла, что тот притворялся, чтобы помочь себе избавиться от неприятных мыслей, пытался быть другим, но не смог носить маску слишком долго. Его эмоции фальшивые, и он пытается их делать истинными, чтобы спрятать за ними себя настоящего. И вот она увидела его настоящее лицо: озлобленное и лишенное приятного блеска, серое и безразличное к окружающему миру. Вряд ли это из-за присутствия в месте, где произошли ужасные события. Его настоящее лицо возникло из-за других обстоятельств, которые пока девушка не могла разглядеть.

Когда автомобиль скрылся из виду, оставив за собой длинный шлейф из пыли и грязи, Себастьян неожиданно сплюнул на землю и выругался, но после смущенно взглянул на девушку и улыбнулся.

— Прошу прощения, просто этот молодой человек меня чуть не вывел из себя. И как его тот старикашка еще выносит?

— Вижу ваша ненависть взаимна, — залилась смехом Татьяна и повернулась своим румяным лицом к морю, прищурился глаза из-за яркого солнца, которое стремительно опускалось в море, окрашивая воду в рыжевато-золотистые тона.

— Я бы вряд ли взялся за это дело, если бы мне не предложили деньги. А моя работа пыльная, лишняя копейка в карман не потеснит.

— Что же вас в нем так не устраивает?

— Все это дело мне с самого начала казалось грязным. Джордж был единственным

свидетелем этого преступления, но по какой-то причине не видел ничего из того, что произошло на корабле. Тогда каким образом его друг исчез вместе с другими членами экипажа? Ведь, насколько я понял, Эрван находился в ту ночь с Джорджем. Даже если учесть, что парень вышел из палатки из-за какого-нибудь странного шума, то почему не разбудил друга, если увидел что-то странное? Вряд ли он пошел к кораблю один.

— Это действительно вызывает негодование, детектив. Я тоже над этим думала... Жарко, — Татьяна сняла шляпу и неожиданно бросила ее в сторону, что вызвало удивление у Себастьяна.

Головной убор колесом покатылся по земле, затем был подхвачен ветром и, словно птица, вспорхнул и полетел в сторону моря, медленно снижаясь вниз, после чего скрылся за краем скалы, словно его и не бывало.

— Зачем вы это сделали? — с непониманием посмотрел Себастьян на девушку и пытался все еще найти взглядом летевшую по ветру шляпу, но та, по всей видимости, уже лежала где-то внизу.

— Просто стало интересно, как выглядит падение со Скалы смерти, — пожала плечами та и направилась к краю пропасти. — Знаете, у меня когда-то были мысли спрыгнуть с подобного обрыва. Это было еще до войны, в Уэльсе. Тогда я с отцом ездила в гости к его старому другу. Я была в те годы непослушной девицей. Мне тогда исполнилось всего лишь четырнадцать, но даже в столь юном возрасте я была хороша собой. На меня стали заглядываться зрелые мужчины, — девушка взглянула вниз и с улыбкой заметила шляпу, которая лежала на берегу и усердно пыталась убежать от нагонявшей ее морской волны. — Боже милостивый! Как высоко!..

— Вы ведь вспомнили эту историю не просто так. Вы были в Уэльсе... Тогда почему вы хотели прыгнуть? — детектив подошел к ней и с беспокойством взглянул вниз, чувствуя, как от такой высоты у него ненароком закружилась голова. С такой скалы падение будет долгим. И смерть наступит моментально.

Девушка села на землю и поджала под себя ноги, с улыбкой вглядываясь в горизонт, словно выискивала что-то интересное, но там была лишь бескрайняя вода, больше ничего. Детектив сел рядом и с вопросом посмотрел на Татьяну, все еще ожидая от нее продолжения истории.

— Я решила пройтись по городу одна. Отец хорошенько выпил с другом. Поэтому мне удалось свободно выйти из дома, все равно никто бы не заметил. Я любила гулять одна. Это успокаивает. Нет назойливых разговоров, лишнего шума. Только ты и пустая безлюдная улица. Все бы отдала, чтобы снова пройтись там... Я случайно столкнулась с полицейским. Город был незнакомым. Сказала ему, что потерялась. Попросила проводить до дома...

— Что было дальше?

— Было темно. Улицы пусты. Сначала он просто случайно до меня касался. Потом... — девушка резко отвернулась, словно почувствовала трудность в дыхании, затем со страхом взглянула на детектива. — Он разорвал на мне одежду. И повалил на землю... Нас бы никто не увидел... Его пистолет находился слишком близко. И я выстрелила... Дважды... Сначала в область паха. Затем долго смотрела на него, слушала, как он кричит, умоляет меня не убивать его. Но я нажала на курок снова. И на этот раз нацелилась на голову.

— Вас осудили?

— Нет. Мой отец смог решить этот вопрос с помощью денег. Правда, потом стал относиться ко мне совершенно иначе... Убивать можно не только на войне, Себастьян. Так

что я знаю, что такое смерть. Я видела ее глаза перед тем, как совершила выстрел.

— Вы меня поразили... С самого начала я знал, что вы вовсе не так хрупкая и непростительно красивая девушка, за которую себя выдаете.

— Вы правы... Я умею постоять за себя. Отец научил меня стрелять, так как часто брал с собой на охоту. Это из-за него я научилась убивать и применила этот навык во время того, как меня насиловал полицейский в каком-то переулке, — девушка нервно усмехнулась и снова взглянула вниз. — Кстати, а где тот самый корабль? Я его не вижу.

— Он... — заикаясь произнес Себастьян и резко вскочил на ноги, чтобы лично проверить это. — Боже... Как такое... Черт! Черт!!!

— Себастьян, — девушка положила руку на его плечо и попыталась успокоить мужчину, который начал в безумстве расхаживать на месте. — Возможно, местные власти распорядились, чтобы корабль отбуксировали к берегу.

— Этого не могло случиться. Была договоренность с властями. Они не должны были трогать судно до конца расследования. Тем более судно невозможно было отбуксировать. У него была пробоина в днище. Трюм был доверху заполнен водой. Если бы его спустили на воду, судно моментально пошло бы ко дну. Оно накололось на небольшую скалу у берега, та разрезала его днище, как нож масло, поэтому волны не сдвинули его с места, хотя должны были.

— Давайте не будем паниковать. Нужно просто спуститься и проверить. Недавно же был сильный шторм. Если пробоина действительно была, то судно могло отнести в море, и там оно, возможно, затонуло.

— Здесь очень мелко. Если бы так и было, то обломки торчали бы из воды. Но их нет.

— Это точно тот самый мыс? Вдруг корабль находится в другом месте.

— Нет, мисс. Это и есть то самое место. Вон там стоит маяк, — мужчина указал на высокое сооружение, что стояло в ста метрах от них и указывало морякам путь своим светом. — Судно находилось около него. Так что мы в нужном месте.

— А кто сейчас обслуживает маяк? — удивленно посмотрела на детектива девушка.

— Постойте... И вправду. Маяк работает. Неужели тот мужик вернулся? В прошлый раз, когда я здесь был, маяк не работал, лампы были неисправны.

— Так давайте сходим к нему.

— Хорошо... Но... Мисс, вы не могли бы сходить туда одна? Я бы хотел спуститься вниз и осмотреть место, где стоял корабль. Нужно хотя бы понять причину его отсутствия. Если судно отбуксировали каким-то образом, то должны остаться следы. Я бы сходил с вами, но хочу осмотреть то место до захода солнца. Потом ничего не разглядишь.

— Хорошо, детектив. Я схожу. Если что, встретимся здесь.

Кристалльная чистота неба резко начала портиться. Нежданно-негаданно на небе возникли массивные кучевые облака, которые изредка закрывали собой солнце, но то быстро пробивалось сквозь них и продолжало дарить земле свой золотистый свет, правда уже не такой горячий, как пару часов назад. Становилось холоднее, что было связано с усилением ветра, дувшего со стороны моря. Даже отсюда можно было разглядеть картину взволновавшегося моря и услышать, как его высокие волны разбиваются о берег, создавая ласкавший ухо шум. Девушка так давно не была на побережье, что совсем отвыкла от подобных звуков.

Маяк стоял на небольшой возвышенности и неустанно отправлял куда-то вдаль

невероятно длинный луч белого холодного света. Сооружение было довольно старым, но все еще прочным, что позволяло ему выдерживать удары стихии многие годы. Некогда стены маяка были покрыты белой краской, но ветер сумел ее практически полностью соскрести, из-за чего наружу проступил неприятный серый цвет камня, украшенный грибовыми образованиями. У входа в маяк висел колокольчик, качавшийся на ветру и создававший этим движением приятную мелодию. Татьяна на миг остановилась, чтобы вслушаться в эти чарующие звуки, но потом поняла, что у нее попросту нет времени наслаждаться окружающей ее обстановкой. К маяку вела вытоптанная дорожка, слегка посыпанная гравием. Видимо, здесь часто ходят люди, так как в противном случае все моментально заросло бы травой.

Татьяна подошла к входной двери и ненароком взглянула наверх, чувствуя, как у нее закружилась голова из-за большой высоты этого каменного сооружения, на вершине которого виднелся свет, что мог затмить своим сиянием само солнце. Немного потоптавшись на месте, обдумывая в голове возможные фразы, что можно произнести, если внутри она столкнется с кем-то, кто не будет ждать ее прихода, Татьяна толкнула дверь рукой, и та свободно поддалась, открыв проход, ведущий в темное помещение.

Глубоко вздохнув, чувствуя сильную нервозность, Татьяна переступила через порог и попыталась разглядеть хотя бы что-то в этой крошечной тьме, но все тщетно. К счастью, дневного света с улицы было достаточно, чтобы увидеть хотя бы малую часть комнаты около двери. Рядом с дверью ей удалось заметить висевшую на крючке керосиновую лампу.

— Слава Богу, — произнесла девушка и взяла в руки источник света, осторожно включив его.

Желтоватый свет бережно осветил холодные стены просторной комнаты. Здесь практически не было никакой мебели. Лишь письменный стол, на котором лежали книги и толстые тетради, и стул. Видимо, смотритель маяка недавно работал, так как одна из тетрадей была открыта, а рядом с ней стояла банка с чернилами. Но куда же он подевался? Судя по обстановке, он был в этом месте совсем недавно. Здесь не пахнет так, словно сюда не проникал человек долгое время. Девушка чувствовала чье-то недавнее присутствие, хотя сама не понимала, каким образом ей это удастся. Но ее острый нюх никогда не подводил.

В дальней части комнаты красовалась лестница, ведущая на верхнюю часть маяка, оттуда чувствовалось сильное дуновение ветра, одним своим порывом проходившее по всему сооружению, как по оркестровой трубе, отчего повсюду стоял неприятный мелодичный свист, словно движение воздуха не имело музыкального слуха.

Девушка крепче сжала в руке керосиновую лампу и направилась в глубь комнаты, внимательно прислушиваясь к окружающим ее звукам, пытаясь найти среди них те, что могли бы принадлежать человеку.

— Эй, есть кто? — крикнула она в темноту, но в ответ услышала лишь стоны стен, которые уже с трудом справлялись с натиском морского ветра.

Неожиданно девушка услышала позади себя стук двери, которая без понятной причины захлопнулась и заперла девушку в этом темном помещении, где не было никакого источника света, кроме тусклой керосиновой лампы. Татьяна в испуге обернулась, надеясь выяснить из-за чего дверь сама по себе закрылась, и с трудом сдержала панический возглас, так как около выхода стояла темная мужская фигура, смотревшая на нее маленькими злобными глазенками.

— Боже милостивый! — выдохнула девушка, приложив руку к сердцу, чувствуя, как оно

предательски стучит с невероятной быстротой. — Сэр, вы меня напугали.

Мужчина молчаливо кивнул и подошел к письменному столу, затем зажег на нем свечу, стоящую на блюде, после чего без единого слова принялся изучать свои записи, словно он так и не заметил присутствия незваной гостьи, которая в недоумении стояла рядом с лестницей.

— Простите, сэр... — выдавила из себя слова та, пытаясь хоть как-то привлечь к себе внимание столь странного мужчины. — Меня зовут Татьяна Хапперт. И я...

— Вы пришли сюда, чтобы спросить про то рыболовное судно, не так ли? — угрюмо спросил он, так и не взглянув на девушку. — Здесь редко кто-либо появляется. Особенно после войны, когда немцы разбомбили городок с церковью неподалеку. Люди ушли из этих мест. Есть пара домов к северу отсюда, но там вам вряд ли сумеют помочь.

— Да, я здесь из-за того судна. Вы не знаете, почему оно исчезло с берега? Здесь проводилось расследование...

— Я в курсе, мисс. Я наблюдал за данным событием некоторое время назад. И все видел.

— Тогда вы может быть расскажете, кто убрал судно с берега? Ведь была договоренность с местными властями, судно не имели права трогать до окончания расследования.

— Это были они... Они забрали судно, — загадочным тоном прошептал мужчина и резко вскочил со стула, в безумстве взглянув на девушку. — Вы больше его никогда не найдете. Оно исчезло навсегда. Отправилось в преисподнюю. Вместе с девушкой по фамилии Коутс.

— Я не понимаю... О чем вы говорите?

— Знаете, — мужчина резко закрыл тетрадку и вновь уставился безумными глазами на испуганную девушку. — Я знал, что вы придете. Они сказали, что рано или поздно один человек приведет вас сюда. Мне было поручено ждать вас. Вы не представляете, как я был рад, когда вы вошли в мою скромную обитель. Это такая честь видеть вас перед собой. Вы — ключ к нашему освобождению. Вы — последнее звено.

— Извините, мне пора идти, — девушка поняла, что мужчина не в своем уме, поэтому направилась в сторону выхода, чтобы больше не видеть его обезумевший взгляд. — Извините, что побеспокоила вас.

— Нет!!! — внезапно завизжал мужчина и перегородил ей путь. — Вы никуда не пойдете! Они запретили вас отпускать. Они сказали, что если вы найдете их обоих, то после этого мы станем заложниками, и пути назад уже не будет. Я не имею права этого допустить...

— Дайте мне пройти! — крикнула на него девушка и попыталась отпихнуть хрупкого мужичка в сторону, но внезапно ощутила, как в ее грудь уперлось что-то твердое и очень холодное. Посмотрев вниз, она с тяжелым сердцем осознала, что на нее наставили пистолет. — Что вы делаете? Что вам нужно?

— Они забрали мою жену... Они забрали ее! Если я вас не убью, то больше никогда не смогу ее увидеть, никогда.

Девушка в шоковом состоянии отступила назад, чтобы увеличить расстояние между ее грудью и пистолетом. Она прекрасно помнила, что Себастьян говорил ей про семью этого мужчины. Те погибли во время подрыва церкви и никак не могли остаться в живых. Значит, этот мужчина действительно психически болен, иначе невозможно объяснить суть всего

происходящего в данный момент времени.

Этому низкорослому мужчине явно чуть больше пятидесяти лет, на что намекали его волосы с проседью и ставшие глубокими морщины, изрезавшие его безумно бледное лицо, покрытое бородавками и странными пигментными пятнами. И один внешний вид выдавал затаившееся в нем безумство. Даже если бы Татьяна не услышала его слова, то сразу бы осознала, что с этим мужчиной что-то не в порядке.

Она всегда носила с собой пистолет, с тех самых пор, когда мужчина попытался в темном переулке лишить ее невинности. Он холодил ее кожу под пиджаком и был готов в любой момент нести свою службу ради спасения хозяйки. Но нельзя доставать его на глазах у этого психопата, иначе тот с легкостью прострелит ей грудь и моментально лишит жизни. Необходимо отвлечь его, выиграть хотя бы немного времени.

— Ведь ваша жена мертва. Вы разве не помните? — как можно спокойнее произнесла Татьяна, стараясь не делать никаких подозрительных движений.

— Нет! Она жива! Они забрали ее! Забрали мою Марию! Отняли ее у меня! — на глаза мужчины возникли крупные капельки слез, и он с трудом держал себя в руках, что чувствовалось по его дрожавшему, словно от холода, голосу. — У меня нет выбора. Я обязан убить вас. Вы не должны добраться до того этих двоих, встретиться с ними. Иначе мы все будем обречены.

— Опустите пистолет! — девушка сумела поймать нужный момент и выхватила из-за пазухи свое огнестрельное оружие, наставив его на удивившегося ее ловкости мужчину.

— Убив меня, вы сделаете только хуже. Ваша смерть спасет многих. Будьте разумной дамой. Вы ведь понимаете серьезность ситуации.

— Убей его, — рядом с Татьяной стал слышаться посторонний голос, принадлежавший пожилой женщине, которая явно была чем-то довольна и даже воодушевлена. — Ну же, давай! Сделай это.

Девушка на секунду повернула голову, чтобы найти ту странную особу, которая неожиданно возникла в этой комнате, но кроме нее и мужчины здесь больше никого не присутствовало. Тем временем смотритель маяка воспользовался моментом и стал стремительно давить указательным пальцем на курок пистолета.

Послышался щелчок, и помещение было в одно мгновение оглушено выстрелом.

Слабый свет от камина боязливо касался его лица, осторожно лаская своим мерзлым теплом многочисленные ссадины и ушибы, что покрывали едва ли не каждый кусочек кожи молодого человека. Из разорванной на две части губы сочилась кровь и в полубессознательном состоянии он инстинктивно прикусывал ее, чтобы хоть как-то остановить кровотечение, но темно-алая жидкость начинала проникать в горло, отчего тот тяжело кашлял, хрипло и жадно вдыхая пропахший дымом и сыростью воздух. Вскоре свет добрался и до его глаз и осторожно пощекотал длинные ресницы Эрвана, заставив юношу немного приоткрыть глаза, но веки были настолько тяжелыми, что молодому человеку пришлось их снова закрыть и лишь слушать тихую мелодию некой комнаты, в глубине которой раздавался шорох.

— Маргарита, я настаиваю на том, чтобы ты шла на такой риск, но иного выхода у нас просто нет. Мы слишком беспомощны против этой угрозы, нам следует влиться в их общество и ударить изнутри. Только тогда все получится. И круг замкнется, — Эрван краем уха уловил усталый мужской голос, произносивший слова вполголоса, словно боялся, что

кто-нибудь может его услышать. — Все документы с твоей новой биографией уже готовы, мои люди позаботились об этом.

— Хорошо, Чарльз. Я вас поняла, — собеседником мужчины оказалась пожилая женщина, которая явно была чем-то взволнована и даже напугана.

— А что с вашим сыном? Вы ему все рассказали? — прошептала Маргарита.

— Нет. Виктору пока слишком рано знать правду, но этот момент настанет. Его мать была против этого, и я пока не смею нарушать свое обещание. Но это сделать придется. Ради нашей же безопасности. Я нанял для отвода глаз детектива, если, каким-то образом он доберется до поселка и встретится с вами обоими, то не вздумайте с ним разговаривать. Он не должен найти Эрвана, ни при каких обстоятельствах. Постарайтесь спрятать паренька как можно быстрее. Пока по ту сторону никого нет, но они могут вернуться.

Собеседники на миг замолчали, затем Эрван различил чьи-то тяжелые шаги и понял, что некто направлялся к выходу. Скорее всего это был тот самый Ломан. Эрван был так слаб, что не сразу смог осознать, почему это имя ему было так знакомо, но, вспомнив, он не смог больше себя сдерживать и, найдя в резервных источниках организма частицы энергии, вскочил с кровати и безумными глазами уставился на людей в комнате, сидевших у камина. Юноша перевел свой изнеможенный дикий взгляд на единственную в этом помещении дверь и заметил стоявшего около нее пожилого мужчину в длинном черном пальто. Тот нацепил на голову шляпу, и его рука замерла на голове, так как Ломан явно не ожидал встретиться взглядами с молодым человеком.

— Вы! — юноша сделал один шаг вперед и тут же обессиленно рухнул на пол, едва не проломив под собой взбухший от сырости дощатый пол. — Это были вы! Вы притащили меня сюда!

— Маргарита, пожалуйста, накорми нашего гостя, — спокойным тоном произнес мужчина и, улыбнувшись, покинул комнату, выйдя на улицу.

— Стой, ублюдок! Где?.. Виктор...

— Эрван, — пожилая женщина подскочила и кинулась к парню, после чего с трудом помогла ему подняться на ватные непослушные ноги и с силой усадила на кровать. — Прошу тебя. Успокойся. Мы не желаем тебе зла.

— Кто вы такие? — проскулил парень и обессиленно уронил свою голову в ее ладони, плача от нехватки сил. — Что со мной происходит? Что со мной сделали? Вы меня убьете, как и остальных?

— Нет, конечно! — удивленно посмотрела на него женщина. — Мы хотим тебя спасти...

— Кто вы?

— Называй меня просто Анной, — улыбнулась та и погладила юношу по голове. — Теперь мы будем видеться с тобой очень часто.

— Если только Доктор Ломан позволит, — раздался еще один голос около камина. — Он вряд ли даст нам с ним видеться, слишком рискованно. Этот человек очень жесток. Но справедлив.

Эрван понял, что у камина в кресле-качалке сидел мужчина с ожогами по всему телу, который вытащил его из той подземной тюрьмы. Но те события показались такими далекими, что юноша бы и не вспомнил их, если бы не увидел этого человека, произведшего на него в тот день сильнейшее впечатление. В этот раз мужчина находился без плаща, и появилась возможность более тщательно разглядеть его внешность. Юноша успел заметить,

что этот человек обладал правильными чертами лица. Возможно, когда-то он был даже красавцем, но сейчас от былой привлекательности не осталось и следа. Большинство ожогов скрывалось под толстым слоем бинтов, но лицо было частично свободно от них, и Эрван увидел, что этот человек обладает очень выразительными добрыми глазами, что вселило в парня уверенность, что этому пугающему своим внешним видом мужчине можно доверять.

— Что со мной произошло?

— Ты отключился, едва мы вышли на поверхность. Я думал, что ты проломил себе череп, когда твоя голова стукнулась о надгробие. Ты всех покойников распугал.

— Я ведь тоже болен? Как те, кто находился со мной в камерах... Я тоже умру, как и они?

— Открою тебе маленький секрет, Эрван. Ты не болен и практически идеальный кандидат для той роли, что они тебе приготовили.

— Я тебя не понимаю.

— Вера... Вера рождает болезнь. Ты веришь, что болен. И это происходит на самом деле. Когда ты не знал о болезни, с тобой все было хорошо. Но сейчас... Болезнь убивает тебя. Если так продолжится, то ты и месяца не проживешь. Стнешь заживо.

Безымянный мужчина поймал на лице молодого человека негодование и ухмыльнулся. После чего встал и прошелся по комнате, разглядывая что-то на потолке. Затем резко остановился и впился в парня глазами.

— Ты хочешь уйти. Убежать. Так что тебя держит?

— Что ты такое говоришь? — с недовольством посмотрела на него Анна. — Мальчику необходимо прийти в себя. Не нужно нагружать ему мозг. Бедняжке и так досталось.

— И что ты предлагаешь? Сюсюкаться с ним? Он прекрасно все понимает. И должен осознать, что в любой момент могут попросту убить всех, кого он знал и видел. Это не шутки. Нас очень мало. И мы в любой момент можем потерять все, над чем работали.

— Он поймет, — Анна сжала ледяную руку Эрвана в своей ладони и села рядом с ним. — Паренек сейчас не в том состоянии, чтобы слушать твои лекции. Скажи спасибо Господу Богу, что мы вообще сумели его спасти. Ведь шансов не было никаких.

— Шансов было достаточно. Доктор Ломан крутится в их среде, он мог в любой момент забрать его. Но ничего не сделал. Ничего.

— Доктор Ломан... — прошептал Эрван, с трудом шевеля губами. — Отец... Виктора?

— Можешь не делать паузу, пытаясь назвать его имя, — усмехнулся мужчина. — Мы знаем, что он натворил на фронте. Хотя мог бы принести оттуда глухонемого, больше пользы было. Слышащие слишком сильно во все верят.

— Хватит! Угомонись, — шикнула на него Анна.

— Таких, как Эрван, у нас было много за эти годы. И никто не выжил. Так почему Ломан вдруг решил, что этот парень — идеальный кандидат? Да и странно то, что Эрван был знаком с сыном Доктора. Причем... Очень близко знаком.

— Я не знаю, как это объяснить. Но мы не можем противиться. Другого пути у нас нет. Мы заключены. И в одиночку справиться не сможем.

— Я долгое время боролся один и выжил, если ты не видишь.

— Взгляни на себя. Твоя любовь к одиночеству едва не стоила тебе жизни.

— Что это за люди, что пытаются нас убить? — вмешался в их разговор Эрван. — Военные преступники?

— Преступники... — хмыкнул мужчина. — Это не совсем так. Хотя что-то общее

между ними прослеживается. Мы имеем дело с некой... Необъяснимой сущностью. Она воздействует на нас. Питается эмоциями. Страхами. Высасывает силы. Воздействует на разум и управляет им, заставляет видеть, чувствовать, то, чего нет на самом деле. И твоя болезнь... Является ее фантазией. А ты ей помогаешь. Помогает овладеть тобой.

— Сущность? — удивленно взглянул на него парень. — Что ты имеешь ввиду?

— Я и сам не знаю. Возможно, это человек. Возможно, что-то бесформенное, но живое. И оно становится сильнее.

— Хватит пугать его, — прервала мужчину Анна и побежала в соседнюю комнату. — Эрвана надо накормить и дать прийти в себя. У тебя еще будет время рассказывать свои истории.

— Я не знаю, почему, но твои слова внушают доверие, — прошептал юноша. — Я там видел нечто, что не мог объяснить. Те люди делали такие вещи, на которые не способен ни один человек... — Эрван устало лег на спину и закрыл лицо ладонью, тяжело вдыхая воздух. — Я хочу лишь знать... Джордж... Он жив?

— Да. Но все может измениться от твоего решения в будущем.

— Спасибо, — Эрван принял в руки тарелку с ароматной пищей и вдохнул ее опьянявший до потери сознания аромат. Ужин состоял из отваренного риса и хрустящих кусочков свинины, а все это великолепие было украшено свежей нарезанной зеленью, что придавало блюду интересный облик.

Анна со скромной улыбкой села рядом на стул и, подперев голову рукой, стала наблюдать за тем, как молодой человек со звериной жадностью уплетал за обе щеки приготовленную ею пищу, не замечая ничего вокруг. Тот явно успел украдкой заметить на себе пристальный взгляд, но его это наверняка ничуть не смутило, так как оголодавший желудок не терпел, чтобы хозяин хотя бы на секунду отрывался от еды.

Они вдвоем сидели на кухне. Это была скромная маленькая комнатка, где стоял лишь стол со стульями и едва подававшая признаки жизни печка, из которой улавливался, если подойти поближе, остаточный жар погашенного огня. За окном виднелся поздний закат, но из-за плотно задернутых штор могло создаться ложное представление о том, что на улице глубокая ночь. Эрван не стал спрашивать, почему обитатели этого дома так боятся, что кто-то может заглянуть к ним в окно и увидеть, что здесь происходит. Он ясно осмыслил, что задавать лишних вопросов не стоит, ведь на них ему все равно не удастся получить какой-нибудь вразумительный ответ. Эта группа людей скрывала от него некую тайную, тесно связанную с ним, но раньше времени они вряд ли захотят что-нибудь рассказывать.

Эрван через пять минут закончил с ужином и, положив руки на стол, уставился умиротворенным взглядом на женщину, которая явно была в восторге от хорошего аппетита юноши.

Где-то час назад дом покинул безымянный мужчина в плаще, и Эрван был этому неслыханно рад, так как тому типу явно наскучило присутствие молодого человека, который постоянно задавал неудобные вопросы. Иногда Эрвану казалось, что тот уже много раз пожалел о содеянном и мечтал поколотить юношу всеми доступными методами. Возможно, это было не так, и молодому человеку это просто-напросто показалось, но, так или иначе, у него сложилось двойное впечатление об этом мужчине, чьи эмоции могли в любую секунду полииться в совершенно неведомом направлении. И только Анна показалась ему поистине добрым и приятным человеком, с которым ему было по-настоящему комфортно. Эта

пожилая женщина хоть и была такой же странной, как все остальные, но в то же время представляла перед ним совершенно иным человеком, которому можно доверять и верить.

Юноша за этот вечер крутил в голове различные варианты побега. Он изучал глазами обстановку комнат, искал всевозможные предметы, которые можно использовать в качестве оружия, но в том случае, если ему окажут сопротивление. Но постепенно Эрван стал сомневаться в успехе этих действий. Бежать отсюда было опасно и бессмысленно. Он просто не знал, что его ждет снаружи. И не мог понять, что с ним произошло за последние несколько дней. Юноша был болен, заражен намеренно. Он это уже не отрицал. И если он убежит, то есть риск столкнуться с этим недугом лицом к лицу. Эрван прекрасно помнил, что с ним случилось на кладбище, эти события вернулись к нему спустя какое-то время: перед глазами внезапно помутилось, ноги полностью потеряли способность двигаться и держать на себе мужское тело. Он пытался смягчить падение, но не смог. До сих пор помнил ту боль, что была вызвана ударом его головы о надгробную плиту. И не хотел почувствовать ее вновь.

Один убежать он не сможет.

— Спасибо, все было очень вкусно, — натянуто улыбнулся парень и рукой вытер остатки пищи со своих губ. — Я уже забыл, какое мясо на вкус.

— Я рада, что тебе понравилось, — с некой грустью произнесла она и задумчиво посмотрела в сторону. — Я знаю, что тебе не очень комфортно здесь, что ты думаешь, как отсюда вырваться. Мне известны эти ощущения... Этот страх. Когда-то и я его испытывала.

— Я хочу лишь понять, что со всеми нами произошло? Если мне суждено стать пленником, то хотя бы скажите, почему?.. Почему?! — Эрван не заметил, как повысил голос, и, осмыслив это, резко смутился, вжавшись в спинку стула. — Извините.

Анна ничего не ответила, лишь продолжала любезно улыбаться, и эта улыбка уже не казалась такой добродушной, как при первой встрече.

Они добрались до заброшенного поселка, когда солнце уже окончательно скрылось за горизонтом, и все окрестности в одночасье погрузились в кромешную тьму, среди которой невозможно было увидеть ничего, лишь сплошные уродливые тени, отдаленно напоминавшие что-то знакомое и привычное глазу. Фары автомобиля не были способны осветить большое количество пространства вокруг себя, только крошечный участок дороги, отчего Джордж каждый раз испуганно вздрагивал, боясь, что водитель в последний момент не заметит препятствие, и транспортное средство разобьется вдребезги. Но машинист оказался способным парнем, поэтому молодому человеку пришлось с неохотой признать, что его безопасности ничего не грозит.

Когда фары поймали своим светом разрушенные стены домов, то водитель моментально нажал на педаль тормоза, приказав автомобилю приостановить движение. Джордж с опаской выглянул в окно и, прищурившись, осмотрел мертвую заброшенную местность, которая издавала совершенно дикие и пугавшие сознание звуки.

— Приехали, — произнес водитель, так и не взглянув на юношу. — Я не могу пойти с вами. Дальше вам придется следовать одному.

— Возражать не буду, — с недовольством пробурчал Джордж и выпрыгнул из салона, ступив на каменистую почву, скрипевшую от малейшего движения ногами.

— Себ попросил меня отдать вам оружие, — крикнул ему из салона автомобиля машинист и, порывшись в бардачке, протянул Джорджу из окна завернутый в ткань

пистолет. — Я не считал, сколько там патронов. Но думаю, что вам хватит. Будьте осторожны.

Джордж фыркнул и, приняв от водителя щедрый дар, медленно пошел вперед, пытаясь настроить свое зрение на ночное видение, но все было тщетно. Стало настолько темно, что порой возникало чувство, что молодой человек успел за пару минут полностью ослепнуть.

Тем временем водитель полицейского автомобиля нажал на газ и направил транспортное средство в сторону берега, откуда они и начали свой путь сюда. Джордж выругался, смотря вслед уезжавшей машине, и устало перевел свой взгляд на заброшенный поселок, который с явным недружелюбием поприветствовал незваного гостя.

— Я когда-нибудь тебе это припомню, Себ, — прошептал тот и пошел вперед, боясь думать о том, что он может обнаружить впереди.

Когда Анна вымыла всю посуду и сложила ее стопочкой, положив на широкий подоконник, то сняла любимый фартук, с который на протяжении всего времени не расставалась. Поправив подол платья, она направилась в сторону гостиной, чтобы немного погреться у камина, так как в доме с наступлением ночи стало намного холоднее, словно за окном стояла суровая зима.

Со стороны моря слышался ветер, его сила с каждым разом становилась все сокрушительнее. И стены их жилища уже не могли справляться с ним так упорно, как раньше, слишком стары они стали. Поэтому приходилось терпеть каждый раз внезапные вздрагивания дома, способные любого сбить с ног. Изначально женщину пугали такие моменты, она боялась, что рано или поздно ее придавит обрушившимся на нее потолком. Но, к счастью, такого еще не случилось. Дом продолжал держать оборону.

Эрван сидел около камина в кресле-качалке и тихо посапывал, скрестив руки на груди. Осторожными движениями ног он заставлял чудо-стул раскачиваться, превращая тот в подобие детской кроватки с полозьями для укачивания, способной кого угодно погрузить в крепкий здоровый сон. Услышав шаги пожилой женщины, молодой человек встрепенулся и заспанными глазами взглянул на нее, впервые за этот вечер улыбнулся.

— Вы доверяете мне, — произнес он полупрошепотом и начал любоваться языками пламени, что танцевали в старом почерневшем от сажи камине. — Иначе бы не оставляли меня наедине с собой.

— Ты уже взрослый, поэтому в праве принимать решение самостоятельно, — вздохнула она и села рядом с ним в глубокое мягкое кресло. — Мы тебя не держим в качестве пленника. Ты по-прежнему свободен и имеешь шанс уйти в любой момент, если таково будет твое решение. Но мы, так или иначе, настаиваем, чтобы ты остался, ведь так будет безопаснее для каждого из нас.

— Джордж очень доверял Доктору Ломану, поэтому я здесь, из уважения к моему лучшему другу. Просто... Я в таком неведении. Ведь вы так и не сказали мне, что случилось с Джорджем... Виктором.

— Называй своего друга тем именем, каким тебе больше нравится, — улыбнулась Анна. — От нас уже нет смысла что-то скрывать. Мы и твое настоящее имя знаем.

— Да? — удивленно взглянул на нее тот.

— Доктор Ломан очень мудрый человек. От него сложно что-либо скрыть. Но мы это узнали не для того, чтобы каким-то образом шантажировать вас этой информацией.

— Вы мне так и не ответили на мой первый вопрос, Анна. Джордж... Он в порядке

ведь так? — голос Эрвана дрогнул, и он с болью в глазах посмотрел на женщину, с мольбой выпрашивая у нее ответ.

— Если бы твой друг был мертв, то Доктор Ломан об этом сразу же узнал. К тому же всех пленников держали в одном месте. Там же, где мы нашли тебя. Самых ценных они пощадили. Их было только двое, так мне сказал господин Чарльз.

— Двое?

— Доктор Ломан мне не назвал второго имени. Первым был ты, кажется так. Вторым...

— Со мной в камере сидел мужчина. Он сказал, что был смотрителем маяка. Возможно, он и был вторым, — задумчиво произнес парень. — Но его унесли какие-то люди... А их сопровождал...

— Кто?

— Я слышал лишь часть их разговоров. Что-то мне разобрать не удалось. Но я точно уверен, что их сопровождал Доктор Ломан, потому что его спрашивали, должен ли он сообщить моему другу, то бишь Джорджу, что я нахожусь в тех катакомбах. И они говорили о Джордже, как о его сыне...

— Это все очень странно... Я очень много не знаю. Поэтому объяснить значение тех событий не смогу.

— И когда они вынесли того мужчину из камеры... Он выглядел... Словно умер. И я очень испугался, что со мной произойдет то же самое. Ведь тогда мое состояние было просто отвратительным. Я спал и видел, что умираю...

Джордж еще раз проверил, заряжен его пистолет или нет, и только потом почувствовал себя на толику спокойнее, хотя спокойствие в этом месте было определено ложным чувством. Он впервые за столь долгое время боялся темноты, загадочных шорохов где-то поблизости, даже шума гравия под ногами. Пугало практически все, что окружало его в данный момент времени. И этот страх невозможно было ни чем вырвать из его груди, даже щипцами, ужас надолго сковал организм молодого человека.

Он неуверенно шагал вперед, постоянно оглядываясь, невольно чувствуя чье-то присутствие где-то неподалеку, хотя поселок казался полностью вымершим. К счастью, глаза все-таки сумели привыкнуть к этой крошечной тьме и разглядели кое-какие детали местной обстановки.

Он шел по некой улице, по бокам которой стояли частные дома, выглядевшие довольно богато и роскошно, что немного удивило, так как те были полностью заброшены уже пару лет и начали стремительно разрушаться от сильных ударов стихии, пришедшей со стороны большой воды. Так как местность была открытой, а поблизости нет ни единого природного возвышения, способного приостановить движение воздушных масс, то процесс умирания данных сооружений протекал куда быстрее. И, возможно, через пару лет большинство домов рухнет, как карточные домики, не оставив после себя никаких следов былого величия. Тут и там были припаркованы сгнившие донельзя дорогие автомобили, где теперь поселились мелкие обитатели животного мира, питавшиеся обивкой сидений и раскрошившимся из-за ржавчины металлом. Местность была очень влажной, поэтому все и пребывало в такой удручающей обстановке. А ветер лишь стрелял по уже мертвым следам человека.

Повсюду была вода. Часть улиц по непонятным причинам затоплена. Возможно, недавно прошелся ливень, а система канализации не функционировала, но, так или иначе, сухого пространства было крайне мало. И вскоре Джорджу пришлось шагать чуть ли не по

лужам.

Где-то вдали виднелся католический собор. Из-за темноты сложно было разглядеть какие-либо разрушения столь грандиозного сооружения, но то, даже после смертельных ран, продолжало стоять, грозно и непоколебимо. Даже золотой крест, восседавший на башне, все еще присутствовал и изредка блестел от неизвестного источника света.

Молодой человек пытался построить в голове план действий.

Во-первых, ему надо найти источник искусственного света. Странно, что Себастьян не подумал об этом и не дал ему вместе с пистолетом и электрический фонарь. Но ругать непутевого детектива уже было поздно. Также странным было то, что Джордж не слышал о том, как Себастьян давал поручения своему водителю, ведь молодой человек решил ехать сюда один в самый последний момент. Вряд ли он прослушал этот разговор. Он не настолько невнимательный. Особенно в этот день. Во всем этом была странность.

Во-вторых, понять, с чего начать поиски. Местность была очень большой. И в одиночку он будет рыскать здесь очень долго. А беглые поиски к осязательным результатам привести не смогут. Оставалось только прислушиваться. Если здесь кто-либо еще есть, то он обязательно даст знать. Джордж был уверен в этом. Но что если Эрван слишком слаб, чтобы сообщить о своем присутствии? Возможно, похитители выдадут себя светом, ведь вряд ли они будут сидеть в темноте. Хотя они могли заметить свет от полицейского автомобиля и затаиться. Оставалось надеяться только на чудо.

— Эрван! — Джордж изо всех сил крикнул в темноту и едва не сорвал голос.

Ответа, как и ожидалось, не последовало. Да и мог он услышать ответ? Прошло уже слишком много времени. Даже если Эрван смог выжать, то он вряд ли способен давать о себе знать. Джордж боялся думать, в каком состоянии найдет своего друга. Его фантазия строила слишком страшные образы в голове, от которых кровь холодела в жилах.

Молодой человек потер обрубки своих пальцев на правой руке, которые почему-то были охвачены неприятным зудом, словно кожу вокруг них покусали комары. Пистолет приходилось держать в левой руке, что было не совсем удобно, но парень успел привыкнуть к этому, ведь другой рукой на курок он нажать попросту не сможет.

Когда он прошел несколько десятков метров и начал понимать, что этот поселок бесконечен, то увидел где-то впереди яркий свет и услышал шум мотора. Молодой человек прищурил глаза и пытался понять, что движется в его сторону. Это был автомобиль. Из-за ночной мглы он понял это не сразу, но был невероятно рад увидеть в этом забытом богом месте хотя бы кого-то живого. Но были ли владельцы этого транспортного средства дружелюбны? И не являлись ли они теми, из-за кого произошел тот ужас на рыболовном судне? Чтобы не рисковать зря, Джордж отбежал с проезжей части и спрятался за один из домов, пристально наблюдая за происходившим.

Вскоре автомобиль оказался в поле видимости. Джордж не смог разглядеть марку машины, но даже так осознал, что владельцы этого железного коня были состоятельными людьми. Транспортное средство остановилось неподалеку, и оттуда вышло несколько мужчин, чьих лиц молодому человеку разглядеть не удалось, так как те стояли к нему спиной.

— Мальчишка был где-то здесь. Шон не мог посадить его в другом месте, — произнес один из них и стал оглядываться, освещая все вокруг себя слепящим фонарем.

Чтобы не попасть под луч искусственного источника света, Джордж вжался в стену и стал просто слушать, надеясь вникнуть в разговор этих мужчин, которые явно искали

именно его.

— Ищите где хотите, — ответил второй, чей голос был молодому человеку до боли знакомым. — А я поеду назад. Мне нужно кое-кого проведать.

— Хорошо, господин Ломан, мы все сделаем.

Доктор Ломан, судя по звукам, сел в машину и через короткое время уехал отсюда, оставив после себя лишь шлейф из дорожной пыли.

Глава пятнадцатая. Предсмертные слезы

Татьяна впервые видела ребенка, который с такой жадностью и восторгом уплетал, казалось бы, обыкновенную еду. Девочка в данный момент выглядела так, словно в ее маленьком ротике не было ни капли очень долгий промежуток времени, и сейчас она второпях пыталась наполнить свой изголодавшийся опустошенный желудок столь необходимой хрупкому организму пищей. Татьяна заказала для девочки тарелку куриного бульона с крупными кусочками мяса, напоминавшими лодочки, так как те плавали на поверхности супа, словно весили меньше перышка.

Когда Эмми проглотила суп, тот тут же напомнила Татьяне, что они сюда прибыли ради горячего шоколада. Женщина не могла отказать, хотя понимала, что в ее кошельке осталось не так уж много денег, большую часть средств ей пришлось заплатить за канистру с бензином, иначе автомобиль не сумел бы доехать даже до этого маленького ресторанчика. Татьяна привыкла к тому, что мужчины на нее с удивлением смотрят, когда она самостоятельно управляет довольно дорогим транспортным средством и к тому же владеет навыком наполнения бензобака горючим. Женщина наслаждалась этими взглядами и незаметно для самой себя ухмылялась.

За время их поездки сюда Эмми не проронила ни слова. Она изредка дремала на заднем сидении, иногда с грустью смотрела в окно, словно чувствовала, что с ее матерью случилось нечто весьма неприятное и что это способно отнять у той жизнь. Татьяна не стала врать девочке, успокаивать фальшивыми обещаниями, женщина понимала, что Эмми весьма умна для своего столь юного возраста и все прекрасно понимает, видит в глазах Татьяны печаль, чувствует, что эта печаль связана именно со Сьюзен, ее единственным родным человеком, который готов ради нее на все.

Татьяна долго думала над тем, в какое именно кафе следует заехать. В Лондоне их было довольно много и в большинстве из них делали действительно вкусный горячий шоколад, еще в детстве отец возил Татьяну по таким местам и поил этим сладким невероятно вкусным напитком. Удивительно, что и Эмми имела страсть к данному лакомству. Немного поразмыслив, женщина решила посетить то заведение, которое она знает лучше всего, хотя и бывала там довольно редко. Этот ресторан располагался недалеко от ее старой квартиры, где она жила еще до замужества в студенческие годы. И совсем недавно она там сидела со своим коллегой по работе, Джорджем.

Ах, Джордж... Как же он сейчас? Татьяне было так стыдно, что она совсем не интересовалась за последний месяц его судьбой, ведь девушка обязана ему жизнью, и этот факт невозможно было отрицать. Но что-то их отдаляло друг от друга, что-то, что находилось в далеком прошлом, когда они были едва знакомы. Татьяна помнила те события. И не могла забыть. Хотя много раз пыталась сделать это, даже притворялась перед ним, что не помнит ничего из того, что случилось между ними восемь лет назад. Но тот будто чувствовал ее холодность к нему, но все равно был рядом, даже если та не хотела этого.

Но почему она думала о нем каждую минуту? Почему стыдилась своих суждений? Она не могла ответить самой себе на эти вопросы, да и не особо пыталась это сделать, так как где-то в глубине души чувствовала, что в этом попросту нет смысла.

Внутри «Разбитых сердец» было довольно много посетителей, практически каждый столик был забит, что было даже удивительно, так как обычно здесь не так уж и много

гостей. Возможно, сегодня отмечается некий праздник, о котором Татьяна не знала, или просто раньше девушка просто не замечала всех этих многочисленных людей, и именно сегодня ее внимательность к окружающим не столь значительным деталям неожиданно проснулась. Пока Эмми уплетала свой ужин, Татьяна решила изучить обстановку, хотя особо не понимала, зачем ей все это.

Рядом с ней сидела полная модная дама с большой шляпой, отчего та напоминала с такого расстояния белый гриб. Эта женщина была таких крупных размеров, что ее ягодицы с трудом умещались на миниатюрном стульчике, который, в буквальном смысле, прогибался под ее пышным телом. А напротив сидел пожилой мужчина и о чем-то оживленно с неким беспокойством с ней беседовал. Вряд ли он приходился ей возлюбленным, в его взгляде не читалась страсть, желание к этой женщине, лишь некое любопытство и дружелюбие. Странно, что именно эта пара привлекла ее внимание больше всего. Было в ней что-то до боли знакомое, но Татьяна не могла понять, что именно. Возможно, чуть позже она вспомнит.

— Я закончила, — с явным восторгом поставила пустую чашку на стол Эмми и с ожиданием взглянула на Татьяну, но тут же вздрогнула, так как на весь зал раздался оглушающий женский крик.

Полноватая женщина-гриб резко поднялась со стула, облегчив его страдания, и с поросычьим криком зарядила изумленному собеседнику пощечину, чуть не столкнув его мощным ударом со стула, но тот, к счастью, смог удержаться на месте, хотя и сильно покачнулся.

— Кретин! Ни копейки от меня не получишь! — напоследок бросила та и, развернувшись, потопала в сторону выхода, с трудом продвигаясь между столами из-за своих больших форм.

— Какая же она мерзкая, — хихикнула Эмми и поморщилась, мельком поглядывая на эту экстравагантную даму. — У нее лицо, как у жабы.

— Неприлично так говорить о людях, — с незаметной улыбкой прошептала Татьяна, но с долей иронии поняла, что девочка права. Эта дама явно не пользовалась симпатией у мужчин. Но только почему она и ее собеседник показались ей столь знакомыми?

— А мой друг говорит, что нужно говорить о людях только правду, даже если она им может не понравиться.

— Твой друг? Он живет с тобой по соседству?

— Нет. Он живет очень далеко, в большом старом доме, где обитают плохие люди.

— Он твой ровесник? — Татьяна подпёрла голову рукой и стала с интересом смотреть на девочку, которая уставилась на пустую чашку большими глазками, словно ожидала увидеть, как та волшебным образом снова наполнится горячим шоколадным напитком.

— Нет. Ему уже тридцать лет. Он приходит ко мне ночью, и мы с ним разговариваем.

— Это друг твоего дяди? Да?

— Нет. Дядя не знает о нем. Мой друг просил не говорить никому, что мы с ним дружим. Он считает, что только так мы сможем с ним по-настоящему дружить... — девочка на миг замолкла и с вопросом посмотрела на удивленную и слегка напуганную ее рассказом женщину. — Только обещайте, что не расскажете никому об этом. Я ему поклялась... И получается, что не сдержала свое слово.

— Он тебя не трогает? Не принуждает делать неправильные вещи? — Татьяна поняла, что рассказ девочки заставил ее заметно забеспокоиться, и нервозность предательски

выдавал голос, что, разумеется, заметила Эмми и поняла неправильные мысли женщины, после чего поспешила успокоить молодого детектива.

— Нет. Он приносит мне восторга, особенно я люблю, когда он достает из кармана конфеты. Знаете, такие мятные круглые леденцы. У них еще твердая обертка с красивым рисунком.

— Нет... Ни разу таких не пробовала.

— Я вам потом дам попробовать. Они очень вкусные! Правда, если съесть много, то может горло заболеть. Один раз у меня так и было.

— Ты можешь описать его внешность? Как он выглядел?

— Хм... Знаете, я ни разу не видела его лица, оно было скрыто под повязкой. Он сказал, что чем-то болен, но не мог сказать, чем именно. Один раз его повязка на руке немного сползла, и я заметила, что его кожа покрыта ранами, словно ее искусили собаки. Но у него очень красивые глаза. Они добрые и ласковые, прямо как у моей мамы. Только цвет другой... Не помню, как называется, — девочка посмотрела куда-то вверх, явно пытаясь вспомнить название оттенка глаз, но все тщетно.

— Думаю, тебе удастся вспомнить цвет по пути домой, — улыбнулась Татьяна и осторожно погладила Эмми по голове, чувствуя, как ладонь, словно по гладкому льду скользит по кудрявым густым волосам ребенка.

— Мы едем к папе? — в глазах девочки почему-то появилась доля страха и любопытства, хотя Татьяна ожидала увидеть что-то вроде радости, но подобных эмоций на лице ребенка не было видно, ту словно что-то беспокоило.

— Помнишь, ты говорила, что твой отец отправился в сказочную страну, чтобы принести тебе оттуда подарок? — Татьяна села на корточки рядом с Эмми и взглянула в ее бездонные большие выразительные глаза.

— Да, — с непониманием ответила девочка. — Неужели мы поедем туда?

— Нет. Нам туда нельзя. Твой отец еще не вернулся, поэтому мы его подождем в другом месте. Договорились? Это ненадолго. Вот увидишь. Скоро ты увидишь своего отца.

— Хорошо, — кивнула головой та и по-детски красиво улыбнулась, выставив на показ свои передние зубки. — Но больше всего я хочу увидеть маму. Я скучаю...

Когда они покинули ресторан, на улице стояла глубокая ночь, хотя на часах было всего лишь восемь часов вечера, но из-за короткого зимнего дня возникала путаница в умах людей, что приводило к тому, что человеку было трудно определить без часов время суток. Дневной свет практически не посещал улицы промерзшего насквозь Лондона, чаще всего небо было скрыто под толстым слоем тяжелых давящих на голову туч, что создавало образ полумрака. Благодаря обильному количеству снега в городе чуть светлее, но если несколько дней не наблюдалось снегопадов, сугробы становились серыми, а иногда даже грязевыми, и от этого в английской столице вновь наступал мрак. Сейчас как раз был такой случай. Из-за сильных морозов оставшийся снег заледенел и больше напоминал разбросанные куски айсберга, чем настоящие зимние сугробы, а из-за близости промышленного района весь белый покров покрылся сверху пудрой из копоти. Поэтому никакой красоты в этой зиме Татьяна не видела. Был только холод и грязный лед, больше никаких особенностей.

Эмми заметно устала за этот день, это было видно по ее неожиданно потухшим глазам. Девочка медленно шла за женщиной в сторону машины, понурив голову, и выглядела несколько грустной, что начинало беспокоить Татьяну. Женщина обдумывала в голове все

варианты, которые помогут ей развеселить дочку своей подруги, но вряд ли они будут эффективными, ведь даже желанный шоколадный напиток не смог стереть с лица Эмми грусть. Возможно, ей стоит выспаться, но не в машине, а в теплой кровати. Татьяна должна ее увезти отсюда как можно скорее. Душевное спокойствие этой девочки было для нее в данный момент времени превыше всего. Эмми не должна знать правды, вникать своим неокрепшим умом в ужасные подробности того расследования, иначе ее детский прекрасный мир в одночасье рухнет. Хотя она и говорила, как взрослая, ее душа все еще слишком мала и слаба, чтобы воспринимать суровую реальность настоящего мира.

Поэтому Татьяна передумала везти девочку к ее отцу, Эмми не должна знать, почему папа больше не видится с ней, не навещает и даже не беспокоится о ее здоровье. Этот человек должен остаться в той сказочной стране и вернуться так, как это представляла в своем детском воображении темнокожая девочка. Но куда им теперь ехать? У Татьяны не было средств, чтобы снять хотя бы комнату на ночь. Но возвращаться домой было нельзя.

Кристина жила в тридцати минутах езды от ресторана «Разбитые сердца» на юге столицы. Татьяна не знала, каким образом ей удалось запомнить адрес своей коллеги по работе, ведь они практически не общались вне рабочего времени. Кристина сотрудничала с Себастьяном и участвовала во многих его делах, в одном из которых трагически погиб ее муж. Но она была единственной женщиной, которую знала Татьяна настолько хорошо, чтобы доверить ей судьбу Эмми. Возможно, адрес она запомнила из отчетов, которые перебирала тогда, когда начальство отстранило ее от расследований. Кристина проводила много вскрытий, что и повлекло за собой большое количество бумаг на рабочем столе Татьяны. Видимо, среди них было личное дело Кристины, в котором Татьяне и удалось вычитать адрес коллеги. Девушка всегда удивлялась своей памяти. Она была способна запомнить львиную долю информации, но не могла определить, откуда эта информация была взята. Такая же ситуация возникла и в ресторане. Татьяна узнала в той женщине со смешной шляпой кого-то знакомого, но вспомнить, где она могла встретить эту даму, не смогла. Татьяна была лишь в силах сделать предположение, только и всего.

— Во что ты вляпалась? — прошептала себе под нос Татьяна, судорожно сжимая в руках руль автомобиля. — Могла бы просто оставить это расследование и жить спокойно со своим мужем. Нет, тебе надо было все испортить.

Но уже было поздно отступать. Да и поступить иначе она бы не смогла. Не простила себе, если бы отказалась выполнять просьбу своей подруги. Кто, если не она? Только ей присуще сопереживать каждому, но при этом сомневаться в правильности этих действий.

Кристина жила в одном из двухэтажных домов, который располагался на невероятно тесной и узкой улице, где машина могла проехать по дороге с большим трудом, так как норовила задеть стену близстоящего здания. Но район был довольно чистым и ухоженным, отчего создавался даже некий уют. Татьяна припарковала автомобиль около фонарного столба, после чего помогла Эмми вылезти из машины. Девочка с неохотой вышла на свежий морозный воздух и поморщила красный от мороза нос, изучая своими уставшими глазами окружающее ее пространство.

— Что это за место? — с удивлением спросила Эмми, поежившись. — Я здесь никогда раньше не была.

— Скоро все узнаешь. Только обещай, что будешь вести себя тихо. Договорились? — со спокойной улыбкой посмотрела на нее Татьяна и, дождавшись от девочки утвердительного

кивка головой, направилась в сторону нужной двери.

И только сейчас Татьяна вспомнила, откуда ей был известен адрес Кристины. На ее столе действительно лежала папка с личным делом этой женщины. И из нее тогда выпал конверт, на котором был указан адрес. Конверт был не вскрыт, но то было адресовано именно Кристине. Удивительно, что Татьяна смогла так хорошо запомнить эту информацию, тогда ей казалось, что это может ей пригодиться, ведь Кристина участвовала в их расследовании. Хотя Татьяна так и не узнала, что было в том письме. Возможно, оно было слишком личным и не предназначалось для чужих глаз.

Кристина жила в сорок первой квартире. Эти дома были соединены между собой и составляли что-то вроде многоквартирного жилого комплекса. Здания поражали своей древностью, но были все еще в пригодном для проживания состоянии, так как в них явно совсем недавно проводился капитальный ремонт. Татьяна увидела около входной двери звонок с нужным номером и, немного помедлив, нажала на кнопку.

— А кто здесь живет? — не удержалась от очередного вопроса Эмми.

— Один очень хороший человек с тяжелой судьбой.

— А что у него случилось?

Дверь неожиданно открылась и на пороге возникла немного заспанная светловолосая женщина, завернутая в теплый махровый халат нежно-розового цвета. Она еще пару секунд смотрела на незваных гостей, словно ни в одном из них не признавала кого-то из своих знакомых. Но после ее глаза изумленно расширились, будто перед ней возник самый настоящий Чарли Чаплин.

— Татьяна? Что произошло?.. — Кристина с непониманием взглянула на свою коллегу по работе, но затем перевела взгляд на девочку и будто все поняла. — Это с тобой дочь... Сьюзен?

— Да, это милое создание — дочка нашей Сьюзен. Правда, Эмми?

— Да! — радостно воскликнула девочка и скромно завела руки за спину.

— Так, что это я вас держу на пороге?.. — восторженно женщина и пригласила гостей войти внутрь. — Быстрее, проходите в дом. На улице холодно. Я как раз приготовила ужин. Сейчас за столом мне все подробно расскажете. Надеюсь, ничего серьезного с вами не приключилось.

Татьяна была приятно удивлена, когда оказалась внутри квартиры Кристины. Несмотря на маленькие комнатки, здесь все стояло на своих местах, не мешалось, не теснило, отчего создавалось ощущение, что в этом месте присутствует гораздо больше свободного пространства, чем есть на самом деле. Возможно, это достигалось с помощью белых обоев, визуально делавших комнаты больше, но Татьяна была уверена, что эта заслуга самой Кристины, которая держала свое жилище в строжайшем порядке. То, что здесь присутствует железная дисциплина, молодой детектив увидела с первых минут. Ей было достаточно посмотреть на сына Кристины, который, не дожидаясь указаний матери, быстро поставил столовые приборы на стол и вежливо пригласил гостей присесть на стул.

— Как у вас здесь все слажено, — сделала комплимент хозяйке квартиры Татьяна и села за стол, посадив Эмми рядом с собой.

— Тетя Татьяна, я не голодна, — протянула Эмми, поерзав на стуле, словно у нее на попе был страшный зуд. — Можно я не буду кушать?

— Неужели ты откажешься от десерта? — удивленно посмотрела на девочку Кристина

и стала накладывать в тарелки сочный ароматный ростбиф, из-за чего у Татьяны даже заурчал живот, хотя она вроде совсем недавно перекусила в «Разбитых сердцах», но ее организм все еще был голоден и неустанно требовал сытной пищи.

— Да, — сердито ответила та, нахмурившись. — Я не люблю сладкое. Мама говорит, что из-за этого портится фигура.

— Какая ты у нас смышленная, принцесса, — усмехнулась Кристина. — Ну как хочешь, заставлять гостя я не имею права. Но может ты передумаешь? От одного кусочка пирога ничего не будет.

— Я уже пила горячий шоколад с тетей Татьяной. Я больше не хочу сладкого. Меня от него тошнит, если слишком много съем.

— Мам, можно я тогда покажу Эмми свою комнату? — сын Кристины улыбчиво посмотрел на девочку, словно пытался таким образом с ней поближе познакомиться, но Эмми делала вид, что попросту не замечает мальчика.

— Дей Младший! А как же ужин?

— Я не голоден, мам, — встал из-за стула мальчик. — Я попозже поем, хорошо?

— Так, сядь и поешь со всеми. Эмми уже покушала перед приездом к нам, а ты с обеда ничего не ел. С такими темпами ты у меня исхудает!

— Пусть поиграют, Кристин, — вмешалась в семейный спор Татьяна и незаметно подмигнула мальчику. — Покушать они всегда успеют, проголодаются и прибегут.

— Вот прям нельзя сесть и поесть всем вместе?! Сразу нужно что-то усложнять, — недовольно посмотрела Кристина на сына, но больше возражать не стала. — Ладно, идите поиграйте. Только не вздумайте шуметь, у нас очень капризные соседи. Сразу же начинают стучать по трубам.

— Пойдем, — Дей Младший осторожно подошел к Эмми и бережно взял девочку за руку, потянув за собой. — Я покажу тебе свои игрушки.

Эмми улыбнулась ему и едва ли не вприпрыжку побежала вместе с ним в соседнюю комнату, впервые за это время засмеявшись, словно из нее вылетел умный взрослый человек, каким она предстала перед Татьяной в момент их знакомства.

— Дети, — покачала головой Кристина и убрала лишние тарелки обратно на полку, после чего села напротив Татьяны и попыталась приступить к еде, но через пару секунд отодвинула от себя тарелку, обреченно вздохнув. — Извини, я сегодня не в духе. Обычно я не такая.

— Ты не должна извиняться.

— Так ты расскажешь мне, зачем приехала сюда? Если с тобой дочь Сьюзен, то произошло нечто серьезное.

— Пока ничего серьезного не произошло, — с трудом подобрала слова Татьяна и уставила свой взор куда-то в сторону. — Мне казалось, что люди, с кем я общалась многие годы, полностью изучены мной. От этого даже было спокойнее. Я всегда знала, что мне врут, что что-то скрывают...

— Я не понимаю...

— Возможно, это прозвучит глупо, — Татьяна перешла на полусшепот, будто боялась, что дети могут услышать ее следующую фразу. — Но мой муж является родным отцом дочери Сьюзен.

— Боже мой! — ахнула та, прикрыв рот рукой, будто предотвратила вылет из своих уст нецензурной лексики. — Как?.. Как ты узнала?

— Сьюзен успела попросить меня перед ее госпитализацией присмотреть за Эмми. Совершенно обычная и традиционная просьба, странной она мне не показалась. Хотя Сьюзен назвала лишь имя девочки. То, что она ее дочь, я не догадывалась. Так как Сьюзен мне ни разу не говорила, что у нее есть ребенок.

— То есть за все время вашей дружбы ты так и не узнала о том, что Сьюзен воспитывает ребенка, да еще и родила его от твоего мужа.

— Да! Я даже не знаю, как им удалось от меня все это скрыть... Просто в голове не укладывается. Я была готова ко всему, но не к этому.

— Дай догадаюсь. Ты приехала сюда, чтобы Эмми не узнала, что ты — жена ее папы. Я правильно поняла?

— Возможно... — понурила голову та. — Просто она так любит его, это видно по ее глазам. И если сейчас она узнает правду...

— Рано или поздно она должна будет ее узнать.

— Зачем?

— Ведь Петр — твой муж. И останется им... Если только ты после этого не собираешься требовать у него развод.

— Если мы разведемся, я потеряю большую сумму денег. У моей матери был счет в банке, она смогла заработать после моего замужества, продав активы фабрики моего отца одной крупной компании. Отец Петра помог нам вернуть права на это предприятие, за что я ему благодарна. Часть денег она отдала на погашение долгов. Но так как Петр погасил большую часть задолженности с помощью своего кошелька, то у матери осталась приличная сумма денег, но она записана на меня и моего мужа.

— Твоя мать совсем не смотрела в будущее.

— Думаю, таким образом она хотела меня привязать к Петру. Ведь если мы разведемся, то я обязана отдать половину той суммы бывшему мужу.

— И что ты собираешься теперь делать? Прятать Эмми от ее родного отца? Ведь это глупо!

— Просто я...

— Ты меня не пойми неправильно, Татьяна. Но ты совершаешь просто детские необдуманные поступки! Что ты хочешь этим добиться? А? Отомстить ему за измену?

— Нет. Я хочу, чтобы до выздоровления Сьюзен Эмми пока ничего из всего этого не узнала. Она слишком мала для такой правды.

— Знаешь, дети такие существа... Им легко внушить не внушаемое, — Кристина неожиданно встала со стула и подошла к окну, взглянув куда-то вдаль. — Когда моего сына доставили в больницу после того, как на его глазах убили отца, то с ним почти полгода работали психологи, пытались стереть из памяти Адама те ужасные события. Ему было пять лет, когда он впервые увидел смерть и едва не оказался в ее объятиях... Порой я думаю, почему те ублюдки его пощадили? Не пролили кровь моего драгоценного сына? Ведь если посмотреть список всех их жертв, то среди них много детей. Но мой сын их остановил. Их жестокость смирилась перед ним... Психологам удалось внушить Адаму, что все произошедшее было лишь кошмаром, плодом его воображения. Сейчас он практически не вспоминает о тех событиях, словно их никогда и не было. Мы уберегли его от жестокой правды... Спасли разум Адама от разъедавших мозг воспоминаний, просто стерли их... Таким же образом хочешь поступить и ты, убережь разум Эмми от опасной для ее психики информации. Но, — женщина резко повернулась и сердито посмотрела на поникшую

Татьяну. — Ее отец жив. Он не уехал куда-то навсегда, а находится совсем рядом. Не пытайся мстить ему. Даже если тебе больно.

— Ты не понимаешь.

— Я все прекрасно понимаю, Татьяна. Все... Тобой движет месть. Ты ищешь Эрвана, чтобы отомстить его убийце, делаешь все для этого, даже если тебе придется ходить по головам, ты пойдешь на это. Тебя ничто не остановит. И сейчас ты поступаешь точно так же. Да, я пригляжу за Эмми, ведь ты приехала за этим. Но учти, я не поддерживаю твой выбор. Мсть подобна болезни, она завладела тобой. Скоро ты и сама не заметишь, как превратишься в нечто гадкое.

— Мне нужно идти, — Татьяна резко поднялась со стула и быстрым шагом направилась в сторону выхода, даже не проявив на своем лице хотя бы какие-либо эмоции. — Спасибо за то, что согласилась помочь. Я в долгу не останусь.

Кристина виновато проследовала за ней в прихожую и стала молчаливо наблюдать за тем, как та одевается, быстро и немного нервно.

— Не нужно на меня обижаться. Я ведь желаю тебе только добра. Я бы не посмела тебе отказать. Хотя бы из-за уважения к Себастьяну, которого знаю еще со школьной скамьи. Себастьян очень ценит тебя. И если бы я не согласилась тебе помочь, то он бы мне не простил.

Татьяна застегнула последнюю пуговицу на своем пальто и устало посмотрела на белокурую женщину.

— Мною не движет месть. Я лишь хочу узнать правду. Поэтому я и ищу Эрвана.

— Так это месть или любовь?

— Я постараюсь забрать Эмми в ближайшее время, — Татьяна пропустила ее слова мимо ушей и обреченно вздохнула, проверяя наличие всех своих вещей.

— Не нужно меня игнорировать. Ты всегда так поступаешь с теми, кто пытается тебе помочь?

— Иногда нужно чем-то жертвовать. Даже своим авторитетом, — Татьяна сжала дверную ручку, собираясь открыть дверь и выйти наружу, но что-то ее заставило замешкаться лишь на мгновение, будто девушка собиралась что-то сказать, но в последний момент передумала.

Полтора месяца назад...

— Как часто вас мучают данные симптомы, миссис Хапперт? Только постарайтесь ответить как можно точнее, хотя бы в этот раз. Во время нашего последнего разговора меня очень сильно взволновали ваши слова, но многих вещей вы мне так и не открыли, — мужчина в белом врачебном халате взял в руки маленький электрический фонарик и осветил им Татьяне в ротовую полость, внимательно изучая каждую деталь.

Его брови были так сильно сдвинуты друг к другу, что Татьяне не потребовалось особо много времени, чтобы понять, что ее состояние оставляет желать лучшего.

— Когда вы в последний раз принимали лекарства, которые я вам выписывал?

— Я не помню... В моей жизни все пошло вверх дном... — девушка поерзала на месте и зажала свои ледяные белоснежные руки между ног, словно ей было невероятно холодно, и она не знала, как ей согреться. — Мои анализы очень плохи, ведь так?

— Понимаете, — доктор сел рядом с ней и осторожно положил руку на ее плечо. — Я с вами работаю уже несколько лет и прекрасно видел, как менялось и ухудшалось ваше

состояние. Вас мучают панические атаки, депрессия, а теперь... У вас кашель с кровью. И, как я понял, очень часто... Стресс разрушает наш организм... До основания. Он порождает самые ужаснейшие болезни, от которых вряд ли можно найти лекарство.

— Доктор, прошу вас... Скажите... Что со мной? — с трудом произнося каждое слово, девушка вцепилась пальцами в локоть мужчины и с мольбой посмотрела на него. — Я могу доверять только вам, только Вам я смогла рассказать это. Больше никому.

— Мои коллеги провели биохимический анализ вашей крови, я очень надеялся, что они не найдут в ней... Ведь против этой болезни практически нет лекарств, ее можно вылечить с большим трудом лишь на ранней стадии...

— Рак? — ледяным тоном спросила Татьяна и впиалась глазами в доктора, словно не желала, чтобы он ответил утвердительно.

— Да... И ваша болезнь прогрессирует с феноменальной быстротой. Еще никогда я не наблюдал, чтобы злокачественная опухоль развивалась такими темпами. На ранней стадии мы могли бы использовать для лечения радиотерапию, но...

— Уже слишком поздно, — мрачно произнесла девушка и отвела взгляд куда-то в сторону, полностью лишив свое лицо эмоций.

— Но все же мы должны хотя бы попробовать лечение X-лучами. Но это лишь замедлит развитие болезни и уже вряд ли сможет вас излечить... Я постараюсь сделать все, что в моих силах. Но вы ведь знаете, что радиотерапия не входит в мою квалификацию, поэтому вас будет наблюдать другой специалист. И я уже не смогу гарантировать полное выздоровление...

— Не стоит. Не нужно, — протараторила та и как-то вымученно улыбнулась. — Это уже не имеет значения. Я не вижу смысла в медленной смерти. Гнить заживо, зная, что смерть наступит в любой момент... Это не для меня.

— Простите меня, Татьяна, — прошептал доктор и осторожно погладил женщину по плечу.

— На все воля Бога. Такова моя участь... — вздохнула девушка, затем поднялась со стула и медленно направилась в сторону выхода, но около двери остановилась и напоследок посмотрела на мужчину в белом халате. — Я хочу лишь знать... Сколько мне осталось?

— Полгода... Максимум год.

— Хорошо... Значит, мне нужно поторопиться. Осталось доделать слишком много дел, боюсь не успеть. До свидания, господин Штраус. Была рада снова увидеть вас.

Девушка стояла около телефонной будки, расположенной рядом с домом Кристины, и, недолго думая, достала из кармана своего пальто портсигар, который она уже очень долгое время не использовала по назначению. Внутри осталось еще несколько сигарет, даже отсюда женщина чувствовала их манящий аромат, сводивший разум с ума. Татьяна достала одну и зажгла ее, сделав сильную затяжку, стараясь запустить в свои легкие как можно больше табачного дыма. Когда никотин насытил оголодавший организм, Татьяна потушила сигарету и зашла в телефонную будку, сама до конца не понимая, для чего она это делает. Девушка плотно закрыла за собой дверь и почувствовала себя на короткое мгновение в безопасности. Снаружи поднялся пронизывающий холодный ветер, но это красное невысокое сооружение защищало ее от любых погодных ненастий, согревая своим небольшим, но все же теплом. Татьяна устало прислонилась спиной к стенке будки и вновь достала из кармана сверкавший в свете фонарей портсигар, с нежностью поглаживая его большим пальцем правой руки.

После девушка открыла его и вытащила оттуда крохотный выцветший снимок Эрвана. Молодой человек с веселым жизнерадостным лицом смотрел на нее, не отрываясь, и на миг Татьяне показалось, что Эрван на снимке даже моргнул, не в силах держать свои глаза долгое время открытыми.

— Скоро мы будем вместе, я обещаю тебе, — прошептала девушка и осторожно поцеловала парня на фотографии, даже не заметив, как крохотные капельки слез упали на снимок и чуть ли не полностью намочили хрупкую бумагу. — Эрван, мне так страшно умирать... Но я ничего не могу с этим поделать. Прошло уже почти два месяца, но так и не удается свыкнуться с этой мыслью. Она продолжает разъедать меня. Я боюсь не успеть... Понимаешь? — девушка снова коснулась губами лица молодого человека и с улыбкой взглянула на него. — Какой же ты у меня красивый... Я до сих пор влюблена в твои глаза. Иногда мне кажется, что я схожу с ума... Разговариваю со снимком. Но это уже все не важно. Скоро я приду к тебе... Осталось совсем недолго.

— Джентльмены, кофе, — Себастьян вошел в гостиную с подносом, на котором царственно восседали хрупкие фарфоровые чашки с бодрящим ароматным напитком, и поставил его на письменный стол около дивана.

— Себ, ты же знаешь, что у меня серьезные проблемы с давлением. Моя жена категорически против, чтобы я злоупотреблял такими напитками, — поморщил нос Ларри и вжался в спинку дивана, словно его донельзя напугал один лишь внешний вид кофе, и он пытался провалиться сквозь землю, лишь бы аромат этого напитка не осел на его одежде.

— Боишься, что твоя женушка учует аромат столь замечательного напитка на твоих белоснежных зубах? — усмехнулся детектив и плюхнулся рядом с мужчинами на диван, оказавшись посередине. — Эх, давно я не проводил вечер в такой замечательной компании.

— Полностью с тобой соглашусь, Себ, — поддакнул Ларри и, не выдержав, схватил свою чашку кофе и практически залпом выпил бодрящий напиток, не обращая внимания на то, что тот даже не успел хорошенько остыть. — Прости, любимая.

— С тобой еще не все потеряно, — удивленно посмотрел на него Себастьян и любезно взял из его рук пустую чашку, так как Ларри явно забыл, что та все еще находится у него и вот-вот лопнет в сжатых мужских ладонях. — Расслабься. Здесь все свои.

— Тебе звонила Татьяна?

— Нет, — отрицательно покачал головой Себ и устало взглянул на Джорджа, который без разрешения закурил, молчаливо смотря куда-то в сторону, так и не проронив ни слова. — После больницы она испарилась... Снова. Она любит это делать. Но потом всегда находится. Но... Не в самом лучшем расположении духа.

— Ты на пару с ней разгадывал загадку того пропавшего на юге судна, должен уже привыкнуть к ее выходкам. Она надежный человек.

— В этом я с тобой соглашусь. Мы начали работать с ней совершенно случайно. Она даже не собиралась становиться детективом, но после того случая с рыболовным судном в ней что-то поменялось. А после знакомства с Эрваном ее рассудок совершенно помутился, она стала абсолютно иным человеком.

— Я до сих пор не могу понять, Себ. Кем был этот Эрван?

— О нем можно говорить слишком много. Не хватит даже вечера, — хмыкнул Джордж и слегка пригубил свое кофе, после чего снова зажал зубами сигарету, хитро поглядывая по сторонам, словно его забавляла эта ситуация.

— Ну, я слышал об этом человеке лишь мельком. Знаю лишь, что Татьяна не опознала его тело и устроила из этого самый настоящий скандал, который просочился даже в прессу.

— Это да, — засмеялся Себ. — Шумиха тогда была большой, особенно в нашем отделе. Но ее матери удалось утихомирить дочь, благо тогда та была способна на подобное. И после Татьяна была насильно заперта в уютной квартире вместе с мужем, которого она ненавидит всем сердцем, что видно даже невооруженным глазом. Но Татьяне все же удалось написать пару статей про Эрвана, где она поливала всех и вся грязью. Но особой популярности ее материал не снискал, после войны такие истории особо не увлекали читателя. Это сейчас можно из подобного сделать сенсацию. А тогда... Эх. Эрван умер в неподходящее время.

— Потом Татьяна решила обвинить меня в том, что случилось, — произнес Джордж и резко потушил сигарету в пепельнице. — Мы с ней после этого очень плохо общались. Благо пару лет назад удалось наладить отношения.

— Ты обязан сказать спасибо «призрачному фотографу», ведь благодаря этому негодяю вам удалось помириться с Татьяной.

— Помириться... — проворчал тот, скрестив руки на груди. — Просто пообщаться. Уже того взаимопонимания, что было у нас при жизни Эрвана не было и не будет. Поезд ушел. Слишком далеко ушел.

— Понятно. И она пытается доказать, что он жив? Но ведь это абсурд. Я просто не понимаю, что ей движет. Ведь ты, Джордж, знал Эрвана дольше всех. Ты просто не мог ошибиться. Я бы понял ее, если бы тело было в ужасном состоянии, что даже опознать невозможно. Но ведь парень умер от обычной испанки, — негодующе сказал Ларри.

— Скорее она пытается доказать факт его убийства. Думаю, этой версии она и придерживается. То, что она увидела тогда, когда мы расследовали наше самое первое дело, изменило ее представление о мире. И вряд ли ее удастся переубедить. Пока она сама не дойдет до истины, ее лучше не трогать и не пытаться заставить вернуться назад, — вздохнул Себ и со вздохом взял свою чашку с кофе, которая была на данный момент единственной, к которой еще не притронулись. — М-м-м. Вкусный кофе. Мне эти кофейные зерна привез один знакомый из Бразилии. Просто изумительный вкус. Кстати, Джордж.

— Что? — устало посмотрел на него тот, так и не вынув сигарету изо рта.

— И давно ты стал курить?

— Это не запрещено, — усмехнулся тот и выпустил клуб дыма, кайфуя от этого процесса. — Иногда надо пробовать что-то новое. А то жить слишком правильно скучно.

— Ну ладно... В общем... Я хотел предложить тебе пожить пока у меня. Ведь, насколько я понял, у тебя сейчас нет жилья.

— Спасибо, не нужно. Я могу перебраться в свою старую обувную лавку. Давненько я там не бывал.

— Тогда почему ты там не жил? Я, когда узнал, что ты живешь в том самом общежитии, где уже стены на соплях держатся, чуть челюсть не сломал. У тебя же достаточно денег на банковском счете.

— Не знаю. Я любил то место. Там мы жили с Эрваном после войны, та комната стала для меня родной что ли. А в мастерской я чувствую себя одиноким. Да и консьерж ко мне слишком сильно привязался за эти годы. Кстати, не знаешь, где он сейчас?

— Он погиб. Сгорел заживо. Тогда погибло довольно много жильцов, особенно те, кто жил на верхних этажах. Пожарные приехали слишком поздно.

— Жаль, — как-то без эмоций ответил тот и сделал очередную затяжку и расслабленно

откинулся на спинку дивана. — Он был славным парнем.

Неожиданно в глубине квартиры зазвонил телефон. Себастьян недовольно поморщился и, извинившись перед гостями, прошел в прихожую, где и находился телефонный аппарат. Убедившись, что Джордж и Ларри за ним не наблюдают, он ответил на звонок.

— Себ! — в ухо Себастьяна ворвался дрожащий голос Татьяны. — Что если он умер на самом деле?

— Татьяна, что произошло? — обеспокоенно спросил ее тот, чувствуя, что его собеседница с трудом сдерживает слезы.

— Прости меня, пожалуйста... Я... Я не могу уснуть.

— Моя хорошая, не смей извиняться. Я готов услышать твой голос в любое время дня и ночи.

— Ты можешь приехать?... Я хочу увидеть тебя.

— Со мной рядом Ларри. Мы можем приехать вдвоем.

— Нет. Я хочу, чтобы ты приехал один.

— Хорошо...

— Я нахожусь на Хайгейтском кладбище, это недалеко от дома Кристины, в паре километров.

— Да, я знаю, где это находится.

— Пожалуйста, приезжай. Ты мне очень нужен... Себ...

Кристина осторожным движением руки отворила дверь, ведущую в детскую, и с улыбкой заглянула туда. В комнате был уже выключен верхний свет, поэтому полумрак из всех сил развеивал крохотный подсвечник, стоявший на подоконнике и дрожавший от дуновения ветра, просачивавшегося сквозь потрескавшуюся оконную раму.

— Вы удобно устроились, дети? — прошептала женщина и бесшумно проникла в спальню.

— Да, — промычала Эмми, высунув свою кудрявую голову из-под одеяла.

Кристина села рядом с девочкой на край кровати и мельком взглянула на сына, который уже погрузился в глубокий сон и не смог заметить прихода матери. Женщина ласково погладила Эмми по волосам и осторожно коснулась указательным пальцем кончика ее курносого носа.

— Не переживай, все будет хорошо, — заверила ее Кристина, но понимала, что девочка не перестает думать о плохом.

— Не могу заснуть. У меня плохое предчувствие.

— Что тебя беспокоит? Не стесняйся, — Кристина нежно сжала ее руку в своей горячей ладони. — Расскажи мне все свои страхи, я обязательно тебе помогу. Ты меня очень удивила этим вечером. Ты взрослая не по своим годам. Такую умную и храбрую девочку я вижу в своей жизни впервые. Я даже не заметила, чтобы ты играла в игрушки с моим сыном.

— Моя мама никогда не покупала мне игрушки. Они меня пугают. Один раз папа подарил мне куклу, но ночью она смотрела на меня такими... Ой... Страшными... Очень страшными глазами... Ночью она превращалась в чудовище. И я ее отдала одной девочке. Мне больше нравится читать.

— Ты взяла свои книжки? Может, тебе прочитать что-нибудь? Какую-нибудь сказку?

— Я не люблю сказки, — поморщилась Эмми. — Там слишком много лжи. Я читаю книжки, где есть только правда.

— Да ты у нас будущий детектив.

— А тетя Татьяна скоро вернется?

— Она тебе понравилась? — удивленно посмотрела на нее Кристина.

— У нее очень грустные глаза. Мне ее жалко. Она была очень добра ко мне. И я даже видела, что она плакала, когда мы ехали в машине. Но я не знаю, почему. Я хочу помочь ей, тетя Кристина.

— Не волнуйся, все будет хорошо.

— А вы можете не закрывать дверь в комнату? — немного помолчав, спросила девочка и внимательно впилась глазами в женщину, словно этот вопрос имел очень большую важность для столь крохотной особы.

— Хорошо. Но почему ее не нужно закрывать? Ведь ночью будет сквозняк, ты можешь простыть.

— Ко мне ночью должен прийти мой лучший друг. Он всегда навещает меня. И если вы закроете дверь, то ему не удастся сюда попасть...

— Эм, — ошеломленно протянула та и неуверенно кивнула. — Хорошо. Пусть будет так. И что же это за друг?

— Его никто не видит, только я. Но он очень хороший. Хотя бывает вредным. И чересчур болтливым.

— Что ж... Я выполню твою просьбу, но только если ты выполнишь мою.

— Вы хотите, чтобы я не переживала за маму, — вздохнула девочка и опустила подбородок под одеяло. — Она поправится. Так мне мой друг сказал. Поэтому я не переживаю.

— Вот и славно, — чмокнула ее в макушку та и направилась к двери. — Засыпай, Эмми. Спокойной ночи.

— Тетя Кристина! — неожиданно окликнула ее та, едва Кристина дотронулась до дверной ручки.

— Что такое?

— Не включайте воду. В ней живет голос. Я слышу его. Он ползет по стенам, — девочка испуганно посмотрела по сторонам и еще сильнее укуталась в одеяло.

— Эмми, довольно, — с раздражением произнесла женщина и открыла дверь. — Засыпай. Я не очень люблю подобные истории. Еще раз спокойной ночи.

— Но... — протянула Эмми и вздрогнула, словно что-то ее сумело сильно напугать. — Голос... Он уже здесь...

Кристина зашла в уборную, чувствуя при этом некоторую обеспокоенность, что было с ней в подобной ситуации впервые. Неужели она так испугалась детских фантазий маленькой Эмми и теперь боится трогать кран с водой? Подумав об этом, женщина тихо посмеялась над самой собой и, не торопясь, аккуратно очистила свое лицо от макияжа с помощью мыла, затем все смыла холодной водой. В одно мгновение ей послышался тихий шепот где-то под ухом, но Кристина все это отнесла к разговорам соседей, ведь стены дома не хвастались звукопроницаемостью и могли пропустить через себя любой звук. Вытерев лицо полотенцем, женщина на миг взглянула на свое отражение в зеркале и встретила лицом к лицу со слегка уставшей светловолосой женщиной, на лице которой даже после сорока лет не возникло ни одной морщинки, что порой удивляло окружающих. Осторожно проведя ладонью по своей щеке, она улыбнулась самой себе и направилась к своей комнате, что

находилась на втором этаже их квартиры.

Ее покойный муж позаботился о том, чтобы его любимая жена и сын имели завидное жилье и чтобы даже после смерти кормильца ни в чем не нуждались. Так оно и было. Кристина за это каждый день благодарила умершего супруга, молилась за упокоевание его души, отчего ей иногда казалось, что она общалась с ним на самом деле, но такие ощущения пугали ее, и та с каждым днем пыталась думать о муже все реже и реже, мечтала начать все с начала, с чистого листа. Но это давалось с трудом. Смерть мужа преследовала ее повсюду, даже в самые счастливые минуты. Потому что все напоминало о нем, ведь все хорошее и светлое было связано именно с ним. И уже ни что не сможет заполнить сердце этой женщины так сильно, как образ ее покойного супруга. Даже спустя много лет. Возможно, на это способен один человек, встретившийся в ее жизни много лет назад, но сердце того занято другой, поэтому в данный момент времени этому не суждено было осуществиться.

Неожиданно в прихожей зазвонил телефон. Кристина с удивлением на лице направилась к нему, не совсем понимая, кому она так понадобилась в столь позднее время, но не ответить на звонок женщина просто не имела права, ведь на другом конце провода ее может поджидать очень важная информация, которая не потерпит до завтрашнего дня.

— Я вас слушаю, — сняла трубку Кристина и прижала ее посильнее к уху, так как в последнее время телефонный аппарат сильно барахлил. — Говорите!

— Слава небесам, Кристина! Птенчик мой!

— Брайан? Ты почему так поздно звонишь? Что-то срочное?

— Я дико извиняюсь перед тобой. Извини меня, пожалуйста. Но это дело великой важности. Оно просто не сумело бы подождать до утра.

— Ну так выкладывай.

— Мы недавно наняли на работу уборщицу, она была единственной, кто согласился мыть полы в нашем морге, другие просто боялись совать туда свои швабры. Народ нынче боязливый, не желает смотреть на трупы, даже если они лежат в морозильных камерах.

— Брайан, давай ближе к делу.

— В общем, она увидела, что одна из морозильных камер открыта. Сказала, что оттуда валил белый пар, и в комнате стало как-то мутно, словно возник туман. Тогда я еще не ушел с рабочего места, разбирался с одним уродцем, мерзкий тип оказался.

— Ну, это ты мне можешь не рассказывать. Эту твою особенность я прекрасно знаю. Ты готов допрашивать человека хоть двое суток подряд без перерыва.

— Когда я пришел туда, то увидел в морозильной камере человека, которого совсем не ожидал увидеть. Понимаешь меня? Этого человека там просто не должно было быть! Я просто не поверил своим глазам!

— Дай догадаюсь? Там лежал Санта Клаус и вручил тебе подарок? — усмехнулась женщина и села на край столика, так как уже устала стоять.

— Это не смешно, птенчик мой! Я тут рассказываю серьезные вещи, а ты еще смеешь шутить, — обиженно произнес тот и на миг замолчал, словно ждал извинений.

— Ну так кого ты там увидел?

— Ты должна сюда приехать и увидеть все своими глазами. Уверен, ты будешь шокирована! По-настоящему шокирована!

— Господи, Брайан! А по телефону это сказать нельзя? Ты там Эдуарда Седьмого увидел что ли? У тебя прям такой голос...

— Ну, это не король Эдуард Седьмой, но намного ценнее. Я в этом уверен. Помнишь, ты

говорила, что Себастьян пытается возобновить то самое расследование?

— Ну да.

— Так вот. Этот труп его визитная карточка. Золотая жила.

— Ты меня пугаешь, Брайан, — поморщила нос та и вздохнула. — Ладно. Я приеду...

Правда, я уже ложилась спать, смыла макияж и...

— Да ты и без макияжа выглядишь прекрасно. Смею даже заметить, что макияж тебя только портит.

— Неужели? — смущенно улыбнулась та. — Хорошо. Ты сумел заставить мои щеки налиться румянцем... Ладно, я сейчас приеду.

Кристина прибыла в полицейский участок через час, так как пришлось очень долгое время искать такси, которая бы согласилась возить ее едва ли не в другой конец города. Женщина жила довольно не близко от работы, что очень затрудняло и без того не самую спокойную жизнь. Раньше у нее была машина, доставшаяся ей от мужа, но ту пришлось продать первому попавшемуся покупателю, так как двигатель уже начинал сдавать свои позиции, отчего автомобиль не всегда заводился с первого раза. На вырученные деньги Кристина сделала в квартире небольшой косметический ремонт, на большее денег бы не хватило, но и без излишеств их жилище стало выглядеть куда лучше, чем это было ранее. Теперь приходилось добираться на работу на общественном транспорте, что существенно экономило их семейный бюджет. Утром она отправляла сына в школу, а сама запрыгивала в трамвай и уезжала в даль, где ее ждали новые изуродованные людские тела, которые ей следует распотрошить для продвижения очередного грязного расследования. Она не любила это делать, но выхода не было, тем более ничего другого выполнять она не умела. Женщина изначально думала стать врачом, но тем платили слишком мало, ей бы не хватило средств, чтобы содержать такую квартиру и сына. Поэтому она изо всех сил старалась держаться на нынешней работе, ведь деньги ей нужны как никогда. После смерти мужа стало гораздо труднее, все легло на ее хрупкие плечи. Поэтому приходилось заниматься тем, что не любила. И успевать при этом воспитывать единственного ребенка.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

На часах уже давно за полночь, поэтому улицы были призрачно пусты, что слегка пугало. Заплатив водителю, женщина выскочила из машины и, по сильнее укутавшись в свое пальто, направилась ко входу в полицейский участок, но тут на нее нежданно-негаданно выпрыгнул мужчина и загородил своим широким телом путь.

— Брайан! Напугал! — та осторожно ударила ладонью его в грудь и выдохнула.

— Извини, — мужчина смущенно завел руки за спину и в качестве приветствия чмокнул женщину в холодную щеку. — Спасибо, что приехала.

— Это моя работа, господин следователь. Я не могла отказать, — Кристина сняла со своих белоснежных рук перчатки и в сопровождении Брайана направилась в здание полицейского участка. — Неужели нельзя было подождать до утра?

— Я боялся, что наш подопечный снова убежит, — хмыкнул тот и как-то загадочно улыбнулся.

— В смысле? — женщина приподняла брови и с непониманием взглянула на него. — Что ты имеешь в виду?

— Ты, наверное, помнишь своего, так скажем, пациента, которого привезли сюда осенью? — мужчина пропустил Кристину вперед и закрыл за ними обоими дверь на ключ.

Теперь полицейский участок стал неприступной крепостью.

— Ну да. Кажется, это был некий... Эм... Да. Вспомнила. Вроде его фамилия Ломан.

— Все верно, — весело кивнул тот, и в его больших глазах блеснул свет.

— Постой, — остановила его та. — Ты хочешь сказать, что в той камере лежит тело доктора Ломана?

— Именно, он там и лежит. Видимо, ему холодно стало, поэтому старик открыл камеру. Ну, чтобы согреться немного. Трупы ведь тоже люди. Им тепло и нежность нужны.

— Очень смешно... Но ведь тело исчезло!.. Как?..

— В официальном заключении говорится, что тело было выкрадено с целью скрыть улики преступления и снять все подозрения с госпожи Анны Стрингиги.

— Это заключение написал ты, я помню.

Брайан взял женщину за локоть и повел в глубь темного полностью пустого полицейского участка дальше. Женщину удивил тот факт, что на их пути не встретилось ни одного сотрудника, ведь даже ночью здесь должно осуществляться дежурство, но сейчас все куда-то благополучно подевались.

— Да. И это заключение очень понравилось нашему начальству. Мне даже премию дали. На нее я смог купить мотоцикл. Хочешь, я прокачу на нем твоего сынишку? А? Думаю, ему такие вещи нравятся.

— Нет, Брайан. Спасибо, — вырвала у него свой локоть та и поежилась от холода, так как здесь было весьма зябко. — Это очень опасный вид транспорта. Он может упасть. И...

— Ты делаешь из него женоподобного мальчика, Кристин. Пареньку нужен отец.

— Я пока справляюсь, спасибо, — с недовольством бросила та. — Давай пока не будем говорить о личной жизни. Я не хочу обсуждать подобные темы в этом месте.

Они остановились около массивной стальной двери, на которой красовалась надпись «Морг». Брайан вставил в нее ключ и создал проход в царство мертвых.

— Аид приглашает вас в свою обитель, — улыбнулся тот и быстрым шагом направился к одной из многочисленных морозильных камер. — Кажется, вот здесь покоится наш покойник-беглец. Заставил же он нас тогда поломать голову.

— Я не совсем понимаю, Брайан. Как тело могли вернуть сюда? Ведь ключ находится только у пятерых человек. Сюда больше никто посторонний проникнуть не мог. Особенно так незаметно. Да и смысл возвращать труп на место?

— Вот это нам и предстоит выяснить. Но прежде ты должна взглянуть на уважаемого доктора. Хочу услышать твое мнение.

— Ладно, — вздохнула та и приблизилась к мужчине, который медленно выкатил наружу замерзшее тело, которое умиротворенно лежало с закрытыми глазами и ни чем не отличалось от спящего человека.

— Что ты об этом думаешь? — с вопросом посмотрел на нее Брайан. — Поразительно, правда?

— У меня... Просто нет слов! Тело в идеальном состоянии! Даже нет ни единого признака разложения! — женщина ахнула и даже осторожно коснулась мертвеца, словно хотела удостовериться, что она это видит на самом деле. — Как такое возможно?.. У нас нет таких технологий, чтобы так сохранить тело. Должны были произойти существенные изменения. Тело обязано, как минимум, лишиться влаги и иссохнуть. Но этого не произошло.

— Значит, ты не можешь объяснить этот феномен? — разочарованно посмотрел на нее

тот и, глубоко вздохнув, отошел в сторону.

— Но... Этого будет достаточно, чтобы возобновить расследование! Ты понимаешь меня?

— Я знаю. Правда, не вижу смысла этого делать. Вряд ли мы этим расследованием сможем что-то изменить. Поезд давно ушел. Но мне, как и всем остальным, интересно узнать правду.

— А как же мисс Стрингини? Может, ее как-то использовать в этом деле? Наверняка она еще очень многое знает. Ты же умеешь выводить людей на чистую воду.

— Это другой случай. Очень сложный. Она молчит. Хуже русского солдата. И лишь подтверждает свою вину. Да, мы можем продолжить расследование, но наверняка все улики приведут к этой женщине.

— А я так не считаю. Посмотри сюда, — Кристина тыкнула пальцем в тело Ломана, внимательно изучая мертвеца глазами. — Видишь? Многочисленные переломы, в частности, шейного отдела и позвоночника. Он умер от падения с большой высоты. К тому же присутствуют серьезные ушибы в месте падения. Но пожилая женщина никак не сумела бы вытолкнуть его из окна, даже если бы этого захотела.

— Ты повторяешь слова Татьяны, — проворчал тот и насупился.

— Да! Да, я повторяю слова Татьяны. Потому что она права. Я тоже считаю, что Анна кого-то прикрывала. Ведь таких случаев было много. Вдруг она прикрывала того мальчика... Как его зовут?..

— Который стрелял в холле?

— Да.

— Этот Ричи вряд ли относится к этому делу. Я вообще не понимаю, кем он фигурировал во всей нашей заварушке. Татьяна его не знала. Но почему-то пыталась вытащить из камеры.

— Думаю, она считала, что этот Ричи связан с Анной неким образом.

— У них одинаковые фамилии. Но я бы не начал отрицать факт его причастности к нашему делу, если бы не откопал интересную деталь. У Анны был сын, родной сын с таким же именем и фамилией. Он воевал против Антанты. И погиб на фронте в семнадцатом году! Вот в чем дело.

— То есть этот парень взял чужое имя?

— Да.

— Но ты же держал в руках его личное дело.

— Не знаю, откуда это личное дело взялось, но оно сплошь и рядом фальшивка. Искусная подделка. Не знаю, как эта папка с документами родилась на свет.

— И ты засунул этого мальчика в психушку?

— Да. Отправить его в тюрьму я не мог. Слишком смехотворное преступление. А на лечение запросто.

— Почему ты не рассказал об этом Татьяне?

— А должен был? Это было мое расследование, и я не обязан докладывать о нем кому-то еще. Этот самозванец взял имя покойника и устроил бунт. Ему место только в больнице для душевнобольных.

— Хорошо. Я не буду лезть в эти дела, — развела руками та. — Ты хочешь, чтобы я провела вскрытие этого мужчины?

— Да. Не знаю, что мы всем этим докажем, но выбора у нас нет. Мы не можем просто

выкинуть пазл, иначе полноценной картинки не видать. Я хочу, чтобы ты сделала заключение и сказала, от чего умер этот мужчина. Больше от тебя ничего не требуется, — произнес Брайан и устало побрел к выходу из прохладного помещения.

— А ты куда?

— Остались кое-какие дела. Я скоро вернусь. Уже не могу лицезреть на этого доктора. Тошно становится.

В помещении морга было холоднее, чем на улице. Это Кристина почувствовала сразу же, так как здесь ее зимнее пальто уже не было способно согреть свою хозяйку. Поэтому женщине пришлось надеть халат поверх верхней одежды, чтобы хоть как-то сохранить тепло, иначе она окоченеет вместе с трупами.

Здесь было три отдельные комнаты. Одна предназначалась для хранения тел. Часть мертвецов лежали в специально оборудованных морозильных камерах, которые своим видом больше напоминали крематорий. А самые свежие трупы, что нуждались в первичном осмотре, находились за прозрачной шторой и покоились на медицинских столах под простыней. Вторая комната являлась лабораторией. Там чаще всего работал Ларри. Женщина не понимала принципы его работы, поэтому старалась не появляться в том помещении, так как боялась, что может натворить там по чистой случайности каких-нибудь глупостей. Третья же комната выступала в роли подсобного помещения, но ключа от двери у Кристины не было.

Женщина с трудом вытащила тело покойника из морозильной камеры и переложила его на патологоанатомическую тележку, после чего перевезла труп в середину комнаты, где располагалась операционная лампа. Включив источник света, Кристина внимательно осмотрела мертвеца, пытаясь найти на теле хотя бы один необычный мистический признак, но ничего такого она заметить так и не смогла. Немного помешкав, она направилась к шкафу, где находилось специализированное оборудование и различные операционные предметы. И для начала вытащила из заточения фонограф. Необходимо было записать на звуковой валик все этапы вскрытия, иначе оно не будет полностью задокументировано. Включив записывающий прибор и поставив его рядом на медицинский столик, женщина прокашлялась и стала ходить вокруг тела, пытаясь собраться с мыслями.

— Передо мной взрослый мужчина европеоидной внешности, возраст около семидесяти лет, рост составляет примерно метр семьдесят пять, крепкое телосложение, каких-либо физических отклонений не наблюдается, при жизни этот человек не страдал никакими онкологическими заболеваниями. Смерть наступила из-за падения с большой высоты, — Кристина осторожно перевернула тело Ломана на живот и брезгливо поморщила нос. — Наблюдаются серьезные переломы в области шейного отдела, позвоночника и тазовой кости, также пробит череп, наблюдается сильная вмятина, что привело к повреждениям головного мозга. Каких-либо других признаков, приведших к смерти, я не вижу.

Кристина остановила запись резким движением руки и, тяжело дыша, схватилась за голову, внезапно почувствовав небольшое головокружение. По необъяснимой причине вид этого трупа вызывал у нее сильнейшее чувство отвращения, жжения по всему телу, словно она видит мертвеца в самый первый раз в своей жизни. Но, так или иначе, она не могла отказаться от этой работы, у нее просто не было на это права. Ведь она вскрыла столько тел за свою жизнь! Почему же сейчас с ней происходит что-то странное? Что ее останавливает?

Женщина на короткое время оставила Доктора Ломана наедине с самим собой и

подошла к раковине, надеясь там умыть свое лицо, покрытое толстым слоем испарины. Неужели она испугалась трупа? Но ведь это смешно! Даже смешно думать об этом. Но женщина понимала, что ее тело полностью парализовало волнение, сильнейший жар. Все внутри переворачивалось вверх дном стоило ей лишь косо взглянуть на покоившееся рядом тело господина Ломана. Она пыталась собраться с мыслями, совладать с собой. Но ничего не выходило.

Кристина повернула кран, и тонкая струйка воды дотронулась до ее дрожавшей руки, опшарив ледяным прикосновением. Женщина растерла жидкость на коже лица, но внезапно ее внимание привлек странный шум, исходивший от крана. Такой звук обычно наблюдался тогда, когда пытаешься открыть кран в тот момент, когда в доме отключена подача воды. Кран начал угрожающе фыркать и грубо плевать, словно женщина сумела того чем-то расстроить. Кристина с удивлением отошла на пару шагов назад и устало вытерла свое лицо полотенцем, затем она потянулась вперед, пытаясь закрыть кран, но тот вдруг так дернулся, что женщина почувствовала на своей ладони болезненный удар от металла. На пару секунд кран замолк, и это немного успокоило патологоанатома. Но спокойствие длилось недолго.

Кран как-то странно надулся, словно накапливал в себе всю злость, что затаилась у него на людей за все годы его жизни. И из него вырвалась наружу жидкость, но приобретшая странный бордовый оттенок.

— Что за черт? — ошарашенно прошептала женщина и попыталась из последних сил завернуть кран, но того заклинило намертво.

Напор воды начал усиливаться, мутная бордовая жидкость постепенно стала заполнять раковину, словно в сливное отверстие некто вставил пробку. Кристина продолжала безрезультатно пытаться одолеть непослушный кран, но все тщетно. Вода продолжала прибывать и в любой момент была готова политься на пол. Рядом находилось еще две раковины. И внезапно они присоединились к своему товарищу и поочередно стали фыркать на женщину, словно пытались сказать ей нечто весьма обидное.

— Что происходит? — женщина отошла на пару шагов и собиралась было направиться к выходу, чтобы найти кого-то, кто поможет это исправить.

Но неожиданно комната вздрогнула, словно началось сильное землетрясение. Женщина моментально была сбита с ног и болезненно приземлилась на холодный пол. Она услышала, как рядом с ней начали падать вещи, заполняя морг своей звонкой мелодичностью. Люстры раскачивались им в такт и были готовы в любой момент оторваться от потолка и приземлиться, разбившись на миллионы кусочков. Кристина приложила большие усилия, чтобы подняться на ноги, но в этот момент заметила, что под ней находится красная, похожая на кровь, жидкость, быстрыми темпами затапливавшая все на своем пути.

— Господи! — воскликнула Кристина и со всех ног бросилась к двери, но встретила сопротивление.

Дверь была заперта.

Тем временем вода продолжала переливаться через края трех раковин и с невероятной быстротой поглощать помещение. Через минуту вода уже практически смогла достать Кристине до колена. Она была настолько вязкой и мутной, что женщина не смогла увидеть даже дно.

Кристина стала с криками барабанить по двери, зовя на помощь. Но комната полностью поглощала крики и не выпускала их за эти холодные стены, полностью отрезав женщину от внешнего мира.

— Боже, — сквозь слезы всхлипнула та. — Помогите!!! Кто-нибудь!!! Черт! Черт! Черт! Кто-нибудь слышит меня?!!! ЭЙ!!!

А вода так и продолжала неустанно прибывать, жадно съедая все, до чего ей удалось коснуться.

— Брайан, неужели нельзя было подождать до утра? — с недовольством спросил охранник тюрьмы, который вел детектива по закоулкам неприступной крепости, где держали самых опасных преступников города. — Я хотел выспаться. Не сплю уже вторые сутки из-за одних любителей подраться. Вчера забили до смерти парня, который изнасиловал несовершеннолетнюю девочку. Пришлось выносить самое настоящее месиво из камеры. Они где-то топор раздобыли. Отрубили ему член, засунули бедолаге в рот и заставили его плясать, пока те кромсали его на куски. Жалкое зрелище.

— И где эти счастливчики раздобыли топор? — удивленно посмотрел на него Брайан. — Надеюсь, не ты продал?

— Я продаю только траву... Кстати, тебе не нужна? Травка хорошая. Качественная.

— Я у тебя брал недавно, — ухмыльнулся тот. — Пока мне хватит.

— Ну как знаешь, — охранник открыл перед ними очередную металлическую дверь и пригласил Брайана войти в очередной коридор с многочисленными дверьми.

Детектив шел вперед с большим трудом, так как в воздухе стоял едкий запах спиртного и мочи, от которого хотелось вывернуть свой желудок наружу, но отступать уже было поздно. Он был настроен решительно.

— Ты хотя бы объяснил, зачем тебе нужна эта чокнутая старуха. А то будишь честных людей без причины, — снова заныл охранник, косолапо передвигаясь вперед и звеня связкой ключей.

— С ней кто-нибудь говорил, кроме меня?

— Эта приезжала... Как ее?.. Рыжая такая, симпатичная барышня.

— Татьяна Хапперт?

— Да.

— Черт, — выругался Брайан и сплюнул в сторону. — Я же просил, чтобы ты не подпускал ее к бабке даже на метр.

— Но она просила разрешения у начальника тюрьмы! — заскулил тот. — Я не мог уже ничего сделать.

— Теперь мне придется расхлебывать это дерьмо... Черт. Похоже, зря я тебе плачу такие бабки. Ты даже цента не стоишь.

Через пару минут они оказались у нужной камеры, которая была аккуратно изолирована ото всех и предназначалась исключительно для одного заключенного.

Через решетку было видно, что Анна молчаливо сидит на краю кровати и совершенно пустым взглядом смотрит в крохотное окошко, из которого веяло свежим морозным воздухом. По ней было видно, что она услышала приход гостей, но та даже не взглянула на них, лишь продолжала делать вид, что все ее внимание сосредоточено на разглядывании ясного звездного неба.

— Добрый вечер, Анна. Вам не спится? — с наигранной вежливостью спросил ее Брайан и попросил охранника впустить его в камеру Анны.

Та ответила молчанием, но все же посмотрела на мужчин ядовитым взглядом, полным ненависти и злобы.

— Что вы сделали с Ричи? — прошипела она и впилась пальцами в матрас кровати. — Что?!

— Не переживайте, ваш сын спокойно лежит на кладбище в Германии. Вот уже девять лет.

Глаза Анны предательски забегали, и она по-детски прижалась к стене, испуганно поглядывая на мужчин.

— Или ты, старая карга, думала меня обвести вокруг пальца? Мне вот стало интересно, кто вам подкинул идею воровать имена, чужие биографии? Как вас зовут на самом деле?.. — Брайан сел рядом с ней и глубоко вдохнул, после чего резко выпустил воздух и резким движением руки ударил пожилую женщину по лицу, из-за чего та со слезами и стонами упала на кровать, пытаясь оградиться от детектива всеми силами, но тот был слишком близок к ней. — Старая шлюха, — выругался тот и встряхнул руку.

— Не трогайте, Ричи... — всхлипнула Анна полупшепотом. — Пожалуйста... Он ни в чем не виноват.

Брайан подошел к охраннику и без его разрешения вырвал у него дубинку, после чего подошел к пожилой женщине и со всей силы нанес удар по ней, заставив ту закричать от боли.

— Что ты сказала ей? А?! Я же тебя прикончу прямо здесь, а потом и твоего пацана притащу сюда!

— Я сделала все, как вы сказали... — дрожавшим голосом прошептала она и поджала под себя ноги. — Все, как вы сказали... Она ничего не знает... Она ничего не знает.

— Я тебе не верю.

— Прошу вас. Не трогайте Ричи. Я ведь написала признание, взяла всю вину на себя...

— Мне плевать на тебя. Меня интересует, кто этот пацан?! Откуда он здесь?! Кто его подослал к нам?! — мужчина встретил сопротивлением с ее стороны и вновь нанес удар по пожилой женщине, но внезапно почувствовал странное жжение в области груди.

— Вам никогда не добраться до него. Вы его упустили. И потерпели серьезное поражение. Татьяна узнает всю правду. И тогда всему придет конец, — прорычала Анна и всадила нож как можно глубже в грудь Брайана. — Она убьет всех вас. Она замкнет круг.

Брайан взвыл изо всех сил и нанес последний удар по женщине металлической дубинкой, лишив ее чувств. Анна выпустила из рук нож и, истекая кровью, рухнула на пол. Брайан с криками и рычанием вцепился в край кровати, пытаясь совладать с нестерпимой болью, но тело стремительно слабело и переставало слушаться хозяина.

— Сука!!! Черт!

Детектив посмотрел в сторону выхода и замер в оцепенении. Охранник молчаливо стоял на месте и стремительно подносил нож к своему горлу, совершенно не присутствуя в реальном мире.

— Сэм?! Что ты творишь, мать твою?!

Но тот не слышал крики Брайана. Через пару секунд нож пронзил насквозь горло мужчины, и охранник замертво упал, с безумием на лице смотря на истекавшего кровью детектива.

Глава шестнадцатая. Лимб

Татьяна не сразу осмыслила, что была как громом поражена рокотом от выстрела и на минуту утратила дарование что-либо видеть, она всецело отключилась и по-черепаши опускалась в бездну, беспроглядную, как ночное беззвездное небо. Все тело расслабилось, стало невесомым, девушка реяла где-то в облаках, чувствуя, как все, что ее удручало, осталось внизу. Она продолжала порхать и, словно на зонтике, приземлялась вниз, бредя, что когда-нибудь ее ножки дотронутся до твердой земли.

— Позволь мне помочь тебе, — пожилая женщина была где-то позади и по-матерински бархатисто проводила рукой ее по голове. — Дай мне шанс взять всю ситуацию в свои руки. Одна ты не сможешь справиться. Ты ведь прекрасно понимаешь это.

— Что со мной произошло? Что это был за звук? — вздрагивающим голосом спросила у нее Татьяна. — Это был выстрел, ведь так? Меня убили?

— Все зависит от того, хочешь ты умирать или нет. Ты должна выбрать одно из двух.

— Но я не знаю... Как мне это сделать? — Татьяна с изумлением начинала понимать, что падение в бездонную пропасть ускорило и что голос женщины перестал поспевать за ней, он прятался, растворялся во тьме, что поглощала все вокруг, с жадностью съедала, превращая в пустоту.

— Слушай мой голос. Ты должна слушать... — невидимая особа была практически недосыгаема, но Татьяна верила ей, верила, как себе самой.

Раздался выстрел, тихий и какой-то слабый, словно тот был совершен без участия мертвящей пули. Татьяна осознала, что снова осязает ногами твердую поверхность, больше не парит где-то в невесомости, а вновь пребывает в реальном материальном мире, который теперь казался ей чем-то далеким и незнакомым. Она испуганно приоткрыла глаза и стала в панике искать источник шума, после чего различила перед собой до смерти напуганного низкорослого мужчину, что целился в нее из пистолета, который был готов упасть из его дрожавших рук в любую секунду, оставалось лишь дожидаться этого момента. Татьяна интуитивно взглянула на свою грудь, чувствуя на ней странное покалывание, и заметила, как часть ее костюма украшала круглая дыра, воспламенившаяся по краям, и обнажила кусочек ее бледной нежной кожи.

После раздался звук ударившегося о землю металлического предмета и странный стон, полный ужаса и негодования. Татьяна перевела свой взгляд на мужчину и увидела, как тот трусливо пятился к двери. Его глаза были столь широко распахнуты, что девушка опасалась, что глазные яблоки этого господина вот-вот могут вывалиться из орбит, после чего покатиться по грязному полу к ее ногам. В свете тусклой свечи и керосиновой лампы была возможность разглядеть на лице смотрящего маяка сильнейшую испарину, ручьями стекавшую на пол, ее было так много, что был риск, что тот упадет в обморок от обезвоживания.

— Нет, — прошептал он сквозь силу. — Не может быть... Этого не должно было произойти.

Татьяна подошла к лежавшему на полу пистолету и резким движением ноги оттолкнула его в сторону, чтобы у мужчины больше не было соблазна взять оружие в руки. Затем она поставила керосиновую лампу на пол и направила на мужчину свое огнестрельное устройство и не смела отводить от этого человека прицел.

— Не смейте двигаться, — прорычала она и сделала пару шагов навстречу этому белолицему мужчине, который с трудом стоял на ногах от охвативших его отрицательных эмоций.

— Она выбрала не его... — едва слышно произнес он, держа руку у сердца. Мужчина упал на колени и, как младенец, пополз в сторону своего пистолета, но едва он сделал это движение, как тут же получил удар ногой по животу, вынудивший того упасть плашмя и больше не совершать каких-либо движений.

— Я сказала не двигаться! — прокричала девушка. — Еще одно движение...

Мужчина в мольбе поджал под себя ноги и навзрыд зарыдал, что-то шепча себе под нос, явно обращаясь к Богу.

Татьяна поджала губы и, брезгливо перешагнув через мужчину, открыла входную дверь, наконец-то ощутив так необходимый ей свежий воздух. Девушка посмотрела назад в сторону свернувшегося калачиком зрителя маяка и закатила глаза, не понимая, что ей следует предпринять по отношению к нему. Руки так и норовили сжать в руках пистолет еще сильнее и нажать на курок, чтобы выпустить остроконечную пулю прямо в голову этому типу, но Татьяна сдержала себя, запретила думать о чем-то подобном. Девушка с неприязнью еще раз взглянула на рыдавшего мужчину и закрыла за собой дверь, чтобы эти громкие всхлипы не преследовали ее и после. Глубоко вздохнув, она отошла от маяка на пару шагов и спрятала пистолет в кобуру, что находилась у нее под пиджаком.

Необходимо сообщить о случившемся Себастьяну. Он явно будет удивлен поведением этого мужчины. В этом месте происходит что-то странное. И это отразилось на всех, кто здесь находился в день трагедии. Но что это могло быть?

Девушка пошла дальше, понимая, как недавние события пошатнули ее психическое равновесие, навсегда отпечатавшись в ней самой. Она снова потрогала дырку на своем пиджаке, пытаясь про себя выяснить, как та могла появиться. Вряд ли возникла вследствие того, что Татьяна зацепилась за что-то острое и по невнимательности испортила совершенно новый предмет гардероба. Это было нечто другое. К тому же девушка помнила, что по краям отверстие в одежде дымилось, будто нечто прожгло пиджак насквозь. Но ни с чем горячим она не соприкасалась. Если только?.. Нет, этого не может быть. Татьяна сразу же отвергла эту мысль.

«Я слышала чей-то женский голос. Он принадлежал кому-то знакомому. Я явно слышала его раньше» — произнесла про себя Татьяна и, остановившись, снова взглянула на завораживавший своим обликом маяк, который с трудом справлялся с усилившимися порывами ветра.

Девушка задумалась над своими мыслями. Те ведения... Они были такими реальными. Почему Татьяна увидела их? Что заставило ее рассудок на пару минут помутиться? И почему это так напугало того мужчину? Он явно испугался в тот момент, когда девушка на миг покинула настоящий мир. И как все это может быть взаимосвязано? Татьяна сжала голову руками и обессиленно села на траву близ тропинки, пытаясь собраться с силами и мыслями. Эта местность действовала на ее организм губительно. Она уже пожалела, что приехала сюда.

Когда девушка вновь поднялась на ноги, собираясь продолжить путь, ее внимание привлек до боли знакомый хлопок где-то рядом с маяком. Татьяна в испуге обернулась и, прищурив глаза, пыталась понять, что там могло произойти. Но наступила гробовая тишина.

Когда девушка, не в силах себя отговорить, решила вернуться туда, чтобы проверить

причину шума, как ее внимание перенял другой не менее странный звук, пронесшийся эхом по всей долине. Татьяна испуганно посмотрела в сторону моря, противясь дувшему прямо в лицо морскому бризу. Где-то у горизонта ее глаза поймали черный длинный силуэт, который медленно приближался к берегу, изредка нарушая мертвую тишину странными продолговатыми звуками. Над морской поверхностью навис густой серовато-бурый туман, который стремительно расползлся по всему пространству, мечтая проникнуть и на сушу. Татьяна заворуженно приблизилась к краю скалы и тут же осознала, что этот силуэт был ничем иным как крупным океанским лайнером.

Пароход каждую минуту издавал гудки, словно звал кого-то на помощь. И этот звук вызывал странное чувство тревоги, пугал своей протяженностью и непередаваемой силой. Но почему он направлялся именно сюда? Ведь порт находился намного дальше от этого места. Здесь столь крупное пассажирское судно вряд ли сможет причалить, даже если этого захочет, так как у берега очень мелко. Неужели на борту корабля случилось нечто странное? Татьяна в этот момент совсем забыла о хлопке, раздавшемся около маяка. Теперь ее внимание привлек пароход, на полном ходу устремившийся к Скале самоубийц. Она должна найти Себастьяна и как можно скорее.

Себастьян успел заметить, что погодные условия этого места пестрят аномалиями. Он помнил, что они прибыли сюда поздно вечером, тогда было почти девять часов, и солнце должно было уже к этому моменту скрыться за горизонтом. Но дневное светило продолжало висеть высоко над морской поверхностью и освещать все вокруг беловатым светом. Но сильной августовской жары не наблюдалось. Мужчина, если бы не знал, какой на дворе месяц, мог бы подумать, что сейчас царствует, как минимум, май, ибо стало заметно холоднее. Детектив не пожалел, что на нем был теплый пиджак, спасавший от порывистого ветра.

Он шел по берегу и, прищурившись, рассматривал следы, некогда оставленные потерпевшим крушение судном. Их было немного, большинство смыты во время последнего шторма, и лишь те, что находились далеко от большой воды, смогли более-менее сохраниться. Днище судна разрезало береговую почву, создав глубокое ущелье, уже полностью затопленное водой. Где-то даже остались следы человеческих сапог, что наверняка принадлежали полицейским, прибывшим сюда в первый день трагедии. Странно, что отпечатки человеческих ног все еще красовались на песке, ведь сильные дожди должны были их смыть. Больше судно ничего не оставило. Никаких новых улик и предметов не наблюдалось. Все оставалось на своих местах, кроме самого судна. Корабль словно накрыли шапкой-невидимкой, чтобы скрыть от посторонних глаз. Но кто и для чего убрал столь массивное плавучее сооружение?

Корабль был в длину около пятидесяти метров, двухпалубный, имелась одна мачта и дымовая труба. Это судно явно ранее предназначалось для других целей. Возможно, являлось исследовательским, пассажирским вряд ли, так как кают было не так уж и много, в большинстве случаев комнаты, как заметил Себастьян, оборудованы для иных целей. Когда детектив обследовал сам корабль, то сделал вывод, что рыболовное судно слишком переполнено книгами. Он обнаружил целые стеллажи, что не совсем типично, точнее ненормально для плавучей посуды, добывавшей рыбу. Рыбаки вряд ли любили читать, ибо на прогулочной палубе красовалось много ящиков с водкой и ромом. Эти парни не могли являться книголюбями, те книги принадлежали совершенно иным людям. Неужели корабль

носил двойную функцию?

Джордж сказал, что на судне было довольно мало пойманной рыбы. То есть, рыболовство не входило в основные действия на корабле. К тому же, плавучее сооружение было слишком велико для подобного рода занятий. Из этого следует, что рыбная ловля была лишь прикрытием. Значит, судно находилось здесь по другим причинам. И эти причины и объясняют, почему судно внезапно исчезло. Только что ценного было в таком корабле? Неужели груз? Тогда зачем его забирать вместе с судном? Ведь плавучая посуда имела пробоины, и судно бы быстро пошло ко дну.

Себастьян снял с головы шляпу и платком вытер пот со лба, почувствовав небольшое облегчение. Он не понимал, как ему быть. Расследование внезапно зашло в тупик, из которого невозможно найти какой-либо выход. Можно было отправиться в ближайший порт, наивно надеясь, что судно действительно отбуксировали туда со всеми имевшимися на нем дырами. Но это смешно, так как корабль не смог бы добраться туда.

Мужчина устало сел на один из камней, что усеивали практически весь берег, и стал любоваться немного разволнованным морем, пытаясь собрать все свои предположения воедино. Но в голове творился такой хаос, что это было невыполнимо, все мысли сразу же разлетались в разные стороны.

Себастьян снова провел платком по мокрому лбу и вздохнул, посмотрев на сапоги, которые теперь были сильно замараны мокрым песком и морской солью.

Неожиданно его расслабленное внимание привлек странный звук, имевший очень большую площадь распространения. Источник шума явно находился очень далеко, но тот был весьма велик, если звук, созданный им, имел такую силу и громкость.

Себастьян встал с камня и посмотрел на большую воду, поняв, что шум исходит именно оттуда. Но что-либо рассмотреть было невозможно, над водой нежданно-негаданно возник густой туман, затмивший даже само солнце. Вызывавший волнения гул продолжал усиливаться и приближаться к берегу. Себастьян подошел поближе к воде и в голове пытался выяснить, чему мог принадлежать подобный звук. Он вспомнил не сразу, но после небольших раздумий Себ сильно удивился, ибо осознал, что шум принадлежал судну, довольно крупному. Такой звук он слышал лишь однажды, когда во время войны он находился недалеко от воды, где изредка проходили крупные суда. Но этот гул был особенным.

Через пару минут туман расступился перед приближавшимся кораблем и дал возможность разглядеть чудо инженерной мысли. Это было гигантское судно, длина которого явно была около двухсот пятидесяти метров, что поражало воображение. Что столь крупное плавучее сооружение делает в данном месте? И почему движется в сторону берега? Ведь здесь поблизости нет порта, способного принять такого стального гиганта. Корабль имел четыре дымовые трубы, в высоту составлял приблизительно сорок метров. Лайнер вновь издал пронзительный гудок и начал немного поворачивать, разворачиваясь к берегу правым бортом.

— Что за чертовщина? — прошептал Себастьян и продолжал с удивлением наблюдать за гигантским судном, которое совершало довольно странные действия.

Лайнер приблизился довольно близко, поэтому появилась возможность разглядеть его название, написанное слегка выцветшими золотыми буквами.

— Лузитания, — дрожащим голосом прошептал Себ и чуть было не оказался на земле, так как понял, что ноги попросту перестали держать его в вертикальном положении и

самопроизвольно сгибались в коленях. — Нет, этого не может быть. Мне это просто мерещится.

Мужчина резкими движениями потер глаза, пытаясь отогнать столь будораживший сознания мираж, но даже после этих манипуляций пассажирский лайнер не исчез, а продолжал на маленькой скорости двигаться вдоль берега, изредка издавая гудки, больше похожие на человеческие стоны перед смертью.

Джордж наблюдал за ними со второго этажа одного из заброшенных домов. Чтобы незаметно залезть сюда, пришлось приложить немало усилий, так как любой шаг молодого человека мог с легкостью сообщить противнику, где тот находится и в каком направлении передвигается. Поэтому пришлось в темноте искать на полу более чистые зоны, где лежало не так много разбитого стекла и сгнившего мусора.

Мужчин, которым поручили лишить Джорджа жизни, было трое. Все они нарядились в довольно старую военную форму, что носили еще до Первой Мировой войны. Это немного удивило парня, так как такую одежду уже вряд ли можно найти на ком-либо, если только в музее. Но оружие в их руках было самым современным, это Джордж заметил сразу. Легкие револьверы серебристого цвета, одного удара хватит, чтобы человеческий череп разлетелся на ошметки. Джордж вряд ли сможет им противостоять, хотя понимал, что без боя тут не обойтись. Вооруженные солдаты с легкостью обнаружат его, если он только попытается высунуться наружу.

Свет их фонарей огибал огромную площадь земли. Если удастся вывести эти источники света из строя, то появится шанс уйти незаметным. А если это не сделать, то шансов убежать практически нет. Его с легкостью обнаружат. Повсюду слишком много битого стекла, воды, сухого гравия. Все способно выдать парня, если тот сделает хотя бы малейшее движение. Оставалось только сидеть в тени и выжидать.

Джордж в панике осмотрел помещение, где сидел почти на четвереньках. Из-за темноты было практически невозможно разглядеть, что располагалось рядом, но некоторые детали, к счастью, вышли из тени и подсвечивались от вражеского света.

Тут находилось много старомодной мебели, фарфоровой посуды, на стенах висели большие картины, но что на них изображено — не понятно. Этот дом, как понял Джордж, когда-то давным-давно принадлежал состоятельным людям. Но обстановка стала такой, словно все люди ушли отсюда в один миг, ничего не взяв с собой. На кофейном столике даже остались чашки с кофе, к которым за долгое время так никто и не притронулся. В самом дальнем углу располагался массивный шкаф со стеклянными дверцами. Чтобы увидеть его содержимое, Джордж отважился подползти поближе, стараясь ничего не задевать своим мускулистым телом. В шкафу, на его удивление, находилось холодное оружие, довольно древнее и предназначавшееся для создания уюта. Но состояние экспонатов радовало глаз. Ржавчина не тронула ни один предмет, что прятался за тонким стеклом. Среди всей этой красоты молодой человек разглядел внушительных размеров топор. Сначала он его пропустил взглядом, но затем начал прожигать острое орудие убийства глазами.

Ему нужно оружие, это однозначно. Стальные клинки и ножи слишком малы и против пуль ничего сделать не смогут, а топор больше и тяжелее, им невозможно промахнуться. Джордж не знал, сможет ли использовать этот металлический предмет с рукояткой из крепкого дерева в действии, но с ним ему было гораздо спокойнее. Если его убьют, то он

сможет, хотя бы, дать небольшой отпор. На всякий случай Джордж взял и боевой нож. Теперь в его арсенале был пистолет с одной обоймой патронов, топор с длинной рукояткой, боевой нож и самый настоящий ужас перед неизвестностью. Что он будет со всем этим делать?

— Я не могу сидеть здесь вечно. Нужно избавиться от этих ублюдков, — прошептал Джордж и едва слышно подбежал к окну и начал, прижавшись к стене боком, наблюдать за обстановкой.

Двое из вооруженных мужчин скрылись за соседними домами, но свет их фонарей был виден даже издалека. А один из них стоял прямо под окном и спокойно смотрел по сторонам. Если Джордж издаст хотя бы малейший шум, то этот тип тут же засечет его, и бежать будет некуда.

Джордж набрал в легкие побольше воздуха и устало прикрыл глаза, слыша, как сердце бешено бьется, отчего барабанная дробь начинала кромсать уставший от потрясений мозг. Что ему делать? Сидеть до бесконечности нельзя. Они знают, что он где-то здесь. Эти парни чуют его, хотя пока не могут найти источник запаха, но это лишь вопрос времени.

Молодой человек ощущал, как ярость медленно, но верно заполняла организм, постепенно вытесняя страх. Чтобы ужас навсегда исчез из сознания, было достаточно подумать о Ломане, человеке, который стал ему ненавистнее всех людей на планете. Он начал мечтать о том, чтобы вонзить лезвие топора в его седой череп, выдернуть головной мозг наружу и растоптать подошвой своего ботинка. У него текли слюнки от одной лишь мысли об этом. И он хотел воплотить эти запретные мечтания в реальность как можно скорее. Этот старик не мог уйти далеко, колеса оставили слишком много следов, найти того будет не так уж и трудно. Нужно лишь разобраться с его людьми так, как он хотел разобраться с помощью них с ним.

— Боже, о чем я думаю? — стиснув зубы, прошипел он, понимая, что ужас окончательно свел его с ума, превратив все мысли в кипящую кашу. — Я не хочу убивать... Я не смогу...

— Ты сможешь, — прошептала Она своим заботливым старческим голосом. — Всего лишь один удар. Он даже не успеет ничего почувствовать. Вспомни, для чего ты здесь. Доктор Ломан предал тебя, предал твою семью. Отомсти же ему, жестоко и бесчеловечно. Знаю, ты жаждешь этого.

— Ты... Этот голос... Я снова слышу тебя... Почему? — сжал голову руками тот и замотал головой в разные стороны. — Я снова слышу тебя! Я не хочу... Оставь меня в покое!

Он на короткое мгновение лишился слуха, все вокруг поглотил странный гул, который молодой человек изо всех сил пытался перекричать, но тот был настолько сильным, что парень попросту перестал слышать свой голос. Но это состояние прошло так же быстро, как и началось.

Джордж не сразу осмыслил, что все это время истерично орал, не контролирую голосовые связки, словно те ему не принадлежали вовсе, и в это же мгновение его местоположение стало известно вооруженным солдатам.

— Он здесь! — раздался радостный крик снаружи, после чего послышались звуки сапог, направлявшиеся в сторону дома, где прятался Джордж все это время.

— Черт, только не это, — сквозь зубы прорычал молодой человек и прыгнул в сторону, спрятавшись за диваном, но затаиться уже вряд ли удастся.

Его нашли. И это изменить уже не было возможности. Придется вступить с этими

людьми в бой.

— Ты уверен, что слышал его здесь? — раздался один из голосов где-то на первом этаже.

— Да, черт возьми! Глянь! Следы. Он побежал на второй этаж!

Джордж сжался и, затаив дыхание, начал слушать, как трое мужчин быстрым шагом поднимались по лестнице. Стук их сапог был настолько громок, что можно по ошибке подумать, что вооруженных парней, как минимум, десять. Через короткий промежуток времени комната была озарена ярким светом фонарей, отчего создалось ложное представление о наступлении раннего утра.

— Эй, мальчуган. Выходи. Мы знаем, что ты здесь! От нас не спрячешься.

Джордж двумя руками сжал пистолет и прижался к задней части дивана еще сильнее, чуть полностью не слившись с предметом интерьера. Когда луч света начал стремительно приближаться, то у Джорджа не оставалось иного выбора как стрелять на поражение. Он не совсем отдавал отчет о своих действиях. Палец нажимал на курок практически автоматически, вынуждая пули вылетать наружу и пронзать все на своем пути. Мужчины тут же спохватились и бросились в укрытие.

Вражеские выстрелы за считанные секунды изрешетили некогда великолепный диван, но тот все так же преданно защищал Джорджа от смерти, хотя намекал, что ему здесь долго продержаться не удастся. Пули вскоре уничтожили блестящий фарфор, близстоящий торшер, оставив после всей этой аристократической красоты одни лишь ошметки. Джорджу было трудно высунуться из укрытия, чтобы сделать новые попытки для атаки, но это проворачивать все же удавалось, хотя не так часто, как противникам.

Осталось два патрона... Два выстрела. Больше сражаться не имеет смысла. Он проиграл. Джордж обессиленно опустил пистолет и прижался к полу, так как спинка дивана уже напоминала сито. Противники явно осознали, что у их жертвы не осталось средств для ведения боя, и стали постепенно выходить из укрытия, приближаясь к тому месту, где сидел дрожавший от страха молодой человек.

— Ты не можешь сдать. Эрван нуждается в тебе. Только ты сможешь его спасти, — произнесла Она снова. — Убей их. Убей каждого, кто встанет на твоём пути. Убей!

— Как? Как?! — сквозь слезы прокричал парень и вновь сжал голову руками, выжидая, когда пули врага пронзят его спину насквозь, окончательно лишив того возможности сражаться и, разумеется, жизни.

— Позволь мне взять ситуацию в свои руки. Позволь мне помочь тебе. У тебя не так много времени на размышление. Мне нужно лишь твое согласие.

— Я... Я согласен, — прошептал он.

Джордж попал в поле зрения вооруженных солдат, и те, с радостными возгласами, продолжили выстрелы, на этот раз прямо по цели, которая так долго уходила от них. Молодой человек резко поднялся на ноги и прожег врагов взглядом, совершенно не обращая внимания на то, что стая пуль пронзает его тело насквозь.

— Что за черт? — прокричал один из мужчин, с ужасом осознавая, что выстрелы совершенно не способны навредить молодому человеку. Пули просто-напросто проходили сквозь него, не причиняя парню никакого дискомфорта.

— Сваливаем! — самый крупный из них дал остальным команду отступить, и его голос был полон таким количеством паники, что остальные спорить с ним не стали.

Но было слишком поздно. Входная дверь без чьего-либо содействия закрылась и

отрезала мужчинам путь отступления. Таким же образом поступили и оконные ставни. Теперь комната полностью изолирована от внешнего мира.

— Выбивайте дверь! Это Она! Она нашла нас!

Джордж сжал в руке топор и пару раз покрутил в руке, с ухмылкой поглядывая на отчаянно пытавшихся выбраться отсюда мужчин. Один из них попытался вновь пристрелить молодого человека, но быстро понял, что из этого ничего дельного не выйдет.

Джордж замахнулся и сделал первый удар, совершенно не демонстрируя на своем лице эмоций. Струя крови брызнула на его красивое лицо, покрыв чистую кожу алыми каплями.

Джордж брезгливо выдернул топор из шеи мужчины и со спокойным выражением лица наблюдал, как наполовину лишенный головы человек падает к его ногам. Второй же продолжал стоять на месте и ждать, когда очередь дойдет и до него.

Но Джордж внезапно остановился перед ним и резко повернулся в сторону третьего, главаря, пронзив того бесовским взглядом, в котором полностью исчезли все теплые и человеческие чувства. Это был дикий зверь в облике человека, именно таким он предстал перед всеми.

Главарь этой вооруженной банды не успел моргнуть, как две пули тут же пронзили его глазные яблоки, после чего без особого труда устремились вглубь черепа. Высокорослый мужчина пару раз покачнулся на месте, после чего мертвым телом рухнул на пол, создав возле себя идеальной формы лужицу крови.

Опустив пистолет, Джордж перевел взгляд на оставшегося в живых солдата, который сжался в углу и все еще держал наготове револьвер, в котором явно не осталось патронов.

— Что ты сделаешь со мной? — прошептал он, ожидая решения молодого человека.

— Я ничего, — старческим женским голосом произнес он. — Ты убьешь себя сам.

— Пожалуйста... — взмолился тот, но уже не был в силах сопротивляться. — У нас не было выбора. Мы хотели лишь спастись... Найти выход... Дай мне уйти. Умоляю.

— Единственный выход отсюда — это смерть, — пожилая женщина полностью завладела голосовыми связками Джорджа и говорила вместо него. — Не бойся, больно не будет.

Мужчина взял из рук Джорджа боевой нож, со слезами посмотрел на него и как-то странно ухмыльнулся, словно вся эта ситуация его немного забавляет. После чего он поднес лезвие острого предмета к горлу и перерезал себе глотку с совершенно спокойным лицом.

Татьяна со всех ног бежала к спуску, что приведет ее к берегу, где, как она помнила, находился Себастьян. Она не знала, заметил ли он приблизившееся большое судно, но этот корабль навел на нее самый настоящий ужас. И дело было не в его размерах, а в том, что он причалил именно здесь. Что все это могло значить? Вряд ли это просто случайности. Такие большие суда просто так не останавливаются в безлюдном месте, должна быть серьезная причина для такого шага.

Девушка на ходу сняла с себя ненавистные сапоги, замедлявшие ее движение, брезгливо отбросила их в сторону, затем побежала по голому камню вниз, с трудом держа равновесие, так как тропинка была невероятно узкой. Если хотя бы один раз запнуться, то есть огромный риск полететь вниз и умереть от падения.

Почему она не видит Себастьяна? Он ведь должен находиться здесь! Девушка почувствовала ногами прикосновение мокрого песка и уже более уверенно побежала вперед вдоль берега, сражаясь с сильными порывами ветра, которые постепенно переходили в

самый настоящий ураган.

Море в тот же миг разбушевалось, волны поднялись до таких размеров, что могли походить на маленькие цунами. Если приблизиться к воде хотя бы на один шаг, то вряд ли удастся вернуться на сушу. Море тотчас же поглотит смелого пловца, съест с большим удовольствием, а объедки отдаст оголодавшим рыбам.

Девушка остановилась, чтобы перевести дыхание, затем стала, прищурившись, смотреть по сторонам, пытаясь найти детектива. Неужели он пошел наверх искать ее? Татьяна сделала еще пару шагов и остановилась, так как поняла, что в ее стопу вонзилось что-то металлическое и холодное. Она посмотрела вниз и увидела блестящий портсигар серебристого цвета, который был открыт, а все его содержимое вывалилось наружу. Присев, она подняла находку с земли и брезгливо отряхнула ее от разбухшего табака. Внутри оказалась черно-белая фотография. Это был симпатичный молодой человек, который стоял на фоне какого-то города и приветливо улыбался. Позади него шли солдаты, их было довольно много, и Татьяна тут же поняла, что эта фотография сделана в годы войны. Странно, что герой снимка одет в гражданскую форму. Татьяна с любопытством посмотрела на обратную сторону фотографии и увидела подпись.

«Отныне я Эрван Джефф. Зовите меня только так. Мое прошлое навсегда останется в этом снимке. И его у меня никто не заберет».

— Эрван, — прошептала она, пробуя это красивое имя на вкус. — Значит, ради тебя мы здесь... Как же твой портсигар попал сюда? Нужно будет отдать его Джорджу при встрече. Вдруг эта вещь очень ценная.

Девушка попыталась подняться, но не смогла это сделать, так как неведомая сила отбросила ее, как тряпичную куклу в сторону. К счастью, поблизости не было никаких предметов, кроме мягкого песка, отчего падение было не таким болезненным. Татьяна со стоном попыталась отойти от потрясения и с ужасом начала глядеть по сторонам, пытаясь осознать, что только что произошло.

Рядом с океанским лайнером взметнулся вверх необъятный столб воды, достигнувший шлюпочной палубы, после чего медленно стал уменьшаться, оседая на беспокойную водную поверхность. После чего послышался запоздалый звук от взрыва, и корабль сильно покачнулся, чуть не перевернувшись вверх дном. Татьяна разглядела гору обломков, плавающую в морской пучине, и поняла, что корабль был кем-то атакован. Девушка бегло пробежалась глазами по водной поверхности и заметила оставшийся пенный след от некоего объекта, что совсем недавно направлялся в сторону судна, и, что было уже очевидным, столкнулся с ним.

— Корабль был торпедирован. Что за черт? — прошептала девушка и подбежала к воде еще ближе, чтобы внимательно разглядеть детали судна.

На правой стороне корабля виднелась пробоина, довольно внушительных размеров. Затопление лайнера было неизбежным, повреждения слишком большие, оставаться на плаву такому гиганту уже не светит. Татьяна была потеряна. Она не могла понять, как ей действовать в этот момент. Никого поблизости не находилось, сообщить о случившемся не получится. Если только?.. В маяке должен находиться телефон. Она должна позвать на помощь. Возможно, судно послало сигнал бедствия, но то было таким безжизненным, что девушка сомневалась, что корабль способен на такое.

Она не услышала ни криков людей, ни новых паровых гудков, корабль молчаливо покачивался на поверхности разбушевавшегося моря и медленно опускался носом под воду,

изредка издавая жалобные стоны и скрежеты рвущегося от напряжения металла.

Когда она вновь кинулась в сторону тропы, то самопроизвольно посмотрела в сторону корабля, осознавая, что тот погружался под воду слишком быстро и будто продолжал двигаться вперед по инерции. А рядом с ним неожиданно появился небольшой объект, вокруг которого волны почему-то утихли и будто обходили его стороной. Татьяна прервала свой бег и попыталась сфокусировать зрение, чтобы увидеть этот плавучий предмет более четко. Это оказалась спасательная шлюпка. А в ней находились двое людей. Кажется, это мужчина и женщина.

— Эй! — крикнула Татьяна в их сторону. — Эй! Не двигайтесь! Я позову на помощь! Не пытайтесь приблизиться к берегу! Вы перевернетесь!

Татьяна поняла, что ее слова звучат абсурдно. Судно тонет слишком быстро. Если оно продолжит погружаться в воду с такими же темпами, то водяная воронка в тот же миг затянет спасшихся пассажиров, как крошечные песчинки. Поэтому тем необходимо отплыть от крупного корабля как можно скорее. Неожиданно ее глаза заметили еще один силуэт, болтавшийся в воде. Это был человек, мужчина. Он с большим трудом плыл в сторону шлюпки, но волны постоянно отбрасывали его обратно к берегу.

— Себастьян?! — в панике воскликнула девушка и вновь бросилась к берегу. — Себастьян! Что ты делаешь?! Возвращайся!!!

Но мужчина ее не слышал, он продолжал усердно бороться с разбушевавшимся морем и двигаться к шлюпке с двумя людьми на борту.

— Господи милостивый! — схватилась за сердце Татьяна и стала бегать туда-сюда, пытаясь привлечь внимание детектива криками, но все тщетно. Она лишь сорвала свой ангельский голос и почувствовала боль в горе. — Будь все проклято. Он же утонет!

К этому времени корабль накренился на правый борт примерно на двадцать градусов, Татьяна продолжала краем глаза наблюдать за кораблекрушением, понимая, что ничего более впечатлявшего и ужасного она в своей жизни не видела. Скрежет, звуки бьющейся посуды и падающей мебели — все настолько потрясло, что Татьяна даже на миг замерла, чтобы насладиться этим зрелищем.

— Себ! Возвращайся! Ты утонешь! Отплывай от корабля! Себ!!!

Себастьян снова проигнорировал ее. Татьяне не оставалось ничего, как броситься к мужчине на помощь. Она не могла просто так стоять и наблюдать за тем, как детектив безуспешно боролся с морской стихией. Предпринятый ею шаг был глупым, нелогичным, но иного выхода она не видела. Пока она будет бежать к маяку, судно уже утонет, потянет за собой каждого, кто плавал в этот момент поблизости. Поэтому ей нужно заставить Себастьяна вернуться к берегу и как можно быстрее. Крики бесполезны. Остается только доплыть до него. Татьяна сбросила с себя верхнюю одежду, оставшись в одном нижнем белье. И, набрав побольше воздуха в легкие, кинулась в объятия моря.

Джордж со слезами на глазах вытер лезвие ножа от крови, после чего такую же процедуру повторил и с топором. Он не брезговал вытирать бордовую жидкость о свою одежду, ибо юноша уже был с ног до головы покрыт ею. Закончив с чисткой, он обыскал тела убитых им мужчин. Рыская по карманам, он, не сдерживаясь, рыдал, до сих пор не веря, что его руки совершили такое злодеяние. Он даже не помнил, как совершал все это. Джордж просто убивал, ни о чем не думая, словно выполнял некие бытовые обязанности. У одного из солдат он позаимствовал фонарь, но на всякий случай взял и второй, так как был уверен, что

если ему удастся отыскать Эрвана, то так просто им сбежать не удастся, а один источник искусственного света будет мал для них обоих. У второго он отобрал револьвер, а в карманах у него обнаружил целых две обоймы патронов. Этот факт сильно успокоил его, так как теперь без огнестрельного оружия здесь не обойтись. Еще неизвестно, сколько парней было отправлено на охоту за ним. Если Доктор Ломан и в самом деле задумал избавиться от молодого человека, то вряд ли так просто отречется от подобной идеи. Этот человек никогда ни перед чем не отступит, Джордж понял это с самого первого дня их знакомства.

— Мне очень жаль, — извинился он перед мертвецами и, с грустью взглянув на них, направился в сторону выхода.

Мертвые вряд ли были способны ему ответить, но на их лицах будто отображалась спокойная улыбка, словно те услышали слова юноши и лишь губами сказали ему, что не злятся, что весь этот ужас позади.

Джордж всунул револьвер в кобуру, а боевой нож в чехол. А в руке оставил хорошо служивший ему топор, с которым он чувствовал себя гораздо спокойнее. Он до сих пор помнил, как лезвие этого предмета убийства вонзалось в шею одного из солдат, разрезало кожу, как кусок подтаявшего сливочного масла. Если бы Джордж замахнулся посильнее, то мог бы с легкостью обезглавить противника, но в конечном итоге лишил того головы только наполовину. Как умер третий он не запомнил, этот момент почему-то вылетел из головы. Но у того солдата в руке находился нож, принадлежавший Джорджу. Возможно, парень обронил его во время боя, а тот попросту подобрал его. Иначе объяснить этот странный факт было нельзя. Мужчина покончил с собой, перерезал себе глотку. Хотя до этого сражался с завидным усердием. Что же его так напугало? Он ведь мог дать сильный отпор. Но ни один из них это не сделал. Джордж не понимал, почему именно. Ведь юноша ничего такого не сделал, что могло бы их заставить сложить оружие и отдаться в лапы старушки Смерти.

Молодой человек вышел из дома и напоследок взглянул на окно второго этажа, вспоминая, как еще совсем недавно он стоял там и дрожал от страха. Его могли с легкостью заметить, но он выдал себя сам. Голос... Как тогда... В тот день... Он снова слышал его. Джордж не запомнил ее слов, хотя усердно пытался восстановить их в своей дырявой памяти, но от них не осталось и следа. Парень лишь помнил, что Ее фразы привели его в бешенство. И он закричал. И совершенно не контролировал эмоции. Это безумно пугало.

Странность этого места не на шутку давила на сознание Джорджа. Он мечтал побыстрее уйти отсюда, чтобы больше никогда не сталкиваться ни с чем подобным.

Юноша зажег фонарь и пронзил ночную мглу ярким белым светом. Теперь была возможность более подробно разглядеть эти дома, но их внешний вид уже не особо занимал внимание молодого человека, как в первый раз. Теперь они воспринимались, как горы мусора, не более. Лишь сохранившиеся фонарные столбы были более-менее интересными. Один из них из-за света фонаря даже заблестел, отчего Джордж на секунду подумал, что тот неожиданно решил зажечься и осветить желтоватым сиянием мертвую улицу.

Внезапно где-то позади раздался отдаленный звук, напоминавший взрыв мощной бомбы. Джордж в испуге обернулся, пытаясь понять, что он только что услышал, но все резко стихло. Шум явно доносился со стороны моря. Но вернулась гробовая тишина, и молодой человек начал верить, что ему этот громкий звук просто показался.

Сжав фонарь в руке крепче, он медленно пошел вперед по следам от шин автомобиля.

Татьяна осознала, что ей практически не удавалось дышать, так как все тело было от

мозга до костей скованно холодом морской воды. Температура крови стремительно опускалась к нулевой отметке, и через пару минут девушка поняла, что практически не чувствует себя, словно просто парит в невесомости, отделившись от своего тела. Но постепенно Татьяна стала ощущать жар, сравнимый с теми чувствами, что испытывает кусок мяса в кипящей воде. Она горела в буквальном смысле этого слова. Хотелось кричать от боли, но из-за холода голос пропал, и девушка просто молчаливо пыталась бороться за жизнь, проклиная себя за то, что осмелилась пойти на такую глупость.

Возомнила себя героем, орала она на себя в мыслях. У нее нет никакого шанса долго держаться над поверхностью воды. Волны были слишком большими, любая из них может врезаться в крошечное тело молодой особы и утянуть в царство Посейдона. Но, к счастью, Татьяна пока имела в себе силы, чтобы бороться с разбушевавшимся морским течением.

«Лузитания», это название Татьяна прочитала только что, до этого она совсем не задумывалась над тем, какое имя носил этот тонущий корабль. И сразу же всплыли воспоминания, в голове раздался голос Себастьяна, который рассказывал о своей погибшей семье: мать и брат, оба погибли на «Лузитании» в 1915 году, четыре года назад. Девушка ахнула, с ужасом глядя на гигантский корабль, который кренился на бок все сильнее и сильнее.

Уже была возможность разглядеть винты, что показались из воды и продолжали подниматься все выше и выше вместе с кормой. Звуки погрома внутри корабля усилились. Мебель не была в силах стоять на положенном месте и скатывалась вниз в сторону носовой части судна, сметая все на своем пути. Девушка даже замечала, как в некоторых местах бились стекла, вылетая из оконных рам, после чего у воды появлялась возможность проникнуть в судно еще глубже.

— Себастьян, — попыталась позвать детектива Татьяна, но голос полностью пропал, и из ротовой полости вырвался лишь тихий хрип. — Вернись! Вернись!

Шлюпка продолжала разгонять вокруг себя волны, будто некто одел на нее сверху защитный купол, способный защитить от любой бездны. Выжившие пассажиры с теплой улыбкой на лице смотрели на Себастьяна и как-то странно тянули к нему свои руки, словно пытались до него дотянуться, но понимали, что это невозможно.

— Мама! Кристиан! — внезапно прокричал Себастьян и начал в ярости бить кулаками по воде. — Я спасу вас! Я не брошу, никогда! Я все исправлю!

— Сынок, слишком поздно, — до Татьяны донесся голос женщины в лодке. — Нас уже нельзя спасти. Мы тебя очень любим. Живи. Ты должен жить.

— Мама! Нет! Кристиан, вы должны взять весла! Гребите к берегу. Я помогу вам! Гребите.

Мужчина в лодке лишь отрицательно покачал головой и с грустью взглянул на Себастьяна, словно пытаясь что-то сказать.

— Себастьян! — Татьяна смогла пересилить себя и издать более-менее приличный крик, хотя хрипота в голосе никуда не делась. — Корабль. Он тонет.

Себастьян услышал девушку и обернулся, после чего на его лице возникла удивленная маска со смесью непонимания.

— Татьяна?! Как ты здесь оказалась?.. Помоги мне. Это моя мама и брат. Мы... Мы должны вытащить их.

— Они умерли, Себ... — Татьяна сделала очередную попытку подплыть к нему, но волны вновь и вновь отбрасывали ее к берегу. — Это все не на самом деле.

— Мама, — Себ пропустил слова девушки мимо ушей и, плача, взглянул на шлюпку, где сидела его семья.

Он любовался своей матерью, женщиной, завернутой в теплое махровое одеяло, с помятой мокрой шляпой на голове, поплывшим макияжем. Она была красива, со всеми заметными недостатками. И смертельно бледна, словно в ее организме больше не было крови, нечто полностью высушило женский организм. Женщина была спокойна, умиротворена. Она лишь улыбалась, нежно и заботливо, словно ничего ужасного сейчас не происходило.

Кристиан был в своем любимом костюме, Себастьян помнил этот забрызганный кофе пиджак, широкую забавную бабочку, сдавливавшую его горло. Брат казался таким родным и любимым, что детектив начал мечтать вновь обнять его, как тогда, перед тем, как отправиться на фронт. Кристиану в тот год было всего пятнадцать лет, но уже тогда он был видным молодым человеком, самым настоящим джентльменом.

И сейчас... Самые дорогие ему люди... Находятся всего лишь в десяти метрах от него. И он не может до них дотянуться. Они стали не достигаемы.

— Мы тебя любим, — улыбнулась мама и медленно отвернулась от Себастьяна, устремив свой спокойный взор на умирающее судно.

Кристиан впервые за этот промежуток времени посмотрел на Татьяну и как-то странно улыбнулся девушке, словно ее присутствие его немного смутило. Девушка даже окинула себя взглядом, пытаясь понять, что этого юношу так смутило в ней, но потом осознала, что она бултыхалась здесь в одном нижнем белье, которое было такое тонким, что затвердевшие соски с легкостью просматривались через бюстгальтер. Кристиан спокойным движением руки взял весло и оттолкнул лодку, начав крести в сторону терпящего бедствие судна.

— Кристиан, что ты делаешь?

— Мы возвращаемся домой, брат, — ответил он и начал вместе с матерью неотрывно любоваться «Лузитанией», не обращая внимание на крики Себастьяна, который уже, что было видно невооруженным взглядом, окончательно потерял рассудок.

Следы от автомобиля привели Джорджа на пустырь, где сплошь и рядом была лишь мертвая почва и различный человеческий мусор, состоявший из сгоревших машин и сломанной мебели. Брезгливо поводя фонарем из стороны в сторону, он глубоко вздохнул, так как понял, что он потерял нить, способную привести его к Доктору Ломану.

Где-то вдали раздался крик вороны, он был таким глухим и одиноким, что парень почувствовал непривычную нервозность, которую испытываешь перед тем, как с тобой случится нечто весьма неприятное. Молодой человек вздохнул и сел на голую землю, поджав под себя ноги.

Вот и все. Его путь окончен. Пути отступления перекрыты.

Ему хотелось плакать, навзрыд, впервые за столь продолжительный промежуток времени. Он боялся, устал, тело ныло от изнеможения. До невозможности хотелось пить и есть, а поблизости не наблюдалось ни одного места, где могла бы заваляться хотя бы парочка консервов. Молодой человек даже подумывал вернуться в тот заброшенный поселок, но тот был уже далеко позади. Пока он будет возвращаться назад — умрет от голода и жажды. Уж лучше окочуриться здесь, чем в той влажной болотистой местности.

Молодой человек выключил фонарь и положил свою голову на согнутые колени, после чего осознал, что начал плакать, по-настоящему. Он не стеснялся этого, не стыдился,

эмоции так долго терзали его душу, что хотелось выплеснуть их наружу сполна, вместе со слезами. Парень чувствовал, как его лицо стало невероятно грязным, слезы смешались с кровью, создав на коже твердую маску, которая неприятно царапала лицо. И снять ее в ближайшее время будет невозможно.

— Почему? — спросил он темноту.

Он резко сел на колени и запрокинул голову, устремив свой взгляд на усеянное звездами небо.

— Этого не должно было случиться!!! Нет!!!

Джордж в сердцах стал бить кулаком правой руки по земле и делал это до тех пор, пока рука не начала истекать кровью, особенно в тех местах, где отсутствовали пальцы. Он давно не испытывал на месте отрезанных конечностей боль, и теперь она была такой приятной и желанной, что Джордж почувствовал некое облегчение.

Парень обессиленно лег на землю и закрыл глаза, желая лишь одного — снова почувствовать спокойствие и умиротворение.

Себастьян продолжал надрывистым голосом звать свою семью, но те словно находились в некой изолированной капсуле, что не могла пропустить через себя ни один звук с внешнего мира. Шлюпка медленно уходила в сторону терпящего бедствие судна и, по всей видимости, собиралась разделить вместе с ним злополучную участь. Этот сценарий совсем не беспокоил пассажиров спасательной лодки, наоборот, они будто стремились погрузиться на дно вместе с железным гигантом. И это невероятно сильно пугало детектива, который окончательно обезумел от всего происходящего. Татьяне начинало казаться, что мужчина уже готов рвать на себе волосы и царапать лицо — настолько сильно ужас парализовал его тело и сознание.

Разразившийся шторм постепенно начал утихать, на воде стало держаться значительно легче. Вода даже стала чуточку теплее, хотя Татьяна была уверена, что тело попросту привыкло к холоду. Из-за сгустившегося тумана звуки крушения корабля стали менее распространенными, словно их всех поместили в бочку огромных размеров. Создавалось некое представление, что звуки стонавшей стали, ломавшихся предметов интерьера, бьющихся стекол и посуды раздавались со всех сторон, танцевали некий невидимый хоровод, который с каждым разом становился все уже и уже.

Татьяна издала невольный стон, пытаясь подплыть к Себастьяну ближе, но быстро осознала, что перестала чувствовать ноги, те наотрез отказались подчиняться и стали такими тяжелыми, будто конечности обмазали гипсом, который от прикосновения морской воды затвердел. Но девушка не желала сдаваться, она гребла вперед с помощью рук, крича от боли, что доставлялась ей от малейшего движения. Тело рыдало, кричало от холода, который время от времени сменялся жаром. Перепады температуры в организме были настолько высоки и резки, что Татьяна отчетливо ощущала, как кровь в ее жилах то плавится, то моментально кристаллизуется. Из рта каждый раз вырывался густой сгусток пара, на короткое время не дававший увидеть, что находилось впереди. К счастью, туман был где-то впереди и не висел над этим куском водной поверхности, иначе бы девушке пришлось плыть практически на ощупь.

Себастьян запрокинул голову назад и неподвижно стал покачиваться на волнах. Глаза мужчины были закрыты, и это немного встревожило Татьяну, так как она в этот момент подумала, что детектив потерял сознание от болевого шока, доставляемого холодом морской воды.

Теперь девушка поняла, что вода теплее не стала совсем, а наоборот, лишь усилила свою мерзлость. Татьяна не знала, какая у моря температура, но если чуть выше нуля, то они обречены. В такой воде они продержатся не больше пятнадцать минут. А прошло уже около десяти с того момента, как она прыгнула в воду. Себастьян находился здесь значительно дольше. Если его сейчас же не вытащить, то последствия будут ужасными.

На мужчине было слишком много одежды, она замедляет любое движение в воде и утяжеляет тело. Нужно попытаться ее снять, а потом быстро направиться в сторону берега. Главное, успеть до того, как корабль начнет стремительно уходить на дно. Вода уже доходила до шлюпочной палубы, крен был слишком большим, корма довольно высоко высунулась из воды, отчего представилась возможность разглядеть позолоченные винты со следами ржавчины более отчетливо, и они поражали воображение своими размерами. Если хотя бы одно живое существо попадет под них, когда те совершают оборот, то от бедняги ничего не останется. Татьяна помнила из газет, что такое случилось во время крушения «Британника», судно подорвалось на миле, и брат-близнец «Титаника» затонул за считанные минуты. Девушка помнила те строчки, где очевидцы рассказывали о шлюпке, попавшей под работавшие винты. Судно не было остановлено и продолжало плыть даже после того, как оно начало тонуть. От пассажиров лодки остались лишь ошметки. Наверное, это было чудовищное зрелище.

Татьяна стремительно сократила расстояние между ней и Себастьяном, затем с радостным стоном схватила мужчину за рукав его рубашки и потянула того на себя, как ценный груз, добытый на корабле пиратов. Девушка обхватила детектива за шею левой рукой, а правой стала раздевать мужчину. Это делать было невероятно трудно, так как их холодные тела так и норовили пуститься на дно. Татьяна через силу двигала онемевшими ногами, которые, наконец-то, согласились послужить своей хозяйке. Она обнажила торс Себастьяна, отчего тело мужчины стало значительно легче. Как он вообще додумался прыгать в воду в одежде? Снимать брюки и ботинки уже не предоставляется возможным — у Татьяны не хватит сил это сделать. Нужно плыть к берегу.

— Себастьян, давайте, — ласково прошептала она мужчине, стараясь прижимать его обездвиженное тело к себе как можно крепче. — Помогите мне. Вы сможете. Мы должны выжить.

Но мужчина ей не ответил. Он был таким бледным, что Татьяна на короткий миг подумала, что он мертв, но, к великому счастью, она прощупывала его слабый пульс, и это заставило ее онемевшее тело плыть намного быстрее, преодолевая холод и жуткую боль.

«Лузитания» издала громкий визг, созданный взрывающимися котлами где-то в недрах судна. Судно стало крениться на правый борт с завидной скоростью. Из-за ускорившегося потопления корабль создал крупную волну, которая в одночасье накрыла Татьяну и Себастьяна с головой, но девушка смогла удержаться на плаву и из последних сил вынырнула, не смея отпустить тело мужчины.

Послышались звуки рвущихся тросов. Татьяна в ожидании замерла на месте и стала смотреть за тем, как закрепленные объекты на корабле срываются вниз. Не спущенные шлюпки одна за другой срывались в пропасть и разбивались о твердую поверхность воды. Затем раздался омерзительный металлический скрежет, и одна из дымовых труб стала молниеносно наклоняться в сторону, после чего рухнула вниз, создав огромный столб ледяной воды. За первой трубой последовали и остальные. Тросы рвались, как нити для кройки и шитья, не в силах сдерживать тяжелые цилиндрические строения из стали. И одна

из труб упала прямо на шлюпку, где сидели мать и брат Себастьяна. Татьяна даже не успела вскрикнуть от потрясения, так как это произошло настолько быстро, что не было возможности адекватно среагировать на данное происшествие. Слава богу, что Себастьян не увидел этого. Иначе бы его сердце просто не выдержало.

«Лузитания» тем временем стала тонуть, как камень. Вода с неутолимым голодом поглощала палубы одна за другой. Татьяна не могла понять, почему судно погружается в воду полностью, ведь Себастьян говорил, что здесь очень мелко. Но корабль тонет так, словно под ним находятся километры водного пространства. Девушка уже не могла воспринимать все происходящее реально, все было таким невероятным и фантастическим, что ей оставалось только наблюдать, не думая о чем-то, что может поддаться логическому объяснению. Это происходит, она это видит. Больше ей знать и понимать не хотелось.

Корабль полностью скрылся под водой через пару минут, за все это время девушка, не отрываясь, наблюдала за всем этим действием, совсем забыв, что им нужно срочно отплывать к берегу. На месте судна образовался огромный купол воды, который быстро взорвался и рухнул обратно в море, оставив после себя лишь пенявшийся бульон из обломков. Воронка не достигла девушки и детектива, что было удивительно, если учитывать, каких размеров было судно. Но Татьяна уже перестала чему-либо удивляться. Все, что сейчас произошло, было таким бредом, что удивление будет забавной эмоцией в данный момент.

Теперь плыть к берегу было намного легче. Волны полностью стихли, ветер исчез, а туман рассосался за пару секунд, осветив ясное небо, украшенное практически полностью скрывшимся за горизонтом солнцем. Татьяна сильно удивилась резкой сменой времени суток, так как еще полчаса назад дневное светило висело высоко над землей, а теперь внезапно упало в море. Когда они добрались до берега, была уже глубокая ночь. Татьяна практически ничего не видела перед собой и двигалась вперед на ощупь.

Она вытащила Себастьяна на сушу и обессиленно упала рядом с ним, пытаясь восстановить дыхание. Девушка впервые почувствовала прикосновение чего-то теплого, чем оказался августовский слабый ветер. По телу стала расплзаться кровь, отчего под кожей ощущалось неприятное покалывание, будто в девушку тыкали иголками.

Небо было таким чистым и чересчур сказочно усеяно звездами, что Татьяна совсем забылась и стала любоваться небосводом, наслаждаясь тем, как ее тело постепенно оживает после смертельных ран, что нанесла ей ледяная морская вода.

— Папа, я вижу тебя, — прошептала она и закрыла глаза, не совсем осознавая, что ее организм погружается в глубокий мертвый сон.

Джорджа привели в чувства странные горячие прикосновения к его лицу. Нечто мокрое и вязкое исследовало его губы, нос, закрытые веки, тщательно слизывая кусочки засохшей грязи и запекшейся крови. Молодой человек слегка улыбнулся, так как ощущения от этого процесса сопровождалась щекотливостью, и с трудом открыл глаза, пытаясь уберечь глазные яблоки от незапланированной чистки. На него свысока глядела крупная доброжелательная мордочка некоего существа, парень был так изнеможен, что не сразу осознал, кто перед ним находится. Такое неведение даже рассмешило юношу, ибо начинало казаться, что он попросту сошел с ума и лишился дара мыслить и владеть воспоминаниями о мире вокруг него. Было чувство, что Джордж проснулся младенцем, который видел окружающее его пространство в первый раз в жизни. Но разум быстрыми темпами возвратился к нему.

Это была лошадь. Она, заметив, что человек смотрит на нее с недоумением, застенчиво

отступила на пару шагов назад и, виновато опустив голову, стала грести передним копытом по земле, будто таким оригинальным образом извинялась перед Джорджем.

— Как ты здесь оказался, дружок? — удивленно спросил у существа тот, но лошадь лишь спокойно фыркнула, будто улыбаясь молодому человеку.

Юноша оглядел лошадь беглым взглядом и выяснил, что это был конь, обладавший довольно внушительной мускулатурой. Возможно, он участвовал в скачках, о чем говорили имевшиеся у него седло и уздечка. Этот конь не бродит здесь просто так, как какое-то дикое животное, у него имеется хозяин. И, судя по состоянию его экипировки, его владелец состоятельный человек. Существо было наделено белоснежной гривой. Шершавая кожа покрывалась незаметными черными пятнышками, но в целом тоже была белого цвета. Такого коня во тьме не потеряешь. Джордж ласково погладил жеребца по голове и был вознагражден довольным фырканьем.

— Ты потерялся? Представляешь, я тоже. Совершенно не знаю, куда мне идти и что делать дальше. Еще никогда в своей жизни я не чувствовал такого опустошения. Так что мы с тобой братья по несчастью, — вздохнул Джордж и усталым взглядом осмотрел окрестности.

Повсюду было так же темно, как и прежде, хоть глаз вырви. Лишь звездное небо хотя бы немного развеяло надоевшую мглу и подсветило землю синеватым свечением. Но их яркости было недостаточно, чтобы сделать область видимости больше. Все равно без фонаря отсюда далеко не уйдешь.

Неожиданно конь тихо заржал и ткнул своей горячей мордочкой в бок парню, будто хотел, чтобы тот на что-то обратил свое внимание. Джордж удивился поведению животного и с непониманием посмотрел на него, пытаясь осмыслить, что тот хотел этим ему сказать. Конь явно заметил, что человек не понимает его слов, поэтому он начал тыкаться носом сильнее, словно желал, чтобы парень повернулся куда-то в сторону. Джордж не стал противиться и услужливо посмотрел налево, тем самым удовлетворив странное создание с белокурой гривой.

Конь обратил его внимание на слабый желтоватый свет вдалеке. Он явно исходил из окна какого-то дома, что находился на окраине заброшенного поселка. Добраться туда будет непросто, но если сделать это верхом на коне, то получится гораздо быстрее. Возможно, там он найдет помощь. Хотя Джорджа терзали опасения, что в том доме могут находиться люди Доктора Ломана. Если это так, то он самовольно прискачет в их логово и добровольно сдастся им, а те, в свою очередь, осуществят его казнь, как и хотели. Молодой человек уже не знал, что происходит, не понимал, из-за чего на него открыли самую настоящую охоту, желали убить, как какую-то зараженную скотину. Но факт оставался фактом. Человек, которому он доверял, оказался его врагом. И это уже нельзя изменить или опровергнуть. Доктора Ломана уже ни что не оправдает. Даже близость к семье Джорджа.

Этот старик вернулся в жизнь молодого человека не просто так, юноша это понял в первый день их встречи после долгого расставания. В последний раз он видел этого мужчину в тысяча девятьсот тринадцатом году, за месяц до того, как мать Джорджа покинула этот свет. Тогда Джорджу было всего лишь шестнадцать лет, и ему пришлось узнать, что это такое, когда рядом нет никого, кто мог бы тебе помочь. В один год он лишился семьи, а еще через два попал на фронт, осознавая, что дома его уже никто не ждет. У него не было желания возвращаться на гражданку, в мирное время, ибо не осталось цели, желания там быть, ведь там он снова будет одинок и всеми забыт. А на фронте парень был хотя бы кому-

то нужен. Особенно его двум товарищам, Дмитрию и Константину. Те просто обожали Джорджа, даже осмеливались называть его родным братом и хотели, чтобы их дружба продлилась до окончания жизни. Они не говорили, когда их существование оборвется, произойдет ли это здесь. Им наверняка хотелось, чтобы длительность жизненного пути продлилась как можно дольше.

Дмитрий был единственным человеком в отряде Джорджа, кто умел говорить по-русски. Большинство русских бились намного дальше от того места, где служил Джордж, но иногда к ним подкидывали русскоговорящих ребят, что всегда радовало, ибо молодой человек был зависим от говорения на русском языке, как в глотке чистой воды. С родителями он почти всегда общался только на русском, но те желали, чтобы Джордж владел английским и французским в совершенстве, общался на этих языках, как на своем родном. Мать обучила его этим знаниям, дала намного больше, чем парень получил в школе. Обучался он в заведении для англоязычных ребят и трудностей с этим, к счастью, не испытывал. Но на русском парень желал говорить намного больше, этот язык был в его понимании лучше, красивее, совершеннее.

К сожалению, чем старше Джордж становился, тем сильнее отдалялся от русскоязычных корней. Когда в России случилась октябрьская революция, а к власти пришли большевики, парень разочаровался в родине, где долгую жизнь прожили его близкие. Сам он в России никогда не был, по крайней мере, не помнил об этом, но побывать там мечтал всегда. А когда свергли императора, то желанию поехать туда пропало. Хотя он не перестал любить это государство, русский язык. Но появилось что-то вроде обиды на русских, которые уничтожили все, что сами строили целые века. Теперь это была другая страна, с другими понятиями и принципами, что были ему чужды.

Дмитрий же принял революцию, хотя прямо старался Джорджу об этом не говорить, так как понимал, что его эта тема довольно сильно злит и беспокоит. Поэтому они общались о былом, говорили о той России, которая была до войны. Они были знакомы всего лишь год, но стали неразлучны.

Потом к ним присоединился Константин. Это был долговязый толстяк французских корней, большой любитель выпить. Джордж мало знал о нем, а спросить побольше не решался, ибо понимал, что тот не любит рассказывать о чем-то подобном. В основном, он говорил о политике, о всяких бытовых пустяках, о женщинах. У него всегда были в запасе эротические фотографии молодых особ, этим тот хвастался практически каждому, с кем ему удавалось заговорить. Один раз Джордж поймал Константина, когда тот пытался продать часть фотографий какому-то офицеру. Сделка, на удивление, состоялась. И продавец эротики получил заветную большую порцию горячего супа, хотя до этого он плотно пообедал. Его не интересовали деньги, это Джордж понял сразу же. Но за еду он убьет даже свою мать, это даже не поддавалось сомнениям.

В целом, с ними ему служилось легче, стало не так одиноко и грустно. После смерти родителей парень замкнулся в себе, оборвал все связи с людьми, которых знал. Даже отказался от ухаживаний девушки, которую тот знал еще со школы. Это была Елизавета, высокая блондинка с длинными вьющимися волосами. Возможно, между ними была какая-то любовь, искра. Пару раз они даже занялись сексом в дали от города, куда любили ездить на велосипедах. Какое-то время Джордж даже хотел сделать ей предложение. Но когда скончалась мать, все чувства к Елизавете улетучились. По самой странной причине. Девушка очень сильно переживала, страдала. Пыталась вернуть молодого человека всеми силами, но

не смогла. Перед тем, как уйти на фронт, Джордж заглянул к ней, чисто из вежливости. И попросил прощения. Ему не хотелось, чтобы та ненавидела парня остаток своей жизни. Она дала ему слишком много тепла и любви, чтобы вот так просто оттолкнуть ее, как что-то надоевшее и ненужное. И она простила его. Легко и без лишних слов. Даже сказала, что ждет его в любое время дня и ночи, если тот захочет увидеть ее или нуждается в помощи.

Когда Джордж вернулся в Англию вместе с Эрваном, то подумывал навеститься к ней, чтобы попросить временного жилья. Но чувство собственного достоинства не позволило ему это сделать. И с тех пор он не видел Елизавету ни разу. Хотя часто думал о ней, когда становилось грустно и одиноко. Возможно, сейчас она вышла замуж, родила детей и обрела то счастье, которое не смогла получить рядом с Джорджем. Юноша верил в это.

Он часто рассказывал Дмитрию о ней, а тот лишь удивленно приподнимал брови, явно осуждая выбор молодого человека.

— Ты должен ненавидеть себя, — говорил русскоязычный друг. — Ты добровольно отказался от самого настоящего счастья. Виктор, ты самый странный парень, которого я когда-либо знал. Хотелось бы назвать тебя придурком, но ты мой друг, и я уважаю тебя, как человека. Каждый сам в праве выбирать, кого любить и с кем жить. Но часто люди сами не понимают, чего хотят. Отказываются от тех вещей, что могут осчастливить их до конца жизни.

Дмитрий же был обручен, в России его ждала прелестная особа с красивым именем Мария. Дима мало о ней рассказывал, будто жадничал поделиться ее совершенным образом с кем-либо. Но Джордж и не интересовался этим, ему было совершенно неинтересно слушать подобные темы. Любовь на тот момент времени стала для юноши чем-то далеким и неосязаемым.

Вскоре начались серьезные неудачи на фронте, они терпели поражение одно за другим, немцы продолжали наступать, потери вызывали страх и слезы. Их становилось все меньше и меньше, командование превратило отряд Джорджа в пушечное мясо и перестало бороться за жизнь своих солдат. Каждый день привозили новых людей, а трупы изредка даже не собирали, оставляли гнить на поле боя. Летом запах мертвечины просто сводил с ума, а зимой стало значительно легче, ибо тела пахли не так сильно.

Дмитрия убили за неделю до того момента, как Джордж был отправлен на расстрел. Немецкая граната разорвала его тело на мелкие куски. Джордж видел это собственными глазами, взрыв произошел в пяти шагах от него. Молодой человек чудом остался жив, но ошметки товарища испачкали его с ног до головы. И тогда его боевой дух пошатнулся. Новое убийство врага окончательно лишило его храбрости, уверенности в собственных силах и действиях. Он лишил жизни совершенно молодого немецкого солдата, которому еще не было восемнадцати. И этот момент юноша помнит до сих пор, словно это произошло только что. После этого он не убивал никого, поклялся себе, что не сделает это даже под пыткой. И сегодня ночью он предал самого себя, не сдержал данное им слово. Снова убил...

Константин увидел, что с его другом что-то не так довольно быстро. Этому человеку не нужно было рассказывать о чем-либо, тот сам догадается, в чем суть дела. В тот день он раздобыл ящик водки. Видимо, опять продал кому-то из командования свои эротические фотографии. Джордж до этого старался спиртного не пить, но в те минуты его остановить было трудно. К ним присоединилось еще несколько бойцов, и они опустошили едва ли не половину бутылок со спиртным напитком. Константин неожиданно для всех заговорил о смерти. Сказал, что шансов выжить практически нет.

— Сегодня или завтра немецкая тварь нас прикончит, — его язык заплетался, но понять, что он говорит все еще было можно. — Мы можешь освободить себя сейчас. Лишить мучений. Раз и навсегда. Кто со мной?

Джордж до сих пор думал над тем, как бы повернулась его жизнь, если бы он тогда не согласился на предложение Константина. Возможно, его бы убили в ходе очередного боя, но была вероятность, что он остался бы жив и успешно прошел войну, стал бы тем, кем он уже никогда не станет.

Но Константин был прав. В тот день они действительно освободили себя. Но мучений не лишились. Они преследовали до сих пор. Джордж не знал, остался ли Константин в живых. Его тела он не видел. Даже если он не мертв, успешно ушел с фронта, то вряд ли сильно изменился. Этого человека поменять было невозможно, даже если очень захотеть.

Джордж скучал по ним. По Дмитрию, по Константину — по своим родным братьям, как он их до сих пор называл. Они спасли его, хотя сами не подозревали этого. Подарили шанс на жизнь. Но смог ли Джордж воспользоваться этим шансом? Стала ли его жизнь после войны лучше?

Джордж не был уверен.

Он добрался до того дома минут через десять и остановился в пятидесяти метрах от него, опасаясь тех, кто находился внутри покосившегося одноэтажного сооружения. Поблизости не было ни единого дома, до заброшенного поселка еще скакать и скакать. Хижина одиноко возвышалась над безжизненным пустырем и дрожала от малейшего дуновения ветра. Дом был огорожен невысоким забором, но через него перепрыгнуть не составит труда.

Молодой человек приказал коню оставаться здесь и тот послушно поскребся копытом о землю. Джордж перевел дыхания и осторожно направился в сторону дома. Пришлось идти вприсядку, чтобы лишний раз не показывать жителям этого дома, что он здесь. Окна плотно задернуты шторой, поэтому увидеть, что находится внутри, пока было невозможным. Парень на всякий случай вытащил револьвер из кобуры. Топор он прикрепил к седлу лошади, посчитав, что тот ему пока не понадобится. С огнестрельным оружием передвигаться гораздо легче, да и вступать в бой с противником с помощью этого орудия убийства куда эффективнее. Но Джордж надеялся, что на сегодня убийства закончатся. Он уже ненавидел запах крови на своем лице, желудок так и норовил вывернуться наружу.

Парень обошел дом по кругу и все же нашел окно, которое было задернуто шторами не полностью. Посмотрев по сторонам и убедившись, что поблизости нет никого постороннего, он стал изучать, что находится внутри хижины. Открывался обзор на просторную комнату с камином, у которого стояло два кресла. В них спало двое людей. Мужчина и женщина. Их лиц молодой человек пока не видел, так как те сидели к нему спиной. Но через короткое время мужчина повернул голову слегка на бок, и Джордж смог разглядеть его черты лица.

— Эрван, — чуть не прокричал он, поняв, что признал в том спавшем мужчине своего друга.

Он с трудом боролся с желанием выбить голой рукой стекло и стрелой запрыгнуть в дом. Но пока ясный рассудок все еще был при нем. И Джорджу удалось себя немного успокоить и заставить сконцентрироваться. Нужно найти более продуманный способ проникнуть в дом.

Джордж еще раз вприсядку обошел хижину и остановился около входной двери. Та была

такой хлипкой и ненадежной, что любой порыв ветра сможет сорвать ее с петель. Парень попытался толкнуть ее и, на свое удивление, обнаружил, что дверь все это время была не заперта. Но войти внутрь он пока не решался, так как опасался, что здесь может быть кто-то третий, кто явно не стерпит приход незваного гостя.

Джорджа выставил пистолет перед собой и медленно перешагнул через порог, оказавшись в согретой огнем гостиной. Внутри дом выглядел куда красивее, чем снаружи. Было прибрано, даже немного уютно. Значит, здесь люди живут уже не первый день.

— Эрван, — осторожно позвал он спавшего друга, понимая, что его голос предательски дрожит, а губы от волнения полностью пересохли и чуть не слиплись между собой.

Тот немного поморщился во сне, затем быстро распахнул большие голубые глаза и с удивлением уставился на объявившегося гостя, явно не понимая, кто перед ним находится.

— Джордж? — прошептал он, не сдвинувшись с места.

Джордж не выдержал расстояния между ними и бросился к нему, заключив в объятия. Он только сейчас понял, как соскучился по теплу его тела, как проголодался по его бархатному голосу и потрясающе красивым глазам. Молодой человек сжал лицо Эрвана в ладонях и стал с забавной тщательностью изучать его, будто все еще не верил, что тот находится перед ним.

Тем временем Анна тоже пробудилась и с испугом посмотрела на незнакомого ей юношу.

— Кто вы такой? — спросила она и попыталась подняться с кресла, чтобы, скорее всего, найти средство для защиты, но Джордж моментально остановил пожилую даму, наставив на нее огнестрельное оружие.

— Только попробуйте что-либо сделать, мадам. Я убью вас и не пожалею патрона.

— Джордж, что ты, твою мать, делаешь? — с недоумением посмотрел на него Эрван и движением руки заставил Джорджа опустить револьвер. — Все хорошо. Она на нашей стороне. Анна хотела лишь помочь.

— Вы работаете на него? — Джордж резким движением оттолкнул руку Эрвана и вновь наставил на женщину пистолет. — Отвечайте!

— Да, я знакома с Доктором Ломаном, — на удивление, она сразу же поняла, о ком спрашивает у нее ворвавшийся в их дом гость.

Джордж прикусил нижнюю губу, и Эрван заметил, что зрачки молодого человека пугающе сузились, а указательный палец молниеносно стал нажимать на курок.

— Ты спятил? — Эрван резко вскочил с кресла и встал между ним и Анной. — Опустит пистолет. Что ты творишь, черт возьми?

— Доктор Ломан приказал своим людям убить меня. Полчаса назад меня чуть не прикончили. Я чудом остался жив. Пришлось убить их всех, чтобы иметь возможность стоять здесь.

— Доктор Ломан?.. — с долей страха и удивления в голосе переспросила Анна. — Нет, он не мог этого сделать. Чарльз хотел лишь помочь тебе и Эрвану.

— Я до сих пор ощущаю присутствие этой помощи. Так и чувствую, как эта помощь вместе с выстрелом дробит мой череп.

— Но... — попыталась что-то сказать Анна, но резко смолкла, вновь опустившись в кресло. Она явно была шокирована словами молодого человека.

— Мы должны уходить отсюда, — Джордж взял Эрвана за руку и потянул в сторону выхода, но неожиданно получил сопротивление.

— Нет, Джордж. Я не могу уйти.

— Эрван, послушай, здесь нельзя оставаться. Эти люди крайне опасны.

— Я не понимаю. Доктор Ломан хотел помочь мне.

— Он уже помог, — снова схватил его за руку тот и почти насильно потащил к выходу, но тут на их пути возникли две мужские фигуры.

Джордж почти рефлексивно наставил на них свое оружие и не собирался опускать ни при каких условиях. Он снова увидел лицо этого человека, спокойное, отвратительно улыбочное. Джордж еще вчера верил ему, считал, что может считать его близким человеком, почти родственником. Но сейчас он мечтал спустить курок, разнести голову этому старику на кусочки. Пока Джордж сдерживал себя, но осознавал, что продержится недолго. Ярость была слишком высока.

— Виктор, мой мальчик. Как я рад, что нашел тебя. Я уже не знал, что делать, — слишком спокойным и добродушным тоном произнес Ломан и попытался сделать шаг навстречу юноше.

— Только попробуй подойти ко мне, ублюдок. Я выстрелю. Можешь не сомневаться, — прорычал Джордж.

— Все совсем не так, как ты думаешь, — Ломан все так же был спокоен, но на этот раз в нем чувствовалась странная доля сожаления, что немного удивило Джорджа и сбило с толку.

— Мне было достаточно увидеть, чтобы понять. Я не знаю, чего ты хочешь, но твоим планам сбыться не удастся... Ведь ты вернулся в мою жизнь не просто так. У тебя была четкая цель. И ты ее почти получил.

— Я не смогу тебе объяснить все в такой обстановке, Джордж. Но хочу, чтобы ты мне дал шанс высказаться.

Рядом с ним стоял высокий мужчина в плаще с огромным капюшоном, что почти полностью скрывал его лицо, оставляя в поле видимости лишь подбородок вместе с губами, которые почему-то изобразили ухмылку. Джордж не знал, имеется ли у этого странного типа оружие, поэтому старался приглядывать за ним так же внимательно, как и за Ломаном.

— Твоя мать была мне очень дорога, ты уже знаешь об этом. Я ее любил, по-настоящему любил... Я помог ей уехать из России, но есть то, что я тебе соврал. Не хотел, чтобы ты узнал правду раньше времени. Но теперь у меня не остается другого выбора.

— Я не хочу это слушать, — отрезал тот.

— Но я настаиваю, Виктор. Уверен, услышанное заставит тебя опустить пистолет.

— Даже не надейся.

Доктор Ломан печально вздохнул и опустил голову вниз, явно подбирая нужные слова. Затем он снял со своей седины шляпу и положил на подоконник, на который после сел, все так же смотря на пол, будто боялся видеть ярость в глазах Джорджа.

— Двадцать два года назад мы с твоей матерью покинули Россию. Это было не из-за волнений в стране, во всем этом крылась иная причина. Мы были молоды, в полном расцвете сил. У нас было много планов на жизнь, как и у всех людей в этом возрасте. Мой отец был богатым человеком. Все его состояние перешло мне по наследству. Легкие деньги, как говорится. Но я и сам много зарабатывал. Подавал большие надежды в медицинском сообществе.

— Зачем мне все это знать?

— Дослушай до конца, пожалуйста... — умоляюще взглянул на него тот, вынудив

молодого человека согласиться. — Мы переехали в Англию, купили старый особняк, который продавался за бесценок. Мы не знали причину, по которой цена была так снижена, но отказываться от столь щедрого предложения не собирались. К тому же твоя мать просто влюбилась в этот дворец. Стала в нем самой настоящим принцессой. И была по-настоящему счастлива, любая женщина на этой планете позавидовала бы ее любви к жизни. У нас родилось два сына-близнеца... Мы дали им очень красивые имена. Вальдемар, что значит властитель, и Виктор, что значит победитель.

— Нет, — Джордж предательски опустил оружие и с широко распахнутыми глазами взглянул на Доктора Ломана, не в силах принять его слова за реальность. — Это неправда. Ты не мой отец... Я знаю, своего отца.

На глазах Джорджа появились блестящие крупинцы слез, он поджал губы и набрал в легкие большое количество воздуха, после чего тяжело выдохнул.

— Мой отец был всегда рядом, он не бросил нас, не оставил мою мать умирать в полном одиночестве. Он никогда бы не предал, не оставил... А ты... Ты никто. Моя мать ненавидела тебя. И у нее была весома причина делать это. И я с ней теперь солидарен, хотя раньше не понимал ее неприязнь к тебе. Но теперь все стало на свои места.

— Неужели ты не помнишь тот дом? Пианино, на котором играл часами вместе с ней. Вы очень любили этот музыкальный инструмент. Были с ним неразлучны, — голос Доктора Ломана дрогнул, и он отвернулся в сторону, будто не хотел показывать всем свои эмоции. — Мы были семьей. Самой настоящей семьей.

— Я не помню этого, — прошептал Джордж, уже не стесняясь своих слез, которые ручьями стекали по его грязным щекам. — Я все забыл.

— Я понимаю тебя... Твой детский мозг заблокировал те ужасные события. Мы пытались спасти тебя, но не смогли. Твоя мать пыталась сбежать, спрятаться от той угрозы, что нависла над нами. Но было слишком поздно. Ей не удалось покинуть место, где все началось. Она, в конечном итоге, вернулась туда. На этот раз навсегда...

— Моя мама умерла. И вас рядом в тот момент не было. Вы ничего не знаете и знать не должны. И сейчас мы уходим отсюда, — Джордж положил руку на плечо Эрвана и повелел другу направляться к выходу. Никто сопротивление не оказывал, но молодой человек на всякий случай держал пистолет наготове и был готов выстрелить в любой момент.

— Вы не сможете убежать вечно, — напоследок сказал Ломан. — Вам рано или поздно придется вернуться. Но прежде погибнет слишком много людей.

Глава семнадцатая. Перед рассветом

Себастьян приехал на место встречи через полчаса и очень стыдился того, что заставил Татьяну ждать. Но раньше приехать все равно бы не удалось, он и так ехал на запредельной скорости и мог бы с легкостью нарваться на неприятности. К счастью, на дороге не встретилось ничего, что было способно прервать его путь до знаменитого лондонского кладбища.

Мужчина припарковал свою машину около ворот, служивших входом на территорию, где обитали мертвые. Немного нервозно пребывать в подобном месте в столь позднее время, но его мужское самолюбие не в силах позволить Татьяне разгуливать среди надгробий в полном одиночестве. После всего случившегося девушку вообще нельзя оставлять без присмотра, и детектив это четко уяснил. У него было огромное желание быть с ней рядом круглые сутки, но та не подпускала мужчину к себе настолько близко, противилась его присутствию, закрывала от него внутренний мир и не давала доступ туда ни при каких условиях. Некогда теплые дружественные отношения между ними едва ли не полностью прекратили свое существование. Иногда казалось, что он знает ее всего лишь день — настолько таинственной и скрытой она была все эти годы. Было невозможно угадать, о чем она думает, что переживает в своей израненной душе. Но Себастьян хотел помочь ей, защитить от себя самой.

Долгие годы они не работали вместе, их пути после завершения расследования дела «Призрачного фотографа» разошлись. И Себастьян длительное время мучился, со стыдливостью осознавал, что скучает по Татьяне, хочет увидеть ее вновь. Этот период был самым невыносимым за всю его жизнь.

Сначала девушка уехала в Германию, где раскрыла некое дело, связанное с призраками и прочей нечистью. И вновь выяснилось, что все приведения были обычными шарлатанами, чьи актерские таланты оставляли желать лучшего. После работа привезла девушку в Бельгию, где та провела целый год. Будучи замужней женщиной Татьяна имела неограниченную свободу. Она никогда не говорила кому-то из знакомых, куда едет. Поэтому почту ей всегда приносили в ее лондонскую квартиру.

Себастьян и по сей день корит себя за то, что осмелился читать присланные ей письма. Он надеялся хотя бы таким образом узнать, что творилось у девушки внутри, мечтал познакомиться с ней поближе, хотя та явно не желала этого. Среди писем он ни разу не нашел послание от мужа. Тот не написал жене ни строчки. Вряд ли девушка переживала из-за этого. Детектив догадывался о том, что ее брак с Петром был лишь формальностью, некой сделкой. Но почему-то смутно надеялся, что она хотя бы немного счастлива с этим человеком, что в ее жизни после событий прошлого все наладилось.

Но ничего... Он не нашел ничего, что было способно рассказать ему о Татьяне больше.

Себастьян совершенно случайно узнал, что Татьяна вернулась в Англию. Увидел ее в коридоре полицейского участка. На ней в тот день был утонченный костюм, выделявший все достоинства ее фигуры. Мужчина не сразу заметил, как у него все напряглось чуть ниже живота от одного лишь образа этой девушки. И справиться с эрекцией было невозможно. Необходимо было отвернуться и вообще не смотреть на Татьяну, только тогда его организм более-менее успокаивался. Он почему-то надеялся, что она поздоровается с ним, заглянет к нему в кабинет, расскажет о том, как прошли ее «каникулы» в Бельгии. Но та не навестила

Себастьяна, ни разу не заметила его, хотя знала, что тот находился совсем рядом. Мужчину этот факт очень беспокоил и даже задел. Он заставлял себя подойти к ней самостоятельно, но что-то не давало ему это сделать. Возможно, обида или гордость. Себастьян уже не помнил.

Но именно тогда он взялся за дело «Доктора Ломана». Этот момент отточился в голове до мельчайших подробностей. И некая сила столкнула его и Татьяну лбами, кинула в один и тот же котел, будто желая, чтобы они снова работали вместе. Себастьян не знал, что девушка тоже вовлечена в расследование тех убийств, но был в курсе, что она пыталась что-то выяснить про своего бывшего возлюбленного, умершего восемь лет назад. Этот факт весьма удивил его тогда, ведь именно этот молодой человек в свое время познакомил их, причем в самом необычном месте, в обувной мастерской. А теперь Эрван вновь сблизил их, заставил работать вместе. От этого возникло приятное чувство ностальгии, которое каждый раз мурашками пробегало по его телу.

Татьяну найти было не так уж и трудно. Среди затененных надгробий, коих было около тысячи, если не больше, виднелся слабый свет от зажжённых свечей, а рядом неподвижно стояла женская фигура в длинном черном плаще. Себастьян сразу же признал свою напарницу, ее он не сможет спутать с кем-нибудь еще.

Мужчина осторожно приблизился к девушке и остановился в паре шагов от нее, не зная, как более аккуратно дать о себе знать. Но Татьяна будто почувствовала его присутствие. Она зажгла еще одну свечу и поставила около надгробия. Свет от тусклого огня осветил вырезанную надпись на мраморе, называвшую имя человека, что лежит здесь, под землей.

«Эрван Джефф. Родился 14 апреля 1899 года — Умер 20 декабря 1919 года».

Себастьян с печальным выражением лица снял с себя шляпу и ненавязчиво поправил свои сильно отросшие волосы цвета смолы. За все время его жизни на голове детектива не появилось ни одного седого волоса, чем он очень гордился. Но по странной причине, что была неведома даже ему, он постоянно носил головной убор, даже в помещении. Эта привычка тому уже так наскучила, что хотелось взять и выкинуть ненавистную потертую шляпу куда-нибудь, где ее никто не найдет.

— Спасибо, что пришел, — промолвила Татьяна и, повернувшись к мужчине, нежно улыбнулась. — Я так давно не была здесь, целых три года...

— Что же заставило тебя навестить его?

— Возможно, внезапное озарение. Или чувство приближения чего-то неминуемого и ужасного. Эрвану здесь слишком одиноко, он нуждается в моем общении. Сейчас я ему рассказала все, что произошло со мной за эти три года. Он так внимательно меня слушал, отчего мне даже стало неловко... Эрван всегда умел выслушать, даже если слова собеседника были ему не совсем приятны.

— В нем было что-то притягательное. С ним хотелось общаться, видеться. Этот человек имел огромную обаятельность. Но в то же время был странным до безумия.

— Его странность заключалась в том, что он не любил жизнь. Он заговаривал о смерти невзначай, будто был знаком с ней лично. Мне кажется, что он чувствовал, что умрет совсем скоро. И заранее готовил меня к этому.

— Ты засомневалась.

— Да... Впервые в своей жизни. Я дотошно была уверена в своей правоте, боролась за нее до последнего издыхания. А сейчас не верю себе, не верю во все то, что так долго пыталась доказать.

— Рано или поздно это случается со всеми. Помнишь, как ты спасла меня, в тот самый день? Ты бросилась за мной, не побоялась холодной воды, огромных волн. Ты могла погибнуть, но рискнула жизнью ради меня. И тогда в тебе не было сомнений. Ты четко знала на что идешь, понимала, что поступить по-другому не получится, иначе рискуешь все потерять.

— Я на самом деле очень боюсь воды. Часто стесняюсь в этом признаться. Каждый раз мне кажется, что она вот-вот задушит меня, поглотит и утянет на дно. И это странное чувство возникло не из-за того случая у Скалы Самоубийц, намного раньше.

— Что произошло?

— Помнишь я тебе рассказывала о девочке, которая погибла из-за падения автобуса с моста?

— Да, — с непониманием посмотрел на нее Себастьян и подошел к девушке поближе.

— Я тебе немного соврала, изменила историю, не сказав самого главного, — Татьяна неожиданно села на корточки рядом с надгробием и осторожно провела ладонью по надписи. — Та девочка... Это была я...

— Что? — удивленно взглянул на нее тот. — Ведь она...

— Да, я сказала, что девочка умерла. Возможно, так оно и было... — как-то вяло улыбнулась девушка и вздохнула, будто не хотела продолжать свой рассказ дальше. Но пытливый взгляд Себастьяна заставил Татьяну вновь заговорить. — Эти воспоминания долгое время возвращались ко мне отрывками. Мне тогда было четырнадцать... Но поняла, что те события произошли со мной на самом деле только спустя десять лет. Мне сказали, что у меня была амнезия, приведшая к потери существенной части воспоминаний. Я забыла многие моменты из детства. Эта девочка, похожая на куклу, возвращалась ко мне каждую ночь. Я вновь и вновь видела ее обмороженное израненное лицо, чувствовала вместе с ней боль, страх... И все это наблюдалось со стороны, я стояла где-то рядом, но не была той девочкой, не ощущала себя ею.

— Клиническая смерть? — прошептал Себастьян.

— Мне сказали, что я целые две недели не приходила в сознание. Возможно, моя душа на самом деле отделилась от тела, но не смогла улететь, так как была крепкими цепями привязана к этой кудрявой девочке. Я вернулась. Но все забыла. Все...

— Твои родители рассказали тебе об этом?

— Да. Я поведала им о своем сне, описывала его в мельчайших подробностях. И они сознались... — Татьяна тяжело сглотнула и посмотрела на небо, на короткое время замолчав. — Меня удочерили... Мои родители погибли, пытаюсь спасти меня. Я не помню их лиц, даже голоса. Знаю о их существовании только со слов своих новых опекунов. Когда мне все стало известно, я не знала, как мне жить. Возможно, после этого во мне начинала просыпаться обида на приютивших меня людей. Они контролировали каждый мой шаг, пытались сделать частью высшего общества. А мне все это было чуждо. Кровь была иной. Не светской.

— Они спасли тебя, подарили новую жизнь. Ты должна быть благодарна им за все. За каждый день, что ты прожила с ними. Ведь они желали тебе только счастья. Возможно, им не удавалось что-то сделать, но их любовь от этого не стала меньше. Ведь эти люди не просто так впустили тебя в свою семью.

— Я знаю. Сейчас у меня только теплые воспоминания о них. Обида исчезла...

Себастьян приблизился к Татьяне еще немного и, пересилив свою неуверенность, нежно

провел шершавой рукой по щеке девушки, убрал с ее лица прядь волос. Мужчина впервые смог так близко рассмотреть ее большие выразительные глаза темно-синего цвета с длинными ресницами, слегка подкрашенными тушью. Он мечтал смотреть на них целую вечность, окунуться в их поразительную красоту и больше никогда не выныривать. Девушка смущенно отвела взгляд и посмотрела на подсвеченное тусклыми свечами надгробие, будто желала запомнить каждую деталь могилы Эрвана перед уходом.

— Татьяна, знаю, что это не то место, чтобы говорить такие вещи, — нарушил воцарившуюся между ними тишину Себастьян и снова коснулся рукой ее щеки, уже более уверенно и настойчивее. — Я хочу, чтобы ты была счастлива. По-настоящему. Давай все бросим, все наши дела, оборвем все связи с нынешней жизнью и начнем все заново. Уедем. Куда-нибудь, где нас никто не найдет, — мужчина нежно и с долей страсти сжал ее руки в своих и пронзил девушку добрым полным нежности взглядом.

— Это глупо, Себастьян, — улыбнулась Татьяна и смущенно опустила голову вниз. — Такое повернуть невозможно.

— Но ты ведь хочешь этого. Я знаю.

— Мое прошлое не отпустит меня, не позволит сбежать. Я не смогу, — отрицательно замотала головой она и высвободила свои руки, после чего немного отошла в сторону.

— Татьяна, я люблю тебя. И хочу, чтобы ты стала моей, обрела со мной истинное счастье. Здесь мы обречены. Необходимо все забыть. Раз и навсегда.

— Прости меня, — грустно улыбнулась Татьяна и положила свою холодную ладонь ему на плечо. — Мне нужно возвращаться домой. Спасибо, что приехал... Спокойной ночи.

Татьяна направилась в сторону ворот и больше не осмелилась взглянуть в сторону Себастьяна. Мужчина неподвижно наблюдал, как ее прекрасный силуэт медленно растворялся во тьме и впервые за столь долгое время почувствовал внутри себя опустошение — невероятно мерзкое и удушающее чувство.

Себ немного покрутился на месте и неожиданно почувствовал лютую злобу на все, что его окружало. Его нога самовольно ударила по еще не успевшим потухнуть свечам и откинула их в сторону, лишив надгробие Эрвана света, так необходимого ему.

Она впускала в бой с запертой дверью практически каждый предмет, что попадался ей под руку. Это были и стулья, и медицинские приборы, и металлическая посуда. Кристина пыталась привлечь внимание хотя бы кого-нибудь, кто находился снаружи, так как ее кулаки уже избиты в кровь и больше не смогут колотить по металлической преграде. Но никто так и не откликнулся на крики о помощи, никто не собирался приходить и вызволять несчастного патологоанатома. Помещение словно обладало звуковой изоляцией, и ни единый звук не желал выходить за пределы этих стен.

Тем временем мутная темно-красная жидкость продолжала прибывать, стремительно погружая крупное помещение в свое глубоководное царство. Практически вся легкая мебель, предметы из дерева, бумага уже спокойно плавали на поверхности, а все остальное скрылось под кровавой водой. Давление вынуждало морозильные камеры, где лежали трупы, одну за другой открываться, и мертвецы через пару минут стали спокойно барахтаться среди прочего мусора, наслаждаясь этим приятным времяпрепровождением.

Кристина уже не знала, как долго ее голос надрывал себя и издавал панические крики о помощи, она совершенно потерялась во времени, пространстве. Ей казалось, что стены вокруг сжимаются и готовы раздавить женщину, как под прессом. Еще немного, и она

окончательно лишится чувств от нахлынувшего ее безумия.

Красная вода уже находилась на уровне груди и не собиралась останавливаться на этой отметке. Кристина посчитала, что минут через пять-шесть жидкость доберется до уровня рта, и тогда уже придется мириться со своей погибелью. Подняться выше не удастся — не за что зацепиться. Стены слишком гладкие, а трубы проведены аж под самым потолком. Можно попробовать подняться на стол, но тот с легкостью может перевернуться, и не факт, что девушка сможет оправиться после падения в воду.

— Господи, умоляю. Помогите мне. Помогите... — зашептала она, уже не так усиленно бросая предметы в дверь.

Кажется, Кристина окончательно смирилась со своей участью и устала бороться. Женщина со слезами на глазах прижалась щекой к двери и стала слушать шелест прибывавшей мутной воды цвета крови, как некую похоронную мелодию. Ее не пугала смерть, даже самая мучительная. Она боялась не увидеть сына, единственного родного человечка на всем белом свете. Без нее он не справится, хотя тот и пытается доказать свою самостоятельность. Но этот маленький мужчина такой хрупкий, уязвимый после всего произошедшего с ним, что Кристина начала бояться еще больше и стала гораздо сильнее колотить по двери, отныне не жалея разбитых рук.

— Эй!!! Слышит меня кто-нибудь?!!! На помощь!!!

— Ты стала плохо выполнять свою работу, — Кристину заставил подпрыгнуть на месте мужской голос, доносившийся у нее за спиной.

Женщина испуганно обернулась, чувствуя, как адреналин разносится по каждой клеточке тела, и с ужасом осознала, что видит перед собой молодого человека, чье лицо скрыто под толстым слоем бинтов. Кристина успела заметить небольшие кусочки открытой кожи и поняла, что этот мужчина с ног до головы украшен сильнейшими ожогами, которые тот обречен носить на себе весь остаток жизни.

— Как вы здесь оказались? — прошептала она и прижалась спиной к двери. — Кто вы такой?

— Ты не должна бояться. У нас с тобой похожие цели, — улыбнулся тот и немного приблизился к женщине.

Кристина заметила, что передвижение этого странного мужчины совершенно не оставляет на поверхности воды никаких следов, будто он был бесформенным телом, проходящим сквозь любой объект.

— Неужели ты думала, что все так просто, что тебя окружают люди, честность которых не оставляет сомнений? Ты ведь не просто так взялась за все эти вскрытия. Тебе удалось раньше всех понять, что убийцы твоего мужа тесно связаны с этими преступлениями. Ты знала, но никому так и не осмелилась сказать.

— Откуда вы знаете? Объясните... Что происходит? Почему все вокруг стало таким?..

— Мы видим то, что хотим видеть, даже если это что-то противно и чуждо нам, вызывает ужас и парализует тело. Вокруг тебя совершенно ничего нет. Ты это видишь, потому что желаешь.

— Чего вы хотите?

— Они убили меня, лишили контроля. И я хочу вернуть этот контроль, вновь взять всю ситуацию в свои руки. От тебя требуется лишь одно. Береги Эмми. Она очень важна для реализации моих планов. Девочка нужна им. Не допусти того, чтобы они забрали ее.

Кристина ахнула, так как поняла, что мужчина в буквальном смысле растворился перед

ней, превратившись в едва заметное облако пыли, быстро разлетевшееся вокруг. Тем временем дверь внезапно издала протяжный скрип и стала медленно без чьего-либо содействия открываться. Бурный поток красной жидкости устремился в открывшееся помещение и повлек за собой легкое тело донельзя напуганной случившимся женщины.

Татьяна добралась до своей квартиры уже под утро. Еще никогда она не видела таких пустынных улиц, без машин, людей, даже обыкновенных бездомных собак. Лондон словно вымер, вся живность в одночасье покинула свои дома и пустилась наутек, будто убегала от некоей неопишуемой опасности. К счастью, в некоторых домах горел свет, поэтому появилась небольшая надежда, что в городе еще остался хотя бы кто-то живой и здоровый.

Остановившись около подъезда, она на всякий случай проверила, заперт ли автомобиль. Почему-то именно сейчас ей стало казаться, что дверь машины стала плохо закрываться, будто замок сломан. Один раз такое случилось, когда их транспортное средство пытались открыть благодаря отмычке. Неужели это повторилось вновь? Девушка провела рукой по замку на двери автомобиля и с облегчением осознала, что никаких следов взлома нет. Значит, ей просто показалось.

Повесив сумку на плечо, она вошла в подъезд. Татьяна стряхнула со своего пальто мокрый снег и медленно начала подниматься по лестнице, не пожелав воспользоваться лифтом. Сейчас ей захотелось немного нагрузить свой организм, взбодрить после этого дня, что был до безумия богат громкими событиями.

Прошлой ночью она обнаружила у входа в свою спальню труп собаки, потом бывшего возлюбленного Сьюзен они нашли повесившимся, еще через пару минут сама Сьюзен оказывается при смерти. А на десерт Татьяна узнала об измене мужа и познакомилась с его родной дочерью. Женщина была удивлена, как смогла так стойко выстоять перед такой автоматной очередью, не сошла с ума и была в силах владеть ситуацией. В этот список можно также включить донельзя странные откровения Анны и Себастьяна, но Татьяна почему-то не приняла их слова близко к сердцу, забыла, как мимолетный сон, совершенно не думала об этом и даже не пыталась это сделать, не видела смысла тратить на подобное силы и нервы.

Анна продолжала придумывать байки, чтобы хоть как-то защитить настоящего убийцу, а Себастьян... Татьяна была готова услышать от него признание в любви, знала, что он это скажет рано или поздно. Но его слова почему-то не повлияли на нее, совершенно никак. Женщина ничего не почувствовала, даже малейшего смущения. Ей уже начинало казаться, что после всех событий прошлого она разучилась чувствовать что-то к людям, испытывать адекватные эмоции. В ее голове творился хаос. Она понятия не имела, как во всем этом навести порядок. На это не было сил и времени.

Татьяна поднялась на последний этаж и в удивленной позе остановилась, увидев перед собой мужа, который терпеливо сидел на лестнице и улыбчиво наблюдал, как его жена подходит к двери квартиры.

— Ты что здесь делаешь? — окинула его взглядом та и достала из кармана ключи.

— Где ты была? — поднялся на ноги Петр и открыл перед Татьяной входную дверь, которая, как оказалось, была не заперта. — Я ждал тебя.

Татьяна без слов прошла в квартиру и сняла в прихожей пальто, почувствовав небольшое облегчение, так как этот предмет одежды уже болезненно давил на ее уставшие от тяжелого дня плечи.

— Извини, была занята. Много работы.

— Я звонил в офис. Тебя сегодня там не было, — каким-то грозным тоном произнес Петр и вопросительно взглянул на жену, явно ожидая объяснений.

— Я не офисная крыса, если ты не знал, — недовольным голосом сказала она и с презрением посмотрела на Петра. — И с каких пор ты стал контролировать меня? Все эти годы тебе было плевать, а тут внезапно включил роль любящего мужа. Поздно спохватился, — девушка прошла в гостиную и обессиленно плюхнулась на диван. — Я свободная женщина и не потерплю, чтобы мне указывали, что делать, а что нет. Я не твоя рабыня.

— То есть теперь у тебя есть полное право забирать мою дочь и увозить ее в неизвестном направлении, даже не удосужившись предупредить меня?! — внезапно прокричал Петр и стал беспорядочно расхаживать по гостиной.

— Так вот оно что, — усмехнулась Татьяна и скрестила руки на груди. — О дочке забеспокоился... Какой же ты ублюдок. Я только сейчас это заметила.

— Где моя дочь? — прорычал Петр и пронзил женщину взглядом, ненавистным до предела.

— А ты не хотел бы хотя бы немножечко извиниться перед все еще законной супругой, которая уличила тебя в измене? — презренно хмыкнула Татьяна и отвела взгляд в сторону.

— Измена?.. — Петр почти в плотную приблизился к девушке и оперся руками о край дивана. — А как же ты? За свои измены ты не собираешься извиняться?

— За все эти восемь лет я тебе ни разу не изменила, — отрезала Татьяна.

— А как же Стив, Себастьян?.. Джордж?.. Что ты скажешь про них? Про Эрвана я даже и слова не скажу, его надо обсуждать отдельной темой.

— Ты ничего не знаешь. Совершенно ничего. И не надо меня обвинять в том, что я не совершала.

— Не строй из себя невинную овечку, — отстранился от нее Петр и снова стал ходить по гостиной туда-сюда. — Думаешь, я ничего не вижу и не знаю? Думаешь, я появился в твоей жизни совершенно случайно?

— Что ты несешь?

— Я заставил твою мать-потаскуху умолять меня, чтобы я дал согласие взять тебя в жены. Ей пришлось переспать со мной, чтобы получить это согласие в полной форме. Я трахал ее, как последнюю шлюху. Ты бы слышала ее стоны, это доставляло непередаваемое удовольствие. Думаю, ей понравилось.

Татьяна замерла с полуоткрытым ртом и просто не знала, как ей более правильно воспринять эту информацию. Внутри разразилась такая буря из отрицательных эмоций, что девушка будто полностью отключилась от реального мира и перестала слышать все, что творилось у нее вокруг. Она глубоко вздохнула, пытаясь хотя бы немного сбросить с себя груз, полностью состоявший из ядовитого негатива, затем поднялась с дивана и подошла к Петру, взглянув в его сузившиеся хитрые глаза, которые она теперь ненавидела больше всего на свете.

— Я обещаю, что свою дочь ты никогда в своей жизни не увидишь. Даже не мечтай об этом.

Татьяна не сразу осознала, что ее щека получила мощнейший удар его тяжелой руки, затем еще один, уже более сильный. Девушка от неожиданности попятилась назад, пытаясь удержать равновесие, но не смогла успеть это сделать, так как последовал еще один

болезненный толчок, на этот раз в область виска. Женщина рухнула на диван и в полусознательном состоянии поняла, что крепкие мужские руки придавили ее тело своим весом, полностью обездвижив.

— Тварь! — он продолжал ее бить, неразборчиво, во все части тела, собрав для очередного удара все силы, какие у него только были. — Тварь!!! Нужно было прикончить тебя раньше вместе с твоим нищим голодранцем. О, ты бы видела его предсмертное лицо, — Петр сжал ее окровавленное лицо и улыбнулся, показав свои хищные острые зубы. — Я получал невероятное удовольствие от того выстрела. Не бойся, он умер не сразу, я дал ему ощутить вкус боли и крови. Теперь ты присоединишься к нему!

— Петр! Хватит! — Татьяна сквозь туман слышала еще один мужской голос, до боли знакомый. Но она не знала, кому он принадлежал, не могла вспомнить. — Еще рано! Еще рано! Оставь ее. Ты потом сможешь доделать начатое. Но сейчас не время.

Петр остановился и явно послушался вошедшего в гостиную мужчину, прекратил свои насильственные действия, затем резко поднялся, что-то тихо произнес и, судя по шагам, быстро направился с невидимым знакомым в сторону входной двери.

— Где она, Ларри? — перед выходом произнес Петр, но ответа девушка так и не услышала.

Татьяна дождалась, пока за ними закроется входная дверь, затем попыталась подняться с дивана, но силы полностью покинули ее организм, она не могла даже сделать элементарного движения рукой. Чувствовалась только боль и солоноватый вкус крови.

— Господи, — сквозь слезы прошептала она и с большим трудом заплакала, так как даже эмоции чувствовались, как удар, сильнейшая боль, которую невозможно стерпеть. — За что? За что?..

Эмми медленно высунула голову из-под одеяла и начала быстро смотреть по сторонам, тихо всхлипывая при каждом повороте головы. Адам поморщился сквозь сон и с непониманием взглянул на мешавшую ему спать девочку сонными еще не до конца разлипшими глазами. В комнате было не так уж и темно благодаря зажженной керосиновой лампе, что стояла на подоконнике и разгоняла призраков этой беспокойной ночи. Поэтому мальчику удалось с первого взгляда понять, что их маленькая гостья напугана.

— Эмми, ты чего? — он вылез из-под одеяла и подошел к ее кровати, заботливо окинув девочку взглядом. — Дурной сон?

— Ты ведь тоже видишь их? — прошептала она и нежно дотронулась до его теплой руки, будто таким образом просила Адама не отходить от нее слишком далеко.

— Кого? — удивленно спросил ее тот и сел рядом с Эмми.

— Их. Тени, что прячутся в ночи. Они наблюдают за мной, каждую ночь. Из-за этого мне страшно подходить к окну. Тени плачут, воют. Их вой похож на волчий. Он очень страшный. Я их боюсь, — девочка вылезла из-под одеяла и сжала двумя руками запястье Адама, все так же испуганно глаза на него. — Мой друг говорил, что они меня не тронут. Он защищал меня от них. Но сегодня его здесь не оказалось, он не пришел. Что-то случилось, нечто ужасное.

— Эмми, это всего лишь плохой сон, — Адам погладил девочку по голове и улыбнулся.

— Я боюсь его больше никогда не увидеть, — девочка положила свою кудрявую голову на его плечо и прикрыла глаза. — Он очень хороший. Если ты его увидишь, то сразу же это

поймешь.

Адам вздохнул и еще раз взглянул на девочку, которая успела за этот короткий промежуток времени вновь заснуть, на этот раз крепко и умиротворенно, о чем говорила ее легкая полуулыбка. Мальчик уложил Эмми обратно на кровать и накрыл ее худое тельце одеялом, после чего направился обратно к своей постели, но не дошел до нее, а остановился около окна и посмотрела в сторону заснеженной улицы.

Он тоже видел их. Тени, что живут среди ночи. Они были здесь. И наблюдали за ним, заполнили всю улицу, взяв друг друга за руки. Адам слышал их вой, тихий и протяжный. И от одного лишь их вида у мальчика застывала кровь в жилах, но былой ужас исчез, ему удалось привыкнуть к их присутствию. Пока в комнате горит свет, они не осмелятся сюда войти, ни за что не тронут их.

Татьяна дрожавшими из-за стресса руками включила воду в раковине и резкими хаотичными движениями умыла заплаканное лицо, испачканное кровью. С первого раза очистить кожу не получилось, даже мыло не было столь эффективным в данной ситуации. Но после нескольких попыток женщине все же удалось отмыть лицо от кровавой маски. Петр разбил ей нос. К счастью, сильных синяков не наблюдалось, мужчина больше бил в живот и грудь, те места удастся скрыть под одеждой.

Из-за плача под глазами образовались мешки, а верхние веки слегка нависли. Но женщину уже такие внешние признаки не беспокоили, та была счастлива, что все еще жива и твердо стоит на ногах, хотя в тот момент была твердо уверена, что Петр ее убьет, не моргнув при это глазом.

Она поняла, что этот человек стал ей чужим, Татьяна ненавидела его, презирала, проклинала всеми способами, какие только были ей известны. Девушка даже не думала про слова мужа, которые поведали ей о его сексуальных связях с ее приемной матерью, и что он пристрелил Эрвана. Она хотела рвать волосы на голове после услышанного, но не делала этого. Потому что не верила. Не видела смысла это делать, принимать за истину обыкновенные ничтожные фразы, вылетевшие из уст самого настоящего монстра.

Она плакала от боли, физической. Человек, который клялся у свадебного алтаря, что будет ее оберегать до конца жизни, нарушил свое обещание и заставил девушку искать способы защищаться от него.

Татьяна больше не желала находиться в этой квартире. Его квартире. Это место стало для нее опасным, чуждым, отвратительным. Каждая вещь, принадлежавшая Петру, вызывала чувство тошноты. Она люто ненавидела здесь все, даже обычные стены.

Женщина открыла платяной шкаф в их спальне, нашла там давно забытый всеми чемодан, бросила его на кровать и резким движением открыла, взглянув внутрь. Чемодан снаружи и изнутри был покрыт пылью и паутиной. Но Татьяна была не в том состоянии, чтобы обращать внимание на подобные пустяки. Девушка скинула всю свою одежду, что смогла взять за раз, в чемодан, потом закрыла его и поставила рядом с собой, немного полюбовавшись результатом своих действий.

Она решила уйти из этого места, навсегда. Вылететь из золотой клетки и больше никогда не возвращаться, ни при каких условиях.

Женщина открыла сейф и взяла оттуда большую часть денег. Немного отложила в кошелек, а остальное спрятала глубоко в чемодане, чтобы никто не нашел. Расправившись со всем этим, она направилась в прихожую, взяла пальто, накинула на плечи и покинула эту

квартиру, поклявшись, что никогда не вернется сюда, даже если Петр будет на коленях просить прощения. Этот человек умер для нее, больше не существовал. Она больше не желала связывать с ним свою оставшуюся на доньшке жизнь.

Выйдя из подъезда, Татьяна на короткий миг остановилась около их семейной машины, но, вздохнув, прошла мимо, так и не осмелившись подойти к транспортному средству. Эта железная малышка принадлежала ее мужу, уже бывшему и не существовавшему. И теперь Татьяна не имела права прикасаться к ней, хотя желание было большое. Перехватив чемодан покрепче, она медленно пошла вперед вдоль заснеженной улицы, так и не взглянув назад.

Себастьян не пожелал возвращаться в свою квартиру, у него просто не было повода туда направляться. Даже сонливое и подавленное состояние не сумели вынудить мужчину спокойно направить машину в сторону дома, тот повелел автомобилю следовать по совершенно иному пути, что не планировался им ранее. Он поехал в полицейский участок. Мужчина и сам не до конца осознавал, почему сделал такой выбор, в первые минуты Себастьян даже засомневался и пытался развернуть машину в обратную сторону, но после окончательно передумал это делать и лишь прибавил газу.

В голове до сих пор маячил образ Татьяны, ее равнодушное отреченное от реальности лицо. Он с болью вспоминал, как та наивно улыбнулась после его признания в любви, словно насмехаясь над ним. Девушка ничего не ощутила, оттолкнула слова детектива, как что-то опасное и противное. От этого хотелось провалиться сквозь землю и больше никогда не вспоминать столь постыдный момент. На короткий миг даже удалось подумать о чем-то другом, кроме Татьяны, но женщина вновь и вновь возвращалась в его сознание, очаровывала своей неземной красотой и заставляла сердце биться в миллионы раз быстрее. Себастьян хотел ее, всю, до последней капли. Мечтал обнять, почувствовать вкус губ. Впервые это желание стало столь сильным и жизненно необходимым. Но она отвергла его, одним лишь взглядом сообщила, что ничего не испытывает к нему и никогда не сможет это сделать. Татьяна не любила Себастьяна, мужчина с горечью это осознал, но до сих пор не отваживался поверить в подобное, смутно надеясь, что та передумает, поймет, что была не права. Но стоил ли надеяться? Он был слишком не идеален для нее, хотя пытался быть лучше изо всех сил. К сожалению, девушка так ничего и не заметила, не создала в своей красочной душе теплое ответное чувство. Она любила другого. Того, кого больше нет в живых. И вряд ли собиралась предавать свою любовь ради какого-то детектива, которому уже скоро стукнет полтинник. Себастьян понимал, что стар для нее, испорчен. И вряд ли удастся что-то изменить. Ее любовь заполучить не удастся. Пытаться больше не стоит.

Мужчина впервые за столь долгое время ощутил внутри себя груз одиночества, неопределенности. Душа разрывалась на части, все, чем он жил и дорожил стремительно падало в пропасть, растворялось в едкой кислоте, исчезало раз и навсегда. Татьяна была его жизнью, светом, целью. Он жил, чтобы ею согреться, думал о ней каждую минуту, даже если той не было рядом долгие месяцы. Она была всем. И теперь девушка отрезала нить, что привязывала ее к Себастьяну, ушла в темноту, воссоединилась с человеком, которого она долгие годы безрезультатно пыталась найти. Эрван был ее жизнью, и она ни за что не променяет то чувство на что-то другое.

Нельзя быть наивным, думать, что все мечты сбудутся. Нет. Что-то навсегда останется мечтами, как бы сильно не хотелось это осуществить. И Себастьян насильно пытался с этим смириться, хотя понимал, что у него не хватит сил. Чувство к Татьяне были слишком

сильным, и только сейчас он понял, что стал любить ее еще сильнее. И не сможет разлюбить. Ни за что на свете. Даже если та больше никогда не встретится на его пути.

До полицейского участка он добрался через час, потратив на этот путь практически весь запас бензина. До дома, даже если очень захочется, добраться не удастся, придется искать канистру с топливом. В участке наверняка что-нибудь имеется. Но пока он не нуждался в этом. Ему хотелось лишь закрыться в кабинете, сесть за свой стол и сидеть до тех пор, пока не настанет утро. Он желал уединиться, закрыться ото всех, чтобы просто переварить все, что находилось в голове, а мыслей был вагон и маленькая тележка. Вряд ли хватит ночи, чтобы обработать такой колоссальный размер негативных эмоций.

Себастьян припарковал автомобиль, запер его и медленным шагом направился ко входу в участок, крутя на указательном пальце связку ключей. Ему даже удалось найти в себе силы посвистывать, будто тем самым он отгонял от себя все дурное, что окружало мужчину в данный момент. Но свист был каким-то чересчур вымученным и наигранным. Себ даже сам это понял через короткий промежуток времени. И тут же замолк, смутившись из-за своих нелепых действий. Он открыл дверь и оказался в темном просторном холле, где, по странной причине, не было ни души, хотя должен был, как минимум, находиться дежурный полицейский. Куда все исчезли?

— Эй, народ? Здесь кто-нибудь есть? — крикнул он в темноту, но так и не получил ответа. — Гаденыши. Совсем работать не хотят. Придется написать на вас жалобу, ребята.

Мужчина нашел в полутьме кнопку выключателя и попытался включить свет, но по какой-то странной причине прогнать тьму не удалось, лампы так и не зажглись. Себастьян вошел в длинный коридор и попытался включить свет там, но и здесь темнота не пожелала уходить. Здание словно было полностью обесточено. Себастьян немного занервничал из-за странности всего происходящего и стал шупать карманы пальто в поисках фонарика. После включил его и разогнал мглу.

— Что здесь происходит, черт тебя дери? — прошептал мужчина и пошел вперед, направляя луч фонаря в разные стороны, будто надеялся найти на закрытых дверях хотя бы какие-то знаки, что были способны объяснить отсутствие людей в данном месте.

Неожиданно совсем рядом с ним раздался пронзительный звук, который исходил от телефонного аппарата. Себастьян выдохнул, поняв, что впервые так сильно испугался телефона, и осторожно вошел в помещение, откуда доносился напрягавший барабанные перепонки шум. Судя по обстановке, это был кабинет Брайана. Себастьян часто сюда заходил и успел немного запомнить обстановку. Вряд ли ее удастся спутать с какой-нибудь другой.

В основном, все кабинеты были одинаковы, как близнецы, но этот выделялся среди всех остальных. Здесь довольно много роскоши, совершенно ненужной и режущей глаза. Можно было подумать, что в данном помещении работает один из членов правительства. Себастьян не знал, откуда Брайан имел такие финансы, жизнь этого детектива была окутана тайной. Себ даже не помнил, когда этот человек появился среди их коллектива, он всегда был среди всех и в то же время где-то в тени. Весьма странный и специфичный господин.

Из-за света фонаря многие золотые побрякушки, захватившие почти каждую полку в шкафу и поверхность письменного стола, начали сверкать ярче солнце, едва не ослепив детектива, осмелившегося сюда войти. Себастьян нашел телефон и в неуверенности приблизился к нему, боясь приложить прыгавшую телефонную трубку к красному уху. Но любопытство взяло вверх, и мужчина ответил на звонок.

На другом конце провода послышалось странное шуршание, будто кто-то мнет листы бумаги и одновременно с этим скрипит зубами, мечтая вынудить тело своего собеседника покрыться крупными мурашками.

— Я вас слушаю. Говорите, — с недовольством сказал детектив, но собеседник так и продолжал молчать, но при этом задышал в трубку, как-то громко и слишком тяжело, будто задышался и пытался изо всех сил наполнить легкие драгоценным воздухом.

— Помогите, — Себастьян наконец-то смог дождаться ответа и был немного удивлен, так как голос явно принадлежал молодому мужчине.

— Вы знаете, что произошло? Почему вы позвонили сюда?

— Это трудно объяснить, сэр. Все очень сложно... Мне нужна помощь.

— Послушайте, я не смогу вам помочь, ведь даже не знаю, где вы находитесь.

— Я бы и сам хотел объяснить вам, но не смогу. Мне и самому неизвестно, где я... Здесь очень темно. И холодно... У меня был только этот номер. Больше мне некуда звонить.

— Как вас зовут? Можете хотя бы назвать свое имя? Я постараюсь помочь вам, чем смогу.

— Кто-то идет, — в панике прошептал тот и снова тяжело задышал, словно бежит вниз по склону. — Я не могу говорить... Пожалуйста, найдите меня... Они хотят убить... Убить Татьяну. Она в опасности. Только я могу ей помочь.

Себастьян ойкнул и отбросил трубку в сторону, почувствовав, как его кожа буквально плавилась под этим металлическим предметом. Телефонный аппарат внезапно стал настолько горячим, что над ним образовался поднимающийся вверх пар, который может быть только у кипящей воды.

— Что за хрень здесь творится? — прошептал Себастьян и потер обожженную руку, чувствуя неприятное покалывание кожи.

— До конца ли ты осознаешь, с кем работаешь, Себ? — позади мужчины раздался мужской голос, хриплый, словно его обладатель был сильно простужен.

Себастьян в страхе обернулся и наставил свой фонарь, как пистолет, на внезапно возникшего в кабинете мужчину.

— Джордж? — удивленно взглянул на него детектив.

Появившийся совершенно незаметно мужчина был с ног до головы покрыт бинтами, но часть лица открыта, и имелась возможность заметить на его коже сильнейшие раны от ожогов, которые полностью умертвили все ткани на теле этого загадочного человека. Но Себастьян сразу же узнал в этом лице Джорджа, не мог бы ни с кем его спутать. Детектив не имел возможности понять, почему тело коллеги по работе вновь украшено столь уродливыми шрамами.

По какой-то причине свет от фонаря проходил сквозь молодого человека, будто того здесь вовсе не было. Сначала Себастьян подумал, что ему это только кажется, но вскоре заметил, что Джордж совершенно не отбрасывает тени.

— Ты еще многого не знаешь, — вздохнул тот и грустно опустил глаза.

— Джордж? Что с тобой? Почему твои ожоги вернулись? — Себастьян попытался подойти к молодому человеку, но тот движением руки попросил его не приближаться к нему.

— Погибнет слишком много невинных. У тебя еще есть шанс спасти их. Только сможешь ли ты это сделать, Себ? — исподлобья посмотрел на него тот.

Неожиданно стены задрожали с такой силой, будто началось самое настоящее

землетрясение. Все вещи, что находились в шкафу, полетели вниз со своих мест. Книги, статуэтки из золота, грамоты в стеклянной рамке — все оказалось на полу, сотворив самый настоящий хаос вокруг детектива. Себастьян с трудом удержался на ногах и чуть было не закричал от нахлынувшего его ужаса. Он посмотрел на Джорджа, но быстро осознал, что молодой человек бесследно исчез, вновь оставив мужчину наедине с собой.

Кристина немного пришла в себя после болезненного падения на ледяной пол, который, в свою очередь, превратился в самую настоящую кровавую реку, устремившуюся вдаль по коридору, создавая во всем здании ужасающий хор от шелеста воды. Женщина осторожно оперлась руками о твердую поверхность под ногами и медленно встала, чувствуя при малейшем сделанном движении неприятную боль от сильных ушибов. Водный поток вытолкнул ее из морга, как тряпичную куклу и ударял обо все, что попадалось на его пути. Кристина с дрожью внутри понимала, что чудом осталась жива. Вместе с водой в коридор протиснулась сломанная мебель, хирургические приборы, осколки стекла, и все это великолепие едва не закопало несчастную женщину. Хорошо, что вода отнесла ее чуть дальше, иначе пришлось бы вылезать из-под обломков. Она прижалась плечом к стене и украдкой взглянула в дверной проем, в котором виднелось разрушенное помещение.

— Боже милостивый, — прошептала она, не в силах поверить в увиденное.

Все морозильные камеры были открыты, а трупы, что находились в них, теперь валялись в каждом углу, разнося по всей округе смердящий запах разложения. Кристина зажала нос рукой, чтобы не ощущать этот очаровательный аромат, и с неуверенностью переступила через порог, надеясь выяснить причину всего произошедшего. Но повсюду был такой хаос, что вряд ли удастся понять, что послужило причиной этого всемирного потопа. Почему вода имела оттенок крови? Вряд ли это ржавчина, цвет будто бы специально повторял жидкость, что текла в теле любого живого существа. Кристина сначала даже поверила, что это на самом деле кровь, но, приняв хавшись, осознала, что это обычная покрашенная вода. Значит, все это было кем-то подстроено. И тщательно спланировано.

Доктор Ломан лежал на полу около двери в подсобное помещение. Женщина приблизилась к нему, склонилась над посиневшим телом пожилого мужчины и дрожащей рукой прикоснулась к влажной коже своего пациента, чтобы оценить состояние трупа. Подкрашенная вода могла смыть многие ценные улики, но пока патологоанатом никаких изменений не замечала, хотя их, возможно, удастся увидеть уже после продолжения вскрытия. Кристина вздохнула и отстранила руку от тела, после чего попыталась подняться на ноги.

Внезапно нечто ледяное и крепкое впилося в ее тонкую шею, перекрыв каменной хваткой дыхательные пути. Женщина попыталась закричать, но смогла издать лишь едва заметный хрип. Рука Доктора Ломана с каждым разом сжимала ее горло все сильнее и сильнее, пытаясь острыми пальцами проникнуть под белоснежную кожу. Глаза мужчины были распахнуты, и Кристина в ужасе заметила, что у него отсутствуют глазные яблоки. Вместо них красовались бездонные дыры, из которых вытекала вязкая маслянистая жидкость черного цвета.

Кристина изо всех сил пыталась вырваться, но сопротивление оказалось настолько сильным, что ей не удалось даже пошевелиться. Все тело от головы до пят онемело и стремительно проваливалось в небытие, конец которого невозможно увидеть. Она поняла, что умирает, и этот процесс уже невозможно обратить вспять.

Рядом раздались звуки шагов, звонкая мелодия осколков. Кто-то ходил по моргу, огромная толпа, и все они приближались к Кристине. Женщина чувствовала их тяжелое дыхание, тихое голодное рычание и стоны, заставлявшие кровь стынуть в жилах. Краем глаза она смогла заметить остальные трупы, теперь они спокойно стояли на ногах и ходили, будто смерть покинула их тела, вновь вдохнула в них жизнь. Мертвецы лишены глаз, все до единого. Бездонная пустота их взгляда засасывала, вызывала жжение глазниц, дрожь каждой клеточки организма.

Через пару секунд один из них разбежался и, как хищное животное, прыгнул в сторону женщины, которая уже была в полубессознательном состоянии и вряд ли успела бы испугаться. Но когда тот находился в воздухе, его голова резко дернулась, словно получила мощный удар в область затылка. После последовал оглушающий хлопок, с очевидным запозданием. Оживший мертвец издал последний стон и с грохотом рухнул на землю, а вокруг него с завидной быстротой разрасталась смолистая кровь черного цвета. Доктор Ломан отпустил женщину и присоединился к остальным мертвецам, после все они зарычали и издали мощные крики, которые могли издавать только хищники, загнанные в угол.

Кристина с жадностью проглотила большую порцию воздуха и схватилась за посиневшую шею, пытаясь прийти в чувства от всего происходящего. Но она была в таком шоковом состоянии, что просто не имела возможности вернуться к реальности, повсюду до сих пор был туман, и все, что она видела, воспринималось, как предсмертные галлюцинации.

Тем временем раздались еще выстрелы, их последовало больше десяти. Большинство из них пришлось на разъяренных мертвецов, которые дружно бросились в сторону стрелка, но едва они приблизились к нему, как тут же пули разрывали их хрупкие головы на куски. Через пару минут все ожившие трупы были вновь умерщвлены и вернулись в свое привычное лежачее состояние.

Кристина обезумевшим от страха взглядом посмотрела в сторону двери и увидела стоявшего у порога Себастьяна, который, не переставая, держал пистолет в боевой готовности, словно перед ним до сих пор стояло ужасное существо без глаз.

Мужчина бегло оглядел помещение и увидел сжавшуюся в углу женщину, которая тихо стонала и незаметно плакала, не в силах принять увиденное. Себастьян бросился к ней и крепко прижал дрожащее тело Кристины к себе, ласково шепча успокаивавшие слова, но тут вряд ли удастся привести в чувство в ближайшее время. Она была слишком напугана случившемся и по-настоящему потрясена. Весь реальный мир перевернулся для нее с ног на голову. И не хотелось ни во что верить. Все воспринималось, как иллюзия, красочный мираж.

— Все хорошо, все хорошо, моя хорошая, — прикоснулся губами к ее макушке тот и нежно провел рукой по спине женщины.

— Что это было? Что происходит? — сквозь слезы прошептала она. — Мне так страшно... Я видела... Видела оживших мертвецов. Они...

— Все позади, все закончилось, — посмотрел в ее глаза мужчина и ласково смахнул с ее щеки застывшую на месте крупную слезу. — Нам нужно уходить отсюда и как можно скорее.

— Адам... Нам нужно найти Адама, — в панике произнесла Кристина и без помощи Себастьяна поднялась на ватные ноги. — Он в опасности, я это чувствую.

Автобус дернулся и заставил заспавшегося на сидении у окна Джорджа удариться левой

щекой о грязное стекло, украшенное следами человеческих рук и слюны. Молодой человек потер кулаками покрасневшие глаза и потянулся, пытаясь возобновить циркуляцию крови в застоявшемся организме. Посмотрев на бегавшую за окном улицу, он успокоился, так как понял, что не пропустил свою остановку. Он еще ни разу не засыпал в автобусе, но сегодняшняя бессонная ночь дала о себе знать, поэтому Джордж вырубился, даже не заметив этого. Он поправил свои шелковистые русые волосы и скрестил руки на груди, пытаясь задержать потерю тепла в организме. В автобусе было холодно, как на улице, поэтому молодой человек пожалел, что не оделся сегодня потеплее.

Нужная остановка показалась через двадцать минут. Джордж дождался остановки автобуса и стрелой выскочил наружу, чуть не сбив на своем пути чересчур медлительную старушку, которая решила спозаранку покататься по Лондону, совершенно не имея для этого причины. Поправив сползшую кверху кожаную куртку темно-коричневого цвета, Джордж направился к видневшемуся впереди дому, где жила Татьяна. Он боялся идти туда, но понимал, что поворачивать назад уже слишком поздно. Молодой человек уже здесь. И он должен рассказать Татьяне всю правду. Скрывать истину уже не было сил. Слова так и жаждали вырваться наружу бурным потоком.

Поднявшись на нужный этаж, он нашел дверь ее квартиры и, переведя дух, нажал на звонок, но после заметил, что дверь по какой-то причине полуоткрыта, а внутри квартиры доносились оживленные мужские голоса. Молодой человек решительно открыл дверь и перешагнул через порог, вслушиваясь в мужские разговоры. Странно, что никто не услышал звука звонка, хотя тот был весьма громким. Или те решили просто проигнорировать объявившегося гостя?

— Неужели ты не понимаешь? Мы не можем сделать это сейчас.

— Мы слишком долго тянули. И теперь нам перешли дорогу. Ситуация стала опасной. Если это повторится, то нам не удастся сгладить последствия, как в прошлый раз

Джордж вошел в коридор и громко запер за собой дверь, пытаясь тем самым обратить на себя внимание. Мужчины вмиг смолкли и вышли поглазеть на внезапно объявившегося гостя, которого те явно не ожидали увидеть. Перед молодым человеком возникли Петр и Ларри, второго Джордж совершенно не ожидал увидеть здесь, к тому же беседовавшего с мужем Татьяны.

— Джордж? — удивленно произнес Ларри и как-то странно забегал глазами, будто пытался подобрать для следующей фразы подходящие слова, но ничего в голову не приходило.

— Ларри? — вскинул брови молодой человек. — Ты что здесь делаешь?

— Пришел навестить уважаемого мужа нашей Танечки, — слегка приобнял Петра тот и чересчур наигранно засмеялся. — Ладно, джентльмены, мне необходимо идти. А то я уже опаздываю. В полицейском участке произошел некий инцидент, нужно срочно поехать туда и во всем разобраться. Джордж, может присоединишься?

— Я хотел поговорить с Татьяной.

— Себастьян же просил... — начал было Ларри, но, встретившись с угрюмым взглядом молодого человека, вмиг замолк. — Хорошо. Дело твое.

Ларри нацепил на голову шляпу и направился к выходу, но перед тем как выйти он как-то странно взглянул на Петра, будто одними лишь глазами передал ему некую информацию, после чего скрылся в подъезде.

— Он спрашивал про тот случай с собакой, — обратился Петр к гостю и прижался

спиной к стене. — Видимо, у них появились какие-то мысли насчет автора того кровавого представления. Тебе что-нибудь известно про это?

— Нет, — отрезал тот и неуверенно потоптался на месте. — Я тогда лежал в больнице, так что узнал обо всем случившемся от третьих лиц. Но произошедшее меня удивило не меньше тебя.

— Ты хотел поговорить с Татьяной? — спросил Петр и, не дождавшись ответа на вопрос, направился в сторону кухни. — Проходи, не стесняйся. Можешь не разуваться. Я знаю твою русскую привычку. Но здесь тебе не следует этого делать.

Джордж проследовал за мужем Татьяны, который моментально, будто заранее готовился к приходу Майлза, поставил на стол две чашки с ароматным кофе.

— Не знаю, любишь ли ты этот напиток, но ничего другого я предложить не могу, — как-то виновато произнес Петр и предложил гостю сесть за стол.

— Я выпью, спасибо, — вежливо ответил Джордж и плюхнулся на мягкий стул напротив мужчины. — Сегодня была напряженная ночь, мне нужно хоть как-то взбодриться.

— Да, Ларри мне все рассказал, — как-то загадочно сказал тот и сделал небольшой глоток бодрящего напитка. — За один день произошло слишком много событий. И это коснулось и меня в том числе.

— Татьяна еще не проснулась? — Джордж посмотрел в сторону спальни, но тут же заметил, что там никого нет. Постель была давно застелена.

— Нет. Ее нет дома, — холодным тоном ответил тот и отодвинул от себя чашку, но как-то брезгливо. — Она ушла из квартиры еще ночью. Взяла практически все свои вещи. Даже деньги из сейфа.

— Что произошло?

— Я бы хотел это спросить у тебя. Мне кажется, твое присутствие в ее жизни заставляет Татьяну жить в прошлом. Она совершенно отдалилась от меня, продала всю себя до последней капли мечтам, которым не суждено сбыться. Ты и Эрван разрушили ее изнутри. И мне это не нравится.

Джордж как-то грубо хмыкнул и скрестил руки на груди, явно обдумывая, как ответить на такое острое заявление со стороны мужа Татьяны. Тот в свою очередь будто был доволен собой, что отразилось на его улыбчивом довольном лице.

— Каждый день я проматывал в голове тот день, когда меня пытались пристрелить в заброшенной деревне на южном побережье. Я убил троих, совершенно беспощадно и извращенным способом. До сих пор не верю, что в тот момент был способен на подобное. Но я ясно помню, что тех стрелков было четверо, — глаза Джорджа пугающе блеснули, и он пронизывающе стал изучать Петра, который будто занервничал из-за произнесенных им слов. — И вот теперь четвертый стоит прямо передо мной, спокойно пьет кофе, совершенно не подозревая об опасности, которая ему грозит.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — замотал головой тот и встал со стула, направившись в сторону окна.

— Ты все прекрасно знаешь. Иначе бы не стал добавлять в мой кофе яд, — Джордж брезгливо отодвинул от себя чашку и вновь ухмыльнулся, будто его забавляла данная ситуация. — Тебе следовало быть внимательней. Ты выбрал не ту чашку. Необходимо более тщательней продумывать свои действия.

Петр резко сжал пальцами подоконник и обессиленно скатился на пол, как-то странно и тяжело хрипя от каждого сделанного вдоха.

— Ты поменял чашки, — прошептал он, с ужасом смотря на молодого человека.

— Она не даст мне умереть, ты ведь знаешь... Удивительно. Ты знал, что я приду. И даже подготовился. Слишком знакомо, — криво улыбнулся Джордж и приблизился к мужчине, сев напротив него. — Ларри. Он все-таки был с вами. Мне следовало догадаться об этом раньше. Какой же он двуличный джентльмен. Прекрасно справлялся с ролью подкаблучника. Любой американский актер покусал бы локти от зависти.

— Что тебе нужно?

— Хочу завершить начатое. Собирался сделать это гораздо раньше, просто подходящей возможности не имелось, — Джордж резко выпрямился и довольной походкой направился в сторону кухонной стенки, после чего стал что-то искать в многочисленных ящиках.

— Тебе нужна Татьяна, ведь так? Ты ради нее пришел сюда?

— Но пока ее здесь нет — разберусь с тобой. Ты стал мешать мои планам, друг. Слишком импульсивный. Если бы следовал ранее запланированному алгоритму, то я бы не тронул тебя. Ты хороший парень. Мне жаль, что ты стал частью этого сборища фанатиков. Но не волнуйся, я избавлю тебя от страданий.

— Так значит это был ты... Ты прикончил Ломана? — из последних сил прокричал Петр и тяжело закашлял, с трудом вбирая в легкие воздух.

— Бинго, — усмехнулся тот и продемонстрировал мужчине найденный им длинный кухонный нож. — Как же долго вы шли к этому умозаключению.

— Какова твоя цель? Ты ведь ни на чьей стороне. Ради чего это делаешь? Что тебе дадут все эти убийства?

— Свободу, — спокойно улыбнулся парень и медленно провел лезвием ножа по его мокрому горлу. — Но прежде умрет слишком много людей. Это неизбежно. Поверь мне, Петр.

Петр немного пришел в себя и попытался приоткрыть отяжелевшие веки, но из-за бывшего прямо в глаза света восходящего солнца пришлось сморщиться, чтобы хотя бы немного понять, что находится вокруг.

Мужчина осознал, что его притащили на чердак их квартиры и разместили неподалеку от пыльного громоздкого пианино. С потолка свисали шторы, сплетенные трудящимися пауками и украшенные трупами крошечных насекомых. Паутина отбрасывала причудливую тень на стену, отдаленно напоминавшую просторы английских равнин. Петр попытался подвигаться, но не смог этого сделать. Что-то полностью сковало его тело.

Он осмотрел себя и увидел, что сидит привязанным к стулу. Веревка обволакивала его слишком крепко, перерезать не получится, даже если будет иметься нож. Оставалось только звать на помощь, но и этого сделать не удастся — Петр был слишком слаб и с трудом находил в себе силы, чтобы сделать хотя бы маленькое движение пальцами руки.

Рядом с ним возникла фигура Джорджа, тот поднялся по лестнице и принес из квартиры золотой подсвечник, после чего со спокойной улыбкой поставил его на стол и перевел умиротворенный взгляд на Петра, который с ужасом и непониманием таращился на молодого человека. Парень ухмыльнулся, затем полностью обнажил свой торс, небрежно бросив одежду в сторону. Связанный мужчина невольно оценил подтянутое рельефное тело Джорджа, которое было просто великолепным, словно парня создал некий гениальный скульптор и вдохнул в него жизнь. На теле молодого человека не было ни единого изъяна: кожа была ровной, гладкой и невероятно бледной, отчего та сверкала в свете рыжеватого

солнца. Джордж провел ладонью по крышке пианино и смахнул с нее толстый слой пыли.

Петр молча наблюдал за его действиями и пытался понять, что тот собирался делать, но парень будто игрался с мужчиной и совершал несвязные движения, при этом все время улыбаясь и посмеиваясь, словно его что-то умудрялось смешить.

— Яд... — прошептал Петр в недоумении, вспомнив все то, что случилось между ними на кухне. — Он не убил меня... Ты... Ты солгал.

— Внушение, — хмыкнул тот и приблизился к своему пленнику, в упор посмотрев на его бледное покрытое плотной испариной лицо. — Вещь невероятно сильная. Ты поверил, что выбил отравленный кофе, хотя там не было ни капли яда. Вера может стать оружием в руках того, кто умеет внушать.

— Ты убьешь меня, как убил своего отца? — стиснув зубы, прошептал Петр и слегка поерзал на стуле. — Кем ты станешь после этого? Ничуть не лучше нас. Какова твоя цель? Ведь ты убил столько людей... Думаю, Татьяна сильно удивится, когда узнает, кто причастен к тем зверствам в психлечебнице. У тебя был блестящий план. Bravo. Просто восхищен твоим талантом лгать. Интересно, а кто лежал вместо тебя в больнице? На твоём теле нет ни единого ожога.

— Это тебя не касается. Мой путь не соприкасается с вашим, я уже говорил тебе это. И повторять не собираюсь. Хочу лишь сказать одно, я убью каждого, кто посмеет мне помешать.

— Даже Татьяну? И ее ты убьешь?

— Да, если потребуется, — слишком спокойно ответил Джордж и взглянул в распахнутое окно, немного поморщив нос из-за острых лучей солнечного света. — В моем деле нет чувств.

— А как же Эрван? Разве не из-за него ты делаешь все это? Я ведь знаю, он был очень дорог для тебя. Ты бы перегрыз ради него глотку даже родной матери. Вряд ли ты ничего не чувствуешь. Просто нагло лжешь мне.

Джордж ничего не ответил. Молодой человек молча прошелся по чердаку и после сел за пианино, будто собирался сыграть на нем что-нибудь, но так и не решился нажать на хотя бы одну клавишу.

— Моя мама в детстве научила меня и моего брата играть на пианино. Я плохо помню те события, но любовь к музыке осталась со мной навсегда. До сих пор слышу в голове каждую мелодию, которую мы втроем исполняли в гостиной... Хочешь послушать? — Джордж поднял крышку музыкального инструмента и обнажил слегка пожелтевшие клавиши, смотря на них, как на драгоценные камни. — Мое самое любимое произведение «Лунная соната» Бетховена. Поистине, великое творение. Я не играл на пианино довольно давно, так что прошу меня строго не судить.

— Ты спятил, — прошептал Петр и стал изо всех сил ерзать на стуле, в панике надеясь, что ему рано или поздно удастся вырваться.

— Музыка не терпит шума, — с недовольством произнес Джордж и начал исполнять первые ноты, с лучезарной улыбкой прикрыв глаза, наслаждаясь чарующими звуками, что были созданы его гибкими пальцами.

Петр в страхе начал смотреть по сторонам, пытаясь найти хотя бы что-то острое рядом с собой, что способно перерезать веревку, но Джордж все предусмотрел и посадил его вдали от всех предметов, имевших шанс оказать помощь связанному мужчине.

Неожиданно где-то в глубине чердака, там, куда не доходил утренний холодный свет,

послышалось громкое шуршание и топот многочисленных ног. Мужчина прищурил глаза, чтобы выяснить, что служило источником столь странного шума, и с удивлением заметил, что там стоят несколько высоких личностей, чьих лиц невозможно разглядеть из-за плотной тени.

Те стояли в стороне и будто боялись выйти на свет. Казалось, что они просто наблюдали за игрой молодого человека и вслушивались в каждую ноту, впитывая их до последней капли, как что-то жизненно необходимое.

— Они не терпят ошибок. Если я нажму ненужную клавишу, это их разозлит. Нужно быть осторожным, — едва слышно прошептал Джордж и вновь вжился в роль музыканта, полностью слившись с музыкальным инструментом в одно целое, но внезапно он остановился и как-то странно задумался, будто пытался вспомнить нечто важное.

Тем временем таинственные силуэты в тени оживились и стали как-то жутковато перешептываться, словно их сильно разозлила вернувшаяся тишина. Через пару секунд один из них вышел на свет и продемонстрировал всем присутствовавшим свое изуродованное лицо со свисавшей дырявой кожей. Петр в панике вскрикнул при виде такого уродливого существа и чуть было не упал на спину вместе со стулом, но чудом смог удержать равновесие. Уродец был лишен глаз, но, будто по привычке, хлопал ресницами, надеясь таким образом вернуть ясность зрения, но никакого результата эти нелепые действия так и не принесли. Петр также смог заметить, что это был мужчина, довольно пожилого возраста, судя по сморщенной обвисшей коже. Уродец медленно шел вперед, противно и громко кряхтя, при этом запрокидывал голову и тянул к Петру костлявые кривые руки, будто пытался нащупать тело мужчины впереди себя.

— Я совсем забыл, что нужно было зажечь подсвечник, — с наигранной радостью в голосе произнес Джордж и подарил этому месту немного искусственного света, хотя это явно было лишним, так как дневного светила было вполне достаточно, чтобы озарить большую часть чердака. Но, видимо, молодому человеку казалось, что от этого станет уютнее, и это благотворно скажется на его игре.

Но перед тем, как вновь нажать на клавиши, Джордж повернулся в сторону силуэтов, что продолжали скромно стоять в тени, и улыбочиво кивнул им, будто одобрил некие задуманные ими действия. Те в свою очередь оживились и один за другим выбежали из тени, со скоростью голодного волка кинувшись прямо на Петра, который с ужасом наблюдал за всей этой чертовщиной, что творилась в данный момент. Изуродованные люди достигли связанного мужчину и с хищным возгласом впились в его тело острыми, как бритва, зубами, пронзив кожу буквально насквозь.

Петр завизжал изо всех сил и с ужасом выпучил глаза, на которых стали с молниеносной скоростью лопаться сосуды из-за боли, что сейчас испытывал мужчина. Джордж будто не слышал крики и продолжил творить прекрасную мелодию, умиротворенно покачиваясь из стороны в сторону. Через пару минут он остановился и поднялся со стула, отчужденно взглянув на Петра, которого облепили со всех сторон изуродованные человеческие тела, что с жадностью отрывали от мужчины лакомый кусочек теплой плоти. Джордж движением руки приказал уродцам остановиться и отступить от уже успевшего затихнуть мужа Татьяны.

Тело мужчины было полностью покрыто следами от укусов и измазано алой кровью, что стремительно выливалась из его организма. Если бы Джордж не знал, кто тут сидел, то вряд ли бы признал Петра — настолько сильно эти люди изувечили его. Но молодого

человека подобное кровавое зрелище совершенно не беспокоило, он оставался быть таким же пугающе умиротворенным. Петр нервно посмеивался сквозь тяжелое надрывное дыхание, явно из-за болевого шока.

— Каково это чувствовать приближение смерти? — приблизился к нему почти вплотную Джордж и криво улыбнулся, оценивающе осматривая раны мужчины. — Теперь ты знаешь, что пережил Эрван после того, как ты пустил ему пулю прямо в сердце.

Молодой человек подошел к своей одежде и вытащил из-под куртки тяжелый острый предмет. Петр сквозь полубессознательное состояние увидел, что это был топор, весьма старый и позолоченный, будто являлся экспонатом какого-нибудь исторического музея.

— Когда-то я этим оружием убил твоих напарником. Их было трое. Ты же станешь четвертым. Не бойся, больно не будет. Я постараюсь сделать все быстро, — Джордж размахнулся изо всех сил и совершил мощный удар, который в одно мгновение отрубил голову Петра и вынудил ее, как что-то невесомое, отлететь в угол комнаты. Крупный фонтан крови брызнул Джорджу прямо в лицо, отчего тот даже слегка вздрогнул и прикрыл глаза, чтобы капли красной жидкости случайно не попали на органы зрения.

Тем временем уродливые личности с голодным рычанием вцепились в обезглавленное тело мужчины и потащили его в тень, чтобы там продолжить свое торжественное пиршество.

Джордж укладкой проследил за ними и невольно провел указательным пальцем по лицу, после чего дотронулся им до кончика языка и оценил вкус крови Петра, которая оказалась слишком сладкой и неприятного запаха. Молодой человек нервно сглотнул и кинулся к своей одежде, после чего небрежно вытер своей рубашкой следы красной жидкости со своей кожи.

Он почувствовал тошноту, впервые за столь долгий промежуток времени. Раньше ему это давалось легко. Но сегодняшнее убийство было выполнено с большим трудом. Необходимо взять себя в руки.

Джордж вышел в узкий переулок и на ходу застегивал пуговицы на рубашке, которую он одолжил у Петра, порывшись в его богатом гардеробе. Молодой человек до сих пор прокручивал в голове свои последние действия. Он разлил по всей квартире канистру с бензином. И поднес спичку. Джордж не видел, что произошло дальше, но догадывался, что квартира Татьяны вспыхнула мгновенно, как лист бумаги. Вряд ли там хотя бы что-то уцелеет. Джордж, по крайней мере, надеялся на это. Оставленные улики ему сейчас совершенно ни к чему. Раскрывать себя было слишком рано. Еще не наступило подходящее время.

К сожалению, он не успел забрать из того пепелища куртку, поэтому пришлось идти по улице в одной рубашке, которая была ему немного мала, но сильного дискомфорта, к счастью, не доставляла.

Переулок завален мусором. В основном сгнившими из-за сырости коробками, набитыми всяким барахлом. Но встречались и отходы человеческой жизнедеятельности: выброшенные объедки и прочие испортившиеся продукты. Джордж никогда не пошел бы по такому месту добровольно, но сейчас было крайне важно уйти незаметным.

На пути он встретил зеркало в полный рост. На удивление, то оказалось полностью целым, но лишилось рамы, что теперь кусками валялась рядом. Молодой человек взглянул на свое отражение и, сдвинув брови, оценил собственный внешний вид. К счастью, следов

крови не осталось, он успел хорошо вымыть лицо перед тем, как покинуть место преступления. При таком свете создалось ощущение, что волосы стали заметно темнее, практически черными. Джордж исподлобья уставился на свое лицо и рукой поправил длинную челку, закрыв ею лоб, на котором просматривались вздувшиеся вены.

Нужно успокоиться, сказал самому себе Джордж и громко выдохнул, но внутри образовалась странная тяжесть, которая, как паразит, присосалась к нему и не собиралась отставать.

Вдруг на запястье он ощутил странное жжение. Взглянув на кожу, тот с ужасом заметил образовавшиеся шрамы от сильнейших ожогов, которые пульсировали с такой силой, будто под ними находилось некое существо, что пыталось вырваться наружу. Но через мгновение они так же внезапно исчезли, а на их месте вновь красовалась чистая гладкая кожа. Джордж испуганно отвел взгляд от руки и снова посмотрел на себя в зеркале. Но теперь там отражался не только он один.

Позади стоял еще один мужчина, как две капли воды похожий на него.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Глава восемнадцатая.

Предчувствие

Сентябрь. 1919 год.

— Эрван! Эрван, проснись! Тебе нельзя спать! Это убьет тебя! — приятный на слух женский голос звучал где-то вдали и доходил до ушей молодого человека в виде наполовину различимого эха, словно парень находился в некоей огромной подземной пещере.

Юноша разлепил свои веки и, поморщившись от пульсировавшей боли у висков, сел на кровати и сонными глазами осмотрелся, пытаясь привыкнуть к реальному миру после продолжительного сна. Эрван потер виски пальцами и, глубоко вздохнув, поставил свои длинные стопы на холодный дощатый пол, который был таким пыльным, что к коже ног моментально прилипли крупинцы пыли и песка. Он осмотрел себя и довольно странно усмехнулся, словно смутился своей наготы. По всему телу были видны покраснения, оставленные одеялом и простыней, что говорило о том, что парень пролежал в неподвижном состоянии довольно громадный промежуток времени. Необходимо как можно быстрее отрываться от кровати и идти завтракать, пока кожа не стала полностью красной из-за того, что ее хозяин слишком долго нежилась в постели.

За окном шел дождь, весьма сильный, словно кто-то сверху решил вылить на город огромное ведро с ледяной мутновато-серой водой. Барабанная дробь по стеклу усилила боль в висках, и Эрван со стонами снова их потер, не совсем понимая из-за чего в голове возникли такие неприятные ощущения, словно там кто-то решил поработать молотком и раздробить весь головной мозг до основания. По привычке молодой человек потянулся к тумбочке, где, как обычно, должен был лежать его портсигар серебристого цвета, но быстро отдернул руку, так как с грустью понял, что его там нет. Сигареты не было во рту уже пару недель, и от этого разразился самый настоящий голод. Потребность в табаке была просто невыносимой, но он по какой-то причине не мог выкурить сигарету, которая не лежала в этом блестящем прямоугольном предмете, наслаждение от курения моментально улетучивалось, и парень быстро выбрасывал папиросу, даже не докурив ее. Портсигар будто обладал магическими свойствами и стал частью души Эрвана, без него юноша страдал, словно потерял любимого человека. И это тоска была повсеместной, ее было невозможно на короткое время забыть, засунуть куда-то внутрь души. Она находилась снаружи. И вряд ли опустится ниже.

Дождь усилился. Где-то вдали послышался слегка пугавший раскат грома, который напомнил звук столкнувшихся поездов: сначала долгий свист, затем предсмертный гудок и лобовое столкновение. Эрван не мог понять, почему выбрал такое сравнение. Но этот гром действительно был похож на нечто подобное, с другим сравнить бы попросту не получилось.

Одевшись, он быстро заправил постель и вышел из спальни. Он надеялся застать Джорджа в мастерской, что находилась на первом этаже, но там оказалось пусто. Эрван был здесь совершенно один. Спустившись по лестнице, молодой человек слегка побродил по мастерской и с грустью поглядывал на пыльные окна, которые безрезультатно пытался отмыть не утихавший ливень, но грязь на них была столь стойкой, что даже кусочек дорожной пыли не пожелал сползти вниз и вместе с дождевыми потоками уплыть в сточные воды.

Джордж забрал с собой даже своего пса, это Эрван заметил не сразу. Обычно питомец

его друга всегда находился здесь, Джордж, по какой-то причине боялся выпускать своего любимца на улицу без сопровождения, объясняя это тем, что собаку может сбить машина или кто-либо украдет ее и отдаст в собачий приют, так как в округе много бродячих псов, и никто не будет смотреть, домашний он или нет. Но сегодня Джордж почему-то решил взять его с собой. В такой ливень. Без зонта: тот скромно висел на крючке около входной двери. Что же случилось? Почему русоволосый парень без предупреждения оставил свою мастерскую и ушел куда-то в такую скверную погоду?

Эрван прошел на кухню и поставил на плиту чайник, доверху наполненный профильтрованной водой, после чего усталое сел за кухонный стол и вновь потер пульсировавшие виски. Боль не утихала. Странно. Вчера он ничего спиртного не пил, даже спать лег раньше обычного. Почему же так сильно болит голова? Раньше такого никогда не было.

— Он убьет тебя. Ты должен бежать! Уходи! Быстрее!

Эрван провел ладонью по опухшему заспанному лицу и положил лицо на поверхность стола, прикрыв глаза, затем стал вслушиваться в оперное пение пузатого чайника и звуки сентябрьского дождя.

Стало заметно холоднее. Лето стремительно покинуло Лондон, тучи сгустились над огромным городом, прогнав прекрасное теплое солнце. Тоска поселилась в сердца каждого, кто проживал здесь или хотя бы прибыл в город на день. Тяжелое серое небо давило на головы, смачивало волосы, пропитывало одежду зловонными талыми водами. Темза слилась с небосводом, воздух был отвратительно влажным, дышать стало практически невозможно, словно находишься под водой и не можешь вынырнуть. Поэтому Эрван в последнее время редко выходил на улицу, он там не мог находиться даже часа: одежда и волосы тут же становились мокрыми, а холодный порывистый ветер только усугублял и без того не самую лучшую ситуацию. Дома было теплее, суше. Эрван был готов просидеть в этих стенах до начала следующего лета. Осенний Лондон просто съедал парня живьем, разлагал в своем пропитанном влагой воздухе.

Чайник запел еще громче, вынудив юношу оторвать свою физиономию от стола. Парень заварил себе крепкий кофе и снова сел. Аппетит почему-то пропал, желудок с трудом впустил в себя даже бодрящий напиток, где-то внутри чувствовалось странное жжение, тошнота. Ничего не хотелось делать. Только неподвижно сидеть. А лучшего всего лежать.

Эрван сделал пару глотков кофе и брезгливо отодвинул от себя чашку. Он больше ничего не хотел, лишь горел желанием поскорее избавиться от этой надоевшей головной боли и тошноты.

— Он уже близко! Беги, Эрван! Беги. Он убьет тебя!

Эрван понял, что его состояние резко ухудшилось, и случилось это так внезапно, что парень с трудом удержал в себе то, что норовило вылиться из него наружу прямо на пол. Молодой человек, зажав рот рукой, бросился в сторону туалета и с большим трудом опустошил свой желудок: некая субстанция выходила из него медленно и с нестерпимой болью, будто тянула за собой внутренние органы. Юноша с ужасом посмотрел на жидкость, которая только что покинула его желудок. Она была вязкой, темно-бардового цвета, напоминала запекшуюся кровь. Парень с громкими стонами сел рядом с унитазом и, тяжело дыша, вытер остатки рвоты со своих губ.

— Он уже здесь! Он уже здесь!

— Почему ты не убегаешь?

- Ты должен бежать!
- Он не слышит нас!
- Почему ты не убегаешь?
- Он уже здесь!
- Эрван!
- Ты должен бежать!

Юноша оперся рукой о край раковины, что стояла рядом с ним, и поднялся на ватные непослушные ноги, которые по какой-то причине дрожали, словно от холода. Молодой человек смыл странную субстанцию, что вышла из него, после чего в течение нескольких минут умывал вспотевшее бледное лицо холодной водой. Кожа по всему телу в буквальном смысле горела, будто была покрыта сильнейшими свежими ожогами, пот ручьями стекал с него вниз, и это было невозможно остановить. Состояние Эрвана ухудшалось с каждой минутой.

— Что со мной происходит? — прошептал он и внимательно посмотрел на свое отражение в зеркале.

На него смотрел донельзя напуганный молодой человек, мокрый, бледный, измученный. Парень с трудом узнал в нем самого себя. И не хотел верить, что в данный момент времени выглядит именно так. Этого просто не могло быть. Парень снова брызнул в лицо холодной водой и, завернув кран, тщательно вытер кожу полотенцем. Надо успокоиться, шептал он самому себе. Надо прийти в себя. Эрван вновь перевел свой взгляд на отражение в запачканном зеркале. И замер в оцепенении.

Его двойник в Зазеркалье стал покрываться извилистыми черными линиями, которые отдаленно напоминали вздувшиеся проступившие наружу вены, но их было так много, что они, в буквальном смысле, покрыли кожу полностью, не оставив на ней ни единого нетронутого кусочка. Эрван вскрикнул и отпрянул назад. Но стоило ему моргнуть, как отражение вернуло свой привычный облик. Юноша, тяжело и надрывно дыша, продолжал пялиться в зеркало, все еще не понимая, что он только что увидел. Это невозможно было объяснить. Это лишь пугало. До потери пульса.

- Он уже здесь! Он нашел тебя.
- Беги, глупец!
- Почему он стоит на месте?
- Эрван!
- Он здесь!
- Он убьет тебя!

Джордж вернулся домой после обеда. Самым странным было то, что он не промок ни на йоту, будто не был на улице вовсе. Такая же идеальная сухость имелаась и у его пса, который с высунутым языком и приподнятой мордочкой любовался своим весьма счастливым хозяином. Оба без каких-либо приветствий прошли в мастерскую. Джордж сел на свой стул около рабочего стола и стал ласково почесывать своего пса за ухом.

Эрван в ступоре наблюдал за этой картиной и не знал, как бы правильно намекнуть Джорджу, что он стоит в паре метров от него и пытается отмыть грязные окна, которые стали еще мутнее после недавно закончившегося ливня. Молодой человек с грустным выражением лица положил мыльную губку в ведро с водой и громко кашлянул, пытаясь таким образом отвлечь Джорджа от собаки и заставить его посмотреть на себя. Но тот лишь

кивнул и лениво помахал Эрвану рукой.

— Я думал, что ты придешь этой ночью ко мне, — ледяным и слегка обиженным тоном произнес темноволосый парень и вернулся к мытью окон. — Я ждал тебя.

— Извини, я был занят, — пугающе спокойным и безразличным тоном ответил Джордж, после чего встал со стула и расстегнул свою кожаную куртку, из внутреннего кармана достал пару пожелтевших конвертов и бережно положил их на свой рабочий стол. — Надеюсь, тебе не было скучно в мое отсутствие.

— Мы же договаривались, что эти выходные проведем вместе. Мы не так часто видимся, ты же знаешь. И в последнее время ты стал меня избегать. Что происходит? — Эрван снова положил губку в ведро с водой и, скрестив руки на груди, пристально посмотрел на Джорджа, который даже не удосужился взглянуть на него за все это время.

— Да... Я помню, — протянул он и натянуто улыбнулся. — Но появились дела. Мне пришлось съездить кое-куда, встретиться с одним человеком.

— Что за человек? — спросил Эрван и демонстративно вздохнул, так как понял, что ответа от так и не дожидается. Понурился, он стал нервно ходить взад и вперед.

— Джордж, почему ты так поступаешь со мной? После того происшествия ты изменился, будто совершенно меня не замечаешь.

— Все по-прежнему, — наконец-то посмотрел на него тот и так же натянуто улыбнулся. — Поверь.

— Я хотел, чтобы эти два дня были особенными. Я приготовил для тебя сюрприз. Ты ведь знаешь, что для меня это очень важно. И я надеюсь, что для тебя тоже.

— Эрван, это лишнее. Давай обойдемся без этого, — с некой неприязнью ответил Джордж и стал подниматься по лестнице. — Я ценю твою внимательность. Но я слишком устал, давай поговорим потом.

— Джордж, — Эрван и бросился вслед за ним. — Я хочу знать правду. Не нужно делать вид, что все хорошо, — он схватил Джорджа у входа в спальню за рукав и заставил того посмотреть на себя. — Я ведь знаю. Что-то изменилось. Только не нужно лгать. Умоляю.

— Все хорошо, — попытался заверить его тот, но в тот же миг понял, что этот ответ не удовлетворил молодого человека. — Я очень ценю твою поддержку, твое присутствие. Но...

— Что?

— Извини. Я устал. Я не спал всю ночь, — Джордж попытался вырвать свою руку, но Эрван мертвой хваткой вцепился в нее.

— Я хочу побыть с тобой. Я очень скучаю по тебе, — простонал Эрван и обхватил шею Джорджа руками. — Мне очень одиноко без тебя. После того, что случилось там... Мне очень страшно. Я боюсь выходить на улицу. Постоянно кажется, что за мной кто-то следит, — Эрван уткнулся носом в его пропахшую потом и городской гарью шею и прикрыл свои глаза. — Не бросай меня снова.

— Эрван, успокойся, — отстранился от него тот и, наконец, освободив руку, подошел к кровати и стал стягивать с себя рубашку. — У тебя просто паранойя. Это пройдет.

— Я люблю тебя, — прошептал Эрван, но встретился с его все таким же безразличным взглядом.

— Давай позже поговорим, ладно? — Джордж остался в одном нижнем белье и как можно быстрее зарылся под одеяло.

— Джордж? — жалобно произнес Эрван и сел на край кровати рядом с ним.

— Пожалуйста, оставь меня. Ненадолго.

— Я хочу знать, что между нами происходит. Я больше не могу ждать.

— Ты хочешь знать ответы?! — Джордж резко сел и пристально посмотрел на Эрвана. — Я устал от всего этого, от этих наших с тобой отношений. Они мне больше не нужны.

— Джордж...

— Нет никаких нас. Ты сам говорил, что мы просто друзья. Так оно и есть. Большого быть не может.

— Джордж, не торопись. Давай не будем так сразу... — Эрван попытался его обнять, но Джордж не позволил тому приблизиться к себе ни на сантиметр: с силой оттолкнул от себя парня.

— Я не люблю тебя. Ты был лишь временным развлечением. Извини, что я понял это только сейчас.

— Что я сделал? — на глазах Эрвана появились слезы. — Я ведь хотел сделать все, чтобы мы были счастливы. Ты ведь сам говорил, что благодаря мне смог полюбить жизнь и продолжил двигаться дальше. Почему же так резко изменилось все?

— Я хочу жить нормальной жизнью. Я хочу, чтобы у меня была своя семья, дети. Ты мне ничего этого дать не сможешь, даже если захочешь. Ни о какой любви речи быть не может. Это просто страсть и привязанность, не более. Между нами ничего никогда не было. И не нужно ворошить прошлое.

Эрван молчаливо засунул руку в карман брюк и вытащил оттуда какие-то блестящие предметы. Джордж успел заметить, что это были аккуратно согнутые в круг гвозди, тщательно отполированные и сглаженные на конце. С виду это были самые настоящие кольца, весьма красиво смотревшиеся издалека. Эрван все так же молча надел одно кольцо на свой палец, а второе положил на одеяло рядом с Джорджем, после чего направился в сторону выхода из спальни.

— У тебя еще есть шанс все исправить. Я готов ждать столько, сколько нужно. Поэтому сделаю вид, что ничего из того, что ты говорил, просто не услышал... Отдыхай.

Эрван спустился по лестнице и понял, что с каждым новым шагом его ноги становятся все слабее и слабее. Не выдержав, он сел на первые ступеньки и устало закрыл лицо ладонями, даже не заметив, как слезы градом потекли по его бледным щекам.

— Почему? Почему? — прошептал он и тихо всхлипнул. — Что со всеми нами происходит? Что?

Он посмотрел на красовавшееся на его безымянном пальце кольцо и, снова всхлипнув, впился в него губами, после чего резко снял и с отвращением отбросил от себя в сторону.

Эрвану потребовалось довольно много времени, чтобы привести их мастерскую в божеский вид. В обычные дни он делал это совместно с Джорджем: парни справлялись с уборкой за пару часов и весело проводили время. Но только сегодня Эрван почувствовал, что наведение порядка дается ему с большим трудом. Он мечтал как можно скорее покончить с этой рутинной и заняться чем-нибудь другим в свой выходной день, который, как юноша уже понял, безнадежно испорчен.

У него не было постоянных знакомых, с которыми ему удалось бы скоротать вечер. Эрвану вполне хватало компании Джорджа, и оба этим довольствовались. Но за последний месяц ситуация резко изменилась. Сначала Джорджа уезжал на пару дней, но после все возвращалось на круги свои. А теперь его отсутствие может растянуться даже на неделю. И

Эрван не имеет ни малейшего понятия, куда тот направляется в очередной раз. Джордж не терпит, когда тот задает вопросы на данную тему: сразу начинает злиться и уходит от ответа. Эрван пытался привыкнуть, верил, что сможет понять и принять его подобное поведение. Но сегодня внутри что-то сломилось. Возникла сильнейшая боль в груди. И ее ничем нельзя было унять, даже выпитой бутылкой текилы. Дрожь сковала каждую мышцу. Эрван по-настоящему боялся. Боялся, что будет дальше. Его новая жизнь крошилась на сотни осколков, и не было никакого желания двигаться дальше. Но он терпел, пытался заставить себя думать о чем-то хорошем, любоваться обыкновенным видом из окна. Ничего... Не выходит. Боль лишь усиливается...

Почему Джордж так поступил с ним? Почему вновь оттолкнул от себя? Что случилось с ними после тех ужасных событий в августе? Что их так изменило? Некие темные силы поселились в них обоих, Эрван верил в это с каждым днем все сильнее и сильнее. Его приступы учащались. Сначала он думал, что это просто пищевое отравление, либо какой-нибудь грипп, который сам по себе пройдет. Но уже целый месяц головные боли и утренняя рвота не покидают его. И сегодня из его желудка вырвалась наружу жидкость, внешне напоминавшая кровь. Эрван после увиденного с трудом успокоил себя и подавил истерический крик. Он пытался об этом не думать, клялся себе, что все в порядке. Ведь в данный момент его самочувствие улучшилось. Но завтра приступ повторится... Он был уверен в этом.

— Он нуждается в помощи?

— Чего он боится?

— Он думает о смерти.

— Эрван, не нужно замыкаться в себе.

— Ты нуждаешься в помощи.

— Смерть уже близко.

— Он убьет тебя.

— Он не слышит нас!

— Он не слышит нас?

— Ах, Эрван.

Молодой человек закончил с мытьем окон и полов, вылил грязную воду из ведер, после чего сел за рабочий стол Джорджа и закрыл лицо руками. Он устал. Он хотел отдохнуть. Отдохнуть от своих болезненных мыслей... Они режут. Режут внутренние органы. Медленно. Отрезают по маленькому кусочку и с такой же скоростью поглощают. Эрван чувствует прикосновение их зубов. Терпит боль. Но это терпение рано или поздно закончится. Силы были на исходе.

Он поднял с пола выброшенное им кольцо и уставшими глазами осмотрел его.

Усмехнулся. Криво и как-то злобно. Будто увидел перед собой человека, который был ему неприятен и вызывал лишь желание поиздеваться над ним. Он покрутил свернутый в кольцо гвоздь, осмотрел каждую деталь на нем. Металл был слегка окислен, имел потертости и шероховатости. Эрван попытался сгладить его поверхность, но большего сделать было невозможно: гвоздь мог запросто треснуть от излишней работы над ним. Но почему-то сейчас работа, ранее казавшаяся ему красивой, стала уродливой, стыдливой. О чем он думал, когда сотворил этот предмет? На что надеялся? На согласие? Как это наивно...

Все закончилось. Продолжение сказки не настанет. Он может больше не надеяться на

это. Их история нашла свой логический финал. Эрван это с болью осознал и не желал это принимать. Но так оно есть... На самом деле. И уже ничего не исправить. Второго шанса не будет.

Их отношения с самого начала были ошибкой. И будет правильным завершить их сейчас. Пока боль не стала еще сильнее.

Эрван положил кольцо на стол, вытащил из нижнего ящика молоток и со всей силы ударил им по согнутому в круг гвоздю. Металл от сильнейшего удара сплюснулся и, не выдержав нагрузки, треснул на несколько частей. Посмотрев на результаты своих трудов, Эрван тяжело выдохнул, после чего собрал кусочки некогда нравившегося ему кольца и со спокойным лицом выбросил их в мусорное ведро.

Он в порядке. Теперь его сердце вновь свободно.

— Я хочу убить... Убить, убить тебя! — скрипящий мужской голос был повсюду, он словно перемещался в пространстве: по стенам, под полом, где-то на улице. Сложно было определить источник звука, тот был чересчур неуловим. И этим пугал до смерти. — Я чувствую твою смерть. Дай мне тебя прикончить! Дай завершить начатое! Дай мне завершить твои страдания!

Голос пробирал до самых костей, пробегался по ним в виде смертельного холода. Казалось, что каждое слово этого мужчины способно обездвижить совершенно любую часть тела, тем самым давая ему возможность сделать то, о чем тот так мечтал уже длительное время.

— Эрван!

— Просыпайся!

— Тебе нельзя спать. Проснись!

— Это убьет тебя!

— Он нас не слышит?

— Он уже здесь?

— Эрван!

— Эрван!!!

— Добрый день, — произнесла девушка где-то поблизости. — Извините, что вошла к вам без стука.

Молодой человек приоткрыл свои голубые глаза с длинными ресницами, слегка поморщился от доносящегося дневного света и увидел перед собой утонченный женский силуэт, который трудно было разглядеть в деталях с первого взгляда из-за солнечных лучей, что резали глазное яблоко без ножа. Поняв, что он все это время спал, положив голову на рабочий стол Джорджа, Эрван встрепенулся и резко сел, тем самым вызвав у пришедшей девушки забавную усмешку.

— Прошу прощения, но сегодня мастерская закрыта. Вы можете забрать свой заказ только завтра, — заспанным голосом сказал Эрван и потер рукой левый глаз.

— Если бы я пришла сюда ради починки обуви, меня бы здесь не было, — улыбнулась она и села на стул напротив молодого человека. — На самом деле я бы хотела поговорить с Джорджем Майлзом.

Эрван тем временем с тщательной внимательностью разглядывал ее прелестную натуру, которая была весьма и весьма привлекательной и, что не есть странно, желанной: длинные рыжие волосы, которые были распущены и шелковистыми прядями падали ей на плечи,

большие выразительные глаза темно-синего цвета, подведенные небольшим количеством теней, осиная талия, которая была видна даже сквозь ее свободную блузку, из-под которой будто специально просвечивался белый бюстгальтер, скрывавший женскую упругую грудь. Молодой человек понял, что слишком долго любовался ей, и, осознав, что та с вопросом на лице поглядывает на него, резко опустил свои зрачки и смущенно улыбнулся. Та быстро заметила красноту на его щеках и снова забавно усмехнулась.

— Ничего страшного. Я уже привыкла.

— Я буду вам весьма признателен, если вам удастся разбудить господина Майлза. Наш башмачник спит непробудным сном на втором этаже. Но я бы советовал вам его не будить. Он не спал всю ночь... Работал.

— Снова я пришла не в то время, — грустно вздохнула та, потом снова перевела свои большие глаза на молодого человека, и те выразили удивление. — А я вас, кажется, узнала. Точно! Вы ведь Эрван.

— Да, все верно. Мы с вами разве раньше встречались?

— Вживую нет. Я помогала Джорджу с вашими поисками.

— Вот оно как, — вскинул брови тот и как-то странно отвел глаза, будто неожиданно почувствовал что-то, что ему доставляло неприятные ощущения. — Вы детектив?

— Упаси Господи! Нет, — засмеялась она, но как-то чересчур наигранно, будто поняла, что вовсе не хотела этого говорить. — Я обыкновенная студентка юридического факультета, избалованная дочь покойного владельца одной известной фабрики, которая производила посуду и прочие изделия из стекла и фаянса.

— Так вы богатая барышня, — усмехнулся тот. — Что же вас заставило помогать искать меня?

— Обыкновенное женское любопытство... Знаете, я ведь пришла сюда, чтобы поговорить с Джорджем как раз об этом, — девушка подперла подбородок рукой и задумчиво посмотрела на идеально чистую столешницу. — Я видела там нечто... Необъяснимое. Страшное... Вы ведь понимаете, что я имею в виду?

— Возможно, — протянул Эрван и вздохнул. — Вряд ли Джордж захочет говорить с вами об этом... Я тоже пытался с ним обсудить те события. Меня, как и вас, терзают вопросы... Трудно держать все в себе. А мне поделиться своими эмоциями не с кем. Вряд ли кто-то поверит в мои рассказы. Люди в такое не верят. Я и сам в подобное не верил, пока не увидел своими глазами.

— Можно я тогда поговорю с вами? — с мольбой посмотрела на него та и скромно улыбнулась. — Мне очень нужно поговорить с кем-то на эту тему. Вижу, что и вы тоже жаждете этого разговора.

— Давайте пройдем на кухню. Мне неловко держать столь красивую девушку здесь.

— Что ж, отказываться не буду. Может, такой симпатичный молодой человек угостит меня чашечкой кофе? — девушка поднялась со стула и, будто ненароком, поправила свою обтягивающую клетчатую юбку, которая подчеркивала ее аппетитные формы, что так и притягивали к себе взгляд Эрвана. Парень уже не знал, как ему отвлечься, чтобы лишний раз не любоваться этим женским телом.

— Кажется, я не назвала вам своего имени.

— Точно. Мое имя вы уже знаете. Как же зовут вас? — молодой человек провел гостью в соседнюю комнату около лестницы, где располагалась их с Джорджем небольшая кухня. — Думаю, у такой красивой девушки должно быть и красивое имя?

— Боже, я уже устала от мужских комплиментов, — улыбчиво произнесла та и плавно села за кухонный стол, после чего стала наблюдать за тем, как Эрван готовит им обоим бодрящий напиток. — Но спасибо.

— Зачем обижаться на правду?

— Меня зовут Татьяна. Обыкновенное непримечательное имя, без каких-либо изысков. Хотя иногда мне хочется плюнуть на все, пойти в паспортный стол и сменить свое имя на Клеопатру. Вот тогда будет действительно красивое имя.

— Почему именно на Клеопатру?

— Я восхищаюсь этой древнеегипетской царицей. Говорят, что она была не такой уж и красивой, как ее все описывали. Если внимательно изучить древние писания, то там говорится, что у нее была совершенно непримечательная внешность. Она завоевывала сердца мужчин своим обаянием, харизмой. Внешность рано или поздно пропадет. А обаяние если было, то уже никуда не денется.

— Не думаю, что вы когда-либо испытывали проблемы с мужским вниманием, — Эрван поставил на стол тарелочку с печеньем, достал из холодильника сыр, хлеб и все это аккуратно пододвинул к Татьяне. — Угощайтесь.

— Благодарю, — смущенно произнесла та и скромно взяла одно печенье и откусила от него маленький кусочек.

Эрван поставил турку для кофе на плиту, после чего сел рядом с девушкой и стал наблюдать за тем, как та боязливо откусывала от печенья кусочек за кусочком, при этом она постоянно оглядывалась, будто находилась в музее и пыталась запомнить за короткий промежуток времени как можно больше деталей.

— Чего вы боитесь? — тихо произнес Эрван и пристально посмотрел на нее.

— Все в порядке, — та отложила недоеденное печенье в сторону и как-то нервно потерела пальцы. — Просто... У меня странное предчувствие. Не знаю, почему...

— Расскажите.

— Знаете, я узнала вас, так как у меня находится ваша фотография, — медленно и членораздельно сказала она и снова улыбчиво посмотрела на парня. — Я нашла ее на пляже. Честно сказать, было странно увидеть вас в реальности только сейчас.

— Мою фотографию? — удивленно вскинул брови тот. — Как она там оказалась?

— Она лежала в портсигаре. Возможно, он выпал у вас из кармана.

— Вы нашли его?! — Эрван пересел на стул, который находился прямо вблизи девушки, и с широко распахнутыми глазами уставился на нее, будто смотрит на кого-то, кто был ему невероятно приятен. — Он у вас?

— Да, — девушка полезла в свою маленькую сумочку, немного порылась в ней и вскоре вытащила оттуда серебристый предмет, который передала в дрожащие руки парня. Те тут же схватили портсигар и, как сокровище, сжали в пальцах, будто если ослабить хватку, то футляр для сигарет исчезнет уже навсегда.

— Вижу, что вы им очень дорожили.

— Знаете, — Эрван с восхищением оглядел портсигар. — Вы спасли меня. Я даже не знаю, как вас отблагодарить, — парень широко улыбнулся, после чего резко потянулся и крепко поцеловал девушку в щеку, отчего та так покраснелась, что оба стали громко смеяться и с интересом поглядывать на серебристый футляр для сигар, будто тот и вправду был драгоценным. — Есть вещи, которые связывают нас с прошлым, какими-то приятными событиями из жизни, которые уже никогда не повторятся. Этот портсигар единственное, что

у меня осталось от той жизни... Что была у меня до войны. Больше ничего нет.

— Неужели у вас не осталось никого из близких? — с сочувствием в голосе спросила та. — Ведь должен был остаться хоть кто-то, кто поможет вам вернуть те эмоции, что вы испытывали в прошлом.

— Нет. Никого не осталось... Я любил одну девушку. Она мне подарила этот портсигар. Хотя знала, что я не курил. Я был очень удивлен этому. Но та сказала, что эта вещь принадлежала ее покойному отцу. И таким образом я стал членом их большой семьи.

— Вы расстались?

— Она умерла, — с болью прошептал тот и с грустью посмотрел на портсигар. — Я даже не успел с ней попрощаться. Не успел похоронить ее. Навестить ее могилу. Я был на фронте...

— Мне очень жаль, — девушка сжала его руку и большим пальцем погладила тыльную сторону его ладони.

Эрван кивнул, после чего резко обернулся и понял, что совсем забыл про кофе, которое уже кипело на плите и пыталось хоть каким-то способом привлечь к себе внимание. Юноша снял турку с огня и стал разливать бодрящий напиток по чашкам.

— Я стараюсь забыть о прошлом. Начать новую жизнь... Но прошлое так просто не выкинешь. Как бы сильно ты этого не хотел.

— Наверное, Джордж стал именно тем человеком, кто помог вам пережить это горе. С ним вы по-настоящему счастливы. Хорошо, когда появляются такие друзья. Если бы у меня был кто-то подобный, мне бы никто не был нужен.

— Возможно, но в последнее время все изменилось. И думаю, вы знаете, о чем я говорю, — Эрван поставил чашки на стол, после чего сел напротив девушки. — Джорджа что-то изменило. И я по-настоящему переживаю за него.

— Я думаю, ему нужно время... Чтобы успокоиться.

— Он вполне доволен жизнью, — юноша отпил немного кофе и провел рукой по волосам. — Я вижу в его взгляде все эмоции. И они положительные. Вот только когда речь заходит о том ужасном происшествии, то он резко уходит. В прямом смысле.

— Может, он пытается таким образом забыть? Нам с вами нужно высказаться. А ему легче просто уйти в себя, побыть наедине с самим собой.

— Я бы это понял, мисс, если бы он не уезжал куда-то на несколько дней, не оставлял мастерскую без присмотра. Клиенты приходят, а мне приходится их выпроваживать, так как Джордж не выполнил их заказ, не пришел на рабочее место. Я боюсь, что скоро обувная фабрика, с которой мы сотрудничаем, разорвет с нами соглашение. Мы стали приносить им только лишние убытки. А я не смогу вечно заверять их, что Джордж скоро придет в себя и станет усердно работать.

— Это действительно странно, — задумчиво произнесла девушка и снова вернулась к своему недоеденному печенью. — И он даже не говорит, куда направляется?

— Нет... Я уверен, что он ездит куда-то не просто так. Он там с кем-то встречается. И эти встречи проходят слишком далеко от Лондона.

— Может, это любовь? — улыбнулась та. — Вдруг у него появилась девушка, и он просто ездит к ней.

— Почему же он не скажет?

— Да, вы правы... Знаете, я узнала о том, что вы нашлись, только спустя какое-то время. И не от Джорджа. А от детектива, который и возглавлял ваши поиски. Джордж попросту

стал меня избегать после этого. Как я ни приду сюда, его нет на месте. Чудо, что я сегодня застала вас. Иначе бы так и ходила сюда каждый день... От скуки.

— У меня сегодня выходной. Обычно я работаю на фабрике, участвую в производстве и помогаю Джорджу подгонять клиентов. Директор фабрики дает хорошие заказы. Вот только в последнее время практически ни один заказ не был выполнен. Я уже боюсь, что эту мастерскую придется закрыть. Ведь один я ее не потяну.

— Все это так грустно... Джордж ведь безумно любил это место. Когда он был еще совсем юн, я часто заходила сюда. Это было еще до начала войны. Вы бы видели, какой у него был огонь в глазах. Он по-настоящему дорожил этой мастерской.

— Сейчас этого огня уже нет...

— Дайте ему время. Уверена, он найдет себя и вернется.

— УБИТЬ! УБИТЬ ТЕБЯ! ДАЙ МНЕ РАЗОРВАТЬ ТЕБЯ НА ЧАСТИ! ДАЙ МНЕ Т ПРИКОНЧИТЬ! ДАЙ МНЕ ПРЕРВАТЬ ТВОИ СТРАДАНИЯ! — он был повсюду, его го проникал в каждую щель, в каждый угол, набирал силу с каждым пройденным метром, становясь все громче и громче.

— Что? — вздрогнул Эрван и нервно оглянулся, будто почуял что-то неладное. — Вы слышали это?

— Что слышала? — удивленно посмотрела на него девушка.

— Эм, ничего... Мне... Наверное, показалось, — тихо прошептал Эрван и снова посмотрел по сторонам, не понимая, почему на душе внезапно стало так беспокойно, будто в любой момент должно произойти нечто ужасное и непоправимое.

Неподъемные свинцовые облака начали постепенно подниматься все выше и выше над городом, постепенно приобретая привычный белый цвет. Небо медленно прояснялось, и через какое-то время стены мокрых кирпичных зданий коснулись теплые лучи сентябрьского солнца, отчего прилипшие к домам и дорогам капельки дождя засверкали, как драгоценные капли, ослепляя осмелившихся выйти на улицу прохожих. Где-то высоко над Лондоном порхали чайки, их крики стали столь пронзительными и громкими, что некоторые люди морщили свои лица и с трудом сдерживали себя, чтобы не закрыть ладонями уши. Но птицам было все равно на недовольство жителей города, они просто радовались улучшившейся погоде и показывали свои эмоции всему, до чего долетит их пение.

Татьяна с улыбкой наблюдала за этими белокурыми птицами и медленно шла по мокрой мостовой, внимательно слушая все, что ей рассказывал Эрван. Она не знала, сколько они уже брели по этой бесконечно длинной улице, что находилась на краю мутной Темзы, пахнувшей тиной и копотью. Но это потраченное время она не жалела, наоборот, желала, чтобы оно продолжало тратиться и дальше. Эрван оказался удивительно приятным собеседником. Этот юноша очень быстро стал ей симпатичен. У него был красивый голос, хорошо поставленная речь без намека на какой-либо акцент, хотя Татьяна считала, что этот молодой человек явно не британского происхождения, слишком он был хорош собой для британца. Его большие выразительные глаза ярко-голубого цвета внимательно разглядывали все что угодно, но только не Татьяну. Возможно, он хотел смотреть на нее, но счел подобное невежливым и старательно избегал их встречи глазами. Но девушка делала все, чтобы парень расслабился, тот явно нервничал по какой-то причине, Татьяна это почувствовала сразу же. Ее присутствие его напрягало, что он тщательно пытался замаскировать за своим веселым

голосом, но настоящие эмоции Эрвана просачивались наружу. Ему было не очень комфортно. И нет, это было не из-за того, что Татьяна была ему неприятна. Он просто боялся ей не понравиться. Контролировал себя изо всех сил. Но явно уже устал это делать. Все чаще и чаще его голос дрожал, он делал продолжительные паузы, пытаясь подобрать нужные слова. А Татьяна слушала. Любовалась им. Не стеснялась смотреть на молодого человека. Он ей нравился. Она это не стала отрицать. Но Татьяна не могла понять, в какую сторону направлена эта симпатия. Была ли она дружеской или сексуальной? Девушка редко общалась с людьми противоположного пола, просто боялась это делать. Поэтому сейчас она и сама не понимала своих чувств и мыслей. В голове все перемешалось. Татьяна тоже нервничала. Гораздо сильнее Эрвана. И вряд ли она это скрывала, как он. Ее эмоции лезли наружу, как тесто из кастрюли, в которое насыпали слишком много дрожжей.

— Что ж, — улыбнулся ей Эрван и глубоко вдохнул влажный воздух, делая это с такой жадностью, будто рядом с ним не было кислорода слишком долгое время. — Мы с вами прошли уже больше мили. Мы говорили о погоде, политике, даже затронули сплетни города. Но я совершенно ничего не узнал про вас, про вашу жизнь.

— Вряд ли вас заинтересует моя жизнь. В ней нет ничего, что могло бы понравиться мужчине, — скромно ответила та и обхватила руками плечи, будто почувствовала холод.

— Не нервничайте так. Вы меня словно боитесь, — слегка приобнял ее тот и снова перевел свои красивые глаза на освещенные вечерним солнцем просторы города. — Расскажите мне что-нибудь о себе.

— Постараюсь... — тихо прокашлялась та. — Все, кого я знаю, считают, что я неизмеримо счастлива. Думают, что если я из обеспеченной семьи, то и моя душа наполнена золотом. Но это совсем не так.

— Вы пережили какую-то трагедию?

— Деньги могут как осчастливить, так и довести до самоубийства. Я никогда не была счастлива в своей семье. Меня пытались приручить, как ручную крысу.

— Но вы сопротивлялись.

— Посмотрите на мои руки, — девушка продемонстрировала молодому человеку свои идеально гладкие ухоженные ладони и недовольно сморщила свое лицо. — Они жаждут работы, тяжелой работы! Им нужен труд!

— Извините меня, Татьяна, но я вас никак не могу представить в роли русской шпалокладчицы.

— Ах, нет! Я не настолько отчаянная. Мне нужно движение. Мне нужна энергия. Я хочу двигаться с бешеным ритмом вперед! Увидеть мир. Увидеть людей.

— Неужели вы не путешествовали? — удивленно посмотрел на нее молодой человек. — Мне казалось, что вы вместе с семьей посетили чуть ли не все части этого большого мира.

— Когда-то мы с матерью плавали на большом пароходе в Нью-Йорк. Навещали отца, который работал там какое-то время. Даже думали там остаться. Но у меня было такое чувство, что я даже не покидала Лондон. Нью-Йорк практически ничем не отличается от этого места. Такой же огромный душный город, серый, неудобный. Вряд ли весь мир выглядит именно так. После я ездила по Европе, но мы посетили только большие города. А я хочу увидеть совершенно иное. Я хочу побывать в тихом безлюдном месте, где не будет никого, кроме запаха листвы, животных и солнца. Это просто потрясающее чувство.

— Неужели во всей Англии не найдется подобного местечка?

— Вы когда-нибудь видели пальмы?

— Нет.

— Вот и я тоже. Говорят, у них очень жесткие листья, и они очень большие, как лопухи.

И пахнут не совсем так, как наши деревья.

— Вы хотите увидеть пальмы?

— Да! — весело произнесла девушка и посмотрела куда-то вперед.

Недалеко от них на пристани стоял мужчина с громоздкой камерой, которая стояла на неповоротливом штативе. Тот снимал просторы города и был очень увлечен своим делом: практически не замечал ничего вокруг себя. Татьяна с заливным смехом подбежала к нему и демонстративно встала перед камерой, приняв пикантную позу.

— Я бы хотела сняться в фильме, где я лежу на пляже, а вокруг меня только море, пальмы и песок. Я буду самой идеальной актрисой, — девушка приподняла подбородок и улыбнулась, пытаясь выглядеть в кадре как можно лучше.

Оператор с улыбкой повернул камеру в ее сторону и явно был безумно рад подобной картинке своего будущего фильма. Красивая рыжеволосая девушка на фоне величественного города. Что может быть лучше?

Эрван с улыбкой встал рядом с ними и, скрестив руки на груди, стал наблюдать за подобной картинкой. Татьяна простояла так еще какое-то время, затем поблагодарила оператора и вернулась к ждавшему ее Эрвану.

— Вы были великолепны, — смущенно улыбнулся он. — Из вас получилась бы шикарная актриса.

— Моя мечта увидеть живого Чарли Чаплина! Знаете, он меня всегда вдохновлял. Его образ бродяги просто великолепен.

— Знаете, я никогда не был в кино.

— Вы шутите.

— Нет, я серьезно. За всю свою жизнь я ни разу не был в кинозале. Лишь удавалось полюбоваться киноафишами.

— Я не прощу вам, если вы не посмотрите вместе со мной фильм «Застигнутый дождём». Вы просто обязаны его увидеть. В этом фильме Чарли Чаплин выступил в качестве режиссера и актера. И сделал это весьма талантливо. После просмотра вы вряд ли сможете сдерживать эмоции. Кино — невероятная вещь. Ее трудно описать словами.

— У вас есть дома телевизор?

— Да. Редкая вещь в наше время. Но довольно полезная. Он у меня немного барахлит. Но это просмотру не мешает. Жаль, что экран маловат. Мне приходится пододвигать диван едва ли не впритык, чтобы хоть что-то разглядеть в этом квадратике с движущимися картинками.

— Вряд ли подобная техника кому-либо пригодится в будущем.

— Тут вы не правы, Эрван. Я верю, что когда-нибудь телевизор будет в каждом доме. Прогресс не стоит на месте. В этом веке человечество шагнуло далеко вперед. Война серьезно изменила наши взгляды на жизнь и заставила совершенствоваться. Так что в военных действиях есть свои плюсы.

— Татьяна, война никогда не сделает мир лучше. Она — яд, который способен лишь разрушать общество. Я был там... Видел, на что она способна. И она не совершенствует мир. Лишь разлагает.

— Вы не думайте, что я поддерживаю войны. Нет. Я ярая их противница. Но посмотрите вокруг. Еще сто лет назад мы не смогли бы вот так с вами гулять и

разговаривать. Между слоями общества существовали строгие границы, и их никому не позволяли переступать. Война разрушает эти границы. Стирает навсегда. Простые люди стали гораздо свободнее. Им дали возможность подняться до небывалых высот.

— Знаете, я благодарен войне лишь за то, что она мне подарила замечательного друга.

— Вы с Джорджем невероятно близки. Я всегда мечтала иметь такого же друга. Вам очень повезло с ним. Большая редкость встретить совершенно чужого человека, который станет тебе как родным.

— Вы правы. Он действительно мне стал родным... Он спас меня. Спас не только от смерти, но и от многого другого. А я даже не смог ничего дать ему взамен. Не смог расплатиться.

— Думаю, для него важно, чтобы вы были в безопасности. Это его приз за все его действия. Вы бы видели, как он переживал, когда вы пропали. Он был совершенно безумен. В его глазах виднелась боль, боль, которую ничем нельзя было скрыть. Джордж пытался быть веселым, но очень быстро все его эмоции стали отрицательными. Он замкнулся в себе. Он боялся вас потерять. Вы для него очень важны, Эрван. Он чувствует за вас большую ответственность.

— Он сильно изменился. Знаете, наша первая встреча была крайне отвратительной... Мы воевали на разных сторонах.

— Я думала, что вы воевали вместе.

— Нет, вовсе нет. Он был на стороне Антанты. Я бился за Четверной Союз. Я вырос и родился в Германии.

— Никогда бы не подумала. У вас даже нет акцента.

— Я стараюсь, мисс, — широко улыбнулся тот и, тяжело вздохнув, продолжил. — Мы находились на Западном фронте, во Франции. Там возникла самая настоящая мясорубка. Вряд ли я смогу описать, что там творилось на самом деле. Это ломает психику, до самого основания. Я потерял многих своих ребят. От большинства остались сплошные ошметки. Там нет человечности, только жестокость, присущая диким зверям. Люди были готовы разорвать глотку родному человеку за честь своей страны.

— Не могу поверить, что вы все это пережили...

— Я был ранен. Потерял много крови. Из последних сил заполз в какой-то подвал разрушенного дома, пролежал там целые сутки... И просто ждал. Ждал смерти.

— Вы сдались?

— Надо мной началось сражение. Я слышал, как взрывались мины, как кричали люди, как пролетали самолеты и простреливали насквозь все, что движется. Рядом со мной лежали трупы. Много трупов. И я был уверен, что скоро стану одним из них. У меня началось заражение. И это был лишь вопрос времени.

— Как вам удалось спастись?

— На следующее утро в подвал кто-то вошел. Он был напуган и тяжело дышал. Но не ранен.

— Это был Джордж?

— Да, — кивнул тот и снова тяжело вздохнул. — Он понял, что я немец. Его враг. Он взял в руки лопату и был готов меня прикончить. Но не сделал этого. Не смог... — Эрван прочистил горло, явно с болью вспоминая те ужасные события. — Он вытащил меня оттуда, спас... Спас мою жизнь, рискуя своей. Спас своего врага...

— Его не обвинили в измене? Ведь он не имел ни малейшего права так делать. Он не

мог вас отвести в госпиталь. Вы были врагом его страны.

— Я не знаю, как ему это удалось. Я потерял сознание. Очнулся уже на больничной койке, весь перевязанный. А он сидел рядом, смотрел на меня с улыбкой. И сказал, что все уже позади. Что мы скоро отправимся домой.

— Эрван... Джордж — ваш ангел-хранитель...

— Я уже не уверен, мисс. С Джорджем после того происшествия произошло нечто странное. И он стал мне совершенно чужим. Я очень беспокоюсь за него, Татьяна. Боюсь, что на этот раз мне придется расплатиться за все, что он для меня сделал. И это неизбежно.

Ближе к девяти часам вечера Эрван и Татьяна стали возвращаться обратно. Молодой человек был крайне удивлен, узнав, что его спутница жила все это время в доме напротив, и первые минуты даже думал, что та попросту пошутила над ним.

— Знаю, вы шокированы. Но я живу там уже с тысяча девятьсот двенадцатого года, — скромно улыбнулась она, увидев недоумение в глазах парня.

Эрван довел девушку до двери ее подъезда и с грустью вздохнул, осознав, что этот замечательный вечер подходит к концу. Он был готов разговаривать с Татьяной целую вечность, впервые ему было так комфортно с девушкой, которую тот знает всего лишь сутки.

Татьяна грустно вздохнула и передала молодому человеку клетчатый пиджак, которым Эрван укрыл ее плечи, чтобы та не замерзла после ухода солнца за горизонт. Девушка была одета лишь в легкое бежевое пальто и очень быстро продрогла. И едва она отдала парню его предмет одежды, как тут же почувствовала, что холодный осенний ветер пронзил каждый миллиметр ее кожи.

— Мы пришли, — прошептала она и смущенно взглянула в ярко-голубые глаза молодого человека, которые в темное время суток показались ей еще больше и выразительнее.

— Вы жили так рядом... Совсем рядом, — произнес парень и засунул свои ладони в карманы брюк. — Почему мы не встретились с вами раньше?

— Это для меня самая большая загадка на свете. Все наши встречи случайны. Трудно предугадать, когда встретишь того или иного человека. Это может случиться в любой день, когда ты этого совсем не ждешь.

— Вы правы... — кивнул Эрван и надел на себя пиджак, но делал это так медленно и неуверенно, будто хотел, чтобы он снова оказался на плечах Татьяны, которая уже стала усиленно дрожать от холода. — Вы замерзли.

— Все в порядке. Вам он нужнее. Мне идти до своей квартиры не так уж и долго. Дома я приму горячий душ и согреюсь.

— Хорошо, — снова покивал Эрван и на миг замолчал, будто пытался подобрать необходимые слова для следующей фразы. — Ваш возлюбленный не будет против нашей с вами сегодняшней встречи?

— Мой возлюбленный? — удивленно вскинула брови та. — Нет, не будет.

— Вы меня успокоили.

— Нет у меня возлюбленного, — без эмоций добавила та и со смущенной улыбкой отвела глаза куда-то в сторону неба. — Я уже второй год совершенно свободна.

— Два года? Он... был на фронте?

— Да... Но у нас не было никакой романтики. Он любил меня, а я его нет. И он прекрасно знал об этом.

— Возможно, ваши чувства пробудились бы в дальнейшем.

— Нет... Вряд ли бы это случилось. Мы с ним были знакомы с раннего детства, учились в одной школе. Он был пухлым, низкорослым, от него всегда пахло чем-то неприятным. Но это не мешало нашей дружбе. Перед уходом на войну он признался мне в любви, хотел сделать предложение. А я... Накричала на него, — девушка обхватила свои плечи руками и села на скамейку рядом. — Я была напугана его словами. Я знала, что он в одно мгновение разрушил нашу дружбу, которую ценила больше всего.

— Самая сильная любовь рождается из дружбы, — произнес молодой человек и сел рядом с ней.

— Мне это известно. Но это был не тот случай. Он был мне братом, я не могла увидеть его в роли мужа. Не его... Это сложно объяснить... Возлюбленного воспринимаешь совсем иначе. Ты его любишь не только разумом, но и телом. Криса я любила только разумом.

— О погиб?

— Нет. Остался жив. Какое-то время присылал мне письма с фронта, пачками. Писал буквально обо всем. Я знала каждую мелочь из его солдатской жизни. Знала, кто погиб из его окружения, чем их кормят, как пахнет взорвавшаяся мина и человеческая плоть. Он мне все это рассказывал...

— И вы ему не отвечали.

— Да. Я ему не отвечала. Просто оставляла письма в почтовом ящике. А когда тот наполнялся ими, то просто выкидывала все эти исписанные кривыми буквами бумажки в мусорное ведро рядом.

— Но вы их все же прочитывали.

— Да. Но потом я их перестала читать. Мне неизвестно, что он написал в последних письмах. Но за пару месяцев до окончания войны он перестал присылать их. Я подумала, что он умер.

— Как же вы узнали, что он остался жив?

— Попросила одного человека узнать о его судьбе. И выяснила, что он женился, завел троих детей и переехал жить в Америку. Он счастлив. И я этому рада.

— Ваше лицо говорит об обратном...

— Мне немного стыдно перед ним. Он желал мне только счастья, говорил, что рядом с ним я навсегда забуду, что такое боль и страх. А я его оттолкнула, как дворовую собаку.

— Попробуйте ему написать. Это не трудно.

— Эрван, я хочу начать новую жизнь. И Крису там не место. Этот человек навсегда остался в моих воспоминаниях, как парень, который носил мой портфель после школы. И я не хочу уничтожать этот образ.

— Уверен, что вы рано или поздно найдете того самого. Такая потрясающая девушка вряд ли будет долго оставаться одна.

— Меня часто любят, восхищаются мной. А вот я... Нет. Я еще ни разу не влюблялась.

Эрван улыбнулся и снял с себя пиджак, после чего вернул его на плечи девушки.

— Вы же замерзнете, — обеспокоенно произнесла девушка и попыталась вернуть вещь молодому человеку, но тот решительно отказался. — Спасибо. Вы очень любезны.

— Я так не хочу возвращаться домой, — прошептал Эрван и мельком посмотрел в сторону мастерской, внутри которой прослеживался слабый свет от керосиновой лампы, что говорило о том, что Джордж уже проснулся.

— Почему?

— Не знаю. Просто на душе как-то беспокойно, — прошептал парень и снова замолчал,

но на этот раз явно не представлял, что ему сказать дальше.

— Знаете, я ведь пришла к Джорджу не только ради того, чтобы поговорить с ним о случившемся в тот день...

— А для чего?

— Незадолго до этого мы поругались.

— Поругались? — удивленно переспросил ее тот и с непониманием взглянул на Татьяну, которая снова стала любоваться звездным бескрайним небом, которое подсвечивалось яркими огнями большого города.

— Да. Когда Джордж вас нашел в той самой хижине, он не сообщил никому об этом. Он вернул вас в Лондон, а мы продолжали искать вас обоих. Уже стали верить, что вас убили, как тех людей около заброшенной церкви. Мы нашли целое пепелище, а в нем сотни человеческих костей... Сотни... — девушка закрыла лицо ладонями и грузно вздохнула. — Я верила, что вы лежите там... Вы не представляете, что я прочувствовала. Ведь эта история затронула меня до глубины души. Я пережила все ваши страдания вместе с вами... Я увидела то, что нельзя объяснить...

— Я думал, что Джордж вам все рассказал.

— Это он вам так сказал? — хмыкнула та и закуталась в пиджак Эрвана посильнее. — Я узнала обо всем от Себастьяна, а тот от Доктора Ломана, отца Джорджа.

— И из-за этого вы поругались?

— Можно сказать и так. Как только Себастьян мне сообщил об этом, я стрелой бросилась в вашу мастерскую. Чудо, что вас не оказалось там в то утро. Джорджу серьезно досталось. Я вроде как даже кинула в него какой-то тяжелый предмет. Мои эмоции так и вырывались наружу... Сегодня я хотела извиниться. Спокойно разъяснить всю эту неприятную ситуацию.

— Не хотите сделать это прямо сейчас? — Эрван поднялся со скамейки и осторожно потянул девушку за собой в сторону мастерской, что находилась через дорогу, но девушка решительно стала пятиться назад.

— Нет. Не сегодня...

— Почему?

— Простите меня... Но... Джордж очень странный человек. Я знаю, что вы о нем довольно хорошего мнения. И, возможно, тем самым я вас обижаю.

— Нисколько. Я тоже так считаю, — скромно улыбнулся тот. — Он изменился. И в не самую лучшую сторону. Но я пытаюсь дать ему шанс исправиться. Я знаю, что ему сейчас тяжело. Он пережил множество неприятных событий. Его психическое равновесие пошатнулось. И я не могу от него сейчас отвернуться, не могу бросить одного. Он сделал для меня слишком много. Даже если он станет самым странным человеком на земле, не перестану ценить его. Поверьте, он сделал все это не специально. Возможно, опасался, что те люди доберутся и до вас, если узнают, что вы меня тоже ищите.

— Я все прекрасно понимаю, но... Не сегодня, Эрван... Я очень устала и хотела бы как можно скорее лечь спать, — девушка медленно поднялась со скамейки и уже второй раз за этот вечер вернула молодому человеку его пиджак. — Спокойной ночи.

Когда девушка дотронулась до ручки двери, что вела внутрь подъезда, Эрван ее окликнул.

— Татьяна! Когда мы с вами гуляли, я увидел афишу. Через два дня здесь неподалеку будет проходить праздничный маскарад. Не хотите его посетить вместе со мной?

— Маскарад? Конечно! С удовольствием, — вновь повеселела та и, немного помедлив, подошла к Эрвану и подарила ему легкий поцелуй в щеку. — Спасибо за чудесный вечер. Вы очень хороший человек. Теперь я начинаю понимать, почему Джордж так вас оберегает. Вы излучаете тепло, люди это чувствуют. Надеюсь, ваша девушка не слишком ревнивая.

— У меня нет девушки, — хмыкнул ей тот и покачался на пятках, засунув руки в карманы брюк. — Я свободен, как вольная птица. По крайней мере, на данный момент времени. Но думаю, что это не так уж трудно исправить.

— Сочту это за намек, — загадочно улыбнулась та и, нежно похлопав его по плечу, снова направилась в сторону двери. — До встречи, Эрван Джефф. И еще раз спасибо за вечер.

— Не за что, — кивнул Эрван и еще долгое время смотрел ей вслед, явно осознавая, что не успел ей сказать нечто крайне важное, то, что не терпит ожидания. — Дурак... Какой же я дурак, — стиснув зубы, произнес он и с большой неохотой направился в сторону дома.

А на душе с каждым шагом нарастала тревога. Он не хотел идти туда. Он знал, что там опасно... Смертельно опасно. Но Эрван продолжал идти и не мог остановиться.

— Он знает.

— Он знает.

— Он чувствует.

— Он хочет его убить. Он уже готов. Он уже готов!

— Эрван, остановись!

— Он тебя убьет!

— Убьет!

— Эрван, остановись!

— Остановись!

Глава девятнадцатая. Неправильные мысли

— Это он, — сказала она.

Ее пальцы уже больше десяти минут теребили обручальное кольцо, словно она не могла решить, оставить его или распрощаться навсегда с этим тяжелым металлическим предметом, который сильно натирал кожу. Но спустя какое-то время она оставила кольцо в покое и дала тому разрешение находиться при ней. Ее глаза бегали, как трусливые зайцы, пытавшиеся умчаться подальше от оголодавшего волка, бежали без знания, что скрывается впереди. Взгляд женщины сосредотачивался на одной точке, по крайней мере, пытался это делать. Но зрачки то и дело устремлялись в другую сторону, будто хотели найти себе что-то более интересное для наблюдения. Хозяйка пыталась их контролировать, но у нее попросту не было сил на подобное. Она больше не владела своими глазами. Они двигались сами по себе.

Труп, безмятежно спавший на операционном столе, издавдалека напоминал срубленное дерево странной формы. Он полностью окоченел, имел темный оттенок, характерный для обжаренного до золотистой корочки мяса, запах характерный. Трудно было находиться вблизи, трупный аромат сводил с ума, проникал в легкие и медленно пробирался в каждый жизненно важный орган, вызывая головокружение и тошноту. Но Татьяна не могла сдвинуться с места, она стояла почти вплотную с телом. И пыталась хотя бы на секунду взглянуть на него. Но глаза снова и снова убегали. Им было интереснее разглядывать пожелтевшую плитку на стенах, медицинские приборы, лежавшие в растворе, белые халаты врачей, которые окружали женщину со всех сторон.

Петр мог бы встретиться с ней взглядом, она была уверена в этом. Даже после смерти он вряд ли бы осмелился не посмотреть на нее. Он обожал любоваться женой. Его теплый заботливый взгляд всегда находился при нем, никогда не исчезал, лишь усиливался. Но сейчас это было невозможно. Его глаз не обнаружилось при нем, как и всей головы в целом — та попросту отсутствовала. Осталась только шея, из которой торчал обрубок шейного позвонка.

Татьяна мечтала снова зарыться в его густые слегка вьющиеся волосы носом, вдохнуть их аромат, напоминавший запах хвои. Его шампунь всегда содержал в себе экстракты хвои. Он никогда не мылся другим шампунем. И она сходила с ума от запаха его волос. Это трудно описать словами. Татьяна была готова сделать все возможное, чтобы снова ощутить этот запах. Хотя бы на минуту. Но его голова исчезла. Ее не нашли.

Татьяна потянула ладонь в сторону его руки. Она не чувствовала отвращения от прикосновения к мертвому человеку. Ее не смущала его оплавившаяся зловонная кожа. Женщина представляла, что его рука снова стала теплой, что по ней вновь бежит кровь, так же быстро, как и ее голубые глаза. Татьяна нащупала на его пальце кольцо. Огонь не повредил металл, лишь припаял к коже намертво. Женщина осторожно сжала его ладонь и попробовала согнуть пальцы мужчины, но те стали твердыми, как камень, ни одна сила в мире уже не сможет привести их в движение.

Она помнила, как он ее ударил. Это было совсем недавно, прошлой ночью. До сих пор ощущала тяжесть его тела, боль от его руки, именно этой руки, на которой до сих пор красовалось позолоченное кольцо. Но сейчас мысли об этой боли воспринимались совсем иначе, без отвращения, ненависти. Она лишь хотела вновь ощутить его на себе, почувствовать, как его пальцы касаются ее, ласкают каждую крупницу кожи, забираются в

кружевные трусики и полностью теряют контроль над собой.

Женщина вздрогнула и отдернула руку. Нет, она не должна думать об этом. Это неправильно. Татьяна убрала выпавшую прядь рыжих волос за ухо и посмотрела на окружающих ее людей. Их лица были обеспокоены, возможно, напуганы. И их беспокоил не сам труп, а состояние Татьяны, ее действия над мертвецом. Она не боялась касаться обезглавленного мужчины, делала вид, что он спит и вот-вот проснется. Ее руки не дрожали, были уверены в себе и ничуть не стеснялись своих действий.

Татьяна отошла на пару шагов от операционного стола и вновь потерела кольцо на пальце, будто боялась, что-то может внезапно исчезнуть, раствориться в воздухе. Патологоанатом обеспокоенно оглядел рыжеволосую девушку и, выждав пару секунд, подошел к обгоревшему трупу и без единой эмоции на лице накрыл умершего белой простыней. Татьяна еще какое-то время следила за этим процессом, уже полностью вернув контроль над своими глазами. На ее щеках виднелись слезы, крошечные, почти незаметные. Но яркий свет электрических ламп подсвечивал эти соленые капельки, которые сползали вниз и вскоре остановили свой путь на очерченном подбородке правильной формы.

— Я думала, что ненавижу его, — сказала она мужчине, что стоял рядом с ней, скрываясь в тени. — Считала, что один только образ этого человека вызовет во мне спазмы. Но сейчас от дурных эмоций не осталось и следа. Ощущаю лишь боль от потери... Это... Странно. И омерзительно. Меня будто разорвали на части. Одна половина радуется, а вторая рыдает от горя. И именно вторая половина сейчас доминирует. Она — настоящая я. Я так устала скрывать свои мысли. Хочется просто встать и закричать. Без причины. Освободить все, что так долго копила.

Он приобнял ее, осторожно, будто боялся, что та его оттолкнет. Но женщина не сопротивлялась, наоборот, ответила взаимностью и спокойно положила голову на крепкое плечо.

— Я так устала. Мечтаю забыться. Ничего из всего этого не видеть. Вернуть все назад. Снова стать счастливой, с целью в жизни. Ради чего я все эти годы шла сюда, к этому кошмару? Почему не остановилась? Что мной двигало?

— Хочешь уйти отсюда? — заботливо посмотрел на нее Себастьян. — Уже нет смысла находиться здесь. Мы сделали все, что могли. Остается только ждать.

— Ждать конца... — прошептала Татьяна и уткнулась носом в его плечо. — Я согрешила, Себастьян. Очень сильно. Господь никогда мне не простит этого. Никогда не взглянет на меня. Никогда...

Себастьян нашел взглядом Кристину, которая стояла поодаль и с беспокойством наблюдала за ними. Мужчина лишь глазами сказал ей, что им необходимо уйти, и та возражать не стала, лишь спокойно кивнула, но с некоторой долей неуверенности.

— Тебе нужно выйти на свежий воздух, Танюша. Здесь ты сойдешь с ума, — мужчина прижал девушку к себе и медленно повел к двери. — Ты ни в чем не виновата. Не пытайся винить себя.

Себастьян вывел женщину на улицу. Они прошли в небольшой парк, что находился рядом с полицейским участком, и сели на скамейку, которая уютно расположилась под деревом.

Сегодня погода выдалась довольно теплой и неприятно влажной. Снег растаял, а с неба сыпались редкие капельки дождя, отчего создалось ложное представление, что весна пришла в этот мрачный огромный город раньше времени. Людей на улице практически не было, что

было обычным явлением в такое время года, никто не отважился оторвать свое промерзшее до костей тельце от системы домашнего отопления. Поэтому Себастьяну стало гораздо спокойнее, спокойнее не за себя, а за Татьяну, так как женщине было крайне необходимо побыть в месте, где будет как можно меньше ненужных прохожих, которые любят пострелять любопытным взглядом. Ей нужна тишина. Хотя бы на короткое время.

Мужчина не знал, сколько времени они просидели на этой мокрой от зимнего дождя скамейке. Они просто молчали и смотрели куда-то вперед, ни о чем не думая. Себастьян разглядывал облысевшие деревья, выискивал их незаконных жильцов, которые тайком высовывали свои крохотные мордочки из спрятанного среди колючих ветвей дупла. Где-то поблизости слышались всхлипы метлы: дворник пытался очистить потрескавшуюся дорогу от почерневших осенних листьев и остатков грязного снега, но безуспешно. Но его работа вряд ли утомляла этого пожилого мужчину. Себастьян краем уха улавливал его тихое пение, радостное и абсолютно безмятежное. Дворник был доволен жизнью, был влюблен в этот ненастный день. И этот позитив частично передался Себастьяну. Детектив прижал к себе Татьяну еще сильнее и нежно провел рукой по ее густым волосам, которые пахли хвоей.

— Ты не замерзла? — осторожно спросил ее тот. — Мы можем пойти в другое место, если ты этого хочешь.

— Я пытаюсь вспомнить прошлую ночь, найти детали, которые могла упустить... Мне страшно, Себ. По-настоящему страшно, — женщина взглянула на него, впервые за это время. Ее взгляд был полон боли, неподдельного ужаса, непонимания. Она пребывала в отчаянии. И это состояние не желало утихать ни на йоту. — За пару дней я потеряла всякую надежду, все, чем так дорожила. У меня не осталось ничего. Мне больше некуда идти.

— Маленькая моя, — ласково улыбнулся тот и прижался колючим подбородком к ее волосам. — Я не позволю ни одной твари причинить тебе боль. Хочешь ты этого или нет, но с этого дня я буду защищать тебя до последнего вздоха. Тебе известно о моих чувствах к тебе, ты самый дорогой человеком в моей жизни. И без тебя я не смогу двигаться дальше. Эти восемь лет, что мы с тобой знакомы, сделали меня совершенно другим человеком. Жизнь приобрела смысл. Да, у нас были разногласия, мы постоянно убегали друг от друга, старались держаться где-то в стороне. Но сейчас нам необходимо объединиться. Стать одним целым. Ты понимаешь меня? — Себастьян боязливо сжал ладонями ее лицо и на мгновение залюбовался красивыми утонченными чертами лица этой женщины, которая даже в самые тяжелые минуты жизни не утрачивала блеск своих больших выразительных глаз. — Даже если ты ничего не чувствуешь ко мне, я не позволю тебе подвергать свою жизнь опасности. Не прощу себе, если с тобой что-то случится. Помнишь тот день, когда ты спасла меня? Ты рисковала своей жизнью, чтобы вытащить меня из холодной воды. У тебя было полное право оставить меня там, среди этих огромных волн. Но ты не бросила меня. Вытащила на берег, приложив огромное усилие для этого. Ты стала для меня примером для подражания.

— Я не отталкиваю тебя от себя, Себ, — едва слышно произнесла она и выбралась из его объятий. — Просто не хочу причинять тебе боль.

— Ты никогда не сможешь это сделать.

— Ты любишь меня. И это потрясающее чувство. Но я не могу... Это сложно объяснить. Просто, — девушка прикусила нижнюю губу и громко выдохнула через нос. — У меня осталось слишком мало времени.

— Тогда я могу подстроиться под твои часы, если хочешь, — тот попытался оставить на

своим лице частичку веселья, но, встретившись с задумчивым серьезным взглядом женщины, замолк и отвел глаза в сторону. — Прости. Я не должен был этого делать. Не должен был признаваться в своих чувствах. Ты только что потеряла мужа, твое сердце стонет от боли после такой потери. А я... Боже, какой же я эгоист! Мне так стыдно. Я так ненавижу себя за это. Веду себя, как наивный подросток!

— Все хорошо, — с добротой взглянула на него та и бережно сжала его руку в своей. — Уверена, скоро ты поймешь смысл моих слов. И смиришься с правдой.

— Ты все еще любишь Эрвана, ведь так?

— Не знаю, — прошептала она и отвернулась. — Мои отношения с ним были похожи на наигранную сказку. Ничего подобного я никогда не испытывала. До сих пор задаюсь вопросом... Что бы чувствовала к нему сейчас? Смотрела бы на него с такой же страстной жадностью как тогда?

Татьяна тихо хмыкнула, будто ее позабавили собственные мысли, после чего она снова взглянула на Себастьяна и увидела в его глазах печаль. Женщине было прекрасно известно, что тому больно слушать ее рассуждения о людях, с кем у нее были романтические отношения, он чувствовал отвращение к этим словам, но делал вид, что спокойно воспринимает эту информацию. Мужчина не пытался ее прервать, вставить какие-то слова невзначай. Он молча слушал. И наслаждался ее присутствием.

— Давай и вправду уйдем отсюда, — предложила она. — Не могу здесь находиться.

— Куда ты хочешь пойти?

— Не знаю. Лишь бы это место находилось далеко от нашего места работы. Знаю, я должна находиться рядом с Петром. Он нуждается во мне. Но... Что-то внутри меня хочет вырваться из этой клетки. Я так долго находилась взаперти. Ты знаешь, что я имею ввиду?

Себастьян резко потянулся к ней, отчего Татьяна вздрогнула, будто получила мощный удар, от которого потеряла равновесие и восприятие пространства и времени. Она ощутила вкус чужих губ, слегка сладких и невероятно горячих. Подбородок Себастьяна был колючим и неприятно щекотал кожу, но Татьяне почему-то это нравилось, хотя та не могла объяснить почему.

Сердце бешено колотилось, кровь прилила к голове и создалось ложное представление, будто летишь куда-то в бездну, быстро и медленно одновременно, и от этих перепадов скорости закружилась голова.

Себастьян резко отстранился от нее и, покрасневшись, стыдливо отвел взгляд. Татьяна поняла, что ее дыхание стало надрывным, будто та только что пробежала вдоль всего города. Она дотронулась до раскалившихся губ и осторожно прочистила горло, пытаясь прийти в себя от произошедшего.

— Прости меня, прости, — дрожащим голосом произнес Себастьян и закрыл свое лицо вспотевшими ладонями. — Я не смог себя сдержать. Когда смотрю на тебя, то...

— Все в порядке, — слегка отдышавшись, произнесла та и неуверенно погладила Себастьяна по плечу. — Ты давно хотел это сделать, я знаю.

— Ты меня не любишь. Мне не следовало этого делать, — Себастьян поправил свои взмокшие от дождя волосы и, резко встав, быстро направился в сторону полицейского участка, но Татьяна его успела догнать и схватить за рукав куртки.

— Теперь ты будешь трусливо избегать меня? — с непониманием уставилась на него женщина. — Себ. Сейчас ты и в самом деле похож на влюбленного подростка, — Татьяна улыбнулась и провела рукой по его колючей щеке.

Себастьян прикрыл глаза и потерся о ее гладкую ладонь.

— Прости меня, — вновь произнес эти слова мужчина и виновато опустил глаза. — Я не хочу причинять тебе боль.

— Все хорошо, — успокоила его та и обхватила мужчину руками за талию, крепко прижавшись к нему всем телом. — Я это знаю.

— Себастьян, Татьяна! — послышалось позади.

Детективы вздрогнули и, отстранившись друг от друга, оглянулись, увидев перед собой запыхавшуюся Кристину, которая со всех ног бежала к ним.

— Что-то нашли? — сощурившись, спросила ее Татьяна и получила от нее утвердительный кивок.

— Да. Мы нашли следы зубом. Человеческих. Он умер от потери крови, — с заметным страхом в голосе сказала светловолосая женщина. — Перед смертью его ели. И он был еще жив.

— Господи Боже, — простонала Татьяна и устало сжала голову руками. — Я так боялась это услышать от тебя. До самого конца надеялась, что это не так.

— Значит... — начал Себастьян, но за него ответила Кристина.

— Убийца снова в деле. И он тщательно выбирает жертв. Думаю, Татьяна, тебе необходимо на какое-то время покинуть город. Если убийца добрался до твоего супруга и совершил поджог в вашей квартире...

— Нет, — резко ответила та и стала хаотично расхаживать на месте. — Что если он этого и добивается? Запугивает. Пытается заставить меня отступить.

— Мы не можем рисковать твоей жизнью, — Себастьян нежно сжал плечо Татьяны и с мольбой взглянул в ее вновь забегавшие глаза. — Что бы не замышлял этот ублюдок, ты являешь одной из его целей. Мы не знаем точно, чего именно он добивается. Но сейчас он стал идти большими шагами.

— Что будем делать? — устало взглянула на них Татьяна и обреченно покачала головой.

— Нам нужно объединиться, — как можно тише сказала Кристина, будто боялась, что их может услышать кто-то посторонний. — Теперь мы все связаны с этими событиями. И не можем действовать в одиночку. Знаю, мои слова звучат глупо и наивно, но это в данный момент единственный разумный выход из положения. Мы все находимся под риском. Итан, Сьюзен, теперь и Петр. Эти трое не имели никакого отношения к нашему делу. Но двое из них погибли, третья находится при смерти. Мы не можешь допустить, чтобы в ближайшее время погиб кто-то еще. Возможно, убийца не ищет способа убить кого-то из вас. Но все эти злодеяния не совершены без определенной цели.

— Но ведь первые его жертвы не имели никакого отношения ни ко мне, ни к Себастьяну.

— Стив, — хищно блеснули глаза Кристина. — Мой муж и ты расследовали похожие преступления. Восемь лет назад ты столкнулась вместе с Себастьяном с чем-то подобным. Все началось много лет назад. И продолжается до сих пор. Вам это прекрасно известно. Просто вы боитесь себе в этом признаться.

— Боже, Стив, — прошептала Татьяна и в ее голосе появилась странная дрожь. — Как я могла упустить это. Теперь... Я стала понимать.

— Что именно? — с непониманием посмотрел на нее Себастьян.

— Стив был уверен, что те убийства у скалы Самоубийц были совершены религиозной сектой, которая имеет большое влияние. Я не придавала значения его словам. Но он не

отступил. И после его убили.

— Ты хочешь сказать, что наш убийца связан с этой сектой? Но ведь мы не нашли ни одного подтверждения. Убийца не оставлял после себя никаких следов. Те ублюдки не ели людей. Они их сжигали, если ты забыла. Ты лично видела пепелища, доверху наполненные человеческими костями. Вы находите связь там, где ее нет.

— Но ведь Стива убили. И Эрвана тоже. И все они были тесно связаны с этой сектой, — посмотрела на него Кристина. — Мы не можем просто так игнорировать эти факты.

— Я не уверена, что Эрван был причастен к действиям секты. Тогда он стал лишь случайной жертвой обстоятельств, — с сомнением в голосе сказала Татьяна. — И мог умереть по совершенно другой причине, которую я так и не смогла найти.

— Но Доктор Ломан ее знал. И за это был убит. Не понимаю, почему ты отрицаешь очевидное?

Татьяна неожиданно занервничала и посмотрела куда-то в сторону, после чего стала глазами что-то говорить своим собеседникам.

— Что такое? — с удивлением посмотрела на нее Кристина.

— Нам нужно найти другое место для разговора, — Татьяна резко взяла Кристину и Себастьяна за локти, направив в сторону полицейского участка. — Кажется, за нами наблюдают.

— Кто? — стала выискивать объекты ее наблюдения Кристина и заметила около дороги нескольких мужчин в одинаковых черных костюмах, которые без отрыва наблюдали за ними, анализируя каждое их движение.

— Я заметила их еще когда ехала сюда. Кажется, они уже несколько часов наблюдают за зданием. Будет лучше, если наш разговор состоится подальше от их глаз.

Кристина с сомнением посмотрела на рыжеволосую девушку, которая резким движением затолкнула их в свой кабинет и закрыла дверь на ключ изнутри.

— Что ты делаешь?

— Знаю, это выглядит безумно, — глубоко выдохнула Татьяна и устало села за свой рабочий стол. — Я хочу вам рассказать кое-что... Я не была честна со следствием, специально упустила некоторые факты из прошедшей ночи, — девушка открыла ящик в столе и достала оттуда серебряный портсигар, с которым она вряд ли расставалась хотя бы на день.

— Что происходит, Татьяна? Что знаешь ты, чего не знаем мы? — в недоумении спросила Кристина, но уличив ту в слишком долгом сочинении подходящего ответа, не выдержала долгого молчания и почти насильно вырвала из ее рук сигарету, которую та уже с пятой попытки пыталась зажечь: спички будто до этого побывали в воде и напрочь отказывались создавать желанный огонь.

— Эй!

— Сейчас не время для этого. Все очень серьезно. Наши жизни под угрозой.

— Я так не думаю. Если бы меня хотели убить, то сделали бы это этой ночью. Но я здесь, перед вами, живая и здоровая, — игриво стрельнула в нее ярко накрашенными глазами та и демонстративно достала новую сигарету, после чего спокойно закурила. — Когда я вернулась домой, Петр ждал меня на лестничной площадке. Он был чем-то обеспокоен... И разозлен. Вряд ли эта злость была связана с моим поздним возвращением домой, я редко приходила рано, такая у меня работа, сверхурочные преследуют меня изо дня

В день.

— Это произошло за несколько часов до убийства... Ты что-то видела.

— Да, Кристи, я видела. Я пришла домой в не самом лучшем расположении духа. Ты ведь помнишь наш последний разговор, прекрасно знаешь мое состояние в тот момент времени.

— И ты все эти эмоции вывалила на него, — обреченно вздохнула Кристина и стала расхаживать по комнате, мельком поглядывая на молчаливого Себастьяна, который с непониманием глазел на курившую Татьяну.

— Я не могла иначе. Не смогла бы жить среди лжи.

— Женщины, извините, что вмешиваюсь. Но из-за чего возник конфликт?

— Все очень просто, Себ, — усмехнулась Кристина и пробежалась ноготками по его плечу. — Петр много лет назад переспал с нашей любимой Сьюзен, та от него залетела, позже родила ребенка. Петр жил двойной жизнью. И тщательно скрывал это от своей жены. А женщину, которая подарила ему дочь, он заставил жить в нищете, но для приличия кормил обещаниями и надеждами на светлое будущее.

— Поэтому Сьюзен вернулась, — с грустью посмотрела на детектива Татьяна и с отвращением затушила сигарету. — Она хотела, чтобы я узнала правду. В ее планы не входило возвращение на службу, я проверила. Ее отстранили после травмы. Она работала официанткой.

— Почему ты мне не рассказала об этом? Татьяна, ты ведь знаешь, что я готов выслушать тебя в любую минуту.

— Ты и так натерпелся из-за меня. Я посчитала, что Кристина может помочь. Сьюзен попросила меня приглядеть за ее дочерью. Я не могла отвезти девочку к родному отцу. Она его слишком любила. И не могла в таком раннем возрасте узнать правду. Тем более я уже тогда чувствовала, что между мной и Петром произойдет конфликт. Боялась, что Эмми станет этому свидетелем. Поэтому я отвезла ее к Кристине.

— Ты перестала мне доверять, — ледяным тоном прошептал мужчина. — Мы через столько прошли...

— Себ. Я хотела рассказать, — Татьяна поднялась и подошла к нему почти вплотную. — Но не знала, захочешь ли ты это услышать.

— Он тебя ударил? — Себастьян убрал прядь волос, обнажив ее висок, и увидел синий след от удара.

— Я вынудила его это сделать.

— Он не имел никакого права! Почему ты не рассказала об этом следствию?

— Они бы тотчас же записали меня в подозреваемые. У меня имелся бы мотив. Я думала, что твоя логика тебя не подведет. Но сейчас она напрочь отсутствует! — Татьяна впервые за это время повысила тон своего голоса. — У меня и без того не самая лучшая репутация в участке. После моих статей об Эрване, моей выходки с Ричи... Я не хочу лишаться этой работы. Она — все для меня. Я живу, чтобы найти истину, Себ. Я хочу дойти до финала, любой ценой. И у меня осталось не так много времени.

— Как ты смогла уйти из квартиры? — неожиданно спросила Татьяну Кристина.

— Ларри... — задумчиво прошептала та и с ужасом посмотрела на своих собеседников. — Я не видела его лица. Кажется, на время я отключилась. Петр ударил меня по голове...

— Ларри? Что он там делал?

— Он оттащил Петра от меня. Петр не контролировал силу удара. Я была крайне удивлена, что отделалась парой синяков. Тогда я была уверена, что мое лицо будет полностью обезображено. Странно, что я так спокойно об этом говорю.

— Тебе нужно обследоваться, — с беспокойством посмотрел на нее Себ и провел рукой по ее рыжим волосам. — Вдруг у тебя сотрясение... Даже если внешних травм нет, то могут быть внутренние.

— Я в порядке. Я больше испугалась. Возможно, он бил меня не так сильно, как это чувствовалось. Ведь Петр ни разу за наш брак не поднял на меня руку. В него будто вселился дьявол. Я до сих пор не могу поверить, что это произошло. Рядом с мужем я чувствовала себя защищенной. Даже сейчас... После всего случившегося... Я не вижу в нем зло. Остались только теплые воспоминания. Он меня предал, раздавил, как насекомое. Но... я до сих пор люблю его. Петр был моей семьей. Моей единственной семьей. Теперь я сирота. У меня нет ни дома, ни защиты... Я осталась одна.

— У тебя есть мы, — ласково приобняла ее Кристина. — Теперь мы твоя семья. И мы во всем разберемся. Вместе.

— Ты не помнишь, что именно говорил Ларри Петру? Почему он там оказался? — с волнением спросил Татьяну Себастьян, с нетерпением ожидая скорого ответа.

— Нет. Не помню. Я не слышала... Я же сказала, что, возможно, на какой-то момент отключилась.

— Я поговорю с ним. Думаю, у него найдется объяснение, — холодно ответил тот и, неожиданно взяв из рук Татьяны ключ, открыл дверь, после чего быстро скрылся в коридоре.

Кристина с Татьяной удивленно посмотрели ему в след, не понимая, почему тот так спешил, ведь не было никаких оснований полагать, что Ларри мог совершить что-то плохое. Ларри был частью их команды. И мог оказаться в квартире Татьяны совершенно случайно. По крайней мере, сама Татьяна была уверена в этом.

— Он переживает за тебя. По-настоящему переживает. Я его давно знаю. И изучила все эмоции этого своеобразного мужчины, — улыбнулась Кристина. — Хочешь, я тебя осмотрю. Себастьян прав. Ты могла получить сотрясение после удара по голове.

— Не стоит, не нужно, — отрицательно помотала головой та. — Со мной все нормально. Теперь мы с тобой действительно похожи. наших мужей сожгли...

— Ты и вправду веришь, что их убили одни и те же люди?

— Я не вижу другого объяснения. Слишком много совпадений. Я оказалась здесь из-за этих ублюдков, стала детективом, чтобы им отомстить, жестоко отомстить. Много лет мной двигала только месть. Ты была права... Ты всегда была права. Даже Стив об этом говорил, — Татьяна сел на край стола и снова закурила. — Он любил тебя. Зря ты ревновала. Я ведь все чувствовала. Между нами ничего не было. И не могло быть.

— Я знаю, — спокойно кивнула Кристина и выдавила из себя улыбку.

— Стив был идеальным мужем для тебя. Я постоянно сравнивала его с Себастьяном, ведь с Себом я начала работать раньше. Стив был совсем не похож на него. словно из другого измерения.

— Почему вы разбежались с Себастьяном?

— Себ хотел остановиться. Он считал, что не стоит дальше копаться в тех ритуальных убийствах. И сейчас осознаю, что Себ был прав, как никто другой. Если бы я тогда остановилась, перестала идти по неизведанной дороге, в конце которой будет только хаос... Моя жизнь могла сложиться иначе. Стала бы юристом, как и хотела, верной женой и...

матерью. Я всегда хотела детей. И Петр хотел. Я знаю. Мы были бы замечательными родителями.

— Но Эрван тебя не отпустил.

— Нет. Эрван стал болезнью. Я люблю и ненавижу его одновременно. Он разрушил меня изнутри. Но в то же время... Подарил надежду. Какую-то цель. Ты ведь тоже...

— Что?

— Ищешь Стива. Я права?

Кристина насупилась и провела рукой по изнеможенному покрытому испариной лицу, после чего села на край стола рядом с Татьяной.

— Я всегда искала его. Только мы шли разными путями. Тобой никогда не двигала любовь. Это было что-то другое. Тебя съедала ненависть. А я лишь искала человека, которому отдала всю себя. Именно этим мы и отличаемся друг от друга. Я не ищу мести. Я ищу правду. Ты же выстрелишь, не моргнув глазом, когда найдешь негодяя.

— Я не настолько жестокая, как кажется, — криво улыбнулась Татьяна и выпустила густое облако табачного дыма изо рта. — Но ты права. Я застрелю ублюдка, кем бы он ни был.

— Каждый заслуживает прощения, даже самый страшный грешник. У каждого есть светлая сторона, даже у вселенского зла. Просто некоторые не желают эту сторону видеть, — пристально посмотрела на нее Кристина, после чего поднялась и направилась к выходу, но перед тем как выйти из кабинета, снова посмотрела на Татьяну еще раз, будто собиралась сказать той что-то еще, но в последний момент передумала и скрылась за дверью.

Кристина столкнулась с Себастьяном в холле. Мужское плечо было настолько крепким и сильным, что женщина едва не была сбита с ног и с большим трудом удержала чашку кофе, которую она несла в лабораторию, где надеялась уединиться и спокойно перекусить без присутствия посторонних лиц. Горячий напиток подпрыгнул в воздухе и приземлился обратно в глубокую чашку, но пара коричневых пятен все же оказалась на белом больничном халате. Женщина вскрикнула от испуга, опасаясь, что сейчас станет жертвой ожога и мужской неуклюжести, но, осознав, что все обошлось, выдохнула и с недовольством посмотрела на смутившегося детектива.

Мужчина поправил свои вьющиеся на концах волосы, которые тот не мыл уже несколько дней, и теперь каждая прядь блестела в свете электрических ламп. А красовавшаяся на его усталом лице недельная щетина уже стала приобретать форму бороды, отчего Себастьян стал выглядеть гораздо старше своих лет. Детектив виновато погладил женщину по плечу и собирался было в спешке удалиться, но Кристина успела его окликнуть.

— Ты поговорил с Ларри?

— Я как раз хотел найти Татьяну, чтобы ей об этом сказать, — тихим голосом ответил тот.

— И с каких пор я нахожусь в неведении?

Себастьян вздохнул и подошел к ней, скрестив руки на груди.

— После этой ночи мне кажется, что тебе не следует ввязываться во все это. Это опасно. Мы не знаем, с чем имеем дело.

— Я знаю, что видела. И теперь не успокоюсь, пока не выясню, что это такое и как это связано со мной. Столько лет я пыталась выяснить, что произошло со Стивом. И теперь

появился шанс это узнать, — Кристина нервно обернулась, чтобы убедиться, что поблизости нет личностей, которые могли бы подслушивать их разговор. — Меня едва не убили. И я могла стать не просто случайной жертвой.

— Поэтому я хочу, чтобы ты больше не вмешивалась, — с беспокойством посмотрел на нее тот. — Я потерял Стива. И не хочу теперь потерять тебя.

— Значит, все повторяется?

— Да. Это началось снова. И я уже не могу это отрицать. Мы имеем дело не с обыкновенным негодяем или спятившей группой фанатиков. Это что-то иное. Необъяснимое. Я пытался найти логическое объяснение всему этому. Но теперь не могу. Не получается. Думаю, ты тоже.

— На меня напали ожившие... мертвецы, — стиснув зубы, прошептала Кристина. — Теперь я попросту боюсь заходить в морг, мне кажется, что они снова... Поднимутся.

— Если это случится, стреляй в голову. Это единственное уязвимое место этих тварей. Они вернутся, мы так просто не избавимся от них.

— Кто они такие? — простонала Кристина и сжала его руку. — Почему я до сих пор не могу в них поверить?

— Я тоже не верю в них. Но они есть. И эти ублюдки крайне опасны.

— Ты хочешь сказать, что это они убили тех людей?

— Не по своей воли. Кто-то ими управляет. Знаю, звучит нелепо, но у меня нет другого объяснения. Они не умеют мыслить, как люди. Ими движут инстинкты. Когда я целился в них, то мне показалось, что они не видят меня, они слепы. Но как только я стал в них стрелять, то они резко посмотрели на меня. И действовали так, будто к ним вернулось зрение.

— Значит... Там находился кто-то, кто ими руководил?

— Да. Но он мог находиться и в другой комнате, наблюдать за нами издали.

— Не могу поверить, что мы говорим об этом. Все это... Боже... Я, наверное, сошла с ума. Татьяна знает об этом?

— Возможно. Я до сих пор не знаю, что с ней произошло за последние месяцы. Но уверен, что она столкнулась с ними. Иначе бы так не спешила.

— Что если этих тварей нет? Что если кто-то захотел, чтобы мы их увидели? Я не могу поверить, что эти существа существуют в реальности. Да, я их видела, чувствовала. Но...

— Даже если это так, менее опасными они от этого не становятся. Ты сказала, что Петра ели заживо...

— То есть это были они?

— Они люди, но без людского разума. Животные. Дикие оголодавшие животные.

— Их нет в нашем мире, — прошептала Кристина и задумчиво отвела взгляд. — Они существуют в другом месте. А мы вторглись на их территорию. Не знаю, как это правильно объяснить. Но Стив говорил про какой-то ритуал. Упомянул какое-то слово. Кажется, Лимб. Да... — женщина села на скамейку рядом и сделала небольшой глоток бодрящего напитка. — Он пытался понять, чему именно поклоняется эта религиозная группировка, почему устраивает массовые казни невинных людей.

— Да. Я помню. Он говорил, что они оплакивают Лимб, мир мертвых. Но я до последнего момента считал, что это была обыкновенная секта. Таких организаций сотни. И у каждой есть бредовая теория об устройстве мира.

— Что если они пытались кого-то задобрить этими жертвами? Ведь в давние времена

жертвоприношения делались с целью удовлетворить потребности местного божества. Вряд ли они убивали ради собственного удовольствия. Ты ведь сам говорил, что они не занимались каннибализмом, следов этого не нашлось. Они лишь сжигали людей.

— Вставляли в круг, замыкали его и пели обрядные песни.

— Стив что-то узнал о них, поэтому и был убит. Теперь они добрались и до нас. Потому что мы тоже приближаемся к правде. Они боятся огласки. И сделают все, чтобы остаться неуязвимыми. Ведь их руководителя так и не поймали.

— Всех, кого нам удалось арестовать после смерти Стива, ничего не помнили. Они находились под гипнозом. Промывка мозгов. Анализы показали, что им вкололи какое-то вещество. Наркотическое.

— Значит, мое предположение может оказаться верным.

— Ты о чем?

— Галлюцинации. Все тела были на месте. Да, твои пули их повредили. Но все они лежали там, где находились до того, как внезапно восстали из мертвых. Кто-то захотел, чтобы мы увидели их живыми. Нам промывают мозги, как тем людям. И это уже глупо отрицать. Знаю. Ты хочешь верить своим глазам. Но не стоит воспринимать мир таким, каким он есть. У наших глаз есть слабость. Они способны видеть то, чего не существуют. Это из-за нашего уязвимого мозга, из-за его части, которая отвечает за восприятие. Если на нее воздействовать, то человек может увидеть то, чего хочет некто, кто заинтересован в этом.

— Ты хочешь сказать, что кто-то воздействует на нашу мозговую активность?

— Помнишь первые жертвы? У них вырезали часть мозга. Доктор Ломан был нейрохирургом, изучал человеческий головной мозг. И именно он сделал вывод, что преступник забирал у них именно ту часть органа, которая отвечала за восприятие.

— Но зачем?

— Это нам и предстоит выяснить. Уверена, он борется с нами с помощью галлюцинаций. И создал целый культ.

— Ты думаешь, предводитель этой секты и есть тот, кто нам нужен?

— Я не уверена. Но сейчас я чувствую, что те люди, которые убили Стива, теперь хотят и нашей смерти. И действуют они с помощью силы убеждения. Воздействуют на наш разум. И заставляют видеть то, чего нет.

— Ты так загорелась этой теорией.

— А у тебя есть другое объяснение? — вскинула брови та и быстро осушила кружку с кофе. — Мы видели всякую необъяснимую дичь, которой в природе попросту не может существовать. Подобное можно увидеть лишь в кино или в книжках. Но не в реальной жизни. Такое создает только человеческий разум. Очень сильный и гибкий. Он подстраивается под наши страхи. Знает уязвимые места. Вспомни тот день, когда Татьяну нашли в озере. Вряд ли она оказалась там по своей воле. Мы должны узнать, что видела она. И сопоставить эти факты, после чего построить общую картину. Возможно, нам удастся понять, каким образом действует преступник и какие методы использует.

— Но что если твоя теория не оправдается? Ты говоришь, что мы имеем дело со сверхсильным фокусником, иллюзионистом, который играет с нашим разумом, как с игрушкой. Но у нас нет ни единого доказательства этой теории. Да, мы видели всякую чертовщину. Но...

— Ты запутался, Себастьян. Я дала тебе единственное логическое объяснение. Другого

не будет. Если ты хочешь верить, что эти ожившие мертвецы существуют, я тебе не запрещаю, — Кристина резко поднялась со скамьи и направилась в сторону лаборатории. — Но я не смогу в них поверить. Даже если они откусят мне ноги. Их нет. И не может быть. Они живут в нашей голове. И мы их чувствуем, потому что хотим этого. Потому что видим их. Поговори с Татьяной на эту тему. Уверена, она будет со мной согласна. По крайней мере, в этом мы с ней похожи. Странно, что я узнала ее только сейчас. Жаль, что нам не удалось поработать с ней в команде. Уверена, мы бы отлично сработались. И не стали бы ставить палки в колеса друг другу.

— Ты злишься на меня?

— Нет. Ничуть. Ты сам выбрал свой путь. И я не осуждаю тебя. Но то, что между нами когда-то было, уже не сотрешь из памяти. По крайней мере, я не смогу. Странно, что ты делаешь вид, что мы никогда не были любовниками. Но у тебя это хорошо получается. Я даже стала верить, что так и было.

Совсем новенький Крайслер Империял 1926 года выпуска стремительно несся по бесконечно длинной дороге, что протянулась среди огромных холмов, на которых не росло ничего, кроме пожухлой травы ростом с человека и редких окоченевших кустарников. Случайному гостю могло показаться, что нечто ядовитое в виде осадков выпало на эти некогда плодородные земли и в одночасье убило все живое, но, если остановиться и заглянуть в заросли поглубже, есть возможность обнаружить обилие мхов и пышной крапивы. Хотя вряд ли даже такое разнообразие местной природы способно притянуть хотя бы одного туриста.

Джордж нервно нажимал на педаль газа, будто отчаянно надеялся как можно скорее оказаться в более интересном и красивом месте, но пустынные земли не желали заканчиваться, лишь с каждым новым движением автомобиля расширялись, устремляясь к краю горизонта. Через какое-то время то и дело стали попадаться крошечные заброшенные домики, издавека напоминавшие обыкновенную кучу сгоревшей древесины. Возможно, когда-то здесь находились деревни, оживленные и цветущие, но теперь ничего этого нет. Только блуждавшие призраки, тени былого величия Англии.

Мужчина левой рукой сжал руль, а другой полез в бардачок, откуда достал небольшой фонограф и поставил рядом с собой на свободное переднее сиденье. Он долгое время будто специально не обращал внимание на звуковой проигрыватель, словно боялся притрагиваться к этому предмету, опасался звуков, что могут вырваться из него. Джордж глубоко вздохнул, немного поиграл желваками, отчего вены на лбу вздулись и проступили наружу. Нет, он должен перестать нервничать. Это всего лишь запись, которую он должен прослушать. Без этого нет смысла продолжать эту долгую поездку. Необходимо просто вставить музыкальный валик и нажать на заветную кнопку, ничего сложного в этом нет. Ну же, Джордж, соберись, мысленно ругал он себя. Ты через столько прошел, глупо останавливаться из-за такой банальной дрожи по всему телу.

Джордж снова засунул правую руку в бардачок и вытащил оттуда заветный музыкальный валик, после чего, немного помедлив, вставил его в фонограф. Послышалось легкое шипение, словно на звуковой аппарат вылили кислоту, но это продолжалось недолго, и вскоре оттуда донесся мужской голос, автор которого явно волновался ничуть не меньше Джорджа, когда делал эту запись.

— Джордж, ты был прав, я врал тебе. Нагло и совершенно напрасно, — сказал Эрван и

прокашлялся, словно пытался подобрать нужные слова и тянул время как можно дольше. — Мы с тобой знакомы почти десять лет, это большой срок, не так ли? Знаю, ты меня ненавидишь после всего, что между нами произошло, и вряд ли сумеешь простить. Но... Я знаю, что ты поймешь. Дослушаешь это послание до конца. Уверен, что ты нуждаешься в этом как никогда прежде...

Джордж с грустью посмотрел на фонограф и сглотнул, будто перед ним действительно сидел автор голоса и разговаривал с ним. Но здесь никого не было, он в машине совершенно один. Но этот голос. Он такой живой, с легкой хрипотой, вызванной из-за большого количества выкуренных сигарет. Этот голос ни с чем не спутать, он был донельзя уникальным. Вечно мальчишеский, наигранно веселый и спокойный, по-настоящему спокойный. Даже если и чувствовалась в нем дрожь, то она была незаметной и распознавалась лишь теми, кто знал этого человека слишком близко и слышал его каждый день.

— Я бы многое хотел тебе рассказать. Но уверен, что тебе и без меня все известно... Кто друг, а кто враг. Я потратил бесчисленное количество времени, чтобы понять это. И поверь, мне пришлось сильно разочароваться в людях. В одночасье я перестал верить всем. Даже самому себе. Совсем скоро я все забуду, каждый прожитый миг. У меня не останется ничего, кроме имени. И этот факт одновременно радует и пугает. Без воспоминаний я стану свободным, совершенно чистым и новым человеком. Но будет ли новая жизнь такой же, как эта? Уже третья по счету... Не каждому дано прожить три жизни за такой короткий промежуток времени. В детстве я был Крисом Ричардом, сейчас Эрван. А кем стану после?. Совсем скоро...

На бледных щеках Джорджа застыли крупницы слез, но он делал вид, что не чувствует их, что полностью сконцентрирован на управлении автомобилем и больше ничем, кроме этого, не интересуется. Но он осознавал, что лишь обманывает себя, пытается поверить, что в его сердце больше нет никаких ощущений, что там темно и пусто, как в ночном сгоревшем от сильнейшего пожара лесу. Джордж плакал, но совершенно бесшумно и незаметно для самого себя. Это было странное чувство, словно внутри жило два существа и каждый тянул одеяло в свою сторону. Было не понятно, что необходимо ощущать, о чем думать. Мысли завязались в морской узел, и только чудо сможет распутать этот скользкий клубок.

— Я ввязался в ужасную авантюру, связался с самим Дьяволом. А когда понял, что натворил, оказалось слишком поздно... Думаю, ты понимаешь меня, осознаешь серьезность ситуации. И не отступишь. Ни за что на свете.

— Ты знал об этом... Знал... — прошептал Джордж и невольно вытер слезы рукавом своего зеленого свитера.

— Только прошу... Не пытайся меня искать. Держись подальше! — последнюю фразу он, в буквальном смысле, прорычал, выделил, как нечто чрезмерно важное и не терпящее забвения. — Не приближайся к тому месту ни на шаг, даже если будет неважно. Меня спасти уже слишком поздно. Мое время настало. Я опоздал. И не хочу, чтобы это случилось с кем-нибудь еще. Просто останови весь этот ужас. Но... Держись подальше от меня. Умоляю.

Мужчина остановил свой автомобиль неподалеку от двухэтажного кирпичного дома, который среди остальных построек очень сильно выделялся, так как казался единственным обитаемым зданием в радиусе нескольких километров. Джордж вылез из салона и

осторожно закрыл дверь машины на ключ, делая это так медленно, словно опасался, что ключ может треснуть, и его половинка навсегда останется в замке. Он застегнул свою кожаную куртку и стал осматриваться, пытаясь как можно тщательнее изучить окружающее пространство.

На вид это была обыкновенная английская деревушка. Небольшие каменные домики, подстриженные деревья и кустарники, лишенные листвы, даже пожухлая трава, выглядывавшая из-под тонкого слоя снега, была ровной, будто та росла по линейке. Но здесь было пусто, пугающе пусто. Джордж за время своего пути не встретил ни одного человека, хотя время уже близилось к обеду, и жители этой деревни уже давно должны были показаться из своих жилищ. Но этого почему-то не произошло. Может, где-то поблизости организовали местный праздник, и все ушли туда, бросив свои привычные дела? Мужчина этого не знал. Это место было для него чужим, он не знал его законов и обычаев. Чтобы стать частью жизни этой деревни придется изрядно потрудиться, ибо странностей здесь было больше, чем мыслей в голове.

Джордж подошел к воротам единственного живого дома. Во дворе было развешено сырое белье, которое слегка окоченело из-за мерзлой погоды, но все еще имело способность лениво развеиваться на ветру. В деревянной будке лежала кудрявая худощавая собака со сморщенными длинными ушами, которые явно были больше самого существа. Охранник этого дома, увидев подошедшего незнакомца, негромко залаял, явно предупредил, что соваться сюда — плохая идея. Мужчина немного вытянул шею, чтобы внимательнее осмотреть внутренний двор. Летом здесь наверняка гораздо красивее. Об этом говорили следы растительности: высохшие цветы, пышные кустарники, декоративные облысевшие деревца — сейчас вся эта красота в зимней спячке, но летом данное великолепие вновь расцветет и заставит каждого прохожего сходить с ума от дурманящих вкусных запахов. Сейчас же здесь стоял лишь аромат мокрого грязного снега и, что было удивительно, молока. Пахло молоком, причем очень сильно.

Пес вновь залаял и лениво вылез из будки, будто хотел уже настойчиво попросить Джорджа отойти от ворот и не мешать его спокойствию. Но это существо будто осознало, что русоволосый мужчина не представляет опасности, поэтому резко потеряло к нему интерес и вернулось обратно в свое скромное жилище, но одним глазком все же поглядывало на Джорджа, явно еще сомневаясь в его надежности.

Мужчина услышал скрип входной двери и увидел, что из дома вышла женщина, в руках которой находился таз с чистым бельем. Она остановилась около растянутой между двумя деревьями веревкой и стала не спеша развешивать на ней мокрую постиранную одежду, тихо напевая себе что-то под нос. Джордж взгляделся в ее образ и невольно залюбовался этой дамой. Она была одета чересчур просто: заштопанный выцветший сарафан бледно-голубого цвета, мятый замаранный фартук, повязанный на талии, шерстяная шаль на плечах, а на голове клетчатый платок. Обыкновенная крестьянская девушка, занимавшаяся домашним хозяйством. Казалось бы, ничего особенного в ней нет. Но Джордж продолжал ей любоваться, съедать ее внешний вид до последней крошки, не до конца осознавая, что же такого притягательного имелось в этой женщине.

Она закончила и, поставив пустой железный таз рядом с собой на землю, вытерла рукой пот со лба, после чего невольно обернулась и, наконец, заметила стоявшего у ворот мужчину, который пристально следил за каждым ее телодвижением. Она прищурено окинула незнакомца взглядом и на минуту потеряла к нему интерес, но, поняв, что тот все

еще газеет на нее, изучает каждую деталь ее тела, рассердилась и быстрым шагом направилась к воротам.

— Вы кто такой?! — крикнула она и сердито стрельнула в Джорджа своими уставшими глазами. — Что вам нужно?

Женщина остановилась в нескольких метрах от него и замерла в оцепенении, будто признала в Джордже кого-то знакомого, что было видно по ее неожиданно увеличившимся зеленым глазам. Она ахнула и закрыла рот ладонями, будто пыталась таким образом сдержать свой крик, но некий странный возглас все же сумел вырваться из ее голосовых связок. Женщина отступила на пару шагов назад, будто не поверила, что видит этого мужчину перед собой, но потом немного успокоилась и, наконец, осмелилась подойти к Джорджу почти вплотную. Она открыла ворота и позволила объявившемуся гостю войти во двор ее дома, но едва тот сделал шаг, как та заключила его в крепкие объятия, обхватив шею молодого человека руками, чуть не лишив Джорджа возможности дышать.

— Ты вернулся! — радостно воскликнула она, с трудом сдерживая слезы, которые крупными каплями так и норовили политься по ее красным от мороза щекам. — Ты вернулся! — женщина сжала ледяными ладонями его лицо и стала радостным взглядом изучать каждый миллиметр смущенного лица Джорджа.

— Здравствуй, Лиза, — произнес он и скромно улыбнулся, вызвав у нее тихий довольный смех.

— Виктор... — прошептала она и стала гладить его по волосам, делая это так тщательно, будто хотела потрогать каждый волосок на голове мужчины. — Господи... Я не верю своим глазам. Ты ничуть не изменился... Все такой же... Молодой и красивый. Как тогда... Тринадцать лет назад, когда я видела тебя в последний раз.

— Мы все изменились... — едва слышно ответил ей тот и осторожно убрал ее ладони со своего лица, после чего снова одарил женщину почти незаметной улыбкой.

Лиза украдкой кивнула и медленно побрела к скамейке, что стояла около крыльца. Женщина разгладила складки на фартуке и села, после чего устремила свой взгляд на низко висевшее рыжеватое солнце, которое так и пыталось спрятаться за исхудавшими грязно-коричневыми тучками, что бегали по небосводу. Джордж сел рядом с ней и тяжело вздохнул, после чего виноватым взглядом посмотрел на Елизавету, все так же пристально и неотрывно.

— Прости меня, — прошептал он. — Я очень виноват перед тобой.

— Я писала тебе письма, — медленно сказала она и натянуто улыбнулась. — Все время... Смутно надеялась, что ты передумаешь и вернешься. Когда тебя забрали на фронт, моя вера пошатнулась, но я не перестала писать. Посылала тебе письма каждый день...

Женщина вцепилась белыми пальцами в край скамейки, будто боялась случайно упасть на землю из-за сильного порыва колючего ветра, что разносил по всей округе осколки льда и снежный пух, который пытался осесть в волосах и пустить там корни.

— Но потом, — продолжила она. — Мне сказали, что я могу больше не ждать. Что нет шансов, что ты вернешься с фронта. Но я продолжала верить. И ждать... — Лиза боязливо пододвинулась к мужчине поближе и неуверенно сжала его правую руку, с интересом рассмотрев обрубки пальцев. — Прошел год, потом два... И я медленно перестала надеяться на чудо. Но оно случилось, — Лиза разрешила слезам покинуть пределы ее глаз и лучезарно расплылась в улыбке, после чего ласково погладила руку Джорджа. — Ты вернулся.

— Я хотел узнать, как ты живешь, все ли у тебя хорошо. Я не переставал думать о тебе,

ни на минуту. Особенно после того, как получил твои письма, — Джордж вытащил из внутреннего кармана куртки стопку пожелтевших конвертов и осторожно положил между ними. — Благодаря им я узнал, где ты живешь. Но долго боялся приехать.

— Почему?

— Мне казалось, что я последний, кого ты желаешь увидеть... — вздохнул он. — Твои письма дошли до меня лишь в двадцатом году, слишком поздно... Я их перечитывал каждый день. И терзал себя мыслью, что виноват перед тобой. Невероятно сильно виноват.

— Ты не должен винить себя. Ты сделал выбор, и я его поддерживаю. Лучше услышать правду, чем всю жизнь терпеть ложь.

— Расскажи о себе, — попросил ее тот. — Как сложилась твоя жизнь? Почему ты уехала из Лондона?

— Мы переехали сюда во время войны. Я вышла замуж, по принуждению, родители заставили. Всей семьей собрались здесь, в этом доме. Тогда это место было куда оживленнее, по крайней мере, в течение нескольких лет. Но после войны деревня начала пустеть... — Лиза пододвинула к Джорджу еще ближе и положила свою голову на его плечо. — Я к тому времени родила двоих детей, девочек. Когда им исполнилось три года, муж ушел от меня. Собрал вещи и уехал. С тех пор я его не видела... Родители тоже не стали задерживаться и переехали в Швейцарию, объяснив это тем, что там они будут чувствовать себя безопаснее.

— Почему ты не захотела поехать с ними?

— Не знаю... Не смогла... Я привыкла к этому дому, полюбила его всем сердцем. И не могла бросить, как какую-то вещь. Ты бы видел, как тут красиво летом. Я посадила цветы, вишню, яблони. Мои доченьки довольны. И мне этого достаточно.

— Где они сейчас?

— В сельской школе здесь неподалеку. Им уже исполнилось семь. Они такие красивые, ты бы их только видел. Уже настоящие леди. Мечтаю, чтобы они смогли вырваться из этого безлюдного местечка и уехали туда, где они смогут обрести настоящее счастье. Здесь нет будущего. Живешь и ждешь только смерти.

— Ты еще слишком молодая, чтобы умирать.

— Мне уже тридцать, я потихоньку старею. На лице уже появились первые морщины, я осталась одна, никому не нужна. Только своим дочерям. Я не об этом мечтала всю свою жизнь. Мне хочется немного движения, каких-то ярких моментов. А так... Каждый день повторяет предыдущий и кажется, что так будет продолжаться вечно, пока я не иссохну.

Они на короткое мгновение замолчали и неподвижно сидели на деревянной слегка покосившейся скамейке, любуясь бескрайними просторами английских равнин. Джорджу было немного непривычно находиться в такой тишине, где не слышно шума машин, заводов, сотен людей, где есть только пение птиц и голос ветра. От такого спокойствия даже закружилась голова и хотелось скорее услышать хоть какой-нибудь громкий звук, но ничто не было способно нарушить воцарившуюся здесь тишину.

— Можно я останусь у вас на ночь? — неуверенно спросил Джордж и с мольбой посмотрел на женщину.

— Виктор, я запрещаю тебе задавать такие вопросы, — недовольно ответила она и сердито взглянула на мужчину, отчего тот даже смутился. — Ты за кого меня держишь? Думаешь я бы тебе позволила сразу же после приезда возвратиться в Лондон? Ты обижаешь меня...

— Прости. Просто... Вдруг мой приезд нарушил твои планы. К тому же твои девочки...

— Они будут рады тебя видеть, поверь. У нас давно не было гостей. И новые люди в доме будут очень даже к месту. Переночуешь у нас и вернешься обратно в город, если ты туда так торопишься, — ласково произнесла она и потрепала его по голове. — Ты все такой же скромный и вежливый, как тринадцать лет назад. Все такой же неуверенный в себе мальчишка.

— Правда? — слегка покраснел он и почесал затылок. — Мне казалось, что от меня прежнего ничего не осталось.

— Когда я тебя увидела, то на минуту подумала, что увидела призрака. Я знала многих людей, и все они за эти тринадцать лет изменились до неузнаваемости. А ты нет. Ни на йоту. Будто и не прошло тех долгих лет. Поразительно...

Дрожащей рукой он открыл кран с водой в тесной уборной, и, дождавшись, пока жидкость потеряет бардовый оттенок, в спешке умыл лицо. Ледяные капли обожгли кожу и вынудили ее покраснеть, словно та долгое время находилась под палящими лучами солнца. После Джордж вытер остатки воды махровым полотенцем и изнеможенным взглядом уставился на свое мутное отражение, глазеющее на него из слегка разбитого в левом углу зеркала.

— Кто я такой? — спросил самого себя тот и обессиленно понурил голову. — Что я делаю? Господи, зачем?

Молодой человек громко и будто специально, чтобы это услышало как можно больше людей вокруг, вздохнул и засунул руку в правый карман своих брюк, затем достал оттуда блестящий маленький предмет и, прищурившись, разглядел его, словно видел впервые. Это был согнутый в круг гвоздь, тщательно отполированный, сглаженный, походивший на обыкновенное кольцо. Снова вздохнув, мужчина надел этот металлический предмет на палец и сжал руку в кулак, отчего кольцо болезненно впилось в погрубевшую кожу ладони.

— Я помню. Я помню, — прошептал он и, разжав пальцы, впился губами в кольцо и прикрыл глаза, словно пытался таким образом улететь из реальности и наслаждаться этим моментом бесконечно долгое время.

Но его поцелуй с металлическим предметом продолжался не очень долго. Через пару минут в дверь кто-то постучал и обеспокоенно окликнул молодого человека.

— Виктор? Ты в порядке? Ты торчишь в уборной уже целую вечность.

Дверь открылась, и на пороге возникла Лиза, на которой была лишь одна сорочка, ткань которой была такой тонкой, что можно было с легкостью при определенном ракурсе разглядеть во всех подробностях ее упругую обнаженную грудь. Джордж устало улыбнулся ей и пожал плечами, будто не знал, какие слова следует подобрать для более-менее убедительного ответа.

— Дети уже спят. Хочешь поговорить? — задала еще один вопрос она и осторожно коснулась плеча Джорджа, отчего тот даже вздрогнул, словно получил легкий удар током. — Я ведь чувствую, тебя что-то беспокоит. Утром ты был совершенно другим человеком. Но сейчас я вижу, что ты стал настоящим. И тебе уже поздно скрывать свои истинные эмоции. Я их вижу... Ты подавлен.

— Вряд ли тебе понравится то, что услышишь. Я совершал ужасные поступки. И теперь меня терзает чувство вины. Я хочу освободиться. Но делаю только хуже.

— Пойдем на кухню. Тебе нужно высказаться, — девушка потянула молодого человека

за собой. — Я тебе не чужой человек. Доверься мне.

Джордж украдкой кивнул и последовал с девушкой на кухню, но ноги шли туда с такой неохотой, что мужчине на полпути хотелось просто остановиться и стоять неподвижно безумно долгое время, полностью оградившись от всего. Но он продолжал идти, слушал заботливый голос своей бывшей возлюбленной, которая ласково сжала его ладонь в своей и не отпускала до тех пор, пока они не оказались в слабо освещенном помещении.

Женщина усадила мужчину за стол, а сама поставила чайник на газовую плиту, делая это с такой осторожностью, будто боялась, что от любого лишнего движения все может взлететь на воздух.

— Знаешь, я редко пользуюсь газовой плитой. Стыдно было признаться в этом перед своими девочками. Они думают, что их мать невероятно смелая. Но я самая трусливая женщина на свете. Я боюсь буквально всего. У меня лежит дробовик в подсобном помещении, но вряд ли у меня хватит смелости взять его в руки, когда в дом ворвутся плохие парни. Я даже не знаю, как им пользоваться. Сначала я надеялась, что в случае опасности мне окажут помощь соседи, но теперь и их нет рядом со мной. Это село практически полностью вымерло. И иногда мне кажется, что я единственный человек на свете... Ты не представляешь, как я рада, что ты сейчас находишься здесь, — женщина с улыбкой посмотрела на молодого человека, после чего неуклюже села на соседний стул рядом с Джорджем. — Впервые я чувствую такое спокойствие в ночное время суток.

— Почему же ты не уедешь отсюда? В Лондоне твоя жизнь будет гораздо спокойнее. Я ведь знаю, как ты любишь людей. Без них ты быстро иссохнешь.

— Я не могу. Ох... Не могу, — тяжело вздохнула она. — Я никогда. Никогда не покину этот дом. Не смогу.

— Почему?

— Здесь вся моя жизнь.

— Так можно начать новую. С чистого листа.

— А почему же ты не хочешь жить по-новому? — ледяным тоном спросила она. — Я ведь вижу, что ты терзаешь себя какими-то воспоминаниями, чувством вины. Иначе бы ты никогда сюда не приехал. Я тебя слишком хорошо знаю, чтобы это не видеть. Ты ничуть не изменился. И глупо отрицать очевидное.

— Ты права, — кивнул тот и тяжело сглотнул. — Это и вправду чувство вины... И трудно описать словами, насколько оно сильное и неумолимое. И часть этой вины связана именно с тобой... Ты ведь знаешь, как я тобой дорожил. Всегда знала об этом.

— Да. Знала. И до сих пор не верю, что наши отношения вот так закончились... Я ведь тебя любила. Ты не представляешь, что я сейчас чувствую, находясь рядом с тобой. Будто вернулась на многие годы назад. Влюбилась в невероятно красивого парня с шелковистыми русыми волосами. Влюбилась. И была готова любить вечно. Но с ним что-то случилось. Его чувство ко мне резко угасло. И он исчез. Бесследно. И теперь он снова здесь. Будто ничего не произошло за эти годы.

— Лиза, — прошептал тот и осторожно дотронулся до ее крошечной хрупкой ладони. — Я хотел тебе сказать это раньше. Но не смог. Не смог признаться.

— Признаться в чем?

Их разговор прервал голосистый чайник, из которого наружу вырвался горячий пар и быстро заполнил собой узкое пространство, отчего на кухне стало даже немного душно. Лиза быстро сняла чайник с плиты, после чего заварила себе и Джорджу горячий кофе, от

которого исходил такой дурманящий аромат, что у молодого человека слегка потемнело перед глазами: чувство голода дало о себе знать. Девушка это будто поняла по его глазам и залезла в холодильник, оттуда достала несколько готовых бутербродов с сыром и ветчиной и, аккуратно положив их на тарелочку, поставила рядом с молодым человеком.

— Я уже думала, что ты упадешь в голодный обморок. Я и забыла, что мужчины и часа не могут продержаться без еды. Извини меня. Я обычно очень много готовлю. Но ничего из сама из приготовленного практически не ем. Хотя кто-то съест хотя бы часть моей стряпни.

— Ты всегда любила готовить. Это я вряд ли забуду, — с улыбкой произнес тот и впился зубами в холодный бутерброд, почувствовав невероятное облегчение от прикосновения кусочков еды к своему оголодавшему языку. — Я помню, как ты приготовила мне вишневый пирог. И твой отец его съел до моего прихода.

— Это был единственный раз в моей жизни, когда я хотела убить родного отца, — засмеялась та и, подперев голову рукой, стала наблюдать за тем, как мужчина уплетал бутерброды за обе щеки, будто не ощущал вкус еды целую вечность. — Но я все равно им очень дорожила. Он был со странностями. Но любил меня. И даже сейчас, после всех тех гадостей, что он сделал мне, я его обожаю. Я не умею ненавидеть. Я всегда всех прощаю.

— Но меня ты не простила.

— Возможно, — кивнула та и отвела взгляд в сторону. — Ведь из-за тебя моя жизнь стала не такой, о какой я всегда мечтала. Ты был главной ошибкой в моей жизни. Но я до сих пор испытываю к тебе теплые нежные чувства. И ничего не могу с этим сделать.

— Но уже не вступишь в свою жизнь.

— Ты прав. Моя новая жизнь уже не связана с тобой. И вряд ли это возможно изменить. Я не хочу возвращаться в прошлое. Это... очень тяжело. Любить и ненавидеть одновременно.

— Лиза, — прервал ее парень и на долгий промежуток времени замолк, словно передумал говорить то, что собирался. — Я тебе тогда не рассказал одну вещь. Очень важную. Важную для меня.

— Какую именно?

— Знаю, это прозвучит не очень приятно. Но... Я... — парень нахмурил брови и стал бегать глазами, явно боясь встретиться с удивленным взглядом женщины. — Никогда не любил тебя, как свою девушку. И не думал развивать наши отношения дальше. И дело не в тебе. Дело во мне.

— В чем же причина?

— Мне... нравятся мужчины, — с легкой улыбкой сказал тот и как-то виновато опустил свои глаза. — Тогда я не был в этом уверен. Сомневался. Но сейчас я знаю, кто я есть на самом деле. И не пытаюсь это отрицать, подавить в себе.

— Ты — гей, — с усмешкой в голосе произнесла та и провела ладонью по своему лицу. — Знаешь, лучше бы ты мне этого не рассказывал.

— Но ты должна знать.

— И... у тебя уже был... партнер?

— Да... — кивнул тот. — И я еще никого так сильно не любил. Он был всей моей жизнью. Это кольцо, — парень показал ей металлический предмет на своем пальце и тяжело вздохнул, будто твердый ком перекрыл его дыхательные пути, и он стал задыхаться, не в силах наполнить легкие новой порцией воздуха. — Он подарил мне, чтобы показать, что наши чувства не просто иллюзия, они реальны и не скрывают за собой фальшь.

— Ты приехал сюда, чтобы сказать мне это? — без эмоций посмотрела на него та, и в ее голосе стал прослеживаться обжигающий холод, словно услышанное повлияло на нее крайне негативно, и ее отношение к парню изменилось в не самую лучшую сторону.

— Не совсем. Я приехал сюда из-за него.

— Из-за него? — с недоумением посмотрела на него женщина. — Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Восемь лет назад он был здесь. Вместе с моим отцом. Они отдали тебе на временное воспитание одиннадцатилетнего мальчика. Вспомни.

— Эрван? — с ужасом в голосе прошептала она, и на ее щеках внезапно блеснули крупные капли слезы. — Ты приехал сюда из-за него?

— Знаю, что тебе трудно вспоминать эти вещи. Ты пыталась все эти годы, что провела здесь, забыть их, как страшный сон. Но я хочу, чтобы ты вспомнила. Рассказала об этой встрече. Об этом мальчике.

— Зачем ты так поступаешь со мной? — всхлипнула она и вытерла рукой подступившие слезы. — Зачем заставляешь вспоминать? Зачем возвращаешь чувство боли, которое я испытывала тогда? В тот день.

— Ты ведь знаешь. Наши отношения не были настоящими. Никогда. Мой отец вынуждал тебя следить за мной, ты должна была подавить во мне воспоминания из моего детства. И у тебя это прекрасно получалось. До тех пор, пока ты не поняла, что любишь меня.

— Тебя нельзя было не любить. И я переступала через себя, когда делала это. Подставляла свою жизнь под дуло пистолета. Ты понятия не имеешь, что я испытывала тогда. Как себя ненавидела. Я думала, что смогу все исправить. Верила, что нам удастся уехать, подальше от всех людей, что нас окружали. Особенно подальше от твоего отца. Но ты не захотел жить той жизнью, что я пыталась тебе подарить. Ты стал возвращаться в прошлое. И оставил меня. Запер здесь. В этом пустом безлюдном мире. Совершенно одну.

— Мне очень жаль, что я вынуждаю тебя вспоминать события, которые были тебе отнюдь не приятны. Но эти воспоминания могут спасти множество невинных жизней, и одна из них — я, — Джордж потянулся к Лизе и едва слышно прошептал ей эти слова на ухо, отчего на коже той высыпались твердые мурашки, будто присутствие мужчины напугало ее до смерти. — Но я также не позволю мне лгать, когда правда мне уже практически полностью известна.

— Ты уверен, что тебе необходимо узнать правду? — с грустью в глазах произнесла Лиза. — Иногда легче жить с ложью, только так можно сохранить собственную безопасность. Эта правда подобна яду, она убивает каждого, кто ей воспользуется.

— Я знаю, — подмигнул ей тот и с громким вздохом откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. — Но меня это ничуть не пугает. Потому что этот яд уже течет по моим венам. И у меня осталось не так уж много времени, чтобы это остановить.

— Ты хоть знаешь, сколько людей погибло за эту правду? И ни один не дошел до конца. Ни один человек. Почему ты уверен, что тебе это удастся?

— Потому что я знаю, что нужно делать. Знаю, кто за всем этим стоит. Мне осталось лишь разгадать последнюю загадку. И она касается этого мальчика и человека, который погиб из-за меня, прямо на моих глазах. Неужели я так многого прошу? Я ведь вижу, как тебе тяжело держать тайны моего отца в себе, будто ты сейф, ключ к которому давно потерян. И я хочу открыть этот сейф. Облегчить твой груз. Я тебе не враг, хотя в данный момент ты боишься меня.

— Эрван не хотел, чтобы ты когда-либо узнал об этом. Он был очень взволнован и будто знал, что его ждет впереди.

— С ним был только Доктор Ломан?

— Нет. Я также видела женщину. Кажется, она назвала себя Анной. Ричи тогда не мог ходить, он был полностью парализован. И Анна подвезла мальчика на инвалидной коляске к моему дому. Доктор Ломан сказал, что в его головном мозге прогрессировала злокачественная опухоль, которая блокирует часть сигналов в нервных окончаниях.

— Опухоль находилась в части мозга, которая отвечала за сознание, — едва слышно сказал Джордж и в задумчивости опустил голову. — И Ричи был не единственным, кто столкнулся с этой болезнью. Твои дочери тоже.

— Вижу, что ты знаешь гораздо больше, — удивленно вскинула брови та и наигранно посмеялась, будто пыталась таким образом скинуть с себя неподъемное напряжение. — Да. Мои дочери тоже были больны. И находились при смерти.

— Ты их тоже удочерила, как и Ричи. Ты была частью масштабного проекта моего отца, — Джордж сжал пальцы в кулаки и с холодом посмотрел на женщину, будто пытаясь убедиться, что та с ним полностью честна и не пытается утаить правду, которую он так желал услышать. — И была единственной, кому он мог доверить своих подопытных кроликов.

— Они были для него, как дети, Виктор. Он их любил, как родной отец. Они были при смерти, но он их спас. От них отказались все, кроме него. Твой отец был святым человеком, с большим сердцем. Жаль, что ты так и не смог этого понять.

— Я знал, кто он. И гордился им, — голос Джорджа предательски дрогнул, и он отвернулся, будто боялся, что Лиза заметит на его щеках возникшие слезы. — Но он никогда меня не любил. Лишь пользовался, чтобы добиться своей цели.

— Почему ты так думаешь? Он постоянно говорил о тебе. Возможно, вы редко с ним общались после всего произошедшего. Но Чарльз Ломан любил тебя больше жизни. И делал все, чтобы защитить тебя и твоего парня.

— Из-за него мой парень погиб, — тихо ответил тот, понурился. — Его застрелили. Прямо на моих глазах. А я... Я ничего не смог сделать. Лишь был способен прижимать Эрвана к себе, чувствовать, как из него выливается кровь прямо на меня, — Джордж еще сильнее сжал кулаки и резко встал со стула, будто тот стал невероятно горячим. — И я ненавижу отца за это. Он знал, что Эрвана хотели убить. И не сделал ничего, чтобы это предотвратить. Посчитал, что так и должно было произойти, что это неизбежно.

— Мне очень жаль, — с сочувствием взглянула на него та. — Я вряд ли смогу прочувствовать все то, через что тебе пришлось тогда пройти. Но я хочу помочь тебе.

— Тогда расскажи мне правду. И только правду, — ледяным тоном произнес тот.

— Доктор Ломан проводил у этих детей операции. Запрещенные. Но он делал это в благих намерениях. Пытался их спасти. И понять причину этой болезни. В обычных больницах заболевшим диагностировали рак. Но Чарльз Ломан был твердо уверен, что эта опухоль имеет совершенно другую причину возникновения. И связана она с нашим сознанием.

— Ты хочешь сказать, что кто-то внушал этим детям, что они больны, и опухоль возникала из-за их мыслей?

— В это трудно поверить. Но твой отец верил это. И Ричи был его любимым пациентом, самым ценным. Состояние мальчика было ужасным. Он тогда потерял свою семью, и его

душевное состояние оставляло желать лучшего. Ричи совершенно отказывался с кем-либо разговаривать. Только молчал. Ему оставалось жить считанные дни. Но Доктор Ломан нашел выход. Нашел лекарство.

— Что он сделал?

— Мне это неизвестно. Но в его выздоровлении прямым образом участвовал Эрван.

Джордж обреченно вздохнул и снова опустился на стул.

— Мне очень хочется рассказать тебе больше, — с мольбой взглянула на него Лиза, нервно теребя пальцы на руках. — Но мне больше ничего неизвестно.

— Я тебе верю, — Джордж впервые за время их разговора улыбнулся и тем самым слегка разрядил напряженную обстановку между ними. — Извини меня, что заставил об этом вспомнить.

— Я ценю то время, которое я провела с Доктором Ломаном. Он научил меня бороться, верить в то, чего произойти попросту не может. И он никогда не ошибался. Если Чарльз позволил Эрвану умереть, то на это должна была быть причина.

— Какая именно?

— Вдруг он хотел... его таким образом исцелить?

— Избавить от страданий смертью? Очень эффективное лекарство. Надо попробовать, — злобно съязвил тот и опять скрестил руки на груди, будто такая поза помогала ему чувствовать себя увереннее.

— Не знаю, каким образом связаны Эрван и Ричи, но Доктор Ломан вряд ли бы позволил, чтобы кто-либо разрушил все его планы. Мне кажется, что смерть твоего парня входила в его проект.

— Я не понимаю.

— Мне кажется, он нашел причину возникновения этой болезни. И Эрван мог быть также болен.

Джордж задумчиво взглянул на нее, будто вспомнил нечто весьма важное, и Лиза с облегчением поняла, что начала двигать их разговор в нужном направлении.

— Что если смерть и была лекарством. Временная смерть.

— Временная смерть? Ты хоть себя слышишь? — с усмешкой посмотрел на нее тот. — Эрвана застрелили, выстрелили прямо в грудь. Пуля пробила его легкое. Ты не представляешь, через какую боль ему пришлось пройти, чтобы потом, наконец, умереть! Я был там. И все видел. И это не было никакое исцеление. Эрван не Иисус, чтобы воскресать после смерти. Мой отец был сумасшедшим. И ты ничуть не лучше него. Говоришь такие же бессмысленные вещи.

— Тогда зачем Доктор Ломан привел твоего парня к Ричи? Вряд ли просто для разговора. И знаешь, что случилось с Ричи после этого? Он исцелился. И мог ходить, словно никогда болен и не был. Тоже самое случилось с моими дочками. Они выздоровели. И все это благодаря твоему отцу. Зря ты считаешь его поехавшим умом стариком. Он знал, что делает. И... Ты должен это ценить.

— Только это не вернет моего парня к жизни. Он умер. И никакое чудо это не изменит. Даже мой отец, который, к счастью, тоже покинул мир живых.

— Неужели ты рад, что твоего отца больше нет?.. — с недоумением взглянула на него женщина.

— Возможно, — с натянутой улыбкой произнес Джордж. — Думаю, он сам этого хотел. Иначе бы не позволил, чтобы это случилось, не так ли?

Глава двадцатая. Сияние

Сегодняшняя ночь была самой ясной за столь длинный промежуток времени. Эрван позабыл, когда в последний раз видел на небосводе хотя бы одну звезду, все они тщательно скрывались за толстым слоем низко летавших туч, отчего казалось, что город заперт в какой-то капсуле, откуда нет ни малейшего выхода. Молодой человек запрокинул голову и стал любоваться их сиянием, пытался найти среди них хоть какое-нибудь знакомое созвездие. Но сегодня звезды были разбросаны на небесном куполе хаотично, поэтому никаких интересных фигур среди них выделить так и не удалось.

Молодой человек вдохнул полной грудью прохладный осенний воздух и засунул руку в карман брюк, достав оттуда портсигар, который он так и не успел подержать в руках после того, как тот вернулся к нему после длительной разлуки. В металлической коробочке осталось всего лишь две сигары, и все они были помяты. Парень достал самую симпатичную из них, после чего закурил, но едва табачный дым проник в легкие, как Эрван тут же тяжело закашлял, почувствовав не самые приятные ощущения в груди. Молодой человек прочистил горло и сплюнул. Слюна, упавшая на тротуар, имела далеко не привычный оттенок. Эрван присмотрелся и со страхом осознал, что та имела характерный цвет крови. Дрожащей рукой он дотронулся до губ и вытер остатки слюны, после чего посмотрел на пальцы. Но на этот раз слюна имела вполне обычный цвет. Юноша снова взглянул на тротуар и замер в недоумении. Никаких следов крови больше не было.

— Что со мной происходит? — устало провел рукой по волосам тот и медленным шагом направился в сторону мастерской.

Юноша остановился около двери и вытащил из кармана ключи. Их мелодичный звон слегка успокоил его накалившиеся нервы, и парень даже пару раз встряхнул их, чтобы этот звук подольше побыл в ушах. Нашупав среди многочисленных ключей нужный, он вставил его в замок и повернул в левую сторону несколько раз.

— Эрван! Оглянись!

Эрван вздрогнул и обернулся. В последнее время громкие неожиданные звуки пугали его настолько сильно, что он попросту пугался едва ли не любого шороха, что сильно портило концентрацию во время работы. Ему попросту не удавалось сосредоточиться даже на одном деле, и это стали замечать окружающие. Неприятных вопросов было много. Но Эрван старался убедить себя, что с ним все в порядке, что это просто стресс после случившегося месяц назад. И чем больше он так думал, тем сильнее убеждался, что нагло врёт самому себе.

Он боялся. И не знал, чего именно. Страх был повсюду, преследовал юношу попятам. Он стал его постоянным спутником и находился рядом круглосуточно, не желая ни на секунду покидать молодого человека. Эрвану казалось, что каждое его действие кем-то анализируется. Плохое предчувствие не уходило на протяжении всего дня, и так продолжалось уже не одну неделю. Это было странное ощущение, которое испытывает, наверное, только преступник, бродящий в районе, где полным-полно полицейских, которые его разыскивают. И в данный момент Эрван чувствовал себя именно таким человеком. И пытался задать вопрос, почему? Что его так беспокоит? С какой стати ему кажется, что за ним ведется пристальная слежка? Ему хотелось оборачиваться, постоянно. Он знал, что за ним смотрят, ощущал на коже спины их ядовитые горящие взгляды. Но бездна ночной улицы

тщательно скрывала наблюдателей, поглощала в своей глубоководной тьме, оставляя после них лишь размытые тени, едва различимые на мокром после недавнего дождя тротуаре.

— Эрван!

Эрван сдвинул брови и потер большим и указательным пальцем переносицу. Ему следует успокоиться. Это всего лишь ложное чувство. Он один посреди этой улицы, здесь больше никого нет. Ему незачем волноваться. Это пустые мысли.

Парень толкнул входную дверь и быстро вошел внутрь, будто хотел как можно скорее оказаться внутри и больше не ощущать на себе невидимые взгляды сотен людей. Но даже в мастерской странное чувство беспокойства не пожелало исчезать. Эрван знал, что они все еще снаружи, движутся к двери, заглядывают в окна. И наблюдают. Смотрят за ним.

Сняв с себя верхнюю одежду, Эрван прислушался, пытаясь убедиться, что Джордж находится здесь. Но в мастерской было слишком тихо, что было непривычным явлением здесь в столь позднее время. Даже шум соседей не доносился до его уха, словно все здание за пару часов очистилось от людей. Эрван медленно прошел вперед и попытался включить верхний свет, так как свечения керосиновой лампы, что стояла на рабочем столе Джорджа, было недостаточно. Но когда парень нажал на кнопку выключателя, ничего не произошло. Помещение не озарилось светом и так и осталось в полумраке.

— Что за чертовщина? — прошептал Эрван и нажал на кнопку еще несколько раз, но свет так и не появился. — Я уже обожаю этот вечер, — обреченно проворчал он и подошел к керосиновой лампе, свет которой был такой тусклый, что с трудом освещал пространство на расстоянии вытянутой руки.

К счастью, свет ночного города, доносившийся из окон мастерской, слегка разогнал тьму и облегчил перемещения молодого человека по комнате.

Пламя керосиновой лампы сумело заморозить молодого человека. Только сейчас он осознал, что никогда раньше не обращал внимания на столь причудливые танцы огня. Этот горячий кусочек рыжеватого света был в заточении, за толстым стеклом, без какого-либо доступа к внешнему миру. Но тот даже в полной изоляции продолжал бороться с тьмой, что поглощала с каждой минутой, сдавливая крошечный огонек своим многотонным весом. Эрван приблизил керосиновую лампу к лицу, чтобы видеть этот огонек поближе и сел за рабочий стол Джорджа, не отрывая взгляда от тусклого света ни на секунду. Пламя полностью завладело его разумом, расширилось в мыслях, пожирало все ранее знакомые ему эмоции, затягивало в свой мир.

Эрван чувствовал этот жар, ощущал, как кожа буквально плавится под действием высоких температур, но эти чувства не вызывали боли, лишь что-то отдаленно похожее на нее, как смутное воспоминание о каких-то далеких страданиях, что сумели в безвестном прошлом вылиться на парня, заставили кричать и плакать, бороться за ускользавшую жизнь. Огонь был повсюду, вырывался из каждой щели.

Эрван видел комнаты, просторные и узкие одновременно. Они горели, каждый предмет рассыпался на глазах, падал, разбивался на сотни осколков. Он лишь смотрел, не мог сдвинуться с места. Эрван любовался творением огня, восхищался его неутолимым голодом, силой, с которой он пробивался в самые труднодоступные места.

Под ним лежали тела. Много тел. Молодой человек не знал, сколько их и боялся считать. Это были мужчины, женщины, дети. Все они спали на полу, прижавшись друг другу. Эрван не видел их лиц, пламя огня слепило его, не давая никакой возможности разглядеть детали этого горящего здания. Он мог лишь смотреть из одной точки и довольствоваться

маленьким углом обзора. Детали были слишком расплывчатыми из-за расплывшегося облака едкого густого дыма. Дым образовал вокруг людей что-то вроде замкнутого кольца и медленно стал сжиматься, вихрем вращаясь вокруг невидимой оси. Пламя пожирало этих людей, обнажало их кости, но боялось прикоснуться к детям, старательно обходило их стороной, будто испытывало к этому маленькому беззащитному лакомству чувства отвращения. Вскоре спящие превратились в скелеты. Их кости блестели, как драгоценные камни. И издавали приятный мятный аромат, навязчивый и чересчур резкий, отчего заслезились глаза и захотелось чихнуть несколько раз.

Но они не умерли. Эрван начал слышать их голоса, постепенно переходившие в крики. Они кричали, плакали, звали на помощь. Им было больно. Невыносимо больно. И они не могли утихомирить свои страдания. Это было невозможно. Огонь был повсюду. Тот съедал их, заживо, без каких-либо угрызений совести. Но дети ничего не ощущали, не слышали. Они продолжали мирно спать, совершенно ни о чем не беспокоясь. Дети были в безопасности. Им ничего не угрожало.

— Боишься ли ты того, что сейчас увидят твои глаза? — прошептал до боли знакомый мужской голос где-то поблизости, но слова долетали до ушей Эрвана в виде отдаленного эха, словно молодой человек находился под водой, а его собеседник на поверхности. — Боишься ли ты узнать правду о себе? О своих страхах?

Эрван не мог дышать, каждая попытка наполнить легкие воздухом заканчивалась болезненными ощущениями, словно где-то в груди находилась горстка гвоздей, которая впивалась в каждый орган своими острыми концами.

— Ты особенный, Эрван. И должен перестать отрицать очевидные вещи. Прими это как дар. Но не забывай, что этот дар способен перерасти в проклятие. Твоя задача найти необходимый баланс. Золотую середину. Но меня волнует один вопрос. Готов ли ты к этому? Не боишься ли ты?

Эрван почувствовал холод, кожа стала остывать, а вместе с ней и все тело. Он находился в состоянии полета, завис в невесомости и не мог ни опуститься вниз, ни подняться на поверхность. Весь организм молодого человека онемел, был связан невидимыми нитями, что не давали возможности даже шелохнуться. А вокруг была только тьма, бездна, где не существовало ни запахов, ни звуков, ничего, что напоминало бы привычный мир.

— Я видел конец этого мира, видел его рождение, восхождение, а после и великое падение. Я не вмешивался в эти события, лишь наблюдал, мне это доставляло незабываемое удовольствие. Я лицезрел каждого, знал, о чем они мыслят, чего боятся. Я стал для них Богом, они боялись меня, верили в мое существование, просили, чтобы я сжалился и прервал их страдания. Но заслуживали ли они моего прощения? Заслуживали ли понимания? Моего внимания?

Эрван чувствовал удушье, в легких ощущалось болезнетворное жжение, от чего хотелось кричать, но крик растворялся тотчас же, как в соляной кислоте, не успев даже возникнуть. В этом месте не было звуков, это изолированный вакуум, пустота, где не существовало ничего, кроме этого приятного мужского голоса, который Эрван знал, как свой собственный, но не мог найти в памяти ни одну личность, которая могла бы обладать этими голосовыми связками.

— Я могу стать совершенно любым человеком, способен обманывать глаза каждого, кто удосужится привлечь мое внимание. В моих руках безграничная сила и власть. Но в то же

время это моя уязвимость, самая главная слабость.

Юноша увидел свет, где-то наверху, прямо над собой. Он становился ближе, расширял зону своего влияния на тьму. Неведомая сила подхватила тело парня и понесла навстречу этим лучам голубого холодного оттенка, уносила из удушающей бездны. Через пару мгновений его лицо обдало непривычным холодом, он ощутил прикосновения ветра. И впервые смог сделать поток воздуха, жадный до безумия. Он вдыхал кислород с завидной тщательностью, словно опасался, что тот в любой момент вновь исчезнет и больше никогда не вернется.

Молодой человек лежал на поверхности воды. Эрван понял это не сразу, лишь спустя какое-то время, когда шелест водной поверхности стал громче стука сердца. Пение водных частиц успокоило учатившееся дыхание, вынудило тело расслабиться, а вместе с тем наступило долгожданное умиротворение, которое вызывало странное щекотливое ощущение чуть ниже живота. Он парил над водой, не чувствовал притяжения земли, тело стало легким, как перо, и казалось, что оно вот-вот взлетит и устремится вместе с ветром к чистому звездному небу, что зависло над ним.

— Я помню боль, что почувствовал в груди, помню кровь, что рвалась из меня наружу, помню страх, что лишил меня здравомыслия. Безумие. Это все, что у меня осталось от того момента. Я видел свою смерть, чувствовал ее, ощущал весь ужас, что исходил от моего остывающего тела. Я не мог этого остановить. Не мог изменить предначертанные судьбой события.

Эрван с криком вздрогнул, и его тело резко погрузилось в воду, лишь голова и руки остались на поверхности. Юноша изо всех сил стал двигать ногами, чтобы вновь не погрузиться в ту ледяную бездну, и поплыл в сторону берега, что находился совсем поблизости. Но с каждым движением слабость одолевала мышцы все сильнее и сильнее, ноги онемели и не желали слушать команды головного мозга. Эрван стиснул зубы и сделал рывок, продолжил плыть, хватался за поверхность воды, как за что-то твердое. Но некая сила оттягивала его назад, отдаляла от суши все сильнее и сильнее.

— Я видел свою смерть. Чувствовал, как в легкие перестал поступать кислород. Слышал, как сердце бешено колотилось, разрывало своей вибрацией мои барабанные перепонки. Я был все еще жив, когда перестал дышать. И мне приходилось лишь ждать, когда оставшиеся части тела тоже лишатся жизни, — с грустью произнес голос и громко вздохнул. — Но после этого я почувствовал поразительную легкость. Смерть подарила мне крылья.

Эрван сделал последний рывок и впился пальцами в каменистую почву берега, словно опасаясь, что вода вновь утащит его в свое глубоководное царство. Молодой человек с болезненными стонами совершил пару шагов на четвереньках вперед и, полностью обессилив, рухнул на землю, не в силах продолжать свой путь дальше.

— Люди преклонили передо мной головы, моя сила и власть сломила их чувство воли. Я стал для них Богом, они молились мне, но продолжали ненавидеть, проклинать. Только их вера от этого не ослабела. Лишь превратилась в безумную игру.

— Я наивно полагал, что смерть неотъемлемо связана с болью. Но перед своей гибелью я не чувствовал ничего, кроме чувства полета. Это было похоже на погружение в воду. Ты не можешь двигаться, дышать, мыслить. Все вокруг резко потеряло хотя бы какое-то значение. Ты завис над бездной и находишься в таком положении до тех пор, пока не настанет время.

Пока Бездна не станет частью тебя. Частью твоего сердца. Я не помню ничего о своей прошлой жизни, лишь определенные моменты, самые важные, те, которые повлияли на мою гибель в реальном мире. Долгое время я бродил среди пустоты, туманных образов прежнего существования, искал ответы на давно мучившие меня вопросы. Но это не принесло мне душевного спокойствия, лишь повесило на шею груз, который не позволяет свободно дышать.

Эрван почувствовал, как чьи-то многочисленные маленькие руки касаются его, тянут на себя и медленно передвигают тело молодого человека подальше от воды. Юноша пытался сопротивляться, но мозг разучился посылать сигналы в конечности, те будто умерли, потеряли большую часть своей чувствительности. Он мог ощущать только прикосновение теплых крохотных пальцев к своей отвердевшей от холода коже. Глаза Эрвана были открыты, но тьма полностью лишила дара видеть что-либо вокруг. Его окружала только чернильная мгла, густым туманом расползавшаяся по округе, пожирая все на своем пути.

— Он слышит нас, — прошептал детский девичий голосок, после чего весело захихикал. — Он слышит.

— Ему больно. Он ранен. Мы должны ему помочь, — рядом раздался еще один голос, но на этот раз он принадлежал мальчику и находился ближе всех к Эрвану, прямо над самым ухом.

— У нас слишком мало времени. Она может его почувствовать. Нам нельзя допустить, чтобы Она завладела им. Иначе нас ждут страшные последствия. Идемте!

— Хи-хи-хи-хи, — засмеялся третий голосок.

— Он ослеп. Он не видит. Он не видит!

— Не останавливайтесь! Вперед! Мы не можем оставить его здесь! Продолжайте двигаться. Ну же!

— Я стал Богом, — прошептал Эрван, с трудом шевеля обсохшими солеными губами, и попытался сфокусировать зрение, но все образы вокруг продолжали пребывать в расплывчатом состоянии. — Бездна приняла меня.

— Положите его здесь, — приказал остальным мальчик.

Эрван ощутил, как его тело коснулось сухой мягкой поверхности. Вокруг раздавались звуки человеческой возни, тихие перешептывания, редкие смешки. Все это продолжалось настолько долго, что молодому человеку показалось, что он пролежал в таком состоянии несколько дней. Но внезапно все стихло, и рядом с ним появился яркий желтоватый свет, исходивший от зажженной керосиновой лампы, которую он совсем недавно держал в своих руках, но только не мог вспомнить, где именно.

— Свет спасет тебя. Они боятся света. Тьма питает их, ты не должен находиться в темноте без защиты. Их голод неутолим, — с серьезным выражением лица произнес светловолосый мальчик рядом с ним, который и держал перед Эрваном эту яркую издававшую приятное тепло лампу. — Держи. И не отпускай, — белокурый ребенок передал парню источник света, который в этом месте был единственным на многие километры.

— Откуда вы взялись? — с трудом выдавил из себя Эрван и стал с испугом разглядывать детские лица вокруг себя.

Ребятам на вид было не больше десяти лет, но их выражение лица было донельзя умным, отчего могло по ошибке показаться, что это низкорослые взрослые, навсегда запертые в детском теле. Одеты они были из рук вон плохо: ткань покрывалась кусочками грязи, местами украшалась некрасивыми дырками; не одежда, а самое настоящее решето,

словно по этим детям стреляли из штурмовой винтовки, но их кожа выдержала каждый выстрел, будто состояла из прочного сплава железа. Всего детей было трое. Двое мальчиков и одна темнокожая девочка, которая, судя по всему, было самой младшей среди этой троицы: вряд ли ей исполнилось десять, возможно, малышке было не больше семи, если не меньше. Эрвану не нужно было долго гадать, чтобы понять, кто среди них был самым главным. Светловолосый мальчишка выделялся из этой группы хмурым уставшим выражением лица, которое присуще исключительно тем, кто кем-то руководит. Его большие голубые глаза поражали своей мудростью, отчего было даже не по себе. Эрван никогда не видел у детей чего-то подобного, не ощущал в них той взрослости, что обитала в этом белокуром пареньке.

— Придет время, и ты узнаешь.

— Что со мной происходит? Где мы?

— Бездна выбрала тебя, сделала себе подобным. Ты должен пройти особый путь, чтобы доказать ей свою преданность.

Эрван сжал обоими руками лампу, будто боялся, что та выскользнет из его вспотевших ладоней, после чего со страхом осмотрелся. Они сидели посреди какого-то поля, о чем говорила густая травяная растительность, подсвеченная светильником. Тьма была слишком густой, поэтому зона видимости была пугающе низкой, отчего создавалось ложное чувство, что пространство вокруг быстро сжимается и вот-вот расплющит их всех за пару секунд, не оставив после них ни единой косточки.

Молодой человек сделал попытку подняться на ноги, но ощутил такую слабость во всем теле, что едва не упал, когда делал столь простое движение. К счастью, удержаться на ногах ему все же удалось, но казалось, что еще немного, и он вновь окажется на земле; ноги дрожали от веса тела и, в буквальном смысле, самовольно сгибались в коленях.

— Когда я пришел в себя, то увидел детей, самых безобидных существ в этом огромном суровом мире. Они не вызывали во мне никаких вопросов, казалось, что я знал их целую вечность и очень дорожу каждым из них. Им было известно, кто я, кем стану через короткое время. И их это не пугало. Ничуть. Они были здесь, чтобы охранять меня. Я был их единственной надеждой на спасение. Я был их хранителем. Их Богом. Только они были способны видеть меня, чувствовать, разговаривать со мной. И я стал неотъемлемой частью их жизни. Они видели во мне друга, я стал их светом, смыслом, дверью между двумя мирами. Они слишком долго ждали моего появления. И делали все, чтобы я в них не разочаровался. Я должен был их повести, стать их глазами, мыслями. Их разум напоминал мягкий пластилин, я мог творить с ним все, что мне пожелается. И они не противились мне. До тех пор, пока моя сила не ослабла. Она захватила власть. Осознала, что мы преследуем совершенно разные цели. И это Ее разозлило. Два Бога не смогли ужиться в тесном мире. Одному из них следовало уйти или умереть. У меня появился выбор.

Он не мог вспомнить, когда именно его ослабленный организм сумел погрузиться в глубокий сон, совершенно не удосужившись предупредить головной мозг. Юноша понял, что все это время спал после того, как увидел резкую смену обстановки. Удивительно, что его ничуть не удивляло ни место, где он находился, ни люди, окружавшие его. Эрван воспринимал все это как нечто обыденное, привычное, совершенно его не касающееся. Молодой человек ощущал себя наблюдателем какой-то красочной кинокартины, ничто из увиденного не было способно вызвать хотя бы толику настоящей адекватной эмоции. Он

походил на ребенка, который едва появился на свет и просто не осознавал, что за образы его в данный момент времени окружают. Возможно, это была правильная реакция, что-то вроде сильнейшего шока. Но Эрван был крайне спокоен, опьянен местным воздухом, который пах болотом и хвоей.

Молодой человек лежал в деревянной повозке, которая пьяной покачивающейся походкой медленно ехала вперед, преодолевая частые кочки, ямы и мелководные лужи, имевшие размер целого озера. Повозку тянула за собой хромая лошадь красивого белого цвета, которая не упускала момента повернуть свою мордочку назад, будто хотела встретиться взглядом с удивленным Эрваном, но шея той было не такой уж и гибкой, поэтому ей удавалось взглянуть на собственного пассажира только одним глазом.

Впервые Эрван увидел окружающее его пространство в полных деталях. Такая возможность появилась из-за возникшей из неоткуда полной фантастически огромной луны, чей диаметр был таких размеров, что создавалось опасение, что ночное светило вот-вот врежется в планету. Они ехали через бескрайнее поле, блестящее, как зеркало, из-за обилия воды на его поверхности, а где-то вдали виднелись дремучие леса, чье пение из-за усилившегося ветра было столь сильным, что даже отсюда была возможность слышать скрипы могучих волосатых деревьев. Колеса повозки то и дело запутывались в осоке, которая была настолько высокорослой, что могла с легкостью пощекотать лицо Эрвана.

Молодой человек перевел свой взгляд и увидел перед собой ребят, которые сидели почти вплотную друг к другу и о чем-то тихо беседовали. Они спорили, о чем говорила бурная жестикуляция светловолосого паренька: тот явно делал неудачные попытки доказать свою правоту остальным. Но второй мальчик почему-то с ним не соглашался, из-за чего их разговор затянулся на довольно продолжительный срок.

— Только сейчас я понимаю, что в тот момент они сомневались во мне, сомневались в правильности выбора их матери, Бездны, которая из пустоты сотворила этих прелестных созданий. Она была крайне талантлива, ее сила и власть не знали границ. Но Бездна ошиблась. Как и любое живое существо. Совершенно того не подозревая, она выбрала неправильного человека, не разглядела в нем то качество, которое было способно погубить все, что она целыми столетиями воссоздавала по крупицам. Карточным домик вот-вот рухнет. Но все началось тогда, в тот день. В день моего избрания, в день моего нового рождения. Мне следовало многому научиться.

— Он слышит нас, — прошипела темнокожая девочка и весело захихикала, прикрыв свои пухлые губки ладошками, словно боялась, что кто-либо из присутствующих увидит ее молочные зубы. — Он наблюдает.

Светловолосый парень громко вздохнул и сел рядом с Эрваном, но делал это с такой неуверенностью и осторожностью, словно опасался, что при неосторожном движении его по инерции выбросит из повозки, как мягкую игрушку.

— Ты должен дать мне имя, — сказал он и впился сильными пальцами в плечо молодого человека. — Отныне мы принадлежим тебе.

— Бездна позаботилась о моем душевном спокойствии, я был опьянен этим миром, не владел своим разумом как своей собственностью. Я мог лишь наблюдать за собой со стороны, не участвовать в принятии своих же решений. Все было решено заранее. И мне не дали возможности отказаться, лишили выбора. Тогда я и понятия не имел, кем станет этот мальчик, для меня, для моей будущей жизни. Если бы я знал, кто он и кем будет, то, возможно, начал бы бояться, ибо этот паренек обладал могущественной силой. И я должен

был его повести, чтобы защитить Бездну от тех, кто покушался на нее уже многие века с целью овладеть ее несметными богатствами. Этот мрачный пугающий мир был дороже всего золота на Земле. И его ценность измерялась не в драгоценностях.

— Кристофер Ричард Стрингиги, — дрожащим голосом прошептал Эрван, после чего увидел радостное лицо мальчика, словно тому подарили все подарки, которые только могут существовать в этом мире. — Это имя больше не является моим, я его дарю тебе...

— Эти дети были беспомощны без меня, без своего Бога. Я был их жизнью, их смыслом, их целью. И именно это стало моей главной уязвимостью. Они были способны уничтожить меня, единственного, кто мог остановить разрушение Бездны, ее смерть. Бездна стала частью меня, заменила сердце в моей груди. Я стал Злом, Добром, Любовью и Ненавистью. Во мне слились все качества, которые присущи человеку. Я получал власть над людским разумом, над их волей. Стал их глазами.

— Мы лишились Старшей, она предала нас, предала ту, которая подарила нам жизнь, — произнес Ричи и понурил голову. — Мы верили ей, верили, как самим себе. Но Она изменилась. Стала чужой. Она вмешалась в судьбу людей, принесла в мир горе и страдания, развязала кровопролитную войну. Теперь ты наш единственный шанс. Ты тот, кто может все это прекратить. Стань частью истории. Не дай ей овладеть силой Бездны. Лимб ослаблен, он на грани разрушения.

— Она мечтала о власти, безграничной и безнаказанной. Ее цели были благородны, но достигались ужасающими способами. Она боролась с болезнями, смертью с помощью людских страданий, с помощью их слабости и уязвимости. Она выбирала сильнейших и делала их частью своего окружения. А меня заперли здесь, я стал зверем в клетке, разъяренным и ослабленным. Она знала меня слишком хорошо и искусно пользовалась этим, чтобы не дать вмешаться. Мне оставалось только ждать подходящего момента, чтобы атаковать. Но ожидание лишило меня многого, всего того, чем я так дорожил. Мне пришлось полностью подавить в себе свет, который когда-то занимал большую часть моего тела. Я стал тенью, призраком. И жил в чужих умах. Питался их самыми сокровенными страхами.

Повозка медленными темпами добралась до дремучего леса, который был настолько густым, что даже столь обильный лунный свет не смел дотрагиваться до его верхушек деревьев, словно боялся этих кучерявых существ, бесчисленной армией заполонивших огромную местность. Эрвана за время их пути успело укачать, и он, кажется, сумел пару раз заснуть. Но Ричи не давал ему прикрыть глаза и на минуту, паренек начинал резко трясти его за плечо и недовольно покачивать головой. Молодому человеку оставалось только слушаться, но чем дальше они ехали, тем труднее это было выполнимо, глаза закрывались практически самовольно.

— Это действие лекарства. Скоро все пройдет, — впервые послышался голос второго мальчика. — Оно вернет твои силы.

— Лекарство? — удивленно посмотрел на него Эрван и испуганно облизал губы, на которых чувствовались остатки какого-то горького вещества.

— В Лимбе растут особые растения, ужасно пахнут и колются, если осмелишься сорвать хотя бы листочек. Они обладают чудодейственной силой: исцеляют любые раны потерянной души.

— Но Она нарушила закон, — продолжила фразу девочка. — И принесла это растение в реальный мир и стала лечить с помощью него живых.

— Из-за нее разлом усилился, — Ричи перевел взгляд с девочки на Эрвана и грустно вздохнул. — Мир живых и мертвых не должны соприкасаться. Даже один листочек, проникнувший в другую реальность, вызовет ужасные последствия. Она хотела помочь живым, но, в конечном счете, обрекла их на страдания. В людях поселилась жестокость.

— Поэтому Бездна избрала тебя. Ты видел ужас той войны, видел, к чему привели действия изгнанной Старшей. Ее желание власти создало катастрофическую проблему для обеих сторон, — сказал второй мальчик и приобнял сидевшую рядом с ним темнокожую девочку. — Она хотела изменить слишком многое, разрушить хрупкий баланс, стену, что отделяла Добро от Зла многие тысячелетия. Вскоре мир живых и мертвых сольется воедино, что уже происходило.

— Во времена Великого потопа, — прошептал Ричи. — Первая Старшая послушалась Бездну, дала людям свободу. И эта свобода привела к гибели всего человечества. Все повторяется.

— Но еще не поздно все изменить. Мы должны залатать стену, не дать теням ворваться в живой мир. Если это случится, у людей не останется шанса, выживут только единицы. В последнем слиянии уцелела только одна семья. И это было большое чудо для всех нас. Ной стал первым Старшим нового времени, он породил первое поколение проводников. Все Старшие были, непосредственно, в близком родстве друг с другом. Но позднее кровь перестала играть значение. Бездна сама выбирала достойных еще при их жизни.

— Первые Старшие становились хранителями Лимба только после смерти и не имели права являться недостойному человеку. Но позже ситуация переменилась. И Старшие назначались еще при жизни, но незадолго до своей смерти. Бездна лишала их права выбора. У избранников не было шанса спастись от такой участи. Но у них были привилегии. Они могли являться любому живому человеку, быть его внутренним голосом, — светловолосый мальчик явно любил об этом рассказывать, о чем говорили его загоревшиеся глаза. — Так случилось и с нами. Мы слышали голос Старшей, еще при жизни. Это было много лет назад. У Старшего есть дилемма. Он может избрать проводников среди своих детей или невиновных.

— Она выбрала невиновных. Спасла наши души от гибели, — едва слышно произнес второй мальчик. — Не дала теням поглотить нас. Но взамен на исцеление мы должны были служить ей, исполнять ее волю как свою собственную.

— Но после ее изгнания мы стали сиротами. И были разделены, — с болью в голосе произнес Ричи. — Только во сне мы можем вновь встретиться и увидеть друг друга. Хотя бы на короткое время. Но это так мало. Мы существовали вместе целые столетия. И разлука стала для нас чем-то невыносимым, самым страшным болью, которая парализует все внутри. Наши души связаны. И их необходимо привести друг другу. Только ты способен это сделать, Эрван.

Молодой человек увидел, что тела мальчиков начали постепенно рассыпаться, как фигуры из песка. Порывистый ветер, что путешествовал здесь без каких-либо ограничений и не боялся даже столкновения с деревьями, за пару мгновений унес эти сверкавшие в свете луны песчинки, оставив после невинных ребят лишь горсточку сухой земли, которая внешним видом напоминала пепел. Еще очень долго частицы, ранее являвшиеся детьми, витали высоко в небе, создав что-то в роде карты звездного неба, которая указывала путь в глубь чащи. Самая большая звезда давала ориентир на восточную часть леса. И лошадь, все еще преданно тянущая за собой повозку, следовала за этим ярким объектом на небе, словно

заранее знала, куда следует привезти своих оставшихся пассажиров.

Теперь рядом с молодым человеком сидела только темнокожая девочка, которая с печальным видом разглядывала толстые стволы деревьев, явно пугаясь их внешнего вида.

— Я еще не была рождена. Время пока не пришло, — произнесла она и громко вздохнула. — Мою первую маму сожгли еще во времена правления Птолемея. И разрушили наш дом, так как мы не были в состоянии платить налоги. Меня схватили и отвезли в пустыню, где изнасиловали, а позже закопали в песках Египта, оставив на поверхности только голову. Я была еще жива пару дней. Но позже очнулась здесь. И встретила своих новых братьев. Теперь я снова одна. И жду второго рождения. Проводники-сироты перерождаются. Это неизбежно. У тебя будет сложный выбор. Но меня пугает эта участь. Я скучаю по своей прежней жизни. Да, это было очень давно, почти двадцать столетий назад.

— Ты боишься? — заботливо спросил ее Эрван и сел рядом с ней. — Боишься находиться здесь в одиночестве?

— Я боюсь теней. Мне приходится прятаться по ночам, они боятся только света. Я впервые гуляю по этому лесу ночью, — девочка со страхом в глазах оглядела макушки деревьев и всем телом прижалась к молодому человеку. — Я слышу их дыхание, чувствую взгляд голодных хищных глаз. Они рядом. Будь осторожен. Не потеряй свет. Они боятся света.

Эрван пододвинул керосиновую лампу поближе к себе, словно опасался, что та тоже рассыплется в воздухе, как песчаный замок. Если этот желтоватый свет под стеклом их единственная защита от напастей этого жутковатого мрачного места, то нельзя позволить, чтобы они его лишились из-за собственной неосторожности.

— Не спи, тебе нельзя спать. Это убьет тебя, — прошептала девочка и, закрыв глаза, уткнулась носом в теплую грудь молодого человека и тихо умиротворенно засопела.

Юноша улыбнулся и погладил ее по волосам, почувствовав к этому невинному ребенку такие приятные эмоции, словно он был с ней знаком уже целую вечность и не мог представить и дня, чтобы она была вдали от него. Возможно, что-то похожее испытывают родители к своим детям, молодой человек не был знаком с родительским инстинктом, так как никогда не выступал в роли отца. Но сейчас ему пришлось столкнуться с этим чувством. И оно было крайне приятным. И не поддавалось объяснению.

— Тебе нельзя спать, — парень потер пальцами переносицу и резко встряхнул головой, пытаясь отогнать от себя остатки сна, но те наваливались на него таким весом, что находиться в бодрствующем состоянии становилось практически невыносимой задачей.

Запахло мятой. Этот запах был невероятно резким. И заставлял глаза слезиться, отчего из них градом посыпались слезы. Молодой человек посмотрел на землю под ними и увидел причудливые кустики, выглядывавшие из влажной почвы. Возможно, это и есть те самые травы, о которых ему рассказывали ребята. И именно они могли вызывать столь сонливое состояние, опьяняющее разум. Эрван снова встряхнул головой и быстро заморгал, пытаясь сфокусировать свое внимание на чем-нибудь одном, чтобы желание погрузиться в сон отошло на второй план. Но ничего не получалось.

Глаза продолжали закрываться. Звуки исчезли. Он стал проваливаться в пропасть.

— Нельзя спать. Нельзя! Это убьет тебя!

Он чувствовал их боль, слышал крики, которые вырывались из далеких глубин. Они были настоящие, живые, объемные, словно находились здесь, рядом. До них можно

дотянуться рукой, почувствовать их жар, плавающий кожу. Возник свет, горячий, как и все вокруг. Молодой человек прикрыл глаза рукой и увидел перед собой комнату. Голые каменные стены, глиняная посуда, скудная деревянная мебель, состоявшая из одного стола и пары плетенных стульев, а на полу лежали две подстилки, на которых, как он понял, совсем недавно спали люди. Рядом с подстилкой находились скомканные шкуры животных, служащие их хозяевам в качестве одеяла. И вряд ли Эрван обратил бы на них внимание, если бы не почувствовал острый запах крови, человеческой, совершенно свежей. Он склонился над местом ночлега жильцов этого строения и провел рукой по соломенной подстилке. На пальцах отпечаталась кровь, хотя самой ее нигде не было видно. Эрван ощущал лишь ее аромат.

— Пожалуйста, пощадите нас! Мы все вернем! Дайте нам немного времени! Прошу вас Нет!!! — донесся едва уловимый женский голос. — Эмми! Не трогайте ее! Не трогайте мою дочь! Ублюдки! Осирис вас покарает! Уже ничто не спасет вашу ка! Ничто!

Молодой человек вздрогнул, почувствовал колющую боль в висках, и прищурился от яркого солнечного света, который проникал в единственную комнату в доме через крошечные вырубленные в стенах окошки.

— Это уже случилось. Если здесь кто-то и был, то он замел следы, — прошептал Эрван и поднялся на ноги. — Почему я это вижу? Что же здесь произошло?

— Бездна была сильна, но действия прежней Старшей ослабили ее, сделали беспомощной, донельзя уязвимой. Она была таким же живым существом. И пыталась найти защиту. Во мне. В моем сердце. Я видел то, что видела она. Я чувствовал то, что чувствовала она. Я стал ею. Стал Бездной. И мне следовало принять это как данное. Как самый щедрый подарок. Но страх во мне доминировал. Моя прежняя сущность пыталась взять все в свои руки. Но Бездна подавляла ее, тратила на это последние силы. Ей следовало показать мне правду в самые краткие сроки.

— Мама! — раздался голос девочки. — Мамочка! Пожалуйста! Не трогайте ее! Мама!

Эрван различил звуки борьбы, едва уловимые крики. Он приблизился к двери и прислушался, пытаясь интуитивно осознать, что происходило снаружи. Несколько взрослых мужчин били женщину, рвали на ней одежду, смеялись. Но та уже не сопротивлялась, лишь беспомощно мычала что-то неразборчивое. А в комнате слышался детский плач, ребенок находился в доме. Ждал, когда все закончится. Эрван ощущал ее присутствие, но не видел. Девочки здесь больше не было. Это уже произошло. Она давно покинула этот дом. И больше сюда не возвращалась.

Молодой человек толкнул дверь и неуверенно перешагнул через порог. Его ноги коснулись горячего песка, высокая температура которого ощущалась даже через толстую подошву ботинок.

Песок. Повсюду был только он. Бескрайняя пустыня и палящее солнце, зависшее так высоко, что приходилось запрокидывать голову, чтобы разглядеть его яркий диск. Молодой человек оглянулся назад и с удивлением обнаружил, что дом неизвестным образом исчез, не оставив после себя ничего, кроме рыжеватой пыли, витавшей в воздухе от слабого ветра.

— Мама! Мама!

Молодой человек двинулся вперед. Каждый шаг давался с большим трудом, ноги буквально проваливались в песок, словно Эрван шел по болотистой почве, утопая в вязкой глине и тине. Голос девочки доносился где-то впереди. Она была рядом. Ее крик постепенно переходил в плач. Эрван слышал ее страх, боль, отчаяние. Девочка боролась, тратила на это

последние силы. Но уже было слишком поздно.

Юноша нашел ее кудрявую голову, торчавшую из песка. Кожа уже давно слезла, остался лишь голый крохотный черепок и малая часть некогда пышных кудрявых волос, которые грациозно продолжали развиваться на ветру. Рядом с ней из песка выглядывали сломанные маленькие пальцы. Возможно, ей удалось освободить одну руку. Но тяжесть земли не позволила обреченному созданию продолжить борьбу. Она умерла от жажды.

Эрван сел на колени рядом с детским телом и осторожными движениями засыпал крошечный человеческий скелет раскаленным песком, завершив погребение невинной. Он почувствовал ее спокойствие, слова благодарности. Теперь эта жизнь оставит душу бедной Эмми. Больше не станет мучить и возвращаться в ее сны.

— Теперь ты свободна, Эмми. Тебя ждет новая жизнь, — прошептал Эрван и с улыбкой посмотрел на сооруженную им могилу, которая была совершенно незаметна среди бескрайних просторов африканской пустыни.

— Бездна отныне была умиротворена. Ее дитя, самое невинное и незащищенное, обрело покой. Эмми была свободна. Ее душа должна переродиться. Стать частью нового существа, такого же особенного и светлого. Новая жизнь отнимет у нее всю боль, все страдания, что она здесь пережила. Но тем самым сделает меня уязвимым. Проводникам не суждено переродиться. Перерождение подобно проклятию. Лимб не оставит их в покое. И заставит страдать. Рано или поздно им придется умереть. И вновь стать частью этого мира. Это неизбежно. Их участь predetermined. Они не были рождены ради жизни.

Молодой человек упал рядом с Эмми, поджал под себя колени и зарыдал, как новорожденное дитя. Он ничего не чувствовал, ни горя, ни страха, ни сожаления. Это было иное ощущение, чужое, доселе незнакомое. Тело словно связали цепями и продолжают сжимать, сдавливая кости, вынуждая их хрустеть, как печенье. Это была внутренняя боль, душевная. Она находилась глубоко, в самом потаенном месте. Плакал не он. Плакала Бездна. И Эрван делал это вместе с ней, стал одним целым с этой невидимой сущностью. Он не понимал причину своих действий, эмоций. И не хотел понимать. Это уже не имело никакого значения.

— Почему я плачу? Почему чувствую такую боль к человеку, которого видел лишь один раз в жизни? Что со мной происходит, черт возьми? — всхлипнул он и перевернулся на спину. — Что я вижу? Где нахожусь? Почему здесь все такое... бессмысленное?

— Иногда смысл не нужен, чтобы понять истину, — рядом с ним сидел он, он сам и улыбался самому себе.

Другой Эрван выглядел значительно старше и вообще как-то по-другому. Молодой человек мог даже и не признать в этом объявившемся перед ним человеке иную версию себя, если бы не голос. Тот самый голос, который он слышал с момента своего пребывания здесь постоянно. Этот властный гордый тембр, легкая озлобленная ухмылка на лице, все это было до боли знакомо и в то же время пугало очевидной чуждостью. Эрван поднялся на локтях и взглянул на другого себя, на этого мужчину в длинном черном плаще, с узкой повязкой на лице, которая скрывала его глаза от посторонних.

— Я расскажу тебе одну историю, — другой Эрван поднялся на ноги и, заведя руки за спину, стал расхаживать вокруг могилки Эмми. — У жены одного известного хирурга родилось двое сыновей, близнецов. Она любила их больше жизни. Но видела в глазах мужа сомнение, ненависть к этим невинным созданиям. Задаешься одним вопросом, — он резко остановился и повернул свою голову в сторону сидевшего на песке молодого человека. —

Ведь он мечтал о них, молился Богу, чтобы роды были успешными. Но после рождения все изменилось. Молодой отец забирает одного из сыновей и покидает дом, оставив жену и второго сына совершенно одних, в огромном богатом доме. Что же стало причиной такого поступка? Что побудило любящего супруга отказаться от семейного счастья? Позже женщина выставила дом на продажу, а после переехала жить в Россию, где вышла замуж за обедневшего дворянина, который едва сводил концы с концами? Никто и подумать не мог, кем станет эта молодая беззащитная женщина, — он посмотрел на видневшиеся из-под песка клочки детских волос и тихо ухмыльнулся, будто его что-то позабавило в этой картине. — Теперь ты знаешь ее секрет, ее слабость. Ты должен пользоваться этим, как оружием. Она никогда не признается тебе в этом, ведь ей известны все твои помыслы.

Он сидел на песке, молчаливо и как-то задумчиво смотрел на крошечную могилку маленькой девочки, которую давным-давно заживо закопали в этой безжизненной пустыне. Обжигавший кожу ветер вихрем разносился по округе, поднимая высоко над землей крупы земли, превращая их в нечто похожее на дождь, что после с мелодичным хрустом осыпалось на землю. Часть песка была украдена ускорившимся движением воздуха у места захоронения Эмми, поэтому вскоре макушка черепа вновь увидела солнечные лучи, но и так же быстро лишилась их, так как новый порыв ветра вызвал небольшую песчаную волну, которая снова скрыла голову девочки под слоем сухой светло-рыжеватой почвы. Так продолжалось несколько раз. Было ощущение, что скелет ребенка болтается в мутной воде, изредка всплывая на поверхность, а после вновь скрываясь от человеческих глаз.

— Эмми приходилась дочерью обыкновенной крестьянке, внучкой изгнанной жрице. На их семью обрушилось несчастье, после которого ни один человек не оставил их в покое. Бабушка девочки была оклеветана теми, кто пытался не допустить Клеопатру к власти; священного быка отравили, и тот умер. На следующий день скончалось несколько человек, которых жрица очень долгое время лечила от болезней. Эта пожилая женщина являлась ангелом во плоти, жертвовала собой ради других. И была идеальным кандидатом на роль козла отпущения. Людям внушили, что от жрицы отвернулись боги и наслали на нее проклятье, из-за которого будут страдать все, кому та попытается помочь. Ее изгнали из храма вместе с семьей. Запретили жить среди людей. Она построила хижину посреди пустыни неподалеку от оазиса, который позволил им прожить безмятежной жизнью еще какое-то время. Жрица молилась богам до самого конца жизни, так как знала причину несчастий и принимала это как испытание перед смертью. Дочь жрицы хотела добиться правды и внушить людям, что их обманывают, промывают мозги, заставляют верить в то, чего попросту нет. Большинство ей поверили. И в одном из небольших городов случилось восстание. Мать Эмми уличили в организации митинга и за это убили. Но по непонятной причине предъявили совершенно глупое обвинение. Женщину изнасиловали семеро мужчин. Они говорили ей, что если та не будет сопротивляться, то Эмми никто не тронет. Но никто так и не сдержал слова. Дочь жрицы забили камнями, оставив на съедение диким животным у берегов Нила, а саму Эмми закопали в пустыне рядом с ее домом. Это и есть то самое место. Место, где все началось. Первый разлом со времен Потопа случился здесь. Он был вызван смертью невинных. Эмоции Эмми наслали на этот мир болезнь. Все, кто причинил боль ее семье, ушли в мир мертвых в течение двух дней из-за страшной болезни. В их головной мозг через нос проникли личинки неизвестного насекомого и быстрыми темпами пожрали орган. Солдаты все это чувствовали и умерли от боли, полностью обезумев перед

кончиной. С тех пор местные жители верят, что жрица была невиновной и наслала проклятие на город, чтобы отомстить за обиды.

Эрван поехал, словно почувствовал холод, что было довольно необычно, если учитывать, что он находился среди пустыни, где низкие температуры попросту не существуют. Молодой человек поднял ладонью горсть песка и пропустил сквозь пальцы, пронаблюдав, как ветер уносит маленькие песчинки подальше от него.

— Я вижу твое сомнение. Чувствую твою неуверенность во всем происходящем. Я и сам не верил. Долгое время. Но позже ты привыкаешь, когда понимаешь, что этот мир не уходит, как дурной сон. Он становится частью тебя, неотделимой. И от него невозможно избавиться. От Бездны не убежишь. Я пытался... Не вышло. Я заперт здесь навеки. Верю, что ты не повторишь мою участь, не пройдешь через те муки, через которые мне пришлось пройти. Я здесь ради этого. Мне запрещено вмешиваться в свою судьбу. Но Бездна умирает. И мои действия уже никто не ограничивает. Этот мир полностью под моей опекой. Я убил в себе все то, что делало меня прежним собой. Стал темной стороной самого себя. Мои глаза заполнились пустотой. Я перестал видеть, лишь чувствую мысли, образы вокруг себя.

Другой Эрван снова возник перед ним из песчаного вихря и стал задумчиво рассказывать на месте, скрестив руки на груди. Его длинный черный плащ грациозно развевался на ветру, словно пытался стать крыльями мужчины, но притяжение земной поверхности напрочь убивало мечтания этого красивого предмета одежды.

— Я хочу подготовить тебя, тем самым обрекая себя на скорую гибель. Малейшее вмешательство может полностью разрушить меня, причинить чудовищную боль, сделать уязвимым к оружию обыкновенного смертного. Мое тело не должно быть найдено, ни при каких обстоятельствах. Пока оно спрятано — я неуязвим. Ему не страшны внешние воздействия, оно столетиями будет нетленно и скрываться под толстыми слоями ила. Никто не должен обнаружить твою могилу.

Другой Эрван посмотрел куда-то вдаль и напрягся, словно увидел нечто опасное, что приближалось к ним.

— Песчаная буря. Она скоро будет здесь. Вместе с ней придут тени. Будь осторожен. Не забывай, они боятся света. Ищи его в самых темных уголках. Он никогда не возникнет на поверхности, — это были последние слова повзрослевшего Эрвана, глаза которого были скрыты под плотной черной повязкой. Произнеся это, он вновь растворился, оставив после себя лишь поднятую в воздух кучу сухого песка.

Молодой человек поднялся на ноги и посмотрел вперед, пытаясь разглядеть приближавшееся ненастье, о котором поведала ему другая версия его самого. Огромное песчаное облако стремительно закрывало само небо, становилось выше самой высокой горной вершины в мире. И его скорость приближения была неумолимой. Парень впервые за это время почувствовал страх, то самое чувство, которое все это время в нем отсутствовало. Опыненное состояние рассеялось, и к нему вернулся разум, тот самый, живой и неподдельный.

— Я схожу с ума, — прошептал молодой человек и со всей силы начал бить ладонями по голове. — Этого не может быть на самом деле. Этого не существует. Это просто сон. Дурной сон.

Ничего не происходило. Он все еще здесь. Посреди этой бескрайней пустыни, которая в скором времени будет поглощена страшной бурей. Эрван остался наедине со стихией. И не сможет от нее убежать. Он беззащитен.

— Свет, — в испуге стал оглядываться Эрван. — Лампа... Нет... Она исчезла...

Вой ветра заложил уши, парень перестал слышать даже собственные мысли. Он сделал попытку бежать, но быстро осознал, что многокилометровая стена из песка настигнет его в любом случае, нет смысла тратить силы. Юноша сел на колени рядом с могилкой Эмми и лег на живот, закрыв руками голову. И стал выжидать. Ждать неизвестного исхода.

— Эрван, ты должен проснуться. Это обычный кошмар. Ты ведь знаешь, что все это бессмысленно. Этого не может произойти на самом деле. Очнись! Очнись! Господи...

Мощный удар поднял его тело высоко над землей и отбросил на много метров в сторону. Молодой человек болезненно приземлился на один из камней и почувствовал жгучую боль в груди. Буря настигла его, он оказался в самом центре разъяренной стихии. Прикрывая лицо ладонью, он попытался увидеть хотя бы что-то впереди себя, но дальность обзора приблизилась практически к нулевой отметке. Он видел лишь песок, который в резвом танце кружился над ним и, словно острые иглы, впивался в кожу.

— Сосредоточься, Эрван! Тебе ничего не угрожает. Скоро все это исчезнет. Прошу тебя, очнись! Перестань думать, что это происходит на самом деле! Боже, Эрван! — закричал он самому себе и попытался подняться на ноги, но песчаная буря вновь и вновь вынуждала его падать на спину, как неустойчивое дерево посреди бескрайнего поля.

Ветер полностью выкопал могилку темнокожей девочки и заставил крошечные кости двигаться вперед. Скелет полностью потерял целостность, и его части за пару мгновений покинули место своего длительного пребывания и вскоре исчезли из виду.

Эрван, преодолевая одолевшую его слабость и боль, впился пальцами в песок и начал ползти к видневшемуся впереди высокому валуну, надеясь там спрятаться от непогоды. Но буря настойчиво оттаскивала его назад, не давая приблизиться к своей цели даже на сантиметр.

— Даже если это происходит не на самом деле, я не сдамся, — стиснув зубы, прошептал он и начал двигаться вперед более усердно.

Внезапно рядом с ним раздался крик. Он напоминал человеческий, но в то же время был схож с голодным рыком дикого животного. После небольшого затишья звук вновь повторился и на этот раз с двух противоположных сторон. Эрван с большим трудом все же добрался до большого валуна и прижался к нему спиной, пытаясь отдышаться.

— Проснись, Эрван. Проснись. Ты сходишь с ума... — прикрыв глаза, прошептал юноша.

Рядом с ним пронеслась тень. Высокая, на двух ногах. Эрван прищурился, чтобы разглядеть детали этого существа более подробно, и пришел к выводу, что это был человек. Но незнакомцу была не страшна буря, та совершенно не ограничивала его действия, наоборот, тот чувствовал себя в ней совершенно комфортно, о чем говорили его быстрые действия. Чуть позже пронеслось еще несколько похожих силуэтов. И все они бегали вокруг него, словно дразнили и забавлялись его напряженностью.

Молодой человек поднялся на ноги и, с трудом держа равновесие, оглянулся, надеясь вновь увидеть эти бегавшие тени. И ждать их появление долго не пришлось. Одна из них немного осмелела и вышла к парню, показав себя во всей красе. Это был человек, безусловно, но выглядел он, мягко говоря, странно. Если бы Эрван не видел, как тот двигается, то с легкостью бы подумал, что это мертвец, который пролежал под палящим солнцем не один день. Кожа у этой личности стала разлагаться и местами отделяться от тела, глаза отсутствовали, а одежда покрывалась кусочками высохшей грязи и пятнами

крови. Даже трудно было определить пол данного человека из-за отсутствия волос и обвисшего обезображенного лица. Человек как-то странно сгорбился и стал водить носом из стороны в сторону, будто пытался принюхаться. И тут он застыл, словно смог учуять Эрвана. Пару мгновений полной тишины, и неожиданно незнакомец с яростным криком бросился в сторону парня, хаотично размахивая руками. Молодой человек чудом успел увернуться и с большим трудом устоял на ногах.

В этот момент к ним вышла еще одна личность, практически идентичная. Только на этот раз в ней прослеживались черты женщины. Та тоже не подарила Эрвану доброжелательное приветствие и попыталась наброситься на замешкавшегося от ужаса парня. Юноша в самый последний момент увернулся и со всей силы ударил нападавшую ногой в живот, отчего та на время покачнулась и чуть было не упала на спину, но удержалась на костлявых ногах и лишь усилила свою ярость.

Эрван бросился вперед и сделал попытку удрать, но тут он увидел впереди себя новую порцию незваных гостей. На него мчалась целая армия людей, орущих что-то непонятное, и не смела останавливаться ни на шаг. Юноша был окружен. Бежать было некуда. Буря тем временем усилилась и растворила озлобленных личностей во мгле, оставив после них лишь голодные крики, которые заставляли сердце бешено колотиться из-за охватившего тело ледяного страха.

— Свет. Ты должен найти свет. Они боятся света, — прошептал Эрван, устало прикрыв глаза.

— Эрван, помоги мне! Эрван! — послышался плач маленькой девочки где-то позади него, но из-за песчаной стены невозможно было увидеть никого, кто мог бы находиться поблизости. Лишь редкие размытые тени, которые хаотично гуляли в воздухе, дразня Эрвана своим присутствием.

— Эмми! — закричал он, но ветер не позволил его голосу уйти вперед хотя бы на пару метров.

Он почувствовал удар в спину. Потеряв равновесие, юноша упал на землю и почувствовал тяжесть чьего-то тела на себе. С помощью удара ноги, ему удалось перевернуться и увидеть противника лицом к лицу. И это было отнюдь не самая симпатичная мордочка, которую ему удалось здесь увидеть. Физиономия этого человека практически полностью лишилась кожи, и наружу выглядывали высохшие на солнце мышцы, в которых прорыли многочисленные туннели трупные черви. Молодой человек попытался отдалить это обезображенное лицо от себя, но противник оказался таким сильным, что едва не впился своими гнилыми зубами в его шею. Парень из последних сил ударил напавшего на него монстра кулаком, выиграв немного времени, после чего немного отполз назад и выставил перед собой ладонь, надеясь отразить очередной удар.

Ни с того ни с сего наполовину разложившийся мертвец остановился и будто скорчился от боли. Эрван почувствовал тепло в своей руке и зажмурился, так как глаза ослепила мощная вспышка белого света. Раздался крик, и монстр, в буквальном смысле, загорелся, пытаясь из последних сил сбить со своего гнилого тела пламя. Его сородичи, находившиеся неподалеку, замерли на месте и стали отходить назад, будто Эрван сделал что-то такое, что их до смерти напугало.

Эрван поднялся на ноги и с удивлением посмотрел на свою руку. Она почернела, будто была испачкана углем и пощипывала, что обычно бывает после сильного ожога.

— Что за?.. — прошептал он и посмотрел на лежавшее перед ним тело, которое через

какое-то время стало рассыпаться на глазах, оставляя после себя только рваные лохмотья, некогда являвшиеся одеждой.

Юноша устало провел рукой по лицу и попытался прийти в себя, осознать, что только что произошло.

— Эрван! — голос Эмми вновь послышался где-то поблизости. — Эрван. Не оставляй меня одну. Не уходи! Пожалуйста!

Песчаная буря начала немного затухать, постепенно приобретая вид обыкновенного сильного ветра. Острый песок по-прежнему царапал глаза, но уже не приходилось прикрывать лицо рукой, чтобы иметь возможность видеть что-то впереди себя, достаточно было просто прищуриться. Жаркая погода неблагоприятно влияла на потоотделение. Жажды на удивление не было, зато сам Эрван превратился в самый настоящий фонтан. Пришлось снять с себя рубашку и идти по пустыне в одних брюках с голым торсом. К счастью, солнце не жгло кожу, поэтому опасаться кожных ожогов он перестал спустя какое-то время и уже не закрывал плечи свернутой одеждой.

Позже Эрвану пришлось снять и ботинки, чтобы без затруднений продвигаться вперед, так как обувь неожиданно стала натирать стопу, отчего каждый новый шаг сопровождался болью. Он не знал, почему они резко стали ему некомфортны, ведь молодой человек проносил их довольно огромный промежуток времени. Но в данный момент его совершенно не волновала привязанность к предмету гардероба. Песок хотя и был раскаленным, как поверхность кочерги, которую только что вытащили из печи, но идти по нему было не такой уж неприятной затеей, его горячие прикосновения стали даже приятными, и легкие пощипывания кожи стоп напоминали легкую щекотку.

Голос Эмми внезапно стих, девочка растворилась среди песчаного тумана. Но молодой человек продолжал идти вслед за ее зовом, стараясь держать в голове то самое направление, откуда доносились жалобные ослабшие крики. Но пустыня выглядела слишком одинаковой, и молодой человек очень быстро потерял единственную цель, последнюю зацепку, которая могла хотя бы немного объяснить причину всего творившегося вокруг него. Юноша остановился и обессиленно сел на песок, поджав под себя ноги.

Парень изо всех сил пытался понять, найти истину всего происходящего вокруг, понять смысл бессмысленного. Его окружали образы, доселе незнакомые. Он никогда не был в пустыне, тем более не слышал историй об этом месте, ведь уроки истории и философии еще будучи школьником парень намеренно прогуливал, предпочитая вместе с такими же, как и он, прятаться в соседнем переулке и выкуривать несколько сигарет вместе с рабочими близ расположенной фабрики, которые ничуть не смущались, что им составляли компанию десятилетние ребята. Его подростковая жизнь не была мирной, спокойной. Каждый день случалась новая драма, из которой он все чаще и чаще выходил совершенно сухим, что только сильнее побуждало его продолжать подобные времяпрепровождения. Позже начались кражи, разбои, уличные драки. Эрван впервые ощутил вкус крови, запах палёного человеческого мяса когда ему было всего лишь одиннадцать. Молодой человек вместе со своей компанией под покровом ночи разбили витрину местной булочной и вынесли оттуда практически половину всей выручки. Но их уход с места преступления был затруднен хозяином, который в тот день решил переночевать на своем рабочем месте. Эрван до сих пор прокручивает в голове эпизод, где он вонзил в руку округлившегося мужчины нож, а после совершенно автоматически включил плиту и намеренно вынул хозяина поджарить

запастье. Им удалось убежать. Но Эрван никогда не забудет те надрывные крики, которые еще очень долго слышались на улице. Хозяин не видел лицо парня, так как подросток скрыл свою мордашку под самодельной маской. Эрван больше не появлялся в той булочной, так как боялся, что глаза его попросту выдадут, расскажут всю правду. И тогда наказания вряд ли удастся избежать.

Но молодой человек имел интересы и в науке, коих было намного меньше, чем у большинства людей, но они присутствовали, что, собственно, не удивляло его самого, так как глупым парнем он себя отнюдь не считал.

Математика была его любимым предметом. И он полностью отдавал себя ей, в первые годы обучения даже представляя в голове, что в будущем ему удастся достичь чего-то высокого, стать таким же, как его отец, который был замечательным инженером и участвовал в строительстве мостов в Берлине. Он не считал родителя героем или своим кумиром, так как знал, что тот являлся обыкновенным тихим человеком, ничем не выделявшимся из толпы. Но господин Стрингини мог с легкостью вдохновить своим трудолюбием даже самого безнадёжного лентяя Германии, мужчина практически не появлялся дома, что, собственно, неблагоприятно отразилось на его общении с сыном, который, фактически, с раннего возраста обитал сам по себе. Мать Эрвана ушла от них, когда мальчику исполнилось шесть. Она была городской проституткой, и отец маленького Ричи насильно женил ее на себе, когда узнал, что та беременна от него. Изначально мужчину мучили сомнения, он не верил слезам этой красивой хрупкой женщины, которая едва ли не в молитве клялась, что ребенок появится на свет от его семени. Но стоило мальчику родиться, и вся неуверенность отпала. Темноволосый малыш был копией своего отца, что трудно было не заметить. Возможно, первый год его брак с молодой женой был счастливым. Та оставила свой прежний образ жизни и занялась родившимся ребенком, что, возможно, случилось из-за усилившегося материнского инстинкта. Но через пару лет она вернулась в прошлое. И тогда Эрван впервые почувствовал одиночество. Он стал сиротой при живых родителях.

Мать после ухода из дома не прервала общения с ним. Иногда присылала письма, где рассказывала о своей жизни, которая явно в действительности не была столь гладкой, как она описывала, задавала сыну вопросы и говорила, что мечтает снова свидеться, что, безусловно, являлось чистой ложью. Эрван отвечал на послания, с большой неохотой, из жалости. И никогда не чувствовал неких теплых чувств при написании ответа этой женщине. Такая странная форма общения между матерью и сыном продолжалась до начала войны. С тех пор Эрван не получал о ней никаких известий. Возможно, она умерла или посчитала, что уже нет смысла лгать и стоит молчанием открыть всю правду. Эрван не знал этого. И знать не хотел. Он ее ненавидел. И презирает по сей день.

Все что он помнит о ней, так это сидевшую ее за столом рядом с бутылкой водки. Ее опухшее лицо приклеилось к столешнице, полностью скривилось и напоминало испорченную сливу своей болезненной синевой из-за обилия спирта в организме. От ее прежней красоты не осталось и следа. Молодой человек до сих не мог стереть из памяти тот момент, когда он заметил вязкую ниточку слюны, которая стекала с края ее потрескавшихся губ и медленно падала на пыльный стол. Она за пару лет преобразилась в блеклую пародию на саму себя. И если ей удалось дожить до этого года, то вряд ли Эрван узнает в ней свою мать.

Пятилетнему Ричи едва ли не каждый день приходилось оттаскивать эту исхудавшую

женщину, от которой пахло спиртом и спермой, от стола и практически насильно тащить в спальню, где та могла выспаться и вернуть ясный ум, хотя бы на короткое время. Эрван практически не лицеизрел ее трезвой. И предпочитал видеть пьяной, так как в здравом уме она чаще всего блевала прямо посреди комнаты, мочилась и ничуть этого не стеснялась, лишь дико посмеивалась и кричала что-то неразборчивое. Иногда она разговаривала с ним, утверждала, что не хотела его, пыталась убить и до сих пор мечтает это сделать. Эрвану оставалось только молча слушать и внушать себя, что она так на самом деле не думает, что это говорит совершенно чужой человек, засевший в теле этой женщины.

Эрван впервые попробовал спиртное именно в то время. Оттащив маму от бутылки, он не смог сдержаться, не сумел воспротивиться этому. Ему не казалось, что это неправильно и противоестественно. Это можно охарактеризовать как любопытство. Не более того. Один глоток, второй. В желудке появилось болезненное жжение, а во рту резко все пересохло, словно вмиг слюна испарилась с поверхности языка. Но потом организм стал привыкать. И Эрван уже не чувствовал той боли, что была после первых глотков. Ему стало нравиться делать это. И он выпивал постоянно, каждый день. Сначала были маленькие глотки один раз за сутки, но к пятнадцати годам эти глотки превратились в пару бутылок. И Эрван не считал это неправильным. Больше не мог.

Отец после ее ухода постарался стереть все напоминания о ней. В их квартире не осталось ни одной фотографии, где та была запечатлена, он их попросту сжег в камине, не моргнув глазом, и посоветовал сыну поступить так же, иногда даже специально давал мальчику в руки стопочку со снимками матери, чтобы тот самостоятельно избавился от них и «унял боль в сердце». Но Эрван не смог уничтожить один снимок. Он был самым старым и сильно выцветшим, отчего сложно было понять, что на нем действительно изображено. Молодой человек помнил, что на нем матери было девятнадцать, она сидела в каком-то парке и сжимала в руке большой сверток, в котором был завернут он сам, маленький и только что родившийся. Он хранил эту фотографию очень долго. До тех пор, пока не попал на фронт. Юноша точно не мог сказать, каким образом избавился от снимка. Кажется, он свернул его в трубочку, забил травой и просто закурил, оставив после фотографии только пепел, который после унес ветер. Возможно, юноша поступил мерзко, но никакого чувства стыда ему не удалось испытать. Никакой любви к матери не осталось. Никакой благодарности.

Господин Стрингини не очень долго пробыл холостяком и одиноким папочкой. Когда Эрвану исполнилось семь, мужчина привел в их уютную квартиру на окраине города милостивую женщину с маленькой девочкой. И объявил о скорой свадьбе. Эрвану оставалось только порадоваться за отца. С мачехой у него сложились вполне дружеские отношения, иногда он называл ее даже матерью, что чуть позже стало происходить практически постоянно, чему та ничуть не противилась. Ее родная дочь, Кэтрин, стала жить вместе с ними. Молодой человек помнит двоякое чувство от первой встречи с этой кудрявой маленькой шатенкой. Она была капризной и в то же время ангелоподобной. Было бы странно, если бы они не нашли общий язык. Сначала это было сложно сделать. У них не было ни общих тем для разговора, ни похожих интересов. Но постепенно они стали разными полюсами магнита и притянулись друг другу. С большой натяжкой можно было назвать их отношения обычными, те были сложными, практически невыносимыми. Но, повзрослев, дети просто стали неразлучными.

Эрван прекрасно понимал, что отец не забыл мать. И новая жена была лишь временным

лекарством, которое помогало забыться на короткий промежуток времени. Мальчик редко их видел вместе, не замечал в их отношениях что-то похожее на то, что обычно возникало у влюбленных. Господин Стрингини любил свою первую жену и даже не пытался этот факт скрыть от окружающих. Вторая супруга это понимала, сложно было не увидеть печаль в ее глаза. Но вскоре у них появился общий ребенок, Эрван обзавелся младшим братом, который заполучил такую же форму носа, как и у него. И с тех пор его взаимодействия с отцом начали рушиться на глазах, вся отцовская любовь Стрингини Старшего передалась новоиспеченному младенцу. И теперь семилетний Эрван окончательно лишился отца.

Он верил, что все наладится, что рано или поздно папа сможет его заметить, хотя бы на день. Но надежды были пустыми. И Эрван перестал ждать. Мачеха полностью заменила ему его, но должного воспитания дать так и не смогла, так как женщина не обладала жестким характером, который бы смог выковырять всю ту грязь, которая снежным комом накапливалась в подраставшем Ричи. Она была слишком добра к нему. И парень просто лишился необходимого контроля. Он разучился видеть запреты. Стал неконтролируемым. Превратился в подобие своей родной матери. И этот факт до смерти пугал его самого. Он знал, что совершает ужасные вещи, но остановиться не мог. Юноша не ведал, как жить по-другому, правильно.

На уроках математики ему, возможно, удавалось стать тем, кем он уже вряд ли сможет стать, поэтому парень все чаще и чаще проводил время в том маленьком душном кабинете наедине с пожилым преподавателем, который в шутку называл его своим внуком. Юноша нашел в этом неродном человеке то, что не нашел в родном отце. Обнаружил поддержку. И общение с учителем позволило Эрвану ощутить вкус правильности. Это произошло не сразу, данный процесс протекал в молодом человеке чересчур медленно. Было трудно отказываться от тех привычных будней, которые стали частью его самого. Но преподаватель знал, что Эрван заслуживает лучшей жизни, он разглядел в нем талант, который не смог увидеть ни один человек. Юноша получил в дар от этого мужчины веру в себя. И эта вера живет в нем и по сей день. Молодой человек готов расплакаться при одном воспоминании об этом человеке. Эти пышные усы над верхней губой, нелепые и криво подстриженные, скрытые под сероватыми нависшими веками крошечные глаза, которые никогда не излучали эмоцию, хотя бы немного не походившую на доброту и сожаление. Эти две детали характеризовали учителя математики лучше всего, главные его недостатки, которые теперь виделись в памяти в качестве главного достоинства. Этот пожилой мужчина умер совсем рано, Эрвану тогда было всего одиннадцать. Тогда мальчик снова осиротел, лишился отца во второй раз.

Юноша помнит тот день слишком ясно и вряд ли сможет забыть. Узнав о кончине человека, к которому он привязался недопустимо сильно, он без раздумий пошел в уже знакомый ему переулочек. Встретил своих ребят. Они были по своему привычному обыкновению пьяны и избивали мимо проходивших мальчишек, полностью обезобразив их лица ударами ноги. Эрван оказался среди них, вновь ощутил запах крови, вкус насилия, по его крови разнесся алкоголь, так хорошо знакомый и так необходимый. Табачный дым замылил рассудок. Когда стемнело, он пошел домой. Ричи был пьян, снова это приятное головокружение, эти чарующие эмоции, вызывающие беспричинный смех. У порога его встретил отец. Возможно, тот уже был готов к подобному состоянию сына, поэтому неожиданных действий не последовало.

От дальнейших событий остались только обрывки воспоминаний, словно длинный промежуток времени кто-то нарочно вырезал ножницами, неаккуратно до безобразия. Отец

тащил его за волосы в спальню матери, Эрван не помнил боли, в тот момент он лишь смеялся и что-то выговаривал, явно относившееся к отцу. Мужчина его бил, по всем частям тела, совершенно не контролируя силу удара. Эрван слышал, как тот называл его именем матери и словно видел в сыне ее образ. В квартире были только они, мальчик не слышал ни испуганных криков мачехи, не плача своего нового брата. Только голос отца, полностью потерявший человеческий оттенок. Эрван почувствовал прикосновение подушки к своему лицу, дыхание прервалось, а тело было прижато к поверхности жесткой кровати. Ничего... Эрван не знает, каким образом закончился тот день, как ему удалось вернуть дыхание. Он очнулся в своей кровати утром. И пытался осознать, что с ним произошло прошлым вечером.

Отец хотел его убить, задушить подушкой. Что его остановило? Какой фактор?

Эрван вздрогнул и осознал, что из-за навалившихся на него раздумий он даже не заметил, что в пустыне настал вечер. Солнце уже практически полностью скрылось за горизонтом и окрасило не утихавшую песчаную бурю в темно-рыжеватые тона. Молодой человек стряхнул со своих плеч накопившийся песок и поднялся на ноги. Что ему делать? Куда идти дальше?

Песчаная буря стала утрачивать свою силу, но видимость по-прежнему была далеко не самой идеальной, возможно, даже стала хуже. Над пустыней навис туман, серовато-белого оттенка, отдаленно напоминавший пар от горячей воды, так как имел весьма высокую температуру, отчего весь мускулистый торс молодого человека покрылся крупными капельками пота.

Юноша стал оглядываться по сторонам, надеясь найти хотя бы что-то, что не будет похоже на песок, но поверхность пустыни была идеально гладкой, даже маленького высохшего кустика на ней не наблюдалось, и камни загадочным образом испарились. Парень медленно шел вперед, стараясь не останавливаться ни на шаг, полагая, что, возможно, через какое-то время он с чем-нибудь да столкнется. Тело одолевала щекотка, испарения стекали вниз и вызывали неприятные ощущения на коже.

Он не знал, сколько времени пришлось идти вперед, чтобы наконец увидеть впереди себя нечто необычное, выделявшееся из всего этого скудного окружения. Поблизости в метрах двадцати от него стояла высокая постройка, которую наполовину занесло песком. Та представляла из себя сооружение с полуразрушенными колоннами и треугольной крышей. Кажется, это древнегреческий храм, подобные Эрван видел в книгах, что изредка попадались ему на глаза еще в школе. Странно, что он запомнил те изображения в учебниках и теперь ассоциировал их с появившимся перед ним зданием. Подойдя к храму поближе, Эрван внимательно осмотрел колонны. Они были сделаны из известняка из отдельных кольцеобразных блоков, которые стояли друг на друге без какого-либо цемента, их скрепляла между собой лишь собственная тяжесть, ничего более. Те колонны, которые по странным причинам упали, даже не треснули, лишь разделились на составные части и наполовину скрылись под сугробами песка. Внутри храма наблюдались поредевшие кирпичные отрубки стен, от чьего былого величия и великолепия не осталось практически ничего. Странно, что крыша по-прежнему стоит на месте, и ее даже не смущает тот факт, что большая часть колонн попросту рухнула вниз, не оставив ей практически никакой опоры. Она словно парила в воздухе, как птица, и боялась коснуться раскаленной земли. Молодой человек прижался к одной из колонн и устало скатился вниз, обхватив мокрые из-за пота плечи. Он надеялся, что здесь удастся скрыться от палящего вечернего солнца,

которое даже сквозь туман умудрялось обжигать его тело своими померкшими ржавыми лучами.

Эрван знал, что следует на короткое время остановиться, отдышаться и подождать, пока что-нибудь да произойдет. Возможно, он наконец проснется и посмеется над этим странным бессмысленным кошмаром. Немного ожидания. И все это закончится. Молодой человек верил в это. Нужно лишь открыть глаза. Попытаться.

Юноша поджал под себя ноги и уткнулся подбородком в колени, уставив свои покрасневшие неестественно красивые глаза на песок, который из-за падавшего за горизонт солнца приобрел цвет мутной грязной воды.

— Проснись, Эрван. Ты должен проснуться, — зашевелил обсохшими губами он и с грустью вздохнул. — Я хочу пить, есть, спать, мое тело болит, словно его били плетью... Это должно закончиться. Этот кошмар слишком затянулся. Ему следует остановиться. Сейчас...

Неожиданно кожу обожгло что-то холодное, крошечное, потом снова, но в другом месте. И эти неприятные ощущения так участились, будто Эрвана атаковала стая голодных ос, которые без доли сожаления кусали молодого человека, пытаясь проникнуть в глубины его плоти и добраться до самого заветного кусочка. Посмотрев вверх, он увидел, что с неба посыпались крупные хлопья чего-то белого, невероятно легкого. Это был снег... Такой холодный и знакомый, что Эрван не заметил, как в восхищении открыл рот и позволил нескольким снежинкам опуститься на онемевший из-за отсутствия влаги кончик языка.

Температура воздуха резко понизилась, и вся беспощадная жара пустыни в мгновения ока улетучилась вместе с самим солнцем, которое окончательно погрузилось за горизонт и окрасило все вокруг в мрачные темно-бардовые тона. Снегопад тем временем усилился, и белое покрывало полностью скрыло под собой так наскучивший песок. Если бы Эрван не скрылся под крышей храма, то вероятнее всего стал бы походить на самого настоящего снеговика, ибо разразился самый настоящий зимний ливень, который затопил своим ледяным снегом все, до чего смог дотянуться.

Кожа Эрвана побелела и местами покраснела из-за прилившей к поверхности тела крови, которая надеялась остановить резкое замерзание организма. Но молодой человек не торопился надевать рубашку, которая по-прежнему находилась вместе с ним и была повязана на бедрах. Он не чувствовал стужи, лишь странный жар, который, наверное, испытываешь после того, как окунешься в ледяную воду и резко оттуда вылезешь. Юноша даже не заметил, как стал дрожать, стонать от холода, стучать зубами и шмыгать порозовевшим носом. Лишь в смятении наблюдал за резко сменившимися погодными условиями, которые не вызывали в душе ничего, кроме недоумения и наигранного восторга.

Внезапно позади раздался скрежет. Эрван в страхе обернулся и увидел, что внутри храма на засыпанном песком полу начал образовываться проход, ведущий вниз. Огромная каменная плита вынырнула из-под песка, без какого-либо участия отъехала в сторону и предьявила глазам парня узкую лестницу, которая призывала молодого человека устремиться под землю, в скрытую комнату, что находилась под храмом. Эрван не знал, почему он приблизился к столь жутковатому проходу. Тьма скрывала все то, что находилось внизу, не было возможности увидеть, где именно заканчивалась лестница, та казалась абсолютно бесконечной.

— Эрван! — голос Эмми вновь проник в уши юноши, он исходил из возникшего прохода, из самого низа, куда вряд ли хоть раз проникал хотя бы крошечный лучик света. — Эрван! Помоги мне! На помощь! Пожалуйста!

— Черт! — простонал молодой человек и испуганно отошел от лестницы. — Ты не должен туда идти. Ты не знаешь, что там. Нельзя. Нет...

Тем временем снежная буря резко набрала силу и стала беспощадно бить неустойчивые колонны храма, которые были готовы в любой момент рухнуть, как карточные домики, и обрушиться на засомневавшегося парня многотонную крышу, что способна расплющить любое зазевавшееся существо, не успевшее вовремя отойти в сторону.

Эрван с горечью в душе осознал, что у него нет выбора. Он должен спуститься вниз. Возможно, так ему удастся выбраться из этого странного неприятного места, завершить столь дивный жуткий сон, который явно не желал в данный момент времени обрываться.

Нога Эрвана ступила на первую ступеньку, затем на вторую. Он боялся, ненавидел то, что его ждет там, внизу, в сплошной тьме. У него не было света, он был совершенно незащищен перед неизвестностью. Еще пару ступенек, и вот парень спустился уже довольно низко, теперь даже его собственные руки перестали быть видимыми, растворились во мгле.

Тем временем наверху раздался шум. Возможно, одна из колонн не выдержала ударов ветра и рухнула, за ней, судя по не стихавшим громким звукам, последовала другая, потом третья. Эрван посмотрел наверх, где пока что виднелся прямоугольник из света, и от испуга моргнул, когда после оглушающего грохота он остался наедине с полной беспроглядной тьмой. Юноша теперь полностью замурован под землей. И больше нет никакого выхода. Остается лишь спускаться вниз, слушать пробирающий до костей вой холодного ветра и искать где-то поблизости звавший его голос. Но Эмми вновь оставила его, убежала в неизвестном направлении. И не собиралась в ближайшее время возвращаться.

Эрван нервно сглотнул и сжал кулаки.

— Свет, мне нужен свет, — стиснув зубы, прорычал он. — Я уже делал это. Получится и сейчас. Ты сможешь. Почувствую его в себе. Давай же.

Жгучая боль пронзила ладони, будто юноша окунул их в кипящую воду. Вскрикнув, парень посмотрел на них, разжав пальцы, и резко зажмурился, так как вырвавшийся свет из его рук был столь ярким, что смог затмить своим сиянием даже солнце. Парень быстро отвел ладони от своего изумленного лица и направил их вниз, освещая себе путь. Сияния, которое породили его руки, хватило, чтобы разогнать тьму практически полностью, отчего появилась отличная возможность увидеть то, что находилось в конце лестницы. Эрван увидел край помещения, возможно, довольно большого, так как в поле зрения попадались массивные мраморные колонны, которые, как зеркала, отражали падавший на них сверху свет. Юноша постепенно привык к боли, которая свела его ладони, и медленно стал спускаться вниз, пытаясь по чистой случайности не повернуть ладони в сторону лица. Одного лучика этого света хватит, чтобы его глаза поджарились.

— Эрван! — Эмми вновь дала о себе знать. И теперь ее голос не казался таким уж далеким, он был рядом, в зоне досягаемости. — Не останавливайся. Ты должен идти. Должен увидеть это. Необходимо вспомнить те события, которые не позволяли твоей душе существовать без боли. Тебе следует отпустить те забытые воспоминания, позволить им упасть в пропасть Бездны. Следуй за мной, — слова девочки уже не произносились ребенком, их обладательница резко повзрослела и стала говорить, как взрослая женщина. — Она поведет тебя, будет нести мое имя, станет твоим светом. Ты должен запомнить мою историю, найти мое тело и похоронить. Тогда Эмми родится снова. В ее теле будет моя душа. Найди малышку. И не отпускай. Она твой последний шанс.

Спуск вниз занял не так много времени, как это предполагалась изначально. Эрван попрощался с лестницей уже через пару минут и теперь стоял посреди невероятно просторной комнаты, которая напоминала обеденный зал какого-нибудь роскошного заведения, но была лишена всей мебели и, что было самым главным, посетителей. Потолок поддерживался мраморными колоннами, чересчур толстыми, словно архитектор боялся, что потолок рухнет на людей, если опора будет хотя бы на миллиметр тоньше. В центре зала колонн не было, что было оправдано наличием стеклянного купола, хрупкая стеклянная конструкция без страха парила над полом и напоминала дневное светило, которое слишком близко приблизилось к земле. Эрвану пришлось погасить свои ладони, так как в его чудодейственном даре уже не было столь острой необходимости.

— Что это за место? — удивленно оглядел помещение Эрван и стал с восторженно распахнутым ртом оглядываться, пытаясь запомнить каждую деталь столь поразительной роскоши.

В ушах зазвенела музыка, сначала тихая, потом все более и более прибавившая в силе. Композиция была знакома, но молодой человек не мог вспомнить ни автора, ни названия. В этих звуках чувствовалась радость, грациозность, некая непередаваемая смелость, гордость. Музыка лилась в голове Эрвана бурной могучей рекой и расплзалась по телу горячим потоком. Молодой человек попытался найти человека, который создавал столь очаровавшие его звуки, но музыкант предпочел остаться невидимым.

Чем дальше Эрван слушал прекрасное музыкальное произведение, тем сильнее начал проникаться атмосферой этого места. Он стал видеть то, что было скрыто от него совсем недавно. Рядом с ним закружились в сплоченном страстном танце многочисленные пары, облаченные в довольно старомодные наряды, будто эти люди прыгнули в этот зал из глубин далекого прошлого. Они совершенно не замечали наблюдавшего за ними молодого человека, будто его здесь вовсе и не было. Эрван оглянулся и заметил автора этих звуков. Он был увлечен своей работой и совершенно не отвлекался на удивительную обстановку вокруг себя. Весь его напряженный взгляд сосредоточился на музыкальном инструменте, массивном черном рояле. Между ним и фортепиано создалась некая любовная связь, неразрывная. Пальцы музыканта даже не отрывались от клавиш при смене ноты, они словно скользили по ним, как водомерка по поверхности пруда. Эрван приблизился к этому человеку. Совершенно не боясь его.

Он смотрел на себя, изучал собственные движения, чувствовал до боли знакомое напряжение. И легкость. Легкость души, которая обрела крылья благодаря музыке. Но неожиданно музыкант вздрогнул, будто почувствовал колющую боль в груди и вздрогнул, посмотрев в сторону. Эрван встретился с ним глазами. Встретился со своим отражением. Напуганным, как и он сам.

Ничего...

Эрван больше не видел ни танцующих людей, ни музыканта, которого одолело чувство ужаса. Все исчезло. Вновь. Кроме рояля. Этот неподъемный музыкальный инструмент по-прежнему стоял на месте, но уже в слегка измененном виде. Его клавиши покрылись толстым слоем пыли, будто к ним не прикасались много лет. Эрван в недоумении подошел к нему и от охватившего чувства любопытства дотронулся до клавиш, застав тех издать тихий интересный звук, но тот был каким-то странным, будто доносился из горла какого-то животного. Парень одёрнул руку и грустно вздохнул.

— Я уже был здесь... Перед смертью, — прошептал он.

— Тебе следовало увидеть это, — голос мальчика был настойчив, немного озлоблен и чересчур холоден.

Эрван оглянулся и заметил в дальнем конце зала двух ребят, которые были похожи друг на друга, как две капли воды. Они были облачены в одни лишь пижамы, и им явно было зябко находиться здесь, но те старались не подавать виду. Мальчики взяли друг друга за руки и медленно направились в сторону в недоумевавшего молодого человека, который, судя по лицу, уже перестал удивляться чему-либо в этом месте.

— Ты умирал уже однажды, ты чувствовал эту боль. Страх одолевал тебя. И ты был рожден вновь, чтобы встретить смерть во второй раз. Две жизни ради одной, — один из близнецов вышел вперед и исподлобья взглянул на Эрвана. — Готов ли ты к этому?

Эрван с вопросом оглядел маленьких близнецов и не смог подобрать ни единого подходящего ответа, но те словно заранее знали, что тот в конечном итоге ответит, поэтому ждать его слов не стали. Лишь посмотрели друг на друга и тихо захихикали, будто их забавляла данная ситуация, которая с каждой секундой утрачивала всякий смысл.

— Смотри, — прошептали они и вновь взяли друг друга за руки.

Эрван почувствовал странный холод, и его голова резко стала чересчур легкой из-за навалившегося на парня головокружения. Молодой человек с трудом удержался на ногах и почувствовал, что под ним больше нет пола. Он стал падать куда-то вниз, в пропасть, а близнецы продолжали стоять наверху и с ухмылкой на лице помахали ему на прощание рукой, но это движение было больше похоже на издевку.

Вскоре падение замедлилось, и юноша вновь почувствовал ступнями прикосновение чего-то твердого. Но из-за ухудшившегося самочувствия парень не смог удержать равновесие и с грохотом рухнул на спину, ощутив всем телом свое неаккуратное болезненное падение. Эрван со стоном поднялся на локтях и сел, устало сжав переносицу. К его мокрому из-за пота торсу прилипли кусочки земли и крошечные частички камня, которые неприятно царапали кожу. Стряхнув с себя всю грязь, молодой человек, сощурившись из-за витающей в воздухе пыли, огляделся. Он с удивлением осознал, что теперь находится в каком-то узком длинном коридоре с бесчисленным множеством закрытых дверей. Судя по облупившейся на стенах краске и разбросанному по полу мусору, здесь не ступала нога человека не одно десятилетие.

Парень с трудом поднялся на ноги и старался не порезать голые ступни о разбросанные на полу разбитые стекла, коих здесь было невероятно много, что сильно затруднит передвижение.

— Черт. Что здесь происходит, черт тебя дерит? — прошептал юноша и подошел к ближайшей двери, сделав попытку ее открыть, но все тщетно, та была плотно заперта с другой стороны.

Такая же история была и с другими дверьми. Ни одна из них не пожелала впускать в скрывавшиеся за ними помещения молодого человека. Парень устало вздохнул и прижался спиной к стене, запрокинув голову. Происходящее вокруг окончательно потеряло смысл. И вся эта бессмыслица не желала подходить к своему долгожданному концу.

Эрван посмотрел на свою ладонь и провел по ней пальцами, ощутив неприятное жжение. Та покрылась сильными ожогами, которые явно были вызваны тем самым светом. Значит, им нельзя пользоваться слишком часто, иначе от кожного покрова ничего не останется в ближайшее время. К счастью, в коридоре было довольно светло, что было странно, если учитывать, что поблизости не было ни единого окна или открытой двери. Что-

то невидимое слегка озаряло коридор и давало возможность видеть все, что находилось вблизи парня в нескольких метрах.

Из-за обилия пыли в воздухе дыхание стало затруднительным, Эрван постоянно кашлял, пытаясь очистить легкие, но все было бесполезно. Необходимо выбраться отсюда как можно скорее, иначе он задохнется. Парень сделал пару шагов вперед, стараясь ступать осторожно, чтобы ни один осколок не распорол тонкую кожу его стоп. Где-то должен быть выход из этого коридора, он не может быть бесконечным.

— Папа, — тоненький голосок донесся где-то рядом, едва ли не над самым ухом. — Почему ты оставил меня здесь? Почему бросил совершенно одного?

— Я должен проснуться, — Эрван резко остановился и сжал голову руками. — Открой глаза, Эрван. Тебе нельзя спать. Это убьет тебя!

— Папа! Почему ты меня убил?

Эрван со всей силы зажмурился и сел на корточки, стиснув череп ладонями еще сильнее.

— Не спи! — кричал он самому себе. — Это происходит не на самом деле! Нет!

Юноша в испуге открыл глаза и увидел, что обстановка вокруг него вновь переменилась. На этот раз он стоял посреди просторной ванной комнаты, а в ее центре красовалась идеально белая ванна, которая была до самых краев наполнена горячей водой, но часть жидкости по непонятной причине вылилась на пол, словно тот, кто решил помыться, забыл вовремя завернуть кран.

— Папа. Почему ты не спас меня? Почему позволил умереть?

Эрван медленно приблизился к ванне, и едва он сделал последний шаг на пути к ней, как вода резко начала краснеть и терять свою удивительную прозрачность. Молодой человек с беспокойством посмотрел на все еще видневшееся дно и едва не вскрикнул от шока, когда увидел, что лежит под водой. Это был ребенок, совсем младенец. И он смотрел на парня, пристально, с болью. И говорил с ним, при этом не совершая никаких движений губами.

— Почему ты убил меня, папа? — произнес младенец и потянул к Эрвану свою крохотную ручку, но вода стала такой мутной, что через пару мгновений тело ребенка полностью растворилось в темно-красной жидкости.

Эрван в панике отошел назад и начал как-то странно мотать головой из стороны в сторону, с безумством в глазах поглядывая на то место, где он только что видел ребенка.

— Этого не было, — дрожащим голосом прошептал он и громко всхлипнул. — Этого не было... Не было...

Вода в ванне внезапно забурлила и стала переливаться через край, из-за чего комната стремительно начала тонуть. Тусклый дневной свет, проникавший сюда через маленькое окошко у потолка, резко погас, и оставил Эрвана вновь среди тьмы, совершенно одного. И можно было расслышать лишь тихие рыдания парня и горестные стоны.

Он вспомнил. Вспомнил то, что мечтал навсегда забыть. Эрван вновь вернулся туда. И уже не сможет выбраться. Не сумеет убежать. Даже если очень захочет это сделать.

Глава двадцать первая. Ослепленный выстрел

Кристина понимала, что не должна была напоминать Себастьяну о том, чего оба так хотели забыть все эти годы. Между ними даже если и была связь, то вне этой жизни, она осталась в юношеские годы, в период, когда оба просто хотели любви, и им было плевать, к каким последствиям это приведет. Себастьяну тогда была не больше двадцати, он был умен, хорош собой, общителен, от его харизмы сохли практически все ровесницы Кристины. Себ знал, как влюбить в себя, обладал талантом пробуждать эмоции даже в самом опустошенном человеке на свете, коим являлась светловолосая женщина в те годы.

Кристина никогда не надеялась на то, что рано или поздно в нее кто-либо влюбится. Она была самой незаметной девчонкой в городе, ее редко кто называл по имени, многие привыкли называть девушку лишь по фамилии, которую Кристина после выхода замуж тотчас же сменила, чтобы не дай бог не вспомнить о том неприятном времени ее молодости. Мышка Джексон. Так ее назвал один из студентов. И это прозвище закрепилось за ней до самого выпуска. Она была одной из немногочисленных девчонкой в группе, в те годы большинство девушек обучались на дому, так как считалось, что образование для женщины не должно стоять в одном ряду с мужским. Но Кристина не была из этого рода.

Ее мать была весьма образованной дамой, первоклассным врачом. Женщина до сих пор вспоминает, как к ее матери каждый день приходили на дом пациенты. У каждого была своя история, одна страшнее другой. Кристина не посмеет подвергнуть забвению слезы, что лились по щекам матери, когда та лишалась очередного пациента, которого не сумела спасти. Она не была в силах помочь всем, даже если бы хотела. И Кристина это осознавала всеми клетками своего разума. Осознавала, что смерть приходит слишком внезапно, что та живет в каждом доме, прячется за всеми углами, в любом затененном месте. И женщина, повзрослев, стала изучать ее, изучать смерть во всех проявлениях. Она не пошла по стопам матери, получив ее образование, девушка превратилась во что-то иное, противоположное. Кристина не спасала жизни, не отбирала их. Стояла где-то посередине. Между жизнью и смертью. В ее руках находился человек, все еще теплый, немного влажный. Тот пах жизнью, пах недавней деятельностью. Но в этом теле не было жизни. И никогда не будет. Странная иллюзия, которая до сих пор жалила сознание.

Сложно было поверить, что к Мышке Джексон, низкорослой сутулой девочке в круглых очках, через какое-то время привезут человека, который когда-то дал ей это прозвище. Он нуждался в ее лечении, молил о помощи. И она согласилась, проникла внутрь его по-прежнему горячего тела, выпустила ароматную красную жидкость наружу, а после, полюбовавшись внутренностями, зашила разрезанную надвое кожу, сделала записи, а тело поместила в морозильную камеру, где-то должно лишиться последних капель жизни. Женщина никогда не забудет этого пациента, даже если захочет. Не выкинет из головы этого высокого шатена с веселыми зелеными глазами. «Мышка Джексон!» — она полюбила эти слова, даже не думала о том, что они когда-то произносились с издевкой, без каких-либо добрых намерений. Стив смог изменить интонацию, обидное прозвище приобрело вид ласкового. Он увидел в ней главный недостаток, ее замкнутость, социопатию, выделил эти черты и полюбил их, возможно, не сразу, но эти чувства возникли и никуда не исчезли.

— Мышка Джексон, — усмехнулась Кристина и с наигранным облегчением вздохнула. — Являюсь ли я ею сейчас? Осталось ли во мне хотя бы немного этой наивной

девочки?

С Себастьяном они познакомились еще в школе. Его отец был преподавателем по истории. И в один прекрасный момент их обоих посадили за одну парту и поручили заняться совместным проектом. Себ был слишком идеальным парнем, чересчур правильным. Одно лишь его присутствие вызывало в Кристине чувство раздражения, непонятную нервозность. Рядом с ним девушка была не в своей тарелке. И это ощущение не пропало до сих пор, даже спустя более тридцати лет. Их отношения в школьные годы сложно было назвать дружескими. Они не гуляли, не разговаривали, как это обычно делали друзья. Взаимоотношение между ними закончилось спустя несколько месяцев после завершения общего проекта. И когда это случилось, Себастьян надолго исчез из ее повседневной жизни. Они больше не сидели за одной партой, не приходили друг к другу в гости. Девушка начинала верить, что она с Себастьяном не была знакома вовсе.

У нее не было друзей. И тогда глупо было надеяться, что такой крутой парень, как Себастьян, хотя бы на мгновение посмотрит на нее. Она была тенью среди всех. И не имела способности обрести ярких очертаний. Это ей было не суждено, по крайней мере, в то время Кристина обладала твердой уверенностью в этом.

Но Себастьян не желал выходить из головы, не покидал ее ни на секунду. Через какое-то время обычные мысли стали превращаться в фантазии, весьма противоречивые. Она хотела, чтобы тот прикоснулся к ней, хотя бы плечом, ненароком. И делала все возможное, чтобы это случилось. Позже ее фантазии сильно видоизменились, стали более чуждыми, неправильными, как она сама считала. Кристина хотела, чтобы он трогал ее, специально, настойчиво. Ночью, плотно закрыв дверь, она ложилась на кровать и начинала ладонями водить по холодной бледной коже тела, представляя, что это делает Себастьян. Сначала это были обыкновенные поглаживания, ничего особенного. Но чем дольше это продолжалось, тем слабее Кристина контролировала свои мысли. Через какое-то время ее ладони добрались и до ее вагины, и этот момент она не может забыть до сих пор. Еще никогда Кристина не чувствовала ничего подобного, столь ярких эмоций в ее голове до того момента не было. Сначала девушка касалась этого места осторожно, особенно в первый день. Она не знала, к чему это приведет, боялась последствий. Ее пугали те ощущения, что доставляли эти прикосновения, мысли, что посещали голову. Кристина понимала, что хочет, чтобы вместо ее руки там оказалась ладонь Себастьяна. Но знала, что это было невозможно, осознавала, как это глупо и неправильно. После каждого такого раза она ненавидела себя за подобные действия, обещала себе, что больше никогда не станет этим заниматься. Но в следующую ночь все продолжалось снова. И с каждым разом пальцы проникали все глубже и глубже. И делать это бесшумно уже было практически невозможно.

Кристина мысленно возвращается к тем событиям с самоиронией. Ей было всего лишь одиннадцать. Она была девочкой, которая ничего не знала ни о сексе, ни о мужчинах, но на подсознательном уровне изучала эти пока еще запретные для нее вещи, даже не понимая, чем те являются на самом деле.

Вряд ли она вычеркнет из памяти тот день, когда ее тело не пожелало слушаться, дало самый серьезный сбой в жизни. Кристина помнит, что тогда был конец мая, на улице стояла поистине беспощадная жара, поэтому многие мальчишки не постеснялись оголить свои торсы. Ей было двенадцать. И она по-прежнему сидела поодаль ото всех под одиноко стоявшим деревом, прижав к себе ранец и потертый учебник по истории. Но ее глаза не желали читать напечатанный мелким шрифтом текст, все внимание было устремлено на

Себастьяна. По правилам ей нельзя было находиться слишком близко к игровому полю, так как очень часто мяч выходил из игры и улетал в сторону случайного прохожего. Но Кристина не могла справиться с очередной фантазией, которая на этот раз стала более неправильной, пугающей. Она разглядывала его тело, изучала каждый изгиб, проглатывала взглядом каждую капельку пота, возникшую на его крепком теле. Кристина догадывалась, чего хочет ее тело, но не могла удовлетворить себя здесь, это было невозможно.

Себастьян явно почувствовал, что та на него смотрела, и ему словно это нравилось. Мальчик передал мяч одному из своей команды, после чего громко выдохнул и в упор посмотрел на Кристину, широко улыбнувшись. Девочка от неожиданности вздрогнула и уронила свои очки. Со стороны игравших мальчишек послушались громкие смешки, явно адресованные ей. Кристина сделала вид, что ничего не заметила, вернула на нос очки и сильнее открыла книгу, отчего та угрожающе затрещала, чуть не разломившись на две части, как ломоть хлеба. Девочка притворилась, что увлеклась чтением, но понимала, что ей вряд ли кто-либо сумел поверить. Она любовалась Себастьяном слишком долго, чтобы вот так просто в очередной раз спрятаться в тени.

Внезапно Кристина ощутила, как к ее голове прикоснулось что-то тяжелое, этот предмет двигался с большой скоростью и с легкостью вынудил девочку упасть на бок, на короткое время лишив ее возможности ориентироваться в пространстве. Со стороны поля донеслись взволнованные голоса, и рядом стали различаться многочисленные шаги. Кристина прижала ладонь к месту удара и с большим трудом приподнялась, пытаясь не показывать никому, что она испытывает не самые приятные эмоции от прилетевшего к ней мяча.

Себастьян быстро подбежал к ней и сел рядом на корточках, с беспокойством поглядывая на Кристину. В его глазах было столько вины, что можно было ошибочно подумать, что это именно он запустил мяч в ее сторону.

— Ты в порядке? — это единственные слова, которые Кристина запомнила. Сейчас сложно восстановить в голове все события того дня.

Женщина до сих пор не знает, почему она тогда притворилась, что плохо себя чувствует. Но догадывается, что сделала это специально, ради того, чтобы Себастьян дотронулся до нее и чтобы его касания длились как можно дольше. И ей удалось этого добиться. Мальчик донес ее на руках до класса и усадил за парту. Он не пробыл с ней слишком долго, ему явно было неловко находиться рядом с ней, но Кристине было и этого вполне достаточно, чтобы сполна удовлетворить свои разыгравшиеся фантазии. Когда тот вернулся к друзьям, девочка еще какое-то время сидела посреди пустого класса совершенно одна. Она не сразу ощутила неприятное прикосновение внезапно взмокших трусиков, но это здорово ее напугало.

«Себастьян был первым мужчиной, который заставил меня кончить» — с самоиронией вспоминает Кристина. — «Ему не нужно было даже входить в меня, чтобы добиться этого результата. Он лишь случайно коснулся моей груди. Этого хватило, чтобы запустить процесс».

Она никому не рассказывала об этом, боялась осуждения. Да и вряд ли кто-либо захочет знать подробности ее сексуального становления. Кристина познавала себя самостоятельно, делала это настойчиво и смело, совершенно не стесняясь собственного тела. К четырнадцати годам девушка перестала онанировать в одежде. Повесив на дверь своей спальни замок, она садилась около зеркала, раздвигала свои худые ножки и начинала делать с самых первых секунд резкие уверенные движения в самом чувствительном месте свое тела. Чуть позже она

стала свободной рукой массировать и набухшие соски. Ей нравилась собственная грудь, она была без ума от нее. Кристина просто обожала наблюдать, как ее тело изгибается от получаемого удовольствия. Все реже и реже она закрывала глаза, практически не представляла, что это делает Себастьян. Девушка старалась думать лишь о получаемом удовольствии, о собственном теле, которое в тот момент находилось под полным ее контролем.

«Не знаю, что так изменило мои фантазии. В первое время они казались такими банальными, такими невинными. Я совершенно не имела понятия, что делаю, что испытываю. Полученный оргазм поначалу пугал. Он был слишком яркий и напоминал прошедшийся по телу заряд электричества. И я и не могла представить, насколько сильно стану зависима от этого. Я перестала думать о мужчинах, они перестали меня возбуждать. Мне было достаточно взглянуть на обнаженную себя, чтобы ощутить приятное чуть ниже живота».

В первый раз она дотронулась до пениса в шестнадцать. И это был член вовсе не Себастьяна. Она не запомнила имя этого парня. Да и тот момент не кажется таким уж особенным, так как тогда не произошло чего-то такого, что стоило бы запоминать. Пенис этого паренька был коротким, сморщенным, не вызывал никаких симпатий. Но Кристине нравилось смотреть, как она заставляет этого худощавого мальчугана стонать, втягивать живот. Она мастурбировала ему в течение пары минут, надолго его не хватило. Он кончил совершенно незаметно, сперма упала на ее ладони в виде пары вязких белых капель. Но и этого было достаточно, чтобы испытать наслаждение от этого процесса. Кристина впервые ощутила власть над чужим телом, она получила контроль над другим человеком, над его эмоциями, мыслями. Девушка в любой момент могла остановиться, прервать эти забавные постанывания, нелепые подергивания бедер. И одна лишь мысль об этом переворачивало в ней все с ног на голову.

Но первые фантазии так или иначе продолжали посещать ее голову, редко, но этого было достаточно, чтобы вызвать неприятную тоску. Ей было шестнадцать, она в выпускном классе. А Себастьян уже давно ушел в колледж. Она не была рядом с ним, не видела его безупречную улыбку каждый день. Его образ остался лишь в ее воображении, расплывчатый и чересчур идеализированный.

Кристина до сих пор не может забыть, как она стала рисовать его. Голый крепкий торс, усеянный капельками пота, заполонил едва ли не каждую страницу ее толстого альбома. Эти страницы на какое-то время заменили зеркало, на пару месяцев. Но год закончился. И Кристина покинула школу. А вместе с тем из ее памяти пропал Себастьян. Парень, который не давал ей покоя столько лет. Маленькая девчонка, замкнутая в себе, нашла себя в собственных извращенных фантазиях, это одновременно успокаивало и пугало. Чем старше она становилась, тем сильнее понимала, что одного прикосновения собственной руки уже недостаточно. Кристина желала большего.

Будущая Мышка Джексон поняла, что вымышленный мир необходимо воплотить в реальность. Кристина и поныне удивляется своей объявившейся настырности в те годы. Она изменилась, открылась, стала по-настоящему взрослой девушкой, которая знала, что хотела, и уже не пряталась от неизвестных явлений. Первым шагом стало поступление в тот же колледж, куда направился Себастьян. Сделать это было не так уж и просто, если учесть, что Кристина совершенно не планировала связывать свою жизнь с медициной. Но ею двигали совершенно другие мысли, те, что так долго копились в ней. Порой она не узнавала себя,

начала даже бояться смотреть на собственное отражение. Изменения в ее теле происходили такими огромными движениями вперед, что сознание девушки попросту не успевало за ними.

В первую студенческую ночь она попробовала алкоголь. Ее напоила соседка по комнате. И впервые Кристина ощутила нечто новое, доселе неизвестное. Девушка стала изучать это огромными рывками. Она не помнит, сколько выпила в ту ночь. Но знает точно, что часть ее сексуальных фантазий воплотились в реальность. Первый ее секс случился с девушкой. И это до сих пор вызывает странные спазмы во всем теле, чувство не утихавшего стыда.

«Я знаю, что в тот момент не могла поступить иначе. Слишком долго во мне копилось это желание. Наверное, ни у одной девушки из того колледжа не было такого безумного хотения кого-нибудь трахнуть. Мне было все равно, с кем это делать. Я лишь хотела, чтобы меня удовлетворил кто-то посторонний, чтобы это сделала не я».

Себастьян стал вторым партнером. И ту ночь она уж точно не забудет. Парень не помнил ее. От той низкорослой простушки не осталось и следа. Он хотел ее, Кристина чувствовала это. Себастьян не знал ни ее имени, ни ее мыслей. Парень видел лишь ее облик и боялся заглянуть внутрь. Девушка в тот вечер чувствовала себя странно. Она будто находилась перед совершенно чужим ей человеком, которого не знала вовсе. Кристина оказалась в его спальне с такой легкостью, не приложив при этом никаких усилий. Ей было достаточно обмолвиться с ним парой слов утром, чтобы ночью оказаться перед ним в одном нижнем белье. Кристина видела в его глазах, что эта встреча воспринималась им как что-то случайное, мимолетное. Девушка, что стояла перед ним, виделась ему обыкновенным красивым существом, которое утром бесследно исчезнет. Возможно, таких существ у него было много. Каждую ночь появлялось новое. Но Кристине это было неважно, она желала лишь получить долгожданный контроль над его напряженным мускулистым телом, заставить его испытывать то, что испытывала она в своей спальне пару лет назад.

Они встретились вновь, совершенно не зная друг друга. Кристина с неприязнью возвращается в ту ночь, единственную и последнюю для нее и Себа. Больше между ними подобного не повторялось. И вряд ли повторится. Девушка лишь удовлетворила свою потребность, огромный голод, копившийся годами. Голод был силен, следственно это привело к самому страстному сексу в ее жизни. Она не помнит, сколько за ту ночь ей удалось кончить. Но никто после Себастьяна так и не смог ее удовлетворить. Даже Стив, ее покойный муж, который был не так уж и плох в постели. Удовольствие от секса зависело от эмоций, и они после той ночи с Себастьяном покинули ее.

«Возможно, я была влюблена. Не знаю. Но я не ощущала эмоциональной привязанности к Себастьяну. У нас не было общих тем для разговора, мы не могли найти общий язык. Все началось с банального подросткового сексуального влечения. На нем это все и закончилось. Мои запретные фантазии остались в той ночи. И я не горю желанием их возвращать в свое сознание. Они больше не принадлежат мне. Я повзрослела. И поняла, что без них мне будет жить гораздо проще. Я перестала творить непростительные глупости. Я вновь стала тихой мышкой, правильной и скромной внутренне и внешне».

Кристина спустилась в подвал, где находился морг, переодела халат в подсобном помещении, так как предыдущий успел впитать в себя аромат мертвых тел, которые женщина исследовала ранним утром. Она не могла работать в грязной одежде, даже если на

белом халате обнаружится хотя бы малейшее пятнышко, женщина тотчас же заменяла его на чистый. В ее шкафу в подсобке был целый набор больничных халатов, количество которых наверняка приблизилось к трехзначному числу. Многие ее коллеги не понимали столь странный характер светловолосой женщины и часто возмущались, когда та без разрешения забирала из их шкафов лишние халаты и присваивала себе. Но и возразить не могли, так как Кристина была замечательным специалистом, без нее тут вряд ли сдвинется с места хотя бы одно важное дело.

Патологоанатом в этом полицейском участке был на вес золота, Кристина была едва ли не единственным подобным специалистом в этом месте. Вторым человеком, кто так же, как и она, связал свою жизнь с анатомией, был довольно пожилой мужчина, который не позволял себе вскрывать больше трех тел за день, так как старческое здоровье уже начинало огромными темпами сдавать позиции. Поэтому Кристине доставляли наибольшее количество трупов, иногда приходилось возиться с мертвечиной чуть ли не до полуночи, так как затягивать очередные расследования было непозволительно. Был и третий патологоанатом, молодая девчонка лет двадцати четырех, которая совсем недавно закончила обучение. Ей не доверяли серьезные случаи. Чаще всего к ней на стол попадали жертвы уличных убийств: ножевые и пулевые ранения, смертельные переломы в области шеи и т. д. Кристина же довольствовалась самыми запущенными случаями, коих за последние месяцы накопилось довольно много.

Часто это были странные смерти во сне без каких-либо признаков насилия, также имелось достаточно бедолаг, чьи тела съела какая-нибудь заморская болезнь. Женщина каждый раз рисковала своей жизнью, занимаясь очередным вскрытием. Был большой риск заразиться тем, что убило очередного ее пациента. Малейшая неосторожность могла привести к необратимым последствиям. Кристина старалась все операции проводить в марлевой повязке и в плотных перчатках, но и эти меры защиты были малоэффективными. Каждый раз, видя перед собой очередное посиневшее тело, она молилась всем знакомым богам, чтобы не оказаться на этом же столе в ближайшее время. Это был один из наибольших страхов женщины, Кристина боялась даже думать о том, что и ее тело когда-нибудь начнут резать чьи-то грубые руки и станут копаться в ее внутренностях. Худший кошмар на свете.

Она долго думала, почему выбрала эту работу. Возвращалась в детские годы, вспоминала те извращенные фантазии, что когда-то охватывали большую часть ее мозга. Кристина не была золотым ребенком, наука давалась ей крайне тяжело. Многие учителя называли девочку безнадежной, ленивой, критиковали ее скромность и молчаливость. Кристина не знала, правы ли были эти люди насчет нее, воплотились ли их утверждения в реальности, стала ли она той, кем ее все считали долгие годы?

Детская мастурбация, ставшая для Кристины самой настоящей зависимостью, оправдывалась в ее сознании как желание получить положительные эмоции, контроль над ситуацией, над самой собой. Во время этого процесса в ее власти было все тело, каждая клеточка. Она управляла всем. Позже она стала удовлетворять и других. И тогда Кристина осознала, что можно с такой же легкостью контролировать и окружающих. Достаточно лишь надавить на нужную точку. И человек полностью растворяется в тебе, становится частью твоего тела и не может выбраться из этой липкой паутины. Мужской оргазм был для нее наивысшей степенью власти над человеком, парни полностью откидывали все свои мысли, они не думали ни о чем правильном, им было все равно, кто делает это с ними, никто из них

не был в силах остановиться, прервать столь шикарные ощущения. И это доставляло Кристине самое настоящее удовлетворение. Секс стал для нее способом контролировать человека, абсолютно любого. Но Себастьян забрал у нее эти силы, лишил ее столь желанного дара. В ту далекую ночь он получил над ней контроль, впервые женщина ощутила себя слабой и беззащитной. Она с боязливостью вспоминает, как его сильная рука забиралась под ее нижнее белье, трогала буквально все, до чего могли дотянуться пальцы. И она не могла это прервать, лишилась такого права.

Себастьян нагло отобрал у нее все, что долгие годы было при ней, женщина больше не могла контролировать ситуацию, управлять чужими эмоциями. Он вытащил наружу то, что спряталось в Кристине настолько глубоко, что это можно было с легкостью посчитать безвозвратно потерянным. Мужчина открыл в ней женственность, слабость, присущую ее полу, дал ей понять, что только парень может контролировать половой акт, но никак не женщина. И Кристине не смогла оспорить его заключение.

И сейчас. Спустя столько лет после той ночи она стоит над мертвым телом, у нее есть возможность дотронуться до него, до совершенно любого места, и этот человек не сможет ее остановить. Кристине полностью контролирует его, может делать с телом буквально все: двигать, трогать, резать, изучать каждую часть, как обыкновенный предмет, не имеющий никакой значимости. Поэтому она стала патологоанатомом. Кристине хотела вернуть тот контроль, который у нее забрал Себастьян. Да, женщина знала, что это самое глупое объяснение ее выбора, но другого варианта она не находила. Вся ее жизнь строилась на детских фантазиях и держалась на них до сих пор. И от этого уже невозможно убежать. Слишком поздно.

Себастьян привел ее к этой жизни, predetermined этот путь. Возможно, он даже не подозревает об этом, не помнит ту страшенькую очкастую девочку, сидевшую под деревом с учебником по истории, но мужчина невольно получил над ней полный контроль, безграничную власть.

Кристинина громко и тяжело вздохнула, очнувшись от воспоминаний, и вышла из подсобки, вновь очутившись в ярко освещенном прохладном помещении. Все морозильные камеры были закрыты на ключ, чтобы исключить риски пропадания тел. После того, как тело Ломана было возвращено на место, женщина стала бояться за каждого своего пациента. С самого раннего утра она повелела их местному мастеру повесить на каждую камеру замок, а связку ключей оставить только ей и никому более. Дубликат ключей Кристинина спрятала в один из халатов, вряд ли кто-то найдет их там, даже если захочет.

Она на всякий случай открыла каждую камеру и проверила наличие тел. Все были на месте. Тело Доктора Ломана за ночь сильно иссохло, влага стала стремительно уходить из его организма, отчего кожа потеряла былую упругость и стала напоминать испортившееся желе, в котором можно было с легкостью сделать вмятины, если сильно надавить пальцем. Вскрытие старика было доверено ей, но женщина до сих пор боялась прикасаться к телу после прошлой ночи. Ей казалось, что мужчина вновь откроет глаза, поднимется на ноги и с яростным криком бросится в ее сторону. В его лбу до сих пор красовалась дырка от пули Себастьяна, а оттуда сочилась вязкая кровь, так и не сумевшая застыть за несколько часов.

Женщина все утро пыталась найти объяснение пропаже этого тела. Но каждая мысль воспринималась абсурдной и лишенной какой-либо логики. Это был первый случай в ее профессиональной деятельности, когда труп с такой легкостью вынесли из полицейского участка. Во-первых, тело было похищено в то время, когда большая часть сотрудников была

на своих рабочих местах. Во-вторых, из подвала наружу ведет только одна дверь и один коридор, других путей, по которым можно было незаметно покинуть помещение, нет.

«Татьяна полагает, что убийца обладает способностью психологического воздействия на человека, он словно гипнотизирует окружающих и заставляет их видеть то, что на самом деле не находится перед ними. Этой теорией она объяснила множество странных происшествий. Себастьян очень доволен этим предположением. И подстроил под него предыдущую ночь».

Кристина не могла не согласиться с этим. Она до сих пор помнит, как это помещение заполнилось мутной красной водой, как мертвые тела оживали и направлялись в ее сторону. Как только они с Себастьяном покинули эту комнату, весь беспорядок исчез. Все вернулось на свои места. Из-за этого тело Доктора Ломана пролежало на операционном столе до самого утра и подверглось сильному разложению, отчего по возвращению сюда в воздухе стоял тошнотворный запах.

«Если Татьяна права, убийца вчера находился здесь, рядом со мной... Я видела кого-то... Он был передо мной, разговаривал. Рассказывал о странных вещах. Но я ничего не запомнила, словно кто-то вырезал этот диалог из моей головы утром. Помню лишь ожоги на его теле. Он был на кого-то похож... На того, кого я когда-то знала. Но не могу вспомнить. Себастьян считает, что это были всего лишь галлюцинации. Он полагает, что убийца использует наркотик, который разносится по воздуху с помощью травяных свеч. Так считала и Татьяна. Но... Все воспринималось таким реальным. Я с такой легкостью верила во все это. Что если этот человек вновь вернется сюда?»

Женщина подошла к операционному столу и взглянула на тело, скрытое под плотной простыней. Петр уже начинал неприятно пахнуть, его нужно было как можно скорее засунуть в морозильную камеру. Кристина слегка обнажила часть тела и еще раз внимательно изучила его, но уже из любопытства, будто надеялась увидеть на обожженной коже что-то интересное.

— Поверить не могу, что ты лежишь передо мной в таком же состоянии, что и Стив. Только у тебя есть одно характерное отличие, Петр, — прошептала женщина и со вздохом села на табуретку рядом. — На твоей руке осталось обручальное кольцо. У моего же мужа не было никаких признаков, по которым я смогла бы его опознать. Передо мной было лишь донельзя обгоревшее тело, полностью лишённое человеческих черт. Огромный кусок расплавленных костей, обтянутый черной зловонной плотью. Я не смогла подтвердить, что это Стив. И моего мужа признали пропавшим без вести. Но что-то внутри меня подсказывало, что мой супруг мертв, что передо мной лежало именно его тело, все еще теплое после огня. Твоя смерть сделала меня похожей на Татьяну, нас смело можно считать сестрами. Только она смогла смириться, а я нет. Я продолжаю верить. Ждать, что Стив постучит в дверь и скажет, что спасся и только сейчас смог выйти из тени. Я увидела в тот день на операционном столе увидела что-то знакомое, но сознание не пожелало это узнавать. Стало отрицать очевидное, неоспоримое. Мой сын видел эту смерть, наблюдал, как Стива связывали и кидали в огонь. А я не поверила... Не смогла принять это. Мне так хочется оказаться на месте Татьяны, хочется быть уверенной, что смерть любимого человека наступила на самом деле и что ничего изменить нельзя. Невозможно жить надеждами. Мечтами. Это не жизнь. Это существование подобно смерти, ты будто находишься среди призраков и видишь в них живых людей. Медленно сходишь с ума...

Кристина дотронулась до руки мужчины, на котором по-прежнему красовалось

обручальное кольцо, и с большим трудом стянула с пальца Петра драгоценный предмет, который из-за пожара потерял свою идеальную форму и слегка вытянулся, отчего едва не врос в кожу. Женщина осмотрела кольцо в свете лампы и надела его на безымянный палец правой руки. Она долго любовалась сиянием драгоценного металла и рассматривала блики под разным углом.

— Когда-то и я носила такое же, — прошептала она и, с грустью опустив глаза, сняла с себя кольцо и убрала в карман халата. — Мне кажется, эта вещь должна находиться у Татьяны. Я знаю, ты был ей дорог, — вновь обратилась Кристина к обезглавленному Петру. — За последние два месяца ты смог сделать ее счастливой. Она вряд ли сумеет это забыть.

Кристина поднялась со стула и бережно переложила тело на тележку, после чего перевезла тело мужчины к морозильным камерам и поместила в свободную. Закрыв тяжелую дверцу на замок, женщина направилась к камере, в которой находился Доктор Ломан. Ей следует как можно скорее провести вскрытие, которое так и не было завершено вчера. Разумеется, вновь оказаться наедине с Доктором Ломаном было крайне неприятно. Ужас, произошедший с ней вчера, до сих пор витал в воздухе, словно это случилось пару минут назад.

На ее коже и сейчас чувствовались прикосновения ледяной воды, руки зудели от ударов по металлической двери. Все это было. Это не могли быть галлюцинации. Она не верила в это. Не желала верить. Кристина знала, что видела. И не хотела этого отрицать, как это сделали остальные. Если она посчитает, что произошедшее было лишь плодом ее воображения, то с такой же легкостью женщина перестанет доверять всей реальности, начнет видеть в ней подделку. Почему она так уверена, что сейчас находится в морге и стоит перед камерой? Почему не предполагает, что в данный момент перед ней новая галлюцинация? Что заставляет Кристину доверять собственным глазам?

Женщина вставила ключ в замок и открыла морозильную камеру. Доктор Ломан сильно заледенел, из-за чего стал гораздо тяжелее. Поэтому пришлось изрядно постараться, чтобы положить тело на тележку, а после и на операционный стол.

«Как Себастьяну удалось выстрелить в голову Чарльза Ломана, если во время галлюцинаций старик находился в совершенно другой части комнаты? И как такое возможно, что они с Себом видели одни и те же видения? Разве это возможно? Неужели человеку подвластно контролировать сознание сразу нескольких людей одновременно?»

Женщина зажгла операционную лампу и направила ее свет на тело Ломана, из-за чего труп в буквальном смысле засветился, словно полностью состоял из льда.

— Новую запись создавать нет смысла, — сказала самой себе Кристина и достала из ящика фонограф. — Поэтому продолжу то, на чем закончила вчера.

Кристина обошла тело со всех сторон и попыталась найти пропущенные признаки смерти, но ничего нового, кроме пулевого ранения, она не обнаружила. Женщина перевернула тело на спину и стала изучать тело с этого ракурса.

— На спине наблюдаются порезы, возникшие совсем недавно из-за падения с большой высоты. Они многочисленны и покрывают большую часть кожного покрова. Также виднеются крошечные осколки стекла. Мужчина словно выбросился из закрытого окна, пробил своим телом толстое стекло. Очень странно. Он упал спиной вниз, следовательно, и выпрыгивал вслепую, — женщина устало провела рукой по заспанному лицу и прочистила горло. — Здесь у меня возникает сильное сомнение. Чтобы пробить стекло, ему следовало

разогнаться, чтобы удар был сильным. И вряд ли у него хватило бы сил, чтобы достичь необходимой скорости. Тело лежало слишком далеко от окна. Осмелюсь сделать предположение, что Чарльз Ломан не имел возможности сделать подобный прыжок без посторонней помощи. Возможно, мы имеем дело с запланированным убийством.

Кристина провела рукой по ссадинам на спине и неожиданно заметила странную особенность кожи в месте, где располагался позвоночник. Здесь кожа имела странное углубление, появившееся, скорее всего, не так уж и давно.

— В области спинного мозга наблюдаю небольшую деформацию, напоминает недавно зашитую рану, с которой сняли швы. Напоминает ранение... от пули. Возникло оно явно пару месяцев назад. Швы также сняты недавно.

Кристина взяла операционный нож и сделала небольшой надрез в заинтересовавшем ее месте. То, что она увидела под кожей, сильно удивило ее.

— Вижу следы хирургического вмешательства. Была извлечена пуля, но следов заживления не наблюдаю. Скорее всего... Пуля была вытащена уже после смерти господина Ломана.

Кристина резким движением пальца остановила запись и громко выдохнула, почувствовав странное головокружение, причину которого она пока не могла объяснить. Женщина доковыляла до табуретки и обессиленно опустилась на нее.

— Пуля попала прямо в спинной мозг. После такого ранения Доктор Ломан полностью бы лишился возможности ходить. Даже если операция и была совершенна за пару месяцев до смерти, то он был бы инвалидом... Но Доктор был совершенно здоров. Значит, он погиб не от падения... В него стреляли. А после выбросили тело из окна. Это все объясняет...

Она поняла, что должна обо всем рассказать Себастьяну. И как можно скорее. Кристина вернула тело старика обратно в морозильную камеру и быстрым шагом направилась к двери.

Но нежданно-негаданно в прохладное помещение вошел мужчина в верхней одежде и, скрывая свою личность под большим капюшоном, остановился посреди комнаты и стал вяло оглядываться по сторонам. Кристина уже успела оцепенеть от ужаса, но, к счастью, незнакомец недолго оставался инкогнито и быстро раскрыл себя, показав лицо.

Это оказался Ларри.

— Боже милостивый! — схватилась за сердце Кристина и с осуждением взглянула на мужчину. — Почему же вы все в последнее время появляетесь передо мной так внезапно? С такими темпами я скоро буду лежать в одной из этих морозильных камер! Вы доиграетесь.

Ларри проигнорировал ее слова и медленным шагом направился вперед.

— Тебя повсюду ищет Себастьян. Он хочет с тобой поговорить. Тебе следует его найти. Ты же знаешь, какой он нетерпеливый, — как можно добродушнее произнесла женщина и с удивлением пронаблюдала за странными действиями мужчины. — С тобой все хорошо? Выглядишь паршиво. Опять что-то с женой?

— Он здесь, — прошептал Ларри. — Он видит нас. Контролирует каждое наше действие. Никто не убежит. Никто не поймает его. Он убил их. Мы будем следующими.

— Ларри, что с тобой? — Кристина поняла, что его бессмысленные слова заставили ее сильно занервничать. Она медленно подошла к Ларри и попыталась дотронуться до его плеча, но тот резко развернулся и заставил женщину ошарашенно отпрянуть.

Его глаза перестали иметь привычный оттенок. С каждой секундой они наливались чем-то черным, вязким, и эта неизвестная жидкость в виде слез стала стекать по щекам мужчины, разнося по комнате неприятный запах, который походил на аромат чего-то

гниющего.

— Господи! — Кристина поняла, что уже видела подобное. Вчера. Ночью.

Глаза Ларри растворились в этой черной жидкости, оставив на их месте лишь большие углубления. Мужчина с ужасом смотрел на женщину и беспомощно тянул к ней свои руки.

— Я ослеп, — прошептал он и громко всхлипнул. — Я ослеп. Ослеп! Ослеп!

— На помощь! — Кристина со всех ног бросилась к двери, но едва сделала шаг, как в ее уши ворвался громкий хлопок, заставивший ее тотчас же замереть на месте.

Это был выстрел.

Женщина в ужасе обернулась и поняла, что Ларри наставил на нее дуло пистолета. Он не видел Кристину, но каким-то образом знал ее местоположение, потому что целился очень точно. Если он спустит курок, пуля попадет прямо в ее голову, она уже чувствовала, как этот металлический предмет несется в ее сторону и проходит через плоть насквозь.

— Мальчишка. Во всем виноват мальчишка!.. Это все он. Это он все сделал! Его нужно остановить. Он убьет всех нас!!! Никого не пощадит. Никого!!!

— Ларри, пожалуйста, отдай мне пистолет. Я на твоей стороне, — дрожащим голосом прошептала Кристина, стараясь не совершать никаких движений. — Мы во всем разберемся. Я и сама хочу все это остановить. Как и ты. Ларри. С тобой что-то произошло. Тебе нужна помощь...

— Мне уже никто не поможет, — нервно засмеялся он и вяло покачал головой. — Уже слишком поздно. Он уже здесь, — Ларри медленно опустил пистолет и после этого стал походить на совершенно безобидного человека.

Кристина воспользовалась этим моментом и бросилась в сторону мужчины, но внезапно тот резко поднял пистолет и приставил его к своему открытому рту. Женщина не сразу осознала, что мужчина выстрелил. Она была на какое-то время оглушена. Лишь через пару секунд ей удалось увидеть, что Ларри безжизненно рухнул на пол, а половина его челюсти превратилась в кровавое месиво.

— Господи, — это все, что она смогла сказать перед тем, как в глазах все потемнело, а ее ноги самовольно согнулись и вынудили Кристину сесть прямо на холодный пол, который вновь был забрызган свежей кровью.

Татьяна молчаливо сидела за своим рабочим столом, понуриив голову, и с задумчивым видом разглядывала отросшие ногти на пальцах рук, выискивая на них какие-либо дефекты. Но ногти оказались чересчур ухоженными и найти на них хотя бы кусочек грязи или маленькую трещинку было практически невозможно. Женщина за короткое время обработала каждый ноготок пилочкой, делая это с такой завидной тщательностью, будто малейшая неточность приведет к ужасным последствиям.

Себастьяну пришлось минут десять выждать, так как женщина полностью отгородилась от всего, что ее окружало, словно повсюду находилась бескрайняя пустота, ничего более. Закончив с маникюром, Татьяна убрала пилочку для ногтей в свою косметичку, после чего наконец-то подала признаки осмысления происходящего и с любопытством посмотрела на уставшего от наблюдения за ней Себастьяна. Мужчина, подперев голову рукой, сонными глазами глазел на рыжеволосую женщину и терпеливо ждал, когда та наконец-то что-нибудь ответит на ранее произнесенные им фразы. Но Татьяна не спешила возвращаться в реальный мир. Она медленно достала из ящика стола расческу и провела ею по своим длинным прямым волосам, которые красиво переливались

яркими оттенками от дневного света. Закончив, женщина затянула волосы в конский хвост, оставив передние пряди на свободе, и уже после этого порадовала Себастьяна своим громким театральным вздохом, который обычно издают люди после изнурительной работы.

— Мне нужно немного подышать воздухом, — произнесла она без эмоций и в упор посмотрела на напрягшегося Себа. — Пошли со мной, я хочу покурить.

— Ты ведь знаешь, я не выношу запах табака, — ответил тот и отлепил свой подбородок от запотевшей ладони, на которой все это время лежала его тяжелая голова. — Просто постою рядом, хорошо?

— Ты же сказал, что меня любишь. Значит, должен принимать любые привычки, даже самые неправильные, — съязвила она и поднялась со стула.

Женщина подошла к своему пальто, висевшему на стене, быстро накинула на себя, не застегивая, и вопросительно взглянула на Себастьяна, который продолжал наблюдать за ней, сидя в кресле. Мужчина резко встрепенулся и вскочил на ноги, после все с такой же быстротой нацепил на себя верхнюю одежду, кроме шляпы, что слегка удивило Татьяну. Себастьян редко расставался со своим головным убором, возможно, даже никогда. Шляпа была всегда при нем, даже в жарком помещении. Но на этот раз голова мужчины осталась без предмета гардероба. Себастьян лишь небрежным движением руки поправил свои густые волосы, после чего с доброжелательной улыбкой взглянул на Татьяну.

— Пойдем, — сказал он охрипшим голосом.

Но Татьяна ничего не ответила, лишь с серьезным видом посмотрела в глаза мужчины, не собираясь останавливаться. Мужчину этот взгляд заставил сильно занервничать, ему стало казаться, что женщина увидела в нем какую-то угрозу, нечто нелепое и требующее критики. Но Татьяна решила долго не мучить детектива, поэтому отвела глаза в сторону и первая покинула кабинет.

Уже в коридоре полицейского участка женщина приобрела более знакомый и привычный облик. Татьяна будто расслабилась, откинула от себя недоброжелательные мысли и просто стала самой собой, отчего Себастьян почувствовал легкое поднятие настроения. Перед ним была та самая Татьяна, простая и уверенная в себе. Он без остановки наблюдал за ее ровной походкой, вслушивался в чарующие звуки каблуков. Та скорее всего знала, о чем мужчина сейчас думает, как без стыда пожирает ее своими глазами. Но Татьяна словно специально делала вид, что не замечала всего этого, словно полагала, что из-за ее безразличия Себастьян не перестанет любоваться ее внешним обликом.

Выйдя из здания, они оказались посреди улицы, которая покрывалась ледяными лужами после недавно прошедшего дождя. Небо было по-прежнему покрыто серыми кучевыми облаками, которые находились так низко над землей, что с легкостью касались шпилей высоких зданий Лондона.

Татьяна поежилась и обхватила плечи руками, чтобы немного согреть себя. Несмотря на то, что в городе зимой и не пахло, температура воздуха была по-прежнему низкой. Женщина достала из кармана портсигар и вытащила оттуда две сигареты. Одну она зажала между зубов, а вторую предложила Себастьяну, но мужчина лишь поморщился и отказался. Женщина пожалала плечами, вернула вторую сигару обратно в портсигар и устремила свои большие глаза куда-то в сторону, где виднелись бежавшие по дороге автомобили. Татьяна подошла к сигарете и выпустила в воздух густое облако табачного дыма.

— Знаю, я говорила себе, что больше не курю. Но сейчас мне эта вредная привычка крайне необходима, — произнесла она и скромно улыбнулась. — Я начала курить после

смерти Эрвана, хотя до этого с табаком даже не была знакома. Эрван не расставался с сигаретами ни на секунду, курил, как паровоз. Когда мы с ним в первый раз поцеловались, я ощутила на его губах горечь от выкуренной сигареты. Это было не самое приятное ощущение. И я даже почувствовала тошноту. Но прерваться мы так и не смогли. Возможно, мы тогда целовались с ним больше часа, у меня после этого губы опухли и болели... Во время этого поцелуя я сказала себе, что люблю Эрвана, по-настоящему люблю. Мы знали друг друга всего лишь несколько дней, но мне и этого хватило, чтобы осознать, что этот человек станет смыслом всей моей жизни. И я не ошиблась.

Татьяна сделала последнюю затяжку и выбросила окурочек в сторону, после чего приблизилась к Себастьяну вплотную и прижалась спиной к его правому плечу.

— Мне иногда кажется, что в этих сигаретах живет Эрван, что табачный дым не позволяет воспоминаниям, которые связаны с ним, померкнуть в моей голове. Когда я хочу забыть его, то не притрагиваюсь к портсигару, убираю в самый дальний ящик... После чего на какое-то время в мою жизнь приходит свобода, на душе становится так легко... Но это длится не долго. Рано или поздно я выкурю еще одну сигарету. И Эрван вернется ко мне...

— Давай избавимся от него. Навсегда, — дрожащим голосом сказал Себ и слегка приобнял женщину. — Выбросим эту серебряную штуковину туда, где ее уже никто не найдет. Даже если очень захочет.

— Я не смогу, — выдавила из себя Татьяна, и по ее красным от холодного воздуха щекам потекли слезы. — У меня не хватит сил, чтобы это сделать.

— Эрван стал для тебя смертельным ядом. Если ты не остановишься, то когда-нибудь этот парень из прошлого заберет твою душу в свой мир, где вряд ли ты станешь счастливой. Твое место с нами... В этом мире... Ты мне очень дорога. И я не переживу, если с тобой что-то случится... Не сумею себя простить, зная, что мог это предотвратить.

— Можно я тебя обниму? — едва слышно спросила Татьяна и повернулась к мужчине лицом.

Себастьян с нежной улыбкой пронаблюдал, как слезы размыли туш на ее ресницах, создав причудливые сероватые узоры на коже. Мужчина осторожно провел рукой по холодной щеке женщины и, поцеловав Татьяну в макушку, прижал свою напарницу к себе.

— Пока я рядом, ты в безопасности. Никто не обидит тебя. Я этого не допущу.

Татьяна хорошо запомнила это место, за восемь лет на этой набережной мало что изменилось, лишь все вокруг немного постарело и покрылось плесневой сединой. В тот день здесь было солнечно, улицы такие же мокрые от недавно утихшего проливного дождя, а люди боязливо ходили туда сюда, изредка поглядывая на небо, словно опасались, что в любую минуту непогода вернется. Сейчас было практически то же самое. Только солнце исчезло за пеленой мрачных туч, а воздух охладился и уже касался кожи не так ласково, с какой-то неоправданной грубостью, словно пытался ударить каждого по щеке за некую провинность.

Женщина засунула руки в карманы пальто, приподняла плечи и медленно стала идти вперед, с грустью поглядывая по сторонам. Себастьян плелся позади и старался держать определенную дистанцию с Татьяной, словно опасался, что та может резко захотеть, чтобы тот оставил ее наедине с самой собой. Вряд ли кто-то из прохожих мог подумать, что эти мужчина и женщина знали друг друга. С каждой минутой расстояние между ними увеличивалось и вскоре достигло нескольких метров. И обоим это ни чуточку не волновало.

По их лицам можно было прочесть, что те не испытывали никакого неудобства от подобного, возможно, они даже ощущали некий комфорт от такой странной прогулки по набережной.

На пристани тут и там стояли лодочки, в большинстве своем пустые, без владельца. Некоторые были привязаны к берегу, а нашлись и те, которые находились в свободном плавании и могли быть унесены течением в любую минуту. Татьяна неожиданно подошла к одной из них и с вопросом посмотрела на Себастьяна, который не сразу заметил в ее глазах неожиданно возникший интерес к маленькому плавучему виду транспорта.

— Мне кажется, что сейчас не самое удачное время для прогулок по воде, — с сомнением в голосе произнес Себастьян. — Половина реки все еще подо льдом и если что-то случится...

— Я не настолько глупая, чтобы предложить подобное, — усмехнулась та и снова устремила свой взгляд на почерневшую от влаги деревянную лодку, которая явно простояла здесь без хозяина не один день. — Кое-что вспомнила. Тот пропавший корабль у Скалы самоубийц. Не знаю, почему у меня возникли подобные ассоциации с этой лодкой. Все, что там происходило, кажется одновременно далеким и таким близким. Мы ведь тогда так и не ответили ни на один свой вопрос, не докопались до истины... Складывается ощущение, что-то расследование продолжается и сейчас, в эту самую минуту. И мы снова вместе, в одной команде. И, как и раньше, не знаем, за что зацепиться. Мы — детективы неудачники, которые ищут совершенно не там и не видят очевидных вещей.

— В отчете я написал, что корабль унесло в открытый океан во время бури, где он благополучно затонул. Другого объяснения у меня не было. Да и никто бы не захотел слушать иную версию. Я хотел видеть в том происшествии хоть долю мистики. Но так и не смог это сделать.

— А как же то, что мы увидели после?..

— Там аномальная зона, Танюш, магнитное поле шалит, от этого корабли в тех местах постоянно терпят бедствия... И люди сходят с ума, сбрасываются со скал без причины. Человеческое сознание слишком уязвимо, и его легко обмануть. Я сам хотел это увидеть и невольно заставил и тебя лицезреть подобный мираж. Никакой «Лузитании» там не было и не могло быть. Это всего лишь галлюцинация. Мне хотелось верить, но верится с трудом.

— Мы оба стали скептиками. Что с нами произошло?

— Мы просто поумнели и поняли, что никакой мистики быть не может, все это всего лишь человеческий плод воображения. Ты сама это говорила. Не хочу знать, что ты решила изменить свою точку зрения.

— Нет. Я не стала верить в призраков. Просто... Мне страшно. Меня пугают способы, какими люди достигают своей цели, как они готовы манипулировать их сознанием с помощью страхов. Кто-то хотел, чтобы мы это видели тогда, этот человек знал о нас все, он был среди нас. Никто не знал про то, что твои близкие погибли, когда Лузитанию торпедировала немецкая подлодка, об этом знали только мы с тобой и Джордж.

— К чему ты ведешь? — удивленно спросил ее Себастьян. — Неужели ты считаешь, что все это сделал Джордж? Татьяна, ты ведь знаешь, что это донельзя глупо.

— Позавчера у входа в мою спальню был найден труп взрослого пса. Я долго думала над тем, кто мог все это сделать, прокручивала в голове все лица, которые могли бы совершить подобное. Но никто не подходил под нужные мне параметры. Преступник знает обо мне все, о всех моих делах, личной жизни. И использует это в качестве оружия. Контроль сознания.

Мираж, как ты говоришь.

— Снова ты связываешь те давние события с этим делом. У нас нет доказательств, — с осуждением и непониманием уставился на женщину мужчина и скрестил руки на груди. — Нет ничего, что могло бы связать эти два случая. Ничего!

— Пожалуйста, не перебивай меня... Я вспомнила, что у Джорджа после того, как он вернулся в Лондон после исчезновения Эрвана появился питомец. Собака. Эрван мне рассказал, что Джорджа нашел животное на берегу недалеко от палатки. Пес увязался за ним, и Джордж взял его с собой, отвез в город. И собака жила с ним какое-то время. И умерла восемь лет назад. Ее зарезали на улице местные хулиганы.

— То есть ты хочешь сказать, что эти два пса являются одним и тем же существом? Ты хоть понимаешь, насколько абсурдно это звучит?

— Кристина сказала, что собака могла умереть как раз восемь лет назад...

— Да. Она заявила, что кровь псины старше самого трупа. Но это невозможно! Любой адекватный ученый тебе это подтвердит!

— Ты хочешь сказать, что Кристина могла ошибиться? И Ларри тоже?

— А теперь вернемся к Ларри, — с раздражением в голосе сказал Себастьян. — После того, что ты мне рассказала о нем утром, заставило меня засомневаться во всех его научных открытиях. И Кристине я также стал доверять меньше.

— Себастьян, у Кристины есть сын, у нее умер муж. Ей незачем нам лгать! Она на нашей стороне. И я ей верю. И буду верить. Знаю, что ты пытаешься найти логику во всем этом бреде... Но это бесполезно. Я видела за последние пару месяцев столько необъяснимого, что уже не хочется верить в то, что раньше называла правдой и истиной. Я стала сомневаться... Во всем, — женщина подошла к краю пристани и посмотрела на мутную воду, которая тихо шелестела где-то внизу, ударяя о каменные берега кусочки льда, которые с легкостью откалывались от разрушенного теплой погодой зимнего моста через Темзу. — Еще совсем недавно я верила, что Эрван жив, что его кто-то намеренно прячет от меня. Что весь этот спектакль со смертью от испанки был подстроен, намеренно. Я винила во всем Джорджа, искала в нем хоть какие-то подсказки. Я старалась наладить свои отношения с Майлзом, делала вид, что забыла о прошлом, что готова вновь вернуть наше старое взаимопонимание. Но в душе я осознавала, что ненавидела этого человека, видела в нем угрозу, ядовитое насекомое. Все изменилось после пожара. Я осознала, что ошибалась насчет Джорджа, что осудила его без малейших доказательств. А ведь я даже не заметила, что он всегда был рядом. Джордж был готов помочь в любую минуту. Я винила этого парня во всех смертных грехах. Сейчас мне даже стыдно навестить его, боюсь посмотреть в глаза этого человека. Он страдал так же, как и я.

— Значит, ты предполагаешь, что тот, кто подбросил тебе пса, убил твоего мужа и сжег квартиру, тесно связан с Джорджем?

— Очень тесно. Возможно, даже родственник.

— Но у Джорджа не было ни братьев, ни сестер. Он был единственным ребенком в семье.

— А кем ему приходился Ломан? Ведь Джордж был с ним довольно хорошо знаком. И между ними была крайне тесная связь.

— Когда Ломан нанял меня, чтобы я нашел Эрвана, старик сказал, что Джордж его сын. Но позже я проверил все документы, нет никаких упоминаний, чтобы Чарльз Ломан был в родственных связях с Майлзом. После войны Джордж по какой-то причине сменил имя, до

этого его звали Виктором, я не стал вдаваться в подробности, не хотелось слишком сильно копаться в чужом белье.

— Да, я знаю, что его звали Виктором. Меня тоже смутила смена имени. Но я как-то не задумывалась над этим. Не видела ничего криминального в том, что человек меняет имя. И не осуждаю подобного.

— Но почему тогда ты предположила, что преступник имеет родственные связи с Джорджем? Ведь все его родственники уже много лет как мертвы. Я не понимаю ход твоих мыслей.

— Психиатрическая лечебница Ломана до войны была частным домом, там жила семья. Анна мне немного рассказала о прошлом тех людей. Насколько я поняла, хозяева по какой-то причине покинули дом, и особняк много лет пустовал. Анна работала там прислугой и не ушла оттуда даже после того, как там открыли психлечебницу.

— Она не сказала тебе, кто был хозяином частного дома?

— Нет. Не назвала имен. Сказала лишь, что они покинули поместье после несчастного случая. Случился пожар, и один из их сыновей умер. Вскоре скончался и второй. От испанки. Оба погибли в том доме.

— Близнецы?

— Да. Ты что-то об этом знаешь?

— Разумеется. Дело в том, что прежним владельцем здания был сам Чарльз Ломан. Он жил там с женой и двумя детьми. Пожар случился в двенадцатом году, загорелся сарай на заднем дворе. Близнецы любили проводить там время. Одному из них удалось оттуда выбраться, а второй так и не смог. Ходили сплетни, что спасшийся мальчик намеренно поджег сарай, чтобы убить своего брата.

Татьяна широко распахнула свои глаза и с ужасом посмотрела на мужчину.

— Как люди могли пускать такие слухи? Ведь это бесчеловечно.

— Спасшийся мальчик не получил ни единого ожога. Выбраться из строения было невозможно. Оттуда вела только одна дверь и небольшое окно, до которого можно было добраться только если вскарабкаться по сеновалу. Но все сено полыхало, а возгорание случилось прямо около двери. Шансов на побег без единой царапины не имелось. Расследование быстро закрыли, Ломан заплатил полиции, чтобы они не поднимали шумиху. Но случай попал в прессу. Вот только имена мальчиков никому раскопать так и не удалось. Даже в архивах нет никаких упоминаний об этом. Ни фотографий, ни имен. Ничего. Ломан будто намеренно стер всякую информацию о своей семье. Вторым мальчик умер через месяц. Похорон никто не видел. Но информация о его смерти все-таки просочилась, хоть и вяло. Вскоре скончалась и жена. И Ломан продал дом. Чем он занимался несколько лет, неизвестно. Кто-то видел его на Ближнем Востоке, в Египте. Но никаких подтверждений нет.

— Я даже не знаю, что думать. Почему же он вернулся туда? В тот дом? Почему не смог расстаться с прошлым? Что заставило Ломана открыть там психушку? Ведь по образованию он хирург... Не психолог.

— Одному Богу известно. Ломан унес эту тайну вместе с собой. И вряд ли мы хоть что-то найдем. Этот старик сделал все, чтобы мы ничего не узнали о его личной жизни.

— Меня до сих пор волнует тот факт, что Ломан назвал Джорджа своим сыном. Знаю, что скорее всего это не имеет никакого тайного подтекста, и Доктор просто испытывал отцовские чувства к Майлзу. Но все равно... Я не могу понять, что так сблизило Джорджа и

Ломана? Что за всем этим кроется?

— Скорее всего Ломан просто давний друг родителей Джорджа. Только и всего.

— Знакомый твоей матери хоть раз назвал тебя сыном? Вот именно, что нет, — Татьяна громко вздохнула и продолжила после короткого молчания. — Мы с Эрваном однажды застали их ругающимися в мастерской. И это был по-настоящему семейный конфликт. И даже тогда Ломан обозвал Джорджа своим сыном. Дважды. И ведь это был первый раз, когда я услышала, что Доктор назвал Майлза таким образом. Позже они общались более сдержанно.

— Я знаю, к чему ты ведешь. Ты предполагаешь, что Джордж является одним из тех мальчиков близнецов?

— Не знаю... А что если это правда? Что если Ломан инсценировал смерть своей семьи? Ведь оба его сыновей и жена умерли едва ли не одновременно. Это слишком странно, даже если учесть, что в те годы врачи были бессильны против многих заболеваний. Просто... Пожар в общежитии... Это выглядит слишком спланировано. Донельзя похоже на то, что случилось в том особняке. Один из братьев закрывает другого в тесном помещении. И поджигает. Намеренно.

— Татьяна, это невозможно. Я знаю, что тебе хочется воскресить мертвых. Но... Послушай. Ломан был одиноким стариком. Вполне оправданно, что он примкнул к осиротевшему мальчику и взял на себя роль отца. Это выглядит гораздо логичнее твоей фантастической теории!

— Знаю, но у меня не получается думать иначе... — женщина вздохнула и вытащила из кармана пальто портсигар, после чего замороженно посмотрела на металлическую коробочку. — Это место для меня особенное. Здесь начался мой жизненный путь, тут я обрела свой смысл жизни. Эрван был моим маяком. На этой пристани мы с ним гуляли восемь лет назад, это был первый день нашего знакомства. И я осознала, что влюбилась в этого парня с первого взгляда... Боже! Какой же я наивной была. Такой и осталась.

— Татьяна, — будто задыхаясь, сказал мужчина и нежно сжал плечи женщины в ладонях. —

Необходимо закончить все здесь. Это место, где все началось. Здесь все и должно закончиться.

— А как же расследование? Как же наша работа? Неужели я смогу вот так легко все это бросить... Здесь...

— Тебя ничего не должно привязывать к этой работе. Ты с легкостью можешь оставить все эти закрученные теории в этом месте, выбросить их в мутную воду. Помнишь, я тебе на кладбище предложил уехать? Предложение все еще в силе. Ради тебя я готов все оставить. В этом месте.

— Прости, Себ. Но я не могу. Не сейчас. Если я это сделаю, то предам себя, Эрвана. Мне страшно, я по-настоящему боюсь за себя, — заглянула в испуганные глаза мужчины Татьяна и ласково улыбнулась, погладив Себастьяна по шершавой колючей щеке. — Ты один из немногих, кто желает мне самого лучшего. И я очень это ценю... Правда... Я хочу остановиться. Так же, как и ты. Хочу начать жить обычной жизнью. Но не могу.

— Что тебя останавливает? Это ведь не Эрван и не упрямство, так? Я ясно вижу в твоих глазах другую причину. Ту, о которой не знаю. Расскажи мне... Я должен знать правду. Я каждый день наблюдаю, как ты устала от этой работы, как мечтаешь все завершить. Но нечто заперло тебя здесь. И не дает уйти. Скажи мне...

— Месяц назад я проходила обследование в одной из клиник.

— Зачем? — с недоумением уставился на нее мужчина и сильно занервничал, что чувствовалось по его дрожащим ладоням.

— Мне казалось, что с моим здоровьем происходит что-то неладное.

Зрачки Себастьяна сильно расширились, будто он что-то понял, словно в его голове стала с космической скоростью складываться красочная картинка.

— Когда это началось?

— Пару месяцев назад. Я стала кашлять кровью.

— Господи Боже, — предательски дрогнул голос мужчины, и Татьяна увидела, как на его глазах возникли слезы. — Теперь я все понял... Понял эту спешку... Эту гонку со временем.

— У меня рак, Себастьян. Врачи сказали, что мне осталось жить совсем немного и что они бессильны, — женщина печально опустила голову, будто боялась увидеть, что Себастьян заплачет, узнав ее секрет. — Я не хотела, чтобы ты знал. Думала, что смогу после всего этого кошмара уехать и закончить все без чужих лиц рядом...

— Татьяна... Моя Татьяна, — ласково прошептал мужчина и сжал ее худое тельце в своих мускулистых руках.

Женщина поняла, что тот заплакал, тихо и незаметно, уткнулся носом в ее шею и вдыхал аромат кожи, жадно и беспрерывно.

— Он рядом! Он чувствует твой страх!

— Обернись!

— Обернись!

— Он знает, о чем ты думаешь. Ему известно все. Все детали о тебе уже в его голове!

— Обернись!

— Страх поглотил твой разум! Он питается твоей слабостью!

— Обернись!

— Кристина!

— Хи-хи-хи!

— Глупышка.

— Он уже рядом!

— Он уже здесь!

— Хи-хи-хи!

— Обернись!

Кристина разлепила глаза и, быстро заморгав, попыталась за короткое время вернуть резкость своего зрения. Но сфокусироваться хотя бы на одном предмете было в данный момент практически невозможно, перед женщиной красовалась лишь размытая картинка в скудных светлых нотах. Она потрогала ладонями поверхность рядом с собой и осознала, что все это время лежала на ледяном полу. Кристина со стоном попыталась подняться на ноги, но с резким криком остановилась, так как почувствовала острую боль в лодыжке. Женщина попыталась сесть в более удобную позу и дотронулась до ноги, пытаясь понять, насколько сильно она повредила свои сухожилия при падении на пол.

Дымка перед глазами рассеялась, и Кристина смогла оценить обстановку вокруг себя. Она по-прежнему находилась в морге в полицейском участке. Но вокруг нее не было ничего, что могло бы вызвать чувство тревоги или леденящего кровь ужаса.

Выстрел. Кровь. Ларри падает на спину, а вокруг него расплзается во все стороны огромная лужа вязкой черной жидкости.

Кристина сжала голову руками и тихо застонала, чувствуя, как ее мозг закипает от вернувшихся с сильным запозданием эмоций. Она не хотела анализировать все то, что видела некоторое время назад, так как теперь увиденное уже не существовало перед ней, весь тот кошмар растворился, ушел в небытие.

— Как я могла уснуть на рабочем месте? — осуждающим тоном сказала самой себе Кристина и, опершись о стоявший рядом операционный стол, поднялась с пола.

Лодыжка уже не так сильно болела, и стоять на своих двоих стало не так невыносимо, как в первые секунды. Женщина ленивым движением дотронулась до лба и ощутила высокую температуру своей покрывшейся испариной кожи.

— Замечательно. Только лихорадки мне не хватало, — прошептала она и направилась в сторону выхода из этого холодного помещения, но едва женщина сделала первый шаг, как тут же рухнула обратно на пол.

Ноги совершенно полностью обессилили, лишились способности держать на себе вес всего тела. Кристина от безумства своего положения выругалась и попыталась опять подняться, но ничего не выходило. Конечности полностью онемели и лишились чувствительности.

— Господи, что со мной? — в панике произнесла она. — Что со мной происходит?

Женщина еще раз дотронулась до лодыжки. Одного касания хватило, чтобы выяснить, насколько серьезной травма была. Кожа в этом месте вздулась и окрасилась в зловещий бардовый оттенок. Вывих был силен, словно стопу крутили вокруг оси множество раз. Удивительно, что ей удалось подняться. Возможно, все дело в шоковом состоянии, Кристина после резкого пробуждения была слишком напугана, чтобы ощутить весь спектр неприятных ощущений. Сейчас же ее рассудок прояснился и включился в режим обычной работы, поэтому теперь боль разносится по нервным окончаниям в полную мощь, и та была настолько сильной, что можно было ошибочно подумать, что кость в этом месте и вовсе сломана. Но Кристина изучила пальцами лодыжку и не заметила никакой деформации. С костями все в порядке. Повреждены сами ткани.

Но почему Кристина не заметила своего падения? Что произошло? Неужели она и вправду незаметно для самой себе провалилась в сон и не проснулась даже после того, как ее тело рухнуло на кафельный ледяной пол?

— Сколько же я пролежала здесь? — мысленно спросила себя женщина. — Необходимо найти что-то, на что я могла бы опереться и выйти отсюда, что-то, что заменит костыль. Отсюда меня вряд ли кто-то услышит, слишком толстые стены и двери.

Вся эта ситуация стала странно веселой. Если в первые минуты хотелось плакать от боли, то теперь было огромное желание смеяться от собственной неуклюжести. Кристина вновь оперлась о стол и встала на одну ногу, после чего огляделась.

Внезапно в глазах потемнело, ощущение было схоже с тем, когда в помещении полностью гаснет электрический свет. Женщина зажмурилась, пытаясь в очередной раз вернуть ясность зрения. И когда она подняла веки, то увидела перед собой мужчину, который едва не вынудил Кристину от неожиданности вернуть свое мягкое место на пол.

— Кажется, ты это ищешь, — Джордж выглядел донельзя воодушевленным, словно пришел сюда после какой-нибудь веселой вечеринки в джаз-клубе. Молодой человек сжимал в руке деревянный костыль, который с довольной улыбкой протянул женщине.

— Давно ты здесь? — с подозрением посмотрела на него Кристина.

— С тобой все хорошо? — с удивлением спросил ее тот. — Мы с тобой беседовали пару минут назад. У тебя такой вид, будто увидела перед собой призрака.

— Я не уверена... В голове какая-то пропасть... — Кристина снова приложила руку к своему лбу, а после дотронулась и до затылка, словно хотела найти там какую-нибудь шишку, которая смогла бы объяснить странные провалы в памяти. — Кажется, я ударилась головой, когда упала. Видимо, уснула, пока делала вскрытие. Не спала всю ночь... Прости меня... Я выгляжу странной.

— Все в порядке, — пожал плечами парень и снова расплылся в веселой улыбке. — Хорошо, что я тебя нашел.

— Да, наверное, — снова с подозрением и каким-то неверием оглядела комнату та и перевела свой взгляд на Джорджа. — А зачем ты пришел в участок?

— Хотел увидеть Себастьяна, — вскинул брови тот, явно не поняв причину столь «странного вопроса». — Его не было дома со вчерашнего вечера. Я стал беспокоиться. Но и здесь нашего детектива не оказалось, — разочарованно развел руками тот и усмехнулся. — Мне сказали, что он ушел вместе с Татьяной еще два часа назад. Я немного опоздал.

— Два часа? — ахнула та. — Я пролежала здесь больше часа?! Какой кошмар...

— Тебе следует отдохнуть. Хочешь, отвезу тебя домой? — в голосе молодого человека чувствовалась забота и доброжелательность, отчего Кристина слегка успокоилась и согласилась на предложение Джорджа. — Вряд ли ты еще что-то сегодня сможешь здесь сделать.

— Ломан... — распахнула свои глаза та и, вырвав у Джорджа костыль, оперлась на него всем телом и доковыляла до одной из морозильных камер. Открыв ее, женщина убедилась, что труп доктора по-прежнему на месте, после чего с облегчением вздохнула. — Хвала богам.

— Что-то пропало?

— К счастью, нет. Просто убедилась, что все на месте. Я нашла кое-что очень интересное... Возможно, это немного сдвинет расследование с мертвой точки.

— И что же? — со странным безразличием в голосе спросил Джордж и сел на край операционного стола.

— Я нашла следы от выстрела на спине старика, пуля попала прямо в позвоночник, задев спинной мозг. Судя по состоянию раны, выстрел был совершен не так давно, скорее всего в момент смерти, так как после подобного выживают единицы. Счастливики остаются инвалидами на всю жизнь, нижняя часть тела оказывается полностью парализованной. И таких людей поставить на ноги невозможно.

— Татьяна говорила, что Доктор выглядел здоровым в тот день, когда она приехала туда, — задумчиво произнес Джордж и скрестил руки на груди. — Знаешь, я не общался с Ломаном уже очень долгое время, после нашего серьезного конфликта мы так и не смогли найти общий язык. Так что мне совершенно плевать, что его труп уже два месяца дожидается похорон. Мне плевать на него. Этот человек разрушил мою жизнь и жизнь моей матери. Такое не прощают.

— Но, так или иначе, Ломан был близок тебе. Хоть в твоём голосе и отсутствуют даже самые примитивные эмоции, ненависть не заняла полностью твоё сердце, — Кристина закрыла морозильную камеру на ключ и добралась на одной ноге, помогая себе с помощью костыля, до молодого человека.

Женщина на последнем шаге запнулась и едва было не рухнула на пол, но, к счастью, Джордж успел ее подхватить и обезопасить от новых повреждений ног. Кристина смущенно засмеялась и посмотрела в глаза молодого человека, которые испуганно и как-то по-детски пялились на нее, явно изучая детали ее женского тела.

— Прости, — встрепелась Кристина, смутившись от столь сильной близости с парнем и осторожно выбралась из его объятий. — В общем, после вскрытия я окончательно разрушила теорию, утверждавшую, что Ломан покончил с собой. Это было убийство. Хотя к новому мы не придем. Анна Стрингини заявила, что убила старика, так что мы повесим лишь еще один замок на ее тюремную решетку. Я даже немного разочаровалась. Ожидала увидеть куда больше от этого вскрытия.

— Теперь его труп можно отдавать на съедение червям. Ему тут больше делать нечего. Но... — Джордж резко оборвал свою фразу и медленно направился в сторону морозильной камеры.

— Что «но»? — с непониманием уставилась на него светловолосая женщина. — Хочешь посмотреть на него, не так ли? Совесть проснулась?

— Можно я побуду здесь пару минут? — с мольбой посмотрел на нее тот. — Возможно, ты права. Во мне что-то проснулось.

— Хорошо, — вздохнула та. — Как-нибудь сама поднимусь по лестнице. Думаю, мне придется ходить на одной ноге пару недель, если не больше. Никогда не забуду этот отвратительный день.

Кристина доковыляла до двери и, кряхтя, отворила ее, после чего быстро покинула прохладное помещение, оставив Джорджа наедине с замороженными трупами. Молодой человек резко сменил свои эмоции на лице и как-то странно усмехнулся, будто его что-то рассмешило. Юноша потер свои ладони друг о друга и исподлобья взглянул на камеру, за которой пряталось тело Чарльза Ломана.

— Ты пытался спасти меня, назвал своим сыном. Но за твоей заботой скрывалась корысть. И теперь ты ответишь за нее, — стиснув зубы, прошептал он.

Неожиданно волосы молодого человека стали чернеть, кожа на лице принялась растягиваться и местами вздуваться, словно под тканями забурлила некая телесная жидкость и вот-вот извергнется наружу. Через пару минут черты лица молодого человека полностью видоизменились, и теперь посреди морга стоял совершенно другой человек.

Мужчина с ухмылкой взглянул напоследок на морозильную камеру, в которой лежал Доктор, затем направился к соседней, самой дальней, на которой по какой-то неведомой причине отсутствовал замок. Он открыл ледяную дверцу и с любопытством заглянул внутрь. Там лежало тело, покрытое желеобразной черной жидкостью, которая образовала под трупом огромную лужу, что была готова в любой момент вылиться наружу.

— Здравствуй, Ларри, — хищно улыбнулся мужчина и широко раскрыл свои большие голубые глаза. — Рад снова увидеть тебя здесь. Твоя преданность сыграла с тобой злую шутку. Забавно наблюдать тебя в подобном месте. Смерть застала тебя там, где ты проводил большую часть своей жизни. Я не хотел убивать тебя. Очень жаль, что эти ублюдки втянули тебя в свое же дерьмо. Теперь ты вынужден расплачиваться за их грехи. Не стоит вставать на пути у самого Бога.

Мужчина потянулся к карману своей кожаной куртки и достал оттуда прозрачный пузырек со странной жидкостью внутри, которая имела бледно-красноватый оттенок. После тот вылил содержимое емкости на тело Ларри. Послышалось шипение. И внезапно труп

охватило яркое пламя, которое уничтожило кожу мертвого медэксперта за считанные секунды, как бумагу. Теперь тело стало напоминать гору пепла, которая лишь отдаленно походила на человека. Мужчина криво улыбнулся и закрыл морозильную камеру.

Воспламенившееся тело не оставило после себя никаких следов, даже легкого дыма. Дверца камеры вновь покрылась легким инеем от холода, тем самым окончательно стерев следы от недавно бушевавшего огня.

Мужчина вытащил из кармана белый платок, вытер пальцы, которые и без того были идеально чистыми, после чего с довольным выражением лица направился в сторону выхода.

Света керосиновой лампы едва хватало, чтобы рассеять тьму в этой крошечной комнате с четырьмя углами. Снаружи наступила ночь, пожалуй, самая черная в этом году: на город опустился беспроглядный туман, из-за чего многие здания попросту пропали из поля зрения. До окошка Ричи не мог дотянуться даже рукой, то находилось у самого потолка и было таким узким, что его было удобнее называть щелью. Утром в этом помещении было ничуть не ярче, крохотного луча света, что проникал сюда, едва хватало, чтобы полностью заменить керосиновую лампу. Поэтому искусственное желтоватое свечение пребывало в комнате круглосуточно. Иногда лампа гасла, так как заканчивалось горючее в ней; но медперсонал не долго оставлял юношу в темноте: они через пару минут навещали Ричи и добавляли в источник света еще немного керосина. Молодой человек в первое время ставил светильник как можно ближе к себе, чтобы тьма не посмела хотя бы кончиком пальца дотронуться до него. Но через пару недель он осмелел и мог совершенно свободно сидеть в самой темной части палаты, издавек любуясь желтым светом.

Сейчас он рисовал непонятные узоры, сидя за столом. Ему позволили пользоваться карандашом, так как осознали, что Ричи не захочет с помощью этого обыкновенного предмета для письма причинить вред ни себе, ни окружающим. Молодой человек был спокойнее спящего младенца, совсем не разговаривал, не отказывался от процедур и еды. Вскоре ему перестали колоть успокоительные препараты, так как те уже не приносили никакого ощутимого эффекта, Ричи с легкостью обходился без них. У него не случалось приступов паники, не имелось проблем с аппетитом и сном. Молодой человек находился в своей палате совершенно один, и этот факт его совершенно не беспокоил, парню явно было комфортно здесь находиться. Иногда медсестры замечали на его мальчишеском лице что-то вроде спокойной улыбки. И эта улыбка никого не тревожила, она была совершенно обыкновенной, простой и искренней.

В первый месяц после своего прибытия в городскую психиатрическую лечебницу Ричи находился под тщательным присмотром врачей, его охарактеризовали как чрезмерно нестабильного подростка, который совершенно не знал границ собственных эмоций. Юноше не приписывали серьезных преступлений, лишь присваивали крайне убедительные мотивы для их совершения в будущем. Его лечащий врач, господин Аддерли, был серьезно озадачен, когда впервые встретился с этим странным на вид парнем. Ричи со стороны выглядел замкнутым в себе подростком, который застрял в четырнадцатилетнем возрасте. Но стоило познакомиться с молодым человеком поближе, и вся его истинная сущность выскакивала наружу, пугая своими мрачными тонами. Юноша мог беспрерывно смотреть на человека, пытаться его своим пронзительным взглядом: он словно заглядывал в душу собеседника, проникал в глубины сознания и доставал оттуда самую откровенную информацию. Возможно, это был один из извращенных приемов психологии, которым пользуются многие

лжепророки на ежемесячных ярмарках. Подобные экземпляры общества способны сказать многое о человеке лишь по его внешнему виду, таких людей крайне сложно обмануть, они знают правду заранее, еще до того момента, как их собеседник заговорит.

Ричи ни разу не рассказал о себе, не ответил ни на один из заданных вопросов, старательно менял тему, переходил непосредственно на личность того, кто пытается хоть как-то вытащить из него информацию о его жизни. Парень полностью закрылся. Применять на нем альтернативные методы для изъятия нужного ответа было опасно, Аддерли это понимал. Ни холодные водные процедуры, ни физическая сила не могут гарантировать того, что удастся выдать из юноши хотя бы йоту нужных фраз. Возможно, доктор и не утруждал бы себя подобным занятием, но имелась одна важная особенность, которая выделяла этого неприметного мальчишку из всех пациентов, что находились в этом заведении. Молодой человек находился под защитой вышестоящих сил, в нем, по непонятной причине, видели важный объект, и именно эти люди диктовали господину Аддерли вопросы, которые следовало задавать парню во время очередной беседы. Они привели Ричи сюда и заранее расписали план на его принудительное лечение. Но их старания не вознаградились успехом. В основном, вопросы касались личности самого юноши, те странные люди были заинтересованы в происхождении его личности, хотели разузнать о его семье, о каждом человеке, который хотя бы косвенно имел родственную связь с Ричи.

Ричи был непоколебим. Доктор Аддерли понимал, что допросы уже не имеют никакой эффективности, к финальному пути они с такими методами ни при каких условиях не придут. Поэтому в один прекрасный момент он, полностью обезумев из-за нахлынувшего на него отчаяния, повелел санитарам отвезти паренька в ночное время суток в ванную комнату, раздеть там догола и в течение часа непрерывно обливать ледяной водой. Это случилось пару дней назад. Господин Аддерли никогда не забудет тот дикий бесчеловечный взгляд, эти хриплые крики от боли. Но Ричи не сдался, не произнес ни слова. Посиневшего юношу одели в пижаму, после чего насильно вытащили в один из пустых вестибюлей. Аддерли присутствовал там, хотел убедиться в том, что мальчишка по-прежнему не желает идти на диалог, не боится тех сил, которые интересуются им.

Доктор не хотел причинять боль Ричи, знал, что поступает неправильно, выставляет напоказ свою беспомощность. Но давление сверху стало гораздо сильнее. Прошло уже больше месяца, эти люди уже не в силах ждать. Мальчишка стал главной проблемой, и на ее решение было отведено крайне мало времени. Неделя. Аддерли дали жалкие семь дней на выполнение всех условий. В противном случае его сместят с места главврача и приведут сюда своих людей, которые уж точно справятся со своей задачей.

Кто этот мальчишка? Почему так важен? Что за информация таится в его прошлом? Почему он так трепетно оберегает ее от посторонних глаз?

Ричи молчал. Дрожал, тяжело дышал, в безумстве бегал глазами, с трудом стоял на ногах. Но не сказал ни слова.

Шестеро санитаров растянули на полу простыню, довольно больших размеров, после встали вокруг, каждый взял ткань двумя руками за край. Аддерли ненавидел себя, но Ричи больше не нуждался в хорошем отношении. Он стал представлять опасность для каждого из них...

Доктор схватил Ричи за шкуру и бросил в центр простыни. Санитары без каких-либо эмоций на лице подбросили парня с помощью простыни вверх, после чего пронаблюдали, как тот с криком приземлился на пол. Так продолжалось несколько минут до тех пор, пока

Ричи резко перестал издавать хотя бы какие-то звуки. Парень потерял сознание.

Санитары отпустили простыню и молчаливо посмотрели на лежавшего перед ними юношу, тело которого покрылось ссадинами и синяками. Доктор Ломан повелел всем разойтись, после чего сел на корточки рядом с Ричи и сжал его белые волосы в своем кулаке, притянув таким образом лицо парня к себе.

— Ты ведь знаешь, я хочу тебе только добра. Но ты не оставил мне выбора. Мы с тобой оказались в крайне щекотливом положении. Не знаю, чем ты так заинтересовал тех влиятельных шишек из правительства, но их терпение на исходе. Либо ты, либо я. Так что советую тебе рассказать мне все в деталях. И как можно скорее. Наши беседы с тобой носили крайне занимательный характер. Но тебе ведь наверняка известно, что твое молчание не может длиться вечно. Я ценю свое место в этой лечебнице. И не позволю тебе что-то испортить.

— Карл! — женский голос вынудил доктора в страхе поднять глаза и направить их в дальний конец помещения.

К ним приблизилась высокая женщина в расстёгнутом больничном халате. Она одним лишь своим присутствием вынудила всех санитаров забиться в самом темном уголке вестибюля, оставив доктора Аддерли наедине с этой разъяренной дамой.

— Ты что творишь?! — закричала она и оттолкнула мужчину от Ричи, который слабо повертел головой и в ужасе посмотрел на ту, которая прекратила его мучения. — Он же еще ребенок!

— Ты и сама знаешь, насколько он стал опасным для всех нас, — тихо промямлил тот и смущенно понурил голову. — Думаешь я хотел прибегать к старым методам? Они дали мне несколько дней.

— Это не дает тебе права так поступать с ним! Даже если он не такой, как все... Мы не можем подобным образом вырывать из него правду, — Мария с легкостью взяла мальчишку на руки и направилась в сторону коридора, откуда она и пришла. — Я займусь им. Оставь это дело. Ты уже показал мне свои методы. Ты жалок, Карл.

— Ты все еще моя жена, Мария! — крикнул ей вслед тот. — И по-прежнему несешь ответственность!

Санитары незаметно исчезли, полностью лишив пожилого доктора компании. Карл потоптался на месте и в сердцах пнул лежавшую на полу простыню, которая, как он успел заметить, теперь покрывалась небольшими пятнами крови.

Ричи снова заставил его почувствовать себя жалким, беспомощным, уязвимым. Доктор не смог сдержать свои эмоции, не запретил себе совершать действия, которые вновь вернули в эти стены крики. Мария права, она вновь открыла ему глаза, спасла от самого себя, от разрушительной эмоциональности. Он не смог контролировать себя, не проявил стойкость и сдержанность, что не подобает делать на его должности. Почему с ним это случилось, что сломало его стальной характер? Взгляд Марии рассказал о многом. Теперь она презирала супруга, видела в нем что-то омерзительное. Эта женщина больше не наблюдала в нем предмет для подражания, он упал в ее глазах за пару мгновений.

Ричи остановил движение своего карандаша и с такой силой прижал его к листку бумаги, что грифель не выдержал столь сильного давления и треснул. Молодой человек резко вздрогнул, словно сломанный карандаш выпустил в его пальцы разряд электрического тока, и оперся спиной на спинку стула, прикрыв глаза. На его теле по-прежнему виднелись ушибы и кровоподтеки, они покрывали практически каждый сантиметр кожи. Но Ричи

словно не ощущал боли, он свободно двигался и не испытывал дискомфорта. Парень встал со стула и слегка прошелся по палате взад-вперед. Его хождения продолжались довольно долго и были прерваны звуком открывающейся двери.

В комнату зашла светловолосая женщина в больничном халате и приветливо улыбнулась молодому человеку.

— Здравствуй, Ричи. Как ты себя чувствуешь? — ласково спросила она и села на край койки, на которой спал молодой человек. — Присаживайся, вряд ли тебе будет удобно беседовать со мной стоя.

Ричи возражать не стал. Он расположился рядом с женщиной и как-то нервозно сжал свои колени пальцами, будто боялся, что ноги могут внезапно исчезнуть.

— У вашего мужа неприятности из-за меня, — едва слышно произнес Ричи и с вопросом на лице посмотрел на Марию. — Мне очень жаль.

— Мой супруг совершил одну из главных ошибок в своей жизни. Знаешь, он посвятил большую часть своей жизни психологии. Именно ему удалось навести в этой больничке порядок, многие из наших пациентов получили шанс на вторую жизнь. Но еще ни один из прибывших сюда бедолаг не был столь влиятельным, как ты. Твоя личность серьезно заинтересовала важных людей. И они поставили моему мужу ультиматум. Он должен был узнать все о тебе. Но ты не ответил ни на один вопрос. И им завладел страх. Карл начал бояться, что из-за твоего молчания его попросту лишат работы и сделают все, чтобы он больше никогда не трудился в этой сфере. Теперь вся эта ответственность лежит на мне. И думаю, что ты это прекрасно понимаешь.

— Вы не слушаете этих людей, — блеснули большие глаза парня. — Не станете отдавать меня им.

— Я хочу помочь тебе... Узнать, что же случилось с тобой.

— Их интересую не я, — улыбнулся тот. — Их интересуется кое-кто другой... Я лишь связующее звено.

— Ты попал в плохую компанию? Подружился с кем-то, кто представляет опасность для целостности нашего государства?

— Нет. Этот человек представляет гораздо большую опасность. И они его боятся, хотят уничтожить раз и навсегда. Только им неизвестно, как это сделать.

— Если ты мне расскажешь об этом человеке, мы сделаем все, чтобы он не навредил тебе. Пока я рядом, ты в безопасности. Обещаю, я не позволю, чтобы кто-то тебя здесь и вне этих стен обидел. Ты под моей защитой.

— Вы мне напомнили одну женщину, — улыбнулся тот и посмотрел на узкое окно. — Она тоже пообещала мне защиту... Но эти люди не подпустили ее ко мне ни на шаг, спрятали меня здесь и вряд ли когда-нибудь выпустят. И даже вы не сможете что-то изменить. Вы против этих людей бессильны. На данный момент вы ничуть не лучше мужа.

— Что ж, — вздохнула женщина и поднялась с кровати. — Я не буду тебе больше надоедать. Хочу лишь, чтобы ты уяснил одну вещь. Тебе не удастся слишком долго прятаться и надеяться только на себя. Рано или поздно тебе понадобится помощь. И твой брат уже не окажется рядом.

Внезапно лицо Ричи побледнело, и он испуганно отвел свои глаза.

— Думаешь, тебе удастся скрывать свою тайну за чужим именем вечно? — победно улыбнулась Мария и вновь села рядом с парнем. — Я очень долгое время не могла понять, почему в твоём личном деле там много пробелов. Но после я решила заглянуть в архивы,

хотела именно в них узнать более подробную историю твоей семьи. И нашла очень интересную информацию. Кристофер Ричард Стрингини умер в тысяча девятьсот семнадцатом году в возрасте восемнадцати лет. Да, у тебя с этим молодым солдатом могло совпасть имя, но имена родителей вряд ли. У Криса был младший брат, который был рожден в результате совокупления его родного отца и мачехи. Его звали Уильямом. На данный момент Уильяму исполнилось девятнадцать лет.

— Если вы все обо мне знаете, зачем же задаете столько вопросов?

— Как я поняла, эти люди интересуются смертью твоих родителей, которая наступила в результате крайне странных обстоятельств. Под подозрением был ты. И в то же время тебе вдруг понадобилось взять имя своего умершего брата. Это был тысяча девятьсот девятнадцатый год, восемь лет назад. Что же послужило причиной? Почему одиннадцатилетний мальчик совершает подобный поступок?

— Я — это он. Мы с ним одно целое, — прошептал Уильям и со злобой посмотрел на Марию. — Вы не поймете меня... Никто не поймет.

— Твоя мать несколько раз писала заявление в полицию на своего мужа, это происходило еще в те годы, когда твой брат жил с вами и был несовершеннолетним. Она утверждала, что неоднократно наблюдала, как ее супруг совершал акт сексуального насилия над своим старшим сыном. Но твоему отцу удалось откупиться от всех этих обвинений. Ты все это также наблюдал, видел, что отец совершал над твоим братом, какими невыносимыми извращениями занимался за дверью спальни.

— Крису было больно, — голос Уильяма неожиданно дрогнул и наполнился тревожными эмоциями. — Я видел, как папа рвал на нем одежду, прижимал всем своим весом к кровати... Душил... Мама видела все это. Но ничего не могла сделать. Потому что... Крис все отрицал. Он защищал отца от правосудия. Возможно, боялся...

— Когда это прекратилось?

— Точно не могу сказать. Скорее всего после того, как Криса забрали на фронт.

— Как отец относился к тебе?

— Как обычно, он любил меня и даже ни разу не ударил. Это странное чувство. Я будто знал своего отца и не знал одновременно. В нем как будто находилось две личности.

— Извини, что так тщательно изучила всю информацию о твоей семье. Люди, которые тебя сюда привезли, нашли о тебе гораздо больше, нежели я. Но некоторые вещи по-прежнему хранятся в твоих воспоминаниях. Именно эти отрывки прошлого так интересуют всех нас. Мы хотим раз и навсегда узнать, что стало причиной гибели твоей семьи, что привело тебя к Доктору Ломану...

— Вы хотите выяснить, что из обыкновенного мальчика создало психопата. Знаете, я и сам хочу это выяснить. Сейчас вы слушаете крайне странные и бессмысленные вещи, не верите во все, что я рассказываю. И правильно делаете. Я и сам никогда бы в такое не поверил.

— Уилл, ты был единственным, кто видел смерть своих родителей. Единственный свидетель. Увиденное наложило на тебя огромный отпечаток. Разрушило твою психику до основания. Я хочу знать, что творится у тебя внутри. И я выясню это не с помощью насилия. Мне не нужно, чтобы ты страдал. Я хочу лишь одного. Чтобы твоя душа наконец-то обрела покой.

Ричи с грустью опустил голову и слегка прикрыл глаза.

Он слышал музыку. Она играла где-то поблизости, в соседней комнате. Звуки клавиш

отчетливо воспроизводились в голове, каждая нота разносилась по телу вместе с кровью, проникала в каждую клетку, тем самым наполняя юношу букетом самых разных эмоций. Музыка вызывала одновременно радость и страх. Настроение ее мотива сложно было распознать быстро. Композиция будто сочетала в себе кусочки разных произведений, которые хаотично сменяли друг друга. Но через какое-то время мелодия нашла свое направление, обрела плавный медленный ритм. Стала грустной, мрачной.

Мария с удивлением наблюдала за эмоциями молодого человека и пыталась понять, о чем тот думал. Неожиданно Ричи широко распахнул свои глаза и с испугом уставился на женщину.

— Вы слышите это?

— Что? Что я должна услышать? — в недоумении спросила его Мария.

— Ваш муж... Он мертв.

Глава двадцать вторая. Я хочу лгать

Татьяна с трудом открыла входную дверь. Причиной этому стал невероятно тяжелый пакет с продуктами, который при этом имел весьма внушительный размер и с легкостью ограничивал угол обзора. Девушке пришлось вставлять ключ в замочную скважину практически вслепую, и лишь с пятой попытки она сумела попасть в собственную квартиру. Свет на кухне был зажжен — значит, мать уже не спит.

Татьяна положила пакет на трюмо и заглянула в зеркало, чтобы удостовериться, что сильный ветер снаружи не сильно подпортил ее распущенные волосы, которые уже доставали ей практически до лопатки. К счастью, с прической все было хорошо, как и с макияжем: пудра мастерски скрывала все несовершенства кожи и усталый вид. Татьяна редко выходила из дома без хотя бы капли косметики, девушку страшило, что даже одна живая душа сможет увидеть на ее бледной коже крупички веснушек, прыщики или полопавшиеся сосуды, нередко образующие огромные пятна на лице. Также девушка не брезговала наносить на глаза самые темные оттенки теней, тщательно подводила черным карандашом области рядом с ресницами, а сами ресницы получали большую дозу быстро сохнущей туши. От этих хитрых манипуляций ее имевшие внушительный размер глаза становились еще больше. Но сегодня Татьяна практически не красила глаза, так как опасалась, что на улице снова может пойти дождь, и она вновь будет довольствоваться черными слезами, размазанными на щеках.

Девушка повесила пальто на крючок и прошла на кухню, где встретила лицом к лицу со своей матерью. Женщина с задумчивым выражением лица сидела за столом, подперев голову рукой, и читала многочисленные письма, что лежали рядом с ней в виде толстой стопки. Многие из посланий по-прежнему находились в нераспечатанных конвертах. Заметив приход дочери, светловолосая женщина встрепелась и вскочила на ноги, встав таким образом, что все письма спрятались за ее спиной.

— Здравствуйте, мама, — улыбнулась Татьяна и направилась к плите. — Как вам спалось?

— Хорошо, спасибо, — натянуто улыбнулась та и осторожными движениями морщинистой руки поправила свою пышную кудрявую шевелюру. — Вчера вечером я не застала тебя дома. Где ты была?

Татьяна смущенно закусила губу и поставила чайник с водой на зажженную конфорку.

— У меня возникли важные дела в городе. Извините, что заставила вас волноваться, мама.

— С каких пор в список важных дел стали входить встречи с мужчинами из низшего слоя населения? — со злобой в голосе спросила ее та и с высокомерием взглянула на дочь. — Ты даришь свое свободное время совершенно не тем людям, Татьяна.

— Вы снова заставили этого мужчину следить за мной? Я ваша дочь, и у меня есть право на свободу. Я сама выберу, с кем мне выходить на прогулку.

— Почему ты ведешь себя, как двенадцатилетняя глупая девочка? — в недоумении уставилась на нее та и беспомощно развела руками. — Я столько лет потратила на твое воспитание. И что наблюдаю? Уже почти опытная женщина гуляет с какими-то грязными мальчишками и называет это свободой! Что тебе даст такое общение? Ничего не даст! Сейчас ты, возможно, испытываешь к этому мальчишке некие чувства, симпатию. А он

видит в тебе только красивую куклу, в которую ему охота поскорее засунуть свой грязный член! И все! Таким мужчинам ничего от тебя не нужно, они даже не смогут ничего предложить взамен. Только секс без обязательств.

— А что вы хотите от меня?! — воскликнула Татьяна.

— Ответственности. Если бы твой отец не загнал нас в этот ад, я бы молчала. Но сейчас не могу смотреть сквозь пальцы на все твои неосмысленные действия. Потому что люблю тебя. И хочу, чтобы ты была сильной и счастливой женщиной.

— Хотите, чтобы я выскочила замуж за богатого папочку, взяла его деньги и решила за его счет все проблемы? Вы этого желаете? А что потом? Мой муж умрет, и я, как и вы, стану снова слабой и потерянной, буду, как шлюха, перескакивать от одного бизнесмена к другому, называть это любовью. Мне не нужна жизнь, которую прожили вы, мама.

— У тебя нет выбора, Татьяна. Если бы твой отец не оставил всю свою империю тебе, то у тебя было бы полное право все бросить и жить так, как душе угодно! Но в данный момент у тебя нет такого права. И уже никогда не будет. Твой отец лишил тебя подобных привилегий, одел на твою шею петлю. В данной ситуации только я обладаю полной независимостью. В любой момент имею возможность собрать вещи и уплыть на пароходе в Гавану, где буду выращивать сахарный тростник и жить припеваючи. Но, как видишь, я здесь. И все твои проблемы решаю вместо тебя, не смею отвлекать от процесса обучения в институте, потому что хочу, чтобы ты была счастлива. Мне нужно лишь твое участие. Не делай вид, что не замечаешь всех этих проблем, дочка. У нас крайне мало времени. Через месяц у нас скорее всего конфискуют имущество. И ты останешься без копейки в кармане. Даже я уже не смогу тебе помочь.

— Знаете, и без денег я смогу найти свой путь, — бросила девушка и сняла вскипевший чайник с плиты.

— У тебя есть двое суток, чтобы обдумать свое решение. В противном случае я покину тебя, и тогда все денежные проблемы будешь решать самостоятельно. Не я наследница этой ржавой фабрики, Татьяна. А ты. На тебе лежит вся ответственность, — женщина подошла к дочери вплотную и сжала костлявыми ладонями ее холодные пухлые щеки. — Будь умницей, хорошо? Мы со всем справимся вместе. Уверена, после свадьбы ты обретешь счастье в жизни. Тебя полюбит совершенно любой мужчина. Искренне.

Неожиданно лампочки в люстре заморгали и внезапно погасли, погрузив всю квартиру в полумрак.

— Боже милостивый! — ахнула мама Татьяны и схватилась за сердце. — Они же знают, что я жутко боюсь темноты! Уже полдень! Скоро начнет темнеть! Боже!

— Я зажгу свечи, не волнуйтесь, — успокоила ее Татьяна и заглянула в кладовую, где нашла завалившуюся в самом дальнем углу древнюю керосиновую лампу. — Ну вот, — девушка поставила находку на стол и зажгла ее, осветив кухню слабым желтоватым свечением. — Теперь вы, мама, будете находиться не в крошечной тьме. Я заварю вам кофе.

— Я помню эту лампу, — с улыбкой произнесла женщина и легким движением смахнула слой пыли с еще не успевшей нагреться стеклянной поверхности. — Она принадлежала твоему отцу, а ему та досталась от бабушки, которая здесь жила в начале прошлого века. Забавно, электричество здесь провели совсем недавно, а мы уже стали пугаться, когда оно внезапно пропадает.

— Кажется, обесточили целую улицу, — посмотрела в окно Татьяна и увидела, что все дома поблизости тоже погрузились в мрак пасмурной погоды. — Уже вторые сутки на улице

сильный ветер. Видимо, где-то повредились провода. Думаю, через час электричество вернется.

— Включу пока радио. Не люблю находиться в тишине, — мама Татьяны взяла с собой лампу и направилась в гостиную.

Татьяна тем временем разлила по чашкам бодрящий напиток, добавила в него немного сливок с сахаром, после чего принялась поглощать свою порцию. Мама вернулась через пару минут, но почему-то без радиоприемника.

— Странно, радио тоже не работает. На всех частотах шумы. Никогда с подобным не сталкивалась.

— Может, ты его неправильно включила? — в надежде спросила ее Татьяна.

— Твоей матери хоть и стукнул пятый десяток, но она пока не настолько древняя, чтобы не разобраться в таком простом устройстве. Все радиостанции замолкли. Я пока надеюсь, что это просто приемник сломался, а не случилась какая-то техногенная катастрофа. Подобное было в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году, тогда случилась мощная геомагнитная буря. Тогда все телеграфные системы в Европе и Америке вышли из строя, а по всему миру наблюдались северные сияния. Возможно, случилось что-то подобное.

— Мам, подобные «солнечные супершпоры» случаются крайне редко. Если бы такое произошло сейчас, то вся Англия осталась бы без электричества. К тому же мы бы с вами это почувствовали всеми клетками тела. Но если вы так беспокоитесь, выйду наружу и узнаю, что произошло.

— В кладовой должна быть вторая керосиновая лампа, — с беспокойством сказала мама Татьяны. — На лестничной площадке должно быть очень темно, вдруг споткнешься и сломаешь шею.

В подъезде стояла такая кромешная тьма, что у Татьяны невольно закружилась голова. Ощущение было схоже с тем, когда в свободном падении направляешься ко дну пропасти: вокруг тебя ничего нет, только хаотично движущийся спертый воздух и сырой холод. Девушка поводила керосиновой лампой из стороны в сторону, чтобы понять, в какой стороне находится лестница. После чего она закрыла дверь квартиры на ключ и стала медленно спускаться по ступенькам вниз, стараясь направлять весь тусклый свет себе на ноги, чтобы, не дай бог, не споткнуться. Окна, что находились на лестничной площадке, по какой-то причине запотели и покрылись толстым слоем пыли и копоти, хотя еще вчера они были довольно-таки чистыми. Возможно, ночью по городу пронесся «грязный» дождь, но его сила должна была быть невероятно мощной, чтобы сотворить подобное. К тому же Татьяна ночью не слышала ни звуков ветра, ни барабанной дроби дождя. Вряд ли в таком беспорядке виновата непогода.

Девушка спустилась на этаж ниже и заметила, что под ее туфлями что-то блестит. Она с легкостью бы прошла мимо, но блеск распространился на большом количестве ступенек. Татьяна присела на корточки и осветила привлекающую ее внимание находку. Как только девушка поняла, что находится перед ней, то с криком отпрянула. Это оказалась кровь, совсем свежая. И она широкой дорожкой тянулась вниз, приняв вид застывшего на месте ручья.

— Боже милостивый! — ахнула она и, закашляв от неприятного запаха, закрыла ладонью рот и нос, чтобы оградить себя от столь «дивного» аромата. — Что здесь произошло?

Стараясь ступать как можно медленнее, чтобы не задеть кровавые лужи, она спустилась на этаж ниже. Здесь уже все было чисто, никаких следов красной жидкости не наблюдалось. Татьяна еще раз оглянулась, посмотрев на верхние ступеньки, и с удивлением обнаружила, что следы крови на них неожиданным образом испарились, а вместо них лестничную площадку наполнили чарующие звуки пианино, которые доносились откуда-то сверху. Она не знала, какую именно мелодию играл музыкант, но осознавала, что композиция ей до боли знакома.

— Нужно спускаться вниз, темнота на тебя плохо действует, Татьяна, — сказала самой себе девушка и продолжила спускаться вниз.

Неожиданно ее ослепила вспышка, настолько яркая, что стены на короткий миг окрасились в белый цвет. Татьяна зажмурилась изо всех сил, чтобы спасти глаза от столь яркого сияния, и с трудом удержала равновесие, схватившись за перила. Это была молния. После нее раздался раскат грома, который сумел немного приглушить музыку пианиста. Татьяна громко выдохнула и ускорила шаг, надеясь как можно быстрее выйти на улицу. Но ступеньки будто увеличили свое количество в сотни раз, они не желали заканчиваться, словно Татьяна спускалась с тридцатого этажа.

Внезапно перед ней вырос силуэт. С первого взгляда сложно было понять, что именно находилось перед девушкой, во всем была виновата крошечная тьма. Керосиновая лампа стала еще тусклее и уже с трудом дотягивалась своими пальцами даже до близ расположенных стен. В любой момент Татьяна может оказаться без источника света. Подойдя ближе к странному объекту, рыжеволосая девушка обнаружила, что это пианино. Как оно здесь оказалось? Музыкальный инструмент покрывала пленка пыли, но клавиши были совершенно чистыми, что означало, что пианино недавно пользовались. Татьяна постаралась подавить в себе возникшее любопытство и продолжила спускаться дальше, но и на этот раз ей не удалось это сделать. Как только она сделала шаг, как тут же почувствовала чье-то присутствие рядом с собой. Девушка в испуге обернулась и разглядела рядом с музыкальным тяжеловесом мужскую фигуру, которая с интересом разглядывала Татьяну.

— Вы меня напугали, — ахнула Татьяна и приблизилась к мужчине, направив в сторону его лица лампу.

Мужчина выглядел донельзя странно, как-то противоречиво. Он был одет во все черное, из-за чего с легкостью сливался с темнотой, часть головы скрывал капюшон его кожаной куртки. Но самым необычным в данном образе являлись глаза, те были завязаны плотной тканью, которая явно причиняла неудобства этому человеку.

Незнакомец не ощутил прикосновение света на коже своего лица и не сдвинулся с места.

— Прошу прощения, — спокойным хорошо поставленным голосом ответил он и слегка склонил голову перед девушкой, словно в знак уважения. — У вас сбито дыхание, вы явно куда-то спешите. Что-то произошло?

— Ох, да. Кажется, вся улица обесточена. Хотела узнать, что случилось. В подъезде темно, а я нервничаю, когда ничего не вижу перед собой, сразу начинает что-то мерещиться. Мне даже показалось, что я видела кровь на ступеньках.

— Кровь? Если человек видит подобное на подсознательном уровне, то вряд ли он испытывает счастье в жизни, настоящее и искреннее. Возможно, вы играете некую роль, подстраиваетесь под правила мира, но в вашей душе живет самый настоящий бунтарь, который хочет вырваться на свободу.

— У меня все в порядке, не волнуйтесь, — со странным выражением лица посмотрела на него та. — Просто у меня совсем недавно умер отец. И перед смертью он часто харкал кровью, особенно во время приемов пищи. И вид крови просто отпечатался в моей памяти.

— Он умер от испанки?

— Я не знаю. Врачи так и не смогли установить причину. Возможно, рак легких. Самое странное, что он не испытывал боли. Порой отец даже не замечал, что по его подбородку текут целые ручьи крови. Под конец он перестал вставать из постели. Целыми днями лежал. И ничего не говорил. Просто смотрел в одну точку. Мы даже не сразу поняли, что он умер.

— Мне очень жаль. В вашем голосе ощущается грусть от потери. Хотя я слышу и другие эмоции. Обиду. Вы злитесь на него.

— Странно, что я все это вам рассказываю. Мы ведь с вами совершенно не знакомы, — нервно произнесла девушка и, поежившись, потопталась на месте. — Раньше моя личная жизнь никого не интересовала.

— Я полностью ослеп. И не вижу этот мир. Я лишь умею его слышать, воспринимать прикосновениями. Поэтому я такой любопытный. Прошу меня извинить, если заставляю вас вспоминать о неприятных вещах.

— Порой мне хочется высказаться. Просто... Это слишком личное.

— Вы считаете меня чужим, — улыбнулся он и скромно завел руки за спину. — Это понятно, ведь мы только что встретились.

— А что случилось с вами? Почему вы ослепли?

— Меня ослепили, неприятели. У каждого есть враги. Даже у такого тихого и незаметного человека, как я. Мои глазные яблоки, к счастью, остались на месте, их промыли, но теперь я вижу только темноту. Больше ничего.

— Какой кошмар? Что произошло?

— Мне брызнули кислоту в глаза. Я даже ничего не почувствовал. Закрыв глаза, чтобы защитить их, а после понял, что весь мир вокруг меня исчез в тени.

— Почему вы носите повязку? Ведь многие слепые скрывают свои глаза под очками.

— Когда-нибудь я сниму эту повязку, но не сейчас, Татьяна. Еще не пришло время.

— Вы знаете мое имя? — с удивлением спросила девушка.

— Наша встреча не такая уж и случайность, — с улыбкой произнес он и направился в сторону лестницы, которая вела на верхние этажи. — Я знал одного вашего хорошего друга. Думаю, рано или поздно все встанет на свои места. Не считайте меня чудачком, все в нашем мире, так или иначе, ненормальные, просто многие это тщательно скрывают.

— Вы мой сосед? Просто в квартире по соседству с моей никто не жил, а вчера вечером кто-то туда въехал. Это ведь вы, не так ли? И пианино тоже принадлежит вам?

Но мужчина ничего не ответил, лишь молчаливо улыбнулся и исчез на верхних этажах, оставив после себя лишь мертвую тишину мрачного подъезда. Татьяна грустно вздохнула и посмотрела на свою керосиновую лампу, которая через пару секунд окончательно погасла.

Чтобы добраться до выхода из подъезда, Татьяне пришлось потратить, как минимум, десять минут. За этот показавшийся бесконечностью промежуток времени она пару раз споткнулась и чудом не сломала каблук на своих сапогах, которые не так давно проходили капитальный ремонт в мастерской Джорджа. Она всегда трепетно относилась к своей обуви, часто перебарщивала с их чисткой и наносила на кожаную поверхность чересчур большое количество гуталина, из-за чего ее ноги оставляли во многих общественных местах черные

линии.

Девушка оставила керосиновую лампу на одном из этажей, поставив на подоконник. Вряд ли кому-то понадобится эта штукавина, тем более без горючего. В данный момент лампа полностью бесполезна и лишь причиняла неудобства тому, кто повсюду ее таскает за собой. Татьяна дошла до выхода и с некой зашкаливавшей резкостью открыла дверь, отчего та с грохотом ударилась о стену, вынудив девушку покраснеть от смущения. Ей так хотелось выбраться из того мрачного места, где полностью отсутствовал свет, что дверь показалась неприступной преградой, которую было необходимо разрушить всеми силами.

Серый свет обволок ее бледное лицо. Татьяна сощурилась, чтобы дать глазам возможность привыкнуть к резкой смене окружения, после чего с любопытством огляделась. Улица в данный момент не славилась своей обычной оживленностью. По тротуарам не шел ни один человек, даже какое-нибудь бездомное существо не осмелилось показаться. По бокам от проезжей части стояли брошенные владельцами автомобили, многие из которых почему-то были донельзя грязными, словно они только что вынырнули из вязкого болота. Неужели и правда прошел «грязный» дождь? Только почему девушка его не заметила? Ведь буквально полчаса назад она выходила на улицу и подобного хаоса не наблюдалось. Что могло произойти за такое короткое время и так незаметно для всех? На самих дорогах наблюдалось присутствие толстого слоя грязи, который в большинстве случаев скрывал от дневного света каменное покрытие. Грязь смешалась с по-настоящему огромным количеством опавших листьев, что сильно удивило девушку, ведь в то время, когда она ходила в продуктовый магазин, листва по-прежнему находилась на деревьях. Какой силы был ветер, чтобы изменить облик города до неузнаваемости за считанные минуты? Парк, что находился поблизости около берега, окончательно утратил летнее очарование, приняв облик чего-то мертвого: деревья словно высохли, окаменели и вот-вот рассыплются, как песчаные замки. Если бы здесь не находились здания, то можно было бы подумать, что стоишь посреди в какой-то пустыни: желтого песка непростительно много. Откуда пришла эта песчаная буря вместе с дождем? Рядом с Лондоном не наблюдалось пустынных мест, которые могли бы сотворить подобный хаос на улицах английской столицы. К тому же Татьяна во время их беседы с матерью не слышала никакого шума, подобное ненастье должно было сотрясти каждый кирпич дома, окна бы звенели, как церковные колокола. Но все было спокойно... Тогда каким образом весь этот песок попал сюда и, судя по всему, покрыл едва ли не весь город?

Девушка впервые испытала чувство страха за это время. Ей казалось, что в огромном Лондоне осталась только она одна, больше никого поблизости не существовало. Только Татьяна и холодные каменные дома. Рядом с ней пролетели клочки разорванных газет, которые напомнили куст перекаати-поле, на минуту остановились перед Татьяной, будто хотели, чтобы она успела прочитать обрывки фраз, после чего продолжили путешествие по безжизненной улице.

— Что произошло здесь, черт возьми? Где все? — по обычаю заговорила сама с собой Татьяна и, в страхе оглядываясь по сторонам, стала переходить дорогу.

Она все еще надеялась, что хотя бы один автомобиль появится где-нибудь в конце улицы и порадует ее уши каким-нибудь шумом. Но этого не случилось. Девушка была вынуждена любоваться мелодией тихого ветра и шуршанием опавших листьев. Температура воздуха существенно понизилась, отчего Татьяна моментально продрогла. Ее пальто оказалось слишком тонким, чтобы удерживать тепло, поэтому находиться долгое время на

открытом воздухе не получится, простуда ей ни к чему.

Неожиданно внимание рыжеволосой девушки привлекла видневшаяся впереди обувная мастерская Джорджа и Эрвана. Она заметила, что дверь заведения слегка приоткрыта и будто раскачивается на ветру, словно хочет сорваться с петель. Поправив длинные волосы, Татьяна направилась туда, надеясь, что молодые люди окажутся внутри и хотя бы немного успокоят ее раскалившиеся страхи. Мастерская также пострадала от бури, песок, смешанный с водой, забрызгал все окна и дверь, отчего создалось ложное представление о заброшенности этого места. Осторожно войдя внутрь, Татьяна вновь оказалась посреди крошечной темноты. Грязные окна не давали свету проникнуть в помещение. Без лампы здесь крайне тяжело ориентироваться.

В мастерской оказалось тише, чем на улице. Даже тиканье часов почему-то отсутствовало. Потоптавшись на месте, она прислушалась и поняла, что здесь никого нет. Даже если бы парни спали, то девушка сразу бы почувствовала человеческое присутствие. Но сейчас мастерская пуста. Тогда почему дверь открыта? Неужели кто-то пытался незаконным путем проникнуть сюда? Татьяна осмотрела дверной замок, но не обнаружила никаких следов взлома. Дверь открывали ключом. К тому же ключи лежали на рабочем столе Джорджа, их блеск привлек Татьяну не сразу, но он сильно выделялся среди всеобщего мрака, поэтому не заметить такой маленький предмет было невозможно. Девушка взяла ключи и закрыла дверь, но изнутри, выходить из мастерской она не стала. Что-то на подсознательном уровне подсказывало, что нужно на какое-то время остаться здесь, чтобы убедиться, что в мастерской все на своих местах. Эрван с Джорджем не могли уйти отсюда, не закрыв дверь. Если только их что-то не напугало...

Сделав пару шагов вперед, Татьяну что-то нечаянно пнула. Посмотрев под ноги, она обнаружила, что на полу рядом с ней лежала керосиновая лампа, слегка побитая, но все еще в рабочем состоянии. Лампа была включена, но в ней закончился керосин, о чем говорило ее слабое свечение. И, видимо, она лежала так очень долго. Подняв ее, Татьяна подошла к рабочему столу Джорджа. Она помнила, что, когда Джордж одевал ей сапоги, под столом стояла бутылка с водкой. Спиртной напиток мог заменить горючее для лампы. К счастью, бутылка была на месте, и Татьяна сумела прогнать часть темноты. Свет дал возможность увидеть сильный беспорядок. Из-за открытой двери половину комнаты замело песком, который покрыл не только пол, но и мебель, и прочие мелкие вещи. Судя по всему, Джордж с Эрваном ушли отсюда еще ночью. Значит, песчаную бурю с дождем они не застали.

Девушка вздохнула и направилась к выходу, посчитав, что ей здесь больше нечего делать. Ключ она заберет себе. Скорее всего у парней есть запасной, а этот Татьяна вернет чуть позже. Оставлять мастерскую открытой девушка не могла. Но едва она сделала шаг к двери, как где-то позади раздался странный шум, напомнивший ей человеческий стон. В испуге оглянувшись, Татьяна попыталась определить, откуда именно исходил звук, но тот бесследно исчез. Посчитав, что ей померещилось, девушка подошла к двери и вставила ключ в замочную скважину, но неожиданно стон вновь повторился, на этот раз приняв более отчетливый облик.

— Здесь кто-то есть? — испуганно спросила девушка и стала оглядываться, вода лампой из стороны в сторону.

В качестве ответа стон раздался вновь, на этот раз Татьяне удалось приблизительно выяснить, откуда именно он доносился. Рядом с кухней находилась еще одна дверь, довольно непримечательная, скрытая от посторонних глаз. Осторожно, стараясь идти медленно,

чтобы не прозевать новые человеческие звуки, она приблизилась к закрытой комнате и прислушалась, чтобы убедиться, что стоны доносились именно оттуда. Осмотрев дверь с помощью света лампы, Татьяна заметила, что деревянную поверхность покрывали следы жидкости, будто ее кто-то из ведра облил водой. Из-за влаги крупинцы песка надежно прилипли к древесине и вряд ли в ближайшее время упадут на пол. Толкнув дверь, девушка вошла в тесную комнату, которая, по всей видимости, являлась ванной.

Здесь было гораздо темнее, чем во всей мастерской, так как в помещении не виднелось ни единого окна. В дальнем углу стояла ванна, довольно массивная, в такой с легкостью поместятся два человека. Направив на нее свет, Татьяна обнаружила, что в ней присутствовала вода, которая касалась самых краев. Но приблизившись поближе, девушка с ужасом обнаружила, что из воды торчит человеческое запястье, которое замерло в странной позе, словно пальцы пытались из последних сил за что-то ухватиться. Трясаясь от ужаса и тяжело дыша, Татьяна медленно дошла до ванны и, прикусив завибрировавшую нижнюю губу, посмотрела на воду, которая имела ярко-красный оттенок. На дне лежал молодой человек в верхней одежде, его глаза были закрыты, а на лице отобразилось пугающее умиротворение, будто он спал и совершенно не подозревал, что находился под водой. Из его полуоткрытого рта вытекала кровь, густая и невероятно вязкая, именно она и окрасила воду в такой жутковатый оттенок. Это оказался Эрван.

Девушка быстро опустила лампу на пол и, не раздумывая, прыгнула в воду, обхватив обеими руками невероятно тяжелое мужское тело. Первым делом она вытащила на поверхность его голову и со слезами на глазах вгляделась в лицо молодого человека, которое было таким белым, что даже снег покажется темным. Губы парня окрасились в лиловый цвет и как-то странно распухли, будто молодой человек прикусил их зубами и не отпускал долгое время. Убрав прилипшие волосы с его лба, Татьяна стала быстрыми движениями гладить парня по лицу, надеясь, что в любой момент он откроет глаза.

— Пожалуйста, проснись. Проснись, — шептала она, не переставая.

Из-за тяжести одежды Эрвана было практически невозможно вытащить из воды. Он словно превратился в гипсовую статую, которая весила больше любого автомобиля. Тело парня стало невероятно холодным, долгое время держать пальцы на его коже стало затруднительным, руки, в буквальном смысле, немели, будто прикасались к глыбе льда. Девушка стала снимать с Эрвана одежду. Сначала лишила его кожаной куртки, которая из-за воды была самым тяжелым предметом на теле молодого человека. После взялась за рубашку. Так как расстегивать пуговицы уже не было смысла, то Татьяне попросту пришлось разорвать ткань. Брюки она трогать не стала, так как тело парня уже стало более-менее легким, чтобы вытащить его из ванны. Девушка, стиснув зубы, взяла бездыханного Эрвана на руки и с трудом вылезла вместе с ним из остывшей красной воды, но едва она ступила на пол, как тут же обессиленно рухнула вместе с парнем на пол.

Ее тело дрожало, из горла вырывались панические стоны, но Татьяна будто заставляла себя быть спокойной, сконцентрированной. Трясущимися пальцами она нащупала пульс Эрвана на его шее и осознала, что сердце молодого человека по-прежнему бьется, но уже медленно, постепенно останавливаясь. Девушка глубоко выдохнула, чтобы отогнать от себя чувство страха и беспомощности, после чего принялась усердно делать массаж сердца молодому человеку. Она понимала, что давит на грудь слишком сильно, с такими темпами ей с легкостью удастся сломать грудную клетку парня, но иначе Татьяна не могла. Эрван

должен открыть глаза, любой ценой.

— Давай!.. Давай! Дыши, мать твою! — кричала изо всех сил девушка и продолжала изо всех сил надавливать ладонями на его грудь.

Все тщетно. Парень по-прежнему не подает никаких признаков жизни, лишь изредка из его рта вырывались небольшие фонтанчики мутно-красной воды.

— Живи! Живи! Я не позволю тебе умереть! Слышишь?! Только посмей оставить меня здесь одну!

Внезапно из рта молодого человека вырвался глухой кашель, а после последовал жадный глоток воздуха. Парень изо всех сил изогнул спину и в ужасе распахнул свои большие голубые глаза, в которых настолько сильно расширился зрачок, что можно было подумать, что юноша внезапно стал кареглазым.

— Господи! — плача, прошептала девушка и изо всех сил прижала ледяное тело парня к себе, обхватив руками так сильно, что Эрван чуть было не задохнулся. — Как я испугалась! Как я испугалась!

— Татьяна? — слабым голосом произнес тот и отрешенным взглядом оглядел темную комнату, которая была освежена слабым светом керосиновой лампы. — Что со мной произошло?

Эрван сидел на кровати в спальне и трясся от холода, обхватив плечи руками. Он наблюдал за Татьяной, которая носилась по комнате и из каждого угла вытаскивала любой вид теплой ткани, которым можно было бы согреть молодого человека. Сначала она нашла большой бежевый плед, довольно колючий, но он прекрасно подойдет для ее целей. После обнаружила еще один, но уже более изысканного оттенка: темно-синий в черную полоску. Всем этим добром она укутала парня, оставив нетронутой только его голову. Убедившись, что большая часть тела Эрвана скрыта тканью, Татьяна облегченно вздохнула и вновь заключила молодого человека в крепкие объятия.

— Что ты делаешь? — хриплым голосом спросил молодой человек и в недоумении посмотрел на девушку.

— Согреваю тебя своим теплом, — прошептала она. — Твое сердце сейчас бьется очень быстро. Если его не замедлить, то оно может не выдержать. Тебе нужно согреться. И ни о чем не думать. Просто дыши. Ровно.

Эрван слегка прикрыл глаза и устало опустил подбородок на ее плечо.

— Ты такая теплая, — улыбнулся он. — Пожалуйста, не отпускай меня пока.

— Я и не собираюсь отпускать, — с нежностью ответила Татьяна и погладила молодого человека по спине. — Ты не представляешь, как меня напугал. Я думала, что ты мертв...

— Я ничего не помню... Мы вчера с тобой расстались, после я пришел сюда и, кажется, уснул прямо у порога. На меня навалилась такая усталость. Понятия не имею, как я оказался в ванной.

— Значит, ты ходишь во сне, — задумчиво сказала девушка и внимательно посмотрела в лицо парня. — Раньше у тебя было подобное?

— Нет. Со мной это случилось впервые. Думаешь, я бы стал по своей воле залезать в воду в одежде, чтобы свести счеты с жизнью? Я бы никогда это не сделал, Татьяна. И никогда бы не помыслил о подобном. Я прошел через столько дерьма за свои двадцать лет, что и представить трудно. Какой смысл это заканчивать?

— Но, если бы я не пришла вовремя, ты был бы мертв, — вздрогнув, произнесла Татьяна

и уткнулась носом в его шею. — Как только подумаю, что это могло бы случиться... Схожу с ума.

— Все хорошо, — погладил ее по волосам тот. — Думай только о настоящем.

— Тебя нельзя оставлять одного. Если признаки лунатизма вернуться к тебе вновь, то может произойти нечто действительно ужасное. Это надо контролировать. С такими вещами не шутят.

— Я не знаю, что со мной происходит, — вяло покачал головой парень и тяжело вздохнул. — После того похищения меня словно подменили, я не узнаю себя. Со мной никогда не происходило необъяснимых вещей. А теперь мне постоянно снятся кошмары, иногда мерещатся какие-то голоса. Возможно, это из-за сильного стресса, ведь я видел по-настоящему жуткие вещи. Рядом со мной сжигали толпы людей, и в любой момент меня бы ждала такая же участь.

— Все это в прошлом, Эрван. Ты должен все забыть. Ты прошел войну, ты еще мальчишкой видел смерть. Она не должна тебя так сильно пугать. Вернись в реальность. Просто уничтожь все воспоминания о тех событиях. Они не повторятся. Никогда.

Свет вернулся в дома через пятнадцать минут. Глаза Татьяны настолько сильно привыкли к полумраку, что свет обыкновенной электрической лампочки стал восприниматься настолько ярким, что сияние солнце на ее фоне покажется тусклой свечей. В примерно это же время на улице разразилась самая настоящая гроза, мощь которой поражала даже самого привередливого. Улицы, в буквальном смысле, затопило, а вместо дорог теперь красовались самые настоящие реки, их сила с легкостью сдвинула некоторые автомобили с места и передвинула на несколько метров.

Татьяна поняла, что вернуться домой у нее сейчас не получится, ее худенькое тельце попросту унесет бурный поток дождевой воды куда-нибудь за тридевять земель. Эрван вновь заснул, он испытывал такую слабость, что даже отказался хотя бы что-нибудь съесть. Девушка опасалась, что у него может начаться жар, выглядел молодой человек крайне болезненно. Она до сих пор вспоминала ту кровь, что текла из его рта. Это было не из-за нахождения под водой, утопленники не окрашивают все вокруг себе в красный цвет. Татьяна изредка заглядывала в спальню на втором этаже, чтобы удостовериться, что с Эрваном все в порядке. Он безмятежно спал, свернувшись калачиком, отчего вызывал лишь чувство умиления. Из-за пледов, что обволакивали его тело едва ли не полностью, он напоминал куколку, которая в скором времени должна перевоплотиться в бабочку.

Чтобы как-то занять себя, девушка решила убрать песок на первом этаже. Она оставила во всех комнатах свет включенным, так как из-за грозы в мастерской стало невероятно тускло. Девушка во время поиска веника с совком обнаружила на кухне радиоприемник, довольно старый и потрепанный, но в хорошем состоянии. Устройство с легкостью нашло хорошие музыкальные композиции и развеяло так наскучившую тишину. Пела женщина с довольно сильным приятным голосом, сложно было разобрать смысл ее слов, так как исполняла она не на английском языке. Кажется, это был русский. Странно слышать подобные песни по местному радио, ведь Великобритания крайне негативно относилась к революции в России, где теперь каждая песня — воплощение государственной пропаганды коммунизма. Но судя по интонации женщины, эта композиция была довольно старая, возможно, исполнена еще до войны и посвящена любовной тематике.

Татьяна быстро избавилась от большей части песка, полностью заполнив им мусорное

ведро. После протерла полы шваброй и вытерла пыль со всей мебели. Теперь находиться в этом помещении стало гораздо приятнее. Во время уборки девушка нашла фотографию, заключенную в фоторамке. Она была спрятана в одном из ящиков рабочего стола Джорджа, словно некто не хотел, чтобы кто-то ее нашел. На снимке были изображены Эрван с Джорджем. Они сидели верхом на велосипедах и весело улыбались фотографу. На фоне виднелся какой-то городской парк, но в этом месте Татьяна ни разу не была. Возможно, фотография сделана где-нибудь в пригороде. Слишком чистое небо для Лондона. Кажется, это обыкновенная фотография. Но присмотревшись внимательно, Татьяна заметила еще одного героя этого снимка. Мужчина на заднем фоне где-то вдали со спокойным выражением лица курил сигару и незаметно наблюдал за молодыми людьми. Но была в этом человеке одна деталь, которая сильно взбудоражила Татьяну. Глаза мужчины были завязаны плотной повязкой.

— Привет, — внезапно послышался голос Эрвана позади.

Татьяна от неожиданности выронила фотографию, и та со стуком упала на пол, из-за чего стекло рамки тут же разлетелось на мелкие осколки.

— Боже, ты меня напугал, — схватилась за сердце Татьяна и со смущенной улыбкой выдохнула. — Прости. Я просто задумалась, — девушка склонилась над фотографией и принялась убирать кусочки стекла с пола.

— Долго я спал? — сонным голосом спросил он и потер рукой затекшую шею. — У меня такое состояние, словно я вылез из берлоги, где проспал целый год.

— Нет, где-то час. Сейчас только девять часов утра. Ты бы мог еще немного отдохнуть. Вряд ли тебе захочется в такую скверную погоду заниматься чем-либо, — улыбнулась Татьяна и, завернув осколки в носовой платок, выбросила их в мусорное ведро. — Ты голоден?

— Мне даже неловко, что ты так заботаешься обо мне. Чувствую себя как-то странно, — Эрван немного покраснел и покачался на пятках. — Давай лучше я что-нибудь приготовлю. Мне необходимо размяться. Ты и так перевернула всю мастерскую. Тебе следует отдохнуть.

— Да я и не устала, — пожала плечами та. — Давай тогда приготовим что-нибудь вместе. Знаешь, всегда хотела это сделать с кем-нибудь. Но такого шанса у меня не имелось ни разу за всю жизнь.

— Так давай это исправим, — радостно посмотрел на нее Эрван и побежал на кухню, после чего засунул свою голову в холодильник. — У нас практически ничего нет, остались только куриные яйца, немного ветчины и зелени. Можно сделать великолепный омлет, — юноша с азартом забегал глазами и открыл один из шкафчиков. — Ухты. У меня еще остался томатный соус. Да мы не такие уж и бедные, Татьяна!

Еще никогда девушка не испытывала такого душевного подъема во время приготовления пищи. Ей казалось, что этим она способна заниматься целую вечность, если рядом будет такой же человек, как и Эрван. Они едва ли не вместе смешали содержимое яиц в большой глубокой тарелке, крошили в эту желтую жижу мелко нарезанную ветчину, которая невероятно вкусно пахла и так и просилась в рот. И все это великолепие они осторожно вылили на предварительно разогретую сковороду, смазанную растительным маслом.

— Какой запах, — восхитилась Татьяна. — Давно не ела ничего подобного.

— Шутишь? Это же самое аппетитное блюдо на свете, — с удивлением уставился на нее Эрван. — Выходи за меня замуж, и я буду готовить тебе это чудо каждый день.

— Я согласна, — засмеялась та и стала нарезать вымытую зелень. — У нас в семье

никогда никто не готовил что-то сообща. Мы даже за стол не садились вместе, каждый ел в одиночестве. Бывали редкие исключения, но даже их невозможно было назвать семейным застольем. Мне так этого не хватало.

— Даже с вашим парнем вы не обедали вместе?

Татьяна задумчиво прикусила нижнюю губу и грустно посмотрела в сторону.

— Крис с самого начала намекнул мне, что я никогда не стану частью его большой семьи. Его отец был довольно влиятельным человеком. Но он считал, что я стану причиной бед в их кругах. Ведь многие были в курсе, что мой папа вот-вот станет банкротом. А вряд ли кто-то захочет платить за него деньги. Может быть поэтому мы и расстались с Крисом. Да, он любил меня, уделял много внимания. Но мне казалось это все слишком наигранным, детским, несерьезным. Мне было двадцать три года, я уже считалась взрослой женщиной, которая обязана нарожать детей и содержать семейный очаг. А он же являлся вечным детенышем своих родителей, который не осмелится и слова поперек им вставить. Жалкий трус.

— Ты кажешься такой невинной, — Эрван взял из ее рук доску для резки, на которой лежала подготовленная для их будущего блюда зелень. — Мне даже казалось, что ты еще девственница.

— Девственница? — вскинула брови та. — Неужели по моему виду можно такое подумать?

— Ты слишком скромна, как мне показалось. Необходимо более решительно обходиться с мужчинами, иначе они будут бояться тебя, считать, что ты их отвергнешь.

— Секса у меня не было уже давно, с этим я соглашусь. Просто я не из тех, кто ложится в постель к первому встречному. Не хочу быть своей матерью.

— А что с ней не так? — Эрван деревянной лопаткой распределил зелень по всей поверхности готовящегося омлета.

— Мой отец был ее пятым по счету мужем. До этого у нее в мужьях числилось еще несколько богатых «папочек», которые осыпали ее золотом с ног до головы. Но она старела, и эти пожилые бизнесмены искали более молоденьких кукол для своих сексуальных развлечений. Ты не представляешь, какими вещами она с ними занималась в постели.

— Какими, например?

— Ну... — протянула та и смущенно засмеялась. — Например, трахала их straponом.

— О-хо-хо, — широко распахнул свои глаза от удивления тот. — Твоя мама действительно завидная любовница. Теперь понятно, почему у нее было столько мужчин. Только странно, что от нее отказывались любовники.

— Знаешь, я даже не хочу думать, что у нее происходит с личной жизнью. Она редко ночует дома. Вчера вообще вернулась под вечер и утром умудрилась сделать мне замечание. Видите ли, ей не понравилось, что я провожу слишком много времени с парнями. Хотя она меняет сексуальных партнеров, как перчатки. Я не осуждаю ее, у каждого есть право выбора. Просто не хочу, чтобы хоть кто-то узнал о подобном образе жизни моей матери.

— Возможно, она ищет того самого. Просто не может определиться, — сделал предположение тот, но сразу же понял, что смолот чепуху.

— Она влюблена в себя. Ей нужны только деньги. Сейчас она старая, морщинистая кошелка, которая никому не нужна. Рано или поздно ее бизнес рухнет. Но я не хочу в этом участвовать. Пусть живет сама по себе. Моим воспитанием, в основном, занимался отец. Он дал мне цель и проложил путь в жизни. Его советам и буду следовать. У меня лишь осталась

обида, что он бросил меня в трудной жизненной ситуации совершенно одну. И эту обиду не замаскируют даже самые светлые воспоминания... Ты понимаешь?

— Да. Я тебя понимаю, как никто другой, — вздохнул тот и перевернул омлет на другую сторону. — У тебя был хороший отец. И тебе следует им гордиться.

Через пару минут их совместный завтрак был готов. Они аккуратно разделили омлет на две равные части, положили их в тарелки, немного добавили томатного соуса и принялись трапезничать.

— Великолепно! — проглотила один кусочек Татьяна, который случайно обжег ее язык. — Только горячо. Ай!

— Не торопись, — улыбнулся Эрван и передвинул свой стул поближе к девушке. — Кушать надо медленно, чтобы ощутить все вкусовые качества блюда.

— Так? — девушка положила в рот еще один кусочек и стала жевать настолько медленно, что еда успела пропитаться слюной едва ли не полностью.

— Немного побыстрее, — усмехнулся тот и положил в рот довольно большой кусок, после чего начал перемалывать пищу зубами с невероятной быстротой, при этом парень в упор смотрел на Татьяну и слегка скосил глаза.

— Эрван, прекрати! — слегка толкнула его в грудь та и весело засмеялась. — Мы так никогда не доедим этот омлет.

— Кстати, завтра состоится маскарад. Ты все еще ходишь пойти на него со мной?

— Да, я помню. Сегодня утром я смотрела афишу. Оказывается, маскарад будет проходить не на открытом воздухе, а в каком-то особняке на окраине города. Но событие обещает быть торжественным.

— Если в особняке, то вряд ли меня туда пустят в таком виде, — критично оглядел себя тот и смущенно улыбнулся.

— Не беспокойся об этом. Тебе необходимо развеяться, а то ты выглядишь слишком болезненно. Для хороших людей ничего не жалко. Одна я бы туда ни за что не пошла. А с тобой с большим удовольствием. Нужно лишь подготовиться.

— Завтра моя смена заканчивается примерно в шесть вечера. Думаю, мы успеем добраться туда вовремя.

— Мероприятие начнется только в одиннадцать, так что времени у нас будет предостаточно. Но купить одежду желательно сегодня. Думаю, через час дождь закончится, и мы сможем спокойно пройти по магазинам.

— Что ты. Не надо ничего покупать, — чуть было не подавился омлетом тот. — Я найду деньги.

— Заткнись, Эрван. Мы сделаем из тебя завидного жениха, и это не обсуждается, — ущипнула его за щеку та и вновь вернулась к еде, поглядывая на молодого человека с довольной улыбкой.

Через час дождь так и не стих, а лишь усилился. Стены, в буквальном смысле, содрогались от барабанной дроби. Молнии сверкали настолько часто, что Татьяне пришлось закрыть все окна шторами. Убрав все со стола и вымыв посуду вместе с Эрваном, они взяли с собой играющее радио и направились на второй этаж. Оба поняли, что невероятно сильно замерзли, так как температура воздуха из-за долгого отсутствия солнца существенно понизилась в каждой комнате. Поэтому им пришлось согреть себя под теплым одеялом. Татьяна поставила радио на подоконник и с молодым человеком плюхнулась на кровать, в

которой они укутали себя несколькими пледами, но даже это не особо помогло им хотя бы немного согреться.

— Скажи мне, почему зима наступила в сентябре? — дрожащим голосом спросила Татьяна, глядя на Эрвана, который выглядел ничуть не лучше, чем она.

— Санта Клаус решил раньше времени заехать к нам с подарками, — улыбнулся парень. — Мы часто мерзли с Джорджем здесь. Здание довольно старое, в стенах много щелей. Не представляю, как мы будем здесь зимой. Надо делать капитальный ремонт. Мастерская много лет стояла без хозяина. Иногда я боюсь, что где-нибудь замкнет проводку.

— Вы могли бы продать это место за довольно хорошие деньги, мастерская стоит недалеко от центра города, в людном районе.

— Джордж ни за что не продаст это место. Он прожил здесь большую часть своего детства. Здесь жили его родители, здесь они умерли. Джордж рассказывал, что тело матери пролежало в мастерской четыре дня, так как не было денег на похороны, ему пришлось работать по шестнадцать часов каждый день, чтобы хоть что-то заработать. Эта женщина лежала на этой самой кровати, — глаза Эрвана хищно блеснули, и он со зловещей улыбкой наблюдал за реакцией Татьяны.

— Если ты думаешь, что я верю в привидения, то ошибаешься. Они не существуют. Все это обыкновенные выдумки. Нет никаких доказательств, что они есть.

— Когда умерла моя девушка, я видел ее во сне, каждый день. И глупо надеялся, что на самом деле она жива, что ее смерть была чудовищной шуткой моего несносного отца. Сейчас я понимаю, что она действительно больше не со мной, что я никогда ее не увижу. И это разрывает меня на части. Поэтому люди и верят в привидения. Это их единственный шанс встретиться с умершими близкими вновь.

— Ты ее искренне любил, это видно в твоих глазах. Но почему ты думаешь, что твой отец мог так... пошутить? — Татьяна пододвинулась к Эрвану поближе и положила свою голову на его плечо.

— Знаю, он любил меня, по-своему, но любил. Когда я был еще маленьким, от нас ушла мать. Она постоянно бухала, не знала никакой меры, алкоголь тек по ее венам рекой. Я ни разу не наблюдал ее трезвой. Но отец был от нее без ума, любил больше всего на свете. И все ей прощал... Кретин. После ее ухода отец изменился до неузнаваемости. Он напоминал голодного волка, у которого отняли добычу. И часто его гнев выливался на... меня, — после последней фразы Эрван нервно сглотнул. — Знаешь, мне все говорили, что я внешняя копия своей матери, что я унаследовал от нее практически все черты лица.

— Она была красивой женщиной, — внимательно осмотрела его смазливое лицо Татьяна и смущенно улыбнулась, когда встретила с удивленным взглядом молодого человека.

— Но я ее ни видел такой. Возможно, до моего рождения она была красавицей. Но при мне она была худощавой пятидесятилетней теткой, которая больше походила на бездомную. Мама не хотела моего рождения, отец заставил ее родить. Она часто говорила мне, что пыталась упасть с лестницы, чтобы у нее случился выкидыш. Но папа не отходил от нее ни на шаг.

— Думаю, он выливал на тебя свою злобу, так как ты был похож на нее. Он видел ее в тебе. И это делало ему больно...

— Возможно, — вздохнул тот. — Через пару лет после ухода матери он женился снова. У моей мачехи уже был ребенок, дочь, моя ровесница. И в пятнадцать лет я стал встречаться

со своей сводной сестрой. Разумеется, отец был категорически против наших отношений.

— Поняла. Он видел в этом инцест, в самом чистом виде.

— Поразительно, правда? Но сначала его это не сильно заботило. Все недовольство возникло после рождения еще одного ребенка, и так как он родился от моего отца и мачехи, то являлся моим кровным братом и кровным братом моей девушки. После этого отец и встал между мной и Кэтрин. С тех пор вся моя жизнь пошла по наклонной.

— А как мачеха относилась к вашему союзу с Кэтрин?

— Спокойно. Считала, что в этом нет ничего плохого, так как мы с Кэтрин не были ни разу кровными родственниками и имели полное право заключить брак. Сейчас я понятия не имею, как они живут. Я немного скучаю по своему младшему брату, — Эрван улыбнулся, и Татьяна заметила на его щеках милостивые ямочки, которых до этого она почему-то не наблюдала. — В последний раз я его видел почти три года назад, ему было всего лишь восемь. Мы были с ним довольно близки. Забавно, что Уильям был на меня похож, ведь нашим общим родителем был только мой отец. У него были мои глаза. Он всегда с такой преданностью смотрел на меня, как собака. Сейчас ему уже лет одиннадцать.

— Почему же ты ему не напишешь, не наведишь его? Даже если ты не хочешь видеть отца, то это тебе не должно мешать увидеться с братом. Думаю, он будет очень рад встретиться с тобой снова.

— Думаю, ты права, — тихо ответил тот и вздохнул. — Он — моя семья. И я не могу отказываться от него.

Неожиданно внизу раздался шум. Кто-то хлопнул входной дверью. Эрван напрягся и вскочил с кровати. Молодой человек подошел к двери и осторожно выглянул наружу.

— Джордж вернулся, — прошептал он Татьяне. — Думаю, теперь он от тебя не убежит, и ты сможешь ему все высказать.

— Он этого не заслужил, — проворчала та и подошла к Эрвану. — Я не хочу оставаться с ним наедине.

Татьяна и Эрван спустились по лестнице на первый этаж и столкнулись лицом к лицу с Джорджем, который едва ли не в обнимку стоял около двери с каким-то высоким мужчиной и улыбался странной улыбкой.

— Здорова! — махнул он Эрвану. — Как я рад вас всех видеть. Знакомьтесь! — Джордж указал на своего спутника. — Это Стив! Мой самый лучший друг. Не смейте его обижать. Договорились?

— Ты пьян? — в недоумении посмотрел на него Эрван, после чего вопросительно посмотрел на Стива, который тоже не отличался трезвостью.

С Джорджа и его нового друга мощными потоками стекала дождевая вода, из-за чего вся прихожая заросла грязными лужами. Джордж прошел в середину комнату и, покачиваясь, осмотрел мастерскую.

— Как я вас всех ненавижу, уроды, — прорычал он и внезапно закричал. — Ненавижу!!!

— Все хорошо, — прошептал Эрван Татьяне на ухо и слегка приобнял ее. — Если хочешь, мы можем уйти отсюда.

— Я не хочу сейчас оставлять тебя наедине с ними, — в страхе ответила та и исподлобья посмотрела на Джорджа и Стива, невольно поежившись.

— О чем это вы там шепчитесь, голубки? — озлобленно посмотрел на Татьяну Джордж. — Что ты, мать твою, здесь делаешь? Я тебя, кажется, сюда не приглашал. Прошу меня покинуть, вы мешаєте нашей мужской компании расслабиться. Верно, Эрван?

— Джордж, успокойся, дружище, — с улыбкой приобнял парня Стив и немного отвел его в сторону. — Не стоит это делать. Нам надо протрезветь.

— Это все из-за этой рыжей шлюхи! — Джордж с криком ткнул пальцем в Татьяну. — Это все из-за нее! Она во всем виновата. Только она!

— Прости, я, пожалуй, и правда пойду, — прошептала Татьяна Эрвану и направилась в сторону выхода, но потом резко остановилась и косо посмотрела в сторону Джорджа. — А ведь ты мне когда-то нравился. Во что ты превратился? На тебя жалко смотреть.

Джордж вырвался из хватки Стива и направился в сторону Татьяны, явно не с самыми добрыми намерениями. Эрван поспешил встать между ними и заслонил собой девушку, не дав русоволосому парня приблизиться к ней на слишком маленькое расстояние.

— Тебе не следовало появляться здесь, — стиснув зубы, прорычал Джордж девушке. — Уходи. Сейчас же. И больше никогда не появляйся здесь. Пожалуйста.

Татьяна со злостью взглянула на него, после чего резко притянула Эрвана к себе и неожиданно для всех поцеловала молодого человека, которых явно был ошарашен от ее действий. Затем девушка отстранилась от Эрвана и, еще раз негативно взглянув на Джорджа, направилась к выходу.

Когда Татьяна скрылась за дверью, Эрван дотронулся до своих губ, на которых до сих пор чувствовался поцелуй Татьяны, после повернулся к Джорджу. Тот, как громом пораженный, с грустью пялился на молодого человека, явно еще не отойдя от внезапных действий рыжеволосой девушки.

— Как тебе? — хмыкнул Эрван и косо взглянул на топтавшегося на месте Стива.

Джордж засунул руки в карманы брюк и задумчиво опустил голову.

— Стив, можешь нас оставить наедине на пару минут? — обратился он к другу.

Стив возражать не стал и скрылся на кухне.

— Что ты мне хочешь сказать, Джордж? Непривычно видеть, что у тебя еще есть слова для меня, — усмехнулся Эрван и скрестил руки на груди. — Знаешь, а мне Татьяна нравится. Думаю, у нас с ней что-то выйдет. Просто хочу, чтобы ты это знал.

— Хорошо, я тебя понял, — прошептал тот, так и не осмелившись взглянуть на Эрвана. — Теперь можешь уходить. Тебе здесь больше не место. На этот раз это действительно конец.

— Хочешь, чтобы я ушел? — хриплым голосом спросил тот и криво улыбнулся. — Ладно. Я уйду.

Эрван слегка покачался на пятках и направился в сторону спальни, но рядом с Джорджем он резко остановился, схватил парня за край ворота его рубашки и притянул к себе. Их поцелуй был невероятно долгим, по крайней мере, так показалось им обоим. Эрван осторожно отстранился от Джорджа и, облизав губы, с улыбкой посмотрел на молодого человека.

— Зачем ты это делаешь? — дрожащим от волнения голосом прошептал Джордж и опустил свой взгляд вниз.

— Прощаюсь с тобой.

Миссис Хапперт услышала, как в прихожей со всей силы хлопнула входная дверь, из-за чего даже зазвенела посуда в буфете. Женщина удивленно переглянулась, поставила недопитый кофе на стол, осторожно согнала белого кота с колен и пошла встречать незваного гостя. У двери она увидела дочь, которая была мокрой от макушки до пяток. Ее

длинные рыжие волосы спутались и охотно падали на лицо, скрывая его от посторонних глаз. Девушка молчаливо плакала, тяжело проглатывая слезы, и с мольбой смотрела на маму, словно пыталась попросить ее о помощи.

— Мама, — всхлипнула она. — Какая же я дура! Почему я такая неудачница? Что во мне не так?

— Боже, моя милая, — ласково произнесла женщина и заключила девушку в крепкие объятия. — Как же ты меня напугала. Я уже начала думать, что что-то случилось. Зачем ты ходила к нему? Я ведь говорила заранее, что ты испытаешь мучительную боль от общения с этим человеком.

— Почему мужчины так поступают? Почему отвечают на мою заботу такой грубостью? Я ведь так легко влюбляюсь... Так сильно привязываюсь к людям.

— Идем. Тебе нужно переодеться, — женщина критично осмотрела дочь и нежно погладила ее по ледяной щеке, на которой до сих пор висели капельки дождевой воды. — Ты вся продрогла! Я наберу тебе горячую ванну, хорошо? Ну же, успокойся, зайчик, — миссис Хапперт снова прижала к себе Татьяну и чмокнула ее в макушку. — Ты не представляешь, как я тебя люблю. Ты мой единственный родной человечек. И я не позволю, чтобы ты страдала в этой жизни. С завтрашнего дня мы будем строить грандиозные планы. Сделаем из тебя самую завидную невесту города.

— Невесту? — с улыбкой вытерла слезы та. — Кому же я нужна такая? Во мне видят фарфоровую куклу, мужчины словно боятся меня.

— Боятся, потому что знают, что не потянут такую дорогую женщину. Поэтому тебе не следует водиться с неудачниками, рано или поздно ты их возненавидишь за то, за что сейчас любишь. Сейчас ты не замечаешь эти недостатки, но стоит тебе пожить с этим человеком хотя бы год... И ты все понимаешь. Я прожила долгую жизнь. Я была не один раз в браке. И знаю мужскую натуру наизусть. Ты не представляешь, насколько сильно мужчина любит быть пассивным, обожает, когда им повелевает женщина. Рано или поздно слабый пол возвысится над миром. Мужчины будут бояться нас. Мы больше не посмеем им помыкать нами. Мы сильнее.

— Мама, вы чертова феминистка, — усмехнулась Татьяна и, немного успокоившись, направилась в свою комнату. — Женщина никогда не сможет полностью заменить мужчину. Наша физиология нам попросту не позволит. Не вижу смысла в этом равенстве.

— Ты такая взрослая и такая глупая, — улыбнулась та и вздохнула. — Ладно, пойду готовить тебе ванну. Я добавлю пену и эфирное масло! И возражения не принимаются! — крикнула она из уборной.

— Договорились, мама.

Через час миссис Хапперт решила навеститься к соседке «на чай». Татьяна знала, что подобные мероприятия займут у матери несколько часов, поэтому расслабилась, так как появился шанс побыть наедине с собой и разложить мысли по местам.

Она надела махровый халат на голое тело, затянула длинные волосы в конский хвост и села на кровати, подложив под спину огромные перьевые подушки. Взяв в руки книгу, она попыталась немного забыться при чтении, но ни единое слово не желало воспроизводиться в голове, поэтому девушка отложила это занятие и стала просто наслаждаться тишиной квартиры.

Она до сих пор вспоминала их с Эрваном поцелуй. И ненавидела себя за подобные

смелые действия. Молодой человек не ожидал от нее такой инициативы и вряд ли был подобным восхищен. Они знакомы всего лишь два дня, практически не знают друг о друге ничего. И вдруг случается такой казус. Татьяна знала, что сделала это не из-за того, что хотела поцеловать молодого человека. Нет. Ею двигало иное чувство. Злоба. Желание причинить боль. Она смотрела на Джорджа, видела, как его этот поцелуй, в буквальном смысле, разъедает, как кислота, вгрызается острыми зубами в сердце. Он смотрел на нее, пытался подавить негативные эмоции, делал вид, что все хорошо. Но его опьяненное состояние не позволяло ему полностью контролировать себя. И ревность резким изображением отобразилась в его уставших глазах. Казалось, что в тот момент весь мир рухнул перед ним, это было подобно невидимому выстрелу, который раздробил все жизненно важные органы. Татьяна же получала огромное наслаждение от его эмоций, она видела перед собой насекомое, которое она медленно давила своим острым каблуком, чувствовала вопли жертвы, ее мольбы о пощаде. Он глазами пытался заставить ее остановиться, и она отступила, отстранилась от Эрвана. Зачем? Зачем она это сделала? Почему Джордж возбудил в ней столь чуждые для нее эмоции?

Татьяна знала. Джордж был ей невероятно симпатичен. И это было глупо отрицать. Она все это время насильно вбивала себе в голову, что этот человек до жути странный, чудаковатый, помешанный на непонятных вещах. Он словно не видел людей вокруг себя, концентрировался только на узком кругу общения. И Татьяна вряд ли входила в тот список людей. Молодой человек избегал ее после тех ужасных событий на побережье. Что-то резко оттолкнуло его от нее, заставило презирать. Почему симпатия переросла в столь ожесточенную форму? Какой фактор послужил таким изменениям?

Она знала, им следует поговорить. Необходимо переступить через себя и разрешить возникший конфликт. Девушка была уверена, Джордж позволит ей высказаться и сумеет выйти с ней на контакт, поговорит спокойно и не станет вновь отталкивать. Если она действительно совершила что-то плохое месяц назад, то ей необходимо узнать, в чем именно состоит ее вина. Татьяна не могла закончить их дружбу на такой ноте. Джордж был по-прежнему важен для нее. Впервые она испытала стыд за свои действия сегодняшним утром. Ей следовало просто уйти, без всего этого представления.

Татьяна провела рукой по лицу и, откинув голову назад, вздохнула.

Неожиданно на ее колени легло что-то тяжелое и пушистое. Девушка с удивлением посмотрела на колени и увидела свернувшегося в клубок кота, который громко заурчал, отогнав наскучившую Татьяне тишину.

— Люцифер, — ласково прошептала девушка и почесала питомца за ушком, отчего тот заурчал еще громче. — Какой ты чистый. Мама помыла тебя сегодня? — Татьяна уткнулась носом в его затылок и вдохнула мятный аромат шампуня. — Как ты вкусно пахнешь! Всегда бы так.

Неожиданно в прихожей раздалась трель дверного звонка. Татьяна тяжело вздохнула, так как осознала, что придется встать на ноги и потревожить заснувшего Люцифера. Завязав халат потуже, чтобы части ее обнаженного тела, не дай бог, не выглянули наружу, после чего подошла к двери и заглянула в глазок, но неожиданный гость встал таким образом, что невозможно было увидеть его лицо из квартиры.

— Кто это? — спросила она.

— Доставка обуви, — с наигранной серьезностью ответил знакомый мужской голос.

— Эрван? — Татьяна открыла дверь и взглянула на молодого человека, который с

улыбкой глазел на нее и как-то странно держал руки за спиной, словно что-то прятал. — Я думала, что после того случая ты не захочешь меня видеть...

— Это тебе, — парень держал в руке красивые туфли на высокой подошве, которые невероятно вкусно пахли гуталином.

— Боже, какая прелесть! — ахнула Татьяна и осторожно приняла подарок. — Ты их сам сделал?

— Да. Сегодня специально вышел не в свою смену, чтобы сделать тебе приятное. Просто до меня дошли слухи, что ты большая поклонница качественной обуви. Это чистая кожа, можешь не волноваться.

— Как ты узнал мой размер? — удивленно спросила его девушка и прямо здесь стала примерять туфли.

— Случайно осмотрел твою обувь, в которой ты пришла ко мне. Тебе нравится? — с сомнением посмотрел на нее тот, опасаясь, что его подарок может не подойти рыжеволосой девушке.

— Боже милостивый! Какие мягкие! В них так комфортно! — восторженно произнесла та и, надев вторую туфлю, прошла по квартире. — Спасибо тебе. Ты войдешь?

— Если ты не против. Вдруг у тебя изменились планы на этот вечер.

— Я тебе обещала, что мы пройдемся по магазинам и купим тебе что-нибудь к завтрашнему празднику. Но на меня навалилась такая усталость.

— Не смей тратить на меня хотя бы цент. Иначе обижусь, — с серьезным видом сказал ей тот. — Я уже нашел себе костюм. Один друг с завода одолжил на время. Так что на твоём фоне не буду выглядеть нелепо, — молодой человек прошел в квартиру и стал осматриваться, явно стесняясь заходить в другие комнаты. — Ты живешь одна?

— Нет, с мамой и котом, — пожалала плечами та. — Раньше жила одна, до того момента, пока отец не скончался. Потом нам пришлось продать загородный дом, чтобы выплатить часть отцовских долгов, поэтому мама перебралась сюда. Эта квартира — единственное, что у нас осталось. Мы практически все продали.

— Дела настолько плохи? — с сочувствием взглянул на нее Эрван. — Извини, что затронул эту тему. Тебе явно не хочется говорить об этом.

— Ты прав. Я не хочу. Давай я сделаю чаю?

— Нет, не стоит... — поморщил нос тот и резко замолк, явно о чем-то задумавшись. — Знаешь, я пришел к тебе сегодня, чтобы... Чтобы спросить кое о чем. Возможно, ты не захочешь отвечать. Но этот вопрос касается меня... — Эрван нервно сглотнул и забегал глазами. — Этот поцелуй... Ты сделала это из-за него?

— Из-за кого? — Татьяна специально сделала вид, что не понимает, что он имел в виду, хотя на самом деле лишь тянула время для ответа.

— Из-за Джорджа, — в упор посмотрел на нее тот. — Вы с ним знакомы довольно давно. И вряд ли ты бы меня поцеловала, если бы там не стоял Джордж и не смотрел на тебя.

— Если что-то и было, то это в прошлом. Да, между нами была некая симпатия, но дальше милых словечек ничего не зашло. Так что... Не волнуйся. Я поцеловала тебя, так как этого хотела.

— Я постараюсь тебе поверить, — тихо сказал тот и снова тяжело выдохнул. — Не хочу, чтобы меня использовали, чтобы заставить кого-то ревновать.

Татьяна невольно покраснела и отвернулась, чтобы молодой человек не увидел ее настоящих эмоций.

— А сейчас ты хочешь меня поцеловать? — спросила девушка, стоя к парню спиной.

Она нервничала, как никогда прежде. Было ощущение, что ей не доводилось разговаривать с противоположным полом ни разу за всю жизнь.

— Если ты разрешишь, — широко улыбнулся тот и как-то боязливо обнял ее.

Татьяна всей спиной прижалась к его телу и стала специально подставлять свою шею для его губ.

— Я не хочу тебя торопить, — прошептал Эрван, водя кончиком носа по ее горячей коже. — Если ты еще не готова к подобному, то можешь меня остановить.

— Нет, все в порядке, — девушка потерлась о его лицо щекой и взволнованно облизала губы. — Я хочу этого. Хочу, чтобы ты меня поцеловал.

Эрван легонько коснулся губами ее шеи и стал медленно исследовать эту зону, стараясь наблюдать за эмоциями девушки, чтобы быть уверенным, что он делает все правильно. Татьяна сжала ладонями его холодные пальцы и поднесла их к поясу своего халата, но Эрван словно специально не торопился, заставлял девушку изнывать от желания.

— От тебя пахнет мятой, — улыбнулся он. — Это шампунь?

— Это мой кот, — прошептала она и указала взглядом на Люцифера, который с любопытством наблюдал за ними из спальни, сидя на кровати.

— Кажется, он ревнует тебя, — Эрван сжал между губ ее мочку уха и слегка прикусил зубами, стараясь это делать как можно аккуратнее, чтобы не причинить Татьяне боль.

— Постой, — резко остановила молодого человека та и повернулась к нему лицом. — Пойдем в спальню. Мне неловко заниматься этим здесь.

— Почему? По-моему, здесь отличная атмосфера, — усмехнулся он и сжал ее ладони в своих. — Боишься, что сейчас вернется твоя родительница и застукает нас?

— Нет. Мне совершенно плевать на нее. Просто в моей спальне теплее, — девушка потянула парня за собой и рухнула вместе с ним на кровать, чуть не придавив своим весом зазевавшегося Люцифера, который еле-еле успел убежать.

— Кажется, твой кот скоро начнет меня ненавидеть, — усмехнулся Эрван, наблюдая за тем, как круглый комочек шерсти уносится вдаль.

— Эрван, — Татьяна сжала лицо молодого человека руками и осторожно коснулась пальцами его губ. — Я так рада, что встретила тебя. Мы знакомы всего лишь два дня, а мне кажется, что...

— Что? — едва слышно прошептал он. — Скажи это.

Окно ее спальни выходило прямо на мастерскую Джорджа, Татьяна знала, что молодой человек видит ее, наблюдает издали, ощущала, как ревностные чувства продолжают съедать его живьем.

Девушка резко притянула Эрвана к себе и обожгла поцелуем. Она не знала, что в данный момент происходило в ее голове. Это можно было назвать торнадо. Татьяна совершенно не контролировала своих действий, слова вырывались из уст самовольно, совершенно не отображая реальное состояние ее мыслей. И от этого становилось по-настоящему страшно. Но останавливать происходящее уже было слишком поздно.

Глава двадцать третья. Иллюзия

Мария Аддерли редко запускала в свой кабинет кого-либо из посетителей, даже если это был невероятно важный господин, который не терпел ждать. Женщина предпочитала разговаривать с людьми вне этой комнаты, где-нибудь в коридоре, рядом с пациентами. Ей казалось, что таким образом все эти важные шишки не успеют забыть, где они находятся, не смогут расслабиться. Крики душевнобольных сводили их с ума, заставляли морщить носы, нервно оглядываться по сторонам, словно в любой момент кто-то из пациентов накинется на них с ножом и отрубит им какую-нибудь часть тела. К тому же это помогало найти достойных инвесторов, которые были заинтересованы в улучшении данного заведения.

Так у них появилась расширенная общая душевая, где могли вымыться горячей водой представители обоих полов. Раньше они располагали только тремя ванными, из-за чего большая часть больных могла не мыться несколько суток из-за банальной нехватки места и времени. Пожилые были менее активными, поэтому от них смердело не так сильно, а вот от молодых, особенно от мужчин, невероятно жутко. Теперь проблема с гигиеной устранена. Разумеется, Мария хотела добиться и того, чтобы душевые были отдельными, многих смущало, что обнаженные мужчины и женщины находились под струей воды вблизи друг от друга, при этом у них даже не имелось хотя бы маленькой шторки, которая могла бы их скрыть. За каждым из мывшихся следили санитары.

Бывали случаи, что пациент пытался напасть на кого-то из-за того, что он видел перед собой не людей, а марсиан, другие же делали попытки покончить с собой. Разумеется, острых предметов в душевых не наблюдалось, оставалось только специально удариться головой о стену или поскользнуться на мокром полу. Но ни один из санитаров не позволил кому-либо свести счеты с жизнью или же навредить окружающим, по большей части это достигалось с помощью насильственных методов. Каждого душевнобольного, который решил нарушить общий покой, помещали в специальный изолятор, после каждое утро обливали холодной водой в течение часа, заставляя провинившегося выкрикивать слова прощения. Нередко санитары избивали пациентов до полусмерти, а после связывали и не кормили двое суток. Теперь все эти сошедшие с ума бедняги попросту боялись шелохнуться, так как знали, что умереть здесь раньше времени не получится.

Мария пыталась бороться с такими методами воспитания пациентов, делала все возможное, чтобы самые проблемные душевнобольные находились в изолированном месте, тем самым создавала более-менее комфортные условия для возможного выздоровления. Одним из первых таких пациентов стал девятнадцатилетний Ричи, самый необычный пациент их заведения. Он не отличался агрессивностью, был послушен, ни разу не пытался кого-либо разозлить. Ричи молчал, ни с кем не разговаривал. В столовой он садился за самым дальним столиком и маленькими шагами опустошал тарелку с едой. Мария старалась наблюдать за ним издалека, желала понять, что же выделяло этого молодого человека из всей этой грязной массы.

Он был переведен сюда из психиатрической лечебницы Доктора Ломана, где уже восемь лет числился постоянным пациентом. Парень не закончил школу, плохо читал и каким-то образом застрял в прошлом. Сложно было увидеть в нем зрелого парня, это, фактически, десятилетний ребенок. Бывали моменты, когда в нем просыпался некто взрослый, совершенно не похожий на него самого, но такое событие происходило крайне

редко, чаще при беседе с Марией. Женщина полагала, что он прекрасно осознавал свою сущность, но прятал под маской невинного мальчика, это была некая защита, будто молодой человек не хотел, чтобы кто-то узнал нечто из его реальности, настоящей жизни. Для этих целей Ричи и создал альтернативное настоящее, где он являлся отсталым в развитии подростком. Но Мария иногда видела его настоящее лицо, слышала эти твердые уверенные слова. Нужно всеми силами пытаться вытащить настоящего Ричи наружу на долгое время, узнать, познакомиться поближе, но пока не за что зацепиться, он все чаще и чаще пребывает вне зоны досягаемости.

«Полагаю, его альтер-эго, которое он демонстрирует в редких исключениях во время наших бесед, является своеобразным образом его умершего брата, частичкой воспоминания. Он взял имя брата не случайно, у него некое помешательство своим родственником, Уильям взял его характер, манеру общения. В данный момент у него имеются три личности. Первая — это он сам, именно эту личность, настоящую, искреннюю мы так и не встретили, вторая — его брат, третья — он в десятилетнем возрасте. В данном случае вторая личность лидирует над первой, подавляет, отчего ее можно считать основной на данный момент.

Мальчик был обвинен в убийстве своих родителей в тысяча девятьсот девятнадцатом году, трагедия случилась двадцатого декабря, незадолго до Рождества. Обоих супругов полиция обнаружила на следующий день, никаких признаков насилия найдено не было, но официальное заявление, данное после судмедэкспертизы, говорит, что смерть наступила в результате удушья. Хотя истинные причины гибели этих людей так и не была раскрыты. Мальчика отправили на допрос, где, скорее всего, насильно выбили из него признание в убийстве, чтобы не ставить на этом деле столь ненужный гриф „Совершенно секретно“. Ричи же старается не отрицать свою причастность к этому преступлению, хотя никаких ярких подробностей о том моменте не помнит, он нашел родителей уже мертвыми и сам же вызвал полицейских. Если так подумать, то все это расследование от мозга до костей сфабриковано. Нет никаких точных доказательств, что Ричи действительно лишил жизни родителей. В квартире в тот вечер мог быть кто угодно из посторонних. Но следствие решило не отягощать себя, поэтому вся вина легла на плечи несчастного мальчика, который за один вечер остался круглой сиротой».

Мария закончила запись в своем личном дневнике и, размяв затекшие пальцы левой руки, которые целый день сжимали ручку без передышки, невольно убрала прядь светлых волос, которая выбилась из ее небрежного пучка, затянутого на затылке. Немного отдохнув и посидев в тишине, Мария вновь открыла дневник и решила сделать еще одну запись своих плодотворных мыслей:

«Я изучила документы этого загадочного дела, выяснила, кто именно занимался расследованием тех убийств восемь лет назад. Этого человека зовут Брайан Аддингтон, тридцати девяти летний детектив с большим стажем, в годы войны работал в государственной разведке и расстреливал изменников прямо у подъезда их дома, он ничуть не стыдился своего прошлого и успешно продолжил убивать всяких подонков уже в качестве опытного сыщика. Возможно, он продолжает работать на правительство, вряд ли ему бы захотелось оставлять такую высокую должность. Но информация о сторонней деятельности полностью отсутствует в его досье. И это усиливает мои подозрения! Именно Аддингтон вновь взялся за Ричи спустя столько лет. И добился того, чтобы парня заперли, продолжали пытаться, вырывать информацию о смерти его родителей. Вряд ли он добивается признания для себя, ради правосудия. Здесь кроется нечто другое. Более извращенное. У меня

складывается ощущение, что Ричи заинтересованы спецслужбы, и родители мальчика погибли от чего-то по-настоящему страшного. Запрещенные эксперименты химического оружия?»

Последнюю фразу женщина выделила красной ручкой, после чего нервно забарабанила ногтями по столу. Если этот Брайан так заинтересован в Ричи, то, возможно, верит, что мальчик видел настоящего убийцу его родителей. И теперь он хочет узнать, каким именно бесследным методом было совершено убийство. Теперь отчетливо видна его наружность работника спецслужб.

Женщина устало потерла глаза ладонями и, прищурившись, посмотрела на настольные часы. Уже второй час ночи, необходимо заканчивать с записями.

Она хотела вернуться в кабинет мужа, который находится в соседнем корпусе, но решила остаться здесь и немного вздремнуть на узком диванчике. В шесть утра ей предстоит делать обход. Нужно хотя бы немного поспать.

Мария пробудилась, так как ощутила на своем плече чье-то осторожное прикосновение. Женщина вздрогнула и резко открыла глаза. Перед ней стояла медсестра и с улыбкой наблюдала за ней.

— Вы так сладко спали, не хотела вас будить. Но вчера вечером вы попросили меня вас разбудить как можно раньше, — с заботой сказала веснушчатая девушка и помогла Марии подняться с узкого диванчика.

— Будь добра, принеси кофе. Иначе мне не суждено проснуться, — слабым охрипшим голосом произнесла та и сонными глазами стала водить из стороны в сторону, словно видела эту комнату впервые. — Какое сегодня число?

— Двадцатое декабря, миссис Аддерли, — улыбнулась медсестра и стала заваривать бодрящий напиток. — Почему вас это так интересует? Что-то должно произойти в этот день?

— Нет, — Мария поджала губы и взглянула на бумаги, которые она изучала вчера.

Сегодня очередная годовщина со дня смерти родителей Уильяма. Необходимо использовать это, чтобы выжать из молодого человека как можно больше информации о той трагедии.

Мария надела белый халат, расчесала свои светло-русые кудри, быстро умылась холодной водой, пытаясь отогнать остатки сна, после чего принялась за кофе, которое ей любезно подала медсестра.

— Ночью никаких происшествий не было? — исподлобья посмотрела на девушку Мария и сделала глоток горячего напитка.

— Одному пациенту стало плохо. Сильная рвота. Возможно, пищевое расстройство. Я рекомендовала санитарам пока его не кормить сильно калорийной пищей. Сейчас ему должны принести овсянку на воде. Никакого сахара, никакого молока и сливочного масла.

— А Уильям? Ты не заходила к нему?

— Он спал, вполне спокойно. Впервые ни разу не проснулся.

— Хорошо. Я добьюсь его скорой выписки, — Мария поставила пустую чашку на свой рабочий стол и тяжело вздохнула. — Его держат здесь на незаконных основаниях. Ему предъявили ложное обвинение в убийстве, а потом приписали стрельбу в полицейском участке.

— Стрельба в полицейском участке, миссис Аддерли? — удивленно взглянула на

женщину медсестра.

— Весьма абсурдный случай, не так ли? Но этого было достаточно, чтобы вновь повесить на него старые грехи. Он лечился у Доктора Ломана, нашего небезызвестного хирурга и по совместительству блестящего психолога, но за последние несколько лет, фактически, не проходил никакого лечения и мог свободно покидать лечебницу, где, можно сказать, просто бесплатно жил.

— Почему же он не уехал оттуда? Ведь у него был шанс начать новую жизнь.

— Какой шанс? У него больше нет жизни. Вся его психика поломана за эти годы. Он того одиннадцатилетнего идеального мальчика, каким он был восемь лет назад, остался лишь призрак, не более того. Уильям обречен. Для него больше не существует реальности. Парень живет в прошлом. И переживает тот злосчастный день каждую ночь.

— Но если вы его выпишите, то что он будет делать потом? Куда пойдет? Ведь вы сами сказали, что у него больше нет жизни.

— Салли, — положила ей руку на плечо та и с улыбкой посмотрела в глаза. — Я взяла за него ответственность, и теперь я в ответе за его жизнь. Я хочу ему помочь, спасти от его демонов, которыми он окружен. После выписки я собираюсь его усыновить.

— Это же здорово! — ахнула та и хлопнула в ладоши. — А как же ваш муж? Что он скажет? Вряд ли он согласится... — медсестра с сомнением посмотрела на Марию и нервно затеребила пальцы.

— Вчера я подала документы на развод, — задумчиво произнесла женщина и грустно посмотрела в окно, через которое можно было наблюдать еще не успевшую отступить зимнюю ночь. — И ничуть не жалею о таком решении. Уильям дал мне понять, что я со своим супругом больше ничем не связана, у нас не осталось ни общих интересов, ни совместных целей, живем раздельно друг от друга. Мы уже третий год не спали вместе. У нас отсутствует какая-либо сексуальная жизнь. Возможно, это случилось после того, как умер наш ребенок при рождении, может быть, у него сильнейшая обида на меня. Ведь он так хотел этого ребенка, так мечтал стать отцом. Эта потеря лишила его всех хороших качеств. Мой муж превратился в самое настоящее ядовитое насекомое. Вряд ли я вынесу того, как он издевается над пациентами. Возможно, я просто покину эту должность. И уеду.

— Куда?

— Куда-нибудь загород, куплю небольшой дом, заведу хозяйство. Возможно, заново выйду замуж за какого-нибудь местного фермера. И буду встречать старость там. Хватит. Я уже отработала свое. Пора начать жить для себя. Я устала от этой работы. Двадцать лет, Салли, я помогала безнадежно больным людям, спасала от них самих. И что получила взамен? Я замужняя женщина, бездетная, сплю на работе, ни разу не выезжала куда-нибудь на отдых, не могла просто посидеть и посмотреть телевизор. Я смотрю в зеркало и понимаю, что старею. И через десять лет уже никому не буду нужна.

— Я вас понимаю, — кивнула Салли. — Следуйте своей мечте.

— Пойду делать обход. А ты поспи немного, тебе следует уделять больше внимания себе, — ласково произнесла женщина и покинула кабинет.

Психиатрическая клиника состояла из трех больших корпусов, которые были соединены между собой узкими переходами. В каждом был свой главврач, но после войны ситуация в данном заведении изменилась, и во главе всей лечебницы теперь стоял один человек. Но, как и раньше, он, в основном, контролировал не целое здание, а лишь его самые значимые

части, остальное же находилось под руководством двух заместителей, одним из которых являлась Мария. Находиться замужем за главврачом было не просто, очень часто приходилось забывать о существовании их брака и общаться в полной деловой обстановке, что вскоре вошло в их обиход и едва ли не стало частью всей личной жизни. Мария уже не помнила, когда в последний раз забывала вместе с супругом о работе и говорила о чем-то ином, не связанным с психически больными людьми. Она мечтала поговорить об истории, искусстве, литературе, о чем-то прекрасном и душевном, что обычно делают все влюбленные. Но этого не было и вряд ли появится. Недавний случай с Уильямом окончательно поставил крест на лучшем будущем ее маленькой семьи. Мария до последнего момента надеялась, что удастся все наладить, что не следует принимать таких резких решений. Но вчера она поняла. Ничего не изменится. Ее семейная жизнь, фактически, перестала существовать, счастливый и долгий брак остался лишь на красивой бумажке с печатью. Она даже перестала носить обручальное кольцо, так как оно стало сильно натирать палец, хотя металлическое украшение было ей слегка велико. Возможно, это был знак свыше, намекавший, что пора разводиться.

Ей в этом году исполнилось сорок, на лице образовались морщины. Она не могла продолжать жить в таком ритме, жить работой. Марию тошнило от стен психиатрической клиники. Эти мрачные длинные коридоры, украшенные облупившейся краской и вздутыми половицами; хмурый персонал, который даже забывает здороваться или хотя бы раз улыбнуться вместо слов приветствия. Мария иногда полагала, что попала в самое настоящее чистилище. Повсюду были сплошные грешники, их вечные крики пропитали каждый кирпичик, обрели запах, острый, смертельный, как угарный газ. Мария не знала, что ее держало здесь. Ее ни что не связывало с пациентами, лишь жалость, скорбь. Вряд ли подобное можно назвать чувствами. Да, она боролась с насилием, пыталась изменить структуру лечения, но никому это было не нужно, ни медперсоналу, ни даже душевнобольным, многие из которых попросту перестали жить в реальности и совершенно разучились чувствовать боль.

Были, разумеется, исключения. Часть пациентов попала сюда из-за того, что была негодна высокопоставленным чиновникам. Таких людей Мария мечтала спасти, но знала, что против власти и денег она бессильна. Каждый день перед ней мелькали опустошенные женщины — бывшие любовницы олигархов, чиновников. Они не были больны, но стали такими уже здесь. Злость, отчаяние поглотили их разум, сделали уязвимым беспомощным существом. Сюда мог попасть абсолютно каждый, а вот выходили единицы. Психиатрическая лечебница не была способна вылечить, она лишь усугубляла ситуацию, доказывала отчаявшимся, что те полностью обречены, что их жизнь разрушена и дальше идти нет смысла. Поэтому Мария перестала так усердно бороться за их выздоровление, все чаще закрывала глаза на насилие. Под ее опеку попадали лишь самые слабые, те, кто хотя бы немного боролся за право иметь светлое будущее. Но таких становилось все меньше и меньше.

Лишь Уильяму удалось произвести на нее поистине серьезное впечатление. Этот молодой человек стал ярчайшим экземпляром, своего рода феноменом в ее глазах. Его выделял ни какой-нибудь талант к творчеству, ни умение, например, запоминать сотни книг наизусть. Уильям манипулировал вниманием собеседника, обводил одним лишь словом вокруг пальца. Он мог делать это даже с помощью обыкновенных жестов. Сначала Мария предполагала, что у парня обыкновенный синдром раздвоения личности, что было частым

явлением в ее практике. Но сейчас она осознала, что Уильям полностью контролирует себя, но при этом вводит в заблуждение каждого, кто посмеет заговорить с ним. Молодой человек великолепный актер и ни чуточку не переигрывает. Ему удастся сканировать собеседника, анализировать его мысли, чувства. Уильяма невозможно провести, он знает, что ему должны сказать заранее. Парень великолепный психолог, сильнейший манипулятор ситуации. Поэтому он и находится здесь. Молодой человек считает всех врачей, что беседуют с ним, своими соперниками, которых тот пытается хитрейшим способом провести, вывести из себя, напугать. Все его странные фразы, размышления — обычный вымысел, умелый ход. Только для чего Уильям занимается подобным? Что им движет? Чего он добивается подобным образом? И по какой именно причине им так заинтересованы секретные спецслужбы? Что молодой человек так умело ото всех прячет в своем подсознании?

Секрет явно кроется в смерти его родителей. Мальчик видел что-то, что так ищут те высокопоставленные люди. Уильям не более чем ценный свидетель, который намеренно утаивает важную для следствия информацию. Только зачем молодой человек это делает? Неужели ему известно имя убийцы, и он был с ним в весьма близких отношениях? Это бы объяснило, почему Уильям практически ничего не рассказывает о той трагедии. Но даже если так, то какую пользу он с этого имеет? Ведь из-за того убийства вся его жизнь была в одночасье перечеркнута, было бы гораздо логичнее во всем признаться и снять с себя вину, если то требуют руководящие расследованием. Но Уильям это не делает. И не собирается менять ситуацию.

Вряд ли он кого-то боится, ни что в его внешнем облике не указывает на наличие страха перед какой-то опасной личностью. Значит, парень кого-то, теоретически, защищает. Скорее всего так и есть. Это лучше всего объясняет, почему Брайан Аддингтон так усердно лишает Уильяма свободы: все эти действия обыкновенный шантаж с целью добычи важных показаний.

Мария поднялась на второй этаж и остановилась, чтобы отдышаться. Она впервые ощущала такую усталость из-за недостатка сна, ноги с трудом преодолели такое, казалось бы, маленькое расстояние. Она проспала всего лишь четыре часа, впереди двенадцатичасовой рабочий день, который, как обычно случается, растянется на все восемнадцать. Так что о скором отдыхе можно только мечтать. Женщина прошлась по этажу и проверила каждую палату, чтобы убедиться, что с каждым пациентом все в порядке. Составив отчет, женщина снова поднялась наверх, оказавшись на последнем этаже, где находилась палата Уильяма, но та располагалась в самом конце коридора, поэтому молодой человек станет самым последним пациентом, которого она сегодня утром сможет навестить.

Проверив нескольких больных, Мария сделала очередную заметку и собиралась было открывать очередную металлическую дверь с решетчатым окошком, но внезапно ее внимание привлекли странные человеческие звуки, которые доносились откуда-то сверху. Они напоминали чей-то плач. Женщина замерла, прислушавшись. Действительно, кто-то плакал. Кажется, это был ребенок, голос был слишком тонким для взрослого человека. Мария нервно сглотнула и убрала ключи в карман халата, после чего дошла до середины коридора и снова напрягла органы слуха, чтобы с точностью определить, откуда именно доносился столь пронзительный плач ребенка. Она до последнего надеялась, что ей всего лишь показалось. Но через пару мгновений шум снова повторился. Он доносился с чердака.

В конце коридора находилась вертикальная лестница, что вела наверх, единственная в этом корпусе. Мария быстрым шагом направилась туда, чтобы выяснить, кто именно так

жалостливо и громко проливает слезы. Вряд ли это был ребенок, детей в этом заведении попросту не может быть. Это должно быть один из пациентов, чей голос не претерпел сильных изменений за большую часть жизни. Вероятнее всего это была женщина, мужской голос не может ни при каких условиях так сильно напоминать детский, многие признаки, так или иначе, выдадут его реальную принадлежность.

Подойдя к лестнице, она с замиранием сердца посмотрела на люк, который вел на чердак. Тот был открыт, как и ожидалось, но следов взлома не наблюдалось. Связка ключей от чердака хранилась у ограниченного числа работников, к постороннему та попросту не могла попасть, если только не была каким-то образом украдена. Из-за отсутствия солнечного света было невозможно ориентироваться в пространстве. Свет коридора не доходил до этой области, поэтому Мария воспользовалась электрическим фонариком, который лежал в кармане ее халата на всякий случай.

Плач не утихал, а лишь усиливался. Мария ощущала в нем боль, физическую, душевная не могла издавать столь острых эмоций. Этот человек словно был ранен и плакал от неизбежности своей гибели, он полностью отчаялся и перестал верить в спасение. Женщина через пару мгновений ступила на пыльный пол и развеяла крошечную тьму фонариком, но этого света было недостаточно, чтобы осветить столь длинное помещение и увидеть хотя бы краешек человеческого силуэта.

— Кто здесь? — спросила Мария и прислушалась.

Плачущий громко всхлипнул и немного затих, но все еще можно было различить его надрывное дыхание. Мария поежилась от морозного воздуха, что моментально пронзил ее тело, и медленно стала продвигаться вперед, направляя фонарик в разные стороны, чтобы случайно не пропустить хотя бы одну важную деталь. Луч фонаря подсвечивал витающую в воздухе пыльцу строительной пыли, от которой тотчас же разболелась голова и стало гораздо труднее дышать. Вряд ли здесь кто-либо был за последние десять лет. Непригодная мебель, которая горой наполняла чердак, сгнила и начала крошиться от малейшего дуновения ветерка. По полу были разбросаны ржавые медицинские приборы, осколки банок из-под таблеток. Самая настоящая свалка, на которую было больно смотреть. Людями здесь даже не пахло.

— Не бойтесь. Я хочу помочь. Нет смысла прятаться, — как можно спокойнее произнесла женщина и замерла на месте.

Плач резко прекратился. Остались лишь пугавшие до мурашек завывания ледяного ветра и шум просыпавшегося города. Больше ничего. Никаких признаков, что здесь находится кто-то посторонний.

Мария нервно сглотнула и, устало покачав головой, повернулась в сторону выхода, но тут перед ней резко возник человек, отчего женщина не сдержалась и издала испуганный крик.

— Проклятье! — схватилась за голову та и громко выдохнула, пытаясь подавить приступ паники. — Господи. Как ты меня напугал. У меня чуть сердце не остановилось... Боже...

Уильям виновато улыбнулся и скромно завел руки за спину.

— Извините. Я услышал странный шум на чердаке. Он раздавался здесь всю ночь, — произнес он. — Знаю, мне не следовало покидать палату без вашего ведома. Но медсестра забыла закрыть дверь, когда уходила.

— Здесь кто-то плакал, — прошептала Мария и снова прислушалась. — Ты никого не

видел?

— Нет, — поглядел по сторонам тот и шмыгнул носом. — Я слышал лишь странный шум, будто кто-то стучал по стенам каким-то тяжелым предметом. Мне показалось странным, что кто-то занимается подобным ночью. Поэтому я и поднялся сюда, чтобы проверить.

— Откуда ты взял ключи? — приняв вид грозного врача, спросила его та.

— Люк уже был открыт, мэ. Думаю, сюда действительно проник кто-то посторонний. Но, кажется, он уже ушел.

Внезапно раздался громкий шум. Мария резко обернулась и посмотрела в сторону выхода. В ужасе она поняла, что крышка люка захлопнулась.

— Черт! — вскрикнула она и кинулась к лестнице, надеясь, что крышка люка закрылась из-за ветра и не перекроет им единственный выход отсюда.

Но крышка не поддавалась, она намертво прилипла к полу. Мария в панике стала стучать по ней, надеясь, что тот, кто закрыл люк, услышит их. Но все тщетно. Женщина оказалась заперта вместе с Уильямом на этом чердаке, где они моментально замерзнут из-за отсутствия какого-либо источника тепла.

— Нет, этого не может быть, — продолжила стучать та, все еще веря, что кто-то внизу придет к ним на помощь.

— Хи-хи-хи, — раздался веселый детский голосок где-то в конце чердака, вынудивший Марию испуганно оглянуться.

Уильям удивленно взглянул на нее и проследовал за ее взглядом.

— Вы что-то слышите? — спросил он ее и немного прошел вперед. — Скажите, вы что-то слышите?! — внезапно его голос стал таким взрослым и серьезным, что Мария на секунду подумала, что видит этого молодого человека в первый раз в жизни.

— Д-д-да, — промямлила та и медленно выпрямилась. — Кажется, я слышала, как кто-то смеется.

Уильям прищурился и стал вглядываться в темноту, явно сильно нервничая, о чем говорили его быстро бегающие глаза.

— Дайте мне ваш фонарь, — все таким же взрослым голосом сказал он и повернул голову в сторону Марии, которая ошарашенно пялилась на молодого человека. — Не волнуйтесь, я вам его верну.

Женщина неуверенно протянула ему их единственный источник света и боязно отошла на пару шагов назад, пытаясь понять, что так заинтересовало Уильяма в глубинах этой крошечной тьмы. Молодой человек выглядел слишком напряженным, буквально каждая мышца на его теле напряглась, и это не могла скрыть даже одежда. Он сделал пару шагов вперед и направил луч света куда-то в угол, где стоял покосившийся платяной шкаф.

Словно испугавшись света фонаря, оттуда выбежало низкорослое существо и стрелой бросилось в сторону, спрятавшись где-то в глубине чердака.

— Оставайтесь здесь, Мария. Ни в коем случае не идите за мной.

— Что происходит, Ричи? — в недоумении посмотрела на него та, но возражать не стала. — Пожалуйста, не навреди ему.

— Это уже как получится, — подмигнул ей тот и стал медленно продвигаться вперед, стараясь ступать как можно тише, словно боялся, что шум может спугнуть незнакомца, и тот просто-напрасно выпрыгнет в окно.

Через какое-то время свет фонаря осветил край руки загадочной личности, которая,

забившись в угол, жалостливо скулила и изредка всхлипывала, словно испытывала сильнейший ужас перед пришедшими сюда людьми. Уильям стал двигаться чуть в сторону и вскоре смог вытащить на свет полную фигуру этого человека.

Из-за того, что тот сидел к ним спиной невозможно было определить его половую принадлежность. Тело этой личности полностью лишено одежды, кожа была белее снега и, в буквальном смысле светилась. Незнакомец напоминал высохшее мертвое дерево, его обильными линиями опоясывали вздувшиеся вены, отдаленно напоминавшие небольших змей, что поселились в недрах человеческого организма. Подойдя чуть ближе молодой человек разглядел глубокие оставленные чьим-то зубами шрамы, коих было настолько много, что создалось впечатление, что этого беднягу пытались когда-то съесть заживо. Молодой человек медленно склонился над ним и стал осторожно протягивать в его сторону руку, пытаясь дотронуться до бледного костлявого тела.

Но незнакомец внезапно дернулся и повернул в сторону молодого человека лицо, которое оказалось до жути обезображенным и демонстрировало яростный гнев и неумолимый голод. Глаза у этого человека полностью отсутствовали, на их месте красовались черные сгустки, которые вязкими ручьями сползали вниз по щекам. Черты лица сложно было назвать женскими или мужскими, это было что-то усредненное. Даже возраст этой личности остался загадкой, так как половина головы была идеально гладкой, а вторая демонстрировала сморщенную кожу, которая настолько сильно обвисла, что могла с легкостью достать до ключицы. Незнакомец оскалил свои гнилые редкие зубы и, издав хищный крик, бросился прямо на Уильяма, не давая ему времени, чтобы увернуться.

Еще никогда в своей жизни ему не приходилось слушать столь пугавшую от мозга до костей музыку. Она походила на ритуальную, такую молодой человек слышал в Египте, когда несколько лет назад путешествовал с научной экспедицией. Ее исполняли старики, которые славил старые времена, бывшее могущество их государства, что сейчас погребено под вечными желтыми песками.

Джордж посещал место, где когда-то располагалась деревня, по легенде уничтоженная болезнью, которая была наслана убитой девочкой. Никто не мог рассказать с точностью, откуда именно произошло это поверье, многие ссылались на древние письмена, настенные иероглифы, оставшиеся в частично сохранных хижинах. В этом поселении обитали, в основном, фанатики, среди них были и совершенно молодые ребята с полностью промытыми мозгами.

Джордж не желал верить в истинность этой легенды, та звучала слишком шаблонно для этих земель. Легенда выделялась лишь тем, что девочку не возносили, как богиню, не делали из нее демона. Она была обыкновенным невинным человеком, чей страх и злоба материализовалась в смертельную эпидемию. В честь этой мифической девочки возвели священный алтарь, многие считали, что это сооружение в виде статуи феникса, находится на месте ее могилы, хотя этот факт уж слишком сильно был притянут за уши. Поверье гласило, что девочку закопали живьем в пустыне, что находилась гораздо дальше от этого алтаря. Каждую ночь старики разжигали рядом со статуей костры и устраивали пляски под жуткую ритуальную музыку. Молодой человек долго наблюдал за этим процессом, вслушивался в слова их песен. Но так и не смог до конца понять, что именно эти люди хотели донести до высших сил.

Один из местных жителей, своего рода отшельник, как-то раз во время случайной

беседы объяснил, что те почитали одну жрицу, которая, как некоторые считают, была бабушкой той самой девочки. Разумеется, доказательств этой версии не было, ибо ни в письменах, ни на настенных иероглифах не имелось ни единого упоминания об этом родстве. Есть лишь примерные даты из других источников, где говорится, что эта жрица и та девочка жили в одно время, обе умерли от рук солдат. Убийство жрицы еще можно объяснить, в то время это было обыкновенной практикой, если учесть, что на место египетских богов стали приходить римские. Но убийство девочки так и осталось без объяснений. Скорее всего поэтому ее гибель и связали со смертью жрицы, ведь если убили столь почтенного человека, то должны были уничтожить и всю семью приговоренного.

Музыкальное сопровождение того ритуала до сих пор не могло покинуть голову Майлза, эти стонущие звуки отпечатались в каждой клетке тела, оставили отметины на коже, своего рода татуировки. И в данный момент эта музыка вернулась снова. Но на этот раз она исполнялась не на простых самодельных инструментах, а на чем-то более сложном, массивном. Кажется, это был орган, необычный выбор невидимого музыканта. Египетские мотивы на европейский лад. Такое сочетание сделало мелодию более зловещей, пронизывающей. Хотелось закрыть уши и оградиться от нее, убежать туда, где обитала мертвая тишина. Но бежать было некуда. Джордж находился в заточении.

Он стоял посреди огромного зала. Звездное небо, что проникало сюда через огромные трещины на потолке, слегка подсвечивало древние стены этого места. Можно было разглядеть колонны, многие из которых успели обрушиться, многочисленные скамейки. А впереди стоял алтарь, сверкавший настолько сильно, что его ошибочно можно было принять за диск луны. Джордж медленно прошел вперед и осознал, что находился посреди заброшенного католического храма. Он знал это место, знал настолько хорошо, что просто не мог ошибиться. Это каменное сооружение находилось там, где когда-то Джордж впервые потерял любимого человека. С тех пор храм не сильно изменился, лишь дождевой воды, что беспрепятственно проникала сюда, стало больше, только в данный момент она замерзла и была посыпана мягким снегом. Приглядевшись, молодой человек увидел, что жидкость покрывала не только полы, но и стены. В местах, где имелось больше трещин, красовались целые застывшие водопады, отчего создалось ложное впечатление, что время попросту остановилось.

Молодой человек задумчиво потоптался на месте и сел на одну из скамеек, обхватив руками плечи. Становилось холоднее. На нем был лишь свитер, который вряд ли мог спасти тело Джорджа от столь сильного мороза. От этого сделалось немного не по себе. Парень не думал о том, что ему следует выбраться отсюда, понять, как он сюда попал. Его такие вещи сейчас совершенно не волновали. Он думал только о том, как бы ему согреться. Похлопав ладонями по карманам брюк, он нашел портсигар. Серебряный предмет был доверху наполнен ароматными сигарами и спичками. Табак молодой человек без сожаления выбросил, оставив только самое необходимое, что помогло бы разжечь костер.

Быстро собрав сухие кусочки древесины, являвшиеся обломками старой мебели, Джордж сложил все это добро в большую кучу. У алтаря он нашел несколько религиозных книг, которые наполовину разложились от влаги, поэтому уже вряд ли кому-либо могли пригодиться, на их страницах не осталось ни одной различимой буквы, но бумага высохла, поэтому для костра будет невероятно полезна. Через пару минут молодой человек ощутил, как его тело стремительно стало наполняться приятным теплом. Костер получился небольшим, как он и хотел. Поэтому потом его задуть будет не так и трудно.

Музыка ни на секунду не прекратилась, но стала гораздо тише. Джордж посмотрел в сторону алтаря и понял, что орган располагался прямо над ним на широком массивном балконе. Но никто не нажимал на клавиши мануала, музыканта молодой человек не заметил. Может быть, это ветер гулял по трубам величественного музыкального инструмента и создавал такое жутковатое звучание? Вряд ли это так. Музыка была слишком сложной и правильной, силы природы попросту не способны создать нечто подобное.

Молодой человек поджал под себя ноги и стал заворуженно наблюдать за органом, как за живым существом, который просто поражал его воображение своей совершенной красотой. Так оно и было. Музыкальный инструмент действительно был великолепен. Его трубы достигали в высоту пятнадцати метров, если не больше, и были позолочены, отчего светились ничуть не хуже, чем алтарь внизу. Создаваемые органом звуковые волны заставляли вибрировать заледеневшие водопады на стенах, отчего создавалось опасение, что лед попросту треснет из-за такого напряжения и острыми осколками обрушится на молодого человека.

Странно, что до этого Джордж не видел этого музыкального инструмента. В последний раз, когда он был в этом храме, здесь практически ничего не осталось, кроме голых покрытых плесенью стен. Откуда же возник этот огромный орган? Вряд ли он стоял здесь слишком давно. В округе довольно много бедняков, которые не побрезговали бы распилить этого гиганта на запчасти, чтобы продать металл кому-нибудь за копейки.

Внезапно музыка стихла. Джордж замер, пытаясь понять, что заставило орган так резко замолкнуть. Но выяснить это было невозможно, в храме царила мертвая тишина, которую вряд ли удастся прогнать в ближайшее время. Молодой человек медленно поднялся на ноги и в страхе огляделся, все еще надеясь, что ему удастся поймать взглядом неуловимого музыканта. Но Джордж был один среди этого огромного зала. Здесь больше никого не было.

— Джордж! — неожиданно раздался мужской голос где-то наверху. — Джордж!

Молодой человек вздрогнул и с широко распахнутыми глазами уставился на массивный балкон, где располагался орган, и увидел чью-то человеческую фигуру, что призывала его следовать за ним.

— Джордж! Иди сюда! Ты должен это увидеть! — незнакомец явно был чем-то поражен, о чем говорил его восторженный голос. — Джордж!

Парень стал искать глазами лестницу и вскоре обнаружил ее за одной из обрушившихся колонн. Подняться наверх было не так-то просто, как казалось с первого взгляда. Часть ступенек обрушилась, создав серьезные преграды для Джорджа. Поэтому ему приходилось чаще прыгать через целые пропасти, рискуя сорваться вниз и тотчас же лишиться жизни. Но, к счастью, через пару минут молодой человек оказался на балконе и увидел перед собой стоявшего в тени мужчину, лицо которого невозможно было увидеть даже в свете звезд.

Джордж с неуверенностью стал идти в его сторону, все еще надеясь, что мужчина представится еще до того, как он подойдет к нему почти вплотную. Но незнакомец продолжал молчать и стоять на месте.

Чем сильнее между ними сокращалось расстояние, тем сильнее Джордж стал ощущать странные вибрации в голове, которые вскоре стали дополняться помутнением в глазах. Через пару мгновений перед ним все стало полностью размытым, как в тумане. Джордж покачнулся и обессиленно схватился рукой за ограждение балкона, чтобы не упасть. Все вокруг, в буквальном смысле, поплыло, стало запрокидываться куда-то влево, будто храм решил перевернуться и поменять пол и потолок местами.

— Джордж! — снова окликнул его незнакомец и склонился над ним, внимательно посмотрев на него, но из-за помутнения в глазах Джордж так и не смог увидеть лицо этого человека.

— Я... я ничего не вижу, — прошептал тот и в безумстве стал глазеть по сторонам.

Раздался хруст. Это напоминало звук гигантского сломавшегося печенья. Хруст повторился и стал наполнять храм с завидной частотой. Молодой человек понял, что это крошатся стены. Пол стал уходить из-под ног, в любой момент он окажется внизу вместе со всем этим балконом. Молодой человек сделал попытку подняться на ноги, но тело полностью ослабло, не было сил пошевелить хотя бы пальцем.

— Помоги мне, — прошептал он незнакомцу и протянул в его сторону руку. — Нам нужно уходить отсюда.

Джордж поморгал пару раз и понял, что зрение стало потихоньку возвращаться к нему. Посмотрев по сторонам, он в ужасе вздрогнул, так как увидел рядом с собой сотни окровавленных тел, которых было настолько много, что на полу не осталось ни единого свободного места. Неожиданно молодой человек почувствовал чье-то прикосновение к своему плечу, повернувшись полубоком, он увидел, что один из мертвецов решил положить на него свою тяжелую голову. Чуть не вскрикнув от страха, Джордж оттолкнул от себя труп и с трудом поднялся с пола.

Незнакомец стоял на горе мертвецов и с любопытством смотрел на Джорджа, обезумевшего от всего этого кошмара и непонимания происходящего. Его словно забавляло все это, он был готов в любой момент рассмеяться и залить огромный зал своими позитивными эмоциями.

Храм действительно начал разрушаться. За все это время успело рухнуть несколько колонн, которые поддерживали балкон, и придавили своим весом священный алтарь. Трещины на потолке увеличились в разы, и вскоре многотонная крыша должна была вернуться на землю, погребя под собой всех, кто здесь находится в данный момент времени.

Джордж бросился в сторону лестницы, но едва он сделал шаг, как что-то острое впилось в его ногу и вынудило парня рухнуть на пол. Один из трупов внезапно ожил и решил отведать плоти молодого человека. Его острые зубы проникли глубоко в кожу парня и с жадностью стали отрывать целые куски мяса. Джордж заорал от боли и попытался оттолкнуть другой ногой оголодавшего мертвеца, но тот присосался к его конечности так сильно, что уже было невозможно освободиться.

Незнакомец тем временем засмеялся, громко, изливая на всех и вся свои радостные эмоции. Его смех с каждой секундой становился все тоньше, приобретая вид детского, отчего становилось не по себе.

Вместе с этим остальные мертвецы внезапно зашевелились и стали с диким рычанием ползти в сторону мокрого от собственного пота Джорджа, который уже перестал верить в реальность всех этих событий. Один за другим трупы стали кусать парня, разрывая его тело на части, не оставляя ему ни единого шанса на спасение.

А незнакомец продолжал смеяться, не переставая. И впервые можно было увидеть его лицо, которое будто совершенно случайно попало в свет ярких звезд. Это был Эрван, все такой же юный и беззаботный, как тогда, когда Джордж видел его в последний раз.

Тело Джорджа извивалось на кровати, как змея, потерявшая способность ориентироваться в пространстве. Тяжелое одеяло до последнего пыталось удержать мужчину

на месте и, к счастью, оно с этим пока с успехом справлялось. Кожа Майлза покрылась толстым слоем пота, словно Джорджа кто-то невидимый поливал из большого ведра теплой водой.

— Эрван... Эрван!!! — сквозь сон кричал он и продолжал хаотично двигать частями тела, поворачивая голову то в одну сторону, то в другую.

Его пальцы впились в край матраса и были готовы пронзить ткань насквозь с помощью треснувших от напряжения ногтей.

— Эрван...

Дверь спальни открылась и на пороге возникла Лиза, державшая в руке тусклую керосиновую лампу. Женщина в спешке поставила источник света на столик рядом с кроватью и схватила Джорджа за плечи, пытаясь успокоить его судорожные движения. Но парень не желал подчиняться и продолжал кричать, надрывая голос.

— Виктор, Виктор, — позвала его та и сжала ладонями его мокрое бледное лицо.

Джордж резко дернулся, словно получил сильнейший удар током, в ужасе уставился на женщину, после чего успокоился и начал лишь тяжело и надрывно дышать. Лиза улыбнулась как можно ласковее и стала осторожно водить ладонью по колючей щеке мужчины, одним лишь взглядом помогая ему отойти от сковавшего его сознание ночного кошмара. Джордж до крови прокусил губу и на ней виднелись кусочки перьев. Видимо, он судорожно кусал подушку, испытывая что-то болезненное во время сна.

— Все хорошо, — прошептала Лиза и убрала мокрую прядь волос с его лба. — Это всего лишь дурной сон... Все позади. Ты в безопасности. Ты снова с нами.

Джордж ничего не ответил, лишь тяжело сглотнул и немного отвел голову в сторону, безучастным взглядом разглядывая темную часть комнаты.

— К тебе снова возвращается то, что случилось с Эрваном? — осторожно спросила мужчину женщина и стала гладить его по волосам.

Джордж впервые утратил свое юношеское лицо, буквально за одну ночь обретя многочисленные морщины и обширные синяки под глазами. Возможно, это лишь временное явление, и связано оно с испытанным во время сна стрессом. Но Лиза почему-то была уверена, что теперь мужчина будет выглядеть так всегда, уставшим, утратившим радость в жизни. Это настоящее лицо ее бывшего возлюбленного, больше Виктор его не прятал.

— Сегодня годовщина его смерти, — едва слышно ответил он и с трудом сделал глубокий вдох. — Уже восемь лет прошло с момента его гибели. Каждую ночь я вижу один и тот же сон. Повсюду мертвецы, Эрван стоит над ними, как на вершине горы, и смеется. Каждый раз место действия сменяется на новое. В конце мертвые оживают. И бросаются на меня. Начинают поедать... А мне остается ощущать невероятную физическую боль. Она настолько реальна, что я начинаю верить в истинность всего происходящего.

— Не позволяй умершим отравлять твою жизнь. У них нет никакого права так поступать с тобой, — произнесла та и, громко вздохнув, положила свою голову на обнаженную грудь мужчины, слегка прикрыв глаза. — Ты сейчас здесь, с нами, с людьми, которые дорожат тобой и рады видеть тебя каждый день. Неужели тебе не хочется жить в настоящем, так, как ты всегда хотел?

— Лиза, — прошептал он и внимательно посмотрел на женщину. — Прости меня.

— Я давно тебя простила, Виктор, — слегка приподняла голову та и снова погладила мужчину по щеке. — И вряд ли смогу держать обиду снова.

— Спасибо, — слабо улыбнулся он и прижал женщину к себе двумя руками. —

Спасибо.

Джордж облизал обкусанные губы, покрывшиеся кровавой коркой, и молча стал смотреть на потолок, впервые за долгое время совершенно ни о чем не думая. Лиза тихо посапывала на его груди, безмятежно, как крохотный котенок. Мужчина провел шершавой рукой по ее светлым шелковистым волосам и полностью зарылся в них пальцами. Он ощутил спокойствие, умиротворение. Казалось, что все проблемы, что еще вчера сжимали его глотку, отступили. Джордж просто лежал и слушал дыхание Елизаветы, ему казалось, что он готов лежать вот так рядом с ней всю жизнь, гладить женщину по голове, вдыхать ее запах, который напоминал аромат свежего молока.

Мария Аддерли, возможно, была единственной в этом здании, кто считал себя самой обыкновенной, без особо выраженных талантов, неких причудливых особенностей. Она самая простая, стандартная. И это выражалось буквально во всех деталях ее внешнего вида. Обычная фигура: не слишком худая и не слишком толстая; грудь средних размеров, не особо привлекательная, но и не чересчур плоская; рост не сильно выделял ее из толпы, нее не было длинных ног или длинной шеи; все по шаблону, как у всех, ничего сверхъестественного. Лицо женщины не знало косметики и ни разу не ощущало эти преображающие внешность средства на коже, даже минимальное количество пудры создавало эффект некоего утяжеления, легкого зуда, сухости. Она пользовалась только мылом и водой — вот и весь уход за кожей лица. Лишь волосы были ее слабостью. Не было и дня, чтобы Мария не помыла их, а перед этим не нанесла на каждый волос питательную маску из молочных натуральных продуктов. Возможно, это и стало причиной отсутствия на ее голове седых волос, все до последнего сохраняли в себе пигмент. Ей нравился свой натуральный цвет локонов, он напоминал пшеничное поле в пасмурную погоду, темно-бежевый с переливами золотистого оттенка. Пару раз женщина задумывалась сделать волосы чуть темнее, возможно, придать им шоколадный тон. Но Мария не решилась, побоялась сделать шелковистые локоны слишком сухими, что часто случается после покраски. Поэтому с самого рождения она ходила с натуральным оттенком волос, самым обычным и распространенным.

Возможно, эта простота так привлекла ее супруга. Когда Мария была еще совсем молодой девчонкой, этот изрезанный морщинами мужчина был весьма хорош собой. Она не знала никого краше и привлекательнее во всем городе. Поэтому влюбилась в него без памяти. Он был гораздо старше, ему в то время исполнилось тридцать девять, а она являлась наивной девушкой, студенткой медицинского факультета. Карл был ее преподавателем, неопытным новичком, который боязливо поглядывал на учеников, не зная, каким образом привлечь их внимание к своему предмету. Его лекции были донельзя скучными, бесполезными, но Мария вслушивалась в каждое слово, проглатывала все фразы мистера Аддерли до последней капли. Она не надеялась, что он ее заметит. Никто ее не замечал, не знал по имени. К ней чаще всего обращались по фамилии и заводили разговор, если поблизости не находилось другого собеседника. Но у Марии так или иначе был друг. Худенький щуплый парнишка, которого она в шутку называла Щелкунчиком из-за его больших квадратных зубов. Он ходил за ней хвостиком, на каждой лекции садился рядом и будто незаметно пытался понюхать ее, о чем говорили его вечно напряженные большие ноздри. Между ней и Щелкунчиком не было много общего, их объединяла только обыкновенность. Они редко разговаривали, но им словно было спокойнее друг с другом.

Совместные походы в библиотеку, в столовую стали некой традицией в их так называемой дружбе. У них не было других маршрутов. Они не ходили в кино, театры, либо просто куда-нибудь в парк, чтобы съесть сэндвич. И самым странным было то, что молодые люди в этом не нуждались.

Мария часто вспоминает Щелкунчика. Сейчас он сильно изменился и похорошел. Вряд ли женщина узнает в нем того страшенького мальчишку, который был настолько худым, что его кости с трудом справлялись с нагрузкой. Но она благодарна ему за то, что тот не давал ей быть одинокой, забытой обществом. Большинство ее чрезмерная простота по какой-то причине отталкивала. Она не пыталась выделиться, быть на кого-то похожей. Женщина любила себя такой, какой была с самого рождения, без всяких кричащих новомодных штучек. Мария не любила платья, не любила пестрые шляпки с перьями, ставшие популярными зонтики от солнца. Даже каблуки были для нее чем-то чуждым. Ей было гораздо приятнее носить то, что просто придает чувство комфорта. И не важно, что этот предмет одежды великоват и растянут. Мария никогда не любовалась собой и не особо нуждалась в чужих восхищенных взглядах. Ей довольно длительный промежуток времени хватало лишь влюбленных глаз мужа, но и потом, когда те перестали излучать столь сладостные эмоции, женщина многого не потеряла.

Но так или иначе ее супругу удалось то, что не удавалось никому. Он заставил Марию почувствовать себя уверенной, полюбить свою простоту так, как не мог полюбить ни один человек на всей планете. И вскоре женщина просто перестала нуждаться в любви, так как та не подходила под ее образ обыкновенности. Любовь для нее была слишком яркой, слишком заметной и выделяющейся. Поэтому постепенно Мария незаметно для себя самой разлюбила этого очаровательного преподавателя и стала жить с ним просто по привычке, как с хорошим знакомым. Да, иногда возникала обида, некое подобие ревности и сожаления, но чем больше проходило времени, тем легче она справлялась с этими неприятными чувствами. Мария жила просто для себя, строила какие-то планы именно на свою жизнь, и муж вскоре попросту перестал играть хоть какую-то значимую роль в ее будущем, которое рано или поздно наступит. Они еще не были разведены, но она представляла себе совершенно другого мужчину в качестве супруга, высокого, молодого, светловолосого, который снова заставит ее сердце трепетать от желания. Может, она разлюбила мужа из-за того, что тот постарел, растерял всю свою смазливость за эти двадцать лет? Ему уже почти шестьдесят, он стар, немощен, порой с трудом передвигается на своих двоих ногах. Уже на пятом десятке он растерял всю свою страсть во время секса, не было никакой прелюдии перед их совокуплением, никакого логического финала. Весь их секс напоминал какую-то обязанность, которую надо выполнить кровь из носу. Мария перестала чувствовать удовольствие от этого процесса, ни малейшего намека на оргазм. Обычный супружеский секс, ничего лишнего.

Она много раз задумывалась, изменял ли он ей, остались ли у него хоть какие-то чувства к жене? При этом не испытывала ни малейших негативных эмоций, ни капли ревности. Чистокровное любопытство. Но Карл оказался таким же простым, как и она. Ни забавной интрижки с молоденькой медсестрой, ни даже случайного секса без обоюдного согласия с насильно посаженной в палату любовницей бизнесмена. Слишком скучно, банально. Странно, что ее стала раздражать человеческая обыкновенность, ведь в ней эта самая обыкновенность течет по всем сосудам и уже вряд ли искоренится из организма. Но Мария стала по неизведанной причине осуждать это качество, но при этом восхваляла в самой себе.

Этот момент порой забавлял женщину, и она пыталась хотя бы что-то из всего этого проанализировать, но вскоре просто перестала придавать подобному какую-либо значимость.

Обыкновенная жизнь, обыкновенные будни. Изю дня в день все повторялось. Короткий сон, утренний кофе отвратительного качества, обход, позже такие же обыкновенные и копирующие друг друга беседы с пациентами, многочисленные малоэффективные процедуры, отчеты и тому подобное. Ничего такого, что могло бы навсегда отпечататься в памяти. Работа, которую та вряд ли ценила, гордилась или пропускала через себя. Она делала это всю жизнь, потому что больше ничего не умела и вряд ли начнет заниматься чем-то другим, даже если сильно захочет.

Но это утро изменило все. Вся обыкновенность, шаблонность растворилась, словно по волшебству. Все рухнуло в одночасье: представления о мире, жизни, все, на чем строились ее принципы. И виновником этих кардинальных перемен в бытие стал двадцатилетний белобрысый паренек, который в данный момент времени вцепился в ожесточенной схватке с человекоподобным монстром, который явно не против отведать людского мяса. Мария до последнего не верила в реальность этих событий, пыталась внушить себе, что из-за недосыпания незаметно для самой себя уснула и что все это обыкновенный сон, хоть и так пахнувший реальностью.

Женщина с трясущимися коленками стояла около закрытой крышки люка и стонала от страха, который парализовал все ее тело. Она не могла ничего делать, только находиться на одном месте и смотреть на неравный бой, который мог завершиться в любой момент смертью одного из участников.

Мужества Ричи была недостаточно, чтобы совладать со столь отвратительно воссозданным Господом существом. Монстр с легкостью придавил своими костлявыми руками молодого человека к полу и с жадностью потянулся редкими, но острыми зубами к его шее, мечтая перегрызть сонную артерию. Ричи со звериным рычанием ударил фонарем противника по голове и выиграл пару секунд, чтобы иметь возможность отдалить челюсть врага как можно дальше. Человекоподобное существо с большим удовольствием прикусило пальцы парня, после чего с детским смехом сжало его горло и воплотило в жизнь свой хитрый замысел: шея молодого человека была больше не защищена.

Ричи осознал, что больше не стоит на полу, его тело находится в подвешенном состоянии, болтается, как тряпичная кукла. Его враг был ошеломительно силен, слабые мышцы этого худощавого существа словно впитывали в себя пустоту всего мира и преобразовали в огромные сгустки энергии. Шея молодого человека была сжата чужой рукой настолько сильно, что Ричи начал чувствовать, как мозг попросту перестал передавать сигналы в большую часть тела. Парень ощущал лишь голову, все, что находилось ниже, онемело.

Монстр хищно улыбнулся и обнажил свои малочисленные гнилые зубы, от которых доносился аромат недавно съеденной плоти. Пальцы существа все сильнее и сильнее давили на кожу Ричи, пронзали ее насквозь, как бумагу, не испытывая никакого сопротивления во время этого процесса.

Молодой человек вскрикнул от боли, и Мария поняла, что прямо на ее глазах убивают пациента, и она ничего не может с этим поделать. Женщина беззащитна против этого монстра, ее обыкновенность взяла вверх и вынудила трусливо стоять на месте и наблюдать за смертью другого человека. Ричи выждал нужный момент и на последнем издыханье

вонзил окровавленные пальцы в расширенные глаза своего врага, расплющил их, как шарики из теста. Противник резко отпрянул и озарил чердак безумным всплеском эмоций: его голос заставил каждого находившегося здесь закрыть уши ладонями, чтобы в одночасье не лишиться слуха. Монстр ослеп, перестал ориентироваться в пространстве. Обнаженное существо в панике стало оглядываться по сторонам, оскалив гнилые зубы, и пыталось вновь уловить Ричи, но уже лишь по запаху его тела.

Молодой человек судорожно схватился за горло, из которого ручьями выливалась кровь, и, полностью ослабев, попытался отползти от монстра на достаточно большое расстояние.

Мария поняла, что еще минута, и парень умрет. Уже сейчас вокруг него образовалась огромная лужа из крови, вся его одежда уже наполовину пропиталась этой красной жидкостью. Но Ричи продолжал бороться, двигаться, убегать от смерти. Еще один шаг... Больше нет возможности сражаться... Молодой человек не находит сил, чтобы просто сесть, у него остается лишь возможность ползти, толкать тело ногами. Монстр его не видит, но в любой момент все может измениться. Кровь выдаст Ричи, ее запах в любую секунду долетит до ноздрей противника. И тогда скорая смерть парня будет лишь вопросом времени.

— Мария, — слабым до безумия голосом произнес он и с какой-то странной ухмылкой взглянул на оледеневшую женщину. — Мария... Не верьте никому, не верьте...

Женщина поняла, что Ричи больше не смотрит на нее. Его глаза закрылись, и парень окончательно стих, а на его мальчишеском миловидном лице застыла какая-то пугающе спокойная улыбка. Мария с трудом набрала в легкие воздух и посмотрела в сторону монстра, который теперь резко замер на месте и с голодным выражением лица уставился на нее.

Восходящее рыжеватое солнце осветило его уродливые черты лица и заставило кожу человекоподобного существа засветиться, как тусклая лампа. Тот словно ощутил прикосновение лучей на теле, и это явно ему не особо сильно понравилось. Монстр дернулся и стал резко крутить головой, явно торопясь, чтобы успеть найти новую жертву до полного восхода дневного светила.

Мария обхватила плечи руками и, дрожа от страха, стала медленно уходить в тень, стараясь совершенно не дышать, чтобы враг не смог с помощью органов слуха выяснить ее местоположение.

Мельком она поглядывала на Ричи, вокруг которого все стремительнее разрасталась лужа крови. Женщина не ощутила от этой картины ничего, даже сожаления. Возможно, ужас перед монстром заблокировал в ее голове все присущие обыкновенному человеку эмоции. Но это не казалось ей таким уж логичным объяснением. Она не должна воспринимать смерть человека так спокойно. Просто не имеет права на подобные действия.

Мария забилась в самый угол и бесшумно села на пол, поджав под себя ноги. А монстр продолжал искать ее, вынюхивать. И он был близок, слишком близок. Рано или поздно это существо обнаружит женщину, это лишь вопрос времени. Мария уже ощущала запах своей крови, видела, как ее бездыханное тело поедают, отрывают кусочек за кусочком.

Женщина закрыла глаза и стала ждать.

Монстр рядом, он уже нашел ее.

Женщина изо всех сил пыталась заставить себя погрузиться в сон, насильно закрывала глаза, вырабатывала соответствующее дыхание, надеясь таким образом обмануть организм. Но головной мозг игнорировал желания тела, продолжал работать в стандартном режиме. Лиза знала причину бессонницы, но отчаянно пыталась ее игнорировать. Мозг беспрерывно

вырабатывал мысли, неправильные, сомнительные, и тем самым не позволял несчастной хотя бы на несколько часов уйти из реальности и просто отдохнуть.

Джордж: все в голове наполнилось его образом. Она вслушивалась в его дыхание, умиротворенное биение сердца, наблюдала за тем, как у него невинно вздрагивают ресницы, изредка расширяются ноздри непростительно правильной формы. Молодой человек слегка прикусил нижнюю губу, отчего наружу показался кончик языка — эта картина настолько сильно заворожила Лизу, что она не сдержалась и коснулась ее. Женские пальцы нежно и осторожно стали поглаживать рот Джорджа, уделяя внимание каждому миллиметру. Елизавета испытывала непередаваемое наслаждение от ощущения присутствия на своей коже его немного застывшей слюны, та была немного вязкой, какой-то необыкновенно шелковистой. Лизе хотелось ощутить вкус этой жидкости, она была готова выпить целый стакан мужской слюны.

В глубине души она осознавала, что это со стороны звучит омерзительно, смехотворно, но в данный момент времени все правильные размышления улетучились, и женщине оставалось гонять в голове мысли только о том, о чем в обычное время Лиза попросту постыдилась бы думать.

Ее пальцы соскользнули с мужских губ и опустились на немного колючий из-за легкой щетины подбородок, обогнули его и коснулись выпирающего наружу кадыка, который сейчас слишком часто бегал то вверх, то вниз, что со стороны выглядело довольно непривычно. Немного осмелев, Лиза задействовала все пальцы руки и принялась ласкать большую часть шеи мужчины, стараясь делать это таким образом, чтобы Джордж не сумел почувствовать этого во сне. Она не хотела, чтобы он догадался об ее мыслях, услышал ее странные банальные желания. Кожа мужчины была горячей, как свежее испеченный пирог, при этом пахла точно так же, особенно остро ощущался аромат сахарной пудры. Лиза приблизила к шее Джорджа свой узкий кончик носа и с жадностью вдохнула этот великолепный запах, после чего не удержалась и коснулась кожи Джорджа губами, легонько, практически незаметно. Улыбнувшись от прилива радостных эмоций к голове, она положила свою голову на руку спавшего мужчины и продолжила исследовать его тело, опускаясь все ниже и ниже. Вот Лиза добралась до его груди, обвела пальцами шершавые соски, после чего продолжила длительное путешествие вниз. Словно почувствовав прикосновение ее пальцев, Джордж невольно втянул живот и нервно облизал губы. Женщина с сомнением посмотрела на его лицо, чтобы убедиться, что он не пробудился, после чего вернулась к своему занятию. Живот мужчины был украшен изящным рельефом, каждая мышца была видна и очерчена, словно нарисована талантливым художником; ни единого волоска на коже, пальцы двигались совершенно свободно, как по льду, не встречая на своем пути никакого сопротивления. Конечная остановка, все, что находилось ниже, скрывал кусочек одеяла. Лиза с грустью прервала движение пальцев и стала неуверенно топтаться на месте, словно размышляла, каким образом помочь руке продолжить движение вдоль мужского тела.

Джордж что-то промычал во сне и повернул голову в сторону женщины. Елизавета не помнила, когда в последний раз видела его лицо на таком близком расстоянии от своего. Она теперь могла прочувствовать дыхание мужчины до мельчайших подробностей, то было слабым, как бриз, слегка щекотало кончик носа Лизы и заставляло дрожать некоторые свободные волоски. Женщина нервно сглотнула и, поджав губы, проскользнула пальцами под одеяло. Ткань нижнего белья мужчины казалась неприступной, неприятной на ощупь.

Лиза нервными шагами обогнула резинку штанов мужчины, но потом резко остановилась и нырнула под нее, наконец-то ощутив тепло человеческой кожи. Здесь было гораздо теплее, уже не имелось такой гладкой поверхности, как раньше. Женщина нащупала пенис, он был в расслабленном состоянии, слегка влажный и как-то странно вибрировал где-то в глубине. Лиза погладила головку члена, пытаясь отыскать самое чувствительное место, после чего ощутила, как тот стал твердеть, увеличиваться в размерах. Женщина победно улыбнулась и опустила руку еще ниже, отыскав мошонку. Та оказалась причудливо мягкой, как маленькие подушки, отчего Лиза не сдержалась и изо всех сил сжала их, ощутив, как это заставило весь половой орган полностью возбудиться.

Джордж еще сильнее втянул воздух и тихо простонал, изогнув спину. Женщина знала, он не испытывал боли, только удовольствие от прикосновений ее пальцев. Вряд ли мужчина захотел бы, чтобы Лиза остановилась. Джордж с трудом сглотнул и приоткрыл глаза, полностью очистив сознание от глубокого сна, после чего с неким легким удивлением взглянул на женщину, но ничего не сказал, лишь улыбнулся и чуть-чуть приподнял подбородок.

— Тебе нравится? — дрожащим голосом спросила Лиза и с сомнением уставилась на него.

Тот лишь кивнул и прикрыл глаза, подняв подбородок еще выше.

Лиза приспустила штаны молодого человека еще и полностью высвободила наружу его половой орган, который завибрировал гораздо сильнее и плотно прижался к животу мужчины. Женщина сжала пенис в руке и стала осторожно и медленно мастурбировать Джорджу, внимательно наблюдая за эмоциями на его лице, чтобы быть уверенной, что ему это нравится. Спустя какое-то время мужчина вновь изогнул спину и уткнулся носом в шею женщины, начав громко и надрывно дышать.

Она хотела, чтобы он сделал с ней то же самое, действовал с такой же решимостью и силой, но поняла, что тот не хотел ее, не испытывал возбуждения от женского тела. Сейчас, закрыв глаза, Джордж не представлял Лизу, не желал заняться с ней сексом, не мечтал исследовать губами каждый участок ее тела. До последнего она надеялась, что это не так, хотела верить, что ошибается. Она не хотела верить в то, что он — гей, не была готова это признать. Пыталась насильно забыть его признание. Сейчас в ее руке его член, длинный и твердый, как камень, женщина может делать с ним все, что захочет, но при этом она словно не чувствует этот орган, не осознает свою власть над ним.

Лиза потерлась кончиком носа о приоткрытые губы Джорджа, из которых все чаще вылетали тихие стоны. Она полностью контролировала его эмоции, сейчас он выглядел беззащитным, неуязвимым, женщина словно завладела мужским сознанием, но при этом почему-то не ощущала власти, не испытывала от этого процесса никакого удовлетворения.

Неожиданно Джордж ожил и продемонстрировал первые признаки своего участия в этом неполноценном занятии любовью. Его рука резко опустилась вниз и нырнула под ночную рубашку Лизы, под которой не было ни клочка одежды. Лиза от неожиданности ойкнула и случайно отпустила пенис молодого человека, осознав, что она ошиблась насчет мужчины и от этого по ее телу разнеслось что-то вроде электрического заряда, разочарование сменилось на яркий по-настоящему детский восторг. Женщина как можно тише захихикала, чтобы дети в соседней спальне не услышали ее, и полностью расслабила тело, чтобы Джорджу было легче воплощать свои сексуальные фантазии в реальность. Молодой человек стал массировать ее груди, сжимая их с такой силой, что Лиза

почувствовала резкую боль, но прерывать Джорджа не стала, побоялась, что тот из-за этого может остановиться.

Мужчина взволнованно провел кончиком языка по губам и, все так же надрывно дыша, в упор посмотрел на женщину, словно спрашивал у нее разрешения.

— Не останавливайся, — прошептала она и провела вспотевшей ладонью по его щеке. — Я не хочу, чтобы ты останавливался.

Джордж широко улыбнулся и впился губами в ее тонкую шею. Лиза не смогла сдержать громкого стона, который огромной звуковой волной заполнил спальную. Молодой человек навалился на женщину всем телом и резким движением вошел в нее. Женщина не сразу поняла, что все это происходит на самом деле, ее охватила по-настоящему чудовищная паника, казалось, что она висит над пропастью в подвешенном состоянии, и нет никаких шансов оказаться на твердой земле. Она ощутила боль, когда член проник в ее тело, но та была приятной, терпимой и отдаленно напоминала приятные ощущения. Лиза обняла худенькими ножками торс мужчины и уткнулась лицом в его напрягшуюся шею, на которой вздулись вены. Таким образом она хотела подавить вырывавшиеся наружу стоны, тяжелое дыхание. Женщина пыталась быть тихой, выпускать воздух маленькими ровными порциями, но тело полностью перестало контролировать себя. Ее голосовые связки действовали совершенно свободно, не желая понижать громкость хотя бы на пару секунд. Джордж пытался ей помочь с помощью поцелуев, но Лиза испытывала смешанные чувства, когда ее стоны, не находя другие пути выхода из организма, проникали в ротовую полость мужчины. Молодой человек явно ничуть не смущался этого, наоборот, его действия усиливались, когда Лиза начинала себя не контролировать, словно таким образом он пользовался ее незащищенностью, чтобы делать с женским телом все, что ему захочется.

Резко его руки опустились на хрупкую шею девушки и сжали с такой силой, что Лиза поняла, что попросту не может дышать, сделать хотя бы маленький глоток воздуха. Она надеялась, что молодой человек отпустит ее уже через пару секунд, но тот лишь продолжал сжимать шею еще сильнее.

— Джордж, — с трудом прохрипела женщина и из последних сил попыталась оторвать его руки ослабшими пальцами. — Джордж... Мне больно... Пожалуйста, отпусти...

Молодой человек быстро заморгал и со смесью ужаса и непонимания уставился на Лизу, которая уже стала терять сознание от нехватки воздуха. Джордж, будто получив серьезный ожог, отпрянул от женщины и в страхе стал смотреть на свои ладони, которые были пугающе красными от сильного напряжения. Женщина стала надрывно кашлять, схватившись за посиневшую шею, и удивленным ошарашенным взглядом оглядела мужчину.

— Прости меня, прости... Это снова происходит со мной... — прошептал он и устало схватился за голову. — Я боюсь себя, Лиза... Не знаю, кто я есть на самом деле. Мне страшно, по-настоящему страшно...

Лиза заметила на его глазах слезы, Джордж с трудом сдерживался, чтобы не заплакать. Она была в таком потрясенном состоянии, что просто не могла осознать, что только что между ними произошло. Шея неприятно пульсировала, кожа горела, словно долгое время находилась над открытым огнем и поджарилась до золотистой корочки. Женщина дрожащей рукой потерла болезненное место и прикрыла обнаженную грудь краем одеяла, боязливо поглядывая на Джорджа, который беспощадно продолжал казнить себя, стиснув голову руками.

— Все хорошо, — прошептала она и осторожно дотронулась до его плеча. — Ты просто

немного увлекся, такое бывает. Ничего страшного не произошло.

Джордж мокрыми глазами взглянул на нее и нежно провел рукой по ее шее, после чего осторожно коснулся женской кожи холодными губами. Лиза спокойно улыбнулась и прижала мужчину к себе, начав гладить его по мокрым от пота волосам.

— Ты ни о чем не жалеешь? — едва слышно спросила она и повернула голову в сторону Джорджа.

— Нет, — вздохнул он и зарылся носом в ее шею. — Можешь обнять меня сильнее?

— Мой хороший, — засмеялась она и выполнила его просьбу. — Ты такой теплый... — Лиза задумчиво поглядела вдаль и прикрыла глаза. — Не хочу, чтобы эта ночь заканчивалась. Хочу, чтобы она длилась вечно. Мне так тебя не хватало все эти годы... Ты не представляешь, как...

Он не чувствовал прикосновение этих жарких солнечных лучей, они воспринимались, как искусственные, порожденные холодным электричеством. Дневное светило находилось вблизи горизонта, сложно было понять, опускалось оно или поднималось, так как рыжий шар замер в неподвижном состоянии, словно время в этом месте навсегда остановилось. На самом небосводе можно было разглядеть бледные крупницы звезд и полупрозрачный диск луны, которые выглядели настолько большими, что можно было невольно подумать, что небо опустилось вниз, тем самым приблизив к земле необъятную вселенную.

Повсюду росла осока, отдаленно напоминавшая молодую пшеницу. Цвет растений из-за рыжеватого оттенка солнца принял вид золотистого, а капельки воды, застывшие на них в виде миллионов бусинок, сверкали настолько ярко, что походили на светлячков.

Джордж шел вперед, стараясь ступать осторожно, чтобы не ломать стебли и не стряхивать с листьев и цветков драгоценные капли влаги. Вокруг него не было ни холмов, ни даже одиноких деревьев или каких-либо заброшенных строений. Только бескрайнее поле, плоское, как лист бумаги. На небе стали образовываться легкие перистые облака, белые, как свежесыпавший снег, что было странным, так как солнечный свет словно не был в силах передать им свой оттенок.

Молодой человек остановился и прикрыл глаза, подняв свое лицо к рыжему светилу. Он все еще надеялся ощутить его тепло на своей бледной коже, но то по-прежнему оставалось холодным, каким-то безжизненным, будто Джордж стоял посреди большой комнаты, а над ним висела массивная люстра, не излучавшая ничего, кроме света. Ему не хотелось знать, сколько времени он простоял в таком состоянии. Он слышал ветер, шевеление травы и далекий голос птиц — умиротворяющий набор звуков. Но молодой человек желал расслышать что-то другое: голоса людей, музыку привычной для него жизни, хотя бы где-то вдали, за сотни миль от него. К сожалению, Джордж был единственным человеком в этом месте, один среди огромного пространства. Одна лишь мысль об этом сводила с ума, просыпалась паника, участилось дыхание.

Джордж открыл глаза и стал быстро водить глазами из стороны в сторону, продолжал искать какие-то новые детали среди этого однообразного пейзажа. Ничего... Даже птицы, чье пение доносилось откуда-то издалека, не желали показываться, прятались где-то в густой растительности, будто боялись единственного человека среди этого бескрайнего поля. Молодой человек не задавался вопросом, каким образом он здесь оказался, как долго тут пробыл. Его волновало только одно: как ему отсюда выбраться. Неизвестно, куда идти, как быстро бежать. Все вокруг выглядело одинаковым, даже осока имела идеально равный

относительно друг друга рост.

Спустя какое-то время Джордж уловил слабый мелодичный звон. Пройдя еще немного, он наткнулся на деревянный столб с человеческий рост. Впервые перед ним возникло что-то новое, выделяющееся из этого однообразия местности. Джордж встретил этот объект, как хорошего друга, с детским любопытством в глазах. Столб был снизу доверху обвит мертвым высохшим плющом, который рассыпался на глазах из-за активной деятельности сухого ветра. На вершине же виднелись странные куклы, прибитые к древесине с помощью гвоздей, они были вышиты из клочков одежды и выглядели весьма пугающе, особенно тревожили их грустные немного напуганные глаза, нарисованные углем прямо на ткани. Рядом с куклами висели веревочки с привязанными к ним металлическими предметами всех видов и мастей: гвоздями, маленькими ложками, даже имелись христианские крестики, наполовину съеденные ржавчиной. Столб выглядел жутковато, особенно благодаря украшениям, смысл которых невозможно было проследить. Всего кукол было три. И у каждой была своя особенность. Как понял Джордж, одна из кукол была женского пола, о чем говорили ее длинные рыжие волосы в виде запутавшихся ниток. Остальные две являлись мужчинами. У одного виднелась повязка на лице, по какой-то причине закрывавшая глаза. Повязка пропитана чем-то черным, возможно, чернилами, но это выглядело чересчур странно, будто кукла была насильно ослеплена, и теперь ее глаза кровоточат, но кровь имеет черный цвет. Третья кукла пострадала больше всего. У нее не было половины правой руки, на месте которой виднелись кусочки ваты, а из горла торчал гвоздь, благодаря которому тот и висел на столбе. Остальные же были проткнуты гвоздями в более удачных местах. У рыжеволосой куклы гвоздь торчал из живота, а у куклы с повязкой на лице — из груди.

Немного полюбовавшись этим непонятным столбом, молодой человек продолжил медленно идти дальше. Но через пару минут услышал где-то поблизости смех, детский и жизнерадостный. Чьи-то маленькие ножки сминали своим весом траву, и это приятное шуршание ласково щекотало уши Джорджа, который, как ребенок, не мог нарадоваться присутствию кого-то постороннего в этом месте. Немного помедлив, он направился в сторону доносящихся человеческих звуков, стараясь продвигаться как можно быстрее, чтобы не потерять этих детей из виду.

— Догоняй! — крикнул один из мальчишек и со смехом побежал вперед.

Джордж увидел маячившую среди высокой травы копну русых волос.

— Виктор! Стой! Ну стой же ты! — крикнул второй мальчик как-то обиженно. Было видно, что он уже был не в состоянии бегать за своим товарищем.

— Что с тобой, Вальдемар? Уже устал? — засмеялся тот и остановился. — Мы почти пришли. Идем!

— Отец не разрешает нам уходить так далеко от дома, — обеспокоенно сказал Вальдемар и с сомнением посмотрел назад, где виднелась выглядывавшая из зарослей крыша большого каменного здания. — Мы можем потеряться.

Виктор вздохнул и подошел к Вальдемару, взял его за руку, после чего потянул за собой. Джордж увидел их лица. Это были братья-близнецы. На вид им было не больше одиннадцати лет, но их глаза казались весьма умными, совершенно как у взрослых мужчин.

Джордж не знал, почему так заворуженно шел вслед за ними. Не знал, почему знает это место, как свое родное, помнит каждую травинку наизусть. И не хотел знать.

Они прошли довольно долгий путь, на их пути встретился деревянный мост, который из-за своего преклонного возраста обрушился в пролежавший под ним ручей. Мальчишки не

испугались этой преграды и с легкостью пересекли ее. Но вот Джорджу прикосновение воды совсем не понравилось, она была какой-то вязкой, как подсолнечной масло, слишком темной и, что не было таким уж странным, холодной, можно даже сказать, смертельно ледяной. Молодой человек, задыхаясь от неприятных ощущений, все-таки добрался до противоположного берега и, дрожа от чрезмерного количества эмоций, продолжил следовать за мальчиками, которые уже так сильно отделились от него, что теперь были слышны лишь их веселые голоса.

Солнце тем временем стало меркнуть. Значит, сейчас был поздний вечер. Стало темнее, отчего ориентироваться в пространство отныне гораздо труднее, так как пейзаж предательски преобразовывался в сплошную бесформенную картину, пропитанную фиолетовыми красками. Джордж поежился, так как впервые ощутил изменение температуры воздуха, на нем красовались лишь белые штаны, ничего более. Стопы начали гудеть, а кожа на них полностью онемела из-за долгого хождения босиком по холодной земле. Обхватив плечи руками, молодой человек продолжил пробираться вперед, внимательно вслушиваясь в звуки окружающего мира, чтобы найти среди них голоса заинтересовавших его мальчишек.

— Не отставай! Мы уже близко!

Джордж прищурил глаза и увидел на горизонте невысокую деревянную постройку, которая из-за ночной темноты с легкостью сливалась с небом. Мальчишки включили керосиновую лампу, поэтому теперь было не так трудно выслеживать их. Ребята остановились около большой двери и стали сообща возиться с железным замком, запихивая в него всяческие металлические предметы. Джордж остановился в паре десятков метров от них и молчаливо стал наблюдать. По какой-то причине он боялся слишком близко подходить к братьям-близнецам. Возможно, опасался, что те смогут его заметить, но вряд ли именно это было главным барьером в данной ситуации.

Мальчишки через какое-то время взломали замок и, тихо перешептываясь и ругаясь друг на друга, со скрипом приоткрыли входную дверь и на цыпочках стали осторожно продвигаться внутрь дома, стараясь ничего не задевать своим телом во время этого волнительного процесса. Джордж уже не видел их, лишь слабый свет лампы, маячивший где-то в окнах этого старого деревянного дома.

Немного осмелев, он все-таки решился приблизиться к зданию и притаился около прогнившего насквозь крыльца, под которым слышалась жизнедеятельность крыс и мышей. Он продолжал себя уговаривать оставить этих близнецов в покое и идти другой дорогой, но что-то на подсознательном уровне держало его рядом с этими ребятами, будто Джордж заранее знал, что сейчас должно произойти что-то весьма важное.

— Ты уверен, что хозяин не вернется домой раньше времени? — раздался голос одного из мальчиков где-то в глубине дома.

— Не волнуйся, Вальдемар. Я много раз наблюдал за тем, во сколько он уходил и возвращался сюда. Он редко здесь бывает, а если и бывает, то только утром и поздним вечером. Так что у нас есть еще несколько часов. Не бойся, мы успеем вернуть ружье до его возвращения. Ты ведь всегда хотел пострелять из него. Или уже передумал?

— Нет, просто он не жалуется нашего отца. Вряд ли нам все сойдет с рук, если нас поймают.

Джордж услышал, как один из мальчиков закрывает и открывает дверцы шкафа: явно что-то ищет. Через пару мгновений донесся его радостный возглас, а затем последовал странный металлический щелчок. Молодой человек осторожно поднялся по крыльцу и,

постоянно оборачиваясь по сторонам, проник внутрь дома, чтобы поближе рассмотреть деятельность авантюрных ребят.

— Возможно, именно этим ружьем он убил свою жену и детей. Не знаю, правда это или нет, но люди из соседней деревни верят в это. Но не могут доказать, так как тел не нашли.

— Вряд ли это возможно, Виктор. Думаю, его жена просто уехала отсюда в город, мало ли что могло случиться в их семье, — с сомнением произнес Вальдемар и нервно сглотнул, поглядывая на ружье.

— Тогда почему он об этом никому не сказал? — хищно блеснули глаза Виктора, после чего он с улыбкой на лице перезарядил ружье и ласково погладил его, как какого-то котенка. — Анна сказала, что когда деревенские заметили, что его жена с детьми давно не появлялись в церкви, то он просто заявил, что те якобы пропали, волки в лесу съели.

— Волки? — дрожащим голосом переспросил Вальдемар и поежился. — Но ведь здесь нет волков...

— Именно. Остается только один вариант. Он их убил, так, от скуки. И никто уже не докажет его виновность, так как мертвецов никто не видел.

— Бред это все. Я не верю тебе.

— Не хочешь и не надо. Но я бы не стал верить одинокому мужику с дробовиком, — Виктор убрал ружье за спину и с довольным выражением лица направился к выходу. — Подожди меня здесь, я проверю еще кое-что.

— Зачем? — в недоумении посмотрел на него брат.

— За домом есть будка, там я видел ножи для разделки мяса. Нам они пригодятся.

— Вряд ли мы сможем кого-то убить в такой темноте. Может лучше не будем ничего делать, а вернемся назад? Мне не нравится эта затея. Тем более ты плохо стреляешь из ружья.

— Время учиться, — подмигнул ему тот и направился к выходу.

Джордж интуитивно вжался в стену, но мальчик его почему-то не видел, словно молодой человек был невидимым.

Виктор громко зевнул и, что-то напевая себе под нос, направился к заднему двору дома. Джордж высунулся из-за угла и направил свой взгляд в сторону гостиной, где сидел на краю кресла Вальдемар и сжимал крохотными руками тусклую керосиновую лампу, света которой едва хватало чтобы осветить лицо мальчика. Джордж вздохнул, пытаясь собраться с нужными мыслями, и вышел из укрытия, встав посреди просторной комнаты. Но мальчик его не заметил, даже не повел ухом, хотя половицы были настолько прогнившие, что их скрип мог выдать даже насекомое, осмелившееся пройти по полу.

— Эй! — окликнул его Джордж, но мальчик по-прежнему не замечал его присутствия, лишь молча смотрел куда-то в сторону, ожидая скорого возвращения брата.

— Они нас не видят, можешь не утруждать себя, — послышался безэмоциональный мужской голос позади Джорджа. — Мы можем лишь наблюдать, ничего более. Эта реальность нам не подвластна.

Джордж испуганно обернулся и увидел темный силуэт в прихожей, который тщательно скрывал свою личность во мраке ночи.

— Кто ты такой? — молодой человек с подозрением посмотрел на незнакомца и со смущением осознал, что нервничает из-за его присутствия, будто боится, хотя на подсознательном уровне нагло это отрицал. — Что это за место? Лимб? — последнее слово далось Джорджу с трудом, будто ему пришлось выговорить фразу на иностранном языке,

который не поддавался для изучения.

— Нет, — спокойным тоном, лишенным каких-либо эмоций, ответил человек в тени. — Этот мир создан в твоей голове, построен из забытых воспоминаний, которые когда-то насильно были в тебе подавлены третьим лицом. Ты здесь для того, чтобы вспомнить, узнать, что сделало тебя таким, какой ты есть сейчас.

— Мне знаком твой голос, — задумчиво прошептал Джордж и сделал пару шагов навстречу своему собеседнику. — Это ты привел меня сюда, ведь так? Ты хотел, чтобы я оказался здесь.

— Я оказал лишь косвенное влияние, — впервые в голосе этого человека появились небольшие эмоции, отдаленно похожие на усмешку. — Ты сам добрался сюда, твой автомобиль брошен в паре километров на обочине заросшей дороги.

— Перестань строить из себя непонятно что, — огрызнулся на него тот и приблизился к нему еще ближе. — Я устал от всего этого дерьма, в которое меня втянула община. Думаю, ты знаешь, что это за люди и на что они способны. И к тому же я твердо уверен, что ты имеешь тесную связь с ними.

— Я ждал, что ты это скажешь, — все таким же холодным тоном произнес незнакомец и скрестил руки на груди. — Я уведомлен о деятельности этой тайной организации, знаком с ее порядками и традициями. Но скажу тебе, что она имеет не большее влияние, чем католическая церковь. Община любит совать свой нос в чужие дела, но она давно утратила свой шарм и индивидуальность. Рано или поздно на ее место придет кто-то другой.

— Я слышал это много раз. Община убивала невинных людей, сжигала на кострах, обвиняя их в том, что они занимаются колдовством, богохульством. И преследовала банальную цель: ее последователи спасали себя от смерти.

— Убийства не давали разлому закрыться, не позволяли кругу сомкнуться — так считала эта тайная религиозная организация. Это давало им неограниченную власть, определенное количество дополнительного времени на жизнь. Они стали считать себя земными богами долгие годы, не отступали ни на шаг от наивно выдуманной ими же истины. Они верили, что рано или поздно их действия приведут к полному бессмертию, существованию без болезней и нужды. Но они уже не являются людьми, это дикие животные, которые не в состоянии подавить свой голод. Насильственная смерть приводила к образованию новых разломов между двумя мирами. Самый крупный из них появился в Атлантическом океане в районе Бермудских островов. Энергия разлома влияла на некоторых смертных, свидетелей убийства, необъяснимым образом, продлевала им жизнь. Но рано или поздно разлом закрывался, и Лимб поглощал этих счастливиц, растворял в себе, как в кислоте. И община боялась, что это случится со всеми. Поэтому был создан культ Старшего. Община избирала определенного человека, чаще всего по строгим критериям. Избранный должен был быть отдан в жертву Лимбу, он становился связующим звеном между двумя мирами и сдерживал разлом до тех пор, пока Бездна не убивала его окончательно. Старший мог жить несколько сотен лет, он питался, как полагала община, энергией насильственно убитых, тем самым отсрочивая свою гибель. Но последователи этого культа также верили, что Старший не мог обеспечить себя пищей самостоятельно, поэтому к нему примыкали определенные дети, чаще всего их было трое. Они должны были с определенного возраста искать пищу для своего, так скажем, хозяина. Жертва заболела и в короткий промежуток времени умирала, из нее вырезали определенную часть головного мозга, отвечающую за сознание, после чего выкачивали из нее жидкость и вкалывали в вену Старшему. От этого

кровь Избранного чернела через какое-то время, гнила. Ее после этого выкачивали, и члены общины добавляли полученный продукт себе в пищу, свято веря, что это продлевает им жизнь.

— Безумие, — прошептал Джордж и нервно сглотнул.

— Разумеется, все это был полный бред. Их жизнь действительно стала длиннее, но только из-за наличия Старшего. Манипуляции с детьми были полностью выдуманскими и не имели никакого значения, лишь добавляли каплю извращенности в деятельность этой общины, усиливали значение тайного культа. Старший был лишь несчастным, который не давал ране иного мира срастись должным образом. Он был обыкновенной блуждающей душой, которая не могла окончательно покинуть свое тело и полностью слиться с миром мертвых, с Бездной или, как это место называет община, Лимбом.

— То есть, община вводила выбранного Старшего в состояние глубокого сна.

— Это что-то вроде клинической смерти, комы, и они тщательно контролируют этот процесс. Разлом происходит, когда умирающий выбрасывает в окружающий мир мощный сгусток энергии. Чем он сильнее, тем шире разлом. Как правило, разломы существуют пару лет, и за этот период рядом с этой, так скажем, трещиной происходят разные события: массовые смерти, войны и тому подобное. Люди попросту сходят с ума, начинают искать свою смерть. Но если энергию, которая идет из разлома, научиться контролировать, то можно отсрочить свою гибель на пару сотен лет, только для этого необходимо стать монстром, самым настоящим диким зверем. Лимб забирает только невинных. Бессмертные, как я их называю, после своей долгой жизни становятся тенью.

— То есть община просто-напросто обманывает Лимб, прячется от него?

— Можно и так сказать. Все мировые религии, так или иначе, строятся на этом, пытаются отыскать бессмертие. И религия общины не исключение. Да, она радикальная от мозга до костей, но приносит определенные плоды, потому что ее создатели знают правду.

— Но зачем им эти убийства, если хватит наличия Старшего?

— Одна смерть создает маленькую щель, много — огромные ворота. Теперь улавливаешь суть? Им нужно только объяснить эти смерти более гуманным способом. Поэтому все списывается на Старшего, на его вечный голод. Обыкновенное жертвоприношение Божеству с целью выгоды. Главе общины уже больше тысячи лет, и он ни за что не раскроет всей правды своим последователям. Но есть одно «но». Чем шире разлом, тем короче жизнь Старшего. В конце жизни бедолагу просто разрывает на части, и он превращается в фантома, в мощный сгусток негативной энергии, которая впитала в себя столько грязи, что становится серьезной проблемой для мира живых. Все крупные эпидемии случались именно из-за фантомов, даже после смерти Старший не перестает быть виновником сотен смертей.

— Я должен был стать следующим Старшим, — прошептал Джордж и с сомнением посмотрел на Вальдемара, который уже успел заснуть, сидя в кресле, и тихо посапывал. — Я это знаю.

— Да. Но твой отец не допустил этого. И обманым образом подменил тебя другим человеком.

— Эрван, — с болью в голосе прошептал Джордж. — Из-за меня... Из-за меня с ним случилось это... Я думал, что вдали от меня его жизнь наладится, я... оттолкнул его от себя, когда он во мне нуждался. Отец обманул меня, не раскрыл всей правды, думая, что тем самым спасает меня, но при этом сделал только хуже.

— Так или иначе, он любил тебя. Это самое важное, — незнакомец вышел из тени и

вяло улыбнулся. — Он был мудрым человеком и доверил тебе миссию все это закончить, позволил тебе замкнуть круг.

— Ты... — в ужасе прошептал Джордж, уставившись на своего собеседника, как на привидение. — Это был ты...

Джордж не сразу заметил, как его рука направилась в сторону незнакомца и прижала того к стене с такой силой, что все стены, в буквальном смысле, задрожали, заставив пропитавшую их насквозь пыль образовать в гостиной что-то вроде облака. Молодой человек помнил эти ожоги, этот холодный безумный взгляд, это ухмылку на лице.

— Не могу поверить, что вижу тебя вновь, — нервно засмеялся Джордж. — Знаешь, лучше бы ты показал свое лицо раньше, потому что теперь все твои слова больше не имеют для меня значения.

— Ты столько лет искал правду. Неужели теперь ты станешь ее отрицать? — прошептал тот и осторожно сжал руку Джорджа, которая все сильнее и сильнее сжимала его горло. — Мы ведь с тобой очень похожи. Ты ведь знаешь.

— Ты пытался убить меня... — прорычал Джордж и со всей силы ударил его кулаком в живот. — Что теперь ты чувствуешь?

— Я хотел тебя спасти от самого себя, — с трудом прохрипел тот и снова улыбнулся. — Ты ведь и без меня знаешь, что в тебе что-то живет, что-то негативное, что порой берет над тобой вверх. Вспомни... Люди, которых ты убил ради справедливости... Было ли это правильным?

Джордж внимательно взгляделся в черты лица этого человека, скрытые под толстым слоем повязок, и осознал, что узнает в них что-то до боли знакомое, что-то родное. Он ослабил свою руку на шее собеседника и дрожащими от волнения пальцами стал осторожно стягивать бинты с лица этого человека, все еще надеясь, что его предположение окажется ошибочным. Большая часть кожи на лице незнакомца была покрыта ожогами, но были и те зоны, которые по-прежнему имели хороший вид.

— Не может быть, — прошептал Джордж и осторожно коснулся ладонью щеки мужчины. — Я... я не... Нет...

— Я не хотел причинять тебе боль, — впервые на его лице появились настоящие эмоции в виде виноватой улыбки. — Я лишь хотел остановить то зло, что стало паразитировать в тебе.

— Ты... Это я, — с трудом выговаривая эти слова, прошептал Джордж. — Нет, это бред какой-то, — молодой человек, отрицательно качая головой, покачнулся на месте и отошел на достаточно большое расстояние от своего двойника.

— Не стоит удивляться этому, Джордж. И не стоит меня бояться или ненавидеть. Я лишь хотел спасти себя от себя самого... Посмотри, что со мной стало, — грустно посмотрел на него тот. — Что со мной сделало время.

— Я видел тебя и раньше... — задыхаясь от эмоций, сказал Джордж и с широко распахнутыми глазами уставился на вторую версию себя. — Восемь лет назад. Человек в плаще... Это был ты... Ты привел Эрвана в тот дом к Анне... Я видел тебя... Ты стоял около камина. Это был ты, я знаю.

— Удивительно, что ты запомнил этот момент. Да. Я делал все возможное, чтобы изменить все произошедшее с нами. Но не сумел. Теперь очередь за тобой.

— Мое исцеление. Это ведь тоже сделал ты, да? — у Джорджа на глазах образовались слезы.

— Я хотел покончить со всем быстро, без боли. Убив себя, я бы изменил многое в лучшую сторону. Но не смог. Понял, что если исчезну, то некому будет спасать этот гребаный мир, — второй Джордж нервно засмеялся и громко вздохнул. — Рано или поздно появится новый Старший. И все начнется вновь. Устроив пожар, я на минуту испытал облегчение. Я чувствовал, как на моей коже образуются волдыри от ожогов. Убивая тебя, я убивал себя, ощущал всю боль, что испытывал ты в тот момент. Какое-то время я стоял на крыше соседнего дома и наблюдал за тем, как общежитие, где я много лет назад жил вместе с Эрваном, вспыхивает, как спичка. Я был готов умереть вместе с тобой. Исчезнув, я лишил бы всех тех, кого знал, страданий. Эрван никогда бы меня не встретил и после войны, если бы смог выжить, встретился бы с семьей, обрел бы то самое счастье, о котором всегда мечтал, нашел бы жену, обзавелся бы детьми, Татьяна была бы счастлива с мужем и стала бы обыкновенным юристом и тоже прожила бы обыкновенную жизнь. Без меня... Но я не смог исчезнуть... Потому что не хотел, чтобы община в очередной раз нашла способ продолжить свою деятельность.

— Это был ты... — все еще ошарашенно пялился на своего двойника Джордж. — Ты навещал меня в больнице. Я слышал, как ты приходил по ночам и разговаривал со мной.

— Ты помнишь это? — смущенно посмотрел на него тот. — Весьма странно смотреть на человека, которого ты еще вчера пытался убить, и осознавать, что это ты... Твои раны заживали очень долго, ты истекал кровью, кричал... Но у меня не было выхода. Если я решил остаться, то должен был исправить свою ошибку, самую страшную...

— Но почему тогда твои ожоги не исчезли?

— Я не знаю, — с грустью прошептал тот и посмотрел на спящего Вальдемара. — Возможно, это наказание за мою глупость. Невозможно вечно выходить сухим из воды, особенно если пытаешься что-то изменить в прошлом.

Где-то снаружи послышался лай собаки. Джордж вздрогнул и, с сомнением взглянув на второго себя, подбежал к окну. К дому медленной косолапой походкой направлялся высокий мужчина, рядом с которым бежал его четвероногий питомец с высунутым языком. За спиной этого великана виднелась сумка, доверху набитая мертвыми птицами, от которых в разные стороны разлетались белые перья и, подобно дождю, витали в воздухе, после чего плавно опускались на землю.

— Охотник, — произнес второй Джордж и встал позади первого. — Он вернулся раньше времени, так как побоялся оставаться в лесу на ночь из-за волков. Никто из местных не верил ему, а ведь на самом деле дикие животные приблизились к деревне слишком близко. И их первыми жертвами стала семья охотника. Женщина гуляла с дочерью в лесу, хотела собрать грибов. Волки не оставили от них практически ничего, лишь обглоданные кости. Охотник пытался найти их логово, но понимал, что не сможет справиться с вожаком стаи. Волки были слишком голодны и настроены решительно.

— Стив, — крикнул охотник своему псу и прислушался. — Кажется, у нас незваные гости, дружок, — мужчина сжал в руках ружье и, напрягшись, стал едва ли не гуськом приближаться к дому.

Глава двадцать четвертая. Карусель безумия

Горькие капли дождя с мелодичным звоном падали на его спокойной умиротворенное лицо. Молодой человек с улыбкой на лице жмурился каждый раз, когда очередная ледяная крупинка влаги дотрагивалась до бледной кожи. Он сидел на большом крыльце, построенном из старого красного кирпича, оно находилось около главного входа обувной фабрики и сильно покосилось из-за чрезмерной сырости окружения. Можно было даже издали заметить, как между каждым кирпичом вместо цемента находились окаменевший мох и плесень, которые, подобно прожорливым змеям, вгрызались в стены и разрывали их на части, о чем свидетельствовали частые трещинки. Крыша крыльца уже не могла сдерживать миллионы капель осеннего дождя, поэтому Эрвану приходилось просто терпеливо наслаждаться их присутствием на теле, к счастью, их было не так уж и много, чтобы возникла причина возвращаться обратно в душное здание. Парень практически докурив сигарету, впервые ее вкус показался ему каким-то сладковатым, как карамель, и этот процесс уже не наскучивал как прежде, хотелось вдыхать табачный дым максимально долго и наблюдать за тем, как город утопает в сером тумане.

Листья на деревьях еще не успели пожелтеть, они были по-прежнему зелеными, словно только что распустились, и весело перешептывались между друг другом во время очередного порыва холодного ветра. Каменистая почка вокруг фабрики не обладала достаточной силой, чтобы вырастить на своей поверхности даже траву, но ближе к ограждению виднелись высокорослые кустарники, украшенные небольшими крупинками белых и бледно-желтоватых цветов, что делало этот пейзаж не таким унылым. Эрван любил дождь, любил его запах, обильную влажность, его холод и серость. Ему казалось, что во время дождя все вокруг становится каким-то уютным, родным, до боли знакомым, на душе сразу возникало чувство внутренней улыбки, некой непонятной эйфории. Он не любил солнце, оно его почему-то пугало, делало город обжигающе ярким, но молодой человек никому об этом не рассказывал, боялся, что его сочтут странным. Ведь любить дождь больше солнца глупо...

Позади себя Эрван услышал скрип входной двери, кажется, что кто-то вышел. Он не стал оборачиваться и начал вслушиваться в шаги человека, чтобы понять, направляется ли тот в его сторону или нет. Парень сделал последнюю затяжку и выбросил окурок, уже ставший непростительно крошечным, в сторону первой ступеньки. Тот, как мячик, проскакал несколько метров и приземлился прямо на землю, где его моментально потушил дождь.

— Привет, — заговорил с ним человек, уже целую минуту стоявший позади, и как-то некультурно громко прочистил горло.

Эрван обернулся и кивнул в качестве ответа.

— Что-то ты сегодня странно выглядишь. Летаешь где-то в облаках, — продолжил тот и сел рядом с Эрваном на ледяную ступеньку. — Поделишься сигарой?

— Да, конечно, — восторженно парень и вытащил из кармана сюртука серебряный портсигар, после чего протянул одну папиросу своему собеседнику и, дождавшись, пока тот зажмет табачное изделие между зубов, поджег ее.

— Спасибо, — тот с довольной улыбкой выпустил изо рта первую порцию дыма и как-то странно хмыкнул. — Я так понял, ты вчера провел ночь не в одиночестве. Ты ведь знаешь, моя пожилая мать очень любопытная, мог был заранее предупредить, что нам тебя ждать не

стоит.

— Извини, Крис. Я как-то не подумал об этом. Голова была забита совсем другим, — хриплым голосом ответил тот и закурил вторую папиросу.

— Я уже вижу. Ты забыл убраться, когда вчера уходил.

— Да, я знаю. Извини. Я слишком поздно закончил. Уже не было сил.

— На первый раз прощаю, но потом пеняй на себя. Расскажешь о ней? О той девушке? Вряд ли она обычная, для обычной девушки парень не будет выходить на работу не в свою смену.

Крис снял с головы свою кепку и взъерошил рыжие волосы, которые забавно закручивались в колечки на концах, из-за чего отдаленно напоминали опилки.

— Ты прав, она не из обычных, — мечтательно прошептал Эрван. — Знаешь, я знал многих девушек, но ни одна из них не похожа на эту. Трудно описать словами, что ее отличает от других. Мы с ней могли говорить совершенно на любую тему и не уставали от этого, ни с кем у меня подобного не было. Мне с ней очень комфортно находиться, я не хотел, чтобы наша встреча заканчивалась. Она простая, не строит из себя умную или последнюю стерву, которая готова оттрахать тебя в первую же ночь.

— Значит, ты в нее влюбился, потому что она хороший собеседник? Мне кажется этого мало, — пожал плечами Крис. — Тебя привлекло в ней что-то другое. Но ты, скорее всего, стыдишься сказать это вслух.

— С чего ты взял?

— По твоему лицу вижу, идиот, — хмыкнул тот. — Женщина не должна быть только другом для мужчины, отношения должны строиться и на другом.

— Ой, заткнись, — поморщил нос Эрван и осторожно ударил друга кулаком в плечо. — Если ты так любишь секс без обязательств, это не значит, что и я люблю подобное.

— Любишь, я же знаю. Вряд ли ты откажешься перепихнуться с нашей уборщицей. По моему, она приятная телочка с отточенной фигуркой.

— У нее нет зубов.

— И что? Ты же не будешь с ней целоваться, — удивленно посмотрел на него Крис, после чего весело засмеялся. — Не обращай на меня внимания. Это я так шучу. Шутник из меня крайне плохой... Ну так что? Что ты собираешься с ней дальше делать?

— Сегодня у нас будет первое официальное свидание. Знаю, вслух это звучит слишком торжественно, аж на зубах скрипит. Но... У меня такая радость от одной лишь мысли об этом, словно я девственник, который в первый раз начал встречаться с девушкой.

— У меня часто возникает такая фигня, я тебя могу понять. Главное, не пытайся быть рядом с ней слишком идеальным. Бабы этого не любят. Так ты им быстро наскучишь. Будь с ней разным.

— И это мне говорит человек, которого за полгода отшили семь девушек.

— Просто они мне не нравились. И это я их отшил, большая разница между прочим, — с легкой обидой в голосе произнес Крис. — Я не семейный человек, это не мое. Мне легче жить для себя, тратить деньги на себя. Так что не советую тебе держать эту милашку слишком долго рядом с собой. Иначе потом будет много проблем.

Эрван вздохнул и посмотрел на свои наручные часы.

— Все, моя смена закончилась, уже почти шесть вечера, — с довольным выражением лица сказал тот и встал со ступенек.

— Ой-ой-ой, посмотрите на него, лицо сияет ярче солнца, — засмеялся Крис и

выбросил докуренную папиросу в сторону. — Смотри, не ослепи никого, когда будешь идти переодеваться. И не забудь убраться на рабочем столе перед этим, я за тебя черную работу больше выполнять не буду, ты это учитывай.

— Я тебя услышал, — махнул ему на прощание рукой тот и направился к двери.

— Так тебя сегодня ждать дома? — неожиданно вспомнил про этот вопрос Крис в самый последний момент.

— Возможно, — неуверенно ответил Эрван. — Если что я переночую в другом месте, у меня есть с собой деньги. Мы с Татьяной поедem на другой конец города и добираться до твоего дома будет крайне проблематично в ночное время.

— Я тебя услышал. Давай, ловелас, иди. Твоя цыпочка тебя уже ждет.

Эрвану пришлось потратить не так много времени, чтобы очистить свой стол от кожаной «шелухи» и прочих материалов, что толстой коркой покрывали их общее с Крисом рабочее место. Молодой человек постоянно улыбался про себя, когда начинал думать о том, что у них с напарником одинаковые имена. Конечно, знал об этом только Эрван, ведь сейчас он живет под совершенно другим именем, которое он ненавидит и мечтает поскорее от него избавиться.

Он размышлял над тем, чтобы признаться хотя бы кому-нибудь в своем секрете, после чего у него, скорее всего, появится шанс снова услышать, как его называют настоящим именем, что было дано ему при рождении. Но боялся последствий. Да, есть возможность упустить подробности о подмене блях, придумать что-то вроде банальной смены имени из-за каких-то не совсем адекватных мимолетных побуждений, но вряд ли в такое время в подобное поверят. Он уже неоднократно слышал, как после перемирия несколько десятков подобных личностей, что присвоили себе чужие имена ради спасения жизни, расстреляли на территории Германии и России. И боялся, что англичане поступят таким же образом.

Еще при его первой встрече с Татьяной он с трудом сдержал себя, чтобы не назвать девушке свое настоящее имя. Потому что осознавал, что знал Татьяну не так хорошо, по крайней мере, сейчас. Очень рискованно делать такое признание, тем более в такое послевоенное беспокойное время. Девушка просто может разочароваться в нем, не захочет видеть, так как разглядит в нем труса и неудачника. Но ведь он не по своей воле это сделал, за него решил Джордж, именно этот человек отобрал у него прошлое, всю жизнь. А теперь Джордж выбросил его, как надоевшую игрушку, предал. Вряд ли Эрван сможет простить подобное.

Джордж смог забрать у него одну жизнь, теперь сделал это и со второй. У Эрвана не осталось ничего, только какая-то бездонная дыра внутри. Молодой человек впервые в своей жизни смог влюбиться в человека, по-настоящему, рядом с Джорджем он чувствовал себя защищенным, словно находился со старшим братом, который в любой момент способен вытащить из самой жуткой передраги. Но что-то случилось. И Джордж отказался от него, отказался, как его родной отец, брызнул ядом в лицо и незаметно скрылся. Одна лишь мысль об этом заставляла Эрвана сжиматься от боли, не было возможности нормально дышать. Он пытался анализировать эту ситуацию, войти в положение некогда родного ему человека, с которым он, фактически, прошел огонь и воду. Но ничего не испытывал во время этого процесса, так как не имелось хотя бы малейшей детали, что помогла бы построить логическую картинку. Джордж хотел обычной жизни, о чем сам же и сказал: хотел любить девушку, завести семью. Слишком банально и неправдоподобно. Но Эрван почему-то

поверил в эти слова, возможно, посчитал их искренними и идущими из самого сердца. Да, ему хотелось найти другую причину, которая могла заставить молодого человека так нагло врать, отказаться от настоящих чувств ради какой-то благой цели. Но эти поиски стали восприниматься бредом. И постепенно Эрван стал соглашаться с Джорджем, проникся его словами и начал мыслить точно так же.

Действительно, их отношения были странными, неправильными. Это была, по всей видимости, не любовь. А что-то не от мира сего. И сейчас Эрван безумно рад тому, что этот период в его жизни подошел к концу. Началась третья жизнь, которую он хотел прожить максимально ярко. И он уже заранее связал ее с девушкой, которую знал всего лишь несколько дней. Скорее всего он поторопился, и Татьяна дала ему это понять прошлой ночью. Она оттолкнула его от себя, когда он начал трогать руками ее запретные места, девушку это словно напугало. Но испугалась она не самого Эрвана, а испугалась этой спешки, что происходила в их отношениях. И об этом она, разумеется, без утайки сказала, когда им пришлось расстаться спустя час. Молодой человек с трудом справился со своей эрекцией, впервые у него была такая потребность в сексе, такое огромное желание прочувствовать губами каждый кусочек мягкого женского тела. Татьяна пахла просто потрясающе, это были не духи, а что-то иное, настоящее, то, чего так долго ему не хватало.

И сейчас, запихивая весь мусор, собранный на столе, в мешок, он по-прежнему думал о Татьяне, слышал на подсознательном уровне ее надрывное дыхание, тихие стоны и оглушающе громкое биение сердца. Ей нравилось, когда он касался ее, Эрван это точно знал, и вряд ли она хотела прерывать столь интимный момент. Наверняка девушка специально растягивала удовольствие, хотела найти более подходящий момент для подобного, и молодой человек ничуть не осуждал ее выбор. Подбираться к ней маленькими шажками было гораздо интереснее, чем-то волнительным. И от этого одна лишь мысль об их встрече, о новой близости заставляла все внутри закипать, наливаясь яркими красками.

Он до сих пор не верил в то, что так быстро оправился от той боли, что ему причинил Джордж, сейчас его совершенно не заботило то, что случилось вчера между ним и человеком, которого Эрван считал всей своей жизнью, это резко оказалось на помойке прошлого, превратилось в забытые воспоминания. И теперь на душе стало невероятно легко. Эрван впервые чувствовал себя живым и готовым идти на подвиги, еще никогда не ощущал в себе такой запас энергии. Складывалось впечатление, что у него хватит сил добежать до квартиры Татьяны, которая находилась в пяти километрах от этого места.

Наконец-то стол и специализированное оборудование были полностью очищены и готовы к новой работе. Немного полюбовавшись результатом своих действий, Эрван отнес мешок с мусором на задний двор, после чего направился на нулевой этаж, где находилась комната для переодевания. Он терпеть не мог долгое время носить рабочую форму, она была неудобной, от нее чесалось все тело, словно та была сделана из наждачной бумаги и украшена гроздьями. Хотя ничего такого в ней не было: обычная рубашка и брюки на подтяжках. Но эта одежда так и не сумела подружиться с молодым человеком.

Сняв с себя форму, он остался в одних трусах. Ему не хотелось снова надевать хотя бы какую-либо одежду на себя, было огромное желание стоять вот в таком виде пару часов и чувствовать, как холод комнаты обжигает кожу. Проведя рукой по груди, на которой вылупились твердые мурашки, он направился в сторону раковины и включил горячую воду, которой стал брызгать себе в лицо. Этого Эрвану показалось недостаточно, и парень полностью засунул свою голову под струю, ощутив после этого невероятное наслаждение.

Закончив, он вытер голову полотенцем и громко вздохнул, словно хотел, чтобы это все услышали.

За окном начало темнеть, а из-за отсутствия солнца дневной свет был в несколько раз тусклее. Поэтому парню пришлось переодеваться едва ли не в полной темноте. Ему не хотелось включать лампу, Эрван чувствовал желание отдохнуть от яркого света, оказаться в полной темноте. Подойдя к зеркалу, он взглянул на себя и критично прищурился, словно пытался найти недостатки на своем теле. Юноша с самого детства был довольно крепким на вид, и никогда не считал себя слишком худым или пухлым, его вес, как ему казалось, был самым идеальным. Крепкие ноги и руки, плоский живот, миловидное лицо с большими глазами и длинным ртом, ничего такого, что можно было бы не любить. Но Эрван постоянно искал в себе что-то плохое, мог крутиться перед зеркалом часами, как девочка, разглядывая себя с разных ракурсов. Порой, его забавляло это самолюбование, слишком оно странное для парня. Посмотрев на свое отражение исподлобья с какой-то странной сексуальностью в глазах, он напряг свои мышцы и улыбнулся, когда на животе выступили кубики.

— Эрван, ты чертовски хорош собой, — усмехнулся он и надел на себя белую майку. — Джордж еще не понимает, от чего отказался.

После этих слов молодой человек засмеялся и немного покраснел.

— Да уж, если меня кто-то услышит, то сочтет самовлюбленным ублюдком. Ты очень странный парень, Эрван. Ты знал об этом?

Полностью одевшись, он расчесал свои волосы и приблизил свое лицо к зеркалу максимально близко, после чего продемонстрировал себе собственные зубы. Даже в темноте они были белыми, что порой удивляло юношу, так как его любовь к сигаретам должна была давно превратить каждый его зуб во что-то грязно-желтое. У его улыбки была интересная особенность, передние клыки Эрвана были невероятно острыми, почти треугольными, отчего он отдаленно напоминал какого-нибудь начинающего вампира, к тому же один из них был немного короче другого и слегка повернут боком. Раньше парень стеснялся этого, но потом стал замечать, что людям это нравится. Возможно, это и был его недостаток, но Эрван не считал его таковым, ему нравилась собственная улыбка и нравилось, что порой его шуточно называют вампиром.

На часах шесть часов, ему нужно поторопиться, вряд ли Татьяна простит, если тот опоздает хотя бы на минуту. Для девушки этот вечер очень важен, Эрван понял это сразу и относился с пониманием. Татьяна казалась одинокой девушкой, которую общество не желало понимать, принимать в свои круги. Не всегда красивая внешность способна дать человеку счастливый билет в жизнь. Порой красота становится самым настоящим проклятьем.

Повесив рабочую форму в свой шкафчик, Эрван надел сюртук, взвалил на плечо небольшую сумку с вещами и направился к выходу. В комнате стало слишком темно, поэтому отыскать дверь стало крайне затруднительно. Впервые Эрван пожалел о том, что из-за своей нелюбви к свету поленился включить хотя бы одну лампу в этом помещении. Кажется, он и вправду стал вампиром.

К счастью, дверь искать слишком долго не пришлось. Эрван сжал ручку и надавил на нее, но внезапно ощутил на своих пальцах горячее прикосновение чужой горячей руки. Испуганно отпрянув, он обернулся и увидел перед собой темный высокий силуэт, который почти вплотную стоял рядом с ним и взволнованно дышал Эрвану в лицо.

Молодой человек не успел ничего сказать, незнакомец резким движением прижал его к

двери и надавил рукой на грудь с такой силой, что у Эрвана перехватило дыхание, он не мог сделать даже маленький вдох, легкие, в буквальном смысле, расплющило под тяжестью мужской руки.

В автомобиле было довольно душно, и Татьяна успела изрядно вспотеть. К тому же за время этого длительного путешествия вдоль мокрых улиц Лондона девушка сильно нервничала, отчего ощущала себя неопытной школьницей, которая в первый раз в жизни едет на свидание с парнем. До последнего момента Татьяна сомневалась, думала отказаться от этого мероприятия, но все равно села в такси и направилась в сторону обувной фабрики, где работал Эрван, чтобы встретить его и сразу же направиться в сторону намечающегося торжества на другом гонце огромного города.

Несколько часов она выбирала платье, у нее их было довольно-таки много, но большую часть Татьяна ни разу не носила. В большинстве случаев это были сарафаны нежных цветов, светлые, напоминавшие облака. Татьяна не любила темные цвета, ей казалось, что с ними она выглядит чуть старше, а ведь ей в скором времени должно исполниться двадцать шесть, и это ее, честно говоря, пугало. В душе девушка по-прежнему считала себя маленькой девочкой, школьницей, наивной и невинной. Но едва стоило посмотреть в отражение, как приходилось тут же мириться с действительностью. Вот уже два года Татьяна выглядит как женщина, и это не может изменить ни макияж, ни более, так скажем, детская одежда. Достаточно взглянуть на ее походку, чтобы понять, что возраст этой рыжеволосой особы достаточно зрелый, что, разумеется, часто отпугивало молодых парней, к которым Татьяна была не равнодушна. Ей не нравились мужчины, которые были старше, с ними она ощущала некий дискомфорт, превращалась в глупенькую маленькую куклу, которая не может связать и пары слов. Мать это замечала и пыталась исправить ситуацию. Поэтому и ограничивала общение дочери с противоположным полом, выбирала только строго определенных кандидатов. Татьяне каждую неделю приходилось посещать светские мероприятия, общаться с тридцатилетними мужчинами, многие из которых уже ходили на стариков и дурно пахли. Она знала, что мать все делала правильно, что муж должен быть на несколько лет старше жены. Но Татьяна влюблялась только в тех, кому едва исполнилось двадцать. Ее просто сводила с ума их гладкая кожа, большие глаза, эта миловидная худоба и лишённые седины волосы, и пахли они невероятно вкусно, чем-то сладким. Девушка верила, что это связано с тоской по детству, с отсутствием так называемой первой любви. Она не помнит, чтобы в школе встречалась с кем-то, целовалась. Все это прошло мимо. И теперь Татьяна будто пыталась все это восполнить, вновь вернуться на восемь лет назад, чтобы ощутить себя наивной школьницей, которая еще не подозревает, какой отвратительной может стать жизнь.

Эрван был мальчиком, ему явно не больше двадцати. Он был невысокого роста, лишь на пару сантиметров выше, чем она, имел хриплый прокуренный голос, который наверняка продолжал ломаться и в скором времени начнет приобретать более мужской тон. От него пахло табаком и чем-то сладким и одновременно мятным, что моментально свело девушку с ума. Про себя она даже смеялась, когда начинала думать, что проявила симпатию к этому парню только из-за того, что от того шел невероятно вкусный аромат.

Она до сих пор вспоминает их прошлую ночь, помнит, как его горячие губы касались ее шеи, облизывали кожу, полностью оголодав от желания. Она с ним лежала на кровати, и впервые Татьяна ощутила возбуждение, это было немного странное и, казалось бы, чуждое

чувство, хотя до этого она его неоднократно испытывала с другими людьми, чьих лиц вряд ли сможет вспомнить. У нее был секс, но уже после школы. В основном, к ней в постель попадали мальчишки, которые недавно отметили совершеннолетие, она разрешала им делать с ней все что угодно, совершенно не испытывала чувство стыда, когда те брали полный контроль над ее телом, Татьяне это нравилось, но еще ни разу ни одному из них не удалось зажечь внутри девушки тот самый огонь. Но Эрван оказался другим, его действия были совсем не похожи на те, что видела Татьяна раньше. Он не пытался быть мягким, порой даже причинял боль, впиваясь своими зубами в ее ключицу или в мочку уха, но делал это так ювелирно, что неприятные ощущения стали походить на самые настоящие ласки. Когда он расстегнул халат Татьяны и полностью оголил ее тело, то девушка испугалась, впервые стала стесняться своей наготы, хотя раньше испытывала от подобного огромное удовольствие. Она не знала, почему с ней это произошло. Возможно, Эрван смотрел на нее как-то иначе, не как все парни, на минуту Татьяна даже ощутила себя мужчиной, так как впервые противоположный пол касался ее тела с такой отточенной грубостью. Весьма странное чувство. И именно оно и стало причиной, по которой Татьяна остановила молодого человека и не дала ему заняться с ней полноценным сексом. Эрван наверняка был обижен, его тело выглядело напряженным и явно не ожидало, что все вот так закончится. Татьяна осознавала, что сделала все неправильно, необходимо было завершить начатое более логичным образом. Но она не смогла. Ее тело, в буквальном смысле, горело, покрылось следами от пальцев молодого человека, которые в некоторых местах приобрели вид легких едва заметных синяков.

Поэтому она надела платье бледно-розового цвета с длинными рукавами и воротом, чтобы вскрыть большую часть кожи на своем теле. На голове восседала такая же яркая и воздушная шляпка, но Татьяна сняла ее в машине, чтобы волосы полностью не покрылись влагой из-за усилившейся потливости организма. Ее длинные рыжие волосы были аккуратно собраны в хвост, без каких-либо излишеств. Девушка изначально думала создать что-то сложное на голове, более праздничное, но побоялась, что такая торжественность сможет отпугнуть ее ухажера, поэтому постаралась сделать свой образ максимально естественным. Даже глаза в этот раз она не стала сильно выделять темными тенями, ограничилась только легкой покраской ресниц тушью.

Через пару минут автомобиль остановился возле крупного здания из красного кирпича, которое было таким старым, что даже отсюда ощущался запах плесени и гнилого камня. Поблагодарив водителя, девушка дала ему чаевые и попросила, чтобы тот в ближайшие пятнадцать минут терпеливо ее дожидался на этом же месте. Она не собиралась задерживаться здесь надолго, Эрван скорее всего находился где-то поблизости, он знает о ее приезде в это время.

Глубоко вздохнув, Татьяна сжала в руках свою маленькую сумочку на серебряной цепочке и быстрым шагом направилась ко входу, надеясь, что никаких проблем на ее пути не возникнет. У двери стоял высокий рыжеволосый парень и не спеша курил сигарету, мечтательно смотря куда-то в небо. Татьяна несколько раз пожалела о том, что не взяла с собой зонт, но ее шляпа, к счастью, была достаточно большой, чтобы спрятать ее прическу от назойливых капель назойливого дождя. Едва она стала подниматься по ступенькам, как молодой человек сразу же окликнул ее, явно заинтересовавшись столь привлекательной дамой.

— И что такое прекрасное создание забыло в нашей скромной обители? — с ехидной

улыбкой на лице произнес он и резко перегородил дорогу Татьяне, отчего та чуть было не врезалась носом в его грудь, так как из-за шляпы практически ничего не видела впереди себя. — Осторожно, милочка, — бережно остановил ее тот и теперь принял облик вежливого парня. — Так вы собьете меня с ног своим стройным телом. Вы кого-то ищите?

— Прощу прощения, — как можно спокойнее произнесла та и с любопытством взглянула на своего нового собеседника. — Да, вы правы. Я ищу своего молодого человека. Эрвана Джеффа. Вы знаете его?

— А, так вот оно что! — с веселым смехом протянул он. — Знаем таких. Этот мальчуган все утро только про вас и говорил. Теперь понятно, почему. В вас грешно не влюбиться.

— Вы знаете, где он сейчас? Мы договорились встретиться с ним на этом крыльце в шесть вечера.

— Ох, — посмотрел тот на свои наручные часы. — Вы приехали немного рановато. Я разговаривал с ним пять минут назад. Думаю, он пошел переодеться. Если хотите, я отведу вас к нему. Вижу, что вы слегка торопитесь.

— Да, буду признательна. Я с трудом уговорила водителя нас подождать. Вряд ли он обладает железным терпением, к тому же у меня не так много денег в кармане, чтобы утихомирить его жадность, — со смущением сказала Татьяна.

— Следуйте за мной. Эрван только что сдал мне смену, я его напарник. Если он будет вас обижать, сразу говорите мне, я тут у него типа начальника, этот паренек меня во всем слушается. Кстати, меня зовут Крис, — рыжеволосый парень протянул Татьяне свою грязную руку и, не дождавшись ответа, сразу же убрал ее в карман своей куртки. — Извините, не хочу вас пачкать.

— Я не брезгливая, не переживайте, — пожала плечами та и стала следовать за ним вглубь здания. — Никогда не считала, что руки мужчины должны быть чистыми до блеска, особенно у рабочих.

— Ну просто вы выглядите довольно... — начал тот и на последнем слове замолк, словно не знал, как именно описать внешний вид девушки и при этом не обидеть ее.

— Богато? — усмехнулась та. — Не переживайте, в настоящий момент я не богаче вас, Крис. Мой отец был обанкротившимся директором фаянсового завода, а я, что даже странно, наследница этого разорившегося предприятия.

— Так вы бизнес-леди? — удивленно вскинул брови Крис и что-то тихо пробурчал себе под нос. — И где Эрвану удалось вас подцепить? Да он чертов счастливчик! Будьте с ним осторожны.

— Эрван очень хороший человек, — Татьяна первой вошла внутрь здания и с трудом сдержала чих, так как в воздухе было чрезмерно много пыли. — Не думаю, что он посмотрел на меня только из-за того, что у меня есть какое-то там наследство. К тому же это наследство совершенно бесполезно, так как ничего с ним сделать я уже, к сожалению, не смогу. Я владею лишь раскрошившимися кирпичами и битой посудой, больше ничего. Завод разграбили, печальное зрелище. Там случился пожар пару месяцев назад. И в данный момент предприятие находится в отвратительном состоянии. И у меня даже нет средств, чтобы охранять его территорию. Мы вынесли оттуда ценные бумаги и все.

— А разве правительство города не заинтересовано в охране предприятия? Ведь это не эстетично, когда большой завод находится в таком виде посреди столицы.

— Они мечтают поскорее выжечь меня с этой территории. Если я в течение года не

приведу все дела завода в порядок, то просто лишусь всех прав на это предприятие. Но при этом буду обязана выплачивать кредит, взятый моим отцом.

— Никогда бы не поверил, что на столь хрупкую девушку взвалили такую ответственность. Если Эрван вас бросит в трудную минуту, я его повешу за член где-нибудь здесь, вот увидите. Только свистните, — с довольной ухмылкой прошептал Крис и провел Татьяну по длинному коридору. — Здесь наши пути разойдутся, — молодой человек остановился около двери, которая вела к лестнице. — Спуститесь вниз, там пройдите по такому же коридору и сверните налево, увидите дверь в конце с большим военным плакатом, там и находится ваш возлюбленный. Только прежде постучитесь. Там сейчас не должно быть никого, кроме него, только он так поздно сдает смену, обычно все заканчивают на час раньше. Наш рабочий день начинается в шесть утра. Ваш парень еще тот работяга. Но вы все равно постучитесь. Не смущайте мальчишку.

— Хорошо, спасибо, — поблагодарила его та.

Тот кивнул и направился в обратную сторону, оставив Татьяну наедине с самой собой. Девушка снова тяжело вздохнула и стала осторожно спускаться вниз по лестнице, по какой-то причине вновь ощутив нервозность, словно вот-вот должно случиться что-то неприятное.

Сумрак полностью завладел этим душным помещением, все предметы слились в одну сплошную черную кляксу, лишь изредка прослеживались расплывчатые очертания чего-то более-менее знакомого вблизи окна. Эрван чувствовал, как его глаза заслезились из-за темноты, стали выпускать наружу крупные капли слез, которые в последствии слились с возникшей испариной на гладком лице. Ему было жарко, будто он стоял под испепелявшим солнцем, а вокруг не было ни малейшей тени, где была бы возможность укрыться. Но причина резкого повышения температуры вокруг была не ясна. Эрван полагал, что горячим стал вовсе не воздух, а он сам, на это намекали бешено колотившееся сердце, чей стук эхом ощущался даже в голове, и резко пришедшая в движение кровь, из-за чего вены на теле сильно набухли. Его спина упиралась в деревянную дверь, та имела столь сильную прочность, что кожа ощущала ее как нечто металлическое, возможно, каменное. Он пытался слегка отстраниться от этой поверхности, но сильные мужские руки невидимого человека продолжали удерживать его внезапно ослабшее тело в таком положении и надавливать на грудь, что затрудняло и без того сильно сбившееся от напряжения дыхание.

— Отвали, мать твою! — прохрипел молодой человек и впился пальцами в запястье незнакомца, надеясь, что таким образом хотя бы немного ослабит его хватку, но все тщетно. — Что ты делаешь? Это шутка такая? Отпусти меня, слы...

Внезапно незнакомец приложил свою ладонь к его рту и не дал произнести последние слова, которые наверняка могли нести в себе весьма негативный характер, так как Эрван, что было видно даже в такой темноте, был не на шутку напряжен и мог в любой момент разозлиться и дать отпор.

— Т-с-с, — едва слышно прошептал тот. — Пожалуйста, говори тише.

Эрван вспомнил, что прямо около двери рядом с ним находился выключатель. Дотянуться до него было не так трудно, но вряд ли незнакомец будет рад, если молодой человек увидит его лицо. Но парень больше не мог находиться в таком положении, это его сильно пугало и заставляло все внутри закипать от неприятных эмоций. Разве он должен бездействовать, когда некто насильно удерживает его без веских на то причин? Молодой человек осторожно нащупал ногой стопу незнакомца и со всей силы наступил на нее, тем

самым дав себе возможность на короткое время освободиться. Воспользовавшись секундным замешательством мужчины, Эрван нажал на выключатель и зажег в комнате свет. Но свобода продолжалась недолго. Незнакомец быстро поймал парня и снова со всей силы придавил к двери, отчего тот даже вскрикнул, скорее всего почувствовал боль от удара о твердую поверхность.

— Тише! — прошипел незнакомец и обоими руками сжал плечи Эрвана, но на этот раз без силы, как-то нежно, словно боялся, что парень в любой момент лопнет, как воздушный шарик, если на него неправильно надавить. — Умоляю, тише.

Эрвана заставлять не пришлось. Он с удивлением смотрел на своего собеседника, и его взгляд менял эмоции в хаотичном порядке, будто молодой человек наблюдал перед собой кого-то, кого никогда не ожидал увидеть, и мечтал поскорее расстаться с ним. Но, к счастью, Эрван быстро расслабился и перестал быть натянутой струной.

— Эрван, — прошептал незнакомец, как-то странно, без ясных эмоций, будто произнести это имя он пытался долгие месяцы, и вот только сейчас ему это удалось сделать, но не так идеально, как хотелось бы.

— Какие люди, — хмыкнул тот и криво улыбнулся, с некой издевкой. — Что? Уже соскучился, если решил заявиться сюда?

Джордж виновато понурил голову и неловким движением провел ладонью по уставшему опухшему лицу. Эрван не мог не заметить, что тот выглядел очень плохо, почти отвратительно, словно русоволосый молодой человек недавно упал в бочку с грязью, а после облил себя водой из сточной канавы, так как пахло от него соответственно. Под глазами Джорджа образовались темные круги, а на белках виднелись многочисленные полопавшиеся сосуды, из-за чего практически полностью исчез их привлекательный белый цвет и привычный блеск. Джордж напоминал больше бездомного, лишенного сна и еды, так как был страшно высушен и вызывал лишь чувство жалости, не больше. Эрвана не интересовало, что с этим человеком случилось, впервые он ощутил к нему пугающее безразличие, будто доселе его ничто не связывало с данным парнем.

— Эрван, прошу, выслушай меня. Знаю, мне не стоило сюда приходить. Я провинился. Но...

— Что «но»? — со все такой же издевкой в голосе спросил Эрван и приблизился к Джорджу почти вплотную, отчего между их лицами образовалось непростительно короткое расставание. — Меня даже не интересует, что случилось с тобой и заставило отказаться от чувств ко мне, потому что теперь это не относится к моей новой реальности.

— Выключи в себе эгоиста, Эрван. Я знаю, что ты говоришь это со злости. Ты по-прежнему любишь меня и не пытайся это отрицать. Вся это твоя интрижка с Татьяной — обычный спектакль, чтобы сделать мне больно. И не говори, что это ложь.

— Так что ты мне хотел сказать, друг мой? — ледяным тоном прошептал тот и впился в Джорджа озлобленными глазами. — Снова в чем-то обвинишь? Мне кажется, нам уже бессмысленно разговаривать. Ты сам сделал свой выбор. И я тебя полностью поддерживаю.

— Почему ты не можешь просто помолчать и дать мне все объяснить? — немного нервным голосом рявкнул Джордж и невольно схватил Эрвана за локоть, будто боялся, что тот убежит, так и не дослушав.

— Мне уже становится интересно, — слегка улыбнулся тот и впился в парня любопытными глазами.

— Причина нашего расставания кроется в моем отце, — на одном дыхании сказал

Джордж и резко прикусил нижнюю губу, будто боялся, что случайно скажет что-то лишнее.

— Ухты, — Эрван вскинул брови. — Хотелось бы услышать подробности.

— Я буду краток. Не думаю, что ты нуждаешься в подробностях. Но мне поставили ультиматум. Либо ты, либо...

— Можешь дальше не говорить, — резко побледнел Эрван и вырвал руку из хватки Джорджа. — Я все понял. Он все узнал, ведь так?

— Эрван, это не то, что ты думаешь. Да, он узнал о нашем романе, но это не... — Джордж резко замолк и грустно вздохнул. — Я сделал это ради твоего же блага. Ты не представляешь, через что мне пришлось пройти.

— Думаю, ты почувствовал облегчение, — Эрван снова приблизился к Джорджу и осторожно ущипнул того за кончик носа. — Ведь это так здорово, когда твой отец гордится тобой. Мне этого не понять, ведь у меня не было такого отца, который пылинки с меня сдувал. Просто забавно, как ты резко поменял мнение насчет него.

— Да, я был не прав, когда высказал ему все это... Потому что многого не знал. Ты не представляешь, в какую игру мы ввязались. Это гораздо серьезнее каких-то там отношений.

— Каких-то там?.. Ясно, — демонстративно вздохнул Эрван и направился к двери, но едва сделал шаг, как Джордж схватил его за руку и резко притянул к себе.

— Ты больше никуда не уйдешь от меня, я тебя не отпущу, — дрожащим тоном прошептал Джордж и без предупреждения обжег губы Эрвана довольно продолжительным поцелуем, отчего тот от неожиданности что-то промычал и тяжело задышал, будто ощутил удушье.

Через какое-то время лицо Эрвана напряглось, и он резко оттолкнул парня от себя, почти ударив его обоими кулаками.

— Нет, нет! — замотал он головой. — Это неправильно. Так не должно быть.

— Что не должно быть? — хищным взглядом посмотрел Джордж на него и медленно облизал губы. — Ты ведь хочешь этого, я знаю.

— Ты сделал свой выбор, — испуганно забегал глазами тот и тяжело сглотнул, слегка попятившись в сторону двери. — Давай не будем играть в эту игру. Мы решили все закончить. Так давай не будем...

Эрван снова не смог договорить, так как Джордж опять впился в него своими губами, но на этот раз с более сильной страстью и желанием. Он чувствовал, как их языки без разрешения хозяев соприкасались, пытались проникнуть в чужой рот как можно глубже, а зубы так и норовили защемить между собой чью-нибудь губу и не отпускать продолжительный промежуток времени. Джордж тихо зарычал, что показалось Эрвану слегка забавным, и принялся изучать обжигающе горячим ртом шею молодого человека, слегка посасывая его кожу. Эрван осознал, что больше не в силах о чем-либо думать, он лишь наслаждался этим процессом, следил за тем, как его тело трогают чужие руки, с жадностью забираются под рубашку и гладят буквально все на своем пути, изредка царапая, что не вызывало ни малейшей боли. Эрван издал стон и понял, что его тело снова прижато к твердой поверхности и полностью лишено контроля, Джордж парализовал все части тела молодого человека, словно сделал их своими: настолько близко они находились друг к другу.

— Помнишь наш первый поцелуй? — тяжело дыша от получаемого удовольствия, прошептал Эрван и коса взглянул на Джорджа, который все никак не мог оторваться от его шеи. — Почему все так похоже?

Тот резко отстранился от него и с жадностью взглянул на парня, будто видит перед

собой что-то, что он готов в любой момент съест, даже не прожевав.

— Ты хочешь большего? — каким-то странным голосом спросил Эрвана Джордж и резким движением снял с себя свитер с майкой, полностью обнажив торс.

Эрван с неуверенностью посмотрел на него и как-то боязливо коснулся его раскаленного тела, будто наблюдал перед собой что-то чуждое и требующее тщательного анализа, после принялся осторожными движениями водить ладонью по животу Джорджа, потом подключил и вторую руку. Тот ухмыльнулся и с возбужденным взглядом посмотрел на парня, пристально следя за тем, как на его красивом лице молниеносно сменялись эмоции одна за другой, из-за чего было практически невозможно понять, о чем тот думал в настоящий момент. Неожиданно темноволосый парень остановился и оторвал свои руки от его торса.

— Нет. Не хочу... Думаю, следует остановиться... Прямо сейчас. Уже слишком поздно возвращаться назад.

— Ты врешь, — без эмоций сказал Джордж. — Ты не умеешь обманывать.

Эрван тихо вздохнул и направился к двери.

— Ты не хочешь уходить. Так зачем себя обманывать? Ты ее не любишь. И не хочешь быть с ней. Тебе нужен я. Никто другой, — на этот раз роль усмехавшегося взял на себя Джордж, и Эрван осознал, что теперь чувствует себя невероятно ущемленным и жалким рядом с этим человеком, и мечтал как можно скорее покинуть эту комнату, лишь бы не испытывать столь отрицательные эмоции.

— Я так хочу знать, что творится в твоей голове, — сиплым голосом промолвил Эрван напоследок и с грустью взглянул на него. — В тебе будто живет кто-то другой, и ты борешься с ним. Что тебя так изменило за этот месяц? Почему ты стал таким жестоким? Я ведь любил тебя и был готов жить этим. Но ты все испортил. А теперь пытаешься сделать еще большее. Зачем? Что я плохого сделал? — молодой человек сжал ручку двери, немного помедлил, после чего быстро покинул помещение, больше не посмеяв взглянуть на Джорджа.

Татьяна еще никогда так сильно ненавидела лестницы. И не из-за того, что по ним следовало спускаться, тратить силы ног. А потому что за последние пару дней они становились едва ли не бесконечными, тянулись во все стороны на сотни метров и, как правило, лишались всякой подсветки, поэтому девушке приходилось искать каждую ступеньку чуть ли не на ощупь. Она приподняла одной рукой подол своего платья, чтобы случайно не запнуться, а другой придерживала шляпу, при этом понимала, что в такой забавной позе выглядит откровенно нелепо.

Даже под землей на стенах около лестницы находились окна, но за ними вместо пейзажа виднелась кирпичная кладка, что не имело никакого логического объяснения. На подоконниках стояли грязные пепельницы, и они до сих пор едко пахли табаком, из-за чего девушка с трудом сдержала неловкий чих. Видимо, это место используется рабочими в качестве курительного помещения. А из-за отсутствия доступа к свежему воздуху сигаретный дым полностью вытеснил весь обычный чистый воздух, отчего дышать здесь было невероятно тяжело, практически невозможно.

Наконец-то она оказалась внизу. Татьяна стояла посреди не слишком длинного узкого коридора, отделанного потрескавшейся от старости древесиной. Повсюду висели потертые плакаты с различными пропагандистскими лозунгами времен войны, но встречались и новые, с более адекватным и мирным содержанием. Здесь тоже имелись совершенно не

нужные окна, но на этот раз их верхняя часть доставала до поверхности и пропускала сюда немного дневного света, который уже стал заметно меркнуть. Но, к счастью, коридор был освещен несколькими лампами, так что девушке не придется идти в полной темноте, что ей приходилось делать на лестнице.

Впереди виднелась единственная дверь. На ней красовался тот самый плакат, о котором говорил Крис, и он был заметно больше остальных и отличался тем, что его надписи были на, скорее всего, польском языке, Татьяна не могла с точностью определить. Немного потоптавшись на месте, девушка направилась к комнате для переодевания, все еще не решаясь проникнуть туда внутрь. Почему-то ей казалось, что Эрван, хоть и находится там один, будет не слишком сильно рад, что кто-то нарушил его покой и не дал спокойно переодеться. Возможно, это не так, и эти мысли возникают лишь из-за банальной женской скромности и неуверенности в себе.

Эрван видел ее обнаженной, в самых запретных подробностях, ласкал ее упругие груди, щекотал языком затвердевшие соски. И, кажется, уже не стоит думать о каком-то смущении перед этим молодым человеком, даже если учитывать, что они знают друг друга не больше недели. Ей хотелось увидеть его тело без одежды, и это желание стало невыносимым, но она боялась этого и относилась к чему-то неправильному. В прошлую ночь Эрван не отважился открыться перед ней, он не снял с себя ни единого клочка одежды, потому что наверняка еще не был готов показать себя в том виде, в котором он существует на самом деле, без каких-либо тайн. Многие парни, которые были в ее постели, обожали демонстрировать ей обнаженное тело, это их возбуждало, наполняло энергией, Татьяна любила разглядывать их животы, особенно пупки, это место казалось ей наиболее сексуальным. И ей было невероятно интересно, каким был живот у Эрвана, какого размера и формы его пупок. Подумав об этом, Татьяна усмехнулась и невольно покраснела. Ее забавляли такие размышления. Но не смущали. Она не видела ничего постыдного в подобных интересах, каждый человек видит в других привлекательность в совершенно разных местах. К примеру, ее мать много раз рассказывала, что считает самым сексуальным у мужчин их кадык, и Татьяна всегда считала это странным, но сейчас начала понимать ее, даже поддерживать.

Она остановилась около двери и, пытаясь хотя бы как-то замедлить время, стала разглядывать плакат. На нем была изображена женщина в форме обычной крестьянки, в руках у нее лежал спящий закутанный в толстое пуховое одеяло малыш, чумазый, исхудавший до смерти, как и его мать. А позади главных героев виднелась горящая деревня и толпа солдат, которые куда-то стреляли, в пустоту, заполненную едким дымом. Поежившись от такой жуткой картины, Татьяна прочистила горло и с колотившимся где-то внутри сердцем постучала в дверь. Но ответа не последовало. Немного подождав, она снова пару раз ударила по двери, но встретила у порога все такую же мертвую тишину. В нерешительности Татьяна нажала на дверную ручку и медленно толкнула дверь, после чего просунула голову в темное душное помещение, в котором ощущался вкусный запах мужского тела.

— Эрван? — едва слышно спросила она у пустой комнаты, затем, чтобы до конца удостовериться, что молодого человека тут на самом деле уже нет, вошла внутрь и печальным взглядом огляделась. — Неужели опоздала? — вздохнула Татьяна и направилась к выходу, поняв, что здесь ей больше делать нечего.

Но как только она коснулась ручки двери, как нечто тяжелое коснулось ее затылка и на какое-то время лишило девушку ясности ума. Татьяна ощутила слабость в ногах и,

полностью лишившись возможности стоять, упала на пол, понимая, что перед глазами все стало раскачиваться, как будто ее посадили в большие качели. Через пару секунд она впервые почувствовала сильную боль и поняла, что произошло. Кто-то ударил ее по голове. Татьяна от нахлынувшего ужаса ахнула и стала в панике оглядываться, пытаясь сфокусировать свое расплывчатое зрение на человеке, который совершил над ней акт насильственного действия.

— Ты причина всех бед, — прошипел хриплый женский голос. — Ты виновница моих страданий! Я не позволю тебе это сделать со мной! Не позволю! Ты не сумеешь противостоять мне. Твоя жизнь в моих руках. Ты умрешь. Прямо сейчас. Здесь. И никто не услышит тебя. Не защитит. Ты осталась одна.

Девушка схватилась за рану на голове и ощутила прикосновение крови, после чего попыталась облокотиться о какой-нибудь предмет мебели, чтобы иметь возможность вновь принять вертикальное положение. Но некто невероятно сильный снова сбил ее с ног, вновь обрушил на полностью лишенную какой-либо способности постоять за себя Татьяну мощный удар. Девушка вскрикнула и поняла, что на этот раз боль возникла в области живота, она всем телом ощущала, как органы, в буквальном смысле, отскочили назад к позвоночнику и стали едва ли не лопаться, как воздушные шары.

— Думаешь, что сможешь раскусить меня? — продолжила вещать женщина, насмехаясь над корчившейся от боли Татьяной. — Сможешь найти правду? Ты жалкая. И встретишь лишь поражение. Твоя жизнь станет адом. Совсем скоро... Убей ее! Прямо сейчас! Или я сама это сделаю!

Татьяна в панике осознала, что не может дышать, грубые мужские руки сомкнулись на ее шее, стали сдавливать горло. Девушка вцепилась в запястья незнакомца и стала вдавливать в грубую кожу свои острые ногти, надеясь, что это поможет ей освободиться, но мужчина будто не ощущал никакой боли, был совершенно лишен чувств. Через минуту он все же ослабил хватку и со всей силы ударил ее по лицу, отчего Татьяне показалось, что к щеке приложили раскаленную поверхность утюга. Вновь заполучив возможность вдыхать воздух, она нашла в себе силы для сопротивления, но те были настолько ничтожны, что в сию же секунду были подавлены лишь одной рукой насильника, который придавил ее хрупкое тело к полу.

— Отпусти! Отставь меня! — изо всех сил закричала она, но тут же вновь заполучила удар по лицу, заставивший ее надолго замолкнуть.

Он принялся рвать на ней одежду, грубыми пальцами сдирать с нее нежную кожу. Она чувствовала, как мужчина сжал ее груди, пытался их раздавить, проникнуть внутрь. И самым страшным было то, что она не могла сопротивляться, имела лишь возможность наблюдать, чувствовать, как над ее телом творят отвратительные вещи, причиняют невыносимые страдания. Мужчина сидел сверху, он был настолько тяжелым, что Татьяна опасалась, что ее просто расплющит под ним, как куриное яйцо. С каждым новым движением мужское тело ложилось на нее все сильнее и сильнее, сокращая между ними расстояние. Она чувствовала жар его кожи, та была полностью лишена одежды, и впервые девушка испытывала от этого отвращение, тошноту. Ее, фактически, выворачивало наизнанку, перед глазами все вертелось, словно она лежала на хаотично вращавшейся карусели, и не могла даже пошевелиться, тело было полностью парализовано. Мужчина поднял подол ее платья, стал трогать ладонью ее промежность, проникать пальцами внутрь женского тела.

Татьяна стала содрогаться от рыданий, в данный момент это было единственное, что

она могла делать, что не наказывалось болью. Мужчина стянул с нее нижнее белье, полностью освободил из заточения запрещенные места и стал делать с ним все, о чем мечтало его наполненное гнилью создание. Ей было больно, чудовищные эмоции резали ее изнутри, заставляли кричать, срывать голос. Но никто не слышал Татьянин зов о помощи, никто не думал прийти к ней, чтобы спасти от этого кошмара наяву.

Девушка поняла, что твердый, как камень, член мужчины полностью проник в нее, стал ритмично двигаться, не смея останавливаться ни на секунду. Татьяна закричала еще сильнее, но незнакомец быстро прервал ее, закрыв рот шершавой ладонью, а другой рукой вновь сжал девушке горло. Татьяна стала верить, что ей удастся потерять сознание, только так она сумеет убежать от этой боли, от этого унижения. Но ясный рассудок был по-прежнему с ней, она еще жива, хоть и не может дышать.

Тело мужчины дернулось, резко, будто его прошиб ток, и Татьяна почувствовала, что по ее половым губам стала стекать горячая вязкая жидкость, неприятно щекоча вспотевшую кожу. Он схватил ее за волосы, тем самым приподняв подбородок девушки. И Татьяна смогла увидеть его лицо, впервые за это время. И она хотела умереть, лишь бы не лицезреть эти до боли знакомые, наполненные спокойствием глаза, правильной формы нос, слегка зауженный подбородок с милой ямочкой в виде полумесяца. Джордж смотрел на нее, как на бездушную куклу, без признаков человеческих эмоций, он не выглядел, как человек: Татьяна видела перед собой хищного зверя, который просто играл со своей добычей перед тем, как съесть до последней косточки.

Его рука сжимала ее шею все сильнее и сильнее. Татьяна медленно сомкнула глаза, но на этот раз не по своей воле: те сделали это самостоятельно. После наступило воздушное облегчение. Ушла боль, негативные эмоции. Татьяна стала в одиночестве падать куда-то вниз, все так же хаотично кружась на невидимой карусели.

Когда Эрван вошел в цех, то с удивлением заметил, что Крис уже во всю был занят созданием очередной партии обуви. Его ловкие волосатые руки за пару мгновений из обычных кусков кожи и ткани создавали красивого вида предмет гардероба. В основном, он занимался производством мужской обуви, женская у него выходила слишком жесткой для нежной ножки, и его работы всегда отличались неоспоримым качеством. Именно Крис обучил Эрвана многим хитростям этого дела, и молодой человек безотказно следовал советам своего хорошего учителя. Крис был не так уж сильно старше темноволосого юноши, хотя из-за жесткой щетины и заметных мимических морщин выглядел гораздо взрослее.

Уже на выходе Эрван обнаружил, что забыл в ящике рабочего стола свой портсигар, куда он его по привычке убрал во время уборки. Пришлось вернуться, потому что без этой вещички он вряд ли долго протянет: потребность в табаке была пугающе невыносимой. Порой Эрван мог за день выкурить больше пятнадцати сигарет в день, это сильно сказалось на его голосе, который за последние пару месяцев сильно охрип и утратил былой мальчишеский тембр. Молодой человек не сильно замечал метаморфозы в своем организме, но Криса начало беспокоить подобное, и он много раз пытался ограничить время курения парня, в наглую пряча его портсигар куда-нибудь на некоторое время. И Эрван лишь недавно стал понимать, что его напарник делал все правильно, особенно после того, как он едва ли не каждый день стал кашлять кровью. Парень не знал причину своего заболевания и боялся кому-либо говорить об этом. В его кармане находился платок, затвердевший от кровяной жидкости, хотя юноша каждый день тщательно стирал его в раковине, но во время

очередной рабочей смены ткань вновь принимала багровый цвет. Эрван чувствовал себя трусом всякий раз, когда втихаря где-нибудь за углом кашлял в платок, и понимал, что врет самому себе, что не хочет верить в то, что с его организмом происходит что-то ужасное, непоправимое, уверял внутреннее я, что этот недуг сам по себе пройдет, нужно лишь время. «Ты ведь знаешь, что это не убьет тебя» — уверял он себя. — «Ты ведь знаешь, что не умрешь от такой ерунды. Ты не можешь умереть. Не так рано».

Крис усмехнулся, увидев его, и будто сразу понял, за чем именно пришел молодой человек.

— Можешь идти домой, все равно я тебе эту дрянь не отдам, — с улыбкой сказал он и продемонстрировал Эрвану серебряную коробочку, после чего засунул ее в карман рубашки и похлопал по нему, чтобы показать, что портсигар находится в правильном и неприступном месте.

— Крис, я выкурю всего одну, — взмолился тот и попытался залезть в карман рубашки друга, чтобы вернуть свою вещь обратно себе, но Крис продемонстрировал бурное сопротивление и перехватил руку Эрвана, болезненно сжав ее пальцами.

— Даже не думай. Сейчас ты уйдешь отсюда и вернешься только завтра. И только попробуй вернуться, руку сломаю, — Крис отпустил парня и грозно посмотрел на него, как отец на непослушного сына. — Ты уже кашляешь, как старик. Тебе хватит. Кстати, твоя баба приходила.

— Какая? — удивленно посмотрел на него Эрван, явно не осознавая, кого тот имел в виду.

— Ну, такая рыжая, в дорогом платье, с упругой задницей.

— Татьяна?

— Да, она самая. Я ее направил на нулевой этаж в раздевалку. Думал, что она успеет застать тебя там. А ты ишь какой шустрый, уже тут.

— Давно вы с ней виделись?

— Да пару минут назад. Полагаю, что ты еще успеешь застать ее там. Будет неловко, если вы потеряете друг друга в таком месте, — добродушно засмеялся Крис и вернулся к работе.

Эрван махнул ему на прощание, больше не проронив ни слова, и быстрым шагом направился на нулевой этаж, надеясь, что Татьяна еще не ушла и смиренно дожидается его там. Пробежав за пару секунд половину лестницы, он неожиданно столкнулся с человеком, который сидел на подоконнике у темного окна и мечтательно курил сигарету, медленно выпуская клубы ленивого дыма. Эрван хотел было обойти этого человека и продолжить свой путь вниз, но остановился, заметив на лице мужчины плотную повязку, что скрывала его глаза. Он не мог понять, почему этот человек кажется ему до боли знакомым, хотя никого раньше, кто мог бы быть похожим на него, не встречал. Незнакомец явно почувствовал взгляд парня на себе и смущенно улыбнулся, затем с грустным вздохом затушил сигарету в грязной пепельнице.

— Простите, молодой человек, но не могли бы вы перестать смотреть на меня, как на привидение. Мне не очень нравится, когда кто-то оценивает мой вид и обращает внимание на мою слепоту. Я такой же человек, как и вы. Просто немного отличаюсь от вас.

— Мы с вами раньше не встречались? — осторожно спросил его Эрван.

— Возможно. Я работаю здесь довольно давно, может нам и удавалось пересекаться пару раз, не могу сказать наверняка, так как не вижу вашего лица. Могу слышать один только

голос, — мужчина встал с подоконника и бережливо отряхнул свою рабочую одежду от крупниц пепла. — Вы, наверное, ищите ту прекрасную девушку?

— Да. Вы видели ее? Она еще внизу?

— Разумеется, — почти незаметно кивнул тот и засунул руки в карманы брюк. — Советую вам поторопиться, не заставляйте столь очаровательную даму вас ждать, она нуждается в вашем присутствии. Не опоздайте, — мужчина прочистил горло и в качестве прощания похлопал Эрвана по плечу, после чего, крепко держась за перила, стал подниматься по лестнице, что-то тихо напевая себе под нос.

Эрван посмотрел ему вслед и потер большим и указательным пальцами переносицу, пытаясь сложить в голове все мысли воедино. Этот мужчина произвел на него крайне сильное впечатление, и парень не мог понять, почему. Причиной этому была не слепота данного господина, а что-то иное, необъяснимое. Эрван был твердо уверен, что видел этого человека раньше, слышал этот красивый хорошо поставленный голос, но не мог понять, где именно. И это вызывало волну неприятных чувств.

Глубоко вздохнув, юноша продолжил спускаться вниз и через мгновение оказался в коридоре, в конце которого виднелась дверь, ведущая в комнату для переодевания. По непонятным причинам электрическое освещение в коридоре отсутствовало, и парню пришлось действовать практически на ощупь. Благо слабый дневной свет из окон немного освещал путь и помогал более-менее ориентироваться в окружающем пространстве. Снаружи слышался шум проливного дождя, разразилась самая настоящая гроза, что было не совсем обычно для первого месяца осени. Капли напоминали маленькие камешки, что пытались разбить тонкое оконное стекло.

— Татьяна, ты здесь? — крикнул Эрван, надеясь, что девушка не пожелает играть с ним в прятки, ибо сейчас он был не в состоянии, чтобы заниматься подобным в такой обстановке. — Татьяна?

Внезапно впереди раздался шум, будто нечто тяжелое упало на пол, затем донеслось нечто похожее на женский крик, слабый, едва уловимый. Парень замер в нерешительности и прислушался, пытаясь понять, что именно он только что услышал.

— Что за?.. — прошептал Эрван и медленно приблизился к двери.

Человеческое дыхание, отчетливое, тяжелое, будто кто-то задыхается и с жадностью глотает ускользавший воздух. Эрван быстро распахнул дверь и включил в комнате свет. То, что он увидел перед собой еще долгое время не сможет спокойно существовать в его голове. На полу лежали два тела: мужское и женское. Девушка была в бессознательном состоянии, ее красивое изящное платье было разорвано, едва ли не полностью оголив свою хозяйку, а лицо юной особы было украшено пятнами крови и многочисленными следами от ударов. Эрван не сразу понял, что это была Татьяна, что она лежала перед ним в таком обличье: униженная, раздавленная тяжестью огромного мужского тела. Все его внимание было занято ее обидчиком.

Юноша никогда бы не подумал, что найдет в себе столько сил для удара. Он бил мужчину по всему телу, совершенно позабыв о том, что тот тоже был человеком. И когда насильник повернулся к нему лицом, Эрван понял, что невольно вскрикнул от ужаса. Это был Джордж... Он лежал у его ног, смеющийся, как самый последний ублюдок, в собственной крови, с оголенным торсом и расстегнутыми брюками.

— Ты вернулся, — широко улыбнулся Джордж и громко захохотал, небрежно вытерев кровь, что хлестала из его носа. — Я знал, что ты придешь.

— Что ты с ней сделал? — в ужасе посмотрел на него тот, не в силах поверить, что видит перед собой именно Джорджа, того самого, кого еще до недавнего времени он считал самым невинным существом на свете.

— Она хотела этого. Она хотела меня. Ты ей не нужен. Ты для нее лишь временная игрушка. Ей нужен я. И только я. Я дал ей желаемое. То, что ты никогда не сможешь дать, — с издевкой в голосе прошептал Джордж и медленно поднялся на ноги. — Что молчишь?

Зрачки Эрвана внезапно расширились, и он, сам того не ведая, стал наносить удары один за другим по лицу парня, совершенно не контролируя силу своих насильственных действий. Но это продолжалось недолго. Когда Джордж оказался прижат к стене, казалось бы, полностью лишившись способности защищаться, Эрван, собираясь снова нанести удар, ощутил острую боль в боку. С трудом сдержав крик, он с ужасом посмотрел вниз и понял, что Джордж наполовину вонзил в него перочинный нож и пытался с помощью него проникнуть еще глубже, но не смог, так как Эрван сумел найти в себе силы отстранить от себя молодого человека.

Глаза Джорджа хищно блеснули, он стал напоминать одичавшего зверя. Впервые Эрван за это время ощутил самый настоящий страх, некую беспомощность. Джордж крепко сжал нож в руке и выставил перед собой, готовясь совершить еще один удар. Эрван слегка отошел назад и краем глаза заметил, что Татьяна стала приходить в себя и слегка приподнялась на локтях, пытаясь прикрыть рукой оголенную грудь.

— Что с тобой стало, Джордж? — произнес Эрван, с ужасом поглядывая на холодное оружие соперника. — Во что ты превратился? Зачем все эти действия?

— Скоро все закончится. Прямо сейчас, — каким-то странным голосом произнес тот, будто вместо него говорила некая пожилая женщина.

Джордж сделал выпад вперед и нарисовал кончиком ножа на лице Эрвана длинную рану, которая протянулась от линии подбородка прямо до переносицы. Тот резко отпрянул и схватился рукой за лицо, до сих пор не веря, что это происходит с ним на самом деле.

— Твою мать, что ты творишь?! — закричал он.

Джордж замер и перевел свой взгляд на Татьяну, которая с широко распахнутыми глазами наблюдала за разворачивающимся перед ней конфликтом между некогда лучшими друзьями. Молодой человек зловеще ухмыльнулся и полез в задний карман брюк. Эрван понял, что тот достал оттуда пистолет и направил его дуло прямо на девушку.

Эрван не знал, где именно ему удалось за пару секунд найти лопату. Но именно с помощью нее ему удалось отвести выстрел от Татьяны и направить пулю в соседнюю стену. Для этого он ударил этим тяжелым инструментом Джорджа по руке, сжимавшей огнестрельное оружие, но потом по инерции совершил еще один удар, на этот раз уже по голове. Он впервые не чувствовал никакой жалости к Джорджу, лишь отвращение, безмерную ярость, фонтаном брызнувшую в мозг. Ему хотелось совершать удары этим тяжелым инструментом по Джорджу до тех пор, пока тот полностью не прекратит двигаться и подавать хотя бы какие-либо признаки жизни. Но ему, к счастью, удалось остановиться.

Металлическая часть лопаты создала на лице Джорджа уродливые глубокие раны. Но вряд ли тот чувствовал боль. Он лежал совершенно неподвижно в углу комнаты, свернувшись калачиком, теперь напоминая до смерти забитое беззащитное существо. Эрван с ужасом взглянул на окровавленную лопату в своих дрожавших от потрясения руках и брезгливо откинул ее в сторону, так как только сейчас осознал, что натворил.

Обернувшись, он увидел, что Татьяны в комнате уже не было. Остались лишь обрывки

ее красивого платья, разбросанные по всему полу.

Нож, к счастью, проник недостаточно глубоко под кожу и не задел важных органов. Эрван практически не чувствовал боли, лишь легкий зуд и жжение. Возможно, из-за шокового состояния. Эрван отмыл себя от большей части крови, после чего до самого конца повернул вентиль крана, усилив напор воды, прижался к холодному кафелю, небрежно приклеенному к стене, и, закрыв лицо онемевшими ладонями, скатился вниз и поджал под себя ноги. Тело юноши стало сотрясаться от рыданий, ему казалось, что никакая сила не сумеет остановить его слезы. Он чувствовал самый лютой ужас, который доселе не испытывал, впервые он не понимал, чего боится, из-за чего испытывает столько душевной боли. Парень рыдал навзрыд, сжимал кулаки, бил ими колени, пол, стену, отчего костяшки пальцев были разбиты до крови.

— Да что же это творится?! — спросил он самого себя, нервно кусая нижнюю губу. — Что с нами происходит? Почему такая жестокость? Из-за чего?!

В голове до сих пор витал образ Джорджа и Татьяны, эта омерзительная картина сомкнутых воедино тел, наполовину обнаженных, в крови, посреди разорванной одежды. Эрван боялся представить, что Джордж сотворил с девушкой на самом деле, успел ли закончить то, что хотел. Но несмотря ни на что Эрван не планировал оставлять все в таком виде. Джордж должен понести наказание за свой поступок. В полной мере. То, что он сделал, не заслуживает никакого прощения.

Эрван еще сильнее сжал кулаки и прижал один из них к трясущимся зубам. Ему нужно успокоиться. Взять себя в руки. Татьяна нуждается в нем. Требуется его покровительства. Без него она беззащитна, теперь он в ответе за ее безопасность. И он сделает все, чтобы Джордж не приблизился к ней, даже на шаг.

Умыв лицо, он вышел на улицу. Дождь уже прекратился. И стало заметно светлее. Мокрая трава, росшая вокруг здания завода, из-за обилия влаги на ней стала напоминать звездное небо, так как желтоватое свечение уличных фонарей подсвечивало сотни капель, создавая такую интересную и завораживающую картину. И главным украшением этого неба была Татьяна, которая, сжавшись в комочек, сидела прямо на земле, укрывшись теплой курткой, которую ей одолжил Крис, смиренно стоявший рядом.

Увидев Эрвана, рыжеволосый молодой человек быстро направился в сторону напарника, явно пытаясь хотя бы немного выведать у него суть всего этого наблюдаемого кошмара.

— Я бы хотел объяснить, но не могу, — пожал плечами Эрван и, вдыхая носом наполненный озоном воздух, посмотрел куда-то в сторону по-прежнему мокрыми от слез глазами, которые так и не пожелали высохнуть.

Легкий порыв ветра поиграл с мокрыми волосами девушки и закрыл парочкой прядей ее полностью остекленевшее лицо. Татьяна превратилась в восковую фигуру, лишённую жизни, она даже перестала моргать, ее взгляд не был направлен ни на единую точку пейзажа, смотрел в пустоту. И от этой картины сердце Эрвана сжалось еще сильнее.

— Я вызвал медиков. Они должны будут ее осмотреть, — обеспокоенным голосом произнес Крис, внимательно изучая рану на лице Эрвана, которая уже успела покрыться твердой коркой. — Этот парень сбежал, полицейские обыскали все этажи, но... Его найдут, обязательно найдут.

— Он больше не появится, я уверен в этом, — Эрван осторожно коснулся живота,

впервые ощутив неприятное покалывание на месте ножевого ранения. — Я этого не допущу.

— Что между вами произошло? Ведь вы так хорошо дружили, были едва ли не кровными братьями. Что изменилось?

— Все... — прошептал Эрван и слегка прикрыл глаза. — Все изменилось.

— Держи, тебе это нужнее, — Крис залез в верхний карман своей рубашки и протянул Эрвану портсигар, но внезапно чья-то маленькая рука вырвала у него этот серебряный предмет, оставив молодого человека в полном замешательстве.

С удивление посмотрев на ловкого вора, Крис увидел, что им оказалась Татьяна, которая уже вытащила из металлической коробочки сигарету и без каких-либо проблем подожгла ее, после чего сделала длинную затяжку. Эрван с сомнением на лице наблюдал за ее действиями, понимая, что даже с сигаретой в руках Татьяна выглядит потрясающе, ничто не могло испортить ее красоту, и впервые за это время он осознал, как стал дорожить этой рыжеволосой особой, бояться за ее жизнь. Это чувство слегка разгладило тоску внутри, согрело леденящие кровь мысли. Он с улыбкой смотрел, как девушка забавно кашляла, потом вновь возвращала сигарету в рот, но как только табачный дым проникал в ее легкие, как девушка вновь начинала перхаться, и так продолжалось несколько раз.

Закончив, Татьяна с серьезным видом посмотрела на Эрвана и обхватила себя руками, явно окоченев из-за прохладной погоды.

— Давай уедем отсюда, — произнесла она скороговоркой. — Прямо сейчас.

— Татьяна, необходимо дождаться медиков. Этот урод ранил тебя, нужно удостовериться, что с тобой все в порядке, — пытался переубедить ее Крис.

Но Татьяна будто не замечала рыжеволосого парня, смотрела лишь на Эрвана в упор, будто кроме него вокруг девушки ничего не существовало.

— Хорошо, — кивнул Эрван. — Я отвезу тебя домой.

— Прямо сейчас, — капризным голосом испорченного ребенка сказала та и быстрым шагом направилась к воротам, обняв себя руками еще сильнее.

— Советую тебе ее остановить, — с неуверенностью посоветовал Эрвану Крис. — Сейчас она в таком состоянии, что ее мысли не могут похвастаться адекватностью.

— Ей нужно отдохнуть. Если ее состояние ухудшится, я вызову доктора. Все будет хорошо, — успокоил его тот и пошел вслед за Татьяной.

Глава двадцать пятая. Печальные лица

Мария боялась мыслить о том, какое количество времени она просидела в позе сжавшегося в углу кролика, дрожа, словно через нее проходили мощные разряды электрического тока. Она не чувствовала тела, то окоченело от холода настолько сильно, что, возможно, кровь в некоторых конечностях попросту превратилась в корку льда. Даже дыхание стало совершенно бесшумным, отчего возникло опасение, что в любой момент можно задохнуться и не заметить этого. Лишь сердце по-прежнему давало о себе знать, оно приобрело вид желеобразного комочка, который вибрировал, как огромный механизм на какой-нибудь крупной фабрике, его мощные удары отдавались в ушах, сдавливали горло, толчками плескались где-то в висках и затылке.

Монстр был рядом, его костлявое тело, больше напоминавшее скелет, покрытый плотной паутиной и не успевшей разложиться плотью, совершало беспорядочные движения, постоянно поворачивалось, хищно приседало, явно выискивая жертву в закоулках подвала. Но слепота существа не позволяла ему отыскать добычу, так как жертва, сама того не ведая, пряталась слишком хорошо, слилась с однообразным окружением.

Мария испуганно взглянула на окоченевшие пальцы, те посинели, покрылись заметным инеем и выглядели, как у мертвеца. Послав к ним мысленный сигнал, женщина попыталась привести их в движение, но получилось из рук вон плохо. Пальцы шевелились медленно, неохотно, практически оставаясь в том же положении, что были несколько секунд назад. Скорее всего в таком плачевном состоянии пребывало все остальное, что находилось ниже головы, Мария опасалась думать об этом. Она вообще не хотела о чем-либо думать, сознание словно полностью опустело, стало безжизненной пустыней, утонувшей в снегу.

Солнце поднялось уже достаточно высоко и осветило большое помещение чердака яркими лучами, которые были, на удивление, теплыми, словно снаружи внезапно наступила весна. Но им не удалось помочь женщине прийти в себя, та, сама того не ведая, пряталась от них в плотной тени за кусками сломанной мебели и пустым взглядом глазела на непонятное человекообразное создание.

Возможно, так продолжалось бы бесконечно долго, если бы в один прекрасный момент где-то на противоположной стороне этого грязного усыпанного пылью помещения не раздался странный металлический лязг, напоминавший своим видом звук перезаряженного огнестрельного оружия. Мария испуганно вздрогнула, ощутив одновременно некое облегчение и неопределимого размера ужас, что было необычной смесью эмоций, которые не знали, как правильно отобразиться на ее бледном лице.

Монстр также не остался равнодушным. Казалось, что он учуял этот шум гораздо сильнее Марии, и тот вызвал у него лишь ярость, которая была готова вулканом извергнуться наружу в любой момент. Худощавое создание направило все свое внимание в дальний угол, тихо шипя нечто злое под нос, что отдаленно напоминало человеческую речь. Мария осторожно высунула свое обмороженное зимним воздухом лицо, чтобы понять, что же стало причиной такой резкой смены обстановки, которая заставила монстра забыть про женщину и направиться в другое место.

Но причина слишком долго выжидала время для своего внезапного появления, казалось, что это ожидание продлилось целую вечность.

Раздался хлопок, короткий, непривычно сильный. Мария долго пыталась понять, что

именно создало данный шум, потому что его создатель по-прежнему находился вне зоны досягаемости, и лишь костлявое существо прекрасно знало, что произошло, так как на его лице возник целый букет новых эмоций, отличных от животного гнева. После короткого перерыва хлопок повторился, на этот раз он был гораздо громче предыдущего, будто его источник приблизился к Марии немного ближе. Монстр вскрикнул, словно почувствовал боль, и женщина увидела, что его голова разлетелась на куски, как арбуз, разбившийся о мостовую после падения из перевозившей его машины. Вязкие фрагменты плоти забрызгали все вокруг, чудом не долетев до женщины, окрасили большинство предметов красными разводами, которые постепенно увеличивались в размерах. Когда эхо после хлопка слегка затихло, из дальнего угла вышла мужская фигура, сжимавшая в руке довольно крупный дробовик. Объявившийся человек с любопытством потыкал ногой обезглавленного монстра, распластавшегося на полу, затем спокойной тихой походкой встал посередине помещения и со странной невозмутимостью принялся разглядывать окружение.

Мария попыталась уйти в глубь тени еще сильнее, все еще подчиняясь приказам неугомонного страха, но это лишь выдало ее местоположение незнакомцу. Мужчина резко повернул голову в сторону женщины и с любопытством стал наблюдать, как та трусливо пятилась куда-то назад, неуклюже задевая своим онемевшим от холода телом все вокруг.

— Не бойтесь меня, — улыбнулся он. — Я не причиню вам зла. Нет смысла прятаться.

Но женщина будто пропустила его слова мимо ушей. Незнакомец смущенно хмыкнул и со вздохом перевел свое внимание на лежавшее неподалеку от него окровавленное тело юноши, который уже давно перестал подавать признаки жизни. Мужчина склонился над ним и позволил лучам солнца полностью осветить его персону, что дало Марии возможность разглядеть убийцу монстра в самых мельчайших подробностях.

Мужчине на вид было около тридцати, возможно, чуть меньше. Он был весьма крепкого телосложения, но слегка худощав, из-за чего его кожаная куртка была ему слегка великовата, но не настолько, чтобы смущать своего обладателя. Короткие и черные, как смоль, волосы интересно блестели при дневном свете, будто были посыпаны пылью фей, хотя Мария стала подозревать, что этот молодой человек уже обзавелся первой сединой в столь раннем возрасте. У него были довольно большие выразительные глаза, и Марии было достаточно в них посмотреть, чтобы понять, что этот человек на самом деле находится здесь, чтобы помочь, отчего она заметно успокоилась и даже стала осторожно выходить из своего укрытия.

Незнакомец с задумчивым взглядом оглядел бездыханное тело Ричи, но при этом на лице этого человека оставалось все такое же спокойствие, словно его совершенно не пугало то, что случилось с этим несчастным парнем. Мельком поглазев на Марию, которая уже выбралась из тени и неуверенно встала неподалеку, явно до сих пор не понимая, что произошло и где она в данный момент находится, он вновь вернул свое внимание к Ричарду и засунул руку в карман своей куртки, где довольно долго что-то искал. Через пару мгновений он вытащил какую-то маленькую колбу, в которой находилась не внушавшая доверия зеленоватая жидкость. Открыв ее, он вылил крохотное количество содержимого на кончики пальцев правой руки. Жидкость, едва попала на поверхность кожи, застыла, приняв вид какой-то мази, которую мужчина стал тщательно втирать в рану на шее парня.

— Глупый, глупый малый, — со смехом в голосе произнес незнакомец, после чего вытащил уже из соседнего кармана куртки платок, заранее смоченный чем-то, что даже издали пахло спиртом.

Тканью мужчина стал очищать шею Ричи от крови, совершенно не обделяя вниманием глубокую открытую рану. Закончив, он снова повторил процедуру со странной зеленой мазью. И Мария увидела невероятное. Рана на шее юноши чудодейственным образом стала затягиваться, будто кто-то невидимыми нитями зашивал разошедшуюся по швам кожу. Не прошло и нескольких минут, и парень вновь подал признаки жизни, начал тяжело и с жадностью вдыхать морозный воздух. Победно улыбнувшись, мужчина ласково погладил Ричи по светлым волосам, после чего слегка ударил по щеке, явно пытаясь как можно скорее вернуть парня в их суровую реальность.

Ричи сильно зажмурился, возможно, из-за яркого солнечного света, что мощным потоком фотонов падал на его бледное лицо. Затем быстро заморгал и неуверенно приоткрыл голубые глаза, с удивлением взглянув на мужчину, который с довольным выражением лица сидел рядом. Непонимание сменилось нежданной радостью. Ричи резко вскочил и чуть было не запрыгнул всем телом на незнакомца со своими поразительно крепкими объятиями. Уткнувшись в шею мужчины, юноша умиротворенно выдохнул и как можно незаметно всхлипнул, явно стесняясь показывать окружающим свои слезы.

— Господи, Эрван! — прошептал он и обхватил шею мужчины еще сильнее. — Скажи, что это правда ты. Пожалуйста, скажи!

— Это я, братишка. Это я. Я здесь, — осторожно погладил его по спине тот, затем отстранил младшего брата от себя и внимательно взглянул в его лицо, сменив радость на полную серьезность. — Ты совершил большую глупость, когда полез на эту тварь с голыми руками.

— Знаю. Но я не был готов встретить ее здесь. У меня не было шанса убежать. Кто-то запер дверь. К тому же я был здесь не один.

— Ладно, все уже позади, — вздохнул Эрван и похлопал Ричи по макушке. — Прости, что долго не давал о себе знать. Я не мог появиться из-за обоснованных причин.

— Я думал, что они нашли тебя. Люди общины делали все возможное, чтобы я рассказал им о тебе. Но я не сказал ни единого слова. Они думают, что ты погиб.

— Я не сомневался в тебе, — Эрван снова заключил брата в объятия, затем перевел свой взгляд на замершую неподалеку, как статуя, Марию. — Нам нужно отвести ее в другое место, иначе она лишится чувств. Впервые вижу такую реакцию у людей на этих тварей.

— Я читал в газетах про убийство Петра, — шепотом произнес Ричи.

— Знаю, Крис, знаю. Я долго думал над тем, кто же является двуличной псиной среди этого сборища фанатиков. И когда узнал... Сказать, что я не был шокирован — ничего не сказать. И меня до сих пор беспокоит тот факт, что кто-то влез в мою игру. Я перебрал в голове сотню мыслей, но ни одна не помогла мне понять, что же случилось с мужем Татьяны в то утро.

— Значит, это не твоих рук дело? — с неким недоверием в голосе спросил Ричи.

— Нет. Я не собирался устранять его, хотя и знал, каким ублюдком был этот человек. Петр знал слишком много информации о происходящем и мог стать полезным объектом для моих поисков. Но кто-то посчитал, что от него нужно избавиться, к тому же как можно более извращенным способом. Я был в морге и видел тело. От него, фактически, не осталось ничего. Тело подожгли и, что вряд ли удивительно, хорошенько покусали. Я мог бы предположить, что это сделал кто-то из его же окружения, но не могу. Община никогда не убивала своих, даже если те перебежали на чужую сторону.

— Ты кого-то подозреваешь?

— Нет. Когда я ушел из полицейского участка, то узнал, что там нашли еще один труп. Точнее, фрагменты тела, большая часть которых превратилась в пепел. Жертвой стал верный помощник Себастьяна, Ларри. Его опознали по нетронутым огнем ботинкам, где лежала записка, адресованная его жене. Я твердо уверен, что его убил тот же человек, что причастен к смерти Хапперта. Но он не оставил никаких следов. И неизвестно, что им движет.

— Что ты собираешься делать дальше?

— Я снова уйду, на какое-то время. Сюда приедет полиция и заберет тело этой твари. Вам остается лишь придумать какое-нибудь оправдание, — Эрван подмигнул брату и выпрямился, затем убрал массивный дробовик за спину. — Надеюсь, мы увидимся в ближайшее время. Постараюсь сообщить сразу, если что-то изменится.

Татьяна с волнительным вздохом остановилась возле двери кабинета начальника полицейского участка, ощущая дрожь в пятках. Ей хотелось просто потоптаться здесь и со спокойной душой уйти. Она редко бывала здесь, так как прекрасно знала, насколько нелестно этот пожилой мужчина отзывался о методах ее работы, которые весьма часто нарушали всевозможные инструкции. Татьяна могла с легкостью зайти в чужой дом без ордера на обыск, предварительно взломав дверь отмычкой при помощи таланта какого-нибудь местного хулигана, либо совершить арест, как и полагается, без соответствующего разрешения определенных вышестоящих лиц. Да, такие действия детектива каждый раз приводили к успешному раскрытию преступления, но многие личности, кто так или иначе стал свидетелем задержания и обзавелся некоторыми неудобствами, писали жалобу, обвиняя госпожу Хапперт в непрофессионализме. Татьяна же просто игнорировала критику в свой адрес и продолжала каждый раз идти напролом к цели, невзирая на последствия. Но почти два месяца назад ее яркий энтузиазм никто из начальства решил не оценивать, и впервые Татьяна ощутила себя проигравшей, запертым в клетку волком, которого лишили свободы прямо во время охоты. Девушка не хотела думать о причинах, что заставили этих людей отстранить ее на какое-то время от занимаемой должности. Она лишь мыслила о том, сколько возможности и времени они потеряли, решившись на такой шаг. Ведь если бы расследование продолжилось еще осенью, то многие, кого Татьяна прекрасно знала в лицо, скорее всего остались бы целы и невредимы. Но уже поздно разжигать внутри себя ненависть. Это уже не сумеет улучшить плачевную ситуацию, что выстроилась вокруг них. Сейчас самое главное не потерять то, что осталось, а остальное пусть вертится где-нибудь в глубинах прошлого без всплытия на поверхность.

Быстрым движением руки она поправила прическу: изящный низкий пучок из локонов. После все же осмелилась нажать на дверную ручку и проникла в душный кабинет, который был ярко освещен теплым дневным солнцем. Начальник сидел в кресле и выжидающе смотрел на девушку, явно желая, чтобы та как можно скорее села на стул напротив него и вступила с ним в диалог, которого оба, что не есть странно, сильно хотели.

— Простите, что заставила вас ждать, — извинилась Татьяна перед начальником полицейского участка и опустила на мягкий стул, положив одну ногу на другую. — Возникла непредвиденная проблема.

— Да, я в курсе, — устало кивнул тот и неуверенным и каким-то ленивым движением сцепил тонкие пальцы рук. — Мне уже доложили об этой крайне неприятной ситуации. И я весьма смущен всем происходящим, особенно если учитывать, что это, непосредственно, связано именно с тобой, Татьяна. За последние несколько дней произошло слишком много

несчастливых случаев. И мне уже не удается найти логического объяснения. Сначала в твоей квартире находят труп собаки, на следующий день наш сотрудник, вернувшийся из продолжительного отпуска, попадает в больницу в крайне тяжелом состоянии, и в этот же время мы получили три новых тела, одно из которых пропало пару месяцев назад, второй повесился по неизвестным причинам, а третий несчастный... Даже боюсь говорить, что случилось с третьим... А сегодня мы имеем и четвертого мертвеца в своих стенах. И со всеми этими случаями ты связана такими крепкими нитями, что об этом вслух говорить неприлично. Ты можешь мне объяснить, что происходит?

— Я бы с превеликим удовольствием это сделала, но в данный момент времени у меня нет доступа к проведению расследования, — безразличным тоном произнесла Татьяна. — Спросите об этом Себастьяна. Думаю, ему известно гораздо больше, чем мне.

— Да, ты права, — тот виновато понурил голову. — Ты ведь знаешь, что, несмотря на все промахи, я ценю твою деятельность. Тебе удавалось браться за такие дела, за которые никто из наших ребят ни за что не осмелился бы взяться. Ты возникла в нашем коллективе внезапно, как вспышка новой звезды, и сразу же заявила о себе как опытный и любящий свое дело специалист.

— Мне не нравится вся эта лирика, господин Невилл. Вы позвали меня сюда не для того, чтобы оценивать мои прошлые заслуги.

— Я знаю, что ты крайне негативно отнеслась к моему решению отстранить тебя от работы, мне оно далось с большим трудом, к тому же на меня оказывали существенное давление. Эта пожилая дама создала много шума в прессе, и многие сумели выжать из всей этой сложившейся обстановки крупную сумму денег. Не только ты одна понимала, что госпожа Стрингини лишь козел отпущения, но уже поздно было что-то доказывать и менять. Она дала показания, созналась в совершении преступления, и никто не был заинтересован в поиске реальной истины, кроме тебя. И ты сумела приблизиться к разгадке максимально близко.

— Так вот оно что... Вы хотите, чтобы я продолжила этим заниматься, — усмехнулась женщина и покачала головой. — И захотели этого, когда поняли, что бессильны, что ситуация становится критической. Убийца по-прежнему на свободе. И теперь он хорошенько подмочил вашу репутацию. Если информация о вашем промахе попадет в прессу, а она туда попадет, то возникнет такой скандал, который вы вряд ли переживете, — Татьяна поднялась и уперлась руками о рабочий стол начальника участка и хищными глазами прожгла его уставшее опухшее лицо. — Но так уж и быть, я возьму всю эту ситуацию под свой контроль, но с одним условием. Мои передвижения не будут ограничиваться. Никакими способами. В противном случае, вам придется самим разбираться с этим психопатом-каннибалом. Меня он не тронет, если я оставлю его в покое. Он расправляется только с теми, кто мешает ему заниматься своим любимым делом. Думаю, вы уже и сами это поняли.

— Дело касается не только статей в газетах или моей репутации, за короткий срок погибло несколько человек. И все они пострадали из-за нашей ошибки, из-за нашей халатности и банального страха. Мы решили, что имеем дело с чем-то запредельно простым. Вот тело, вот предмет убийства, вот убийца. Элементарно. Все мы и без подсказки Всевышнего знали, что все окажется гораздо сложнее. Но у нас не было шанса это доказать. И ты это прекрасно понимаешь.

— Да, у нас не было доказательств, — Татьяна медленно направилась в сторону

двери. — Но у нас было время. Много времени. А теперь этого времени нет. В любой момент могут убить кого-то из нас. Мы не знаем, что движет этим человеком, кто он на самом деле. И сегодня он прямо у нас перед носом заживо сжег нашего сотрудника в морозильной камере, оставив от него лишь обувь с шутливой запиской, которую адресовал его жене. Этот ублюдок смеется над нами, обводит вокруг пальца. А мы своими действиями лишь оказываем ему качественную услугу.

Татьяна потеряла свадебное кольцо на пальце, которое по-прежнему царапало кожу, и молчаливо покинула кабинет, вновь почувствовал знакомое чувство победы. И это ощущение вызвало у нее лишь улыбку, широкую, как у хищника, что готов вновь выйти на охоту.

Татьяна прекрасно знала, что ее слишком радостная улыбка в данный момент времени выглядит уж чересчур глупо. Она пыталась подавить эти эмоции, нарисовать на лице что-то вроде траурной маски, но не могла. Женщина не была способна до сих пор решить для себя, что же на самом деле вызвало такой резкий скачок хорошего настроения: то, что начальник едва ли не на коленях упрашивал ее вновь взяться за расследование, от которого он ее осенью сам же отстранил, либо то, что теперь весь этот хаос снова под полным контролем Татьяны. Скорее всего оба фактора, уж слишком сильно они взаимодействовали друг с другом.

Детектив спустилась на первый этаж и попутно принялась разглаживать руками слегка помявшийся во время быстрой ходьбы костюм. Затем быстро забежала в уборную, где вновь превратила свою аккуратную прическу в традиционные распущенные волосы, которые сегодня лежали непривычно хорошо: каждый волосок на своем законном месте. Расчесав локоны и немного попудрив лицо, Татьяна уверенной походкой направилась в сторону кабинета допросов, что находился в соседнем коридоре. Даже издали была слышна напряженность, что царил в той небольшой комнате. Татьяна не представляла, о чем говорили свидетели, но, судя по тишине, их слова ввели всех, кто там находился, в полнейшее замешательство. И это было неудивительно.

Перед тем как войти, Татьяна предварительно постучала, затем бесшумно прошла в глубь комнаты, боковым зрением наблюдая за донельзя напуганной и замученной Кристиной, которая в данный момент давала показания, что записывались на фонограф. Себастьян стоял в самом дальнем конце кабинета, поэтому Татьяне пришлось изрядно постараться, чтобы добраться до мужчины.

— Рад, что ты вернулась, — смущенно прошептал Себастьян и со вздохом вернулся к наблюдению за Кристиной, которая пока ничего особо интересного не рассказала, лишь пыталась восстановить картину событий, но делала это слишком неумело, будто впервые в жизни говорила больше одного слова.

— Меня восстановили в должности, — Татьяна поджала губы и с любопытством взглянула на мужчину, явно ожидая увидеть его реакцию.

— Хорошо, — кивнул тот, будто женщина ничего такого, на что можно было бы сконцентрировать внимание, не сказала.

Татьяна пожала плечами, немного разочаровавшись таким ответом.

— Что-то изменилось, пока я отсутствовала?

— Мы смогли дозвониться до супруги Ларри, — как можно тише произнес детектив, приблизив губы к уху женщины. — В скором времени ее должны привести сюда для

опознания останков мужа. Хотя вряд ли это что-то даст. Эти чудом сохранившиеся стопы в ботинках могут принадлежать кому угодно. И это странное послание может быть лишь ложным следом.

— Я и сама до сих пор не могу поверить в случившееся. Но Кристина видела Ларри здесь за несколько минут до...

— Она не уверена в том, что видела. Кристина уже пятый раз путается в показаниях.

— В морге отсутствую какие-либо признаки дыма, он не мог рассеяться, так как ему просто некуда было бы деваться. При этом сама морозильная камера при открытии никого не одарила серым туманом. Я бы с радостью предположила, что наш дорогой господин убийца заранее сжег тело, при этом позаботился о такой мелочи как отрубание ног жертвы. Стопы не обожжены, следовательно, воздействию огня не подвергались.

— Нет, на них есть следы горения, торчащая кость заметно почернела.

— Но это не отменяет того факта, что ноги были отделены от убитого перед сожжением, иначе их сохранность объяснить невозможно. Тело превратилось в пепел. И еще не факт, что это действительно так. Нужно провести анализ, чтобы доказать, что в нем есть оставшиеся фрагменты органики. А мы, как обычно, не сделали ничего. Лишь слушаем бессмысленные разговоры.

— Нам нужно с чего-то начать, моя дорогая. Кристина единственная, кто видела все происходящее в той комнате... И мы не можем оставить ее слова без внимания.

— Прости. Я снова включила в себе вечно чем-то недовольного детектива. Мне нужно помолчать. Хотя бы на какое-то время, — Татьяна погладила Себастьяна по плечу.

— Вы сказали, что потеряли сознание, — произнес следователь, слегка приспустив свои круглые очки на переносицу. — Что стало причиной?

— Это было похоже на короткое помутнение в глазах. Я не могла стоять на ногах, моя голова будто закружилась. Я села на пол и пыталась прийти в себя. А потом... — заикаясь, сказала светловолосая женщина, нервно теребя ворот своего халата. — Потом Ларри исчез.

— Исчез? — удивленно вздернул брови следователь и, нахмурившись, что-то записал в своем толстом блокноте.

— Да. Исчез, — прошептала та, устремив взгляд куда-то в сторону. — Можно мне воды? — женщина с мольбой уставилась на окружающих и закрыла лицо ладонями. — Мне нужно смочить горло немного.

— Дайте ей воды, пожалуйста, — сказала Татьяна одному из полицейских, и тот, кивнув, послушно побежал выполнять просьбу детектива и через короткое время вернулся с полным стаканом прозрачной жидкости.

Татьяна взяла у него чашку и поставила ее на стол рядом с Кристиной. Та с благодарностью кивнула и внимательно взглянула на рыжеволосую женщину, будто следующие слова хотела адресовать именно ей.

— Потом я увидела человека. Я его не сразу узнала, так как голова сильно кружилась. Но потом поняла, что это был мой коллега по работе... Джордж Майлз.

Татьяна с недоумением на лице посмотрела на Кристину.

— Это такая неудачная шутка, да? — нервно усмехнулась она и в надежде обернулась в сторону Себастьяна, который внезапно сильно побледнел после слов патологоанатома. — Кристина, что это, черт возьми, значит?

— Мы боялись рассказать тебе. Но я больше не могла молчать. Потому что больше не знаю, во что мне верить и кому доверять, — дрожащим голосом прошептала та и резко

поднялась со стула. — Простите, мне нужно сделать перерыв. Дайте мне десять минут. — Кристина, не дождавшись одобрения, направилась к выходу, опираясь на костыль, и при этом старалась не смотреть кому-либо в глаза.

Татьяна ошарашенно уставилась на своего напарника, явно ожидая от него хоть каких-то объяснений, но мужчина продолжал виновато улыбаться, будто не представлял, каким образом ему рассказать ей всю правду.

Часть людей покинула кабинета, и Татьяна с Себастьяном остались, фактически, наедине друг с другом.

— Это случилось в то же время, когда ты ехала вместе со Сьюзен в карете скорой помощи в больницу. И я просто боялся тебя шокировать.

— Чем шокировать? — с нервной усмешкой в голосе спросила его женщина и уперлась руками в бока.

— Медсестра нашла Джорджа в кровати в луже свежей крови. А он просто сидел. И смотрел на нее... А ожоги. Их больше не было... Он полностью исцелился... — Себастьян зарылся пальцами в свои густые волосы и сел на ближайший стул. — Я был напуган, когда увидел его. Мне хотелось просто убежать, бросить все, лишь бы не мучить себя попытками хотя бы немного понять, что стало причиной такого... Его осмотрели врачи. И не нашли ничего подозрительного. Здоровье Джорджа было в поразительно идеальном состоянии. Даже пальцы. Даже его пальцы на руке... Они выросли снова! — Себастьян испуганно взглянул на свои ладони, после чего резко сжал их в кулаки. — Я пытался рассказать тебе. Но ты была со Сьюзен. В полном отчаянии. Я боялся, что после такой новости ты не сможешь оправиться... Поэтому молчал.

— Где он сейчас? — ледяным тоном задала вопрос Татьяна и скрестила руки на груди.

— У меня в квартире.

— Хорошо. Я еду к тебе домой, — Татьяна вцепилась пальцами в плечо детектива и жестом приказала ему подняться. — На этот раз я хочу увидеть все собственными глазами, а не узнать с чужих сомнительных слов. Устала, что от меня постоянно что-то скрывают. Дай мне свои ключи! Тебе со мной ехать нельзя, так как скоро должна приехать жена Ларри. Ты нужен здесь.

Себастьян покорно кивнул и достал из кармана брюк связку серебряных ключей, после чего, немного помедлив, вручил ее женщине.

— Пожалуйста, прости меня. Ты ведь знаешь, что я не хотел этим причинять тебе боль.

— Но как же ты изящно лгал, когда мы с тобой разговаривали о нем. Поразительно! — ахнула та, с широко распахнутыми глазами вглядываясь в лицо Себастьяна. — Если бы не Кристина... Я бы так и осталась в неведении.

Татьяна убрала ключи в пиджак и застыла на месте, тяжело вздохнув, будто что-то тщательно обдумывала в голове.

— Если меня долго не будет, значит, я осталась у тебя. Не хочу сегодня ночью ночевать в отеле, — лицо Татьяны неожиданно налилось румянцем, и она ласково провела рукой по голове мужчины. — Я хочу, чтобы ты от меня больше ничего не скрывал. Я помню каждый момент, который мы пережили вместе. Никогда не выкину из головы тонущую в нескольких десятках метрах от нас "Лузитанию" и твоих мать с братом в лодке... Все это было. И мы это видели вместе. Почему сейчас мы перестали доверять друг другу? После стольких паранормальных вещей! Наверное, я никогда не узнаю этого.

Татьяне не составило большого труда догнать Кристину в коридоре. Светловолосая женщина из-за поврежденной ноги не могла передвигаться слишком быстро, каждый шаг давался ей с непосильным трудом, что объяснялось неумелым обращением с громоздким костылем.

Детектив осторожно дотронулась до плеча женщины и приветливо улыбнулась, стараясь не показывать остатки недавнего негатива на своем лице. Кристина ответила такой же улыбкой и устало отодвинула от себя костыль, попытавшись встать поврежденной ногой на пол, но, явно ощутив боль, снова слегка приподняла ее.

— Что случилось с твоей лодыжкой? — Татьяна изумленно оглядела ногу Кристины. — Где ты так ее ушибла?

— Упала, когда работала. Возможно, во время потери сознания. Я точно не знаю, — с явным нежеланием объясняться Кристина снова схватила костыль и принялась ковылять по коридору дальше. — У меня с самого утра не задался день. Мертвецы преследуют меня по пятам. Два тела, одно самоубийство, а потом меня еще и в сожжении тела заподозрили и допрашивали несколько часов. Я планировала провести этот день как-то иначе. Но меня вряд ли до конца этого дня куда-либо отпустят.

Кристина снова остановилась и села на деревянную скамейку, облегченно вздохнув. Она поставила костыль рядом, приложив его к стене, и расслабленно вытянула перед собой обе ноги, тем самым женщина заняла своим телом почти половину этого длинного коридора, что наверняка затруднит передвижение сотрудников. Но Кристину это ничуть не волновало, что можно было прекрасно разглядеть на ее безразличном умиротворенном лице. Татьяна села рядом и поправила слегка покосившийся костыль, поставив его в более устойчивое положение, чтобы тот, не дай бог, не придавил своим исполинским весом какого-нибудь мимо проходящего бедолагу.

— Ты хочешь поговорить со мной о нем? — Кристина погладила свою больную ногу и немного пододвинула ее к себе. — Прости, но мне вряд ли удастся рассказать что-то интересное. Мои слова будут, скорее всего, походить на бессвязные обрывки каких-то мыслей.

— Знаю, тебе тяжело об этом говорить. Но в данный момент меня интересует не Ларри, а Майлз, и только он.

— Я его и имела ввиду, — грустно посмотрела на нее та и снова тяжело вздохнула. — Как и ты, я нахожусь в самом настоящем шоке, так как абсолютно не понимаю, что происходит вокруг нас в данный момент времени. Какие-то... хаотичные события... Без логики... Без определенной последовательности. Я не знаю, как мне удалось так долго держать себя в руках. Мне страшно, Татьяна. Я боюсь буквально всего. Особенно трупов. Но мне приходится контактировать с этим кошмаром. И нет возможности убежать, спрятаться. Меня окружили со всех сторон. И быстро сдавливают тяжестью тел. Мне трудно дышать...

— Можно я тебя обниму? — ласково прошептала Татьяна и, не дождавшись разрешения женщины, заключила ее в объятия.

Кристина тихо всхлипнула и уткнулась кончиком покрасневшего носа в плечо детектива.

— Я знаю, что поступила нечестно по отношению к тебе. Мне следовало сразу же сообщить о Джордже. Возможно, это бы изменило ситуацию в лучшую сторону...

— Я совершенно не обижаюсь, — спокойным голосом заверила ее Татьяна, нежно поглаживая Кристину по волосам. — И ценю то, что вы пытались меня уберечь от

негативной информации. Я не знаю, как бы я отреагировала на подобное в тот день, скорее всего у меня началась бы истерика, во мне зародился бы самый настоящий ужас... Я видела его раны, слезы, боль. Понимала, что он останется таким навсегда, до конца жизни. И внезапно все изменилось. Я еще ничего не видела, но уже стараюсь мыслить об этом спокойно, с безразличием, потому что понимаю, что объяснение этому найдется. Возможно, не сразу. Но оно будет. Хоть и фантастическим, скорее всего.

— Его ткани полностью заменились. Когда я его увидела, то сразу же вспомнила феникса, восставшего из пепла. Его кожа была, как у младенца. Ни шрамов, ни крошечных рубцов, даже родинок — ничего нет. Он будто живая кукла. И это меня в первые секунды даже напугало.

— Это не случилось по его воле, выздоровление было кем-то организовано, — произнесла Татьяна задумчивым тоном. — Себастьян сказал, что в палате было много крови.

— Да. Будто он сбросил с себя кожу и вырастил новую, — нервно усмехнулась Кристина. — Как в каком-то фантастическом романе.

— Мы и есть герои фантастического романа, и его автор явно не совсем здоров, если придумал нам такую замечательную жизнь, — сжала губы в узкую полоску та. — И я уже начинаю думать, что так оно и есть. Так хотя бы можно понять, что же с нами происходит...

— Я сегодня собиралась съездить с сыном в парк, мы планировали это целую неделю. Знаешь, я безумно ждала этого момента и в голове прокручивала моменты, где мы с Адамом идем по засыпанной снегом аллее и просто смеемся. И теперь понимаю, что все это так и останется моими придуманными мыслями. А все из-за чего? Я могла с легкостью отказаться от этой работы, найти себе совершенно другое занятие. И радовалась бы жизни. Но не могу. Не выходит. Я продолжаю мучить себя, заставляю смотреть на кошмар каждый день, на эти обезображенные трупы... Зачем? Что я пытаюсь этим себе доказать? Удовлетворяю какие-то внутренние желания? Или это что-то большее?

— Я спрашиваю себя об этом каждый день. Но всякий раз прихожу к выводу, что это было предрешено, что я родилась для того, чтобы стать тем, кем являюсь сейчас. И не существует никаких «если». Есть только то, что перед нами. И другого быть не должно.

— Но ведь есть шанс отказаться от этого настоящего и пойти другой дорогой.

— Если был бы шанс, мы бы обе уже давно вышли на соседнюю тропу. Но мы сидим здесь и разговариваем. И ничего не меняется. Все по-старому. Джордж был моим указателем, он привел меня сюда много лет назад. И он по-прежнему ведет меня по этой дороге, хотя наши жизни уже давно ничто не связывает. Я ненавижу этого человека, презираю, но при этом понимаю, что бесконечно готова его благодарить за все, что со мной случилось после нашей первой встречи с ним. Будучи подростком, я впервые увидела его из окна своей квартиры. Он помогал отцу и матери красить дверь. У них была своя собственная обувная мастерская. И целая улица приносила им обувь. Тогда я не думала, кем станет этот человек для меня, как повлияет на мое будущее. Я видела в нем лишь симпатичного и доброго мальчишку, с которым мечтала познакомиться и, наверное, поцеловаться. Забавная первая любовь, самая искренняя и вместе с тем обманчивая, — Татьяна снова потеревшая свадебное кольцо, что уже стало становиться вредной привычкой, затем, недолго помолчав, продолжила. — Я долго боялась подойти к нему, искала повод. И потом решила схитрить. Специально сломала свои новые туфли. После отнесла в эту обувную мастерскую. Там и прошло наше первое знакомство. Вблизи он казался мне еще идеальнее.

— Он не догадывался о твоей симпатии к нему?

— Думаю, он испытывал ко мне те же чувства, — улыбнулась она с какой-то мечтательностью в глазах. — Мы не разговаривали, не общались. Нам было достаточно посмотреть друг на друга. Через какое-то время я стала замечать, что он наблюдает за окном моей квартиры. Я не сразу это поняла, заметила совершенно случайно, когда переодевалась. Мое зеркало стояло прямо перед окном. И я не задумывалась над тем, что со стороны улицы можно было разглядеть, что происходит в моей комнате. Нормальная девушка просто перестала бы менять одежду рядом с окном, а я же специально стала подходить к нему ближе. Мне тогда исполнилось уже двадцать. А Джорджу было, наверное, около шестнадцати, если не меньше. И только сейчас я понимаю, что осознанно совращала несовершеннолетнего и испытывала от этого некое сексуальное возбуждение. Теперь чувствую такой стыд. Но тогда... мысли были иными.

— В шестнадцать он мог свободно переспать с тобой, — хмыкнула Кристина.

— Я знаю. Но... Я старше его на четыре года. И в подростковом возрасте эта разница играла существенную роль, нежели сейчас. Когда мы впервые увиделись, мне было, наверное, лет семнадцать или восемнадцать. А он был еще совсем ребенком. Боже, как-то неловко теперь об этом даже думать, — поежилась та. — Но так или иначе этот подросток уже тогда начал менять мою жизнь. Наполнять ее чем-то новым одним лишь своим присутствием где-то поблизости. Потом он резко исчез. В один прекрасный момент я выглянула в окно и увидела, что мастерская закрылась. Прошел день-два, а она все еще была закрыта. И я ощутила такую пустоту. Я не знала об этом парне совершенно ничего, он был мне, можно сказать, чужим человеком. Но при этом я скучала по нему, ждала его возвращения.

— И он вернулся.

— Почти четыре года спустя... — едва слышно сказала Татьяна и снова принялась мучить кольцо. — В то время в моей жизни творились самые неприятные вещи. Я уже начинала отчаиваться, перестала верить, что что-то наладится. И внезапно, выглянув из окна, заметила, что дверь мастерской снова открыта... — женщина резко набрала воздух и на миг застыла в такой позе. — И будто ночью выглянуло солнце. Меня буквально трясло от волнения. Я думала, что теперь все наладится с возвращением Джорджа. Но ошиблась. Передо мной был совершенно другой человек, от того светлого ангела с русыми волосами остались лишь смутные черты. Время обошло с ним крайне жестоко. Но я пыталась помочь ему вернуть себя прежнего, окунулась в его проблемы с головой. А он отверг меня и опрокинул, причинил боль, от которой вот уже восьмой год я не могу оправиться, хотя пытаюсь изо всех сил забыть случившееся. И сейчас я боюсь, что, увидев его в новом обличье, вновь буду затянута во что-то ужасное, что перевернет мою жизнь с ног на голову и просто-напросто раздавит меня. Джордж стал ядовитым десертом.

— Ты хочешь увидеть его?

— Себастьян сказал, что Джордж сейчас находится у него дома, и я заявила, что хочу отправиться туда, что посмотреть на Майлза собственными глазами. Но сейчас чувствую, что у меня просто трясутся коленки от одной лишь мысли о встрече с ним.

— Вряд ли он сейчас находится в квартире. Когда мы с ним пересеклись в полицейском участке, он сказал, что приехал сюда, чтобы о чем-то поговорить с Себом. Потом мы поднялись на первый этаж и разминулись, но перед расставанием он сообщил, что ему нужно найти еще одного человека, который знает что-то, чего не знает он.

— Почему ты не рассказала об этом во время допроса? — удивленно взглянула на нее

Татьяна, выпустив из своих объятий.

— Потому что Джорджа сразу бы записали в список главных подозреваемых. Он был последним, кто вышел из морга. Следовательно, мог сжечь тело Ларри. Себастьян пока сомневается, что там действительно находится тело нашего почившего коллеги, он думает, что, скорее всего, труп спрятали где-нибудь в другом месте. Но тогда зачем убийце было устраивать весь этот спектакль?

— Я тоже хочу думать, что Себастьян прав, ведь морозильную камеру никто предварительно не отключал от подачи холодного воздуха, там нет следов горения на металлических стенках, только малая часть пепла и отрезанные человеческие стопы, обутые в ботинки, в которых при этом лежала записка. Эта записка — единственное доказательство, что в камере находились останки Ларри. Будем надеяться, что его жена сможет опознать его по одним лишь пяткам.

— Да, я тоже считаю, что тело невозможно было уничтожить в камере. К тому же я отключилась, кажется, на пару часов. У убийцы было полно времени, чтобы сотворить подобное с телом. Только что он пытался этим показать?

— Играет с нами. И прекрасно осведомлен о нашей деятельности. Сожжение — прямая отсылка к смерти Стива. И это было своеобразное послание тебе, потому что все происходило прямо у тебя перед носом.

— Но ведь это...

— Ненормально? — усмехнулась Татьяна, скрестив руки на груди. — Соглашусь. Но я начинаю думать, что так оно и есть. Особенно после того, как мне подложили собаку у входа в спальню.

— На что ты намекаешь?

— Скорее всего ты видела не Ларри, а кого-то другого. Просто кто-то захотел, чтобы ты видела именно этого человека. И у этого кого-то это прекрасно получилось, — Татьяна резко замолчала, видимо, осознав, что ее слова звучат критично бредово. — Знаю, я говорю какую-то чепуху...

— Нет, я тебя поняла. И ничего не имею против этой теории. Она довольно интересная, — задумчиво кивнула Кристина и поправила свои слегка растрепанные волосы. — Гипнотическое воздействие на жертву... — женщина резко поднялась на ноги при помощи костыля и посмотрела на Татьяну. — Кажется, я знаю, куда направился Джордж.

— Что? — с непониманием уставилась на нее та.

— Думаю, он пошел к тому мальчику, которого ты искала... Ричи, кажется так его звали.

— Почему ты так думаешь?

— Не знаю, интуиция мне подсказывает, что именно так оно и есть. Сейчас ты имеешь полное право найти этого паренька, ведь его судьбой распорядился Брайан.

Детский плач напоминал свист голодного ветра, он был тихим, но в то же время пронзительным, распространялся с огромной скоростью и находился, в буквальном смысле, повсюду. Он иногда затихал на короткое время, но затем вновь продолжался с большей силой. Елизавета вздрогнула, не сразу осознав, что слышит это на самом деле, женщина все еще пребывала в глубоком бессознательном состоянии, не в силах самостоятельно выбраться из бессюжетного сна. Она интуитивно прикрыла обнаженную грудь кончиком горячего,

почти раскаленного одеяла и резко села. Рядом с ней бесшумно лежал Джордж, свернувшись калачиком, как большой кот без шерсти. И Лиза невольно залюбовалась его блестящей в лучах высоко стоявшего солнца кожей, которую покрывала легкая испарина. Она хотела, чтобы мужчина повернулся к ней лицом, показал свое идеально очерченное лицо, что было создано самым талантливым и гениальным скульптором, но Джордж был совершенно обездвижен и продолжал демонстрировать женщине лишь широкую спину. Елизавета медленно пробежалась пальцем по линии его позвоночника, почувствовав, как на ее коже собираются одна за другой капельки мужского пота. Смущенно и как-то стыдливо улыбнувшись, она отстранилась от Джорджа и тяжело вздохнула, устремив свои глаза куда-то в сторону, при этом в ее голове не было совершенно никаких мыслей, впервые она ощущала такую легкость во всем теле, будто внутри не осталось органов.

Плач ребенка повторился. Тот буквально завис над потолком, витал, словно невидимый мотылек и быстро перемещался по спальне. Елизавета прислушалась и поняла, что плакала девочка. И в этот момент вся приятная легкость внутри испарилась как по волшебству, сменившись неприятной тревогой, а потом и страхом. Женщина узнала в страдающем ребенке свою дочь, это был ее голос, ее слезы. Быстро выпрыгнув из кровати, Лиза накинула на себя халат и покинула спальню, после чего со всех ног побежала по лестнице на второй этаж, чувствуя, как сердце камнем проваливается куда-то в пятки, царапая все на своем пути. Отворив дверь в спальню дочерей, женщина с резко увеличившимися глазами уставилась на девочек, которые спокойно сидели на кровати и что-то разглядывали в раскрытой книге, оживленно обсуждая.

Елизавета направилась к самой старшей, заметив, что та старательно прятала лицо за своими длинными темными волосами. Сев на колени перед ней, женщина внимательно взглянула в глаза дочери.

— Пайпер, все хорошо? — волнительным голосом спросила она старшую дочь, сжав ее маленькую голову в своих похолодевших ладонях. — Я слышала, как ты плачешь.

— Тебе показалось, — с каким-то отвращением отстранила руки матери та и вновь уставилась безразличным взглядом в книгу. — Ты нас отвлекаешь. Пожалуйста, уйди. Мы готовимся к занятиям.

— Берил, это была ты? — в надежде перевела взгляд на младшую дочь та, но встретила в качестве отрицательного ответа лишь такое же безэмоциональное выражение лица.

Женщина грустно вздохнула и поднялась на ноги, все еще внимательно поглядывая на дочерей.

— Я не хочу, чтобы вы что-то от меня скрывали. Если у кого-то из вас что-то произошло, вы должны обязательно этим поделиться со мной. Ведь я ваша мать... Пайпер, пожалуйста. Я ведь знаю, что у тебя в школе были конфликты с некоторыми учениками...

— Ничего не случилось. Мы не плакали, — все так же холодно ответила ее старшая дочь и вновь спрятала свое лицо за распушенными волосами. — Пожалуйста, уйди. Думаю, тебя этот мужчина уже заждался внизу.

— Не нужно так разговаривать со мной, Пайпер, — с наигранной сердитостью сказала Лиза, но через мгновение снова превратилась в полную невинность. — Неужели ты снова включила злость на меня из-за отца? Но ведь это так глупо, моя дорогая. Мы много раз это обсуждали. Прошло уже достаточно времени, необходимо его отпустить. Рано или поздно нам придется найти ему замену. Мы с вами остались совершенно одни, и должны быть одной командой.

— Хватит, — бросила ей Пайпер, затем резко закрыла книгу и направилась к своему письменному столу, что стоял возле окна. — Я не хочу мириться. Папа уже из-за тебя. Ты его выгнала. Он не хотел уходить.

— Я его не выгоняла, Пайпер. Я любила вашего отца. Но он выбрал другую жизнь, и нам не нашлось места в ней. Я была не в силах его сдерживать, хотя боролась за наши отношения до последнего.

— Тогда зачем занималась любовью с его другом этой ночью? Я все слышала, — озлобленно произнесла девочка и села за стул, вновь открыв книгу. — И знаю, что вы с ним за ужином обсуждали нашего папу.

Лиза густо покраснела и явно замешкалась из-за таких смелых слов еще совсем юной дочери. Сев рядом с молчаливой Берил, которая явно не понимала, из-за чего члены ее семьи так оживленно спорят, женщина попыталась найти подходящие слова для ответа.

— Я познакомилась с Виктором задолго до того момента, как встретила с вашим отцом, и мы очень сильно любили друг друга в те годы. Я надеялась выйти замуж за этого человека, но он не захотел разделять со мной свою жизнь и покинул меня на многие годы.

— Я знаю. Поэтому хочу, чтобы он ушел из нашего дома, — заявила Пайпер и сердито посмотрела на мать. — Он мне не нравится. Пусть он уйдет, прямо сейчас.

— Пайпер, девочка моя, — с мольбой посмотрела на нее Лиза. — Мы не можем взять и без объяснений выгнать человека, который ничего плохого нам не сделал. К тому же он очень ценил вашего отца и приехал сюда, чтобы узнать о нем, понять, что заставило его резко исчезнуть из нашей жизни.

— Папу не нужно искать, он вернется, — прошептала та и в очередной раз захлопнула книгу, на этот раз с громким хлопком. — Он сказал мне, что придет, совсем скоро. И я ему верю. Папа никогда не врал, — Пайпер достала из полки стола лист бумаги и принялась что-то быстро рисовать, нервозно водя карандашом из стороны в сторону и тщательно пряча свое творение свободной рукой.

— А если он не сможет этого сделать?.. — хриплым голосом спросила ее мать. — Что тогда? Я не смогу всю жизнь обеспечивать вас без чьей-либо помощи. Сейчас вы еще маленькие и не понимаете этого. Я осталась одна с вами на руках в этой глуши. Если что-то случится, мне не к кому обратиться за помощью. Вся ответственность за вас, за этот дом лежит на моих плечах. И рано или поздно эта ноша станет непосильной.

— Я не против того, чтобы ты нашла себе нового мужа. Но им не должен оказаться этот мужчина, который спит в твоей спальне.

— Ты ведь даже не сумела с ним пообщаться, — усмехнулась Лиза и громко вздохнула. — Это моя вина. Мне следовало еще вчера представить вас ему. И вы бы поняли, что это очень хороший человек. И не говорили бы о нем такие вещи.

— Я не верю тебе. А теперь уйди. Я хочу сосредоточиться перед занятиями, — девочка поднялась со стула и поставила на него свой ранец, куда стала складывать некоторые учебники. — Сегодня мы с Берил сами дойдем до школы. Нас не нужно провожать.

— Дайте Виктору шанс. Просто попытайтесь проявить уважение. Вы ведь далеко не злые. И должны знать, что следует относиться вежливо даже к тем, кто вам неприятен. Знаю, вы ревнуете, не можете поверить, что ваш любимый отец покинул нас. Но жизнь не должна останавливаться. И Виктор может нам помочь, он заинтересован в этом. Просто вы еще не понимаете этого.

— Уйди, — коротко ответила Пайпер.

— Хорошо, — печальным тоном произнесла Лиза и медленным шагом направилась в сторону двери. — Я приготовлю вам завтрак, спускайтесь через десять минут. Только прошу вас, не совершайте никаких глупостей. Если вам не нравится Виктор... Так и быть. Я попрошу его, чтобы он уехал. Только не нужно так жестоко поступать со мной. Кроме вас у меня никого не осталось. И я не переживу, если вы, как ваш отец, покинете меня из-за каких-то мимолетных негативных эмоций.

Кабинет Себастьяна пропах виски и табаком. Любой, кто сюда осмелился войти, тотчас же ощущал что-то вроде удушения и легкой тошноты. Обитатели узкой комнаты будто не чувствовали наличия подобного зловония и спокойно беседовали между собой. Проворные солнечные лучи, подобно детям, игрались с витавшими повсюду крупными алмазной пыли. Из-за обилия растений в кабинете было необычно тесно, словно оказался в неких маленьких джунглях. До недавнего времени здесь не росло ни травинки, но буквально пару недель назад Себастьян обставил каждый угол различными диковинными существами зеленого цвета, от которых разносился приятным аромат. Причину такого поведения детектива никто не знал, к тому же стеснялись спросить, ибо опасались, что имеется вероятность таким образом задеть чувства мужчины. Тут присутствовали и высокие декоративные пальмы, и миниатюрные непонятные цветы в глиняных горшочках, и даже кудрявые кустарники, отдаленно похожие на заморский папоротник. Растения сильно выделялись среди такой скудной обстановки кабинета полицейского участка, где до этого главным украшением были лишь потрескавшиеся стены с доисторической штукатуркой, толстоватый письменный стол и несколько книжных шкафов. Теперь зеленые приятели детектива создали среди его рабочего места что-то вроде уюта.

Мужчина поделился, что часть растений принес из дома своей матери, который принадлежал его двоюродному дяде. Сейчас же родственник решил поделиться с племянником частью богатства и отдал Себастьяну большое количество цветов, что долгие годы хранились в специальной оранжерее на заднем дворе. Так как у детектива не нашлось специализированных мест, где растения чувствовали бы себя комфортно, он решил с помощью хитрых манипуляций превратить свой кабинет и квартиру в рай для своих новых друзей. Поэтому теперь в кабинете Себастьяна стало донельзя душно, влажно, но если взять себя в руки, то потерпеть пару часов можно. Из-за зимы доступ чистого воздуха в это помещение ограничивался, чтобы теплолюбивые растения не пострадали из-за холода. Кабинет проветривался лишь ранним утром и поздним вечером. И перед этим мужчина выносил все растения в подсобное помещение, что располагалось по соседству, а только потом уже распахивал окна настежь.

К счастью, на рабочем месте этих зеленых симпатяг было не так много, как у него в квартире, и это порой немного радовало, так как уход за этими привередливыми ребятами отнимал много сил. Дома он бывал редко и пришлось сделать копию ключей для пожилой соседки, что жила за стеной, которая уже долгое время текла слюной от одного лишь вида мужчины. И вот такая возложенная на ее плечи ответственность сумела заметно приободрить эту одинокую старушку, и та будто обрела вторую жизнь благодаря этим растениям, ведь теперь ей удастся видеть Себастьяна гораздо чаще. Иногда эта женщина специально приходила в квартиру детектива перед его приходом, чтобы застать того переодевающимся в спальне. Мужчина много раз чувствовал ее хищные морщинистые глазки на своей обнаженной спине и даже подумывал попросить кого-нибудь другого ухаживать за

его цветами. Но пока поведение старушки было более-менее терпимым. Тем более вряд ли кто-то будет приходить в квартиру по несколько раз на дню, чтобы поотрывать с растений засохшие листочки, как эта пожилая дама с пышными формами.

— Знаешь, тебе надо было идти не в полицию работать, а садовником в какой-нибудь большой частный дом, — с улыбкой произнесла Татьяна, не спеша покуривая сигарету, и пронаблюдала, как Себастьян с трепетной нежностью провел рукой по одному из цветков. — Мне всегда казалось, что я знаю тебя слишком хорошо. И теперь не уверена в этом. Потому что до сегодняшнего дня никак не могла представить тебя в окружении цветочков.

— Татьяна, мужик наконец-то нашел себе хобби, — погладила ее по плечу Кристина и отпила немного виски, после чего поморщилась, почувствовав неприятную горечь спиртного напитка, но затем все равно сделала еще один маленький глоток. — Впервые вижу его таким счастливым на рабочем месте. Так что лучше его не отпугивать от этих прелестных созданий из сада Эдем.

— Больше всего я беспокоюсь, что у меня на какой-нибудь из этих кустарников аллергия, — резко чихнула Татьяна, затем повторила чих еще несколько раз и с недовольным выражением лица потеряла тыльной стороной ладони покрасневший нос. — Я же говорила.

— Это от пыли, — спокойно прошептал Себастьян и уставился вплотную на располагавшийся на подоконнике миниатюрный куст с большим красным цветком в виде советской звезды. — Я тщательно выбирал растения для своего кабинета, чтобы никто из сотрудников из-за меня не пострадал. Если бы хотел, чтобы вы покрылись сыпью, то поставил бы один коварный и до безумия красивый цветок, что стоит у меня в спальне рядом с кроватью. Его листья напоминают по своим свойствам лук: глаза от них слезятся и начинают сильно краснеть. А если сок этого растения окажется на вашей коже, то у вас образуется химический ожог.

— И зачем тебе этот монстр дома? — удивленно посмотрела на него Татьяна. — Если растение частично ядовито, то какой смысл держать его рядом с собой? Отдал бы в какой-нибудь институт, где изучают биологию. Больше бы пользы принес.

— Дело в том, что этот цветок был любимым у моей матери. У нее на его сок был иммунитет. Думаю, и у вас он есть, так как лишь малая часть людей так негативно реагирует на это растение.

— Но я лучше накрою этот цветок кастрюлей, так как не уверена в своем иммунитете, — снова чихнула Татьяна и тут же затушила сигарету в пепельнице. — Ладно, мы немного отвлеклись от темы. Не для этого я затащила вас двоих сюда, чтобы разговаривать о растениях. Да, это весьма занятная тема, но у нас сегодня умер друг, весьма близкий.

Себастьян тихо вздохнул и сел на стул рядом с женщинами, после чего взял бутылку виски со стола и налил всем в хрустальные стопки этот темный напиток.

— Спасибо. — кивнула ему с благодарностью Татьяна. — Ларри за эти долгие годы нашей совместной работы сделал очень многое, и наши расследования не увидели бы финальной точки без его участия. Кто-то хотел заставить его замолчать, и пока неизвестному нам негодяю это удалось сделать. Ларри замолк навсегда, но его голос останется в нашей памяти на долгие годы. И мы его не забудем. Даже под пыткой, — женщина почувствовала, как по ее щекам потекли слезы. — Реальность стала лживой. Ей

больше нельзя доверять. Люди, которых мы любим, ценим, кто-то оскверняет, обливает грязью, чтобы заставить нас их ненавидеть. И нам нельзя поддаваться на эти провокации. Те, кто с нами, не предаст, ни за что. И что бы мы ни увидели, что бы ни почувствовали... Знайте, это все не по-настоящему. Этого нет. И не может быть, — Татьяна резко осушила рюмку и громко всхлипнула, больше не в силах сдерживать эмоции. — Простите меня. Я не так давно наговорила про Ларри очень много нелестного. И только сейчас поняла, что была не права. Я в тот момент была напугана. Опустошена. Разбита на части. И не могла до конца понять, что случилось. Буквально за несколько дней со мной произошло столько ужасного. Я стала видеть в каждом друге соперника, предателя. А оказалось, что мой настоящий враг делает все возможное, чтобы я оказалась одна, без поддержки и защиты. Но ему это не удастся. Я не сломаюсь. Ни за что на свете. Потому что мои люди всегда со мной. И мне не страшно думать о том, что случится завтра.

Кристина поняла, что тоже плачет, слова Татьяны тронули ее настолько сильно, что женщина не сдержалась и заключила рыжеволосую девушку в крепкие объятия, из-за чего та даже вскрикнула, так как почувствовала, что не может дышать. Себастьян смущенно улыбнулся и залпом осушил свою рюмку, внимательно следя за женщинами, которые без причины рыдали навзрыд, прижавшись друг к другу, как замерзшие котятка.

— Мы должны держаться вместе, — произнес Себастьян. — Наш враг нашел нашу слабость, а именно любовь действовать в одиночку. Сейчас надо сплотиться, идти против него толпой, только тогда мы сможем остановить этого ублюдка. И плевать, что наши интересы не всегда совпадают. Мы оказались в такой ситуации, что в любой момент каждого из нас могут прихлопнуть, как надоедливую муху. И нам не удастся даже пикнуть. Мы потеряли ценного и талантливого человека, вместе с ним я проработал огромное количество лет. И душа рвется на куски от одной лишь мысли, что теперь его нет с нами, здесь, в этом кабинете. От него не осталось даже тела... Даже тела нет, — Себастьян сжал кулак свои волосы на затылке и печально понурил голову. — Только ноги. И все.

Кристина отстранилась от Татьяны и медленно поднялась с кресла, опираясь на трость, которая пришла на замену громадному костылю. Светловолосая женщина неспешной походкой прошла по комнате и остановилась около окна.

— Все это началось много лет назад и продолжается до сих пор. Мой муж, как и мы сейчас, говорил о важности сплотиться вместе. Но и это его не спасло. И сейчас, думая о Ларри, я думаю о Стиве, о человеке, который был всей моей жизнью и остается ею до нынешнего дня. Он умер. А я даже не могу посетить его могилу, потому что ее нет. От Стива остались лишь некоторые личные вещи, которые смогли выдержать высокие температуры. Он превратился в пепел, как и Ларри. Мы вернулись в точку отсчета. Сейчас необходимо идти по совершенно иному пути, туда, где еще не были.

— Что ты имеешь в виду? — внимательно посмотрела на нее Татьяна.

— У меня в голове всплыло интересное событие. Дело в том, что Брайан позвонил мне и сообщил о том, что тело Доктора Ломана кто-то вернул в наш морг, поздно ночью. Тогда была ночная смена, состоящая только из нескольких полицейских. И, насколько я помню, морг был закрыт и проникнуть туда могли лишь определенные группы лиц. Обычно если ночью привозят какое-то тело, то его вскрывает другой патологоанатом. Но в тот день он не вышел на смену по причине своей болезни. И если бы доставили тело, то открыть морг мог только один из дежурных полицейских.

— Да, я тоже думал об этом, — задумчиво кивнул Себастьян и налил себе еще немного

виски. — Мы допросили всех, кто в ту ночь владел ключами от того помещения. Но никто ничего не знал и не видел. При этом ключи не пропадали.

— Возможно, кто-то смог сделать копию, — предположила Татьяна. — Достаточно взять ключ на пару минут, чтобы сделать слепок. Но такое проверить достаточно сложно, если ты — посторонний. Значит, манипуляции с телом провел кто-то из наших.

— Брайан, — ахнула Кристина и дотронулась до пальмы, как-то боязливо, будто та была полностью покрыта смертельно ядовитыми шипами. — У него не было ключей. Он сказал мне, что тело было найдено техническим работником. Но только сейчас я вспомнила, что уборщица уходит домой в десять вечера. Брайану, возможно, кто-то открыл помещение, вот только кто-то обнаружить тело, кроме него, вряд ли бы смог, — женщина громко вздохнула и с виноватым видом осмотрела коллег. — Знаю, мне следовало сразу же рассказать об этом. Но в моей голове творилась такая каша, что у меня не было времени размышлять о таких мелких деталях.

— Мы тебя ни в чем не виним, — успокоила ее Татьяна и, поднявшись со стула, подошла к Кристине и осторожно сжала ее плечо рукой. — Спасибо, что обратила на это внимание и поделилась с нами мыслями. Кстати, Брайан сейчас на месте? — рыжеволосая девушка повернулась в сторону Себастьяна.

— Если честно, даже не знаю. На допросе он не присутствовал, хотя должен был. Возможно, взял отгул, ведь ему редко удается отдохнуть. Мы как-то с ним редко пересекаемся. Не нравится мне он.

— Я, конечно, не хочу сразу же объявлять ему приговор, — усмехнулась Татьяна и скрестила руки на груди. — Но его действия весьма странны. Я прочитала отчет, где он пытался изъяснить суть поступка того стрелявшего в участке мальчишки, Ричи. Мальчика признали психически нездоровым, нашли его историю жизни и отправили на принудительное лечение в городскую психиатрическую лечебницу. Но никаких доказательств, что Ричи на самом деле был болен, не предоставлено. Ни единого документа. Ко всему этому добавлю факт, что нет даже адреса, где сейчас находится мальчик. А ведь Брайан, как ответственное лицо, должен был проследить за всем этим.

— Многие возражали Брайану, это я точно помню. Считали, что парня надо посадит на пару месяцев, за хулиганство. Он стрелял холостыми, пистолет не был заряжен настоящими патронами. Даже если бы Ричард захотел, он бы никому не причинил вреда. Есть даже свидетели, которые утверждали, что Ричи нажал на курок совершенно случайно.

— Знаешь, я как-то не удивлена, — пожала плечами Хапперт и прикусила нижнюю губу. — Но меня беспокоит то, как легко Брайан добился одобрения такого решения от начальства. Неужели этот старикашка так сильно хотел замять это дело? Ведь прослеживалась огромная связь паренька с осужденной Анной. И если бы эта связь всплыла в прессе, то закрыть расследование было бы невозможно.

— Скорее всего так и есть. Я был один из ярых противников такого легкого завершения столь громкого дела. Но, как видишь, у меня не оставалось выбора. Я мог попросту лишиться репутации.

— На нас всех оказывали большое давление, — присоединилась к словам Себа Кристина. — Меня даже не хотели допускать до вскрытия тела того азиата, которого вы привезли из психлечебницы. Себастьян чуть ли не коленях умолял начальника полицейского участка доверить это вскрытие именно мне.

— А объяснение этому было? — удивленно приподняла брови Татьяна и стала нервно

расхаживать по комнате взад и вперед. — Ведь они должны были сказать, почему не хотят, чтобы ты занималась проведением медэкспертизы.

— Была большая вероятность, что тело заражено некой смертельной болезнью. После испанки у многих снесло крышу, ты ведь в курсе. Но странность не в этом. Изначально никто не хотел пачкать руки. И уже после исчезновения Доктора Ломана некто сверху решил, что будет лучше, если тело азиата вскроют где-нибудь в более престижном месте.

— Не вижу здесь ничего плохого.

— Дело в том, что скорее всего такую идею предложил кто-то из правительства, так как тело было бы доставлено в секретную лабораторию. И никакой информации о вскрытии мы бы не получили. Но к тому времени шумиха была большая вокруг всего этого дела. И я думаю, что эти странные люди отступили, чтобы случайно не засветить себя в газетах, — сказал Себастьян и откинулся на спинку стула. — Я видел одного из них. Похожих мы недавно наблюдали на улице.

— Те люди в черных костюмах?.. Что им нужно от нас? — едва слышно спросила Татьяна и испуганно забегала глазами по полу.

— Возможно, они уже знают ответы на все вопросы. Просто не хотят допустить, чтобы что-то вышло за пределы этих стен. Тело Доктора Ломана хорошенько подштопали. Значит, скрыли какие-то детали, чтобы мы их не нашли. Но одно мы узнали точно. Доктора Ломана застрелили в его кабинете, а после выбросили тело из окна. Вот и вся математика. А твоя любимая Анна, Танюша, все это видела до последнего кадра. И намеренно скрывает информацию.

— Что если Анна — свидетель, которого запугивают? — нахмурилась Кристина. — Слишком уж странно, что она резко созналась в убийстве. А на суде, словно под дулом пистолета, просила проигнорировать показания свидетелей и защиты, лишь бы ее побыстрее упекли за решетку.

— Я тоже думала об этом, — прошептала Татьяна и поправила волосы. — Но пока не нашла этому доказательство. Если это правда, то она делает все ради спасения чьей-то жизни, кого-то очень близкого. Но мне не удалось ее разговорить. Анна — непреступная крепость.

— А если подать апелляцию? У нас есть шанс опровергнуть ее вину. Ведь что мы имеем против нее? Пустые слова и нож, на котором она намеренно оставила свои отпечатки. К тому же, как мне известно, именно Анна нашла тело на кухне. Возможно, она видела и того, кто это убийство совершил.

— Давайте начнем копать хотя бы с какого-нибудь одного факта, — сказала Татьяна и стала бурно жестикулировать, пытаясь на пальцах изобразить свои слова, что выглядело немного забавно. — В психиатрической лечебнице Доктора Ломана происходили убийства, долгое время. Все жертвы имели схожие особенности: следы испанского гриппа, укусы на шее и иногда в других частях тела. Казалось бы, думать не нужно. Один из пациентов чудом покинул палату и стал кидаться на местных жителей. Но тогда почему он не ушел и как ему удавалось скрываться в течение долгого времени где-то поблизости от особняка? Всю территорию в радиусе нескольких десятков километров после первых убийств обследовали, никаких следов маньяка не было найдено. Позже подобные поиски проводились после других убийств. И никаких результатов. Следовательно, убийца не покидал стены больницы. И был, скорее всего, одним из самых доверенных лиц среди персонала заведения, чтобы не вызывать подозрений.

— И все меняется, когда некто убивает Доктора Ломана, — произнес Себ и снова налил себе виски, после залпом выпил, впервые ощутив опьяненное состояние. — Не думаю, что именно этот ублюдок завалил нашего старикашку. Вряд ли у него было на это основание. Даже если Ломан и раскрыл его, то тот мог заставить молчать человека иным способом.

— Но если он с такой легкостью убивал невинных людей, то почему не мог пустить пулю в доктора? — с непониманием посмотрела на него Кристина.

— Потому что он защищал Ломана, — как-то странно улыбнулся Себ и прижал к губам бутылку с виски, принявшись заполнять спиртным напитком свой желудок.

— Что ты хочешь этим сказать, Себ? Зачем ему защищать Ломана? — усмехнулась Татьяна и почти силком отобрала у мужчины бутылку, после чего поставила ее в самое дальнее место рядом с окном.

— Потому что все мы лишь иллюзия, — Себастьян полностью опьянел и начал улыбаться, как какой-нибудь дурачок. — Извините меня, я должен был это сделать. Ну, выпить. Эта ночь запомнится мне надолго. Прощу, не злитесь на меня, — мужчина закрыл лицо ладонями.

Татьяна вздохнула и краем уха уловила, что Себастьян начал плакать, но он старался это делать как можно незаметнее, чтобы никто не увидел его вылившуюся наружу слабость.

Глава двадцать шестая. Последние ноты

На пару часов над Лондоном застыло молочно-розовое, чистое, как лицо младенца, зарево. Вместе с ним на городские улицы проникли прощальное щебетание птиц и шелест поредевших листьев. Студеный ветер снял с покатых крыш домов разорванное на куски покрывало влажного тумана, превратив воздух во что-то неестественно прозрачное. Но хорошая погода просуществовала здесь не так долго, уже с наступлением темноты низко плывшие тучи вновь нависли над городом, смыв все яркие краски с неба. С некоторой периодичностью шел дождь, стылый и чертовски грязный, он с неугомонным смехом стучал во все окна, затем, будто тяжело вздыхая, двигался дальше, жаловался на одиночество, что сопровождало ему постоянно. Под ним дома, огромные католические церкви, многотысячные статуи словно крошились, таяли, как куски льда от лучей испепеляющего солнца, оплывали вниз, отчего Лондон моментально стал утрачивать свои привычные очертания. Длинные дороги по-прежнему до отказа заполнены быстро двигавшимися автомобилями. Они сверкали, как звездное небо из-за падавшего на их мокрую поверхность света, сотворенного миллионами глазниц кирпичных зданий, переливались всеми цветами радуги, что придавало этой непогоде хоть какую-то приятную красоту.

Доктор Ломан нервно и неаккуратно задернул шторы на больших окнах мастерской и, постояв на месте, вслушиваясь в плач Лондона снаружи, смахнул с широкого подоконника тонкий слой пыли и песка. Затем, развернувшись, пронаблюдал, как двое насквозь промокших мужчин несут чье-то бездыханное тело на второй этаж. Их ноги постоянно сгибались, возможно, от усталости или от слишком высоких ступенек. За ними остался шлейф из алых капель, который быстро потемнел и вжился в деревянную поверхность пола.

— Умоляю вас, будьте осторожны, — хриплым голосом пролепетал Чарльз и провел платком по влажному широкому лбу.

Громко рыкнув, чтобы прочистить горло, мужчина последовал вслед за ними, старательно обходя красные следы, которые так и лезли под ноги. Он знал, что это кровь, понимал, кому та принадлежала. Но Ломан не ощущал страха, беспокойства за жизнь этого человека, было лишь некоторое замешательство и дрожь, но это связано с совершенно иными причинами. Переступив порог крохотной спальни, он остановился перед широкими спинами двоих мужчин. Те бережно положили свою живую ношу на кровать и, заметив приход Чарльза, отступили в сторону. Доктор Ломан, сдвинув брови к переносице, сел рядом с тяжело дышавшим молодым человеком и со странным любопытством оглядел его многочисленные глубокие раны, которые напоминали небрежные рисунки, оставленные бесталанным художником, что хаотично двигал кистью по своему полотну.

Руки парня были напряжены, вены вздулись и были готовы в любой момент лопнуть, пот пенящимся водопадом сползал вниз с его испачканной кровью кожи, создавая на постельном белье большое пятно. Джордж вздернул подбородок и громко заскулил, его зубы плотно прижались друг другу, как замерзшие дети в горах, и затрещали, передавая боль тела не хуже слов. Чарльз медленно потянул руку к его лицу и по-воровски осторожно стал ощупывать уродливые порезы, некоторые из которых были настолько глубоки, что кожа была проткнута насквозь и давала возможность увидеть белую кость черепа и даже дальние зубы на месте щек.

— Кто сотворил с ним такое? — облизал пересохшие губы один из стоявших рядом с

Ломаном мужчин и громко шмыгнул носом. — На нем живого места нет.

— Если мы ему не поможем, он умрет в течение часа. Возможно, не от полученных ран, а от боли и заражения. Инфекция уже поразила порезы, начался процесс гниения, он протекает медленно, но с каждой минутой ускоряется, — задумчиво и с неким эгоизмом прошептал Чарльз и продолжил ощупывать ранения сына, но уже на теле: для этого ему пришлось расстегнуть рубашку молодого человека, но из-за онемевших от холодного дождя пальцев сделать это оказалось не так-то просто.

На теле ран было ничуть не меньше, некоторые из них казались гораздо больше и глубже, чем на лице, и сочились кровью охотнее. Ломан протянул руку одному из мужчин, тот услужливо дал ему мокрую тряпку, которая, судя по запаху, была пропитана спиртом. Чарльз принялся очищать тело парня от засохшей крови, но эти действия стали казаться бесполезными, так как места с чистой кожей уже через пару секунд вновь скрывались под пленкой алой жидкости.

— Себастьян, дай мне мазь, — так и не глядя на своих спутников, пролепетал Доктор Ломан.

Все тот же мужчина вручил Чарльзу необходимое, не проронив при этом ни слова.

Чарльз крепко сжал в руке стеклянный пузырек крохотных размеров, будто проверял его на прочность. Затем с щелчком выдернул из него такую же миниатюрную пробку и вдохнул мятный аромат, довольно резкий и щекочущий кончик носа. Мазь имела чрезмерную густоту, мужчине потребовалось несколько попыток, чтобы заставить ее подарить хотя бы пару своих капель. Дождавшись, пока вся эта зеленая субстанция выйдет наружу, он нанес ее тонким слоем на каждую рану молодого человека, затем тщательно растер, совершенно не замечая отпечатанные на лице Джорджа мучения.

— Ты так и не рассказал нам, что эта за травяная гадость, — раздался голос в углу комнаты.

— О, эта травяная гадость заслужила более красивого названия, — усмехнулся Ломан и, обнаружив на дне пузырька еще немного мази, вытряхнул ее на кончики пальцев и продолжил натирать ею кожу сына. — Я заметил, что кровь тех тварей обладает целительными свойствами. По сути, они живые мертвецы, в них не осталось ничего, кроме животных инстинктов. Это хищники, без разума и цели. Их нельзя назвать зверьми. Это что-то иное. Звери пытаются утолить голод, и их жертвы выборочны. Но тени, — будет правильно их так называть, — не испытывают потребности в еде, но при этом поедают плоть, а затем просто срыгивают ее. Они убивают, чтобы убить, ничего за этим не стоит.

— Значит, если они не питаются, то берут энергию из другого источника?

— Мне так и не удалось выяснить, что именно их питает. Лишь узнал, что их тело насыщено некими клетками, которые полностью обновляют ткани. Да, тени выглядят ужасно. Но ведь все они, фактически, мертвы. Что-то поддерживает их жизнь. Я во время путешествий узнал множество племен, где находились смельчаки, занимавшиеся изучением подобного вопроса. И многим удалось добиться поразительных результатов. Хотя эти результаты выглядят со стороны страшной байкой для детишек. Но, к сожалению, это все правда. И я вживую наблюдал подобное. Процесс выглядел пугающим и проводился одним человеком в полной тайне. И подобное сильно осуждалось среди племени. Многих таких, — как их там называют, — колдунов потом сжигали вместе с их творениями. В общем, те смельчаки проводили такие действия: умертвляли определенного человека, — не совсем понятно, по каким принципам выбиралась жертва, — дожидались, пока того похоронят и в

определенное время выкапывали тело, проводили некий ритуал. И жертва оживала, становилась рабом своего хозяина. Тени являются чем-то подобным. Только их смерть наступала в естественных условиях.

— Ты хочешь сказать, что тени появились в результате некого ритуала?

— Именно так, Стив, именно так. До первого разлома их не существовало вовсе. Что-то их создало. И что-то их по-прежнему питает. Мне удалось поймать одного. Я попытался его убить. Но тело этой твари моментально восстанавливалось, все раны затягивались за пару минут. Пришлось связать тело. Это существо без движения заметно ослабело. Оно напомнило акулу, которая погибает, если перестает двигаться. Я взял на анализ кровь. Она имела густоту, что-то вроде плохо приготовленного желе. И выяснил, что кровь имеет регенерирующие свойства. Самым удивительным оказалось то, что свойства заживления усиливаются при контакте крови с некоторыми видами растений, а еще больше при горении. Не знаю, каким образом это происходит, но я смог создать эту мазь из крови мертвеца.

— Алхимик чертов, — бросил Стив и тихо сплюнул. — И что ты с этой тварью потом делал? Только не говори, что прячешь ее в лаборатории под особняком.

— Я выкачал из нее всю кровь. Удалось наполнить пятилитровую банку. К сожалению, в нем не было столько крови, сколько мне требовалось, — Ломан вздохнул и отстранил руку от тела молодого человека. — Я иссушил его полностью. И на следующий день передо мной был полностью разложившийся скелет, который потом за пару часов развалился, как песочный замок.

— Значит, это единственный способ их убить? Выкачать всю кровь?

— Нет. Их можно смертельно ранить, что приведет к большой потере той же самой крови. Они не сумеют восстановить потерю конечности. Лишь раны, как у Джорджа. Лучше всего стрелять в голову, чтобы голова на части разлеталась, как арбуз.

— Поверить не могу. Ты обмазал сына кровью трупа.

— Нужно подождать. Еще немного.

Доктор Ломан поднялся с кровати и подошел к окну, заведя руки за спину.

— Я увидел слишком многое в своей жизни, но с подобным сталкиваюсь впервые. И полностью растерян. Как глава общины, ощущаю себя лишним звеном, слабым и уязвимым даже к самым маленьким напастям. Мне приходится вести двойную игру, врать, плести интриги с близкими мне людьми, чтобы достигнуть цели. Ради этой цели я уничтожил свою семью, разбил ее, как стакан о пол. Как видите, я ни о чем не жалею, потому что знаю, что более правильного решения тогда быть не могло.

— Почему ты не рассказал Джорджу всю правду? — задал вопрос Себастьян. — Если бы он узнал об этом сразу же, то вряд ли бы возникли эти проблемы.

— Ты многого не понимаешь, Себ. Не забывай, чего мы боимся, ради чего все это делаем. Мы столкнулись с тем, чего не понимаем, не можем увидеть, но прекрасно ощущаем присутствие этого нечто. Мне не удалось убедить общину в правдивости моей теории, они не могут принять тот факт, что тот, с кем мы боремся, хочет лишь вернуться, стать таким же, как мы. Сейчас же, когда все это стало происходить, общине пришлось пойти на уступки и согласиться со мной.

— Она... — как заклинание прошептал Стив и потопал ногами. — Нас учили ее бояться, не давать ей проникать в наши умы. Но мы так ничего и не поняли, — он нервно сглотнул, — до конца.

— Я сомневался, как и вы. И лишь недавно осознал, что мои предположения оказались

верны. Я стал главой общины не просто так, до этого ее возглавлял человек, имя которого не стану произносить вслух из-за соображений безопасности, потому что он находится в бегах вот уже много лет. Нашей организации удалось втиснуться в доверие правительства. И мы участвовали во многих политических делах. Хотя вы и новички в этом деле, но уже успели ощутить на себе наше влияние. Это не хвастовство. Скорее это наказание, так я воспринимаю эту должность. И до сих пор мечтаю покинуть этот пост. Уж очень сильно он давит на плечи.

— Община перестала тебе доверять.

— Они полагают, что я веду двойную игру. Хотя не берут в счет, что мне на подобные игры уже не хватит сил. Их сомнения начались после первых убийств, произошедших в моем доме. Но именно эти убийства доказали правдивость моей теории. Она — это душа умершего человека, проклятая, заключенная. Она пытается вырваться, но ей не дают уйти. Пришлось поехать по миру, чтобы хотя бы немного разузнать о том, кем Она была при жизни. И результаты меня впечатлили.

— Что ты узнал?

— Эту легенду вам не стоит пересказывать. Наверняка вы знаете ее наизусть. И особо не придавали ей смысл. Египетская жрица, обвиненная римлянами, была публично казнена, а ее дочь и внучка были убиты рядом со своим домом. Насильственная смерть. Убийство, оправданное законом.

— По легенде внучка жрицы наслала на убивших ее семью солдат смертельную болезнь.

— Именно. Но я стал копать глубже. Легенду написали впечатлительные творцы слова, знавшие ту печальную историю лишь со слухов, поверхностно. Как оказалось, один из тех солдат остался жить, он видел две смерти: жрицы и той девочки. После он написал мемуары, где поведал, что перед казнью жрица словесно прокляла их и прочитала некое заклинание. Девочка же была смиренной и не сопротивлялась, лишь просила, чтобы они не причиняли ей слишком много боли. Он назвал ее мудрой маленькой женщиной, в которую влюбился без памяти.

— Значит, проклятье могла наслать жрица. И разлом тоже возник по ее вине? Ты об этом хочешь сказать?

— Это лишь моя теория, у меня пока нет весомых доказательств. Эта женщина обладала большими знаниями и тесно общалась с загробным миром. Возможно, она таким образом пыталась избежать смерти. Я считаю, что Она заперла свою душу, не дала ей перейти в загробный мир. Жрица осталась у порога в Лимб, что является переходным местом между смертью и перерождением. Это не позволило уйти и ее дочери с внучкой. Их души тоже остались на Земле.

— Я все равно ничего не понимаю, — пожал плечами Себастьян.

— Все очень просто. Душа, не попавшая дальше Лимба, не способна существовать самостоятельно. Ей нужно тело. После смерти человек перерождается, становится новым живым существом. Но те, кто остался в Лимбе, не в силах родиться заново. Им остается только вселяться в уже живых людей, становиться паразитами, в противном случае они приобретают вид теней.

— Ты хочешь сказать, что Она вселилась в тело твоего сына? — вздернул брови Стив и нервно засмеялся, при этом странно пыхтел, будто начал задыхаться. — Это же бред.

— Все гораздо сложнее, мой друг. Жрица сумела адаптироваться к новым условиям. Подчинила себе тот мир, в котором оказалась. И сделала его покорным. Но уйти туда

навсегда она не могла. Мечь не подарила ей покой. Лишь усилила негатив. Да, со стороны звучит, будто она помешалась. Возможно, так и есть. Но мы точно не знаем ее целей. Есть лишь размазанная по стенке версия, что она хочет вернуться. Я точно знаю... Ей трудно уходить далеко без хозяина. А внутри человека находиться долго не получится. Две души в одном теле постоянно соперничают друг с другом. Единственным выходом из данной ситуация является вселение в тело младенца, его душу легче всего вытолкнуть.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Моя жена вместе со мной изучала не так давно возникший разлом в Англии, аномалии, что там происходили. И она стала жертвой жрицы. Наш сын стал ее жертвой. Вальдемар.

— Теперь я все понял...

— Она, вселившись в тело младенца, полностью завладела им, вытолкнула слабую детскую душу. И, фактически, родилась заново. Душа Вальдемара покоилась где-то в глубине, в низовьях, лишь изредка вылезала наружу. Моя жена сразу почувствовала что-то плохое. Во время родов Вальдемар едва не убил Джорджа, маленькими ручонками пытался его задушить. Уже в десятилетнем возрасте он начал писать на древнеегипетском и свободно на нем говорил. Мы с женой сразу все поняли. И были в полном отчаянии. Мы стали бояться Вальдемара, хоть он и выглядел со стороны идеальным ребенком. Глава общины вмешался и помог нам в тот момент. Он почему-то был готов к подобной ситуации. И ничуть не удивился ей. Сказал, что был бы поражен, если бы подобного не произошло. Мы с женой стали частью истории. И это разрывало нас на части. Было страшно. На какое-то время мы уехали. В Россию. Жили там достаточно долго. Но потом Вальдемар стал проявлять свою сущность. Он убил свою няню. Внушил ей, что в ее теле кишат насекомые. И она изрезала себя до смерти. Ему было три года.

— Значит, он внушал людям то, чего нет?

— И проецировал это в их головах. Залезал в их мозг и создавал нужные ему картинки. Точкой кипения стал пожар. Мы к тому времени вернулись в Англию. И мой брак уже трещал по швам. Жена была в безумстве от всех этих вещей. И пыталась избавиться от Вальдемара. Она ненавидела его. В один прекрасный день она повела его мыться. Затем схватила его горло руками и начала топить, как котенка. Я оказался в тот момент рядом. И смог спасти его. Но после этого наш брак начал крошиться, как печенье. Впервые в жизни я ударил жену. Не знаю, как нам удалось прожить еще пять лет. Община уже не вмешивалась в нашу семейную жизнь, лишь изредка следила. К тому же тогда я попросту не хотел иметь с этими идиотами никакого дела. Смутно верил, что мне удастся обо всем забыть и начать жить заново, обычной жизнью, тем более Вальдемар на несколько лет затих, стал обычным ребенком.

— Что случилось с Вальдемаром? Почему Она вернулась?

— Когда Вальдемару и Джорджу исполнилось десять лет, они пошли гулять, куда-то в лес. Мы давали им большую свободу, старались многого не запрещать. Тогда Вальдемар перестал проявлять свою темную сущность. Я стал верить, что его душа смогла подавить паразита, что поселился в его теле. Но слишком рано обрадовался. Они зашли в дом охотника, пытались выкрасть оружие, чтобы потом пострелять в птиц в лесу. Хозяин дома вернулся раньше времени и застал моих сыновей на месте преступления. Джордж испугался и убежал. Вальдемар же остался там. Хозяин был выпившим и в тот момент особо не понимал, кто перед ним. Джордж рассказал, что слышал выстрелы, а затем дом охватило

пламя. Мы нашли только тело охотника после того, как удалось потушить огонь. Вальдемара же временно окрестили пропавшим без вести. Но после года безрезультатных поисков стало понятно, что мальчик погиб.

— Души близнецов тесно связаны, — прошептал Стив. — Из этого следует, что Вальдемар вместе с Она привязались к Джорджу.

— Да. Но душа Вальдемара превратилась в кашу, в смесь из двух личностей. И до недавнего времени она была крайне слаба. Но сейчас стала обретать невероятную силу. Пока душа Джорджа доминирует, но настанет момент, когда Она займет его тело.

Доктор Ломан с грустью посмотрел на тело сына, которое, как по волшебству, стало исцеляться. Раны затягивались одна за другой, а на их месте красовалась идеально ровная кожа, покрытая легкой испариной.

Щека Татьяны сиротливо прижалась к вспотевшему стеклу трамвая, взгляд девушки по-прежнему не выражал никаких эмоций, был слишком пустым, как у давно окоченевшего мертвеца. Эрван сидел рядом на твердом сидении и каждый раз, когда транспортное средство вздрагивало, подпрыгивая на мокрых после дождя рельсах, поправлял на ней постоянно сползавшую вниз куртку. Но Татьяне вряд ли было холодно. Достаточно коснуться ее кожи, чтобы получить ожог: она горела во всех смыслах этого слова. Молодой человек пытался утешить девушку, как-то приобнять, хотя бы слегка, но Татьяна настойчиво препятствовала этому: всякий раз ее губы презрительно дергались.

За окном бесшумно бегали улицы пасмурного Лондона. Чем сильнее трамвай забирался в глубь города, тем упорнее проявляла себя осень. Даже внутри рычащей машины ощущался влажный до безумства и холодный, как кусочек немного подтаявшего льда, воздух. Песчаная буря, недавно накрывшая город и вызвавшая панические возгласы у всего населения, по-прежнему царствовала в кварталах: песок неторопливо собирали в кучу, а дождливая погода превратила все это безобразие в самую настоящий фермерский свинарник, отчего ходить по тротуару без соответствующей обуви стало проблематично. Даже автомобили испытывали трудности. Эрван уже неоднократно наблюдал из окна трамвая, как очередной несчастный водитель застревал в зыбучих песках прямо посередине проезжей части и вряд ли смог дожждаться помощи. Листва продемонстрировала свою неадекватность и массово стала опадать во всех городских парках и улицах, хотя для подобного было еще непростительно рано. Все газеты стали выдумывать истории: одна страшнее другой. Молодой человек прочитал одну из них и сразу же отложил в сторону, так как не сумел осилить размышления о «гневе божьем» или о «применении климатического оружия немцами против английской аристократии». Люди слишком глупы в подобных ситуациях и на ходу выдумывают оправдания необъяснимым явлениям, но лишь под конец начинают мыслить здраво, когда становится слишком поздно.

— Я видела на небе символы, они напоминали буквы, кажется, японские, — прошептала дряблая старушка на соседнем сидении. — А потом сверкнула молния, и песок посыпался с небес, как дождь. Как самый настоящий дождь! И домов не было видно!

— Странно, но я ничего не видела, — пожалала плечами другая и с явным неверием ухмыльнулась. — Думаю, во всем виновата вырубка лесов на окраине Лондона, там один господин собирается построить поля для игры в гольф. Оттуда весь этот песок и пришел.

— Так я же говорю тебе, что видела! — взволнованная старушка все еще пыталась убедить подругу в правдивости своих слов, но так и не добила желаемого.

— Неправда это все. Такого не бывает, — отмахнулась та. — Меньше читай газеты, там такую чепуху в последнее время пишут, что читать противно! Сплошной обман! Что за безобразие?

Эрван вжался в кресло, понимая, что начинает замерзать, и снова посмотрел на Татьяну, которая на этот раз смотрела не в окно, а прямо на него, и ее взгляд настолько пугал, что парню сделалось не по себе.

— Все в порядке? — как можно тише спросил он и медленно потянул руку в сторону ее покрасневшей щеки, но Татьяна резко отпрянула и пугливо уставилась на Эрвана, как на какого-то незнакомца. — Извини, — нервно сглотнул парень и утопил кончик своего подбородка в длинном вороте куртки. — Если хочешь посидеть одна, могу пересесть.

— Да, — Татьяна снова уставилась отрешенным взглядом в окно, на котором стали вырисовываться сползавшие вниз капли воды, что свидетельствовало о возвращении дождливой погоды.

Эрван громко выдохнул, еще раз оглядел хрупкий силуэт девушки и осторожно направился в дальний угол полупустого трамвая. Татьяна украдкой посмотрела ему вслед и как-то забавно растянула свои губы в улыбке. Рука девушки незаметно соскользнула вниз и пугливо стала ощупывать зону между худых ног, где по-прежнему ощущалась неприятная покалывающая боль. Затем впопыхах отдернула руку и прижала к коленной чашечке. А на ее лице застыли никому не понятные эмоции: то ли злость, то ли испуг, можно было рассмотреть некое разочарование и очевидное изнеможение.

Трамвай добрался до дома девушки через несколько минут, преодолев довольно крутой спуск вниз, а затем резкий поворот налево, чуть не застряв в рельсах, так как песок чересчур сильно тормозил движение транспортного средства. Вместе с дождем в воздухе витали рваные кусочки окочурившихся листьев, которые приставуче липли к мокрому стеклу. Татьяна спрыгнула на проезжую часть и неожиданно поскользнулась, но вышедший вслед за ней Эрван услужливо спас свою спутницу от падения.

— Спасибо, — без радости в голосе произнесла та и как-то грустно стала смотреть в сторону уходящего вдаль трамвая.

Когда недовольные водители автомобилей стали один за другим сигналить, Татьяне пришлось на какое-то время вернуться в реальность и поспешить пересечь дорогу.

— Смотри, куда идешь! — крикнул ей один из них и, напоследок нажав на гудок, продолжил движение.

Эрван, будто опасаясь, что Татьяна снова замрет на месте, как статуя, крепко сжал руку девушки в своей и с силой потянул за собой. Оказавшись на тротуаре, их пальцы вновь разомкнулись, и Татьяна зашагала немного поодаль парня, держась где-то за его спиной. Молодой человек пытался не обращать внимания на нелепое поведение спутницы и смиренно направлялся в сторону двери жилого многоэтажного дома, где уже практически во всех окнах был зажжен тусклый свет, отдающий приятным уютом.

Дождавшись, пока Татьяна сравняется с ним, Эрван внимательно посмотрел на нее. Девушка с непониманием застыла и ответила парню подобным взглядом, но с долей вопроса в больших глазах. Молодой человек напряг лицо, из-за чего в свете фонарей стали отчетливо видны его ранние мимические морщины, а щрам стал казаться гораздо больше и глубже. Некоторое время они стояли молча. Парень нервно пожевал язык и первым развеял тишину между ними:

— Я найду с тобой. Мне нужно убедиться, что все будет в порядке. Даже если ты не

хочешь меня видеть... — Эрван на миг замолки с силой вобрал в себя влажный воздух. — Прощу, перестань изображать из себя ребенка.

Татьяна пожала плечами и резким движением сжала в своей руке пальцы молодого человека, затем с таким же жадным упорством потянула за собой. Эрван сопротивляться не стал и усмехнулся, потому что осознал, что начал обожать, когда девушка проявляет такую милую грубость по отношению к нему. Сложно было объяснить, что именно привлекало парня в подобном поведении его спутницы: страстный взгляд или жар ее тела, а может и тяжелое дыхание, густым паром выходящее из напрягшихся легких. Эрван осторожно погладил женскую руку большим пальцем и попытался изобразить на своем лице что-то похожее на детскую улыбку, но вышло слишком неправдоподобно, отчего Татьяна тихо засмеялась, пронаблюдав за его глупыми действиями.

Они вошли в темный подъезд, сырой и холодный, будто оказались внутри огромного пустого холодильника. Девушка незаметно выругалась, осуждая владельца дома за то, что тот не удосужился исправить проблему с освещением, затем все так же настойчиво потащила молодого человека вверх по лестнице. Эрван стал ощущать себя маленьким непослушным ребенком, которого разозлившаяся мать ведет домой, где должно произойти серьезное наказание. Возможно, со стороны так все и выглядело.

К великой радости, подъем на верхний этаж не занял слишком много времени. Они оказались у нужной двери уже через пару минут. Татьяна задумчиво пошаркала ногами по полу, явно не решаясь войти в собственную квартиру, но это продлилось не так уж и долго.

Обтянутая кожей дверь с протяжным пением распахнулась, и свет квартиры мощным потоком проник на лестничную площадку, вынудив молодых людей резко сощурить глаза. На пороге возник низкий женский силуэт, облаченный во что-то теплое и пушистое. Когда глаза парня привыкли к яркому свечению электрической лампы, то он сумел разглядеть встречавшую их даму. В ее белокурых волосах застряли многочисленные бигуди, придав их обладательнице вид яблони с пожелтевшими листьями. Эрван с трудом сдержал смех, когда стал рассматривать ее лицо, измазанное, как он вскоре понял, чем-то, в состав которого входили яблоки: об этом говорили кусочки кожуры. Теперь эта особа еще сильнее стала походить на яблоню. Дополнял образ меховой жилет, тот явно был лишним в теплой домашней обстановке, но вряд ли смущал эту женщину: та выглядела слишком довольной собой.

Татьяна решила остаться молчаливой и хмурой. Девушка вновь вцепилась в пальцы молодого человека и, оставив без внимания безумный взгляд матери, затащила Эрвана внутрь, но при этом старалась занять такую позицию, чтобы парень находился всегда строго за ее спиной.

Все трое замерли на месте и несколько минут просто стояли, не ведая, каким образом им реагировать на данную ситуацию. У каждого были причины ненавидеть это затянувшееся молчание. Мать Татьяны побледнела и в то же время налилась краской, а из-за обилия румян ее щеки стали выглядеть гораздо багровее. Сама Татьяна прожигала буквально все рассерженным и каким-то нетерпеливым взглядом, очевидно желая поскорее уйти отсюда и запереться где-нибудь, куда ни у кого из присутствующих не будет доступа. Эрвану же оставалось смущенно топтаться за спиной девушки, как какому-то загнанному в угол подростку. Он понимал, что нервничает и что вряд ли ему удастся задержаться здесь более чем на полчаса. Женщина-яблоня сверлила его глазами, брызгала ядом, мечтая, чтобы тот скорее покинул ее дом, но Татьяна встала между ними и не давала молодому человеку

приблизиться хотя бы на шаг к двери.

Внезапно мать девушки вздрогнула и вплотную приблизилась к дочери, затем дрожащими морщинистыми пальцами стала ощупывать ключицу Татьяны, бледнее с каждой секундой все сильнее.

— Что это? Татьяна? Это синяки? — пролепетала та и испуганно уставилась на безразличную мордашку девушки.

— На меня напали, — безразличным тоном ответила та.

— Изнасилование? — ахнула женщина и с лютой ненавистью уставилась на Эрвана. — Кто это сделал с тобой? Боже милостивый! Кто? — мать закрыла лицо ладонями и громко ахнула.

— Я не знаю, — Татьяна сдвинулась с места и быстрым шагом направилась в сторону своей комнаты, попутно сняла с себя тяжелую куртку и бросила ее прямо на пол в прихожей. — Было темно, не увидела его лица. Этот молодой человек спас меня. Если бы не он... — Татьяна резко повернула голову и внимательно посмотрела на напрягшуюся мать. — Оставьте меня на десять минут, мне нужно прийти в себя. Матушка, накорми, пожалуйста, этого юношу, он, наверное, сильно проголодался. Его нужно отблагодарить за мое спасение.

— Татьяна! — быстрым шагом направилась в сторону дочери та и, не дав Татьяне скрыться за дверью комнаты, схватила ее за запястье. — Я хочу более подробных объяснений. Вы ходили в полицию? Тебя осматривал врач? Почему ты ведешь себя так глупо? Если произошло изнасилование, мы должны быть уверены...

— Он ничего не успел со мной сделать. Все хорошо. И повторю. Я не видела его лица. Когда Эрван, этот замечательный молодой человек, прибежал ко мне на помощь, то тот мужчина просто убежал. На нем был капюшон. Нет никаких шансов его найти, — девушка вздохнула и осторожно отлепила руку матери от своей. — Все уже позади, ничего страшного не случилось.

Татьяна еще раз уставшим взглядом оглядела всех присутствующих и скрылась в своей комнате, тихо притворив за собой дверь и закрыв ее на ключ. Женщина провела рукой по лицу и незаметно для самой себя испачкала ладонь в яблочной маске. Эрван попытался справиться с забурлившим внутри напряжением и неуверенным шагом подошел к валявшейся на полу куртке и осторожно ее поднял. Мать Татьяны подошла к парню и, не дав ему закончить начатое, присвоила себе этот довольно большой предмет одежды.

— Я пока повешу куртку на вешалку, — как можно любезнее прошептала она и вымученно улыбнулась. — А вы пока присаживайтесь на кухне. Я вас чем-нибудь накормлю.

Мать Татьяны начала хлопотать на кухне, быстро расставляя на столе все необходимое для молодого человека. Ее действия больше походили на заранее заданный алгоритм, в них не прослеживалась искренность, хотя бы толика вежливости: все было холодным, как погода за окном. Женщина выставила жареную рыбу, которая гладела на Эрвана своими большими лопнувшими из-за высокой температуры глазами, а рядом хлеб и сметанный соус. Но после, немного поразмыслив, она заглянула в кладовку и раздобыла там пыльную бутылку какого-то вина. Спиртной напиток она не стала наливать в два бокала, лишь в один, который, как оказалось, предназначался не для гостя, а для нее. Сев напротив Эрвана в позе уставшей царицы, мать Татьяны похотливым взглядом оглядела прозрачную емкость с болтавшейся в ней бледно-желтоватой жидкостью и сделала медленный глоток.

Эрван попытался расслабиться, но не мог это сделать даже на короткий миг: все тело

словно поместили на раскаленные угли, так и хотелось подпрыгнуть и улететь в дымовую трубу, лишь бы не видеть этот внимательный взгляд чудаковатой женщины-яблони. Та, в свою очередь, с ухмылкой разглядывала парня, изучая, как научную книгу, внимательно прочитывая каждое слово.

— Что же вы сидите, молодой человек? — протянула она наигранным ангельским голоском. — Кушайте. Рыба вас не укусит. Она мертва. Я проверила, — она тихо посмеялась и сделала большой глоток вина, после чего подошла к подоконнику и включила стоявший на нем радиоприемник.

Комнату заполнила приятная джазовая музыка, сумевшая слегка снизить градус напряжения между присутствующими. Молодой человек прочистил горло и положил на большую тарелку кусок ароматного блюда. Как оказалось, мать Татьяны не стала утруждать себя разогревом пищи: рыба была донельзя холодной, отчего даже свело зубы. Но Эрван попытался сделать вид, что наслаждался процессом, хотя понимал, что недоумение и некую обиду на лице вряд ли удастся скрыть даже под маскарадной маской.

— Как вам? — все таким же фальшивым ласковым тоном спросила женщина. — Эту рыбу приготовила моя дочь. Я редко занимаюсь готовкой, особенно в последнее время. Больше увлечена чтением специальных книг, которые мне достает один мой знакомый.

— Очень, — Эрван тяжело сглотнул, — вкусно. Спасибо.

— У вас кровь на щеке, — безразличным тоном сказала та и, взяв с кухонной столешницы салфетку, стерла с лица молодого человека красную слегка засохшую жидкость, которая по-прежнему текла из глубокой раны от пореза. — Думаю, вам следует чем-то обработать кожу, желателен спирт. Но у меня ничего такого здесь нет, поэтому советую вам самому найти что-нибудь подходящее. Странно, — женщина снова села на стул и сделала очередной глоток белого вина. — Шрам довольно свежий, — ее брови нахмурились, а глаза быстро забегали по лицу парня, что заставило Эрвана занервничать с новой силой, — получен недавно, в этот же день. Вы подрались? С кем? С насильником моей дочери? Ранение ровное. Значит, получено от лезвия ножа. Стычка была весьма серьезной, не так ли?

— Вы правы, мне пришлось подраться с этим типом.

— Неужели вы не видели его лица? Это довольно странно. Даже в темноте можно было разглядеть кое-какие черты. К тому же вы были на открытом воздухе, если верить словам моей дочери, а сейчас вечера довольно светлые, особенно в городе. Я хочу знать правду, молодой человек, — лицо женщины напряглось, и она исподлобья взглянула на Эрвана, затем внезапно снова расплылась в любезной улыбке. — И прошу мне не врать. Я знаю о том, что вы знакомы с Татьяной. Видела вас пару дней назад. Так что вы не обыкновенный прохожий. И спасли мою дочь не так уж и случайно.

— Татьяна оказалась так далеко от дома, потому что мы договорились с ней встретиться. Она приехала на обувную фабрику, где я работаю, но немного рано: моя смена еще не успела закончиться.

— Ясно, — кивнула та. — Значит, на нее напали, когда она вас ждала. Нападение случилось на территории фабрики?

Эрван немного помолчал перед ответом, пытаясь подобрать нужные слова. Он совершенно не знал, что отвечать.

— Нет, — наконец-то произнес он и вымученно вздохнул. — За территорией фабрики. Там есть небольшой парк... Он набросился на нее и затащил в кусты. Я услышал крики и прибежал на помощь. Этот мужчина сопротивлялся. И попытался пырнуть меня ножом, но

промахнулся. Я отделался лишь, — парень невольно схватился за живот, где по-прежнему ощущалась покалывающая боль, — царапиной. Я не видел его лица. Как сказала ваша дочь, на нем был капюшон. А из-за сумерек его лицо находилось в постоянной тени. Помню лишь, что у него была щетина. Кажется, густая. Возможно, это бездомный. Он был скудно одет. Так что вряд ли есть шанс его найти. Подобных бродяг в городе множество...

Мать девушки кивнула: ответ Эрвана ее явно удовлетворил. Неожиданно послышался шум включенной воды. Молодой человек удивленно посмотрел в сторону уборной.

— Не удивляйтесь, у нас две ваннные комнаты, — поняла смущение парня женщина и тихо посмеялась. — Татьяна просто решила принять душ. Бедняжка...

Эрван почувствовал, как на его колени опустилось что-то тяжелое и мягкое, как шерстяная подушка. Посмотрев вниз, он увидел, что его ноги уже успел облюбовать Люцифер и, свернувшись клубочком, решил вздремнуть. Молодой человек осторожно провел ладонью по голове питомца, тем самым заставив кота громко заурчать.

— Вы понравились ему, — удивленно произнесла мать Татьяны. — Обычно он редко подходит к гостям. Довольно трусливый кот. Даже мышей боится больше, чем воды. Удивительное создание. И большая проблема для моей одежды: она вся покрыта его шерстью! Татьяна запрещает его стричь! Но рано или поздно я точно побрею этого кота.

Мать Татьяны встала и снова подошла к подоконнику. Там лежала толстая книга, женщина взяла ее и снова уселась на стул и принялась листать тяжелые страницы, на какое-то время позабыв о молодом человеке. Эрван напряг зрение и попытался прочесть название на яркой обложке. «Гибель Всевышнего или грядущий апокалипсис». Женщина, словно заметив внимание парня к своему произведению, оживилась и растянула свои губы в широкой улыбке.

— О, эта книга у меня стоит на полке рядом с библией, — прошептала она, мельком поглядывая в сторону двери комнаты Татьяны. — Ее написал один философ, которого многие считают неудачником и шарлатаном. Но я большая поклонница его работ. Знаете, иногда люди отвергают истину. Вспомнить хотя бы Сару Винчестер. Ее все считают сумасшедшей из-за дивного дома, в который она продолжает вкладывать все свое состояние. Говорят, что этот дом она строит, чтобы запутать призраков, которые мстят ей за то, что отец ее мужа создал оружие, убившее многих коренных жителей Америки. Но никто не задумывается над тем, что она жертвует огромные средства для благотворительности, а строительство этого особняка спасло многих разнорабочих Сан-Франциско от безработицы. Пусть эта женщина живет долго, таких людей крайне мало в нашем мире. Она обыкновенная жертва журналистов, которые решили поиздеваться над несчастной одинокой старухой. Не удивлюсь, если после ее смерти из этого дома сделают «дом с привидениями» и будут зарабатывать на этом деньги. У Сары очень много общего с этим философом. Он, как и она, стал жертвой средств массовой информации. Ему приписали сатанические ритуалы, жертвоприношения, воровство. А ведь он был обыкновенным инвалидом и не мог даже передвигаться без помощи своей внучки. Еще в конце девятнадцатого века этот человек предсказал начало Первой Мировой войны, страшную эпидемию, что охватит всю Европу. И все сбылось... Он говорит, что это только начало великих бедствий. Философ связывает их со смертью Господа. Он называет его личностью, которая, как и мы, умирает. А затем на его место встает наследник, выбранный им же перед уходом. Но автор утверждает, что в этот раз Бог умер не по своей воле: он был убит. И теперь мы живем без Всевышнего, с нами только Дьявол: он и наслал на наш мир столько ужаса и горя.

— Мама! — Татьяна вышла из прихожей, заставив Эрвана вздрогнуть, так как он просто не понимал, каким образом девушка перемещается по квартире, не используя дверей. — Ты снова рассказываешь людям об этой бредовой книге?! Скоро я ее сожгу в печи, вот увидишь. Человек решил заработать на лжи, а ты веришь ему. Это же глупо! — девушка попыталась вырвать из рук матери книгу, но женщина крепко прижала бумажный предмет к груди.

Татьяна насупилась, сильнее завязала пояс на своем халате и, поправив мокрые волосы, вновь направилась в сторону своей спальни. Мать Татьяна выдохнула и ласково погладила книгу морщинистой рукой.

— Эта девица ненавидит меня. А ведь я желаю ей только добра! — женщина положила книгу на стол и окончательно осушила бокал. — Как же я презираю все это! — она подпёрла голову рукой и грустно посмотрела в сторону. — Все это... — затем ее внимание вновь переключилось на молодого человека, который улыбочиво поглаживал Люцифера, безмятежно спавшего на его коленях. — Думаю, вы считаете меня занудливой мамашей, скучной до безумства.

— Вовсе нет, — добродушно ответил тот. — Вы делаете все ради дочери. А это самое главное.

— Вы правы. Все ради нее. Вы не поймите меня неправильно. Я не считаю вас плохим человеком. Но, — женщина громко вздохнула и вновь наполнила бокал вином, — вы ей не пара. Знаю, возможно, я забегаю вперед. Но я вижу, чувствую... И мой внутренний голос меня не подводит. Татьяна находится в крайне отчаянном положении, деньги сомкнули на ее глотке свои пальцы и вот-вот придушат. Ее непутевый отец оформил завещание только на нее. Тем самым он обрек своего ребенка, лишил нормальной жизни. Сейчас единственное, что может ее спасти, — брак по расчету. Вряд ли это беспокоит мою дочь. И вряд ли должно беспокоить вас, — женщина сделала глоток и тихо икнула. — Татьяна не умеет любить. Я наблюдала в этой квартире множество парней вашего возраста, каждый из них сумел переспать с ней в мое отсутствие. Благо она ни от одного из них не залетела. И если вы думаете, что между вами любовь, — мать Татьяны поджала губы и прожгла Эрвана веселым издевательским взглядом, — то вы глубоко ошибаетесь. Вы ее очередная игрушка. Сколько вы знакомы? Неделью? Какие могут быть чувства? Вот увидите, через пару дней она выбросит вас из своей жизни и быстро найдет себе очередного молодого мальчика. Я не пытаюсь вас отпугнуть, просто предупреждаю. На большее не надейтесь. Иначе обожжетесь до крика.

Люцифер внезапно зашипел и, молнией спрыгнув с коленей Эрвана, метнулся в сторону входной двери, где остановился и принялся громко мяукать, смотря в пустое место безумными глазами.

— Тупое животное! — выругалась мать Татьяны и погрозила коту кулаком, но тот сделал вид, что не услышал хозяйку, лишь взъерошил свой беличий хвост и принялся оглушающе шипеть и мяукать на кого-то невидимого. — Скоро я сойду с ума, — женщина поднялась и, взяв кухонное полотенце, запульнула его в крикливого питомца, что заставило Люцифера спасаться бегством.

В этот же момент дверь спальни Татьяны с тихим пением открылась, и на кухню вышла рыжеволосая девушка, заставившая своим внешним видом буквально всех присутствующих разинуть рты.

Черный корсет был туго затянут на ее талии и совершенно не оставлял места пышным грудям Татьяны; короткая красная юбка даже близко не доставала до колен, — девушке достаточно было чуточку наклониться, чтобы появилась возможность разглядеть ее

кружевное нижнее белье жгучего черного цвета; ноги украшены чулками в сетку, но их наполовину скрывали кожаные сапоги на высоком каблуке; волосы аккуратно уложены, но остались распущенными и идеально прямыми, что придало девушке еще более эффектный и роковой вид. Макияж был достаточно ярким, в особенности сильно выделялись глаза, которые из-за обилия подводки, теней и туши казались просто огромными, как у кошки. Девушка довольным взглядом оглядела всех и в плотную подошла к Эрвану, сжав в своих пальцах его плечо, затем в упор посмотрела на побледневшую мать, которая со смесью ужаса и отвращения пялилась на довольно вызывающий наряд дочери.

— Что это, Татьяна? — дрожащим голосом прошептала женщина, опустив свою голову до уровня плеч. — Что?

— Мама, — Татьяна еще сильнее вцепилась пальцами в плечо парня и громко вздохнула, — позволь мне тебе представить моего возлюбленного, Эрвана. Эрван, это моя мама. Думаю, вы уже успели найти общий язык в мое отсутствие.

— Татьяна, думаю, тебе не следует так себя вести, — осуждающе посмотрел на девушку молодой человек, на та сделала вид, что не заметила укора в его глазах.

Бокал вина, который все это время находился в руке матери Татьяны, выскользнул и со звоном ударился о пол, превратившись в фейерверк из осколков. Женщина напряженно закрыла глаза и затем стала с силой вырывать из своих волос бигуди, бросая их прямо на кусочки стекла.

— Хорошо, — по-змеиному шипела мать девушки. — Хорошо. Хорошо!!! — переступив через груды мусора, женщина быстрым шагом направилась в гостиную, больше не посмеяв взглянуть на молодых людей.

Эрван чувствовал недоумение и полную растерянность после недопустимо кричащей выходки Татьяны. Девушка, в свою очередь, была чересчур довольна собой, о чем говорила ее не сползавшая с лица улыбка Чеширского кота. Она прошла вместе с молодым человеком в свою спальню и закрыла дверь на засов, после прошла к напольному зеркалу и стала с заигрывающим хихиканьем кружиться рядом с ним, разглядывая свой образ со всех возможных ракурсов. Молодой человек застыл на месте и просто не понимал, как ему реагировать на данную ситуацию. Внешний вид Татьяны вызывал смешанные чувства: он привлекал, возбуждал и отпугивал одновременно.

— Татьяна, что ты делаешь? — шепотом спросил Эрван. — Что это за выходка сейчас была? Объясни.

— Господи, какой ты скучный, — протянула она и пронзила парня блестящими от восторга глазами. — Знаю, мой прежний образ правильной до безумия девушки не вяжется с моим сегодняшним нарядом. Но сейчас я настоящая, без притворства. И мне кажется, что в глубине души ты восхищаешься мной. Просто ты редко видел девушек, которые способны так резко меняться. А я люблю метаморфозы. Сегодня я один человек, завтра — другой.

— Но сейчас все это выглядел как обычный, — Эрван резко замолк, явно боясь обидеть девушку, но все же продолжил, — эгоизм. Не более того. Твоя мать не заслужила подобного. И ты об этом прекрасно знаешь. Мы с тобой знакомы всего лишь несколько дней. И...

— Я тебе нравлюсь? — в упор взглянула на молодого человека та и снова широко улыбнулась, но на этот раз несколько иначе, как голодная кошка, смотрящая на беззащитного голубя.

— Да, — неуверенно кивнул он. — Но, — парень грустно вздохнул, — я просто

замешан. Все так быстро...

— Я слышала ваш разговор. Каждое слово. Особенно меня заинтересовала часть, касающаяся мальчиков, с которыми я спала в этой комнате. Знаю, после такого ты смотришь на меня, как на девушку легкого поведения, притворщицу, что решила с тобой поиграть недельку другую и бросить. Но учти, ты первый, кого я представила матери и назвала своим возлюбленным.

— Значит, ты хочешь, чтобы я стал твоим парнем? — в смущении произнес парень, и его щеки невольно налились румянцем.

Татьяна подошла к нему и сжала в горячих ладонях его лицо.

— Как же я обожаю, когда ты краснееешь, — прошептала она. — Ты разве против наших отношений? Если тебя не устраивает эта спешка, не устраиваю я, то, — девушка обидчиво отошла в сторону и уставила свой резко потухший взгляд куда-то в сторону.

— Меня все устраивает. Ты потрясающая девушка, Татьяна. Просто после случившегося, я не в себе. И вряд ли когда-либо успокоюсь, — голос Эрван напрягся и снова стал сиплым, словно парня повергла сильнейшая простуда. — И твое поведение после нападения выглядит неестественным, какой-то неправильной реакцией. Он тебя изнасиловал, Татьяна. По-настоящему. Рвал на тебе одежду. Возможно, вступил с тобой в половой акт. Я многого до сих пор не знаю. И вряд ли ты расскажешь всей правды. А сейчас ты оголяешься, одеваешься настолько откровенно, что мне даже трудно на тебя смотреть. И к тому же яро защищаешь этого ублюдка.

— Этот ублюдок — твой лучший друг, — едва слышно произнесла девушка. — Вы с ним прошли через огонь и воду, и ты так легко его от себя отталкиваешь, совершенно не разобравшись в ситуации.

— Я простил бы многое, но не это, — Эрван приподнял свой свитер и продемонстрировал Татьяне рану от ножевого ранения, вокруг которой образовался пунцовый синяк невероятных размеров. — Если бы меня не оказалось там в тот момент, он бы убил тебя. И ты это прекрасно понимаешь. В данном случае у тебя должна возникнуть ненависть к этому человеку. И плевать, каким он был до этого. Сейчас это не Джордж. Это преступник. И он должен понести ответственность за свои действия.

— А что сделал ты? — на глазах Татьяны возникли слезы, но она их быстро подтерла, так как поняла, что нельзя допустить, чтобы из-за них весь ее макияж поплыл по щекам. — Разве ты не применил насилие по отношению к нему? Я видела, как ты его бил. Не знал меры. Если бы я заявила в полицию, то ты бы тоже попал под суд. Так что мной сейчас движет не злость. Я думаю обо всех нас. Полиция не будет разбираться, кто виноват. И ты, и Джордж попадете под следствие. Никто не будет смотреть на то, что ты защищал меня. Это была слишком грубая и жестокая защита. Ты был в паре шагов от того, чтобы убить его этой чертовой лопатой. Большое чудо, что он остался жив и смог оттуда вовремя уйти. Но Крис сказал мне, что крови было очень много. Я с трудом уговорила его ничего не предпринимать. Я по образованию юрист. И прекрасно знаю, о чем говорю.

Девушка заглянула за шкаф и достала оттуда гладильную доску, после вытащила из нижней полки тяжелый электрический утюг, подключила его в розетку и, держа его наготове, вопросительно посмотрела на удивленно стоящего Эрвана.

— Где твой костюм? — голосом рассерженной мамы задала вопрос она.

— Ты серьезно? — фыркнул тот. — Ты все еще хочешь пойти на этот праздник после всего этого?

— Да. Я планировала этот вечер довольно долго. И не позволю каким-то непредвиденным обстоятельствам испортить его. Как мой парень, ты просто обязан пойти со мной, иначе мою обиду уже не вытравишь.

Эрван пожал плечами и покинул спальню, чтобы вытащить из рюкзака, оставленного в коридоре, нужные вещи. Проходя мимо гостиной, он заметил мать девушки, которая сидела на диване, поджав под себя ноги, и ела большую порцию мороженого перед включенным телевизором. Услышав шаги молодого человека, она стрельнула в него уставшими глазами и вернулась к просмотру телепередачи. Рюкзак стоял около двери, но не в полном одиночестве. Рядом находился до сих пор напуганный Люцифер и с подозрением поглядывал по сторонам, словно чувствовал нечто, что не видели остальные. Молодой человек погладил кота, но тот ответил на его ласки слишком холодно, хотя сопротивляться не стал. Эрван вытащил из сумки костюм и понес его в спальню девушки, все еще чувствуя напряжение от всего происходящего. Ему хотелось просто уйти, закрыться где-нибудь, включить радио и дремать до позднего вечера. Но этого не случится. Некто решил превратить этот день в череду ярким безумных событий.

Когда он дотронулся до ручки двери, то услышал внезапный крик Люцифера, который снова принялся кричать в пустоту и неугомонно шипеть.

— Когда же это животное уgomонится?! — устало крикнула из гостиной мать Татьяны.

Эрван быстро проскользнул в спальню девушки и плотно закрыл за собой двери. Татьяна без предупреждения вырвала одежду из рук молодого человека и стала поочередно выкладывать ее на гладильную доску, с помощью утюга расправляя всевозможные складки. Молодой человек сел на край кровати и стал наблюдать за действиями девушки, которая выглядела в подобном наряде и с утюгов в руке невероятно странно, но при этом Эрван не мог отвести от нее глаз ни на секунду. Он понимал, что весь этот противоречивый образ ему нравится, каждая деталь заставляла все внутри напрячься, загореться ярким пламенем, и остановить это было невозможно. К тому же из-за хорошего отопления в квартире температура тела повысилась до опасной отметки, и все, что находилось под свитером, покрылось толстым слоем испарины.

— Ты сейчас сварись, — поняла его состояние та. — Разденься.

— Ты не против? — тоном маленького мальчика задал вопрос тот.

— Да сними ты уже этот свитер, черт возьми. Расслабься, — усмехнулась та и, оставив утюг на какое-то время, подошла к молодому человеку и стала помогать ему стягивать с него одежду.

Через пару секунд Татьяна полностью оголила торс парня и с довольным выражением лица стала разглядывать его, нежно поглаживая кожу Эрвана гладкими ладонями. Она понимала, что в восторге от его худого крепкого тела, от этой белой гладкой кожи. Когда ее руки дошли до разросшегося синяка на животе, то резко остановились и отдернулись, но Эрван не дал им отдалиться на достаточное расстояние и прижал ладонь девушки к своей ране, слегка прикрыв глаза, — возможно, от боли, либо от легкого удовольствия из-за ее нежных касаний.

— Поцелуй меня, — как можно тише прошептал он и притянул лицо Татьяны к себе.

Девушка ощутила его горячее дыхание на своих губах, оно обжигало, как кипяток, доставляя неисчисляемый спектр положительных эмоций. Татьяна не стала отказываться выполнять его просьбу и прижалась к нему губами. Его рот был до сих пор соленым после съеденной рыбы, и подобное показалось девушке невероятно милым и притягательно

обыкновенным. Она обожала, когда мужское тело пахло чем-то, что не было похоже на мыло или дорогой одеколон. Это делало человека ближе к ней, превращало в доступного, без каких-либо неприятных шероховатостей, которые вынуждали в скором времени чувствовать себя в его присутствии неловкость и некоторую скуку.

Эрван залез рукой под ее юбку и стал смелыми движениями пальцев ощупывать ее самые запретные места, в частности его привлекали ее мягкие упругие ягодицы, которые напоминали идеально отшлифованную скульптуру, которую хотелось гладить без остановки.

— Твоя мать может нас услышать, — настороженно посмотрел на нее он.

— Она уже все знает, — прикусила нижнюю губу та. — Еще никогда не занималась сексом с парнем в ее присутствии.

— А ты этого хочешь? — вскинул брови тот и усмехнулся. — Боюсь представить, что она будет чувствовать, когда услышит из этой комнаты неэтичный шум.

— Плевать. Мне уже на все плевать, — возбужденно прорычала Татьяна и впиалась губами в его шею. — Просто хочу сделать это. И будь, что будет.

— А как же мой костюм?

— Успеет. У нас еще полно времени. Вряд ли мы многое потеряем, если опоздаем на эту вечеринку.

— Татьяна, думаю, мы делаем неправильные вещи, — парень резким движением остановил ее и отстранил губы девушки от себя. — Давай будем оставаться людьми. Твоя мать не заслуживает такого отношения к себе.

Та обиженно встала с кровати и поправила сползшую вниз юбку, затем как ни в чем ни бывало вернулась к гладильной доске и принялась резкими неаккуратными движениями приводить в порядок костюм парня. Эрван медленно сел и провел рукой по волосам.

— Прости, — коротко произнес он.

— Все в порядке. Я понимаю. Сама виновата. Тороплю поезд по скользким рельсам. Спасибо, что остановил меня.

Телевизор в гостиной шипел одновременно с Люцифером, словно те решили создать свою музыкальную группу и упорно репетировали перед своим дебютным выступлением. Но каждый находился в своей комнате. Кот по-прежнему сидел с дико вытаращенными глазами у порога, а его хвост будто с каждой минутой делался все больше и больше, превращаясь в пышный куст из шерсти. Татьяна вышла из спальни и украдкой кивнула Эрвану, почти на цыпочках дошла до кухонной столешницы и налила себе полный стакан воды, после чего моментально осушила. Мельком она заметила мать, которая неподвижно сидела в кресле и громко сопела, но шум телевизора делал ее тихий храп практически незаметным. Пройдя в гостиную, девушка выключила прибор с движущимися картинками и замерла возле матери, долго разглядывая ее миловидную позу спящего человека. Найдя в шкафу махровое покрывало, Татьяна аккуратно накрыла им светловолосую женщину и осторожно чмокнула ее в лоб.

— Прости меня, — почти беззвучно произнесла девушка и вздохнула — Но я не могу поступить иначе. Не могу прожить жизнь, которую ты мне предлагаешь, — Татьяна провела рукой по волосам матери, затем выпрямилась и быстро вышла из гостиной, закрыв за собой дверь.

Прямо под ноги ей бросился Люцифер, затем, безумно крикнув, прыгнул на подоконник и смахнул своим огромным хвостом цветок, который, к счастью, упал на столешницу и не

сильно повредился. Татьяна невольно выругалась и быстро убрала за своим питомцем беспорядок и с любопытством пронаблюдала, как тот с ужасом пялился в окно, разглядывая что-то на небе, при этом издавал волнительные рычания, что немного напугало девушку.

— Мой хороший, что с тобой сегодня? — ласково прошептала Татьяна и погладила кота по голове, но тот сделал вид, что не заметил ее прикосновений.

Девушка приблизила лицо к стеклу и проследила за взглядом Люцифера. Внезапно ее глаза поймали на небосводе бесчисленное количество птиц, которых было так много, что даже звезд на небе в ясную погоду было в несколько раз меньше. Татьяна осторожно открыла окно и высунула голову наружу, окунув ее в прохладный вечерний воздух. Тот запах приближавшейся грозой, раскаты грома которой слышались где-то вдалеке и эхом разносились по городским закоулкам.

Птицы стали снижать высоту своего полета, и их миллионная стая стала без капли стеснения проноситься среди домов, едва не задевая своими крыльями кирпичные стены. Неожиданно кот вскрикнул и бросился бежать без оглядки. Татьяна с непониманием оглянулась и через секунду ее поразил громкий хлопок. Одна из птиц со стуком врезалась в полуоткрытое окно кухни и оставила после себя размазанный по стеклу кровавый след, само же существо мертвым телом устремилось вниз, где благополучно приземлилось на тротуар. Девушка быстро захлопнула окно и в ужасе закрыла рот ладонями, чтобы сдержать панический возглас.

Отдышавшись и придя в себя, она опустила на стул и стала с опаской поглядывать на красный след на оконном стекле, который медленно сползал вниз. Она будто была готова увидеть, как еще одна птица прощается с жизнью прямо у нее перед носом. Но, к счастью, подобного за эти несколько минут не повторилось.

Подхватив шипение Люцифера, соседские животные тоже принялись петь и завывать, проклиная нечто опасное, что приближалось в данный момент к дому. Девушка невольно поежилась и вернулась в спальню к Эрвану, чтобы не слушать столь неприятные звуки в одиночестве.

Молодой человек стоял перед зеркалом и, нахмутив лицо, смазывал обмоченной в спирте тряпкой свою рану на животе. Заметив возвращение девушки, он немного смутился и повернулся к ней спиной, будто не хотел, чтобы та наблюдала его в таком виде.

— Ты слышала крики? — тихо спросил ее парень. — Звери с ума сошли.

— Да, меня тоже это напрягло. Поскорей бы убраться отсюда, — простонала она и села на свою кровать. — Уже не могу слушать этот вой. Один закричал, а все подхватили. Тупые создания.

— Не такие уж и тупые. Я бы тоже выл, если бы меня заперли в четырех стенах, — усмехнулся тот и стал заматывать рану чистым бинтом, но делал это несколько неумело.

Девушка пришла ему на выручку, но при этом не стала лишать себя возможности ощупать торс молодого человека, который был приятно горячим и на этот раз пах чем-то пленительно сладким.

— Старайся сильно не напрягать живот, — сказала она и погладила Эрвана по голове. — Дай ране затянуться.

— Спасибо, — улыбнулся он и накинул на себя поглаженную Татьяной рубашку. — Знаешь, я сейчас смотрел на мастерскую Джорджа. Там горит свет. Внутри кто-то есть.

— Да? — обеспокоенно подошла к окну Татьяна и посмотрела на дом через дорогу. — Действительно, свет горит. У кого-то есть доступ туда?

— В том то и дело, что нет. Мы недавно сменили все замки. И зайти туда, кроме меня и Джорджа, никто не мог.

— Думаешь, он там? — девушка напрягла глаза и уловила, как в закрытых шторами окнах мастерской мелькают тени, судя по всему, мужские. — Вижу людей. Их там несколько.

Эрван подошел к ней и стал наблюдать за теми личностями вместе с ней.

— Кажется, их двое... Плохо видно. Не могу понять.

— Только прошу тебя, давай не будем туда ходить, — взмолилась Татьяна. — После всего случившегося этим вечером нам стоит держаться от Джорджа подальше. И ты знаешь, почему.

— Я и не собирался туда ходить, — ледяным тоном ответил тот и снова подошел к зеркалу. — Наоборот, я уверен, что этой ночью увижу эту улицу в последний раз. Что-то мне подсказывает, что я больше никогда сюда не вернусь.

— А как же я? — с непониманием уставилась на него девушка.

— Я заберу тебя с собой, — нежно прошептал он. — И это не просто слова.

Когда Эрван закончил с переодеванием, они вышли из спальни и стали торопливо обуваться. Татьяна вытащила из чулана два зонта и один из них вручила молодому человеку:

— Кажется, будет дождь. Я вызвала машину, но с зонтом будет спокойнее.

Оценив внешний вид своего партнера, девушка на короткий миг задумалась, затем быстро скрылась в одной из комнат. Через короткое время девушка вернулась, а в ее руках красовалось черное длинное пальто.

— На улице прохладно. В одном пиджаке ты замерзнешь, — Татьяна без разрешения Эрвана накинула на его широкие плечи теплый предмет одежды. — Когда-то оно принадлежало моему отцу. Идеально сидит! Будто для тебя специально шили. Теперь ты похож на молодого успешного банкира.

— Да уж. В таком виде моя родная мать никогда бы меня не узнала. Даже непривычно ощущать на себе такую одежду.

Татьяна открыла входную дверь и быстрым шагом вышла из квартиры, но быстро остановилась, так как перед ней нежданно-негаданно выросла огромная спина мужчины в полицейской форме. Девушка в замешательстве огляделась и увидела, что дверь соседней квартиры оцеплена несколькими стражами порядка, которые что-то записывали и фотографировали. Приглядевшись, Татьяна заметила, что около двери виднеется большая лужа крови. Она знала, кто живет в этой квартире. И увидела его перед собой, лежащим у порога. Это был тот слепой пианист с повязкой на лице.

В ужасе сглотнув, Эрван оттащил девушку немного в сторону, надеясь, что им удастся незаметно спуститься вниз по лестнице. Но полицейские тут же их остановили. Уходить от вопросов было слишком поздно.

— Мисс Хапперт? — произнес один из полицейских, и Татьяна сразу же его узнала.

— Себастьян? — удивленно произнесла девушка, с любопытством разглядывая детектива, которого трудно было узнать в форме полицейского. Именно в него она чуть было не врезалась. — Что здесь произошло?

— Хотелось бы мне узнать это от вас. Вы единственная соседка погибшего мужчины на этом этаже. И единственная, кто мог слышать что-либо.

Глава двадцать седьмая. Вопросы на ответы

Комната допросов пропиталась табачным дымом, была окутана серым ядовитым туманом, что сдавливал легкие и кромсал их, как самурай, изнутри. Себастьян старался выжать из всего этого хотя бы немного чистого кислорода, но с каждым новым вздохом ему становилось все труднее и труднее это делать. Полицейские, стоявшие рядом с ним, молчали, как спящие дети, не издавали ни звука. Если бы мужчина не увидел их при входе сюда, то наверняка подумал бы, что он находился здесь один. Мужчины в форме зажгли уже вторую сигарету в присутствии детектива, а тот старался до последнего сдерживать себя, быть вежливым и робким, но когда табачный дым стал вызывать чувство тошноты, то Себастьян попросту не выдержал.

— Пошли вон! — рявкнул он на куривших полицейских и, подойдя к одному из них, вырвал сигарету, кинул ее на пол, что есть мочи, и размазал по линолеуму. — Вон! Чтобы я вас с этой штуковиной здесь больше не видел!

— Эй! Успокойся! Как скажешь, — пожали плечами те и, тихо переговариваясь между собой, покинули комнату, наконец-то подарив Себастьяну столь необходимое ему в данный момент времени спокойствие и одиночество.

Взяв стакан воды со стола, он дрожащей рукой поднес его ко рту и вылил в горло прохладную жидкость. Это немного смягчило напряжение. Громко вздохнув, Себастьян плюхнулся на стул и скрестил руки на крепкой груди, затем стал выжидающе щелкать языком, создавая этим странными звуками какую-то мелодию.

Он старался не думать ни о чем: ни о Ларри, ни о Татьяне, ни даже о Сьюзен или Джордже. В голове мужчина создавал чистое поле, со свежей травой и вкусным воздухом и мысленно наслаждался этим великолепным пейзажем. Но как только эти пожухлые стены с отслоившей штукатуркой попадались в глаза, вся грязь в памяти вновь всплывала наружу, покрывала бескрайнее поле толстым слоем мусора. Себастьян сжал голову руками и прикоснулся лбом к поверхности пыльного стола.

В сознании до сих пор мелькала нога Ларри, горстка пепла. Человек, который был ему товарищем, всегда находился рядом и приходил в любое время дня и ночи на выручку, исчез, навсегда, растворился в бушующем пламене, как кубик льда. И никакого объяснения этим событиям не было. Никаких зацепок, ни единой мысли. Камеру не могли поджечь, с этим мужчина уже не стал спорить. Она была слишком холодной для этого. Огонь, что смог превратить тело человека в подобное, должен иметь невероятную мощь и силу, камера была обязана раскалиться до красна и остыла бы только через несколько часов. Себастьян проверил металлические стенки, на них нет никаких следов горения. Значит, Татьяна выдвинула правильную и единственную верную теорию. Убийца сжег тело в другом месте, а уже после принес сюда. Но как он смог это проверить за тот короткий срок, что Кристина находилась без сознания? Женщина отключилась на час, может чуть больше. Да даже если ему и удалось это сделать, то какой в этом смысл? К чему вся эта показуха? Неужели он попросту играет с ними, водит за нос? Что ему нужно?

Татьяну эта ситуация вряд ли пугала, она выглядела, как боец, готовый в любой момент перестрелять каждого, кто встанет на ее пути. Впервые он видел в этой хрупкой рыжеволосой девушке столько уверенности и энергии. Она была жива, шла впереди планеты всей. И вновь знала, ради чего все это делает. Он любил ее такой, обожал, был готов

поглотить полностью. Но понимал, что Татьяна лишь надела маску, защищается от той правды, что ходит за ее спиной. Она больна, смертельно, болезнь отпечаталась на ее лице, затуманила огромные выразительные глаза, и ее ничем нельзя замаскировать. Думая об этом, мужчина хотел раздавить себя, выйти в окно и полететь к сердцу города. Татьяна сказала, что ей осталось недолго, несколько месяцев. При этом рассказывала так спокойно, словно зовет мужчину на чай. Впервые он залил свое лицо слезами при ней, позволил себе выглядеть слабым, уязвимым в ее глазах и ничуть не стеснялся этого. Он верил, что таким образом смог открыть себя для Татьяны, позволил узнать себя настоящим, без того образа несломленного мужчины, который присосался к нему намертво. И верил, что Татьяна не отвергла его истинный облик, не расценила его проявление слабости как что-то несуразное и бестактное. Он просто не мог вести себя иначе, не мог осознать, что этот прекрасный человек с шелковой кожей, густыми волосами цвета лисьей шерсти исчезнет, как и все вокруг, скроется под землей, навсегда, безвозвратно. Как же он ее любил! Себастьян осознавал силу этой любви с каждым вздохом все сильнее и сильнее. Мужчина был готов целовать ее, нежно, с пылающей страстью, даже сейчас ощущал сахарный вкус женской кожи с ароматом дорогого парфюма, слышал тихие стоны, ласковый шепот... Ее голос. Он любил его больше всего. Ни один джазовый шедевр не сравнится с ним. Он прокручивал в голове ее слова, иногда сердитые, порой незнакомо доброжелательные и улыбочивые. И скоро этого не будет. Татьяна останется лишь в его памяти, как крупица навсегда утерянной поэмы гениального автора.

— Я все исправлю, — подняв глаза к потолку, произнес он. — Все исправлю...

Ему пришлось вспомнить, ради чего он здесь находился, когда в дверь постучали, спрашивая разрешения войти. Себастьян испуганно вздрогнул, словно из стула повыскакивали иглы, затем краем глаза стал разглядывать посетителей. У двери стоял один из куривших здесь полицейских, а рядом с ним сутулый человек, который выглядел так, словно до недавнего времени был весьма толстым господином, но за невероятно короткий срок потерял большую часть веса, и пышная дама экстравагантного вида с пугающего размера шляпой, что придавала женщине вид гигантского белого гриба. Себастьяну не пришлось долго думать, чтобы понять, кто перед ним в данный момент находился. Это жена Ларри. А вот пожилого мужчину рядом с ней он видел впервые. Он не походил на ее родственника или друга, да и на возлюбленного не тянул. Возникло ощущение, что женщина-гриб с трудом терпела присутствие этого старика, но держит рядом по каким-то важным причинам, которые нельзя отбросить в сторону ни при каких обстоятельствах.

— Господин детектив? — поросычьим тоненьким голоском пропела женщина и, двигая своими широкими бедрами из стороны в сторону, прошла в середину комнаты и, немного помедлив, села на стул, с трудом поместив на этом крошечном предмете мебели свое объемное тело. — Кретин! — резко обратилась она к старику. — Жди меня снаружи! Я же сказала тебе уже все, что нужно! Или ты не понял?

Старик покорно кивнул и быстро исчез из поля видимости вместе с полицейским, после чего детектив остался один на один с женщиной-грибом в этом тесном помещении. Себастьян со смущением поглядывал на свою собеседницу, разглядывал ее яркий наряд, усеянный стразами и различными нелепыми рисунками в виде цветов и не совсем понятных абстракций. Ее зауженный пиджак был ей маловат и явно давил на талии, к тому же сильно сковывал движения супруги Ларри. Но та выглядела слишком довольной собой, о чем говорила безупречная улыбка на обвисшем круглом лице. Густой макияж выделял все

недостатки лица, подчеркивал возрастные изменения. Густо накрашенные глаза утяжелили ее взгляд, а красная помада придала губам вид обезьяньих. Но детектив пытался смотреть на женщину спокойно, без оценивающего взгляда, чтобы та, не дай Бог, не высказала громкую претензию, ведь та находила повод для конфликта, будучи в этом здании, постоянно.

— Мне очень тяжело задавать вам вопросы о вашем муже, я чувствую вашу утрату и приношу глубочайшие соболезнования, — как можно искренне начал мужчина, но, заметив на лице женщины безразличие, решил без длительного вступления перейти к главной теме разговора. — Что ж, миссис Далтон, думаю, вы знаете, для чего мы вас сюда позвали. И этот вопрос крайне серьезен и требует тщательного анализа.

— Разумеется, детектив, — как можно выше подняла уголки своих губ та и почесала кончик носа. — Но мне не хочется, чтобы меня здесь задерживали надолго. Я скажу, что знаю, сделаю, что вы просите, затем спокойно поеду домой. У меня много работы. Необходимо собрать вещи мужа. И увести их в наш загородный дом. Он любил там находиться. И будет счастлив, если его самые дорогие предметы окажутся именно там. К тому же я пожелала, чтобы его останки закопали там же, на заднем дворе. Не хочу, чтобы его могила пылилась на общем кладбище. За городом среди хорошего воздуха ему будет спокойнее.

— Как только вы опознаете тело, мы оформим все документы и передадим Ларри вам.

— Замечательно! Так о чем вы хотели со мной поговорить?

— Дело в том, что один из наших информаторов заявил, что Ларри Далтон за день до своей смерти находился в доме одной женщины, которая была серьезно избита. Вы что-то можете об этом рассказать? Ваш супруг не говорил вам, куда направляется ночью?

— Вчера? Вы что-то путаете. Вчера он не мог отсутствовать дома. Совершенно! — вытаращила свои маленькие глазки та и прижала плечи к подбородку. — У него был приступ, он не вставал с постели целые сутки. У него было что-то не то с глазами. Они стали гноиться. А к вечеру был сильный жар. Я вызвала врача, он промыл ему глазки, но это не сильно помогло. К тому же мне так и не сказали, что с моим мужем.

— Значит, вы утверждаете, что Ларри не покидал вечером квартиры.

— Он ушел под утро, я попросила своего знакомого найти его, но тот так ничего и не сделал, — равнодушно ответила та. — Но перед этим к нам приходил мужчина. Такой молодой, худощавый. На какого-то бизнесмена похож. Костюм очень дорогой на нем был. И улыбка слишком белоснежная. Сказал, что является коллегой моего мужа по работе.

— Он не назвал свое имя? — почувствовал напряжение детектив.

— Нет. Они обсуждали какую-то Татьяну, довольно долго, но я не особо вслушивалась в детали их разговора, хотя и слишком любопытная. Помню лишь, что тот мужчина сказал, что этой женщине грозит опасность, что кто-то желает ее обмануть и сделать частью какого-то спектакля. Этот неизвестный господин советовал моему мужу не выходить из квартиры несколько дней, еще постоянно твердил, что какая-то Она стала сильнее и что пытается разрушить что-то в их кругах, — быстро протараторила миссис Далтон и проследила за тем, как Себастьян старательно записывал отдельные ее фразы в блокнот.

— Что-то еще? — настойчиво задал вопрос Себастьян и нахмурился. — Слышали ли вы упоминания о девочке, ребенке?

— Были еще какие-то имена в их разговоре, — задумчиво промычала та. — Кажется, Эмми. Точно, Эмми. Ларри говорил, что отец девочки в любой момент может объявиться и что какой-то Сьюзен грозит опасность. Потом этот незнакомец сказал, что постарается

увезти Татьяну подальше из города, чтобы та была в безопасности. А потом мой муж назвал его по имени. Вроде Петр, но я точно не уверена. В памяти все перемешалось. После этот господин ушел. А мой муж спал. Лишь под утро... Исчез.

Шагов охотника не было слышно, как и лая его собаки. Все неожиданным образом стихло, отчего в ушах возник свистящий скрежет. Джордж примкнул к окну и пытался хотя бы что-то разглядеть в крошечной темноте, но тщетно. Даже огромная луна и звездное небо не были в силах развеять мрак, что прибыл сюда с наступлением ночи. Молодой человек с вопросом посмотрел на своего двойника позади, но тот делал вид, что ему совершенно безразлична данная ситуация: тот спокойно стоял на месте и разглядывал гостиную, изредка останавливая глаза на спавшем мальчике. Прошло несколько минут, признаков присутствия хозяина дома так и не появилось, мужчина с собакой словно вновь направился в сторону леса, хотя до этого был обеспокоен следами присутствия посторонних в собственном жилище. Джордж хотел выглянуть на улицу, чтобы убедиться в том, что никто снаружи не выжидает момента нападения, и даже сделал первые шаги в сторону полуоткрытой двери. Но второй Джордж резко вцепился в его плечо и приказал остановиться с помощью грозного взгляда.

— Не утруждай себя. Продолжения не будет. Я лишь хотел, чтобы ты сам понял это.

— Что понял? — в недоумении уставился на него тот и в сердцах толкнул собеседника в грудь. — Что за игры ты здесь устроил?

— Это твое воспоминание. Точнее, лишь малая часть. Эта комната, можно сказать, замерла, время здесь остановилось. Такова сущность воспоминаний. Их можно воспроизводить, как кино, ускорять, перематывать, отматывать назад, ставить на паузу. Но при этом их невозможно изменить. Посещая воспоминания, следует строго следовать алгоритму событий.

— Почему я должен тебе верить?

— Сядь! — приказным и одновременно доброжелательным тоном сказал двойник и пригласил мужчину опуститься на диван, что стоял в дальнем конце комнаты.

Оба разместились там и одновременно вздохнули, что немного позабавило Джорджа, так как ему стало казаться, что он сидит напротив зеркала: уж слишком часто он совершал с этим типом одинаковые движения в одну и ту же секунду. Двойник сцепил пальцы и грустно опустил голову, после начал нервно облизывать губы и покусывать кончик языка. Джордж терпеливо ждал, потому что понимал, что иного выхода у него нет.

— Я остановил воспоминание... — прошептал он. — И не хочу, чтобы ты видел концовку. Потому что в ней нет никакого смысла. Я сотню раз прокручивал все это, изучал каждую деталь события, пытался понять, что же нас погубило.

— Нас? — удивленно спросил Джордж. — Почему ты рассуждаешь о себе таким образом, ведь мы с тобой один и тот же человек?

— Пожалуйста, выслушай меня, — резко прервал его тот и обидчиво нахмурился. — Я хочу просто рассказать. Мне тяжело даются эти слова. Поэтому просто молчи. Ты должен знать... Охотник вернулся сюда слишком рано. Он был пьян, а жизнь отшельника полностью развеяла его психику, бедолага стал бояться даже собственной тени, когда рядом с ним не было оружия. Крошечная темнота лишь усугубила его страх. Он не пытался выяснить, кто именно забрался в его дом. Им овладела паника, его единственной целью стало избавиться от незваных гостей. Я не услышал его шагов, заснул слишком крепко... — голос двойника

предательски дрогнул, и он на какое-то время остановился и внимательно посмотрел на Джорджа, выражение лица которого стало с молниеносной скоростью меняться.

Джордж медленно потянул руку в сторону собеседника и прикоснулся ладонью к его изуродованному ожогами лицу, после чего принялся неуверенно и как-то испуганно ощупывать, как будто перед ним была статуя из золота.

— Пожалуйста, — начал двойник, — не говори ничего. Позволь мне рассказать тебе все до конца. Прошу тебя.

Он отстранил руку Джорджа от себя и будто в несколько раз уменьшился в размерах: его тело резко сжалось, ссутулилось.

— Я закричал, позвал на помощь. Странно... — на лице двойника возникла усмешка. — В таких ситуациях человек цепенеет. А я голосил громче любого оперного исполнителя. Возможно, меня заставило проявлять такие бурные эмоции оружие хозяина дома. Оно было наставлено на меня. Ты прибежал быстро и ударил мужика чем-то по голове. Кажется, кувшином, так как я услышал звук бьющегося стекла. Но охотник даже не шелохнулся, лишь разозлился еще сильнее. Он нажал на курок, но промахнулся. Ты принялся вырывать из его рук ружье, я слышал, как ты рычал, залезал к этому великану чуть ли не на шею. Потом я услышал еще один выстрел, после чего шум рядом с собой, ощутил вибрацию воздуха. Охотник выстрелил в меня, но это не причинило серьезной раны, мое тело лишь поцарапало. И этот факт не спас мне жизнь. Патроны взорвали керосиновую лампу, ее осколки впились в мой живот, как оголодавшие комары. Моя одежда покрылась маслом. И одной искры хватило, чтобы я вспыхнул, как спичка, — он тяжело сглотнул, а по лицу потекли слезы. — Масло попало и на мебель. И все вокруг меня полыхало. Что было дальше, не помню. Твое воспоминание обрывалось на этом моменте, а мое представляло из себя только образ бушующего огня и набор хаотичных звуков. Кажется, я услышал еще два выстрела, прежде чем умер.

— Вальдемар... — как молитву произнес это имя Джордж. — Ты — не я. Ты — мой брат. Родной... У меня был брат...

— Души близнецов связаны непрерывными нитями, настолько прочными, что их невозможно разрезать. Насильственная смерть одного из них не позволяет умершему уйти, переродиться. Он вынужден существовать рядом с живой копией себя, быть поблизости все время. Поэтому я был рядом, не смог уйти. Жил в тебе, в твоём теле. Но вместе со мной к тебе перешла и другая личность, что до этого дремала во мне и лишь изредка проявляла себя.

— Она, — одновременно с ним произнес Джордж.

— Да, — улыбочиво кивнул Вальдемар. — Ее душа была привязана ко мне, потому что Она сосуществовала со мной с самого моего рождения. И лишь мое перерождение смогло бы отвязать ее от меня. Но мне уйти не удалось. Она об этом знала заранее, поэтому и выбрала близнецов в качестве «вместилища» для своей души. Это гораздо безопаснее для нее. В случае смерти одного у нее есть шанс «перебежать к другому». Главное, чтобы первый умер не своей смертью.

— Поэтому ты пытался меня убить... Ты хотел избавиться от нее.

— Да... Это был единственный выход. Только тогда Она смогла бы полностью потерять контроль, и ее гибель была бы неминуемой, так как сила ее души стала ничтожной. Сейчас же ситуация изменилась. И в самую ужасную сторону. Она научилась жить самостоятельно, независимо. И убивает неудобных, уже без задействования тебя. Таким образом Она лишает тебя возможности сопротивляться, а меня подавляет и не дает вмешиваться.

— Без задействия меня? Как это объяснить?

— Она создает что-то вроде твоей копии, но в другом месте. Эта копия лишь бесформенный образ, но люди воспринимают его, как реальный. К тому же Она способна с помощью астрального тела взаимодействовать с окружающей средой и предметами.

— Ее можно отнести к фантомам?

— Скорее да, чем нет. Видишь ли, фантомы, как я говорил ранее, бывшие Старшие, разорванные Лимбом на части. Побочный эффект деятельности общины, которая уже развалилась на куски после убийства нашего отца. А Она никогда не была Старшей, хотя и пыталась отнести себя к ним. Не находилась на границе между живым миром и Лимбом. Лишь изредка пересекала эту черту. У нее есть все признаки фантома, но при этом и существенные отличия. Она разумна и не действует с помощью одних лишь чужих людских эмоций. У нее свои цели, и Она идет к ним по прямой дороге.

— Что же нам делать?

— Твой отец подавил большую часть твоих воспоминаний. Он устроил целый спектакль, чтобы выжать из этой ситуации наибольшую выгоду. В газетах писали, что я погиб в сарае: якобы обычный несчастный случай. Но потом деревенские стали дорисовывать картину самостоятельно. И журналисты, нахватавшись от них историй, создали байку, где говорится, что близнецы отдыхали на сеновале, неожиданно один из них устроил поджог, намеренный, запер сарай и сжег брата заживо. Долгие годы об этом трубили все местные газеты. Потом вроде как подзабыли. Как видишь, в реальности все произошло иначе. Наш отец смог с помощью данной лжи создать целую систему и сделать союзниками нужных людей. Он не делал это все ради нас, мы его ничуть не интересовали. Когда ты вернулся в Англию после войны, он вышел на тебя только чтобы завершить начатые дела, а так он бы про тебя и не вспомнил. Но я уверен, что ты найдешь способ остановить Ее. Ты научился контролировать себя. Мне осталось не так уж и долго, моя душа подавлена, ослабела. И мне не удастся долго бороться за существование. В скором времени меня затянет в Лимб, и я исчезну из твоей жизни навсегда.

Светлые волосы Ричи сливались с ярким свечением дневного солнца, сверкали ярче полной луны и оставляли блики на грязных облупившихся стенах. Молодой человек спустился вниз по лестнице, после чего помог еле передвигавшейся Марии проделать то же самое, что в данный момент времени стало для нее непосильной задачей: ноги женщины сгибались при каждом шаге, из-за чего та попросту падала на пол. Возможно, в такое состояние ее привел обыкновенный стресс после увиденного, Ричи был полностью уверен в этом, потому что другого объяснения не видел. К тому же она слишком долго просидела в углу, фактически, на открытом морозе. Эта гремучая смесь превратила его лечащего врача в большую плюшевую игрушку, которую парню пришлось чуть ли не на руках спускать вниз.

Оказавшись в коридоре, Ричи так и не ощутил теплого воздуха. Здесь было даже холоднее, чем на чердаке. Под ногами хрустнуло битое стекло, и этот режущий слух звук эхом разнесся вокруг, прервав свое длительное путешествие где-то далеко впереди. Посмотрев вперед, молодой человек замер в оцепенении, ощутив, как его макушка начинается покрываться испариной. Все окна были разбиты, вырваны с корнем, и теперь повсюду валялись деревянные щепки, некогда бывшие рамами, и стеклянные изумруды всех форм и размеров. Весь этот хаос был присыпан сухим снегом и строительной пылью, что водопадом сыпалась с потолка и облупившихся стен. Это место было иным. Это больше не

та психиатрическая клиника, что Ричи видел пару часов назад. Все выглядело таким образом, словно здесь вот уже много лет не находилось людей.

Пройдя немного вперед, парень заглянул в одну из комнат, надеясь найти там хотя бы что-то знакомое. Но его ожидало разочарование. Сломанная мебель, разбросанные повсюду бумаги и книги, наполовину разложившиеся в объятиях прожорливых насекомых и грибковой плесени.

Мария стояла поодаль и, обхватив плечи руками, тихо всхлипывала, безучастно разглядывала окружение, будто перед ней была обыденная картина, что не представляла из себя ничего интересного. Парень с жалостью в глазах посмотрел на женщину, но подходить к ней не стал, причину чего не знал и сам. Его сейчас больше волновало то, где он находится, почему больница приобрела такой заброшенный вид? Вряд ли это Лимб. Нет, этого не может быть. Ричи слышал звуки жизни за окном, шум машин. Он пытался выглянуть в окно, чтобы убедиться, что слух его не подводит, но снаружи все заросло густой растительностью, отчего разглядеть городскую жизнь стало невозможно. К счастью, деревья не закрывали небо, иначе здесь было бы неприятно темно.

Пройдя еще немного, молодой человек вышел на лестничный пролет. Он не знал планировки больницы и не имел ни малейшего понятия, куда направлялся. Перед ним был лишь лабиринт из полностью заброшенных комнат, а повсюду пыль, замерзшая грязь и мусор. Около лестницы стояла инвалидная коляска, она была перевернута, а ее колеса со скрипом вращались под действием бурного потока холодного ветра, что приходил сюда откуда-то снизу и выл, будто пытался остановить Ричи, чтобы тот не сумел покинуть здание. Как только молодой человек сделал первый шаг, спустившись на одну ступеньку вниз, рядом с ним раздался резкий шум, автоматной очередью пробежавшийся по спине парня.

Ричи от неожиданности подпрыгнул на месте и резко развернулся, чтобы, как и полагается, отыскать источник столько громкого звука. Нарушитель тишины находился прямо под инвалидной коляской. Им оказался некий прибор, свободно помещавшийся в руке. На нем был маленький горящий экран, на котором высвечивалась надпись, состоявшая из непонятной комбинации цифр. Под экраном находились кнопки. Парень сразу понял, что нужно нажать на одну из них, чтобы странное устройство замолкло. Он принялся нажимать на все подряд, и внезапно прибор стих, но через секунду оттуда раздался другой звук, коим оказался человеческий голос. Ричи со страхом уставился на говорящую штуковину в своих руках, у него было большое желание выкинуть ее куда подальше, но он, сам того не ожидая, стал завороченно вслушиваться в приобретенный форму женский голос.

— Приложи телефон к уху, — сказала женщина и тихо посмеялась. — Ричи, просто сделай это!

Парень смущенно повертел «телефон» в руках, но противиться не стал и выполнил просьбу говорящего устройства.

— Вот, теперь я смогу тебя слышать, — продолжила она и снова хихикнула. — Ричи, этот прибор должен находиться у тебя, без него ты не справишься и можешь попасть в беду. Я не стала покупать слишком навороченный, тебе он ни к чему, подойдет и простенький. Думаю, ты разберешься в ней, ты парень толковый, — Эрван замолвил за тебя словечко, — поэтому полностью полагаюсь на твою сообразительность. Сейчас твоя задача покинуть корпус заброшенной психиатрической клиники. Здание огорожено высоким забором, но около мусорных баков на заднем дворе есть лазейка, ты ее без труда найдешь. Дальше твоя цель добраться до Собора Святого Павла. Я оставила под коляской карту, где отметила

нужное место. Эрван сказал, что ты плохо ориентируешься в Лондоне, поэтому мне придется стать твоим гидом. К тому же город сильно изменился с тех пор, тебе покажется, что ты попал в совершенно иное место, другой мир. Но не пугайся. Скоро привыкнешь.

— Кто вы? Я разговариваю с вами по... телефону? — неуверенно спросил парень. — Но почему он без провода?

— Это обычный мобильник, простенький. Да, штука диковинная и требует подзарядки, но таким здесь пользуются все. Но если тебе привычнее телефон с проводом, то на улицах стоят красные будки. Но нужны монеты, чтобы звонить оттуда. Поэтому привыкай к «телефону без провода». Ах да, — женщина снова хихикнула. — Чуть не забыла! На первом этаже на ресепшене я оставила твои новые документы и немного денег на всякий случай. Возьми обязательно! Без них нам с тобой будет проблематично. Я не прятала их далеко, ты найдешь их в первой полке около монитора.

— Около чего? — запинаясь, пролепетал тот.

— Монитор... Ну, как же тебе объяснить. Это типа телевизора, только тоньше, да и экран у него достаточно большой. Хотя этот монитор стоит там уже лет двадцать. Я тебе потом все подробно объясню. Ты главное приходи на место встречи. У тебя не так много времени. «Исида» ждать не любит.

Около палаты Сьюзен Себастьян почувствовал едкий аромат сахара, его количество в воздухе было столь высоким, что мужчина уже начал было думать, что где-то здесь открыли лавку со сладостями. Подойдя к двери, он осторожно заглянул туда. Темнокожая женщина сидела в кровати, спрятав ноги под одеяло, а на ее коленях стоял поднос, доверху набитый различными кондитерскими изделиями. Рядом сидел мужчина, худой, как щепка, и о чем-то тихо беседовал со Сьюзен, довольно добродушно и как-то по-семейному, он все это время сжимал руки женщины в своих и осторожно их поглаживал. Себастьяну не пришлось долго думать, чтобы признать в этом человеке брата Сьюзен. Ронни с того момента, что детектив видел его в последний раз, изменился до неузнаваемости. Вся его жизненная энергия, что могла поразить подобно молнии, растворилась и больше не ощущалась рядом с ним. Темнокожий мужчина погас и стал напоминать завядшее растение даже со спины. Себастьян незаметно встал рядом с дверным проемом и решил немного подслушать разговор брата и сестры, так как надеялся, что те могли обсуждать что-то, что могло бы быть связано с тем признанием, которое детектив услышал от супруги Ларри. Мимо проходили врачи и с подозрением поглядывали на притаившегося Себа, ведь тот даже издали выдавал свой облик следопыта: длинный плащ, большие сапоги, шляпа, темные очки. Не хватало только большой лупы и длинной курительной трубки в зубах.

Сьюзен выглядела донельзя уставшей и болезненной. Себастьян до последнего боялся, что его не пустят к женщине, так как та буквально пару дней назад впала в кому и лишь недавно пришла в себя и была крайне слаба. Но врач упокоил его, сказав, что пациентка чувствовала себя на удивление замечательно и даже потребовала, чтобы ей принесли поесть. И даже этот факт не давал детективу чувствовать себя комфортно, потому что ему хватило одного лишь взгляда на женщину, чтобы понять, что ее хорошее самочувствие — временное явление. Все сладости, что лежали у ее ног, были своего рода декорацией. Женщина даже не думала к ним прикасаться и будто морщила нос от запаха сахара. Просто делала вид, что все хорошо, будто таким образом обманывала саму себя и заверяла, что полностью здорова.

— Я знаю, что ты беспокоишься об Эмми. Но Татьяна сделала все правильно. Мне не

хотелось возлагать на тебя лишнюю ответственности, Ронни. К тому же ты совершенно не ладишь с детьми. Поэтому я и попросила ее забрать мою дочь к себе.

— Мне просто стыдно перед тобой, — виноватым голосом прошептал он. — Я так испугался, когда мне сказали, что с тобой случилось. Чуть с ума не сошел. Перебрал немного с друзьями. Знаю, теперь из-за меня эта девушка будет считать, что я безнадежно испорчен.

— Я постараюсь изменить ее мнение о тебе. Думаю, она и сама уже догадалась об этом. Но тебе не следует пить. Мы ведь договаривались, что никакого алкоголя при ребенке. Тем более у тебя больной желудок. Сам же потом будешь мучиться от боли.

Себастьян осознал, что ничего полезного из этого разговора он не извлечет, поэтому в это же мгновение показал себя и вошел в палату, стараясь выглядеть так, будто он и не стоял здесь все это время. Сьюзен, увидев детектива, напрягла лицо и, что-то прошептав Ронни на ухо, выжидающе уставилась на своего нового посетителя. Брат женщины быстрыми движениями сгреб все сладости в бумажный пакет и, чмокнув сестру на прощание, покинул палату, стараясь не пересекаться взглядами с Себастьяном. Детектив почувствовал некую обиду, когда Ронни проигнорировал его рукопожатие, но ничего говорить не стал. Возможно, он что-то пропустил и чего-то не знал, но сейчас это не играло никакой роли. Он пришел сюда ради Сьюзен.

— Так-так-так, — протянула темнокожая женщина и скрестила мускулистые руки на груди. — Какие гости. Сам Себастьян заглянул в мои покои. Если Татьяны здесь нет, то этот визит совершен не для того, чтобы узнать о моем здоровье. Что ты хочешь?

— Прости, что без подарков, — застенчиво улыбнулся тот и сел на стул рядом с кроватью.

— К черту мне твои подарки, — фыркнула Сьюзен и закатила глаза. — Зачем пришел?

— Я хотел кое-что выяснить. Дело касается Петра и твоей дочери.

Услышав эти имена, Сьюзен напрягла лицо еще сильнее. Но явно не собиралась уходить от ответа и уезжать в совершенно другом направлении. Женщина выпрямила спину и внимательно взглянула на детектива.

— Если ты хочешь поговорить со мной о смерти супруга Татьяны, то не надо. Я раздавлена. Больше мне добавить нечего.

— Я пришел к тебе не только из-за него. Из-за Ларри, — ледяным тоном сказал Себа и поиграл желваками. — Его убили. Зажарили, как индейку в печи.

— Не смотри на меня так, — осуждающе прошипела та. — Я, как и ты, ничего не знаю. Тем более с Ларри мы практически не пересекались. Я не имею ни малейшего понятия, в каких делах он был замешан. Ты знал его лучше всех. И нет никакой необходимости в подробностях. Врач запретил мне нервничать. И тебе повезет, если он не выпроводит тебя через пару минут. Поэтому советую тебе поторопиться.

— Хорошо, я опущу детали, но от главной причины моего визита не отступлю. Около часа

назад я допрашивал его супругу. Дело в том, что за сутки до своей гибели его видели в квартире Татьяны. Не буду вдаваться в подробности, Хапперт сама обо всем доложит, когда тебя навестит. Но сообщается, что Ларри был соучастником неправомερных действий.

— А его жена создала ему алиби. Я правильно поняла?

— Именно. Миссис Далтон заявила, что у Ларри в тот же день был приступ, из-за чего тот не мог встать, и еще упомянула про какой-то гной, который вытекал из его глаз. В общем, с ним было что-то жуткое.

— То есть, его видели в двух местах одновременно? — вскинула брови Сьюзен и ухмыльнулась. — Где-то я уже такое слышала.

— Да, но я не об этом. Возможно, один из свидетелей перепутал время, поэтому и случилась такая неразбериха. Но меня заинтересовало другое. Миссис Далтон упоминала, что Петр пришел к Ларри поздно вечером, и те что-то долго обсуждали и тебя в том числе. Они говорили, что тебе грозит некая опасность и что скоро объявится «настоящий» отец Эмми. Что это значит?

— «Настоящий» отец... — с грустью произнесла Сьюзен и жалобно посмотрела на собеседника. — Значит, Татьяна уже сделала выводы. Я так хотела ей все объяснить, но не успела, мое состояние было крайне тяжелым. Возможно, придя ко мне домой, она увидела мои совместные фотографии с ее мужем. Но мы с ним были всего лишь друзьями, познакомились на борту одного затонувшего судна, он тогда очень помог мне и одной моей подруге.

— Почему же ты не рассказала Татьяне о дружбе с ее мужем? Была какая-то тайна?

— Да, и она связана с моей подругой. Винни Коутс. Она попала в очень неприятную историю. И нельзя было допустить, чтобы кто-либо узнал о ее местоположении. Петр всячески оказывал ей поддержку. Сделал ей визу, перевез в другую страну и спрятал. А меня же запер в этом городе. И не разрешал никуда уезжать. Сначала было тяжело, но потом поняла, что он это делал ради меня. Он был моим ангелом-хранителем.

— Что все это значит?

— Вряд ли ты поймешь это, Себ. И вряд ли должен знать правду. Моя дочь была особым ребенком, дочерью добра и зла. Она могла стать спасением, но в итоге превратилась в мишень. Мы должны были ее надежно спрятать. Не дать определенным людям найти мою малышку. Не дать ее отцу сотворить с ней невыносимое... Поэтому я так резко исчезла после рождения дочери, — Сьюзен прикусила нижнюю губу и громко всхлипнула, с трудом сдерживая рвавшийся наружу поток слез. — Но я не могла стоять на месте. Петр изначально был против моего выхождения из тени и пытался сделать из меня что-то вроде попугая, который не должен покидать клетку, так как снаружи ходит голодный кот. Но я не могла сидеть. Я хотела отомстить за ту боль, что мне причинили много лет назад. Но мои силы оказались ничтожными.

— Что произошло тогда? Почему ты не хочешь рассказать? Ты сказала, что Эмми — дочь добра и зла. Неужели ты так боишься этого человека, что не можешь мне назвать хотя бы имя? Если Петр прав и тебе грозит опасность, то я единственный, кто сможет помочь.

— Вряд ли. Этот человек ни перед чем не остановится, чтобы не допустить вмешательства в его планы. Но ты на правильном пути. Думаю, ты знаешь, как его зовут. Многие, с кем он был в хороших отношениях, постарались спрятаться от него. Ангел превратился в кровожадного зверя. Стал убивать, не зная пощады. Стал манипулировать разумом людей. Создал целый культ в свою честь. И я родила ему дочь. Как некий сосуд для его будущих планов.

Кухня промерзла до самых костей. Каждый кусочек мебели покрылся белоснежным инеем, а в лучах солнца все это зимнее великолепие сверкало ярче самой яркой звезды во вселенной. Лиза как можно скорее разожгла камин и даже включила газовую плиту, надеясь, что это поможет разогреть дом в ближайшее время. Обычно такого не случалось, и женщина старалась всю ночь поддерживать тепло, но в этот раз что-то затушило домашний очаг и

подвергло дом риску превратиться во владения холода. Укутавшись в два свитера, Лиза принялась быстрыми темпами готовить завтрак. Она заварила овсянку в вскипяченном молоке, добавила туда немного сушеных фруктов, сахара, а затем бережно расставила на столе, стараясь создать что-то вроде полноценной картины из тарелок.

Девочки пока не спустились. Женщина слышала их тихие перешептывания: стены дома были тонкими, поэтому каждый звук становился достоянием всей семьи. Лиза совершенно забыла об этом, когда залезла в одну кровать с Виктором. И сейчас хотела раздавить себя всем, что только попадет под руку. Как она могла так поступить, так не контролировать себя? Что заставило сексуальное влечение взять вверх над разумом? Лиза не понимала этого, боялась думать о том, что ей эта ночь доставила удовольствие и что она хотела, чтобы это повторилось. Женщина до сих пор чувствовала, как Джордж входит в нее, эту ноющую боль между ног, а затем резкий выброс положительных эмоций, которые со стоном выливались из рта. Даже сейчас, думая об этом, женщина испытывала остаток тех ощущений, настолько мощных, что их уже ничто не сможет вырвать из памяти. Она бы и не заметила, что стоит на месте и улыбается в пустоту, если бы не столкнулась с зеркалом, которое висело около двери рядом с полками. Эта встреча со своим отражением моментально стерла все эмоции с лица. Она ощутила стыд, корила себя за то, что позволила дочерям стать частью своих похотливых желаний. Они не должны были слушать это, страдать, вспоминать, что когда-то у них была семья, полноценная, с матерью и отцом. Злость Пайпер была оправдана, и Лиза ничуть не противилась этому.

Подойдя к зеркалу и критично осмотрев свое небрежное отражение, женщина отвела взгляд от самой себя и взглянула на прибитые к стене полки, на которых стояли различные фигурки, книги и довольно крупная металлическая шкатулка в виде ларца из какой-нибудь сказки. Взяв шкатулку, Лиза осторожно смахнула с нее тонкий слой пыли, затем, поставив предмет на стол, открыла ее. Внутри лежала толстая стопочка писем вперемешку с черно-белыми снимками. Вытащив содержимое, женщина дрожащей рукой разложила все перед собой, затем отложила письма в сторону, а фотографии пододвинула к себе поближе. На них было изображено довольно много лиц, но всех их объединяло одно: они улыбались и были счастливы. Она помнила это место. Саутгемптон, 1912 год. Помнила так, словно стояла там вчера, ощущала запах соли, рыбы и ржавеющего металла. Последний спокойный денек, последние радостные лица.

Взяв одну из фотографий, Лиза приблизила ее к себе и вгляделась в улыбки. Посередине стояла невысокого роста девушка с темными волосами средней длины, а рядом с ней двое сыновей, которые в сравнении со своей крохотной матерью были такими большими, что трудно было поверить, что те в тот год только недавно начали учиться в школе. Перевернув фото, Лиза прочла длинную надпись на обороте: «Вряд ли мы расстаемся надолго. Помню твои слезы, сестренка. Но они лишние. Обещаю, что буду писать тебе каждый день из Нью-Йорка. «Титаник» выглядит просто потрясающе. Жаль, что ты так и не сумела увидеть его. Я слышала, что о нем говорят: только хорошие вещи. Уже купила билет второго класса. Отплытие завтра. Почему-то ощущаю странное волнение, не знаю, из-за чего. Возможно, это морская болезнь. Но ведь я даже не ступила на борт корабля и до сих пор нахожусь в порту, сижу в кафе и ем с сыновьями мороженое. С любовью, твоя старшая сестра. Винни Коутс».

Женщина вновь перевернула фото на правильную сторону и медленно погладила изображение темноволосой девушки, которая выглядела настолько умиротворенно, что это спокойствие моментально передалось Лизе. Рядом с Винни стоял Эрван, молодой и

красивый, совсем такой же, каким женщина запомнила его в последний раз, когда тот внезапно исчез из ее жизни и, возможно, уже навсегда. Третьим лицом оказался высокий худощавый мужчина. Лиза плохо знала этого господина, но тот был в хороших отношениях с ее бывшим супругом. Кажется, его звали Петр, женщина уже не могла вспомнить, так как видела мужчину лишь однажды. А слева прямо с краю стояла темнокожая женщина в миниатюрной шляпе и довольно длинном пальто, которое доставало до самой земли. Ее Лиза не знала и даже не сумела пообщаться с ней, но та ступила на борт «Титаника» вместе с Винни. Кажется, ее старшая сестра общалась с этой дамой достаточно тесно, но Лиза не была в этом уверена, так как круг общения Винни был ей не знаком.

На лестнице раздались торопливые шаги, которые спускались все ниже и ниже. Лиза быстро сложила фотографии и письма обратно в шкатулку и вернула на полку. Пайпер и Берил мельком взглянули на мать, затем накинули на себя зимнее пальто и все так же молчаливо покинули дом, громко захлопнув за собой дверь. Лиза бросилась за ними в след, надеясь остановить и заставить позавтракать, но тут же остановилась, едва столкнулась с дверью. Она поняла, что просто обязана дать дочерям побыть наедине друг с другом. И была уверена, что к вечеру они осознают, что ошибались, что неправильно поступили, осудив мать. Да, женщина ощущала стыд, злобу на саму себя из-за прошедшей ночи. Но Пайпер и Берил следует смириться с тем, что теперь у них осталась лишь она, их родная мать. И больше никому они не будут нужны. Только она всегда будет рядом и никогда не оставит в беде.

Лиза грустно вздохнула и вернулась на кухню, чтобы убрать тарелки. На мгновение она уловила странное дуновение ветра и необъяснимое чувство тревоги. Оглянувшись и не заметив ничего подозрительного, женщина продолжила заниматься домашними делами. Она так увлеклась, что совершенно не заметила, как позади нее возник женский силуэт в рваных одеяниях со спутанными темно-рыжими волосами и яростно прожигал ее спину суженными глазами.

Пайпер шла впереди с гордо поднятой головой и с упорством шагала по глубоким сугробам, под которыми еще вчера находилась протоптанная дорожка. Позади нее медленно плелась Берил и обидчиво смотрела по сторонам, явно осуждая старшую сестру за то, что та вынудила ее остаться без завтрака. Ранцы, что висели на их плечах, были настолько большими и тяжелыми, что сестры невольно наклонялись в сторону и чуть было не лишались равновесия. Небо сегодня выдалось кристально чистым, ни единого облачка, словно кто-то провел по небу тряпкой, как по грязному стеклу. Воздух был морозным, отчего лица девочек налились краснотой и онемели, что затрудняло им показывать эмоции.

Идти до школы было еще очень долго, и Берил надеялась, что Пайпер остановится, чтобы им удалось немного передохнуть, но та без остановки продолжала пробираться вперед.

Вокруг них не было практически ничего, кроме снега. Летом здесь находилось поле, довольно сухое, покрытое пожелтевшей травой. Сестры любили проводить здесь время, в теплое время года на поле достаточно тепло и не слишком жарко из-за ветра — идеальное место для отдыха. Но зимой это место превращалось в самое настоящее испытание, так как девочкам приходилось пересекать его каждый день, чтобы попасть в соседнее поселение, где находилась их воскресная школа. Раньше их отвозил сосед, у которого был мотоцикл с коляской, но около года назад тот скончался, и сестрам пришлось научиться добираться до

места учебы самостоятельно. Изначально их отводила мать, но потом девочки изъявили желание делать все самостоятельно, и противиться этому желанию никто не стал.

Берил поправила соскальзывавшую с головы шапку и окликнула сестру, но та сделала вид, что не слышит ее.

— Пайпер! Остановись! Да остановись же ты!

Старшая сестра резко развернулась, и ее волосы из-за быстрого движения головы частично прилипли к ее лицу. Пайпер никогда не носила шапок, даже если голова покрывалась корочкой льда во время самых жутких морозов. В присутствии матери еще могла надеть головной убор, но вдали от дома сразу же его снимала.

— Что тебе? — устало посмотрела на нее та. — Мы еще не пришли. Нам надо поторопиться. Не хочу, чтобы священник снова поставил меня у алтаря на полдня, чтобы я молилась. Мне и прошлого раза хватило.

— Поговори со мной.

— О чем?

— Я не знаю. Просто о чем-нибудь. Мне страшно, когда ты молчишь.

— Ох, Берил, — недовольно покачала головой та и сравнялась с младшей сестрой. — Ну, даже не знаю, с чего начать. Допустим, меня зовут Пайпер, я иду и меня зовут Пайпер.

Неожиданно позади них раздался шум, похожий на звук автомобиля. Девочки оглянулись и увидели, как к ним на полной скорости двигались несколько черных точек, которые по мере движения увеличивались в размерах и приобретали более узнаваемые очертания. Пайпер была сильно удивлена, когда разглядела в этих точках мчавшиеся в их сторону транспортные средства. Они не были похожи на те, что она видела. Их колеса оказались настолько большими, что для них глубокий сугроб был ничуть не хуже идеально ровной заасфальтированной дороги, корпус был полностью черным и каким-то непривычно гладким. Да и звук от них неестественно тихий, почти бесшумный. Если бы здесь стоял привычный свист ветра, до девочки вряд ли бы почувствовали, что к ним кто-то приближается.

Через несколько минут несколько автомобилей остановились вблизи замерзших девочек, и оттуда выпрыгнули несколько мужчин в черных костюмах, сжимавшие в свои мускулистых руках миниатюрное огнестрельное оружие.

Пайпер потянула младшую сестру вперед, будто надеялась, что эти люди остановились здесь чисто случайно. Но через секунду осознала, что эти мужчины не дадут им сделать и шагу. В этот же миг подъехала последняя машина, которая ездил еще более бесшумно. Передняя дверь открылась, но не при помощи воздействия человека, а вполне самостоятельно, что весьма сильно шокировало напуганных девочек. Из этой двери вышел мужчина среднего роста в темных очках, улыбочиво посмотрел на Пайпер и Берил, после подошел к одному из вооруженных людей и что-то прошептал им на ухо.

Сестры взяли друг друга за руки и стали отходить назад, хотя уже понимали, что отступить было бессмысленно. Мужчина снял темные очки и показал девочкам свое лицо. Пайпер ахнула, не в силах поверить в увиденное. Перед ней стоял отец и будто ждал, что те в эту же секунду кинутся ему на шею. Практически так и случилось, вот только Пайпер не сдвинулась с места и продолжала испуганно таращиться на людей в костюмах.

— Берил, — Эрван заключил маленькую девочку в крепких объятиях и зарылся носом в ее шею. — Как же я соскучился по тебе.

— Папочка, — проскулила та. — Почему тебя так долго не было? Почему ты уехал?

Эрван влюбленными глазами посмотрел на нее и погладил Берил по холодной щеке.

— Ваша мама решила, что мне нельзя оставаться в семье и потребовала, чтобы я ушел. Это сложно объяснить. И я не хочу, чтобы мы снова вступали в какой-либо конфликт. Сейчас все изменилось. И я вернулся к вам... Пайпер, — мужчина протянул руку в сторону старшей дочери, но та продолжала стоять на месте. — Не бойся. Все хорошо. Иди, обними отца. Ты не представляешь, как сильно я соскучился по вам. Сегодня мы заберем вас из этого места. Вам не следует жить так далеко от города.

— А куда мы поедем? — восторженно спросила Берил.

— Это секрет, — прошептал тот и чмокнул ее в щеку. — А теперь садись в машину. Боже, Берил, ты вся продрогла. Дмитрий, — обратился он к одному из мужчин, — прогрей машину, будь добр.

Как только Берил отошла от отца и вместе с одним из мужчин направилась к машине, как Пайпер стрелой кинулась к Эрвану и чуть ли не всем телом запрыгнула на отца, повиснув на его шее. Эрван двумя руками прижал к себе девочку и поцеловал ее присыпанную снегом макушку.

— Пайпер, девочка моя. Я уже думал, что ты не подойдешь ко мне.

— Папа, — сквозь слезы прошептала она и уткнулась носом в его живот. — Я так боялась, что больше тебя никогда не увижу... Так боялась. Думала о тебе все время. Мама заставила нас отдать ей все твои фотографии. Она выбросила все, что связано с тобой. Настраивала нас против тебя. А теперь привела в дом нового мужчину. Я не хочу ее больше видеть. Я ее ненавижу!

— Ну, Пайпер, не говори так. Мама любит тебя. Очень. Просто она была обижена на меня. Сильно. И в этом есть моя вина. Но теперь все наладится. Я вас ни за что не оставлю здесь.

— Что это за автомобили? Они выглядят так, словно прибыли из будущего. И почему у них такие темные стекла? Я ничего не вижу через них, — Пайпер неохотно отстранилась от отца и с удивлением стала рассматривать огромные машины.

— Это внедорожники, — пояснил Эрван и скромно завел руки за спину. — Способны ездить там, где нет дорог. Без них мне бы не удалось добраться до вас так быстро, — мужчина открыл для старшей дочери дверь и предложил ей сесть на кожаное кресло в салоне.

Девочка отказываться не стала и с озорной улыбкой плюхнулась рядом с сестрой, которая пила из большой чашки что-то горячее и пахнущее молоком и шоколадом. Как только Пайпер и Берил устроились на заднем сидении, Эрван закрыл дверь автомобиля и подошел к Дмитрию.

— Поезжай с Владом в город, спрячь девочек в убежище, — прошептал он на идеальном русском. — Я с ребятами поеду к тому дому. Действуем тихо, не привлекаем внимание. Если не будем выходить на связь слишком долго, присылайте подкрепление. Наш противник крайне силен, и мы совершенно не знаем, чего от него ждать.

Лиза чувствовала необъяснимую горечь в горле. Кожа вокруг шеи горела и сильно чесалась, а длинный ворот шерстяного свитера лишь усугублял положение. Подойдя к зеркалу, оно внимательно осмотрела себя и заметила, что в этом месте образовались багровые синяки, которые будто прямо на глазах увеличивались и раздувались, как воздушные шары. Женщина достала из холодильника лед и приложила к больному месту, но

даже это не убавило неприятные ощущения. Подержав холодный предмет у кожи несколько минут, Лиза выкинула его в раковину, затем снова натянула ворот на шею, чтобы хоть как-то скрыть синяки от людских глаз. Она знала, что те появились после прошедшей ночи, но боялась осуждать Виктора, то ни в чем не виноват, так как просто не смог контролировать свои эмоции и силы во время занятия сексом. Но все же эта ситуация заставила ее занервничать, так как раньше подобного с ней не случалось. Это были не засосы или царапины, а самые настоящие синяки, которые могут возникнуть лишь во время избиения. Хватка Виктора оказалась настолько сильной, что женщина в тот момент на секунду поверила, что мужчина ее задушит на самом деле: она не могла дышать, сделать хотя бы маленький глоток воздуха, а в голове возникла дымка, что сгущалась с каждым минутой все сильнее и сильнее. Но так или иначе Лиза не хотела говорить с Виктором на эту тему, высказывать какое-либо недовольство. Она стала воспринимать все это обычной случайностью, неосторожностью с его стороны, не более того.

Женщина убрала со стола так никем не тронутые тарелки с овсянкой, но, недолго думая, решила одну из них оставить для Виктора, чтобы лишней раз ничего не готовить. Конечно, каша давным-давно остыла, но не настолько, чтобы ее невозможно было есть. Поставив тарелку на деревянный поднос, Лиза решила разнообразить завтрак мужчины стаканом молока и оставшимся со вчерашнего дня жареным хлебом со сливочным маслом. Подняв ворот свитера еще выше до самого подбородка, женщина направилась с едой в спальню, где Виктор продолжал витать во сне. Осторожно постучав перед входом, Лиза нырнула в комнату и поставила поднос на кофейный столик рядом с кроватью.

Виктор лежал на животе, зарыв свое лицо между двумя подушками. Сползшее одеяло обнажило его упругие ягодицы, которые были слегка влажные и блестели в лучах высоко стоявшего солнца. Лиза села рядом с ним и нежными движениями пальцев зарылась в русые волосы мужчины, после чего принялась медленно массировать горячую кожу его головы. Мужчина что-то тихо замычал сквозь сон, затем перевернулся на спину и сонными еще не до конца открывшимися глазами уставился на женщину.

— Доброе утро, соня, — игриво улыбнулась Лиза и показала пальцем на поднос, призывая мужчину приступить к трапезе.

— Завтрак в постель? — усмехнулся тот и натянул на себя одеяло, чтобы хотя бы немного скрыть свою наготу, которая почему-то стала его смущать. — Знаешь, теперь чувствую себя твоим любовником, — мужчина взял с подноса тарелку и поднес к носу. — Пахнет вкусно. Уже не помню, когда в последний раз ел овсянку, — он засунул ложку в рот и скромно растянул губы в улыбке. — Выглядишь устало. Что-то случилось?

— Нет, все в порядке. Просто немного повздорила с детьми. Знаешь, подростковый возраст тяжелое время, приходится приспособливаться, чтобы не срываться каждый день. Иногда моя старшая дочь бывает просто невыносимой, отчего хочется отдать ее в интернат на перевоспитание. Но материнская любовь и жалось берут надо мной вверх.

— За что они так с тобой? Вряд ли у них есть хотя бы малейший повод осуждать тебя в чем-либо.

— К сожалению, есть, — вздохнула та и забралась под одеяло, прижавшись к мужчине и положив голову на его плечо. — Они скучают по отцу. И их тоска мне понятна. Но никто из нас не хотел, чтобы он уходил из семьи. Я была совершенно беззащитна, у меня не было работы, денег, чтобы кормить детей. Мой муж не оставил мне ничего, кроме большого дома посреди полупустой деревни. Когда рядом с нами жил сосед, было гораздо легче. Он мог в

любое время прийти и помочь с хозяйством, при этом ничего не требовал взамен. Это был по-настоящему святой человек. Даже помог устроить моих девочек в воскресную школу. Потом в один прекрасный день я прошла мимо его забора и увидела, что он неподвижно сидел около мотоцикла. Мне показалось, что он его чинил и решил просто передохнуть. Тогда я шла на работу и как-то не особо заботилась о том, что происходило вокруг.

— А где ты работаешь? — Виктор практически полностью проглотил овсянку и явно был в восторге от подобного завтрака.

— На ферме за деревней. Ты приехал вовремя, я как раз взяла два выходных, чтобы заняться домашним хозяйством. Платят хорошо, да и сама работа доставляет мне удовольствие. Ухаживаю за животными.

— Так вот почему от тебя так сильно пахнет молоком, — прижался носом к ее волосам тот и жадно втянул в себя воздух.

— Ты сегодня уедешь?

— Да. Меня ждут дела в городе. Но перед этим я хотел посетить одно место неподалеку отсюда, — Виктор потянулся за жареным хлебом, совершенно забыл, что между ним и подносом находилась Лиза. — Здесь поблизости должен находиться сгоревший охотничий домик. Я совершенно не знаю, где именно. Мне лишь известно, что это где-то на подступе к лесу.

— Да. В паре километров от моего дома. Местные любят рассказывать детям о том доме страшные байки. Якобы охотник зарубил свою жену и детей, а потом покончил с собой: поджег себя вместе с домом. Люди разное говорят... А что тебе там понадобилось?

— Это личное. Думаю, я бы хотел, чтобы ты туда сходила со мной, — Виктор вылез из постели и стал торопливо натягивать на себя одежду.

— В тех местах довольно болотистая местность. Зимой там вода не замерзает, так как дом стоял на каком-то геотермальном источнике. Поэтому придется взять с собой специальную обувь.

— Хорошо, — кивнул тот и принялся застегивать ремень на брюках.

— Ты хотя бы намекни, что собираешься там найти. Я до сих пор не понимаю, что тебя сюда привело на самом деле.

— Знаешь, я и сам до конца не понимаю, ради чего я сюда прибыл. Мне пришлось за несколько часов преодолеть огромное расстояние от Лондона до этого поселения. Я будто надеялся, что догадаюсь, что хочу здесь найти. И вот сейчас я знаю... — Виктор перешел на шепот. — Знаю...

Над домом Елизаветы зародилась густая дымка, отдаленно напоминая туман. В лучах дневного солнца она зажглась, как церковная свеча, и окрасила все вокруг в рыжие и золотистые тона. Но через несколько минут поднялся кусавшийся ветер и расплыл наследие Эльдорадо на довольно большое расстояние, что сильно затруднило видимость.

Эрван со своими людьми постарались найти укрытие рядом с домом, где находился интересовавший их объект. Это оказалось сделать не так-то просто, ибо поблизости не имелось ни деревьев, ни даже кустарников, только ухабы, довольно больших размеров. Мужчина сфотографировал с помощью миниатюрного прибора автомобиль Джорджа, сделав особое внимание на номера машины, затем достал снайперскую винтовку и через прицел стал наблюдать за окнами здания. Солдаты, сидевшие рядом по колена в снегу, молчаливо наблюдали за ним и изредка глазели по сторонам, держа огнестрельное оружие наготове.

Ожидание, и в кармане куртки Эрвана почти бесшумно завибрировала рация. Мужчина вытащил ее и ответил на сообщение.

— Алексей, есть новости? — охрипшим голосом спросил он и приложил рацию к уху, чтобы лучше слышать собеседника.

Эрван напрягся, отчего могло показаться, что мужчина случайно проглотил горошину черного перца. Его лицо выглядело необычно, так как на нем по-прежнему сохранялись юношеские миловидные черты, но первые мимические морщины сильно противоречили им, из-за чего сложно было понять, сколько лет было Эрвану на самом деле.

— Они находятся в доме, о чем-то разговаривают. Пока никаких подозрительных вещей не обнаружил, но прибор показывает высокую энергетическую активность. Температура внутри дома на какое-то время понизилась на пятнадцать градусов, там стало холоднее, чем на улице. Возможно, объект находится там.

— Не исключаю такой возможности, — задумчиво произнес Эрван и, прищурившись, вновь посмотрел на дом Лизы. — Наша задача вывести объект наружу, не привлекая внимания. Действуем осторожно, лишние жертвы нам не нужны. Продолжай следить за обстановкой. Конец связи, — мужчина убрал рацию в карман куртки и невольно коснулся пришитой к рукаву эмблемы с надписью «Исида». Ласково и, можно даже сказать, нежно пощупав золотые буквы, Эрван вновь взял снайперскую винтовку и продолжил наблюдать через прицел за обстановкой.

— Эх, черт, кажется, погода портится, — с недовольством сказал один из солдат. — На горизонте появилась некрасивая туча.

— Плохо, — вздохнул Эрван. — Надеюсь, мы успеем справиться до прихода бури. Другого шанса уже не будет.

Внезапно рация вновь завибрировала. Эрван вытащил ее быстрее обычного.

— Алексей?

— Мне удалось услышать часть их разговора. Кажется, они собрались отправиться на болота. Упоминали сгоревший охотничий дом где-то поблизости.

— Я знаю это место, — произнес тот и облизал потрескавшиеся губы. — Там находится соленое озеро и парочка гейзеров. Что они хотят найти там?

— Они и сами не знают. Причину не назвали.

— Постарайся следить за объектом до тех пор, пока он не покинет дом. Дальше мы берем дело на себя. Все, конец связи.

Джордж с Лизой вышли из дома через несколько минут. На них была довольно легкая одежда для такой холодной погоды, но Эрван этому удивляться не стал, так как у болот воздух довольно-таки теплый из-за находившихся там горячих источников. Русоволосый мужчина подошел к своей машине и помог Лизе сесть в салон. Затем сел сам и завел мотор.

— Объект уезжает, — Эрван взял рацию и приложил ее ко рту. — Алексей, направляйся в сторону нашей машины, мы сейчас подойдем к тебе.

— Сделаю! — ответил тот и отключился.

Автомобиль Джорджа вздрогнул и, развернувшись, направился прочь от поселения, оставляя за собой длинный шлейф из снега и пыли. Эрван с помощью жестов призвал солдат идти за ним, после чего направился с ними в противоположную сторону, пригнувшись, чтобы по-прежнему не выдавать свое присутствие кому-либо. Их внедорожник находился за соседним домом прямо около дороги, поэтому они помчались вдогонку за Джорджем без сильного опоздания. Эрван сел за руль и заставил транспортное средство разогнаться до

почти космической скорости, из-за чего снег стал бить по корпусу машины, как кулаки великана. Но когда объект их наблюдения стал виден, то мужчина заставил внедорожник ехать медленнее. Невольно посмотрев в сторону, он с разочарованием отметил, что туча приближалась к ним быстрее, чем хотелось бы. Если буря настигнет их на дороге, то есть риск потерять объект наблюдения, что сразу же сорвет их операцию. Нельзя допустить этого. Эрван немного прибавил скорости и стал сокращать расстояние между транспортными средствами.

Грязные, в темных потеках стены уже стали восприниматься вполне привычной картиной, и Ричи равнодушно обводил их глазами, не пытаясь даже воспроизвести в голове их прежний облик. Повсюду стоял аромат влажной гнили, смердящий и вынуждавший глаза слезиться от его чересчур большого количества. В некоторых местах на полу появилась обильная влага, хотя парень точно помнил, что еще несколько минут назад, когда он здесь проходил, ее не было. Но обратив внимание на стены, он заметил, что из трещин что-то льется тонкой струей. Кажется, это вода, хотя она была какой-то мутной и маслянистой. Странно, что трубы дали течь только сейчас, будто дом внезапно состарился, и все признаки его запустения стали проявляться только сейчас, это подтверждали изредка мигавшие лампы, — хотя Ричи был вполне уверен, что это лишь иллюзия из-за яркого солнечного света, — но другого объяснения он не видел, ибо часть предметов выглядела гораздо лучше, чем все остальное.

Юноша направился в сторону коридора на верхнем этаже, где он разминулся со своим лечащим врачом. Он понимал, что совершенно не хочет пересекаться с этой женщиной вновь, боялся, что это место рано или поздно вернет свой первоначальный облик, и его снова запрут в тесной палате, как дикого зверя, лишь изредка будут выгуливать, чтобы не окоцурился от тоски. Но некое чувство жалости к ней вынудило Ричи найти эту женщину среди плачевных руин психиатрической лечебницы. Когда он стал подниматься по лестнице, миновав уже знакомую ему инвалидную коляску, то совсем рядом раздался хлопок, затем последовало змеиное шипение. Парень резко отпрянул и понял, что сделал это вовремя, так как в паре метров от него возник целый водопад из ржавой зловонной воды, которая стала с сиплыми воплями уходить вниз. К счастью, поток жидкости оказался холодным, Ричи уже стал бояться, что стены решили его заживо сварить в своем бульоне из строительного мусора. Вода сдвинула инвалидное кресло с места, и то, кувыркаясь, с грохотом полетел вслед за шумевшей рекой. Парень пронаблюдал, как оно с каждой преодоленной им ступенькой теряло детали, рассыпалось на части, пока не превратилось во что-то бесформенное и не исчезло где-то внизу. Электрическая лампа будто испугалась этой картины и взорвалась от огромного количества эмоций, ослепив Ричи белой вспышкой, затем огненными искрами приземлилась на пол.

Молодой человек убрал со лба светлую челку, которая успела намокнуть, и стал продолжать продвигаться вперед, стараясь обходить водяной поток стороной. Теперь путь вниз по лестнице был отрезан, необходимо найти другой способ спуститься вниз, где находится ресепшен. Но сначала ему следует отыскать Марию, пока та не стала жертвой взорвавшихся труб водопровода. Пройдя еще немного, он столкнулся с очередным препятствием. Пол перед ним раздвоился на две части и стал, подобно листу бумаги, скручиваться и крениться вниз, в сторону разлома. Молодой человек слышал, как многочисленная мебель стала сползать в трещину и падать далеко вниз. Ричи отошел

немного назад и, переведя дыхание, разбежался и перепрыгнул на другую сторону, но ущелье оказалось настолько большим, что парню не хватило всего лишь нескольких сантиметров, чтобы удачно приземлиться. Его ноги не удержали равновесие и потянули все тело за собой куда-то в пропасть, дна которой не было видно из-за густого облака пыли. К счастью, ему удалось вовремя зацепиться за что-то металлическое, торчавшее из бетона. Повиснув, он еще некоторое время болтался маятником, чувствуя, как все вокруг расходится по швам. Край пола, который не давал парню упасть, стал откалываться от основной части, и Ричи с ужасом осознал, что медлить больше нельзя. Он стиснул зубы что есть мочи и подтянулся. Снова ощутив под ногами что-то твердое и осязаемое, юноша облегченно выдохнул и, едва ли не на корточках, отошел от места разлома на достаточно больше расстояние.

— Что за черт? — ошарашенно прошептал Ричи и, выпрямившись, стал хаотично забегать в комнаты, надеясь, что Мария окажется в одной из них, вряд ли она решилась уйти куда-либо, страх слишком сильно затуманил ее разум.

Как и ожидалось, женщина сидела в одном из кабинетов на больничной койке и застывшим взглядом гладела куда-то в сторону. Ее тело напоминало восковую фигуру: слишком бледное, гладкое, неестественно блестящее, без малейших признаков движения. Ричи попытался нарисовать на своем лице что-то похожее на спокойствие и подошел к Марии. Шум разрушения бил кулаками по спине и голове, заставлял ноги трястись от страха, но парень старательно подавлял это в себе, потому что понимал, что все это ему не сможет навредить. Каждый раз подобное заканчивалось, как сон, и каждый раз ему говорили, что он особенный, если видит подобное и выходит чистым из воды. Но сейчас все было иначе. Он почему-то не верил, что сумеет выбраться из этого места, не видел возможности увидеть эти белые стены в хорошем состоянии. Впервые чувство безысходности посетило сознание и наполнило его едкой кислотой.

Ричи дотронулся до руки женщины и попытался ее вывести из состояния анабиоза. Но Мария не реагировала, даже перестала моргать и шевелить зрачками. Парень сел рядом с ней на колени и начал трясти врача за плечо, но никаких результатов не последовало. Разочарованно опустив лицо, он обернулся назад и понял, чем все это время была увлечена женщина. Прямо напротив нее в кресле сидел мужчина. Его трудно было назвать человеком, так как ничего подобного в нем не прослеживалось из-за отсутствия знакомого облика, а именно кожи и внутренностей. Это был обыкновенный скелет в больничном халате с распахнутой челюстью. Волосы на голове по-прежнему присутствовали, Ричи прекрасно помнил эту седину, и не мог выкинуть из памяти, как бы сильно этого ни хотелось. Это был его прежний лечащий врач, человек по фамилии Аддерли. Теперь он сидел перед парнем, сжавшийся, беззащитный... Мертвый. Изъеденный червями.

Ричи отвернулся от трупа и снова уставился на лицо женщины, надеясь, что та заметит его и перестанет пародировать состояние супруга.

— Послушайте, — начал он дрожащим голосом. — Нам нужно уходить отсюда как можно скорее. Здание почему-то разрушается. Если мы вовремя не выберемся, то погибнем. Слышите меня?

Парень вздрогнул, так как понял, что соседняя комната сорвалась вниз и что следующей окажется этот кабинет.

— Пожалуйста, не заставляйте меня оставлять вас здесь, — взмолился он и потянул Марию за руку, но та резким движением ударила его по лицу, затем вновь приняла вид восковой фигуры. — Хорошо, — озлобленно прошептал Ричи и потер покрасневшую

щеку. — Я даю вам право выбора. Я уйду. У вас есть шанс последовать за мной. Я буду находиться на первом этаже около ресепшена.

— Мне нужно сделать обход, — практически неразборчиво промычала та и стала качаться на месте, обхватив плечи руками. — Мне нужно проверить пациентов. Они ждут меня, — женщина соскользнула с кровати на пол и сжалась, как загнанный в угол котенок. — Они ждут...

Ричи понял, что что-либо объяснять ей будет бесполезно. Страх поглотил ее. Лишил рассудка. Но принуждать ее идти за ним он не мог, потому что не видел в этом никакого смысла. Эта женщина станет для него лишь обузой, если продолжит себя так вести. Если она пойдет за ним самостоятельно, то он стерпит, но если пожелает остаться здесь рядом с мужем и разделить с ним его участь, то Ричи отнесется к подобному совершенно спокойно. В данный момент безопасность Марии волновала его меньше всего. Ему бы самому спастись.

Еще раз взглянув на женщину, Ричи вышел из комнаты и стал мыслить о том, как ему спуститься вниз. В любом случае придется вернуться на ту сторону, но трещина за это время увеличилась в несколько раз и перепрыгнуть ее будет невозможно. Если только соорудить мост, но только из каких предметов?

Ричи вспомнил про лестницу около чердака. Она была достаточно длинной, чтобы с помощью нее можно было пересечь разлом. И в данный момент все складывалось для парня достаточно удачно: лестница легко оторвалась от насквозь прогнившей стены. Донеся ее до пункта назначения, парень соорудил временный мост и стал ползком перемещаться по ней, с ужасом в глазах смотря в пропасть под собой. Ричи сумел разглядеть лишь глубокую яму. Трещина взяла свое начало глубоко под землей. Но каким образом она возникла? Подобное может быть вызвано только сильнейшим землетрясением, но парень не ощутил никакой тряски. Земля под ними разделилась на две части совершенно бесшумно. Ричи не стал насиловать мозг и перестал думать о причинах столь масштабных разрушения здания, потому что это являлось абсолютно бессмысленным занятием. Его цель лишь выбраться отсюда и как можно скорее.

Когда он дополз до середины лестницы, то услышал позади себя тихие женские крики. Обернувшись, парень увидел Марию, которая все-таки покинула ту комнату и теперь стояла у края пропасти и в панике гладела по сторонам, совершенно не понимая, что вокруг нее происходит.

— Двигайтесь за мной! — крикнул ей Ричи. — Скорее!

Здание вздрогнуло, и юноша ощутил, как куски пола у края разлома стали отламываться усерднее, сокращая жизнь временного моста из лестницы. Мария вскрикнула, немного согнув ноги, но быстро оживилась и послушалась Ричи. Парень постарался добраться до противоположной стороны как можно быстрее, так как не был уверен, что эта лестница сумеет выдержать двоих. Женщина, что было удивительным, ни разу не запнулась. Ричи помог ей подняться, затем отвел ее подальше от трещины, так как не был уверен, что пол под ними будет держаться достаточно долго.

Рядом снова зашумела река, но ее звук стал менее настойчивым, чем ранее. Значит, водяной поток сбавил свою силу. Ричи вышел на лестничный пролет и оценил обстановку. Другого варианта спуститься вниз, что было самой плохой новостью, не имелось, оставалась только эта лестница. Им придется спускаться, фактически, по воде, так как ступеньки перестали виднеться на поверхности. К счастью, ближе к стене сухого пространства было

гораздо больше, так как основная масса жидкости направлялась к перилам. Парень взял Марию за руку, и они вдвоем стали спускаться вниз, медленно, но уверенно. На их пути попала уже ставшая хорошей знакомой инвалидная коляска, превратившаяся в груды искореженного металла. Она застряла в перилах, и уже никакая сила не была способна сдвинуть ее с места.

Оказавшись на первом этаже, Ричи понял, что ему и его спутнице придется хорошенько промокнуть, так как воды было так много, что она, судя по обстановке, будет доставать аж до пояса. Видимо, все двери и окна здесь достаточно хорошо сохранились и не давали жидкости покинуть замкнутое пространство. Спрыгнув в воду, юноша не смог сдержать громкий возглас. Все его тело сжалось от холода и завибрировало, пытаясь отыскать в глубине организма запасы тепла.

На поверхности плавали клочки бумаги, чем-то напоминавшие кувшинки на болоте. Тяжелого мусора видно не было, тот, скорее всего, находился на дне, и Ричи надеялся, что не поранится, когда будет продвигаться вперед, так как понимал, что острых предметов под ним находилось непростоительно много.

Здесь было достаточно темно, почти крошечная тьма. Возможно, причиной этому стали отсутствующие окна. Юноша верил, что в соседних помещениях будет посветлее, иначе они здесь вряд ли сумеют отыскать что-либо. Мария пугливо следовала за ним и ежесекундно всхлипывала, плакала, и Ричи прекрасно понимал ее эмоции, но старался не обращать на них внимание.

Вода отбрасывала яркие блики на стены и создавала мелодичный шелест, который немного приглушил звуки падения каменных глыб с верхних этажей. Ричи ускорил шаг и стал убирать со своего пути внезапно всплывшие обломки мебели. Как и ожидалось, помещение, где находился ресепшен, было заметно светлее, но не настолько хорошо, как комнаты на верхних этажах. Причиной этому стала густая растительность снаружи и донельзя грязные окна, покрытые такой толстой коркой грязи, что ей можно было бы покрыть все стены здания. Ресепшен, к счастью, не сильно пострадал из-за воды. Подойдя к нему, Ричи стал, в первую очередь, осматривать столы в поиске тех самых документах, о которых ему сказала та странная женщина по беспроводному телефону. Через пару минут он нашел все необходимое и даже больше. В полке рядом с паспортом лежал пистолет и целая обойма патронов. Сверху лежало письмо, которое явно намекало на то, что его следует прочесть в первую очередь.

«Надеюсь, стреляешь ты хорошо. Десять патронов тебе хватит. Вряд ли ты встретишь этих тварей в большом количестве. Но буду верить, что все обойдется, и ты придешь на место встречи без единой царапины.

Ванесса Г.»

— Ванесса, — задумчиво прошептал Ричи и осмотрел пистолет. Оружие хоть и было большим, но оказалось невероятно легким, что заметно упростит стрельбу.

Паспорт лежал под пистолетом и был обернут красивой кожаной обложкой, которая сильно выделялась своей новизной среди этого окружения. Открыв его, он увидел свою фотографию, которая сильно удивила парня, так как на ней Ричи выглядел достаточно взрослым и не похожим на самого себя. Рядом было написано его имя, но совершенно иное, не то, что он привык носить.

— Поддельный паспорт, — прошептал он, не в силах понять, что вообще творится вокруг него и зачем ему захотелось участвовать во всем этом. — Боже, Эрван... Что ты

задумал?

Ричи убрал документ в верхний карман, затем интуитивно перезарядил пистолет, будто ожидал, что вот-вот кто-то выпрыгнет из полутьмы и вновь вцепится острыми клыками в его хрупкую шею. Мария стояла поодаль и спокойно поглядывала на парня, будто тот делал что-то скучное и повседневное, не вызывающее никаких вопросов. Молодой человек проверил ящик еще раз, чтобы убедиться, что загадочная Ванесса не оставила ему еще каких-нибудь подарков

Но полки оказались совершенно пустыми.

— Мария, нам нужно уходить отсюда.

Ричи направился в сторону двери, что когда-то была выходом из здания, а теперь была едва заметна из-за плесени и грязи, что покрывала ее от макушки до пят. Открыть ее без применения силы было невозможно, замок насквозь проржавел, а присутствие огромной массы воды лишь усложняло задачу. Молодой человек отыскал среди плавающих обломков наполовину уцелевший стул, затем принялся им бить несчастную дверь, которая умоляюще просила оставить ее в покое. Из-под воды повылазили большие пузыри, что говорило о том, что дверь стала поддаваться. Ричи ударил еще раз и, осознав, что вода доделает начатую им работу, схватил Марию за рукав больничного халата и, как маленькую девочку, оттащил в сторону.

Двери распахнулись, и мощный поток воды устремился наружу, напевая песню о свободе. Ричи ухватился за деревянный столб, чтобы его вместе с Марией не сбило с ног, и в таком положении они простояли достаточно долго, дожидаясь, пока вода полностью уйдет.

Когда пол снова стал виден, Ричи подошел к двери и выглянул на улицу и резко прищурил глаза из-за яркого солнечного света. Он ожидал учуять крики взволнованных людей, которые были шокированы резко возникшим наводнением, и запах бензина. Но ничего это не было и в помине. Лишь ярко выраженный аромат снега и крики удивленных птиц.

Молодой человек переступил через порог, вышел на улицу и впервые за долгое время почувствовал прикосновение ветра, студеного, но при этом по-матерински нежного.

Его встретили дома, пустые и грязные, что уже не стало сильным удивлением. Не было ни людей, ни машин... Ни малейших признаков жизни.

Глава двадцать восьмая. Исида

Несмотря на солнечную погоду снаружи внутри полицейского участка стоял полумрак, будто некто решил разом задернуть все шторы, боясь прикосновений лучей дневного светила. Не спасало даже электрическое освещение, то было совершенно ничтожным, и не имелось возможности прочесть какой-либо документ без применения усилий. Некоторые из полицейских даже стали обсуждать возможное наступление солнечного затмения, но стоило им выглянуть в окно, и подобные мысли рассыпались, как песочный замок, так как солнце не скрывало даже малейшее облачко: небо выглядело кристально чистым.

— Возможно, во всем виноваты высотные здания на этой улице, — предположила Кристина, поглядывая краем глаза на пыльное окно главного холла. — Солнечные лучи неправильно преломляются и просто не попадают к нам в окна, в этом нет ничего необычного.

— Да, — задумчиво кивнула Татьяна и откусила маленький кусочек завернутого в салфетку пирожного. — Но ранее подобных погодных явлений я здесь не наблюдала. К тому же зимой солнце не поднимается достаточно высоко, чтобы не попадать в наши окна. Но, к сожалению, мне придется с тобой согласиться, потому что только твоя теория выглядит правдоподобной.

Несколько прядей рыжих волос детектива выбились из конского хвоста и, словно оголодав, бросились на сладкое лакомство в руках женщины и дотронулись до него своими аккуратно подстриженными кончиками. Татьяна выругалась и откинула непослушные локоны назад, но те продолжали кидаться на ее скромный обед, как койоты.

— Кажется, мне следует подстричься, желательнее коротко, — выразила недовольство та и затянула волосы на затылке еще сильнее, чтобы те больше не сумели испортить ей трапезу.

— Каждая уважающая себя женщина хоть раз в жизни обрезала свои волосы, — Кристина скривила губы в усмешке и откусила солидный кусок от своего пирожного, но быстро отпрянула, так как из него полился вишневый джем и едва не капнул на ее чистый белоснежный халат. — Но я не смогу представить тебя с короткими волосами. Даже не знаю, почему. Тебе невероятно хорошо с длинными. Это мне следует их обрезать, так как волосы у меня тонкие и с распущенными я выгляжу так, словно не мыла голову несколько дней.

Татьяна ничего не ответила, лишь скромно улыбнулась и задумчиво посмотрела куда-то в сторону. На стенде рядом с ними висели фотографии сотрудников полицейского участка, их было довольно много и сложно было увидеть всех сразу и при этом не заблудиться в угрюмых лицах. Рыжеволосая женщина без труда отыскала себя, так как хорошо запомнила расположение снимка. На изображении она выглядела слишком слащавой и довольной собой, отчего даже стало противно смотреть на данное фото. Татьяна плохо помнила, когда именно был сделан этот снимок. Возможно, четыре или пять лет назад, вряд ли раньше или позже. Но даже смутное воспоминание того события не сумело стереть эмоции, испытанные тогда: гордость, самолюбование, стремление двигаться напролом. Сейчас Хапперт с грустью осознавала, что от той молоденькой сотрудницы, от того младшего детектива не осталось ни единой капли, время съело ее полностью, до последней крошки. Скучала ли Татьяна по себе прежней? Вряд ли. Больше она не хотела ассоциировать себя с той девицей, с тем бурным временем. Женщина ощущала себя совершенно иным человеком, в новом неизведанном теле

и пыталась привыкнуть к этому облику.

Чуть выше расположилось фото Себастьяна. Кажется, снимок сделан еще раньше, чем ее, потому что на нем детектив был чересчур молодым, почти мальчиком, в котором не прослеживалось ни капли той уверенности, которая теперь толстой маской лежала на лице мужчины. Кажется, тогда Себастьяну было тридцать с лишним, если не меньше. Фото сделано после войны, и короткая стрижка на голове детектива смотрелась непривычно, так как тот вот уже восемь лет носил пышную шевелюру и вряд ли сумеет с ней когда-либо расстаться. Рядом прямо по соседству виднелась фотография Ларри, точнее, виднелась ранее, теперь на ее месте красовалось пустое пространство, которое казалось настолько гигантским, что даже издалика бросалось в глаза. Снимок не хотели снимать до похорон, на это даже настаивал сам Себастьян, и все были солидарны с его желанием, ведь Далтона знали все, помнили, сколько всего тот сделал для этих стен. Но буквально пару часов назад Татьяна застала Себа на этом месте за срыванием снимка Ларри со стенда. Мужчина сделал этот так резко, что фотография едва не раскололась пополам, и ее верхний кусочек по-прежнему был приклеенным к деревянной доске. Женщина не знала, что детектив сделал со снимком, вряд ли что-то плохое, на подобное никто бы не решился.

Она как никто другой ощущала боль и утрату напарника, ощущала его эмоции, словно те принадлежали ей. Татьяна плохо знала Ларри, практически ничего, и это объяснялось тем, что Далтон начал работать с Себастьяном не так уж давно, как раз тогда, когда она с Мораном была в не в лучших отношениях. Так что вызвать какие-то теплые воспоминания, связанные с Ларри, ей было крайне затруднительно, ведь те попросту отсутствовали в сознании. Приходилось строить образ этого человека по крупнякам, коих оказалось непростительно мало. Кристина же знала Далтона очень хорошо, ведь их рабочие кабинеты располагались по соседству, но та не особо горевала из-за такой утраты, и это казалось странным, потому что женщина слишком быстро успокоилась после потрясения и даже стала улыбаться как ни в чем не бывало. Возможно, это была такая эмоциональная защита от стресса, но со стороны подобное поведение выглядело как-то пугающе, хотя и оправданно.

Татьяна не пыталась обсуждать с Кристиной ни Ларри, ни Себастьяна, ни даже Джорджа. Они просто сидели на скамье для посетителей в главном холле и поедали эти несчастные пирожные с вишневым джемом, изредка переговариваясь о банальных вещах. Их с легкостью можно было перепутать с обычными скусающими девушками в каком-то парке, которые решили посплетничать и понаблюдать за городской жизнью, но их униформа слишком сильно выделялась.

Хапперт проглотила остатки лакомства и вытерла губы салфеткой, стерев остатки светлой помады. Кристина же практически не тронула свою порцию и продолжала любоваться окном, будто ждала, когда лучи солнца наконец-то проникнут внутрь здания и прогонят застоявшийся здесь полумрак. Стрелки часов неуклонно приближались к обеденному времени и не собирались останавливаться ни на йоту.

Кристина вздрогнула, и Татьяна вместе с ней услышала чей-то женский голос, довольно тихий и взволнованный. Обернувшись, они увидели выбежавшую из коридора секретаршу, которая сегодня надела настолько обтягивающую блузку, что ее грудь была сплющена и была готова в любой момент разорвать тонкую ткань. Ко всему этому добавлялся небольшой лишний вес девушки, что сокращало жизнь блузки еще сильнее.

— Линдси? — Кристина вопросительно посмотрела на секретаря, словно заранее знала, что та пришла сюда только ради нее.

— Ох, — девушка выдохнула с такой силой и облегчением, что возникло ощущение, будто она только что пробежала через весь город, чтобы доставить им некое послание. — Слава богу, что я успела вас застать. Себастьян сказал, что вы собирались куда-то уехать и что вряд ли вернетесь с ближайшиe несколько часов. Уже боялась не успеть.

— Что-то случилось?

— Да. Звонила нянечка твоего сына, — Линдси стала указывать пальцем в сторону коридора, словно хотела, чтобы собеседницы имели представление, где именно находился ее телефон. — Сказала, что у него час назад поднялась высокая температура и что ему становится только хуже. Попросила тебя приехать как можно скорее.

Кристина тотчас же приобрела румянец мертвеца и, ничего не сказав, направилась в сторону коридора, но через пару шагов замерла на месте и обернулась.

— Надеюсь, ничего серьезного, — обратилась она к Татьяне. — Кажется, тебе придется ехать туда одной, — Кристина как-то равнодушно пожалала плечами и быстро зашагала вперед, не сказав больше ни слова.

— Что за день сегодня? — прошипела Хапперт и с недовольным выражением лица взглянула на наивно глазевшую секретаршу с большим бюстом. — Одна проблема сменяется другой.

Когда Линдси ушла, оставив Татьяну одну посреди холла среди незнакомых людей, то на какое-то время воцарилась некая пауза. Детектив просто стояла на месте и будто не знала, что ей следует сделать дальше. Так продолжалось до тех пор, пока ее не привел в чувства объявившийся знакомый голос, невежественный до тошноты. Женщина обернулась и увидела, как в полицейский участок вошла огромных размеров дама в ничуть не меньшей шляпе, которая придавала ей вид гриба-переростка. Рядом с ней шествовал костлявый старичок, но достаточно бойко, будто его тело совершенно позабыло о преклонном возрасте. Татьяна с первого взгляда на эту парочку поняла, что видела их где-то ранее, совсем недавно, но ей так и не удалось вспомнить, где и когда именно.

Женщина-гриб остановилась, расстегнула свою черную, как смоль, шубу и прожгла детектива маленькими глазками. И этот взгляд сразу же достал из глубин Татьяны воспоминание. Хапперт поняла, что видела эту даму в кафе «Разбитые сердца», где пару дней назад ужинала вместе с Эмми. Этот пожилой мужчина в тот вечером также был там и о чем-то спорил с женщиной-грибом. Кажется, конфликт касался денег.

Дама тихо выругалась, осуждая темноту и спертый воздух в здании. Затем прошла еще немного и остановилась неподалеку от Татьяны, обратившись к своему спутнику.

— Надеюсь, меня этот вшивый тип не задержит надолго, — пробурчала та и громко шмыгнула носом. — Никогда не могла терпеть этого Себастьяна.

Услышав имя напарника, Татьяна не поверила своим ушам. Неужели эта дама — жена Ларри? От подобной мысли стало не по себе. И пугало не то, что Далтон был женат на столь громадной женщине, а то, что его супруга находилась в кафе, которое располагалось на совершенно другом конце города, где той попросту не следовало быть. Возможно, это просто совпадение, и «Разбитые сердца» пользовались некоторой популярностью. Но даже Татьяна никогда бы не поехала через весь Лондон ради короткого разговора о деньгах. Нашла бы более близкое к ее дому место. Собственное нахождение там Татьяна объясняла с легкостью, кафе находилось недалеко от ее дома, к тому же раньше на той же улице была ее прежняя квартира, где она жила с матерью. Но что там понадобилось жене Ларри?

Татьяна решила развеять свои сомнения, поэтому двинулась вперед и выросла прямо

перед носом этой дамы, перекрыв ей путь к кабинету допросов. Вряд ли миссис Далтон испытала от подобного положительные эмоции. Если бы на груди Татьяны не висел значок детектива, то эта женщина наверняка бы оттолкнула объявившуюся преграду в сторону и продолжила бы движение по участку.

— Вы жена Ларри Далтона? — Татьяна решила начать без приветствия, так как поняла, что вряд ли излишняя вежливость будет хоть как-то заметна для этой дамы в смешной шляпе.

— Да, — гавкнула та и с презрением оглядела Татьяну, которая на целую голову была ниже, чем она. — А ты кто? Его коллега, как я поняла?

— Ага, — кивнула Хапперт и через силу выдавила из себя дружелюбную улыбку. — Хотела выразить свои соболезнования. Мне очень жаль, что все так произошло.

— Спасибо, — равнодушно ответила та. — Я могу пройти? — жена Ларри двинулась вперед, пытаясь обойти детектива, но Татьяна прыгнула в сторону и снова не позволила женщине в шляпе пойти вперед.

— А я вас кажется видела недавно.

— И где же? — женщина-гриб удивленно вздернула брови, а затем быстро опустила их к ресницам и приблизила друг к другу.

— В кафе «Разбитые сердца». Просто стало любопытно. Мне не совсем ясно, что вы там делали, ведь, насколько мне известно, вы живете достаточно далеко от того места.

— Меня в чем-то подозревают? — яростно спросила та и покраснела настолько сильно, что в полумраке ее можно было спутать с афроамериканской женщиной.

— Нет. Но я подозреваю, что вы приезжали туда ради встречи с одним человеком. И у меня есть множество аргументов, которые способны подтвердить мою теорию.

— Если вы меня не подозреваете, тогда зачем выдвигаете подобные обвинения, милочка? — тон миссис Далтон резко смягчился, что лишь усилило подозрения Татьяны.

— Я считаю, что вы приезжали туда ради встречи с моим мужем. А в подтверждении моих слов могу сказать, что видела вашего супруга в своей квартире несколько часов спустя. Я не обвиняю вас. Просто излагаю факты, которые в скором времени наверняка окажутся правдой. И если вы начнете врать на допросе, то мне придется в дальнейшем пронаблюдать за вами, что вполне допустимо в данной ситуации.

— У вас все? — милость на лице жены Ларри вновь сменилась недовольством. — Теперь я могу идти? Или вы решили допросить меня прямо здесь вместо мистера Морана?

— Идите, но вы учтите, что мы с вами увидимся и не один раз, — ледяным тоном произнесла Хапперт и позволила женщине продолжить свой путь в сторону коридора.

Ясная погода решила прекратить свое царствование и передала свой трон самой настоящей буре, которая за пару минут стерла все, что находилось в радиусе нескольких метров. Лиза впервые так боялась метели, хотя наблюдала ее уже множество раз, и эта не была такой уж сильной, какие гуляли здесь ранее. Скорее женщина нервничала из-за того, что они уехали слишком далеко от дома и вряд ли сумеют вернуться обратно раньше, чем закончится буря. А подобные ненастья часто могли продлиться несколько часов, бывало, что они растягивались и на целый день.

Дороги под ними уже не было видно: повсюду сплошной снег и изредка выглядывавшие обмороженные скелеты кустов и сломанных деревьев. Колеса автомобиля с трудом скользили по земле, все время застревали и жалостливо скулили, упрощая водителя

остановиться, но Джордж был неумолим и лишь беспрерывно нажимал на педаль газа. Лиза не пожалела, что взяла с собой теплую одежду, именно она сейчас спасала женщину от полного окоченения, так как в машине было ничуть не теплее, чем снаружи: внутри лишь отсутствовал снег, вот и все отличие.

Иногда буря останавливалась и делала воздух прозрачнее, отчего появлялась возможность увидеть по бокам дороги разваленные строения, где некогда кипела жизнь. Совсем рядом с ними промелькнула деревянная церковь, и Лиза успела разглядеть ее мелкие детали, которые уже не поражали сознание красотой, а вызвали отторжение. Здание пострадало от пожара и постоянно гуляющих здесь ветров. Колокольня полностью обрушилась под тяжестью собственного веса, остались лишь смутные очертания и по-прежнему возвышавшийся над центральным входом крест, наклонившийся набок. Поблизости также наблюдались мелкие деревенские дома, но большинство из них оказались закопанными под грудой снега и льда, поэтому распознать в них людские жилища стало труднее, чем в теплое время года.

Внезапно плохая погода вспомнила о своей силе и снова скрыла пейзажи от чужих глаз, погрузив бесконечную дорогу в полную темноту. Лиза даже стала верить, что наступила ночь, так как дневного света, фактически, уже не было. На часах только двенадцать дня, слишком рано для наступления темноты, солнце полностью скроется лишь через несколько часов, но метель не подчинялась времени и сама назначила время суток, которое ей показалось более симпатичным.

Виктор за время их пути не проронил ни слова, даже не пытался заговорить. Лиза тоже молчала, хотя желание начать беседу с каждой минутой было невыносимым, ибо только диалог, даже на самую нелепую тему, мог хотя бы немного заглушить вой ветра. Женщина в полумраке разглядывала лицо спутника, наблюдала за тем, как тот постоянно играл желваками и тяжело дышал через нос, словно ему не хватало воздуха. Изредка он прикусывал нижнюю губу и жевал передними зубами, совершенно не жалея ее: еще чуть-чуть, и мужчина прокусит эту часть тела насквозь. Лиза знала, что Виктор нервничал, пытался всеми силами подавить в себе ледяной страх, который бил молотком по его затылку, разносил спазмы по всему организму, и делал это крайне умело. Она видела в его глазах блеск, что означало лишь одно: Виктор не думал отступать, он твердо уверен найти что-то впереди, и мужчина это найдет, даже если придется остаться здесь до наступления ночи. За дочерей женщина старалась не волноваться. Если буря не утихнет до обеда, то девочкам вряд ли позволят уйти домой, так как знают, что те живут довольно далеко от школы и не сумеют без приключений вернуться назад. Такие бури происходили довольно часто, и Елизавета была невероятно благодарна отцу Федору за подобные благие действия. Этот мужчина никогда не оставался равнодушным и делал все возможное для обеспечения безопасности своих учеников. К тому же он был крестным отцом Пайпер, Лиза не смогла выбрать кого-то другого для подобной должности. Отец Федор был наиболее близок к ее дочерям, никого подобного в их жизни не имелось. Да, этот человек строг и порой зануден, но это не делает из него недостойного человека.

Однажды отец Федор был у них дома. Это случилось после нескольких несчастных происшествий, которые произошли у них на заднем дворе. Когда их сосед был жив, то у него водилось множество домашних животных, которых тот выращивал и часто продавал на ферму за довольно хорошие деньги, иногда даже ездил в соседний город, где прибыль была еще выше. И вот однажды все куры соседа дружно забрели на территорию дома Елизаветы и

одна за другой погибли по неизвестной причине. Они просто лежали на земле и никаких признаков насильственной смерти у них никто не обнаружил. Сначала этому не придали особого внимания, так как кур погибло немного, но когда в дом Лизы пришел целый поросенок и также покинул свое тело и отправился в лучший мир, то все жильцы деревни всерьез задумались о проделках нечистых сил и окрестили дом женщины проклятым. Лиза пыталась терпеть разговоры, сплетни, нецензурные выкрики в свой адрес, но чуть погодя подобное стало невыносимым. И женщина позвала отца Федора. Это случилось еще до того, как ее дети пошли учиться в его школу. Но тот так и не смог учуять что-то темное, никаких знаков свыше дано не было. Поэтому Лизе оставалось только укрепить забор, чтобы никаких незваных гостей у них в доме больше не водилось. И смерти прекратились. Но слухи по-прежнему гуляют.

Лиза вздохнула, предавшись воспоминаниям, и прижалась к спинке переднего сидения, после чего незаметно для самой себя задремала. Она не знала, сколько именно ей удалось находиться за пределами реального мира, но вой ветра в ее ушах продлился достаточно долго, чтобы предположить, что женщина проспала около часа. В чувства ее привел странный шум, который сильно отличался от пения метели. Сначала это было что-то бесформенное, напоминавшее неторопливые шаги по скрипучему полу, но с каждым разом возникала некая мелодичность, образность, и Лиза поняла, что это музыка. Кажется, играли на пай-флейте, мелодия передавала восточное звучание, что-то тревожное, вызывавшее лишь неприятные и печальные эмоции. Чуть погодя среди чарующих звуков возник голос, женский. Он пел, но это пение больше походило на крик, рыдания с надрывом.

Лиза выпрямила спину и с удивлением посмотрела на Виктора, который, судя по выражению лица, тоже слышал эти тревожные звуки. Он встретился с ее взглядом и кивнул, но их зрительный контакт продлился ничтожно мало, и мужчина вновь устался на дорогу, судорожно сжимая руль.

— Как думаешь, что это? Где-то какой-то праздник? — Лиза нарушила неприятное молчание и испуганно стала оборачиваться по сторонам, надеясь выяснить, откуда именно шла эта музыка. — Подобное я слышала на похоронах. Так пели женщины, которых назначали оплакивать умерших. Но это не похоже ни на что подобное, слишком много чувств в этом голосе.

— Она действительно оплакивает умершего, — прошептал Виктор. — Или чувствует, что кто-то поблизости скоро покинет этот мир. Нечто схожее я наблюдал в Египте, — мужчина напряг лицо и снова стал жевать нижнюю губу. — Странно слышать это здесь. Я думал, что это заброшенные места.

— Здесь много построек, — пожала плечами Кристина и снова прижалась к спинке сидения. — Не удивлюсь, если это какая-нибудь религиозная секта. В последнее время их довольно много расплодилось. Давай уедем отсюда как можно скорее. Не хочу, чтобы они нас заметили.

— Мне и самому здесь не нравится. Но мы уже почти на месте. Я узнаю эти места. Когда-то был здесь, давно, очень давно.

Рядом с машиной выросли обнаженные стволы низкорослых деревьев и стали хлестать лобовое стекло своими длинными щупальцами. Виктор пытался увернуться, но автомобиль в подобных условиях оказался непростительно неповоротливым и с каждым разом проваливался в сугробы все сильнее и сильнее. Через несколько минут им удалось выехать отсюда и попасть на более чистое пространство, где растительности было заметно меньше.

Лизе удалось разглядеть выглядывавшие из-под снега колосья осоки, которые даже в такое время года не утратили свой бледный зеленоватый оттенок. Автомобиль стал двигаться по возвышенности. Кажется, они добрались до какого-то холма, но из-за снежного тумана понять что-либо оказалось непосильной задачей.

— Топлива осталось очень мало, нужно будет дозаправиться потом, — сказал Виктор, будто самому себе.

— Ты взял канистру с бензином?

— Я не настолько безответственный, чтобы забыть взять подобное. Разумеется. У меня в багажнике целых три канистры. Мне ведь еще добираться до Лондона, а эта малышка любит кушать за четверых, — мужчина похлопал рукой по рулю и по-детски улыбнулся.

Лиза поняла, что они доползли до вершины возвышенности, так как теперь тело не пятилось назад. Женщина прижала лицо к запотевшему из-за ее горячего дыхания стеклу и ладонью протерла его, чтобы посмотреть на пейзажи снаружи. Но ничего, кроме бесконечной синевы, она так и не смогла увидеть. Погрустнев, она собралась было снова задремать, но неожиданно ее внимание привлек слабый желтоватый свет где-то далеко впереди, который через огромные усилия пробивался сквозь толстую стену метели. Подобное свечение исходит только от домов, Лиза знала это слишком хорошо, чтобы ошибиться. Джордж тоже это заметил и сразу же направил автомобиль в сторону света.

Только сейчас Лиза заметила, что пение по-прежнему находилось где-то поблизости, но стало таким тихим, что практически не различалось среди этой темноты.

— Ты хочешь добраться до того дома?

— Надо же где-то остановиться и понять, где находимся. Мне начинает казаться, что мы петляем по кругу, — Джордж надавил на педаль газа еще сильнее, будто надеялся, что машина станет двигаться чуточку быстрее.

— Еще не поздно повернуть назад. Мне кажется, что мы здесь ничего не найдем. Лучше дождаться, когда буря утихнет. К тому же, — Лиза демонстративно поежилась и потеряла тыльной стороной ладони красный кончик носа, — я замерзла.

— Сегодня. Я должен находиться там сегодня, — протараторил себе под нос тот, вызвав у своей спутницы лишь недоумение и смущение.

— Хорошо. У меня нет выхода, — Лиза развела руками и завернулась в свой лисий полушубок еще сильнее. — Я ведь сама подписалась на это, отступать уже поздно, — женщина толкнула коленом крышку бардачка и нечаянно открыла его, и оттуда вывалилось несколько музыкальных валиков, которые благополучно приземлились прямо на Лизу и не скрылись где-то в ее ногах. — Что это? — повертела цилиндрический предмет в руке та. — Запись чьего-то голоса?

— Да, это запись, — Джордж вырвал валик из рук женщины, затем подхватил и остальные и быстро вернул их на место. — Лучше их не трогать, они довольно старые, могут испортиться.

— И что на них?

— Не могу сказать, — отрезал тот и вновь сжал руками руль. — Скажу лишь, что эти записи привели меня сюда. И они крайне важны для меня и для того, что я все эти годы ищу. Ты не представляешь, насколько они ценные.

— Послушав тебя, представила, — закатила глаза та, воспринимая слова мужчины слишком скептически. — Прямо откровения пророка везешь в своей машине, — Лиза решила съязвить, но встреча с угрюмым лицом Виктора заставила ее замолчать.

Между ними вновь воцарилось молчание, и на этот раз оно стало крайне необходимым, так как слова стали нагнетать обстановку и явно не могли привести к чему-то хорошему. Лиза не хотела понимать, что скрывал Джорджа, да и не видела в этом что-то, что могло бы вызвать интерес, потому что ее тело настолько сильно устало, что ей хотелось лишь остановиться где-то, выпить горячий кофе и лечь спать. Еще никогда она так сильно не жалела, что согласилась с кем-либо поехать куда-то, что находилось за несколько миль от ее дома. Вряд ли в будущем она повторит подобное.

Пение приблизилось к ним, стало настолько надрывным, что слушать его стало невыносимо, оно проникло внутрь, стало плавить барабанные перепонки и заполнять разум отвратительными изображениями, которые представляли из себя что-то мертвое, разорванное на мелкие кусочки. Лиза сжала голову руками и вскрикнула от боли, которая напоминала удары молотка по черепу. Джордж также вскрикнул и отпустил руль, пытаясь оградить себя от женского надрывного пения. Елизавета не сразу поняла, что мужчина больше не управлял транспортным средством, а когда осознала это, то было слишком поздно. Автомобиль проскочил несколько десятков метров и врезался во что-то твердое, вынудив находившихся внутри пассажиров врезаться лицом в приборную панель.

Татьяна предложила Кристине помощь и пожелала отвести свою коллегу до ее дома, но та решила отказаться. И это не потому, что она могла справиться самостоятельно и не испытать каких-либо затруднений во время передвижения по городу. Просто одна лишь мысль о том, что ее теперь считают какой-то неполноценной, «сломанной» раздражала донельзя.

Забраться в трамвай не составило труда, но вот простоять в нем пятнадцать минут стало самым большим испытанием. Транспортное средство постоянно виляло в разные стороны, как быстроходная гусеница, что гонится за убежавшим от нее мелким насекомым. Ни один из пассажиров не осмелился предложить Кристине место, все будто не замечали, что та держит равновесие только благодаря деревянной трости. Женщина так и норовила ударить этой тростью кого-то по затылку и сказать что-нибудь нелестное старческим голосом, но с трудом сдержалась.

Когда трамвай сделал короткую остановку около ее места проживания, Кристину буквально вытолкнули из трамвая и оставили одну посреди скользкого тротуара, который превратился в рай для любителей покататься на коньках. Оказалось, что добраться до двери собственного дома будет еще труднее. Ноги разбегались друг от друга в разные стороны, трость вообще существовала сама по себе и творила самые нелепые танцы. Кристине даже пришлось пару раз остановиться около фонарного столба, обхватить его руками и стоять в оцепенении несколько минут, чтобы отдышаться. К счастью, нога болела уже не так сильно, как утром, поэтому двигаться стало гораздо легче. С костылем она бы не забралась даже в трамвай, а о передвижении вместе с ним по этой улице вообще не стоит рассматривать.

Оказавшись у порога квартиры, Кристина достала ключи и вставила в замок, но металлический предмет застрял в замочной скважине уже на середине пути и не захотел двигаться ни в одну из сторон. Женщина повертела ключ изо всех сил, надеясь, что замок просто заржавел из-за постоянной влаги в городе, но все тщетно. Ключ так и остался в одном положении. Кристина обреченно вздохнула и в надежде толкнула дверь. И это действие не оказалось таким уж и бесполезным. Раздался хруст, который обычно возникает, когда отламываешь ломоть засохшего хлеба и с хрустом кусаешь его. Дверь медленно

отворилась, и в нос женщины проник странный запах какой-то гнили, что обычно ощущается в заброшенных постройках, где недавно кто-то умер. Подобный аромат вызвал скорее не удивление, а панику, потому что ей было прекрасно известно, как пахла ее квартира, и этот запах никогда там не присутствовал и не мог присутствовать.

Кристина резко толкнула дверь и проникла внутрь, но едва сделала шаг, как тут же остановилась. Прямо у ее носа выросла паутина. Не такая, какая обычно встречается в парке или в старом доме. Она была плотной, как вязаное покрывало, и занимала половину дверного проема. Сквозь нее невозможно было разглядеть, что происходит внутри квартиры, да и миновать ее оказалось пугающей идеей. Женщина не понимала, почему так спокойно отреагировала на подобную картину. Скорее всего это был шок, самый сильный из всех возможных, ибо иначе ее состояние никак нельзя было объяснить. Женщина присела и проползла сквозь большое отверстие в паутине и оказалась внутри. Когда паутина пролетела над ее головой, то она заметила, что внутри бурлила целая масса из мелких насекомых, которые тихо перешептывались друг с другом и пытались исследовать каждый уголок своего нового жилища. Жуки оказались и на полу, и там их было ничуть не меньше, несколько хозяйка квартиры даже раздавила ладонью. К счастью, насекомые были не такими уж и большими. Если бы Кристина не находилась так близко к полу, то вряд ли бы их заметила.

Паутина покрыла буквально все: стены, окна, мебель, даже потолок. Она напоминала огромнейшую простынь, которой занавесили все и вся, чтобы скрыть обстановку квартиры от людских глаз. Лишь полы были чистыми, хотя и очень относительно, так как стали напоминать оживленную улицу мегаполиса из-за обилия насекомых. Паутина создала целые стены в центре комнат и сделала перемещение по квартире крайне опасным заданием.

Искать причину неприятного запаха долго не пришлось. Когда Кристина миновала кухню, то увидела за кофейным столиком сидевшую на кушетке их соседку, которая сидела с ее детьми. Та прижимала к уху телефонную трубку и смотрела куда-то вниз. Патологоанатом бросилась к ней и остановилась в паре метров от тела, не смея приближаться ближе, так как поняла, что жизни в этой пожилой даме больше нет. Шея соседки была перекусана в том месте, где находилась сонная артерия, отчетливо виднелись следы зубов. Нападавший оторвал от своей жертвы слишком много плоти: отсутствовала половина нижней челюсти, а шея стала напоминать муравейник из-за кишачих там плотоядных жуков. Светловолосая женщина попыталась закричать, закрыть лицо руками и проявить хотя бы немного панических эмоций, но она продолжала равнодушно глазеть на мертвеца перед ней и внимательно изучать детали. Возможно, подобное затянулось бы надолго, если бы Кристина не услышала детский плач в соседней комнате. После этого ее будто пробилось насквозь мощным зарядом электричества, и она, забыв о том, что не может ступить на одну ногу, бросилась на жалостливые призывы о помощи.

Комната, откуда доносились голоса, оказалась заперта изнутри, и Кристина стала стучать по ней, не жалея ладони.

— Эмми! Адам! Вы здесь?! — впервые она почувствовала страх, настолько сильный, что тело принялось трястись, вибрировать и терять тепло. — Пожалуйста! Ответьте!

— Мама! — послышался слабый голосок, который сменился тишиной и слабым плачем.

Кристина взяла на кухне стул и с помощью него стала выламывать дверь, превращая предмет мебели в груды хаотично разбросанных щепок. Первый удар — дверь даже не шелохнулась, второй удар — шум заглушала паутина, вряд ли он сумеет выйти за пределы этой квартиры, третий удар — дверь впервые стала поддаваться и прогнулась, как тонкий

лист из меди, четвертый удар — замок хрустнул и вырвался из косяка дверного проема, разорвав древесину, как кусок мяса. Женщина вбежала внутрь и увидела сжавшихся в углу двоих детей, которые были напуганы настолько, что даже не посмели поднять на Кристину заплаканные глаза.

Женщина склонилась над ними и поочередно ощупывала их, пытаясь найти раны или шишки, но тела детей, к счастью, оказались чисты и лишены даже малейшей царапины, лишь покрывались кусочками паутины и пылью.

— Что?.. — с трудом выдавила из себя Кристина и сжала в ладонях лицо сына. — Что произошло? Кто все это сделал? Кто?.. Скажи мне... Пожалуйста...

— Он... — всхлипывая, прошептал мальчик. — Он заставил ее позвонить тебе, заставил... Он хотел, чтобы ты пришла сюда.

Казалось, что дождь никогда не прекратится: его силы с легкостью бы хватило, чтобы создать новый Всемирный потоп, но что-то сдерживало нахлынувшую стихию, остужало ее жар.

Татьяна боялась, когда кто-то ночью стучится в дверь ее квартиры. Девушка знала, что она здесь не одна, что повсюду ее окружают соседи, готовые в любой момент оказать помощь. Но стены были такими толстыми, что ни единый звук от других жильцов не мог пробраться в эту квартиру.

Сейчас ее вновь одолевал этот страх, она снова одна наедине с барабанной дробью дождя. Пытаясь хоть как-то унять дрожь и нервозность, она снова выпила успокоительное средство, которое ей прописал врач. Ей было известно, что нельзя превышать положенной дозы, но Татьяне уже было все равно. Она хотела лишь вернуть умиротворение, остальное отошло на задний план.

Стук в дверь повторился. Татьяна поняла, что таблетки совершенно бесполезны. Страх еще сильнее впивался в тело. Но она, сама не зная почему, тихо приблизилась к двери, услышав за ней знакомый мужской голос.

— Татьяна, я знаю, что ты там. Я видел свет из твоего окна. Пожалуйста, открой дверь, — Джорджа нельзя было обмануть. И не впускать тоже. Этот парень всегда добивается того, что хочет.

Девушка медленно и неуклюже приоткрыла дверь и взглянула на до нитки промокшего молодого человека, стоявшего в сыром дурно пахнувшем подъезде.

— Привет, — тихо произнес он и как-то скромно и по-детски улыбнулся.

— Зачем ты пришел? — Татьяна не спешила впускать нежданного гостя в свою квартиру и терпеливо держала его за приоткрытой дверью, наблюдая, как талая вода капает с его взъерошенных волос.

— У меня есть кое-что интересное для тебя.

— Я сейчас не в состоянии говорить о работе. Я бы хотела отдохнуть. После сегодняшнего мне не по себе. Я плохо себя чувствую.

— Себ мне все рассказал.

— О, не знала, что ты общаешься с ним, — прижалась к косяку девушка, еще шире открыв дверь. — И что он тебе поведал?

— Он мне рассказал, почему ты взялась за это дело.

Татьяна недовольно покачала головой и исподлобья посмотрела на Джорджа.

— Ладно, ты победил. Можешь входить, — резко повернулась Татьяна и направилась на

кухню, оставив молодого человека наедине с полуоткрытой дверью.

Глубоко вздохнув и стряхнув с себя царапавшие кожу дождевые капли, Джордж перешагнул через порог, заранее сняв обувь в подъезде, чтобы как можно меньше пачкать пол.

— Извини, что немного испачкаю прихожую. На улице просто ужасная погода. А я, как назло, забыл дома зонт.

— Кофе будешь? — послышался усталый голос с кухни.

— Я выпью все что угодно, лишь это было горячим.

— Значит, кофе.

— А где Петр? Так и разъезжает по Азии?

— Да. Все так и разъезжает. В прошлом месяце Мексика, теперь его занесло в Китай. Быть успешным бизнесменом не так уж и просто, хотя в его случае это было раз плюнуть, ведь все состояние ему досталось от папочки... Тебе сахар класть?

— Да, две ложечки, — невольно облизал замерзшие губы тот и прошел на кухню, ощущая неприятное прикосновение мокрых носков на онемевших пятках.

Татьяна кивнула и выполнила его просьбу.

— Знаешь, я порой думаю, что разведена. Я вижу мужа несколько раз в год. Это меня с ума сводит. Если бы не работа, давно оказалась бы в дурке.

— Ты сильная. Все будет хорошо.

— Что ты там хотел мне интересного рассказать? — Татьяна решила резко сменить тему и, по традиционному обычаю, закурила ароматную сигару, положив под ладонь свободной руки портсигар, который всегда был при ней.

— Удивлен, что ты до сих пор хранишь эту штуку, — Джордж заметил серебряный блеск портсигара и издал тихую ухмылку. — Когда-то и Эрван таскал эту вещицу с собой. Курил каждые пять минут. Я думал, что его легкие окочурятся через пару лет.

Татьяна украдкой улыбнулась и потушила сигарету.

— Давай перейдем к делу.

— Да, ты права, — поперхнулся тот и достал из внутреннего кармана кожаной куртки папку со слегка промокшими бумагами. — Не волнуйся, дождь не добрался до самого ценного. По крайней мере, прочитать сможем.

На кухонном столе оказались странные бумаги, написанные от руки. Почерк был довольно аккуратным, что слегка удивило молодого детектива. Обычно ручные записи может прочитать только их автор, а здесь же все доступно, что большая редкость.

— Мне пришлось пожертвовать своей сухой одеждой, чтобы эти документы оказались на твоём столе. Ну и не только одеждой... Но это уже мои проблемы.

— Постой-ка, — Татьяна потянулась вперед и взглянула на руки своего гостя. — Ты с кем-то подрался? У тебя все пальцы в ссадинах.

— Я тебе потом расскажу, — подмигнул ей тот. — Себ дал мне координаты, я выполнил его поручение.

— Себ? — удивленно приподняла брови та. — С каких пор он подключил тебя к расследованию?

— Еще до вчерашней нашей встречи... Хотя вся это заварушка началась еще на том корабле, я уверен в этом. Ты явно пытаешься связать те убийства с нашим делом. Ведь я прав?

— Возможно... Но я не уверена, так как у меня на руках слишком мало информации.

Сплошная вода... Но я в шоке от того, что вы с Себом нашли общий язык. Вы же всегда были кошкой с собакой.

— Мы взрослые люди, Татьяна. Сейчас нет времени на прошлые обиды... Себ ведет это расследование с прошлого года. Не знаю, какую информацию он получил и из какого источника, но оказалось, что первое убийство в этой психлечебнице произошло на следующий же день после ее открытия. Почерк убийцы все тот же: у жертв явные симптомы испанки и странные укусы на теле. Больница была открыта в 1918 году, девять лет назад. И с первых же дней взята под крыло правительства. Туда какое-то время отправляли наиболее опасных пациентов. Поэтому все расследования были закрыты, так и не начавшись.

— Странно, что ты не знал об этом ранее. Ведь, насколько я помню, ты был знаком с Доктором Ломаном много лет, — съязвила Татьяна.

— Он был очень скрытным человеком. Да и я не желал знать о его жизни. Поэтому пришлось вытаскивать информацию из других источников. И они надежные... — Джордж убрал свои мокрые волосы назад и продолжил чтение документов. — Доктор Ломан был владельцем этого дома, о чем я, разумеется, был не в курсе... Это уже так, мелочи... Он его продал некому лицу за очень круглую сумму. Здание пустовало много лет. Но после внезапно оказалось под его контролем, но уже в ином виде.

— Это странно.

— Именно. То есть, он был владельцем этого дома, продал его, снова купил и сам же открыл в нем психиатрическую клинику.

— Теперь появилось еще больше улик, доказывающих, что это именно он убил тех людей.

— Вот именно. Он — хирург. Поэтому мог с легкостью натворить экспериментов над своими пациентами, которые никому не нужны. Бесплатный биологический материал. И чтобы снять с себя подозрения, он нанял тебя, пытаясь тем самым повернуть расследование в выгодное русло. Можно даже смело предположить, что музыка, которую ты слышала, тоже его рук дело. Удобно все свалить на призрака.

— Утром будет вскрытие тела Ломана. Надеюсь, это прояснит некоторые детали. Не думаю, что это суицид.

— Что ты еще хочешь найти? Ответ очевиден — он убийца. На нем нет никаких следов, обнаруженных на жертвах. Это обычный суицид. Он хотел убежать от правосудия, Татьяна, и ему это удалось. И думаю тебя это немного оживит: я сравнил обряд мумифицирования с нашим случаем. У мумий обнаруживали следы вмешательства в их тела, в нашем деле такого, к сожалению, нет.

— Я не поверю, чтобы органы исчезли без какой-либо причины. А что если это кислота, не оставляющая ожогов?

— Тогда она бы поразила большие участки тела, а не только определенные органы. Не забегай в научную фантастику, это не наш случай.

— Мне кажется, я зря взялась за это дело. Когда я узнала о том, что есть хоть какой-то шанс на то, что я тогда была права... Меня будто парализовало... Я...

— Поэтому ты носишь его портсигар с собой, верно? Надеюсь, Петр об этом не знает?

— Его любовь давно перешла к деньгам. Удивлюсь, если он еще помнит, что у него в Англии живет живая жена.

— Я оставлю тебе документы. Может, найдешь в них еще что-нибудь интересное, — Джордж слегка похлопал ладонью по папке с бумагами, затем направился к входной двери,

но Татьяна его остановила.

— Пожалуйста, не уходи.

— Ты, кажется, хотела побыть одна.

— Уже не хочу. Знаешь, в этой квартире я чувствую себя тюремной заключенной. И если меня здесь запереть на пару дней... Я, наверное, умру.

— Что ж, отказываться не буду. Тем более я и сам не горел желанием разгуливать в мокрой одежде по городу. До моего дома шагать пару километров, поэтому завтра я бы точно проснулся с температурой.

— Снимай одежду, я дам тебе сухую, — улыбнулась девушка и направилась в спальню.

В ее квартире можно было найти много ненужной роскоши, которую Татьяна бы с радостью выкинула, лишь бы не видеть их золотого свечения. Но Петр безумно дорожил каждой безделушкой и, наверное, отдаст за них свою жизнь.

Спальня была гораздо больше кухни, а о размерах гостиной даже боязно задумываться. Высота стен пугала до безумия. Казалось, что спишь в каком-нибудь музее, а не в обычной квартире.

Татьяна до сих пор не могла к этому привыкнуть, хотя много раз пыталась. Она любила простоту во всем, ее муж же обожал масштаб. Спорить с ним не имело смысла. У него есть деньги, он мог позволить себе буквально все. А она лишь его законная жена, которая скромно гоняет всяких преступников и шарлатанов уже шестой год.

— Ты в последнее время сама не своя. Это расследование на тебя плохо влияет, — раздался из кухни голос Джорджа.

— Тебе показалось. Со мной все хорошо, — Татьяна открыла шкаф, где хранились вещи мужа, которые он, наверное, надевал лишь один раз. Этот мужчина меняет одежду чаще, чем любовниц.

Татьяне всегда было интересно, как Петр умудряется хранить всю свою одежду в одном лишь шкафу. Дверцы с приятным скрипом открылись, и в нос ударил приятный запах одеколona. Петр всегда опрыскивал каждый костюм, каждую запонку на рукаве этим едким пахучим веществом. Сначала женщина пыталась противиться этому, даже напрямую просила супруга не использовать одеколон в ее присутствии, но Петра отговорить так и не удалось. Татьяне даже стало казаться, что мужчина использовал его еще чаще и выливал на себя литрами. Поэтому ей пришлось просто привыкнуть, и со временем запах одеколona даже стал восприниматься без отторжения, как аромат цветов в ботаническом саду.

Хапперт разыскала на нижней полке подходящую под размер ее коллеги рубашу и свободные клетчатые штаны. Петр был довольно худощавого телосложения, и женщина опасалась представить, как тот изменился за время своего отсутствия, боялась даже подумать о том, как супруг выглядел в данный момент. У него всегда были проблемы с недостатком веса, особенно в последнее время. Врачи ссылались на расстройство желудка, и это нельзя было поддавать сомнению, так как Петр действительно мало ел (иногда не клал в рот за целые сутки ни кусочка). Так что одежда мужа могла оказаться маловата для такого крепкого мужчины как Джордж. Но Татьяна надеялась, что Майлз сможет натянуть на себя хотя бы то, что она для него выбрала.

Ей было несколько стыдно оставлять этого человека у себя в доме. И у нее было множество оснований отказаться от подобной затеи. В голове до сих пор комом стояли воспоминания восьмилетней давности, когда этот человек набросился на нее и, словно оголодавший зверь, рвал на ней платье. И ей до сих пор не ясно, что заставило ее простить

его. После того происшествия они не виделись несколько лет, и Джордж вернулся в жизнь Татьяны, как дождь в пустыню. Она его не ждала и боялась даже мыслить о том, что тот вновь окажется рядом с ней. Он не пытался объясниться, хоть как-то прояснить все, что между ними произошло. Мужчина вел себя так, будто того насилия и не было вовсе. Возможно, Татьяна стала бы избегать молодого человека, всячески закрываться от него. Но Джордж нашел способ подойти к ней ближе и продвинул одно из ее расследований далеко вперед. И им пришлось поработать вместе. Тогда мужчина вел себя сдержанно, как совершенно другой человек. И Хапперт пыталась воспринимать его именно другим, не знакомым ей ранее. Даже теперь воспринимает только так, иначе все внутри вновь сгниет от боли.

На нижней полке запах одеколona оказался значительно сильнее. Вряд ли это в пределах нормы. Уж слишком едким этот запах был. Татьяна села на колени и стала принюхиваться к вещам, затем обнаружила в дальнем углу шкафа лежащий на боку стеклянный флакон, крышка которого, как оказалось, из-за падения открылась и вынудила пахучую жидкость немного пролиться на ткань. Поэтому запах оказался таким сильным. Татьяна взяла сосуд и закрыла его, затем выпрямилась и попыталась поставить на верхнюю полку, где располагались другие подобные вещицы супруга.

Женщина была так увлечена, что не заметила, как позади нее возникла человеческая фигура. Она была мужской и довольно-таки низкорослой, но до образа нормального типичного человека ей было далеко. И это объяснялось тем, что на этой личности не виднелось ни клочка одежды. Тело незнакомца было полностью обнаженным, но гениталии не прослеживались. Из-за спутанных волос, спадавших на лицо, эмоции скрылись от посторонних глаз, но изредка появлялась возможность разглядеть открытый рот и напряженную нижнюю челюсть, которая чем-то напоминала сплюснутую морду собаки. Кожа незваного гостя походила на некачественный пергамент: серая, с многочисленными рваными порезами и укусами, вздутыми венами. Если приглядеться, то можно рассмотреть буквально весь скелет, ибо вес данного человека оказался настолько маленьким, что возникало предположение, что под кожей не осталось и капельки жира, скорее всего, не было и самих мышц.

Человек издал тихое: «А-р-р!» Затем, выставив руки перед собой, стал неторопливо двигаться по направлению к Татьяне. Но тому было не суждено добраться до желаемой цели. В спальне возникла еще одна личность, но та, к счастью, не напоминала ожившего мертвеца. С первым гостем его объединял лишь мужской пол. Второй посетитель с ног до головы покрывался бинтами, из-под которых виднелись шрамы от ожогов, многие из которых, по всей видимости, загноили и стали причинять их владельцу все больше и больше мучений. Из-под повязки показались большие выразительные глаза, которые испуганно поглядывали на Татьяну, а затем перебежали на обнаженного человека и демонстрировали уже ярость.

После произошло невозможное. Перебинтованный человек прыгнул вперед, как заяц, и пролетел сквозь живого мертвеца. Обнаженный мужчина взвизгнул, как подстреленный пес, и разлетелся на мелкие кусочки, забрызгав всю спальню кровью. Второй гость успел достичь Татьяну до того момента, как та оглянулась на крик и, обхватив ее стройное тело обоими руками, растворился вместе с ней в воздухе. Одеколон, находившийся в ее руках, отлетел в сторону, как мяч, и разбился о забрызганную человеческой кровью стену.

Локация резко сменилась, и теперь вместо хорошо освещенной спальни возникло озеро, которое сначала было где-то под ними, но постепенно стало приближаться к Татьяне и

перебинтованному человеку все ближе и ближе. Они падали с большой высоты, словно два огромных камня. Еще немного, и в талой воде возник взрыв, заставивший большое количество ледяной жидкости взмыть в воздух. Едва озеро коснулось тел Татьяны и мужчины, как некая сила отбросила их друг от друга, будто те были магнитами с одинаковыми полюсами. Перебинтованный незнакомец изо всех сил пытался добраться до женщины, но чем больше он двигался в воде, тем сильнее его оттаскивало назад все той же необъяснимой силой.

— Татьяна! — сквозь толщу воду крикнул он. — Борись с ней! Не дай ей завладеть тобой!

Она никогда прежде не видела такой невообразимой смеси эмоций в глазах человека. Возможно, некоторые, с кем ей приходилось общаться и пересекаться, изображали во взгляде две или в редких случаях три эмоции, но чтобы их было больше — нет, такого прежде она не встречала. И этому человеку не нужно было щурить глаза, бегать ими, как-то расширять зрачки и играть бровями. Ему достаточно просто глазеть остекленевшим взглядом, чтобы сказать столько, что это не уместится ни в одном письме. В основном, этот мужчина испытывал отрицательные эмоции, их, как она поняла, было большинство. И каждая из них неведома Елизавете. Они не похожи ни на злость, ни на грусть, ни на разочарование в чем-либо. Глаза говорили что-то другое, и это что-то напоминало страх (но слишком отдаленно), может быть, предупреждение. Последнее больше походило на правду.

Тело незнакомца покрывали следы от ожогов, их было не так много, в некоторых местах прослеживалось заживление, хотя и не очень значительное. Там, где кожа стала чище и белее, остались бугры и неровности, которые в темноте выделялись сильнее, чем следовало бы. Особенно пострадало лицо, точнее, лишь его половина. Вторая часть лица оказалась достаточно привлекательной и не вызывала отторжения. Волосы мужчины, возможно, стали реже, но из-за максимально короткой стрижки трудно было понять наверняка.

Незнакомца не волновал холод, он будто его не чувствовал вовсе. Обычная белая рубаша, которая была ему велика и висела мешком на худощавом сутулом теле, клетчатые штаны длиннее ног, и их концы благополучно подметали усыпанную снегом землю. Но владелец этой одежды будто был рад своему внешнему виду, это подтверждалось движением рук, которые так бережно прикасались к ткани, что можно было подумать, что у него с этими предметами гардероба роман. Елизавета предположила, что ему все это кто-то подарил. Скорее всего дама сердца. Или кто-либо из семьи, кого уже наверняка нет на этом свете. Без знания жизни этого молодого человека определить точно сложно.

Он стоял прямо перед автомобилем, столкнувшимся с упавшим деревом, которое давно стало частью снежного покрова и полностью утонуло в белом океане. Яркие фары освещали его высокий силуэт, но большая часть свечения уходила в оледеневший ствол, из-за чего нижняя часть этого человека по-прежнему располагалась в тени. Судя по обстановке, на улице стояла глубокая ночь. Метель давно завершилась, а небо заполнили, словно рой голодных комаров, звезды. Луны не видать, но и без нее пейзажи выглядели достаточно яркими, так что заблудиться здесь уже не будет обязательным событием. Из-под капота поднимался сероватый с нотками рыжеватости дым, а где-то в глубине транспортного средства что-то трещало, как поленья в камине частного дома.

Лиза приложила руку ко лбу и нащупала рассеченную бровь под левым глазом (рана не слишком серьезная, но на этом месте в скором времени вылупится далеко не маленький

синяк). К счастью, ремень безопасности удержал ее и Виктора на месте и не позволил им обзавестись более серьезными травмами. Женщина вытерла потекшую по лицу кровь рукавом и снова посмотрела вперед, чтобы увидеть странного мужчину, что все это время наблюдал за ней. Но тот, будто по волшебству, исчез, не оставив после себя даже дорожки из следов. Елизавета попыталась убедить себя, что данный человек всего лишь галлюцинация, вызванная сильным ударом головы о приборную панель. Но мужчина казался таким настоящим, что поверить в его нереальность было той еще задачей.

Рисуя в голове его образ, она все сильнее и сильнее начинала понимать, что знает это лицо, знает так хорошо, что теперь вряд ли сможет забыть. Этот человек был практически идентичен Виктору за исключением незначительных внешних признаков. Неужели это и вправду лишь плод ее воображения? Ведь подобного быть не должно.

Женщина ощутила жжение внизу живота, что-то закипало в желудке и поднималось вверх по пищеводу. Последствия аварийного торможения стали приходить постепенно, неторопливо, и Лиза уже готовилась к худшим последствиям. Она резким движением руки открыла дверь и выпала наружу, как птенец из гнезда, рухнула в снег и встала на четвереньки. Ей было невмозготу сдерживать содержимое желудка, и весь завтрак выбрался наружу, водопадом приземлившись на чистый снег. Когда тошнота слегка отступила, Лиза поняла, что просидела на морозном воздухе слишком долго и замерзла практически насмерть. Остаться в машине опасно. Неизвестно, насколько сильно поврежден автомобиль. Вздывавшийся из-под капота дым лишь усиливал неприятные мысли. К тому же внутри салона было ничуть не теплее, чем здесь, снаружи.

Необходимо добраться до того строения, из которого доносился слабый свет, весьма теплого оттенка. Ясность воздуха позволила разглядеть очертания дома: оно было одноэтажным, каким-то крошечным и толика покосившимся. Скорее всего это был охотничий домик. Неужели тот самый, о котором твердил Виктор? Вряд ли. То здание было уничтожено пожаром, а это выглядело слишком хорошо для сгоревшего строения. К тому же поблизости не находилось геотермальных источников, которыми было знаменито место, куда они оставшуюся часть дня пытались добраться. А здесь все, как и полагается, засыпано полуметровым слоем густого снега.

Лиза залезла в машину и осмотрела Джорджа, чье лицо по-прежнему лежало на руле. Нос молодого человека разбит, но не сломан. Его падение не оказалось таким же мягким, как у спутницы, так что вряд ли ему удастся прийти в себя так скоро, как Елизавете. Женщина отстегнула водительский ремень безопасности и попыталась сдвинуть Виктора с места, но тот был чересчур тяжелым для такой крохотной дамочки, как она. Но выбора нет. Мужчину необходимо вытащить и отнести к дому, где им могут оказать помощь.

Уже нет времени проклинать эту поездку. Все случилось и возвращаться назад в данный момент не представлялось возможным. Они застряли здесь. Значит, главная задача выбраться и найти укромное теплое место. А все остальное пусть подождет.

Что если использовать что-то из багажника в качестве санок? Она могла бы на этот предмет положить тело Виктора и без затруднений донести до безопасного места.

Лиза посильнее укуталась в свой полушубок и вышла наружу, после чего подошла к дверце багажника и с легкостью открыла ее. Внутри оказалось множество хлама, но большинство мусора уже ни на что не годилось. Какие-то книги, безделушки из металла, смахивающие на сувениры. Зачем Виктору все это? Вряд ли он воспользуется даже третьей частью подобного добра. К счастью, в самом дальнем углу обнаружилась доска, которая вряд

ли имела какое-то значимое применение раньше и вряд ли собиралась обзавестись им позднее. Но взяв предмет в руки, Лиза поняла ее ценность. На обратной стороне была вырезана обычным ножом картина, на которой изображены пирамиды Египта, а по бокам некие надписи (кажется, на арабском). Размер доски был достаточным, чтобы на нее благополучно уложить Виктора. А чтобы мужчина не упал, Лиза решила привязать его веревкой, которая тоже завалилась в багажнике.

Долго возиться не пришлось, и Лиза быстро подготовила друга к путешествию к крошечному домику впереди. Виктор так и не пришел в себя, но женщина нащупала учащенный пульс и успокоилась. Значит, с молодым человеком все в порядке. Но утверждать наверняка рано. Еще неизвестно, насколько сильным оказался его удар. Есть вероятность сотрясения мозга, а это довольно-таки серьезно.

Автомобиль пришлось запереть на всякий случай, так как вряд ли это место полностью вымерло. К тому же внутри находилось слишком много ценных вещей. Если что-то и случится с машиной, то они услышат, ибо дом находился не так уж и далеко.

Пройдя несколько десятков метров с Виктором, Лиза с грустью осознала, что ни на йоту не стала ближе к жилым строениям. Ощувив усталость в ногах, она остановилась и, подперев руками бока, стала оглядываться по сторонам, пытаясь понять, где они находятся. Но ничего, кроме бескрайней ледяной пустыни и одинокого дома, вокруг не нарисовалось.

Воздух стал щипать щеки и кончик носа. Мороз усиливался. Следует поторопиться. Лиза снова потянула за собой Виктора и медленными шагами двинулась дальше, разрывая сапогами толщу снега. Но дом так и не желал вырастать перед ней, лишь уменьшался, будто женщина по ошибке шла назад. И к нынешнему изумлению добавились неожиданные посторонние звуки, которые чем-то напоминали уже хорошо запомнившееся пение под сопровождение флейты, вот только, прислушавшись, Лиза осознала, что на этот раз звуки издавали не люди, а животные. Это был вой. Самый настоящий. Кажется, он принадлежал волкам, которых, судя по всему, было несколько.

Женщина осознала, что медлить больше нельзя. С волками ей справиться не суждено. А становиться их пищей не так уж сильно хотелось. Теперь Лиза бежала, что было наисложнейшим испытанием для нее, ведь, прыгая по сугробам и таща за собой восьмидесятикилограммовое тело человека, легкости не ощутишь.

Звук стаи волков становился ближе, что не скажешь об охотничьем домике. Еще немного, и Лиза разглядела силуэты зверей в паре сотнях метров от себя. Поддавшись панике, она стала двигаться еще быстрее, но силы были на нуле. Еще чуть-чуть, и женщина рухнула на землю, споткнувшись обо что-то под снегом. Предметом, лишившим ее равновесия, оказалась отломившаяся ветка дерева. Странно видеть упавшие деревья здесь, ведь лес был достаточно далеко, а это поле достаточно пустое, даже слишком. Выкопав ветку, Лиза судорожно сжала ее руками и не нашла ей никакого применения, кроме как выставить перед собой в качестве защиты от почти нагнавших их волков. Ужас настолько сильно парализовал мышцы, что женщина разучилась дышать и моргать. Она попросту застыла и ждала чего-то, что совсем скоро для нее наступит.

Раздался лай прямо под ухом, и один из волков прыгнул прямо на тело Джорджа, но не успел приземлиться, так как получил мощный удар по голове, откинувший его в сторону, как что-то игрушечное и незначительное. Боль ему причинила Лиза и вряд ли не осмелится сделать это снова — хищник понял это в первую же минуту, поэтому постарался отступить на пару шагов и подыскать более удачный момент для нападения. Когда его сородичи

подошли к женщине со спины, волк не растерялся и прыгнул на ничего не подозревавшего Виктора, вцепившись в его руку. Но как только зубы пронзили плоть, новая волна боли накрыла оголодавшее животное с утроенной силой.

Хлопок, еще один. Волк осознал, что челюсть ослабела и больше не в состоянии сжимать зубы на нежной человеческой коже. Хищник лишился всякий чувств и рухнул на землю, напоследок жалобно проскулив что-то нечленораздельное.

Лиза отбила веткой очередное нападение, сопровождая свои действия паническими криками и неким рычанием, но после хлопка обернулась, так как звук был слишком громким, а его источник расположился непростительно рядом (игнорировать подобное не представлялось возможным).

Вспыхнули фары автомобиля, которые имели настолько сильную яркость, что с легкостью заменили бы солнце. Женщина закрыла лицо рукой, не имея сил противиться электрическому свечению, затем попыталась понять, что происходит вокруг нее.

Хлопки повторились еще несколько раз, и раздавались они с разных сторон. Лиза не сразу признала в них выстрелы. Возможно, боялась этого сделать. Волки один за другим взвизгнули и, упав на снег около ног Лизы, затихли, а рядом с ними стали разрастаться темно-красные пятна.

Лиза немного привыкла к свету и сумела разглядеть шедшие к ним навстречу мужские фигуры. Все сжимали пистолеты и вряд ли собирались их убирать в ближайшее время. Когда неизвестные личности подошли вплотную к Виктору и с любопытством поглядели на него, то женщина впервые смогла рассмотреть их удовлетворенные лица. И одно из них было настолько знакомым, что лишь усилило тошноту.

Это был Эрван. Все такой же, каким она видела его в последний раз, только чуточку повзрослевший и окрепший. Но вместо радостных слез у нее вырвался крик, яростный, плаксивый, который совершенно не соответствовал приветствию супруга. Лиза упала на колени и, выпучив глаза, стала прожигать Эрвана глазами, будто верила, что тот и вправду загорится.

Темноволосый молодой человек встретился с ней взглядом, но не выразил на лице каких-либо адекватных эмоций. Наоборот, смотрел на жену так, будто видел человека, которого когда-то знал, но не мог вспомнить, кем тот был и какую роль играл в его жизни.

— Нет! — простонала Лиза. — Нет... Только не это, — Лиза снова схватила ветку и вновь стала удерживать перед собой, будто волки по-прежнему бродили вокруг нее, только превратились в этих мужчин с оружием в руках. — Как ты посмел вернуться сюда? Как ты посмел?! — она не смела снижать громкость голоса.

Эрван выставил перед собой руки, показывая тем самым, что не собирается причинять женщине какого-либо вреда.

— Тише, Лиза, тише, — спокойно и как-то холодно произнес он и исподлобья взглянул на жену, как на непослушного ребенка, который взял в руки опасный предмет. — Опusti ветку. Мы пришли помочь, только и всего.

— Ты погубил мою сестру! — взвизгнула та и со всей силы запульнула ветку в супруга, но та, достигнув цели, внезапно встретилась с невидимой преградой, словно перед Эрваном выросла невидимая стена, спасшая его от удара.

Увидев это, Лиза побледнела и в ужасе стала отступать назад. Эрван сменил милость на легкую злобу, схожую с недовольством. Он невзначай стряхнул пыль со своих плеч и снова с любопытством взглянул на лежавшего на доске Виктора.

— Погрузите ее в машину, — с равнодушием попросил он своих спутников, и те поспешили выполнять его поручение.

Лиза сопротивлялась изо всех сил, двигала телом так хаотично, что можно было подумать, что она оказалась в состоянии невесомости и пыталась ощутить ногами твердую поверхность.

— Ублюдок! — бросила она Эрвану, когда ее насильно стали пихать в черный внедорожник. — Ты предал всех нас! Ты погубил ее! Ты погубил мою сестру! Как ты посмел явиться сюда?! Как посмел?! Я столько лет пыталась прятаться от тебя. Но ты нашел меня и моих детей даже в этой дыре. Если ты хоть пальцем их тронешь...

— Они в безопасном месте, — без эмоций ответил тот, не смея глядеть на нее. — К сожалению, увидеться в ближайшее время вы не сможете.

— Тварь!!! — Лиза стала сопротивляться усерднее, но мужчинам все же удалось запереть ее в машине, хотя двери не так уж и сильно заглушили ее яростные крики и звуки борьбы с внутренним убранством внедорожника.

— Она ничуть не изменилась, — едва заметно улыбнулся Эрван своим компаньонам, затем вернулся к Виктору и склонился над ним.

Молодой человек осмотрел разбитый нос мужчины и достал из кармана ткань, смоченную чем-то пахучим, которой сначала вытер кровь с лица Виктора, а затем приложил ее к его ноздрям. Тот резко оживился и задвигал лицом. В первую очередь напряглись брови и стали противиться проникшему в организм резкому запаху. Русоволосый мужчина закашлял и распахнул глаза, в ужасе уставившись на человека перед собой.

Эрван никак не отреагировал на его приход в себя, лишь выпрямился и отошел на пару шагов от Виктора, снова переведя свое внимание на своих спутников.

— Ты найди их машину и сожги, — обратился он к одному из них. — Нам не нужны улики. Я займусь домом. Необходимо завершить все как можно скорее.

— Эрван, — слабым голосом прошептал Виктор и невероятно большими глазами уставился на молодого человека, будто глядел на что-то, чего в природе попросту не могло существовать.

— А что делать с ним? — спросил Эрвана второй вооруженный человек и ткнул пальцем в полностью пришедшего в себя Виктора.

— Можете отвести в машину. Только осторожно, не оставьте синяков, — тон Джеффа так и не принял человеческих оттенков и по-прежнему оставался холодным, как все вокруг.

Эрван приблизился к дому, который внезапно оказался так рядом с ними, словно имел ноги и специально прибежал сюда, чтобы сократить всем время. Как только мужчина подошел к крыльцу, как случилось что-то невероятное. Снег принялся с поразительной скоростью таять, растворяться в воздухе, как мыльная пена, и не оставлял после себя никаких следов. Ночь сменилась заревом, краешек солнца выглянул из-за горизонта и осветил широкие просторы этой местности, которая представляла из себя окруженное лесами поле, на котором поселилась высокорослая осока и изредка проглядывавшие крохотные цветы различных красок. Где-то поблизости зашумела река, что знаменовало о полном прекращении зимы. Теплый воздух не заставил себя долго ждать и моментально положил свои горячие ладони на ледяную кожу, разморозив ее, как кубик льда.

Эрван поморщил лицо, будто его такая резкая смена климата совершенно не устраивала, и, помедлив, вошел в дом. Внутри по-прежнему горел свет, и из-за солнечных лучей стал совершенно бесполезным и, можно сказать, незаметным. Джефф прошел в гостиную и

увидел перед собой кресло, в котором спал мальчик, сжимавший давно погасшую керосиновую лампу. Эрван впервые за это время искренне улыбнулся и приблизился к ребенку, сев рядом с ним на колени.

— Отныне круг замкнут, Вальдемар. Ты свободен. Больше тебя этот дом не держит.

Мальчик очнулся ото сна и с безмятежностью во взгляде посмотрел на молодого человека, затем, поджав свои крохотные губы, протянул Эрвану керосиновую лампу, как что-то поразительно ценное и хрупкое. Едва предмет коснулся пальцев мужчины, как обстановка снова преобразилась. Ребенок исчез со всем убранством, а порядок сменился хаосом.

Все покрылось чернотой. Стены стали осыпаться, как песочный замок, открывая для всеобщего обозрения небесные просторы. Крыша взмыла в небо и рассыпалась на мелкие детали, что обратились в крохотных птиц, улетевших к горизонту. Дом лишился волшебства и принял настоящий облик, который закрепился за ним после пожара, что произошел здесь так давно, что вряд ли это сооружение уже помнит, когда именно случилась трагедия.

Эрван взглянул на керосиновую лампу и заметил, что она покрылась следами пламени, полностью утратив изысканные очертания. Стекло оплавилось и обзавелось окошками, в которые с легкостью можно просунуть пальцы. Повертев предмет в руках, мужчина нашел надпись, вырезанную чем-то острым и довольно-таки маленьким. Без сомнения послание оставил ребенок, никто другой не сотворил бы подобные кривые буквы.

«Место, где все началось. Место, где все должно закончиться».

Эрван провел ладонью по этим строчкам и печально понурил голову, будто эти слова задели самые сокровенные уголки его души. Он плакал, это сложно было не заметить, хотя тот и пытался скрыть свое лицо в тени. Позади раздался шорох, несущественный, почти незаметный. Но Эрван все равно сумел почувствовать его всеми фибрами души. Обернув голову, он увидел своего спутника и вопросительно уставился на него, ожидая объяснений.

— Ваша жена откусила мочку уха водителю. Может вколоть ей успокоительного? Боюсь, что мы не сможем вернуться назад с таким пассажиром.

— Рано или поздно она поймет меня. Вникнет в цели «Исиды», — прошептал Эрван самому себе и вздохнул. — Да, можете сделать ей укол. Разрешаю использовать двойную дозу. Второму можете сделать то же самое. Ему не повредит.

— Слушаюсь, — ответил тот и скрылся на улице.

Чтобы заполучить телефон, Кристине пришлось с помощью ножа отрезать пальцы своей пожилой соседке, ибо те настолько сильно окоченели, что казались прочнее мрамора. Тело умершей уже бурно кишело жизнью: насекомые образовали внутри мягких тканей целую систему туннелей, а все ненужное поедали прямо на глазах. Паутина успела настолько сильно вырасти поверх одежды жертвы, что теперь напоминала прозрачное свадебное платье с длинной вуалью на голове. Нож неохотно отрезал пальцы, и Кристина даже опасалась, что металл попросту не выдержит и треснет в самый неподходящий момент. Возникло ощущение, что она резала огромный кусок замороженного мяса. Но усилия были вознаграждены, и последний пятый палец упал на пол, дав светловолосой женщине возможность завладеть телефонным аппаратом.

Кристина с грустью осознала, что придется звонить прямо отсюда, с трупом под боком, но мечтать о комфортной обстановке сейчас наиглупейшая задумка. Женщина взяла трубку, приложила к уху и отошла немного от мертвеца, чтобы запахи разложения царапали нос не так сильно, хотя даже в паре метров от них их концентрация не сильно уменьшилась. В

полицейском участке ответили быстро, почти мгновенно. Кристина не сразу ощутила, что кричала ответившему, не скрывала панические чувства. Да и вряд ли она сумела бы говорить в подобной ситуации спокойно. В первую очередь ей захотелось попросить позвать Себастьяна, чтобы тот вместе с группой полицейских примчался сюда на всех парах и разобрался со случившимся. Но девушка на другом конце провода сообщила, что Себастьян минут десять назад ушел с работы и не сообщил, куда направляется. Поэтому к дому Кристины направят Эдварда, всего лишь одного полицейского, чтобы он осмотрел обстановку и в случае необходимости вызвал подкрепление. Такая новость разозлила женщину, но спорить было бесполезно. Пришлось согласиться на это. К тому же она не сумела должным образом объяснить, что на самом деле в данный момент времени творилось у нее дома, так что вряд ли заинтересовала своих коллег подобным происшествием, те пока не подозревали, насколько все серьезно.

Детей пришлось отвести на улицу и усадить на скамейку около входной двери напротив ящика для писем. Кристина села между Адамом и Эмми и прижала обоих к себе, пытаясь хоть как-то унять их дрожь, которая с каждой секундой лишь усиливалась. Она даже боялась думать, что им удалось пережить около часа назад, насколько сильно те были напуганы. Хотелось злиться на себя за то, что ее в тот момент не оказалось рядом с ними, но делать подобное уже было уже бестактно. Она не знала и не могла знать, что могло случиться. И винить себя за то, что ты чего-то не знал и не предотвратил это, — самая бессмысленная вещь на планете Земля.

Прохожие как ни в чем не бывало проходили мимо, с любопытством поглядывая на испачканных паутиной детей и бледную женщину рядом с ними, тон кожи которой стал сливаться со светлым цветом волос. Если бы они знали причину, то наверняка лишились бы чувств от потрясения и уже не смотрели бы на них с такой издевательской улыбкой.

Кристина заперла дверь квартиры на замок, чтобы никто с улицы не учуял запах мертвечины, но до соседей тот наверняка уже добрался, и женщина надеялась, что пока те не стали заподозривать неладное. Лишнее внимание сейчас ни к чему. Хотя если сюда приедет полиция, то скрывать следы убийства будет невыполнимой задачей. В этом доме жило слишком много любопытных людей.

Кристина не пыталась задавать вопросы Адаму или Эмми, ибо осознавала, что те ничего не ответят. И не потому, что они не хотят, а из-за того, что просто не знают, что сказать. Даже женщина не находила слов, чтобы хотя бы кратко описать увиденное. Все по-прежнему было бессмысленным, нелогичным и страшным настолько, что такое даже в самом кошмарном сне не явится.

Эдвард приехал сюда минут через пятнадцать, а может и меньше — Кристина точно не знала, так как не носила с собой часов. Темнокожий мужчина оказался довольно-таки обеспокоенным и быстрым шагом направился к Кристине с детьми, с готовностью держа руку на кобуре.

— Мне сказали дело срочное. Что произошло, Кристи?

— Дети, посидите пока в машине, — женщина села на колени рядом с Адамом и Эмми и поочередно погладила их по лицу. — Эдвард, — обратилась она к полицейскому, — ты не против?

— Нет, конечно, пусть садятся на заднее сидение. Все равно придется увозить вас в участок после осмотра квартиры.

Адама и Эмми долго уговаривать не пришлось. Те взяли друг друга за руки и побежали к

остановившейся у обочины машине, после чего скрылись внутри теплого салона. Кристина с грустью и неким успокоением посмотрела им в след, затем взглядом позвала Эдварда проследовать вместе с ней в ее квартиру. Полицейский на всякий случай вытащил пистолет и как бы невзначай перезарядил, хотя по взгляду светловолосой женщины понимал, что воспользоваться им вряд ли придется.

Первым делом они изучили место убийства. Тело покрылось насекомыми и паутиной еще сильнее и теперь напоминало гигантский кокон не родившейся бабочки. Эдвард нецензурно выразился и чуть было не вскрикнул от испуга, когда по его ноге поползли несколько жирных пауков и каких-то крылатых жуков. Страхнув их себя, он с непониманием уставился на Кристину, будто надеялся, что та объяснит, что здесь, черт возьми, происходит. Но женщина лишь пожала плечами.

— Появление насекомых объяснить не могу. Могу лишь предположить, что их принесли сюда. Возможно, в каком-нибудь сосуде, а потом высыпали, — задумчиво прошептала Кристина и скрестила руки на груди. — Тело разложилось невероятно сильно, что пока тоже для меня загадка. Мне сообщили о том, что моя соседка мне звонит и просит, чтобы я вернулась домой, около часа назад. За это время тело не могло так сильно измениться.

— Но ведь здесь полно насекомых, — в страхе осмотрел паутину тот и поежился. — Думаешь, они станут ждать, пока тело остынет и с распростертыми объятиями кинется в их обитель?

— Да. Но даже при таком количестве падальщиков ни одно умершее существо не станет гнить с такой скоростью. Когда я сюда вошла, у меня возникло ощущение, что ее убили несколько недель назад. Плюс тело окоченело настолько сильно, что пришлось отрезать ей пальцы, чтобы забрать телефон и вызвать полицию.

— Не легче было позвонить из чужой квартиры? — усмехнулся Эдвард и включил электрический фонарик, после чего направил его слабый свет на изуродованную челюсть умершей женщины.

— И рассказать таким образом о том, что у меня дома обнаружили труп?

— Люди все равно узнают об этом, когда тело станут выносить из квартиры. Так что без чужого внимания уже не обойтись. К тому же эти мелкие твари наверняка уже поднялись по вентиляционной шахте к твоим соседям.

— Вызывай подкрепление. Можешь позвонить с этого телефона, — указала она на лежавшую неподалеку от трупа трубку, на которой до сих пор оставались следы крови.

— Я, пожалуй, воспользуюсь телефонной будкой, — поморщился тот и быстро ретировался, словно не мог больше находиться здесь и нюхать мертвечину, которая стала уж слишком пахучей за короткое время.

Кристина сначала последовала за ним, но потом остановилась и вспомнила, что в квартире находились важные документы. Она решила взять их с собой, так как не была уверена, что вернется сюда в ближайшее время. Паспорт и прочие ценные бумаги не пострадали от деятельности насекомых, что довольно-таки порадовало, а вот одежду мелкие создания уже облюбовали и даже успели ей полакомиться. Кристина убрала все в пальто и вновь замерла на месте, ощутив что-то не ладное. Впервые она заметила, что ходила последние минут десять без трости и практически не ощущала боли. Хоть что-то радостное за последнее время. Видимо, в этом доме время фантастическим образом ускоряло все процессы жизнедеятельности. Это бы объяснило многое. Затем заглянула в детскую и взяла пару игрушек Адама, которые, к счастью, тоже не пострадали. Но на обратном пути

случайно заметила валявшийся около кровати, на которой спала Эмми, рисунок. Подойдя ближе, она взяла его в руки и внимательно осмотрела. Автором явно выступала девочка, Адам никогда не рисовал подобным образом, ибо это творение излучало слишком яркие краски.

Но даже светлые цвета рисунка не делали его позитивнее. Сюжет, изображенный здесь, пугал с первого взгляда и похлеще того трупа в соседней комнате. Эмми изобразила себя и Адама, сжавшихся в углу. А к ним шел высокий мужчина в разорванной одежде с длинными зубами и дырявой кожей, из которой сочилась кровь. Девочка так детально передала весь ужас того события, что Кристина невольно заплакала, поняв, что прекрасно знает все произошедшее здесь, будто сама находилась здесь около часа назад.

На них напал оживший мертвец, именно он убил ее соседку, жадно отрывал зубами горячую плоть и проглатывал, как куски яблочного пирога. А пожилая женщина продолжала сидеть и сжимать в руке телефонную трубку, пытаясь позвать на помощь. Но почему Адам сказал, что убийца заставил их няню позвонить Кристине? Что все это значит?

Кристина положила рисунок обратно на кровать и вышла из квартиры, вновь заперев дверь на ключ. Эдвард уже вернулся и ждал женщину возле машины.

— Я отвезу вас в участок, а остальные уже разберутся с этой дичью. Сейчас главное вам убраться отсюда как можно скорее, — сказал он и отворил для Кристины переднюю дверь.

Та вымучила из себя улыбку и направилась в его сторону, но не успела сделать и маленького шага, так как совсем поблизости раздался шум приближавшихся сюда автомобилей. Кристина сначала решила, что это прибыло подкрепление, хотя сразу же осознала, что подобное невозможно, ибо те не могли преодолеть такое большое расстояние за несколько минут. Как только машины въехали во двор и остановились прямо около двери ее квартиры, замкнув Кристину и Эдварда в полукруг, светловолосая женщина окончательно убедилась, что эти люди совершенно не имели никакого отношения к органам правопорядка.

Автомобили выглядели неестественно большими и чересчур гладкими. Диаметр их колес с легкостью превышал высоту машины полицейского. Из них один за другим выскочили люди с автоматами в руках и бегом направилась в сторону квартиры Кристины, при этом кричали что-то на русском, перебивая друг друга. Женщина попыталась их остановить, узнать, кто они такие, но один из них схватил ее за плечо и оттащил к ошеломленному Эдварду.

Неизвестные мужчины с легкостью выломали дверь и проникли внутрь жилища Кристины, по-прежнему о чем-то переговариваясь. Послышалось несколько выстрелов.

— Кто вы такие?! — продолжала кричать Кристина и направилась за ними в след, но ее снова остановили. — Что вам нужно?! Что происходит?! Я имею право знать! Это моя квартира!

— Увезите ее и детей! — неожиданно один из них (по всей видимости главный) перешел на английский и повелел всем своим людям выйти из квартиры. — Быстрее! У нас мало времени. Они знают о нашем присутствии.

Кристину и Эдварда схватила за обе руки и, не обращая внимания, на их сопротивление насильно стали пихать в огромные машины. Перед этим женщина успела прочитать надпись на эмблеме, которая была пришта к рукавам всех вооруженных людей. «Исида» — про себя произнесла она и упала на мягкое сидение в темном салоне, который пропах мужским потом и чем-то металлическим.

Как только за ними закрыли дверь, машины тут же тронулись и, свистя колесами,

помчались вдаль от дома. И через пару секунд Кристину оглушил мощный звук, моментально заложивший уши. Он напоминал крик разъяренного льва, принявшего размер динозавра. Обернувшись назад, она увидела взрыв, произошедший прямо в ее квартире.

Взрывная волна вынесла целую стену невысокого дома, и мелкие кирпичи засыпали все в радиусе нескольких десятков метров, попав даже в соседние дома, в которых повывбивали большинство окон. Затем последовало огненное облако, взмывшее в небо настолько высоко, что виднелось еще долгое время с самого дальнего расстояния.

Глава двадцать девятая. Прыжок в бездну

Рука Джорджа стала опухать, раздуваться, словно воздушный шар. Припухлости находились, в основном, вокруг места укуса, но Эрван не торопился заниматься этим ранением, а увлеченно изучал покрасневшую переносицу молодого человека.

— Перелома нет, но кровотечения будут происходить еще несколько дней, — Эрван наконец-то убрал ледяные пальцы с носа Джорджа и задумчиво посмотрел на лысого водителя, который теперь был украшен большим пластырем, что висел на нижней части его уха. Затем снова взглянул на Майлза, но не выразил эмоции, свойственные человеку, что встретил старого друга после долгих лет разлуки. Эрван глазел на Джорджа, как на кого-то чужого, даже тщательно избегал его имени, будто забыл, как того зовут. — Укус обработать не смогу. Он получен не от волков, а от тех, кто ими притворяется. Они лишь ожившие воспоминания, наиболее яркие. Не могу сказать точно, что их вызвало. Возможно, старые легенды об охотнике и его семье, погибшей в лесу из-за нападения хищников, — он поправил свои коротко стриженные волосы, которые сливались с черной отделкой салона, затем открыл какой-то чемоданчик, — видимо, аптечку, — и вытащил оттуда бинты, после смазал белые сетчатые лоскутки спиртом и плотно замотал кровоточащий укус на запястье Майлза. И делал это так резко и без осторожности, что Джордж то и дело хмурился и постанывал от болезненных ощущений.

Лиза уже спала. Успокоительное подействовало через пару минут и сломило ее гнев и хаотичные рукоприкладства. Джордж не видел, сколько именно ей вкололи этой прозрачной жидкости, которая пахла, как лимон. Но, судя по всему, достаточно, чтобы женщина не приходила в себя еще несколько часов. Несмотря на всю грубость со стороны Эрвана, он, уколов Лизу, накрыл ее одеялом и положил в удобную для нее позу, будто заботился о маленьком ребенке. Эти действия слегка удивили Майлза, ведь все, что он делал до этого, никак не соответствовало последним телодвижениям.

Эрван на какое-то время перестал что-либо делать и просто смотрел на дорогу, сидя между Джорджем и Лизой на заднем сидении. Возможно, молодой человек что-то обдумывал, анализировал и строил будущие планы. Но лицо того оказалось настолько неподвижным, что сложно было определить, что именно творилось в данный момент в его голове, скорее всего, Эрван не знал этого сам. Джордж ничуть не отличался от него: его мысли стали неузнаваемыми, какими-то вялыми, словно он находился между сном и реальностью и не имел возможности остановиться в конкретном месте, все располагалось в каком-то тумане. Но он знал лишь одно и наиболее точно. Джордж боялся этого Эрвана, смотрел на него глазами избитой собаки и не мог лишней раз шевельнуться. Хотя тот еще ничего плохого сделать не успел. Никакой радости от этой встречи не витало в воздухе, ни единого вопроса, даже мельчайшего воспоминаний. Лишь страх, не более. Он никогда бы не подумал, что будет воспринимать Джеффа именно таким, хотя тот совершенно не изменился внешне, все такой же до тошноты смазливый и с хитрыми большими глазами серого оттенка. Хотелось думать, что дело в магии, что именно она не давала им обоим заговорить друг с другом, понять, что за чертовщина в данный момент творится и почему время превратило их во что-то непонятное, гниющее в нынешние минуты.

Эрван будто услышал эти рассуждения и повернул голову в сторону его бледного лица.

— Я, как и ты, хочу объясниться, но не могу. Потому что нечего объяснять, — бросил он

со все такой же холодностью.

— Я видел тебя мертвым, — Джордж понятия не имел, когда именно произнес эту фразу, так как после нее наступила продолжительная пауза.

За окном тем временем мелькали бесснежные пейзажи, освещенные золотисто-рыжим заревом, что, подобно огню, превращало в пепел леса на горизонте. Там, где когда-то лежали сугробы, теперь демонстрировала свою красоту высокая трава и миллиарды цветов, некоторые из которых совмещали в себе сразу несколько оттенков, будто прибыли из сказки «Алиса в стране чудес». Но этот мир был пустым. Ни единой птицы, даже крошечного насекомого. Совершенно пустое поле, мертвая картина, красота которой лишь отталкивала.

— Я умер, это действительно так, — кивнул Эрван и достал из кармана какой-то маленький пузырек. — Но, — он открыл пузырек и выпустил из него пару прозрачных капель, которые благополучно приземлились на поверхность его глаз, — мне не дали уйти окончательно, — молодой человек быстро заморгал, затем громко шмыгнул носом. — Существует прекрасный рай, самое совершенно место в любом сознании. Но есть и обратная сторона — наполненный вечными мучениями ад. А я побывал и там, и там. И теперь эти два места стали для меня единым целым. Знаешь, никогда не забуду, кто меня туда отправил.

Эрван вновь обратился к аптечке и достал оттуда новый шприц, который быстро заполнил большой порцией успокоительного, что еще недавно вкалывал Лизе. Но теперь оно предназначалось для Майлза.

— Никогда не забуду лицо того, кто выдал меня, предал, чтобы спасти другого. И теперь он сидит передо мной, — Эрван резким движением руки вонзил иглу шприца в плечо Джорджа и стал вливать прозрачную жидкость с запахом лимона ему в тело.

Джордж вскрикнул от боли, которую ему доставила длинная игла, врезавшаяся прямо в кость. Но через секунду наступило облегчение, и все мысли одна за другой стали испаряться, как лужи на солнце.

Эрван оторвал от Джорджа шприц и убрал его обратно в аптечку.

— Доза маленькая, но ее хватит, чтобы успокоить твой пыл и кое-кого еще.

Гриб из огня и дыма еще долго маячил на горизонте, даже когда похитители Кристины и ее детей отъехали от того места на достаточно большое расстояние. Женщина не знала, сколько времени прошло с того момента, но садящееся за горизонт солнце прямо говорило о том, что время близится к вечеру. Они давно покинули город и мчались на невероятной скорости по какой-то сельском местности, донельзя заполоненной частными домами и сугробами, которые почти полностью растаяли из-за недавнего дождя, оставив после себя что-то грязное и невзрачное. Погода портилась прямо на глазах, и вскоре небо вновь нахмурилось и тихо заплакало. На дворе только декабрь, но о настоящих холодах пока мечтать не стоит, судя по обстановке на улице. Воздух прогрелся настолько, что многие местные жители выходили на улицу в обычных свитерах и пытались лепить снежки из почти полностью превратившегося в воду снега, но благодаря активным действиям этих людей дух зимы по-прежнему сохранялся и еще достаточно далекой весной так сильно не смердело.

Похитители посадили Эдварда и Кристину в отдельную машину, поэтому о состоянии Адама и Эмми приходилось только гадать. Как говорит нынешняя обстановка, эти странные молчаливые люди не собирались причинять им какое-либо зло. Скорее всего им поручено доставить их живыми и здоровыми. Но Кристина не решалась проверять эту теорию, ибо от этих парней можно было ожидать все что угодно. Любого из них вооруженные мужчины

могли взять заодно, и если женщина вдруг начнет оказывать сопротивление, то кого-нибудь запросто пристрелял, чтобы успокоить бунтаря, иначе бы те так судорожно не цеплялись за свои пистолеты.

Кристина в начале пути кричала, задавала сотни вопросов. Но вскоре осознала, что ее старания плоды не дают. Ответы будут лишь в месте назначения, куда их везут вот уже несколько часов без перерыва. Успокаивало лишь то, что Адаму и Эмми пока ничего не грозило. Они с Эдвардом несколько раз проезжали рядом с соседним внедорожником, и Кристина видела детей, которые спокойно сидели на заднем сидении и даже не изображали волнения на своих маленьких личиках. Видимо, эти люди сумели их задобрить чем-то, иначе бы те запросто стали проливать слезы и звать на помощь, особенно Адам — этот парень ни за что не даст себя в обиду.

Они проехали по каменному мосту через безымянную речку, которая так и не сумела замерзнуть из-за морозов, что витали здесь пару дней назад. Потепление уничтожило все, что напоминало о зиме. Практически все. Через пару минут они въехали в какой-то парк, который был таким ухоженным, что некоторые деревья казались одинаковыми из-за шикарной стрижки. После машина выехала к огромному сооружению из серого камня, и оно оказалось обычной католической церковью. Здание своими башнями закрыло тусклое солнце, что по-прежнему пыталось выглядывать из-за толстого слоя дождевых туч.

Когда автомобили остановились, выстроившись в идеальную линейку около входа, то одна из башен стала издавать звон колоколов, будто хозяева данного религиозного заведения приветствовали долгожданных гостей. Но из машины вышел только один человек, тот, кто все это время отдавал приказы. Кристина только сейчас поняла, что именно он сидел за рулем внедорожника, где находились дети. Тот прошел какое-то расстояние и остановился у входа и простоял там до тех пор, пока к нему не вышла некая женщина в черной рясе. Кристина не видела ее лица, но по походке поняла, что богослужительница в преклонном возрасте, хотя та ходила достаточно бодро и даже не пыталась сутулиться. Они с мужчиной начали о чем-то бурно беседовать и с волнением поглядывали на машину, где сидела Кристина с Эдвардом и ждали, что случится с ними дальше.

Потом женщина повернулась, и Кристина поняла, что знала ее, не так хорошо, как хотелось бы, но достаточно, чтобы испугаться подобной встречи. Анна Стрингини выглядела достаточно свежо, даже слишком. На ней был темный парик в виде пышных кудряшек, что доставали ей почти до поясицы. Слабый ветер постоянно отбрасывал искусственные волосы назад, выпуская наружу несколько прядей седины, но Анна всякий раз поправляла непослушный парик и старалась закрыть волосами лицо, будто надеялась, что ее еще никто не сумел узнать в таком необычном прикиде. Главарь вооруженной банды слегка преклонился перед ней и позволил Анне прикоснуться губами к его широкому лбу. Кажется, он получал от пожилой женщины благословение и какое-то наставление.

— Что там? — шепнул Эдвард и придвинулся к замороженной Кристине, что прилипла лицом к стеклу и не сводила с той парочки глаз.

— Сама не знаю, — удрученно ответила та и попыталась прищурить глаза, так как не могла разглядеть, что Анна только что передала мужчине. Смогла лишь понять, что это был металлический предмет. Но вряд ли крест.

Затем Анна развернулась, ласково улыбнулась водителю и направилась обратно ко входу. Тем временем водитель стал открывать двери машин и призывал всех выходить наружу. Вскоре очередь дошла и до Кристины с Эдвардом.

Воздух оказался действительно теплым, даже слишком, отчего Кристине стало довольно жарко в своем пальто, пришлось расстегнуть его, чтобы ослабить потоотделение. Адам и Эмми стояли поодаль и не смели подходить к светловолосой женщине, лишь смотрели на нее и что-то кушали, что-то, что было бережно завернуто в салфетку. Скорее всего лакомство им дал тот самый главарь банды, отчего градус его опасности в глазах Кристины слегка понизился, что дало женщине возможность успокоиться, хотя напряжение в мышцах после подобного не ослабло.

— Детей отведите в келью, — главарь обратился к одному из своих людей, а затем кивнул второму, что стоял рядом с первым. — Они не должны чувствовать себя в опасности.

Те покорно кивнули, затем взяли детей за руки и повели к церкви, но слишком далеко уйти не сумели, ибо то, что произошло далее уже вряд ли позволит Адаму и Эмми вспомнить, — даже в далеком будущем, — что такое спокойствие и безопасность. Эдвард моментально бросился к одному из вооруженных людей, вырвал у того автомат и в эту же секунду выстрелил в двоих мужчин, что шли с ребятами к зданию, пробив их головы пулей насквозь.

Эмми в ужасе вскрикнула и вместе с Адамом рухнули на землю, пытаясь заглушить звук выстрелов. Остальные же не стали спокойно наблюдать за гибелью товарищей, выхватили пистолеты и принялись мстить Эдварду, но тот успел спрятаться за одним из внедорожников, откуда продолжал вести стрельбу.

Кристина пыталась позвать полицейского, заставить того прекратить стрелять, но ее коллега внезапно выстрелил в сторону женщины и чудом промахнулся. Пуля пролетела прямо рядом с плечом и врезалась в одно из деревьев. Кристина в панике бросилась в сторону и попыталась найти укрытие, но долго там не пробыла, так как начала искать способ добраться до детей, ведь те сидели прямо посередине возникшего из неоткуда поля боя.

Женщина выждала еще немного и, пригнувшись, побежала вперед, держась от стрелявших на достаточно приличном расстоянии. Но добраться до цели ей так и не удалось. Эдвард резко бросил оружие и скрылся за корпусом машины, а когда остальные стали быстро замыкать его в непреступное кольцо, то тот снова выскочил и что-то бросил в сторону похитителей. Что-то, что оказалось гранатой.

Раздался взрыв, и Кристина поняла, что огненное облако коснулось ее пальто, а затем вынудило тело женщины отлететь на пару метров. Их похитители оказались в центре события, что вряд ли оставило им хоть какой-то шанс выйти сухими из воды.

Адам и Эмми с криком бросились прочь от надвигавшейся огненной волны и болезненно приземлились на сырой лужайке. Они прекрасно слышали, как взрывная волна рвала людские тела на части и разбрасывала оставшиеся после них ошметки по сторонам, окрашивая все вокруг в алые цвета. После последовало еще несколько взрывов, на этот раз их источником стали внедорожники, которые взлетали в воздух один за другим. Все стихло только через пару минут, а все вокруг окутал густой туман из едкого дыма, настолько сильно затруднивший дыхание, отчего показалось, что здесь задохнуться легче, чем под водой.

К счастью, осколки и обломки обошли детей стороной и не сумели их поранить, хотя ребята находились со взрывов непростительно рядом. Через некоторое время звуки догорающих обломков заглушил слабый женский голос. Адам быстро его нашел и понял, что тот принадлежал его матери, которая неторопливо шла сквозь толщу непроглядного дыма и тяжело кашляла, пытаясь выговорить имена сына и Эмми.

— Адам!.. Эмми!.. Где... вы?

Мальчик быстро вскочил на ноги и побежал в ее сторону, но как только достиг ее, то та всем телом навалилась на сына и рухнула на землю, пытаясь сказать что-то еще, но силы стремительно покидали ее. Адам сжал тело матери в руках и увидел, как та со смесью любви и грусти смотрит на него, легонько улыбается и будто хочет дотронуться до щеки сына рукой. Но через пару секунд ее веки дрогнули, и голова стала падать в сторону.

— Мама? — позвал ее Адам и боязливо потряс мать за плечо, но та лишь смотрела куда-то остекленевшим взглядом. — Мама! — он понял, что ее уже нет, и устремил свой взор на небеса, надеясь, что та услышит его оттуда. Но Кристина не ответила. Больше не могла этого сделать. — Мама, пожалуйста, не оставляй меня, — сквозь слезы прошептал он и в надежде потряс женщину за плечо еще сильнее.

Взрыв повторился. Один из автомобилей стал создавать целые фейерверки из обломков, которые с легкостью долетали до окон церкви и выбивали их с первого раза. Адам в страхе посмотрел в сторону Эмми, которая в ужасе сидела на том же месте, и, оставив мать, подбежал к девочке, после чего с силой потащил ее подальше от этого ужасного места.

— Скорее, Эмми! — дрожащим голосом произнес он. — Надо уходить. Скорее.

— Кристина! — обернулась она и в последний раз направила глаза на обездвиженное тело светловолосой женщины, которая по-прежнему без отрыва смотрела в их сторону с застывшей любовью и нотками тоски.

В салоне стало прилично жарко, поэтому водитель не постеснялся опустить стекло. Также гладкоголовый мужчина воспользовался этим, чтобы закурить, ибо ветер снаружи имел достаточную силу и ловкость, чтобы унести табачный дым подальше от пассажиров. Эрван скривил губы, глядя на него, и тот, будто испугавшись его недовольства, вытащил из бумажной коробочки еще одну сигарету и протянул ее молодому человеку.

— Забыл? Я не курю, — поморщил нос тот и не взял протянутую сигарету, лишь брезгливо на нее посмотрел.

— Ах да, прости, — извинился тот и отдернул руку, после чего вернул сигарету на прежнее место.

Лиза по-прежнему спала, хотя прошло уже достаточно много времени, часа четыре, если не больше. Они пересекли поле и начали мчаться по сельской местности, пересекая заснеженные поселения, где снег изо всех сил боролся с наступившей оттепелью. Иногда шел дождь, но быстро прекращал свое безмолвное шествие, сменяясь мокрым снегом. Солнце изредка выглядывало, но появление дневного светила становилось совершенно незаметным, ибо его свет был тусклее, чем у половинчатой луны в облачную погоду. Пришлось даже включить дальний свет, чтобы осветить себе путь по размытой дороге, в которой колеса их внедорожника тонули, как в болотной трясине.

Джордж тоже спал, но не так безмятежно, как Елизавета. Он постоянно двигал лицом, что-то обеспокоенно бормотал и по-собачьи скулил, прикусывая язык. Эрван с беспокойством глядел на него всякий раз, когда тот внезапно дергался и будто хотел кричать, но, по всей видимости, крик происходил во сне, а наяву вырывалось что-то бесшумное из широко открытого рта. Но когда Джефф сжал его правую руку, то тот, как по волшебству, утихомирился и перестал пугать своим поведением остальных. Темноволосый мужчина нащупал на пальцах Майлза металлический предмет, довольно небольшой. Посмотрев на него, Эрван понял, что это было кольцо, созданное из длинного гвоздя и уже

успешнее изрядно заржаветь, но было по-прежнему гладким, как в тот день, когда Джефф подарил эту штуковину молодому человеку. Эрван не выразил никаких заметных эмоций, лишь как-то странно хмыкнул и опустил глаза куда-то вниз, словно принялся перебирать воспоминания. Джордж же снова пришел в движение, но не стал ерзать, а зашевелил лишь пальцами, нащупал ими руку Эрвана и стал ее поглаживать, нежно и неторопливо. Эрван сильно напрягся, но убирать руку не стал, хотя явно желал это сделать.

Они проехали еще какое-то время и вошли в лес, ухоженный и стриженный, как собака какой-нибудь светской девицы. Вдалеке виднелись черные башни с крестами на макушке, явно принадлежавшие католической церкви. Эрван облегченно вздохнул и улыбнулся, впервые настолько искренне и широко. Но его улыбка продлилась недостаточно долго, так как в этот же момент произошло что-то странное, что можно было лишь ощутить, но не увидеть. Сквозь него прошло нечто, что заставило органы перевернуться вверх дном, нечто, что вызвало дикую боль у каждого, кто присутствовал во внедорожнике.

Машина резко остановилась, но водитель не нажимал на тормоз. Руль сам по себе взял чуть левее и направил транспортное средство куда-то вбок, вниз по склону, на дне которого виднелось блестящее из-за дальнего света внедорожника озеро. Водитель изо всех сил пытался привести машину в чувства, но та превратилась в разумное существо, которое шло само по себе и никого не слушалось. Тем временем странности продолжились. На этот раз они исходили от Джорджа. Парень резко открыл глаза и стал кричать, и эти эмоции сопровождались судорогами, которые заставили тело мужчины завибрировать с такой силой, что показалось, будто его посадили на электрический стул.

— Она, — произнес Эрван и прижал Джорджа к спинке сиденья, сжав его плечи настолько сильно, что послышался их хруст. — Дай мне еще лекарства! — крикнул он второму вооруженному парню, который не был занят управлением взбесившегося внедорожника. — Живо!

Тот молниеносно выполнил просьбу и протянул Эрвану наполненный зеленоватой жидкостью шприц, но когда Джефф попытался снова вонзить иглу в плечо молодого человека, Джордж сжал его руку и чуть было не вывернул наизнанку. Но Эрван сумел оказать должное сопротивление и, быстро отдав шприц другой руке, все-таки вонзил иглу в тело Майлза, но влить «лекарство» так и не удалось, так как сопротивление стало еще более усердным. Джордж со всей силы ударил Эрвана в лицо, прожигая его глазами яростного волка, после чего выдернул шприц из плеча и вонзил его в шею водителя, успев это совершить до ответного удара от Джеффа, который сразу же прижал его к сидению и лишил возможности двигаться.

— Она сопротивляется, — прорычал Эрван и обеспокоенно посмотрел на водителя, который явно стал засыпать из-за действия лекарства, но по-прежнему героически дрался с внедорожником, который по-прежнему нес их в сторону озера.

Эрван уже готовился оказаться в объятиях воды, но этого не произошло. Послышался скрежет, а затем что-то, что напоминало взрыв. И тело молодого человека полетело куда-то вдаль, пересекая огромное расстояние с такой быстротой, будто он превратился в крошечный мяч для гольфа. Остальные же прямо в воздухе разлетелись на мелкие кусочки, взорвались, как яйцо при ударе о мостовую, и внутренности людей частично забрызгали по-прежнему парящего Эрвана, который боялся думать о том, что скоро его тело столкнется с чем-то, что может оказаться деревом. Его тело светилось, действовала защита, именно она не дала ему повторить участь остальных, кто сидел внутри машины. Уже издалека молодой

человек увидел порхающее, как бабочка, одеяло Лизы, за секунду пропитавшееся кровью и плотью взорвавшейся женщины.

Еще несколько секунд, и Эрван почувствовал, как он с громким хлопком врезался в ствол дерева, и одна из веток вышла из его живота наружу, пронзив тело молодого человека насквозь. Темноволосый мужчина вскрикнул, судорожно схватившись за торчавшую из его тела покрасневшую ветку, и стал осознавать, что свечение вокруг него померкло, полностью лишив защиты. Он висел не так уж и высоко, но ветка не позволяла ему упасть на землю. Эрван находился в подвешенном состоянии, как елочная игрушка, и наблюдал за тем, как бурные ручьи крови сползали вниз по стволу и образовывали внизу алые пятна. Молодой человек громко вобрал в себя воздух, затем выдохнул, пытаясь хоть как-то прийти в себя после такого удара.

Он напряг спину и потянул ее вперед, заставив ветку слегка сдвинуться назад. Повторив эти действия пару раз, Эрван отклеился от дерева и с криком полетел в сторону мокрой из-за его крови земли, после чего болезненно приземлился прямо на живот, но новой боли не ощутил, так как тело уже настолько онемело из-за неприятных ощущений, что перестало что-либо воспринимать вокруг себя.

Татьяна взяла автомобиль Себастьяна, и уже после вставления ключа зажигания в крошеное отверстие рядом с рулем пожалела об этом, так как машина завелась лишь с пятого раза, а после и вовсе казалась самым непослушным транспортным средством на планете. Машина Петра ездила так идеально, что управление ею вызывало сказочную эйфорию. А данный представитель инженерной мысли будто возненавидел рыжеволосую девушку с первых же минут и желал подчиняться только законному хозяину. Поэтому пришлось насильно привыкать к неудобному управлению и во время дороги думать не о расследовании, а лишь о собственной безопасности. Ей даже казалось, что еще немного, и она протаранит целую толпу автомобилей и не сможет повернуть руль в сторону, чтобы не сбить еще большее количество «железных коней». Оставалось только гадать, как Себастьян столько времени справлялся с этой машиной и ни разу не высказывался о ней с помощью нецензурных слов, которые сейчас выливались из уст Татьяны рекой.

Погода демонстрировала самые настоящие аномалии. Еще около часа назад все улицы были покрыты коркой льда, а теперь все вновь приобрело вид «снежной жижи», которая своим видом вызывала лишь тошноту, ибо напоминала рвотные массы. Татьяна не удивится, если к вечеру вся эта уличная гадость вновь замерзнет и превратит город во что-то невзрачное и опасное для передвижения.

Квартира Себастьяна находилась не так далеко, что довольно-таки обнадеживало, ведь Татьяна уже минут через десять наконец-то выйдет из этого железного творения на колесах и отдохнет от борьбы с ним. Через несколько метров ей следовало повернуть налево и пересечь торговый переулок, пропахший хлебобулочными изделиями и дешевой похлебкой, но автомобиль явно не собирался слушаться. Поэтому Татьяна не выдержала и, проехав еще немного и найдя подходящее место, остановила автомобиль и благополучно покинула его, ступив на «уличную блевотину», в которых ее сапоги моментально утонули.

— Как же я ненавижу этот день! — проворчала женщина и с громким стуком захлопнула дверь машины, после чего закрыла ее на ключ. — Пусть Себастьян сам увозит свою машину отсюда. С меня хватит.

Женщина ступила на тротуар и, укутавшись в пальто еще сильнее из-за поднявшегося

сырого ветра, пошла вверх по торговой улице, за которой должен был появиться дом, где и жил ее напарник. Запахи свежее испеченных пирожков и хлеба сводили с ума, и Татьяна мыслила о том, чтобы купить что-то из этого великолепия, но в данный момент времени стоит воздержаться, хотя бы потому, что денег в кармане было совсем немного, лишь парочка монет. Пекари то и дело призывали ее заглянуть в свою лавку, но Татьяна тщательно обходила их стороной и скромно улыбалась, боясь задеть их чувства своей незаинтересованностью. Впереди возник мальчик, раздающий газеты. Он был таким худеньким, что ветер едва не сбивал его с ног. На нем имелась лишь тоненькая рубашка и штаны на подтяжках. Татьяна боялась представить, насколько сильно он продрог за это время. Проявив к нему чувство жалости, женщина вернулась назад и купила на завалившиеся в ее карманах монеты булочку с яблоком и после отдала ее мальчику, который изобразил на лице такое счастье, что его хватит, чтобы заразить весь мир положительными эмоциями.

— Спасибо! — восторженно вскрикнул он и, зажав стопку оставшихся газет под подмышкой, прижался к стене здания и принялся кушать подарок Татьяны, с благодарностью поглядывая на рыжеволосую женщину.

— У вас доброе сердце, юная леди, — послышался чей-то старческий голос поблизости. — Я чувствую в нем свет, он слишком ярким, чтобы его не заметить.

Татьяна с удивлением обернулась и увидела перед собой крошечную старушку, которая явно была слепой и ориентировалась только по деревянной трости. Бабушка подошла к Татьяне и улыбнулась. Хоть пожилая женщина и не смотрела в ее лицо, Хапперт сразу же осознала, что улыбка адресована именно ей.

— Я не вижу. Но прекрасно слышу. Особенно эмоции людей. Не нужно быть гением, чтобы понять, о чем мыслят горожане, — старушка вздохнула и потыкала тростью «уличную блевотину». — Что творится? Что-то плохое. Что-то плохое грядет. Я слышу это, — она широко распахнула свои неподвижные глаза, изобразив в них что-то, что походило на эмоции страха. — Не садитесь в машину. Скоро они станут непослушными. Остановят свой бег. Держитесь подальше от дороги. Ваши ноги не умеют бегать так же быстро, как они, — после этих странных слов незнакомка вновь побрела по дороге, тыкая тростью буквально все, что попадалось ей на пути, и не сказала больше ни слова.

Татьяна постаралась пропустить слова этой женщины мимо ушей, так как они не пахли правдой, а чем-то ненормальным и вызывающим лишь сочувственную улыбку. Но тем не менее они обладали чем-то, что пугало любого, кто осмелится проникнуться ими, какой-то невидимой энергетикой, которая сбивала разум с ног. Детектив взглянула на мальчика, который неторопливо кушал купленную ею булочку, затем продолжила свой путь по торговой улице. Старушка исчезла, возможно, завернула куда-то за угол, хотя дома стояли так плотно друг к другу, что каких-то узких проходов между ними, через которые можно пройти, быть попросту не должно. Но думать о том, как пожилой женщине удалось так быстро исчезнуть из поля зрения, не сильно хотелось.

До дома Себастьяна она добралась без происшествий и странных разговоров. Это был пятиэтажный каменный дом с множеством квартир. Квартира Себастьяна находилась, насколько она помнила, во втором подъезде на третьем этаже. Она бывала там не часто и, по идее, не должна была запоминать место обитания напарника, но ее память часто демонстрировала просто потрясающие способности, которые нередко поражали Хапперт.

Поднявшись по лестнице до нужного этажа, Татьяна стала искать в кармане пальто заветную связку ключей, но завершить поиски ей не удалось, так как в этот же момент

возникший из неоткуда порыв ветра приоткрыл входную дверь, которая, как оказалось, была не заперта. Женщина почувствовала выброс адреналина в кровь. Если дверь не закрыта на ключ, то это означала лишь одно — в квартире кто-то был. Тяжело сглотнув, она вытащила пистолет из кобуры и, держа его наготове, осторожно переступила порог квартиры, стараясь изучать каждую деталь помещения с изумительной тщательностью. На полу виднелись следы от сапог: вошедший явно не переодевался. Следы вели в сторону кухни, но там резко поворачивали и возвращались в коридор, останавливаясь около уборной.

Татьяна как можно тише перевела дыхание и постаралась снизить уровень беспокойства. Она все еще надеялась, что здесь находится человек, ради которого она сюда и приехала, а не кто-то, кто мог представлять для нее опасность. Женщина приоткрыла дверь ванной комнаты и стрелой вошла в нее, по-прежнему наставляя пистолет на невидимую цель, но комната оказалась пуста, что слегка разочаровало Татьяну. Зато дверцы душевой были мокрыми и излучали тепло, оставленное горячей водой. Значит, некто совсем недавно принимал здесь душ. Но куда же он подевался? Прячется?

Женщина приблизилась к душевой кабине и, открыв ее дверцы, заглянула внутрь, но сразу же отпрянула, с трудом сдержав панический возглас.

Дно душевой было заполнено кровавыми следами и кусками кожи, человеческой кожи. Все выглядело таким образом, будто тот, кто недавно здесь мылся, содрал с себя весь кожный покров, не оставив даже маленького кусочка ткани на теле. Закрыв лицо ладонью, чтобы не ощущать омерзительный запах плоти, Татьяна в спешке вышла из уборной и, прислонившись спиной к стене, тяжело задышала, понимая, что впервые так сильно испугалась вида человеческой крови и испытала после увиденного тошноту, которая так и норовила опустошить ее желудок.

Вдруг где-то в гостиной послышались торопливые шаги, а затем через некоторое время хлопнула входная дверь. Этот звук говорил только одно — незваный гость избежал столкновения с Татьяной и решил как можно быстрее ретироваться. Хапперт не нужно было долго уговаривать себя, чтобы пуститься в погоню за этим человеком. Бегом она добралась до входной двери и так же быстро покинула квартиру, заперев за собой дверь на ключ. Татьяна все еще слышала шаги незнакомца, что давало шанс догнать его на улице. Если она его упустит, то вряд ли простит самой себе подобный промах.

Спускаться по лестнице в сапогах с высоким каблучком было не самым легким заданием. Но Татьяна с ним блестяще справилась и ни разу не оступилась. Выбежав на улицу, она стала оглядываться, выискивать человека, который только что без приглашения посетил квартиру Себастьяна и провел там достаточно много времени. Искать долго не пришлось.

Незнакомцем оказалась женщина невысокого роста в расстегнутом пальто, которое, подобно крыльям, развивалось во время бега за ее спиной.

Татьяна бросилась вдогонку, стараясь не сталкиваться с многочисленными прохожими, число которых неприятно увеличилось. Но незнакомка по-прежнему находилась вне зоны досягаемости.

Он снял с себя кожаную куртку по той причине, что та неожиданным образом стала настолько тяжелой, что по весу ничуть не уступала рыцарским доспехам. Можно предположить, что подобные изменения в тяжести одежды произошли из-за крови, которая уже насквозь пропитала каждый клочок ткани на теле двадцативосьмилетнего молодого человека. Но почему-то именно куртка стала тяжелой, хотя все остальное лишь окрасилось в

красный цвет и было увешано кусочками людской плоти. Эрван брезгливо выбросил куртку и попытался после данного действия выпрямить ноги, но те так ослабли, отчего мужчина ощутил себя плюшевым медведем, ибо плюшевый медведь умеет только сидеть, не более.

Рана оказалась пугающе глубокой и широкой, Джефу даже показалось, что он видел сквозь дыру в теле свой скелет и порванные кишки, но, к счастью, удар оказался чуть выше и не задел ничего жизненно важного, иначе бы Эрван уже давно присоединился к остальным. Но данный факт не обнадеживал, так как боль от этого не стала меньше, а кровь все так же бурно лилась вниз, как водопад падает со склона.

Тело периодически загоралось белым светом, становилось таким ярким, что начинало освещать темноту идеально стриженного леса, но быстро перегорало, и Эрван вновь оказывался посреди крошечной темноты. Молодой человек не помнил, когда именно солнце полностью скрылось за горизонтом. Он этого не видел, да и дневное светило не могло уйти столь рано, так как не было даже и пяти часов вечера. А Эрван никак не мог просидеть на холодной земле несколько часов, он все время находился в сознании и прекрасно знал, что прошло, как минимум, минут десять или пятнадцать.

Опираясь о ствол дерева, он все же сумел встать и сделать несколько слабых шагов вперед, в сторону видневшегося озера. И только сейчас стал замечать изменения, что произошли здесь неведомым образом, к тому же слишком незаметно для него, будто Эрван и вправду находился не в сознании долгий промежуток времени.

Лес снова замерз и оказался во власти проснувшейся зимы. Снега не было, но мокрая трава окоченела и стала хрустеть под ногами, как битое стекло. Коркой льда покрылись и деревья и изредка сверкали, как стая светлячков, создавая причудливые блики на земле. Озеро же застыло и приняло вид огромного зеркала, что отражало слегка очистившееся небо. Около берега можно было заметить вмерзшее в лед одеяло, которым еще недавно укрывалась Лиза. Вокруг него виднелось кровавое облако, ставшее частью «зимнего моста», но само одеяло уже успело очиститься от человеческой плоти, немного погуляв под водой.

На противоположном берегу лежала перевернутая машина, которая не взорвалась во время произошедшего, а просто разделилась на несколько частей, как будто была обычным детским конструктором. Искореженный металл разбросало по всему лесу, Эрвану удалось найти лишь заднюю часть, хотя та уже не была похожа на что-то, что когда-то являлось внедорожником, скорее на смятый лист бумаги. Обойдя озеро и приблизившись к останкам транспортного средства, Эрван внимательно осмотрел повреждения и не понял ничего, ибо подобное мог сотворить разве что великан. Рядом разбросаны куски людских тел: руки, ноги, даже нашлась голова водителя, расколота надвое. Самым хорошо сохранившимся оказался второй напарник, что в последний момент передал Эрвану «лекарство». От него осталась верхняя половина тела, и мужчина явно был некоторое время жив и прекрасно знал, что лишился ног и тазовой части. Молодой человек приблизился к нему и нащупал рядом с трупом отделившуюся от штанов кобуру с по-прежнему целым пистолетом. Оружие Эрвана осталось в машине, и от него вряд ли что-либо осталось. Но сейчас без огнестрела не обойтись. Молодой человек прекрасно чувствовал, что тот, кто сотворил все это, по-прежнему где-то рядом.

— Хи-хи-хи, — раздалось позади.

Эрван испуганно обернулся, но так и не нашел смеявшегося. Кажется, эти звуки издавал ребенок, девочка. И она была совсем рядом, прямо перед носом. Но темнота бережно скрывала ребенка от посторонних глаз.

— Хи-хи-хи, — раздалось снова, но с большей громкостью.

Молодой человек ощутил новый приступ боли в области живота и, стиснув зубы, прижал руку к ране, надеясь хоть как-то утихомирить неприятные ощущения. Слегка успокоившись и восстановив дыхание, он вновь поднялся на ноги и выставил перед собой пистолет, готовясь в любой момент встретиться с «виновником торжества» лицом к лицу. Он рядом, Эрван это прекрасно знал.

— Тише, тише, — ее голос был бархатистым, по-матерински ласковым, и этот идеально вылизанный женский тембр в данный момент вызывал лишь тошноту, а не какие-то положительные мысли. — Иди вперед. Не бойся.

Раздался щелчок, словно кто-то включил свет. И действительно, с небес упал тусклый синеватый луч и осветил мужскую фигуру, которая находилась прямо посередине озера в подвешенном состоянии. Сначала могло показаться, что этого человека держат тоненькие веревочки, но, присмотревшись, Эрван понял, что тот парит без какой-либо помощи. Этим мужчиной оказался Джордж, хотя Джеффа это не сильно удивило, он явно был готов к подобному представлению и заранее подготовил себя эмоционально, так как ничуть не отреагировал на увиденное, оставил лицо невозмутимым. Вокруг Джорджа плясали куски людей, маленькие, иногда средних размеров. Издалека они напоминали камни или даже птиц, так как на них свет совершенно не падал, а лишь освещал совершенно не поврежденное тело Джорджа.

Она сидела около Майлза, поджав под себя ноги. Сначала женщина казалась крохотным ребенком, но затем вытянулась, как по волшебству, и поднялась, но так и осталась стоять спиной к Эрвану, будто боялась, что тот увидит ее лицо. Длинные волосы незнакомки переливались рыжими оттенками, были такими гладкими и ухоженными, что их с легкостью можно было спутать с лисьей шерстью. Тело женщины полностью обнажено и оказалось таким идеальным, что сложно было поверить, что оно существовало на самом деле. Холод окрасил ее кожу в белый оттенок с небольшим румянцем и милovidными покраснениями, что говорило о том, что Она ощущала холод, боль, как и обычный человек, но по какой-то причине терпела мучения и не двигалась с места.

— Ты пришел, чтобы убить меня? — едва слышно прошептала она и слегка повернула голову в сторону Эрвана.

Ее лицо притягивало, восхищало. За восемь лет образ этой девушки не претерпел каких-либо изменений, что отчасти даже пугало. Она скромно улыбнулась и закрыла рукой упругую грудь, хотя и не собиралась поворачиваться к молодому человеку. Эрван не думал опускать пистолет, Она находилась под прицелом все это время, и пуля, оголодав, так и норовила вырваться наружу и с хлопком врезаться в это идеальное женское тело, чтобы пронзить насквозь.

— Как это глупо, — внезапно хмыкнул темноволосый мужчина. — Превращаться в девушку, которую я люблю, чтобы вызвать во мне чувство жалости.

— Я принимаю облик того, кого хочет видеть он, — Она указала на Джорджа. — Именно он хочет видеть меня такой, а я лишь исполняю его желания. Потому что стала частью его разума, его мыслями и чувствами. И ты ничего не сможешь исправить, даже если захочешь. Чтобы избавиться от меня, тебе нужно убить и его тоже. Другого пути нет. А ты, Эрван, это прекрасно осознаешь, — женщина громко засмеялась и впервые повернулась в сторону молодого человека, старательно прикрывая свои откровенные места. — Хваленная любовь. Она способна погубить даже самого сильного человека, превратить воина в жалкое

создание. Ты обрел силу, но она ничто в сравнении с чувствами, которые тобой движут. Пытаешься быть эгоистом? Как это глупо!

— Мне тебя очень жаль, — Эрван изобразил на лице сочувственную улыбку и осмелился ступить на гладкий лед, существенно сократив дистанцию между собой и Она. — Я не хочу причинять тебе боль, даже желаю помочь. Но ты не оставляешь выбора. Ты убила слишком многих ради своих, как ты говоришь, высших целей.

— Помочь мне?! — залилась поистине зловещим смехом та и перестала закрывать свою грудь рукой. — Ох, Эрван. Какой же ты жалкий. Какой уязвимый. В тебе нет ничего, что могло бы вызвать уважения. Тебя легко сломить. И твои люди не смогут помочь тебе. Ты обречен остаться один. А рядом будут лежать разорванные тела тех, кого еще вчера называл семьей.

Эрван громко вздохнул, можно даже сказать, наигранно. Затем резко нажал на курок, но дуло пистолета направил не на женщину, а прямо на Джорджа. Пуля радостно вылетела из дула и со свистом врезалась в тело русоволосого молодого человека. Майлз даже не шелохнулся, не ощутил, как металлический предмет застрял в его организме и разорвал мягкие ткани. Она тут же исчезла в облаке густого тумана. Джордж тем временем лишился способности левитировать и рухнул вниз, пробив широкой спиной тонкий лед, который сразу же после этого замерз, закрыл двери в подводное царство.

Джефф отбросил пистолет в сторону, с отвращением, будто все это время держал в руке ядовитую змею. Затем бросился к середине озера, стараясь бежать осторожно, чтобы не поскользнуться на гладкой поверхности. Лед был таким прозрачным, что увидеть еще не успевшее опуститься на дно тело Джорджа не составило труда.

— Какой же ты слабый! Какой уязвимый! — засмеялась Она где-то поблизости, но больше не осмелилась показаться. — Любовь погубит тебя. Она стала твоим злейшим врагом. Неужели ты этого не замечаешь?

Молодой человек сжал кулак правой руки и принялся с обезумевшим выражением лица и надрывными криками бить по поверхности льда, разбивая костяшки пальцев в кровь. Лицо Джорджа находилось настолько рядом, отчего казалось, что еще немного и до него можно будет дотронуться рукой. Через пару мгновений лед не выдержал натиска и треснул, дав Эрвану возможность погрузиться в ледяную воду, что тот, собственно, и сделал.

Тело Джорджа, достигнув определенной точки, стало резко падать на дно камнем, отдаляясь от Эрвана все сильнее и сильнее. Но Джефф не собирался отступать и вылезать из воды. Он напряг все свое тело и стал двигаться настолько быстро, что его с легкостью можно было спутать с голодной акулой, что наткнулась на вкусную жертву. Проплыв под водой достаточно большое расстояние, оказавшись настолько далеко от поверхности, что тело Джорджа уже практически не было видно, он не остановился ни на миг, даже не обращал внимания на почти полностью закончившееся запасы воздуха. Еще немного, и он нащупал руку Майлза, потянул ее на себя и устремился вверх, таща за собой довольно тяжелое мужское тело. Добираться до поверхности оказалось гораздо труднее, чем спускаться ко дну. Вода будто стала кирпичной стеной, которая мечтала раздавить обоих молодых людей и придавить к песчаному дну. Но сил Эрвана, к счастью, хватило, чтобы справиться с яростью подводного мира и вновь оказаться на поверхности.

Найти пробитое во льду отверстие оказалось не так уж и трудно. Через него проникал достаточно яркий свет, и этот свет принадлежал солнцу, вечернему, которое вновь вернулось к ним, решило сдвинуть ночь на более позднее время. Эрван с жадностью заглотнул

кислород и провел свободной рукой по лицу, чтобы очистить его от обилия влаги, что мешала свободно открыть глаза. Выбравшись из воды, он занялся Джорджем и из последних сил помог тому оказаться на суше. Как оказалось, Майлз неожиданным образом пришел в себя и, фактически, сам спас себя от лап Посейдона. Эрван в данный момент был слишком ослаб для подобного и не смог бы даже на сантиметр поднять мужское тело из толщи ледяной воды без содействия самого утопающего.

Оба упали на спину и стали очищать свои легкие от лишней жидкости, которой там накопилось достаточно, чтобы убить молодых людей даже на суше. Эрвану было хуже всего. Его рана принялась кровоточить с новой силой, и он практически не был способен видеть перед собой что-то, что не было бы размытым до безобразия, как если бы он смотрел на мир через запотевшие очки. Рана на теле Джорджа, как оказалось, затянулась, едва мужчина соприкоснулся с воздухом.

Майлз в испуге склонился над Эрваном и принялся дрожащими руками ощупывать его рану.

— Надо найти лекарство, — слабым голосом прошептал Джефф и сжал руку Джорджа, будто боялся снова упасть в воду и не доверял прочности льда под ними. — У нас мало времени. Она может вернуться. Ты нужен Ей. Пожалуйста, поторопись, — Эрван тяжело закашлял и откинул голову назад, окончательно ослабев.

Но Джордж даже не шелохнулся, продолжал сидеть на коленях перед ним и ошарашенно глядеть на рану темноволосого мужчины, будто никогда прежде не видел ничего подобного и до этого происшествия даже не имел понятия, как выглядела человеческая кровь. Но это состояние продлилось у него не слишком долго, но достаточно, чтобы Эрван окончательно стих и лишился сил даже произнести хотя бы коротенькое словечко. Джордж положил свои руки на живот Джеффа и напряг их, отчего каждая мышца увеличилась в размере и стала выпирать наружу, чуть не разрывая собой тонкий слой кожи. Послышалось шипение, и из ладоней молодого человека стала сочиться черная вязкая жидкость, которая расползлась по ране Эрвана и стала зашивать ее в буквальном смысле этого слова. Джефф облегченно выдохнул, явно расставшись с дикой болью во всем теле, и спокойным взглядом посмотрел на небо, на котором по-прежнему висело вечернее солнце и не собиралось никуда уходить.

Они миновали несколько улиц и выбежали на просторную набережную, которая дала Татьяне небольшую поблажку, потому что здесь людского потока было несколько меньше, из-за чего не упускать из вида эту таинственную брюнетку стало не так тяжело. Незнакомка не собиралась останавливаться, даже не сбавляла скорость, чего не скажешь о рыжеволосой женщине, ведь та попросту не привыкла к подобным нагрузкам. Хотелось остановиться, выстрелить этой бегунье в ногу, а потом спокойно нагнать без излишних мучений. Но та бегала так, будто заранее знала, что в нее могут выстрелить и лишиться возможности скрыться, поэтому не двигалась по прямой, а совершала частые маневры, что делало прицеливание из пистолета, фактически, невозможным. Да и Татьяна не имела права пускать пулю, так как не имела ни малейших доказательств, что могли бы объяснить столь странное поведение худощавой брюнетки. Что-то эту знакомку напугало. Возможно, она даже не знала, что в квартиру вошла именно Татьяна.

Что если брюнетка испугалась того же, что напугало Хапперт в уборной? Ведь на дне душевой лежала именно мужская кожа. Татьяна это поняла не сразу, лишь спустя какое-то

время. Обрывки человеческих тканей имели слишком грубую основу, да и волос на них было многовато, особенно на лоскутках кожи, что раньше явно находились на ногах. К тому же по виду этой женщины не скажешь, что именно она содрала с несчастного кожный покров. Слишком чистой была она, даже чище, чем Татьяна. Видимо, брюнетка там что-то искала. Но тогда почему убегает?

Их марафон продолжился на мосту, что был перекинут через наполовину растаявшую Темзу. Запах талой воды, канализации и плесени моментально обжог ноздри и заставил невольно закашлять прямо во время бега, что не на шутку затруднило дыхание и едва не вынудило Татьяну остановиться и упустить свою цель. Но остановиться пришлось все равно, так как это же сделала брюнетка, достигнув середины моста, затем она повернулась лицом к детективу и удивленно расширила глаза, в которых читалась паника и беспокойство.

Брюнетка оказалась довольно приятно наружности, на вид ей было около тридцати, может чуть меньше. Длинные каштановые волосы развивались на ветру с такой силой, будто приближался самый настоящий ураган, хотя сила ветра была не такой уж и великой (хотя на середине моста могла быть и сильнее, чем там, где сейчас стояла Татьяна).

— Кто вы?! — пытаюсь восстановить дыхание, спросила брюнетку Хапперт и стала медленно приближаться к ней, но при этом опустила пистолет, больше не наблюдая угрозу в этой девушке. — Зачем убегали от меня? Что вы делали в квартире Себастьяна?

— Я убегала не от вас, эти люди уже рядом. Они нашли меня из-за вас. Но в этом нет вашей вины. Я совершенно не ожидала вашего появления, Татьяна.

— Откуда вы знаете мое имя? Что вы делали в квартире господина Морана? Ответьте! — Татьяна стала приближаться к девушке еще сильнее и ощутила, что ветер на середине моста действительно был в несколько раз мощнее. Если бы она не затянула свои волосы в конский хвост, то они наверняка закрыли бы ее лицо и лишили возможности что-либо видеть. — Кто вы?

— Мы искали одного и того же человека. Но он ушел задолго до нашего появления. Мои опасения сбылись. Случилось нечто ужасное, — брюнетка старалась говорить как можно громче, так как проезжавшие по мосту автомобили создавали невыносимый шум и гам. — Община не допустит, чтобы я рассказала всему миру правду, правду об их деяниях. Вы много не знаете, Татьяна. И пока не знаете меня. Но скоро все изменится. Совсем скоро. Я вам обещаю.

— Я вас не понимаю! — Татьяна пыталась перекрикивать ветер и машины, но понимала, что с трудом слышала даже саму себя. — О какой правде вы говорите?!

— Они контролируют наше сознание, используют его для управления целыми странами. Они наблюдают за вами, стоят за вашей спиной. И не позволят, чтобы вы раскрыли их секрет. Именно они отстранили вас от расследования. Вы стали им мешать. Рано или поздно они уберут вас, если не остановитесь.

Татьяна услышала шаги позади себя и звук остановившихся машин. Обернувшись, она пронаблюдала, как их со всех сторон стали окружать вооруженные люди, которых интересовала не Хапперт, а только эта таинственная брюнетка, что стояла у края моста и в страхе смотрела, как ее загоняют в угол, как какого-то волка, осмелившегося напасть на беззащитных овец.

В этот же момент шум ветра заменился каким-то гулом. Он напоминал звук церковных колоколов, которые поместили в гигантскую стеклянную банку, так как эхо от этого гула было способно разбить окна во всем городе. Когда гул слегка утих, машины на мосту

неожиданно обрели разум и стали двигаться в хаотичном порядке. Автомобили принялись сбивать друг друга, превратив мост в настоящее поле битвы. Татьяна чудом успела отскочить в сторону, когда одна из машин пробила ограждение и выехала прямо на место для пешеходов. Вооруженные люди явно запаниковали и стали о чем-то оживленно говорить, но снижать интерес к брюнетке не стали и пытались обойти весь этот хаос стороной, чтобы добраться до несчастной до того момент, пока та вновь не пустилась бежать от них прочь.

Татьяна посмотрела на противоположный берег, где виднелась оживленная проезжая часть, и поняла, что там, как и на мосту, машины лишились управления и стали таранить друг друга. Людские крики слышались даже отсюда, и их было там много, будто кричал весь город, каждый его житель. Через пару секунд раздалось несколько взрывов, и Хапперт увидела, как целая улица окрасилась в рыжие тона из-за возникшего на ней пепелища. Она не знала, что именно вызвало взрыв и пожар, но последствия данного происшествия были катастрофическими.

Брюнетка тем временем перелезла через ограждение, отделявшее мост от реки, и, в последний раз взглянув на Татьяну, спрыгнула вниз. Хапперт была так поражена случившемся, что не сразу почувствовала, как кто-то сзади оглушил ее ударом по голове и вынудил женщину без сознания рухнуть на землю.

Последнее, что она слышала, был взрыв, более мощный, чем предыдущий. А после наступила полная тишина, настолько мертвая, что даже стук сердца остался где-то в другом измерении.

Эрван уже и забыл, когда в последний раз носил на голове шапку, особенно такую теплую и задевающую его длинные брови. Но сегодня без нее его волосы наверняка бы оледенели, превратились в сосульки и сломались от обычного соприкосновения с воздухом.

На Лондон обрушилась зима, самая настоящая, без преувеличения. Отметка на термометре показывала минус тридцать градусов по Цельсию и продолжала падать с каждым часом, обещая установить рекордный температурный минимум. То, что вчера растаяло, как и ожидалось, утром застыло, превратив улицы огромного города в гигантскую резиденцию Снежной королевы. Но спустя пару часов с небес посыпался снег и прикрыл своим толстым одеялом скользкий лед.

В больнице было ничуть не теплее, чем снаружи. Хотя внутри и была включена система отопления, но она оказалась совершенно бесполезной при таком морозе. Поэтому весь медперсонал под белые халаты нацепил на себя парочку свитеров и несколько штанов, чтобы не принять облик вырезанной изо льда статуи.

Но Эрван почему-то не ощущал всего этого холода. Возможно, из-за предстоящей встречи, ведь она была настолько волнительной, отчего даже свидание с английской королевой вызовет меньше эмоций, чем это. Волосы под шапкой вспотели, но молодой человек не решался снимать головной убор. Наверное, у него поднялась температура, он захворал или что-то вроде того. Но пылавшая радость внутри не давала думать о недуге, а только о человеке, что вот-вот возникнет перед ним. Он сидел в коридоре и ждал, терпеливо и настойчиво. Все это время Эрван судорожно кусал ногти, ломал их, пытаясь хоть как-то успокоиться, но не выходило.

Тем временем в коридоре стало еще холоднее, отчего у каждого из людей, находившегося здесь, изо рта при каждом вдохе начинали выскакивать клубы пара, настолько густые, что даже грозовые тучи были прозрачнее.

Через несколько минут к нему подошел врач, который, наверное, ограбил магазин свитеров, ибо на нем их было штук десять, если не больше. Мужчина все время топал ногами, пытаясь отогнать от пяток холод, и этим затруднял беседу, ибо шум его каблуков заглушал каждое слово.

— Мы провели анализ крови, — хриплым голосом произнес человек в белом халате и достал откуда-то из воздуха медицинскую карту одного из своих пациентов. — И результаты, если выразиться мягко, шокировали нас, так как не совпадают с тем, что ее лечащий врач наблюдал ранее. Сначала мы заподозрили ошибку. И я даже лично провел повторный анализ. Все совпало.

— Она полностью здорова? — Эрван задал вопрос таким образом, что это стало звучать, как утверждение. — Ведь так?

— Именно. Но мы не можем ее отпустить. Надо пронаблюдать за ней хотя бы какое-то время. Не бывает такого, что после подобного приступа раковые клетки внезапно исчезли из ее организма. Скорее произошло что-то, чего мы еще не знаем. Поэтому не можем оставить это дело, вот так, без выяснения обстоятельств. Еще ни один человек не излечивался от рака за один день. Особенно если стадия рака была одна из последних. И вы, как супруг должны это прекрасно понимать. Я осознаю вашу радость, — доктор не мог не заметить резко выросшую в размерах улыбку Эрвана. — Но настаиваю, чтобы вы дали согласие на

госпитализации вашей жены. Это предельно важно для Татьяны. Надеюсь, мы найдем общий подход, господин Хапперт.

— Надеюсь, — пожал плечами тот. — Я могу ее увидеть?

— Конечно. Выйдите в коридор и зайдите в третью палату. Мы вкололи ей снотворное, так как она не спала практически всю ночь. Поэтому советую вам не будить супругу. Падение было сильным. И нам повезло, что она отделалась обычными ушибами.

Искать палату долго не пришлось, так как именно из этой палаты шел так хорошо знакомый запах ее тела, напоминающий аромат спелой черешни. Татьяна лежала на спине, повернув голову слегка набок, и тихо сопела, совершенно бесшумно, будто притворялась и на самом деле бодрствовала. Девушка выглядела достаточно свежо, белая кожа вымыта до блеска, а пижама кремового цвета сливалась с телом, из-за чего могло ошибочно показаться, что женщина лежала в кровати полностью обнаженной (хотя Эрван был бы ничуть не против, если бы это оказалось правдой). Длинные волосы Татьяны так идеально лежали на кровати, будто их специально расчесывали и укладывали перед этим, как если бы после сна женщина собиралась пойти на важное мероприятие.

Эрван сел на стул рядом с кроватью и стал вглядываться в ее гладкое лицо, в эти правильные черты. Длинные ресницы поблескивали в свете электрической лампы, словно на них лежали капельки росы, они дрожали и иногда приподнимались, отчего могло привидеться, что женщина медленно открывает глаза. Губы были поджаты, нижняя губа находилась между зубов, но изредка возвращалась на место, становясь настолько красной, словно на нее нанесли непростительно большое количество помады.

Молодой человек снял шапку и куртку, оставшись в одном лишь свитере с длинным воротом. Отряхнув штаны от влаги, которая еще недавно была снегом, он подошел к двери и закрыл ее, чтобы никто их не беспокоил. Снаружи находилось слишком много людей, а любопытные взгляды чересчур нервировали. После Эрван взерошил свои чуточку влажные волосы, которые из-за шапки прилипли к голове, затем вернулся к стулу и вновь опустился на него.

— Я так долго ждал этой встречи. Как и ты, — прошептал он и понял, что вот-вот заплачет. Еще никогда не было так трудно подавлять слезы. Но тем не менее он пытался держать себя в руках и выглядеть, по обыкновению, равнодушно. — Мы оба прошли через все круги ада, искали что-то, чего нет. И теперь мы здесь, совершенно ничего не имея от этих долгих продолжительных поисков. Я виноват перед тобой. И ненавижу себя за то, что оставил одну. Хотя клялся быть рядом, — Эрван опустил на колени перед ней и зарылся лицом в ее ладонь. — Ты не представляешь, как сильно я ждал этого дня. Как мечтал вновь ощутить твой запах, увидеть твою улыбку, глаза, — он провел пальцем по ее вновь вернувшейся на место нижней губе. — Но теперь... Теперь... Я всегда буду рядом. И никуда не уйду. Обещаю. Больше ты не останешься одна. Никогда. Когда ты проснешься, все плохое останется позади.

Неожиданно дверь палаты отворилась и на пороге возник высокий мужчина с гладко выбритой головой, который держал в руке какой-то сверток. Эрван спокойно обернулся и лишь кивнул ему. Тот нарисовал на лице смущенную улыбку и, пройдя в палату, положил сверток на подоконник, но затем направился к молодому человеку, даже не обращая внимания на то, что тот начал злиться из-за его затянувшегося присутствия.

— Я просил не беспокоить меня, — по-змеиному прошипел Джефф, но по глазам этого человека понял, что тот хочет сообщить что-то важное, но не в присутствии Татьяны. — Что

случилось? — Эрван с большой неохотой выпрямился и, с грустью поглядывая на рыжеволосую девушку, вышел с лысым мужчиной в коридор. — Я слушаю.

— Сюда заявился ее напарник. Себастьян Моран. Хочет увидеть ее.

— Черт, — выругался тот и скрестил руки на груди. — Не пускайте его. Запретите пускать к ней всякого, кроме меня. Это приказ.

— Как скажешь, — кивнул тот. — Но советую тебе здесь не слишком долго задерживаться. Не стоит привлекать внимание. Этот Себастьян может серьезно подпортить твою алиби.

— Не волнуйся. Я сделаю все, чтобы этот детектив забыл о ней. И не позволю ему приблизиться к ней даже на шаг, — Эрван нажал на ручку двери и собрался вновь вернуться в палату. — Выпроводите его и ничего не говорите. Он не должен ничего узнать.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте — Knigoed.net